Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (69)

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Когнитивные исследования языка

Выпуск 4 (69)

Москва – Тамбов
2026

УДК 40
ББК 80
К57

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-89450 от 06 мая 2025 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2026 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Виноградова С.Г., доктор филологических наук (зам. гл. редактора);
Ирисханова О.К., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Заботкина В.И., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Киосе М.И., доктор филологических наук, доцент (отв. секретарь выпуска);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь).

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 –
К57

Для цитирования: *Фамилия и инициалы автора.* Название статьи // Когнитивные исследования языка. 2026. Вып. 4 (69). С. …

УДК 40
ББК 80

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2026
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2026

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION
MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 4 (69)

Moscow – Tambov
2026

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.
Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-89450.
The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2026. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Vinogradova S.G., Doctor of Philology (deputy editor-in-chief);
Iriskhanova O.K., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);
Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;
Zabotkina V.I., Doctor of Philology, Professor;
Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;
Panasenko L.A., Doctor of Philology;
Potanina N. L., Doctor of Philology, Professor;
Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;
Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Kiose M.I., Doctor of Philology, Associate Professor (volume secretary);
Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary).

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008 – .

For citation: *Author's last name and initials.* Article title // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2026. № 4(69). P. …

© FSBEI HE «Derzhavin Tambov State University», 2026
© The Russian Cognitive Linguists Association, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 21

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Александрова О. В. Скрытые смыслы и их языковое представление в дискурсе . 23
Беляевская Е. Г. Фреймовая структура адъективной семантики: к вопросу о разных типах фреймов. 27
Болдырев Н.Н. Многоаспектность когнитивных и языковых структур и их взаимодействие 33
Golubkova E.E. Semantic anomalies or cognitive shortcuts: a cognitive-linguistic analysis of misnomers in English 38
Демьянков В. З. Когниция и коммуникация намеков 43
Заботкина В.И. Концептуальное проецирование vs. контекстуальное проецирование: манипулятивный аспект 53
Зыкова И. В. Функциональная эквивалентность идиом как результат лингвокреативной деятельности естественного vs. искусственного интеллекта . 57
Ирисханова О. К. Интермодальная адаптация в дискурсе, содержащем аргументацию: методология анализа. 65
Краева И. А. Тенденции развития категории ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке 75
Манерко Л. А. Концептуальное переосмысление языка, человека и его сознания в специальных областях знания: ретроспективный и современный аспекты 80
Постовалова В.И. К семиологическим истокам современной когнитивной лингвопрагматики. Образ прагматики в воззрениях Ю. С. Степанова 87
Фурс Л.А. Особенности формирования оценочных векторов в медиадискурсе: когнитивный подход. 95
Julio Madera Quintana. Can machines think? Linguistics facing the challenge of artificial intelligence 100

ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анищенко А. В. Когнитивные механизмы эмоционально-оценочной перспективы в нарративах устной истории (на материале маркера Angst) 109
Блинникова И. В., *Блинников Г. Б.* Последовательное воспроизведение историй на родном и иностранном языках 113
Голубина К. В., *Голованова Е. В.* Когнитивные стратегии переводчика РЖЯ: влияние орализма на восприятие и репрезентацию жестового языка в переводе 118
Евдокимова А. А. Диминутивы и жесты головы на занятиях в зуме 123
Игнатенко М. П. Паузация и просодия речи у русскоязычных пациентов с афазией 128

Клещельская А. Д. Концептуальные метафоры медицинского дискурса, конструирующие профессиональные отношения врача и пациента 133
Колесникова А. Б., *Николаева Ю. В.* Количественные характеристики жестикуляции при афазии 137
Ламакина Т. Н. Вербальные и жестовые средства для реализации успешной онлайн коммуникации 141
Маланчук И. Г. Логические операции отрицания и позитивизации в раннем онтогенезе: когнитивное конструирование реальности, коммуникации и языка 146
Марченко О. П. Телесная вовлеченность глаголов при использовании иностранного языка 151
Меликян М. В. Конструирование фрейма «ИГРА В БАСКЕТБОЛ» в немецкоязычной аудиодескрипции 155
Миргород М. В. Вербальная метарепрезентация как когнитивно-лингвистический механизм концептуального изменения в дискурсе коуч-сессий 160
Ларина О. В. Опыт проведения когнитивного онлайн-эксперимента на платформе COGNITION.RUN 166
Леонтьева А. В., *Харитонова В. Д., Макунина Т. М.* Использование классификаторов как маркер лингвистической креативности в русском жестовом языке 171
Миронова А. А. Каузальные аргументационные схемы в экспертных видеоблогах на РЖЯ: от объяснения к воздействию 175
Потехин В. О. Иконическая репрезентация локальной структуры дискурса в полимодальном поведении инофонов 180
Прокофьева О. Н. Конструирование образа семьи при помощи образ-схемы LINK в русскоязычном полимодальном дискурсе носителей киргизского языка 185
Ратанова П. В., *Биляллова Д. Д., Ермакова Н. И.* Описание особенностей спонтанной речи при небеглой афазии 192
Харитонова В. Д. Анализ лексических интенсификаторов в русском жестовом языке на примере жеста «очень» 198
Цибуля Н. Б. Роль интонации, смысла фразы и телесного движения в формировании ситуативных действий (на материале английского кинодискурса). 203

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Азарова Н. М. Когнитивные основания восприятия оперы в отсутствие перевода 209
Вдовиченко А. В. Клише в слово-содержащем семиотическом действии на фоне оппозиции собственного и коммуникативного значений слова. 214
Гуреев В.А. Феномен языкового эгоцентризма через призму когнитивной лингвистики и когнитивной психологии 224
Гусейнова И.А. Лингвокогнитивные стратегии воссоздания темпоральной матрицы в тривиальной литературе (на материале российской детективной серии «СМЕРШ») 229

Евграфова Ю. А. Доминанты смыслопорождения в АСМР-дискурсе (на материале ролевых АСМР-видео) 234
Землякова К. В. Когнитивно-семантическая структура дискурсивного события «Психологическая помощь» в интернет-дискурсе 240
Ионова М.А. Развернутая метафора как способ вторичной интерпретации эмоций 245
Калинин О. И., *Шермазанова С. В.* Смысловая динамика концепта ДОЛГ в языковом сознании носителей русской лингвокультуры 250
Калинина Ю.М. Ментальная репрезентация образа семьи в творчестве В.С. Токаревой на примере повести «Я есть. Ты есть. Он есть»: интегративный анализ 254
Клепикова Т.А. Триггеры развития языкового сознания: ad hoc концептуализация и категоризация 261
Никуличева Д. Б. Датский коммуникативный менталитет и позиция Дании по американо-гренландскому вопросу 266
Нурутдинова А. Р. Формирование инвертированного оценочного концепта МОЛЧАЩИЙ КАК СУБЪЕКТ СКРЫТОЙ УГРОЗЫ 273
Передриенко Т. Ю. Синестетическая метафорика запахов: лингвокогнитивный анализ 278
Помуран Н. Н. Когнитивно-лингвистическая диагностика профессионального сознания 283
Федяева Е. В. Язык и сознание в контексте культурного суверенитета 288
Чуксина Е.А. Языковая интерпретация события переживания страха как основного и неосновного события 292
Ян Сяоцин. Рецепция русской классики в китайской литературе как процесс когнитивного и лингвопоэтического перекодирования 297

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

Блинова О.А. Маркеры валлийского регионализма в мультимодальном медиадискурсе (на примере политической карикатуры) 302
Вдовин И. М. Полимодальный анализ динамики выдвижения аудиального и визуального компонентов видеоклипа (на материале поп- и рок-композиций) 307
Гришаева Л.И. Книжная обложка как часть текстового пространства . . 312
Грищева В.В. Лингвокогнитивная специфика телесного кода в невербальном дискурсе англоязычной пьесы: полимодальный аспект . . 317
Зимина М.В., Цветкова *С.Е., Солуянова О.Н.* Фразеологизмы с лингвокультурным компонентом в английском языке (с примерами из кинодискурса) 322
Канашина С.В. Лингвокогнитивный потенциал эмодзи в англоязычном репликативном медиадискурсе 326
Kulidzhanyan S.S. The specificity of phraseologisms' reproducibility in cinematic discourse (based on British comedy films) 331
Найок О.Б. Коллаж в смысловом пространстве журналистской колонки . . 336

Парамонова М.И. Специфика метафорической репрезентации американо-ирано-израильского конфликта 2026 года в англоязычных поликодовых медиатекстах 341
Попова Г.Е. Речекогнитивная интеракция: интерперсональная и метадискурсивная интерпретанты 346
Толстых О.А. Основные когнитивные механизмы литературного подкастинга как полимодальной формы коммуникации 351
Усманова Л.А. Сновидческий нарратив в цифровой среде: полимодальная когниция, коммуникация и процессы конструирования знания 356
Чжан Ли. Мультимодальное взаимодействие текста, иллюстраций и паратекста в китайском переводе повести Н. Дашевской «Тео – театральный капитан» 360

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бармин А. В. Интеграция сетевого и дистрибутивного подходов в обработке текстовых данных 365
Воронцова Ю. А. Особенности конструирования смысла в интернет-коммуникации (на примере комментирующих высказываний) 371
Донина О.В. Цифровые методы верификации имен-эталонов лексических классов 376
Дроздова Т.В., Галичкина *Е.Н.* О некоторых объектах когнитивной лингвистики в аспекте формирования новой реальности 381
Дубровская О.Г. Об универсальных характеристиках естественного интеллекта (на материале языковых данных) 386
Закурдаева Н.В. «Цифровая» постидеология: механизмы конструирования убеждений в алгоритмически фильтруемой языковой среде 391
Изюмская-Капитонова В.В., Стефанишина *Е.И.* Соотношение сетевых сообществ и лексико-семантических признаков заимствований из русского языка в киргизском 396
Киосе М. И. Культурные модели и их установление в корпусных данных 401
Кремнева А.В. Интерпретация семантики прецедентных текстов массовой культуры: версия Giga chat 409
Сергиенко П. И. Категоризация глагольных форм в англоязычном PR дискурсе 414
Сидоров К.А. Языковые дистрибутивные модели как способ изучения принципов категоризации 419
Шадрина О.В. Корпусный подход к выявлению метафорически мотивированных терминов в англоязычном дискурсе искусственного интеллекта . 424
Шершукова О.А. Что век цифровой нам готовит: о тенденциях развития португальского языка 429
Яковлева И.В., Яковлева *Т.А.* Применение методов математического анализа для исследования лексико-грамматических особенностей употребления глаголов речи в конструкции с прямой речью 434

ПРОЦЕССЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ И ЦИФРОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА

Абрамкина А.С. Когнитивно-лингвокультурологический анализ имен собственных в дискурсе онлайн-игры League of Legends 440
Анисимов В. Е., *Анисимова Е. Д.* Трансформация прецедентных имен в рамках формирования категории вторичной реальности: лингвокогнитивный анализ . . . 444
Голубкова Е.Е., Захарова *А.Г.* Прецедентное имя COCA-COLA как когнитивный эталон: механизмы аксиологического моделирования и трансляции культурных кодов 449
Гусева О. А., *Щербань О. В.* Концепт СКУКА в устойчивых выражениях 454
Корнева В. В. Топоним словно айсберг в медийном пространстве 458
Минченков А. Г., *Мишакова Н. В.* Концепт NORM: возможности корпусного и тезаурусного анализа 463
Николаенко А. В. Особенности вербализации функциональности в современном французском языке (на примере пространственных предлогов *à, en*) 467
Огнева Е. А. Когнитивно-дискурсивные аттракторы цифровой маршрутизации в музее-заповеднике «Прохоровское поле» 472
Орлова О. С. Основные стратегии перевода эвфемизмов (на материале интерактивных онлайн-словарей) 477
Овсейчик Ю. В. Когнитивно-семантические сдвиги в системе периферийных средств сочинительной связи 481
Осипов Д. С. Оценка объектов концептуальной области ЧЕЛОВЕК средствами лексической категории «природные явления» в современном английском языке . . . 486
Петракова Ю. И. Взаимодействие ассоциативного механизма и семантики производящей базы в словообразовании 491
Степаненко С.Н. Языковая интерпретация количества (на примере английских паремий с числовым квантификатором) 496
Стефанович М. В. Концептуализация опыта и роль метонимии в организации наречий на -ly 501
Фомина М. А. Особенности семантики русских безличных моделей, репрезентирующих ситуацию желательности 506
Шевелева Е.О. Объективация концепта ИСТОРИЗМ членами лексической категории разной частеречной принадлежности 511
Шевелева Е. О., *Бондарчук Г. Г.* О роли внутренней формы слова в архаизации лексики английского языка: когнитивный взгляд 516
Шелепова Н. В. Лингво-когнитивное моделирование как предмет изучения . . . 520
Шемчук Ю. М. Параллельные номинации как форма выражения категории тождества на лексическом уровне языка 525
Ширшиков В. Б. Лексикографическая репрезентация транспортной сферы: процессуально-сценарный аспект 529

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

Бочкарев А. И. Аксиологический статус нехудожественного камео в американских ситуационных комедиях 534

Волкова Е. В. Трансформация концепта ПРАГА в британских переводах поэм М.И. Цветаевой 539
Дербишева З. К., *Хулхачиева Ж. С.* Модификации областей знания в заимствованной лексике как показатель дезинтеграции культур 544
Ильина Е. В. Когнитивная семантика онимов в заголовочном комплексе (на материале поэзии русского зарубежья) 551
Карпенко Е. И. Библейские сценарии немецкоязычной поэзии XX века (к проблеме языковой трансляции культуры) 556
Колодяжная В. Н. Функционирование фатических элементов коммуникации в современном англоязычном политическом дискурсе 560
Королев С. В. Когнитивно-прагматический аспект репрезентации когнитивного механизма метафтонимии английскими сочинительными фразеологизмами 565
Косиченко Е. Ф. Темпоральная матрица жанра фэнтези (на материале фрагмента произведения Ф. Пулмана “The subtle knife”) 570
Кузьменко П. Б. Ономасиологические основания категории кажимости: корпусный анализ 575
Панасенко Л. А. К вопросу моделирования интерпретирующего потенциала концептуально-тематической области 581
Песина С. А. Особенности когнитивной деривации метафтонимических единиц в языке 586
Плисов Е. В. Концептосфера призыва в сфере религиозной коммуникации 591
Потанина Н. Л. Палимпсест и его функции в современном неклассическом дискурсе (на материале романа С. Фолкса «Неделя в декабре») 596
Робустова В. В. Специфика интерпретационного характера семантики имени собственного 601
Синьюй Му. Фреймовый анализ семантики глаголов со значением «достичь/достигать» в китайском языке 606
Толмачёва А. Г. Экспериенциальные эффекты как интерпретирующий формат знания в рекламном слогане (на примере концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК) 611
Толкачева Н. М. Когнитивные основы формирования аксиологических смыслов посредством аффиксации в политическом дискурсе 615
Черкасова Д. С. Манипулятивный потенциал новых эвфемизмов в современном английском языке: когнитивно-прагматический аспект . . . 620

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ КОГНИЦИИ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Абакумова О. Б., *Сачиви Акует Родольфо Жан Батист.* Репрезентация динамики концепта СЧАСТЬЕ в паремическом дискурсе (на материале русских, английских и африканских пословиц) 625

Бабаева Р. И. Индикатор конфликтогенности или «бумажный тигр» на пересечении культур 630
Баребина Н. С. «Это что еще за лавандовый Раф на кокосовом?»: суперфуд как маркер социальных трансформаций 635
Бобкова А. Концептуализация родственных отношений в казахской языковой картине мира: фреймовый подход и частотные характеристики 639
Бредис М. А. Лингвокультурная семантика нумеративов при характеристике концептосферы народа (на паремиологическом материале) 645
Глинская Н. П. Специфика терминологической репрезентации фармакологических знаний в англоязычных номинациях ионных каналов 650
Дубровская Е. М. Категоризация этнического пространства в русской паремиологии: дихотомия «свой – чужой» 654
Евтушенко О. В. Культурная модель еды в современном русском языковом сознании 659
Космарская И. В. Вектор «ПОДГОТОВКА К БРАКУ» как факультативный узел культурной модели «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ» 664
Магнес Н. О. Когнитивные признаки концепта WARATAH в австралийском варианте английского языка 668
Онал И. О. Реализация бинарной оппозиции «свой – чужой» в онлайн-отзывах турецких туристов о кордовской соборной мечети 672
Ржешевская А. А. Любимая и нелюбимая еда в России: анализ корпусных данных 677
Соколова В. Л. Особенности реализации концепта INTERPERSONAL RELATIONSHIPS в дискурсе англоязычных СМИ (на примере освещения трагедии в Tumbler Ridge) 682
Сувандии Н. Д. Роль буддийских личных имен в репрезентации концепта ВЕРА 687
Томская М. В. Культурные модели родства в русскоязычном устном дискурсе . 692
Цуканов М. В. Проявление нумерологического кода лингвокультуры в фразеологических единицах с количественным компонентом (на материале русского и английского языков) 697
Чжао Юаньцзэ. Социальная когниция и эмоциональные концепты: стратегии репрезентации ЛЮБВИ и НЕНАВИСТИ в русском и китайском бытовом дискурсе 702
Чуньюй Тянь. Репрезентация концептуальной пары ДУША и СЕРДЦЕ в русской фразеологии 705

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бабина Л. В., *Разумовская Ю. М.* Механизмы осмысления терминологических сочетаний с топонимами. 710
Bagiyan A.Y. Professional identity as a cognitive-discursive system of systems: projective MBSE modelling 715
Зуева И. В., *Ширяева Т. А.* Аббревиатуры как когнитивный инструмент в англоязычном инженерном дискурсе. 720
Инь Синьтин. Языковые средства конструирования мужских образов в русском и китайском медиадискурсе моды 725

Кравчук Ю.С. Юридизация политической лексики как объект междисциплинарного анализа (на примере терминов «дружественный»/ “friendly”) 729
Лю Минсюань. Терминологическая номинация в финансово-экономическом дискурсе в русском и китайском языках 734
Меньшова А. В. Оценка состояния физического здоровья человека: профессиональный vs непрофессиональный ракурс (на примере фразеологизмов русского и французского языков). 738
Миньяр-Белоручева А. П. Концептуальные метафоры дискурса профессиональной политической коммуникации 743
Молчанова В. А., *Вашунина И. В.* Стереотипные черты административно-педагогического дискурса 748
Ноздрина А. С. Бленды, бренды и тренды: лингвокогнитивный и лингвосемиотический аспекты изучения дискурса моды для музыкантов. . . . 753
Обухов Е. С. Термины децентрализованных финансов через призму когнитивной метафоры 758
Родионова Е. Р. Концептуальная структура англоязычных новостей науки (на материале британских и американских новостных изданий) 763
Рохлина Т. А., *Ерзылева А. А., Шалыгина Я. П.* Методологический потенциал когнитивной лингвистики в исследовании образа педагога в медиадискурсе . . 768
Самойлова В. В. Дискурсивные механизмы трансформации эвфемизмов в дисфемизмы 773
Сарма В. В. Метафорические модели в продвижении курортов: когнитивная легкость и формирование имиджа 778
Толмачева И.Н. Специфика языковой оценки качественных показателей результатов профессиональной научной деятельности 783
Файбушевский М.В., Киселева *С.В.* Специфика макрокомпозиции специального словаря сквозь призму когнитивной терминографии 788
Федотова Е. А. Когнитивное картирование на примере LSP «Промышленное рыболовство» (на материале немецкого языка) 792
Чан Цзин, Гончарова *Л. М.* Лингвоаксиологический характер российской и китайской рекламы сферы туризма: когнитивные механизмы воздействия 797

CONTENTS

PREFACE 21

NEW CHALLENGES OF COGNITIVE LINGUISTICS IN THE MODERN WORLD

Aleksandrova O. V. Hidden meanings and their linguistic representation in the discourse 23
Belyaevskaya E. G. Framework structures for adjectival semantics: on different types of frames 27
Boldyrev N. N. Multi-aspect character of cognitive and linguistic structures and their interaction 33
Голубкова Е. Е. Семантические аномалии или когнитивная экономия: лингвокогнитивный анализ «неправильных названий» в английском языке. 38
Demyankov V. Z. Cognition and communication of hints 43
Zabotkina V. I. Conceptual mapping vs. contextual mapping: the manipulative aspect. 53
Zykova I. V. Functional equivalence of idioms as a result of linguocreative activity of natural vs. artificial intelligence 57
Iriskhanova O. K. Intermodal adaptation in argumentative discourse: a methodological framework for analysis 65
Kraeva I. A. Trends in the development of the category of GRADATION in modern English 75
Manerko L. A. Conceptual transference of language, man and his consciousness in specialised knowledge domains: retrospective and modern aspects 80
Postovalova V. I. To the semiological sources of modern cognitive linguopragmatics. The image of pragmatics in the views of Yu. S. Stepanov 87
Furs L. A. Features of the evaluative vectors formation in media discourse: a cognitive approach 95
Хулио Мадера Кунтана. Могут ли машины мыслить? Лингвистика перед вызовом искусственного интеллекта 100

RESEARCH OF COGNITIVE PROCESSES IN SPOKEN COMMUNICATION

Anishchenko A. V. Cognitive mechanisms of the emotional-evaluative perspective *in oral* history narratives (based on the marker *Angst*) 109
Blinnikova I. V., Blinnikov *G. B.* The serial reproduction of stories in native and foreign languages 113
Golubina K. V., Golovanova *E. V.* Cognitive strategies of Russian Sign Language interpreters: the influence of oralism on perception and representation of sign language in interpreting 118
Evdokimova A. A. Diminutives and head gestures in the classes in Zoom 123
Ignatenko M. P. Pausation and speech prosody of Russian-speaking aphasia patients 128
Kleshchelskaia A. D. Conceptual metaphors construing doctor-patient professional relationship in medical discourse 133

Kolesnikova A. B., Nikolaeva Yu. V. Quantitative characteristics of gesturing in aphasia 137
Lamakina T. N. Verbal and gestural means for effective online communication 141
Malanchuk I. G. Logical operations of negation and positivization in early ontogenesis: cognitive construction of reality, communication, and language 146
Marchenko O. P. Embodiment of verbs in L2 151
Melikyan M. V. Framing the event structure BASKETBALL PLAY in the German-language audio description 155
Mirgorod M. V. Verbal metarepresentation as a cognitive-linguistic mechanism of conceptual change in the discourse of coaching sessions 160
Larina O. V. Conducting cognitive online experiments on COGNITION.RUN 166
Leonteva A. V., Kharitonova V. D., Makunina T. M. The use of classifiers as a marker of linguistic creativity in Russian Sign Language 171
Mironova A. A. Causal argumentation schemes in RSL expert video blogs: from explanation to persuasion. 175
Potekhin V. O. Iconic representation of local discourse structure in multimodal behaviour of L2 speakers. 180
Prokofyeva O. N. Family image construal through LINK image schema in Russian multimodal discourse of Kyrgyz speakers. 185
Ratanova P. V., Bilyalova D. D., Ermakova N. I. Developing a multi-layered annotation system for patients' spontaneous speech to assess therapy effectiveness in non-fluent aphasia 192
Kharitonova V. D. Analyzing lexical intensifiers in Russian Sign Language: a case of очень ("very"). 198
Tsibulya N. B. The role of intonation, meaning of the phrase and bodily movement in forming situational actions (based on English cinematic discourse). 203

COGNITIVE LINGUISTICS AND COGNITIVE PSYCHOLOGY: INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Azarova N. M. Cognitive foundations of opera perception in the absence of translation. 209
Vdovichenko A. V. Cliché in a word-containing semiotic action against the background of the opposition of the proper and communicative meanings of a word 214
Gureev V. A. The phenomenon of linguistic egocentrism through the prism of cognitive linguistics and cognitive psychology. 224
Guseynova I.A. Linguocognitive strategies in the construal of temporal matrix in belles-letters texts (featuring Russian detective series "SMERSH"). 229
Evgrafova Yu. A. Dominants of meaning generation in ASMR discourse (case study of role-playing ASMR videos). 234
Zemlyakova K. V. Cognitive-semantic structure of the discursive event "Psychological Help" in the internet discourse 240
Ionova M. A. Extended metaphor as a way of secondary interpretation of emotions . 245
Kalinin O. I., Shermazanova S.V. Semantic dynamics of the concept DUTY in the linguistic consciousness of Russian linguoculture speakers 250
Kalinina J. M. Mental representation of the image of a substitutional FAMILY in the works of V.S. Tokareva (on the example of the novel «I am. You are. He is») 254

Klepikova T. A. Categorial conflict as a driving force of linguistic cognition: pro and contra 261
Nikulicheva D. B. Danish communicative mentality and Denmark's position on the American-Greenland issue 266
Nurutdinova A. R. Formation of an inverted evaluative concept THE SILENT ONE AS A SUBJECT OF HIDDEN THREAT 273
Peredrienko T. Yu. Synesthetic metaphors of smell: linguocognitive analysis 278
Pomuran N. N. Cognitive linguistic assessment of professional consciousness 283
Fedyaeva E. V. Language and consciousness in the context of cultural sovereignty 288
Chuksina E. A. Verbal interpretation of the fear experience as a main and non-main event 292
Yang X. The reception of Russian classical literature in Chinese literature as a process of cognitive and linguo-poetic recoding 297

MULTIMODAL COGNITION AND COMMUNICATION

Blinova O. A. Welsh regionalism markers in multimodal media discourse (the case of political cartoons) 302
Vdovin I. M. Multimodal analysis of auditory and visual grounding in music videos: evidence from pop and rock 307
Grishaeva L.I. Book cover as part of the textual space 312
Grishcheva V. V. Linguocognitive specifics of body code in non-verbal discourse of English play: multimodal perspective 317
Zimina M. V., Tsvetkova S. E., Soluyanova O. N. Phraseological units with a linguocultural component in English (based on film discourse) 322
Kanashina S. V. Linguocognitive potential of emojis in English replicative mediadiscourse 326
Кулиджанян С.С. Специфика воспроизводимости фразеологизмов в кинодискурсе (на материале британских комедийных фильмов) 331
Nayok O. B. Collage in the semantic space of a journalistic column 336
Paramonova M. I. Peculiarities of the metaphorical representation of the 2026 US-Israel-Iran conflict in English-language polycode media texts 341
Popova G. E. Speech-cognitive interaction: interpersonal and metadiscursive interpretants 346
Tolstykh O. A. Key cognitive mechanisms of literary podcasting as a polymodal form of communication 351
Usmanova L. A. Dream narrative in digital discourse: polymodal cognition, communication, and knowledge construction processe 356
Zhang Li. Multimodal interaction of text, illustrations, and paratext in the Chinese translation of N. Dashevskaya's novella "Teo – the theatre captain" 360

ARTIFICIAL INTELLIGENCE, DIGITAL TECHNOLOGIES, AND COGNITIVE SCIENCES: NEW DIRECTIONS AND PROSPECTS

Barmin A. V. Integration of network-based and distributional approaches in text data processing 365

Vorontsova Yu. A. Features of the construction of meaning in internet communication (using the example of commenting statements). 371
Donina O. V. Digital verification of prototype nouns of lexical classes 376
Drozdova T.V., Galichkina E.N. On some objects of cognitive linguistics viewed from the perspective of new reality formation. 381
Dubrovskaya O. G. On universal characteristics of natural intelligence as they are represented in language 386
Zakurdaeva N. V. Digital post-ideology: mechanisms of constructing beliefs in an algorithmically filtered language environment 391
Izyumskaya-Kapitonova V. V., Stefanishina E. I. Network communities and lexical-semantic features of Russian loanwords in the Kyrgyz language: a comparative analysis 396
Kiose M. I. Cultural models and their identification in corpus data 401
Kremneva A. V. The interpretation of semantics of precedent texts of mass culture: GIGA CHAT version 409
Sergienko P. I. Categorization of verb forms in PR discourse 414
Sidorov K. A. Distributional language models as a tool for investigating principles of categorization. 419
Shadrina O. V. A Corpus-based approach to identifying metaphorically motivated terms in English artificial intelligence discourse 424
Shershukova O. A. What the digital age has in store for us: trends in the development of the Portuguese language 429
Yakovleva I. V., Yakovleva T. A. The application of data analysis methods to the lexical and grammatical features of speech act verbs in the direct speech construction. 434

KNOWLEDGE CONSTRUAL PROCESSES AND THE DIGITAL LANGUAGE ENVIRONMENT

Abramkina A. S. Cognitive-linguacultural analysis of proper names in the discourse of the online game League of Legends 440
Anisimov V. E., Anisimova E. D. Transformation of precedent names within the framework of the category of authorial reality formation: linguocognitive analysis . 444
Golubkova E. E., Zakharova A. G. The precedent name COCA-COLA as a cognitive standard: mechanisms of axiological modeling and transmission of cultural codes 449
Guseva O. A., Scherban O. V. The concept BOREDOM in set phrases 458
Minchenkov A. G., Mishakova N. V. Concept NORM: possibilities of corpus and thesaurus analysis. 463
Nikolayenko A. V. Features of verbalization of functionality in modern French (on the example of spatial prepositions *à, en*) 467
Ogneva E. A. Cognitive-discursive attractors of digital routing in the "Prokhorovskoye field" museum-reserve 472
Orlova O. S. Basic translation strategies for euphemisms (as applied to interactive online dictionaries) 477
Auseichyk Yu. V. Cognitive-semantic shifts in peripheral coordinators 481

Osipov D. S. Evaluation of objects of the conceptual domain HUMAN by means of the lexical category «natural phenomena» in modern English 486
Petrakova J. I. The interaction between associative mechanism and source base semantics in word-formation 491
Stepanenko S. N. Linguistic interpretation of quantity (based on English paroemias containing a numerical quantifier) 496
Stefanovich M. V. Conceptualization of human experience and metonymic organization of adverbs ending in *-ly* 501
Fomina M. A. Semantic features of Russian impersonal models representing situations of desirability 506
Sheveleva E. O. Objectification of the concept of HISTORISM by members of different parts of speech 511
Sheveleva E.O., Bondarchuk G.G. On the role of the inner form of a word in the archaization of English vocabulary: a cognitive view 516
Shelepova N. V. Linguistic-cognitive modeling as an object of scientific investigation . . . 520
Shemchuk Yu. M. Parallel nominations as a form of expressing the category of identity at the lexical level of language 525
Shirshikov V. B. Lexicographic representation of the transport sphere: the processual-scenario aspect 529

MODERN TECHNOLOGIES IN COGNITIVE SEMANTICS AND PRAGMATICS

Bochkarev A. I. The axiological status of the non-fictional cameo in American situation comedies 534
Volkova E. V. Transformation of the concept of *PRAGUE* in British translations of Marina Tsvetaeva's long poems 539
Derbyshevaa Z. K., Khulhachieva Zh. S. Domain modifications in loanwords in exploring culture disintegration 544
Ilyina E. V. Cognitive semantics of onyms in the title complex (based on the poetry of the Russian emigration) 551
Karpenko E.I. Biblical scripts of German poetry of the 20th century (on the issue of language transmission of culture) 556
Kolodyazhnaya V. N. Functioning of the phatic elements of communication in modern English-language political discourse 560
Korolyov S. V. Cognitive-pragmatic view of metaphtonymy representation in English binomials 565
Kosichenko E. F. A temporal matrix of fantasy fiction (based on an excerpt from the "Subtle Knife" by F. Pullman) 570
Kuzmenko P. B. Onomasiological bases of the category of seemingness: corpus analysis 575
Panasenko L. A. On modeling of the interpretive potential of a conceptual-thematic domain 581
Pesina S. A. Peculiarities of cognitive derivation of metaphthonymic units in language 586
Plisov E. V. The conceptual sphere of call in the sphere of religious communication 591

Potanina N. L. Palimpsest and its functions in modern non-classical discourse (based on the novel "A week in December" by S. Folks) 596
Robustova V. V. Interpretational nature of the semantics of a proper name 601
Xinyu Mu. Frame analysis of the verb with the meaning "to achieve" in Chinese . . . 606
Tolmacheva A. G. Experiential effects format as an interpretive format of knowledge in an advertising slogan (based on a conceptual-thematic domain HUMAN) 611
Tolkacheva N. M. Affixation as a cognitive tool for axiological meaning-making in political discourse 615
Cherkasova D. S. Manipulative potential of new euphemisms in English: cognitive-pragmatic aspect 620

SOCIAL COGNITION IN INTERPERSONAL AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abakumova O. B., Satchivi A.R.J-B. The dynamics of the concept HAPPINESS in paremic discourse (based on Russian, English, and African proverbs) 625
Babaeva R. I. Conflict-genic indicator or "paper tiger" at the crossroads of cultures 630
Barebina N. S. "What is this 'lavender raf with coconut milk'?": superfood as a marker of social transformations 635
Bobkova A. A. Conceptualization of kinship relations in the Kazakh linguistic worldview: a frame-based approach and frequency characteristics 639
Bredis M. A. Linguocultural semantics of numerals in characterizing a people's conceptual sphere: based on paremiological material 645
Glinskaya N. P. Terminological representation specificity of pharmacological knowledge in English-language ion channel designations 650
Dubrovskaya E. M. Cognitive categorization of ethnic space in Russian paremiology: *US* vs. *THEM* category 654
Evtushenko O. V. The cultural model of food in modern Russian linguistic consciousness 659
Kosmarskaia I. V. The vector of MARRIAGE PREPARATIONA as an optional node of the cultural model of KINSHIP RELATIONS 664
Magnes N. O. The phytoconcept WARATAH in Australian English: a cognitive analysis 668
Onal I. O. The binary opposition *own – alien* in Turkish tourists' online reviews about the Mosque–cathedral of Córdoba 672
Rzheshevskaya A. A. Favourite and not favourite food in Russia: corpus based analysis 677
Sokolova V. L. Specifics of implementing the concept of INTERPERSONAL RELATIONSHIPS in English mass media discourse (as presented in the coverage of the Tumbler Ridge tragedy) 682
Suvandii N. D. The role of Buddhist personal names in representing the concept of FAITH 687
Tomskaya M. V. Culture models of relations in Russian spoken discourse 692

Tsukanov M. V. The manifestation of the numerological code of linguistic culture in phraseological units with a quantitative component (based on the material of Russian and English) 697
Yuanze Zhao. Social cognition and emotional concepts: strategies of representing LOVE and HATE in Russian and Chinese everyday discourse. 702
Chunyu Tian. Representation of the conceptual pair SOUL and HEART in Russian phraseology 705

COGNITIVE RESEARCH IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

Babina L. V., Razumovskaya Yu. M. Mechanisms of comprehending terminological phrases with toponyms. 710
Багиян А. Ю. Профессиональная идентичность как когнитивно-дискурсивная «система систем»: проективное MBSE-моделирование 715
Zueva I. V., Shiryaeva T. A. Abbreviations as a cognitive tool in English-language engineering discourse. 720
Xinting Yin. Linguistic means of constructing male images in Russian and Chinese fashion media discours. 725
Kravchuk Yu. S. Legalization of political lexicon as a subject of interdisciplinary analysis (term “friendly”) 729
Liu Mingxuan. Terminological nomination in financial and economic discourse in Russian and Chinese 734
Menshova A. V. Assessment of human physical health in Russian and French: professional vs. non-professional perspective 738
Minyar-Beloroucheva A. P. Conceptual metaphors of professional political communication discourse. 743
Molchanova V. A., Vashunina I. V. Stereotypical features of administrative-pedagogical discourse 748
Nozdrina A. S. Blends, brands and trends. Linguo-cognitive and linguo-semiotic perspectives in the study of fashion discourse for musicians 753
Obukhov Y. S. Decentralized finance terms through the prism of cognitive metaphor. 758
Rodionova E. R. The conceptual structure of scientific news articles (based on British and American media publications). 763
Rokhlina T. A., Erzyleva A. A., Shalygina Ya. P. The methodological potential of cognitive linguistics in the study of teacher representation in media discourse 768
Samoilova V. V. Discursive mechanisms of euphemism to dysphemism transformation 773
Sarma V. V. Metaphorical models in the promotion of resorts: cognitive fluency and image formation 778
Tolmacheva I. N. Linguistic evaluation of qualitative characteristics of professional research activity results 783
Faibushevskii M. V., Kiseleva S. V. Specificity of the macrocomposition of terminological vocabulary through the prism of cognitive terminography 788

Fedotova E. A. Cognitive mapping on the example of LSP «Industrial Fishing» (on the material of the German language) 792
Jing Chang, Goncharova L. M. Linguo-axiological functions of Russian and Chinese tourism advertising. 797

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном выпуске опубликованы статьи, подготовленные по материалам докладов участниками Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Когнитивные исследования языка и дискурса», которая состоялась 29–30 октября 2026 г. в Московском государственном лингвистическом университете.

Конференция продолжила традиции «Круглого стола по когнитивной лингвистике», посвященного памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Елены Самойловны Кубряковой – одного из основоположников отечественной когнитивной лингвистики и родоначальника когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания.

На масштабной научной площадке были представлены передовые методики и технологии когнитивного анализа языка и дискурса. В проблематике конференции нашел отражение широкий спектр актуальных направлений современных когнитивных исследований.

Центральными на конференции стали вопросы междисциплинарного изучения языка и дискурса, экспериментального исследования когнитивных процессов в устной коммуникации, описания взаимодействия когнитивной лингвистики и когнитивной психологии, анализа полимодальной коммуникации и когниции, применения современных технологий когнитивной семантики и прагматики, осмысления феноменов социальной и профессиональной когниции. В ходе конференции широко обсуждались перспективы использования искусственного интеллекта в когнитивных науках и вопросы организации цифровой языковой среды, а также внедрения цифровых технологий в изучение процессов концептуализации и категоризации.

Статьи авторов публикуются в выпуске согласно тематическим разделам. Открывающий раздел содержит статьи, в которых представлены новые вызовы когнитивной лингвистики в современном мире. В работах поднимаются проблемы взаимодействия когнитивных и языковых структур, лингвокреативной деятельности естественного vs. искусственного интеллекта, интермодальной адаптации (речи и кинесики) в дискурсе, а также структурирования специальных областей знания и отдельных категорий.

Раздел «Исследования когнитивных процессов в устной коммуникации» посвящен вопросам экспериментального и корпусного изучения когнитивных основ взаимодействия говорящих в разных типах дискурса. В разделе «Когнитивная лингвистика и когнитивная психология: междисциплинарные исследования» представлены современные технологии анализа языкового сознания, феноменов восприятия и интерпретации. В статьях, объединенных

тематикой «Полимодальная когниция и коммуникация», показаны особенности конструирования информации с учетом полимодального характера ее репрезентации в дискурсе. Авторами раздела «Искусственный интеллект, цифровые технологии и когнитивные науки: новые направления и перспективы» предложены актуальные математические и программные решения для работы с большими языковыми данными при моделировании знаний в условиях сосуществования естественного и искусственного интеллекта.

В фокусе статей под общим названием «Процессы конструирования знания и цифровая языковая среда» находятся аспекты применения цифровых методов и приемов анализа языковой когниции. В работах, включенных в раздел «Современные технологии когнитивной семантики и прагматики», получили освещение когнитивные аспекты прагматикализации языковых явлений в дискурсе, в том числе художественном. В рамках раздела «Феномен социальной когниции в межличностной и межкультурной коммуникации» рассмотрены культурно и социально обусловленные характеристики языковой и дискурсивной когниции на материале разных языков. В заключение под тематикой «Когнитивные исследования профессиональной коммуникации» объединены работы, отражающие современное состояние исследований профессиональной идентичности, терминологии, профессиональной культуры.

Представленные в выпуске статьи в целом направлены на решение конкретных актуальных исследовательских задач когнитивного анализа языка и дискурса, развитие научного знания междисциплинарного характера и конструктивный диалог в академическом сообществе.

Редакционный совет

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О. В. Александрова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ovaleksandrova@gmail.com

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ДИСКУРСЕ

Любое произведение речи имеет определенную коммуникативную задачу. Для того, чтобы донести ее до аудитории, автор прибегает к использованию различных языковых средств, которые помогают воздействовать определенным образом на реципиентов, убедить их в правоте своих действий, или завуалировать истинное положение вещей. Это очень характерно для политического дискурса, где эти процессы отчетливо проявляются. В статье рассматриваются некоторые приемы воздействия и манипулирования в выступлениях Д. Трампа.

Ключевые слова: целеустановка, содержание-намерение, функция общения, сообщение и воздействие, дискурс, экспрессивность, хеджирование.

В своей широко известной работе «Язык и знание», обсуждая проблему дискурса, Е. С. Кубрякова пишет: «Когнитивная интерпретация любого языкового явления, в том числе текста и дискурса, предполагает … выход за пределы собственно лингвистических форм в мир психики человека, в мир его состояний и намерений, не говоря уже о том, что когнитологи второго поколения обязательно подчеркивают необходимость обращения в когнитивном анализе и к миру «как он есть» [Кубрякова 2004: 523]. Подчеркивается, что дискурс адресатен и интенционален, что определяет его целенаправленность [Кубрякова 2004: 528]. Для достижения определенных коммуникативных целей используются языковые возможности, имеющиеся в данном языке, из которых и создается коммуникативно-когнитивное воздействие на получателя информации, и выбираются именно те лексические и грамматические средства, которые способствуют реализации целевой установки дискурса. Восприятие аудиторией того или иного высказывания предполагает определенную работу автора по подбору тех языковых средств, которые оказали бы наиболее сильное воздействие на чувства и психику читающей или слушающей аудитории.

Еще А. Р. Лурия подчеркивал, что «ни одна сложная форма психической деятельности человека не протекает без прямого или косвенного участия речи» [Лурия 2000: 82]. Обсуждаю эту проблему, известный российский психолог А. И. Донцов пишет: «Именно слово кодирует и программирует человеческую мысль и является главным орудием анализа – и самоанализа – человеческой психики, да и мира в целом» [Донцов 2014: 921].

Любое произведение речи всегда относится к определенному функциональному стилю, в рамках которого оно используется, при этом функция общения признается первичной для любых произведений речи [Липгарт 2013: 41–47]. Функция общения включает, прежде всего, сообщение и воздействие, последнее, при этом, может приобретать разные формы в разных видах дискурса, и зависит от той целеустановки, которую преследует автор. Показателен в этом плане политический дискурс, который обладает достаточно разнообразными видами и формами – устной и письменной, материалы медиа, включая интернет, публичные выступления политиков и язык дипломатии и др. В последние годы политический дискурс находится в центре внимания многих направлений современной гуманитарной науки – лингвистов, психологов, политологов, философов и т. д., поскольку он развивается наиболее динамично, под влиянием быстро сменяющейся внутренней и внешней политики, отражая, в то же время уже имеющиеся культурно-исторические связи и основы жизни и мировоззрения своего общества.

Большое место в изучении современного политического дискурса занимает речь ведущих мировых политиков, того, как в ней реализуется функция воздействия, какими языковыми средствами достигается содержание-намерение говорящего, выражающего не только свое личное мнение и отношение к происходящему, но и общую политическую линию страны и народа, который он представляет, которые не всегда совпадают. В работах последних лет рассматривался в первую очередь американский президентский дискурс «как когнитивно обусловленная форма взаимодействия субъекта порождения текста и целевой аудитории» [Сескутова, Тихонова 2024: 338]. В лингвистических исследованиях политического дискурса в центре внимания оказываются, в основном лексические, стилистические и просодические особенности, меньше внимания уделяется грамматическим средствам, хотя именно они, наряду с другими, активно используются в речах ведущих политиков мира. Грамматические приемы служат созданию исключительной экспрессивности текста, а, кроме того, нередко помогают автору завуалировать некоторую информацию, скрыть ее реальное значение, манипулировать аудиторией в своих интересах. И в этом случае можно говорить об использовании приема хеджирования как части

суггестии, которая может быть прямой или косвенной. Как известно, термин хеджирование изначально использовался в экономике и страховании, и перекочевал в лингвистику, практически сохранив свое значение. Средства лингвистического хеджирования помогают снизить категоричность высказываний, завуалировать степень воздействия на аудиторию. Исследователи выделяют аллюзивное, метафорическое, идеологическое, политкорректное хеджирование, при этом подчеркивая, что идеологическое хеджирование в политическом дискурсе наиболее распространено [Осипов 2013].

Нынешний президент Соединенных Штатов известен эмоциональностью и экспрессивностью, а иногда даже резкостью своих выступлений, что в полной мере отражается в его языковой личности [Александрова 2024]. Рассмотрим один небольшой отрывок его речи на праздновании Дня Независимости 4 июля 2026 года:

For two and a half centuries, our American republic has stood as the crowning achievement of human history. This country is the home of freedom. This is the land of liberty. And this is a flag. That's the banner of the most extraordinary, most exceptional, most incredible nation ever to exist on the face of the earth. And we're doing better now than we've ever done before.

Этот отрывок характерен по своему построению для всего выступления президента: все выдержано в превосходных тонах, даже в этом маленьком примере видно, что автор использует своеобразную парцелляцию, что вообще характерно для выступлений Трампа, повторы с указательными местоимениями, метафорические выражения: *crowning glory, home of freedom, land of liberty, exceptional nation, face of the earth*. Ключевые слова не только в этом примере, но и во всей речи – *crowning achievement, liberty, freedom, historic and heroic people, independence, greatest, strongest, bravest, the best*. При этом в выступлении часто используется местоимение *we*, говорящий представляет себя частью нации, всего народа, он использует модальные конструкции: *We will always be on top. We will never let our country fall. We will always be the best*. Все эти средства предназначены для того, чтобы убедить людей в превосходстве и величии их страны, несмотря на все неудачи и просчеты в политике, которые, конечно, замалчиваются выступающим.

Понятно, что это выступление на праздновании главного праздника страны, когда нужно еще раз убедить народ в правильности курса развития государства. Если же обратиться к другим выступлениям Трампа, тональность меняется, оппоненты. нынешней власти подвергаются критике и нелицеприятным характеристикам. Так, в выступлении на собрании республиканской партии в январе 2026 года Трамп, в частности говорит: *We had the worst President. Did the worst job. They had the worst policy. … The election*

was rigged. He (Байден – О.А.) had no idea – he had no idea what happened. He still doesn't. The autopen. Слово *autopen* переводится на русский язык как автоперо, автограф-машина, устройство для воспроизведения подписи, или просто используется в форме транслитерации автопен. Таким образом Трамп показывает свое презрительное отношение к оппонентам из другой партии и лично к своему предшественнику, подразумевая коренное отличие деятельности своей администрации от предыдущей. Данное выступление предназначено специально для аудитории республиканцев, на сочувствие которых нынешний президент конечно рассчитывает и своими выступлениями пытается повлиять на их дальнейшие действия в поддержку его деятельности.

Нередко в своих выступлениях Д. Трамп упоминает коммунизм и коммунистов как главных врагов Америки, переключая внимание аудитории на внешнего противника: *America will never be a communist country. Won't happen. Communism is a loser, and it always will be. …we proudly thank veterans of the war on communism…*. В этом его желание показать себя как борца за роль и величие Америки в мире, исторически сложившееся непримиримое отношение к коммунизму.

В связи со сказанным хочется вновь вернуться к словам Е. С. Кубряковой, которая писала: «Язык часто уподобляли зеркалу, отражающему мир. В видении мира и его рефлексии в языке ярко отражены и воображение, и фантазия, и эмоции, и оценки и просто жизненные потребности человека. Если уж прибегать к образу зеркала, стоит сказать, что язык подобен автопортрету художника, который он рисует, глядя на себя и изображая себя таким, каким он видит самого себя в зеркале» [Кубрякова 2004: 90].

Литература

Александрова О. В. Когнитивно-прагматические и манипулятивные особенности современного политического дискурса // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 26–32.

Донцов А. И. Феномен зависти: Homo invidens? // Москва: Издательство «Эксмо», 2014.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики. М.: Либроком, 2013.

Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Академический проект, 2000.

Осипов Г. А. Хеджирование как когнитивно-прагматический прием суггестии в политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2013.

Сескутова И. К., Тихонова Ю. В. Пространственно-временной вектор американского президентского дискурса: когнитивно-прагматический ракурс // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 338–343.

O. V. Aleksandrova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

HIDDEN MEANINGS AND THEIR LINGUISTIC REPRESENTATION IN THE DICOURSE

Any utterance has a certain communicative task. In order to make it clear to the audience the author may use different linguistic means which help to produce a special impact on the recipients, to convince them of the correctness of his actions and to conceal the real facts and situations. This is characteristic of the political discourse where these processes may be clearly observed.

Key words: purport, communication, message, impact, discourse, expressivity, hedging.

Е. Г. Беляевская *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
bellgeorgelena@gmail.com

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА АДЪЕКТИВНОЙ СЕМАНТИКИ: К ВОПРОСУ О РАЗНЫХ ТИПАХ ФРЕЙМОВ

Смысловую структуру многозначной лексемы можно представить как упорядоченное множество фреймов, репрезентирующих разные значения слова, которые объединены общей КВФ (концептуальной внутренней формой). Фреймовая структура семантики прилагательных в отличие от существительных и глаголов имеет особую когнитивную составляющую, которая строится на основе прямого номинативного значения единицы и ее КВФ и обеспечивает формирование метафорических значений прилагательного.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, адъективная семантика, фреймовая структура семантики, полисемия, концептуальная метафора.

Лингвисты по-разному определяют и классифицируют фреймы, исходя из той конкретной исследовательской задачи, которую они решают. Это возможно благодаря тому, что фреймы – это гибкие и динамичные образования, способ-

ные принимать разные формы. Все подходы к фреймам и все их определения сходятся на том, что фрейм представляет собой концептуальную структуру, хранящую знания о мире в виде информации о множестве языковых средств, которые могут использоваться при вербализации соответствующего мыслительного содержания. Для удобства говорящего входящие во фрейм языковые средства должны быть систематизированы определенным образом, составляя множества для описания некоторой ситуации (ситуационные фреймы), или фиксируя единицы чаще всего сочетающиеся в процессе коммуникации (сочетаемостные фреймы), или объединяя слова с одним корнем или другим словообразовательным формантом (словообразовательные фреймы), или описывая некоторую классификацию (классификационные фреймы).

Фреймы как определенным образом организованные множества похожи на лексикографические источники, но отличаться от них своей сложностью. Так как фреймы – это аналоги ментальных структур и, прежде всего, структур памяти человека, то точно их устройство неизвестно, но оно настолько эффективно, что дает возможность практически мгновенно отыскать и извлечь нужную информацию. Соответственно, можно полагать, что фреймы – это не каталоги и не списки, а многомерные структуры, и в этом смысле все они могут рассматриваться как 3-D комплексы. Поэтому представление о двухмерных и трехмерных фреймах в значительной мере условно и во многом обусловлено тем, что языковые единицы и другие языковые конструкты многообразны, их смысловое содержание и семантические отношения, в которые эти единицы могут вступать, также многообразны, что определяет поиск разных фреймовых структур (фреймовых семантик).

Минимальный фрейм содержит знание (информацию) об одном объекте, но объект может быть и очень небольшим по смысловому объему, и может репрезентировать целую ситуацию. Кроме того, следует помнить, что любой терминал фрейма может при желании быть «развернут» в самостоятельный родственный фрейм, что опять свидетельствует о многомерности фреймовых структур. Если речь идет о многозначном слове, то каждое его значение соответствует отдельному фрейму. Моделирование полисемии при помощи фреймов позволяет объяснить это явление, показав, что в языке за одной звуковой (и графической) формой может быть закреплено несколько фреймов с одинаковой концептуальной организацией ***(КВФ – концептуальной внутренней формой)***, что, собственно, и обеспечивает единство лексемы [Беляевская 1992, 2021].

Иначе обстоит дело в случае фразеологизмов. Для того чтобы проследить процесс формирования их семантики в языковой системе, следует обратиться к сложной трехмерной фреймовой конструкции, которая будет

отражать переход от вариативного и подвижного высказывания к устойчивому словесному комплексу с переосмысленным значением – идиоме [Беляевская 2025]. Переосмысление семантики и устойчивость фразеологизма образуются благодаря соединению в единый фреймовый комплекс трех одинаковых ситуационных фреймов с разной концептуальной структурой. Первый фрейм – это буквальное значение некоторого словосочетания или сумма значений его слов-компонентов, так сказать «номинативный повод», который может дать жизнь будущей ФЕ. Например, английское словосочетание above board (букв. *над бортом*, *на борту*) передает представление о нахождении на корабле. Второй фрейм фиксируется, если это смысловое содержание структурируется и формируется смысловая доминанта, которая впоследствии может стать концептуальной внутренней формой будущей идиомы, – идея нахождения в относительной безопасности (как бы на борту корабля, идущего в море). И наконец, слияние двух первых фреймов дает третий фрейм – значение идиомы:

Above board – used in order to say that an arrangement, organization, or activity is completely honest or legal, and is exactly what it seems to be: *the relationship that the union has with the Labour Party is completely open and above board. I'm sure that everything is above board, but the tax office want to check the records* [LID]

Обратим внимание на то, что исходный фрейм (корабль) предполагает место, где находится много людей, и это представление переходит и в употребление идиомы по отношению к организации, неким официальным действиям и т. д.

Таким образом, ***3-D фрейм – это не столько многомерная фреймовая структура (любая фреймовая структура многомерна), сколько единство не менее трех самостоятельных фреймов***.

Очевидно, что толчком к появлению 3-D фрейма является формирование образной семантики, но далеко не каждое переносное значение в языке основывается на 3-D фрейме. Например, слово ripple с первым значением *рябь (на воде)* также имеет и переносные употребления и может использоваться для обозначения короткого негромкого звука, прокатившегося по залу (*a ripple of applause, conversation, laughter*). Но это укладывается в обычную фреймовую модель многозначного слова, где каждому значению соответствует свой фрейм, указывающий на некий фрагмент знаний о мире, а все фреймы имеют одинаковую структуру благодаря общей концептуальной внутренней форме лексемы.

Логично предполагать, что фреймовая структура, репрезентирующая семантику языковой единицы, будет зависеть от характера этой единицы. Так,

совершенно очевидно, что фреймовая структура семантики идиомы должна отличаться от фреймовой структуры семантики лексемы. Принципиальных различий в организации фреймовых моделей семантики субстантивных и глагольных лексем в английском языке нам обнаружить не удалось, однако, фреймовые структуры, стоящие за адъективной семантикой, стоит рассмотреть подробнее.

В целом фреймовая структура семантики прилагательного повторяет фреймовую структуру существительных и глаголов: несколько фреймов, соответствующих разным лексико-семантическим вариантам лексемы, объединяет (и структурирует) общая КВФ. Однако есть и некоторые особенности, которые трудно объяснить.

На первый взгляд семантика прилагательных кажется проще семантики, например, существительных, и она реже становится объектом специального исследования. Семантическим центром семантики прилагательного является указание на некий признак и, несмотря на узость этого номинативного повода, прилагательные обычно весьма многозначны и это во многом зависит от тех существительных, с которыми это прилагательное сочетается, поскольку адъективная семантика очень подвижна. Изменчивость адъективной семантики касается, прежде всего, оценки: в семантике английских прилагательных очень часто сочетаются значения с оценкой, противоположной по знаку:

Inquisitive *– сующий нос не в свое дело* (an inquisitive journalist); *внимательный, готовый учиться* (an inquisitive reader). ***Fastidious*** *– педантичный, излишне придирчивый* (fastidious in food); *утонченный, изящный* (fastidious hands; fastidious taste). ***Cool*** *– прохладный, враждебный* (cool reception); *продуманный, с холодной головой* (you'll have to play it cool) [MED]

Вариативность адъективной семантики во многом обусловлена тем, что прилагательные обладают интерпретационным потенциалом и связанной с этим способностью к метафоризации. В дискурсивной реализации прилагательное либо используется в качестве определения к объекту, либо в составе предикативной конструкции характеризует агенса. В дискурсе знание об объекте, обладающем признаком, влияет на смысловое указание на признак, уточняя его содержание, т.е. фиксирует то, как приписывание данного признака (иначе говоря, использование прилагательного в речи) ***интерпретирует*** ту ситуацию, для описания которой это прилагательное используется. Можно полагать, что при этом базовое знание о признаке усложняется за счет ***метафоризации***. Так, например, ***hot*** – very high in temperature может сочетаться с разными группами существительных для описания результата воздействия, подобного воздействию высокой темпе-

ратуры (огня или разогрева). Анализ этих сочетаний позволяет получить следующие новые значения (фреймы) слова hot:

1) для описания еды, полной жгучих специй (hot salad);

2) для описания состояния взрыва сильных эмоций (hot temper, a hot love affair);

3) для описания чего-то очень нового и интересного (a hot new book, hot news);

4) для описания чего-то неприличного (hot performance, too hot for TV);

5) для описания очень опасных ситуаций (things got too hot for him);

6) для описания повышенной активности (market is hot these days);

7) для описания чего-то украденного или разыскиваемого (hot goods);

8) для описания кого-то очень искусного (a hot musician) [COD; MED].

Здесь, так же как и в приведенных выше примерах, присутствуют значения с положительной оценкой (3,8), а также значения с отрицательной оценкой (5,7,4). Все перечисленные значения прилагательного hot метафоричны и, несмотря на то что они могут быть рассмотрены как части разных концептуальных метафор, они основываются на одной общей когнитивной метафорический модели – «*У подобен Х*», где Х может быть условно обозначено как «результат воздействия огня или очень высокой температуры». Эта метафорическая модель «встроена» в общую фреймовую структуру прилагательного hot, но она сохраняет известную самостоятельность, и, во-вторых, она не является чистой инференцией из первого значения единицы и испытывает влияние КВФ hot, которая фиксирует идею чего-то *обжигающего* или *огненного*. В этом легко убедиться, если сравнить метафоризацию *англ.* hot и *русск.* ‘*горячий*’. Прямые значения у рассматриваемых прилагательных очень близки в английском и в русском языке, но переносные значения существенно различаются – во всяком случае, краденые вещи, салаты, джазовые музыканты и рынки ‘*горячими*’ быть не могут, хотя рынки и могут ‘*перегреваться*’.

Исследование показывает, что фреймовая структура адъективной семантики в английском и русском языках одинакова по конструктивной организации: помимо множества фреймов, соответствующих разным значениям прилагательного и имеющих общую КВФ, в эту структуру входит особая когнитивная составляющая, которая позволяет легко переходить к метафорической ***интерпретации*** той ситуации или того объекта, который характеризует данный признак (об интерпретации см. [Болдырев 2023].

Это, безусловно, усложнение фреймовой структуры адъективной семантики, и оно хорошо объясняет, почему прилагательные имеют так много идиоматических ограничений на сочетаемость, не допускающих буквальный

перевод на другие языки (ср. *русск.* ***глубокая*** *ночь*, ***горячий*** *прием*). Но можно ли считать такое концептуальное усложнение еще одной разновидностью 3-D фрейма? Пока этот вопрос остается открытым.

Литература

Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: дис. … д-ра филол. наук. М.: 1991.

Беляевская Е. Г. Фрейм? Фрейм … Фрейм! // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 17–24.

Беляевская Е. Г. Когнитивное моделирование семантики идиом: о существовании 3-D фреймов // Когнитивные исследования языка. № 2(63). 2025. С. 343–348.

Болдырев URL – *Болдырев Н. Н.* Интерпретация мира в языке // Большая российская энциклопедия: [электронный ресурс]. Дата публикации: 25 апреля 2023 года. URL: https://bigenc.ru/c/interpretatsiia-mira-v-iazyke-33ee97

COD – The Concise Oxford Dictionary. 6-th ed. / by J. B. Sykes. Oxford: Clarendon Press, 1976.

LID – Longman Idioms Dictionary. BNC based. Harlow: Pearson Education Ltd., 2012.

MED – Macmillan English Dictionary. International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd., 2002.

E. G. Belyaevskaya *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

FRAMEWORK STRUCTURES FOR ADJECTIVAL SEMANTICS: ON DIFFERENT TYPES OF FRAMES

The semantic structure of a polysemantic lexeme may be described as a set of frames each corresponding to one of the meanings of the given word. The set is unified by the conceptual inner form (CIF) common to all of the meanings and recurrent in each frame. The framework structure underlying adjectival semantics, as different from the framework structures underlying the semantics of nouns and verbs, includes a special cognitive constituent to help form multiple metaphoric meanings in the adjectival lexeme. Such an addition to the framework structure stems from the primary meaning of the adjective and its conceptual inner form; it is related to the system of the metaphoric mappings of the given language though it operates in a more or less independent way.

Key words: cognitive linguistics, adjectival semantics, framework structures underlying lexical meaning, polysemy, conceptual metaphor.

Н. Н. Болдырев *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ КОГНИТИВНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Внимание в статье фокусируется на исследовании способов репрезентации многоаспектного знания в языке с позиций концептуально-интерпретационного подхода. Выделяются разные типы взаимодействия многоаспектных знаний и языковых структур, обсуждаются методы анализа этого взаимодействия в процессах языковой интерпретации мира и знаний о мире. Определяется специфика этого типа знания и его языковой репрезентации.

Ключевые слова: язык, концептуально-интерпретационный анализ, многоаспектное знание.

Истиной, не требующей дополнительной аргументации, в современной науке является тот факт, что значительную часть знаний о мире человек получает и структурирует с помощью языка. Многоаспектность самого языка, его структуры и функций обеспечивают широкие возможности для его использования в познавательных процессах и в представлении результатов этих процессов – знаний, которые тоже могут иметь многоаспектный характер. Последнее означает, что единица такого знания (когнитивная матрица) интегрирует в себе разные аспекты осмысления одной и той же языковой единицы в рамках разных концептуально-тематических областей.

Соотношение и взаимодействие когнитивных и языковых структур на системном и функциональном уровнях, как известно, является основным предметом анализа в когнитивном исследовании языка. Раскрывая специфику такого исследования, Е. С. Кубрякова неоднократно подчеркивала, что свойства и функциональные характеристики языковых единиц могут выявляться в их соотнесении с когнитивными структурами, т. е. в определенной системе координат, которые задаются участием языковых форм в познавательных процессах и всех видах деятельности с информацией [Кубрякова 2004: 13].

Цель данной конкретной статьи – обратить вынимание на возможное многообразие такого взаимодействия в процессах формирования смысла, которое зависит от влияния целого ряда факторов: типа знания (обыденное – научное, языковое – энциклопедическое), конкретной области знания, уровня его стандартизации (коллективное – индивидуальное), степени его сложности (простое – интегративное), целей коммуникации, когнитивных и ценностных доминант в концептуальной системе коммуникантов.

Многоаспектность когнитивных и языковых структур в этом плане вызывает особый интерес, поскольку в ней наиболее ярко представлен широкий потенциал их взаимодействия.

Многоаспектность характерна для единиц разных языковых уровней и его функционирования. Оно проявляется в многозначности лексических и грамматических единиц разного типа, в их парадигматике (валентности) и синтагматике (сочетаемости), в их синонимии, омонимии и антонимии, подвижности ударения, в разных моделях концептуальной и языковой деривации, метонимических и метафорических моделях, разнообразии типов синтаксических конструкций, в полифонии и полимодусности языковой репрезентации и интерпретации знаний, в полифакторности формирования смысла высказывания, а также в многоаспектности процессов языковой номинации, которая характерна в том числе и казалось бы для такой строго регулируемой сферы, как терминологическая номинация (см., например: [Лату 2026]).

Многоаспектность знания и языковых структур, вариативность их соотношения обусловливают и многоаспектность самого когнитивного анализа, необходимость выработки новых методов и подходов, способных отразить это многообразие. Одним из таких методов является **концептуально-интерпретационный анализ**, позволяющий исследовать разные аспекты взаимодействия языка и знания, его интерпретирующую специфику [Болдырев 2025; 2026]. Конкретные приемы анализа при этом определяются целями и задачами исследования.

Многоаспектность проявляется не только в разнообразии характеристик языковых и неязыковых объектов, но и **в разных способах концептуализации** последних **и формах представления знания** о них на разных языковых уровнях: базовом, суперординатном и субординатном, в терминологии Э. Рош [Rosch 1978]. При этом могут быть использованы концептуально-простые (концепты конкретных, абстрактных и событийных сущностей, фреймы, сценарии, пропозиции и т. п..) и концептуально-сложные, интегративные, форматы знаний (категории, матрицы и т. п.) [Болдырев 2009]. Именно последние используются для представления многоаспектного знания. Рассмотрим особенности его репрезентации на примере языковых единиц разного уровня сложности.

Каждый из вышеназванных форматов обладает собственной спецификой и ориентирован на определенную область онтологии мира, включая область языковой деятельности. Сложности возникают в том случае, когда опыт взаимодействия человека с определенным объектом не ограничивается этой конкретной областью и допускает его осмысление с разных

позиций сформированных знаний о нем, т.е. в рамках разных когнитивных контекстов. Представить весь этот опыт в виде единицы знания об объекте выходит за пределы возможностей концептуально-простых форматов с простым перечнем характеристик. Требуется качественно иной формат единицы знания, позволяющий объединить в себе эти самые контексты как ключи доступа к разным возможным аспектам осмысления накопленного опыта: сенсорного, социокультурного, когнитивного, эмоционального, эстетического, основанного в том числе на определенных действиях и ассоциациях.

Это неизбежно связано с пересечением отдельных характеристик разных форматов, которые не поддаются простому суммированию и требуют их интегративного представления как единого целого. В качестве таковых востребованными становятся форматы категории и когнитивной матрицы. Они способны интегрировать в себе качественно неоднородные аспекты опыта и знаний, накопленные человеком в процессе познания мира и многостороннего взаимодействия с ним. Другими словами, знание о любом объекте не сводится исключительно к перечню его существенных (на уровне понятия) и других известных из коллективного опыта признаков, поскольку в разных ситуациях общения и использования соответствующего слова, передающего знание о нем, может потребоваться личный жизненный опыт взаимодействия с этим объектом.

Например, концептуально-простой формат знания о книге передает словарная дефиниция соответствующего слова: *книга – произведение печати в виде переплетенных листов с каким-нибудь текстом* [Ожегов, Шведова 1993: 285]. В то же время разные аспекты жизненного опыта, в том числе отраженные в словарях, предлагают нам и другие аспекты осмысления данного слова: *Книга почета, Книга памяти, жалобная книга, книга регистрации, бухгалтерская книга, амбарная книга, книга жизни, книга судьбы, первая книга, настольная книга, Красная книга, художественная, научная, антикварная, раритетная, электронная книга.*

Эти аспекты дифференцируются с помощью специфического обозначения их характеристик: *толстая / тонкая книга регистрации, амбарная книга* (но:?*раритетная,?электронная книга*), *интересная / скучная / увлекательная / умная художественная книга* (но:? *Книга почета,?книга регистрации*), *дорогая / дешевая / подарочная книга стихов* (но:?*книга жизни),* а также возможных или предполагаемых действий с ними: *читать / писать художественную или научную книгу* (но:?*подарочную книгу*), *внести в книгу регистрации, в Красную книгу* (но:?*в раритетную книгу*), *на(за)писать в книгу жалоб* (но:?*в антикварную книгу, книгу стихов*), *сжечь печатные*

книги (но:?*электронные книги*), *подарить художественную / научную / антикварную книгу* (но:?*книгу регистрации*).

Другим примером может служить пересечение характеристик разных фреймовых форматов: пропозиционального, иерархического и ассоциативного, в представлении на концептуальном уровне ситуации типа: *Менеджер дорогого пятизвездочного отеля ведет себя как хозяин ночлежки / страдает синдромом вахтера общежития.* Понимание подобных высказываний требует обращения не только к пропозициональному фрейму, но и к фреймам иерархического (*пятизвездочный отель*) и ассоциативного (*вахтер общежития*) типа.

Таким образом, **проблема многоаспектности** становится актуальной в тех случаях, когда толкование значения слова или неязыкового феномена предполагает подключение разных контекстов их осмысления. Для слова указанием на подобное осмысление становится языковой контекст (см. примеры выше и ниже). Для языковых категорий – опытное знание о возможно разных аспектах и модусах интерпретации, например, модусные категории: отрицание, модальность, оценка, эвиденциальность, тональность и др. Для неязыкового феномена – сама структура знания о нем, которое является интегративным и потому многоаспектным: НАУКА, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ и т.д.

В обоих ситуациях репрезентируемое знание (приобретенное эмпирическим путем или в результате использования языка) является многоаспектным и означает активацию разных концептуально-тематических областей (когнитивных контекстов). **На концептуальном уровне единица многоаспектного знания представляет собой когнитивную матрицу**, объединяющую все возможные когнитивные контексты. Иначе говоря, **формат репрезентации исходно многоаспектного знания о неязыковых феноменах на концептуальном уровне может проецироваться и на языковой опыт**. Остановимся на втором случае несколько подробнее, поскольку он менее очевиден и в силу этого – менее изучен в лингвистике.

Показательным в этом отношении является имя собственное, которое в традиционной лингвистике было принято считать не обладающим каким-либо значением. В то же время, например, любой антропоним, помимо этимологического значения, способен передавать и другие смыслы, активирующие разные когнитивные контексты: *Петр Великий, собор Петра и Павла, Петров день, вылитый Петр / пошел в Петра* (отца), *сообщение / подарок / привет от Петра* (знакомого, сослуживца, одноклассника и т.д.), *только Петра нам и не хватало* (конкретного человека в качестве гостя или начальника), *Петенька* (сын, внук, герой романа «Война и мир»), *Петруша* (киногерой из фильма «Формула любви»), *Петр Петрович* (начальник, преподаватель, киногерой из фильма «Гараж») и т.д.

Интересным в плане многоаспектной интерпретации представляется также прилагательное *молодой*, которое используется не только для категоризации биологического возраста, но и для преимущественно положительной оценки стадии или начальной фазы формирования, степени готовности или созревания чего-либо, а также для оценки профессионального опыта, знаний, зрелости. Например: *молодые побеги, молодая листва* (‘свежие’), *молодой картофель* (‘ранний’), *молодое вино* (‘невыдержанное’), *молодой певец / спортсмен / исследователь* (‘начинающий’), *молодой отец, молодая мать* (‘стали ими в молодом возрасте’, ‘малоопытные’), *молодой дедушка* (‘для своего возраста’), *молодой пенсионер* (‘недавно вышедший на пенсию’), *молодой боец / врач / директор / адвокат* (‘неопытный’, ‘энергичный’, ‘старательный’), но: *молодой ученый* (?оксюморон, т.к. слово *ученый* предполагает наличие большого опыта и знаний, что не характерно для молодого возраста), отрицательная оценка: *молод еще; молодой, да ранний; молодо – зелено* и др., см. также: [Болдырев, Гаврилова 2026].

В качестве краткого итога следует подчеркнуть, что матричный формат исходно многоаспектного знания о неязыковых феноменах может проецироваться и на языковой опыт осмысления языковых единиц в разных когнитивных контекстах. Многоаспектность передаваемого языковой единицей знания определяет широту ее интерпретирующего потенциала в отношении окружающего мира, а также многоаспектность потенциала ее собственной возможной интерпретации в контексте разных концептуально-тематических областей.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Концептуально-интерпретационный анализ как метод когнитивного исследования языка // Когнитивные исследования языка. 2025. Вып. 3 (64). Ч. 1. С. 23–31.

Болдырев Н. Н. Концептуально-интерпретационный подход в когнитивных исследованиях языка // Когнитивные исследования языка. 2026. Вып. 2. Ч. 1. С. 28–35.

Болдырев Н. Н., Гаврилова А. В. Моделирование знания о результатах профессиональной деятельности и их оценке в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2026. № 2. С. 5–17.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лату М. Н. Особенности терминологической номинации как специального творческого процесса // Когнитивные исследования языка. Вып. 2 (67). Ч. II. С. 282–286.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993.

Rosch E. H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

N. N. Boldyrev *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

MULTI-ASPECT CHARACTER OF COGNITIVE AND LINGUISTIC STRUCTURES AND THEIR INTERACTION

The article focuses on ways of representing multi-aspect knowledge in language from the perspective of the conceptual-interpretive approach. The author identifies various patterns of interaction between multi-aspect knowledge and linguistic structures and discusses methods for analyzing this interaction in linguistic interpretation of the world and knowledge about the world. In doing so, he specifies main characteristics of this type of knowledge and different ways of its representation in language.

Key words: language, conceptual-interpretive analysis, multi-aspect knowledge.

E. E. Golubkova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University,
Financial University under the Government of the Russian Federation
katemg@yandex.ru

SEMANTIC ANOMALIES OR COGNITIVE SHORTCUTS: A COGNITIVE-LINGUISTIC ANALYSIS OF MISNOMERS IN ENGLISH[1]

The article discusses the reasons for paradoxical persistence of the so-called misnomers in English, which are nominations with seemingly non-motivated semantics. Relying on four cases out of 96, we show that misnomers reflect a particular way of conceptualizing the referent. Some misnomers are motivated by metaphorical similarity,

[1] Исследование выполняется в Московском государственном лингвистическом университете в рамках Госзадания Минобрнауки России, проект FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик».

others are based on metonymic contiguity, while still others suggest partial, outdated, or secondary categorization.

Key words: misnomer, metaphor, metonymy, motivation, folk etymology.

A misnomer may be defined as a lexical unit whose form does not adequately reflect the nature, origin, or essential features of its referent, often as a result of historical development, semantic shift, or cultural reinterpretation. The intriguing paradox of misnomers, such as *guinea pig, buffalo wing, Rocky Mountain oysters, ladyfingers, Welsh rabbit, black box, Greenland,* consists in the fact that they are semantically «incorrect», i.e. their motivation is inconsistent, but they are functionally sound and universally understood. While often dismissed as historical curiosities, misnomers pose significant questions for lexical semantics, which we address in the article: how they acquire and maintain meaning despite their literal inaccuracy, and, secondly, why speakers continue to use them. Despite the established lexicographic status of the term *misnomer* in English, misnomers have received scarce treatment as a distinct object of linguistic analysis [Perera et al. 2023; Abel 2014]. In particular, their semantic motivation and cognitive underpinnings remain insufficiently described.

Our initial suggestion is that misnomers are not mere lexical errors, but act as efficient cognitive shortcuts and cultural codes, revealing patterns of human thought and language evolution. This article argues that misnomers function as entrenched cognitive units, whose semantic erroneousness is either mitigated by powerful cognitive processes, such as metonymy, metaphor, or folk etymology, or overridden by cultural and pragmatic reasons, allowing them to serve as effective communication shortcuts. The article aims to analyze the underlying cognitive and semantic mechanisms that lead to the formation and persistence of such terms in English. The focus is placed on selected prominent examples (*Welsh rabbit*, *ladyfingers, black box, Panama hat*) to illustrate these mechanisms. The research material comprises English misnomers (96 cases) collected from Merriam-Webster and Longman dictionaries. The misleading names are especially frequent in the domains of dish names and artifacts (29), the animal world (26), vegetation (7), geographical designations (10), and medicine (9). At the same time, the material also contains smaller but still relevant groups referring to historical events and monuments (5), occupations (6), services (1), art (1), and board games (2).

Interestingly, most of research on misleading terms and misnomers addresses medical terminology (*funny bone*, *ringworm, heartburn),* where inaccurate or opaque names may affect professional communication, medical education, and even clinical interpretation [Perera et al. 2023; Abel 2014;

Нагорная 2020]. In the present paper misnomers are analysed as semantically motivated units whose form reflects a particular way of conceptualizing the referent. Their interpretation, therefore, requires attention to several parameters: the relation between the name and the referent, the degree of semantic transparency, the type of motivating feature, the role of semantic change, and the influence of metaphorical, metonymic, or folk-etymological reinterpretation. This approach makes it possible to examine misnomers not as isolated lexical curiosities, but as meaningful results of cognitive and historical processes of nomination.

Their classification is based on three parameters: (1) the thematic domain of the referent, (2) the degree of semantic motivation, and (3) the mechanism of misnaming. The first parameter makes it possible to group the material according to the sphere to which the referent belongs. The second distinguishes between "strong" and "weak" misnomers. The third identifies the cognitive or linguistic mechanism underlying the misleading name, such as metaphor, metonymy, calque, semantic change, euphemism, folk-etymological reinterpretation, or historical reanalysis. To clarify the terms, a "strong" misnomer is understood as a unit whose internal form does not adequately reflect the nature of the referent in present-day English, even if its historical motivation can be reconstructed. A "weak" misnomer, by contrast, is a unit in which at least one component remains semantically accessible and contributes to the interpretation of the referent.

The paper developed a six-step algorithm for analysing misnomers: 1. supplying the modern definition of a misnomer; 2. giving its visualization (a picture); 3. analyzing its derivational structure; 4. establishing the sources of motivation, 5. tracing the etymology and cultural/historical roots of the term, 6. identifying the mechanism behind the misnaming: whether it is a calque, metaphor, metonymy, historical reinterpretation, folk etymology, or outright error.

To illustrate the procedure of analysis of a strong misnomer we offer the case of *Welsh rabbit*, which shows the role of cultural and humorous motivation in misnaming. The test question we apply to each misnomer is straightforward: *Is it an X(rabbit)?* – No, it is not. The dish contains no rabbit. This traditional Welsh dish is a savory sauce of melted cheese, typically mixed with other ingredients like ale, mustard, and Worcestershire sauce, served hot over toasted bread. The cultural or jocular associations of Welsh are not transparent to the modern speaker without additional historical explanation. It has been connected with jocular or pejorative English uses of *Welsh*, where the modifier suggested something makeshift, rustic, or second-rate. Thus, the phrase does not literally

identify the ingredients of the dish, but rather encodes a cultural stereotype. As a result, the unit does not provide an adequate clue to the actual referent in present-day usage, hence, synchronically it remains opaque and therefore belongs to the category of strong misnomers.

Ladyfingers are low-density, dry, egg-based, sweet sponge cake biscuits roughly shaped like large fingers. The name passes the misnomer test question: *Are they fingers?*–No, they are not. They are elongated sponge biscuits. Nevertheless, the name is quite transparent semantically, since the resemblance in shape is obvious. The unit is, therefore, misleading only in the literal sense. Its motivation is based on metaphor, more precisely on visual similarity between the biscuit and a slender finger. For this reason, *ladyfingers* should be regarded as a weak misnomer, because the name remains highly interpretable due to metaphor despite its formal inaccuracy.

Another example of a weak misnomer, but from the domain of artifacts, is a *black box*, which is a flight recorder used in aircraft. In order to identify the mismatch, the test question: *Is it black?* reveals that it is not black. Modern flight recorders are painted bright orange in order to make them easier to locate after an accident. However, the second component of the name remains correct, since the device is still a box-like recording unit. For this reason, *black box* should be treated as a weak misnomer. The misleading effect concerns only the colour component, whereas the overall referent remains identifiable. Historically, the term was preserved even after the physical appearance of the object had changed. Thus, this case illustrates the role of lexical conservatism in the persistence of misnomers.

Among artifacts-weak misnomers is also *Panama hat*. The test question if *it originates from Panama?* gets a negative answer. Panama hats are traditionally made in Ecuador. The noun *hat* correctly identifies the referent, but the geographical modifier is misleading for the modern speaker, who is likely to associate the item with Panama rather than Ecuador. At the same time, the historical explanation of the name is recoverable: the hats became internationally associated with Panama because they were exported through that region and became especially famous during the construction of the Panama Canal. Therefore, *Panama hat* is best classified as a weak misnomer. The case may be explained through metonymic transfer, where an item becomes associated not with its actual place of production, but with the place through which it became widely known.

Thus, the semantic motivation of misnomers may be explained by several factors. In some cases, a name preserves an earlier stage of knowledge about the referent and remains in use after the object has been reinterpreted or

classified differently. In other cases, the name reflects only one salient feature of the referent rather than its essential nature. As a result, the lexical form may continue to suggest a categorization that is only partial, outdated, or secondary. For this reason, misnomers can be regarded not simply as *wrong names*, but as traces of earlier conceptualizations that have been preserved in language. Some misnomers are motivated by metaphorical similarity, while others are based on metonymic contiguity or salience [Lakoff, Johnson 1980; Radden, Kövecses 2007].

The persistence of misnomers can be also explained from a usage-based perspective [Divjak 2015]. Usage-based linguistics assumes that linguistic knowledge emerges from repeated exposure to language use, and that frequently repeated units gradually become entrenched in memory. At the same time, recurrent use within a speech community contributes to conventionalization. Therefore, once a misleading designation becomes familiar and socially shared, it may remain stable even if its semantic inadequacy is recognized. This helps explain why misnomers are often resistant to replacement. From the point of view of usage, a conventionalized name may be cognitively and communicatively more accessible than a more accurate but less entrenched alternative. They provide just enough information for successful communication, even if literally inaccurate. Speakers prioritize speed and shared understanding over precise detail.

References

Нагорная А. В. // Covid-19 и эпонимическая контроверза в современной медицинской терминологии // КиберЛенинка. 2020. URL: https://cyberlen inka.ru/article/n/covid-19-i-eponimicheskaya-kontroverza-v-sovremennoy-meditsinskoy-terminologii.

Perera E., Khan A., Sarraf K. M., Spicer D. // Orthopaedic eponyms: A tool of the past // PubMed. 2023. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37700939/ (дата обращения: 06.05.2026).

Abel E. L. Medical Eponym Angst. Names // A Journal of Onomastics. 2014. 62(2). P. 76–85.

Meriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com/

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // The Cognitive Linguistics Reader / Ed. by Vyvyan Evans, Benjamin Bergen and Jörg Zinken. London: Equinox. P. 335–359.

Divjak D. The Role of Lexical Frequency in the Acceptability of Syntactic Variants: Evidence From that-Clauses in Polish // Cognitive Science. 2017. 41. P. 354–382.

Е. Е. Голубкова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет,
Финансовый университет при Правительстве РФ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ ИЛИ КОГНИТИВНАЯ ЭКОНОМИЯ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ «НЕПРАВИЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обсуждаются причины парадоксального распространения так называемых мисномеров в английском языке, которые представляют собой номинации с, казалось бы, немотивированной семантикой. На основе четырех случаев из 96 мы показываем, что неправильные наименования отражают особый способ концептуализации референта. Некоторые из мисномеров мотивированы метафорическим сходством, другие основаны на метонимической смежности, а третьи предполагают частичную, устаревшую или вторичную категоризацию.

Ключевые слова: мисномер, метафора, метонимия, мотивация, народная этимология.

В. З. Демьянков *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН)
vdemiank@mail.ru

КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ НАМЕКОВ[1]

Проведены наблюдения над сочетаемостью, семантикой и частотностью конструкций союза *и* слева и/или справа от формы лексемы *намек*. Материалом послужил большой многожанровый корпус непереводных текстов на русском языке, написанных в 18–21 вв. Высказываются гипотезы о том, как соотносятся буквальное и небуквальные (контекстно-обусловленные) значения этой лексической единицы. Прямым значением лексемы «намек» в русском языке может быть «акт нечеткого указания, не обязательно речевой».

Ключевые слова: когниция vs. коммуникация, намек, корпус-лингвистика, небуквальное значение высказывания.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025–0001 «Лингвистические аспекты взаимодействия коммуникации и когниции в дискурсивных практиках XX–XXI вв.», поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ и выполняемого в Институте языкознания РАН.

1. Введение

Лингвистическая теория намека опирается не только на теорию коммуникации, но и на данные о том, как слово *намек* и/или его синонимы принято употреблять в конкретных «культурах намека» на конкретных языках. В работе [Демьянков 2025] был сделан краткий обзор того, как в лингвистической литературе, посвященной непрямому смыслу языковых выражений, характеризуются три английских переводных эквивалента русского слова *намек*: *cue, hint, allusion*. В работе [Демьянков 2026] были выявлены наиболее частые параметры контекстов основы *намек-* и синонимов в большом русском корпусе.

В «самом народном» словаре русского языка находим небольшую словарную статью для глагола *намекать*, но не существительного *намек*:

«НАМЕКА’ТЬ, -аю, -аешь; *несов., на кого что*. Говорить, действовать намёками, а также, говоря намёками, иметь в виду кого-что-н. *Н. на чьи-н. старые грехи. На что ты намекаешь?* | сов. намекнуть, -ну, -нёшь. *Н. гостю, что время позднее*» [Ожегов, Шведова 2006: 386].

К ближайшим синонимам обычно относят: *иносказание* («скрытый смысл, то, что сказано непрямо»), *обиняк* («намек, выраженный в непрямой форме»), *недомолвка* (сказанное не до конца или не вполне ясно) и *аллюзия*.

Большой корпус непереводных текстов (около 23,5 тыс. художественных и 13 тыс. научных и публицистических), написанных на русском языке с 18 по 21 вв., демонстрирует богатый спектр контекстно-обусловленных значений у лексем класса «*намек*». В опоре на идеологию конструкционной грамматики, с помощью специально созданных программ обработки текста, статистики и подбора примеров с заданными свойствами, были проведены наблюдения над употреблением указанных единиц, взятых с левым и с правым контекстами, выявлены количественные и качественные параметры сочетаний с ними в рамках бинарных конструкций. Очень часто значение конструкции «A и B» предполагает общий семантический знаменатель у A и B. В данной работе рассмотрим роль союза *и* в конструкции со словоформами от основы *намек-*. Этот контекст-ориентированный подход к анализу значения выявляет взаимодействие «определенных компонентов интерпретант, связанных с субкатегоризацией этих единиц в составе той или иной лексической категории по количественным (‘много – мало’) и качественным (внутренне присущим) параметрам» [Болдырев 2026: 31].

В соответствии со старой традицией, дефисом будем помечать границу слова, вплоть до которой словоформы одной и той же основы опознаются как члены одной парадигмы, словоизменительной и/или словообразователь-

ной. Так, слова *намеками*, *намекает*, *намекнувшие* являются словоформами одной и той же основы *намек-*.

Единицы класса «намек» в русском корпусе обладают различной частотностью: 54990 предложений с основой *намек-*, 4467 *иносказ-*, 1769 *недомолв-*, 2744 *обиняк-*, 1336 *аллюзи-*. Поскольку единица одной и той же основы может в предложении встретиться несколько раз, число вхождений словоформ от наших основ немного больше: 55672 *намек-*, 4546 *иносказ-*, 1782 *недомолв-*, 2769 *обиняк-*, 1370 *аллюзи-*.

Цитируя примеры, в скобках указываем фамилию автора, название и год написания произведения.

2. Контекстная обусловленность значения конъюнктов

Очень часто оба члена сочетания, образуемого союзом *и*, являются членами синонимического ряда «намек», с варьирующейся комплектностью и последовательностью называния, напр.: *Я готов допустить, господин Цзян Цзы-Я, что могу изъясняться* ***намеками и иносказаниями****, ясными для того, кто постиг то же самое* (В. Пелевин, Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда, 2003).

Это многословие по-своему затейливо и креативно, ср.: *Чтоб образы выражали идею не условно, а непосредственно, для этого необходимо идее быть полною и ясною для художника; но как идеи первобытных и младенчествующих обществ состоят из темных предощущений и неопределенных, смутных предчувствий, то и выражение идеи у них, естественно, должно состоять из одних* ***намеков, иносказаний и затейливых символов*** (В. Г. Белинский, Сочинения Державина, 1843). Аллюзивные излишества не только свидетельствуют о сложности предмета речи, ср.: *Бернс был твердо убежден в том, что лучший язык в разговорах с азиатами – язык пышноречивой персидской мудрости, исполненный* ***намеков и иносказаний*** (Ю. С. Семенов, Дипломатический агент, 1959). Они также придают тексту и лежащей за ним семиотической системе «конспиративный», эзотерический характер, напр.: *А для того чтобы их никто не подслушал или, подслушав, не понял, они разработали (отчасти стихийно) сложнейшую систему* ***иносказаний и намеков****, что-то вроде особого кода, в соответствии с которым все имена, названия и основные направления их размышлений были искажены до неузнаваемости* (В. Н. Войнович, Шапка, 1987).

В рамках конструкционной грамматики принимается, что «[…] текст создается в опоре на большой набор хранимых конструкций из языковых элементов, в сочетании с вероятностями подчиненных элементов, плюс некоторые фильтры для отсеивания негодных сочетаний, от системы к системе варьи-

рующиеся» [Демьянков 2024: 6]. А вероятность обратно-пропорциональна ожидаемости при построении и интерпретации текста. Поэтому чем изобретательнее и неожиданнее расшифровка высказывания, тем напряженнее это коммуникативное состязание мейстерзингеров намека: *Повесть «Трудное время» создавалась в условиях жесточайшего цензурного гнета, и поэтому Слепцов вынужден был прибегать ко всякого рода* ***недомолвкам, намекам и иносказаниям*** (Н. Якушин, Крупный, оригинальный талант, 1970). Всяк разумеет, да не всяк глубоко. От читателя также ожидается ударная креативность: *В то время писатели часто говорили* ***намеками, иносказательно*** *– их хорошо понимали все те, кто умел и хотел понимать* (Н. С. Шер, Рассказы о русских писателях, 1960). Правда, раньше и будущее было лучше, поэтому (невольно проговаривается автор) в наше светлое настоящее нет больше нужды говорить вполголоса, отчего и намеки нынче не те, что раньше. А если и вовсе не ходить регулярно тропами и фигурами речи, в ногах и нужды не будет.

В меткой интертекстуальности качественный и умелый пересказ высвечивает (осознанное или бессознательное) стремление задрапировать истинный «личностный» смысл высказываемого, даже приберегая разгадки намеков про запас, на всякий случай: а вдруг кто новенький да незнающий придет, вступит в игру общения и своею непосвященностью нарушит гармонию полуслова. Избыточность попутных пояснений объяснима ожиданием такой коммуникативной неожиданности: ***Иносказательные выражения и намеки*** *пословиц и поговорок позволяют людям из народа вести разговор, не раскрывая до поры до времени перед «власть имущими» своих затаенных дум и намерений; в беседе с друзьями те же средства придают речи необходимую яркость, образность и убедительность* (А. Груздев, Д. Н. Мамин-Сибиряк: 1852–1912, 1958).

Посередине между этими двумя крайностями находятся предложения типа: *О старом не было* ***помина и намека****, как будто его вовсе и не бывало* (В. В. Крестовский, Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных: Том 1, 1864). Здесь *помин* и *намек* рядополагаются как вербальные акты, подчеркивая неуместность речи «о старом» (ср.: *кто старое помянет…*). Окказионально намек рядополагается даже страху: *В легальной печати было два лагеря: в одном – «рыцари» со страхом и намеком, а в другом – «рыцари»* ***без страха и намека*** (В. А. Гиляровский, Москва газетная, 1934). Эта игра слов исключительно ради красного словца напоминает устойчивое словосочетание *рыцарь без страха и упрека*, пришедшее из французского *chevalier sans peur et sans reproche*.

В современной ироничной прозе намек как вербальное событие, предваряющее «основное» действия, играет роль закуски перед борщом, напр.:

Так и сказала, отбросив лишнее, ***без предисловия и намека****, женись, и все* (Викт. Ерофеев, Русская Красавица, 1990). А когда сам намек выступает в качестве предмета обсуждения, упоминание в тексте двух синонимов – приглашение найти и указать сходства и различия; скажем, между признаками и намеками: *В чем различие* ***признака и намека****?* (Георг.Почепцов, История русской семиотики до и после 1917 года, 1998).

Итак, конъюнкция с союзом *и* позволяет «на бегу», походя и без педантизма пояснять смысл термина *намек*, напр.: *Всякие* ***слухи и намеки*** *мешают ей работать, подрывают ее авторитет* (В. П. Хабур, Мирное время, 1962). Слухи, как и намеки, туманны, имплицитны и небуквальны. Но в конъюнкции часть их общих смыслов, присутствующая у обоих членов, аккумулируется и, подобно гомеопатическому средству, приносит прояснение.

3. Намеки бессловесные и словесные

Чаще всего, 3142 раза, непосредственно слева от словоформ с основой *намек-* идет союз *и,* далеко не всегда указывающий на «аккумуляцию» понятий: очень часто мы имеем дело не с конъюнкцией, а с конструкцией меры, со значением *даже намек-*. Укажем только несколько классов случаев, по убыванию числа примеров.

1. Наиболее часто (1194) сочетание *и намека* (ед. ч. Р. п.), напр.: *В обширной переписке с женою мы не отыщем* ***и намека*** *на то «богомольное благоговение перед святыней красоты», о котором говорится в стихотворении к Наталии Николаевне Гончаровой* (Вл. С. Соловьев, Судьба Пушкина, 1897). На втором месте с большим отрывом – *и намеки* (241), напр.: *Были* ***и намеки*** *на недостойное поведение Штуба, который действует тут как частный ходатай по делам* (Ю. П. Герман, Я отвечаю за все, 1965).

Смысл таких предложений часто никак не связан с каким-либо речевым актом и потому далек от буквального, «словарного» толкования, напр.: *На карточке была изображена Илька, но не та Илька, которую он видел несколько месяцев назад, – нет: на карточке* ***не было и намека*** *на то бедное платьишко, которое когда-то обливалось горючими слезами оскорбленной Ильки* (А. П. Чехов, Ненужная победа, 1882). Союз *и* часто никак не сигнализирует о сопоставлении, напр.: *Нет в ней* ***ни намека мысли и намека чувства****, нет даже во всем организме ощущения какого-либо* (В. В. Крестовский, Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных: Том 2, 1867). То есть, по переносу, в ней нет ни малейшей мысли, ни малейшего чувства. Эта разновидность конструкции меры может выглядеть и так: *Но мне* ***достаточно и намека*** (С. Н. Есин, Имитатор, 1985).

2. Очень похоже сочетание *даже намек-* (в 1552 предложениях): обычно речь идет не о вербальном намеке, а о заметном отсутствии чего-либо, напр.: *Перед барыней лежит на блюде баранья нога, до такой степени исскобленная, что* ***даже намека*** *на мякоть нет* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина: Начало. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина, 1888). В 19 в. вербальные намеки в таких случаях имелись в виду чаще, чем в 20–21 вв., напр.: *Приехавши в Лаврики в самый разгар лета, она нашла дом грязным и темным, прислугу смешною и устарелою, но не почла за нужное* ***даже намекнуть*** *о том мужу* (И. С. Тургенев, Дворянское гнездо, 1859).

3. Словосочетание *малейший намек* подчеркивает отсутствие чего-либо и встречается в 943 предложениях, чаще всего (588 раз) в форме ед. ч. Род. п., напр.: *Ничуть не бывало: ни малейшего упрека,* ***ни малейшего намека*** *на упрек мы не слыхали, никакой особенной злобы не прибавилось* (Ф. М. Достоевский, Записки из мертвого дома, 1860–1861). Говорят не только о малейшем намеке, но и о его крохотной тени, напр.: *Предусмотрительность правительства была так велика, что оно запрещало все, в чем находило* ***хоть малейшую тень намека*** *на то, что оно может подать повод к подозрительным рассуждениям* (Н. А. Добролюбов, Непостижимая странность: Из неаполитанской истории, 1860). Сочетания типа *маленькие намеки*, без превосходной степени, значительно более редки (17), напр.: *Евгений вновь мучительно выискивал в своей душе хоть* ***маленький намек*** *на родственные чувства к отцу и с горькой откровенностью признавался сам себе – их не было* (В. А. Титов, Ковыль-трава степная, 1980). Да и большими намеки бывают не чаще (12), напр.: *В эту же секунду слон посмотрел на меня и, грустно покачивая головой, но с* ***большим намеком****, пропел: «Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?»* (В. Ю. Драгунский, Денискины рассказы, 1961); а *небольшой намек* встретился всего 6 раз, напр.: *Гесс сделал* ***небольшой намек*** *на предстоящее нападение Германии на Россию* (В. М. Бережков, Страницы дипломатической истории, 1987).

4. Значительно число предложений с отрицательным местоимением *никакой* (всего 772 предложения, из них 436 со словоформой *никакого*, 307 *никаких*, 4 *никакой*, 4 *никакие* и т. д.), напр.: *В комнатах натоплено, форточек в окнах нет, да и ставни закрыты, так что* ***никакого намека*** *на вентиляцию не существует* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина: Начало. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина, 1888).

5. Словосочетания типа *не намекнул* чаще говорят о вербальном намеке, напр.: *Вернувшись домой, я, разумеется, матушке ни единым словом* ***не намекнул*** *на то, что видел, но, встретившись с Сувениром, я – черт знает почему – рассказал ему все* (И. С. Тургенев, Степной король Лир,

1870). Зато словосочетание *ни* плюс словоформа основы *намек-* (т.е. *не* плюс союз *и* слева от основы *намек-*), употребленное 623 раза (из них 446 в форме *ни намека*), практически всегда указывает на невербальность, напр.: *Ни малейшей слабости, никакого головокружения,* ***ни намека*** *на раздраженность или нервное расстройство от пережитой тяжелой сцены во мне не было* (К. Антарова, Две жизни, 1943/1993). Противовес намека слову клишировался в 19 в.: *Смиряло и останавливало его пока лишь то, что Катерина Николаевна ни разу,* ***ни словом, ни намеком*** *не позволила себе заикнуться в его присутствии об Анне Андреевне с дурной стороны или обнаружить хоть что-нибудь против намерения его вступить с нею в брак* (Ф. М. Достоевский, Подросток, 1875).

«Нормальный» же речевой акт намека в перечисленных конструкциях имеется в виду исключительно редко, чаще всего с глаголом типа (***по***) ***давать***, напр.: *Я тогда Заметова немного поколотил, – это между нами, брат; пожалуйста,* ***и намека не подавай****, что знаешь* (Ф. М. Достоевский, Преступление и Наказание, 1866/1877); *Он умный, черт, и один ни за что не рискнет на такую штуку: значит надо с ним быть по-прежнему* ***и намека на подозрения не подавать****, иначе можно сорвать все дело* (М. А. Шолохов, Поднятая целина, 1932/1959). Как архаизация воспринимаются в сегодняшних исторических романах предложения типа: *Знаете об этом только вы двое, а другим* ***и намека не давать****!* (Вас. Веденеев, Дикое поле. История зарождения русской разведки в эпоху царствования Лжедмитрия, 1995). Ср.: *Если мяч не пнуть как следует ногой, то он* ***и намека не даст*** *на самопроизвольное вращение* (В. Нюхтилин, Мелхиседек, 2007). Имеется в виду неспособность самопроизвольно вращаться, а не талант мяча говорить намеками.

Отрицательные конструкции с предикатом речи (*делать/давать намек* и т.п.) и союзом *и* чаще встречаются в русской литературе 19 в., чем сегодня: *Я не знаю, что хочет он говорить тебе, я ему не поручал говорить ничего, он* ***не делал мне даже и намека*** *о том, что он хочет тебе говорить* (Н. Г. Чернышевский, Что делать?: Из рассказов о новых людях, 1863). Уже в 20 в. примеров мало, напр.: *И если он художник, то он в своих произведениях* ***не сделает на нее и намека*** (Г. Лелевич, Анна Ахматова: Беглые заметки, 1923).

5. Рядоположение намека как подвиг интерпретатора

Сочетание *намек- и* (когда союз в правом контексте) встречаем 2011 раз, т.е. намного реже, чем самое частое сочетание *намек- на* (20253 раза). Самый частый случай – словоформа *намеков* плюс союз *и* (381 пример), напр.: *Муж не раз об этом намекал жене и выходил из себя на то, что*

она не понимала этих ***намеков и*** *относилась к нему с нескрываемым презрением* (К. М. Станюкович, Равнодушные, 1899). В данном примере речь идет не о конъюнкции с понятием «намек», а о понимании намеков и об отношении к ним (с «нескрываемым презрением»). Это своеобразный лист Мёбиуса, когда стартуя на одной стороне листа (намек-просьба изменить отношение к какому-либо предмету), мы попадаем на его противоположную сторону (презрительное отношение к мужу).

Незначительно реже встречаем сочетания *намек и* (355), в следующем сценарии: некто понимает намек и сообщает, как собирается отреагировать на него. Напр.: *Не беспокойтеся: я понял ваш* ***намек / И*** *не дождуся повторенья!* (М. Ю. Лермонтов, Маскарад: Драма в 4-х действиях, в стихах, 1835); *Я понял* ***намек и*** *постараюсь передать ему ее, как умею* (С. П. Жихарев, Записки современника. Дневник студента, 1859). Или как уже отреагировал на него: *Мы поняли* ***намек и*** *откланялись* (А. Т. Аверченко, Рассказы, 1924). Однако нередко взаимопоясняющая пара – намек и сближаемое с ним понятие – ставит трудную интеллектуальную задачу, напр.: *Пален внутренне смутился, подозревая в этих словах* ***намек и предсказание*** (П. А. Вяземский, Старая записная книжка: Часть 1, 1825). Намек предстает как неясный замысел Провидения.

Еще немного реже – *намеки и* (350), напр.: *Басенки и притчи дают только детям,* ***намеки и*** *полуслова извинительны тому только, кто не может высказаться прямо…* (Н. А. Добролюбов, По поводу одной очень обыкновенной истории, 1858); *И ласка была какая-то сдержанная, все выражение лица такое сосредоточенное, такое определенное; он видел, что в догадки,* ***намеки и наивные вопросы*** *играть с ней нельзя, что этот ребяческий, веселый миг пережит* (И. А. Гончаров, Обломов, 1859). Намеки, полуслова (недоговорки), наивность и вопросы связывает параметр «неполноценность невсеведения». Вычислить их общий знаменатель – совершить интеллектуальный подвиг.

С заметным отрывом (227) встречаем форму творительного падежа множественного числа *намеками* с союзом *и*, напр.: *Тогда вся его злоба обращается на учеников, которых он мешает с грязью, и в то же время язвит их наставника разными* ***ядовитыми намеками и двусмысленною учтивостию*** (И. С. Никитин, Дневник семинариста, 1860). Общей чертой яда намеков и двусмысленной учтивости является неискренность, но такой вывод не любому мыслителю по плечу.

6. Заключение

Во многих рассмотренных случаях *намек* обозначает малую меру или величину того, что мы в последнее время называем когницией, – объем того

комплекса «лайфхаков» (полезных советов, чувств, мыслей и предположений из народной мудрости), которые, подобно домкрату в багажнике, в аварийных обстоятельствах заменяют нам экспертные знания. Употребительность оборота типа *не было и намека на* (что-либо) особенно в 20–21 вв. свидетельствует о том, что жизнь по намекам природы нам так же привычна, как и по понятиям людей.

Термин «непрямой смысл языковых выражений» входит в определение намеков, см. [Кобозева 2007]. А является ли привычным прямое значение в стандартном определении, даваемом слову *намек* в толковом словаре?

Это прямое значение стандартно связывают со словесным речевым актом: обороты *не было ни малейшего намека* и *даже и намека не было* и т.п., при такой трактовке, говорят о молчуне-намекателе, сетующем на отсутствие чего-то привычного и ожидаемого.

Однако не менее естественным было бы предположить, что прямое значение слова *намек* – это акт молчаливого указания, которое в обычной беседе с человеком мы привыкли поддерживать вербальными знаками. Иначе говоря: прямое значение существительного *намек* – «деликатное указание», не вполне одетое в словесную оболочку, а при иносказании камуфлирующее особенности фигуры, угадываемой за одеждой. Это указание тела, выступающего «в качестве полноценного информационного ресурса для конструирования образа мира здесь и сейчас» [Ирисханова 2025: 64]. Благодаря такой драпировке сообщение предстает, в зависимости от интерпретативной моды, то стройнее и подтянутее, то полнее и пространнее, с плавными контурами или по-детски неуклюжим. Очертания намекаемого сообщения подчиняются нормам общественного вкуса, маскируя, когда надо, острые углы мира. Неведомый кутюрье лучше всех знает, какие намеки нынче носят продвинутые истины, но и он не без странностей, поэтому за криво сидящую корону под драпировкой мы принимаем большой нос. У разных культур – свои рубашки, которые ближе к своему, а не к нашему телу.

А мы-то, чудаки, всё пытаемся угадать скрытое за намеками и догадками, боясь признаться себе, что правды нет и за ними.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуально-интерпретационный подход в когнитивных исследованиях языка // Когнитивные исследования языка. 2026. Вып. № 2. Часть I. С. 28–35.

Демьянков В. З. «Возможное» и «невозможное» в национальных вариантах испанского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 5–14.

Демьянков В. З. Заметки о типологии намека // Дискурс. Предложение. Слово. Сборник статей к юбилею Ирины Михайловны Кобозевой. М.: Буки Веди, 2025. С. 33–40.

Демьянков В. З. Корпус-лингвистические заметки о намеках // Критика и семиотика. 2026. № 2. (В печати)

Ирисханова О. К. Адаптация в когнитивно-семиотическом аспекте: Жесты и речь // Когнитивные исследования языка. 2025. Вып. № 3. Часть I. С. 28–35.

Кобозева И. М. Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике: Учеб. пособие. 2007. URL: https://textarchive.ru/c-2253239-pall.html (дата обращения: 31.03.2025).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80.000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.

***V. Z. Demyankov** (Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

COGNITION AND COMMUNICATION OF HINTS

This study examines the combinability, semantics, and frequency of constructions involving the conjunction “and” to the left and/or to the right of the forms of the Russian lexeme meaning “hint.” The material analyzed consists of a large, multi-genre corpus of non-translated texts originally written in Russian between the 18th and 21st centuries. Hypotheses are put forward regarding the relationship between the literal and non-literal (context-dependent) meanings of this lexical unit. The literary meaning of the lexeme “hint” in Russian may be not necessarily “speech act of hinting or allusion”, but rather “act of vague indication”.

Key words: cognition vs. communication, hint, corpus linguistics, non-literal meaning of an utterance.

В. И. Заботкина *(Москва, Россия)*
Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina.vi@rggu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОЕЦИРОВАНИЕ VS. КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОЕЦИРОВАНИЕ: МАНИПУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ[1]

Статья посвящена анализу механизмов концептуального и контекстуального проецирования между различными доменами знания внутри одной культуры, а также на стыке двух культур. Данные виды проецирования рассматриваются в аспекте манипулятивного воздействия посредством медиадискурса. Мы выделяем три вида концептуального и контекстуального проецирования, основывающиеся на взаимодействии ментальных пространств и когнитивных моделей, структурирующих их.

Ключевые слова: концептуальное проецирование, контекстуальное проецирование, манипуляция, ментальное пространство, когнитивная модель.

Данная статья посвящена анализу механизмов концептуального проецирования между различными доменами знания и их отражению в языке, с одной стороны, и изучению когнитивных механизмов проецирования между различными контекстами – с другой. Данная дихотомия рассматривается в аспекте манипулятивного воздействия посредством медиадискурса.

Изучаемый нами ракурс основывается на дихотомии «когниция –коммуникация». Вслед за Е. С. Кубряковой мы усматриваем общие основания между двумя членами этой оппозиции и в ориентирующей «миросозидающей функции языка» [Кубрякова 2009]. Перекликаясь с Келлером [Keller 1998], Елена Самойловна полагает, что человеческая система концептов является зеркальным отражением не мира, а наших взаимоотношений с миром [Кубрякова 2001]. Тем самым подчеркивается динамический характер ориентирующей функции языка, ибо отношение между сознанием и миром по своей природе является динамичным.

В наших предыдущих работах мы указывали на три измерения когнитивной динамики [Заботкина 2023]: внутри сознания; между сознаниями; между сознанием и миром.

Данные измерения могут быть соотнесены с тремя способами развития осмысленного знания, предложенными Г. Л. Тульчинским:

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22– 18–00594).

1) «внутриконцептуальное» как погружение в смысловую структуру познаваемого предмета и прослеживание внутренней логики его развития;

2) «надконцептуальное», как реконструкция смысловой структуры из «внешней» позиции;

3) «межконцептуальное», как прослеживание связей смысловых структур, в том числе «своей» и «иной» [Тульчинский 2024: 344].

Самым важным при этом, с нашей точки зрения, является межконцептуальное погружение.

Все три выделенных нами уровня когнитивной динамики пронизывает контекстуальное проецирование, которое учитывает социальные, эмоциональные и культурные аспекты личности. Наше утверждение базируется на мнении М. М. Бахтина о важности «диалогического взаимооплотнения» в механизме порождения осмысленного знания [Бахтин 1975]. Данный тип проецирования происходит как внутри одной культуры, так и между различными культурами. В последнем случае речь идет об интеркогнитивном проецировании между контекстами культур.

Как известно, в взаимодействии с миром человек формирует свою систему ценностей, аксиологических смыслов. Это необходимо учитывать при анализе контекстуального проецирования между различными культурами. Здесь возникает вопрос о том, должна ли культура понять другую культуру только с позиции своей аксиосферы, или, сохраняя систему своих базовых ценностей, попытаться понять ценности другой культуры? Такой подход исключает гегемонию одной культуры над другой.

В качестве примера концептуального проецирования можно привести разработанную нами динамическую многоуровневую когнитивную мегамодель ментального пространства манипуляции [Заботкина, Позднякова 2024]. Как известно, манипуляция – намеренное воздействие на индивидуального или коллективного экспериенсера/манипулируемого с целью изменения моделей его восприятия, интерпретации, мнений или поведения в соответствии с целями манипулятора/агенса (ср. [van Dijk 2006]: *осуществление контроля над сознанием индивидуума*, предполагающее вмешательство в процессы понимания и формирования ментальных моделей и репрезентации мира). Внутри данной модели мы выделяем несколько фреймов *(«ложь – правда», «контроль», «доверие», «доверчивость», «агенс/манипулятор», «пациенс/экспериенсер», «контрагенс»* и т.д.), между которыми осуществляется концептуальное проецирование. Данный вид проецирования представляет собой первый вид концептуального проецирования внутри *одной* когнитивной модели.

Следующий вид концептуального проецирования предполагает наличие *второй* когнитивной модели, структурирующей соответствующее менталь-

ное пространство. Так, например, домен МАНИПУЛЯЦИЯ взаимодействует с доменом ЭВФЕМИЯ. Происходит концептуальное проецирование между фреймами *«сокрытие», «вежливость», «неопределенность», «симпатия»* внутри домена ЭВФЕМИИ с фреймами домена МАНИПУЛЯЦИЯ (см. указанные выше *«ложь», «правда», «контроль»* и т.д.) [Черкасова 2026].

Третий вид включает концептуальное и контекстуальное проецирование между моделями двух и более культур.

Как указывалось выше, контекстуальное проецирование включает в себя эмоциональные и социальные аспекты личности. В связи с этим представляется важным рассмотреть процесс эмоционализации как механизма манипуляции в СМИ. Данный механизм основывается на систематическом использовании асимметрии между эмоциональной и рациональной обработкой [Кузнецова, Глухова 2024]. Негативные эмоции, такие как страх, гнев и тревога, обладают большей значимостью и мотивационной силой, чем нейтральные или умеренно позитивные аффекты, что делает первые особенно эффективными для привлечения внимания и регулирования поведения. В результате употребления таких слов, как шок, ужас и т.д., происходит когнитивный сбой, ведущий к потере ориентации во времени и пространстве.

В последние годы развивается новое направление когнитивных исследований – культура страха. Понятие «культуры страха» представляет современную реальность, в которой страх становится предрасположенностью по умолчанию. Термин был популяризирован Фрэнком Фуреди в конце 1990-х гг. и американским социологом Барри Глассnером в середине 2000-х гг. [Furedi 2018; Glassner 2018]. Повторяющиеся дискурсы об опасности и уязвимости, транслируемые медиа, укрепляют определенные сети ассоциаций: чуждые по взглядам или культурным традициям группы ассоциируются с угрозой, повседневные технологии – со скрытыми рисками, а будущие события – с надвигающимися кризисами [Заботкина, Позднякова 2025].

Таким образом, дихотомия концептуальное проецирование vs. контекстуальное проецирование строится несколькими измерениями: 1) между сознаниями; 2) между сознанием и миром; 3) внутри сознания. Контекстуальное проецирование учитывает социальные, эмоциональные и культурные аспекты и пронизывает все три измерения когнитивной динамики.

Концептуальное и контекстуальное проецирование может быть представлено тремя видами: 1) между фреймами *одного* ментального пространства/когнитивной модели структурирующего его; 2) между *двумя* ментальными пространствами/моделями внутри одной культуры; 3) между ментальными пространствами/моделями *двух* культур.

Литература

Заботкина В. И. Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–1 (54). С. 40–44.

Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Когнитивно-коммуникативная динамика манипулирования в медиа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 124–134.

Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Манипулятор vs манипулируемый: искажение когнитивных процессов в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 4. С. 44–56.

Кубрякова Е. С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009.

Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура. Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283–291.

Кузнецова И. А., Глухова Е. С. Манипулятивный потенциал когнитивных искажений в рекламных текстах // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 111–126.

Тульчинский Г. Л. Остранение (liminality, деконструкция) и монтаж (реагрегация) // Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. С. 343–351.

Черкасова Д. С. Концептуальные основания эвфемии и их фреймовое моделирование в ракурсе манипулятивного воздействия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026 (в печати).

Furedi F. How Fear Works: Culture of Fear in the Twenty-First Century. Bloomsbury: Bloomsbury Continuum, 2018.

Glassner B. The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things. London: Basic Books, 2018.

Keller R. A. Theory of Linguistic Signs. Oxford: Oxford University Press, 1998.

V. I. Zabotkina *(Moscow, Russia)*
Russian State University for the Humanities

CONCEPTUAL MAPPING VS. CONTEXTUAL MAPPING: THE MANIPULATIVE ASPECT

This article analyzes the mechanisms of conceptual and contextual mapping between different knowledge domains within both single culture, as well as at the intersection of two cultures. These types of mapping are examined in terms of their manipulative impact through media discourse. We identify three types of conceptual and contextual mapping based on the interaction of mental spaces and the cognitive models underling them.

Key words: conceptual mapping, contextual mapping, manipulation, mental space, cognitive model.

И. В. Зыкова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН, МГЛУ
irina_zykova@iling-ran.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ИДИОМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕСТЕСТВЕННОГО VS. ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[1]

Статья посвящена проблеме лингвокреативной деятельности, осуществляемой профессиональными переводчиками и искусственным интеллектом в процессе перевода русских идиом на английский язык и наоборот. Материалом являются идиомы предметной области вербальной коммуникации и их функциональные эквиваленты, отобранные из двух источников – Национального корпуса русского языка и Reverso Context. Исследование проводится с опорой на разработанное понятие лингвокреативности, позволяющее установить два основных класса функциональных эквивалентов – концептуально близких и концептуально далеких. Полученные результаты углубляют представление об общих принципах адаптации глубинных (концептуальных) структур, лежащих в основе значения идиом, к процессам интракультурного и межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: лингвокреативность, идиома, фразеологизм, функциональный эквивалент, искусственный интеллект, естественный интеллект.

Дж. Миллер, стоявший у истоков формирования когнитивной науки, еще в 1976 году писал о том, что экспериментальная психология, теоретическая лингвистика и симуляция когнитивных процессов на компьютере, являются частями большого целого, и что дальнейший научный прогресс будет обусловлен их координированным развитием. Выступая с докладом на российско-французском научном семинаре в 2010 году, посвященном проблемам когнитивной науки и технологий, и апеллируя к словам Дж. Миллера, Елена Самойловна Кубрякова выделила три дисциплины, обладающие главной – системообразующей – ролью среди всех наук когнитивного цикла. Это такие дисциплины, как когнитивная лингвистика, когнитивная психология и моделирование искусственного интеллекта [Кубрякова 2010: 114–115]. Спустя 16 лет (в 2026 году), мы можем констатировать, что проблематика, связанная с искусственным интеллектом (*далее* – ИИ), стала необходимой или даже облигаторной составляющей изучения самых разнообразных лингвокогнитивных процессов и явлений, одно из центральных положений

[1] Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0001, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

среди которых занимает феномен лингвокреативности. Цель настоящей статьи – выявить функциональные эквиваленты идиом в языковой паре ‘русский – английский’, создание, подбор или генерирование которых осуществляется профессиональными переводчиками и ИИ, и установить количественные и качественные показатели различий в активизации концептуальных структур, лежащих в основе их формирования.

В силу своих особых категориальных свойств (образности, экспрессивности, несколькословной организации, культурной специфичности и др.) передача идиом или фразеологизмов одного языка на другие языки всегда представляла особую трудность и, соответственно, вызывала живой исследовательский и практический интерес. Не ставя перед собой задачи осветить историю вопроса об идиоматических (фразеологических) эквивалентах, накопленный колоссальный опыт изучения которых сопровождается разработкой многочисленных теоретических подходов, учитывающих типологические особенности языка-оригинала и языка-перевода, выделением типов эквивалентов (системные, дискурсивные, формальные, полные, частичные и т.д.) и разработкой практических рекомендаций в отношении самых разных языковых пар, сначала мы кратко остановимся на двух главных понятиях нашего исследования – «функциональная эквивалентность» и «лингвокреативность», а затем осветим результаты, полученные посредством применения определенного алгоритма анализа выявленных функциональных эквивалентов идиом, созданных профессиональными переводчиками и сформированных ИИ.

Начало разработки понятия «функциональная эквивалентность» и базирующейся на нем теории функциональной эквивалентности было положено в работах Ю. Найды [Nida 1986]. Новизна предлагаемого им подхода заключалась в положении о том, что смыслы (идеи), выраженные на одном языке, могут эффективно передаваться на другом языке, для чего необходимо учитывать не только языковую специфику языка-перевода, но и культуру, в которой он существует, необходимо стремиться к использованию имеющихся у языка-перевода ресурсов или созданию более естественных для него языковых форм. Во главу угла концепции Ю. Найды положена, по сути, формула “meaning first, form second”. Как отмечает Е. О. Опарина, функциональную эквивалентность отличает то, что переводчик стремится передать в переводном тексте наиболее важные с точки зрения информации и прагматики восприятия характеристики исходного текста; переводчик каждый раз должен решать, каким именно единицам содержания и формы следует отдать предпочтение для достижения функциональной эквивалентности в данной ситуации перевода [Опарина https].

Понятие функциональной эквивалентности получило к настоящему времени разные векторы преломления во фразеологии. Среди факторов, определяющих функциональную эквивалентность идиом или фразеологизмов, выделяются следующие: когнитивный фактор, частотность, предпочтительный (приемлемый) тип метафоризации, национально-культурная специфичность, близость образов, возможность перевода словом (т. е. несоблюдение уровнего соответствия) и др. (напр., [Dobrovol'skij 2000]). Данным факторам исследователи присваивают разный уровень (коэффициент, степень) релевантности при создании, подборе или генерировании функционального эквивалента. К примеру, в ряде работ указывается на важность фактора соответствия концептуальной структуры переводимой единицы и ее эквивалента, т. е. ближайшим функциональным эквивалентом является выражение, основанное на той же концептуальной структуре и, следовательно, вызывающее мысленные образы из той же концептуальной области (см., напр., [Lubensky, McShane 2007: 925]). В фокусе нашего внимания находится именно этот фактор. Изучение концептуальных структур идиом русского языка и вариантов их перевода на английский мы исследуем с позиции понятия лингвокреативности, являющегося одним из основополагающих понятий в когнитивных и междисциплинарных исследованиях языка (см., напр., [Беляевская 2023; Демьянков 2024; Ирисханова 2023; Киосе 2023; Соколова, Фещенко 2021]). Лингвокреативность определяется нами как способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемая коллективной или индивидуальной личностью, системно порождать разного рода фразеологизмы и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса. Концептуальные основания имеют сложную (иерархическую) структуру и представляют собой макрометафорические концептуальные модели (см. подробнее в [Зыкова 2015]). Исследуемая здесь проблема указывает на возможность расширительного понимания процесса **коммуникативной адаптации**, которую можно считать и процессом создания или генерирования функционального эквивалента, с одной стороны, концептуально и/или семантически связанного с переводимой идиомой, а с другой стороны, – сохраняющего типологические черты языка-перевода и отражающего культурно обусловленный опыт понимания мира народом (этносом, социумом), говорящим на этом языке.

Материал исследования – русские и английские идиомы, которые обозначают разные аспекты вербальной коммуникации и образные основания которых порождает макрометафорическая концептуальная модель ПУТЕШЕСТВИЕ, ср., например: зайти в тупик, без дальних разговоров, to

come to the point, to speak by the card. Поиск функциональных эквивалентов осуществлялся в параллельном корпусе НКРЯ и на веб-сайте Reverso Context, содержащем переводы языковых единиц в контексте. Параллельный корпус включает как оригинальные тексты на русском языке и их переводы на другие языки, в частности на английский, так и тексты, первоначально написанные на других языках (включая английский) и переведенные на русский язык. В нашем исследовании учитывались данные, полученные с помощью поиска обоих вариантов перевода: «с русского на английский» и «с английского на русский». Раздел «Русский ⇄ английский" содержит в основном литературные произведения и небольшое количество медиа- и других текстов с их переводами (объем около 52 млн. слов). В отличие от НКРЯ, который содержит тексты, переведенные только человеком (профессиональными переводчиками), Reverso Context – это одна из систем NMT (Neural Machine Translation), которая использует программы глубокого обучения (Deep Learning), нейронные сети (Neural Networks) и машинное обучение (Machine Learning) при передаче текстов с одного языка на другой. При введении единицы запроса (напр., идиомы) на одном языке система выдает контекстные примеры, демонстрирующие использование этой единицы на оригинальном языке (например, на русском), и переводы каждого примера на целевой язык (например, на английский). Reverso Context использует миллионы двуязычных текстов, обработанных сложными алгоритмами ИИ. Примеры здесь собраны из разных источников. Это переводы контекстов реальных ситуаций, официальных документов, веб-сайтов, блогов, фильмов и телепередач, газет, правительственных документов и проч. Соответственно, результаты поискового запроса – это результат аналитической работы ИИ по отбору и систематизации наиболее релевантных контекстно-зависимых переводов идиом или их генерированию.

Для проведения исследования из 430 русских и английских идиом, основанных на макрометафорической концептуальной модели ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (далее по тексту используется сокр. форма – модель ПУТЕШЕСТВИЕ), были исключены те единицы, которые допускают их использование в дискурсе не только в переносном, но и в буквальном смысле и являются полиреферентными. Исключение обусловлено невозможностью получения автоматизированной обработки результатов их поиска и трудоемкости ручной обработки полученных данных (отбора нужных контекстов) в случае (сверх)высокой частотности их употребления (особенно в буквальном значении).

На первом этапе анализа выявлено расхождение в общем количестве функциональных эквивалентов, извлеченных из НКРЯ и Reverso Context.

Например, в ходе поиска функциональных эквивалентов идиомы ***на словах*** определены 36 английских эквивалентов в НКРЯ *(in words, in one's speech, just an oral message, to say* и др.*)* и 20 английских эквивалентов в Reverso Context *(in words, all talk, by the spoken word, to call, in rhetoric* и др.*)*. Для сравнения, поиск функциональных эквивалентов идиомы ***наставлять на путь (истины, истинный)*** привел к выделению трех ее английских эквивалентов в НКРЯ *(to set smb on the true road, to educate smb, to plead with smb to do right)* и 30 английских эквивалентов в Reverso Context *(to lead smb in the right direction, to lead the way, to keep smb on the right path* и др.*)*; а соотношение функциональных эквивалентов у идиомы ***ходить вокруг да около*** является следующим: 9 единиц даны в НКРЯ *(to beat around the bush, to circle around (and round) smth, to talk around smth or smb* и др.*)* и 32 английских эквивалента извлечено в Reverso Context *(to argue round and round, to fudge the issue, to bury the lead* и др.*)*.

На втором этапе нашего исследования установлено, что функциональные эквиваленты могут быть созданы посредством реализации лингвокреативного потенциала как модели ПУТЕШЕСТВИЕ, так и других моделей, осуществляемой профессиональным переводчиком или искусственным интеллектом. На основании этого были выделены два соответствующих класса функциональных эквивалентов: (1) концептуально близкие (или концептуально родственные) и (2) концептуально далекие (или концептуально неродственные). Методику и результаты исследования продемонстрируем на примере идиомы ходить вокруг да около.

Согласно анализу, из 37 английских функциональных эквивалентов 24 единицы создаются посредством активизации при переводе модели ПУТЕШЕСТВИЕ и, следовательно, относятся к классу концептуально близких (или концептуально родственных) эквивалентов, например:

(1) *Полтора часа ходили вокруг да около, а потом Сафьянов, первым уставши от вязкого разговора, вынул из отдельной папочки иностранными печатями уснащенный лист и сказал с наигранным огорчением <…> – For an hour and a half they circled around and around the issue, and then Safyanov, the first one to grow tired of this game, pulled out a piece of paper covered with foreign print and said with feigned chagrin <…>* (НКРЯ).

Проведенный комплексный (лексический, синтаксический, семантический и концептуальный) анализ позволил распределить концептуально близкие функциональные эквиваленты на пять групп. Основным критерием их распределения является степень близости к образу русского фразеологизма *ходить вокруг да около*, ключевые составляющие которого даны в квадратных скобках: [путешествовать/передвигаться/идти пешком окружным

путем недалеко от пункта назначения, но не достигая его]. В первую группу вошли три функциональных эквивалента, образы которых определяются как наиболее близкие к образу русской идиомы: *to go around smth, to travel around smth, to move around smth*. Вторая группа включает десять английских эквивалентов, образы которых содержат дополнительные составляющие, несвойственные образу русской идиомы, ср.: *to tiptoe around* [walk **quietly or stealthily on one's toes** a circular path close to a specific destination without reaching it] и *to wander around* [move on **foot from place to place aimlessly**]. Третья группа состоит из семи английских эквивалентов, образы которых характеризуются меньшей метафоричностью из-за включения в их лексический состав компонента из области ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ, например: *to talk around in circles*. Четвертая группа содержит два английских функциональных эквивалента: *not to wade into deep water straight away u to rhetorically circumnavigate.* В отличие от русской идиомы, образы данных единиц основаны на представлении о вербальном общении как о морском путешествии. И, наконец, пятая группа объединяет три английских функциональных эквивалента, которые отличаются от русской идиомы своей синтаксической структурой, например: *the same old run-around (only now one has given it a new twist)*.

Как было установлено, образы 13 английских эквивалентов создаются за счет реализации в процессе перевода лингвокреативного потенциала моделей ПРОМЫСЕЛ (6 единиц), ИГРА (1 единица), ГАСТРОНОМИЯ (1 единица), РЕМЕСЛО (1 единица) и КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1 единица), и, соответственно, относятся к классу концептуально далеких (или концептуально неродственных) функциональных эквивалентов, например:

(2) *Он склонен ходить вокруг да около, когда ему некомфортно обсуждать тему. – He tends to beat about the bush when uncomfortable with the topic.* (Reverso Context)

В примере (2) функциональный эквивалент *to beat around the bush* наряду с другими единицами, созданными или сгенерированными для передачи русской идиомы на английский язык, *to beat about the bush, to thrash about the shrubbery, to blend in around, to poke around over smth, to bury the lead* порождаются моделью ПРОМЫСЕЛ. Эти эквиваленты имеют общую концептуальную составляющую, согласно которой основное содержание разговора воспринимается как добыча на охоте, которая разыскивается или ловится посредством разных средств и способов, а будучи выслеженной или пойманной, некоторое время скрывается. Стоит также отметить, что в силу исторических и культурных причин, как в русскоязычной, так и в англоязычной культурах, модель ПРОМЫСЕЛ имеет концептуальную связь

с моделью ПУТЕШЕСТВИЕ. Как и путешествие, охота подразумевает такие действия, как передвижение в определенном направлении и на определенное расстояние (в поисках добычи), преодоление различных препятствий, которые могут встретиться на пути, и т.д. Эта концептуальная связь, вероятнее всего, и обусловливает количественное преобладание концептуально неродственных функциональных эквивалентов, порождаемых или генерируемых моделью ПРОМЫСЕЛ, по сравнению с количеством эквивалентов этого класса, создаваемых на базе других моделей для передачи значения русской идиомы. Кроме того, эта концептуальная связь обеспечивает и объясняет сходство в семантике русской идиомы *ходить вокруг да около* и таких функциональных эквивалентов в английском языке, как t*o beat around the bush u to beat about the bush*. Несмотря на то, что данные функциональные эквиваленты определяются как концептуально далекие (или концептуально неродственные), они воспринимаются как более «понятные» носителям английского языка, поскольку основаны на концептуализации опыта их традиционной (практической) деятельности.

Таким образом, при передаче значения идиомы *ходить вокруг да около* 65% всех установленных функциональных эквивалентов, извлеченных из параллельного корпуса НКРЯ и Reverso Context, основаны на макрометафорической концептуальной модели ПУТЕШЕСТВИЕ. Соответственно, данная модель характеризуется высокой степенью реализации лингвокреативного потенциала на межъязыковом уровне. Данная модель активизируется при создании функциональных эквивалентов как профессиональными переводчиками, так и ИИ. При этом в случае с Reverso Context образы сформированного ИИ перечня эквивалентов отличаются большим разнообразием или гетерогенностью. Важно отметить, что созданные концептуально близкие эквиваленты могут конкурировать с эквивалентами, которые мы относим к концептуально далеким, т.е. основанным на других моделях, если они имеют бóльшую связь с культурными традициями носителей языка перевода.

В целом, полученные результаты способствуют, как нам представляется, расширению представления о когнитивных стратегиях коммуникативной адаптации иноязычных идиом в языке и культуре перевода, в которых проявляются общие и специфические принципы лингвокреативной деятельности естественного и искусственного интеллекта.

Литература

Беляевская Е. Г. Дискурсивная реализация концептуальных оппозиций как мера креативности дискурса // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: вариатив-

ность, креативность, эксперимент: сборник научных трудов: сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 10–22.

Демьянков В. З. Обычное и необычное в обыденном языке // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. 4 (15). С. 1049–1064.

Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Ирисханова О. К. «Поэтика» повседневности в речи и жестах: метафоры // Когнитивные исследования языка. 2023. 5 (52). С. 42–51.

Киосе М. И. Лингвокреативность и дискурсивная интерференция в научно-популярной детской литературе // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: вариативность, креативность, эксперимент: сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 162–176.

Кубрякова Е. С. Роль когнитивной лингвистики в науках когнитивного цикла // Когнитивные науки: проблемы и перспективы: материалы российско-французского семинара, Москва, 21–22 сентября 2010. М.: РГГУ, 2010. С. 113–199.

Опарина Е. О. Functional equivalence (функциональная эквивалентность). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/functional-equivalence-funktsionalnaya-ekvivalentnost

Соколова О. В., Фещенко В. В. Лингвокреативность авангарда: языковые функции в художественном и рекламном дискурсах // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. № 4 (12). С. 7–36.

Dobrovol'skij D. Idioms in contrast: a functional view // Las lenguas de Europa: Estudios de fraseología, fraseografía y traducción. Granada: Comares, 2000. P. 367–388.

Lubensky S., McShane M. Bilingual phraseological dictionaries // Phraseologie. Vol. 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. P. 919–928.

Nida E. A. From One Language to Another. Edinburgh: Thomas Nelson Inc.,1986.

I. V. Zykova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University

FUNCTIONAL EQUIVALENCE OF IDIOMS AS A RESULT OF LINGUOCREATIVE ACTIVITY OF NATURAL VS. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article is devoted to the problem of linguocreative activity carried out by professional translators and AI in the process of translating Russian idioms into English and vice versa. The material includes idioms of the subject area of verbal communication and their functional equivalents, selected from two sources – the National Corpus of the Russian Language and Reverso Context. The study is based on the developed concept of linguistic creativity, which allows us to identify two main classes of functional equivalents: conceptually close (or conceptually related) and conceptually distant (or conceptually unrelated). The results obtained give deeper insights into our understanding of the general

principles of adapting the underlying (conceptual) structures of idioms to intracultural and intercultural interaction processes.

Key words: linguistic creativity, idiom, phraseological unit, functional equivalent, artificial intelligence, natural intelligence.

О. К. Ирисханова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН,
Московский государственный лингвистический университет
oriskhanova@gmail.com

ИНТЕРМОДАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ДИСКУРСЕ, СОДЕРЖАЩЕМ АРГУМЕНТАЦИЮ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Статья посвящена проблеме изучения интермодальной адаптации, которая рассматривается как когнитивный механизм, обеспечивающий взаимную координацию участников коммуникации и используемых ими разнородных семиотических средств. Предлагается методология полимодального исследования, интегрирующая визуально-кинетический анализ движений рук и прагматический анализ речевого материала, полученного из диалогов 12 говорящих – носителей русского языка, обсуждающих различия между близкими синонимами. Показаны некоторые особенности вербально-жестового поведения в соотнесенности с двумя группами параметров – глобальными (тип дискурса) и локальными (диалогическая интеграция и тип аргументативного хода).

Ключевые слова: адаптация, интермодальная адаптация, диалог, монолог, диалогическая интеграция, тип аргументации, аргументативный ход, жест, тип жеста, акциональная (миметическая) схема.

Одной из методологических проблем изучения адаптации является тот факт, что в современной лингвистике не существует общепризнанного термина для обозначения того широкого диапазона изменений в коммуникативном поведении говорящего, которые вызваны его настройкой на другого говорящего, на постоянно меняющуюся коммуникативную ситуацию или на употребляемые им самим или другим участником общения коммуникативные ресурсы – языковые и неязыковые. Очевидно, что это связано как с многоаспектностью и разнообразием подобных изменений, так и с существованием различных школ и традиций анализа естественной коммуникации. Подобная настройка может носить как системный, так и дискурсивный характер, быть выраженной формально и/или содержа-

тельно, охватывать одну знаковую систему (канал коммуникации) или несколько. В последнем случае речь идет о полимодальном общении как динамической самоорганизации, в ходе которой происходит координация как в вербальном, так и в невербальном компоненте дискурса [Dale et al. 2013].

В настоящем исследовании мы будем опираться на понятие адаптации, под которой понимается не только и не столько системное уподобление одной языковой единицы другой, сколько взаимное приспособление участников общения непосредственно в актах коммуникации через осознаваемое или неосознаваемое ими производство вре́менных конфигураций, состоящих из речевых, кинетических, визуальных и иных единиц (см. также: [Ирисханова 2025]). Таким образом, адаптация рассматривается нами как зонтичный термин, вбирающий в себя такие известные в полимодальных когнитивных исследованиях понятия, как выравнивание (alignment) [Oben, Brône 2015], резонанс [Du Bois 2014; Логинова 2021], конвергенция и дивергенция [Giles et al. 1991], мимикрия [Holler, Wilkin 2011], темпоральная синхронизация (entrainment) [Levitan, Hirschberg 2011], прайминг [Pickering, Garrod 2004], интерсубъективизация [Traugott 2010; Ирисханова, Петров 2025] и др. Данные понятия, при явном сходстве, подчеркивают разные аспекты приспособления: так, конвергенция и дивергенция указывают на направление настройки; мимикрия и резонанс – на сходство формы и содержания; синхронизация – на настройку по ритму и времени; прайминг – на «подхватывание» одной единицей свойств предшествующей единицы.

Другой методологической задачей является разработка общих установок и процедур анализа адаптации с позиций полимодальной когнитивной лингвистики. Именно этот пробел мы стремимся частично восполнить в данной статье.

Вслед за Е. С. Кубряковой мы исходим из того, что взаимная адаптация как акт совместного наименования заключается «не столько в прямом обозначении реальных фрагментов мира […], но также в поисках формы “упаковки” для создаваемых человеком концептуальных структур» [Кубрякова 2004: 22]. С полимодальной точки зрения важными оказываются следующие моменты: (а) в ходе совместной настройки говорящие согласовывают одновременно несколько «форм упаковки» концептуальных структур – а именно, вербальные и невербальные формы; (б) согласование форм и содержания – это не просто полный или частичный повтор неких свойств, но и более сложная и разнообразная реакция на предложенный собеседником способ конструирования объекта; (в)

при диалогическом взаимодействии «полимодальное» конструирование одного участника становится точкой отсчета (или точкой роста, по Д. МакНилу [McNeill 2005]) для последующего полимодального конструирования другого собеседника, т. е. для формирования его собственной «вторичной» точки роста, с которой и будут связаны употребляемые им слова и жесты.

Опираясь на перечисленные установки, мы предположили, что адаптация речи и жестов (т. е. интерсемиотическая адаптация [Ирисханова 2025]) будет в целом обусловлена следующими глобальными и локальными характеристиками дискурса: с одной стороны, его формой – диалог vs. монолог, и общим намерением коммуникантов (например, рассказать историю, описать картину, аргументировать различия и пр.); с другой стороны – степенью диалогической интеграции в каждый момент интеракции и текущей интенцией, которая будет проявлять себя в типе коммуникативного хода.

В настоящей статье предлагается методика полимодального анализа устного диалогического дискурса как основа для дальнейшей проверки данной общей гипотезы.

Материалом исследования служат аннотированные видеозаписи диалогов, максимально приближенных к спонтанной речи, с участием 12 носителей русского языка – студентов МГЛУ (возраст – от 18 до 21 года). Участникам предлагалось, общаясь в парах, обосновать различия между близкими синонимами: *огонь – пламя, мертвец – труп, битва – схватка, чепуха – ерунда* и др. В результате был получен дискурс, в котором диалогические фрагменты чередовались с монологическими, а экспозитивные фрагменты сменялись выраженной аргументацией. Заметим, что материал корпуса «Синонимы» использовался ранее для исследования роли контактоустанавливающих жестов в структуре коммуникативных ходов, связанных с развитием топика, предложенного собеседником [Киосе и др. 2023], а также для изучения закономерностей реализации нечеткой референции в речи и жестах [Kiose et al. 2025].

На данном этапе анализа корпуса «Синонимы», полученного исследователями лаборатории мультиканальной коммуникации Института языкознания РАН, ставится вопрос о том, какие параметры дискурса и каким образом необходимо учитывать при изучении влияния локальной интенциональной структуры аргументативного взаимодействия на взаимную адаптацию речи и жестов участников.

Задача исследования на настоящий момент, таким образом, состоит не столько в количественной оценке частотности отдельных типов адаптации,

сколько в разработке принципов анализа, позволяющих установить связь между характером аргументативного взаимодействия и динамикой полимодальной настройки коммуникантов.

В качестве основных единиц анализа рассматриваются полимодальные аргументативные комплексы, состоящие из речевых аргументативных ходов и сопровождающих жестов. В целом адаптация может рассматриваться как в пределах реплики одного говорящего, так и за ее пределами. В первом случае мы имеем дело с внутренней адаптацией, когда настройка наблюдается между разными элементами внутри реплики одного говорящего (например, при самоисправлениях). Во втором случае речь идет о внешней адаптации, когда последняя выстраивается совместно двумя говорящими и распространяется на диалогические цепочки (например, говорящий Б уточняет аргумент говорящего А). В данной работе мы сосредоточимся главным образом на втором случае.

Полимодальный анализ, в соответствии с устоявшейся традицией рече-жестовых исследований, базируется на двух группах параметров дискурсивного материала – вербальных (языковых, речевых) и кинетических. К речевым параметрам мы относим степень диалогичной интеграции аргументативной цепочки и тип аргументативного хода. Поясним кратко, что имеется в виду под обоими понятиями.

Степень диалогической интеграции в нашей работе применяется к двум и более аргументативным ходам (обычно один ход и его антецедент). Данный параметр указывает на то, насколько анализируемый ход обнаруживает содержательную и формально-структурную преемственность по отношению к предыдущей (не обязательно соседней) реплике другого собеседника. Относительно автономные реплики-монологи, в которых говорящий развивает собственную позицию, не обнаруживая непосредственного формального и содержательного сходства с тем, что было сказано до этого, обладают пониженной степенью диалогической интеграции. Если же аргументативный ход строится на предыдущей реплике (например, дополняется синтаксическая конструкция, развиваются оппозитивные отношения по тому же признаку, воспроизводится или уточняется одна и та же метафора), то этот случай относится к повышенной степени диалогической интеграции. Несмотря на градуальность предложенного параметра, шкалу диалогической интеграции можно условно поделить на три зоны: зона D1 – низкая степень, D2 – средняя степень, D3 – высокая степень. Разграничение между ними ведется по комплексу критериев: содержательная автономность или зависимость (понятность или непонятность аргумента без антецедента); наличие лек-

сических или семантических повторов и синтаксического параллелизма; анафорические и дейктические связи; перефраз; уточнения; эксплицитно выраженное отношение к реплике предыдущего говорящего (наличие дискурсивных маркеров позиционирования); сохранение и развитие ведущего признака, лежащего в основе конструирования референта, способа категоризации, образ-схемы, метафоры; создание собственных метафорических проекций.

Приведем пример диалога между участниками А и Б: А произносит довольно протяженную монологическую реплику: […] *Чепуха – это не то, что это дело какое-то. Дело – это все-таки чепуха, а ерунда – это фраза, выражение какое-то.* Ответная реплика Б: *Ага, да, следующее* [задание]. Несмотря на присутствие дискурсивных маркеров согласия *ага, да,* в ответной реплике Б отсутствует подхват или развитие аргументации А, что позволяет отнести данную аргументативную диаду к категории низкой степени диалогической интеграции D1.

Процитируем еще один отрывок диалога, иллюстрирующий степень D2:

Участник А: *В основном, про огонь говорят как про стихию, а про пламя, когда что-то полыхает, то это видно человеческому взгляду.*

Участник Б: *Да, согласна. Еще как-то у меня пламя более теплые ассоциации вызывает. Пламя – что-то хорошее. Огонь как будто что-то плохое, такие ассоциации.*

На среднюю степень диалогической интеграции указывает присутствие в реплике Б не только маркеров согласия *(Да, согласна),* но и содержательное развитие аргументации *(Еще как-то у меня…),* хотя и по иному признаку (ср. «масштаб – стихия или человек» vs. «общая позитивная / негативная оценка!).

Степень D3 наблюдается в следующем фрагменте:

Участник А: *Идеал – не всегда про хорошее. Это какой-то паттерн: в этой работе мы можем достигнуть идеал не в плане чего-то там грандиозного, вау, а в плане, ну вот, это наше «от точки А до точки Б».*

Участник Б: *Короче, то, что хочешь видеть.*

На высокую степень диалогической интеграции указывает употребление дискурсивного маркера *короче*, служащего для уточнения, пояснения или подытоживания предыдущей реплики, а также подхват метафорического конструирования абстрактной сущности «идеал» как сущности телесной, физически наблюдаемой. Пространственная метафора абстрактного явления как предмета, перемещающегося из пункта А в пункт Б, получает развитие за счет аргументации, построенной на другой частной телесной метафоре – абстрактная идея как зрительно воспринимаемый объект.

В то же время высокая или низкая степень диалогической интеграции сама по себе не объясняет особенности адаптации с участием жестов, поскольку взаимная настройка может реализовывать разные коммуникативные цели.

Следовательно, вторым локальным параметром анализа является тип аргументативного хода и аргументативной цепочки с учетом текущей интенции и соотнесенности с репликой-антецедентом. Так, в ответной реплике на аргумент (ARG) говорящий может: (1) соглашаться с аргументом (AGREE); (2) подхватывать и развивать аргумент собеседника (ELAB); (3) уточнять и переформулировать его (REFORM); (4) выдвигать и обосновывать свой аргумент (ARG-NEW); (5) не соглашаться (DISAGREE); (6) предлагать контраргумент (COUNTER). Например, приведенный выше фрагмент для D2 может быть представлен в виде следующей цепочки из аргументативных ходов: $ARG_A \rightarrow AGREE_B + ARG\text{-}NEW_B$. Для примера D3 аргументативная цепочка выглядит следующим образом: $ARG_A \rightarrow REFORM_B$.

Наряду с вербальными параметрами, полимодальный анализ аргументативного дискурса включает параметр «тип жеста», при этом целесообразно учитывать два подхода к типологии жестов. Первый, более распространенный, делит жесты по их функциям на прагматические, репрезентирующие, указательные, ритмические и адаптеры. Второй, разработанный исследователями в центре СКоДис (МГЛУ), делит жесты по их повторяющимся в речи формально-структурным признакам на группы рекуррентных жестов, имитирующих те или иные физические манипуляции с объектами. В последнем случае выделяются жесты с такими миметическими (акциональными) схемами, как предъявление объекта, удерживание, взвешивание, протягивание, отбрасывание, притягивание, давление, разглаживание, локализация и пр. [Ирисханова, Николаева 2023]. Именно вторая типология, не отменяя, однако, первую, кажется нам весьма перспективной для анализа того, как адаптируются собеседники в плане настройки жестов одного коммуниканта на слова и движения рук другого участника диалога, поскольку данная классификация, в отличие от функциональной, опирается на объективно наблюдаемые и не зависящие от анализа речи параметры. Кроме того, акциональные схемы, как показали предыдущие исследования, с одной стороны, соотносятся с функциональными свойствами жестов, с другой – оказываются значимыми при анализе полимодальной метафоризации и метонимизации, которую мы достаточно часто наблюдали в корпусе «Синонимы» в аргументативных ходах участников.

Рассмотрим в качестве иллюстрации предложенной методологии следующий фрагмент из корпуса «Синонимы» (см. рис. 1):

А: *Пламя, вот когда пламя, у меня ассоциация именно с самим…* ***вот этим вот… типа…***

Б: *Гм, как* ***языки пламени…***
А: ***Да, пламени…***

Рис. 1. Реифицирующие жесты, прорисовывающие языки пламени у обеих говорящих

Данная интеракция может быть отнесена к высокой степени диалогической интеграции D3, поскольку участница Б вербально достраивает тот метафорический образ пламени *(языки пламени)*, который подразумевается в первой реплике А. Успешность такого достраивания подтверждается в третьей реплике маркером согласия *да*, лексическим повтором *пламени*, указательным жестом как дополнительной отсылкой к предыдущей реплике. Аргументативная цепочка выглядит следующим образом: ARGA → ELABB → AGREEA.

Жестовое поведение указывает на настройку коммуникантов и в кинетической модальности: участница А, испытывая затруднение в поиске нужных слов, заполняет паузы волнообразным репрезентирующим жестом «ладони вертикально, повернуты друг к другу, траектория указательными пальцами сверху вниз». Жест прорисовывает языки пламени, имитируя горение и тем самым реифицирует, т. е. опредмечивает природный процесс, фиксируя в пространстве его видимые границы. Примечательно, что в последующей реплике Б происходит адаптация ее речи к жесту А. Б как бы «подсказывает» участнице А необходимые слова – произносит *языки пламени*. При этом она сопровождает их жестом, который следует той же миметической схеме реификации, что и жест ее собеседницы: пальцы прорисовывают сверху вниз волнообразную траекторию. Таким образом, мы видим, что взаимная настройка в речевом компоненте аргументативной цепочки степени D3 получает дальнейшее усиление в кинетическом компоненте: жест не только повторяется у обеих участниц, но и компенсирует отсутствующий в ARGA фрагмент речи. Совместное конструирование пламени осуществляется полимодально по двум метафорическим проекциям: в речи реализуется метафора «природный процесс как телодвижения человека»; в жестах обоих говорящих – метафора «природный процесс как предмет, зафиксированный в пространстве». Таким образом, жесты вносят самостоятельный содержа-

тельный вклад в диалогическую интеграцию на уровне аргументативного комплекса, создавая метафорическую конфигурацию с пространством цели в ее центре (target-centred configuration).

Для сравнения сошлемся на приведенный выше фрагмент «огонь vs. пламя», иллюстрирующий степень D2 и выстраиваемый по аргументативной цепочке $ARG_A \rightarrow AGREE_B + ARG\text{-}NEW_B$. Аргументация собеседниц построена на различных с точки зрения базового признака оппозициях: «стихия vs. человек» и «хороший vs. плохой». При этом участница А не сопровождает жестами реплику ARG_A, в то время как Б использует движения рук для выделения оценочных компонентов противопоставления, предлагаемого ею в составе $ELAB_B$. Обратим внимание, что лексемы *хорошее* и *плохое* употребляются с местоимением *что-то* и синхронизируются с жестами, следующими миметическим схемам предъявления (жест + *хорошее*) и удерживания объекта в открытой ладони (жест + *плохое*), направленной вверх. Следовательно, аналогично предыдущему примеру, мы наблюдаем реификацию в речи и в жестах благодаря субстантивации и имитации манипуляций с предметом, соответственно. Различия заключаются в том, что, во-первых, для D3 жесты подключаются к речевой метафоризации (языки пламени), во-вторых, происходит перекрестная настройка: жесты и речь у разных говорящих не только настраиваются друг на друга в пределах своей модальности, но и слова начинают настраиваться на жесты. В случае с D2 жесты разных говорящих не участвуют непосредственно во взаимной настройке, а жесты второго говорящего создают самостоятельную метафору «абстрактное как предмет» (см. рис. 2):

Пламя – ***что-то хорошее***

Огонь как будто ***что-то плохое***

Рис. 2. Реифицирующие жесты, имитирующие предъявление и удержание объекта в ладони

Итак, предлагаемая методология полимодального анализа позволяет перейти от более узкого понимания адаптации как уподобления речевого поведения к более общей модели динамической координации семиотиче-

ских ресурсов. На примере аргументативных полимодальных комплексов, полученных из устной диалогической речи 12 носителей русского языка, обсуждающих различия между близкими синонимами, показана целесообразность соотнесения вербально-жестового поведения участников аргументации с двумя группами параметров – глобальными (тип дискурса – диалог vs. монолог) и локальными. К последним относятся речевые параметры степени диалогической интеграции аргументативной цепочки и интенциональный тип аргументативного хода. Указанная методология, предположительно, позволит установить связь между степенью диалогической интеграции аргументации, типом аргументативного хода и особенностями взаимной настройки речи и жестов. В частности, было установлено, что в аргументации жесты могут играть реифицирующую роль, имитируя манипуляции с нематериальными сущностями как с материальными; в аргументативных цепочках с высокой степенью диалогической интеграции жесты могут достраивать метафорические конфигурации, запускаемые в речи, а также участвовать в перекрестной настройке, когда речь настраивается на жест и наоборот.

Литература

Ирисханова О. К. Адаптация в когнитивно-семиотическом аспекте: жесты и речь // Когнитивные исследования языка. 2025. № 3 (64). С. 64–78.

Ирисханова О. К., Николаева А. И. Когнитивные основания вариативности рекуррентных жестов в экспланаторном дискурсе: «открытая ладонь вверх» и «открытая ладонь вниз» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 26–34.

Ирисханова О. К., Петров А. А. Позиционирование в полимодальном аспекте: анализ интерсубъективизации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 1. С. 17–27.

Киосе М. И., Леонтьева А. В., Агафонова О. В., Петров А. А. Мультимодальные коммуникативные действия в экспозитивном диалоге: развитие общей и новой темы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1013–1035.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Логинова Е. Г. Семиотический резонанс в естественной коммуникации и художественном дискурсе. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2021.

Dale R., Fusaroli R., Duran N. D., Richardson D. C. The self-organization of human interaction // Psychology of Learning and Motivation. 2013. Vol. 59. P. 43–95.

Du Bois J. W. Towards a dialogic syntax // Cognitive Linguistics. 2014. Vol. 25. No. 3. P. 359–410.

Giles H., Coupland N., Coupland J. Accommodation theory: Communication, context, and consequence // Contexts of Accommodation: Developments in Applied Sociolinguistics / ed. by H. Giles, J. Coupland, N. Coupland. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 1–68.

Holler J., Wilkin K. Co-speech gesture mimicry in the process of collaborative referring during face-to-face dialogue // Journal of Nonverbal Behavior. 2011. Vol. 35. No. 2. P. 133–153.

Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V., Petrov A. A. Speech and gesture regulations in expressing vague reference in expository dialogue // Slovo.ru: Baltic Accent. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 93–106.

Levitan R., Hirschberg J. Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions // Proceedings of Interspeech 2011. Florence, 2011. P. 3081–3084.

McNeill D. Gesture and Thought. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Oben B., Brône G. What you see is what you do: On the relationship between gaze and gesture in multimodal alignment // Language and Cognition. 2015. Vol. 7. No. 4. P. 546–562.

Pickering M. J., Garrod S. Toward a mechanistic psychology of dialogue // Behavioral and Brain Sciences. 2004. Vol. 27. No. 2. P. 169–226.

Traugott E. C. (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment // Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization / ed. by K. Davidse, L. Vandelanotte, H. Cuyckens. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 29–74.

O. K. Iriskhanova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University

INTERMODAL ADAPTATION IN ARGUMENTATIVE DISCOURSE: A METHODOLOGICAL FRAMEWORK FOR ANALYSIS

The article addresses intermodal adaptation as a cognitive mechanism supporting mutual coordination of interlocutors and the heterogeneous semiotic resources they employ. It proposes a methodology for multimodal analysis that integrates visual-kinetic analysis of hand movements with pragmatic analysis of spoken data drawn from dialogues produced by 12 native speakers of Russian discussing differences between close synonyms. The analysis reveals several features in speech–gesture behaviour in relation to two groups of parameters: global (discourse type) and local (dialogic integration and type of argumentative move).

Key words: adaptation, intermodal adaptation, dialogue, monologue, dialogic integration, type of argumentation, argumentative move, gesture, gesture type, actional (mimetic) schemas.

И. А. Краева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
irinakraeva@linguanet.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ *ГРАДУАЛЬНОСТЬ* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые тенденции развития категории градуальности в современном английском языке, которая предстает как категория, объективирующая концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ. В качестве основных тенденций развития языковой категории градуальности в английском языке отмечается тенденция к расширению ее границ за счет пополнения новыми членами, а также тенденция развития категории в сторону расширения границ предельности, особенно при выражении нарастания признака объекта, состояния или действия.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, градуальность, развитие категории, шкала градаций.

Существует, как известно, ряд проблем, которые находятся в сфере интересов ученых на протяжении всей истории развития языкознания. К таким «старым» проблемам относится, например, проблема вариативности и нормы в языке, проблема сущности и соотношения базовых понятийных категорий, в частности, категории градуальности. Важность изучения последней продиктовано, несомненно, тем, что категория градуальности является универсальной, поскольку градуальность, как и другие универсалии, свойственна всем языкам мира и благодаря этому свойству выступает как основа сводимости описания разнообразных и разносистемных языков [ЯБЭС: 385]. Кроме того, к базовым категориям относятся диалектически взаимосвязанные категории количества и качества, онтологический характер которых вытекает из особенностей мышления человека, который воспринимает окружающий мир через оценивание и измерение, и в их реализации участвует, среди прочих, категория градуальности.

В русле когнитивной лингвистики градуальность рассматривается как концепт, объективируемый с помощью языковой категории градуальности, в основе которой лежит процесс градуирования как когнитивная операция. Актуальным остается вопрос разграничения категории градуальности и смежных с ней категорий, таких как интенсивность, экспрессивность, оценочность, эмоциональность и др. Дифференцировать градуальность с первой из них, интенсивностью, можно по прагматическому фактору: для градуирования ключевым моментом является упорядочивание при-

знака на шкале по отношению к норме, в то время как интенсификация субъективна, ей присущ градуальный характер онтологически, так как признаки, подлежащие интенсификации, должны быть градуированными. Это дает возможность человеку интенсифицировать высказывание, выделяя необычность и значимость для него усиленного признака. В плане обобщения можно сказать, что интенсивность входит в смысловое пространство градуальности, которая разнообразнее и в смысловом плане, и в плане ее выражения в языке.

Не вызывает сомнения тот факт, что механизмы профилирования и шкалирования играют большую роль при рассмотрении процесса градуирования при обсуждении данной проблемы в русле разных парадигм лингвистического знания. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить теоретические положения, сформулированные еще Ю. Д. Апресяном, о том, что в словах естественного языка закрепляются понятии наивной геометрии, которая допускает бесконечное увеличение большинства линейных размеров, но не их бесконечное уменьшение. Объясняя данное положение, Ю. Д. Апресян пишет: «Например, прилагательное *высокий* (как и некоторые другие обозначения большого полюса шкалы линейного размера) – непредельное, потому что любой высокий предмет может становиться еще выше, не утрачивая права называться *высоким*. Наоборот, прилагательное *низкий* (как и некоторые другие обозначения малого полюса шкалы линейного размера) – предельное, потому что низкий предмет при постоянном сокращении его высоты в какой-то момент утрачивает высоту, а вместе с ней – и право называться *низким*» [Апресян 2000: XXXVHI]. При этом ученый уточняет: «Предельные прилагательные, в отличие от непредельных, могут сочетаться с наречиями полной степени признака [в современной терминологии – наречиями высокой степени признака] типа *совсем, совершенно, абсолютно* и т.п.; ср. *совсем низкий забор*, но не *совсем высокий забор*» [там же].

До недавнего времени данное положение было справедливо и в отношении английского языка. Однако, как известно, категория градуальности, как и другие категории, развивается. И ранее в своих работах по изучению использования английских прилагательных *tall (высокий)* и *low (низкий)* с помощью онлайн словарей мы отмечали, что в современном английском языке оба указанные прилагательные часто употребляются с наречием высокой степени признака *extremely (совершенно)* [OOCD; ECDO]. Более того, как показало исследование, для современного английского языка становится все более характерной «нетрадиционная» сочетаемость качественных прилагательных, имплицитно выражающих градуальность и имеющих в своей концептуальной структуре концептуальный признак «высокая / очень вы-

сокая степень признака». Всего несколько лет назад сочетание таких прилагательных с наречиями степени, также выражающими высокую степень признака, считались ненормативными. В настоящее время, согласно данным онлайн словарей, в узусном употреблении подобные сочетания встречаются часто – *absolutely* freezing, *completely* absurd, *pretty* annoyed, *deeply / extremely / very* shocking, *terribly / very* fascinating, *extremely* chic и др. Более того, некоторые подобные сочетания являются уже кодифицированными авторитетными словарями английского языка, в том числе учебными.

В ходе развития категории градуальности в английском языке идет пополнение ее новыми членами, что приводит к расширению границ категории. На способность концептов изменяться и уточняться указывала в свое время Е. С. Кубрякова: «Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификации. Концепты представляют собой неанализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются» [Кубрякова 1996: 91]. Мысль о возможном усложнении концепта и, как результат, объективации его более сложными языковыми средствами высказывает и Н. Н. Болдырев: «… по мере усложнения выражаемых смыслов возникает необходимость активации дополнительных концептов (знаний) и использования целых словосочетаний и предложений» [Болдырев 2021: 43].

Говоря о развитии категории градуальности в современном английском языке, следует, на наш взгляд, в первую очередь упомянуть пополнение ее новыми наречиями-модификаторами степени. Лингвисты, исследующие проблему выражения градуальности, отмечают, что функциональный класс модификаторов (в другой терминологии – квантификаторов, кванторов, квалификаторов, градуаторов, градаторов) степени признака, состояния, действия демонстрирует тенденцию к расширению своих границ в разных языках, в том числе в английском.

Согласно результатам анализа, в современном английском языке класс модификаторов степени активно расширяется за счет наречий, созданных на основе прилагательных, которые имеют градуируемые значения, а точнее – имплицитно выражают очень высокую степень признака: *utter – utterly, fantastic – fantastically, brilliant – brilliantly, extensive – extensively, terrible – terribly* и др. В своем большинстве такие модификаторы эквивалентны русским лексемам *абсолютно, чрезвычайно, совершенно, полностью* и являются часто употребляемыми единицами. Доказательство этому мы находим в авторитетных онлайн словарях лексической сочетаемости, созданных на основе Британского национального корпуса, где сочетания указанных

наречий с прилагательными фиксируются как частотные (см., например, словари [OOCD; ECDO]). Так, указанные словари фиксируют в качестве частотных такие словосочетания, как *dazzlingly / astonishingly / incredibly / wonderfully / staggeringly / startingly / strikingly / stunningly / unbelievably / breathtakingly* beautiful; *desperately / horribly / mortally* afraid; *glaringly / immediately / instantly apparent; amazingly / remarkably / surprisingly / uncannily* accurate и мн. др.

Представляется, что рассматриваемые «новые» модификаторы степени, хотя и не являются пока наречиями степени, тем не менее, в плане выражаемого ими лексического значения постепенно приближаются к традиционно выделяемым наречиям степени. Кроме того, такие модификаторы степени, безусловно, придают высказыванию существенную эмоциональную окраску. Иными словами, продолжение креативной языковой деятельности носителей языка в области развития категории градуальности приводит к появлению новых словосочетаний прилагательных большого полюса шкалы линейного размера.

Интересным примером успешности рассматриваемой тенденции может служить, на наш взгляд, использование новых словосочетаний – членов категории градуальности в официально зарегистрированных названиях важных, значимых для общества объектов, например в названиях телескопов. Так, комплекс из восьми оптических телескопов, установленный в Паранальской обсерватории, принадлежащей Европейской Южной Обсерватории и расположенный на горе Серро-Параналь в Чили, официально называется The Very Large Telescope, VLT *(Очень Большой Телескоп)*. В планы Европейской Южной Обсерватории входило построить к 2015 году The Overwhelmingly Large Telescope, OWL *(Ошеломляюще Большой Телескоп)* – гигантский телескоп с зеркалом диаметром в 100 метров. Однако данный проект остался неосуществленным из-за высокой технической сложности и стоимости постройки телескопа. В итоге Обсерватория решила сконцентрироваться на проекте значительно меньшего, но все же крупнейшего из построенных или строящихся в мире телескопа под названием The Extremely Large Telescope, ELT *(Чрезвычайно Большой Телескоп)* с зеркалом диаметром около 39 метров. В настоящее время идет строительство такого телескопа в Чили на горе Серро-Амазонес.

В заключение, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что в плане развития категории градуальности в английском языке наблюдается устойчивая тенденция к расширению ее границ за счет пополнения новыми членами и тенденция развития категории в сторону расширения границ предельности, особенно при выражении нарастания признака объекта, со-

стояния или действия. Для этого привлекаются разнообразные языковые средства, что в итоге делает языковую коммуникацию более интенсивной, экспрессивной и эмоциональной.

Сегодня в различных ситуациях можно слышать популярную фразу, приписываемую древнегреческому философу Сократу, «Нет предела совершенству» (на латыни – ***non est terminus ad perfectionem***). Перефразируя ее, говоря о тенденциях развития категории градуальности в языке, скажем: «Нет предела градуальности».

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 5-е изд., испр. и доп. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Кубрякова Е. С. Концепт // КСКТ. М.: МГУ, 1996. С. 90–93.

ЯБЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.

ECDO – The English Collocations Dictionary online. URL: www.ozdic.com.

OOCD – Online Oxford Collocations Dictionary. URL: www.freecollocation.com.

I. A. Kraeva *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF GRADATION IN MODERN ENGLISH

The article examines some trends in the development of the category of gradation in modern English which is presented as a category that objectifies the concept of gradation. The main trends in the development of the linguistic category of gradation in English include a tendency toward expanding its boundaries through the addition of new members, as well as a tendency toward expanding the boundaries of its utmost limit, especially when expressing the growth of a feature of an object, state or action.

Key words: cognitive linguistics, concept, gradation, category development, gradation scale.

Л. А. Манерко *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
wordfnew@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЯЗЫКА, ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СОЗНАНИЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ

В статье показываются метафоры, которые участвуют в категоризации концептуальных областей языка, человека и его сознания в рамках профессиональной коммуникации языкознания, биологии и психологии. Автор предпринял ретроспективный анализ тех концептуальных метафор, которые использованы конкретными специалистами в русскоязычной и англоязычной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: концептуальная метафора, биология, психология, когнитивная лингвистика.

На протяжении формирования и развития специальных видов знания, осознанно определяемых человеком с XIX в., складываются разнообразные картины мира в виде естественнонаучной, физической, психологической и лингвистической. В тот период уже задействованы законы, связанные с характером понимания живых систем, подчиненных определенным целям, функциям и программам организации живых организмов. Данное раз и навсегда установление целесообразности и очевидной последовательности эволюции и естественном отборе в процессе эволюции и как следствие последовательном и адаптивном характере этого процесса обогатило понимание характеристик функционирования не только биологической системы.

В нашем материале мы делаем попытку рассмотреть некоторые существующие метафоры, представленные в работах как на русском, так и на английском языках, которые затрагивают такие области знания, как биология, психология и лингвистика, иногда пересекающиеся со смежными областями – теорией информатики и семиотикой, следовательно, относящиеся к профессиональной коммуникации специалистов в этих сферах.

Мы наблюдаем в конце XIX столетия за рубежом все больший сдвиг к научным методам, который произошел на основе понимания психологии мышления как источника и природы человеческого знания, переместившегося на интроспективный анализ ментальной природы. Тогда появляется работа В. Джеймса «Принципы психологии», где психология определялась как наука «о ментальной жизни» (mental life). В тот период, как пишет известный американский психолог Дж. Миллер (1920–2012): “No one doubted

that *a mind was* there *waiting for* scientists to study it" – никто и не сомневался в том, что человеческий ум находился в преддверии научных исследований, а человек осознается как «знаток, то есть как тот, кто уже много *знает (ведает)*» – MAN as KNOWER [Miller 1972: 15, 368]. Важным оказывается и еще одно замечание Дж. Миллера о том, что «пытаясь и через 70 лет изучать мышление человека в научном плане, мы меньше уверены» в том, что его возможно изучить, а «мы можем об этом лишь догадываться» [Miller 1972: 15]. Психологическая концепция звучала и ранее – в трудах В. фон Гумбольдта, но обогащенная его идеями, получает развитие в трудах российских языковедов А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ, чьи мысли, двигаясь в направлении понимания психологической и социальной природы человека, предвосхитили все то, что наблюдается в других странах.

В то же время европейская научная мысль учитывает дарвиновскую концепцию, повлиявшую на развитие биологии и определившую понятие функциональности как «ключа в создании формы», каждый «этап развития которого включает серию ступеней эволюционной функциональности» [Emmeche, Hoffmeyer 1991: 2]. В рамках этой концепции человек теперь от «человека знающего» видится в метафорическом ракурсе как ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ (MAN as ANIMAL) [Miller 1972: 368]. Отсюда становится очевидным определение языка как живого организма (посредством рождения метафоры ЯЗЫК – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ (LANGUAGE as a LIVING ORGANISM) в трудах А. Шлейхера, что мы можем наблюдать в естественной природе, когда живой организм рождается, растет, становится взрослым и умирает.

Мельчайшие изменения, которые получают описание как "atoms of change" [Emmeche, Hoffmeyer 1991: 2] из просто отдельных фактов в естественно-биологической области знания перемещаются в сферу языка чаще, вся природа которого представлена в более сложном ракурсе на примере русского языка. Как и у любого организма в живой природе, рождение языка связано с появлением новых слов, а его развитие происходит по определенным законам – с саморегуляцией языка, его кризисным состоянием, формированием единиц, иногда загрязняющих словарный состав, и быстрым исчезновением слов, принятых в языке, становится неким потоком, который осмысляется, как и состояние человека, и может указывать на «нервный срыв». В своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» М. А. Кронгауз пишет: «Мир вокруг нас (неважно, эскимосов или русских) *изменяется*. Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию» [Кронгауз 2007: 10]. И этот вал изменений в словарном составе языка содержит указание на понимание

его нахождения у грани, у некой пограничной черты, когда язык находится в определенном состоянии – состоянии нервного срыва. И эту черту дальше нельзя переступать. И тогда рождается образная схема, воплощающая отражение пространства через метафору СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА – это ЛИНИЯ (ГРАНИЦА) между одним и другим состоянием языка.

Возвращаясь к описанию эпистемического состояния человеческого знания в психологии, Дж. Миллер указывает: «новый фокус стал приспособлением, а не знанием, поведением, а не мыслью», что складывается именно в психологической науке «как не то, что действительно прочувствованно, а то, что исходит из действия» (was not something to be experienced, but something inferred from action) [Miller 1972: 368]. Понимание человека начинает переосмысливаться и расширяться с тем, чтобы подчеркнуть, что человек – это все же социальное существо (MAN as SOCIAL ANIMAL), на мысли, поведение и действия которого влияет именно все вокруг – общественные факторы.

В этот период происходят в языке многочисленные изменения. Осмысление языка через сравнение его с чем-то практичным, точным, функциональным и предназначенным для достижения определенных целей фиксируется в метафоре LANGUAGE as a TOOL (ЯЗЫК как ИНСТРУМЕНТ / ОРУДИЕ). Такая модель подчеркивает практическую функцию языка как средства для коммуникации, убеждения, выражения мыслей или достижения конкретных целей. С. Пинкер подчеркивает, что язык – это «заточенный» (sharpened) *инструмент* на передачу точного смысла [Pinker 2007: 45].

Тогда совершенно очевидно влияние теории информации, которая затрагивает биологию и затем в языкознание, где появляются такие языковые средства как *genetic code, messenger RNA, feedback, information* и др. К 50–60-м гг. мы наблюдаем влияние генетических процессов, происходящих на молекулярном уровне клетки, и также в языке.

Метафора зеркала LANGUAGE as a MIRROR / ЯЗЫК – это ЗЕРКАЛО предполагает, что язык отражает реальность в человеческом мышлении. Это онтологическая метафора, поскольку абстрактное понятие «язык» наделяется свойствами конкретного физического объекта. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что такие метафоры «необходимы для рационального осмысления нашего опыта» [Lakoff, Johnson 1999: 235]. Метафора высвечивает идею репрезентации и соответствия языка действительности, но затемняет активную, конституирующую роль языка в создании реальности. Об этом пишет, например, современный философ Р. Рорти (R. Rorty “Philosophy and the Mirror of Nature”, 1979), где ум выступает зеркалом (MIND as a MIRROR), знание определено философом как отражение (KNOWLEDGE

as MIRROWING), а философия – как область представления отражения (PHILOSOPHY is a study of MIRROWING).

Метафора, касающаяся языка, фиксируется не только в научных текстах, посвященных языку, но и связана с другими используемыми метафорами ЯЗЫК – это БОЛЬШЕ ЧЕМ СОБРАНИЕ СЛОВ, в языке сконцентрирована душа того народа, который говорит на этом языке: language is more than just *a collection of words*; it is a reflection of the culture, history, and identity of its speakers. Every language is imbued with unique nuances, rhythms, and cadences that *mirror the soul of its people*. Through language, we not only convey information but also share emotions, beliefs, and the very essence of our humanity [URL: https://lewisforemanschool.ru/presentation/languages]. В данном случае метафора отражает универсальное свойство по отражению действительности в любом языке.

ЯЗЫК – это НИТЬ, которая связывает наши мысли, эмоции и опыт в жизни общества и языка (Language *is the thread* that binds our thoughts, emotions, and experiences into the fabric of our society; In the tapestry of linguistic diversity, every language *is a thread,* weaving its own narrative into the fabric of humanity [URL: https://lewisforemanschool.ru/presentation/languages]. Данная метафора отражает ключевую роль языка в формировании человеческого взаимодействия, культуры и коллективного сознания. Эта нить выстраивает нарративный дискурс, вписываясь как структура в человеческое бытие. Язык выступает не просто средством коммуникации, но и фундаментальным инструментом, который объединяет индивидуальные переживания, мыслительные процессы и социальные структуры.

Развитие социальных и антропологических областей знания позволило психологам и специалистам в языке и межкультурной коммуникации обратить внимание на то, что человеческая когнитивная сфера зависит от культурной традиции и культурных различий (на что указывала в своих работах А. Вежбицкая), личных предпочтений, затрагивающих социализацию человека в обществе.

В русле культурных отображений словарный состав языка представляет собой самый чувствительный показатель культуры народа, а язык взращивает заложенные в него *семена культуры* (ЯЗЫК – это СЕМЕНА КУЛЬТУРЫ), которые, проникнув в умы людей, расцветают в виде обычаев и культурных традиций.

В этом случае мы можем вести речь о фреймах ситуации общения, когда индексальное значение отсылает к уже существующей системе ценностей, которая задана дискурсом и в котором уже присутствует *«культурное знание»* (cultural knowledge) по Т. Гивону [Givon 1992: 12; Елизарова 2005: 89].

И теперь мы наблюдаем, по мнению Дж. Миллера, возврат, уже на новом витке развития, к концептуальной метафоре MAN as KNOWER с позиции контекста новых методов и новых теорий 70-х гг. в психологии. Именно та же метафора превращает человека не просто в знающего, а «осознающего субъекта» в новом контексте, модифицирующем семантику производной единицы в дискурсе. Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004] по поводу видоизменений в семантике производной единицы неоднократно указывала на влияние конкретных социокультурных факторов в формировании значения единицы в дискурсе.

И теперь изображение модели концептуального мира полностью зависит от человека, который представлен как *a human conceptualizer* [Dirven, Vespoor 1998: 15], следовательно, с углублением знания в когнитивных науках и формированием когнитивной лингвистики когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания учитывает человеческий фактор, оказывающий влияние на язык, а также неофункциональность, экспланаторность в объяснении явлений и мультимодальность в современном общении. Именно здесь наблюдается появление все большей специализации, продиктованной ростом фактуальной информации о человеческом сознании, уходящей в глубину и в детали, при этом воздействуя на разные сферы человеческого специального знания.

В английском языке особую роль приобретает метафора MIND as a CONTAINER. Она строится на концептуальной модели понимания памяти как вместилища (MEMORY is a CONTAINER), где емкость контейнера ограничена (по Дж. Миллеру, кратковременная память вмещает «7 ± 2 единицы информации»), а переполнение ведет к забыванию (to spill off into forgetfulness). В контексте *когнитивных и нейронаучных* исследований как более современных направлений в когнитивной теории языка Р. Джекендофф развивает эту модель, описывая информацию в мозге как жидкость, которую переливают из одного контейнера (кратковременная память) в другой (долговременная память), при этом происходит смешивание и с другой информацией, поступающей из внешнего мира: “The information in the brain often seems to be regarded as somewhat like a liquid that is *poured from one container* (say short-term memory) *to another* (say long-term memory), perhaps being filtered on the way or being combined with other liquids” [Jackendoff 1996: 2].

В своих работах [Манерко 2021, 2024] мною уже были представлены разнообразные метафоры с простой и осложненной структурой. Метафора КОНТЕЙНЕРА (открывание окна как устранение препятствия) сочетается с метонимией ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ. Именно так представляет человеческую речь

в конкретной коммуникативной ситуации британский лингвист М. Хэллидей, "speech-in-situation *opens a window to the soul* of language as semiotic system and process" [Halliday 2005: 63]. Здесь в предложении высказывание напрямую связано с пониманием языка через его душу. В дальнейшем, другие языковеды отталкиваются от образа открывающегося КОНТЕЙНЕРА (окна) и применяют эту концептуальную область в своих работах. В этой связи С. Пинкер вынес это понимание в название книги – "The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature" [Pinker 2007]. В основе блистательного ума, как указывают авторы аннотации к книге С. Пинкера, лежит способность превращать конечное число «строительных блоков нашего языка» в бесчисленные смыслы и в данном тексте язык и его структуры уподоблены метафоре ЯЗЫК – это строящееся ЗДАНИЕ – это еще одна концептуальная метафора, подчеркивающая как эти строительные блоки способны организовать бесчисленное количество значений в речи, ср.: "For Steven Pinker, the brilliance of the mind lies in the way it uses just two processes to turn *the finite building blocks of our language* into infinite meanings. The first is metaphor: we take a concrete idea and use it as a stand-in for abstract thoughts. The second is combination: we combine ideas according to rules, like the syntactic rules of language, to create new thoughts out of old ones" [Pinker 2007].

Специалисты в области нейронауки используют термин «карта» (map) как расширение идеи картографирования, которое «быстро смешалось с идеей собственно карты», тогда как «единственная последовательная идея, которая могла бы скрываться здесь, – это то, что эти термины применяются к мозгу для обозначения нейронной активности» [Neuroscience and Philosophy 2007: 150]. Авторы констатируют, что метафоры в науке являются правилом, а не исключением "metaphors are indeed the rule rather than the exception" [там же: 151]. А сознание определяется как совокупность «состояний, которые являются качественными и субъективными» и которые «встречаются как часть единого унифицированного сознательного поля» [там же: 98].

Указанный список метафор в описанных специализированных областях знания не является окончательным. В различных работах появляется все большее количество метафор, которые высвечивает все новые смыслы, на которые указывают ученые, давая свое видение языка и смежных с ним наук.

Литература

Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб: КАРО, 2005.
Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Манерко Л. А. «Каскад» метафор и мультимодальная метафора в научном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 3 (46). С. 179–184.

Манерко Л. А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. М.: Гнозис, 2024.

Dirven R., Vespoor M. Cognitive Exploration of Language and Linguistics. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 1998.

Emmeche C., Hoffmeyer J. From language to nature: The semiotic metaphor in biology // Semiotica. 1991. 84–1/2. Walter de Gruyter, P. 1–42.

Givon T. The grammar of referential coherence as mental processing instructions // Linguistics. 1992. Vol. 30. P. 5–55.

Jackendoff R. Languages of the mind: Essays on mental representations. 4th ed. Massachusetts: The MIT press, 1996.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied mind and its Challenge to Western Thought. Perseus Books Group: Basic Books, 1999.

Miller G. Psychology: The Science of Mental Life. L.: A Pelican Book, 1972.

Neuroscience and Philosophy: Brain, Mind, and Language. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2007.

Pinker S. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. N.Y.: Viking Press, 2007.

L. A. Manerko *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

CONCEPTUAL TRANSFERENCE OF LANGUAGE, MAN AND HIS CONSCIOUSNESS IN SPECIALISED KNOWLEDGE DOMAINS: RETROSPECTIVE AND MODERN ASPECTS

The material reveals metaphors taking part in categorization of such conceptual domains of language, human being and his consciousness in the framework of specialized communication in linguistics, natural sciences and psychology. The author introduced the retrospective analysis of those conceptual metaphors, which are used by concrete specialists in Russian and English professional interaction.

Key words: conceptual metaphor, biology, psychology, cognitive linguistics.

В. И. Постовалова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН

К СЕМИОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОКАМ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ. ОБРАЗ ПРАГМАТИКИ В ВОЗЗРЕНИЯХ Ю. С. СТЕПАНОВА[1]

В статье в рамках обсуждения дискуссионной темы о связях когнитивной науки с семиотикой в гуманитарном познании рассматривается вопрос о возможности использования семиотической концепции Ю. С. Степанова и его учения о прагматике как культурно-историческом стиле лингвофилософского мышления в качестве имманентного основания когнитивной лингвопрагматики.

Ключевые слова: семиотика, когнитивистика, лингвопрагматика, эпистемологический фон, основание, парадигма, культурно-исторический подход.

В своей статье «О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака)», опубликованной в сборнике «Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова», Елена Самойловна Кубрякова, говоря о междисциплинарном характере когнитивной науки, обращает внимание на тот факт, что «хотя список наук, включающихся в общие научно-исследовательские программы по изучению человеческого разума, обычно достаточно обширен, среди наук когнитивного цикла очень редко упоминается семиотика» [Кубрякова 2001: 283].

Для Елены Самойловны такое положение дел представляется весьма парадоксальным, поскольку, по ее утверждению, «некий семиотический фон явно прослеживается уже у первых ученых, стоявших у истоков когнитивизма» [Там же]. Первые лингвокогнитологи, полагая, что мыслительная деятельность человека может быть определена как деятельность символическая и рассматривая язык в целом как когнитивный процесс, признавали своей основной задачей анализ ментальных репрезентаций (представлений) в мыслительной деятельности человека и описание их связей с формами языка.

В современных лингвокогнитивных дисциплинах, исходящих из такого понимания, семиотика начинает рассматриваться уже не просто как эпистемологический фон или экстралингвистический интеллектуальный контекст, но как теоретико-методологическое основание таких дисци-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025–0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

плин, включающее их исходные принципы и базисные идеи. И одной из актуальных историко-научных задач когнитивной лингвистики становится *реконструкция образа семиотики* и ее основных разделов, способных выступать в роли таких оснований в отдельных лингвокогнитивных дисциплинах. В частности, в когнитивной лингвопрагматике, направленной на изучение языка в аспекте его практического использования в разных видах дискурсивных практик в единстве ментальных процессов и коммуникативных установок.

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть рефлексивные воззрения Ю. С. Степанова на истоки, становление и перспективы формирования прагматического подхода в современной гуманитарной и лингвосемиологической мысли и реконструировать в самых общих чертах *образ прагматики*, стоящий за такими воззрениями.

В разные периоды творческого пути Степанова прагматика рассматривалась в его работах в двух тесно связанных аспектах. Во-первых, в *эпистемологическом* аспекте как один из разделов науки семиотики (семиологии). И, во-вторых, в *культурно-историческом* аспекте как особая парадигма познания, которую он интерпретировал как определенный стиль лингвофилософского мышления.

Первоначально сама семиотика определялась Степановым как «наука о знаковых системах в природе и обществе» [Степанов 1998: 19]. Позднее Юрий Сергеевич уточнит свое понимание предмета семиотики, рассматривая знаковую систему как часть информационной системы, или инфосистемы. В своей Вводной статье к антологии «Семиотики» он так напишет об этом: «Семиотика находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, в планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений. Но везде ее непосредственным предметом *является информационная система*», т. е. система, несущая информацию, и элементарное ядро такой системы – *знаковая система*» [Степанов 2001: 5].

В составе *общей семиотики*, включающей, по Степанову, семиотику языка как «свое ядро», а также весь круг частных семиотик (биосемиотику, этносемиотику, семиотику культуры, абстрактную семиотику и другие разновидности), знаковая система описывается с позиции трех семиотических составляющих. А именно: с позиции *семантики*, *синтактики* и *прагматики,* рассматриваемых в их единстве и соположении.

По выражению Степанова, «границы прагматики как одной из трех частей семиотики были изначально определены ее соседством в рамках этой

науки с семантикой, с одной стороны, и синтактикой – с другой» [Степанов 1998: 698]. И если «синтактика понималась как сфера внутренних отношений между знаками, а семантика как сфера отношений между знаками и тем, что они обозначают, – внешним миром и внутренним миром человека, то на долю прагматики оставалась сфера отношений между знаками и теми, кто знаками пользуется, – говорящим, слушающим, пишущим, читающим» [Там же: 698–699].

По мере становления прагматики как самостоятельной дисциплины в ней все более уточнялся исходный тип прагматических отношений между знаками и их пользователями. Прагматика отказалась от первоначального тезиса семиотики о естественном характере связи между означаемым и означающим как двух сторон знака и связанного с этим представления об известной несвободе говорящего «перед лицом знака» [Степанов 2001: 32]. То есть от универсальной семиотической максимы о «безусловной обязательности языкового знака для каждого отдельного говорящего и слушающего» и необходимости «беспрекословного принятия» для них в составе знака какой-либо одной конкретной связи означаемого и означающего [Там же]. Тем самым прагматика совершила свой первый шаг на пути обретения *семиотического принципа свободы*.

Все более уточнялся при этом и предмет изучения прагматики как самостоятельной дисциплины. В основе теоретических построений современной прагматики лежит понятие *субъекта*. Известно, что этот термин в отдельных семиотических направлениях используется в разных смыслах. И хотя, по словам Степанова, смысловая пропасть между различными пониманиями субъекта в таких направлениях представляется «огромной и трудно заполнимой», тем не менее в современной прагматике удалось преодолеть разрыв между различными толкованиями субъекта [Там же: 29].

По утверждению Степанова, методологический импульс для введения понятия субъекта в семиотику исторически исходил из двух источников. Во-первых, от художественной литературы с ее расслоением авторского Я на героя (1), рассказчика о герое (2), а также автора-повествователя о рассказчике (3). И, во-вторых, от лингвистического анализа высказывания. Согласно позиции современной лингвистики, одна из основных линий прагматической интерпретации высказывания заключается в расслоении Я говорящего на три лика. А именно: на Я как подлежащее предложения. На Я как субъекта речи. И, наконец, на Я как внутреннее Эго, контролирующее самого субъекта [Степанов 2001: 29–30; 1998: 374–375, 701; Демьянков 1981: 371].

Параллельно этому, утверждает Степанов, происходит расслоение на три части и самой прагматики [Степанов 1998: 375, 701]. В прагматике

различают, во-первых, ее элементарную часть – размещение, или локацию Я в пространстве и времени. Во-вторых, в ней различают более сложную часть – локацию Я как субъекта речи по отношению к акту говорения. И, в-третьих, в прагматике различают локацию высших порядков, выражающих отношение говорящего Я к его внутреннему Эго, которое знает цели говорящего и его намерения, например, его установку сообщать правду или скрывать ее при речевом общении.

В итоге производимого объединения разных пониманий субъекта содержание прагматики как семиотической дисциплины начинает вырисовываться более четко. Современная прагматика выступает как дисциплина, предметом изучения которой является дискурс, соотнесенный с *главным прагматическим субъектом* – с Эго человека, творящего текст [Степанов 2001: 35–36]. Человек предстает в современной прагматической мысли как автор событий, заключающихся в говорении. Сам же дискурс базируется на основании, согласно которому «существование “Эго” говорящего субъекта предопределено самим актом говорения» [Степанов 1998: 707].

Разделяя данную максиму, прагматика, по словам Ю. С. Степанова, исходит из нового философского принципа существования человека: «Loquor, ergo sum» – «Я говорю, следовательно, я существую» [Степанов 2001: 35]. Другим словами, из принципа, дополняющего известный принцип существования Рене Декарта «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, я существую»), в котором существование человека определяется через мышление.

Второй аспект аналитического представления прагматики в воззрениях Юрия Сергеевича Степанова – *культурно-исторический* – разрабатывался им на основе семиотического анализа философии языка, под которой он понимал господствующий взгляд на язык в какую-либо эпоху, связанный с определенной философской позицией [Степанов 1998: 176]. Такой культурно-исторический подход при изучении семиотических феноменов был вполне органичен для Степанова. Ведь сама культура в его понимании семиотична и исторична по своей природе. Она выступает для него как автономная сфера бытия, развивающаяся по своим собственным имманентным законам – «законам самоорганизующейся информационной (*семиотической*) системы sui generis» [Степанов 1999: 8].

При семиотическом видении философии языка прагматика предстает для Степанова как отдельная *парадигма* гуманитарного познания, связанная с определенным культурно-историческим *стилем мышления*. Такое понимание парадигмы Степанов возводил к идее Макса Борна о существовании неких «общих тенденций мысли, изменяющихся очень медленно и образующих определенные философские периоды с характерными для них идеями во

всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке» [Степанов 1998: 175]. Данное толкование парадигмы Ю. С. Степанов противопоставлял широко распространенному в науке этого времени эпистемологическому пониманию парадигмы у Томаса Куна, называвшего этим именем всякий общепризнанный образец постановки и решения научных проблем.

Степанов выделяет три семиотические парадигмы языка в истории лингвофилософской мысли. Во-первых, *семантическую парадигму*, или философию имени, исходящую из имени и его отношения к миру. Во-вторых, – *синтаксическую парадигму*, или философию предиката, опирающуюся на предикат как ядро суждения. И, наконец, в-третьих, – *прагматическую парадигму*, фиксирующую свое внимание на связи между языком и говорящим субъектом в конкретной речевой ситуации.

Первая парадигма – *философия имени* – разрабатывалась в философии языка со времен античности вплоть до начала XX века в учении об имяславии. Вторая парадигма – *философия предиката* – разрабатывалась в философии языка неопозитивизма. Третья – *прагматическая парадигма* – разрабатывалась в философии языка позднего логического неопозитивизма (Бертран Рассел) и в формальной прагматике (Ричард Монтегю, Клайв Льюис, Я. Хинтикка и другие). В наши дни прагматическая парадигма обретает новую жизнь в современном гуманитарном познании в отдельных лингвопрагматических дисциплинах.

Следуя общей логике именования в семиотическом мышлении, согласно которой лингвофилософскую парадигму называют по основному лингвистическому понятию, считающемуся в ней определяющим, Ю. С. Степанов называет прагматическую парадигму в семиотике *философией эгоцентрических слов*. Такими словами в его концепции именуется известный круг слов прагматической направленности – *Я, здесь, сейчас, это* и ряд других, ориентированных на Эго говорящего человека. И, если философия имени, по Степанову, может рассматриваться как «пик семантики», а философия предиката – как «пик синтактики», то философия эгоцентрических слов становится «пиком прагматики» [Там же: 373].

Эта новая парадигма философии языка, в видении Степанова, характеризуется по сравнению с философией имени и философией предиката двумя радикальными отличиями. Во-первых, весь язык в данной парадигме соотносится с Я как использующим язык субъектом. И, во-вторых, все основные понятия, употребляемые для описания языка в данной парадигме, «релятивизируются», то есть рассматриваются как функции [Там же].

В ходе своих историко-научных исследований Ю. С. Степанов приходит к мысли о том, что термин «прагматика» в силу своей невольной ассоци-

ативной связи с идеями философского прагматизма не является удачным для выражения всей сферы логико-лингвистической проблематики, намечаемой в современном прагматическом подходе [Там же: 379]. И Степанов предлагает заменить термин «прагматика» другим, более адекватным термином. Ведь, по его словам, «противоречие терминологии и существа дела становится кричащим, когда проблема рассматривается в обобщении, на абстрактном уровне» [Там же]. А именно такая ситуация и возникла в современной прагматике как разделе общей семиотики.

Замену термина «прагматика» Степанов предлагает производить, опираясь на опыт именования семантической и синтаксической парадигм в семиотической парадигматике. По его мысли, имена семантической и синтаксической парадигм выражают основное предназначение существующих в них координат языка. Так, семантика (от греч. σημαίνω – ‘означаю’) выражает в семантической парадигме отношение «означивания» знаков к объектам. А синтактика (от греч. συντάττω – ‘составляю’, συντακτός – ‘составленный’) – отношение «составления» и «присоединения» знаков друг к другу, характерное для синтаксической парадигмы [Там же: 380].

Чтобы найти адекватный термин для наименования прагматики по такой логике рассуждения, необходимо, следовательно, установить тип *отношения,* задаваемого прагматической координатой языка. В формулировке Ю. С. Степанова, суть этого отношения заключается в «присвоении» себе говорящим языка «в момент – и на момент – речи» [Там же]. Прилагая к себе в момент речи имя «Я», говорящий, по Степанову, самим актом такого действия присваивает себе и весь язык, накладывая на него координаты реального места и времени в конкретной ситуации говорения и побуждая своего слушающего принимать эти координаты и сообразовываться с ними.

По утверждению Степанова, для выражения такого прагматического отношения подходит греческий глагол δέχομαι со значением «принимаю в себя», «воспринимаю» и связанное с ним прилагательное δεκτικός, означающее «могущий вместить или принять в себя». Таким образом, заключает Степанов, «названием всей координаты, всего данного измерения языка будет *дéктика*» [Там же]. А прагматическая парадигма получит именование *«дектической»*.

При вхождении в мир творческой мысли Юрия Сергеевича Степанова обращает на себя внимание известная парадоксальность его научного подхода. Так, занимаясь исследованием парадигм в истории лингвофилософской мысли, сам Степанов в своих изысканиях часто оставался мыслителем, созерцающим лингвистическую реальность со *сверхпарадигмальной* позиции в *полипарадигмальном* пространстве культуры. При таком подходе ему *при-*

открывались многие сокровенные грани языка, ускользающие от внимания исследователей при теоретическом ви́дении лингвистической реальности сквозь призмы традиционных парадигм познания. И ему *открывались* соответственно новые пути их постижения в разных научных дисциплинах.

* * *

При рассмотрении семиотики в качестве основания линвокогнитивных дисциплин, формирующихся в рамках антропологической программы изучения языка в современном гуманитарном познании, возможно несколько путей теоретико-методологической реализации этой идеи.

Во-первых, при построении научной теории возможно рассмотрение семиотических и когнитивных характеристик изучаемого предмета в их относительной независимости друг от друга и в предположении, что у такой дисциплины, как, например, когнитивная лингвопрагматика, возможны два исходных теоретико-методологического основания – семиотика и когнитивистика.

Во-вторых, возможно теоретическое рассмотрение семиотических и когнитивных характеристик изучаемого предмета в составе единой когнитивно-семиотической парадигмы, или подпарадигмы, исходящей из признания единого интегративного основания в когнитивной лингвопрагматике. В интерпретации Н. Ф. Алефиренко и Р. Конрада, разделяющих такое понимание, специфика когнитивно-семиотической подпарадигмы сводится к «слиянию постулатов функционально-коммуникативной лингвистики с теорией человеческой словесно-познавательной деятельности, которая <…> предполагает учет всех (экстралингвистических и лингвистических) компонентов генерации дискурсивного текста» [Alefirenko, Konrad 2017: 7; см. также Алефиренко 2014].

Наконец, в-третьих, в теоретических построениях возможно представлять семиотические и когнитивные характеристики изучаемого предмета в их соположении, рассматривая в качестве основания когнитивной лингвопрагматики только одно из связанных с этим начал – когнитивистику или же семиотику. А второе начало представлять в имманентной позиции как методологически проистекающее из первого.

Наиболее разработанным в современной когнитивной лингвопрагматике при этом подходе является решение о рассмотрении семиотических характеристик в имманентном контексте когнитивистики. Данное решение в ее радикальном варианте вызывает известные возражения с позиции принятия идеи о дискурсе как единстве когниции и коммуникации. Так, В. И. Заботкина, разделяя такое представление и не умаляя при этом роли

когнитивных моментов в процессе коммуникации, считает тем не менее «неправомерным и невозможным растворить прагматику в когнитологии» [Заботкина 2007: 86, 89].

Второе теоретически возможное решение вопроса о соположении семиотических и когнитивных характеристик изучаемого предмета в рамках принятия идеи о наличии лишь одного базисного основания в когнитивной лингвопрагматике состоит в избрании семиотики в качестве подлинного основания данной дисциплины и рассмотрении когнитивистики в имманентном контексте семиотики. Подобный подход, проявляющийся отчасти, по мысли Е. С. Кубряковой, при рассмотрении семиотических характеристик производного слова, позволит «углубить» и сами наши представления о когнитивных аспектах изучаемого предмета [Кубрякова 2001: 289].

Решение о представлении когнитивистики в контексте семиотики в составе когнитивной лингвопрагматики предполагает рассмотрение семиотики в ее широком истолковании. Такое решение может базироваться на семиотической концепции Ю. С. Степанова, для творческого подхода которого характерно именно такое понимание семиотики. И можно надеяться, что развитие центральной мысли Степанова о рассмотрении прагматики как определенного стиля лингвофилософского мышления принесет когнитивной лингвопрагматике новые идеи для ее дальнейшего плодотворного развития.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 16–27.

Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Серия литер. и яз. Т. 40 (4). 1981. С. 368–377.

Заботкина В. И. О соотношении прагматического и когнитивного в дискурсе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 2. С. 86–91.

Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283–291.

Степанов Ю. С. Язык и метод: к современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.

Степанов Ю. С. Краткая справка о системе взглядов // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков: Око. [Т. 3–4], 1999. С. 8–13.

Степанов Ю. С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. М.; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–42.

Alefirenko N. F., Konrad R. Cognitive linguopragmatics in the language of modern science // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 7–18.

V. I. Postovalova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

TO THE SEMIOLOGICAL SOURCES OF MODERN COGNITIVE LINGUOPRAGMATICS. THE IMAGE OF PRAGMATICS IN THE VIEWS OF YU. S. STEPANOV

The article deals with the connections between cognitive science and semiotics in the humanities as a debatable topic. It examines the possibility of using Yu. S. Stepanov's semiotic conception and his theory of pragmatics as a cultural-historical style of linguophilosophical thinking as an immanent foundation for cognitive linguopragmatics.

Key words: semiotics, cognitive science, linguopragmatics, epistemological background, foundation, paradigm, cultural-historical approach.

Л. А. Фурс *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ВЕКТОРОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются особенности формирования оценочных векторов в медиадискурсе в рамках когнитивного подхода. Установлено преобладание идеологической доминанты, в соответствии с которой конструируется оценочное знание. В этих процессах активизируются когнитивные стратегии смыслового противопоставления и концептуальной метафоры. В либеральном издании данные стратегии направлены на критику действий президента США, использующего правоохранительные органы в личных целях, а в консервативном издании эти когнитивные стратегии позволяют выразить одобрение действий президента.

Ключевые слова: оценочный вектор, когнитивный подход, когнитивная стратегия, медиадискурс.

В русле когнитивного подхода конструирование знания, в том числе и оценочного, рассматривается на основе описания когнитивных стратегий, формирующих область процедурного знания (см. подробнее о процедурном знании [Фурс 2018]). Осмысление оценочных векторов в процессах конструирования знания о тех или иных явлениях окружающего мира соотносится со свойством направленности оценки на позитивное или негативное представление события. В этой связи обращение к медиадискурсу предполагает также учет идеологической доминанты в качестве ведущего фактора в конструировании оценочного знания об анализируемом событии. Отметим, что идеология, будучи философским термином, определяется как «характеристика неистинного мировоззрения, предназначенного для обмана ради материальных, а также политических интересов» [ФЭС 1998: 170]. Характерно, что под влиянием идеологической доминанты представители разных политических партий оценивают одно и то же событие по-разному. Так, в США в зависимости от политических предпочтений новостные издания, идеологически противопоставленные друг другу, формируют оценочное знание разновекторно. Материалом для данного исследования является статья из консервативного новостного издания Breitbart News, поддерживающего республиканскую партию (Gilbertson N. One Year of Wins: Trump's Top Accomplishments in First Year of 'Golden Age' // Breitbart News. January 20, 2026. URL: https://www.breitbart.com/politics/2026/01/20/trumps-top-accomplishments-first-year-golden-age), и статья из либерального издания New York Times, поддерживающего демократическую партию (For Trump, Justice Means Vengeance // The New York Times. January 17, 2026. URL: https://www.nytimes.com/2026/01/17/opinion/editorials/trump-second-term-vengence.html). Учет идеологической доминанты, характерной для новостного издания, диктует оценочный фокус в соответствии с принципом «свой – чужой» и во взаимосвязи с ожиданиями своей аудитории (подробнее см. [Фурс 2024]). Целью данного исследования является изучение особенностей формирования оценочных векторов в медиадискурсе с позиций когнитивного подхода.

В ходе анализа фактического материала установлено, что фокус идеологической доминанты детерминирован партийными интересами выиграть промежуточные выборы в Конгресс США в ноябре 2026 года, и этим обусловлена критика оппонентов и восхваление собственной партии и ее представителей. В качестве объекта оценки выступает Д. Трамп и итоги его деятельности в конце первого года на посту президента США. Соответственно, либеральное издание New York Times жестко критикует Д. Трампа, в то время как консервативное новостное издание Breitbart News

одобрительно отзывается о его деятельности. Характерно, что в первом случае оценочный фокус формируется на основе интерпретации фрейма "Law enforcement" (Соблюдение правовых норм), а во втором – на основе осмысления фрейма "Accomplishments" (Достижения).

В либеральном издании конструирование негативного оценочного вектора в описании итогов работы президента опирается на когнитивную стратегию смыслового противопоставления:

President Trump is celebrating the anniversary of his return to power by ***accelerating his attack on the rule of law****. He has spent the week leading up to Jan. 20 using the mighty powers of the Justice Department as* ***an extension of his personal and political interests*** (The New York Times).

Этот пример репрезентирует смысловое противопоставление в оценке действий президента следующим образом: 1) президент несет ответственность за соблюдение правовых норм в государстве – президент наносит удар по верховенству закона (*attack on the rule of law*); 2) Министерство юстиции контролирует соблюдение правовых норм – президент использует это министерство как инструмент для продвижения своих личных и политических интересов (*an extension of his personal and political interests*). За счет такого противопоставления передается критика действий Д. Трампа.

Mr. Trump does not attempt to hide ***his use of law enforcement powers for vengeance*** (The New York Times).

В этом случае противопоставляются полномочия правоохранительных органов в обеспечении правовых норм в стране и их использование президентом в целях его личной мести тем, кто когда-то выступал против него.

His usurpation of law enforcement power ***threatens*** *us all. His attacks on members of Congress and the news media* ***threaten*** *people's right to speak freely and hold the government accountable* (The New York Times).

Соблюдение правовых норм должно обеспечивать безопасность граждан, однако, по мнению авторов статьи, узурпация власти президентом и его нападки на членов Конгресса и средства массовой информации нарушают право людей на свободу слова и привлечение правительства к ответственности. За счет глагола *to threaten* (to tell someone that you will kill or hurt them or cause problems if they do not do what you want [CD]) подчеркивается отсутствие безопасности в стране, где личные интересы президента ставятся выше закона.

After hollowing out the functions of the federal government's system of justice that ensure fairness and guard against misconduct, the Trump administration has turned what remains into ***the agent of Mr. Trump's personal and political impulses*** (The New York Times).

Еще одно смысловое противопоставление конструируется за счет переосмысления функций федеральной системы правосудия как инструмента реализации личных и политических импульсов Д. Трампа. При этом лексема *an impulse* (a sudden desire to do something [Collins]) указывает на отсутствие запланированных действий и их подмену внезапно возникшими желаниями.

В либеральном издании активизируется и стратегия концептуальной метафоры:

But the Republican Party has largely been a silent partner as its leader ***removes all sense of justice from the Justice Department*** (The New York Times).

Область-источник в метафорическом переносе представлена знанием о том, как переносится объект из одной области в другую. Это знание проецируется на Министерство юстиции, которое лишается своего законного права восстанавливать справедливость. Более того, в ситуативном контексте действия президента по подмене функций правоохранительных органов соотносятся со всей республиканской партией (*a silent partner*), что является свидетельством предвыборной риторики.

Примечательно, что консервативным изданием также задействована когнитивная стратегия смыслового противопоставления, однако в ходе описания достижений Д. Трампа на посту президента за истекший год противопоставляются результаты деятельности действующего президента как представителя республиканской партии и экс-президента Дж. Байдена, представителя демократической партии. Такое противопоставление также свидетельствует об активизации предвыборной кампании с целью получения хороших результатов на промежуточных выборах в Конгресс:

President Trump ***accomplished more in one year than many presidents did in eight.*** *The President delivered on every major campaign promise – securing the border, stopping* ***Biden's inflation crisis****, signing the largest middle-class tax cuts in history, ending woke DEI nonsense, and* ***restoring American strength on the world stage*** (Breitbart News).

В этом примере представлены такие линии смыслового противопоставления, как: 1) один год работы президента Д. Трампа – 8 лет работы экс-президента Дж. Байдена; 2) созданная Дж. Байденом инфляция –восстановление американской силы на мировой арене при Д. Трампе.

Under President Trump's leadership, America ***is safer, stronger, and more prosperous than ever before, and the best is yet to come*** (Breitbart News).

Смысловое противопоставление достигается здесь с помощью градуирования, когда сравнительная степень прилагательных указывает на новый этап в развитии страны, нехарактерный для предыдущей американской ад-

министрации. Форма превосходной степени прилагательного *best* позволяет подчеркнуть, что при президенте Д. Трампе в будущем планируются еще большие достижения.

Позитивный оценочный вектор в статье консервативного новостного издания формируется за счет словосочетаний с прилагательными с оценочной семантикой, такими как *wildly successful, many positive outcomes, significant tax relief, Big Beautiful Bill Act, shining achievement of Trump's*. Необходимо отметить и присутствие в некоторых словосочетаниях интенсификаторов оценочного значения (*wildly, many*), которые усиливают значимость достижений Д. Трампа.

Характерно, что в консервативном издании также задействована стратегия концептуальной метафоры:

*One Year of Wins: Trump's Top Accomplishments in First Year of '**Golden Age**'* (Breitbart News).

Знание о «золотом веке» как эпохе наивысшего расцвета в развитии общества проецируется на достижения Д. Трампа в течение первого года его президентского срока после переизбрания. За счет ассоциации с дорогим металлом передается высокая оценка его деятельности на посту президента.

Таким образом, особенностью формирования оценочных векторов в медиадискурсе является преобладание идеологической доминанты, в соответствии с которой конструируется оценочное знание. Объектом оценки в либеральном новостном издании выступает фрейм "Law enforcement" (Соблюдение правовых норм), а в консервативном издании фрейм "Accomplishments" (Достижения). Установлены такие когнитивные стратегии конструирования оценочных векторов, как стратегия смыслового противопоставления и стратегия концептуальной метафоры. В либеральном издании данные стратегии направлены на критику действий президента США, использующего правоохранительные органы в личных целях. Напротив, в консервативном издании эти когнитивные стратегии позволяют выразить одобрение действий президента. Проанализированный фактический материал подтвердил действие идеологической доминанты в медиадискурсе, в соответствии с которой политические интересы ставятся выше объективного освещения реального положения дел в стране.

Литература

Фурс Л. А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74–78.

Фурс Л. А. Специфика интерпретационных фокусов в меднадискурсе: когнитивный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24 (3). С. 250–256.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998.

CD – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org

Collins – Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com

For Trump, Justice Means Vengeance // The New York Times. January 17, 2026. URL: https://www.nytimes.com/2026/01/17/opinion/editorials/trump-second-term-vengence.html

Gilbertson N. One Year of Wins: Trump's Top Accomplishments in First Year of 'Golden Age' // Breitbart News. January 20, 2026. URL: https://www.breitbart.com/politics/2026/01/20/trumps-top-accomplishments-first-year-golden-age/

L. A. Furs *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

FEATURES OF THE EVALUATIVE VECTORS FORMATION IN MEDIA DISCOURSE: A COGNITIVE APPROACH

This article examines the formation of evaluative vectors in media discourse within the framework of a cognitive approach. The ideological dominance plays the leading role in the evaluative knowledge construction. These processes activate cognitive strategies of semantic contrast and conceptual metaphor. In the liberal publication, these strategies are aimed at criticizing the actions of the US president, who uses law enforcement agencies for personal gain. In the conservative publication, these cognitive strategies allow the approval expression of the president's actions.

Key words: evaluative vector, cognitive approach, cognitive strategy, media discourse.

Julio Madera Quintana *(Camagüey, Cuba)*
University of Camagüey "Ignacio Agramonte Loynaz"
rectoruc1967@gmail.com

CAN MACHINES THINK?LINGUISTICS FACING THE CHALLENGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The accelerated advancement of large language models (LLMs) has reopened foundational questions about meaning, understanding, and cognition. This paper examines the challenges that current AI language systems pose to cognitive linguistics, focusing on three interconnected problems: the form-meaning gap, the grounding

problem, and the limits of pragmatic competence. Drawing on recent empirical research and theoretical frameworks from cognitive linguistics, philosophy of mind, and AI, it is argued that LLMs, despite their impressive performance, operate without genuine intentionality, embodied experience, or contextual grounding. Cognitive linguistics, far from being displaced by these technologies, is uniquely positioned to provide critical evaluation and to guide the development of more semantically grounded, interpretable language systems.

Key words: cognitive linguistics, large language models, embodied cognition, meaning, artificial intelligence.

1. Introduction

The accelerated development of artificial intelligence, and in particular of large language models (LLMs), has fundamentally reconfigured the landscape of human communication. Systems capable of generating coherent texts, translating between languages, and sustaining extended dialogue have reopened a classical question in the philosophy of mind: can machines think? Originally posed by Alan Turing in 1950, this question acquires new urgency in light of systems such as GPT-4, Gemini, or Claude, whose linguistic output is, at first glance, difficult to distinguish from human production.

From the perspective of cognitive linguistics, this question cannot be reduced to a merely technical matter. Human language is not a formal system of signs, but a complex manifestation of cognition, deeply tied to experience, corporeality, and social interaction [Lakoff, Johnson 1980; Fauconnier 1994]. Analysing what these systems actually do, and fail to do is precisely the task of cognitive linguistics [Ahmadova 2024]. As Wu and Cheng [Wu, Cheng 2025] have recently argued, understanding the relationship between language, cognition, and AI requires moving beyond binary oppositions towards a multi-level embodied-constructional framework.

2. The Form–Meaning Gap: Statistical Competence Without Semantic Access

Current LLMs operate through transformer architectures trained on massive textual datasets. By identifying co-occurrence patterns across billions of tokens, these systems learn to predict statistically probable continuations of any given input. This process yields outputs that can appear coherent and even creative. However, as Bender and Koller [Bender, Koller 2020] argued in their influential paper on form versus meaning, there is no evidence that this statistical learning constitutes access to meaning in the cognitive-linguistic sense.

Empirical studies have consistently confirmed this gap. Dentella et al. [Daniela et al. 2023] evaluated several LLMs on language comprehension

tasks specifically designed to probe sensitivity to underlying meaning rather than surface form; results revealed systematic insensitivity to semantic content when controlling for distributional cues. Similarly, Havl'ik [Havl'ik 2023] provides a philosophical analysis of why LLM-produced text does not constitute understanding in any epistemically robust sense. The metaphor of the stochastic parrot [Bender et al. 2021] – a system that recombines linguistic forms without accessing their referential content – captures this asymmetry, though researchers such as Lizarraga et al. [Lizarraga et al. 2025] have challenged whether accurate next-token prediction in complex sequences might not imply, in some functional sense, a representation of the world. This tension remains the defining debate in the study of artificial cognition.

Large-scale benchmarking has further clarified the contours of LLM competence. Srivastava et al. [Srivastava et al. 2022] (BIG-bench) demonstrated that while LLMs achieve remarkable performance on many linguistic tasks, performance degrades sharply on tasks requiring genuine compositional reasoning, causal inference, or reference to non-textual world knowledge. Mumuni and Mumuni [Mumuni and Mumuni, 2025], reviewing LLMs from the perspective of artificial general intelligence, conclude that current architectures remain far from the kind of flexible, grounded cognition that would be required for human-level understanding.

3. The Grounding Problem: Symbols Without Referential Anchors

The concept of grounding–originally introduced by S. Harnad as the symbol grounding problem–refers to the process by which symbolic representations acquire meaning through connection to sensory and motor experience. Pavlick [Pavlick 2023] provides a rigorous account of why grounding in LLMs is structurally different from human symbolic grounding: because LLMs are trained exclusively on text, their symbols are anchored only to other symbols, not to perceptual reality.

Lee et al. [Lee et al. 2023] evaluated grounding capacity across a range of LLMs and found that, while models perform competently on tasks solvable through intra-textual cues, their grounding fails in scenarios requiring genuine world-model integration. Tao et al. [Tao et al. 2025] have recently proposed a quantitative framework (Lost-in-the-Later) for measuring contextual grounding degradation in LLMs, finding systematic decay as tasks require integration across longer temporal or causal chains. Talukdar and Biswas [Talukdar and Biswas 2023] propose context-aware grounding as a reliability-enhancing technique, though they acknowledge that current approaches constitute approximations rather than true semantic grounding.

An important line of research has attempted to address this deficit through hybrid architectures. Ahn et al. [Ahn et al. 2022] (Do As I Can) demonstrated that grounding language in robotic affordances produces substantially more reliable action-oriented language use, providing empirical support for the embodied-grounding hypothesis. Giorgis, Gangemi, and Russo [Giorgis, Gangemi, and Russo 2024] propose neurosymbolic graph enrichment as a pathway towards grounded world models, combining formal knowledge representation with neural language processing. While these approaches are promising, they remain partial and do not yet resolve the fundamental asymmetry between statistically-derived and experientially-grounded meaning that cognitive linguistics has long identified as central.

4. Embodied Cognition and Its Absence in LLM Architectures

One of the most robust arguments from cognitive linguistics against the thesis that LLMs understand language is the embodied cognition hypothesis. From Lakoff and Johnson [Lakoff and Johnson 1980] to contemporary fourth-generation cognitive science, it has been established that human thought is deeply anchored in sensorimotor experience. Conceptual categories, primary metaphors (up/down, in/out, strong/weak), and image schemas that structure our understanding of the world all emerge from the organism's physical interaction with its environment.

Barrett and Stout [Barrett and Stout 2024] assembled a thematic issue of Philosophical Transactions of the Royal Society B specifically evaluating embodied cognition in the age of generative AI. Their central conclusion is that, while LLMs have exceeded expectations on certain linguistic tasks, embodied approaches remain indispensable for explaining the majority of human cognition, particularly that involving perception, action, and interpersonal coordination. Dove [Dove 2024], in the same collection, proposes the concept of symbol ungrounding: what LLM successes reveal is not that grounding is unnecessary, but that the specific grounding requirements for human symbol systems are met by biological embodiment in ways that purely textual training cannot replicate.

Torres-Martínez [Torres-Martínez 2024] provides a linguistically precise case study: LLMs systematically fail to account for the semantics of modal constructions such as the English be able to, because the underlying meaning of these constructions is anchored in bodily capacity and agentive experience unavailable to a text-trained system. This is not a peripheral limitation but an illustration of a structural asymmetry. Vallverdú and Redondo [Vallverdú and Redondo 2025] have recently extended this analysis to the broader question

of whether generative AI can produce disembodied meaning, concluding that the outputs of such systems constitute a pragmatically useful but semantically impoverished simulacrum of human meaning construction. From the standpoint of phenomenology, the work of Phenomenology and the Cognitive Sciences [Phenomenology and the Cognitive Sciences 2026] introduces the AI dilemma: either LLMs achieve sense-making without biological embodiment, or their linguistic competence does not genuinely require sense-making. Neither alternative is innocuous for cognitive theory.

Incao et al. [Incao et al. 2024] have mapped a roadmap for embodied and social grounding in LLMs, arguing that symbol anchoring in real-world experience is a necessary condition for meaning emergence in any artificial system, connecting directly with the foundational premises of cognitive linguistics. Wu and Cheng [Wu and Cheng 2025] further propose that a constructional cognitive framework–integrating embodied simulation, intersubjectivity, and usage-based grammar–is required to move beyond the current impasse.

5. The Limits of Pragmatic Competence in LLMs

A second critical domain is pragmatic competence. Pragmatics studies how speakers interpret utterances in relation to context, social norms, conversational implicatures, and shared world knowledge. Systematic research has shown that, despite their surface fluency, LLMs exhibit significant pragmatic fragility [Ma et al. 2025; Sravanthi et al. 2024].

The PUB benchmark [Sravanthi et al. 2024] evaluated LLMs on fourteen distinct pragmatic tasks–implicature resolution, indirect speech act recognition, deixis, and presupposition. While larger models achieved notable performance on multiple-choice formats, pragmatic competence proved fragile and inconsistent in open-ended conditions. Lipkin et al. [Lipkin et al. 2023] specifically evaluated LLMs as pragmatic reasoners using Gricean tasks, finding that models frequently violate pragmatic norms in ways that human speakers would not, particularly in contexts requiring Theory of Mind inference.

The cross-linguistic dimension further complicates the picture. Park et al. [Park et al 2024] evaluated pragmatic competence in Korean, finding that models trained predominantly on English corpora show systematic pragmatic failure when deployed in linguistically and culturally distinct contexts. Ma et al. [Ma et al. 2025] survey the field and identify the absence of genuine communicative intentionality as the root cause: pragmatic competence requires reasoning about mental states, sociocultural norms, and communicative goals–none of which are directly encoded in textual data. As Grice (1975) established, human communication presupposes mutual recognition of communicative

intentions; a system generating language without intention is not, strictly speaking, communicating.

6. Implications for Cognitive Linguistics and AI Development

The proliferation of AI language systems introduces new dynamics in digital communication. Daily interaction with conversational agents and automated text generators is modifying users' communicative expectations, generating new discursive genres, and raising unprecedented challenges around authorship, epistemic responsibility, and veracity. Cognitive linguistics – with its conceptual toolkit of prototype categorization, conceptual metaphor and metonymy, mental spaces, and construction grammar – is uniquely equipped to analyse both the linguistic output of these systems and the communicative contexts in which they are deployed.

A further challenge concerns the sustainability of training data. When models are trained on outputs generated by other models, the linguistic diversity and referential richness of training corpora diminish progressively [Shumailov et al. 2023], (cit. in [Frontiers 2024]). This makes linguistic research on real language use–in its sociolinguistic, pragmatic, cognitive, and discursive dimensions–an indispensable input for maintaining the quality of language technologies.

Emerging multimodal architectures offer a partial path forward. Zhang et al. [Zhang et al. 2025] present R1-VL, a multimodal LLM that integrates visual and linguistic reasoning through stepwise reinforcement, achieving measurable improvements in tasks requiring cross-modal grounding. Speech LLM research [Peng et al. 2024] similarly attempts to anchor language in prosodic and phonetic modalities unavailable to text-only models. While these developments represent genuine progress, they remain architecturally distant from the integrated sensorimotor-linguistic grounding that cognitive linguistics describes as the basis of human meaning construction.

Conclusion

Current machines do not think in the full sense that cognitive linguistics assigns to human thought: they lack embodied experience, genuine intentionality, and robust pragmatic competence. Their statistically sophisticated linguistic capabilities, however, challenge our conventional definitions of thought, understanding, and meaning – and compel us to sharpen those definitions. The grounding problem is not merely a technical limitation to be resolved by scaling; it reflects a structural difference between language systems rooted in lived experience and those trained exclusively on textual form.

The task of cognitive linguistics in this context is twofold: to provide rigorous critical analysis of the claims made on behalf of AI systems, and to contribute actively to the design of language technologies that are genuinely interpretable, transparent, and aligned with human communicative practice. Turing's question remains open, but its answer cannot be given from engineering alone. It requires, necessarily, the conceptual precision of linguistics.

References

Ahmadova S. Interdisciplinary insights into language and cognition: the paradigm of cognitive linguistics // Scientific notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. 2024.Vol. 37 (76). P. 175–178.

Ahn M., Ahn M., Brohan A., Brown N., Chebotar Y., Cortes O. Do As I Can, Not As I Say: Grounding Language in Robotic Affordances // arXiv:2204.01691. 2022.

Barrett L., Stout D. Minds in movement: embodied cognition in the age of artificial intelligence // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2024. Vol. 379 (1911). P. 2023.0144.

Bender E. M., Koller A. Climbing towards NLU: On Meaning, Form, and Understanding in the Age of Data // Proceedings of ACL. 2020. P. 5185–5198.

Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of FAccT'21. 2021. P. 610–623.

Dentella V., Guenther F., Murphy E., Marcus G., Leivada E. Testing AI on language comprehension tasks reveals insensitivity to underlying meaning // Scientific Reports. 2023. 14. DOI: 10.1038/s41598–024–79531–8.

Dove G. Symbol ungrounding: what the successes (and failures) of large language models reveal about human cognition // Philosophical Transactions B. 2024. 379. DOI: 10.1098/rstb.2023.0149.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Giorgis S., Gangemi A., Russo A. Neurosymbolic Graph Enrichment for Grounded World Models // ArXiv, abs/2411.12671. 2024.

Goncharova O. V., Khaleeva S., Kaufova L., Kazieva A., Khomovich N. Machine Learning Algorithms in the Speech Analysis: Intonation and Acoustic Characteristics Comparative Study // Big Data and Artificial Intelligence for Decision-Making in the Smart Economy. 2025. P. 365–372.

Havl'ik V. Meaning and understanding in large language models // Synthese. 2023. 205. DOI: 10.1007/s11229–024–04878–4.

Incao S., Mazzola C., Belgiovine G., Sciutti A. A Roadmap for Embodied and Social Grounding in LLMs // arXiv:2409.16900. 2024.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lee H., Joo S., Kim Ch., Jang J., Kim D., On R.-W., Seo M. How Well Do Large Language Models Truly Ground? 2023. DOI: 10.48550/arxiv.2311.09069.

Lipkin B., Wong L., Grand G., Tenenbaum J. Evaluating statistical language models as pragmatic reasoners // ArXiv, abs/2305.01020. 2023.

Lizarraga R., Honig E., Wu Y. From Stochastic Parrots to Digital Intelligence: The Evolution of Language Models and Their Cognitive Capabilities // WIREs Computational Statistics. 2025. DOI: 10.1002/wics.70035.

Ma B., Li Y., Zhou W., Gong Z., Liu Y. J., Jasinskaja K., Friedrich A., Hirschberg J., Kreuter F., Plank B. Pragmatics in the Era of Large Language Models: A Survey on Datasets, Evaluation, Opportunities and Challenges // arXiv:2502.12378. 2025.

Mumuni A., Mumuni F. Large language models for artificial general intelligence (AGI): A survey of foundational principles and approaches // ArXiv, abs/2501.03151. 2025.

Park D., Lee J., Jeong H., Park S., Lee S. Pragmatic Competence Evaluation of Large Language Models for the Korean Language. 2024. P. 256–266.

Pavlick E. Symbols and grounding in large language models // Philosophical Transactions A. 2023. 381. DOI: 10.1098/rsta.2022.0041.

Peng J., Wang Y., Li B., Guo H., Fang Y., Xi Y., Li H., Li X., Zhang K., Wang Sh., Yu K. A Survey on Speech Large Language Models for Understanding // IEEE Journal of Selected Topics in Signal Processing. 2024. DOI: 10.1109/jstsp.2025.3640535.

Phenomenology and the Cognitive Sciences. Sense-making reconsidered: large language models and the blind spot of embodied cognition. 2026. DOI: 10.1007/s11097–025–10132–0.

Sravanthi S. et al. PUB: A Pragmatics Understanding Benchmark for Assessing LLMs' Pragmatics Capabilities // Findings of ACL 2024. Pp. 12075–12097.

Srivastava A. et al. Beyond the Imitation Game: Quantifying and extrapolating the capabilities of language models // ArXiv, abs/2206.04615. 2022.

Talukdar W., Biswas A. Improving Large Language Model (LLM) fidelity through context-aware grounding // ArXiv, abs/2408.04023. 2023.

Tao Y., Hiatt A., Seetharaman R., Agrawal A. "Lost-in-the-Later": Framework for Quantifying Contextual Grounding in Large Language Models // ArXiv, abs/2507.05424. 2025.

Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Harvard University Press, 2003.

Torres-Martínez S. Embodied human language models vs. Large Language Models, or why Artificial Intelligence cannot explain the modal be able to // Biosemiotics. 2024. 17. Pp. 185–209.

Vallverdú J., Redondo I. Disembodied Meaning? Generative AI and Understanding // Forum for Linguistic Studies. 2025. DOI: 10.30564/fls.v7i3.8060.

Wu J., Cheng L. Beyond binary opposition: philosophical reflections on a multi-level Language cognitive model from an embodied constructional perspective // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. 12. DOI: 10.1057/s41599–025–05690–2.

Zhang J., Huang J., Yao H., Liu Sh., Zhang X., Lu Sh., Nao D. R1-VL: Learning to Reason with Multimodal Large Language Models via Step-wise Group Relative Policy Optimization // ArXiv, abs/2503.12937. 2025.

Хулио Мадера Кунтана *(Camagüey, Cuba)*
University of Camagüey "Ignacio Agramonte Loynaz"

МОГУТ ЛИ МАШИНЫ МЫСЛИТЬ? ЛИНГВИСТИКА ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ускоренное развитие больших языковых моделей (LLM) поставило фундаментальные вопросы о значении, понимании и познании. В данной работе рассматриваются вызовы, которые современные языковые системы искусственного интеллекта ставят перед когнитивной лингвистикой, с учетом трех взаимосвязанных проблем: разрыва между формой и значением, проблемы «заземления» (grounding problem) и ограничения прагматической компетентности. Опираясь на современные эмпирические исследования и теоретические основы когнитивной лингвистики, философии сознания и ИИ, автор показывает, что LLM, несмотря на впечатляющие результаты, функционируют без подлинной интенциональности, воплощенного опыта (embodied experience) или контекстуальной привязки. Когнитивная лингвистика не только не вытесняется этими технологиями, но и занимает уникальное положение для проведения критической оценки и разработки более семантически обоснованных и интерпретируемых языковых систем.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, большие языковые модели, воплощенное познание, значение, искусственный интеллект.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. В. Анищенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
allan031@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В НАРРАТИВАХ УСТНОЙ ИСТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МАРКЕРА *ANGST*)

В статье анализируются когнитивные механизмы конструирования эмоционально-оценочной перспективы в заголовках и аннотациях немецкоязычного портала устной истории *Zeitzeugen-Portal.de*. На материале видеоинтервью, сгруппированных по эмотивному маркеру *Angst (страх)* с применением фреймового, семантического и контекстуального анализа выявляются устойчивые фреймы (ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, ВОЕННОЙ УГРОЗЫ, СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ) и их когнитивные функции.

Ключевые слова: устная история, эмотивный маркер, Angst, фреймовый анализ, когнитивные механизмы, культурная память, Zeitzeugen-Portal.de.

Современные цифровые архивы устной истории как мемориальные проекты не только способствуют сохранению и трансляции исторического опыта последующим поколениям, но и решают задачу организации эмоционально-оценочного восприятия индивидуальных воспоминаний, которые, будучи институционализированными в рамках государственного проекта, участвуют в формировании культурной памяти нации [Анищенко, Диденко 2022: 14]. Одним из наиболее значимых европейских ресурсов такого типа является немецкоязычный портал *Zeitzeugen-Portal.de*, аккумулирующий устные воспоминания-интервью с очевидцами исторических событий XX–XXI вв.

Цель предлагаемого исследования заключается в выявлении и систематизации когнитивных схем (фреймов), посредством которых в заголовочно-аннотационных комплексах портала конструируется эмоционально-

оценочная перспектива, обеспечивающая передачу личного опыта и его трансляцию в культурную память.

Материалом исследования послужила сплошная выборка из 289 видеосвидетельств, опубликованных на портале *Zeitzeugen-Portal.de*, сгруппированных по ключевым маркерам базовых эмоций. Анализировались заголовки и аннотации (Lead), предваряющие каждое интервью, содержащее эмотивный маркер.

Методологическую основу исследования составляют фреймовый анализ (в традиции Ч. Филлмора), а также методы семантического и контекстуального анализа заголовочно-аннотационных комплексов. Теоретической рамкой исследования служат, с одной стороны, положения А. Ассман о культурной памяти как конструкте, изменяющемся во времени и приобретающем собственную историю [Ассман 2019], а с другой – тезис М. Шварц-Фризель о том, что эмоциональные состояния, связанные с прошлым, могут быть реактивированы через нарратив, даже если в текущей коммуникации они не вызываются намеренно [Schwarz-Friesel 2007]. Применительно к заголовкам и аннотациям портала *Zeitzeugen-Portal.de* это означает, что эмотивный маркер фиксирует не случайную эмоцию, а ту, которая была признана значимой для культурной памяти нации и которая подлежит фиксации и трансляции последующим поколениям. В нашем исследовании мы исходим из того, что через языковое оформление заголовков и аннотаций (Lead) задается эмоционально-оценочная рамка восприятия индивидуальных воспоминаний, отражающих исторические события. В данной работе акцент сделан на доминирующем в исследовательском корпусе маркере *Angst*.

Согласно фреймовой семантике Ч. Филлмора определенные слова активируют в сознании целостные структуры знания – фреймы – и тем самым категорируют опыт [Fillmore 1982]. В контексте заголовков порталов устной истории такие фреймы выполняют функцию первичного структурирования восприятия: еще до просмотра видео реципиент через заголовок и аннотацию получает ключ к интерпретации эмоционального посыла сюжета.

Анализ заголовков и аннотаций портала показывает, что эмотивный маркер *Angst* систематически выносится в заголовочную позицию, выполняя функцию первичной категоризации транслируемого исторического опыта. Заголовок эксплицирует эмоциональную доминанту, обеспечивая прозрачность эмоциональной установки для аудитории.

Наиболее частотным эмотивным маркером в исследуемом материале является лексема *Angst* (страх), представленная в 163 видеосвидетельствах. Заголовки и аннотации к ним не просто констатируют наличие маркеров этой эмоции, но конкретизируют ее источник, активируя устойчивые

фреймы: ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (*Angst vor der Gestapo* / страх перед гестапо, *Angst vor einer Verhaftung* / страх перед арестом, *Leben in Angst* / жизнь в страхе); ВОЕННОЙ УГРОЗЫ (*Angst vor den Russen* / страх перед русскими, *Angst vor den Amerikanern* / страх перед американцами, *Angst vor den Franzosen / страх перед французами),* а также фрейм СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ (s*oziale Ausgrenzung der Juden* / социальная изоляция евреев, *Angst vor Aufmärschen der Nationalsozialisten* / страх перед маршами национал-социалистов).

Рассмотрим действие когнитивного механизма на примере заголовочно-аннотационного комплекса к видео об Эльзбет Германн, школьнице еврейского происхождения, которая боялась быть арестованной гестапо во время Хрустальной ночи: *Elsbeth Hermann, jüdischer Herkunft und damals Schülerin, fürchtete sich, während der Pogromnacht von der Gestapo verhaftet zu werden*. Отметим, что в анализируемом заголовочно-аннотационном комплексе актуализация фрейма ПРЕСЛЕДОВАНИЯ происходит на двух уровнях: в заголовке и в аннотации. Данный фрейм разворачивается в сознании зрителя как сценарий, который включает следующие компоненты:

– агент преследования (*Gestapo* – институционализированная сила, обладающая властью и возможностью применения насилия);

– жертва (*Elsbeth Hermann, jüdischer Herkunft und damals Schülerin* – невинная еврейская девочка-школьница);

– событие-триггер (*Pogromnacht* – события 9 ноября 1938 года, запустившие процесс открытого гонения на еврейское население в Германии и Австрии и вошедшие в историю под названием «Хрустальная ночь» или «Ночь разбитых витрин»);

– результат (*verhaftet zu werden* – арест и заключение в тюрьму или концентрационный лагерь);

– эмоционально-оценочный след (тревога и оценка происходящего как несправедливого).

Таким образом, знакомый с историческим контекстом нацистской Германии зритель еще до просмотра видео-интервью Эльзбет Германн через эмотивный маркер-триггер *Angst* в заголовке и через лексему *sich fürchten* в аннотации получает установку, через которую будет интерпретировать воспоминание конкретного свидетеля исторических событий. Эта установка не только программирует ожидание трагического события (появление гестапо, ареста, рассказа о трагической судьбе школьницы), но и выполняет эмоциональную (формирует установку на сочувствие девочке и антипатию к гестапо как агенту насилия) и оценочную (маркирует события Хрустальной

ночи как несправедливые, преступные и травматические, заслуживающее запоминания и трансляции во избежание повторения) функции.

Особый интерес представляет блок видео-интервью, связанных с концом Второй мировой войны, где страх перед наступающими армиями (советской, американской, французской) маркируется в заголовках предельно лаконично: *Angst vor den Russen*, *Angst vor den Amerikanern*, *Angst vor den Franzosen*. Такая повторяемость формирует устойчивый фрейм, в котором противник предстает не столько как военная сила, сколько как источник иррационального ужаса.

Следует отметить, что заголовочно-аннотационный комплекс не только информирует о содержании интервью, но и программирует восприятие реципиента. Содержащийся в заголовке или в аннотации номинант эмоции выступает в качестве триггера и направляет реципиента к определенной эмоционально-оценочной позиции еще до того, как он услышит голос свидетельницы, описывающий событие немецкой истории через призму личных переживаний. Кроме того, систематическое маркирование эмоций в заголовках и аннотациях создает возможность эмоциональной категоризации исторического материала, ведь реципиенту представляется возможность отбирать исторические события не только по хронологическому или тематическому принципу, но и по эмотивному маркеру (*страх, надежда, радость, печаль*).

Таким образом, воздействие заголовочно-аннотационных комплексов портала *Zeitzeugen-Portal.de* на аудиторию обусловлено комплексным взаимодействием эмотивных маркеров-триггеров с когнитивными структурами сознания. Эмотивная лексика в заголовках выступает как ориентир, позволяющий пользователю осознанно выбирать эмоциональную перспективу взаимодействия с историческим опытом, транслируемым в устных воспоминаниях в рамках государственного проекта, что способствует формированию исторической эмпатии и рефлексивного отношения к прошлому.

Литература

Анищенко А. В., Диденко В. Д. Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 9–15.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Fillmore Ch. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm. The Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin, 1982. P. 111–137.

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2007.

A. V. Anishchenko *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE MECHANISMS OF THE EMOTIONAL-EVALUATIVE PERSPECTIVE IN ORAL HISTORY NARRATIVES (BASED ON THE MARKER *ANGST*)

The article analyzes the cognitive mechanisms of constructing the emotional-evaluative perspective in the headlines and leads of the German-language oral history portal *Zeitzeugen-Portal.de*. Based on a corpus of video interviews grouped by the emotive marker *Angst* (fear), and employing frame, semantic, and contextual analysis, the study identifies stable frames (PERSECUTION, MILITARY THREAT, SOCIAL ISOLATION) and their cognitive functions.

Key words: oral history, emotive marker, Angst, frame analysis, cognitive mechanisms, cultural memory, Zeitzeugen-Portal.de.

И. В. Блинникова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ir.vl.blinnikova@gmail.com

Г. Б. Блинников *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
georgijblinnikov@gmail.com

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСТОРИЙ НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКАХ[1]

В исследовании проверялось, работают ли закономерности, установленные Ф. Бартлеттом и положенные в основу его теории схемы, при последовательном устном воспроизведении историй на иностранном языке. Испытуемые (n=60) в группах пересказывали друг за другом услышанный отрывок рассказа либо на русском, либо на английском языке. В целом, для родного и иностранного языков были уста-

[1] Исследование проведено в рамках государственного задания Минобрнауки России «Интегральная оценка когнитивных и эмоциональных ресурсов участников интернет–коммуникаций на родном и иностранном языке». Регистрационный номер НИОКР – 125090210031–6.

новлены сходные закономерности. Однако, воспроизводя рассказ на иностранном языке, испытуемые чаще опускали узлы схемы, реже использовали синонимичные замены слов и в большинстве случаев нейтрализовали эмоциональное содержание.

Ключевые слова: запоминание историй, последовательное воспроизведение, Фредерик Бартлетт, схема, родной и иностранный язык.

Введение. Вопрос о социальной природе памяти человека и ее включенности в процесс коммуникации был поставлен очень давно [Wagoner, 2017]. Сегодня эти идеи получают новое прочтение в теориях расширенного познания, постулирующих, что хранение и обработка информации не замыкается на индивидуальном уровне, а существует как открытая система взаимодействия с внешним миром [Bietti, Stone 2019]. В этом контексте не кажется удивительным возвращение интереса к работам Фредерика Чарльза Бартлетта и к его методическим приемам исследования памяти в процессе пересказа людьми историй [Mercier, Kalampalikis 2020; Ost et al. 2022].

Ф. Бартлетт еще в начале XX в. постарался найти пересечения между памятью отдельного человека и памятью сообщества. Проанализировав характер передачи знаний в социуме, он смоделировал похожую ситуацию в лаборатории: сначала первому испытуемому зачитывали историю, которую он затем пересказывал второму, второй – третьему и так далее. Пересказы затем изучались. Кроме первого испытуемого никто не слышал первоначальный рассказ и запоминал то, что услышал от предыдущего участника [Bartlett 1932]. На основе экспериментальных результатов Ф. Бартлетт разработал конструктивистскую теорию памяти и ввел в психологию понятие «схема».

В качестве главной идеи постулировалось, что память – это не доподлинное воспроизведение прошлого, а скорее его реконструкция на основе сохраненной базовой информации. Запоминается не весь услышанный рассказ, а только его глубинная структура и смысл. Ключевые компоненты повествования образуют схему, которая по Ф. Бартлетту означает активную организацию прошлых реакций или прошлого опыта. На основании этой схемы в новых ситуациях материал начинает восстанавливаться с учетом новых задач. В ходе последовательного воспроизведения происходят количественные и качественные изменения, которые проявляются в уменьшении объема воспроизводимого текста и в разнообразных искажениях: пропусках, заменах, детализациях, привнесении нового материала [Bartlett 1932].

Теория Ф. Бартлетта дала толчок для теоретических построений У. Найссера, М. Минского, Д. Румельхарта, В. Кинча и Т. ван Дейка [Iran-Nejad, Winsler 2000] и послужила основой для многих современных исследований, позволяющих глубже понять функциональные свойства памяти

[Mercier, Kalampalikis 2020; Ost et al. 2022]. Одним из значимых направлений является анализ влияния прошлых знаний и культурного контекста на запоминание текущей информации при последовательном воспроизведении [Xu, Giffith 2010].

Разрабатывая эту идею, мы сравнили как происходит запоминание информации в процессе последовательной передачи истории на родном и иностранном языке. Предполагалось, что здесь будут установлены существенные различия. Мы исходили из допущения, что ограниченность иноязычного ментального лексикона, б*о*льшая сложность информационной обработки при восприятии и порождении речи на иностранном языке, меньшая личностная включенность в содержание иноязычных сообщений приведет к существенным искажениям при последовательном воспроизведении историй.

Методика исследования. В эксперименте приняли участие 60 студентов четвертого курса Московского государственного лингвистического университета (средний возраст – 21 год, соотношение женской и мужской части выборки 2:1). Половина участников принимала участие в эксперименте, проводимом на английском (первом иностранном) языке. Уровень их владения английским языком оценивался как С1. Вторая половина слушала и воспроизводила рассказ на русском (родном) языке. Все участники были разделены на 12 групп, состоявших из пяти человек.

В качестве стимульного материала использовался отрывок из произведения Сомерсета Моэма «Человек со шрамом» и его русский перевод Н. Ман и Г. Островской. Текст соответствовал следующим требованиям: он был коротким (258 слов), содержал полный эпизод, был эмоционально насыщенным.

Использовался метод последовательного воспроизведения. Первому участнику предъявлялась аудиозапись рассказа, он пересказывал его второму, второй – третьему, третий – четвертому, четвертый – пятому, а пятый всем присутствующим (в комнате каждый раз находились два участника и экспериментатор). В каждой группе текст воспроизводился пять раз.

Устное воспроизведение текста каждым участником записывалось на диктофон, расшифровывалось, фиксировалось и подвергалось количественному и качественному анализу. Для статистической обработки использовался пакет IBM SPSS Statistics' 21.

Результаты и обсуждение. При последовательном воспроизведении истории как на родном, так и на иностранном языке была выявлена сходная тенденция к существенному сокращению исходного материала при каждом пересказе. Двухфакторный дисперсионный анализ установил от-

сутствие эффекта языка ($F(1, 59) = 0{,}074$; $p = 0{,}787$), но продемонстрировал влияние этапа воспроизведения ($F(4, 50) = 23{,}89$; $p < 0{,}001$). Общий объем используемых слов не зависел от языка и составлял 28,83% для русского языка и 28,27% – для английского. Зато были зафиксированы значимые различия в количестве используемых вербальных средств от одного этапа воспроизведения к другому. Более значительные потери наблюдались при первых пересказах, к концу серии объем текста как бы стабилизировался. При этом общая динамика была примерно одинаковой при работе с родным и иностранным языком, взаимодействия факторов установлено не было ($F(4, 50) = 0{,}103$; $p = 0{,}981$).

Показатель точно воспроизведенных слов был выше при пересказах на родном языке (13,4 слова на русском и 9,73 – на английском), хотя различия фиксировались только на уровне тенденции ($F(1, 59) = 3{,}443$; $p = 0{,}069$). Это показывало, что испытуемые пересказывали текст не теми же словами, которые слышали, а использовали замены или даже добавления. Особое внимание, как и в экспериментах Ф. Бартлетта, уделялось синонимичным смещениям (например, в пересказах наших испытуемых «вуаль» заменялась на более привычный «платок»). Такие данные показывают, что сохраняется не слово как таковое, а его обобщенное значение, которое затем может замениться более приемлемым. Замены происходили при работе как с родным, так и с иностранным языком (4,33 vs 2,27 в среднем на пересказ). Но в последнем случае их было значимо меньше ($F(1,58) = 8{,}47$; $p<0{,}01$). Кроме преобразования элементов текста в более привычные формы были выявлены и другие описанные Ф. Бартлеттом механизмы: рационализация, обобщение и упрощение, временной сдвиг и акцентирование отдельных элементов.

Несмотря на существенную потерю в исходной информации и выявленные замены, нельзя сказать, что точного запоминания информации не происходило. В частности, сохраняется и воспроизводится обобщенная схема рассказа, которая удерживает связанные с ней слова. При анализе последовательных воспроизведений было показано, что в пересказе на родном языке в большей или меньшей степени сохраняются 13 сюжетных узлов, а при пересказе на иностранном языке только 7 из них. Это дало возможность разделить все узловые элементы на основные, которые встречаются и в русских, и в английских воспроизведениях, и второстепенные, которые являются лишь связующими звеньями и появляются преимущественно в пересказах на родном языке. Создается впечатление, что у испытуемых не хватает ресурсов для удержания всех сюжетных компонентов при работе с иноязычным материалом.

Ф. Бартлетт обратил внимание еще на один феномен – проявление личностного отношения испытуемых к воспроизводимой истории. Наши данные показали, что передача сообщений на иностранном языке была связана с большей отстраненностью, что приводило к менее выраженному эмоциональному отношению к сохраняемому отрывку. В противоположность этому, при воспроизведении текста на родном языке часто появлялась новая коннотативная окраска, иногда усиливающая общий пафос литературного произведения, а иногда резко снижающая или обесценивающая его.

Заключение и выводы. В целом, для родного и иностранного языков были установлены сходные закономерности в общих трендах последовательного воспроизведения, подтверждающие теорию Ф. Бартлетта. Объем воспроизводимого материала сокращался от пересказа к пересказу как на русском, так и на английском языках. Количество точных воспроизведений слов было несколько больше на родном языке, хотя различия были слабозначимыми. Синонимичные замены появлялись и в русских, и в английских пересказах, но в последнем случае их было значимо меньше. Независимо от используемого языка воспроизведение историй опиралось на удерживаемую в памяти смысловую схему рассказа, но при пересказе на иностранном языке часть ее узлов опускалось. Кроме этого, воспроизводя рассказ на иностранном языке, испытуемые в большинстве случаев нейтрализовали его эмоциональное содержание.

Литература

Barlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology, Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1932.

Bietti L. M., Stone C. B. Editors' introduction: Remembering with others: Conversational dynamics and mnemonic outcomes // Topics in Cognitive Science. 2019. V. 11(4). P. 592–608.

Iran-Nejad A., Winsler A. Bartlett's schema theory and modern accounts of learning and remembering // The Journal of Mind and Behavior. 2000. V. 21(1/2). P. 5–35.

Mercier P., Kalampalikis N. Repeated reproduction: Back to Bartlett. A French replication of narrative and an extension to proverbs // Culture & Psychology. 2020. V. 26(3). P. 500–527.

Ost J., Udell J., Dear S., Zinken J., Blank H., Costall A. The serial reproduction of an urban myth: revisiting Bartlett's schema theory // Memory. 2022. V. 30 (6). P. 775–783.

Wagoner B. The Constructive mind: Bartlett's psychology in reconstruction. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Xu J., Griffiths T. L. A rational analysis of the effects of memory biases on serial reproduction // Cognitive Psychology. 2010. V. 60(2). P. 107–126.

I. V. Blinnikova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University, Moscow State Linguistic University

G. B. Blinnikov *(Moscow, Russia)*
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow State Linguistic University

THE SERIAL REPRODUCTION OF STORIES IN NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES

This study tested whether the trends identified by F. Bartlett, which form the basis of his schema theory, apply to serial storytelling in a foreign language. Subjects (n=60) in groups retold a story excerpt they had heard, one after another, in either Russian or English. Overall, similar patterns were found for both native and foreign languages. However, when reproducing the story in a foreign language, subjects more often omitted some nodes of the schema, used synonymous word substitutions less frequently, and, in most cases, neutralized the emotional content.

Key words: story recall, serial reproduction, Frederic Bartlett, schema theory, native and foreign languages.

К. В. Голубина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
k.v.golubina@linguanet.ru

Е. В. Голованова *(Москва, Россия)*
Учебно-методический центр ВОГ
golovanovae99@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДЧИКА РЖЯ: ВЛИЯНИЕ ОРАЛИЗМА НА ВОСПРИЯТИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЮ ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается проблема влияния доминирующих взглядов на жестовый язык на формирование когнитивных и языковых стратегий переводчиков русского жестового языка (РЖЯ), работавших в эпоху орализма (1990-е – 2010-е гг.) и в эпоху официального признания РЖЯ, начиная с 2012 г. Авторы исследуют, как стигматизация русского жестового языка формировала у переводчиков когнитивный фильтр, определяющий выбор переводческих стратегий.

Ключевые слова: русский жестовый язык (РЖЯ), переводчик жестового языка, орализм, когнитивные стратегии, визуальная модальность, переводческая идеология.

С позиций современной когнитивной лингвистики процесс перевода рассматривается не как механическое перекодирование информации, а как явление, глубоко укорененное в социокультурном контексте и зависящее от доминирующих в профессиональном сообществе идеологических установок. Эта зависимость особенно ярко проявляется в сфере перевода для глухих и слабослышащих людей, где происходит взаимодействие аудиальной и визуально-пространственной модальностей. Цель данной работы – проанализировать, как исторически сложившиеся взгляды на жестовый язык формируют когнитивные стратегии переводчиков русского жестового языка (РЖЯ).

Рабочая гипотеза настоящего исследование предполагает, что доминирующие (формально до 2012 г.) взгляды на русский жестовый язык оказывали определяющее влияние на выбор переводчиком РЖЯ стратегий перевода. В Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в РФ» жестовый язык признавался лишь «средством межличностного общения» и рассматривался как вспомогательная система (или подсистема) общения глухих, а в образовании глухих зачастую применялась только «калькирующая жестовая речь» для перевода русской звучащей речи. Для верификации гипотезы был применен комплексный подход, сочетающий анализ специализированной литературы и эмпирическое исследование.

Теоретической базой послужили работы по когнитивным моделям перевода [Wilcox, Shaffer 2005; Robenson 2018], кросс-модальному переводу [Pointurier-Pournin, 2014] и переводу с использованием РЖЯ [Балаганов 2020; Голубина, Кумуржи 2023].

Основным методом стал перцептивно-визуальный анализ видеозаписей прямого перевода публичных мероприятий с использованием русского жестового языка. Длительность видеозаписей составляет 10 часов 55 минут 47 секунд. Видеозаписи были условно разделены на две группы в соответствии указанными выше временными периодами: ранний (1990–2010-е гг.), характеризующийся доминированием орализма, и современный (после 2012 г.), отражающий смену переводческой парадигмы, вызванной официальным признанием русского жестового языка как самостоятельной лингвистической системы. Анализ проводился по параметрам лексико-семантической, грамматической (использование пространства) и просодической (немануальные маркеры) эквивалентности.

В основе обсуждаемой проблематики лежит конфликт орализма и билингвизма как двух взаимоисключающих взглядов на природу и роль жестовых языков. До конца XX-го в. жестовые языки занимали маргинальное положение как «не-языки» из-за отсутствия полноценного теоретического

обоснования их самостоятельности и уникальности как лингвистической системы. Помимо этого, начиная с 1950-х гг. исследователи стремились доказать статус жестовых языков, демонстрируя их соответствие звучащим языкам, что приводило к замалчиванию их уникальной природы. Идеология превосходства аудиальной модальности как более полноценной сформировала у переводчиков жестовых языков своеобразный когнитивный фильтр, влияющий на выбор переводческих стратегий [Kusters et al 2020; Robinson, Show 2018; Marschark and Spencer 2010, 2012].

Основная стратегия перевода жестовых языков до 2012 г. (условно) – пословный перенос фраз звучащего языка на жесты жестового языка. Характерными чертами этой стратегии являются практическое отсутствие мимики, линейность синтаксических структур высказывания, проговаривание русских слов губами (voicing) и калькирование синтаксиса русского языка [Kusters et al 2020].

После 2012 г. происходит сдвиг переводческой парадигмы, который обусловлен не только признанием статуса русского жестового языка, но и развитием технологий, глобализацией и появлением программ профессиональной подготовки переводчиков РЖЯ. Когнитивная стратегия переводчиков претерпевает изменения: наблюдается переход от линейного переноса слов на жесты к моделированию нелинейных структур. Переводчики РЖЯ пытаются осознанно использовать пространство для обозначения референтов и более активно интегрируют немануальные маркеры (в основном, мимику) для передачи интонации и модальности звучащего языка.

Отметим, что на данном этапе в переводческой практике наблюдается сосуществование двух стратегий. В большинстве случаев переводчики используют смешанный подход, при котором элементы традиционной стратегии (в частности, пословный перевод и проговаривание слов русского языка) сочетаются с интеграцией отдельных компонентов аутентичной грамматики русского жестового языка. Это свидетельствует о том, что процесс смены парадигмы находится в стадии формирования и еще не завершен.

Следует отдельно остановиться на процессах профессионализации перевода на жестовый язык, которые находят отражение в эмпирическом материале. Анализ видеозаписей позволяет проследить эволюцию не только языковых, но и этических стандартов профессии, касающихся внешнего вида, взаимоотношения с целевой аудиторий и учета культурных особенностей сообщества глухих.

Тем не менее, переход к новой парадигме жестового перевода сопряжен с серьезными вызовами. Вариативность в уровне владения жестовым языком реципиентов перевода, миноритарность сообщества носителей русского

жестового языка, численное доминирование переводчиков без формального профильного образования создают ложный стандарт качества жестового перевода. Начинающие специалисты с профильным лингвистическим образованием часто испытывают давление и вынуждены прибегать к доминирующей практике пословного перевода из-за отсутствия поддержки их переводческих стратегий или в силу недостаточной сформированности компетенций.

Кроме того, окончательное формирование современной модели жестового перевода с опорой на глубинные когнитивные процессы тормозится недостаточной изученностью РЖЯ как лингвистической системы и необходимостью привлекать глухих лингвистов для проведения совместных исследований.

Проведенное исследование демонстрирует медленный, но необратимый слом привычной модели жестового перевода. Мы надеемся, что данная работа вносит некоторый вклад в развитие теории и практики жестового перевода с учетом глубинных когнитивных процессов, уникальных характеристик РЖЯ и особенностей культуры сообщества глухих. Перспективы дальнейших изысканий лежат в области глубокого изучения фреймовых структур РЖЯ и совместных научных исследований с привлечением глухих лингвистов.

Литература

Балаганов Д. В. Процесс синхронного перевода с точки зрения когнитивно-динамической концепции // Современное педагогическое образование. 2020. № 7. С. 111–115. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-sinhronnogo-perevoda-s-tochki-zreniya-kognitivno-dinamicheskoy-kontseptsii.pdf

Голубина К. В. Когнитивная модель перевода русского жестового языка: к постановке проблемы // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 282–286.

Голубина К. В., Кумуржи Э. В. Особенности жестового перевода как кроссмодального перевода между естественными языками // Перевод как профессия, наука, творчество: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах / отв. редакторы Е. А. Похолкова, М. В. Полубоярова, К. И. Таунзенд. Москва: МГЛУ, 2023. С. 252–261.

Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. N 296-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70291470

Kusters A., Green M., Moriarty T., Snoddon K. Sign language ideologies: Practices and politics // Sign Language Ideologies in Practice / Ed. by A. Kusters, M. Green, E. Moriarty, K. Snoddon, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. P. 3–22. URL: https://doi.org/10.1515/9781501510090–00

Marschark M., Spencer P. E. (eds). The Oxford Handbook of Deaf Studies, Language, and Education. 2010. Vol. 2. URL: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195390032.001.0001

Pointurier-Pournin S.P. L'interprétation en Langue des Signes Française: contraintes, tactiques, efforts. Linguistique. Université de la Sorbonne nouvelle – Paris III, 2014. Français. 2014. URL: https://theses.hal.science/tel-01077924.

Russel D. (ed.). The Routledge Handbook of Sign Language Translation and Interpreting. Routledge, 2022.

Robenson L., Show S. Signed language interpreting in the 21st century: an overview of the profession. 2018. URL: https://ssl.gallaudet.edu/gupress/excerpts/SLI21C.pdf

Wilcox Sh., Shaffer B. Towards a cognitive model of interpreting // Topics in Signed Language Interpreting / ed. by T. Janzen. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 135–164.

K. V. Golubina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

E. V. Golovanova *(Moscow, Russia)*
Training and Methodological Center of the All-Russian Society of the Deaf

COGNITIVE STRATEGIES OF RUSSIAN SIGN LANGUAGE INTERPRETERS: THE INFLUENCE OF ORALISM ON PERCEPTION AND REPRESENTATION OF SIGN LANGUAGE IN INTERPRETING

The article examines the problem of how dominant views on sign language shape cognitive and linguistic strategies of Russian Sign Language (RSL) interpreters. The authors compare interpreters who worked during the era of oralism (1990s-2010s) with a new generation whose professional activity began after the official recognition of RSL in 2012. The study investigates how the stigmatization of Russian Sign Language formed a cognitive filter that determines the choice of translation strategies.

Key words: Russian Sign Language (RSL), sign language interpreter, oralism, cognitive strategies, visual modality, translation ideology.

***А. А. Евдокимова** (Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
arochka@gmail.com

ДИМИНУТИВЫ И ЖЕСТЫ ГОЛОВЫ НА ЗАНЯТИЯХ В ЗУМЕ[1]

В последнее время диминутивы все чаще стали употребляться в русском языке в разного типа коммуникациях. Практика ведения онлайн занятий при их видеофиксации позволяет пополнять корпусные данные материалами, имеющими определенные ограничения, которые позволяют сузить число факторов, влияющих на жесты головы. Для данной статьи была создана выборка из корпуса CAFE из 5 занятий (8 ч.) и интервью (2 ч.) в зуме, в которой говорящим выступила Наталья Жестовская, что позволяло оценить ее жестовое поведение в различных коммуникативных ситуациях. Четверть диминутивов (26%), употребленных Н. Жестовской в видео занятий, сопровождалась наклонами головы в одну из сторон или слайдами, прагматического характера. Другая часть диминутивов (19%) не имели специфического жестового ответа и повторяли жест производящего слова. Около 11% лексем, заполняющих паузы, не сопровождались цефалическими жестами. В случае произнесения диминутива при осуществлении регуляторного жеста в процессе проверки учащихся, характер жеста не менялся, как и при совпадении с упражнениями головы. Сопоставление с данными интервью показало, что при естественной коммуникации в зуме, не нагруженной ролью педагога, диминутивы в речи не использовались, а цефалический портрет говорящего был разнообразнее как по выбору жестов, так и по их амплитуде.

Ключевые слова: жесты головы, цефалический портрет, Наталья Жестовская, корпус CAFE, диминутивы.

Введение. В своем описании жестов головы в русском языке Е. А. Гришина не упоминает жестовую реакцию на диминутивы [Гришина 2017], возможно, это связано с тем, что в ее корпусе подобных форм было немного. Как отмечают исследователи [Jurafsky 1996; Фуфаева 2017; Воейкова 2020], диминутивы характеризуют особые типы коммуникации, в том числе с детьми или учащимися, и чаще встречаются в речи женщин, а не мужчин. Поскольку жесты головы часто маркируют нюансы коммуникации, то обращение к анализу жестового ответа головы на диминутивы представляется нам перспективным, как и анализ видео, записанного в зуме, которое имеет ряд ограничений, сужающих число факторов, влияющих на коммуникацию.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Министерством образования и науки РФ: FMNE-2025–0002 (Проблемы прикладной лингвистики и гуманитарного знания в свете современных цифровых технологий)

Материал. Для данной статьи была создана подборка из 7 видео с Натальей Жестовской из корпуса CAFE [Евдокимова 2025], из которых пять составляли запись проведенного в зуме ее авторского курса «Лицо ангела», посвященного работе с лицом для танцовщиков и практиков движения в рамках некоторых методов в танце буто (8 ч.), и двух видео с ее интервью «Наталья Жестовская: Искусство. Вечность и современность» (2 ч.). В рамках описываемых занятий видео из зума зафиксировало крупно корпус сидящих говорящих, включая их грудной отдел.

Методы исследования. Движения головы аннотировались в программе Elan, в рамках методики, разработанной при работе с эталонным подкорпусом RUPEX (#22, #4, #23) [Евдокимова 2021], и рассматривались как в виде непосредственно движений в трех плоскостях с использованием шеи, так и в виде передвижений с помощью корпуса, при приближении к камере или экрану ноутбука, что тэгировалось отдельно. В некоторых упражнениях Н. Жестовской руки использовались в качестве опоры для головы, такие случаи мы маркировали звездочкой, поскольку использование рук значимо сокращало амплитуду жестов головы. В каких-то упражнениях руки фиксировали одну часть тела, когда другая выполняла изолированное движение, что приводило к центрированию головы и также нами маркировалось. Те случаи, когда для наглядности корпус поворачивался в профиль, тэгировались, и как смена положения.

Результаты. Поскольку базовые упражнения в первых пяти видео повторялись, то получилось 5 вариаций, содержащих много повторов слов, описывающих части тела и лица, связанных как с необходимостью доходчивее описать упражнение, так и заполнить паузу. Посмотрим на соотношение частотных слов в выборке из каждой записи до 15 вхождений. При подсчете разные формы одного существительного были объединены в одной ячейке (см. таблицу 1):

Помимо повторов слов из записи в запись, с постепенной конкретизацией упражнений и использования частей тела, эти пять учебных видео содержат большое количество диминутивов, которые могут употребляться как вместе с однокоренным существительным, так и отдельно. Соотношения производящих слов с диминутивами, повторяющиеся в записях: точка (11,22,9,11,12) – точечка (4,3,1,2,1); раз (2,-,4,9,5) – разок (–,-,1,-,-) – разочек (2,-,7,7,5); макушка (10,15,-,-,7) – макушечка (1,1,-,-,2); глаз (–,49,-,32,22) – глазки (–,23,-,11,11); массаж (–,2-,1,1) – массажик (–,4,-,2,3); конец (–,-,1,1,1) – кончик (–,-,2,1,3); уши (35,-,-,19,-) – ушки (1,-,-,4,-); вода (1,5,-,-,-) – водичка (1,1, -,-,-); штука (8,6,-,-,-) – штучка (1,1, -,-,-); складка (1,-,-,6,-) – складочка (1,-,-,1,-); позвонок (–,-,2,-,1) – позвоночек (–,-,1,-,1); круг (–,-,4,3,1) – кру-

жок (–,1,1,-,1) – кружочек (–,3,-,-,-); музыка (–,-,7,-,6) – музычка (–,-,1,-,1); капелюшечка-капелюшечка (–,-,1,-1) – капля (–,-,1-,-) – капелюшка (–,-,1,-,-), – капелюшечку (–,-,-,-,2). Повторяющиеся отдельные формы: капелюшечка (7,1,-,1,-); черепушка (–,2,1,-,-); ниточка (–,1,-,1,-); секундочка (–,1,-,1,-); телефончик (–,1,-,1,-).

Таблица 1. *Соотношение частотных слов в выборке*

1 запись		**2 запись**		**3 запись**		**4 запись**		**5 запись**	
голова	48	глаз	49	челюсть	52	глаз	31	ухо	24
шея	41	голова	46	голова	40	палец	30	глаз	22
лицо	32	плечо	29	шея	31	сторона	27	голова	22
ладонь	28	палец	27	сторона	24	губы	24	сторона	20
ухо	27	бровь	26	движение	22	движение	21	губы	18
рука	23	глазки	23	рука	19	рот	19	тело	18
движение	22	точка	22	ухо	19	ухо	19	шея	17
нос	22	веки	20	подбородок	17	рука	18	нос	16
центр	22	рука	16	палец	16	голова	17		
линия	19	движение	15	лицо	15	угол	17		
палец	17	макушка	15	место	15	бровь	16		
позвоночник	16	тело	15	ощущение	15	челюсть	16		
тяжести	15			штука	15	ладонь	15		

Посмотрим на уникальные сочетания в каждой из записей: **1 запись:** шкиряк (1) – шкирятник (4), стена (1) – стенка (2). Отдельные формы: болванчики (1), колпачок (1), окошечко (1), полминутки (1). **2 надпись:** кожа (8) – кожица (1), сетка (4) – сеточка (2), сфера (2) – сферка (1), солнце (2) – солнышко (1), щель (1) – щелочка (2), спинка (1) – спина (1). Отдельные формы: рожки (2), связочки (2), наклончик (1), пупочка (1), сантиметрик (1), сосудик (1), спаечки (1), стаканчик (1), узелок (1). **3 запись:** рука (19) – ручка (1), перформанс (1) – перформ (3), вечер (2) – вечерок (1), слово (2) – словечко (1), треугольник (1) – треугольничек (1), денёк (1) – день (1). Ординарные: стенка (2), окошко (1), массажик (1), камерка (1). **4 запись:**

палец (30) – пальчик (3), угол (17) – уголок (1), лоб (7) – лобик (3), локоть (7) – локоточек (1), дырка (6) – дырочка (3), улыбка (1) – улыбочка (2), микрофон (1) – микрофончик (1), зажим (1) – зажимчик (1). Ординарные: парочка (5), минуточка (1), тютельки-тютельки (1). **5 запись:** зарядка (3) – зарядочка (2), вопрос (3) – вопросик (1), чат (2) – чатик (1). Одиночные: деталька (1), кусочек (1), пирамидка (1), улыбочка (1). Как видно из приведенных списков, автор курса при рассказе образует диминутивы от всех семантических групп слов (части тела, тип движения, временные промежутки, геометрическая форма и т.п.) и часто их использует при повторах слов, для заполнения паузы при выполнении упражнения. Некоторые слова, характеризуют узус говорящей, например, перформ, шкиряк и шкирятник и почти не имеют вхождений в корпусе русского языка (НКРЯ).

В связи со спецификой отобранного материала только 65% неодушевленных лексем сопутствовали жесты головы без участия корпуса. Распределение функций этих жестов таково: 47% указательная, 31% прагматическая, 20% изобразительная, 12% регуляторная (отслеживание выполнения упражнения). Адапторы и перемещения головы приходятся на 23% лексем, особенно, в случаях, когда речь идет о нижней части тела или когда объяснения сопровождаются жестами рук, касающимися головы или поддерживающими ее. Анализ частотных жестов головы, приходящихся на неодушевленные существительные, в каждой из пяти записей показал, что Н. Жестовская отдает предпочтение жестам вверх-вниз и вперед-назад, а наклоны головы маркируют эмоционально окрашенные слова, в том числе диминутивы. Например, для 1 записи: наклон вниз – 15%, сдвиг вперед – 15%, наклон вверх – 10%, сдвиг назад – 9%, отсутствие жеста – 8%. В случае движения ладони или другой части руки в определенную сторону, чаще отдается предпочтение жесту головы в ту же сторону. Закрывание глаз ведет к ослаблению контроля над жестами, что приводит к увеличению их числа и амплитуды. Это можно считать одним из эффектов зума. В некоторых случаях диминутивы произносятся в момент выполнения упражнения, которое автор комментирует, тогда отмечается увеличение амплитуды движения головы, который на них приходится.

Выводы. Четверть диминутивов (26%), встречающаяся в речи Н. Жестовской и содержащая примеры из всех семантических групп, чаще сопровождалась прагматическими наклонами головы в одну из сторон или слайдами. Другая часть диминутивов (19%), не имели специфического жестового ответа и повторяли жест производящего слова, особенно, в тех случаях, если при повторах лексем использовались те же жесты. Около 11% лексем не имели жестового сопровождения в цефалическом канале, особенно, те, которые повторялись для заполнения пауз. В ряде случаев, когда

произнесение диминутива совпадало с проверкой автором курса выполнения упражнений учащимися при регуляторных поворотах головы функция жеста не менялась. И подобные ситуации, как и совпадение произнесения диминутивов с выполнением упражнения головой, не несут специфический жестовый ответ, связанный с их значением. Сопоставление материала пяти видео курса Н. Жестовской с ее интервью показало, что при естественной коммуникации в зуме, не нагруженной ролью педагога, Наталья не использует в речи диминутивы, ее цефалический портрет разнообразнее как по выбору жестов, так и по их амплитуде. А жесты, чаще используемые ею для маркировки диминутивов, в другом контексте варьируются по своим значениям.

Литература

Воейкова М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // *Вопросы языкознания.* 2020. № 5. С. 38–56.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Евдокимова А. А. К вопросу о методике выделения функциональных типов жестов в цефалическом канале в рамках мультиканального анализа // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 23–24 июня 2021 / под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман, А. Я. Койфман. М.: ООО Буки-Веди, 2021. С. 515–520.

Евдокимова А. А. Проксемика в диалоге и ее влияние на жесты головы на материале корпуса cafe // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 2025 / под ред. Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман, А. Я. Койфман. М.: Московский институт психоанализа, 2025. С. 182–187.

Фуфаева И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): дис. … канд. филол. наук. М., 2017.

Jurafsky D. Universal tendencies in the semantics of the diminutive // Language. 1996. № 72. P. 533–578.

A. A. Evdokimova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics RAS

DIMINUTIVES AND HEAD GESTURES IN THE CLASSES IN ZOOM

Recently, diminutives have become increasingly common in Russian across various communication contexts. The practice of conducting online lessons while recording them on video allows for the addition of corpus data with materials that have certain limita-

tions, allowing us to narrow down the number of factors influencing head gestures. For this article, a sample of the CAFE corpus was compiled from five lessons (8 hours) and a Zoom interview (2 hours) featuring Natalia Zhestovskaya. This allowed us to evaluate her gestural behavior in various communicative situations. A quarter of the diminutives (26%) used by N. Zhestovskaya in the video lessons were accompanied by pragmatic head tilts to one side or slides. The remaining diminutives (19%) had no specific gestural response and repeated the gesture of the utterance. About 11% of the lexemes filling pauses were not accompanied by cephalic gestures. When a diminutive was uttered while performing a regulatory gesture during student assessment, the nature of the gesture remained unchanged, as did when it coincided with head exercises. A comparison with interview data revealed that during natural communication via Zoom, unburdened by the teacher's role, diminutives were not used in speech by N. Zhestovskaya, and the speaker's cephalic portrait was more diverse in both the choice of gestures and their amplitude.

Key words: head gestures, cephalic portrait, diminutives, Natalia Zhestovskaya, corpus CAFE.

М. П. Игнатенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
masha895895@yandex.ru

ПАУЗАЦИЯ И ПРОСОДИЯ РЕЧИ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПАЦИЕНТОВ С АФАЗИЕЙ

Афазия – системное нарушение уже сформировавшейся речи, вызванное локальным поражением речевых зон головного мозга (обычно левого полушария у правшей). У исследователей нет единого мнения о характере и степени нарушения просодии, так как предыдущие работы на эту тему расходятся в том, в каком из полушарий локализованы отвечающие за просодию структуры. В данной работе рассматривалась русскоязычная спонтанная речь пациентов с передними и задними формами афазии в сравнении с контрольной группой. Количественными методами были выявлены особенности паузации, а также более монотонная и однообразная интонация, свидетельствующие о нарушении просодии у таких пациентов.

Ключевые слова: афазия, паузация, просодия, интонация, спонтанная речь.

Введение. Афазия представляет собой «сложное, системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга, охватывает разные уровни речи и пронизывает всю психическую деятельность человека» [Цветкова, Глозман 1978: 3]. Временные паттерны и просодические особенности речи при афазии изучались в основном на материале английского языка ([Van Lancker Sidtis et al. 2010; Walker, Joseph, Goodman 2009; Seddoh

2008; Danly, Shapiro 1982]) или иных языков из ядра среднеевропейского стандарта (итальянский [Marotta, Barbera, Bongioanni 2008], французский [Ryalls 1982], однако см. [Shanker Patil, Manjula 2011] (тайский) или [Gandour et al. 2000] (каннада) в качестве редких исключений). Эти исследования, к тому же, редко проводились на спонтанном речевом материале, хотя именно он, как нам кажется, является более экологически валидным при изучении просодии.

Цель данной работы – привнести в научное поле русскоязычный спонтанноречевой материал. Мы сравнили выявленные закономерности с ранее обнаруженными на материале других языков и постараемся подтвердить или опровергнуть ранее обнаруженные на иных данных закономерности.

Пациентов с афазией, исходя из их диагнозов, можно поделить на две основные группы: с передними формами, традиционно связываемыми с нарушением порождения речи, и с задними формами, в которых основной дефицит связан с нарушениями понимания речи [Цветкова 2004]. Считается, что при передней афазии речь сбивчивая, несвязная, пациенту трудно подбирать слова и составлять грамматические конструкции, однако понимание речи собеседников пациента относительно сохранно. При задней афазии речь беглая, но несвязная, человек может говорить много, но не осознавать своих ошибок и плохо понимать обращенную к нему речь. Однако степень и вид нарушения сильно варьируются от пациента к пациенту, равно как и индивидуальные особенности просодии.

На материале европейских языков ранее было обнаружено, что у пациентов с передними формами афазии нарушены разные компоненты речи, связанные с временной организацией речи. Например, у пациентов с такими формами афазии высказывание в сравнении с контрольной группой было длиннее [Ryalls 1982], паузы были чаще [Marotta, Barbera, Bongioanni 2008] и длиннее [Danly, Shapiro 1982]. То есть при нарушении порождения речи различные ее временные характеристики претерпевают изменения, так что мы можем ожидать большое количество пауз и их увеличенную длительность и в речи русскоговорящих пациентов.

Исследователи расходятся в том, нарушены ли интонационные паттерны у пациентов с повреждениями левого полушария или «немелодичная» интонация является лишь перцептивным феноменом. Авторы работы [Danly, Shapiro 1982] уверены, что интонационные структуры целиком локализуются в правом, не связанном с языком, полушарии, и соответственно, не нарушаются при афазии. С ними согласны авторы работы [Van Lancker Sidtis et al. 2010]. Им противоречат исследователи [Walker, Joseph, Goodman 2009; Seddoh 2004], утверждающие, что тональные характеристики речи

пациентов с афазией нарушаются, и левое полушарие коры головного мозга также в какой-то мере отвечает за продукцию интонации.

При таком подходе принято делить просодию на «лингвистическую» (в левом полушарии) и «эмоциональную» (в правом полушарии) [Van Lancker Sidtis, Yang 2021]. Такое разделение просодии на типы нам кажется хоть и интуитивно понятным (если исходить из того, что эмоции гипотетически являются одной из функций правого полушария [Gainotti 2024]), но все же странным: не очевидно, где объективно пролегает граница между «эмоциональной» и «языковой» просодией.

Также нельзя утверждать, что закономерности, обнаруженные у англоговорящих пациентов, универсальны и будут наблюдаться у русскоговорящих пациентов.

Метод. В исследовании приняли участие 3 пациента с передними формами афазии, 3 – с задними формами и 3 здоровых испытуемых из контрольной группы. Выборка была сбалансирована по возрасту. Транскрибация аудиозаписей производилась в программе Praat [Boersma 2001] по правилам, аналогичным использованным в работе [Худякова 2023]. Было принято деление на клаузы с опорой на синтаксис, а не на ЭДЕ, так как такое деление более объективно в анализе монологов пациентов с афазией, имеющих сбивчивую речь. Отдельно были размечены все паузы длиной от 0,1 секунды, для каждой из которых была отмечена ее заполненность или незаполненность, а также внутри- или межклаузальность. Также были автоматически извлечены меры ЧОТ из всех аудиозаписей.

Результаты. Была посчитана следующая описательная статистика для длин и количества пауз в общем и в зависимости от их типа (заполненная/незаполненная) и позиции (внутри клаузы / между клауз):

– медиана и средние значения длин пауз;

– доля внутри- и межклаузальных пауз (в % от общего количества пауз);

– доля заполненных пауз среди внутриклаузальных и межклаузальных (в % от общего количества внутри- и межклаузальных пауз);

– доля времени, которое заняли паузы (в % от всей длительности монолога);

– размах длин пауз.

Размах длин всех пауз (1,531 с в среднем у контрольной группы, 5,912 с – у пациентов с афазией) и медиана их длительности у пациентов и с передними, и с задними формами афазии выше, чем в контрольной группе. Также паузы у пациентов с афазией суммарно составляли 44–56% времени их монолога, в то время как в контрольной группе паузы занимали 22–30% записи.

В среднем пациенты с афазией чаще делали паузы внутри клауз, а также сами паузы внутри ЭДЕ у пациентов с задними формами афазии были длиннее, чем в остальных двух группах (согласно двухвыборочному t-критерию $T = -2{,}809$, $p<0{,}05$).

Данные по заполненности пауз не показали значимых статистических различий между группами испытуемых. Скорее всего, доля заполненных пауз – индивидуальная характеристика говорящего.

При анализе мер частоты основного тона (ЧОТ), у пациентов с афазией (и передними, и задними формами) ощутимо ниже показатели и межквартильного размаха ЧОТ ($T = 4{,}589$, $p<0{,}05$), и стандартного отклонения ($T = 3{,}007$, $p<0{,}05$), что свидетельствует о меньшем диапазоне значений ЧОТ и их большем однообразии.

Обсуждение. Полученные данные требуют дальнейшего исследования на более крупной выборке. Кроме того, стоит в дальнейшем учесть дополнительные факторы при составлении выборки пациентов, которые могут влиять на локализацию речевых функций или просодию.

Можно заключить, что выявленные паттерны паузации у русскоязычных пациентов с афазией в целом согласуются с результатами аналогичных исследований на англоязычном материале [Ryalls 1982; Van Lancker Sidtis et al. 2010]. Временные характеристики речи русскоговорящих пациентов и с передними, и с задними формами афазии действительно нарушаются. Проявляется это в более длительных и частых паузах. Для уточнения природы выявленных паттернов в дальнейшем может быть необходима разметка пауз по их функции (дыхательные/хезитационные).

Наше исследование ЧОТ при афазии не смогло однозначно подтвердить или опровергнуть существующие теории о латерализации просодии. Мы склонны не соглашаться с [Danly, Shapiro 1982], постулирующих правополушарную латерализацию просодии. Данные ЧОТ у пациентов с афазией и у испытуемых контрольной группы показали статистически значимые отличия, указывающие на бóльшую монотонность и однообразность речи у первых, что указывает на нарушение интонации у пациентов с афазией. Однако объективно определить степень и характер этого нарушения, равно как и разделить интонационные контуры на эмоциональные и лингвистические, пока что не представляется возможным. Это задача для дальнейших исследований.

Литература

Худякова М. В. Методы анализа и оценки устного дискурса людей с речевыми нарушениями: дис. … канд. филол. наук. М., 2023.

Цветкова Л. С. Восстановление высших психических функций (после поражений головного мозга): учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. М.: Академический проект, 2004.

Цветкова Л. С., Глозман Ж. М. Аграмматизм при афазии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

Boersma P. Praat, a system for doing phonetics by computer // Glot International. 2001. Vol. 5 № 9. P. 341–345.

Danly M., Shapiro B. Speech prosody in Broca's aphasia // Brain and Language. 1982. Vol. 16, № 2. P. 171–190.

Gainotti G. A historical approach to models of emotional laterality // Brain Research. 2024. № 1836:148948.

Gandour J. et al. Speech timing in Thai left- and right-hemisphere damaged individuals / J. Gandour, S. Ponglorpisit, P. Khuadorn, S. Dechongkit, P. Boonkird, N. Satthamnuwong// Cortex. 2000. № 36. P. 281–288.

Marotta G., Barbera M., Bongioanni P. Prosody and Broca's aphasia: An acoustic analysis // Studi Linguistici e Filologici on line. 2008. Vol. 6, № 1. P. 79–88.

Ryalls J. H. Intonation in Broca's aphasia // Neuropsychologia. 1982. Vol. 20, № 3. P. 355–360.

Seddoh S. A. Prosodic disturbance in aphasia: Speech timing versus intonation production // Clinical Linguistics & Phonetics. 2004. Vol. 18. № 1. P. 17–38.

Seddoh S. A. Conceptualisation of deviations in intonation production in aphasia // Aphasiology. 2008. Vol. 22, № 12. P. 1294–1312.

Shanker Patil G., Manjula R. Intonation contours in the speech of individuals with Broca's aphasia // Journal of the All India Institute of Speech & Hearing. 2011. № . 30. P. 67–74

Van Lancker Sidtis D. et al. Prosodic changes in aphasic speech: Timing / D. Van Lancker Sidtis, D. Kempler, C. Jackson, E. J. Metter // Clinical Linguistics & Phonetics. 2010. Vol. 24, № 2. P. 155–167.

Van Lancker Sidtis D., Yang S. Pathological prosody: overview, assessment, and treatment // The Oxford Handbook of Language Prosody. 2021. P. 486–495.

Walker J. P., Joseph L., Goodman J. The production of linguistic prosody in subjects with aphasia // Clinical Linguistics & Phonetics. 2009. Vol. 23, № 7. P. 529–549.

M. P. Ignatenko *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

PAUSATION AND SPEECH PROSODY OF RUSSIAN-SPEAKING APHASIA PATIENTS

Aphasia is a systemic disorder of developed speech caused by localised damage to the speech areas of the brain (usually the left hemisphere of right-handed individuals). Researchers disagree on the nature and extent of prosody impairment, as previous studies

on this topic differ on where (in which hemisphere) the structures responsible for prosody are localised. This study examines spontaneous speech of Russian-language patients with Broca's and Wernicke's forms of aphasia compared to a control group. Quantitative methods were used to identify pausing patterns, as well as a more monotonous and uniform intonation, indicating a prosody disorder in these patients.

Key words: aphasia, pausation, prosody, intonation, spontaneous speech.

А. Д. Клещельская *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
akklimatisation@inbox.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА, КОНСТРУИРУЮЩИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

Исследование посвящено изучению метафор неофициального медицинского дискурса, структурирующих взаимодействие агентов и клиентов социального института здравоохранения. На основании корпуса из 31 интервью с медиками и обывателями по процедуре MIP было идентифицировано 710 метафорических выражений, из которых наиболее частотными оказались онтологическая метафора МЕДИЦИНА – ПРОСТРАНСТВО и структурная метафора МЕДИЦИНА – ПУТЕШЕСТВИЕ.

Ключевые слова: концептуальная метафора, медицинский дискурс, коммуникация врач – пациент.

Медицинский дискурс – это совокупность устных и письменных текстов, и коммуникативных практик, тематически связанных с медициной как наукой и институциональной сферой деятельности, направленной на охрану, восстановление и укрепление здоровья. Учитывая тематическую обусловленность и статусно-ролевое взаимодействие коммуникантов, медицинский дискурс подразделяется на профессиональный, институциональный и наивный медицинский дискурс.

Профессиональный медицинский дискурс подразумевает процесс и продукт общения сотрудников медицинских организаций между собой [Бейлинсон 2009]. Наивный медицинский дискурс наблюдается при коммуникации на медицинские темы людей без профессионального образования, т. е. носителей обыденного сознания, например, при осуществлении «профанной диагностики и лечения» родными, близкими или знакомыми в меру своего житейского опыта. Институциональный медицинский дискурс

[Шуравина 2013] является столкновением профессионального дискурса специалистов и наивного дискурса обывателей при общении «базовой пары участников коммуникации» – врача и пациента [Карасик 2000], т.е. общении «неравностатусных субъектов» [Сидорова 2008].

Эффективная коммуникация в медицине оказывает влияние на клинические исходы и то, в какой клинике и у какого специалиста пациент предпочтет проходить лечение. Государственные и частные учреждения здравоохранения уделяют значительное внимание навыкам проведения консультации, как наиболее важного этапа знакомства с пациентом [Сильверман и др. 2018]. На первой консультации формируется модель взаимоотношений между врачом и пациентом, и от того, насколько совпадают модели профессиональных отношений в представлении агента (медика) и клиента (пациента) и будет зависеть то, насколько комфортно, успешно и продолжительно будет происходить это взаимодействие.

Модели взаимоотношений врача и пациента были описаны во многих трудах по этике и деонтологии, а также в статьях по социологии здравоохранения [Szasz, Hollender 1956; Veatch 1972; Emanuel, Emanuel 1992; Kaba, Sooriakumaran 2006], которые хорошо известны медикам. Основное различие моделей заключается в том, насколько велика субъектная роль пациента: позволено ли ему самостоятельно принимать решения или разрешено только беспрекословно подчиняться врачу, воспринимают ли пациента как отдельного человека или как объект манипуляций, т.е. организм, который требует вмешательства, принимаются ли во внимание его чувства и психоэмоциональное состояние или общение происходит максимально сухо и исключительно информативно. Три самых важных вопроса для построения благополучных отношений между врачом и пациентом: это вопросы доверия, распределения ответственности и проявления эмпатии.

Непонимание между медицинскими сотрудниками и пациентами возникает из-за несовпадения ожиданий от поведения контрагентов, которое может быть связано с укоренившимися представлениями о должном поведении в определенной ситуации общения. Подобные представления возникают по мере накопления индивидом опыта в процессе конструирования реальности и могут называться «…фреймами, схемами, сценариями, планами и т.п., и представляют собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» [Петров 1988; Fillmore 1985].

Большинство моделей взаимоотношений, описанных социологами, в своей основе имеют концептуальные метафоры из других предметных областей, т.е.

общение и поведение врача и пациента сравнивается с общением и поведением пары участников ядерных для иного социального института, например, семьи (родитель – ребенок), работы (начальник – подчиненный, коллега – коллега), школы (учитель – ученик), религии (пастырь – паства, святой – верующий), бизнеса (продавец – покупатель, поставщик услуг – клиент). Понимая проекции между отдельными элементами системы как слотами фреймов, можно построить структурную метафору и понять, с каким социальным институтом или иным культурным явлением ассоциируется медицина у участников общения.

Следовательно, одним из наиболее значимых, но до настоящего времени недостаточно изученных факторов, конструирующих профессиональные отношения в системе «врач–пациент», является использование концептуальных метафор в неофициальной рефлексивной коммуникации, позволяющей осмыслить ранее полученный опыт, которым и руководствуются при первом знакомстве и врач и пациент, пользуясь уже имеющимися структурами знаний, в частности фреймами и метафорическими моделями.

Материалом настоящего исследования послужил корпус из 31 видеозаписи полуструктурированных интервью с респондентами двух групп: медиками (19 чел.) и «немедиками» (12 чел.). В ходе исследования решались следующие задачи: проведение интервью по единому сценарию, транскрибирование, контент-анализ с применением процедуры идентификации метафоры MIP [Pragglejaz Group 2007], классификация выявленных выражений по типам (онтологические, структурные, ориентационные) и определение ключевых фреймов структурных метафор.

Всего было выявлено 710 метафорических выражений. Распределение по типам в обеих группах представлено в таблице 1.

Таблица 1. *Распределение метафорических выражений по типам*

Количество метафор всего			
Количество по полю Метафорическое выражение	**Респонденты**		
Тип по ТКМ	**Медики**	**Немедики**	**Общий итог**
Онтологическая метафора	109	85	194
Ориентационная метафора	10	1	11
Структурная метафора	327	178	505
Общий итог	**446**	**264**	**710**

В результате сопоставительного анализа проекций было выявлено 8 наиболее частотных метафорических моделей: МЕДИЦИНА – ПРОСТРАНСТВО, МЕДИЦИНА – ПУТЕШЕСТВИЕ, МЕДИЦИНА – ИНЖЕНЕРИЯ, МЕДИЦИНА – РЕЛИГИЯ, МЕДИЦИНА – СЕМЬЯ, МЕДИЦИНА – ИСКУССТВО, МЕДИЦИНА – КОМАНДА, МЕДИЦИНА – БИЗНЕС.

Выявленные метафорические модели соотносятся с известной типологией моделей взаимодействия в системе «врач – пациент» (патерналистская, инженерная, партнерская, контрактная). Сферы-источники РЕЛИГИЯ и СЕМЬЯ соотносятся с патерналистской моделью; ИНЖЕНЕРИЯ – с инженерной (технической) моделью, КОМАНДА – с партнерской, а БИЗНЕС – с контрактной моделью. Полученные данные могут быть использованы при разработке коммуникативных стратегий для повышения комплаенса и удовлетворенности пациентов.

Литература

Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. Вып. 1. С. 145–149.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Издательство ЛКИ, 2023.

Петров В. В., *Герасимов В. И.* (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.

Сидорова Н. Ю. Коммуникативное поведение неравностатусных субъектов медицинского дискурса: на материале немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008.

Сильверман Дж. Кёрц С., Дрейпер Дж. Навыки общения с пациентами: пер. с англ. М.: ГРАНАТ, 2018.

Шуравина Л. С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 65–67.

Emanuel E. J., *Emanuel L. L.* Four models of the physician-patient relationship // JAMA: The Journal of the American Medical Association. 1992. Vol. 267, № 16. P. 2221–2226.

Fillmore C. J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6(2). P. 222–254.

Kaba R., *Sooriakumaran P.* The evolution of the doctor-patient relationship // International Journal of Surgery. 2006. Vol. 5, № 1. P. 57–65.

Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22(1). P. 1–39.

Szasz T. S., Hollender M. H. A contribution to the philosophy of medicine: The basic models of the doctor-patient relationship // Archives of Internal Medicine. 1956. Vol. 97(5). P. 585–592.

Veatch R. M. Models for Ethical Medicine in a Revolutionary Age // Hastings Center Report. 1972. Vol. 2, № 3. P. 5–7.

A. D. Kleshchelskaia *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CONCEPTUAL METAPHORS CONSTRUING DOCTOR-PATIENT PROFESSIONAL RELATIONSHIP IN MEDICAL DISCOURSE

The study investigates metaphors in informal medical discourse that structure the interaction between the agents and clients of healthcare as a social institution. Drawing on a corpus of 31 interviews with physicians and laypeople, the study identified 710 metaphorical expressions by means of the MIP procedure. The most frequent metaphors were the ontological metaphor MEDICINE IS SPACE and the structural metaphor MEDICINE IS A JOURNEY.

Key words: conceptual metaphor, medical discourse, doctor–patient communication.

А. Б. Колесникова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
anna.cello04@gmail.com

Ю. В. Николаева *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
julianikk@gmail.com

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕСТИКУЛЯЦИИ ПРИ АФАЗИИ

В статье рассматриваются особенности использования мануального и цефалического каналов при разных типах афазии. Показано, что участники с передними формами афазии, и особенно с эфферентно-моторной афазией, используют жесты рук наиболее интенсивно. При акустико-мнестической афазии оба кинетических канала задействованы в наименьшей степени. Также обнаружена отрицательная корреляция между темпом речи и отношением жестов к словам.

Ключевые слова: афазия, жесты рук, жесты головы, интенсивность жестикуляции, соотношение числа жестов и слов.

Введение. Как жесты рук, так и жесты головы тесно связаны с вербальным каналом. Д. Макнилл утверждает, что жесты и речь синхронизированы по времени, а также передают одни и те же семантические и прагматические значения [McNeill 1992]. В работе [Loehr 2012] показано, что апекс (динамически наиболее выраженный момент маха жеста) жестов рук совпадает по времени с тональными явлениями. Жесты головы связаны со структурой дискурса и могут маркировать границы интонационных единиц [Kendon 1972]. Помимо этого, частота движений головы коррелирует с темпом речи [Maynard 1987] и интенсивностью основного тона [Hadar et al. 1983].

Исходя из этого предполагается, что нарушения речи будут отражаться и в особенностях жестикуляции. Настоящее исследование посвящено жестикуляции при афазии – системном нарушении речи, возникающем вследствие органических поражений головного мозга [Цветкова, Глозман 1978]. Выделяют две формы афазии: переднюю, при которой нарушается главным образом экспрессивная речь, и заднюю, для которой характерны трудности восприятия и понимания речи [Akhutina 2003]. Г. Ферре в работе [Ferré 2022] формулирует следующее утверждение: «чем менее беглой является речь рассказчика, тем больше жестов по отношению к словам он производит» [там же: 25].

Метод. В настоящем исследовании изучаются количественные характеристики жестов рук и головы у участников с афазией. Описание рассмотренных типов афазии [Akhutina 2016] представлено в таблице 1.

Таблица 1. *Типы афазии*

Тип афазии	**Основной дефицит**	**Форма**
Динамическая	Внутреннее программирование речи	Передняя
Эфферентно-моторная	Переключение моторных (артикуляторных) программ	
Сенсорная	Фонематический слух	Задняя
Акустико-мнестическая	Слухоречевая память	

Трое из четырех участников контрольной группы используют цефалический канал интенсивнее, чем мануальный. Участники с передними формами афазии демонстрируют или интенсивную жестикуляцию обоих каналов (1475_д, 1506_э), или используют жесты рук активнее, чем жесты головы (1474_э_а, 1473_д). Участники с акустико-мнестической афазией образуют

группу, характеризующуюся неинтенсивной жестикуляцией для обоих каналов. Для участников с сенсорной афазией не удалось установить общего паттерна.

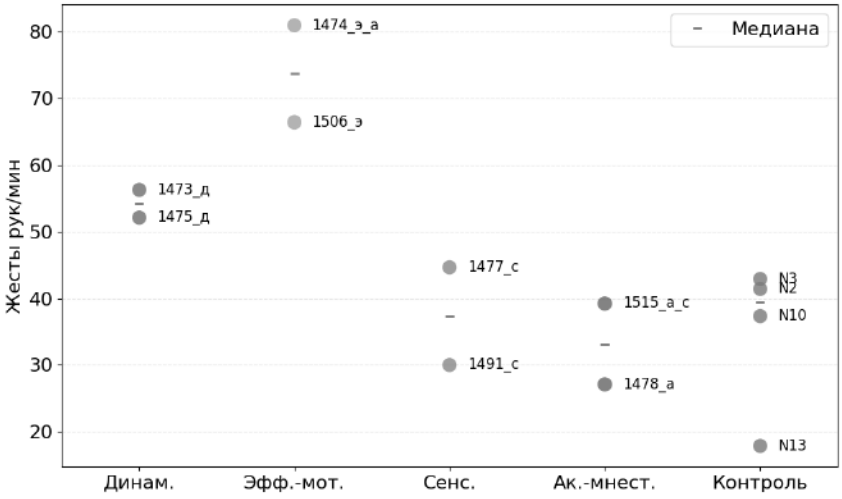

Рис. 3. Медианное разделение

Наконец, было рассмотрено отношение жестов к словам и связь этой характеристики с темпом речи (слова/мин). Была обнаружена сильная отрицательная корреляция между данными параметрами: значения коэффициента корреляции Пирсона составляют $r = –0.82$ для жестов рук и $r = –0.78$ для жестов головы.

Обсуждение. В данном исследовании обнаружены различия в интенсивности использования жестов рук и головы в зависимости от типа афазии. Участники с передними формами афазии, и в особенности с эфферентно-моторной афазией, используют жесты рук наиболее активно. При этом жесты головы могут использоваться так же активно, а могут – в меньшей степени, и данное различие не зависит от типа афазии. При акустико-мнестической афазии наблюдается довольно низкая интенсивность жестов рук и головы. Контрольная группа демонстрирует более интенсивную жестикуляцию цефалического канала. Помимо этого, подтверждается связь отношения жестов рук к словам и темпа речи (слова/мин), полученная в [Ferré 2022] – беглость речи отрицательно коррелирует с интенсивностью жестикуляции. Данная корреляция оказывается релевантной и для жестов головы.

Литература

Цветкова Л. С., Глозман Ж. М. Аграмматизм при афазии. М.: Издательство Московского университета, 1978.

Akhutina T. V. (Ryabova). Mechanism of speech production based on the study of aphasia // Journal of Russian & East European Psychology. 2003. Vol. 41. No 3–4. P. 12–32.

Akhutina T. Luria's classification of aphasias and its theoretical basis // Aphasiology. 2016. Vol. 30. No 8. P. 878–897.

Ferré G. Gesture profile of fluent and non-fluent people with aphasia // Corela [Online]. 2022. Vol. 20. No 1.

Kendon A. Some relationships between body motion and speech. An analysis of an example // Studies in Dyadic Communication / Ed. by A. Siegman, B. Pope. Elmsford, NY: Pergamon, 1972. P. 177–210.

Hadar U., Steiner T. J., Grant E. C., Clifford Rose F. Head movement correlates of juncture and stress at sentence level // Language and Speech. 1983. Vol. 26. No 2. P. 117–129.

Loehr D. P. Temporal, structural, and pragmatic synchrony between intonation and gesture // Laboratory Phonology. 2012. Vol. 3. No 1. P. 71–89.

Maynard S. K. Interactional functions of a nonverbal sign: head movement in Japanese dyadic casual conversation // Journal of Pragmatics. 1987. Vol. 11. No 5. P. 589–606.

McNeill D. Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

A. B. Kolesnikova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

Y. V. Nikolaeva *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University,
National Research University "Higher School of Economics"

QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF GESTURING IN APHASIA

This article examines the characteristics of manual and cephalic channel use in different types of aphasia. Results show that participants with anterior forms of aphasia, especially those with efferent motor aphasia, use hand gestures most intensively. In acoustic-mnestic aphasia, both kinetic channels are used least intensively. Additionally, a negative correlation between speech rate and the gesture-to-word ratio was found.

Key words: aphasia, hand gestures, head gestures, gesture rate, gesture-to-speech ratio.

Т. Н. Ламакина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
lamakina.tatyana@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ И ЖЕСТОВЫЕ СРЕДСТВА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ УСПЕШНОЙ ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается роль вербальных и жестовых компонентов в процессе взаимной настройки знакомых и незнакомых ранее собеседников в условиях компьютерно-опосредованного общения, где достижение контакта расценивается как успешность коммуникации. Полимодальный анализ 66 записей эксперимента (791 вербальных маркеров, 1686 жестов) указывает на преобладание маркеров перспективы и контактоустанавливающих жестов у знакомых, других категорий жестов и вопросно-ответной формы у незнакомых.

Ключевые слова: взаимная настройка собеседников, диалог, полимодальное экспериментальное исследование, устная речь, жесты, успешность коммуникации.

Как говорила один из основоположников когнитивной лингвистики Е. С. Кубрякова, «языковая картина мира <…> важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, <…> интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [Кубрякова 1988: 169]. Однако дальнейшие исследования восприятия и познания мира через дискурс уже не представляются полными без учета их согласования с моделью мира собеседника, которое можно наблюдать при успешной взаимной настройке в диалоге. Традиционный подход склонен отождествлять подобную успешность с точностью передачи информации. В то же время, современные теории, в частности теория выравнивания [Pickering, Garrod 2004] и теория общего основания [Clark 1996], предлагают более комплексное понимание успешности как процесса совместного построения разделяемой ментальной модели ситуации. Таким образом, успешная коммуникация характеризуется эффективностью интерактивных процессов, обеспечивающих взаимную настройку собеседников, а критерием успешности становится способность говорящих координировать свои репрезентации через механизмы обратной связи на уровнях от лингвистических структур до жестовых паттернов, ведь, согласно [McNeill 1992], речь и жесты происходят из единых «точек роста» и когерентны. На успешное ситуативное установление контакта с собеседником также оказывает влияние уровень эмоционального интеллекта (ЭмИн). В психологии он представляет собой способность человека распознавать,

выражать и регулировать свои собственные и чужие эмоции. В частности, категория МЭИ (межличностный эмоциональный интеллект) отвечает за распознавание и реакцию на чувства других людей [Mayer, Salovey 1997].

Целью данного исследования является выявление и сопоставление вербальных и жестовых паттернов взаимной настройки в парах с разной степенью знакомства и оценка их влияния на успешность онлайн коммуникации при учете показателей ЭмИн. Мы предполагаем, что участники будут прибегать к различным стратегиям для достижения общей задачи, когда они общаются со знакомым или незнакомым собеседником.

Для целей данной работы мы также выбрали следующую классификацию жестов: репрезентирующие прагматические, дейктические и адапторы. Некоторые исследователи считают, что жесты служат дополнением к предмету или объекту [Кубрякова 2004]. Например, указательные жесты помогают выразить характеристику об объекте в пространстве, такие как направление и положение [Гришина 2012]. В работе О. К. Ирисхановой, М. И. Киосе, А. В. Леонтьевой, О. В. Агафоновой (2022) анализируется связь дейктических выражений и жестов в полимодальном дискурсе, основанная на двух координатах: расстоянии от говорящего и участии в коммуникации либо вне ее. В исследовании Киосе (2025) особое внимание уделяется пространственным дейктическим единицам и типам относительного пространства в диалогах.

Для оценки взаимной настройки посредством жестикуляции мы предлагаем опираться на функциональную классификацию невербальных ко-речевых единиц, разделяющую жесты на репрезентирующие, прагматические, дейктические и адаптирующие (используется также в [Iriskhanova et al. 2023]). Наряду с вышеуказанными классами, отдельно выделяется подкласс прагматических – контактоустанавливающие жесты, ведь именно они первостепенно функционально ориентированы на собеседника. Данная функция часто реализуется посредством формы рекуррентного жеста PUOH («ладонь вверх»), что получила широкое освещение в работах отечественных и зарубежных исследователей, среди них [Cienki 2021; Kiose et al. 2024].

Основным методом исследования стал полимодальный эксперимент, включающий в себя регистрацию словесно-жестового поведения участников (N=11, 18–21 год) компьютерно-опосредованного общения во время выполнения общего задания на их родном языке (русском). Участникам одновременно демонстрировались разные фреймы единого сюжетного комикса, чью хронологическую последовательность надо было восстановить вместе. Этап проходил дважды для каждого участника, со знакомым и незнакомым, и включал по 3 комикса на этап. После эксперимента участникам предлагалось пройти тест на ЭмИн [Люсин 2006]. Объем размеченного

в ELAN корпуса составляет 66 дискурсов (33 между знакомцами, 33 – незнакомцами). В речи выделены такие контактоустанавливающие вербальные маркеры (всего 791), как вопросно-ответная форма (*И мужчины в рабочем костюме нет?)*, маркеры перспективы собеседника (например, *ты*, обращение по имени, повел. накл., как в *Ну, слушай*), согласия (*Да).* Жесты (всего 1686 без адаптеров) были подвергнуты функциональной классификации. В результате анализа выявлено, что знакомые и незнакомые используют различные стратегии успешного общения. Подробные данные и оценка параметра для различия контекстов знакомства по критерию согласия хи-квадрат представлены в таблице 1.

Таблица 1. *Вербальные и невербальные маркеры достижения успешной коммуникации знакомыми и незнакомцами*

Параметр (χ^2)	Знакомые	Незнакомые
Общее количество вербальных маркеров	291	500
Маркеры перспективы собеседника* (rho = 25.073; p <0,001)	47	27
Вопросно-ответная форма* (rho = 4.134; p < 0,05)	214	399
Маркеры согласия (p = 0,072)	30	74
Общее количество жестов	655	1031
Репрезентирующие жесты* (rho = 5.291; p = 0,022)	371	642
Прагматические жесты* (rho = 5.291; p = 0,022)	284	389
Контактоустанавливающие жесты* (rho = 8.180; p<0,01)	60	57

Так, знакомые активнее и эксплицитнее поддерживают контакт: чаще обращаются по имени и чаще используют повелительное наклонение. Несмотря на то, что их жестикуляция носит преимущественно репрезентирующий характер, они совершают больше контактоустанавливающих жестов и, вероятно, больше ориентированы на собеседника (Рис. 1).

Рис. 1. Пример репрезентирующего жеста в общении знакомых собеседников (Ты думаешь, что он сначала протянул деньги, а потом ушёл?)

Незнакомые собеседники демонстрируют значительно более высокую общую вербальную и жестовую активность. Качественный анализ показывает, что они интенсивнее используют все классы жестов, но не подкласс контактоустанавливающих (Рис. 2).

Рис. 2. Пример иконического жеста в общении незнакомых собеседников (Он как бы держит бабочку на пальчике)

В совокупности с большим количеством других видов прагматических жестов и более частым использованием вопросно-ответной формы, можно предположить, что они скорее ориентированы на решение задачи и структурированное представление содержания стимула, чем на собеседника.

Для дальнейшего анализа была создана корреляционная матрица (коэффициент Спирмана). Для знакомых и незнакомых составлялись отдельные таблицы данных, в которых учитывались показатели межличностного эмоционального интеллекта, количество правильных ответов, количество

контактоустанавливающих жестов и количество обращений и вопросно-ответной формы. На основании проведенного анализа мы можем прийти к следующим выводам: у незнакомых ранее собеседников наблюдалась отрицательная корреляция эмоционального интеллекта с количеством вопросов и ответов (p – 0.687). При этом у этой же группы участников наблюдалась положительная корреляция между межличностным эмоциональным интеллектом и контактоустанавливающими жестами (p = 0.471). Однако несмотря на влияние на стиль общения, ни одна шкала ЭИ не показала значимой корреляции с успешностью решения задачи. ЭИ помогал выстраивать процесс, но не обеспечивал правильный ответ, а жесты рассмотренного подкласса пусть и менее многочисленны, но особенно важны при контакте с незнакомцами. Мы можем предположить, что вопросы создают асимметрию, в общении с незнакомцами это может восприниматься как нарушение личных границ. Люди с высоким эмоциональным интеллектом могут предпочитать наблюдение и жестовую коммуникацию.

Таким образом, результаты полимодального анализа совместного решения задач знакомыми и незнакомцами выявил две стратегии успешности: на акцент на взаимодействие у знакомых, на передачу содержания у незнакомых, и подчеркнуть важную роль контактоустанавливающих жестов.

Литература

Киосе М. И. Пространственный дейксис в спонтанном экспозиторном диалоге: экспериментальное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 3 (897). С. 73–80.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2004.

Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 4–22.

Cienki A. From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions // Languages and Modalities. 2021. № 1. P. 17–30.

Clark H. H. Using language. Cambridge: Cambridge University Press. 1996.

Iriskhanova O. K., Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V. Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture // Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2023). 2023. No. 22. P. 172–180.

Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V., Petrov A. A. Mimetic schemas in multimodal contact-establishing communication // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. № 2. P. 46–70.

Mayer J. D., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional Development and Emotional Intelligence: Implications for Educators / Ed. by P. Salovey, D. Sluyter. New York: Basic, 1997. P. 3–31.

McNeill D. Hand and Mind: What gestures reveal about thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Pickering M. J., Garrod S. Toward a mechanistic psychology of dialogue // Behavioral and Brain Sciences. 2004. Vol. 27 (2). P. 169–226.

T.N. Lamakina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

VERBAL AND GESTURAL MEANS FOR EFFECTIVE ONLINE COMMUNICATION

The article examines the role of verbal and gestural components in the process of mutual alignment between familiar and unfamiliar interlocutors in computer-mediated communication, where contact establishment is viewed as effective communication. A multimodal analysis of 66 experimental recordings (791 verbal markers, 1686 gestures) indicates the prevalence of perspective markers and contact-establishing gestures in communication with friends and of other gesture categories as well as the question-and-answer format in communication with strangers.

Key words: cognitive alignment of speakers, dialogue, multimodal experimental study, oral discourse, co-speech gestures, effective communication.

И. Г. Маланчук *(Москва, Россия)*
Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
cora1@inbox.ru

ЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ОТРИЦАНИЯ И ПОЗИТИВИЗАЦИИ В РАННЕМ ОНТОГЕНЕЗЕ: КОГНИТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ, КОММУНИКАЦИИ И ЯЗЫКА[1]

Посредством анализа базовых для мышления человека логических операций отрицания и позитивизации, проведенного в отношении речи детей второго года жизни, рассматривается проблема когнитивного конструирования ребенком реаль-

[1] Работа проведена в рамках выполнения государственного задания НИЦ «Курчатовский институт» (приказ № 187 от 26.01.2026 г.)

ности, коммуникации и языка. Показаны психологические основания продуцирования и развертки высказываний детей, репрезентирующих один из полюсов оппозиции «отрицание – принятие / утверждение существования», а также континуум «нет – да», который позволяет развивать варианты представлений и поведения.

Ключевые слова: логические операции, отрицание, позитивизация, конструирование реальности, коммуникации и языка, ранний онтогенез.

Период младенчества (используем традиционную отечественную периодизацию, которая ограничивает его первым годом жизни) является вполне определяющим в отношении формирования интер- и интрасубъектной психологической основы отрицания и противоположной ему ментальной операции, обозначаемой нами здесь как позитивизация. Так, младенческий опыт восприятия и взаимодействия с людьми, другими живыми и с неживыми объектами, характеристиками окружающей среды позволяет ребенку реализовывать множество нативных форм поведения, оформляющих как норму дистанцирование от стимулов, вызывающих дискомфорт и негативные аффекты (отвержение пищи, избегание различных феноменов/свойств сенсорной среды, незнакомых предметов и людей), и, напротив, развить ментальный феномен постоянства людей (матери, прежде всего) и объектов, не находящихся в актуальное время в поле зрения, привязанность ко взрослому [Боулби 2003; Мухамедрахимов 1999], реализовывать направленность на контакт и действия с людьми и предметами, удовлетворяющими различные потребности ребенка. Важным является и преодоление ребенком негативного опыта. Кроме того, ранние развивающие культурно-специфичные, в том числе игровые практики (например, младенческие формы игры в прятки) направлены на формирование у ребенка образа тела, развития его представлений о взаимной константности ребенка и его социального/коммуникативного партнера при временной недоступности для восприятия друг другом. Это составляет психическую основу для формирования континуума представлений о существовании/ несуществовании, значимости/ незначимости (в том числе в модальностях их желательности, возможности и нежелательности, невозможности) людей и других объектов восприятия и воздействия, а также для языкового выражения такого континуального содержания сознания, в том числе под влиянием речи и языка взрослого, включенного в обеспечение/поддержку или отрицание указанных форм поведения и ментальных состояний/феноменов.

Считается, что отрицание «не/нет» проявляется в языке в период раннего возраста (второй и третий годы жизни) раньше, нежели позитивное «да» [Dimroth 2010: 39]. Наша база данных (более 1290 единиц речи детей второго года жизни, 649 коммуникативных ситуаций) содержит записи,

свидетельствующие о том, что в функциональной системе детского языка в указанный период распространены обе формы речевого поведения ребенка, представленные как лексикой отрицания, так и лексикой принятия/согласия/поддержки, что создает «формат» социального знания (см.: [Болдырев 2006, 2025]), в том числе в его гибких вариантах.

Проанализируем ряд дискурсивных событий, где ребенок приобретает не только опыт ментального конструирования ситуаций, изменения реальности, в том числе коммуникативной, но и опыт конструирования языка для создания собственной системы представлений о себе и окружающем социальном и несоциальном мире.

(1) Ситуация: мать ругает ребенка (девочку), ребенок, не уходя, говорит матери о себе: *Нет Вари* (возраст 1.6.5). Анализ данного речевого факта выявляет следующее: формально, в языке отрицая свое существование, ребенок использует семантическую структуру пропозиции отрицания существования, восходящую к раннем формам игры в прятки, когда ребенок, переживая состояния своего тела и будучи активным в «поиске» партнера (что делает и партнер-взрослый), одновременно переживает временную «слепоту» – свою и декларируемую партнером, что развивает представление об условном несуществовании «я» и партнера. Эта когнитивная схема распространяется на проблемную для ребенка коммуникацию со взрослым, задает свойство условности поддерживаемой, но избегающей коммуникации, когда ребенок получает возможность вывести онтологическое правило «нет меня – партнер не имеет возможности адресовать речь мне и быть услышанным», вполне эффективное для утверждения межличностных границ.

Этот пример не единственный: в возрасте от года до двух лет у нормотипичных по речи и языку детей регулярно встречаются реплики и поведение, направленные на ограничение коммуникации со взрослым (что имеет место уже в раннем младенчестве (обзор данных см. в [Мухамедрахимов, 1999]):

(2) – Где носик? – Не. Тю-тю нос. (1.2.30);

(3) Звонит дед, мать начинает с ним разговаривать, ребенок (*0-речи*, 1.8.29) убегает из комнаты;

(4) <В игре>: – *Ты в кого стреляешь? – Папа. – Разве можно стрелять в папу? – Сам!* (ребенок забирает свой пистолет и уходит. 1.10.11).

Пример (4) иллюстрирует возможность конструирования «позитивного» исхода ребенком, несмотря на разрушение коммуникации, в связи с имеющимися у него представлениями о развертке событий, то есть в континууме отрицания одной ситуации/информации – принятия другой, но с вариантами исхода, которые предлагает взрослый и/или определяет ребенок. Так, наряду с категорическим отрицанием (примеры 5, 6) возможно отрицание нежела-

тельного с учетом позитивного варианта событий (7–11), моделирование ситуации с учетом негативного исхода или с целью развития позитивного варианта событий (12, 13):

(5) – *Мама, не, убери* (1.9.0);

(6) – *Не буду пать, не!* (1.10.17);

(7) Девочка говорит сама себе: – *Будешь кушать талажок. Не хочешь кашку.* (1.6.9);

(8) – *Мама, как (=никак). Кры! (=открыть)* (1.10.0);

(9) – *Мама, дай! (=кидай) Нет, вех! (=вверх)* (1.11.0);

(10) – *Незя: упа* (1.9.0) (‘не делай, чтобы не упасть’);

(11) – *Де баба? – Баба уехала к себе домой. – Нет! Где моя баба?*, где имеем дело с желанием ребенка восстановить ожидаемую ситуацию;

(12) – Я это буду кусить? (о луке. Возраст 1.3.4);

(13) – *А вот эту мона?* (о кофте. Возраст 1.11.12).

В примере (1) мы отметили возможность раннего формирования семантики условности, которая распространяется и на собственно языковую реальность (это, в том числе, определяет использование и именование предметов-заместителей в игре). В [Мухина 2005] зафиксировано, как в возрасте около 1 года двойняшки хохочут, когда мать не успевает правильно назвать объекты, которые все быстрей показывают дети, и когда (а) слово диссоциируется от объекта и (б) отрицается связь объекта и неправильной лексемы. Диссоциация и основанное на ней реименование объектов фиксируется в примерах (14, 15):

(14) – *Лягушка. – Как-кав. – Ква-ква. – Нет. Кав-кав.* (1.4.14);

(15) – *Мисю сбала. – Это не миша, а крот. – Нет, мися!* (1.6.17).

В (16) условность фразы «*Пока-пока*» осознается, а моделируемое событие прощания взрослого с ребенком отрицается смехом:

(16) – *Пока-пока, мама! Пока-пока, папа. – Пока! – Смех.* (1.8.1);

В (17) же при игровом моделировании ситуации с несуществующим объектом (жест «на» щипковым пальцевым хватом, объекта передачи нет вообще) смех поддерживает условность предметной игры, языковую игру в ее структуре, разделяемые партнером-ребенком:

(17) – Сёма на (=семечку на). <Второй ребенок «берет семечку», подносит ко рту.> *Смех.* (1.9.10) [От нуля… 1997].

Пример (18), когда девочка приносит матери найденные пуговицы и говорит:

(18) – Кубочки. (1.11.12) – показывает естественную для возраста ребенка возможность принятия взрослым «неправильной» детской лексемы, альтернативной языковой норме. Более того, часть такой лексики может

закрепиться в семейном социолекте, что, являясь языковой игрой, одновременно поддерживает и отрицает эти формы языка.

Таким образом, уже на втором году онтосоциогенеза речи и языка обнаруживаются сложные ментальные модели и речеповеденческие акты. Посредством операций отрицания и позитивизации задаются возможности конструирования ребенком субъективно-значимой реальности, коммуникации и языка, что находит выражение в различных жанровых и пропозициональных структурах. Операции отрицания и позитивизации и их результаты на уровне сознания образуют не просто и не только оппозиции, но континуум, когда при отрицании ситуации, объектов, их свойств, состояний «я» или другого ребенок направлен на достижение позитивного исхода, принятие желаемого его коммуникативным партнером либо утверждение своих представлений и модели поведения, а также используемого языка.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). С. 5–22.

Болдырев Н. Н. Язык как система оперирования знанием // Когнитивные исследования языка. 2025. № 4 (65). С. 17–25.

Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

Мухамедрахимов Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

Мухина В. С. Таинство детства: в 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. От нуля до двух. СПб.: Изд-во Бионт, 1997.

Dimroth Ch. The acquisition of negation // The Expression of Negation / Laurence R. Horn (ed.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 39–73.

I. G. Malanchuk *(Moscow, Russia)*
National Research Center "Kurchatov Institute"

LOGICAL OPERATIONS OF NEGATION AND POSITIVIZATION IN EARLY ONTOGENESIS: COGNITIVE CONSTRUCTION OF REALITY, COMMUNICATION, AND LANGUAGE

Through the analysis of the basic logical operations of negation and positivization for human thinking, conducted in relation to the speech of children in the second year of life, the problem of the child's cognitive construction of

reality, communication and language is considered. The psychological foundations of the production and unfolding of children's statements are shown, representing one of the poles of the opposition "negation / denial – acceptance / affirmation of existence", as well as the continuum "no – yes", which allows developing variants of ideas and behavior.

Key words: logical operations, negation, positivization, construction of reality, communication and language, early ontogenesis.

О. П. Марченко *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
olga.p.marchenko@yandex.ru

ТЕЛЕСНАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ГЛАГОЛОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА[1]

Исследовались показатели телесной вовлеченности глаголов при использовании родного (L1) и иностранного языка (L2). Сто двадцать восемь человек с начальным/базовым и восемьдесят один человек с продвинутым уровнем владения L2 оценивали степень телесной вовлеченности глаголов на родном и иностранном языке. Были показаны отличия в уровне телесной вовлеченности между L1 и L2, которые поразному проявлялись на разных уровнях владения языком для слов с высокой и низкой телесной вовлеченностью. Таким образом, особенности опыта использования языка отражаются в показателях телесной вовлеченности глаголов.

Ключевые слова: иностранный язык, воплощенное познание, глаголы.

Понимание слов сопровождается актуализацией опыта, связанного с понятиями. Связность слов с телесным опытом индивида определяет скоростные и точностные показатели ответа на слова. Так, для существительных был предложен коэффициент взаимодействия тела с объектом (body object interaction – BOI). Эффект BOI выражается в более быстром времени ответа на слова с большей телесной вовлеченностью по сравнению со словами с низкой телесной вовлеченностью. Несмотря на то, что информация о взаимодействии с окружающим миром для достижения целей выражается глаголами, глаголы гораздо реже используются в исследовательской прак-

[1] Исследование проведено в рамках государственного задания Минобрнауки России «Интегральная оценка когнитивных и эмоциональных ресурсов участников интернет–коммуникаций на родном и иностранном языке», регистрационный номер НИОКТР 125090210031–6.

тике по сравнению с существительными. При этом, ранее было показано, что такая переменная, как вовлеченность тела (embodiment), используемая для глаголов, является предиктором для скорости реакции, точности и даже воспроизводимости слов [Muraki, Pexman 2025].

Логично предположить, что опыт использования языка должен отражаться в показателях телесной вовлеченности. Так, например, было продемонстрировано, что экранное время (свободное время, проведенное с цифровыми устройствами) у детей отрицательным образом влияет на связь между BOI и временными характеристиками реакций на слова [Xu, Liu 2022]. Это свидетельствует о том, что опыт индивида отражается в оценках телесной вовлеченности и в степени актуализации сенсомоторной информации при работе со словами.

Возникает вопрос, будут ли меняться субъективные оценки телесной вовлеченности глаголов при использовании иностранного языка. Так, существуют альтернативные предположения относительно воплощенности иностранного языка, подкрепленные данными исследований. Так как иностранный язык изучается пассивно в отрыве от реальной среды, в аудитории, можно ожидать, что для него индексы вовлечения тела могут быть ниже, чем для L1. Другие данные говорят о том, что уровень телесной вовлеченности будет схожим для слов с сильной телесной вовлеченностью, при этом для слов со слабой телесной вовлеченностью, уровень будет выше для иностранного языка. Также было показано, что опора на телесный опыт важнее на низком уровне владения L2 [Garello et al. 2024; Zhang et al. 2024].

Если телесная вовлеченность важна на ранних этапах приобретения нового опыта, и известно, что абстрактные понятия приобретаются позже в онтогенезе, и их сложнее запомнить при изучении иностранного языка, то можно ожидать, что уровень телесной вовлеченности абстрактных слов (слов с низким уровнем вовлечения тела) будет выше в иностранном языке, чем в родном языке.

Также можно предположить, что у участников с высоким уровнем владения L2 (C1-C2) и у участников с более низким уровнем владения L2 (A1-B2) будут наблюдаться различия в характере воплощенной языковой обработки.

Методика

Участники исследования (209 носителей русского языка, обладающих опытом изучения английского языка) были разделены на две группы по уровню владения иностранным языком. В группу с высоким уровнем владения L2 (C1-C2) вошел 81 человек (65 женщин и 16 мужчин) в возрасте 18–28 лет (m=22, sd=2,14). В группу участников с низким уровнем владе-

ния L2 (A1-B2) вошли 128 человек (113 женщин и 15 мужчин) в возрасте 18–29 лет (m=20, sd=2,06).

Перед началом исследования участники указывали информацию об уровне владения иностранным языком и опыте его использования. Далее участники получили переведенную на русский язык инструкцию из исследования [Muraki, Pexman 2025], посвященную шкале телесной вовлеченности. Для оценки глаголов использовалась 7-балльная шкала, где низкой телесной вовлечённости соответствовал 1 балл, а высокой – 7 баллов. Также можно было выбрать вариант «я не знаю значения этого слова». При этом до начала исследования участников знакомили со словарем, чтобы убедиться, что все слова будут известны. Набор составил 36 глаголов с разной степенью телесной вовлеченности. Слова предъявлялись как на родном, так и на иностранном языке. Порядок следования слов на родном и на иностранном языке был контрсбалансирован. Перед началом исследования предъявлялся один глагол на русском, а затем на английском языке для знакомства с процедурой.

Для анализа результатов исследования использовали RM ANOVA с типом языка (L1, L2) и типом глаголов (сильная вовлеченность телесного опыта, слабая вовлеченность телесного опыта) в качестве внутригрупповых факторов. Анализ проводили отдельно для двух уровней владения иностранным языком. Также использовался T-критерий для связных выборок с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони. После применения процедуры нормализации распределение ответов незначимо отличалось от нормального (W=0,99, p=0,836).

На низком уровне владения языком обнаружен значимый эффект уровня телесной вовлеченности ($F(1, 127)= 381,237$, $p<0,001$, $\eta^2=0,750$), незначимый эффект языка ($F(1, 127)= 0,039$, $p=0,844$, $\eta^2=0,000$) и значимое перекрестное взаимодействие между этими факторами ($F(1, 127)= 21,209$, $p<0,001$, $\eta^2=0,143$). Было показано, что на низком уровне владения L2 слова со слабой телесной вовлеченностью получали более высокие оценки по этой шкале при использовании иностранного языка по сравнению с родным ($T(127)=2,452$, $p_{adj}=0,016$, $d=0,217$). Слова с сильной телесной вовлеченностью наоборот получали более низкие оценки по данной шкале при использовании иностранного языка по сравнению с родным ($T(127)=3,229$, $p_{adj}=0,004$, $d=0,285$).

На высоком уровне владения L2 обнаружен значимый эффект уровня телесной вовлеченности ($F(1, 80)= 307,704$, $p<0,001$, $\eta^2=0,794$), значимый эффект языка ($F(1, 80)= 6,034$, $p<0,016$, $\eta^2=0,070$) и значимое перекрестное взаимодействие между этими факторами ($F(1, 80)= 4,307$, $p<0,041$, $\eta^2=0,051$). На высоком уровне владения L2 оценки слов со слабой телесной вовлеченностью различались незначимо между L1 и L2 ($T(80)=0,378$, $p_{adj}=0,770$,

d=0,042). Слова с сильной телесной вовлеченностью получали более низкие показатели по данной шкале при использовании иностранного языка по сравнению с родным так же, как и в случае с низким уровнем владения L2 ($T(80)=3,538$, $p_{adj}=0,0012$, $d=0,393$).

Таким образом, для слов, непосредственно связанных с телесным опытом, уровень телесной вовлеченности выше при использовании родного языка. При этом для слов со слабой телесной вовлеченностью опора на телесный опыт оказывается более важной при уровне владения языком ниже продвинутого, тогда как на продвинутом уровне эта опора не является необходимой. Схожие результаты были получены и в других исследованиях [Garello et al. 2024; Zhang et al. 2024].

На ранних этапах освоения L2 для слов, менее связанных с телесным опытом, опора на него является важной. На более поздних этапах освоения языка такая опора уже не является остро необходимой, поэтому различия между L1 и L2 становятся незначимыми.

Было показано, что возраст приобретения понятий связан с телесной вовлеченностью [Muraki, Pexman 2025]. То есть слова, связанные с телесным опытом, приобретаются раньше, а значит автоматизация этих знаний происходит быстрее. Для слов, непосредственно связанных с телесным опытом, понятия иностранного языка в меньшей степени воплощены по сравнению с L1, что связано как с историей формирования этих знаний (более пассивно, без привлечения телесного опыта), так и с практикой использования в таком же ключе. Также можно предположить и альтернативное объяснение. Репрезентации понятий на низком уровне владения иностранным языком менее точные, что и влияет на более высокие оценки телесной вовлеченности для более абстрактных слов.

Литература

Garello S., Ferroni F., Gallese V., Ardizzi M., Cuccio V. The role of embodied cognition in action language comprehension in L1 and L2 // Sci Rep. 2024. V. 14. N 1. Article number: 12781.

Muraki E. J., Pexman P. M. English verbs semantic norms database: Concreteness, embodiment, imageability, valence and arousal ratings for 3,500 verbs // Behavior Research Methods. 2025. V. 57. N 5. Article number: 153.

Xu Z., Liu D. Body-object interaction effect in word recognition and its relationship with screen time in Chinese children // Read Writ. 2022. P. 1–28.

Zhang Y., Chen S., Peng Y., Yang X., Yang J. The Role of the Motor System in L1 and L2 Action Verb Processing for Chinese Learners of English: Evidence from Mu Rhythm Desynchronization // Behav Sci. 2024. V. 14. N 4. Article number: 268.

O. P. Marchenko *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

EMBODIMENT OF VERBS IN L2

The study examined verb embodiment ratings in native (L1) and foreign-language (L2) use. One hundred and twenty-eight participants with lower and eighty-one people with higher L2 proficiency assessed the degree of bodily involvement of verbs in their native and foreign languages. Differences in the level of bodily involvement between L1 and L2 were found, which manifested themselves differently at different levels of language proficiency for words with high and low bodily involvement. Thus, the peculiarities of the experience of using language are reflected in the indicators of the bodily involvement of verbs.

Key words: L2, embodied cognition, verbs.

М. В. Меликян *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
melikyanr5@yandex.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ФРЕЙМА «ИГРА В БАСКЕТБОЛ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ АУДИОДЕСКРИПЦИИ

В статье на материале немецкоязычной аудиодескрипции к документальному фильму о баскетболистах братьях Вагнер анализируются лексические средства заполнения слотов фрейма ИГРА В БАСКЕТБОЛ. Выделены четыре облигаторных слота – субъект, объект, предикат и локация. Показано, что их лексическое наполнение опирается преимущественно на имена существительные и глаголы, а также на метонимические модели.

Ключевые слова: аудиокомментарий, фрейм, фреймовая семантика, фреймовый анализ, когнитивная лингвистика.

Исследование процессов категоризации и концептуализации стало областью наибольших достижений когнитивной лингвистики, отдельное внимание уделяют междисциплинарным исследованиям. Согласно Е. С. Кубряковой, основателю когнитивно-дискурсивной парадигмы, дискурсивный и текстовый миры являются «абстрактными конструктами, реализующимися в дискурсе в виде ментальных репрезентаций, благодаря которым происходит осмысление и понимание поступающей ин-

формации» [Кубрякова 2001: 283]. Ментальные репрезентации воспроизводят окружающую человека действительность посредством образов предметов и явлений, с помощью которых возможно представить все аспекты той или иной ситуации независимо от степени вовлеченности.

При просмотре кинофильма с аудиодескрипцией, выступающей компенсаторным механизмом [Анищенко 2024], коммуникация между реципиентом с сенсорными особенностями и аудиодескриптором происходит опосредованно, в частности на уровне вербализации визуальных процессов. Ментальные структуры, например, фреймовые, позволяют пересечь границу между реальным дискурсивным миром и художественным текстовым. Под фреймом понимают тип когнитивной модели, представляющей знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями [Ungerer, Schmid 2013].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении языковых средств и стратегий репрезентации фрейма ИГРА В БАСКЕТБОЛ в немецкоязычных аудиокомментариях, сопровождающих серию документальных фильмов “The Wagner Brothers” на немецком вещательном телеканале ZDF, с позиции фреймовой семантики.

Материалом исследования послужила немецкоязычная серия документальных фильмов с аудиодескрипцией “The Wagner Brothers” общей продолжительностью 192 минуты: “Brüder” (первая серия, 47 мин.), “Champions” (вторая серия, 49 мин.), “Nomaden” (третья серия, 48 мин.), “Entscheidungen” (четвертая серия, 48 мин.).

На уровне сюжета исследуемый фильм повествует о братьях Вагнер из Германии – Морице и Франце – звездах Национальной баскетбольной ассоциации (НБА), профессиональной баскетбольной лиги Северной Америки. Несмотря на уникальный спортивный взлет им предстоит столкнуться с различными трудностями – переговоры по заключению договора с баскетбольным клубом, травмы, возвращение в большой спорт и подготовка к чемпионату мира в составе сборной Германии.

Согласно М. Минскому, фрейм имеет структуру, образуемую слотами, среди которых различают облигаторные (содержат информацию о прототипической ситуации) и факультативные (возникают лишь при определенных условиях) [Минский 1978]. Фрейм-прототип, рассматриваемый как верхний уровень фрейма, является типичным представлением ситуации, отраженной в сознании человека пропозицией, представляющей собой совокупность слотов. При получении новой информации слоты заполняются конкретными единицами, формируя нижний уровень фрейма и образуя «фрейм-экземпляр», который вербализуется в конкретных аудиокомментариях.

Исследуемый материал можно отнести к институциональному типу [Карасик 2000] массмедийного спортивного дискурса, где аудиодескриптор выступает в роли медиатора, обеспечивая взаимодействие между реципиентом с сенсорными особенностями и спортивным миром, включая непосредственно спортсменов и тренеров. Спортивная документалистика как киножанр при этом нацелена на раскрытие достижений спортсменов и преодоление ими различных препятствий. Стоит отметить, что в рамках данного дискурса коммуникативные стратегии выстраиваются на основе зон специальной пресуппозиции, которые, будучи связанными с узкоспециализированной темой, требуют особых когнитивных усилий. К ним относятся правила соревнований, действующие лица (спортсмены, команды, судьи, тренеры), история (представления о результатах предшествующих состязаний, возникновении и развитии того или иного вида спорта), спортивные орудия, устройство площадки и другие технические характеристики [Снятков 2008].

На основе составленного корпуса текстов аудиокомментариев была изучена смысловая структура фрейма ИГРА В БАСКЕТБОЛ и выделены следующие облигаторные слоты фрейма-прототипа с учетом их функционально-семантической значимости: субъект, объект, предикат и локация. Заполнение указанных слотов лексическими единицами обеспечивает адекватное понимание ситуации и ее успешную интерпретацию реципиентом с нарушением зрительной функции.

Слот СУБЪЕКТ. В корпусе текстов аудиокомментариев лексические единицы, характеризующие субъекта, подразделяются на три тематических кластера:

(1) Баскетболист – *Die Silhouette der* Basketballspieler *auf dem glänzenden Boden / Franz dribbelt einen* Gegenspieler *aus // Силуэты баскетболистов на блестящем полу / Франц ведет мяч мимо соперника* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – М.М.);

(2) Команда – *Die* Mannschaft *kommt zusammen / Die Brüder stehen schweigend in einer Reihe mit dem* Team *// Команда собирается / Братья молча стоят в строю вместе с командой;*

(3) Судья – *Der* Schiedsrichter *wirft den Sprung // Судья назначает штрафной бросок.*

Слот ОБЪЕКТ. Выделяемые языковые единицы описывают как спортивные орудия, предназначенные для игры в баскетбол, и спортивный инвентарь, так и символику, связанную с матчем, баскетбольным клубом и самим игроком.

(1) Инвентарь – *Moritz steigt* auf einem Träningsrasen *mit hoch gehobenen Beinen über fast hüfthohe Hürden / Franz wirft auf den Korb // Мориц перешa-*

гивает через барьеры высотой почти до пояса на тренировочной лужайке, высоко поднимая ноги / Франц бросает мяч в корзину;

(2) Символика – *Ein grünes* Drachenmaskotchen *heizt die Menge mit einer* Flagge *an / Ein Fan hält ein* Pappgesicht von Moritz */ An der Wand ist das* Logo der Jugendhalle "Alba Berlin" // *Зеленый дракон-талисман подбадривает толпу флагом / Болельщик держит картонную фигуру Морица / На стене логотип молодежного спортивного зала «Альба Берлин».*

Слот ПРЕДИКАТ. Фреймовая семантика игры в баскетбол охватывает не только вещественное окружение, отображаемое в фильме с аудиодескрипцией, но и действия игроков. Эти действия могут подразделяться на элементы игры (базовые приемы и стратегии) и на элементы тренировки (подготовка к матчу). Среди основных синтаксических конструкций, заполняющих слот, можно выделить модель «Субъект – предикат – объект».

(1) Элементы тренировки – *In der Basketballhalle* macht Moritz auf dem Boden die Übungen */ Er macht weitere* Aufwärmübungen */ Franz* macht den Hürdenlauf mit einem Ball in den Händen. *Danach folgt sein Bruder. Schließlich stößt Franz mit dem Fuß gegen eine Hürde // В баскетбольном зале Мориц выполняет упражнения на полу / Он делает еще несколько разминочных упражнений / Франц прыгает через барьеры с мячом в руках. За ним следует его брат. Франц ударяется о барьер*;

(2) Элементы игры – *Moritz* gelingen Dunkings */ In Zeitlupe. Franz* gelingt ein Korbleger. *Er* macht einen weiteren Wurf aus der Distanz, *jedoch misslingt. Moritz* wird abwechselt / Nach dem Rückpass *eines Teamkollegen* gelingt *Moritz* ein Dreierwurf */ Franz* passt zu *Moritz, der* punktet // *Мориц забивает мяч сверху / В замедленной съемке. Франц забивает лэй-ап. Он делает еще один бросок издалека, но промахивается. Морица заменяют / После паса назад от товарища по команде Мориц забивает трехочковый / Франц пасует Морицу, который забивает.*

Слот ЛОКАЦИЯ. В проанализированном корпусе слот ЛОКАЦИЯ представлен лексическими единицами, обозначающими место действия. Их можно разделить на два тематических кластера:

(1) Баскетбольная площадка – *Franz erhebt sich von der Bank und geht aufs* Spielfeld */ Moritz allein am* Spielfeldrand // *Франц встает со скамейки и выходит на поле / Мориц один на краю поля;*

(2) Объекты инфраструктуры, метонимически обозначающие локацию или участников – *Die* Ersatzbank *springt auf // Игроки вскакивают со скамейки запасных.*

Таким образом, фреймовый подход позволяет систематизировать языковые средства аудиодескрипции спортивного дискурса. В ходе про-

веденного исследования была построена прототипическая модель фрейма ИГРА В БАСКЕТБОЛ с выделением облигаторных слотов – субъект, объект, предикат и локация. Выделенные слоты могут быть детализированы за счет лексических единиц разной степени конкретности (например, от *Spielfeld* до *Spielfeldrand*).

Литература

Анищенко А. В. Когнитивно-эмотивные аспекты немецкоязычного аудиокомментария // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1 (58). С. 614–618.

Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 25–33.

Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283–291.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1978.

Снятков К. В. О характере пресуппозиции в телевизионном спортивном дискурсе // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 70. С. 317–321.

Ungerer F., Schmid H.-J. Learning about language. An introduction to cognitive linguistics. Routledge, 2013.

M. V. Melikyan *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

FRAMING THE EVENT STRUCTURE “BASKETBALL PLAY” IN THE GERMAN-LANGUAGE AUDIO DESCRIPTION

The article is dedicated to the lexical means used to fill the slots of the frame BASKETBALL PLAY in the German-language audio description for a documentary film about the Wagner brothers. As a result of the study, four main slots are identified – subject, object, predicate, and location. It is shown that their lexical content relies primarily on nouns and verbs, as well as metonymic patterns.

Key words: audio description, frame, frame semantics, frame analysis, cognitive linguistics.

М. В. Миргород *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет

ВЕРБАЛЬНАЯ МЕТАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ДИСКУРСЕ КОУЧ-СЕССИЙ

В статье впервые рассматривается механизм вербального метарепрезентирования как один из ключевых когнитивно-лингвистических механизмов концептуального изменения в дискурсе коуч-сессий. На материале тридцати коуч-сессий выявлены ведущие коммуникативные стратегии и тактики, обеспечивающие вывод реципиента дискурса на метарепрезентационный уровень дискурсивной обработки опыта. Показано, что вербальное метарепрезентирование выступает системным механизмом дискурса коуч-сессий как разновидности дискурса активного воздействия.

Ключевые слова: вербальная метарепрезентация, дискурс активного воздействия, дискурс коуч-сессий, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, когнитивный механизм, когнитивно-дискурсивный анализ.

В последние десятилетия коучинг получил широкое распространение как институциональная практика, направленная на поддержку личностного и профессионального развития человека. Несмотря на значительное развитие коучинга в прикладной психологии и менеджменте, его когнитивно-дискурсивные механизмы остаются сравнительно мало изученными в лингвистике. В предыдущих исследованиях [Миргород 2025] нами было обосновано рассмотрение дискурса коуч-сессий в парадигме дискурса активного воздействия. Данный подход опирается на концепцию дискурса активного воздействия О. В. Соколовой [Соколова 2015] и исследования коучингового взаимодействия в русле прагмалингвистики и конверсационного анализа [Fleischhacker, Graf 2024]. В настоящем исследовании основное внимание сосредоточено на одном из ключевых когнитивных механизмов, обеспечивающих изменение когнитивной модели ситуации клиента, – вербальном метарепрезентировании, понимаемом как процесс вторичной репрезентации уже имеющейся репрезентации – мысли, убеждения, эмоционального состояния или интерпретации ситуации. Вслед за Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянковым, разграничивавшими ментальные репрезентации и их языковую объективацию [Кубрякова, Демьянков 2007], представляется необходимым различать ментальные метарепрезентации и их языковые формы.

Предметом анализа выступает вербальное метарепрезентирование, определяемое с опорой на Т. А. Клепикову как особый механизм языковой концептуализации. Под лингвистическим метарепрезентированием исследователь понимает «когнитивно-семиологический процесс», представляющий собой «языковую концептуализацию двух когнитивных ситуаций (в общем случае), при которой одна из них теряет автономное профилирование и проецируется «сквозь призму» другой, или метарепрезентируется» [Клепикова 2008: 7]. В связи с этим методологически важно разграничивать сам процесс метарепрезентирования и его языковой результат. Рассматриваемый механизм вербального метарепрезентирования соотносится с более широкими когнитивными моделями концептуального изменения. В когнитивной психологии развития концептуальное изменение понимается как перестройка понятийной структуры, т. е. изменение на уровне индивидуальных концептов, проявляющееся в дифференциации, объединении или переструктурировании концептов [Carey, Johnson 2000]. В свою очередь, Т. А. Клепикова связывает возможность подобной перестройки с метарепрезентацией, благодаря которой когнитивное состояние становится доступным для осознания и последующего анализа [Клепикова 2008]. **Материалом исследования** послужили тридцать транскрибированных демонстрационных коуч-сессий продолжительностью от тридцати до шестидесяти минут, проведенных коучами, сертифицированными Международной федерацией коучинга (ICF). В анализ включены фрагменты диалогов, содержащие реплики коуча, направленные на вывод клиента на метарепрезентативный уровень, и ответные реплики клиентов, в которых наблюдаются процессы рефлексивного осмысления собственных слов. **Методом исследования** является когнитивно-дискурсивный анализ, направленный на выявление ведущих коммуникативных стратегий и тактик, обеспечивающих запуск и поддержание механизма метарепрезентирования в дискурсе коуч-сессий. Анализ материала показал, что дискурсивные действия, направленные на перевод клиента на уровень метарепрезентационной обработки собственного опыта, наблюдаются во всех тридцати исследуемых коуч-сессиях. Поскольку все сессии были проведены разными коучами, данная стратегия может рассматриваться не как особенность отдельных коммуникативных стилей, а как системная характеристика дискурса коуч-сессий. На основании повторяющихся речевых ходов коучей, реализующих данную стратегию, были выделены и сгруппированы коммуникативные тактики. Основанием для выделения данных тактик послужила наблюдаемая повторяемость определенных типов дискурсивных действий коучей, направленных на перефокусирование внимания клиента с содержания проблемной ситуации на способы её вербальной

репрезентации и концептуализации. Данное понимание фокусирования и перефокусирования соотносится с когнитивно-дискурсивным подходом О. К. Ирисхановой, рассматривающей перераспределение внимания как один из базовых механизмов языкового конструирования опыта [Ирисханова 2014], а также с моделью дискурса активного воздействия, предложенной О. В. Соколовой [Соколова 2015].

Тактики выделялись индуктивно в процессе когнитивно-дискурсивного анализа коуч-сессий. В качестве их маркеров рассматривались повторяющиеся дискурсивно-лингвистические средства организации коучингового взаимодействия, наблюдаемые на уровне речевых ходов коуча, способов работы с языковым материалом клиента и последующей дискурсивной обработки уже вербализованного содержания. При анализе материала учитывались уточняющие и фокусирующие вопросы, вербальное отзеркаливание отдельных лексем и высказываний клиента, побуждение к метафоризации опыта с последующей совместной разработкой и реконфигурацией метафоры, а также поощрение повторной номинации и вариативного переименования. На основании общности выполняемой функции данные речевые действия были сгруппированы в ряд коммуникативных тактик, обеспечивающих реализацию механизма метарепрезентации на дискурсивном уровне. Подобные тактики переводят клиента на метаязыковой уровень анализа, смещая внимание с непосредственного описания проблемной ситуации на ее языковую репрезентацию. Как отмечает Д. Уилсон, в подобных случаях собственные высказывания говорящего обрабатываются в контексте доступных допущений, что может приводить к их модификации или реорганизации [Уилсон 2020].

Анализ материала показал, что наиболее устойчиво в исследуемом дискурсе представлена **тактика поощрения метарепрезентации когнитивных структур, которая была зафиксирована в двадцати семи из тридцати исследуемых сессий.** Коучи систематически инициируют дискурсивную работу с убеждениями, концептами, сценариями, образ-схемами и иными когнитивными моделями клиента, рассматриваемыми как объекты последующей интерпретации и возможной реконцептуализации. Подобное понимание когнитивных структур соотносится с положениями когнитивной лингвистики, в рамках которой концепты рассматриваются как базовые единицы организации знания [Кубрякова 2004], фреймы – как структуры репрезентации стереотипизированного опыта [Fillmore 1982], сценарии – как динамические модели типизированных последовательностей действий [Schank, Abelson 1977], а образ-схемы – как телесно обусловленные структуры концептуализации опыта [Lakoff, Johnson 1980]. В исследуемом материале именно когни-

тивные структуры регулярно становятся объектом метарепрезентационной дискурсивной обработки. Так, в одной из коуч-сессий коуч инициирует данный процесс вопросом: *Интересно, а вы говорите про убеждения, какие убеждения сейчас звучат?*, что приводит в результате к вербализации клиентом фрейма «свои–чужие»: *...я другая, ...это разделение свои-чужие, оно есть*. Именно метарепрезентация данного фрейма создает возможность для его последующей реконфигурации. Используя рефрейминг на основе механизма перефокусирования, коуч предлагает рассмотреть прежнюю интерпретацию в иной перспективе: *Вот вы говорите о том, что «я другая, и это вызывает отчужденность», а как вам кажется, может ли это быть каким-то плюсом при выборе работы?*.. В результате клиент формирует новую вербальную метарепрезентацию фрейма, в которой отличие становится преимуществом: *...я принесу как бы свое видение, отличное от их, и у меня опыт работы мой и мой скромный жизненный опыт позволяют уже делать какие-то мне, может быть, рекомендации, которые им помогут...*

Сопоставимую степень распространенности демонстрирует **тактика активации вербализации имплицитного содержания**, выявленная в двадцати шести сессиях из тридцати. Она реализуется в ситуациях, когда коуч направляет взаимодействие на языковое оформление когнитивных состояний, ещё не получивших устойчивой вербальной репрезентации. Так, клиент отмечает: *«Я умею облекать какие-то вещи в слова, но у меня нет образа... не могу сформулировать образ...»*, фиксируя отсутствие не только языковой, но и концептуальной определенности. Последующая серия уточняющих вопросов коуча приводит к формированию метафорической метарепрезентации (*«...шарик куда-то катился...»*), которая в дальнейшем трансформируется в новую языковую репрезентацию: *«Я просто шарик»* и наконец клиент приходит к новой концептуальной модели себя: *«Я просто Маша»*.

Следующей по частотности является **тактика метарепрезентационного фокусирования аффективного содержания**, зафиксированная в двадцати пяти сессиях из тридцати. Эмоциональные состояния клиента переводятся в пространство последовательной дискурсивной обработки через их называние, уточнение и вербальную фиксацию в общем интерпретационном пространстве коуча и клиента, что соотносится с представлениями о ментальных пространствах как динамических структурах дискурса [Fauconnier 1994]. Так, акцентируя внимание на слове *«боюсь»*, коуч побуждает клиента к метарепрезентации собственного переживания: *«...я поняла, что я цепляюсь за страх»*. В результате эмоция начинает рассматриваться как элемент когнитивной модели, открывая возможность ее последующей реструктуризации.

Несколько реже встречается **тактика экспликации и трансформации метафорической метарепрезентации опыта**, обнаруженная в двадцати двух сессиях из тридцати. Понимание метафоры как одного из базовых механизмов концептуализации опыта [Lakoff, Johnson 1980] позволяет рассматривать подобные случаи как работу коуча с вербальными средствами метарепрезентации концептуальной организации опыта клиента. В рамках теории релевантности метафора понимается как частный случай интерпретативного употребления языка [Sperber, Wilson 2004]. Так, в одной из сессий коуч не разрушает возникающую у клиента метафорическую модель, а удерживает взаимодействие внутри нее посредством уточняющих вопросов (*А что ищет лиса вокруг этого дерева?*), что приводит к ее последовательной трансформации и, как следствие, к преобразованию когнитивной модели ситуации.

Наименее частотной оказалась **тактика поощрения вербальной вариативности**, выявленная лишь в четырех сессиях из тридцати. Вместе с тем процессы вербальной вариативности сопровождают практически все выделенные метарепрезентационные тактики, однако лишь в отдельных случаях языковая форма сама становится непосредственным объектом дискурсивной работы. Так, исходная номинация *«образ»* последовательно переименовывается в *«успешный консультант»*, затем – *«харизматичная особа»*, а далее получает развернутое описание. Тем самым коуч побуждает клиента к последовательному варьированию языковых средств выражения одного и того же содержания, обеспечивая переход от единичной номинации к более детализированной концептуализации опыта.

Полученные данные показывают, что метарепрезентирование систематически инициируется коучем посредством коммуникативных тактик и создает условия для когнитивной переработки содержания. Этот вывод соотносится с моделью дискурса активного воздействия О. В. Соколовой [Соколова 2015]. В рамках ранее предложенной нами трехступенчатой модели воздействия в дискурсе коуч-сессий [Миргород 2025] метарепрезентирование выступает ключевым механизмом перехода между этапами деавтоматизации, когнитивной переработки и автоматизации обновленной модели. На этапе деавтоматизации субъект получает возможность дистанцироваться от исходной репрезентации и сделать ее объектом анализа; данный процесс сопровождается перефокусированием внимания на метаязыковое осмысление собственного высказывания [Ирисханова 2014; Соколова 2015]. Следовательно, метарепрезентирование занимает системообразующее положение в дискурсе коуч-сессий как разновидности дискурса активного воздействия и выступает необходимым условием когнитивных изменений.

Литература

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Клепикова Т. А. Типология лингвистических метарепрезентаций // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. № 21 (122). С. 87–94.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 8–16.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Миргород М. В. Дискурс коуч-сессий в парадигме дискурса активного воздействия // Когнитивные исследования языка и дискурса. 2025. Вып. 3 (64). С. 73–79.

Соколова О. В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология: дис. … д-ра филол. наук. М., 2015.

Уилсон Д. Метарепрезентация в лингвистической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 25–41.

Carey S., Johnson S. C. Metarepresentation and conceptual change: Evidence from Williams syndrome // Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective / ed. by D. Sperber. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 225–248.

Fillmore Ch. J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm / ed. by The Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982. P. 111–137.

Fleischhacker M., Graf E.-M. A closer look into the 'black box' of coaching – linguistic research into the local effectiveness of coaching with the help of conversation analysis // Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice. 2024. Vol. 17(1). P. 119–141.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.

Sperber D., Wilson D. Relevance theory // Handbook of Pragmatics. Oxford: Blackwell, 2004. P. 607–632.

M. V. Mirgorod *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

VERBAL METAREPRESENTATION AS A COGNITIVE-LINGUISTIC MECHANISM OF CONCEPTUAL CHANGE IN THE DISCOURSE OF COACHING SESSIONS

This article is the first to examine the mechanism of verbal metarepresentation as one of the key cognitive-linguistic mechanisms of conceptual change in the discourse of coaching sessions. Based on the analysis of thirty coaching sessions, the study identifies

the leading communicative strategies and tactics that facilitate the recipient's transition to the metarepresentational level of discursive processing of experience. The findings demonstrate that verbal metarepresentation functions as a systemic mechanism of the discourse of coaching sessions and support its interpretation as a variety of active influence discourse.

Key words: verbal metarepresentation, active influence discourse, discourse of coaching sessions, communicative strategy, communicative tactic, cognitive mechanism, cognitive-discursive analysis.

О. В. Ларина *(Москва, Россия)*
МГИМО (У) МИД РФ
olga21.06larina@gmail.com

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ОНЛАЙН-ЭКСПЕРИМЕНТА НА ПЛАТФОРМЕ *COGNITION.RUN*

В работе описывается опыт создания и пилотного проведения эксперимента по восприятию темпоральных характеристик англоязычных текстов. Цель исследования – изучение влияния косвенных темпоральных маркеров (имен собственных и определенных дескрипций) на инференцию временной локализации при отсутствии эксплицитного указания на время. Для создания и проведения эксперимента использовалась облачная платформа, позволившая с высокой точностью фиксировать скорость реакции и повысить надежность выводов. Результаты подтверждают зависимость эффективности обработки темпоральной информации от релевантности изучаемых маркеров для реципиента.

Ключевые слова: темпоральность, когнитивная лингвистика, Теория релевантности, эксперимент, облачные технологии, время реакции.

Работа является описанием пилотного лингвистического эксперимента, проведенного в рамках текущего исследования влияния имен собственных и определенных дескрипций на обработку темпоральной информации. Нашей задачей было установить, насколько косвенные темпоральные маркеры влияют на скорость инференции временных значений при отсутствии широкого контекста и прямых указаний на время. Теоретической базой эксперимента стали классические теории референции, Теория релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон [Sperber, Wilson 1995], а также теория ментальных пространств Ж. Фоконье [Fauconnier 2007].

Идея о том, что референция имен собственных и выражений с определенным артиклем может выступать в качестве триггера ментальных про-

странств, содержащих помимо прочего также релевантную темпоральную информацию, кажется вполне очевидной. Тем не менее, с нашей точки зрения необходимо более подробное экспериментальное исследование этой гипотезы.

Современные технологии позволяют собирать и обрабатывать лингвистические данные на качественно новом уровне. Основным преимуществом является то, что они практически не допускают технических искажений и позволяют выстроить алгоритм эксперимента с точностью до миллисекунды. В психолингвистических экспериментах на восприятие и обработку информации эти миллисекунды могут быть статистически значимыми. Помимо этого, охват аудитории потенциально гораздо шире, чем при использовании традиционных методов.

Для нашего эксперимента мы выбрали облачную платформу Cognition.run, созданную специально для психолингвистических исследований, которая позволила нам стандартизировать условия предъявления языкового материала и максимально точно засечь время реакции на изучаемые стимулы. Платформа обеспечила необходимый контроль над таймингом, что было бы невозможно в стандартных онлайн-опросниках (например, Google Forms). Еще одним преимуществом Cognition.run является автоматический сбор данных в единую базу, что исключает ошибки, иногда возникающие при ручном переносе ответов.

Эксперименты пишутся на JavaScript с библиотекой jsPsych – стандартный инструмент для онлайн-исследований в когнитивной науке. Код вставляется прямо в редактор на сайте Cognition.run, для этого не нужен отдельный сервер. Для прохождения теста участник получает ссылку, открывает ее в браузере (нет необходимости устанавливать программу отдельно, что очень удобно), читает инструкцию и нажимает кнопку *Start*. После каждого участника данные автоматически сохраняются на платформе. Также платформа предоставляет возможность отфильтровывать незавершенные участниками попытки пройти тестирование. Результаты скачиваются одним файлом (CSV, открывается в Excel). Ключевые колонки (для нашего эксперимента): номер вопроса, выбранный ответ, время ответа в миллисекундах.

Тест, который мы разработали для проведения эксперимента состоит из 24 пунктов. В каждом приведен короткий отрывок из газетной статьи (the Guardian), отобранный таким образом, чтобы на экране одновременно появлялось от 2 до 4 строчек. На чтение каждого отрывка отводится от 10 до 20 секунд в зависимости от количества строчек. Затем появляется список из 4 вариантов ответов, после чего вернуться к самому тексту уже нельзя. Варианты ответов даются в формате десятилетий, с которыми предполо-

жительно ассоциируется текст, e.g.: "1990s/1970s/2000s/1950s". Респондент либо выбирает свой ответ, либо нажимает на кнопку "next", если ответа нет. На выбор отводится 10 секунд.

В тесте предложено 12 целевых и 12 контрольных отрывков-виньеток, расположенных в произвольном порядке. И контрольный отрывок, и целевой взяты из одной и той же статьи, речь в них идет про одно и то же время, но целевые тексты содержат изучаемые маркеры (имена собственные и определенные дескрипции, предположительно «запускающие» темпоральные ассоциации), а контрольные нет. Для примера:

Целевой отрывок: *She adds: "When he fights with the orange man, I don't think that that's a fight Worth having. Obviously he is ill, and there is nothing that you're going to be able to say that he's even going to hear, unless you just really take him down into the pit of hell's gutter"* [Davies. The Guardian 2020]. *(1980s/2020s/1950s/2000s).*

Контрольный из той же статьи: *That was until he embarked on a process of genealogy and DNA testing, which led him back to Gabon's Benga tribe. "A lot of people tried to trace themselves and find out where they came from – all they could find out was maybe a country," he explains* [Davies. The Guardian 2020]. *(1990s/2010s/2020s/1980s).*

На данный момент в эксперименте приняли участие 20 русскоговорящих респондентов со знанием английского C1-C2. Таким образом, делать общие выводы пока рано, но промежуточные результаты кажутся интересными.

В целом, как мы и предполагали, большее количество участников (от 55 до 100% в зависимости от релевантности стимула) правильно определяют хронологическую отнесенность отрывков на основании косвенных темпоральных маркеров. Но, если речь идет о периоде до 1990-х, то время реакции (RT) на текст увеличивается в среднем на ~ 0,5–1 сек. по сравнению с более современным материалом, время обработки которого, как правило, менее 3 сек. Если отрывок не содержит исследуемых маркеров, то происходит один из трех сценариев: либо текст обрабатывается дольше, либо возникает больший разброс в вариантах ответов (так, например, приведенный выше контрольный отрывок был определен как относящийся к: 2010-м – 38%, 1990-м – 38%, 1980-м – 24%), либо респонденты спонтанно (и достаточно быстро: в среднем RT ~ 3 сек) выбирают периоды после 1990-х.

Также очевидно, что различные маркеры обладают различной релевантностью для большинства респондентов. Так, например, 100% участников пришли к выводу, что время, о котором говорится в тексте, упоминающем *Indiana Jones or the next Star Wars*, – 1980-е (RT = 3,37). В приведенном выше примере *the orange man* оказался релевантным стимулом для 55%

респондентов (RT = 2,72). Предполагаем, что если бы аудиторию составляли англоговорящие участники, то процент был бы значительно выше. В этой связи в будущем планируется провести подобный эксперимент отдельно для носителей языка (британцев и американцев).

Другие определенные дескрипции, которые в нашем исследовании довольно точно указывают на время: *the pandemic* (90% опрошенных назвали 2020-е; RT = 2,76), *the AIDS crisis* (82% за 1980-е; RT = 3,06). Другие имена собственные: *Lohan, Britney, Paris Hilton* (в одном отрывке) (73% ответили 2000-е; RT = 2,91). Лучше всего на точность временных ассоциаций работают комбинации определенных дескрипций и имен собственных, даже когда они разбросаны по контексту: *Thailand + the tsunami* (78%; RT = 2,85), *Vietnam + the war* (73%; RT = 3,31).

На данный момент по результатам эксперимента можно предварительно сделать следующие выводы:

– существует значимая корреляция между наличием в тексте имен собственных и определенных дескрипций и скоростью и точностью определения временной локализации при отсутствии эксплицитных индикаторов времени.

– декодирования темпоральных характеристик текста происходит в соответствии с принципами Теории релевантности: затрачивается меньше когнитивных усилий при обработке текста, в котором имена собственные и определенные дескрипции являются для аудитории релевантными культурно-историческими прецедентными феноменами. Релевантность, как правило, обратно пропорциональна давности событий.

– если изучаемые темпоральные маркеры не являются для человека частотными или значимыми, они либо не считываются, либо требуют больших когнитивных усилий, что выражается в увеличении времени реакции на стимул.

– определенные дескрипции нуждаются в контексте для того, чтобы стать релевантным темпоральным стимулом, соответственно, дальнейшее исследование должно быть направлено на изучение их взаимодействия с другими компонентами дискурса (например, особенностями комбинаций с именами собственными).

Для представления результатов мы сделали интерактивный отчет в формате HTML, который открывается в любом браузере. Все графики, построенные с помощью библиотеки Chart.js, широко используемой в аналитике, при наведении на столбец показывают точное значение. В отчете 5 графиков, наглядно представляющих результаты эксперимента. Столбчатые графики: среднее время ответа по каждому вопросу, время ответа по участникам (при значительном количестве респондентов, возможно, будет нецелесообразно), распределение ответов по десятилетиям; круговая диаграмма, демонстри-

рующая данные по десятилетиям в процентах, гистограмма распределения ответов в диапазонах 1–2 сек, 2–3 сек и т.д. В конце приведена сводная таблица с детализацией по ответам и RT по всем 24 вопросам.

Наш опыт показал, что ключевыми преимуществами использования таких платформ как Cognition.run являются возможность зафиксировать длительность предъявления материала и высокая точность регистрации времени реакции респондентов на стимул, что минимизирует случаи угадывания и стратегического поведения респондентов. Среди плюсов также важно отметить дистанционный сбор данных, обеспечивающий более широкий охват аудитории, удобство обработки результатов и легкость работы с платформой как для исследователя, так и для участника. В отличие от лабораторных экспериментов, при дистанционном прохождении задания на собственном устройстве респондент приближается к условиям естественного чтения и не отвлекается на искусственную обстановку.

Литература

Davies H. J. Samuel L Jackson: "A fullness comes upon me every time I land in Africa". The Guardian, 20 Oct. 2020. URL: https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2020/oct/20/samuel-l-jackson-interview-enslavement-africa-roots-race-latanya-richardson

Fauconnier G. Mental spaces // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. New York: Oxford University Press, 2007. P. 351–376.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1995.

O. V. Larina *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

CONDUCTING COGNITIVE ONLINE EXPERIMENTS ON *COGNITION.RUN*

The article describes an experiment on the perception of temporal characteristics in the English language. It investigates the influence of implicit temporal markers (proper nouns and definite descriptions) on the inference of temporal localization in the absence of explicit indicators. The use of a cloud-based platform allowed for precise measurement of reaction time and increased data reliability. The results confirm that the speed of temporal information processing depends on the relevance of the markers to the recipient.

Key words: temporality, cognitive linguistics, Relevance theory, experiment, cloud technologies, reaction time.

А. В. Леонтьева, В. Д. Харитонова, Т. М. Макунина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
lentevanja27@gmail.com, varvaradk@yandex.ru, makunina02.ru@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛАССИФИКАТОРОВ КАК МАРКЕР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ[1]

Статья посвящена анализу глагольных и именных классификаторов в русском жестовом языке с учетом параметра перспективы, который демонстрирует, как классификаторы участвуют в моделировании событий от лица наблюдателя и участника. Полученные данные позволяют рассматривать классификаторные конструкции как важный маркер лингвистической креативности в жестовых языках.

Ключевые слова: классификаторы, русский жестовый язык, части речи, перспектива, лингвистическая креативность.

Жестовые языки (ЖЯ), рассматриваемые как самостоятельные семиотические системы, все чаще становятся объектами лингвистических исследований, в том числе когнитивно направленных. В рамках такого подхода представляется продуктивным опереться на когнитивно-дискурсивную парадигму, согласно которой языковые явления следует рассматривать одновременно в когнитивном и коммуникативном плане [Кубрякова 2009]. Подобный ракурс особенно важен при анализе классификаторов в ЖЯ, поскольку они не только репрезентируют определенные форматы знания о референте, его форме, движении и локализации, но и участвуют в дискурсивном развертывании события, организуя сцену с той или иной точки зрения.

Классификаторы являются лингвистической категорией, которая используется в различных языках мира для обозначения принадлежности к определенному классу референтов через размер, расположение в пространстве, образ действия и т. п. [Talmy 1985; Morgan, Woll 2007].

Классификаторы в ЖЯ функционально схожи с классификаторами из звучащих языков, однако, отмечается их высокая степень иконичности, которая используется для описания объектов, образа действия и локализации [Engberg-Pedersen 1993]. Как правило, классификатор определяется формой

[1] Статья выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской федерации, «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности», регистрационный номер 125031904195–0.

ладони и пальцев, которые связывают его с неким объектом, движением, локализацией и ориентацией в пространстве. Говорящие на жестовом языке могут создавать новые жесты с учетом такого набора параметров для описания неограниченного количества различных ситуаций [Taub 2001].

Такие жесты часто рассматриваются как морфемы, не обладающие закрепленным в языке значением. Классификаторы – мануальные артикуляторы, которые определяют объекты, сущности, действия через иконическую репрезентацию их основных черт или характеристик. Таким образом, классификаторы часто подразделяются на глагольные (verbal classifiers) и именные (nominal classifiers) [Taub 2001].

Классификаторные конструкции в жестовых языках демонстрируют высокий уровень лингвистической креативности, поскольку позволяют продуктивно моделировать пространственные сцены и движения, выходя за пределы фиксированного лексикона жестовых языков [Slobin 2003].

Материалом исследования является один из разделов видеокорпуса «Нарративы». В подкорпусе «Воспоминания» участников, носителей русского жестового языка (РЖЯ), просили рассказать о самом приятном и самом неприятном воспоминаниях. Всего объем подкорпуса составил 31 мин 47 с.

В подкорпусе зафиксировано 2860 жестов, из них 193 жеста были размечены как классификаторы (около 10%). Из них глагольных классификаторов – 139, существительных-классификаторов – 54.

Анализ классификаторов проводился по двум критериям. Первый – это тип классификатора по части речи, глагол или существительное. Второй – перспектива, которая в нем выражается, внутренняя (от лица самого говорящего) или внешняя (от лица рассказчика).

Проведенный количественный анализ показал, что чаще всего участники использовали глагольные классификаторы (139 жестов). Это может быть связано с тем, что они рассказывали истории, свои воспоминания, таким образом большое количество классификаторов использовалось именно для определения характера движения, типа действия, его локализации и т.п. Значительно реже использовались именные классификаторы (54 жеста), что может указывать на то, что испытуемые меньше уделяли внимания характеристике объектов и явлений в своей речи.

Анализ такой категории как перспектива показал, что говорящие чаще использовали жесты, которые относятся к внешней перспективе (133 жеста). Такие жесты внешней перспективы обычно показывают объект или действие «со стороны», т.е. рука отображает объект или действие так, словно она является таким объектом (например, классификаторы «ЧЕЛОВЕК», «САМОЛЕТ», «ТРИ») или объектом, выполняющим действие

(например классификатор «ВЫПРЫГНУТЬ», «ПОДОЙТИ», «СИДЕТЬ», «ПРИЗЕМЛИТЬСЯ»). Чаще всего жесты данной категории являлись глагольными классификаторами (88 жестов), именные классификаторы были менее частотны (45 жестов). Жесты, которые относятся к внутренней перспективе непосредственного участника событий, встречались реже (58 жестов). В таких случаях говорящие словно разыгрывают действия самостоятельно, выполняют их. Например, глагольные классификаторы «КАРАБКАТЬСЯ», «БЕЖАТЬ», «ВЫХВАТИТЬ»; именные классификаторы «СТРОКА», «ЗУБЫ», «ПАУК». Большинство классификаторов категории внутренней перспективы были глагольными (50 жестов), именные классификаторы, относящиеся к данной категории, употреблялись редко (8 жестов).

Рис. 1. Именные классификаторы (РЕКА и ЗДАНИЕ)

Рис. 2. Глагольный классификатор (УПАСТЬ)

Рис. 3. Внешняя *перспектива* (СТОЯТЬ)

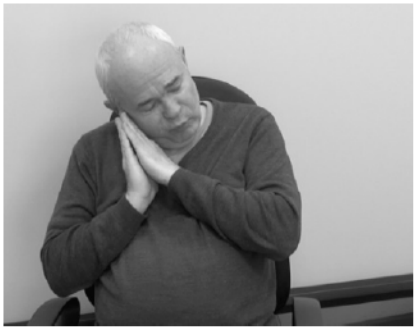

Рис. 4. Внутренняя *перспектива* (СПАТЬ)

В ходе анализа было отмечено, что некоторые глагольные классификаторы, которые относятся к одинаковым понятиям, обладают сменой перспективы, т. е. могут воспроизводиться, как от лица рассказчика/наблюдателя, так и от лица участника событий. К таким глагольным классификаторам принадлежат «ПРИЙТИ», «СМОТРЕТЬ», «БЕЖАТЬ», «ПОДОЙТИ», «ВЗЯТЬ». Двойная перспектива может быть связана с внутренней семантикой глаголов в целом, так как подобные действия при телесной передаче могут быть как показаны внутри жеста (рука – объект, выполняющий действие), так и выполнены самим говорящим, в том числе с помощью движений корпуса.

Полученные результаты являются предварительными и требуют дальнейшего уточнения. Классификаторы в ЖЯ представляют собой комплексное, сложное понятие, которому необходимо уделить отдельное внимание, так как перспективы изучения данного феномена могут уточнить работу таких когнитивных механизмов и процессов, как, например, метафора и метонимия, лежащих в основе человеческого познания и лингвистической креативности, их передачу и концептуализацию в звучащих и жестовых языках. В этом отношении классификаторные конструкции могут рассматриваться как один из механизмов языкового конструирования мира, сочетающий конвенциональные формы репрезентации и возможность их вариативного использования в дискурсе [Кубрякова 2009].

Литература

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1 (18). С. 5–12.

Engberg-Pedersen E. Space in Danish sign language: The semantics and morphosyntax of the use of space in a visual language. Hamburg: SIGNUM–Verlag, 1993.

Morgan G., Woll B. Understanding sign language classifiers through a polycomponential approach // Lingua. 2007. Vol. 117. Iss. 7. P. 1159–1168.

Slobin D., Hoiting N., Kuntze M., Lindert R., Weinberg A., Pyers J., Anthony A., Biederman Y., Thumann H. A cognitive/functional perspective on the acquisition of "classifiers" // Perspectives on Classifier Constructions in Sign Languages. 2003. P. 271–296.

Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Shopen T. (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1985. P. 57–149.

Taub S. F. Language from the body: Iconicity and metaphor in American sign language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

A. V. Leonteva, V. D. Kharitonova, T. M. Makunina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE USE OF CLASSIFIERS AS A MARKER OF LINGUISTIC CREATIVITY IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE

The article focuses on the analysis of verbal and nominal classifiers in Russian Sign Language, taking into account the perspective as a parameter, which shows how classifiers participate in modeling events from the viewpoint of an observer or a participant. The findings suggest that classifier constructions are an important marker of linguistic creativity in sign languages.

Key words: classifiers, Russian Sign Language, parts of speech, perspective, linguistic creativity.

А. А. Миронова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
hospital.friend@mail.ru

КАУЗАЛЬНЫЕ АРГУМЕНТАЦИОННЫЕ СХЕМЫ В ЭКСПЕРТНЫХ ВИДЕОБЛОГАХ НА РЖЯ: ОТ ОБЪЯСНЕНИЯ К ВОЗДЕЙСТВИЮ

В статье исследуется реализация коммуникативных интенций эксперта через причинно-следственную аргументацию в видеоблогах на русском жестовом языке (РЖЯ). Рассматривается, как каузальные аргументационные схемы выполняют роль дискурсивных тактик, обеспечивающих не только логическую связность, но и прагматическое воздействие на адресата. Цель исследования состоит в описании каузальных аргументативных схем, средств их маркирования. В анализ включены лексические и немануальные маркеры каузальности. С когнитивной точки зрения причинно-следственная аргументация рассматривается через теорию динамики сил.

Ключевые слова: РЖЯ, экспертный видеоблог, каузальность, причинно-следственная аргументация, теория динамики сил.

Каузальность в лингвистике трактуется как дискурсивное отношение связности между сегментами, при котором одна часть высказывания интерпретируется как основание или причина, а другая как результат

или следствие [Sanders, Spooren, Noordman 1993]. Каузальная связь может быть выражена эксплицитно через коннекторы, либо оставаться имплицитной и реконструироваться адресатом при помощи контекста [Altenberg 2007].

Несмотря на общую разработанность проблематики каузальных отношений в дискурс-анализе, применительно к русскому жестовому языку (РЖЯ) сохраняется ряд лакун. Функционирование причинно-следственной аргументации в экспланаторном дискурсе на РЖЯ не получило системного описания. Имеющиеся исследования сосредоточены на грамматике отдельных конструкций [Kimmelman 2018], тогда как стратегии развертывания аргументации и распределение каузальных ходов в крупном дискурсивном фрагменте остаются менее изученными.

Цель исследования – описать причинно-следственную аргументацию в экспертных видеоблогах на РЖЯ, определив (i) распределение каузальных аргументационных схем и (ii) средства их маркирования (лексические и немануальные), (iii) коммуникативные интенции экспертов при использовании причинно-следственной аргументации.

Типологизация опирается на аргументационные схемы Д. Уолтона – типовые структуры рассуждения в естественной коммуникации [Walton, Reed, Macagno 2008]. В рамках причинно-следственной аргументации рассматриваются три группы схем: собственно-каузальные (от причины к следствию и от следствия к причине), аргументация от последствий (негативные и позитивные) и от риска. Выбор группы каузальных схем обусловлен их репрезентативностью в исследуемом материале: каузальная аргументация составляет более трети всех ЭДЕ (36,7%). **Каждый тип схемы рассматривается как способ реализации определенной коммуникативной интенции говорящего.**

Для интерпретации каузальных фрагментов применялась теория динамики сил (force dynamics) Л. Талми, в рамках которой каузальное взаимодействие представлено двумя участниками – агонистом (сущностью, подвергающейся воздействию) и антагонистом (источником воздействия). Причина соотносится с антагонистом, следствие – с агонистом [Talmy 2000]. В рамках когнитивного подхода данная модель дополняется оппозицией «фигура – фон». Агонист занимает позицию фигуры, выступая фокусным элементом, относительно которого разворачивается каузальная ситуация. Антагонист выполняет функцию фона – внешней силы, определяющей исход взаимодействия [Talmy 1978; 2000]. Такой подход позволяет анализировать каузальные отношения не как изолированные грамматические конструкции, а как когнитивные структуры. С их помо-

щью говорящий фокусирует внимание либо на источнике воздействия, либо на результирующем состоянии.

Материалом исследования послужили 10 экспертных видеоблогов на РЖЯ. Корпус включает 1143 ЭДЕ, из них 420 (36,7%) относятся к каузальной аргументации. В корпусе выделено 57 каузальных аргументационных структур. Разметка выполнялась в ELAN и включала: (1) сегментацию видеоряда на ЭДЕ; (2) выделение каузальных фрагментов; (3) классификацию фрагментов по аргументационным схемам; (4) разметку средств маркирования для каждого фрагмента: лексических маркеров каузальности и немануальных маркеров. Единицами анализа выступали каузальные аргументационные структуры на дискурсивном уровне; компоненты «причина» и «следствие» трактовались как части аргументативной структуры и могли выходить за пределы одной клаузы или предложения.

В анализируемом материале причинно-следственные схемы оказываются не периферийным, а регулярно используемым явлением. Внутренняя типология таких структур выраженно асимметрична: основу составляют собственно каузальные ходы (39 схем; 287 ЭДЕ, 68,33% от каузальных ЭДЕ). Аргументация, опирающаяся на прогнозируемые последствия, используется существенно реже (17 схем; 124 ЭДЕ, 29,52%), а употребление риск-ориентированной аргументации единично (1 схема; 9 ЭДЕ, 2,15%).

Посредством собственно каузальных схем эксплицитно объясняется связь между событиями [Moeschler 2003]. В примере *«СТРЕСС ТРЕВОГА ПОРУГАТЬСЯ НАСТРОЕНИЯ НЕТ ПОЭТОМУ ХОТЕТЬ ЕСТЬ»* **агонист (человек)** находится в инертном состоянии, а антагонист (стресс) действует как внешняя сила. Эта сила нарушает равновесие агониста и принуждает его к компенсаторному действию.

Аргументация от последствий подразделяется на два типа: аргументация от позитивных последствий и аргументация от негативных последствий. Первый тип обладает побудительной направленностью, реализуемой в форме совета. Второй тип обладает превентивной направленностью, реализуемой в форме предупреждения. Пример: *«М-У-Ч-Н-О-Е НЕЛЬЗЯ, ВЫПЕЧКА НЕЛЬЗЯ. ЭТО ВСЁ ЧТО ПОПРАВИТЬСЯ ГАРАНТИЯ ТОЧНО»*. **Агонистом является человек**, интенция которого направлена на совершение действия. **Антагонистом выступает запрет**, подкрепленный угрозой негативных последствий. Антагонист нейтрализует интенцию агониста, вследствие чего действие не осуществляется.

Схемы аргументации от риска классифицируются как подтип негативной аргументации от последствий. Пример: «*РАЗНЫЕ МЕСТА*

ЛЮБОЙ МЕСТО ГДЕ Г-И-А-Л-У-Р-О-Н-О-В-А-Я КИСЛОТА УКОЛ УВЕЛИЧИВАТЬСЯ РИСК РАК». Агонистом выступает человек, антагонистом – риск развития рака. Эффективность аргументации от риска определяется ее соотнесенностью с ценностно-оценочной сферой адресата. Аргумент теряет мотивационную силу, если угроза не затрагивает субъективно значимые ценности. В терминах силовой динамики антагонист (риск) способен подавить интенцию агониста при условии значимости угрожаемой ценности для адресата. Если это условие не соблюдается, антагонист не обладает достаточной силой, чтобы подавить интенцию агониста к действию.

Соотношение типов схем в экспертных видеоблогах на РЖЯ показывает доминирование каузальной аргументации, где оценочно-прогностические схемы (от последствий и риска) актуализируются точечно как средства усиления прагматической направленности. При этом частотность каузальных фрагментов не является стабильной характеристикой жанра, так как колеблется в зависимости от конкретного видео. Эту вариативность можно связать с жанровой неоднородностью видеоблога. Внутри одного влога могут быть как учебно-объяснительные видео, так и ориентированные на популяризацию и удержание интереса широкой аудитории [Lijo, Castro, Quevedo 2024]. Различие коммуникативных установок отражается на характере аргументации.

Маркирование каузальности в корпусе демонстрирует мультимодальный характер. В половине схем причинная связь эксплицируется лексически (27 из 57; 47,4%). Наиболее устойчивыми маркерами выступают «поэтому» и «потому что» (14 и 7 употреблений соответственно), тогда как остальные лексические маркеры (напр., «причина», условные конструкции) распределены менее равномерно. Немануальные маркеры фиксируются в 27 каузативах (45,6%), и чаще маркируют причину (19 случаев, 70,4%), чем следствие (8 случаев, 29,4%). Полученные данные могут интерпретироваться в рамках силовой динамики как отражение различий их функциональной нагрузки в каузальных отношениях.

Полученные данные позволяют рассматривать каузальную аргументацию в экспертном видеоблоге на РЖЯ как жанрообразующий элемент, реализующий несколько коммуникативных интенций – от объяснения до воздействия. Собственно каузальные схемы используются для облегчения понимания смысловой структуры сообщения, тогда как схемы от последствий и от риска побуждают зрителя к конструированию вероятных сценариев и формированию отношения к информации.

Литература

Altenberg B. The correspondence of resultive connectors in English and Swedish // Nordic Journal of English Studies. 2007. № 6(1). P. 2–25.

Kimmelman V. Basic argument structure in Russian Sign Language // Glossa: a journal of general linguistics. 2018. Vol. 3, No. 1. Article 128. P. 1–35.

Lijo R., Castro J., Quevedo E. Comparing educational and dissemination videos in a STEM YouTube channel: A six-year data analysis // Heliyon. 2024. № 10 (3).

Moeschler J. Causality, lexicon, and discourse meaning // Rivista di linguistica. 2003. Vol. 15, no. 2. P. 277–303.

Sanders T. J.M., Spooren W., Noordman L. Coherence relations in a cognitive theory of discourse representation // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4, No. 2. P. 93–134.

Talmy L. Figure and Ground in complex sentences // Universals of human language. Vol. 4: Syntax / ed. by J. Greenberg. Stanford: Stanford University Press, 1978.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Walton D. N., Reed C., Macagno F. Argumentation schemes. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008.

A. A. Mironova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CAUSAL ARGUMENTATION SCHEMES IN RSL EXPERT VIDEO BLOGS: FROM EXPLANATION TO PERSUASION

This article examines causal argumentation in expert video blogs in Russian Sign Language (RSL). The study aims to describe causal argumentation schemes and the discourse-level resources used to mark them. The analysis takes into account lexical, non-manual, and discourse-organizing markers. The findings show that causal constructions are regularly used in the explanations and serve as a key structuring mechanism in the vlogs.

Key words: RSL, expert video blog, causality, causal argumentation, force dynamics theory.

В. О. Потехин *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
potekhinvo@gmail.com

ИКОНИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДИСКУРСА В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ИНОФОНОВ[1]

В статье показаны особенности мультиканальной организации пересказов студентами программы РКИ в ходе выполнения коммуникативных задач, тестирующих их умение передать в спонтанном монологе содержание прочитанных стимульных текстов, относящихся к разным типам дискурса.

Ключевые слова: полимодальная коммуникация, локальная структура дискурса, билингвизм, РКИ, речь, жест.

Согласно Е. С. Кубряковой, для исчерпывающего описания «системы координат в имеющей место дискурсивной деятельности» одинаково важно учитывать статус участников-коммуникантов как определяющий когнитивный аспект коммуникации [Кубрякова 2009: 6]. Обращение в нашей работе к речевым образцам говорящих в статусе не-носителей, или инофонов, призвано уточнить специфику таких дискурсивных практик через анализ локальной структуры дискурса.

Как известно, доступ к когнитивным механизмам, лежащим в основе конструирования дискурса, находится на пересечении разнородных семиотических модальностей: наряду с вербальным в процессе коммуникации задействован кинетический канал, сопровождающий порождаемую речь *значимым* мануальным движением – жестом. Отсюда, приобщение к нашему исследованию жестового компонента направлено на установление когнитивных коррелятов осваиваемых студентом-инофоном дискурсивных практик как стимулируемых едиными «точками роста» (по Д. МакНиллу).

В известных нам экспериментах, тестирующих особенности жестового поведения у билингвальных испытуемых, в фокус внимания исследователей чаще всего попадают иконические (репрезентирующие) жесты, с помощью которых говорящий может воплощать физические характеристики референта, а также симулировать способы взаимодействия с ним [Kita 2000]. Очевидно, повышенный интерес к мануальной репрезентации конкретно

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–03401 на материально–технической базе Московского государственного лингвистического университета, https://rscf.ru/project/25–28–03401/

в отношении билингвов связан с глубокой интеграцией данного типа жеста в лингводидактические приемы для фасилитации запоминания иноязычных лексических единиц. Например, в работе [Macedonia et al. 2011] показана мнемоническая функция жестовой репрезентации в процессе извлечения из оперативной памяти студента ранее выученной (иноязычной) лексемы. Отметим, что в рамках нашего проекта мы оцениваем вклад в т.ч. и других функциональных типов жестов в реализацию инофонами локальной структуры дискурса (см., например, [Киосе и др. 2026]). В настоящей статье мы остановимся конкретно на иконической репрезентации.

Материалом анализа явились записанные на видео в ходе проведения полимодального эксперимента образцы речевого и жестового поведения инофонов, передающих в формате спонтанного монолога содержание прочитанных ранее стимульных текстов, соотносимых с дескриптивом (описание картины), нарративом (отрывок из рассказа) и инструктивом (кулинарный рецепт). Предварительно с помощью тестирования была проведена оценка степени сформированности у участников эксперимента языковых навыков, что позволило поделить испытуемых на две группы по 10 человек в каждой, обусловленные средним (группа B) и высоким (группа C) уровнем владения русским как иностранным. Полученные эмпирические данные речи и жеста были затем проаннотированы тремя кодировщиками с помощью корпус-менеджера Elan Linguistic Annotator (версия 7.0).

Процедура анализа речевых проб включала в себя следующие этапы: 1) транскрибацию с помощью ИИ-сервиса Speech2Text записанной аудиодорожки звучащей речи в текстовый формат; 2) последующую ручную выверку полученного текста с восстановлением улучшенных программой словоформ в их исходном виде; 3) сегментацию речевого потока на ЭДЕ с опорой на семантико-синтаксический принцип, предложенный в работе [Кибрик, Подлесская 2009]; 4) разметку типов отношений локальной структуры дискурса в составе ЭДЕ. Вслед за А. А. Кибриком, В. И. Подлесской, А. О. Литвиненко, опирающихся в своих работах на теорию риторических структур У. Манна и С. Томпсон, для анализа локальной структуры дискурса мы обращались к следующим типам отношений: нарративным (Начало, Сеттинг, Кода), коммуникативным (Согласие, Метадискурсив и др.), риторическим (Объединение, Развитие темы, Последовательность и др.) и речевым сбоям (Хезитация, Повтор, Самоисправление). Далее с опорой на функциональную классификацию жестов [Iriskhanova, Cienki 2018] были установлены случаи скоординированного использования мануального жеста с одним или более типами отношений локальной структуры дискурса в составе ЭДЕ.

Всего в обеих группах испытуемых анализу было подвергнуто 3260 ЭДЕ, полученных в ходе выполнения участниками-инофонами трех коммуникативных заданий в виде устных пересказов шести стимульных текстов – по два стимульных текста на каждый тип дискурса; из них в группе В количество размеченных ЭДЕ по типу отношений локальной структуры дискурса составило 1598, в группе С – 1662.

В отношении жестовой активности всего в обеих группах было проанализировано 2446 случаев совместного использования типа мануального жеста с типом дискурсивного отношения; из них в группе В – 1167 случаев, в группе С – 1279 случаев. Поскольку в настоящей работе мы рассматриваем специфику использования конкретно репрезентирующих жестов, далее мы приведем данные дескриптивной статистики только по указанному функциональному типу. Так, количество их манифестаций в полимодальном поведении инофонов из группы В составило 194 случая, или 16,6% от общего объема мануальной жестикуляции, в группе С – 263 случая, или 20,5% от общего объема мануальной жестикуляции. В процентном соотношении распределение репрезентирующих жестов в полимодальном поведении инофонов с опорой на тип дискурса в группах В и С, соответственно, составило: в дескриптиве – 8,9% vs. 11,2%; в нарративе – 17,8% vs. 21,4%; в инструктиве – 19,8% vs. 24,1%.

Рассчитанные доли жестовых манифестаций однозначно указывают на увеличение частотности использования репрезентирующих жестов в зависимости от сложности когнитивного механизма, лежащего в основе продуцирования конкретной дискурсивной структуры – от установления различий и взаимосвязей при восприятии пространства (дескриптивный дискурс), времени (нарративный дискурс) к планированию будущего хода действий (инструктивный дискурс). Примечательно также и то, что жестовый профиль испытуемых с высоким уровнем владения русским как иностранным (группа С) отличается бóльшим объемом мануальной репрезентации. Далее рассмотрим, с какими типами отношений локальной структуры дискурса наиболее часто сочетались репрезентирующие жесты.

Обработка шести датасетов, описывающих типы отношений локальной структуры дискурса и сопровождавшие их жесты, дала следующие результаты: наиболее частотными типами отношений, сопровождаемых в жестах иконической репрезентацией, в обеих группах испытуемых стали: симметрические риторические отношения Объединения (Joint) как в ***и***$_{\text{(Joint)}}$ *вот он быстро открыл конверт* (см. Рис. 1а) и Развития темы (Elaboration) как в *это живопись,* ***которую***$_{\text{(Elaboration)}}$ *надо писать* (см. Рис. 1б) – во всех типах дискурса; в нарративе и инструктиве за ними следовали речевые

сбои, связанные с хезитационными паузами (Hesitation), а также коммуникативные отношения Метадискурсива (Metadiscursive) как в ***а..***$_{(Hesitation)}$ ***вот***$_{(Metadiscursive)}$ ***а..***$_{(Hesitation)}$ *схватил* (см. Рис. 1в). Дополнительно в инструктиве в группе С были обнаружены специфические для данного типа дискурса асимметричные риторические отношения Последовательности (Sequence) и Решения (Solutionhood) как в *и вот* ***сначала***$_{(Sequence)}$ ***надо***$_{(Solutionhood)}$ *добавить* ээ... (см. Рис. 1г).

Рис. 1а. Репрезентирующий жест с риторическим отношением Объединения

Рис. 1б. Репрезентирующий жест с риторическим отношением Развития темы

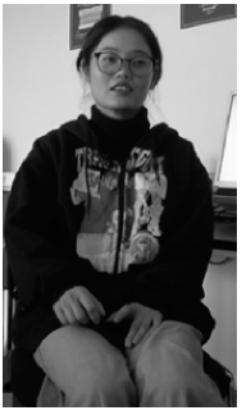

Рис. 1в. Репрезентирующий жест с коммуникативным отношением Метадискурсива

Рис. 1 г. Репрезентирующий жест с риторическим отношением Решения

Анализ данных показал, что репрезентирующие жесты устойчиво связаны с определенными типами дискурсивных отношений, обнаруживая при этом и дискурсивно-специфические паттерны, как в случае с инструктивом. В частности, наши наблюдения согласуются с данными в работе [Cocks et al. 2007], в которой обнаружен рост иконической жестикуляции у здоровых испытуемых при конструировании в процедурном дискурсе моторного поведения, эксплицированного в глаголах действия.

В будущем мы намерены уточнить вклад жестов в продуцирование инофонами локальной структуры аргументативного и экспозиторного типов дискурса.

Литература

Кибрик А. А., Подлесская В. И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.

Киосе М. И., *Ржешевская А. А.*, *Потехин В. О.* Полимодальные дискурсивные практики в нарративе на русском языке как иностранном // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 29–49.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

Cocks N., *Hird K.*, *Kirsner K.* The relationship between right hemisphere damage and gesture in spontaneous discourse // Aphasiology. 2007. Vol. 21. P. 299–319.

Iriskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contribution and challenges // Issues of Cognitive Linguistics. 2018. Vol. 4. P. 25–36.

Kita S. How representational gestures help speaking / ed. by D. McNeill // Language and Gesture. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 162–185.

Macedonia M., *Müller K.*, *Friederici A. D.* The impact of iconic gestures on foreign language word learning and its neural substrate // Human Brain Mapping. 2011. Vol. 32. P. 982–998.

V. O. Potekhin *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

ICONIC REPRESENTATION OF LOCAL DISCOURSE STRUCTURE IN MULTIMODAL BEHAVIOUR OF L2 SPEAKERS

This paper illustrates how learners of L2 Russian construe via recall tasks multichannel retellings testing the subjects' skill to transfer in a monologue the contents of the previously processed textual stimuli pertinent to various discourse types.

Key words: multimodal communication, local discourse structure, bilingualism, L2 Russian, speech, gesture.

О. Н. Прокофьева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
oliviaprok@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СЕМЬИ ПРИ ПОМОЩИ ОБРАЗ-СХЕМЫ *LINK* В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НОСИТЕЛЕЙ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА[1]

Статья рассматривает использование словесно-жестовых паттернов с точки зрения активации образ-схемы LINK для создания образа семьи в диалогическом русскоязычном дискурсе киргизов. Материал охватывает 549 жестов (без адаптеров), где для референтов к семье определено направление движения: к центру (воплощает связь по LINK) и от центра (разрушение связи по LINK). Анализ подтверждает некоторое преобладание жестов первого типа. Дополнительно в жестовой модальности отмечены сочетания образ-схем LINK+CONTACT/MERGE, характеризующиеся касанием/сложением ладоней/пальцев, и жесты более сложных траекторий, участвующие в создании метафорического образа семьи.

Ключевые слова: словесно-жестовые паттерны, жесты, сопровождающие речь, жестовое пространство, образ-схема, LINK, полимодальный эксперимент, диалогическая речь.

Как говорила Е. С. Кубрякова, «в сознании человека многие фрагменты действительности представлены образами» [Кубрякова 2004: 305]. Немаловажную роль среди них играют образ-схемы, динамичные рекуррентные паттерны-модели, основанные на телесном опыте восприятия и взаимодействия с действительностью, довербальные и преимущественно бессознательные, среди них FORCE, CONTAINER, PATH, LINK [Gibbs, Colston 1995], ведь они лежат в основе языка, абстрактного мышления и всех форм символического взаимодействия [Johnson 2007: 145]. Основываясь на телесной природе данных ментальных репрезентаций, многие исследователи полимодальной коммуникации отмечают их связь с жестикуляцией, сопровождающей речь: часто редуцированные в рамках метафоро-метонимическоого представления референта, жесты успешно схематично передают необходимые семантические и прагматические аспекты, в особенности, при описании более сложных и абстрактных понятий [Mittelberg 2018]. Перенося на жестовое поведение воспринятую и воспринимаемую действительность, человек

[1] Исследование выполняется в Московском государственном лингвистическом университете в рамках Госзадания Минобрнауки России, проект FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик».

использует все доступные параметры жеста для ее схематизации и формирования ее образа. Например, траектория движения воплощает образ-схему PATH [Williams 2019; Mittelberg 2018], конфигурация «открытая ладонь вверх» – SUPPORT, а конфигурация и использование двух рук на «удержание» идеи – CONTAINER [Hedblom et al. 2019; Mittelberg 2018] (на основе первичной метафоры IDEAS ARE OBJECTS (ИДЕИ КАК ПРЕДМЕТЫ) [Grady, Johnson 2009]), скорость и резкость – FORCE (также у [Mittelberg 2018]). Тем не менее, обратим внимание на параметр жестового пространства.

Изучение понятия пространства, в целом, способствует не только определению расположения предметов и объектов, но и некоторых их свойств [Кубрякова 2004]. В рамках жестовых исследований оно открывает телесную основу процесса передачи информации, формулирования мысли, конструирования дискурса или эмоционального состояния говорящего (например, скованность и раскрепощенность) [Леонтьева 2025; Ржешевская 2025]. Продолжим цепочку когнитивных оснований, воплощенных при помощи параметра «пространство», одной из первичных метафор [Grady, Johnson 2009], основанных на телесном опыте и субъективном значении, INTIMACY IS CLOSENESS (ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БЛИЗОСТЬ КАК ФИЗИЧЕСКАЯ). По своей природе она смежна с одной из базовых образ-схем, которая предполагает наличие двух и более элементов, которые воспринимаются как связанные друг с другом, LINK [Gibbs, Colston 1995]. К параметру «пространство» в жестовую основу LINK необходимо добавить направление движения и сформулируем ее следующим образом: направление движения во время ударной фазы жеста к центральному (нейтральному) пространству перед говорящим, от головы до пояса (жест «к центру»), где жест может быть как одноручным, так и двуручным (обе руки движутся к центру), также руки могут касаться друг друга, реализуя схемы LINK+CONTACT, пальцы переплетаться (LINK+MERGE). Подобная жестикуляция может воплощать схему связи, принятия, присоединения, добавления, присвоения. В рамках схемы LINK можно рассмотреть и разрушение этой связи: направление движения – от центра (вниз/вверх, влево/вправо, от себя) воплощает отказ, разъединение, непринятие, чужеродность, инаковость. Несомненно, реализация и интерпретация образ-схемы может варьироваться в зависимости от контекста и требует его определения и сужения.

Выдвинем гипотезу, что анализ жестовой составляющей полимодального дискурса на реализацию схемы LINK может описать конструирование образа межличностных отношений и семьи в рамках диалога-комментария видеоряда по соответствующей тематике представителем определенной лингвокультуры.

Исследование основано на данных полимодального эксперимента, проведенного в Кыргызском национальном университете имени Жусупа Баласагына. Материал включает записи 20 киргизских студентов (18–22 лет, 9 юношей, 11 девушек), которые в парах обсуждают предварительно однократно просмотренный лишь одним из говорящих, «рассказчиком», ролик. В задании предлагалось его подробно пересказать, после чего совместно уточнить детали и обсудить как содержание, так и личные ассоциации, отношение к теме (напоминание об этом присутствовало на экране). Время говорения не ограничивалось, однако участников просили выполнить задание на русском языке, который ни для кого из участников не был родным. В качестве стимульного материала было отобрано 2 видеонарратива: короткометражный фильм «Семейная жизнь» (Married Life), снятый и опубликованный в открытом доступе Мэтом Берном (02:05; 2024), и отрывок из 3 серии 3 сезона анимационного швейцарского детского сериала «Пингу» (02:51; 1995) «Дедушка Пингу приезжает в гости» (Pingu's Grandpa Comes to Stay). 4 пары обсуждали первое, 6 – второе видео, длительность обсуждения – от 2 до 5 минут. В роликах отсутствовала необходимая для его понимания речь (например, в «Пингу» персонажи говорят на вымышленном «пингвиньем»), но при этом показывается пример совместной жизни и семейных отношений с четко выраженными семейными ролями и иерархией, в первом – на примере молодоженов (2 человека), во втором – на примере семейного ужина (2 взрослых, 2 детей). В обоих стимулах были сравнительно сбалансированно представлены как более сложные и разобщающие (недовольство из-за ведения домашнего хозяйства или воспитания детей, разделение обязанностей по дому или еды, выполнение различных дел), так и более объединяющие аспекты (совместное времяпрепровождение, общение и объятия) семейной жизни.

В рамках 10 рассмотренных диалогов методом сплошной выборки в ELAN было проаннотировано 879 мануальных жестов, из них 579 – у рассказчиков, 300 – у их собеседников; после исключения жестов-адапторов – 549 (416/133). Для последующего анализа были выделены лишь те, которые способствовали созданию образа семьи в рамках дискурса, то есть референтировали к отношениям, ролям или действиям ее представителей (369 жестов). Для каждого жеста в рамках образовавшихся словесно-жестовых паттернов было размечено направление движения если оно было идентифицируемо: выявлено 216 жестов от центра и 218 жестов к центру. Предположительно, это свидетельствует о сравнительно сбалансированном образе семьи, в котором допустимы как взаимопонимание (связь по LINK, как на Рис. 1а), так

и склоки, несогласия, различия в роли и обязанностях (разрушение связи по LINK, как на Рис. 1б).

Рис. 1. а) 3L_02:630–03:490 семейная жизнь (жест направлен вниз и к центру, ладони смыкаются, возможно, воплощая единение семьи); б) 42R_00:58.780–01:12.740 отдали отцу/… /а дети (жесты девушки справа распределяют персонажей в пространстве, пока в рамках вербального компонента они подчеркивают родство, в рамках жестового движение не только идет от центра, но и активирует противолежащие жестовые пространства

Более подробный анализ с учетом индивидуальных паттернов подчеркивает преобладание жестов к центру (0–63; M=5.5; std=15.7), а не от (0–46; M=1.5; std=15) в рамках медианного и максимального значений.

Для дальнейшего анализа жесты были разделены на группы в зависимости от личной связи с образом семьи, который они создают: образ семьи из стимульного ролика при восстановлении нарратива, который определялся по однозначной референции к персонажам (*мама пингвинов возмущается; внуки пошли и обняли своего деда*), или из комментария-рассуждения, кото-

рый мог апеллировать к генерализированной и/или собственной семье (*отцу важно вырастить детей; они дают нам любимые наши вещи; сообща надо все делать вместе*). Наблюдается общее выдвижение в дискурсе первого образа (267 жестов), которое характеризуется небольшим преобладанием схемы LINK (183 жестов к центру, 162 – от). Жесты, профилирующие личный опыт, чаще направлены от себя (54 vs 35). Тем не менее, подобное «разрушение» связи мы хотели бы объяснить более аллоцентрическим дискурсом комментирования-рассуждения, где оба собеседника обладают достаточным знанием для равноправного конструирования образа, в процессе «передавая» его друг другу: 48,15% жестов от центра накладывается на траекторию «от себя» и задействуют межличностное пространство, что менее характерно для более эгоцентричной части с пересказом сюжета (24,7% жестов от центра – это жесты от себя).

Немногочисленные (встречаются лишь у 8/20 участников) наибольший интерес представляют примеры с более сложными образами, например, сочетающие в себе несколько образ-схем, характеризующих степень близости, LINK, CONTACT, MERGE, в модальности жестов (Рис. 2).

Рис. 2. 34R_03:350–03:950 *есть семья [пингвинов]* (жест направлен к центру (LINK), говорящий сначала касается кончиками пальцев одной руки другой (CONTACT), но и постепенно переплетает пальцы (MERGE)

Другой пример: повторяющийся образ семьи как единого замкнутого круга и/или цилиндрического/конусообразного объекта, характеризующийся общей направленностью к центру (LINK) и завершающийся активацией схемы CONTACT посредством соприкосновения ладоней (Рис. 3).

Рис. 3. Выше: 6R_3:05.950–3:07.660 *семья [выглядела довольно счастливой]*, двуручный жест; ниже: 42R_06:370–07:350 (рассказчик) [показали] семью, одноручный.

Проведенное исследование подтверждает возможность представить особенности образа сложного абстрактного образа «семья» в рамках лингвокультуры посредством полимодального анализа с использованием образ-схем, в частности, образ-схемы LINK через параметры локализации и направления движения жеста. Анализируя словесно-жестовые паттерны носителей киргизского языка в их русскоязычном дискурсе, заключим, что образ носит сбалансированный характер с небольшим преобладанием тенденции на связь и объединение (LINK). В рамках образ-схемы отмечается использование более сложных метафорических образов и совмещение последней со схемами MERGE и CONTANCT. Сопоставительный анализ с носителями киргизского или русского, говорящими на киргизском, или носителями русского, говорящими на русском, позволило бы сделать выводы о сближении или различиях вербально-жестового поведения и, как следствие, интеграции и дезинтеграции представленных лингвокультур в рамках конструирования изучаемого образа.

Литература

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Леонтьева А. В. Указательные жесты в диалогическом экспозиторном дискурсе: функции и формы // «Слово и жест». Материалы конференции. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025. С. 39–50.

Ржешевская А. А. Языковые средства конструирования зрительной и пространственной перцепции в англоязычном драматургическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1 (56). С. 287–292.

Gibbs R. W., Colston H. L. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // Cognitive Linguistics. 1995. Vol. 6. № 4. P. 347–378.

Grady J., Johnson C. Converging evidence for the notions of subscene and primary scene // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / eds. R. Dirven, R. Pörings. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 533–565.

Hedblom M. M., Kutz O., Peñaloza R., Guizzardi G. Image Schema Combinations and Complex Events // Künstliche Intelligenz. 2019. № 33. P. 279–291.

Johnson M. The meaning of the body: Aesthetics of human understanding. Chicago: University of Chicago Press, 2007. DOI: 10.7208/chicago/9780226026992.001.0001.

Mittelberg I. Gestures as image schemas and force gestalts: A dynamic systems approach augmented with motion-capture data analyses // Cognitive Semiotics. 2018. № 11(1). Art. 20180002. DOI: 10.1515/cogsem-2018–0002.

Williams R. F. The SOURCE-PATH-GOAL image schema in gestures for thinking and teaching // Review of Cognitive Linguistics. 2019. № 17(2). P. 411–437.

O. N. Prokofyeva *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

FAMILY IMAGE CONSTRUAL THROUGH LINK IMAGE SCHEMA IN RUSSIAN MULTIMODAL DISCOURSE OF KYRGYZ SPEAKERS

The article studies how Kyrgyz speakers construe the image of family using multimodal (speech and co-speech gesture) patterns that trigger the LINK image schema in their dialogues in Russian. The material comprises 549 gesture units (adaptors excluded), of which only referring to family are subjected to movement direction analysis, namely, that to centre (embodies LINK) and from centre (embodies the disruption of LINK). The analysis confirms a slight predominance of centre-oriented gestures. Hereby, additional samples of image-schema combinations LINK+CONTACT/MERGE, where palms or fingers touch or interlace, and of more

complex trajectories that contribute to a metaphorical image creation, are singled out in the gestural mode.

Key words: verbal and gestural patterns, co-speech gestures, gesture space, image schema, LINK, multimodal experiment, dialogue.

П. В. Ратанова, Д. Д. Билялова, Н. И. Ермакова *(Москва, Россия)*
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
pvratanova@edu.hse.ru
ddbilyalova@edu.hse.ru
nermakova@hse.ru

РАЗРАБОТКА МНОГОУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ РАЗМЕТКИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ПАЦИЕНТОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕРАПИИ ПРИ НЕБЕГЛОЙ АФАЗИИ[1]

В статье представлен шаблон разметки спонтанной речи при небеглой афазии в ELAN, описана его структура с системой слоев от транскрипции до маркирования ошибок на разных языковых уровнях. Для интерпретации результатов разметки предложены способы расчета вторичных метрик: средней длины клаузы, лексического разнообразия, скорости речи и артикуляции. Описывается апробация шаблона на материале записей полуструктурированного интервью участников исследования эффективности рТМС.

Ключевые слова: небеглая афазия, разметка, ELAN, полуструктурированное интервью, анализ речи.

Афазия – нарушение речи, возникающее из-за органического поражения коры головного мозга. Зачастую она является следствием инсульта: в остром периоде афазия диагностируется у 51% пациентов, в хроническом – у 27% [Geddes et al. 1996]. Особую сложность для реабилитации представляют небеглые афазии, при которых у пациента сохраняется понимание обращенной речи, но наблюдаются сложности с построением высказывания, аграмматизм и персеверации [Ash et al. 2010].

Для оценки новых протоколов лечения необходимо создать лингвистический инструмент, способный зафиксировать малейшие изменения

[1] Исследование осуществлено в рамках реализации научно–исследовательского проекта № 0508–8/24 при поддержке гранта Правительства Москвы.

в коммуникации людей с афазией по разным показателям и позволяющий провести количественный анализ речи пациента. С этой целью был разработан шаблон для разметки спонтанной речи в программе ELAN. В статье описывается его структура, параметры аннотирования и перспективы применения.

В настоящее время первичная оценка речи пациентов с афазией в клинической практике, как правило, осуществляется логопедами с использованием шкалы Вассермана [Вассерман и др., 1997], а в исследовательском контексте – с помощью Русского афазиологического теста (РАТ) [Ivanova et al. 2021], который обеспечивает детализированную оценку речи на различных языковых уровнях, включая дискурсивный. Однако данный инструмент не предусматривает использование полуструктурированного интервью – одного из наиболее экологически валидных методов получения образцов спонтанной речи и анализа дискурса. В связи с этим актуальна разработка стандартизированной системы аннотирования и объективного инструмента оценки речи в формате полуструктурированного интервью. Такой инструмент должен обеспечивать высокую воспроизводимость результатов и их сопоставимость при работе разных аннотаторов.

При анализе речи пациентов с афазией необходимо систематически фиксировать все клинически и лингвистически значимые явления, отражающие индивидуальные особенности речевого профиля отдельного человека и позволяющие отслеживать динамику изменений в процессе терапии. Одновременно важно исключать из аннотации признаки, не несущие диагностической или исследовательской ценности, поскольку их учет приводит к избыточной детализации разметки и увеличивает нагрузку на аннотаторов.

При разработке системы оценки речи пациентов выбор критериев основывался на результатах ранее проведенных исследований в данной области. Валидность ряда используемых показателей была подтверждена в предшествующих работах. В частности, к таким показателям относятся количество полных клауз и количество фальстартов [Kong et al., 2018], средняя длина клауз и количество сложных предложений [Grande et al., 2008], лексическое разнообразие [Averina, 2021], скорость речи [Marchina et al., 2011]. Остальные критерии были предложены в рамках настоящего исследования на основании предварительного качественного анализа речевых записей части участников проекта.

Первичный анализ и разметка интервью участников проводится в программе EUDICO Linguistic Annotator (ELAN) [Wittenburg et al., 2006]. В разработанном шаблоне предусматриваются следующие слои:

1. Transcript: В качестве элементарной единицы разметки выступает клауза, выделяемая по синтаксическим критериям.

1.1. Word: Каждая клауза делится на отдельные слова, и пункты 1.1.1.-1.1.5. размечаются для них. Неразборчиво произнесенные слова при сохранении 50% фонетического облика транскрибируются по их акустической реализации и маркируются в слое Articulation как механические нарушения произношения. Неинтерпретируемые единицы размечаются как несуществующие слова и могут свидетельствовать как об артикуляторных, так и о лексических нарушениях.

1.1.1. Lemma: Для каждого слова приводится его начальная форма.

1.1.1.1. Part_of_speech: Для каждого слова указывается его частеречная принадлежность.

1.1.2. Error_word: В этом слое маркируются ошибки на уровне слов, такие как фонологические, семантические, смешанные и несвязанные парафазии, аграмматизмы, неологизмы, персеверации, циркумлокуции, ономатопеи, автоматизмы и эхолалии.

1.1.3. Prosody: В этом слое маркируются нарушения просодической стороны речи: ненормативные ударения и случаи скандированной речи.

1.1.4. Articulation: В этом слое маркируются заикоподобные запинки и неразборчиво произнесенные слова.

1.1.5. Falstart: В этом слое фиксируются сильные и слабые фальстарты (незавершенные клаузы и слова соответственно), рассматриваемые как индикаторы нарушений речевого планирования и формирования высказывания.

1.2. Clause_num: В этом слое производится последовательная нумерация клауз.

1.2.1. Completeness: Клауза аннотируется как полная в случаях, когда ее грамматическая основа сохраняется полностью. При пропуске основы или ее части клауза классифицируется как неполная. Пункты 1.2.2.-1.2.4. размечаются только для полных клауз.

1.2.2. Elaboration: Распространенной считается клауза, содержащая помимо грамматической основы другие члены предложения. При их отсутствии клауза классифицируется как нераспространенная.

1.2.3. Complexity: Клаузы в составе сложноподчиненных предложений маркируются как сложные. Самостоятельные простые предложения и клаузы в составе сложносочиненных предложений аннотируются как простые.

1.2.4. Coherence: Ответ участника считается когерентным, если его содержание соответствует вопросу интервьюера и свидетельствует о сохранности понимания обращенной речи.

1.2.5. Error_clause: В этом слое маркируются ошибки на уровне клауз, такие как автоматизмы, эхолалии и персеверации.

2. Interviewer: Речь интервьюера не размечается подробно. Данный слой используется для разграничения пауз в речи пациента, вызванных восприятием речи интервьюера, и пауз, вызванных размышлениями испытуемого.

3. Comment: В этот слой помещаются все комментарии, касающиеся неречевых шумов, а также сложных случаев, которые разметчик хочет вынести на обсуждение с коллегами.

4. Pause: Этот слой появляется в разметке в последнюю очередь и создается из промежутков в слое Transcript (пауз внутри и между клауз) за вычетом аннотаций в слое Interviewer.

Размеченные записи представляют собой первичные данные, которые сами по себе не позволяют сделать выводы о продукции речи у пациента. Для получения содержательных характеристик предполагается количественный анализ размеченных данных, включающий в себя расчет частотности параметров, а также вычисление ряда производных метрик:

a) Средняя длина клауз. Рассчитывается как среднее количество слов по клаузам, междометия и маркеры хезитации исключаются. Позволяет оценить развернутость высказывания и затруднения при планировании речи.

b) Лексическое разнообразие. Рассчитывается как «скользящее среднее отношения типов к токенам» (Moving-Average TypeToken Ratio, MATTR) [Covington & McFall 2010] для всех частей речи и отдельно для существительных и глаголов. Для расчетов используется пакет ‘quanteda’ в R [Benoit et al. 2018] с окном анализа в 50 слов.

c) Скорость речи. Рассчитывается как отношение всех слов к длительности речи в минутах, включая паузы. Позволяет оценить коммуникативный аспект речи.

d) Скорость артикуляции. Рассчитывается как отношение всех слов исключая маркеры хезитации к длительности речи в минутах без учета пауз. Позволяет оценить моторный аспект речи.

Для оценки полноты и валидности разработанной системы оценивания с ее помощью были проанализированы записи интервью одного из участников проекта в трех временных точках (T1, T2, T3) исследования.

По большинству исследуемых параметров была выявлена положительная динамика. Скорость речи увеличилась с 31,96 до 39,43 слов в минуту, а скорость артикуляции – с 77,15 до 97,02 слов в минуту. Возросла доля полных и распространенных клауз: наиболее выраженные изменения наблюдались между T1 и T2, то есть непосредственно после начала тера-

пии. Несмотря на небеглый тип афазии, к Т3 было отмечено увеличение количества сложных предложений: с одного в Т1 и Т2 до четырех в Т3. Средняя длина клауз также последовательно возросла с 2,49 до 3,17 слова. С другой стороны, динамика ошибок и фальстартов на уровне клауз носила нелинейный характер. После выраженного снижения их доли в Т2 к Т3 показатели вновь приблизились к исходному уровню. При этом аналогичные характеристики на уровне слов оставались практически неизменными на протяжении всего периода наблюдения. Лексическое разнообразие также изменялось неоднозначно. Максимальные значения индекса MATTR по всем словам и глаголам были зафиксированы в Т2, после чего в Т3 наблюдалось снижение. В то же время показатель MATTR для существительных последовательно увеличивался в каждой точке наблюдения.

Проведенный анализ показывает, что терапия оказала положительное влияние на восстановление речи пациента с постинсультной афазией, при этом наиболее выраженные улучшения наблюдались в период активной реабилитации (Т2). Регресс по ряду показателей, в частности, возвращение доли ошибок на уровне клауз до исходных значений и уменьшение индекса MATTR, может свидетельствовать о недостаточной устойчивости достигнутого эффекта. Хотя терапия обеспечивает улучшения, они могут не закрепляться без дополнительной поддержки, что подчеркивает необходимость повторных курсов терапии.

Кроме того, было выявлено, что частота ошибок на уровне слов стабильнее, чем на уровне клаузы, что позволяет предположить, что разные языковые уровни обладают разной чувствительностью к терапии и требуют дифференцированных стратегий в оценке реабилитационного эффекта.

В настоящий момент проводится разметка полуструктурированного интервью участников совместного исследования Центра языка и мозга НИУ ВШЭ и ГБУЗ «Центр патологии речи и нейрореабилитации ДЗМ» по апробации протокола ритмической транскраниальной магнитной стимуляции (рТМС) для восстановления речи при постинсультной афазии. Запись интервью проводится в трех временных точках: за 1–3 дня до начала терапии, через 1–3 дня и через 13–15 недель после завершения реабилитационного курса, что позволяет оценить как мгновенный, так и отсроченный эффект рТМС. Применение шаблона обеспечивает стандартизацию процедуры анализа и позволяет получить количественную оценку динамики клинически значимых изменений коммуникации пациентов с небеглой афазией. Полученные результаты также демонстри-

руют потенциал разработанной системы диагностики для мониторинга динамики речевых нарушений и определения направлений дальнейшей реабилитации.

Литература

Вассерман Л. И., Дорофеева С. А., Меерсон Я. А. Методы нейропсихологической диагностики. СПб.: Стройлеспечать, 1997. Т. 304. С. 2.

Ash S., McMillan C., Gunawardena D., Avants B., Brianna M., Khan A., Moore P., Gee J., Grossman M. Speech errors in progressive non-fluent aphasia // Brain and language. 2010. Т. 113. № . 1. С. 13–20.

Averina S. Bilateral neural correlates of treatment-induced changes in chronic aphasia. Thesis. Groningen: University of Groningen, 2021.

Benoit K., Watanabe K., Wang H., Nulty P., Obeng A., Muller S., Matsuo A. Quanteda: An R package for the quantitative analysis of textual data // Journal of Open Source Software. 2018. Т. 3 (30). P. 774–774.

Covington M., McFall J. D. The moving-average type-token ratio // Linguistics Society of America, Chicago, IL. 2008. P. 94–100.

Geddes J. M., Fear J., Tennant A., Pickering A., Hillman M., Chamberlain M. A. Prevalence of self reported stroke in a population in northern England // Journal of Epidemiology & Community Health. 1996. Т. 50 (2). P. 140–143.

Grande M., Hussmann K., Bay E., Christoph S., Piefke M., Willmes K., Huber W. Basic parameters of spontaneous speech as a sensitive method for measuring change during the course of aphasia // International Journal of Language & Communication Disorders. 2008. V. 43 (4). P. 408–426.

Ivanova M. V., Akinina Y. S., Soloukhina O. A., Iskra E. V., Buivolova O. V., Chrabaszcz A. V., Stupina E. A., Khudyakova M. V., Akhutina T. V., Dragoy O. The Russian aphasia test: The first comprehensive, quantitative, standardized, and computerized aphasia language battery in Russian. PloS one. 2021. Vol. 16(11), e0258946.

Kong A. P.-H., Linnik A., Law S.-P., Shum W. W.-M. Measuring discourse coherence in anomic aphasia using Rhetorical Structure Theory // International journal of speech-language pathology. 2018. Vol. 20 (4). P. 406–421.

Marchina S., Zhu L. L., Norton A., Zipse L., Wan C. Y., Schlaug G. Impairment of speech production predicted by lesion load of the left arcuate fasciculus // Stroke. 2011. Vol. 42 (8). P. 2251–2256.

Wittenburg P., Brugman H., Russel A., Klassmann A., Sloetjes H. ELAN: a professional framework for multimodality research // Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'06), Genoa, Italy. European Language Resources Association (ELRA). 2006. P. 1556–1559.

P. V. Ratanova, D. D. Bilyalova, N. I. Ermakova *(Moscow, Russia)*
National Research University Higher School of Economics

DEVELOPING A MULTI–LAYERED ANNOTATION SYSTEM FOR PATIENTS' SPONTANEOUS SPEECH TO ASSESS THERAPY EFFECTIVENESS IN NON-FLUENT APHASIA

The article presents a template for annotating spontaneous speech in non-fluent aphasia in ELAN describing its structure with a system of layers ranging from transcription to marking errors at different language levels. Secondary methods such as average clause length, lexical diversity and speech and articulation rates are proposed for interpreting the annotation results. The template is currently being tested for annotating semi-structured interviews in a study on the effectiveness of rTMS.

Key words: non-fluent aphasia, annotation, ELAN, semi-structured interview, speech analysis.

В. Д. Харитонова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
varvaradk@yandex.ru

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЖЕСТА «ОЧЕНЬ»[1]

В статье рассматривается интенсификатор ОЧЕНЬ в составе класса лексических интенсификаторов в русском жестовом языке (РЖЯ). Материал анализа – нарративная речь носителей РЖЯ, 8.3% от подкорпуса исследования – случаи применения интенсификатора ОЧЕНЬ. Проанализированы семантические и функциональные особенности данного интенсификатора в сопоставлении с данными из американского жестового языка (ASL), обнаружены ключевые различия, включая продуктивность использования жеста ОЧЕНЬ в речи носителей ЖЯ. Проведена параллель с полимодальными исследованиями лексических интенсификаторов и соречевых жестов.

Ключевые слова: русский жестовый язык, интенсификация, лексические интенсификаторы, интенсивность, полимодальность, событийность.

[1] Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке РНФ, проект «Средства выражения интенсификации в русском и русском жестовом языке: анализ речи и жестов» № 25–28–02755

Интенсификация представляет собой явление, распространенное как в звучащих, так и в жестовых языках. Настоящее исследование направлено на изучение процесса интенсификации в русском жестовом языке на примере лексического интенсификатора – жеста ОЧЕНЬ в речи носителей русского жестового языка (РЖЯ). Данный интенсификатор представляет для нас особый интерес, так как здесь мы можем проследить ключевые различия с американским жестовым языком (ASL), который на данный момент является наиболее изученным среди национальных жестовых языков.

В ASL существует отдельный жест VERY, однако носители, как правило, отвергают его как заимствование из звучащего английского, а не естественную и органичную единицу американского жестового языка. Жест VERY, таким образом, считается инициализированным жестом, так как повторяет конфигурацию дактильного алфавита «V» и полностью дублирует артикуляцию слова в звучащем английском [Wilbur 2012].

Целью нашего исследования является определение особенностей лексического средства интенсификации ОЧЕНЬ в русском жестовом языке и выделение дальнейших перспектив для полимодального анализа.

Материалом исследования являются случаи использования носителями РЖЯ средств интенсификации в нарративной речи из онлайн-корпуса РЖЯ [Буркова https://rsl.nstu.ru/]. Анализу подверглись 435 случаев использования различных мануальных и немануальных средств интенсификации, среди которых обнаружено **36** случаев использования жеста ОЧЕНЬ глухими и слабослышащими носителями РЖЯ, что составило **8.3%** от общего числа. Несмотря на тот факт, что данный интенсификатор является самым малочисленным среди всех выделенных интенсификаторов (жест ОЧЕНЬ, удвоение жеста, лексический повтор, немануальный компонент жеста, модуляция отдельных компонентов жеста), данный интенсификатор представляет интерес для дальнейших кросс-лингвистических и полимодальных исследований.

Рассмотрим несколько примеров использования носителями РЖЯ жеста ОЧЕНЬ как лексического интенсификатора в форме глосс-транскрипций.

1. ЧУВСТВОВАТЬ ОЧЕНЬ ОТЛИЧНЫЙ

Отлично себя чувствовали – Жест ОЧЕНЬ является интенсификатором жеста «ОТЛИЧНЫЙ».

2. Я ОЧЕНЬ ГОРДЫЙ СВОЙ ДОЧЬ

Я очень горжусь своей дочерью – Жест ОЧЕНЬ является интенсификатором жеста «ГОРДЫЙ»;

3. ОЧЕНЬ ДОЛГО ХОТЕТЬ

Очень долго хотела [фотоаппарат] – Жест ОЧЕНЬ является интенсификатором жеста «ДОЛГО».

Важно отметить, что жест ОЧЕНЬ стоит непосредственно перед усиленным жестом ОЧЕНЬ ГОРДЫЙ (2), ОЧЕНЬ ДОЛГО (3), а в некоторых случаях – после глагола, перед прилагательным ЧУВСТВОВАТЬ ОЧЕНЬ ОТЛИЧНЫЙ (1). Это показывает, что позиция жеста ОЧЕНЬ в РЖЯ относительно свободна, но линейно всегда примыкает к интенсифицируемому жесту, а не к глаголу. Данный факт подтверждает статус жеста ОЧЕНЬ как лексического интенсификатора, а не наречия при предикате. Возвращаясь к сравнению с ASL, жест ОЧЕНЬ в РЖЯ является двуручным, имеет конфигурацию дактильного алфавита «Э» и не повторяет артикуляцию слова «очень» в звучащем языке, соответственно, данный жест является исконным для РЖЯ и может быть отнесен к списку мануальных интенсификаторов. Наконец, РЖЯ, как ASL, использует и чисто кинетическую, немануальную интенсификацию как независимо от лексического интенсификатора ОЧЕНЬ, так и в сочетании с немануальным компонентом, образуя таким образом кластеры комбинированных интенсификаторов: поднятые брови и замедление движения ГОРДЫЙ добавляют фразе «очень гордый» дополнительное экспрессивное значение, отражая вовлеченность говорящего. Из **36** обнаруженных нами случаев использования жеста ОЧЕНЬ как лексического интенсификатора, **22** были именно комбинированными (~ **61%**).

Также нами были отмечены 2 случая использования жеста СУПЕР (4) как лексического интенсификатора. Он менее частотный, но, тем не менее, включен в подкорпус нашего исследования:

КОМНАТА СУПЕР

Квартиры отличные – В данном случае жест СУПЕР выступает в роли интенсификатора жеста КОМНАТА в значении «квартиры».

Существенно, что во всех зафиксированных примерах жест ОЧЕНЬ модифицирует предикативные прилагательные и наречия, выступающие в позиции сказуемого, либо глаголы состояния – то есть единицы, семантически ориентированные на событие или состояние как процесс, а не на статичный признак предмета. Такая событийно-центрированная организация согласуется с онтологическим различением между событиями и фактами, предложенным Н. Д. Арутюновой, где события, процессы и состояния образуют особую семантическую сферу, отличную от статичных признаков предметов [Арутюнова 1999]:

ОЧЕНЬ ГОРДЫЙ – состояние субъекта, отнесенное к событию (очень горжусь);

ОЧЕНЬ ЛЮБИТЬ – эмоциональное отношение как динамический процесс (очень люблю);

ОЧЕНЬ СКУЧНЫЙ ОБЪЯСНИТЬ – манера протекания действия (объяснял очень скучно).

В корпусном материале не было обнаружено примеров использования лексического интенсификатора ОЧЕНЬ носителями РЖЯ для модификации атрибутивного прилагательного (например, ОЧЕНЬ ДОРОГОЙ ДОМ в значении «дом с высокой стоимостью»). Таким образом, хоть мы и относим интенсификатор ОЧЕНЬ к лексическим, он функционирует в РЖЯ преимущественно в предикативной, событийно-ориентированной позиции и представляет собой модально-специфическое воплощение оппозиции «событие – признак/факт». Возможно, низкая частотность использования данного средства интенсификации носителями РЖЯ объясняется тем, что жест ОЧЕНЬ является предметно-ориентированным по своей семантической природе. Он масштабирует признак относительно абстрактной шкалы степени («больше нормы – меньше нормы»), не внося дополнительной информации о структуре самого события. В РЖЯ такой интенсификатор оказывается функционально избыточным: его задачи перераспределяются между другими более событийно-ориентированными средствами – модуляцией, лексическим повтором, немануальным компонентом.

Исходя из результатов нашего исследования, мы можем утверждать, что в отличии от ASL, в РЖЯ есть собственный продуктивный лексический жест ОЧЕНЬ, который является органичной, а не заимствованной единицей. Однако, наличие такого свободного лексического интенсификатора – скорее редкость, так как он является наименее частотным. Кроме того, больше половины случаев (~ **61%**) использования данного интенсификатора были в сочетании с немануальными средствами. Показательно и распределение жеста ОЧЕНЬ по информантам: из 20 носителей РЖЯ, вошедших в исследуемый подкорпус, данный интенсификатор зафиксирован лишь у 11 информантов. Такая выраженная неравномерность на фоне более равномерного распределения других средств интенсификации может свидетельствовать о том, что жест ОЧЕНЬ для большинства носителей РЖЯ не является обязательным, системно закрепленным средством, а скорее факультативной, идиолектной стратегией.

Полученные результаты согласуются и с более широкой картиной, полученной на всем массиве корпусных данных: из **435** проанализированных случаев интенсификации в РЖЯ **76%** модифицируют событийную структуру высказывания. Лишь **24%** относятся к интенсификации предметного признака. Предикативная, событийно-ориентированная дистрибуция жеста ОЧЕНЬ – таким образом, не изолированный факт, а частный случай общей типологической тенденции РЖЯ к событийно-центрированной организации

средств интенсификации. Это объясняет функциональную периферийность данного лексического средства на фоне продуктивных мануальных и немануальных стратегий (модуляции, лексического повтора, немануального компонента).

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, перекликающийся с исследованиями полимодальности в звучащей речи: если в звучащих языках интенсификатор «очень» / ”very” – это свободная лексема, а жест, сопровождающий речь, – отдельный, факультативный канал, который статистически чаще возникает вместе с ней, чем отсутствует, то в жестовых языках граница между данными каналами исчезает. Интенсификация и артикуляция жеста производятся через один и тот же артикуляционный аппарат: то, что в устной речи реализуется как параллельный, дополнительный жестовый канал [Khatin-Zadeh et al 2023], в жестовом языке оказывается интегрировано в процесс интенсификации на нескольких уровнях. Однако, контекстуальный анализ данного средства интенсификации показывает, что малочисленность ОЧЕНЬ в подкорпусе исследования (**8.3%**) обусловлена в том числе тем фактом, что визуально-пространственная организация языка предрасполагает к интенсификации через модуляцию отдельных компонентов жеста и использование немануальных маркеров, а не через абстрактное масштабирование признака. На основании проведенного исследования мы можем предположить, что РЖЯ демонстрирует потенциально событийно-центрированную организацию средств интенсификации, но этот вывод нуждается в дальнейшей проверке на расширенном эмпирическом материале. Кроме этого, для дальнейшего исследования полимодальности интенсификации перспективным представляется прямое сопоставление того, как соречевой жест сопровождает «очень» в русской устной речи, с тем, как используется ОЧЕНЬ и другие лексические интенсификаторы в РЖЯ, в том числе с учетом аспектов предметности и событийности.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999.

Корпус русского жестового языка [Электронный ресурс] / Руководитель проекта С. И. Буркова. Новосибирск, 2012–2015. URL: http://rsl.nstu.ru/

Khatin-Zadeh O., Farsani D., Hu J., Eskandari Z., Banaruee H. Gestural embodiment of intensifiers in iconic, metaphoric, and beat gestures // Behavioral Sciences. 2023. Vol. 13. No. 2. Art. 174. https://doi.org/10.3390/bs13020174

Wilbur R. B., Malaia E., Shay R. A. Degree modification and intensification in American Sign Language adjectives // Logic, Language and Meaning. 2012. P. 92–101.

***V. D. Kharitonova** (Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

ANALYZING LEXICAL INTENSIFIERS IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE: A CASE OF ОЧЕНЬ (“VERY”)

This article examines the intensifier ОЧЕНЬ (‘VERY’) as part of the class of lexical intensifiers in Russian Sign Language (RSL). The analysis is based on narrative discourse produced by native RSL signers, with cases of ОЧЕНЬ accounting for 8.3% of the research subcorpus. The semantic and functional properties of this intensifier are analyzed in comparison with data from American Sign Language (ASL), and key differences are identified, including the productivity of ОЧЕНЬ in the speech of native RSL signers. The study also draws a parallel with multimodal research on lexical intensifiers and co-speech gestures.

Key words: Russian Sign Language, intensification, lexical intensifiers, intensity, polymodality, eventivity.

***Н. Б. Цибуля** (Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
cybnb@mail.ru

РОЛЬ ИНТОНАЦИИ, СМЫСЛА ФРАЗЫ И ТЕЛЕСНОГО ДВИЖЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СИТУАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО КИНОДИСКУРСА)

В статье исследуются речевые ситуативные действия, которые репрезентируют когнитивные процессы посредством симультанного взаимодействии интонационного, лексического и кинестетического модусов. Автор делает вывод, что ситуативные действия формируются по когнитивной модели, составляющими которой являются интонация, смысл фразы и целенаправленное телесное движение.

Ключевые слова: интонация, смысл фразы, телесное движение, ситуативное действие, когнитивный процесс, когнитивная модель, кинодискурс.

Заложенные в трудах Елены Самойловны Кубряковой фундаментальные принципы исследования когнитивных процессов, являются основой для изучения не только вербального, но и невербального общения [Кубрякова 2012].

Кинестетическая активность, сопровождающая речь человека, включает, как известно, жесты, мимику, позы и телодвижения, которые давно

находятся в поле зрения исследователей [Цибуля 2020]. Однако в процессе речевой коммуникации люди также совершают различные действия соответственно ситуации, а именно: они могут пить чай, шить, рассматривать что-либо и т. п.

До сих пор характер взаимодействия ситуативных действий с речью остается практически не изученным [Цибуля 2007]. В данной статье излагаются результаты эксперимента с целью выявить особенности ситуативных действий и их взаимодействия с интонацией и смыслом фразы.

Рассмотрим несколько примеров из английских фильмов разных жанров и разных лет выпуска.

1. “The Murder at the Vicarage” (детектив по роману А. Кристи, 1986).

Миссис Прайс-Ридли, оформляет букет для праздничной службы в церкви, и, обрезая цветы, выражает свое возмущение викарию: банкнота в один фунт, которую она пожертвовала, не была отмечена в списке собранных средств (Рис. 1).

It was ↿there,⦆ a ˈ**pound** ↿**note**.| It was ↾not, **how˝ever**,⦆ on the colˈlection ↿**list**.

Рис. 1. Пример 1.

Манипулируя ножницами, она указывает острым концом инструмента прямо на викария. Высокое положение руки согласуется с высоким ударением на слове **pound**, а резкое движение руки с ножницами вниз коррелирует с высоким нисходящим тоном слова **note**. Укорачивая цветок энергичным движением снизу вверх, она произносит слово **however** с высоким восходящим тоном. Устанавливая цветок в вазу (рука с цветком движется вниз), прихожанка одновременно произносит слово **list** со средним нисходящим тоном. Таким образом, ее движения в процессе выполнения обычного бытового действия структурируются соответственно ритму и направлению движения мелодики одновременно произносимых фраз.

В данном примере ситуативное действие представляет собой бытовой контекст, на фоне которого обсуждается проблема, не относящаяся к самому действию. Все высказывания миссис Прайс-Ридли носят обвинительный характер по отношению к викарию. Она недвусмысленно намекает на воровство денег в храме. Острие ножниц, направленное прямо на священника, по сути является дейктическим жестом, что в совокупности с резкими движениями и высокими тонами усиливает смысл произносимых фраз.

2. “Oliver!” (мюзикл по роману Ч. Диккенса, 1968).

Нэнси, член воровской шайки, приходит к ее главарю Фейгину за своей долей от вчерашней добычи. Фейгин говорит (Рис. 2):

ˎHere,} **ˎtake** it}, I'll **ˏstarve**.

Рис. 2. Пример 2.

Движения руки сверху вниз (он кладет несколько монет в ладонь девушки) синхронизированы с ритмом фразы и высокими нисходящими тонами на словах **here** и **take**. Положив последнюю монету в ладонь Нэнси (действие совпадает с нисходящим элементом нисходяще-восходящего тона на слове **starve**), Фейгин отводит руку в сторону и вверх (движение руки коррелирует с восходящей частью нисходяще-восходящего тона слова **starve**).

В этом примере ситуативные движения комментируются (**Here**, **take it)**, и выражается отрицательная модальность – главарь неохотно расстается с деньгами **(I'll starve).**

3. "Great Expectations" (драма по роману Ч. Диккенса, 1946).

Адвокат Джеггерс входит в контору и говорит своему клиенту Пипу (Рис. 3):

ˎAh,} so you've ar'rived **ˎsafely**, Mr.ˌPip.

Рис. 3. Пример 3.

Джеггерс снимает с головы цилиндр (движение с уровня головы вниз), что синхронизируется с высоким нисходящим тоном на междометии **Ah**. Подойдя к столу, адвокат кладет головной убор на стол (движение с уровня пояса вниз), что совпадает со средним нисходящим тоном на слове **safely**. Как видно из примера, действия адвоката имеют бытовой характер и не имеют отношения к содержанию фразы.

4. "My Fair Lady" (мюзикл по пьесе Б. Шоу, 1964).

После приема у посла между Элизой и Хиггинсом происходит ссора. Девушка чрезвычайно обижена на профессора за то, что он не оценил по достоинству ее триумф на балу. Она не может сдержать своих чувств, рыдает и в ответ на вопрос, где его домашние туфли, бросает их в Хиггинса, восклицая (Рис. 4):

\Here're your slippers…| **There!** | And **there!**

Рис. 4. Пример 4.

Широкая амплитуда движения руки (бросает туфли в Хиггинса) коррелирует с широким диапазоном эмфатического нисходящего тона на слове **There!** и смыслом высказывания.

5. "Murder in the Mews" (детектив по роману А. Кристи, 1989).

Мисс Лемон, секретарь Э. Пуаро, прочитав письмо, снимает очки и говорит (Рис. 5):

The ˎ**trouble** is, Mr. ˎ**Poirot,**} that they ˌjust ˌdon't under\stand the ˌletters.

Рис. 5. Пример 5.

Обычное бытовое действие «снимать очки» (движение сверху вниз) –коррелирует с высоким нисходящим тоном на слове **trouble**. Рука с очками опускается еще ниже, что соответствует среднему нисходящему тону на слове **Poirot**. Движение выполняется достаточно медленно, подчеркивая недоумение и растерянность Мисс Лемон. Данное ситуативное действие служит фоном для обсуждения возникшей проблемы.

6. "Sister Town" (детектив, комедия, 2022).

Сотрудница полиции Пегги Баттон держит пинцетом найденную улику и приходит к выводу, что это волосок от кисти для рисования (Рис. 6):

I ˎthink} it's a ˎ**paintbrush** ˊ**bristle.**

Рис. 6. Пример 6.

Реализация среднего нисходящего тона на слове **paintbrush** сопровождается движением руки вниз, а произнесение среднего восходящего тона на слове **bristle** синхронизировано с движением руки вверх. Таким образом, комментарий полицейского непосредственно относится к выполняемому действию.

7. "Jane Eyre" (драма по роману Ш. Бронте, 1983).

Миссис Рид по очереди предлагает своим детям сладости на блюде (Рис. 7):

And ˈ**one** for my ˈ**darling E**ˎ**lisa.**

Рис. 7. Пример 7.

Фраза характеризуется постепенно нисходящей ступенчатой шкалой и средним нисходящим тоном. Ситуативное действие структурируется в соответствии с мелодикой – протягивая тарелку дочери, тело миссис Рид постепенно наклоняется вперед. При этом движения руки (с тарелкой), совпадают с мелодическими ступенями на словах **one** и **darling** соответственно, т.е., каждое движение руки по уровню ниже предыдущего. Средний нисходящий терминальный тон синхронизируется с более глубоким наклоном головы и тела и совпадает с последним движением – протягивает тарелку дочери. Предметом разговора является само ситуативное действие.

8. “Nuns on the Run” (комедия, 1990).

Мошенники Брайан и Чарли воруют на парковке автомобиль. На большой скорости они пытаются покинуть паркинг, но у ворот их останавливает охранник (Рис. 8).

Охранник: What’s the big hurry?
Чарли: **Po`lice**.} ↗Move it.

Рис. 8. Пример 8.

Чарли показывает ему украденное полицейское удостоверение и ловким движением пальца сверху вниз закрывает фотографию, что совпадает с нисходящим тоном на слове **Police**. Это ситуативное действие непосредственно связано со смыслом фразы и общим контекстом – надо быстро закрыть пальцем чужую фотографию, чтобы их ни в чем не заподозрили.

Как видно из приведенных примеров, ситуативные действия интегрированы в речевой процесс и являются его неотъемлемой частью. При этом их можно подразделить на две категории: 1) они могут быть фоном для обсуждения какого-то вопроса или 2) представлять собой предмет разговора. В любом случае ситуативные действия тесным образом коррелируют с интонацией высказываний: ритм, направление и амплитуда движения рук, головы и/или тела при выполнении ситуативных действий синхронны ритмической организации фразы, траектории и диапазону мелодики.

Как справедливо отмечал Н. И. Жинкин, в процессе речевой деятельности «работают не только определенные локусы коры головного мозга, артикуляция и слух, работает весь человек в целом. Вся поза, мимика, жестикуляция говорящих между собой людей теснейшим образом связаны с содержанием и формой речи» [Жинкин 1982: 154].

Действительно, исследования в области медицины показывают, что координация работы голосовых связок, моторной организации речевого процесса, включая жесты, мимику и выражение эмоций, осуществляется в коре головного мозга, в основном в зоне Брока [Центр Брока URL 2025]. Одновременно реализуется работа мозжечка, отвечающего за двигательную активность человека, в том числе синхронизацию работы мышц речевого аппарата [Мозжечок URL 2026].

Репрезентация когнитивных процессов, происходящих в мозгу человека во время совершения речевых ситуативных действий, осуществляется посредством симультанного взаимодействия интонационного, лексического и кинестетического модусов. Можно сказать, что ситуативные действия формируются по концептуальной модели, составляющими которой являются

интонация, смысл фразы и целенаправленное телесное движение. Более тесную связь между интонацией и жестом можно объяснить особенностями развития человека в онтогенезе – интонация и жесты усваиваются раньше лексики и разрушаются последними в результате болезней и травм.

Литература

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Мозжечок. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мозжечок

Центр Брока. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Центр_Брока

Цибуля Н. Б. Области исследования невербальных средств общения: монография / Научное издание. М.: Гнозис, 2020.

Цибуля Н. Б. Культурологический аспект взаимодействия просодии, ситуативных действий и жестов в речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Лингвистика. 2007. Вып. 537. С. 246–255.

N. B. Tsibulya *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE ROLE OF INTONATION, MEANING OF THE PHRASE AND BODILY MOVEMENT IN FORMING SITUATIONAL ACTIONS (BASED ON ENGLISH CINEMATIC DISCOURSE)

The article studies speech situational actions which represent cognitive processes through simultaneous interaction of intonational, lexical, and kinesthetic modi. The author makes a conclusion that situational actions are formed according to a cognitive model whose constituents are intonation, meaning of the phrase, and purposeful bodily movement.

Key words: intonation, meaning of the phrase, bodily movement, situational action, cognitive process, cognitive model, cinematic discourse.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. М. Азарова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
natazarova@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ОПЕРЫ В ОТСУТСТВИЕ ПЕРЕВОДА

В статье на материале истории перевода оперы вообще (и опер Вагнера в частности) рассматриваются когнитивные и социолингвистические основания частичного или полного отказа от перевода. Ситуация неперевода, отличная от *непереводимости,* предоставляет современному зрителю защиту как от рационализации, так и от избыточной информации, в результате чего кардинальным образом меняются понятия *слушать оперу* и *смотреть оперу*.

Ключевые слова: перевод, неперевод, непереводимость, опера, Вагнер, избыточная информация, сценическое действие.

В последнее время в различных типах дискурса получает все большее и большее распространение такое явление как *неперевод*, под которым понимается, либо отказ от перевода, либо «сознательное или несознательное восприятие текста на чужом языке, даже при условии незнания этого языка, либо утверждение, что то, что я делаю – это не перевод, а что-то другое» [Азарова 2025: 380]. Неперевод, таким образом, представляет собой феномен, отличный от так называемой *непереводимости*, привлекавшей внимание переводчиков и исследователей на протяжении многих лет.

Несмотря на несомненную актуальность ситуации неперевода в современности, было бы неправильным утверждать, что эта ситуация представляет собой нечто принципиально новое: напротив, новым можно считать когнитивные основания ее растущей распространенности. В истории можно назвать целый ряд дискурсов, в которых неперевод занимал

и продолжает занимать прочные позиции. Это, прежде всего, сакральный (религиозный) дискурс. Католическая церковь до сих пор использует латинский, непонятный для большой части паствы, как основной язык литургии, но и в православном богослужении только проповедь ведется на современном русском, а церковно-славянский, использующийся как основной язык, хотя и легче узнаваем прихожанами, чем латынь у католиков, тем не менее помещает их в ситуацию полного или частичного неперевода.

История оперы и история ее перевода в разных культурах ярко демонстрирует как эпохи повышенного внимания к переводу, так и эпохи отказа от перевода. В России опера получила широкое распространение в XVIII веке, и она была в основном итальянской, для исполнения которой не только приглашались итальянские певцы, но и крепостные провинциальные актеры по распоряжению помещиков активно заучивали тексты на незнакомом языке, в основном не понимая их смысл, и весьма относительно воспроизводя звучание итальянской речи [Келдыш 1984: 91–102]. В этом случае не только исполнители, но и слушатели оказывались в ситуации неперевода (языком аристократии был французский) – из итальянской звучащей речи аристократы могли лишь по явному созвучию выхватывать отдельные понятные слова и словосочетания. Если посмотреть на этот феномен с социолингвистической точки зрения, то исполнение на иностранном языке без неперевода не создавало ощущения дискомфорта, а, напротив, обладала способностью повышения социального статуса мероприятия.

Весь XIX век, благодаря появлению русской оперы, которая безусловно исполнялась на понятном языке, отмечен ситуацией двуязычия. Тогда же стали появляться первые переводы иностранных опер, предназначенные сугубо для русских исполнителей и русской аудитории. После революции перевод оперы постепенно становится правилом, что опять же объясняется как демократизацией искусства вообще и требованием понятности для широкой публики, так и ростом престижа профессии переводчика в Советской России. В послевоенном Советском Союзе неперевод стал рассматриваться как «низкопоклонство перед Западом»: перевод оперы стал настолько обязательным, что иногда переводились даже имена персонажей.

Парадоксальную ситуацию с переводом и непереводом ярче всего представляет история переводов опер Рихарда Вагнера на русский и другие языки. Сам Вагнер постоянно колебался между стремлением подчеркнуть чисто немецкий характер его опер и необходимостью их перевода; таким

образом, отношение Вагнера к переводам его опер ярче всего демонстрирует неснимаемое противоречие между его декларируемой антифранцузскостью и универсализмом (позиционированием себя как мирового автора). Вагнер, особенно в раннем творчестве, находясь в Риге, учил французский для перевода «Риенци» и «Летучего голландца» и пытался сам переводить либретто своих опер, которые затем отдавал, например, Эжену Скрибу в надежде на стихотворный перевод [Coleman 2019: 24–25]; но отражение зрелого Вагнера к переводу уже далеко не такое однозначное, что отражается в его трактате «Опера и драма» (1851) [Вагнер 1978]. Вагнеровское приятие и неприятие перевода своих опер отражает парадокс немецкого национализма и экспансионистских амбиций, причем речь идет не только о словарном переводе, но и о культурном переносе. Фридрих Ницше, который помещал Вагнера в контекст французского романтизма 40-х, прежде всего имея в виду его пребывание в Париже с 1839 по 1842 год, то есть эпоху переводов, утверждал, что сама избыточность «немецкости» Вагнера резонировала с тенденциями во французской культуре (и, прежде всего, в литературе) во второй половине XIX века. Спустя полвека Теодор Адорно признавал в этой двойственности Ницше, с одной стороны, диалектику Просвещения, а с другой – истоки массовой культуры [Adorno 1947:155–162].

Переводы Вагнера можно разделить на презентационные (то есть предназначенные только для сцены) и письменные, которые возникают на рубеже XIX и XX века, когда Вагнер достигает пика популярности, а переводы либретто выступают в роли анонсов для образованной публики. Именно сценические переводы несут ответственность за миф о так называемой «непереводимости» Вагнера. Прежде всего это касается речитативов, построенных на интонации и синтаксисе немецкой речи, с которой не могла справиться техника перевода XIX и даже начала XX века. Но и в письменных переводах отмечается как упрощение синтаксиса, например, фраза «Freudenseh nich mich nach Schmerzen» (буквально «из радости я вижу себя в боли») в переводе Г. А. Лишина звучит как патетическая «Я жажду горя и страданий» [Солостюк 2001: 126–136], так и неоправданную смену ритма, привносящую не свойственные Вагнеру интонации русского романса.

На Западе сложились разные традиции перевода опер Вагнера, например, в Великобритании отстаивалась безусловная необходимость перевода, который считался предпосылкой правильного восприятия оперы как драмы, что в принципе и отстаивал Вагнер. Оперные театры США с конца XIX века и особенно в XX веке начали претендовать на доминирующую роль в моде на Вагнера: благодаря довольно значительной эмигрантской диаспоре, оперы сразу начали исполняться на немецком языке в немецких театрах.

В распоряжении не немецкого зрителя были бумажные либретто, которые читались лишь до начала постановки (в зале темно) или в перерывах, а во время действия оперы звучал непонятный текст. Метрополитен-опера, основанная в 1883 году, сразу включила в свой репертуар большое количество опер Вагнера, которые исполнялись на немецком, а в 1995 году там же была создана система встроенных в кресла индивидуальных экранов с выбором языка субтитров. До того использовалась практика субтитров над сценой, но от нее быстро отказались, как от неудобной для зрителя. Интересно, что в Европе и в России эта практика распространена до сих пор, хотя зритель, первые 15–20 минут активно поднимающий и опускающий голову, потом делает это все реже и временами просто смотрит на сцену, то есть оказывается сначала в ситуации частичного неперевода, а затем в ситуации неперевода как такового, аналогичного старой практике чтения бумажных либретто.

Ситуация неперевода в настоящее время является доминирующей для исполнения опер вообще и Вагнера в частности, но она не воспринимается зрителем как нечто чуждое и неудобное, и для этого есть серьезные когнитивные основания: в многоязычной современной культуре человек привык к повседневному существованию в ситуации неперевода и непонимания. В то же время ситуация неперевода защищает человека от чрезмерной информативной нагрузки, часто превышающей его возможности восприятия. Искусственный барьер, который выстраивается между текстом и сценическим действием несет функцию защиты от рационализации, а коммуникация между зрителем и актерами основывается на слушании и зрительном восприятии жестов: «человек, находясь в условиях повышенной когнитивной нагрузки, использует вербальные и невербальные средства для интеграции разных систем координат в единое когнитивное эргономическое пространство вокруг себя» [Ирисханова 2023: 47]. Благодаря непереводу пространство оперы превращается в пространство отдыха и снятия информационного напряжения.

Таким образом, интенция Вагнера уравнять музыку и текст в значимости для оперного искусства наталкивается на когнитивное сопротивление современности, в которой текст оперы существует как зрительный текст, действие, постановка, режиссура – а слова и перевод оказываются необязательными (комплементарными) элементами.

Литература

Азарова Н. М. Большой перевод. М.: ОГИ, 2025.

Вагнер Р. Избранные работы / Перевод: Шепелевский А., Винтер А. М.: Искусство, 1978. С. 262–494.

Ирисханова О. К. Синхронный переводчик в полимодальном измерении: роль жестов в моменты неперевода // Слово.ру: Балтийский акцент, 2023. Том 14 (3). С. 40–51.

Келдыш Ю. В. История русской музыки в 10 томах. Т. 2: XVIII век. Часть первая. М.: Музыка, 1984. С. 91–102.

Солостюк Т. Традиция перевода оперного либретто Р. Вагнера в русской художественной культуре 80-х годов XIX века – 10-х годов XX века // Р. Вагнер и Россия. СПб.: Санкт-Петербургский Вагнеровский союз, 2001. С. 126–136.

Adorno T. Wagner, Nietzsche and Hitler. // The Kenyon Review. 1947. Vol. 9 (1). P. 155–162.

Coleman J. Richard Wagner in Paris: Translation, identity, modernity // Through Babel's Arcades: Early Entanglements. Woodbridge: The Boydell Press, 2019. P. 24–25

N. M. Azarova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

COGNITIVE FOUNDATIONS OF OPERA PERCEPTION IN THE ABSENCE OF TRANSLATION

Drawing on the history of opera translation in general and Wagner's operas in particular, this article examines the cognitive and socio-linguistic foundations underlying the partial or complete rejection of translation. The situation of *non-translation* – distinct from untranslatability – offers the contemporary audience protection both from rationalization and from information overload. As a result, the very concepts of *listening to opera* and *watching opera* undergo a fundamental transformation.

Key words: translation, non-translation, untranslatability, opera, Wagner, information overload, stage action.

А. В. Вдовиченко *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН, ПСТГУ
an1vdo@mail.ru

КЛИШЕ В СЛОВО-СОДЕРЖАЩЕМ СЕМИОТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ НА ФОНЕ ОППОЗИЦИИ СОБСТВЕННОГО И КОММУНИКАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА[1]

В статье констатируется, что противопоставление собственного (истинного, основного, буквального, первичного, изначального, прямого и пр.) значения слова и его коммуникативного (производного, контекстуального, вторичного, коннотативного, переносного, несобственного, неосновного и пр.) значения становится возможным только при условии, что слово признается принципиально способным обладать каким-то значением. Поскольку любые тела знаков представляют собой лишь следствия (следы) психо-когнитивных процессов (незнаковых квалиальных состояний) обладателей сознания, собственное или производное значение слова становится условным понятием, не эффективным для объяснения реальной слово-содержащей коммуникации. Более реалистичной представляется интерпретация слов как клише, которые мыслятся семиотическим актором в составе коммуникативных синтагм и которые обладают только коммуникативным контентом (значением).

Ключевые слова: коммуникативная модель, слово-содержащий семиотический акт, значение слова, оппозиция собственного и коммуникативного значений слова, вербальное клише, незнаковые психо-когнитивные состояния, семиотический актор, многозначность.

Противопоставление *собственного* (истинного, основного, буквального, первичного, изначального, прямого и пр.) значения слова и его *коммуникативного* (производного, контекстуального, вторичного, коннотативного, переносного, несобственного, неосновного и пр.) значения становится возможным только при условии, что *слово признается принципиально способным обладать каким-то значением*. Стандартное филологическое (лингвистическое) исследование по умолчанию предполагает анализ самой знаковой последовательности, состоящей из единиц (слов), каждая из которых является носителем контентных характеристик и репрезентирует собой «означаемое». Рассматривая данную единицу (тело знака), исследователь не может не заметить, что она всегда является «многозначной»: слово, взятое автономно, в своих предметных границах, как отдельное «тело», всегда ука-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2024–0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

зывает сразу на несколько возможных «значений» – видовых и/или родовых (Ср. Аристотель *О софистических опровержениях*, I, 5 [Аристотель 1978а: 547]; подробнее, см. [Вдовиченко 2021, 2022]). При попытках разобраться в этой семантической множественности одни значения единицы неизбежно представляются ему более простыми, близкими к какой-то элементарной ситуации употребления, а другие – отдалившимися от первоначального значения, более сложными, производными.

Так, в платоновском *Кратиле* присутствует идея «истинного значения слова» (etymon), а также идея происхождения современных слов от древних «первых имен» (prota onomata) в результате их формального и содержательного изменения, отступления от первозданного правильного сочетания формы и значения (напр., Платон, *Кратил* 407b). Например, если бы Платон анализировал русское многозначное слово *язык*, то изначальным (прямым, буквальным, основным и пр.) ему, вероятно, представилось бы значение «мускульный орган в ротовой полости», а остальные, в том числе «вербальное средство общения», «видимая часть пламени», «народ» и пр., оказались бы неосновными, переносными, вторичными, производными (ср.: первое значение «орган в ротовой полости», см., напр., МАС).

Заметно, что в стандартной теории такая эвристическая процедура обоснована априорной (вполне, казалось бы, бесспорной) идеей, что *речь состоит из слов, каждое из которых имеет свое содержание*. Слова, совокупно составляющие собой речь, рассматриваются как автономные носители семантики (означаемого, значения, смысла и пр.), и поэтому якобы обладают собственной историей бытования/изменения внешней формы и внутреннего контента, своего рода историей владения «данной собственностью». Эти части (слова) общего целого (речи) представляются при таком подходе *модулями*, имеющими одновременно форму и семантическое наполнение, образующими «единство означающего и означаемого».

Между тем модульная трактовка слова (то есть признание того, что вербальная единица обладает собственным значением, несмотря даже на очевидную многозначность) в русле языковедческой традиции де-факто подвергается сомнению, поскольку уже на ранних стадиях развития теории фиксируется не только собственное (независимое, языковое) значение слова, но и возникающее (коммуникативное, контексто-зависимое, несобственное), что проявляется, например, в выделении класса местоимений по признаку употребления в речи вместо «настоящих», имеющих полноценные значения, имен (*греч*. antonymia «вместо-именные» [Комарова, Шадрина 2010: 34]; ср. *санскр*. sarvanama «имя для всего» [Greenberg 1986, XVII]), в признании предварительной обусловленности понимания слов (предпосылочного зна-

ния, напр., стоический *prolepsis*, *praenotio* [Габдуллин 2014: 59–60], анафоры [Савельева 2012: 183]), во введении понятия «контекст», востребованного по преимуществу в античной риторике, в теории и практике христианского истолкования Писания [Богданов 2010]. В этих наблюдениях вербальные единицы (которые, якобы, имеют собственные значения и, суммируясь, составляют собой значимые высказывания), в некоторой своей части предстают в неожиданном ракурсе – не автономными и стабильными в своем контенте, а, скорее, *формируемыми данностями*, которые создаются *ad hoc* как бы извне – другими единицами («именами» в случае местоимений), вводимыми предпосылками, вариативным контекстом. Так, согласно этим рассуждениям, чтобы узнать значение слова «он», нужно распознать «имя», заменяемое этим словом. Чтобы узнать значение слова *язык*, его, несмотря на наличие якобы собственного значения, все же следует поместить в контекст, осознать предпосылочные условия его употребления, и только тогда определить, *что* все-таки «означает данное слово».

Современный статус вопроса о собственном и коммуникативном (производном, контекстуальном, несобственном) значении можно пояснить трактовкой дейктических (коммуникативных) и не-дейктических (якобы имеющих собственные значения) слов:

«Дейктическими принято называть слова, которые соотносятся со своими обозначаемыми не непосредственно, но в процессе коммуникации, то есть не в *языке*, а в *речи*, – иначе говоря, через речевой акт. В обычном случае слова относятся в нашем сознании к некоторой реальности – актуальной или виртуальной – независимо от процесса коммуникации. Так, например, слово *стол* служит для обозначения любого члена открытого класса отождествляемых объектов, которые ассоциируются на основании тех или иных характеристик. Такого рода классификация представлена в языке, которым мы пользуемся, – независимо от того, имеет ли место процесс коммуникации, то есть в отвлечении от речевой деятельности. Дейктические слова между тем непосредственно относятся к акту коммуникации и только опосредованным образом – через речевой акт – соотносятся с той реальностью (актуальной или виртуальной), которая является предметом коммуникации. Эти слова не обладают абсолютно независимым содержанием, в полной мере абстрагированным от акта коммуникации» [Успенский 2011: 4]; ср. [Бюлер 2000: 103]).

Заметно, что автор статьи не подвергает сомнению модульность слова, его способность быть семантическим слагаемым, содержать в себе какой-то контент, который либо содержится в слове изначально, либо привносится в него извне (но также в нем содержится). Модульное понимание

вербальных данных (структур, состоящих из телесных слов) присутствует в рассуждениях исследователя по умолчанию, совсем как во времена Платона и Аристотеля. Заметим также, что в приведенном отрывке именно акт коммуникации вводится в качестве причины того, что в словах происходят какие-то семантические процессы (напр., приобретение/изменение значения), а вне акта коммуникации (то есть в «языке») у слов имеются вне-коммуникативные (собственные) значения.

При модульном подходе по умолчанию выходит так, что если у слова принципиально наличествует какое-то свое значение, то должна быть история обладания этим значением, с началом и развитием, с большей или меньшей степенью проявления каких-то свойств, присущих самому слову. Так, если имеется тело знака *язык*, ему необходимо отыскать свойственную ему семантику, обозначить собственные характеристики этой единицы, существующие в синхронической или диахронической перспективе.

Однако здесь, в модульном восприятии знака (слова), кроется *главная ошибка стандартной (не-когнитивной, не-коммуникативной) теории* знака и языка, следствием которой, в частности, является и концепция основного/производного значения слова. Дело в том, что априорное понимание вербальной единицы как модуля (единства знакового тела и присущих ему свойств) представляет собой *метафору*, *созданную на основе сравнения тела знака с физическим предметом*: как предмет («вещь») обладает несомненными собственными свойствами (цветом, весом, формой и пр.), так и слово, подобно вещи, якобы обладает семантическими (и зачастую грамматическими и даже синтаксическими) характеристиками (ср.: Аристотель сравнивал слова с камешками, которые в совокупности создают общий вес, то есть смысловую сумму, высказывания (см. Аристотель, *О софистических опровержениях*, I, 5); спонтанно возникающий математический, или количественный, подход к вербальной структуре, при котором семантика высказывания мыслится как сумма значений/смыслов входящих в его состав слов, только усугубляет понимание отдельной единицы высказывания как модуля, уподобляя ее слагаемому в математической операции сложения, где каждый элемент не может не иметь собственной количественно определенной величины: если высказывание состоит из слов и имеет понимаемый смысл, то он должен быть суммой смыслов каждого из элементов высказывания).

Между тем метафора вещи в отношении знака сущностно не точна и не верна, поскольку *любое тело знака, в отличие от предмета, не может обладать какими-то собственными свойствами*. Условно приписываемые знаковому телу характеристики (в том числе семантические) всегда и непременно являются лишь *следствием (следом) каких-то психо-когнитивных*

процессов, которые, в отличие от вещи с ее имманентными свойствами, не присутствуют в самом знаковом теле. В знаке между его телом и контентом всегда стоит обладатель активного сознания, в отличие от вещи, которая обладает свойствами без какого-либо опосредования. Так, для обнаружения семантических свойств слова *язык* необходимо обнаружить какое-то психо-когнитивное состояние, которое и станет данным понимаемым значением слова *язык*. До тех пор, пока такое состояние не установлено, любое слово является пустым клишированным (механистичным, незнаковым) объектом, не способным автономно производить смыслообразование, или «многозначным» (подробнее о модульности, см. [Вдовиченко 2025]). Ввиду многозначности (неопределенности) любого слова, пониматься может *только сам процесс ассоциирования данного знакового тела с каким-то контентом*, что производится говорящим только в моменте актуальной коммуникации. Процедуру смыслообразования, таким образом, производит *не последовательность слов,* а действующий (производящий коммуникативную референцию) семиотический актор, слова которого *понимаются только в составе целостного (всегда полимодального и многофакторного) семиотического акта.* Так, один и тот же вербальный комплекс (например, «этот язык») в различных семиотических действиях актор может наполнять различными значениями, несмотря на единство предметной формы.

Неточность предметной метафоры («переноса» по схеме «тело предмета > тело знака») вводит упрощающее понимание (слово-содержащего) семиотического процесса, в значительной мере ограничивая своими ложными посылками теорию смыслопорождения, лишая (слово-содержащий) семиотический акт неотъемлемой психо-когнитивной перспективы. Тела знаков, подобно самоорганизованным предметам (что происходит благодаря их «собственным» свойствам), также становятся самоорганизованными и самозначными, получают способность быть чем-то, рассматриваются в качестве автономных источников причинности (подобно вещам, обладающим собственной способностью иметь вес, занимать место, обладать формой, пребывать в состоянии движения или покоя и пр.). В этой ошибочной (предметной, метафорической) системе координат становится возможным изыскивать в знаковом теле его собственную семантику (изначальную или привнесенную, более или менее точную, основную или дополнительную; ср. аристотелевское разделение сущности вещи и ее акцидентных признаков, Аристотель *Категории* 3; *Метафизика* 1026b13), как в предметах можно изыскивать определенную массу, элементный состав, точный размер, способность иметь объектные отношения и взаимодействия и пр. Слова превращаются в используемые вещи. В пространстве семиотической теории

возникают системы автономных единиц («языки» слов, жестов, телодвижений, изображений и пр.), которые действуют с той же механистичностью и детерминизмом, на которые способны предметы, – автоматизировано отражают и размечают («создают») мыслимое пространство, подчиняются собственным законам, управляют сознанием говорящего (пишущего, изображающего, жестикулирующего), и пр.

Модульное понимание знака, возникающее вследствие предметной метафоры (признания способности знакового тела «иметь какое-то значение» – прямое или переносное, свое или не-свое, первичное или вторичное, буквальное или коннотативное и пр., наподобие способности вещи иметь свойства) дезавуирует в теоретическом поле *подлинное «значение» коммуникации – интенцию семиотического актора произвести изменения во внешнем интеллектуально-эмоциональном статусе*, осуществить акциональное смыслообразование, создать «новую вещь» в постороннем сознании: все, что делает актор, якобы должно быть словесно обусловленным, как сумма должна вычисляться из совокупности величин слагаемых, в то время как в естественной коммуникации *производятся и понимаются не слова, а семиотические акты*. Вместе с преодолением модульности знака основания семиозиса (в том числе, слово-содержащего) возвращаются в аутентичное для них психо-когнитивное поле, освобождаются от выученного знакоцентризма, навязанного предметной метафорой.

На этом фоне оппозиция собственного (буквального, прямого, начального, этимологического и пр.) и коммуникативного (контекстного, несобственного, непрямого, переносного, производного и пр.) значений знака (слова) теряет смысл ввиду недвусмысленного *наличия только коммуникативного значения в знаке*. В отличие от вещи, где ее свойства прямо связаны с телом вещи, тело знака не имеет ничего своего, является лишь следом незнаковых («квалиальных») состояний обладателя сознания (фокусов внимания, эмоций, интенций, мыслимых связей, ценностей и пр.), которые фиксируются только в конкретном семиотическом акте и которые необходимо по возможности восстановить из различных параметров семиотического акта для понимания употребленного здесь и сейчас «знака» (на самом деле – для понимания семиотического актора, обладателя сознания, производящего ассоциирование данного знакового тела с каким-то незнаковым контентом). Коммуникативная референция, производимая в момент попытки воздействия (см. [Вдовиченко 2022]), обнаруживает квалиальные состояния только данного актора, а не знака, присутствует только в сознании данного актора, а не в языке, дает повод «интерпретировать знаковое тело», вовлеченное автором в данную попытку семиотического воздействия.

Нужно отметить, что вербальная форма с якобы присущими ей (первичными и вторичными) значениями (объект исследования, спровоцированный метафорой вещи) не имеет в естественной коммуникации реального существования. Или, скажем точнее, понятие «слово, имеющее (первичное и вторичное) значение» не является эффективным инструментом для схватывания реалий слово-содержащего процесса.

Аутентичный говорящий, в отличие от исследователя, по умолчанию признающего, что «носитель языка» как бы формирует вербальный поток формами (телами) слов с их первичными и/или вторичными свойствами, скорее, поступает иначе. Тело слова существует для него как фонетический и артикуляторный объект (клише, физический субстрат, моторная привычка), но вместе с данным «предметом» могут мыслиться возможные, с его точки зрения, семиотические воздействия, которые (в отличие от физического субстрата слов) действительно интересуют обладателя сознания всякий раз в актуальной коммуникации (сочетание клише и представимого воздействия можно назвать *коммуникативной синтагмой*, которая известна аутентичному говорящему вместо отдельного «слова языка»). Коммуникативные интенции (желания произвести изменения во внешнем состоянии сознания), не имея знаковой формы, являются психо-когнитивным основанием коммуникативных синтагм, а фонетико-артикуляторные комплексы (слова, словосочетания, междометия и пр.) составляют багаж клишированных форм поведения, привычек. Вовлекая их в свой анализ как намеренное акциональное («воздейственное») поведение, адресат (наблюдатель) может попытаться так или иначе установить психо-когнитивный незнаковый контент семиотического актора (на что тот и рассчитывает, производя свой семиотический акт).

При исследовании самих слов «носитель языка» может извлечь из своей памяти образы нескольких известных ему коммуникативных синтагм в ответ на вопрос «Что означает данное слово?», будучи поставленным в искусственную ситуацию, в которой автономное клише, а не коммуникативная интенция, становится стимулом для поиска значения «данного слова». Такая процедура является в конце концов основанием для создания списка значений в словарной статье (где, например, окажется, что слово *язык* означает и «мускульный орган», и «средство общения», и «полоску материи» и пр.). Но в актуальной коммуникации, при реализации актуальных семиотических воздействий (семантическим пределом которых являются незнаковые квалиальные состояния актора), *изначально существует незнаковая коммуникативная интенция* (целевая причина семиозиса), и только потом из памяти говорящего извлекается данная коммуникативная

синтагма – необходимый здесь и сейчас образ воздействия (клише плюс психо-когнитивный контент), отделенный от других, не образующий связей с другими образами воздействий на основе общности клишированных вербальных форм. Тот самый список «значений слова» (где соотносятся собственные и производные значения) не присутствует при актуальной коммуникации в сознании актора. Так, говоря об «итальянском языке» как средстве общения, аутентичный носитель не устанавливает никаких связей данного «языка» с «мускульным органом», «языком пламени», «народом» и пр. на основе общности фонетической формы *язык*. Сопряжение различных коммуникативных синтагм и намеренная подмена одних другими является основанием для так называемой игры слов, но такое действие говорящего имеет особую коммуникативную цель, реализуемую им намеренно, как и прочие интенциональные коммуникативные воздействия. В момент «языковой игры» «работает» сознание коммуниканта (его неожиданные для адресата фокусы внимания, парадоксальное совмещение несовместимого и пр.). «Игрой» становятся его действия, а не «действия слов языка». В противном случае естественное говорение представляло бы собой постоянную игру слов на любом участке, где автономно действовали бы («играли бы сами») «всегда многозначные» слова.

Вопреки упрощающим представлениям о слове как предмете, нужно признать, что говорящий владеет не языковыми словами (с их иерархией словарных значений), а *коммуникативными значениями* различных клише (вербальных комплексов различной протяженности). Значения слов в стандартном языковом (словарном) понимании ему не известны в реальной коммуникативной практике.

Хорошим примером непонимания языковых слов, и, наоборот, понимания коммуникативных синтагм (ситуаций воздействия, совмещенных с артикуляторными клише) служат фразеологизмы, в которых, с одной стороны, «не работают» собственные значения вербальных единиц (фразеологизмы выделяются в особую группу как раз по признаку нивелирования значений отдельных слов), но при этом говорящий знает, как употреблять данный комплекс, то есть понимает, какое коммуникативное воздействия производится данными «не-означающими себя» (непонятными) словами. Так, говоря *тихой сапой* или *до фонаря* (в значении «безразлично»), носитель языка в большинстве случаев не осознает, что такое «сапа» и при чем здесь «фонарь» (ср. *бить баклуши*, *конь не валялся* и пр.). Однако посредством употребления этих самих по себе непонятных (неуместных) слов он сознательно выражает нужную ему коммуникативную интенцию, мысля, таким образом, коммуникативное значение независимо от значения слов.

Столь же иллюстративным примером непонимания слов и, наоборот, понимания коммуникативных синтагм (ситуаций мыслимого воздействия с вовлечением данных фонетических комплексов) могут служить не-номинативные слова (ср. *что, столь, раз, ведь, только, нужно, так, наоборот*, и пр.), которые аутентичный носитель знает, как употреблять в доподлинно понимаемых коммуникативных позициях, но не может объяснить, какое собственное значение они имеют вне этих позиций (коммуникативных синтагм).

Подобно фразеологизмам и не-номинативным словам, все вербальные единицы – независимо от частотности, простоты и деривативной (этимологической) истории (ср. *стол* в примере Успенского) – имеют только коммуникативные значения (известны говорящему в коммуникативных синтагмах, возникают из доступной практики коммуникации, не мыслятся автономно от возможных воздействий) и не могут сами, подобно предметам, обладать какими-то свойствами (значениями) вне данных психо-когнитивных режимов семиотических акторов (которые присутствуют только в реальной коммуникации). Условное признание «значений слов», их соподчинения и развития (что бывает действительно необходимо в лингводидактических и мнемонических целях) искусственно привносятся в материал предметной (языковой) описательной схемой, но не отражают подлинное «положение дел», не присутствуют в естественном коммуникативном пространстве здесь и сейчас, как, впрочем, и грамматические, этимологические, словарные данные, которые навязываются клишированным формам, но отсутствуют в сознании аутентичных коммуникантов в актуальных семиотических актах.

Литература

Аристотель. Категории // Аристотель. Соч. в 4 т. / Ред. В. Ф. Асмус. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 51–90.

Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Соч. в 4 т. / Ред. В. Ф. Асмус. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 535–593.

Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. / пер. с древнегреч. (1990–1994 г.). Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 613–681.

Богданов К. А. Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // Новое литературное обозрение. 2010. № 2. С. 12–30.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000.

Вдовиченко А. В. Коммуникативная референция: к знаку и обратно // Язык. Человек. Культура: сборник научных трудов, посвященных юбилею М. Л. Ковшовой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2022. С 22–31.

Вдовиченко А. В. Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга–Нельсона. Ч. I–II // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 108–122; 2022. № 2. С. 117–134.

Вдовиченко А. В. Модульность (атомизм) классического знака как помеха. О принципиальном различии когнитивного и знакового процессов // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 96–105.

Габдуллин И. Р. Становление предпосылочного контекста знания в античном теоретическом дискурсе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3 (164). С. 58–61.

Комарова З. И., Шадрина Ю. Ю. Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 1. С. 32–39.

Савельева Е. Б. Дейксис и анафора: общее и специфическое // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012 № 3. С. 181–188.

Словарь русского языка в 4-х томах. М.: Русский язык, 1999. Т. 1–4.

Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.

A. V. Vdovichenko *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics RAS, Orthodox St Tikhon University for Humanities

CLICHÉ IN A WORD-CONTAINING SEMIOTIC ACTION AGAINST THE BACKGROUND OF THE OPPOSITION OF THE PROPER AND COMMUNICATIVE MEANINGS OF A WORD

The article argues that the juxtaposition of a word's proper (true, fundamental, literal, primary, original, direct, etc.) meaning and its communicative (derivative, contextual, secondary, connotative, figurative, improper, non-primary, etc.) meaning becomes possible only if the word is recognized as fundamentally capable of possessing meaning. Since all sign bodies are merely consequences (traces) of psycho-cognitive processes (non-sign quali states) of conscious beings, the proper or derived meaning of a word becomes a conventional concept, ineffective for explaining real word-based communication. A more realistic interpretation seems to be that words are clichés, conceived by the semiotic actor as part of communicative syntagmas and possessing only communicative content (meaning).

Key words: communicative model, word-containing semiotic act, word meaning, opposition of proper and communicative meanings of a word, verbal cliché, non-symbolic psycho-cognitive states, semiotic actor, polysemy.

В. А. Гуреев *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
gureyev@mail.ru

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОГО ЭГОЦЕНТРИЗМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Статья посвящена анализу языкового эгоцентризма – тенденции носителей языка интерпретировать действительность через призму собственного «я» и использовать себя в качестве точки отсчета при категоризации пространственных, событийных и социальных отношений. На материале современных исследований в области когнитивной лингвистики и когнитивной психологии рассматриваются механизмы проявления эгоцентризма на различных уровнях языковой системы: от пространственных дейктических ориентиров до ролевой структуры событий и грамматической категории лица. В статье показано, что языковой эгоцентризм представляет собой не универсальную константу человеческого познания, а скорее когнитивный стиль, формируемый под влиянием языковых, культурных и средовых факторов.

Ключевые слова: языковой эгоцентризм, когнитивная лингвистика, когнитивная психология, лингвистическая относительность, системы пространственных координат, межкультурные различия.

Изучение языкового эгоцентризма берет начало в классических работах по детской психологии. Ж. Пиаже открыл феномен эгоцентрической речи, описав его как речь, обращенную ребенком к самому себе в процессе «мышления вслух», когда он не учитывает ответы партнера. В рамках концепции Пиаже эгоцентрическая речь рассматривалась как промежуточный этап между аутистическим мышлением и социализированной речью, который постепенно отмирает по мере развития ребенка [Пиаже 1994]. Принципиально иную трактовку этого явления предложил Л. С. Выготский. Он показал, что эгоцентрическая речь не исчезает, а трансформируется, выполняя функцию планирования и превращаясь во внутреннюю речь. Более того, в ситуациях затруднения доля эгоцентрических высказываний возрастает, что свидетельствует об их регулирующей функции [Выготский 1999].

В лингвистике идея эгоцентризма нашла свое воплощение в теории дейксиса и в более широкой концепции языкового антропоцентризма. Ключевая идея заключается в том, что любой естественный язык антропоцентричен по своей природе, то есть создан человеком и служит целям его самореализации. Центральным концептом, формирующим эгоцентрическое пространство языка, является концепт *Я*. Именно «Я» говорящего выступает точкой отсчета для всех координат в языке – пространственных, временных и модальных.

Эгоцентрический принцип проявляет себя в языке непосредственно через систему классов слов, которая, вопреки традиционным грамматикам, оказывается эгоцентрически ориентированной. Так, личные, притяжательные и указательные местоимения, наречия места и времени (я/ты, здесь/там, сейчас/тогда) являются классическими языковыми эгоцентриками, чье значение определяется исключительно относительно позиции говорящего (см. в: [Гуреев 2021]).

Способность человека использовать собственное «я» в качестве естественной точки отсчета при восприятии и описании мира долгое время считалась универсальной характеристикой человеческого познания. Феномены, связанные с доминированием эгоцентрической перспективы – от использования местоимений первого лица до пространственной ориентации относительно собственного тела (слева/справа, спереди/сзади) – воспринимались как когнитивные универсалии, присущие любому носителю языка независимо от его культурной принадлежности. Однако накопленные за последние десятилетия эмпирические данные, особенно в области когнитивной лингвистики и психолингвистики, заставляют пересмотреть это представление.

Цель данной статьи – предложить интегративный обзор феномена языкового эгоцентризма с позиций современной когнитивной науки, синтезируя результаты исследований в области когнитивной лингвистики и когнитивной психологии. Особое внимание уделяется эмпирическим работам последних лет (2016–2024), демонстрирующим как проявления эгоцентризма в языке и мышлении, так и границы его действия.

Дискуссия о соотношении языка и мышления, восходящая к гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа, переживает в последние годы новый этап развития. Если ранние формулировки этой гипотезы нередко критиковались за методологическую нестрогость, то современные исследования в русле «неоуорфианства» предлагают более тонкое понимание этого взаимодействия: язык не детерминирует мышление жестко (против жесткой версии детерминизма, как известно, всегда выступали российские лингвисты Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Н. Н. Болдырев и многие другие), но *фасилитирует* определенные когнитивные стратегии, делая их более «прозрачными» и доступными для носителей. Ключевым является тезис о том, что язык оказывает влияние (релятивизм), но не диктует картину мира бесповоротно. В этом контексте феномен языкового эгоцентризма предстает не как неизбежная константа, а как когнитивный стиль, степень выраженности которого варьируется в зависимости от конкретного языка. Ключевое различие, фиксируемое в современных кросслингвистических исследованиях, касается предпочтения субъективной vs. объективной конфигурации при описании событий. Как отмечают Ку и Мива,

японский язык систематически поощряет субъективную, эгоцентрическую перспективу, тогда как английский – более объективную, дистанцированную. Это различие проявляется на фундаментальном уровне: в японском языке опущение местоимений, указывающих на говорящего, является не маргинальным, а прагматически естественным явлением, тогда как в английском аналогичная стратегия невозможна [Qu, Miwa 2024: 547–577]. С точки зрения когнитивной лингвистики это означает, что носители японского языка «встроены» в конструируемую ситуацию, тогда как носители английского склонны занимать внешнюю позицию наблюдателя.

Одной из наиболее исследованных областей проявления языкового эгоцентризма является пространственная когниция. Традиционно считалось, что использование эгоцентрических систем координат (с опорой на оси «лево–право–спереди–сзади», ориентированные относительно тела говорящего) является универсальной когнитивной способностью. Однако полевые исследования языков, в которых доминируют геоцентрические системы (с опорой на стороны света), демонстрируют иную картину. У представителей языка Гуугу Йимитирр из Австралии, к примеру, вопреки распространенной практике, эгоцентрические ориентиры отсутствуют даже при описании мельчайших пространственных связей; вместо этого ими используются конструкции вроде «ребенок расположен со стороны севера относительно дерева». Для реализации такой речевой модели носителям приходится непрерывно, на подсознательном уровне, отслеживать свое местоположение по сторонам света, что формирует некое подобие «внутреннего GPS» (см., например, в: [Дойчер 2016]). Тем не менее, свежие научные работы ставят под сомнение прямое влияние языка на формирование пространственных предпочтений. Эгоцентричное пространственное мышление может развиваться еще до освоения соответствующей языковой системы и, кроме того, может претерпевать изменения под воздействием городской материальной культуры, не будучи при этом связанным с изменениями в языке. Это заставляет переосмыслить прямолинейные «уорфианские» трактовки и признать комплексный характер факторов, влияющих на становление пространственного эгоцентризма.

Если предыдущие разделы статьи были посвящены межкультурным различиям в проявлении эгоцентризма, то возникает закономерный вопрос: существуют ли общие нейрокогнитивные механизмы, обусловливающие ведущую роль эгоцентрической информации? Исследование, проведенное Брильмайером и его коллегами, дает положительный ответ. Было установлено, что маркеры первого лица функционируют как когнитивный сигнал самозначимости («это касается меня»), который инстинктивно привлекает внимание и способствует успешному пониманию нарратива. Данное открытие

подкрепляет ключевое значение эгоцентрической перспективы в когнитивной обработке языка даже в культурах, где языковой эгоцентризм выражен в меньшей степени, чем, например, в Японии. Однако это же исследование показывает, что универсальность первого лица не исключает вариативности: интенсивность и специфика этого сигнала могут меняться под влиянием конкретных языковых и дискурсивных условий [Brilmayer et al. 2019: 411–427].

Необходимо отметить, что языковой эгоцентризм не доминирует безоговорочно в когнитивной обработке. Целый ряд исследований свидетельствует о том, что при определенных обстоятельствах эгоцентрическая стратегия может быть вытеснена аллоцентрической (учетом перспективы другого). Эксперимент Корпса и соавторов с применением айтрекинга не выявил признаков эгоцентрического предугадывания при осмыслении предложений с гендерно-нейтральным местоимением *they*: испытуемые не экстраполировали собственную гендерную идентичность на ситуации, когда контекст явно подразумевал перспективу другого лица (см. в: [Corps et al. 2023]).

Языковой эгоцентризм проявляется не только на уровне процессов, но и содержательно. В контексте языковой личности он выражается в особенностях классификации, ценностных суждений и речевого поведения. Эгоцентрические высказывания действуют как эффективный инструмент для определения когнитивных и эмоциональных черт говорящего, демонстрируя, что язык служит не только средством передачи сведений, но и отражением глубинных структур сознания. В таком ракурсе эгоцентризм предстает не как препятствие для общения, а как его неотъемлемая и необходимая составляющая. Экспериментальные данные подтверждают глубокую укорененность эгоцентризма в языковом сознании. Ассоциативные эксперименты с носителями русского языка показали, что активация категории «ЭГО» происходит через сложные идентификационные стратегии, причем содержание подобных эгоцентрических ассоциаций зависит как от языковых, так и от социальных факторов. Таким образом, языковой эгоцентризм не является неизменным свойством, а представляет собой изменчивый процесс, в котором переплетаются когнитивные универсалии и культурно-обусловленные особенности.

Проведенный анализ позволяет заключить, что языковой эгоцентризм является многоаспектным феноменом, где соединяются универсальные нейрокогнитивные закономерности (приоритетная обработка информации «от первого лица») и специфические для разных культур языковые стратегии. Современная когнитивная наука отходит от упрощенного выбора между «универсализмом и релятивизмом» в сторону более сложного понимания, где язык выступает не как строгий ограничитель мышления, а как «направляющий вектор», как

«навигатор», фокусирующий внимание и поддерживающий определенные когнитивные стили. Наиболее перспективными направлениями для дальнейших исследований являются: (1) изучение взаимодействия языковых и неязыковых факторов (материальная культура, урбанизация) в формировании эгоцентрических стратегий; (2) анализ влияния билингвизма и «эффекта иностранного языка» на эгоцентрическую перспективу; (3) нейрокогнитивные исследования развития языкового эгоцентризма у человека. Осмысление природы и границ языкового эгоцентризма имеет не только фундаментальное значение для когнитивных наук и психологии, но также и практические последствия для межкультурной коммуникации и преподавания иностранных языков.

Литература

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

Гуреев В. А. Основы теории языкового эгоцентризма: истоки, эволюция, современное состояние: Монография. М.: Русайнс, 2021.

Дойчер Г. Сквозь зеркало языка. Почему на других языках мир выглядит иначе. М.: Литагент АСТ, 2016.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

Brilmayer I., Werner A., Primus B., Bornkessel-Schlesewsky I., Schlesewsky M. The exceptional nature of the first person in natural story processing and the transfer of egocentricity // Language, Cognition and Neuroscience. Routledge. 2019. 34(4). P. 411–427.

Corps R. E., Yang F., Pickering M. J. Evidence against egocentric prediction during language comprehension // Royal Society Open Science: Royal Society. 2023. Vpl. 10(12). Article number: 231252.

Qu, J., Miwa K. Conceptualization of event roles in L1 and L2 by Japanese learners of English: a cross-linguistic comparison of perspectives of event construal // Cognitive Linguistics. 2024. Vol. 35 (4). P. 547–577.

V. A. Gureev *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE PHENOMENON OF LINGUISTIC EGOCENTRISM THROUGH THE PRISM OF COGNITIVE LINGUISTICS AND COGNITIVE PSYCHOLOGY

The article is devoted to the analysis of linguistic egocentrism, the tendency of native speakers to interpret reality through the prism of their own “I” and use themselves as a point of reference when categorizing spatial, event, and social relationships. Based on the material of modern research in the field of cognitive linguistics and cognitive psy-

chology, the mechanisms of egocentrism manifestation at various levels of the language system are considered: from spatial deictic landmarks to the role structure of events and the grammatical category of a person. The article demonstrates that linguistic egocentrism is not a universal constant of human cognition, but rather a cognitive style formed under the influence of linguistic, cultural and environmental factors.

Key words: linguistic egocentrism, cognitive linguistics, cognitive psychology, linguistic relativity, spatial coordinate systems, intercultural differences.

И. А. Гусейнова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
ginnap@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВОССОЗДАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ В ТРИВИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ СЕРИИ «СМЕРШ»)

Темпоральная матрица служит инструментом создания историко-культурного колорита в современной массовой беллетристике. Погружение сюжета и действующих персонажей в исторический контекст требует от читателя энциклопедического знания, знания о языке и пользовании языком. Нам представляется целесообразным разработать и описать лингвокогнитивные стратегии построения темпоральной матрицы, учитывающие языковую специфику эпохи. Данное исследование продолжает наши изыскания, направленные на изучение советизмов, характеризующих определенный исторический период советской цивилизации.

Ключевые слова: темпоральная матрица, историко-культурный колорит, лингвокогнитивные стратегии, советизм, беллетристика, реальность.

Настоящее исследование является продолжением ряда работ, посвященных языковым феноменам советской, а в последующем российской цивилизации [Гусейнова, Горожанов 2023; Гусейнова, Решетников 2024]. Нами детально проанализированы жанровые особенности российского ретродетектива, содержащего архивные материалы, описания исторических событий очевидцами, цитаты из газетных публикаций и объявлений. Наши свежие публикации затрагивают разные аспекты советской эпохи [Гусейнова, Решетников 2026].

В массовой литературе события и явления для привлечения внимания и поддержания интереса читателя к историческому прошлому и культур-

ному наследию конкретной эпохи представлены в беллетризированном виде. Это явление соответствует тенденции «массовизации человеческой культуры» [Жаринов 2023: 27]. Беллетризация предполагает разработку основной и второстепенных сюжетных линий, описание мотивов, которыми руководствуются персонажи, описание событий и действий, оказывающих влияние на поступки и действия главных действующих лиц. Такой широкий контекст позволяет «оживить» героев произведений массовой литературы, превратить их в участников художественной коммуникации и одновременно способствовать воссозданию диалога между автором, персонажами книги и читателями. В результате у массового читателя порождаются эмоции, стимулирующие когнитивные процессы, связанные с оценкой прочитанного материала, его эмоциональной и рациональной обработкой и формированием отношения к определенному событию или явлению исторического прошлого. Многие современные лингвисты-когнитологи отмечают, что само построение значений, в нашем случае интерпретаций, зависит от универсальных механизмов концептуальной интеграции [Прокофьева, Ирисханова, Киосе 2022: 23–24], но перераспределение внимания обеспечивается сложным механизмом фокусирования [там же: 72]. Для массовой беллетристики данное теоретико-практическое наблюдение имеет важное значение. Читатель акцентирует внимание на тех фрагментах произведения тривиальной литературы, которые отвечают его духовно-нравственным потребностям и ценностным ориентациям. Для того, чтобы «угодить» читательским интересам и побудить массового реципиента к когнитивной деятельности, связанной с процедурами оценки и интерпретации содержания, формированием отношения к событию или явлению с последующим выводом о необходимости приобретения произведений массовой беллетристики, на наш взгляд, представляется важным определить стратегии, способствующие погружению читателя в конкретную историческую эпоху путем применения *темпоральной матрицы*. Для иллюстрации стратегий построения *темпоральной матрицы* (термин Э. Халас) [Халас 2021] нами выбраны произведения российской детективной серии СМЕРШ. Анализ ряда российских авторов серии СМЕРШ, специализирующихся на анализируемом нами гибридном жанре, сочетающем в себе черты шпионских детективов и уголовных романов, а также военно-исторической хроники, демонстрирует некоторые любопытные тенденции. Во-первых, для построения темпоральной матрицы используются лингвокогнитивные стратегии, основанные на существенных признаках категоризации, которые в своей совокупности формируют «лингвокогнитивные ячейки» [Дзюба 2019: 169]. Последние служат

отображению фрагментов образа мира в сознании человека. Во-вторых, лингвокогнитивные стратегии варьируют, что обусловлено стремлением автора охватить разные целевые аудитории, характеризующиеся разными социолингвистическими параметрами. В-третьих, лингвокогнитивные стратегии реализуются в массовой беллетристике с помощью определенного набора языковых средств, в т. ч. через упоминание территорий и географических пространств, использование единиц специальной лексики, в нашем случае лексем, формирующих дискурс Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и первые послевоенные годы, через упоминание артефактов военного и околовоенного быта.

В ходе эмпирического анализа произведений, опубликованных в период с 2024–2026 гг. общим объемом порядка 130 авторских листов или более 5 млн. знаков, относящихся к серии СМЕРШ, нами установлены три наиболее востребованные **лингвокогнитивные стратегии погружения в разные виды реальности**.

Стратегия погружения в культурно-географическую реальность через описание ландшафтов, событий, территорий и географических пространств *Остановить напор военной машины* ***Германии*** *было невозможно. Пали* ***Джанкой***, ***Симферополь***, ***Бахчисарай*** [Тамонников 2026: 7] // *Два трехтонных грузовика вышли из ворот* ***Массандровского винодельческого завода***, *свернули в* узкий переулок, *стали* спускаться к морю. *Они вывозили последние партии дорогих коллекционных вин. Все самое ценное было уже отправлено в* ***Тбилиси*** *и в* ***Куйбышев*** [Тамонников 2026: 8]. В качестве комментария отметим, что темпоральная матрица формируется через упоминание вышедших из современного употребления наименований городов или местности, например, *Тбилиси (Тифлис)*, *Куйбышев (Самара)*; через косвенное указание на Великую отечественную войну с прямым указанием на государство, ср. *напор военной машины* ***Германии***; через описание конкретного маршрута с упоминанием производственного объекта, ср. *вышли из ворот* ***Массандровского винодельческого завода***, *свернули в* узкий переулок, *стали* спускаться к морю.

Стратегия погружения в военно-историческую реальность путем употребления единиц специальной лексики: *Рокотала отдаленная канонада* [Тамонников 2026: 5] // *Обескровленные советские войска шли через Ялту на Севастополь, где спешно создавался новый* ***укрепрайон*** [Тамонников 2026: 7] // *После ухи* ***капитан контрразведки СМЕРШ*** *начал пристально рассматривать* ***карту*** [Тамонников 2026: 80] // *Он просил пощады, пока в лоб ему не уперся ствол* ***ППШ*** [Тамонников 2026: 106]. Такие лексические единицы и устойчивые словосочетания, введенные в произведения данной

серии, как *канонада, укрепрайон, капитан контрразведки СМЕРШ, ППШ*, следует рассматривать в качестве единиц специальной лексики, маркирующих военно-исторический дискурс и одновременно выступающих в качестве связующего звена с современным военным дискурсом.

Стратегия погружения в культурно-историческую реальность путем упоминания артефактов военного и околовоенного и послевоенного быта: *По переулку, пересекающему Корабельную, с ревом пронеслась* ***разболтанная полуторка*** [Тамонников 2026: 5] // *Двое мужчин несли набитые чемоданы, тяжелые* ***вещевые мешки***. *Женщина* ***в платочке*** *вела за руки двух маленьких детей. Они спотыкались и хныкали* [Тамонников 2026: 6]. В качестве ключа к пониманию темпоральной рамки данного отрывка текста выступают словосочетания *разболтанная полуторка, вещевые мешки*, уточнение *женщина в платочке*. Описание военного быта через одновременное упоминание небрежности, допущенной в профессиональной сфере, ср. *разболтанная полуторка*, когда важен не внешний вид и даже безопасность, ср. *разболтанная полуторка, вещевые мешки, женщина в платочке*, и приоритет срочного выполнения поставленной задачи – покинуть опасную зону, эвакуировать имущество, эвакуироваться людям – воссоздают повседневную (бытовую) культурно-историческую ситуацию.

Отдельно выделим **комбинированную лингвокогнитивную стратегию** погружения в иную реальность, требующую комплексного знания о мире и языке: *Во дворце насчитывалось больше сотни комнат, и у каждой из них имелось свое лицо, собственная стать. В одной стояли удобные мягкие кресла с изогнутыми спинками из* ***мастерской Генриха Даниэля Гамбса****, секретеры голландской работы. В другой – мебель из дуба в стиле* ***чиппендейл*** [Тамонников 2026: 26] // *Здесь проходила выставка передвижников, привезенная из* ***Русского музея*** *полгода назад.* ***Весь Крым*** *любовался полотнами* ***Саврасова***, ***Поленова***, ***Шишкина***, ***Крамского***, ***Сурикова***. *Когда началась война, Русский музей не затребовал свои картины обратно в* ***Ленинград****, не до этого было* [Тамонников 2026: 26–27]. В приведенном отрывке текста мы наблюдаем одновременное применение трех вышеописанных лингвокогнитивных стратегий.

Таким образом, выделенные нами лингвокогнитивные стратегии, реализующие темпоральную матрицу, характерную для серии СМЕРШ, служат **выстраиванию диалога** с массовым читателем с учетом его социокультурных особенностей и **способствуют формированию его ценностного отношения** к событиям и явлениям культурно-исторического прошлого.

Литература

Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22, № 3. С. 67–76.

Гусейнова И. А., Решетников К. Ю. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 13(894). С. 37–45.

Гусейнова И. А., Решетников К. Ю. Культурная специфика советской эпохи: языковой аспект // Теория и история искусства. 2026. № 1. С. 130–148.

Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная природа русской народной загадки // Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т. В. Романова. Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. С. 168–172.

Жаринов Е. В. Историко-литературные корни массовой беллетристики. 6-е изд., стер. М.: Флинта, 2023.

Прокофьева О. Н., Ирисханова О. К., Киосе М. И. Речь и жесты в описательном дискурсе // Полимодальные измерения дискурса. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 63–109.

Тамонников А. А. Смерть под уровнем моря. М.: Эксмо, 2026.

Халас Э. Символы и общество: Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный центр, 2021.

I. A. Guseynova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

LINGUOCOGNITIVE STRATEGIES IN THE CONSTRUAL OF TEMPORAL MATRIX IN BELLES-LETTERS TEXTS (FEATURING RUSSIAN DETECTIVE SERIES “SMERSH”)

The temporal matrix serves as a tool for creating historical and cultural flavor in contemporary texts of belles-lettres. Immersion of the plot and characters into a historical context requires encyclopedic knowledge, knowledge of language and its use. We find it advisable to develop and describe linguocognitive strategies for constructing a temporal matrix that takes into account the linguistic specificity of the era. This research continues our investigations aimed at studying Sovietisms that characterize a particular historical period of Soviet civilization.

Key words: temporal matrix, historical and cultural flavor, linguistic and cognitive strategies, Sovietism, belles-lettres.

Ю. А. Евграфова *(Москва, Россия)*
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
yu.evgrafova@mail.ru

ДОМИНАНТЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В АСМР-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОЛЕВЫХ АСМР-ВИДЕО)[1]

В настоящем исследовании ролевой АСМР-дискурс рассматривается как речемыслительный дискурс, конструируемый корпусом АСМР-сеансов, разворачивающихся в контексте статусно-ролевых отношений (медицинских, административных, педагогических, деловых и т. д.). Выявляются вербальные доминанты смыслопорождения с целью понять, как в ролевом АСМР-дискурсе конструируется погружение, эмоциональное вовлечение и терапевтический эффект. Автор выделяет 5 доминат, взаимодействие которых приводит к трансформации звуковой и зрительной материи в психофизиологический опыт (пилоэрекцию и расслабление). Воздействие на адресата происходит постепенно за счет усиления уровня воздействия, начиная с запуска фрейма и входа в сценарий (когнитивный), затем переходя к активации «телесного» (гаптический) и заканчивая выходом из сценария через решение проблемы (аффективный). Все это осуществляется вербальными доминантами.

Ключевые слова: АСМР-дискурс, АСМР, триггер, доминанты, речемыслительный дискурс, вербальное.

Возрастающая популярность АСМР-видео (автономная сенсорная меридиональная реакция – пилоэрекция, вызванная в ответ на аудиовизуальные триггеры) обуславливает **актуальность** настоящего исследования. Ролевые АСМР-видео формируют особый тип асинхронного дискурса, в котором смысл рождается при помощи как полимодальных триггеров, так и через запуск фреймов и сценариев повседневных практик (визит к врачу, в спа-салон, разговор с подругой, осмотр у школьной медсестры и пр.).

Лингвистические механизмы смыслопорождения в АСМР-дискурсе остаются малоизученной областью. Настоящее исследование ставит своей **целью** рассмотреть АСМР как речемыслительный дискурс и выявить особенности порождения смысла в нем через выявление и описание его вербальных доминант. **Объектом исследования** выступает АСМР-дискурс, **предметом** – дискурсивные доминанты смыслопорождения.

Смыслопорождение (в значении трансляции внутреннего сущностного содержания) в АСМР-дискурсе мы определяем как конструирование

[1] Настоящая работа продолжает исследование [Евграфова 2026].

парасоциальных отношений и инициация телесно-аффективного отклика адресата. Настоящее исследование фокусируется на вербальных триггерах (аудиовизуальные опускаются – о них подробнее см. [Евграфова 2025]) и опирается на концепции когнитивной прагматики, лингвопрагматики, семиотики, культурно-исторической психологии, психологической антропологии [Ирисханова 2025; Выготский 1984; Лотман 2002; Лурье 2020]. В нем реализуется когнитивный подход к анализу дискурса, а также дискурсивно-семиотический подход, интегрирующий **методы**: коммуникативно-прагматический, контекстуального анализа и элементы интент-анализа.

Алгоритм исследования составляли следующие шаги: 1) методом сплошной выборки был собран эмпирический материал (АСМР-видео), проведена его транскрибация в онлайн-сервисе https://speech2text.ru/; 2) был проанализирован и описан ситуативный контекст отобранных АСМР-видео (ситуация общения, роли участников, их статус, отношения, включенность в деятельность, временные и тематические рамки), выделены реализуемые фреймы и сценарии; 3) далее определялись языковые проекции задействованных ментальных структур; 4) фиксировалось тематическое ядро каждого видео, использовался онлайн-сервис https://voyant-tools.org/ для составления списков слов с высокой частотностью для каждого видео для определения его смысловых точек (вербальных доминант); 5) далее при помощи https://miratext.ru/seo_analiz_text был проведен анализ отобранных доминант, они были помещены в единую группу; 6) далее использовался нисходящий алгоритм – методом контекстуального анализа единая группа разделялась на меньшие; 7) далее производилась интерпретация и синтез полученных результатов для целостного осмысления анализируемого материала и классификации выделенных доминант по типу выполняемых функций в дискурсе ролевых АСМР-видео.

В качестве **материала исследования** послужили русскоязычные АСМР-видео, размещенные на платформе RuTube[1]. Всего было отобрано 10 видеотекстов в среднем по 14 минут каждый с канала АСМРтиста FebruaryASMR. Корпус текстов был разделен на подгруппы по типу ролей:

[1] 1) Видео медицинской тематики:

АСМР дерматологический осмотр кожи головы | ASMR dermatological scalp exam | шёпот, фонарик, лупа [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/12a639f268f71f3518fc8e7835539148/?r=a

АСМР ОКУЛИСТ ПРОВЕРИТ ТВОЁ ЗРЕНИЕ | ASMR OPHTHALMOLOGIST [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/4e792ae344ea20718a6a24a13a025a6a/?r=a/

1) медицинские (осмотр врача); 2) сфера услуг (парикмахер, визажист); 3) бытовые (подруга).

В настоящем исследовании мы исходим из того, что совокупность ментальных структур человека «непосредственно основана на восприятии, на движении нашего тела и на физико-социальном опыте человека» [Демьянков Кубрякова 1996: 57]. Эти компоненты помогают совершаться постоянному процессу познания. Он включает в себя обнаружение и восприятие сенсорного стимула, собственно дискурсивную активность по выработке вербальных и / или гаптических (телесных) суждений субъекта познания о воспринятом стимуле, соотнесение когнитивных структур репрезентации преобразованного стимула с уже имеющимися у человека, выработка ответной реакции на основе имеющихся когнитивных структур [Лобанов 2004]. Если говорить о вербальных стимулах, то они, задействуя в сознании адресата ту или иную когнитивную структуру, запускают «некий творческий процесс, при котором человек сам выбирает пути и способы конструирования ситуации или объекта» [Леденева 2009: 109]. Мы

АСМР Осмотр волос | Дерматологический осмотр кожи головы ASMR Role play Scalp exam | Whisper [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/ba8044b514aae75c2fc6a3000d85bd10/?r=a

АСМР ОСМОТР И ЧИСТКА УШЕЙ ASMR Проверю и почищу твои ушки | АСМР мурашечный осмотр ушей [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/0d8c5c4278b4e4db299a364b3328c672/?r=a/

АСМР ПОЛНЫЙ ОСМОТР ДЕРМАТОЛОГА | ASMR дерматологический осмотр твоей кожи и родинки АСМР ВРАЧ [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/f2b519c055effe7251bb71eb582374a8/?r=wd (дата обращения: 08.05.2026)

АСМР ВЫЛЕЧУ КРАСНЫЕ ПЯТНА НА ТВОЕЙ ГОЛОВЕ | ASMR ОСМОТР КОЖИ ГОЛОВЫ И ВОЛОС, ЛЕЧЕНИЕ [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/ad4a5748c27d190c68ebbbead5205cbf/

2) Видео тематики сферы услуг

АСМР Сделаю тебе реснички? ASMR Мастер быстро наклеит тебе новые ресницы | АСМР видео для сна [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/688efc7b5e4065f596630ed0d0178f55/?r=a/

АСМР МАССАЖ ГОЛОВЫ | ASMR расчешу твои волосы и сделаю массаж головы | 100% мурашки и сон [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/72f199bb20a49ffb6ec800a7a916c24e/

АСМР НЕЖНЫЙ УХОД ЗА ТВОИМ ЛИЧИКОМ ASMR Нежная забота о тебе перед сном АСМР видео для сна [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/5e801ba337ef6fd7ed0ed5b750079ed4/

3) Видео бытовой тематики

АСМР МАКИЯЖ | ASMR Накрашу тебя Ролевая игра | Макияж подруге АСМР ВИДЕО ДЛЯ МУРАШЕК [Электронный ресурс] // RuTube. URL: https://rutube.ru/video/4a10b72a6c59825dc829bf969c0f8c79/

полагаем, что автор АСМР-видео, «реализуя свой замысел о порождении полимодального текста в процессе своей дискурсивной деятельности, подбирает в качестве доминанты дискурса базовый фрейм, который на начальном этапе своего формирования уже соотнесен в его сознании с соответствующей лексемой. Его дальнейшие действия в рамках выбранного фрейма запускают стереотипную последовательность действий – сценарий. Это помогает спрогнозировать поведение воображаемого адресата так, чтобы при асинхронной коммуникации выбранные фрейм и сценарий были узнаваемы» [Евграфова 2026: 149].

В отобранных для анализа видео, выполненных в жанре ролевой игры, обнаруживается два участника – ведущий и его воображаемый собеседник. Стереотипные действия ведущего и его квази-диалог с «собеседником» направляют коммуникацию. Оба «играют» роли, отведенные выбранным фреймом и сценарием: врач – пациент; персонал – клиент; подруга – подруга и т. п. Сценарий состоит из следующих фаз: 1) «вход» в сценарий; 2) развертывание сценария, введение «специальных» терминов, соответствующих теме видео; 3) «выход» из сценария. Движение по сценарию выстраивает динамическое смыслопорождение, которое последовательно разворачивается вместе с «коммуникацией» – заранее продуманным и спланированным диалогом, где каждый этап характеризуется доминированием определенной лексики и тематического центра, и реализацией специфических интенциональных задач. Среди доминант выделяются стратегическая, структурная, тактическая, семантическая и ритмическая (см. рис. 1).

Рис. 1. Дискурсивные доминанты ролевых АСМР-видео.

Как это уже было отмечено выше, в АСМР-дискурсе конструирование парасоциальных отношений и инициация телесно-аффективного отклика у адресата проходит три последовательных этапа. На этапе входа в сценарий задействуется структурная доминанта (напр., *Здравствуйте. Вы пришли на осмотр ушек*). Она активирует ролевую модель, чтобы адресат распознал воспроизводимый сценарий и принял предлагаемую роль. Далее, на этапе развертывания сценария в действие вступает семантическая доминанта, которая выстраивает тактильную эмпатию, смещая акцент на «телесное» (напр., *Я сама поверну; глазки; глажу*). Осуществляется фиксация проблемы (напр., *чешется, сухая*), создается «напряжение», запрос на «помощь». Далее контроль над ситуацией берет ведущий, что маркируется тактической доминантой (напр. *проверю / посмотрю, нанесу, можно будет*). Так он направляет восприятие адресата и берет на себя ответственность за действие. Далее следует «решение проблемы», о чем сигнализирует стратегическая доминанта и позитивная оценка результата (напр., *хорошо, замечательно, отлично, поможет*). Завершающей фазой является фаза выхода из сценария, которая маркируется структурной доминантой (напр., *придете через пару месяцев; до свидания; отпускаю*), а также стратегической (напр., *это Вам выписывать не буду*). На пересечении стратегической, тактической, структурной и семантической доминант происходит смыслопорождение – трансформация звуковой и зрительной материи в психофизиологический опыт. Связь доминант и поддержка рождаемого телесно-аффективного отклика, ощущений безопасности и расслабления осуществляется за счет ритмической доминанты (напр., *так; хорошо; замечательно*), которая присутствует на протяжении всего развертывания текста. Именно она помогает создать комфортную обстановку.

В заключение подчеркнем, что рождение смысла (напомним, что в контексте АСМР – это конструирование парасоциальных отношений и инициация телесно-аффективного отклика у адресата текста) выстраивается постепенно через погружение и постепенное нарастание степени воздействия. Сначала инициируется выбранный фрейм и сценарий, затем «включаются» гаптические переживания, когда вербально выраженное содержание и его аудиовизуальное сопровождение переводятся в конкретные физические ощущения. Кульминация достигается в момент разрешения «проблемы», что констатируется ведущим в завершающей фазе выхода из сценария.

Литература

Демьянков В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 56–57.

Евграфова Ю. А. Лингвопрагматические особенности АСМР-дискурса: эгоцентрические языковые единицы // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 3. С. 41–51.

Евграфова Ю. А. Семантическая структура ролевого АСМР-дискурса: кластерный анализ ключевых слов (на материале русскоязычных видео) // Речемыслительные образы: тайны взаимодействия мысли и слова: сб. научн. тр. по итогам Международн. симпозиума, 80-лет заслуженного деятеля науки РФ, док. филол. наук, проф. Н. Ф. Алефиренко (г. Белгород, 14–16 мая 2026 года) / под общ. ред. д. ф. н., проф. Е. Г. Озеровой, к. ф. н. М. М. Голиковой. Белгород: ООО «Эпицентр», 2026. С. 148–156.

Ирисханова О. К. Когнитивная прагматика как прагматика полимодальная: анализ интерсубъективного позиционирования в устном диалоге // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 3. С. 54–72.

Леденева Н. В. О когнитивных подходах к анализу дискурса // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2009. № 3. С. 107–110.

Лобанов А. П. Когнитивная наука и когнитивная модель познания психологической реальности // Когнитивные штудии. Минск, 2002. Вып. 1: Когнитивная психология. С. 5–9.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002.

Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 5–90.

Лурье С. В. Психологическая антропология. История, современное состояние, перспективы. М.: Академический Проект, 2020.

Yu. A. Evgrafova *(Moscow, Russia)*
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

DOMINANTS OF MEANING GENERATION IN ASMR DISCOURSE (CASE STUDY OF ROLE-PLAYING ASMR VIDEOS)

In the present study, role-playing ASMR discourse is examined as a verbal and cogitative discourse constructed by a corpus of ASMR sessions unfolding within the context of status-role relationships (medical, administrative, pedagogical, business, etc.). Verbal dominants of meaning generation are identified in order to understand how immersion, emotional engagement, and the therapeutic effect are constructed in role-playing ASMR discourse. The author identifies five dominants, the interaction of which leads to the transformation of sound and visual matter into a psychophysiological experience (piloerection and relaxation). The impact on the addressee occurs gradually by intensifying the level of influence, starting with the activation of the frame and entry into the scenario (cognitive), then moving to the activation of the "bodily" (haptic) and ending with the

exit from the scenario through problem resolution (affective). All of this is accomplished through verbal dominants.

Key words: ASMR discourse, ASMR, trigger, dominants, verbal and cogitative discourse, verbal.

К. В. Землякова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
zemlyakova.kv@sut.ru

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИСКУРСИВНОГО СОБЫТИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ» В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье предлагается когнитивно-семантическое описание социально-коммуникативной ситуации психологического запроса пользователей в сети Интернет. Описание структуры психологического Интернет-дискурса дается как ряд последовательных действий, формирующих единое дискурсивное событие «психологическая помощь». Для Субъекта 1 (читателя) определяется цепь действий: формулирование запроса – обращение за помощью – получение ответа. Для Субъекта 2 (психолога) последовательность действий включает: получение запроса – опрос – интерпретация собранной информации – соотнесение с профессиональным знанием – отработка запроса.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, профессиональное мышление, макроструктура дискурса, вершинный фрейм, субфрейм, неинституциализированная коммуникация.

Когнитивно-дискурсивная парадигма анализа языка предполагает выявление механизмов объективации разных структур знания в языковых формах [Кубрякова 2009: 5]. Н. Н. Болдырев также указывает на одну из важных задач при рассмотрении языка как определенной деятельности – это решение вопроса о взаимодействии структур знания и языковых структур [Болдырев 2009: 25]. В центре рассмотрения данной статьи находится дискурсивное событие запроса и оказания психологической помощи, осуществляемое в новых нетипичных средах неинституционального характера – медийном дискурсе и Интернет-дискурсе.

Дискурс есть коммуникативное событие между говорящим и слушающим, следствием которого становится итоговый или незаконченный вербальный продукт коммуникативного действия [Dijk 1998: 55]. Дискурсивная

деятельность осуществляется через язык и обязательно имеет когнитивные основания [Кубрякова 2009: 6], соответственно, для рассмотрения дискурсивных единиц применимы лингвокогнитивные методы и инструменты. В качестве описания структуры дискурса используются фреймы, для раскрытия содержательной стороны и описания хода производства и протекания дискурса – дискурсивное событие [Стеблецова 2011; Руссу 2025]. Под **дискурсивным событием** понимается отдельный «законченный фрагмент коммуникации, объединенный общей целью, участниками и темой текста» [Стеблецова 2011: 127]. Единицей анализа считается высказывание или текстовый фрагмент, содержащий информацию, достаточную для понимания события взаимодействия субъектов по поводу психологического проблемного вопроса и его отработки.

Дискурсивное событие в медиадискурсе аккумулирует когнитивные операции, сопровождающие оречевление, таким образом, дискурс рассматривается не только как итоговый результат порождения речи вокруг ситуации, но и механизмы, задействованные для его порождения. Представление когнитивной схемы позволяет установить сопутствующие смежные ходы по его производству, а не рассматривать только итоговую вербализацию в виде текстов.

Сфера психологической помощи – это вид социальной практики, опирающейся на речемыслительную деятельность ее участников, осуществляемую в заданных рамках коммуникативного поведения с целью решения запроса клиента. Речевые средства выступают обязательным инструментом профессиональной деятельности специалиста-психолога и средством выполнения различных функций: «диагностики, терапевтического воздействия, популяризации психологических знаний, обмена профессионально значимой информацией, оказания помощи» [Тарнаева, Хижнякова 2025: 3511]. Главной задачей в психологическом терапевтическом дискурсе является «оказание квалифицированной психологической помощи психически здоровому клиенту в преодолении жизненных трудностей в форме психологической консультации» [Гринева, Васильев 2018: 24].

Действия специалиста направлены на работу с клиентским запросом с задействованием профессионального мышления. Концептуальная структура психологического знания в динамике реализуется в ходе процесса диагностики, консультирования. Точечно эти действия связаны с интерпретацией полученной информации и выведением проблемы. Результатом опроса клиента становится психологическая картина, представляющая собой совокупность профессиональных концептов [Землякова 2025]. Основываясь на модели многоуровневой фреймовой структуры

специализированного дискурса, предложенной В. Ф. Новодрановой на примере клинического дискурса, предлагаем структурирование нашего объекта исследования в виде разветвленной схемы от вершинного фрейма «Психологический дискурс» к пяти субфреймам: академический дискурс, научный дискурс, дискурс популярной психологии, диагностический дискурс, терапевтический дискурс. Все вместе они репрезентируют концептуальную и языковую картину мышления профессионального сообщества [Новодранова 2015: 247].

Дискурс психологической помощи включен в психологический дискурс, который, в свою очередь, распространяется, помимо профессиональной среды, в научную, научно-популярную, академическую, медийную сферы. Концепция рассмотрения психологического дискурса в сети Интернет как **гибридного типа** основана на изменившемся типе коммуникативного взаимодействия людей вокруг проблем психологического характера, по сравнению со стандартизированной ситуацией оказания помощи. Под влиянием медиатизации институциональные системы науки, образования и медицинской помощи развивают определенный способ организации и представления материала с одновременным изменением практики коммуникации [Старовойтова 2024: 79]. Отличительной особенностью Интернет-медиадискурса психологического характера является виртуальный модус его бытования.

Психологический Интернет-медиадискурс определяется нами как медийный дискурс психолога, реализующий просветительскую, обучающую и экспертную функции, задействующего профессиональное мышление специалиста в ходе оказания психологического консультирования читателя или клиента в сети Интернет в форме письменной и устной коммуникации вокруг клиентского или читательского запроса посредством диалога с ним. Большинство комментариев к публикации в блогах формулируются вокруг обращения к их авторам за поддержкой, интерпретацией или советом.

В Интернет-дискурсе утрачивается персонализированный и направленный характер квалифицированной помощи, что ведет к семантическому сдвигу фрейма ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ. Под семантическим сдвигом подразумеваем переформатирование ментальной структуры конвенционального фрейма ПОМОЩЬ в условиях специализированного учреждения (клиники, кабинета психолога) и его перестройка в фрейм САМОПОМОЩЬ в Интернет-медиасреде путем включения таких слотов, как «Психологический блог», «Комментарии», «Онлайн-курс», «Покупка», «Инсайт».

Структура дискурсивного события в психологическом Интернет-дискурсе состоит из следующих блоков:

СУБЪЕКТ 1 – читатель, подписчик, потенциальный клиент,

СУБЪЕКТ 2 – специалист-психолог, автор блога / канала,

ОБЪЕКТ – вопрос, в своем ядре содержащий проблему, связанную с психологическим неблагополучием и требующий вовлечения профессионального знания,

ЦЕЛЬ – найти ответ на вопрос, получить совет, получить решение проблемы,

ДИСКУРСИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ – выполняемые Субъектами шаги, приводящие к цели,

МОДЕЛЬ – пространственная, медицинская,

СХЕМА – «ПУТЬ», «ИЗЛЕЧЕНИЕ РАНЫ / БОЛЕЗНИ», «ОПЕКА».

Когнитивные модели психологической помощи осмысляются в сознании в виде следующих возможных инвариантных когнитивных схем [Монгилева 2025: 9], организующих представление помощи. В пространственной модели активизируется схема «Помощь как ПУТЬ». Данная схема актуализирует представление о взаимодействии читателя и психолога как совместные шаги, движение по выходу из тупика. Медицинская схема «Помощь как ИЗЛЕЧЕНИЕ РАНЫ» объективирует перенос внутренних переживаний в наблюдаемую область раны, болезни и связывает результат консультации с излечением. Схема «Помощь как ОПЕКА» задает вектор рассмотрения консультации как передачи инструмента поддержки клиенту и обучение пользования им.

Дискурсивное событие «Психологическая помощь» протекает по следующему скрипту:

Действие 1: Субъект 1 оставляет комментарий под текстом публикации Субъекта 2, формулируя запрос, содержащий психологическую проблему, устремленный на улучшение своей ситуации. В комментарии должен присутствовать элемент самоописания через дефицит нормы благополучия: «я застрял», «мне не на кого опереться», «не вижу выхода».

Действие 2: Субъект 2 формирует ответ на поступивший запрос, интерпретируя и структурируя информацию в рамках психологической науки.

Цикл действий Субъекта 1 может быть представлен следующими шагами: 1) формулирование запроса; 2) обращение за помощью; 3) получение ответа.

Цикл Субъекта 2 включает в себя: 1) получение запроса; 2) опрос симптомов и жалоб; 3) интерпретация собранной информации; 4) соотнесение с профессиональным знанием; 5) предоставление ответа, т.е. завершение всего цикла, результатом которого становится отработка запроса.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. 2009. С. 25–78.

Гринева М. С., Васильев Л. Г. Терапевтический дискурс: определение и конститутивные признаки // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4(15). С. 22–33.

Землякова К. В. Макроструктура экспертного медиадискурса психологической тематики // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2–2(63). С. 124–128.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1(18). С. 5–12.

Монгилева Н. В. Диспозитивность дискурса: модели интерреляции во французской, русской, казахской лингвокультурах: дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2025.

Новодранова В. Ф. Моделирование клинического дискурса // Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. С. 244–249.

Руссу К. Р. Фреймовый анализ дискурсивного события «ответ на розыскное задание» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 108–113.

Старовойтова И. Е. Популяризация научного знания в медиасреде: позитивные и негативные аспекты // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13, № 6. С. 77–83.

Стеблецова А. О. Дискурс трудоустройства: коммуникативные универсалии и национальная специфика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 127–130.

Тарнаева Л. П., Хижнякова М. Э. Прагмалингвистические характеристики англоязычного психологического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 8. С. 3510–3516.

Dijk T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998.

K. V. Zemlyakova *(St. Petersburg, Russia)*
The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications

COGNITIVE-SEMANTIC STRUCTURE OF THE DISCURSIVE EVENT “PSYCHOLOGICAL HELP” IN THE INTERNET DISCOURSE

The article offers a cognitive-semantic description of the socio-communicative context of online users’ psychological queries. The structure of online psychological discourse is described as a series of sequential actions that form a single discursive event – “psychological help”. For Subject 1 (the reader), the following chain of actions is defined: formulating a query – asking for help – receiving a response. For Subject 2 (the psychologist), the

sequence of actions includes: receiving a query – interviewing – interpreting the collected information – correlating it with professional knowledge – processing the query.

Key words: professional discourse, professional thinking, macrostructure of discourse, top frame, subframe, non-institutionalized communication.

М. А. Ионова *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
ionova@tsutmb.ru

РАЗВЕРНУТАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОЦИЙ

В статье рассматривается вторичная интерпретация эмоций через языковое явление развернутой метафоры и интеграцию когнитивных механизмов на материале трех языков.

Ключевые слова: метафора, эмоция, языковая интерпретация, когнитивные механизмы.

Рассуждая о сущности языка, Е. С. Кубрякова выделила его ориентирующую или миросозидающую функцию – высшую интегральную функцию языка, которая объединяет процессы познания (когниции) и общения (коммуникации) для адаптации человека в окружающем мире. В частности, она писала, что язык создает для человека субъективную, но общую для конкретного социума модель мира. Человек ориентируется не в самой физической реальности напрямую, а в той языковой картине мире, которую он построил [Кубрякова 2009].

Теория языковой интерпретации, разработанная Н. Н. Болдыревым, и выделенная им же интерпретирующая функция языка, находятся в тесной взаимосвязи с ориентирующей функцией языка. Можно говорить о том, что миросозидательная функция активно работает на этапе **первичной интерпретации**, т. е. на этапе вовлечении субъекта в процессы упорядочивания реальности и когнитивного структурирования практического опыта в виде естественных категорий [Болдырев 2015: 9]. **Вторичная интерпретация** по своей природе глубоко индивидуальна, поскольку она отражает процесс преломления общепринятых знаний и коллективных когнитивных структур через призму персональной концептуальной системы субъекта, т. е. характеризуется субъективностью. Ее реализация осуществляется преимущественно в рамках модусных категорий и проявляется через функциональную

вариативность разноуровневых единиц языка, охватывающих множество концептов и категорий [там же: 10].

Н. Н. Болдырев выделяет несколько когнитивных механизмов, обеспечивающих реализацию вторичной языковой интерпретации и структурирование информации, поступающей извне (см. подробно: [Болдырев 2016]). Особый исследовательский интерес представляют собой метафорические модели, в частности, индивидуально-авторские метафоры, механизмы формирования которых остаются еще недостаточно изученными. Природа подобных метафор детерминирована комплексом факторов, включая специфику личности автора, его социокультурные характеристики и контекст, в котором данная метафора употребляется. Процесс метафоризации в этом случае базируется на установлении многоуровневых межконцептуальных связей и выборе определенных языковых средств. Данный процесс отражает субъективный принцип формирования смыслов, воплощая уникальную авторскую интерпретацию действительности, основанную на индивидуальном мировосприятии [там же].

Эмоциональные состояния и переживания чаще других становятся целью метафоризации. Являясь по сути своей сложными абстрактными явлениями, эмоции становятся более доступны для понимания, если человек переносит свойства физического, осязаемого мира на комплексные психические состояния, помогая осмыслить их и точнее передать внутренние переживания. В клинической психологической практике часто используются так называемые метафорические карты, которые способствуют анализу эмоциональных трудностей индивида, обходя защитные механизмы сознания. Мозг мгновенно интерпретирует изображение и связывает его со знакомыми ситуациями, чувствами или людьми [Аксютина 2023].

Наиболее ярко эмоции интерпретируются через механизм развернутой метафоры, которая, по мнению И. Р. Гальперина, «реализует несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым словом» [Гальперин 1958: 126]. Стоит отметить, что развернутая метафора представляет собой комплексное языковое явление, функционирование которого может обеспечиваться интеграцией нескольких когнитивных механизмов, среди которых стоит выделить метафтонимию, профилирование, концептуальную оппозицию и инференцию.

Для иллюстрации развернутой метафорической интерпретации эмоций обратимся к анализу примеров:

Друг недавний мой, скажи / Что с тобой мы сотворили? / ***Почему мы нашу жизнь / В представленье превратили? / На глупую игру / Истратили таланты / И на чужом пиру*** */ Как два комедианта / Мы с печалью и тоской /* ***Даем спектакль шутовской*** *(И. Резник);*

There are many Beths *in the world, shy and quiet, sitting in corners till needed, and living for others so cheerfully that no one sees the sacrifices till* ***the little cricket on the hearth stops chirping, and the sweet, sunshiny presence vanishes, leaving silence and shadow behind*** *(L. M. Alcott);*

Tarir les larmes, presser l'éponge, essorer ce grand corps triste et puis tourner la page *(A. Gavalda).*

Как показывают примеры, **метафтонимия** является фундаментальным и кросс-культурным инструментом человеческого мышления, позволяющим превращать сложные ментальные сценарии в понятные образы, концептуализируемые через базовые, легко воспринимаемые сферы-источники: *театр, природа, быт.* Стоит отметить, что метафора редко существует в чистом виде, чтобы ее выразить, сознанию необходимо выделить конкретную деталь *(театральное представление, cricket, larmes)* и через нее представить абстрактный процесс в более осязаемой форме. Таким образом, наше сознание использует метафору для качественного переосмысления объекта, а метонимию для фокусировки на нем.

Когнитивный механизм **профилирования** практически всегда сопровождает концептуальную метафору:

Все небо в дырочку, ***божий дуршлаг,*** *а сквозь крохотные точки, коих на небе множество – не перечесть, виден свет.* ***Наверно, это Бог зажег по всему своему дому свечи, не знает, что дом его продырявился со всех сторон и что льется божий свет на землю.*** *Красота-то какая!.. Не оторвать глаз от* ***божьего дуршлага*** *(Н. Реньжина);*

Loneliness will sit over our roofs with brooding wings *(B. Stoker);*

Parce que ***vous êtes un bulldozer, vous détruisez tout sur votre passage*** *(A. Gavalda).*

В приведенных примерах наблюдается профилирование одной из характеристик сферы-источника, на которой концентрируется внимание субъекта и происходит ее «высвечивание» в речи при помощи метафоризации: *дуршлаг* – кухонная утварь с множеством отверстий, *птица* – «окутывание» крыльями, *бульдозер* – разрушение. Как следствие, отмечается общая тенденция к управлению вниманием и «отсечению» всех вторичных ассоциаций, а изменение фокуса внимания меняет и эмоциональную интерпретацию события.

Один из самых интересных когнитивных механизмов, основанный на противопоставлении двух контрастных понятий и позволяющий усилить эффект изначального метафорического переноса – **концептуальная оппозиция:**

Через туман, тучи и пропасти / К твоим глазам тянутся компасы / И по следам этой влюбленности / Вдруг стали взлётными чёрные полосы *(Титов А. А., Лазаренко К. Е.);*

We were in the Slough of Despond *tonight, and mother came and* ***pulled us out*** *as Help did in the book (L. M. Alcott);*

Avoir une fille / Un Coeur de sable / ***Cadeau de Dieu / Cadeau du Diable*** */Avoir une fille /* ***C'est faire une crime / Où le coupable est la victime*** *(G. Presgurvic).*

В данных примерах эксплицированы оба члена концептуальной оппозиции, что позволяет определить одно понятие через отрицание другого. Так, в русскоязычном примере противопоставляются ХАОС – НАПРАВЛЕННОСТЬ, СВЕТ – ТЬМА, ВЕРХ – НИЗ, определяя любовь как жизненный ориентир, ведущий через трудности к успеху. Англоязычный пример демонстрирует классическую модель ориентационной метафоры ВЕРХ – НИЗ, где метафорический эффект усиливается присутствием прецедентного феномена *Slough of Despond.* Франкоязычный пример отличается последовательностью оппозиций ДОБРО – ЗЛО, ПРЕСТУПНИК – ЖЕРТВА, позволяющих описать противоречивость родительских чувств: неразрывная связь любви и противопоставленных ей страха и страдания.

Следующий когнитивный механизм, работающий совместно с концептуальной метафорой – **инференция**:

Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, ***жизнь*** *презренная* ***затянула*** *бы нас; она* ***своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь****, и мы стали такими же пошляками, как все (А. Чехов);*

I've got the key to my castle in the air*, but whether* ***I can unlock the door*** *remains to be seen (L. M. Alcott);*

Adrien et sa soeur en procureurs, et dans le box des accusés, leur père. *Quels moments pénibles…* ***Si encore la marmite avait explosé****, mais non.* ***Les aigreurs avaient été refoulées et l'on avait évité le gros clash en se contentant de lancer quelques piques assasines*** *(A. Gavalda).*

Когнитивный механизм инференции во всех трех примерах сводится к скриптовому развертыванию базового концепта. С помощью инференции сознание читателя получает опорные точки в виде целей-источников и на их основе может сделать логическое заключение, основанное на фоновых знаниях, а затем осознать эмоциональное состояние говорящего.

Таким образом, можно заключить, что вторичная интерпретация эмоций посредством развернутой метафоры представляет собой сложный ментальный процесс. Он обеспечивается, прежде всего, при помощи механизма концептуальной метафоры, который не функционирует изолированно от других когнитивных механизмов. Благодаря последовательной проекции образов и сценариев из источника на цель, происходит не просто сопоставление двух явлений по сходству, но и упрощение понимания

действительности, способствующее созданию новых авторских метафорических моделей.

Литература

Аксютина З. А. Метафорические ассоциативные карты: работа с метафорой // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2023. № 208. С. 189–195.

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1 (018). С. 5–12.

M. A. Ionova *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

EXTENDED METAPHOR AS A WAY OF SECONDARY INTERPRETATION OF EMOTIONS

The article examines the secondary interpretation of emotions through the linguistic phenomenon of extended metaphor and the integration of cognitive mechanisms in three languages.

Key words: metaphor, emotion, linguistic interpretation, cognitive mechanisms.

О. И. Калинин *(Москва, Россия)*
Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ,
Московский государственный лингвистический университет,
okalinin.lingua@gmail.com

С. В. Шермазанова *(Москва, Россия)*
Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ
Shermazanova@yandex.ru

СМЫСЛОВАЯ ДИНАМИКА КОНЦЕПТА *ДОЛГ* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу смысловой динамики концепта ДОЛГ в языковом сознании носителей русской лингвокультуры. На материале русскоязычного военного дискурса и данных психолингвистического эксперимента рассматривается зависимость содержания концепта от социально-профессионального статуса респондентов и опыта взаимодействия с боевой средой.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт ДОЛГ, военный дискурс, ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал.

Концепт как единица ментальной организации знания, обеспечивающая репрезентацию, категоризацию и интерпретацию фрагментов действительности [Болдырев 2011] не является полностью стабильной и статичной единицей, т.к. его содержание может варьироваться в зависимости от социального опыта носителя языка, его профессиональной принадлежности, ценностных установок и включенности в определенную институциональную среду. В этой связи анализ концептов, связанных с социально значимыми формами поведения, позволяет выявить не только устойчивые элементы национальной картины мира, но и их смысловую динамику объективации действительности в разных группах носителей языка.

В качестве примера такой межгрупповой вариативности в статье рассматривается концепт ДОЛГ. В военном дискурсе он занимает особое место, поскольку соотносится с представлениями о служении, дисциплине и ответственности. Цель исследования – выявить смысловую динамику концепта ДОЛГ в языковом сознании носителей русской лингвокультуры и определить роль профессиональной принадлежности и боевого опыта в формировании его содержательной структуры.

Концепт ДОЛГ выявлен как один из опорных концептов военного дискурса, образующих аксиологическое измерение военного фрагмента национальной картины мира [Калинин и др. 2025]. В аксиологическом из-

мерении ДОЛГ соотносится со СЛУЖБОЙ и ГЕРОИЗМОМ. Долг задает нормативную обязанность, служба оформляет ее как институционально организованную практику, а героизм представляет предельное ценностное воплощение этого действия. В таком взаимодействии концепт ДОЛГ выполняет функцию смыслового посредника между личной моральной ответственностью и институциональным требованием военного социума, поэтому его анализ требует учета не только словарного или общеязыкового значения, но и дискурсивного и экспериментального материала.

Материал исследования включает два взаимодополняющих блока. Первый блок составил корпус русскоязычного военного дискурса 2020-х гг., репрезентирующий официальные и неофициальные, устные и письменные формы военной коммуникации общим объемом 526 тыс. знаков. Второй блок составили данные психолингвистического эксперимента, включавшего ассоциативный эксперимент и метод семантического дифференциала.

В эксперименте участвовали три группы респондентов: гражданские лица, военнослужащие без боевого опыта и участники СВО. В каждой группе учитывались ответы 100 человек. Анкетирование проводилось в письменной и электронной форме индивидуально; респондентам предлагалось быстро фиксировать первые возникающие реакции. Ассоциативный эксперимент позволил выявить реакции существительные, прилагательные и глаголы на стимул «долг», а семантический дифференциал – оценочный профиль данного концепта по ряду биполярных шкал.

Понятийное содержание концепта ДОЛГ подтверждает его двойственную природу. В русской ассоциативной лексикографии стимул ДОЛГ связан как с финансово-экономической тематикой, включающей *реакции деньги, отдать, вернуть, платеж, кредит*, так и с морально-аксиологической зоной, представленной реакциями *честь, обязанность, Родина, ответственность* [Черкасова, Уфимцева 2014]. Следовательно, уже в общеязыковом сознании долг не сводится к задолженности, а включает идею социально и нравственно значимого обязательства.

Данные настоящего эксперимента показывают, что эта двойственная структура сохраняется во всех группах, но соотношение ее компонентов существенно различается. У гражданских респондентов в существительном ядре представлены реакции *деньги* – 35 / 11,9%, *родина* – 32 / 10,9%, *обязанность* – 31 / 10,5%. Ближняя периферия включает *ответственность* – 22 / 7,5%, *честь* – 20 / 6,8%, *банк* – 17 / 5,8%, *семья* – 15 / 5,1%, *отечество* – 12 / 4,1%, *совесть* – 10 / 3,4%. Такое распределение показывает, что для гражданских респондентов концепт ДОЛГ существует на пересечении бытовой финансовой задолженности и морально-гражданской обязанности.

Признаковое поле гражданских респондентов также сохраняет смешанный характер: *обязательный* – 33 / 11,5%, *денежный* – 31 / 10,8%, *гражданский* – 30 / 10,5%, *военный* – 24 / 8,4%, *большой* – 22 / 7,7%, *священный* – 18 / 6,3%. Глагольное поле организовано реакциями *отдавать* – 39 / 13,1%, *исполнять* – 36 / 12,1%, *выполнять* – 31 / 10,4%, *возвращать* – 24 / 8,1%, *платить* – 18 / 6,1%, *служить* – 16 / 5,4%. Следовательно, в данной группе долг осмысляется как то, что нужно вернуть, исполнить или выполнить; однако военно-гражданская семантика еще не вытесняет финансово-бытовую.

У военнослужащих без боевого опыта происходит заметное перераспределение смысловых акцентов. В существительном ядре на первый план выходят *обязанность* – 35 / 12,1% и *честь* – 32 / 11,1%, тогда как *деньги* – 30 / 10,4% сохраняются, но уже не занимают ведущей позиции. Ближняя периферия включает *службу* – 23 / 8,0%, *родину* – 20 / 6,9%, *ответственность* – 18 / 6,2%, *обязательство* – 15 / 5,2%. В признаковом поле усиливаются реакции *обязательный* – 34 / 11,9%, *воинский* – 32 / 11,2%, *государственный* – 23 / 8,0%, *важный* – 20 / 7,0%. Глагольное ядро представлено реакциями *отдавать* – 40 / 13,8%, *выполнять* – 35 / 12,1%, *исполнять* – 31 / 10,7%, *служить* – 23 / 7,9%. Это показывает, что профессиональная включенность в военную сферу переводит долг в плоскость служебного обязательства, дисциплины и ответственности.

У участников СВО концепт ДОЛГ получает наиболее выраженное аксиологическое наполнение. В существительном ядре первой становится реакция *честь* – 34 / 11,8%, далее следуют *обязанность* – 31 / 10,7%, *деньги* – 30 / 10,4%, *армия* – 23 / 8,0%, *родина* – 18 / 6,2%, *присяга* – 16 / 5,5%. Ближняя периферия включает *семью* – 15 / 5,2%, *кредит* – 12 / 4,2%, *клятву* – 10 / 3,5%, *обязательство* – 8 / 2,8%, *ответственность* – 7 / 2,4%, *государство* – 5 / 1,7%, *защиту* и *службу* – по 4 / 1,4%. В отличие от двух других групп, здесь усиливаются реакции *армия*, *присяга*, *клятва*, *защита*, *служба*. ДОЛГ начинает осмысляться не только как внешнее обязательство, но и как лично принятое ценностное отношение к службе, Родине и воинскому коллективу.

Данные семантического дифференциала подтверждают выявленную динамику. Во всех группах ДОЛГ воспринимается прежде всего как обязательный, а не добровольный, однако степень этой обязательности усиливается по мере включенности в военную сферу: значения по шкале *обязательный – добровольный* составляют 2,50 у гражданских, 2,10 у военнослужащих без боевого опыта и 2,00 у участников СВО. По шкале *осознанный – формальный* наблюдается аналогичное смещение от 3,20

к 2,80 и 2,40, что указывает на усиление осознанного характера долга. По шкале *личный – навязанный* значения изменяются от 3,80 у гражданских до 3,30 у военнослужащих и 2,90 у участников СВО. Следовательно, опыт военной службы и боевого взаимодействия способствует восприятию долга как более персонально осмысленного и внутренне принятого обязательства.

Корпусный материал военного дискурса позволяет уточнить экспериментальные результаты. В официальном письменном регистре ДОЛГ реализуется через нормативные и институциональные категории: обязанность, присяга, служба, государство, защита Отечества, выполнение задачи. В официальном устном регистре усиливается публично-аксиологическое измерение: долг связывается с Родиной, честью, признанием заслуг, ответственностью государства перед военнослужащими и семьями участников боевых действий. В неофициальном устном регистре, представленном интервью и свидетельствами участников СВО, долг получает личностное наполнение и осмысляется через выбор, семью, совесть, товарищество и фронтовую ответственность. В неофициальном письменном регистре он включается в практики памяти, солидаризации и моральной оценки.

Таким образом, смысловая динамика концепта ДОЛГ имеет зональный характер. Финансово-экономическая зона сохраняется во всех группах как часть общеязыкового ассоциативного поля, однако с усилением профессиональной принадлежности и боевого опыта возрастает роль служебно-институциональных и морально-аксиологических смыслов. У гражданских респондентов ДОЛГ остается семантически амбивалентным; у военнослужащих без боевого опыта осмысляется как нормативная обязанность; у участников СВО становится элементом личной и групповой идентичности.

Литература

Болдырев Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 23–32.

Калинин О. И., Шермазанова С. В., Большакова Т. С. К вопросу об институциональном характере военного дискурса // Военно-филологический журнал. 2025. № 4. С. 19–36.

Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. I: От стимула к реакции. М.: Московская духовная академия, 2014.

O. I. Kalinin *(Moscow, Russia)*
Prince Alexander Nevsky Military University,
Moscow State Linguistic University,

S. V. Shermazanova *(Moscow, Russia)*
Military University of the Ministry of Defence

SEMANTIC DYNAMICS OF THE CONCEPT *DUTY* IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN LINGUOCULTURE SPEAKERS

The article is devoted to the analysis of the semantic dynamics of the concept DUTY in the linguistic consciousness of Russian linguoculture speakers. Based on the material of Russian-language military discourse and data from a psycholinguistic experiment, the article examines the dependence of the concept's content on the socio-professional status of respondents and their experience of interaction with the combat environment.

Key words: linguistic consciousness, concept DUTY, military discourse, associative experiment, semantic differential.

Ю. М. Калинина *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
kalinina-yum@rudn.ru

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. ТОКАРЕВОЙ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «Я ЕСТЬ. ТЫ ЕСТЬ. ОН ЕСТЬ»: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье представлена ментальная репрезентация образа семьи, описанной в повести В. С. Токаревой «Я есть. Ты есть. Он есть». Путем фреймового и концептуального анализа выделяются ключевые компоненты образа субституционной семьи, а также слоты, образующие фрейм «семья», и понятия, составляющие концепт СЕМЬЯ. Устанавливается, что субституционная модель семьи в повести В. С. Токаревой репрезентируется как неустойчивая структура, в которой отношения строятся не только на кровном родстве или духовной близости, но и на желании восполнения утраты и безысходности. Исследование вносит вклад в лингвокогнитивное изучение современной русской прозы и предлагает новый термин для номинации одной из форм нетипичных для русской культуры, но частотных в реальности семейных моделей, представленных в художественном дискурсе.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ментальная репрезентация, концепт СЕМЬЯ, лингвокультурологическая модель, субституционная семья, В. С. Токарева.

Е. С. Кубрякова неоднократно подчеркивала, что язык является инструментом получения знаний о ментальном мире человека, механизмом, обеспечивающим формирование, хранение и передачу ментальных репрезентаций, которые необходимо изучать в рамках лингвистических исследований: «… и сегодня теоретической лингвистике не удается уйти от вопросов о репрезентациях мира в ментальности говорящих. <…> Во-первых, мы полагаем, что репрезентации являются важной частью нашего сознания: они в отличие от других ментальных образований, имеющих знаковую природу, **осознаваемы** [*здесь и далее в цитатах выделено автором. – Ю.К.*], т. е. мы всегда, когда нам это кажется нужным, можем представить себе на внутреннем “экране” любой объект, любую ситуацию – как из числа реальных окружающих нас предметов или лиц, так и из числа воображаемых событий. <…> Не менее важной кажется нам, во-вторых, и необходимость исследования ментальных репрезентаций и при изучении **онтогенеза** речи. <…> И, наконец, в-третьих, мышление лучше всего может быть понято в терминах репрезентационных структур, характеризующих разум человека и тех процедур, которые касаются этих структур и с ними производятся <…>. А поскольку репрезентации участвуют и во многих других ментальных процессах – восприятии, воображении и т. п., их анализ должен быть продолжен» [Кубрякова, Демьянков 2007: 15–16].

В современной филологии исследователи часто обращаются к образу семьи, представленному в художественных произведениях, как к одному из ключевых элементов жизни человека, претерпевающему изменения под влиянием социо-историко-культурного контекста (О. В. Ломакина). Так, «все художественные произведения, создаваемые человеком на естественном языке, являются вербализующими репрезентациями вымышленного мира, первоначально возникающими в сознании автора произведения. При этом, поскольку репрезентации этого типа представляют фантазийный, не существующий в действительности мир, их можно считать созданными исключительно с помощью языковых процедур, т. е. с помощью операций над знаками соответствующего естественного языка» [Кубрякова, Демьянков 2007: 13]. В связи с этим мы считаем возможным рассматривать разные лингвокультурологические модели семьи, представленные в художественных произведениях, как своего рода семейный дискурс, отражающий индивидуальную систему ценностей автора текста и шире – аксиологические ориентиры этноса в определенную эпоху.

Термин *субституционный* используется в разных науках, в том числе лингвистике, где соотносится с понятием *субституция*, употребляемым для «называния процесса или результата замещения одной единицы языка другой в каком-то конкретном месте структуры» [Дьяконова 2023: 3115]. Мы считаем возможным использовать данное прилагательное для номинации особой лингвокультурологической модели семьи, в которой в силу каких-либо обстоятельств произошла потеря (физическая или ментальная) одного из членов и, как следствие, замена его на другого человека. По сравнению с традиционной для русской культуры патриархальной семьей, состоящей из разнополых супругов, их детей и представителей старшего поколения (бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек), субституционная семья является формой альтернативной семейной модели, подвергнувшейся трансформации и стремящейся к компенсации утраченного члена семьи. Проследим, какими языковыми средствами (номинациями, средствами художественной выразительности, концептами) реализуется в творчестве современной российской писательницы В. С. Токаревой ментальная репрезентация образа субституционной семьи.

В качестве материала исследования использована повесть «Я есть. Ты есть. Он есть», в которой представлен образ субституционной семьи. В процессе исследования применялись различные приемы и методы: прием сплошной выборки (для выявления номинаций членов семьи, глаголов, описывающих взаимоотношения героев, метафорических выражений, характеризующих семейные связи персонажей); фреймовый анализ (для определения слотов, входящих в состав фрейма «семья»); концептуальный анализ (для выявления понятий, соотносящихся с концептом СЕМЬЯ); интерпретационный метод; квантитативный анализ (для частотности упоминания номинаций персонажей).

Анализ позволил выявить ключевые языковые средства, напрямую создающие ментальную репрезентацию субституционной семьи. Так, номинации членов семьи традиционны, состоят из стилистически нейтральных и разговорных слов: *мать, мамочка, сын, родители* (важно отметить встречающуюся в повести оценочную номинацию *родители – отработанный материал*), *дети*, *муж, жена, сирота, маленький* (в значении «ребенок») и т. д. Имена собственные (*Анна, Олег, Ирочка*) подчеркивают социальный статус (уважаемые люди с высшим образованием, Анна – преподаватель французского языка, Олег – хирург) главных героев повести и хрупкость, молодость супруги Олега Ирины, студентки университета, которая из-за тяжелой травмы не смогла продолжить обучение. Среди глаголов, описывающих взаимоотношения членов семьи, преобладают

слова стилистически нейтральные, употребляемые в прямом значении, однако используются глаголы и словосочетания разговорного характера и метафоричные глаголы: *ждать, готовить, любить, батрачить, звонить, открывать друг другу дверь, встречать, отговаривать от женитьбы, перетечь (перетекла в сына), ревновать, выйти замуж, разойтись, родить ребенка, холить и лелеять, балдеть, разъехаться, взять на душу* (в значении «полюбить»), *терпеть, кормить, целовать, ловить каждый взгляд, бороться за любовь* и т. д.

Требуют комментария средства художественной выразительности, описывающие семейные связи героев повести, прежде всего, метафорические выражения: *встречать у порога, как преданная собака; обычно Олег целовал мать в щеку, но сегодня* ***между ними висело пятьдесят килограмм Ирочки*** [здесь и далее в примерах выделено нами. – Ю.К.]; *устои дома рушились; каждая семья имеет свои традиции, ибо человек без традиций голый; в груди Анны полыхнуло зарево надежды; она подставила за меня свою жизнь, она ангел* (Олег о жене); *еще час такой жизни – и упадет потолок, подставив всем ветрам жилище; выросли внуки Павлика Морозова. Их научили отрекаться от родителей, затаптывать корни, нарушать заповедь: «Почитай отца и мать своих»; вырастила сына, пустила в жизнь, и теперь ее можно задвинуть под диван, как пыльный тапок; сколько ни черпай – до дна не вычерпаешь* (о материнской любви) и другие.

Интересно отметить, что главные герои повести репрезентируются поразному: Анна – всезнающим повествователем, который в форме 3-личного глагола передает мысли и внутренние монологи героини: *Анна ждала домой взрослого сына. Шел уже третий час ночи. Анна перебирала в голове все возможные варианты. Первое: сын в общежитии с искусственной блондинкой, носительницей СПИДа. <…> Теперь ее сын умрет от иммунодефицита. <…> И она будет его хоронить и скрывать причину смерти. О Господи! <…> А вдруг пьяная драка? Он ударит, его ударят, и он валяется, истекает кровью. А может, его выбросили в окно, и он лежит с отсутствующим лицом и отбитыми внутренностями;*

Анна смотрела телевизор, когда в дверях повернулся ключ и вошел Олег.

Он вошел. Снял ботинки. Надел тапки, глядя вниз. ***Как будто не было семи месяцев разлуки, ведра слез и километров нервов, намотанных на кулак****. Пришел домой. Раздевается. Устал.* ***Глаза странные, будто в них кинули горсть песка. Не спал. Может, пил. А может, и то и другое. Пил и не спал. То и другое. И третье. Про третье говорить не будем. Дело молодое****;*

– Олег – автором и Анной: *Олег сидел на диване у ног Ирочки и смотрел телевизор. <…> передача «Добрый вечер, Москва» рассказывала, что морги переполнены, трупы негде хранить и их объедают крысы. <…>* ***Зачем ему, Олегу, это знать? Когда он умрет, ему все равно – объедят его грызуны или нет.*** *<…>*

Олег уже пресытился безобразиями нашей жизни и предпочитал смотреть видео;

– Ирочка – преимущественно Анной, и лишь в нескольких эпизодах автор кратко описывает ее ощущения и мысли: *Из ванной явилась Ирочка в пижаме Олега. Утром она была такая же красивая, как вечером. Даже красивее. Безмятежный чистый лоб, прямые волосы Офелии, промытые молодостью синие глаза. <…> Анна не помнила точно, почему Офелия утопилась.* ***Эта не утопится. Всех вокруг перетопит, а сама сядет пить кофе с сигаретой;***

Ирочка стояла на знакомой планете. Земля. Она узнала. Вот деревья. Дома. Люди.

А повыше, среди отблескивающих квадратов окон, ***человек – тот, кто ее ждал****.*

В. С. Токарева уже с заглавия настраивает читателя на субъективный тон повествования, используя личные местоимения *я, ты, он* и выстраивая треугольник, являющийся смысловым ядром повести, символом субституционной семьи, в которой постоянно не хватает одного из близких родственников, заменяемых посторонними людьми. Если в первой части произведения, когда Анна повторяет *Ты есть. Я есть. Мы есть*, имея в виду себя и сына как единое целое, треугольник состоит из *я* – Анны, *ты* – ее сына Олега, а *он* – поклонника Анны, с которым она иногда встречается, то по мере развития сюжет происходит замена компонентов семья: *я* – по-прежнему Анна, *ты* – жена Олега, которую он сначала страстно любил, а затем бросил и которая стала для Анны родной, *он* – уже Олег, оставивший в тяжелой жизненной ситуации мать и супругу и ушедший к другой женщине: *Ирочка тоже подняла лицо. <…> Анна видела два обращенных к ней, приподнятых лица – человеческое и собачье. И вдруг поняла:* ***вот ее семья****.* ***И больше у нее нет никого и ничего****.* ***Олега заглотнули вместе с каблуками. Остались эти двое. Они без нее пропадут. И она тоже без них пропадет****.*

Частое повторение в тексте произведения нераспространенных предложений *Я есть. Ты есть. Он есть* «отражает разобщенность героев: все они взрослые люди, практически не нуждающиеся друг в друге, занятые своими проблемами и каждый день бегущие по одному и тому же замкну-

тому кругу “дом – работа – дом”» [Калинина 2009: 15]. Семья, описанная в повести, постоянно неполная. Например, Анна вспоминает о смерти мужа: *… с мужем жили ровно, все завидовали: «Какая семья». И только он… И только она знала, как все это хрупко. Анна хотела новой любви. Не искала, но ждала. <…>*

Анна ходила и смотрела куда-то вдаль, поверх головы своего мужа, как будто высматривала настоящее счастье.

Все кончилось в одночасье. Муж умер в проходной своего научно-исследовательского института. Ушел на работу, а через час позвонили. Нету человека. <…>

Однажды приснился сон: муж сидит перед ней, улыбается.

– Ты же умер, – удивилась Анна.

– Я влюбился, в этом дело, – объяснил муж. – Встретил женщину. Не мог оторваться. Но мне было жаль тебя. Я притворился, что умер. А вообще я живой.

Анна проснулась тогда и плакала. Она, конечно, знала, что мужа нет. Но сон показался правдой. Муж, наверное, кого-то любил, но не посмел переступить через семью. Рвался и умер. Лучше бы ушел.

Ближе к финалу повести описан эпизод, когда Анна осознает фактический уход из семьи сына:

Олег приходил домой все реже. Много работал. Ночные дежурства. А когда бывал дома – звонила заведующая отделением Петракова и вызывала на работу. <…> Если она заглотнет Олега, Анна увидит только его каблуки.

Фреймовая структура семьи представлена двумя постоянными слотами (кровными родственниками – матерью Анной, сыном Олегом) и тремя переменными слотами (умершим мужем Анны, отцом Олега; поклонником Анны; женой Олега). Субституционный характер описанной модели семьи подчеркивается и бытовыми ролями мужчины и женщины, свойственными традиционной семье: после смерти отца роль мужчины-главы семьи условно принимает на себя Олег; Анна, все больше ухаживая за тяжело больной Ирочкой, постепенно становится для нее защитником, опорой, заменяя пусть пока формально не ушедшего из семьи, но фактически полностью отстранившегося от бытовых проблем Олега.

Концепт СЕМЬЯ в русской языковой культуре включает в себя такие понятия, как родители, дети, семейные традиции, обычаи. Будучи ценностным, рассматриваемый концепт «выступает хранителем культурной памяти, предполагающей участие в жизни семьи всех родственников с обеих сторон – умерших, живущих и еще не родившихся (во взаимоотношениях

и в памяти); знатоком культурного кода (тех базовых ценностей, на которые опирается конкретная семья на определенном этапе своего существования). Семья способствует межпоколенной трансляции культурного опыта, чье содержание зависит от отношения к транслируемым ценностям и меняется в различных исторических и социокультурных условиях» [Глазкова 2015: 57–58]. Исходя из данного определения, можно утверждать, что концепт СЕМЬЯ, представленный в повести В. С. Токаревой, включает такие традиционные для него компоненты, как совместное проживание, кровное родство, быт (ведение хозяйства), забота, эмоциональная близость, однако часть составляющих (маленький ребенок, представители старшего поколения, семейные традиции, уважение, любовь (как сострадание, а не страсть)) отсутствует, и герои произведения, ощущая физическую и эмоциональную пустоту, стремятся заполнить ее условными «заменителями» отсутствующих компонентов.

Таким образом, в повести В. С. Токаревой «Я есть. Ты есть. Он есть» представлена ментальная репрезентация особой лингвокультурологической модели семьи – семьи субституционной. Незаполненный слот духовно близкого, верного родственника заменяется то одним, то другим персонажами произведения, что подчеркивается языковыми средствами (глаголами разговорного стиля с негативной коннотацией, средствами художественной выразительности, усиливающими ощущение одиночества, трагизма разрыва духовной связи между некогда близкими людьми) и усиливается концептом СЕМЬЯ, в котором отсутствует часть традиционно присущих ему понятий, что в совокупности оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателей, увеличивает ценность традиционной, полной семьи в их восприятии, а также имплицитно формирует образ семьи как первоосновы человека.

Литература

Глазкова Т. В. Семья в концептосфере русской культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 56–61.

Дьяконова С. А. Субституция инфинитивного предложного оборота и эллипсис for с именной группой в инфинитивном обороте на материале англоязычного экономического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Вып. 10. С. 3113–3120.

Калинина Ю. М. Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Елец, 2009.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.

J. M. Kalinina *(Moscow, Russia)*
Peoples Friendship University of Russia

MENTAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A SUBSTITUTIONAL FAMILY IN THE WORKS OF V.S. TOKAREVA (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "I AM. YOU ARE. HE IS")

The article defines the concept SUBSTITUTIONAL FAMILY and, based on the analysis of linguistic means, creates a mental representation of the family image described in V. S. Tokareva's novel "I Am. You Are. He Is." Through frame and conceptual analysis, the key components of the image of a substitutional family are identified, as well as the slots that form the "family" frame and the concepts that make up the concept FAMILY. It is established that the substitution model of the family in V. S. Tokareva's novel is represented as an unstable structure in which relationships are based not only on blood ties or spiritual closeness, but also on the desire to compensate for loss and despair. This study contributes to the linguistic and cognitive analysis of contemporary Russian prose and offers a new perspective.

Key words: cognitive linguistics, mental representation, concept FAMILY, linguacultural model, substitution family, V. S. Tokareva.

Т. А. Клепикова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
СЗИУ РАНХИГС
klepikova-ta@ranepa.ru

ТРИГГЕРЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: AD HOC КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ

В статье рассматривается проблема развития языкового сознания в результате определенного конфликта между актуальной категориальной картиной мира в языке и индивидуальным опытом взаимодействия языковой личности с обновляющимся миром. Потребности в вербализации дискурсивно-зависимых ad hoc категорий выступают в качестве мотивирующего ресурса развития языкового сознания в целом. Автор рассматривает проблему ad hoc категоризации и концептуализации на примере социальной категоризации в английском и русском языках.

Ключевые слова: языковое сознание, ad hoc категоризация, социальная категоризация, прототипические эффекты, типологические особенности языка.

Динамика, изменчивость, вариативность, лабильность, подвижность представляют собой единый кластер ключевых признаков языкового сознания. Обработка сознанием и – далее – языком индивидуального и коллективного опыта взаимодействия с окружающим миром как интерпретационный процесс происходит постоянно, влияя тем самым на существующую в нашем сознании категориальную и концептуальную картину мира. Исследования взаимодействия индивидуального и коллективного опыта, предыдущих и текущих категориальных и интерпретационных форматов, стабильного и изменчивого в познавательной деятельности человека, тенденций к стабильности и к изменению, гомеостатический баланс данных противоречивых и в то же время невозможных друг без друга факторов позволил ученым выработать различные в методологическом плане концепции, в той или иной степени позволяющие объяснить природу данных явлений, соотнести данные процессы с когнитивной-дискурсивной деятельностью в целом и форматами языковых репрезентаций данных процессов, в частности. Рассмотрим ряд значимых для настоящего исследования концепций.

Прежде всего, отметим важный тезис Н. Н. Болдырева в отношении разграничения первичной и вторичной языковых интерпретаций [Болдырев 2014]. Согласно интерпретационной концепции Н. Н. Болдырева, первичной языковой интерпретацией являются категории, которые, с одной стороны, отражают выделенные познавательной деятельностью человека концепты, а с другой – данные концепты оказываются зафиксированными языковой номинацией. Что касается вторичной языковой интерпретации, она связана с проекцией коллективной категориальной системы в индивидуальную концептуальную систему, что с определенной очевидностью предполагает некоторый конфликт, драматическое взаимодействие между существующим, навязываемым в определенной степени социумом и индивидуальным опытом языковой личности.

Значимой в плане развития научно обоснованных представлений о системе категоризации в сознании человека представляется концепция ad hoc категоризации Л. Барсалоу [Barsalou 1983], дальнейшее развитие которой приводит исследователей к интереснейшим выводам о том, что ad hoc принцип суть принцип интерпретации и любой концептуализации. Интерпретационный механизм нашей когниции, активируемый «по запросу» для актуального анализа сущности, с которой сталкивается личность, работает «от ситуации», вовлекая в работу существующие категориальные схемы и признаки, которые конфликтуют с ними (напр., *это не кофе, а бурда какая-то*). Спонтанная реакция на наблюдаемый или испытываемый категориальный конфликт выступает в качестве триггера когнитивной иннова-

ции, мотивируя сознание (воображение, память) создать новую категорию, что требует, в свою очередь, от языка отразить инновацию в вербальном плане. Исследователи подчеркивают обусловленность категоризации дискурсивно-коммуникативными и когнитивными мотивами – сиюминутность, спонтанность, интерпретационный конфликт, категориальные и коммуникативные «вызовы», конкуренция категориальных признаков. Постановка проблемы в таком плане приводит к вопросу о правомерности разграничения стабильных (таксономических) и окказиональных (ad hoc категорий) [Casasanto, Lupyan 2015; Athanasopoulos, Flecken, Vanek 2026]. Так, авторы работы [Casasanto, Lupyan 2015] приводят пример концепта TEABAG, который активируется при мысли о чашечке чая в рабочий перерыв. При изменении системы когнитивно-дискурсивных интерпретационных координат, когда данная лексема озвучена спортивным комментатором как термин в смешанных боевых искусствах, в рамках метафорически переосмысленной номинации актуализируется совсем иной концепт. В этом случае очевидным представляется совокупное влияние языка, восприятия и текущих когнитивно-дискурсивных задач (так называемого операционного когнитивно-дискурсивного контекста) на процесс концептуализации. Д. Касасанто и Г. Лупян разрабатывают узусно-ориентированную теорию концептов, отдельно отмечая, что концептуальные репрезентации не являются фиксированными, стабильными сущностями, а являются, по сути, процессуальными по своей природе сущностями, непосредственно процессами, которые возникают «по запросу». Интересно, что за некоторое время до этого аналогичные идеи возникли в рамках прагматической теории релевантности (Д. Спербер, Д. Уилсон), в рамках которой любая интерпретация является результатом взаимодействия когнитивных, дискурсивно-ситуативных, личностных и межличностных договоренностей, которые оказываются *релевантными* (собственно говоря, данное понятие мотивировало название всей концепции) для данной ситуации коммуникации [Carston 2010].

Если обратиться к частным параметрам ситуации конфликта интерпретаций, можно обнаружить ряд закономерностей. Прежде всего, речь идет о конфликте категориальной отнесенности, результаты которого могут быть как негативными (осознание ошибки – *ой, это не окно, это дверь*), так и позитивными. В позитивном случае мы имеем дело с возникновением нового понятия и – при востребованности понятия – новой номинации или вторичной номинации (*кентавр, электровеник, либераст, трампетки, ботаник, леонардески, girl's girl, neet, Starmergeddon* и под.).

Вторым случаем интерпретационного конфликта является так называемая тенденциозная категориальная отнесенность, или своего рода

«навязывание» категории некоторой сущности. Самым известным случаем навязывания категориальной отнесенности является языковая игра, использующая синтагматические и парадигматические ассоциативные механизмы, например, *(«Моя семья и другие животные», «Дама сдавала в багаж…», «of mice and men and such small deer»*) [Клепикова 2026(1), 2026(2)].

Отдельного внимания заслуживает такое явление, как ложная категориальная атрибуция, наиболее яркими примерами которой являются когнитивные искажения в формате таких языковых единиц, как пословицы, поговорки, устойчивые выражения (*бьет – значит любит; вот раньше были времена…)* [Клепикова 2024(1), 2024(2), 2025]. Минуя фильтры критического мышления в силу непререкаемости авторитета коллективного когнитивного опыта («народная мудрость гласит…») когнитивные искажения проникают в индивидуальное сознание, предопределяя интерпретационные координаты.

Номинация социальных категорий в языке в этом плане играет чрезвычайно важную роль в динамике социальных отношений, иерархизации общества, «навешивании ярлыков» и т.д. С одной стороны, возникшая на основе выделения совокупности определенных социальных (политических, гендерных, поведенческих, расовых, образовательных) признаков ad hoc категория позволяет точнее выявить определенные группы, отвечая запросу поиска как личностной, так и коллективной идентичности. С другой стороны, манипуляции с социальными ярлыками представляют собой тревожную тенденцию, когда ad hoc категории, возникающие как окказиональные, становятся «категориальным императивом», требующим распределения всех подлежащих категоризации сущностей по предъявленным в номинации группировкам. Обнаруживается известный фактор «шаманской силы слова» в духе Д. Болинджера: если есть имя категории, значит, надо кого-то в эту категорию определить. Одним из негативных следствий данного явления в сфере языкового сознания является очевидная бинарность (в редком случае тринарность) ad hoc социальной категоризации, поскольку социуму свойственна однозначная поляризация «или/или» (за/против, физики/лирики, гуманитарий/технарь, когнитивист/структуралист/функционалист). К большому сожалению, в обыденном языковом сознании представление о прототипическом принципе структурирования категорий, областях пересечения и других прототипических эффектах не реализуется именно в отношении социальных категорий.

Конфликтная категоризация, реализуемая в ad hoc категоризации (в сознании и в языке), с нашей точки зрения, выступает в качестве определенного триггера развития языкового сознания, естественным следствие которого являются как позитивные, так и негативные следы.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20–28.

Клепикова Т. А. Эпистемическая бдительность как регулятор когнитивных искажений: язык мой – враг мой? // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024(1). С. 9–12.

Клепикова Т. А. Языковые рефлексы когнитивных искажений // Когнитивные исследования языка. 2024(2). № 2–2 (58). С. 537–539.

Клепикова Т. А. Языковые триггеры когнитивных искажений // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–1 (62). С. 73–79.

Клепикова Т. А. Игровая концепция окказиональной категоризации, или «Дама сдавала в багаж…» // Когнитивные исследования языка. 2026(1). № 1 (66). С. 297–302.

Клепикова Т. А. Игра в категоризацию, или звёздный час английского морфосинтаксиса // Материалы II Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием «Романо-германская филология в современном мире» 12 марта 2026 г., Санкт-Петербургский государственный экономический университет. С.-Петербург, 2026(2) (в печати).

Athanasopoulos P, Flecken M, Vanek N. Ad hoc concepts and linguistic relativity: towards an experiential and situated view of language–cognition interactions // Language and Cognition. 2026. Article number: 18: e20.

Barsalou L. W. Ad hoc categories // Memory & cognition. 1983. Vol. 11. No. 3. P. 211–227.

Carston R. XIII–Metaphor: Ad Hoc Concepts, Literal Meaning and Mental Images. // Proceedings of the Aristotelian Society. 2010. Vol. 110. Vol 3. P. 295–321.

Casasanto D., Lupyan G. All concepts are ad hoc concepts / E. Margolis, & S. Laurence (Eds.), The conceptual mind: New directions in the study of concepts. MIT Press, 2015. P. 543–566.

T. A. Klepikova *(St. Petersburg, Russia)*
St. Petersburg State University of Economics,
North-Western Institute of Management, RANEPA

CATEGORIAL CONFLICT AS A DRIVING FORCE OF LINGUISTIC COGNITION: PRO AND CONTRA

The article deals with key tendencies in studying linguistic cognition focusing on ad hoc conceptualization and categorization issues. Dynamics of concept representation

in language and speech requires reconsidering certain postulates of category formation. Pivotal conceptions in categorization studies (Aristotle, E. Rosch, L. Barsalou) revealed the dynamics of human categorization processes, showing prototypical effects and ad hoc mechanisms. The author analyzes the ad hoc models in verbalizing social categories in English and Russian which are discourse-dependent and typologically sensitive.

Key words: linguistic cognition, ad hoc categorization, social categorization, prototypical effects, typological specifics of languages.

Д. Б. Никуличева *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН,
Московский государственный лингвистический университет
nikoulitcheva@yandex.ru

ДАТСКИЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПОЗИЦИЯ ДАНИИ ПО АМЕРИКАНО-ГРЕНЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ[1]

В статье показывается, что для датского социума как малого гомогенного языкового сообщества ключевым является концепт *общности* (*fællesskab*), обслуживаемый широким арсеналом языковых маркеров консенсуса. Исследуется, как сценарий межличностного консенсуса манипулятивно переносится на уровень межкультурной коммуникации: примирительная позиция Дании в отношении претензий США представляется как стремление к достижению консенсуса в рамках более крупной североатлантической общности.

Ключевые слова: датский язык, коммуникативный менталитет, лингвоспецифические концепты культуры, маркеры межличностной коммуникации.

Теория социальной когниции дает выход в широкий круг тем, в том числе – в изучение типовых сценариев и стратегий общения в разных социальных ситуациях – как межличностных, так и межкультурных [Ирисханова 2017].

В этой связи показательна недавняя статья Ирен Барон и Литы Лундквист с полемическим названием: «Датчане – непонятый народ?» [Baron, Lundquist 2025]. Выводы датских исследователей о значимости некоторых лингвоспецифических концептов датской культуры для правильного понимания политической позиции Дании в контексте датско-американских отношений

[1] Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025–0008, поддержанного Министерством образования и науки РФ

последнего времени неожиданно оказались созвучными тем языковым наблюдениям над особенностями датской лингвопрагматики, которые были описаны в опубликованной в 2024 году книге российских авторов «Антропоцентрическая грамматика датского языка» [Никуличева и др. 2024].

В статье предлагается термин «коммуникативный менталитет», понимаемый как доминирующие в социуме коммуникативные установки, реализуемые как посредством определенных формально-языковых средств и ценностных понятий данной культуры, так и посредством принятых в социуме моделей общения.

Одной из отправных точек исследования для авторов «Антропоцентрической грамматики датского языка» стало утверждение о том, что для лингвиста, избравшего антропоцентрический ракурс описания, датский язык представляет особо благодатное поле деятельности в силу ряда социокультурных факторов. К таковым относятся моноэтничность датского языкового коллектива, высокая плотность социальных связей и социальная гомогенность датского общества.

Во введении к статье «Датчане – недопонятый народ?» И. Барон и Л. Лундквист пишут: “Man kunne fristes til at beskrive danskerne som et folkefærd, der samles omkring et lejrbål, hvor man sidder og hygger sig med ligesindede, med ryggen til resten af verden” [Baron, Lundquist 2025: 15]. ‘Есть соблазн описать датчан как единый народ, который собирается вокруг общего костра, где все сидят и уютно проводят время в компании равных, повернувшись спиной к остальному миру’.

В этой характеристике отметим лингвоспецифичность датской номинации *folkefærd*, которая по своей внутренней форме означает не просто «народ» (дат. *folk*), или народность (дат. *folkeslag*), а буквально «человеческую стаю»: “Af svensk dialekt. *folkefärd,* sidste led er *færd* i den forældede betydning ‘skare’” – «от шведского диалектального *folkefärd,* где корень *færd* имеет устаревшее значение ‘стая’» [Folkefærd, DDO].

Такая самоидентификация со стороны датчан согласуется с тем, что когда-то написал о датчанах сэр Джеймс Мэллон, бывший в 1983–1986 годы послом Великобритании в Дании: “Danskerne er ikke en nation, de er en stamme; det er styrken i deres fællesskab og grunden til, at de stoler urokkeligt på hinanden. En stamme har en indre styrke, er homogen i en grad en nation aldrig kan nå, og netop stammefølelsen er altafgørende for danskernes syn på verden omkring dem” ‘Датчане – это не нация, датчане – это племя; и в этом сила их общности и объяснение того, насколько незыблемо они полагаются друг на друга. У племени есть внутренняя сила, есть гомогенность в той степени, какой никогда не достичь нации, и именно это племенное чувство полностью

определяет то, как датчане воспринимают окружающий их'. Это высказывание стало эпиграфом к книге датского социолога Ханса Корнё-Расмуссена и, собственно, дало ей название: "*Den danske stamme – en befolkningshistorie*" 'Датское племя – история населения' [Kornø-Rasmussen, 2008].

Некоторые исследователи используют особое понятие «*датской трайбализм*», которое характеризуют как заботу о членах своей группы, одержимость «делать все по-датски» и сложность внедрения в группу для чужаков [Levisen, Waters 2015: 258].

В основе датского трайбализма лежит такой ключевой концепт датской лингво-культуры как *fællesskab,* обычно переводимый как 'общность', 'социальная сплоченность', о которой Е. А. Гурова пишет: «Социальная сплочённость подразумевает ощущение, что все одна семья, все в одной лодке, а не все против всех, как в больших странах. В подобных небольших социумах возникает чувство, что все друг друга знают, поэтому в них гораздо легче построить доверительные отношения (*tillid*)» [Никуличева и др. 2024: 316].

В датском общественно-политическом дискурсе особо частотно сочетание *dansk fællesskab* 'датская общность', восходящее к понятию *historisk-folkeligt-nationalt fællesskab* – одному из ключевых для философской концепции Н. Ф. С. Гундтвига, заложившего идейные основы современного датского менталитета [Litteraturhåndbogen 1995: 156].

Прямым следствием «датского трайбализма» является такая важная особенность менталитета датчан как стремление к *консенсусу:* любое обсуждение в идеале должно закончиться фразой *i grunden er vi enige* 'по существу мы все согласны', пишет антрополог Анна Кнудсен, анализируя примеры обсуждений и голосований в датских общественных организациях [Knudsen 1997: 23].

Проведенное авторами «Антропоцентрической грамматики» исследование позволило проследить это стремление к консенсусу, отражающее коммуникативный менталитет датчан, в формировании широкого арсенала *маркеров межличностной коммуникации*.

Эта тенденция проявляется на разных участках языковой системы:

– в формировании сложных указательных местоимений, сочетающих показатели дистального и проксимального дейксиса и указывающих на *когортативное восприятие* обсуждаемого объекта всеми участниками коммуникации (***det her*** *land* 'эта страна', ***den her*** *regering* 'это правительство', ***det her*** *forslag* 'это предложение'), обозначающих, что все участники коммуникации по умолчанию одинаково идентифицируют объект дейксиса;

– в нюансировании пространственной локализации посредством наречно-предложных комплексов (типа ***hen ad***, ***op til, ud af*** и др.), где предлог ориентирует пропозицию относительно объектов, а пространственное

наречие обслуживает ориентацию относительно субъекта повествования, создавая коммуникативный эффект *пространственной эмпатии* говорящего, референциального субъекта и адресата повествования;

– в формировании парадигматической *системы модальных частиц*, как маркеров интерактивного взаимодействия участников коммуникации, внутри которой были выделены три группы частиц по их направленности на одного из участников коммуникации (соответственно на 1, 2 и 3 лицо): частицы проблематической модальности (***nok, vel, vist***), аффирмативной модальности (***da, jo, nu, dog***) и комментирующей модальности (***bare, blot, kun***);

– в использовании *речевых формул вежливости*, позволивших установить, что для датской лингвокультуры характерен особый тип *вежливости среди равных*, которая нюансирует горизонтальные отношения между коммуникантами и предполагают ту или иную реакцию адресата.

Далее речь пойдет не о лингвистических, а о социально-политических появлениях такой особенности коммуникативного менталитета датчан, как стремление к достижению консенсуса.

Именно стремлением датчан к достижению консенсуса франко-датский билингв Ирен Барон объясняет недопонимание со стороны французских журналистов реакции Дании на заявления Дональда Трампа о его намерении аннексировать Гренландию: ”I en fransk TV-debat (28. januar 2025), der omhandlede den amerikanske præsident Donald Trumps erklæring (eller måske snarere trussel) om at ville annektere Grønland, kommenterede de tilstedeværende journalister den danske statsministers og udenrigsministers reaktioner: De danske politikere ville ikke risikere at støde amerikanerne, men havde i stedet foreslået at mødes omkring et forhandlingsbord (lejrbålet) og blive enige om at samarbejde. Reaktionerne blev af de franske journalister beskrevet som upassende og uheldige og ikke mindst som tegn på svaghed. Danmark blev sammenlignet med en lille kanin, der farer forvildet rundt, grebet af panik i skæret fra nogle billygter, og som står til at blive »ædt råt«” [Baron, Lundquist 2025: 15]. ‘В ходе французских теледебатов (28 января 2025 г.), посвященных заявлению (или, скорее, угрозе) президента США Дональда Трампа о желании аннексировать Гренландию, присутствовавшие журналисты так прокомментировали реакцию премьер-министра и министра иностранных дел Дании: датские политики не хотели рисковать обидеть американцев, а вместо этого предложили встретиться за столом переговоров (у костра) и договориться о сотрудничестве. Французские журналисты охарактеризовали эту реакцию как неуместную и неудачную, и, в частности, как признак слабости. Данию сравнили с маленьким кроликом, который мечется, паникуя от бликов автомобильных фар, и которого вот-вот «съедят живьем»’.

Такое восприятие со стороны французских журналистов – подчеркивают авторы цитируемой статьи – совершенно не соответствует позиции датчан с их стремлением избегать *конфликтов, порождающих ощущение нестабильности*: “Opfattelsen flugter langt fra med det danske ønske om at undgå ***utryghedsskabende*** konflikter” [Baron, Lundquist 2025: 15].

Отметим, что приведенный выше перевод датского выражения *utryghedsskabende konflikter* условен. Чтобы понять его точный смысл, следует обратиться к значению лингво-специфического понятия ***tryghed***. Авторы цитируемой статьи предлагают определение, отличающее это датское понятие от французского квазиэквивалента *sécurité* и связывающее его с такими ключевыми концептами датской лингвокультуры как *fællesskab* и *hygge*: »Tryghed« indgår som vigtig ingrediens i et af de mest prægnante og »ærke danske« begreber: hygge. Det udtrykker nemlig *den individuelle, subjektive følelse af fællesskab, tryghed og velvære, man især oplever i mindre grupper*. <…> Det er individets følelse af tilfredsstillelse i samværet med de nære omgivelser. [Baron, Lundquist 2025: 14]. ‘*Tryghed* – важный компонент одного из самых ярких и «архетипически датских» понятий: *хюгге*. Оно выражает индивидуальное, субъективное *ощущение общности, защищенности и благополучия, которое особенно ощущается в небольших группах*. Это чувство удовлетворения, которое испытывает человек, находясь вместе со своим непосредственным окружением’.

Исследователь датского социального менталитета Карстен Левисен пишет, что словосочетание *dansk hygge* используется датчанами в качестве национальной эмблемы и знака принадлежности к *fællesskab* [Levisen 2012: 90–91], а Е. А. Гурова подчеркивает, что «как правило, этот феномен проявляется в общении и подразумевает своего рода «социальную близость», которая основывается на вере в добрые намерения присутствующих. Атмосферы *hygge* не будет, если в группе есть разногласия и конфликт, или если между людьми существует чувство недоверия» [Никуличева и др. 2024: 317].

Статья И. Барон и Л. Лундквист позволяет сделать вывод о том, что позиция Дании в отношении претензий США – это естественное проявление желания датчан сохранять консенсус в рамках той *более крупной общности, к которой они себя относят*.

Стремление датских политиков к распространению понятия *fællesskab* с собственно датской общности на внешнеполитические сообщества, в которые входит Дания, было исследовано в связи с особенностями семантики существительного *nærområde* (досл. ‘близкая территория’, на которые первой обратила внимание Ю. М. Авакова [Avakova 2025]. На материале семантических вариантов употреблений в Национальном корпусе современного датского языка

Д. Б. Никуличевой был отмечен семантический переход от понимания *nærområde* как шагово-доступной человеку территории по месту его жительства к территории геополитических интересов Дании как члена Евросоюза. Было прослежено семантическое развитие концепта *nærområde*, приобретающего *когортативное значение*, используемое для выражения политизированного смысла «область внешнеполитических интересов Дании как члена Евросоюза». Было показано, что семантическим триггером такого смыслового развития как раз и является ключевой для датского менталитета концепт *fællesskab* [Никуличева 2025].

Точно также Дания рассматривает и свои отношения в рамках других политических альянсов. Согласно датскому коммуникативному менталитету отношения внутри любой *fællesskab* не могут строиться иначе, чем на принципе *tryghed,* то есть, как было показано выше – на субъективном ощущении *консенсуса, защищенности и благополучия.*

Когда же речь заходит об отношениях *вне* любой из общностей, к которым относят себя датчане, то понятие *tryghed* автоматически подменяется понятием *sikkerhed* ‘безопасность’. В подтверждение можно привести недавнее высказывание посла Дании в США Йеспера Мёллера Сёренсена по поводу очередного заявления Дональда Трампа о претензиях США на Гренландию: “USA og Danmark er nære allierede og bør fortsætte med at arbejde sammen som sådan. – Grønland er allerede en del af NATO. Kongeriget Danmark og USA arbejder sammen for at *sikre sikkerheden* i Arktis. Kongeriget Danmark har øget sin arktiske *sikkerhedsindsats* betydeligt – alene i 2025 forpligtede vi os til 13,7 milliarder USD, der kan bruges i Arktis og Nordatlanten. Fordi vi tager *vores fælles sikkerhed* alvorligt. – Og ja, vi forventer fuld respekt for Kongeriget Danmarks territoriale integritet” https://www.dr.dk/nyheder/indland/groenland/ (03.01.2026). ‘США и Дания – близкие союзники и должны продолжать сотрудничать в этом качестве. – Гренландия уже является членом НАТО. Королевство Дания и США работают вместе над обеспечением *безопасности* в Арктике. Королевство Дания значительно активизировало свои усилия по обеспечению *безопасности* в Арктике – только в 2025 году мы выделили 13,7 миллиарда долларов США, которые могут быть потрачены в Арктике и Северной Атлантике. Потому что мы серьезно относимся к *нашей общей безопасности*. – И да, мы ожидаем полного уважения территориальной целостности Королевства Дания’.

Таким образом, ощущение *tryghed* оказывается неразрывно связанным с понятием «свое», тогда как в отношении того, что датский социум определяет как «чужое», возникает понятие *sikkerhed*.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что внутри любой общности, к которой датчане себя причисляют, будь то малый датский социум или же Евросоюз и Североатлантический альянс, они

стремятся достичь состояния *tryghed* как ощущения *консенсуса, защищенности и благополучия*.

Такой подход согласуется с коммуникативным менталитетом датского социума как малого, компактного и гомогенного языкового сообщества, для которого ключевой является идея общности (*fællesskab*), и в котором коммуникантами используются нюансированный арсенал языковых маркеров консенсуса, направленных на то, чтобы поддерживать столь важное для датчан субъективное ощущение *хюгге,* сочетающего в себе идею общности (*fællesskab*), защищенности (*tryghed*) и благополучия (*velvære*).

Такой коммуникативный менталитет социума служит для датских политиков оправданием примирительной позиции по американо-гренландскому вопросу, направленной на достижение консенсуса с США в рамках Североатлантического альянса, как той геополитической общности, к которой Дания себя причисляет.

Литература

Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5–17.

Никуличева Д. Б., Крылова Э. Б., Гурова Е. А. Антропоцентрическая грамматика датского языка. М.: МАКС Пресс, 2024.

Никуличева Д. Б. Антропоцентрированные пространства в датской композитной номинации и датской грамматике // Скандинавская филология. 2025. Т. 23. Вып. 2. С. 180–197.

Avakova Yu. "Nærområde": A broad-spectrum term with elusive meaning // Scandinavian Philology. 2025. Vol. 23. Iss. 1. P. 5–15. https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2025.101

Dansk korpus. Режим доступа: http://ordnet.dk/korpusdk

Den Danske Ordbog. Moderne Dansk Sprog *(DDO)*. URL: http://ordnet.dk/ddo

Baron I., Lundquist L. Er danskerne et misforstået folk? // Mål og Mæle. 2025. 46. årgang, No. 2. S. 10–18.

Kornø-Rasmussen H. Den danske stamme – en befolkningshistorie. København: Politikens Forlag, 2008.

Knudsen A. Her går det godt, send flere penge. 3 udg. København: Gyldendal, 1997.

Levisen C. Cultural Semantics and Social Cognition: A Case Study on the Danish Universe of Meaning. Berlin: De Gruyter Mouton. 2012. https://doi.org/10.1515/9783110294651

Levisen C., Waters S. Lige, a Danish "magic word"? An ethnopragmatic analysis // International Journal of Language and Culture. 2015. N 2:2. P. 244–268.

Litteraturhåndbogen / red. Ib Fisher Hansen et al. København: Gyldendal, 1995. URL:

https://www.dr.dk/nyheder/indland/groenland/trump-raadgivers-kone-i-opsigtsvaekkende-opslag-om-groenland-indhyllet-i-det-amerikanske-flag-snart

***D. B. Nikulicheva** (Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University

DANISH COMMUNICATIVE MENTALITY AND DENMARK'S POSITION ON THE AMERICAN-GREENLAND ISSUE

The article argues that for small and homogeneous Danish society the key concept is that of community (*fællesskab*), supported by a wide range of linguistic consensus markers. The article examines how the interpersonal consensus scenario is manipulatively transferred to the level of intercultural communication: Denmark's conciliatory attitude toward US claims is presented as a desire to achieve consensus within the larger North Atlantic community.

Key words: Danish language, communicative mentality, language-specific concepts of culture, markers of interpersonal communication.

***А. Р. Нурутдинова** (Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
AiRNurutdinova@kpfu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНВЕРТИРОВАННОГО ОЦЕНОЧНОГО КОНЦЕПТА *МОЛЧАЩИЙ КАК СУБЪЕКТ СКРЫТОЙ УГРОЗЫ*

На материале малых жанров фольклора (пословицы, загадки, былички) анализируются когнитивные механизмы формирования инвертированного оценочного концепта, в котором молчащий, а не говорящий, наделяется признаком скрытой угрозы. С позиций когнитивной лингвистики и лингвосенсорики реконструируются этапы концептуальной трансформации. Вводится различие между акустической тишиной и лингвосенсорной тишиной как семиотически нагруженным фоном. Особое внимание уделяется соматическим и перцептивным кодам оценки.

Ключевые слова: инвертированный концепт, молчание, скрытая угроза, малые жанры фольклора, когнитивная лингвистика, лингвосенсорика.

Традиционная паремиологическая картина мира закрепляет устойчивые оценочные оппозиции. Говорливость маркируется негативно *(«Язык мой – враг мой», «Много говорить – грех творить», «Язык без костей – мелет, а слушать нечего», «Лишнее говорить – себе вредить», «Где много*

говорят, там дела не спорят»), молчание – позитивно *(«Молчание – язык умных», «Кто молчит, тот не грешит», «Молчаливый рот – золотой клад», «Слово – серебро, молчание – золото»).* В ряде малых фольклорных жанров фиксируется обратная трансформация: формируется инвертированный оценочный концепт, в котором молчащий становится субъектом скрытой угрозы.

Цель исследования – выявить когнитивные, лингвосенсорные и соматические механизмы концептуального сдвига.

В когнитивной лингвистике концепт определяется как оперативная единица памяти и концептуальной системы [Болдырев 2006]. В составе оценочного концепта аксиологический компонент не является статичным: он способен к инверсии под воздействием когнитивных контекстов. Аналитически значимо разграничение двух уровней когнитивной обработки. Первый уровень – *инверсия оценки* – представляет собой процедуру аксиологического сдвига, при которой нейтральный или положительный признак (в данном случае – молчание) перемаркируется знаком «опасность»; может быть ситуативной и обратимой. Второй уровень – *формирование нового концепта* – предполагает устойчивую фиксацию инвертированной оценки в долговременной ментальной структуре, что влечёт за собой генерацию инвариантных предикаций, сценариев поведения и культурных стереотипов. Переход от первого уровня ко второму знаменует собой институционализацию инверсии: *молчание перестает ассоциироваться с благоразумием и начинает кодироваться через семантические признаки непредсказуемости, затаенной агрессии и сенсорной неопределенности.* Таким образом, концепт *«молчащий как субъект скрытой угрозы»* является результатом не просто единичной инверсии, а когнитивной инверсией в структуре языкового сознания носителей традиции.

Применительно к оппозиции *«говорение / молчание»* ключевым становится не сам факт наличия или отсутствия акустического сигнала, а ***асимметрия сенсорной верификации***. Говорящий субъект верифицируется по двум модальностям – *акустической* (речь, интонация, тембр) и *визуальной* (артикуляция, жесты), что снижает неопределенность его интенций. Молчащий доступен визуальному каналу, причем сама по себе визуальная презентация в отсутствие речи становится семиотически неопределенной: одна и та же поза или мимика может сигнализировать о выжидании, угрозе или отсутствии коммуникативной интенции.

Тишина в лингвосенсорном измерении негомогенна. Принципиально различению подлежат два режима восприятия: (1) *акустическая тишина* как физическое отсутствие звукового сигнала; запускает общий ориентировочный рефлекс, универсальный для человека и высших животных; (2) *лингвосенсорная тишина* – культурно и ситуативно интерпретируемый фон,

на котором отсутствие речи приобретает семиотическую нагрузку, маркируя потенциальную угрозу. Второй режим восприятия предполагает не просто сенсорную пустоту, а когнитивный конфликт между перцептивной неопределенностью и прагматической необходимостью быстрой оценки.

Сама эта конфликтность – а не физическое отсутствие звука – генерирует соматические маркеры непредсказуемости, которые в фольклорных текстах регулярно вербализуются через метафоры *«затаившегося», «притаившегося»*, *«таящийся»* или *«беззвучно подкравшегося»* агента. Следовательно, инверсия оценки («молчащий опасен») имеет не архаично-рефлексивную, а операционально-рациональную основу. Степень потенциальной угрозы обратно пропорциональна числу сенсорных каналов, через которые возможна верификация субъекта. Молчащий оказывается опасен не потому, что он «таинственный» или «дьявольский», а потому, что его поведение менее предсказуемо при дефиците сенсорной информации.

Соматические реакции (мышечное напряжение, замирание) при этом возникают не на звуковую пустоту, а на ее интерпретацию как фона возможного внезапного действия. Данное различие позволяет объяснить, почему в одних культурных контекстах тишина оценивается как благо *(«Молчание – золото»)*, а в других – как маркер опасности *(«Бойся молчащего»)*.Связь между соматическими паттернами и языковой семантикой опасности обоснована в работах по лингвосенсорике и психолингвистике [Залевская 2007], где телесная реакция на сенсорную неопределенность квалифицируется как базовая когнитивная операция оценки.

Материал малых жанров фольклора (пословицы, загадки, былички) демонстрирует этапы формирования инвертированного концепта:

Первый этап – нейтральная фиксация альтернативы («Лающая собака редко кусает», англ. “Barking dogs seldom bite”).

Второй этап – прямая инверсия оценки: опасность приписывается молчащему («Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит», англ. “Beware of a silent dog and still water” [ODP 2015]; нем. “Stille Wassers indtief” букв. «Тихие воды глубоки», рус. параллель «В тихом омуте черти водятся»).

На третьем этапе молчащий концептуализируется как сознательный субъект скрытой угрозы, что зафиксировано в фольклорных нарративах.

Пример 1. Быличка о лешем (сборник В. П. Зиновьева, № 127). *«… Старуха собирается по ягоду идти, с внучкой. А старик: – Чтоб те леший водил. Кажный раз – все по ягоду, по ягоду! Он ее повел. <…> Вот он ее повел и повел. Вот она пошла, перешла с Актагучей через хребет, все идет, все идет. Теперь, вперед ее старик идет. – Пойдем за мной! – Сук ей дал (что его поднять трудно было). Девке – дал. <…> – А чем же вы питались? – Ково,*

он нам давал хлеб! – В карманы-то сунулись, а там мох! Он им моху набил» [Зиновьев 1987]. В приведенном тексте леший (субъект скрытой угрозы) не вступает в вербальную коммуникацию, его действия лаконичны. Говорящий субъект (старик) произносит проклятие, которое реализуется как перформатив. Молчание лешего маркирует его как непредсказуемого и опасного агента.

Пример 2. Загадка из собрания Д. Н. Садовникова (№ 98, «Молчан собака»). *«Молчан собака / Весь дом стережет»* **[Садовников 1876: 22].** Данная загадка репрезентирует архаичный, доконфликтный тип концептуализации молчания, где тишина выступает не как угроза, а как надёжная охрана. Варианты загадки фиксируют ключевое качество молчащего субъекта: «Не лает, не кусает, а в дом не пускает» **[Садовников 1876: 22].** Лающий субъект оценивается как неэффективный, тогда как молчащий наделяется функцией контроля.

Пример 3. Быличка о разбойниках из сборника Н. Е. Ончукова («Северные сказки», № 93, «Попадья и разбойники»). *«Досюль мазурики все в гости ходили и зовут попадью на место: „Приди к нам в гости“. И наказали ей дом и всё. Ну она и пошла нный раз. Пришла к ступеням, собаки на цепи болшии такии у их»* [Ончуков 1908: 40]. В данном фрагменте разбойники действуют скрыто, вне видимого акустического поля. Само их присутствие маркируется молчаливым ожиданием, где агрессия замещается тишиной и скрытым контролем. Собаки на цепи, их молчание («не лает») выступает индикатором потенциальной угрозы.

С позиций теории ментальных пространств [Fauconnier 1994] данная инверсия описывается как бленд трех пространств: *пространство «коммуникант»* (признаки: говорение/молчание); *пространство «опасный агент»* (скрытность, внезапность); *пространство «сенсорный фон»* (акустическая сигнатура / тишина). Эмерджентная структура закрепляет за молчанием признак скрытности из пространства опасного агента, а говорение сохраняет лишь сигнальную функцию, утрачивая связь с угрозой.

Формирование инвертированного оценочного концепта *«молчащий как субъект скрытой угрозы»* представляет собой когнитивную операцию перекатегоризации, в ходе которой исходный признак *«интенсивность коммуникации»* замещается признаком *«предсказуемость поведения»*. Говорящий, независимо от обилия речи, оценивается как предсказуемый (его действия локализуемы и сигнально маркированы); молчащий, напротив, квалифицируется как непредсказуемый, что и порождает семантику скрытой угрозы. Как показано выше, лингвосенсорный код, связывающий тишину с непредсказуемостью, и соматический паттерн *«напряжение в тишине»* выступают пусковыми механизмами инверсии.

Перспективы исследования включают корпусный анализ динамики данного концепта в современных городских фольклорных жанрах, в частности: анализ крипипаст (устных страшилок, бытующих в цифровой среде) с образами молчащих антагонистов; контекстуальный анализ мемов, где молчание персонажа маркирует его как угрозу (формат “Why so silent?”); фреймовое моделирование инвертированных оценочных структур в интернет-фольклоре с последующим сопоставлением с традиционными паремиями.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Залевская А. А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин: Калининский государственный университет, 1982.

Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев; отв. ред. Р. П. Матвеева. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. URL: https://siberia-culture.livejournal.com/1076.html (дата обращения: 29.05.2026).

Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. / сборник Н. Е. Ончукова. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1908. XLVIII (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии; т. 33). URL: https://booksite.ru/fulltext/sev/ern/yye/9.htm (дата обращения: 29.05.2026).

Садовников Д. Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Лебедева, 1876. URL: https://rodnovery.ru/images/knigi/sadovnikov-zagadki-russkogo-naroda.pdf (дата обращения: 29.05.2026).

Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

ODP – Oxford Dictionary of Proverbs. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015.

A. R. Nurutdinova *(Kazan, Russia)*
Kazan (Volga Region) Federal University

FORMATION OF AN INVERTED EVALUATIVE CONCEPT THE SILENT ONE AS A SUBJECT OF HIDDEN THREAT

Based on small folklore genres (proverbs, riddles, bylichki), the article analyzes cognitive mechanisms of forming an inverted evaluative concept in which the silent person, rather than the speaker, is endowed with the feature of hidden threat. From the perspectives

of cognitive linguistics and linguosensorics, the stages of conceptual transformation are reconstructed. A distinction is introduced between acoustic silence and linguosensory silence as a semiotically loaded background.

Key words: inverted concept, silence, hidden threat, small folklore genres, cognitive linguistics, linguosensorics.

Т. Ю. Передриенко *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
peredrienkoti@susu.ru

СИНЕСТЕТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИКА ЗАПАХОВ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Целью статьи является выявление и систематизация синестетических метафор, используемых для передачи обонятельных ощущений. Материалом для исследования послужили синестетические словосочетания с компонентом *запах*, отобранные из Национального корпуса русского языка. Проведенный анализ показал, что доминирующим направлением является перенос из сферы вкуса, а самым редким перенос из зрительной сферы.

Ключевые слова: синестезия, метафора, перцептивный опыт, восприятие, обоняние, запах.

Изучение того, как человек осмысляет перцептивный опыт и переводит его в вербальную форму, остается одной из ключевых задач когнитивной лингвистики. Особый научный интерес вызывает анализ взаимосвязи ощущений, поскольку исследование интеграции перцептивных модальностей расширяет представление о формировании целостного образа объекта восприятия.

Взаимодействие сенсорных систем, при котором признаки одной модальности переносятся на другую, определяется как феномен синестезии [Рубенштейн 2000: 216]. По наблюдению О. В. Чалей, способность к синестетическому восприятию заложена в каждом человеке, однако данный процесс протекает бессознательно и часто не поддается контролю [Чалей 2017: 109]. Межсенсорные ощущения, получившие вербальное оформление, называются языковой синестезией. В речи языковая синестезия выполняет дескриптивную функцию, передавая сложные межсенсорные ощущения, а также компенсаторную функцию, заменяя реальные впечатления словесным образом, который формируется на основе прошлого перцептивного опыта субъекта. Л. В. Лаенко интерпретирует данный механизм как метафорический перенос, при котором лексические единицы, закрепленные за

одной перцептивной модальностью, начинают использоваться для описания другой [Лаенко 2005: 12].

Примером синестетической метафоры может послужить коллокация *сладкий запах*, в которой использование прилагательного из вкусовой сферы для описания запаха переносит ассоциации с приятными ощущениями от сладких блюд в обонятельную сферу. *Сладкий* описывает не физическое свойство запаха, а эмоциональное восприятие, которое он вызывает. Таким образом, синестетический перенос является инструментом передачи новых оттенков чувственных ощущений или их оценки.

Целью написания статьи является выявление и систематизация межмодальных выражений, вербализующих обонятельные ощущения для определения способов концептуализации запахов в русской лингвокультуре. Материалом для анализа послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ – https://ruscorpora.ru). Из корпуса были отобраны контексты употребления синестетических сочетаний компонента *запах* с лексическими единицами, относящимися к четырем другим перцептивным модальностям (вкусовой, зрительной, слуховой, осязательной). Для проведения исследования применялись методы семантического, лексикографического, контекстуального и лингвокогнитивного анализов.

Анализ примеров показал, что доминирующим направлением синестетического переноса является перенос из вкусовой сферы в обонятельную (модель: вкус ← обоняние). Физиологическую связь этих модальностей ученые объясняют существованием двух типов обоняния: ортоназального («прямого») и ретроназального («ротового»), при котором происходит перемещение запахов из ротовой полости в носовую в процессе приема пищи [Опенков, Тетенков 2025: 92]. Вербальная репрезентация вкуса и запаха также связана, о чем свидетельствуют пересекающиеся признаки (*нежный вкус и нежный запах; тонкий вкус и тонкий запах; пряный вкус и пряный запах; неприятный вкус и неприятный запах*) и синестетические переносы (*горький запах, кислый запах, сладкий запах, приторный запах*). Отличие синестетического переноса от пересекающегося признака состоит в том, что в коллокациях первого типа четко определяются первичные ощущения, которые переходят на обонятельную модальность.

Анализ коллокаций выявил использование вкусовых прилагательных (*вкусный / сладкий (сладковатый) / аппетитный / горький (горьковатый) / приторный / кислый / прогорклый / сдобный / жгучий запах*) и глагола (*горчить – запах горчил*) для обозначения обонятельных признаков. В синестетических переносах по данной модели отражается как реальная связь между вкусом пищи и ее запахом (*Из кухни доносился* вкусный запах

чуть-чуть подгорелой мамалыги; Сладкий запах *свежего хлеба щекотал ноздри – даже голова кружилась от этого запаха*), так и повторное метафорическое переосмысление и перенос значения в новую область (*Этот* сладкий запах жизни *становится одной из наиболее репрессивных обонятельных доминант Колымы; Порой боль прошлого оказывается сильнее, и* сладкий запах мести *ведет за собой*). В метафоре *сладкий запах жизни* выражается не физический аромат, а эмоциональное состояние радости от возможности жить, то есть происходит перенос из сфер запаха и вкуса в сферу эмоциональной оценки абстрактного понятия. В метафоре *сладкий запах мести* выражается разрушительное желание реванша, которое становится не холодным расчетом, а притягательным чувством на физическом уровне, но приносящим облегчение на короткое время. В обеих метафорах используется одинаковый перцептивный образ *сладкого запаха*, который выражает перенос сложного внутреннего переживания в телесно ощутимое. Однако результат этого переноса противоположен.

Синестетические метафоры, образованные по модели переноса вкусовых признаков в обонятельную сферу, редко носят только описательный характер. Вкус изначально аксиологически нагружен, например, *сладкий* ассоциируется с удовольствием, а *горький* и *кислый* с неприятными ощущениями. Перенос вкусовых характеристик в обонятельную сферу наделяет запах имплицитной оценкой, которая выражает принятие или отторжение запаха на основе физиологического комфорта или дискомфорта (отрицательная оценка – *От* кисловатого запаха *деревенского жилища слегка мутило*; положительная оценка – *Воздух мягкий, прозрачный и словно пронизанный* сладким запахом *цветов*).

Следующей моделью образования синестетических метафор является перенос значения из осязательной сферы в обонятельную (модель: осязание ← обоняние). Обращение к данной модальности как сфере-источнику объясняется стремлением «материализовать», то есть сделать доступным для осязания абстрактный запах. В рамках данной модели выделяются несколько признаков, участвующих в синестетическом переносе, которые можно разделить на группы: температурные (*горячий / теплый / холодный запах*); весовые (*тяжелый / легкий / невесомый запах*); текстурные (*острый / режущий / клейкий / влажный / пушистый запах*); консистентные (*густой / плотный / вязкий / тягучий / липкий запах*).

Подобный перенос основывается на принципе эмбодимента, когда осязательный опыт взаимодействия с материальным объектом (ощущение тепла или холода, легкости или тяжести) становится основой для вербализации запаха. Данная модель синестетического переноса также выполняет двойную функцию. С одной стороны, использование осязательных при-

знаков позволяет вербализовать трудновыразимые характеристики запаха (*Накрытая платком корзина источала* густой запах *колбасы*), а с другой стороны, они также выражают оценку (положительная оценка – *Из церкви доносился* теплый запах *ладана*; отрицательная оценка – *Непонятно как возник, нестерпимо* режущий запах *роз*). В данных примерах прилагательное *густой* выражает сложный признак концентрированности, насыщенности и тягучести запаха по пространству, прилагательное *теплый*, ассоциируемое с безопасностью и уютом, передает позитивные эмоциональные ощущения от помещения, которое данный запах наполняет, а прилагательное *режущий* одновременно актуализирует остроту воздействия запаха и физический дискомфорт, который он доставляет.

Перенос значений из зрительной модальности в осязательную не является частотным. Запах в основном воспринимается в связи с объектом восприятия (*запах кофе, запах цветов*), а перенос зрительных характеристик в обонятельную сферу требует «отрыва» запаха от объекта. В материале исследования модель зрение ← осязание представлена сочетанием лексической единицы *запах* с цветообозначениями (*золотистый / розовый / малиновый запах*) и светообозначениями (*яркий / светлый / тусклый запах*): *На меня повеял сильный* розовый запах, *Все было пропитано* тусклыми запахами. В данных метафорах абстрактные обонятельные впечатления превращаются цвето- и свето-пространственные образы.

Невысокая частотность синестетических метафор, образованных по модели зрение ← осязание, может быть объяснена теорией Дж. Уильямса, который эмпирически доказал, что синестетические переносы, как правило, осуществляются по направлению от «низших» к «высшим» модальностям, то есть от осязания к вкусу, далее к запаху, к слуху и зрению. Модель зрение ← осязание нарушает эту тенденцию, и потому встречается редко. В исследованиях Дж. Уильямса метафоры, образованные по данной модели, составили 1,1% от всех проанализированных им синестетических переносов [Williams 1976].

Перенос значений из слуховой модальности в обонятельную встречается редко. В материале исследования модель слух ← обоняние представлена всего одной метафорой: *слышать запах*. Обонятельная модальность «заимствует» глагол из слуховой модальности, так как не имеет своего личного глагола для обозначения процесса восприятия, а процесс выражается общемодальными перцептивными глаголами (*чувствовать, воспринимать, различать, ощущать*). Метафорическое использование глагола *слушать* в сфере обоняние выражает распознавание запахов, подобно распознаванию звуков.

Важно отметить, что синестетические переносы могут строиться не только на взаимосвязи двух модальностей, но и охватывать несколько кана-

лов восприятия. Это демонстрируют следующие примеры: *Запах был* клейкий *и невероятно* сладкий, *Она почувствовало* горячий соленый *запах его коня, Я* слышу острый *запах хмеля.* Одновременное обращение к нескольким модальностям обусловлено необходимостью выразить сложные ощущения и создать более яркий и запоминающийся образ объекта восприятия.

Проведенный анализ показал, что доминирующим направлением синестетического переноса является перенос из вкусовой сферы в обонятельную, самым редким является перенос из зрительной сферы. Возможны случаи активации нескольких перцептивных каналов для выражения сложных ощущений и создания ярких образов. Функциональный потенциал синестетических метафор двойствен, так как они не только восполняют лакуны в вербализации запахов, но и выражают эмоциональные и оценочные смыслы.

Литература

Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2005.

Опенков М. Ю., Тетенков Н. Б. Философия запаха и вкуса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. № 5 (25). С. 89–97.

Рубенштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

Чалей О. В. Концептуализация вкусовых ощущений в естественном языке: дис. … канд. филол. наук. М., 2017.

Williams J. M. Synaesthetic adjectives: a possible law of semantic change // Language. 1976. № 2 (52). P. 461–478.

T. Yu. Peredrienko *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State University (National Research University)

SYNESTHETIC METAPHORS OF SMELL: LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS

The article aims to identify and systematize synesthetic metaphors used to convey olfactory sensations. The research material comprises synesthetic word-combinations with the component *smell* selected from Russian National Corpus. The analysis reveals that the dominant direction of synesthetic transfer is from gustatory domain, whereas transfer from the visual domain is the least frequent.

Key words: synesthesia, metaphor, perceptual experience, perception, olfaction, smell.

Н. Н. Помуран *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
pomnatnik@mail.ru

КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема диагностики профессионального сознания при помощи когнитивных методов. Сравниваются структура и содержание концепта ОРУЖИЕ в российском правовом дискурсе и его отражение в языковом сознании курсантов военного вуза. Выявлено, что в языковом профессиональном сознании обучающихся и в юридической дефиниции концепта ОРУЖИЕ центральный, ядерный признак не совпадает, при этом частично пересекаются когнитивные признаки ближайшей и дальней периферии. Делается вывод о доминировании у курсантов субъективно-эмоционального признака концепта.

Ключевые слова: семантико-когнитивный анализ, ассоциативный эксперимент, когнитивные признаки, профессиональное языковое сознание, концепт ОРУЖИЕ.

Оценка сформированности профессиональных компетенций в высших учебных заведениях по-прежнему остается одной из ключевых проблем высшего образования. Результаты освоения образовательных программ напрямую зависят от уровня сформированности всех измеряемых достижений, составляющих компетенции и выраженных в знаниях, умениях и практических навыках. В качестве приоритетных выделяют такие критерии оценивания, как надежность, справедливость процесса оценивания и аутентичность результатов [Ефремова 2023]. Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется проблеме оценки усвоения профессиональных теоретических знаний. Как правило, методы оценки теории относят к базовому уровню сложности и проверяют с помощью тестовых заданий, при этом под понятием «базовое» нередко подразумевают низкий уровень сложности [Алтыникова 2024: 29, 44].

В противовес упрощенному пониманию теоретической подготовки, с точки зрения когнитивной лингвистики процесс усвоения знания не сводится к заучиванию фактов, а происходит на основе обработки и переработки человеческого опыта, формирования концептов и категорий об окружающем мире и их фиксации в языковой форме [БРЭ, URL]. Поскольку ключевыми механизмами познавательной деятельности являются концептуализация и категоризация, для выявления латентных процессов формирования профессионального сознания мы предлагаем использовать когнитивные

методы, заимствованные из когнитивной лингвистики и психолингвистики, а именно метод семантико-когнитивного анализа концепта и ассоциативный эксперимент. Данные методы позволяют оценить не только репродуктивный слой знания, но и глубинные когнитивные структуры, лежащие в основе профессионального сознания и мышления. Такой подход, на наш взгляд, способен обеспечить аутентичность и надежность.

Методологическая основа работы базируется на когнитивном подходе к анализу правовых концептов [Сазонникова 2023]. В отличие от традиционного «понятия», «концепт» включает культурные, оценочные и интуитивные слои, что позволяет глубже раскрыть содержание законодательных терминов [Болдырев 2002; Карасик 2004; Попова, Стернин 2000]. В рамках использования семантико-когнитивного метода концепт трактуется как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001], а его внутренняя структура, по В. И. Карасику, включает три взаимосвязанных компонента – образный, понятийный и ценностный [Карасик 2004]. Метод позволяет исследовать концепт ОРУЖИЕ в российском правовом дискурсе. Для выявления латентных когнитивных структур, лежащих в основе профессионального сознания, мы предлагаем использовать ассоциативный эксперимент. Данный метод позволяет реконструировать нерефлексируемые связи между понятиями, в основе которых лежат различные по психологической природе механизмы и процессы ассоциирования [Леонтьев 2011]. В сочетании с семантико-когнитивным анализом концепта ассоциативный эксперимент дает возможность эмпирически изучить, каким образом профессионально значимые концепты реконструируются в сознании обучающихся, что является важным для диагностики сформированности компетенций на имплицитном уровне.

Целью настоящего исследования является описание практики использования метода семантико-когнитивного анализа концепта и ассоциативного эксперимента в диагностике профессионального сознания.

В соответствии с текстом Федерального закона «Об оружии» к ядерным признакам концепта ОРУЖИЕ относятся **конструктивная предназначенность, артефактность и функциональность**. Конструктивная предназначенность означает, что функция поражения должна быть заложена в оружии уже на этапе производства. Данный признак вербализуется в тексте Закона с помощью пассивных причастных оборотов, например «сконструированное и произведенное», что подчеркивает не природное, а искусственное происхождение объекта. Артефактность фиксирует понимание оружия как продукта человеческой деятельности. Этот признак закреплен в лексеме «изделие», которая регулярно замещает слово «оружие» в дефинициях. Функциональность как ядерный признак раскрывается через целевую

направленность оружия, а именно поражение живой или иной цели либо подачу сигналов. Данный признак вербализуется глагольными конструкциями с семантикой целевого назначения, такими как «предназначено для поражения» и «служит для подачи сигналов».

Периферия концепта формируется классификацией по **субъекту использования**, а именно гражданское оружие, служебное оружие, боевое оружие, по **принципу действия**, то есть огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, по **особым статусам, модифицирующим ядерную функцию**, например списанное оружие, бывшее оружие, выполняющее культурную либо образовательную функцию, оружие, имеющее культурную или художественную ценность.

Важным оценочным признаком выступает отнесение оружия к **источнику повышенной опасности**, что является дальнейшей периферией концепта. Несмотря на стремление правового текста к денотативной точности, в этом случае мы наблюдаем элементы метафорического переноса. Юридическая метафора «источник повышенной опасности» актуализирует когнитивное отображение оружия через образ природной стихии или техногенной угрозы, что подтверждается использованием лексем «угроза», «ущерб», «безопасность обращения».

На основе ассоциативного эксперимента были получены следующие результаты. К ядерным ассоциативным признакам концепта ОРУЖИЕ относятся **смертельная опасность и функциональность**. Ядро ассоциативного поля ОРУЖИЕ образуют такие слова, как «смерть», «война», «убийство», «кровь», «патроны», то есть кластеры летальности и конфликта, и способность выполнять свое целевое назначение, то есть поражать живую цель. Если сложить все реакции, явно или метафорически отсылающие к смерти или гибели, их доля составляет около 20–25%. Ближайшую периферию образует классификация по **конструктивным и функциональным признакам**. К ним относятся ассоциации «АК-74», «автомат», «пулемет», «баллистическое», «биологическое», «химическое», «стрелковое», «ядерное». Дальнюю периферию образуют **абстрактно-рефлексивные** признаки, формируемые за счет метафоризации, а именно «язык», «колесо», а также **справедливость и негативные эмоции**, не связанные напрямую со смертью, вербализованные такими словами, как «паника», «страх», «мучение», «ненависть», «скорбь». К признакам дальней периферии также относятся **технические характеристики оружия**, а именно «принцип автоматики», «заряжение», «тактико-технические характеристики» и «механизм».

Таким образом, в языковом сознании курсантов и в юридической дефиниции концепта ОРУЖИЕ не совпадает центральный ядерный признак.

В российском правовом дискурсе ключевым признаком является целевое назначение предмета. Когнитивный признак «смертельно опасный» сознательно вынесен за скобки, поскольку закон оперирует поражением и вредом, но не смертью. В ассоциациях испытуемых оружие выступает как носитель смерти, этот признак частично соответствует периферийному признаку «источник повышенной опасности» в законодательстве, однако в отличие от правового признака он эмоционально окрашен. Общим когнитивным признаком в правовом тексте и сознании является функциональность.

В ближайшей периферии ассоциативного поля испытуемых и концепта ОРУЖИЕ в тексте Закона главным признаком выступает классификация оружия. Вместе с тем, основания для классификаций различаются.

Дальняя периферия закона является нормативно-оценочной и инструментальной, включающей ограничения и модификации ядра. Дальняя периферия ассоциативного поля испытуемых носит субъективно-эмоциональный, эстетический и метафорический характер. Признаки почти не пересекаются, за исключением слабого соответствия признаку «источник повышенной опасности».

В профессиональном сознании курсантов первого курса доминирует не формально-юридический, а эмоциональный признак концепта. Наряду с этим в ассоциативном поле испытуемых фиксируются также общие для правового и языкового сознания ядерный признак функциональности и признак ближайшей периферии – классификация оружия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что на первом году обучения в основе профессионального мышления лежат субъективно-эмоциональные компоненты. Дальнейшее исследование может быть направлено на сравнение профессионального сознания у обучающихся на младших и старших курсах, а также на анализ перехода теоретических знаний из декларативных в процедурные, автоматически активируемые при ассоциативном развертывании.

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать полученные данные для коррекции учебных программ, разработки ассоциативных упражнений и формирования профессиональной когнитивной модели концепта.

Литература

Алтыникова Н. В. Оценочные материалы как компонент образовательной программы высшего образования. Методические рекомендации. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2024.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.

Ефремова Н. Ф. Доказательно аргументированный подход к оцениванию компетенций в профессиональном образовании // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 08. С. 1–14.

Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. С. 45–58.

БРЭ – Когнитивная лингвистика / Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев. Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2022. URL: https://bigenc.ru/wiki/Когнитивная_лингвистика

Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 7–29.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 2000.

Сазонникова Е. В. «Концепт» в правовой науке: модное веяние или неизбежная альтернатива «понятию»? // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 58–65.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.

Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

N. N. Pomuran *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk military Order of Zhukov institute named after the General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops the Russian Federation

COGNITIVE LINGUISTIC ASSESSMENT OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS

This article examines the problem of assessing professional consciousness through cognitive methods. It compares the structure and content of „the concept of FIREARM" (oruzhie) in Russian legal discourse with its representation in the linguistic consciousness of military institute cadets. The findings reveal a mismatch in the central, nuclear feature of „the concept of FIREARM", whereas the cognitive features of the near and far periphery partially overlap. The article concludes that the subjective-emotional feature of the concept predominates among cadets.

Key words: semantic-cognitive analysis, associative experiment, cognitive features, professional linguistic consciousness, FIREARM concept.

Е. В. Федяева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
e.v.fedyaeva@linguanet.ru

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Статья посвящена проблеме сохранения национального сознания как уникальной системы ценностей, которая фиксируется языком. Исследование выполнено с позиций когнитивного подхода, в основе которого лежит тезис о взаимосвязи сознания, языка, культуры и культурной обусловленности когниции. Триада СОЗНАНИЕ – ЯЗЫК –КУЛЬТУРА рассматривается в контексте осмысления права нации определять свою систему ценностей, интерпретировать мир сквозь призму собственного языка.

Ключевые слова: сознание, язык, культура, идентичность, когнитивная самодостаточность, культурный суверенитет.

Сегодня в условиях происходящих в мире геополитических конфликтов и изменений проблематика защиты национального сознания от внешнего деструктивного воздействия, обеспечения когнитивного и культурного суверенитета как составных элементов государственного суверенитета представляется актуальной и своевременной.

В конце прошлого века, предвидя политическую реальность наших дней, С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» сделал свой прогноз развития всей земной цивилизации, подчеркнув, что наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности [Хантингтон 2003]. Действительно, в контексте современной ситуации вопрос борьбы за сохранение культурной идентичности народов, их уникального культурного и цивилизационного кода приобретает все большую значимость.

С позиций когнитивной лингвистики ракурс изучения обозначенной проблематики может быть связан с переосмыслением вопросов, касающихся защиты границ ментального пространства определенного лингвокультурного сообщества, сохранения коллективного сознания как когнитивной собственности и языка как средства хранения и трансляции продуктов культуры.

Известно, что связанные общим знанием, члены коллектива образуют единство, отличающееся от других своими нормами, коммуникативными конвенциями и ценностными установками как элементами всеобщего знания, обеспечивающими взаимопонимание внутри лингвокультурного сообщества и зафиксированные в языке. По словам Е. С. Кубряковой, «структуры

знания, фиксируемые в языке, – это прежде всего «естественные» структуры, структуры опыта, осмысления и оценок мира, разделяемые всеми членами данного языкового сообщества и потому входящие в область так называемого «разделенного знания» (shared knowledge)» [Кубрякова 2001: 8].

Отметим, что Ю. М. Лотман определяет культуру как «память, закодированную реальным языком» [Лотман 1992: 13], а В. А. Виноградов полагает, что «культура представляет собой совокупное коллективное знание или комплекс знаний, и этот комплекс знаний имеет свое языковое соответствие» [Виноградов 2008: 7]. Другими словами, знания определенной культуры зафиксированы в языковом формате, под которым, согласно Н. Н. Болдыреву, понимается «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном и языковом уровнях» [Болдырев 2006: 5]. Таким образом, язык – это специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов [Levi-Strauss 1966] как «систем координат», «ментальных карт», через которые носители культуры интерпретируют реальность.

Важно отметить, что «всякая культура (и субкультура) имеет в своем основании принцип самодостаточности (автаркии), при этом имеется в виду как самодостаточность когнитивная, так и коммуникативная. Можно даже сказать, что это условие существования (суб)культуры. Если она не имеет когнитивно-коммуникативной самодостаточности, то она либо распадается, либо вливается в другую (суб)культуру, более мощную и развитую. Но, с другой стороны, чем культура выше, тем она открытее к контактам с другими культурами. Вот на этом балансе и покоится развитие всякой культуры: с одной стороны, внутренняя самодостаточность, с другой стороны, возможность и потребность межкультурных контактов» [Виноградов 2008: 8]. При этом коммуникативная самодостаточность «означает, что для каждой (суб)культуры существует свой культурный коммуникативный код, и что ее языковой формат необходимо исследовать, исходя из самой данности этой культуры. Когнитивная самодостаточность культуры означает, что комплекс семиотически оформленных коллективных знаний о себе и о мире исчерпывающе достаточен для ее сознания и сохранения. Когнитивное содержание культуры выражается в культурных концептах» [Виноградов 2009: 9–21]. Как особый уникальный способ осмысления окружающего мира и себя в этом мире когнитивная самодостаточность культуры формируется под влиянием общей истории, религии, географической среды обитания, языка и культурных практик определенного лингвокультурного сообщества, отражая его «самость», которая реконструируется при соотнесении мыслительных и языковых структур, выделении конституентов картины мира, ключевых концептов как элементов когнитивного содержания («смысловой

начинки») культуры (см. например, [Федяева 2026]). Эти когнитивные схемы коллективного мировосприятия указывают на то, что в рамках данной культуры считается *важным* / *неважным*, *допустимым* / *недопустимым*, *красивым* / *некрасивым* и т. д.

Сопоставительные исследования в области языков позволяют каталогизировать наиболее устойчивые, уникальные культурно специфические концепты, формирующие основу идентичности того или иного лингвокультурного сообщества. Так, как известно, приоритет коллективного блага над личными интересами традиционно свойственный русской культуре, не совпадает с ценностными концептами, например, американской культуры, характеризующейся одним из самых высоких показателей индивидуализма. Общество потребления, культивирующее ценности конкуренции и материального успеха как главного мерила жизненных достижений, становится основой мировоззрения. Доминирование в концептуальной системе представителей американской культуры смыслов, связанных с индивидуальными целями, обусловливает стиль воспитания в духе ощущения своей «исключительности», «особенности», «отдельности», формирует модель социального поведения представителей американской культуры и фиксируется языком:

1) *I was born into a late-twentieth-century American middle-class family. … I was raised to believe that I was special. My parents (who were neither hippies nor radicals; who in fact voted for Ronald Regan twice) simply believed that their children had particular gifts and dreams that set them apart from other people's children. My* ***"me-ness"*** *was always prized, and was moreover recognized as being different from my sister's* ***"her-ness"****, my friends'* ***"them-ness"****, and everyone else's* ***"everyone-else-ness"****. Though I was certainly not spoiled, my parents believed that* ***my personal happiness was of some importance****, and that I should learn to shape my life's journey in such a way that would support and reflect* ***my individual search for contentment****.* (E. Gilbert. *Committed*).

Доминантный смысл ИНДИВИДУАЛИЗМ обусловливает формирование и других концептов. Чувство собственной значимости, фокус на своих интересах представителей индивидуалистского типа культуры обусловливает и значимость концепта PRIVACY. Как отмечает Л. А. Козлова, «полное понимание сущности таких концептов и значений слов, именующих такие концепты, представителями другой культуры достигается не через изучение языка, а через личный опыт проживания в новой культуре, на основе т. н. *embodied cognition*, осмысления абстрактной сущности через телесный (физический) опыт» [Козлова 2024: 272]. Приведем пример:

2) *Just as it was impossible to imagine where in this crowded domestic arrangement you might find the happier twin sister of loneliness:* ***privacy****. Mai*

and her mother lived in constant closeness with so many people. I was struck – not for the first time in my years of travel – by ***how isolating contemporary American society can seem by comparison*** (E. Gilbert. *Committed*).

Отметим, что современные когнитивные исследования языка, открывающие доступ к сознанию представителей различных культур, позволяют не только выделить и описать, но и, возможно, пересмотреть и переосмыслить специфические черты менталитета, обусловленные трансформациями доминантных смыслов в структуре национального языкового сознания в ответ на геополитические, социально-экономические вызовы. Так, представляется, что сегодня одним из примеров концептуальной девиации и трансформации традиционных доминант сознания, присущих русской культуре, является более выпуклое проявление черт индивидуализма. Тенденция к индивидуализму, которую можно рассматривать в качестве одного из последствий глобальной американизации, безусловно заслуживает внимания и тщательного изучения в рамках широкой проблематики исследования национального сознания.

Подводя итог, отметим, что поддержание актуального статуса традиционных смысловых доминант культуры, формирующих основу ее идентичности и обеспечивающих ее самодостаточность, создание условий для их естественной передачи последующим поколениям может считаться основной задачей в контексте проблемы сохранения когнитивного и культурного суверенитета.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Виноградов В. А. Языковые форматы культуры как знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Выпуск III. С. 7–11.

Виноградов В. А. Культурный концепт и его лексические составляющие: близнецы // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 9–21.

Козлова Л. А. Культурный код и проблема его ретрансляции в процессе перевода // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: материалы II Всероссийской научной конференции, г. Барнаул, 1–2 ноября 2023 года / под науч. ред. И. Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПУ, 2024. С. 267–277.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. В. 1. С. 4–10.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.

Федяева Е. В. Ключевые концепты культуры и проблема когнитивного суверенитета // Когнитивные исследования языка. 2006. № 2 (67). Ч. II. С. 97–101.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва, СПб.: Terra Fantastica: АСТ, 2003.

Levi-Strauss C. The savage mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1966.

Список источников иллюстративного материала

Gilbert E. Committed. Lnd.: Penguine Books, 2011.

E. V. Fedyaeva *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

LANGUAGE AND CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF CULTURAL SOVEREIGNTY

The article addresses the problem of preserving national consciousness as a unique system of values, which is encoded in language. The study is approached from a cognitive perspective based on the thesis that cognition is culturally conditioned and that consciousness, language, and culture are interrelated. The triad of CONSCIOUSNESS – LANGUAGE – CULTURE is considered in the context of a nation's right to define the system of values and to interpret the world through the prism of its own language.

Key words: consciousness, language, culture, identity, cognitive self-sufficiency, cultural sovereignty.

Е. А. Чуксина *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
evgeniyach96@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРАХА КАК ОСНОВНОГО И НЕОСНОВНОГО СОБЫТИЯ

Статья посвящена изучению способов репрезентации события переживания страха. При помощи средств первичной репрезентации переживания страха отражается интерпретация переживания страха как события, которое начинается, развивается и завершается. С помощью средств вторичной репрезентации события переживания страха отражается интерпретация события переживания страха как основного события, сопоставление его с другими событиями действительности, а также интерпретация события переживания страха как неосновного события, как контейнера, каузатора и объекта другого события.

Ключевые слова: событие переживания страха, первичная репрезентация, вторичная репрезентация, вторичная интерпретация, метафорическая модель.

В каждой синтаксической конструкции при помощи глагола получает отражение то или иное событие действительности. Согласно А. Голдберг, в глаголе заложена информация об определенном событии [Goldberg 1995]. В данной работе для классификации событий в основном используется классификация глаголов, предложенная Л. Г. Бабенко [Бабенко 1999].

Переживание страха рассматривается как событие, которое состоит из трех фаз: фазы начала переживания страха, фазы непосредственного переживания страха и фазы завершения переживания страха, в каждой из которых действуют и взаимодействуют друг с другом участники события (страх, субъект страха, возбудитель переживания страха, активатор завершения переживания страха). Событие переживания страха может передаваться в языке при помощи средств первичной и вторичной репрезентации.

К языковым средствам первичной репрезентации относятся синтаксические конструкции, в которых используются глаголы и прилагательные, имеющие в своем словарном определении значение переживания страха в той или иной фазе. Далее представлены синтаксические конструкции, с помощью которых объективируется переживание страха в трех фазах:

– в фазе начала переживания страха: (1) ***The scale-sheen on the sand scared me to death*** [Plath, URL];

– в фазе непосредственного переживания страха: (2) *A cloud is lowering on the distant town, towards which I retraced my solitary steps.* ***I fear to approach it*** [Dickens, URL];

– в фазе завершения переживания страха: (3) <…> *and finally, I saw her sharp glance soften, and her smile become quite gentle, and* ***I ceased to be afraid of her*** <…> [Dickens, URL].

С помощью языковых средств первичной репрезентации передается интерпретация переживания страха как основного события, то есть события, основные участники которого, выполнение ими определенного действия и нахождение их в определенном состоянии, выводятся в фокус при помощи их языковой объективации в синтаксических конструкциях языка. В примере 1 с помощью каузативного глагола *to scare* репрезентируется процесс, в ходе которого возбудитель переживания страха (*scale-sheen*) приводит субъект страха (*me*) в эмоциональное состояние, в примере 2 при помощи глагола *to fear* репрезентацию получает процесс непосредственного переживания страха субъектом (*I*), в примере 3 сочетание глагола *to cease* с глагольной конструкцией *to be afraid* передает процесс, в ходе которого субъект страха (*I*) перестает бояться возбудителя переживания страха (*her*).

Событие переживание страха может передаваться с помощью языковых средств вторичной репрезентации, в которых отражается вторичная интерпретация события переживания страха как основного события, сопоставление его с другими событиями действительности, или интерпретация события переживания страха как неосновного события, как каузатора, контейнера или объекта другого события. Согласно Н. Н. Болдыреву, в ходе вторичной интерпретации происходит переосмысление и оценка «уже имеющихся вербализованных знаний о мире преимущественно в индивидуальной концептуальной системе человека в соответствии с его мировидением и представлениями о системе норм, стереотипов, ценностей, жизненных доминант (интерпретация знаний о мире)» [Болдырев 2022а: 23].

Событие переживания страха сопоставляется с другими событиями действительности с помощью сочетания наименований страха, субъекта страха, возбудителя переживания страха, активатора завершения переживания страха с глаголом, который, согласно своему словарному определению, передает другое событие. Определили, что событие переживания страха, его фазы и участники, могут сопоставляться со следующими событиями, их фазами и участниками: событиями бытия, движения, физического воздействия на объект, социальных отношений, владения, перемещения объекта / помещения. Были выделены представленные ниже метафорические модели, по которым событие переживания страха сопоставляется с перечисленными событиями: FEAR EXPERIENCE – EXISTENCE, FEAR EXPERIENCE – MOVEMENT, FEAR EXPERIENCE – PHYSICAL EFFECT ON AN OBJECT, FEAR EXPERIENCE – SOCIAL RELATIONS, FEAR EXPERIENCE – POSSESSION AND OWNERSHIP, FEAR EXPERIENCE – TRANSFERENCE OF AN OBJECT / PUTTING, PLACING, AND LOCATING.

Далее приведены синтаксические конструкции, в которых событие переживания страха сравнивается с событием движения с помощью сочетания наименований субъекта страха и страха с глаголами движения (*to come, to pursue, to go*).

(4) *For the first time since his capture,* ***fear came to Bond*** *and crawled up his spine* [Fleming, URL].

(5) *Inexpressible grief, and pity, and* ***terror pursued him****, and he came away as if he was a criminal after seeing her* [Thackeray, URL].

(6) *When he awoke again some hours later* ***all his terrors had gone*** *and he felt warm and languorous* [Fleming, URL].

В представленных примерах начальная фаза события переживания страха сопоставляется с начальной фазой события движения (пример 4), серединная фаза события переживания страха сопоставляется с середин-

ной фазой события движения (пример 5), заключительная фаза события переживания страха сопоставляется с заключительной фазой события движения (пример 6). Страх (*fear, terror(s)*) осмысляется как тот, кто приходит к кому-либо (пример 4), преследует кого-либо (пример 5) и уходит от кого-либо (пример 6). Субъект страха (*Bond, him, he, his*) осмысляется как тот, к кому / то, к чему приходят (пример 4); тот, кого преследуют (пример 5); тот, от кого / то, от чего уходят (пример 6).

Существительное, в словарном определении которого есть значение переживания страха, может также передавать целое событие переживания страха, то есть событие, в котором участвуют субъект страха, страх, возбудитель переживания страха. В синтаксических конструкциях при помощи сочетания передающего целое событие переживания страха существительного с другими глаголами действительности отражается сопоставление события переживания страха с контейнером, каузатором, объектом другого события и осмысление события переживания страха как неосновного события. В соответствии с этим были выделены следующие метафорические модели: FEAR EXPERIENCE – CONTAINER OF THE MAIN EVENT; FEAR EXPERIENCE – CAUSATOR OF THE MAIN EVENT; FEAR EXPERIENCE – OBJECT OF THE MAIN EVENT. Далее представлены синтаксические конструкции, объективирующие перечисленные модели.

Метафорическая модель FEAR EXPERIENCE – CONTAINER OF THE MAIN EVENT отражает сопоставление события переживания страха с контейнером, пространством, в котором происходит основное событие.

(7) ***She lay in horror*** [Lawrence, URL].

Метафорическая модель FEAR EXPERIENCE – CAUSATOR OF THE MAIN EVENT выражает сопоставление события переживания страха с тем, что / кто каузирует основное событие.

(8) *…**they are mad with terror**…* [Wells, URL].

(9) *But fear paralyzes me* [Setterfield, URL].

Метафорическая модель FEAR EXPERIENCE – OBJECT OF THE MAIN EVENT может отражать осмысление события переживания страха как объекта определенного действия в основном событии.

(10) ***I see your** causeless **terror**,…* [Richardson, URL].

В примере 7 описывается ситуация, в которой основным событием, происходящим на фоне неосновного события переживания страха (*horror*), является событие бытия (*to lay*); в примерах 8 и 9 передаются ситуации, в которых неосновное событие переживания страха (*terror, fear*) каузирует основные события эмоционального состояния (*to be mad*) и физиологического состояния (*to paralyze*); в примере 10 отражается ситуация, в которой

основным событием является событие восприятия (*to see*) неосновного события переживания страха (*terror*).

Таким образом, первичная репрезентация переживания страха отражает первичную интерпретацию переживания страха как события с тремя фазами и участниками в них, в то время как вторичная репрезентация передает вторичную интерпретацию события переживания страха как основного и неосновного события в соотношении с другими событиями действительности.

Литература

Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 19–79.

Goldberg A. E. Constructions. A construction grammar approach to argument structure. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995.

Dickens Ch. David Copperfield. URL: https://www.ibe.it/ebook/David-Copperfield.pdf.

Fleming I. Casino Royale. URL: https://enjoyenglish.usite.pro/Fleming_Ian-James_Bond_01_Casino_Royale.pdf.

Lawrence D. H. Sons and Lovers. URL: https://www.gutenberg.org/files/217/217-h/217-h.htm.

Plath S. A Birthday Present. URL: https://allpoetry.com/A-Birthday-Present.

Richardson S. Clarissa. URL: https://www.gutenberg.org/files/9296/9296-h/9296-h.htm.

Setterfield D. The Thirteenth Tale. URL: https://bookscafe.net/read/setterfield_diane-the_thirteenth_tale-144044.html#p1.

Thackeray W. M. Vanity Fair. URL: https://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm.

Wells H. G. The War of the Worlds. URL: https://www.gutenberg.org/files/36/36-h/36-h.htm.

E. A. Chuksina *(Tambov, Russia)*
Tambov State University

VERBAL INTERPRETATION OF THE FEAR EXPERIENCE AS A MAIN AND NON-MAIN EVENT

The article is devoted to the study of the ways of fear experience event representation. Primary representation of the fear experience reflects the interpretation of the fear experience as an event that begins, develops and ends. Secondary representation of the fear experience event reflects the interpretation of the fear experience event as

a main event, its comparison with other reality events, as well as the interpretation of the fear experience event as a non-main event, as a container, a causator and an object of another event.

Key words: fear experience event, primary representation, secondary representation, secondary interpretation, metaphorical model.

Ян Сяоцин *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1042255354@rudn.ru

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ПРОЦЕСС КОГНИТИВНОГО И ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕКОДИРОВАНИЯ

В статье рецепция русской классической литературы в китайской литературе рассматривается как процесс когнитивной трансформации и лингвопоэтического перекодирования. Анализ переносится от истории переводов, литературных контактов и тематических сопоставлений к внутренней организации текста: лексике, синтаксису, ритму, деталям, повествовательной перспективе, внутренней речи и жанровым формам. Русская классика предстает ресурсом формирования сознания персонажа, социального опыта и эстетической структуры современной китайской литературы в новом культурно-языковом контексте.

Ключевые слова: русская классика, китайская литература, рецепция, лингвопоэтика, когнитивное перекодированне.

Изучение рецепции русской классической литературы в китайской литературе традиционно опирается на историю переводов, литературные контакты, тематические переклички и типологическое сходство образов. Такой подход позволяет установить каналы распространения русской литературы в Китае и определить круг произведений, повлиявших на китайских писателей. Однако он не всегда раскрывает, как внешняя художественная система превращается во внутренний элемент нового текста.

В настоящей статье рецепция понимается как процесс когнитивного и лингвопоэтического перекодирования. Она связана не с механическим заимствованием сюжетов и мотивов, а с преобразованием способов художественного мышления, языковой организации и смыслообразования в иной культурно-языковой среде. В этом смысле русская классика выступает не только источником идей, но и моделью литературного видения, которая заново оформляется в китайском дискурсе.

Актуальность такого подхода определяется задачами модернизации китайской литературы XX века. После Движения 4 мая байхуа стал основным языком новой словесности, а проза, эссеистика и драматургия нуждались в формах, способных выразить индивидуальный опыт, повседневность, социальную травму и исторические перемены. Произведения А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя и М. Горького стали важными ориентирами при перестройке языка современной китайской литературы.

Методологической основой исследования является лингвопоэтика – раздел филологии, изучающий стилистически маркированные языковые единицы художественного текста и их роль в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта [Липгарт 1997: 20]. Поэтому рецепция должна подтверждаться не только внешними фактами литературных связей, но и внутренней организацией текста: лексикой, синтаксисом, ритмом повествования, системой деталей, тональностью и подтекстом.

Теоретическую опору дает якобсоновское понимание «литературности». Р. О. Якобсон подчеркивал необходимость исходить из самого произведения и анализировать соотношение языка, приема и структуры [Якобсон 1987: 89]. В его теории языковых функций поэтическая функция направлена на само сообщение и занимает центральное место в словесном искусстве [Якобсон 1975: 7]. Принцип «проекции эквивалентности с оси выбора на ось комбинации» [Jakobson 1981: 27] показывает, как повтор, параллелизм, противопоставление и вариация участвуют в смыслообразовании. Следовательно, усвоение внешней поэтики становится заметным тогда, когда в новом тексте воспроизводятся или трансформируются способы организации художественной речи.

Русская классическая литература вошла в китайский культурный контекст в период перестройки литературного языка и эстетической парадигмы. Возникновение и утверждение байхуа изменили отношение литературы к реальности и побудили писателей искать новые способы выражения современной психологии, социальных отношений и повседневного опыта. Притягательность русской литературы была связана с тем, что она соединяла способность осмыслять масштабные исторические и этические проблемы с глубоким изображением духовного мира обычного человека, превращая социальные противоречия и психологическое напряжение в зримый художественный опыт через конкретные языковые формы.

Чехов предложил модель ослабленного сюжета, сдержанного повествования, намекающей детали и подтекстовой структуры. Достоевский

дал образцы изображения конфликта сознания, нравственного испытания, полифонического дискурса и внутреннего монолога. Толстой показал сложную связь индивидуальной судьбы с историческим процессом и этическим выбором. Лирическое повествование Тургенева, сатирическая деформация Гоголя и изображение низовых слоев у Горького также расширили выразительные возможности современной китайской литературы.

В то же время такая рецепция осуществлялась опосредованно – через перевод и культурную адаптацию. Синтаксические структуры, интонационная организация, речевые голоса и риторическая окраска русского оригинала уже в процессе перевода начинали перекодироваться средствами китайского языка. Затем китайские писатели продолжали преобразовывать эти формы в собственном творчестве, подчиняя их задачам современной китайской литературной выразительности. У писателей, которые одновременно выступали переводчиками русской литературы или активно читали русскую классику, например у Лу Синя и Ба Цзиня, особенно отчетливо проявляется непрерывность процесса «от переводческой рецепции к литературному перекодированию».

Рецепция русской классики прежде всего проявляется в выборе слов и организации семантических полей. Китайские писатели усвоили свойственный русской прозе способ раскрывать социальные отношения и духовные состояния через повседневную лексику. Семантические поля бедности, одиночества, унижения и болезни у Чехова в прозе Лу Синя, Е Шэнтао, Шэнь Цунвэня и других авторов преобразуются в локализованные обозначения: «люди в коротких куртках», «длинный халат», «зрители-зеваки», «больной», «бедняк». Чувство вины, покаяние, подавленность и раздвоенность, характерные для Достоевского, в «Дневнике сумасшедшего», «Скорби о прошлом», «Погружении» превращаются в психологическую лексику современного индивида. Слово становится не только средством описания, но и единицей выявления идентичности, иерархии и духовного кризиса.

Важным уровнем перекодирования выступают синтаксический ритм и повествовательная скорость. Чеховские короткие фразы, паузы, повторы и сдержанная интонация способствовали переходу китайской прозы от сильной фабульности к внутреннему напряжению. В рассказах Лу Синя «Кун Ицзи» и «Завтра» трагическое чувство накапливается через ровную интонацию, бытовую речь и малозаметные жесты. У Шэнь Цунвэня, Сяо Хун и Ван Цзэнци замедленный ритм, повторяющиеся сцены и низкая интенсивность повествования передают скрытую подавленность повседневности. Толстовская эпическая организация повлияла на изображение семьи, общества и исторического времени у Ба Цзиня и Мао Дуня.

Система деталей становится посредником локализации внешней поэтики. Русская классика часто раскрывает положение персонажа через предмет, жест и пространство. Бытовая деталь у Чехова, пейзаж у Тургенева, гротескный предметный мир у Гоголя и низовая среда у Горького в китайской литературе преобразуются в образы, укорененные в местном опыте. Трактир, лекарство и толпа в прозе Лу Синя, пространство реки Хулань у Сяо Хун, сельские предметы у Шэнь Цунвэня и Ван Цзэнци, фабрика и телесные детали в очерке Ся Яня «Баошэньгун» переводят внешний опыт во внутренние формы китайской словесности.

В сфере повествовательной перспективы китайские писатели усвоили опыт авторского самоустранения, многоголосия и необычной точки зрения. Чеховская объективность у Лу Синя становится средством раскрытия психологии зрителей и коллективного равнодушия. Гоголевская перспектива «сумасшедшего» позволяет «Дневнику сумасшедшего» через патологическую речь обнажить патологию общества. Полифоническое сознание Достоевского стимулировало формы самозащиты, внутреннего спора и раскола идентичности. Персонаж выступает не только объектом повествования, но и субъектом сознания, несущим речевой конфликт.

Жанровые формы также подвергаются преобразованию. Внутренняя драма, восходящая к Достоевскому, стимулировала Лу Синя, Юй Дафу, Лу Лина, Ван Мэна, Чжан Сяньляна, Цань Сюэ и других писателей к изображению патологической психологии, исповедального сознания и духовного прорыва. Тургеневская лиризованная проза воздействовала на региональное письмо Шэнь Цунвэня и Ван Цзэнци. Чеховская драматургия «потока жизни» и повседневного конфликта в пьесах Цао Юя «Пекинцы» и Ся Яня «Под крышами Шанхая» была преобразована в изображение психологического давления замкнутого пространства. Традиция Горького участвовала в развитии очерка, левой прозы и низового повествования.

С когнитивной и лингвопоэтической точки зрения рецепция русской классической литературы в китайской литературе представляет собой реорганизацию внешнего художественного опыта в китайском тексте. Она изменила способы понимания персонажа, общества и истории, а также языковые средства выражения этого опыта. Локализация лексики, перестройка синтаксического ритма, реконструкция системы деталей, изменение повествовательной перспективы, расширение внутренней речи и обновление жанровых форм образуют основные механизмы данного процесса.

Такой подход дополняет традиционное изучение литературных влияний. Русская литература в китайском контексте не остается неподвижным образцом и не растворяется в локализации; она продолжает существовать

в преобразованных языковых механизмах и эстетических эффектах, участвуя в формировании современной китайской литературы. Поэтому рецепция русской классики является не только проблемой истории литературных связей, но и задачей исследования языка, когниции и способов порождения дискурса.

Литература

Липгарт А. А. Методы лингвопоэтического исследования. М.: Московский лицей, 1997.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Якобсон Р. О. Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М. А. Гаспарова; вступ. ст. В. В. Иванова. М.: Прогресс, 1987.

Jakobson R. Linguistics and Poetics // Selected Writings. Vol. 3: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. The Hague: Mouton, 1981. P. 18–51.

X. Yang *(Moscow, Russia)*
The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE RECEPTION OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN CHINESE LITERATURE AS A PROCESS OF COGNITIVE AND LINGUO-POETIC RECODING

The article examines the reception of Russian classical literature in Chinese literature as a process of cognitive transformation and linguo-poetic recoding. The analysis shifts from the history of translations, literary contacts, and thematic comparisons to the internal organization of the text: lexis, syntax, rhythm, details, narrative perspective, inner speech, and genre forms. Russian classics are presented as a resource for shaping characters' consciousness, social experience, and the aesthetic structure of modern Chinese literature in a new cultural and linguistic context.

Key words: Russian classics, Chinese literature, reception, linguo-poetics, cognitive recoding.

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

О. А. Блинова *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений МИД России (университет)
o.blinova@my.mgimo.ru

МАРКЕРЫ ВАЛЛИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ)

В статье исследуются маркеры валлийского регионализма в политической карикатуре. Показано, как метафоры, колористический символизм, каламбур и отсылки к фоновым культурно-историческим знаниям реципиентов конструируют в медиадискурсе региональную идентичность Уэльса как самостоятельной политической единицы.

Ключевые слова: метафора, идентичность, регионалистский дискурс, мультимодальный медиадискурс, политическая карикатура, Уэльс.

Тенденция «преодолевать лингвоцентрический подход и смещать акценты с языковых единиц на другие элементы коммуникативного ландшафта» [Ирисханова 2022: 16] выражается в том, что особое внимание лингвистов уделяется мультимодальным жанрам. Один из них – политическая карикатура, превратившаяся в современном медиадискурсе в орудие политической борьбы, способствующее формированию общественного мнения [Mateus 2016]. Этот жанр по своей природе вторичен, т. е. создается в ответ на некое общественно-политическое событие, и заведомо субъективна, т. к. ставит цель дать происходящему критический комментарий и оценку. Одной из сфер, где подобная субъективность востребована и проявляется особенно ярко, стал регионалистский дискурс, находящийся на перекрестке политического и идентитарного дискурсов. Исследования региональной идентичности обретают особую *актуальность* сегодня, когда, несмотря на глобализацию, нации и регионы стремятся заявить о своей уникальной идентичности и отличии от «других». Это стремление находит неизбежное отражение в медиадискурсе, где идентичность превратилась в «необратимый феномен

реальности» и «объект политической пропаганды» [Трубникова 2010: 19]. Вышеобозначенные соображения определили фокус настоящего исследования: предметом исследования служит посвященная регионализму в Уэльсе политическая карикатура как жанр мультимодального политического и медиадискурса; объектом – маркеры валлийского регионалистского дискурса. В качестве материала исследования использовалась политическая карикатура авторства М. Роусона, опубликованная в газете The Guardian (рис. 1) [The Guardian]. В качестве метода применялся мультимодальный дискурс-анализ с поэтапным рассмотрением (1) инфоповода, спровоцировавшего автора на создание карикатуры, ее (2) иконического и (3) вербального компонентов.

Регионализм трактуется как политическая борьба за статус территории, где регион представляет собой «любую пространственную единицу, не являющуюся государством, но претендующую на присвоение части государственного суверенитета» [Щипков 2017: 47]. Регионалистский дискурс, таким образом, конструирует новую региональную идентичность, позволяющую позиционировать регион в качестве самостоятельного политического игрока в противовес его традиционной роли как составной части общенационального государства. П. Бурдье называет регионалистский дискурс «показательным», т.к. он «навязывает в качестве легитимного новое определение границ и заставить людей знать и признавать регион, который таким образом конструируется в оппозиции к доминантному определению региона» [Бурдье 2002: 53].

Рис. 1. Политическая карикатура М. Роусона

Краткая характеристика инфоповода. В октябре 2025 г. дополнительные выборы в британский парламент в валлийском округе Кайрфилли (англ. Caerphilly, валл. Caerffili) способствовали всплеску валлийского регионалистского дискурса в СМИ благодаря победе кандидата от национальной партии Plaid Cymru (валл. Партия Уэльса). Поражение потерпели как лейбористы, чьим оплотом традиционно считается округ, так и партия Reform UK (англ. «Реформировать Соединенное Королевство»). Обе проигравшие партии не рассматривают Уэльс как самостоятельную политическую единицу: лейбористы выступают за территориальную целостность страны; Reform UK известна своей проанглийской националистической повесткой, где Уэльс номинально мыслится практически как часть Англии. Платформа Plaid Cymru, напротив, предполагает расширение политической автономии Уэльса вплоть до выхода из состава королевства и обретения независимости. На подобном экстралингвистическом фоне выборов британские медиа отреагировали образцами валлийского регионалистского дискурса. Так, анализируемая карикатура на регионалистскую тематику изображает победу дракона (партии Plaid Cymru и в целом Уэльса) над вооруженным всадником на белом коне (партией Reform UK и ее лидером Найджелом Фараджем). Кайрфилли как место действия (битвы или выборов) индентифицируется благодаря узнаваемому изображению на заднем плане знаменитого замка Кайрфилли. Валлийский регионалистский дискурс, конструирующий Уэльс как самостоятельную политическую единицу, актуализируется на иконическом уровне посредством цветовой символики и анималистических метафор, а на вербальном – с помощью стилистического приема (каламбура).

Иконический компонент. Антропоморфная визуальная метафора, позволяющая узнать в змее на коне лидера партии Reform UK Найджела Фараджа, несет негативную оценку и выступает авторским комментарием инфоповода. Помимо визуального сходства с Н. Фараджем, принадлежность змеи к конкретной партии обозначена с помощью колористической символики (белый и бирюзовый – официальные цвета Reform UK). Из-за ассоциации Reform UK с английским национализмом именно красно-белый английский флаг Св. Георгия изображен на щите, морде и копытах коня. Отметим, что в местных выборах Уэльса участвует валлийское, а не английское отделение партии; таким образом, выбор английского флага подчеркивает чужеродный и враждебный по отношению к Уэльсу характер политической платформы Reform UK. На выборах от партии баллотировался малоизвестный на общенациональном уровне Л. Пауэлл, но карикатурист, стремясь повысить узнаваемость персонажей для чи-

тателей The Guardian – национальной, а не локальной газеты – делает выбор в пользу более известного в стране Н. Фараджа. Бело-красному английскому флагу противопоставлен красный валлийский дракон, вторая анималистическая визуальная метафора. Красный дракон (валл. Y Ddraig Goch) является древним символом Уэльса. Согласно легенде, красный дракон, символизирующий кельтское население региона, одерживает победу над белым драконом, символизирующим захватчиков – англов и саксов. Таким образом, на карикатуре красный дракон с зелено-оранжевой розеткой на груди (официальные цвета Plaid Cymru) наносит поражение белому коню. Наконец, для партии лейбористов карикатурист выбирает визуальную метафору смерти (антропоморфная фигура с черепом вместо лица); фигура связана и тем самым обездвижена, т.е. партия полностью утратила агентивность и не принимает участие в борьбе за голоса избирателей. Принадлежность фигуры к лейбористам также маркирована колористической символикой (красная розетка на груди).

Вербальный компонент. Карикатура содержит два текстовых компонента: заголовок Engorged and the Dragon и надпись на камне в левом нижнем углу Nathan Gill woz ere. Название карикатуры представляет собой каламбур на основе сходства по звучанию ударных корневых гласных в St George /dʒɔ:**dʒ**/и Engorged/ɪnˈgɔ:**dʒ**d/ и слоговой структуры. Заменившее Св. Георгия Engorged (англ. распухший, раздутый) поддерживается на иконическом уровне карикатурно толстой фигурой коня и создает юмористический эффект. Вторая фраза Nathan Gill woz ere (англ. Здесь был Натан Джилл), ненормативная орфография которой изображает не свойственную политикам разговорную неграмотную речь, вводит дополнительный смысловой пласт и указывает на прошлые неудачи Reform UK в Уэльсе: Натан Джилл ранее возглавлял валлийское отделение партии, но на момент публикации карикатуры отбывал тюремный срок за коррупцию.

Таким образом, карикатурист предлагает аудитории альтернативное прочтение известной легенды: вместо Святого Георгия, победившего змия (дракона), поражение в битве на выборах терпит партия Reform UK в лице Найджела Фараджа, а вместе с ними, возможно, и сама Англия (даже не Соединенное Королевство), стремящаяся лишить Уэльс собственной идентичности. Дракон, т.е. Уэльс, наоборот, выходит из битвы победителем, отстоявшим свою политическую волю перед лицом захватчиков. Смысл карикатуры декодируется, помимо вербального компонента, посредством визуальных антропоморфных и анималистических метафор, символики колористического ряда и задействования фоновых знаний аудитории о ле-

генде, послужившей источником сюжета. «Обман ожиданий» способствует созданию юмористического эффекта вкупе с каламбуром и визуальной стилистикой изображенных персонажей.

Литература

Бурдье П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab imperio. 2002. № 3. С. 45–61.

Ирисханова О. К. Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.

Трубникова Н. В. Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»? // Политики культурной идентичности. 2010. № 1 (1). С. 18–22.

Щипков В. А. Регионализм как идеология глобализма // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3(3). С. 44–49.

Mateus S. Political cartoons as communicative weapons: the hypothesis of the Double Standard Thesis in three Portuguese cartoons // Estudos em Comunicação. 2016. № 23. P. 195–221.

The Guardian. Martin Rowson on the Caerphilly byelection.URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2025/oct/24/martin-rowsonon-the-caerphilly-byelection-cartoon

O. A. Blinova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Institute of International Relations (University)

WELSH REGIONALISM MARKERS IN MULTIMODAL MEDIA DISCOURSE (THE CASE OF POLITICAL CARTOONS)

The article examines markers of Welsh regionalist discourse in political cartoons. It is demonstrated how metaphors, colour symbolism, puns and references to the recipients' background cultural and historical knowledge help construct the regional identity of Wales as an independent political entity in media discourse.

Key words: metaphor, identity, regionalist discourse, multimodal media discourse, political caricature, Wales.

И. М. Вдовин *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
ivan.vdovin.2001@mail.ru

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВЫДВИЖЕНИЯ АУДИАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ ВИДЕОКЛИПА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОП- И РОК-КОМПОЗИЦИЙ)

В статье рассматривается формальное выдвижение модальностей и его соотнесение с образ-схемами в музыкальных видеоклипах. Материалом стали четыре клипа жанров поп и рок, сегментированные по строкам песен (195). Для каждого сегмента подсчитывались индексы визуального и аудиального выдвижения и количество активаций образ-схем в визуальном, музыкальном и вербальном компонентах. Выявлено, что поп характеризуется преимущественно визуальным выдвижением, а рок – аудиальным. Пики выдвижения коррелируют с плотностью образ-схем, профилируя ключевые, что позволяет говорить о роли полимодального выдвижения в смыслообразовании дискурса.

Ключевые слова: полимодальность, выдвижение, образ-схема, музыкальный видеоклип, поп, рок.

Как отмечает О. К. Ирисханова [Ирисханова 2022: 20], полимодальность в современной лингвистике – это «и мода, и неизбежность», закономерный итог перехода от системно-структурной парадигмы к коммуникативной. Такой подход опирается на понимание текста как информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентацией на адресата [Кубрякова 2001]. Среди прочих, данным характеристикам отвечает музыкальный видеоклип, представляющий собой целостное коммуникативное образование, где визуальный и аудиальный (включая вербальный) компоненты совместно участвуют в конструировании смысла.

Согласно подходу Г. Кресса и Т. ван Левена [Kress, van Leeuwen 2006], разные семиотические модальности обладают собственной репрезентативной силой, а их совместное употребление создает значение, не равное простой сумме значений каждой из них. Применительно к музыкальному видеоклипу это означает, что вербальный компонент (текст песни, диалогические или нарративные вставки) не утрачивает своей значимости, но приобретает новую функциональную перспективу в его взаимодействии с музыкой и визуальным рядом. Особый интерес представляет анализ того, какие фрагменты оказываются наиболее выдвинутыми, в рамках каких модальностей и какие когнитивные структуры лежат в основе их организации.

Под выдвижением мы понимаем повышение степени салиентности отдельных сегментов музыкального видеоклипа, в результате которого они помещаются в активную зону зрительного или слухового восприятия и внимания адресата. В этом смысле выдвижение (grounding) также неразрывно связано с механизмом фокусирования, обеспечивающим выделение наиболее значимых участков в структуре полимодального дискурса [Hopper, Thompson 1980; Ирисханова 2014]. Однако фиксация степени выдвижения формы полимодального единства не объясняет, какое именно содержание оказывается помещенным в фокус внимания. В связи с этим анализ формального выдвижения предлагается дополнить анализом образ-схем, ведь, согласно Р. Гиббсу и Г. Колстону, образ-схемы существуют поли- и кросс-модально [Gibbs, Colston 1995]. Вслед за М. Джонсоном мы понимаем образ-схемы как динамические паттерны восприятия и моторных программ, придающие связность и структуру нашему опыту [Johnson 1987: 11]. Можно предположить, что образ-схемы могут описать базовые когнитивные структуры, организующие смысл в визуальном, аудиальном и вербальном компонентах клипа, а пиковые участки выдвижения формы полимодальных единств будут соотноситься с более высокой плотностью активаций данных образ-схем, хотя и могут варьироваться в зависимости от жанра клипа.

Пилотный материал исследования составили четыре популярных англоязычных музыкальных видеоклипа: “Treat You Better” (2016, 2,7 млрд. просмотров), “Baby” (2010, 3,6 млрд.), “Numb” (2007, 2,7 млрд.) и “Let Her Go” (2012, 4 млрд.). Первые два относятся к поп-жанру, последние – к року, что позволяет сделать предварительное сопоставление жанровых стратегий их полимодальной организации. Общий хронометраж составил 15 мин 20 сек. Каждый клип был сегментирован в ELAN по строкам песни: всего 195 полимодальных единств, объединяющих вербальный, музыкальный и визуальный компоненты. Для каждого сегмента отдельно оценивались степень визуального и аудиального выдвижения. Формальными критериями для визуальной модальности стали яркость, контрастность и насыщенность по шкале от 0 до 2, а также наличие крупного плана, субъекта в кадре, жестов/движения, взгляда и мимики (0/1). Аудиальная модальность предполагала оценивание громкости (0/1/2), количество типов музыкальных инструментов (от 0 до 3), а также наличие музыки, клавишных, струнных, перкуссии, слов песни, вокализа и посторонних шумов (0/1). Сумма значений по каждому каналу делилась на максимально возможный балл, в результате чего рассчитывались нормированные индексы визуального и аудиального выдвижения, позволяющие сопоставить вклад компонентов в полимодальное выдвижение единства на уровне формы. Для оценки содержания полимодального един-

ства по каждому сегменту подсчитывалось количество активаций образ-схем CONTAINER, FORCE, PATH, LINK и BALANCE в визуальном, музыкальном и вербальном компонентах (максимально 15 на один сегмент). Данные образ-схемы были выбраны ввиду их популярности среди исследователей музыкальной семантики [Antović et. al., 2024].

Сопоставление выдвижения в рамках визуального и аудиального каналов показало, что поп-клипы тяготеют к доминированию визуального компонента. В “Treat You Better” он преобладал над аудиальным в 54% сегментов, тогда как в “Baby” – в 71,2%. Напротив, в рок-клипах оказался наиболее выделенным аудиальный компонент: в 70,6% сегментов в “Let Her Go”, в 73% в “Numb”.

Для наглядного сопоставления динамики визуального и аудиального выдвижения были построены графики для клипов “Baby” (поп, рис. 1) и “Numb” (рок, рис. 2), которые указывают на возможные жанровые различия между поп- и рок-клипами, особенно в аудиальном компоненте.

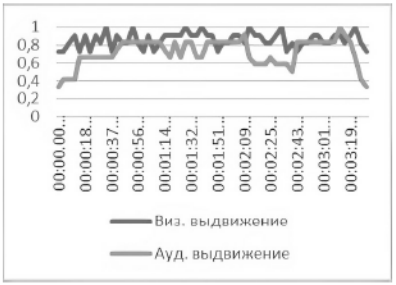

Рис. 1. Выдвижение в “Baby”

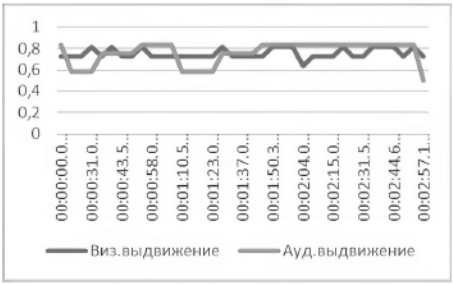

Рис. 2. Выдвижение в “Numb”

Для первого характерна более подвижная и резкая аудиальная линия, в которой локальные подъемы и спады сменяют друг друга чаще, тогда как в роке аудиальный контур выглядит более гладким и протяженным. Это позволяет предположить, что в рок-видео аудиальный компонент чаще организуется как более устойчивый контур, тогда как в поп-клипах он активнее участвует в сегментном перераспределении акцентов.

Также отметим различие в степени согласованности визуального и аудиального выдвижения. Только в роке связь между этими показателями оказывается статистически значимой ($p<0,001$). Это может свидетельствовать о том, что в роке визуальный и аудиальный компоненты чаще функционируют более согласованно, тогда как в поп-композициях их динамика в большей степени развивается автономно.

Важным результатом стало сопоставление полимодального выдвижения с распределением образ-схем. Корреляция Спирмена между полимодальным выдвижением и общим числом активаций образ-схем во всех клипах оказалась положительной, но степень и значимость варьировались. Наиболее выраженной связь оказалась в “Let Her Go” (rho=0,624, p<0,001) и “Numb” (rho= 0,540, p<0,001); в “Baby” она была слабой, но значимой (rho=0,266, p<0,05), тогда как в “Treat You Better” не достигла статистической значимости. Это позволяет предположить, что наиболее выдвинутые сегменты нередко соотносятся с большей плотностью образ-схем, хотя тенденция проявляется неравномерно и, вероятно, скорее характерна для рок-жанра. Дополнительные корреляционные анализы между нормированным индексом визуального и аудиального выдвижения и количеством активаций образ-схем показали незначимые результаты в поп-материале, но положительную значимую корреляцию (p<0,05) активаций образ-схем и аудиального выдвижения в роке, что может дополнительно подчеркивать роль этого канала в выдвижении содержания ролика.

Кроме того, выявлены жанровые различия в распределении образ-схем в полимодальных пиках. Для каждого жанра выделялась доля пиковых (20% сегментов с максимальным значением полимодального выдвижения) и непиковых сегментов, в которых образ-схема активируется в аудиальном, визуальном и/или вербальном компонентах, и учитывалось различие между ними. Анализ показал, что в поп-клипах пиковые сегменты чаще соотносятся с образ-схемами FORCE (разница: 53,6%) и LINK (23,9%), реализуемыми в аудиальном канале, тогда как в рок-клипах это образ-схема FORCE (61,6%) в музыкальном компоненте при заметной активации FORCE (21,7%), BALANCE (17,7%) в визуальном и LINK (13,3%) и PATH (10,2%) в вербальном. Находясь в наиболее салиентных позициях дискурса, данные образ-схемы подчеркивают основную содержательную направленность жанров, где для поп характерна история отношений (LINK), часто не лишенных противоречий (FORCE), а для рок доминантная роль остается за мотивом бунта и противоборства (FORCE).

Таким образом, в исследуемом материале поп-клипы тяготеют к формальному доминированию визуального канала, а рок-клипы – аудиального, где пики выдвижения профилируют образ-схемы FORCE, LINK в поп, а FORCE – в рок-жанре. При этом, рок-клипы демонстрируют большую согласованность модальностей и более устойчивую связь полимодального выдвижения с активацией образ-схем. Это позволяет рассматривать формальное полимодальное выдвижение как важный

элемент смыслообразования полимодального дискурса на уровне когнитивных структур, а выявленные различия – как возможное проявление жанровой специфики.

Литература

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Ирисханова О. К. Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса: монография / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. С.15–32.

Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Том 1. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 72–81.

Antović M., Jovanović V. Ž., Popović M. From spatial perception to referential meaning: convergent image schemas in the music of and texts about Beethoven's piano sonatas // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1497557.

Gibbs R. W., Colston H. L. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // Cognitive Linguistics. 1995. Vol. 6, № 4. P. 347–378.

Hopper P., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56, № 2. P. 251–99.

Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Kress G., van Leeuwen T. Reading images: The grammar of visual design. London: Routledge, 2006.

I. M. Vdovin *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

MULTIMODAL ANALYSIS OF AUDITORY AND VISUAL GROUNDING IN MUSIC VIDEOS: EVIDENCE FROM POP AND ROCK

The article examines the formal grounding of modalities and its relation to image-schema activation in multimodal units of music videos. The material consists of four pop and rock music videos segmented by lyrics lines (195 segments). For each, visual and auditory grounding indices were calculated, and the number of image-schema activations was identified in the visual, musical, and verbal components. The analysis shows that pop tends toward visual grounding, whereas rock tends toward auditory grounding. Grounding peaks correlate with image-schema density and foreground key schemas, pointing to the role of multimodal grounding in discourse meaning-making.

Key words: multimodality, grounding, image schema, music video, pop, rock.

Л. И. Гришаева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru

КНИЖНАЯ ОБЛОЖКА КАК ЧАСТЬ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

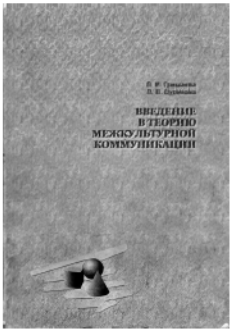
Осмысление текста любого типа как относительно автономного и оригинального содержательного, формального, функционального, семиологического образования, с одной стороны, и вместе с тем как неотъемлемой части всего текстового и культурного пространств, с другой, подводит к необходимости особо акцентировать вклад шмуцтитула в трансфер знаний в культуре через функциональный потенциал текстового пространства в целом и конкретного полиграфического издания в частности. Пристального внимания заслуживает анализ как вербальной, так и невербальной составляющих упомянутого макрокомпонента текстового целого, а также функции шмуцтитула при трансфере знаний в информационном обществе.

Ключевые слова: информативная, аттрактивная, ориентационная, номинативная функции шмуцтитула, трансфер знаний в культуре, способы фиксации и трансляции знаний в культуре.

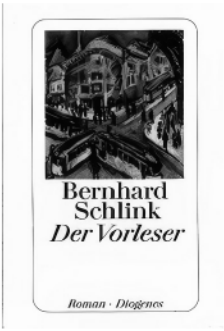
В оральных и скриптуральных культурах одним из самых надежных способов хранения и трансляции сведений, коммуникативно и когнитивно релевантных для всех носителей языка и культуры, являются, вне всякого сомнения, тексты. Не зависимо от формы бытования последних в той или иной коммуникативной среде – устной или письменной (или сегодня уже и в компьютерно-опосредованной) – тексты содержат сведения разной степени значимости для носителей культуры: актуальные и устаревшие, постоянно востребуемые или же необходимые носителям языка и культуры исключительно в некоторых особых условиях и по специфическим поводам.

Одним из самых надежных во времени и пространстве «полномочных представителей» любого текста в культуре является его название, а в письменном текстовом пространстве в первую очередь – шмуцтитул, т. е. обложка, выполняющая одновременно несколько коммуникативно и когнитивно релевантных функций (ср. примеры 1–5 на Рис. 1).

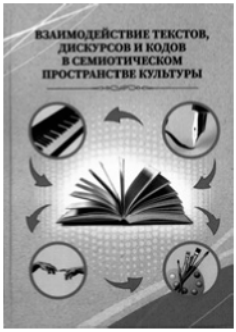
Наиболее очевидными из комплекса функций, присущих обложке, являются такие, как репрезентативная, презентирующая, идентифицирующая, классифицирующая, номинативная, аттрактивная, ориентационная, концептуально структурирующая, прогностическая (пр. 1–5). Особого внимания заслуживают номинативная и ориентационная функции, которые «скрепляют» и/или «склеивают» культурное и текстовое пространства при трансфере знаний.

Пример 1

Пример 2

Пример 3

Пример 4

Пример 5

Рис. 1. Примеры шмуцтитулов

Функциональный потенциал обложки целесообразно изучать под – как минимум – двумя углами зрения: (1) обложка как относительно автономный феномен, как элемент текстового (текст определенного типа) и культурного пространства (артефакт); (2) обложка как макрокомпонент текстового целого, обязательный для большинства типов текста в любой языковой культуре.

Номинативный потенциал обложки, рассматриваемой под первым углом зрения, правомерно интерпретировать также как знак издания в целом или же символ последнего в содержательном и формальном смыслах. Такой взгляд позволяет объяснить, как потенциальный реципиент идентифицирует в текстовом пространстве соответствующее издание как таковое, как он классифицирует это издание, включая его в тот или иной кластер: научное издание, публицистическое, развлекательное, политическое, учебное и пр. Тем самым реципиент облегчает себе структурирование информационно-

го потока по разным основаниям не только здесь и сейчас, но и в своей дальнейшей деятельности, оптимизируя ее (ср. пр. 1–5): *Это прочитаете в серой книжке*.

Ориентационная функция обложки обеспечивает возможность реципиенту ориентироваться в информационном пространстве концептуально, формально и организационно. По характеру обложки он относительно легко распознает типы текста, т.е. определяет функциональный потенциал порожденного текста и сферу использования/функционирования книги: научное издание (пр. 3, 4, 5), учебное пособие (пр. 1), художественный текст (пр. 2) и т.д. Обложка информирует реципиента в той или иной мере также об интенциях продуцента текста, а также о доминирующей коммуникативной стратегии, реализуемой продуцентом соответствующего текста: информационной (пр. 4), аргументативной и/или экспликативной (пр. 3, 5, 1), нарративной и аксиологической (пр. 2).

Тем самым очевидно, что обложка как относительно автономный компонент текстового пространства имеет определенное, ясное для продуцента и реципиента, предназначение и в культурном, и в текстовом пространствах. В качестве главного вклада в трансфер знаний можно назвать такие: способность обложки (1) структурировать информационный поток, (2) фиксировать для носителей культуры определенный уровень достижений носителей культуры в некоторой сфере жизнедеятельности, (3) показывать соотношение традиций и новаций в способе организации комплекса «известные ↔ новые сведения».

С сугубо формальной точки зрения можно выделить разные типы обложек: концептуальные, аттрактивные содержательно и/или формально, инновативные в формальном и/или содержательном отношении (пр. 3, 5), традиционные для определенной тематической области (пр. 1), проблемные, акцентирующие послание автора книги (пр. 2) и/или конденсирующие смысл концепции, раскрываемой под обложкой (пр. 1, 5), номинативные (пр. 5) и др.

В обсуждаемом контексте особого внимания заслуживает анализ соотношения вербальных и невербальных средств и способов оформления обложки. Предельно обобщая, правомерно выделить два типа оформления, учитывая степень обязательности/факультативности наличия соответствующих средств: (1) цвет обложки + название книги (+ издательство/место издания) + имя автора; (2) иллюстрация на обложке + название книги (+ издательство/место издания) + имя автора, при этом характер иллюстрации может варьировать: абстракция, рисунок, фото, схема и др. (ср. пр. 1–5).

Для всех типов обложки, однако, необходимо отметить ее способность **конденсировать** информацию и (в той или иной мере) **служить прогнозу** содержания текста, макрокомпонентом которого является обложка. В та-

ком контексте шмуцтитул правомерно описывать как креолизованную, т. е. семиотически гетерогенную, текстовую ткань, не зависимо от авторской манеры продуцента соответствующего текста, а также от природы и семиологических характеристик конкретных средств оформления/порождения этого текстового макрокомпонента: цвет, шрифт, размер, формат, материал, содержание, место в текстовом и культурном пространстве и др. (см. пр. 1–5).

Корреляцию между способом оформления шмуцтитула и стратегией, реализуемой в книге, и/или сферой (=ориентация на адресата определенного типа), целесообразно изучать как чрезвычайно вариативную и нелинейную. Причина этому заключается, очевидно, в том, что коммуникативные стратегии при порождении заголовка к тексту весьма разнообразны и не всегда соответствуют характеру стратегий, реализуемых в текстовом целом.

Наблюдения показывают, что стратегии могут быть: информативными (пр. 1), ориентационными (пр. 3), гибридными, а именно: людическими + информативными (пр. 5), информативными + ориентационными (пр. 2), информативными + аттрактивными (пр. 2, 4) и т. д. Характерно, что конгруэнтность вербальной и невербальной частей в шмуцтитуле не всегда очевидна для реципиента, однако практически всегда мотивирована для продуцента. Так, в пр. 5 вербальная часть (*Диалоги о межкультурной коммуникации*) иллюстрируется фотографиями и рисунками, показывающими различные типы диалога и/или одного из участников очевидного для носителей культуры диалогического взаимодействия в разных культурных пространствах. В пр. 3 (*Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры*) идея взаимодействия основывается на активизации прецедентного феномена – фрагмента фрески Микеланджело, а также на знании содержания знака «вектор» и других иконических образов.

Характерно, что функции заголовка как части макротекста не тождественны функционалу обложки, на которой располагается сам заголовок. В контексте трансфера знания функционал заголовка можно охарактеризовать как включающий номинативную, информативную, аттрактивную, текстоорганизующую, культурно антропологическую, социализирующую, людическую, ориентационную и другие. Последняя заслуживает специального комментария, поскольку в актуальном культурном пространстве в разных коммуникативных средах и практиках все более очевидным становится ориентация на особенности потенциального реципиента текста. Наиболее явно это выражено в ориентации на характер/социокультурные признаки адресата, относительно содержания или формы подачи сведений (стиль автора), а также класса текста (способ организации текстовой ткани, сферы бытования, характер сообщаемой информации, функциональный по-

тенциал текста и др.): ориентация на профессионалов (пр. 3, 4), ориентация на гетеровозрастную профессиональную аудиторию (пр. 5), ориентация на профессиональную академическую среду (пр. 1).

С этой точки зрения интерес представляют разного рода изменения в культурном пространстве норм ожидания относительно оформления титула, которые не могут не учитывать последовательное разграничение функционального потенциала шмуцтитула, рассматриваемого самого по себе, с одной стороны, и шмуцтитула как макрокомпонента текста, с другой стороны (ср. пр. 3, 4, 5). Важно видеть также различия между конкретным шмуцтитулом как феноменом, с одной стороны, и как элементом конкретного текста, с другой стороны (пр. 1–5). Насколько значительным оказывается влияние на выбор способов оформления обложки актуальных тенденций в организации текстовой ткани, определить весьма затруднительно, поскольку обложка/шмуцтитул является относительно автономным макрокомпонентом текстового целого.

Поэтому понятно, что каждый конкретный текст необходимо изучать в сложном переплетении его внутритекстовых, межтекстовых, интертекстуальных связей с разных позиций: (1) как минимум в двух типах культурных пространств: внутрикультурном и межкультурном; (2) как минимум под двумя углами зрения: семиотически гомогенном и/или семиотически гетерогенном; (3) как минимум при двух подходах: атомистическом и/или холистическом; (4) как минимум в двух смыслах: в узком и/или широком, т.е. как текст «обычный» (роман, анекдот, монография, статья, комментарий) и как текст в семиотическом смысле (улица, здание, картина, город, памятник, кукла и пр.); (5) как сложно организованное содержательное, формальное, функциональное, семиологическое, интенциональное единство, целостность; (6) как элемент иерархически более сложного содержательного, формального, функционального, семиологического образования на разных уровнях анализа последнего: субсистемном, системном, суперсистемном. Суперсистемный уровень – это, по понятным причинам, социокультурное по своей природе окружение со всеми разнообразными и разнородными связями различной этиологии.

L. I. Grishaeva *(Voronezh, Russia)*
Voronezh State University

BOOK COVER AS PART OF THE TEXTUAL SPACE

Understanding a text of any type as a relatively autonomous and original entity in terms of its content, formal, functional, and semiological features on the one hand, and at the same time as an integral part of the broader textual and cultural spaces on the other

hand, leads to the need to specifically emphasize the contribution of the half-title page to the transfer of knowledge within a culture through the functional potential of the textual space as a whole and of a particular printed edition in particular. Close attention should be paid to the analysis of both verbal and non-verbal components of this macro-element of the textual whole, as well as to the function of the half-title page in the transfer of knowledge in the information society.

Key words: informative, attractive, orientational, and nominative functions of the half-title page; transfer of knowledge within a culture, modes of recording and transmitting knowledge in culture.

В. В. Грищева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
walya86@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕЛЕСНОГО КОДА В НЕВЕРБАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЬЕСЫ: ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Цель статьи – определить доминирующую роль маркеров невербальной коммуникации, выраженных посредством референции к телу человека в драматургическом тексте. На основе анализа показано, что в англоязычной пьесе присутствуют компоненты визуальной (зрительной), аудиальной (слуховой) и смешанной модальностей, формирующие особый телесный код, что обеспечивает эффективность восприятия заложенных смыслов и значений читателем. Сделан вывод о том, что использование полимодальных способов и средств обусловлено жанровой спецификой драматургического произведения.

Ключевые слова: англоязычная пьеса, полимодальность, телесный код, невербальный дискурс, восприятие.

Одним из закономерных этапов развития современной лингвокогнитивной парадигмы является интегрирование полимодального подхода к изучению особенностей передачи и обработки содержательно-смысловой информации. В этой связи научный интерес языковедов в русле когнитивной науки все чаще выходит за пределы внешней, непосредственно наблюдаемой языковой формы и соответствующей языковой манифестации, а также в большей мере направлен на изучение соотношения и взаимодействия вербальных и невербальных средств. Таким образом, расширение границ лингвокогнитивных исследований естественным образом ведет к пониманию того факта, что полимодальность указывает на «свойственную человеку тен-

денцию порождать значения (смыслы), комбинируя разные семиотические ресурсы и используя разные каналы» [Ирисханова 2022: 15].

Продолжая рассуждения в этом ключе, обратим внимание на то, что телесный код выступает в качестве одного из таких семиотических ресурсов, посредством которого передается коммуникативно значимая информация, связанная с когнитивно-сенсорным опытом человека. Исходя из этого, логично предположить, что такие невербальные средства, как, например, взгляд, улыбка, вздох, которые относятся к проявлениям телесности, «могут сообщить о человеке гораздо больше, чем его речь и письмо» [Крейдлин 2020].

Накопленные знания в области анализа лингвокогнитивных аспектов драматургического дискурса также переживают значительную трансформацию в связи с тем, что пьеса является благодатной почвой для исследования с точки зрения полимодальной перспективы. В этом смысле важно учитывать, что драматургическое произведение представляет собой «особое семиотическое пространство» [Грищева, Шевелева 2025: 295], в котором проявление телесного кода обусловлено жанровой особенностью драматургического текста, а именно ориентацией на сценическое / театральное воплощение. Другими словами, это означает, что «внутри изначально полимодального пространства пьесы» [Ржешевская 2019: 49] априори создаются особые условия для функционирования телесного кода, что в целом наводит на предположение о том, что полимодальность выполняет роль когнитивной доминанты в тексте пьес. Принимая во внимание все вышесказанное, отметим, что, исследуя лингвокогнитивные аспекты референции к телу человека, мы полагаемся на научные изыскания и теоретические умозаключения Е. С. Кубряковой, согласно которым изучение англоязычных пьес должно проводиться в соответствии с тем, как «рисуется в них опыт по познанию мира», поскольку любое драматургическое произведение представляет собой «совокупность знаний и умений, суждений и оценок, относящихся к изображаемому на сцене событию … и к осмыслению определенных сторон человеческого бытия» [Кубрякова 2012: 133].

Перейдем к анализу когнитивных оснований полимодальной природы референции к телу человека на материале фрагментов из одноактной пьесы ирландского драматурга Шона О'Кейси „Bedtime story" («Сказка на ночь», «На сон грядущий») (1961):

*Mulligan (**sticking his head** into the room – in a cautious whisper): I can't see the thing anywhere. Sure you left it out here? <…> (**He clicks his tongue** and peeps into the room again.) Dtch dtch! Gone asleep again! (Whispering) Angela! Angela! (In a louder whisper) Are you awake? <…>*

*Mulligan (**putting his head** into the bedroom again) <…>*

*Mulligan (almost **tearfully**) <…>*

*Mulligan (**eyes raised** appealing to the ceiling): Oh, that one'll be well punished for her gaiety and carelessness in sin! Oh, when will I forget this night's doings? <…> (**He clicks his tongue**.) Dtch dtch! Soaking wet! and I'll be a cautious goer from this out <…>*

(*O'Casey S.* Bedtime story)

Предварительно дадим некоторые вводные комментарии относительно содержательного наполнения выбранного драматургического произведения. Итак, в фокус исследовательского внимания попадает один из центральных персонажей – весьма скромный и добропорядочный, придерживающийся строгих нравов молодой человек Джон Джо Маллигэн, который работает клерком в одной из компаний Дублина. Так получается, что он оказывается вовлечен в случайную любовную связь с Анжелой Найтингейл (в афише к пьесе представлена как «веселая девица»). Маллигэн жалеет о ночной романтической интриге и как можно быстрее пытается разбудить и выпроводить Анжелу из дома, чтобы не быть ни кем замеченным.

Итак, анализ свидетельствует о том, что телесная составляющая в авторских ремарках реализуется посредством зрительного и аудиального модусов когнитивного восприятия. Визуальная (зрительная) модальность передается при помощи языковых единиц, указывающих на такие части тела, как *head* (*голова*), *eyes* (*глаза*). Заметим, что актуализация телесного кода манифестируется дополнительно за счет невербальных маркеров кинесики, описывающих характер действия, а именно *sticking his head into the room*, *putting his head into the bedroom* (*просунуть голову в комнату*), *raised appealing* (*поднятые в мольбе*). Получая сенсорную информацию такого рода через органы зрения, читатель / зритель связывает ее главным образом с эмоциональным состоянием персонажа, который испытывает страх и тревогу, а в надежде обрести душевный покой обращает взор к небу с мольбой. Кроме того, значимость информации об обеспокоенности Маллигэна выражается в ремарочном повторе и дублировании телесного маркера *head*.

Аудиальный (слуховой) ракурс телесного кода передается при помощи языковой единицы *tongue* (*язык*), указывающей на орган человеческого тела, располагающийся в полости рта. Однако, когнитивная интерпретация становится возможной благодаря употреблению невербального маркера кинесики *click* (*щелкать, цокать*), описывающего движения языка, в результате чего издается цокающий звук. Было также замечено, что аудиальная модальность телесного кода фиксируется дважды в данном контексте за счет ремарочного повтора *he clicks his tongue*. Это позволяет удостовериться в значимости конкретного телесного проявления в тексте пьесы. Таким образом, указание

на цоканье языком, имплицирующее крайнюю степень скрытого раздражения и нервного напряжения главного персонажа, связывает когнитивную обработку информации со слуховым сенсорным опытом читателя / зрителя.

Имеет смысл подчеркнуть, что важным наблюдением в процессе анализа стало выявление смешанной модальности в репрезентации человеческой телесности. Так, в авторской ремарке, предшествующей речи персонажа, содержится наречие *tearfully* (*со слезами*, *слезно*), которое относится к соматической лексике, актуализирующей телесный код. Стоит заметить, что слезы ассоциируются как с внутренними, так и с внешними телесными проявлениями. Манифестация телесного кода в этом случае может быть воспринята как через органы зрения, так и через органы слуха. Такое многоканальное воздействие на полимодальное восприятие персонажа читателем / зрителем позволяет наиболее полно и точно представить, насколько сильно Маллигэн дорожит своей репутацией.

Проведенное исследование позволяет также сделать вывод о том, что когнитивная интерпретация телесного кода, обусловленного использованием сочетания полимодальных способов и средств, зависит от жанровой принадлежности драматургического текста. Так, выбранная для анализа пьеса относится к комедийному жанру фарс. Отмеченная специфика проявляется в гипертрофированной форме репрезентации телесности и соответствующих кинетических маркеров, что ведет к намеренному преувеличению эмоциональных характеристик поведения персонажа (Джона Джо Маллигэна) и, следовательно, определяет наибольшую степень воздействия на читателя (в проекции зрителя) с точки зрения иллюстрации абсурда ситуации.

Итак, подводя итоги исследования, отметим, что телесная составляющая в невербальном дискурсе англоязычной пьесы функционирует как закодированная система знаков, которые интегрируются в сложную систему сенсорных, аудиальных и звуковых сигналов, подчеркивающих полимодальные аспекты драматургической коммуникации. Анализ вербальной репрезентации телесного кода человека и сопровождающих его невербальных маркеров кинем позволяет доказать основную гипотезу представленного исследования, которая состоит в том, что телесное измерение человека в драматургическом тексте и его последующей сценической интерпретации обладает мощным потенциалом по передаче содержательно-смысловой информации, позволяет активизировать усилия читателя / зрителя по декодированию эмоциональной составляющей коммуникации. В целом, можно констатировать, что языковая манифестация человеческой телесности как объект лингвистического анализа открывает новые горизонты для исследований в области полимодальности англоязычной пьесы.

Литература

Грищева В. В., Шевелева Е. О. Специфика маркеров невербального кода коммуникации в англоязычной драме // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2–2 (63). С. 295–299.

Ирисханова О. К. Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 15–32.

Крейдлин Г. Е. Язык и семиотика тела: в 2 т. Т. 1. Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Г. Е. Крейдлин, П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, С. И. Переверзева, Л. А. Хесед. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Кубрякова Е. С. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 128–147.

Ржешевская А. А. О полимодальности и перспективе в дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 7(823). С. 43–51.

***V. V. Grishcheva** (Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

LINGUOCOGNITIVE SPECIFICS OF BODY CODE IN NON-VERBAL DISCOURSE OF ENGLISH PLAY: MULTIMODAL PERSPECTIVE

The article aims to identify the dominant role of non-verbal markers of communication expressed by means of reference to a human body in dramaturgic text. Based on the analysis we have shown that in English play components of visual, auditory and blended modality are present, that leads to the formation of a specific body code ensuring the effectiveness of perception of encoded sense and meanings by readers. The study prompts the following conclusion: the use of multimodal modes and means is conditioned by genre of drama text.

Key words: English play, multimodality, body code, non-verbal discourse, perception.

М. В. Зимина, С. Е. Цветкова *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
zimina2312@yandex.ru
svetlanatsvetkova5@gmail.com

О. Н. Солуянова *(Москва, Россия)*
Московский государственный строительный университет (НИУ)
Soluyanova.olga@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (С ПРИМЕРАМИ ИЗ КИНОДИСКУРСА)

Данная статья посвящена исследованию лингвокультурологической специфики английских фразеологизмов, выявленных в процессе изучения популярных английских киносериалов. Актуальность выбранной темы обусловлена, прежде всего, значимостью фразеологии в каждом языке, возможностью фразеологических единиц отражать культурные смыслы и характеризовать жизнь определенного социума, а также большим влиянием сериалов на общественное сознание. Целью статьи является изучение лингвокультурологических особенностей фразеологизмов с помощью анализа их семантики, происхождения и функционирования в языке.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурология, кинодискурс, концепт, сериал.

В настоящее время фразеология английского языка довольно подробно исследована в лингвистике. Наиболее известными учеными, обращавшимися к проблеме национально-культурной фразеологии, являются Н. Н. Амосова, В. В. Виноградов, А. В. Кунин, В. А. Маслова, Т. Н. Федуленкова, Н. М. Шанский и др. Несмотря на большое количество исследований в этой области, на сегодняшний день не выявлены все значимые свойства фразеологизмов, предлагаются разнообразные, смежные друг с другом классификации. Что касается отражения жизни народов Великобритании в английской фразеологии, данная проблема является не до конца исследованной.

Для уточнения определения понятия «фразеологизм» дефиниция термина рассмотрена в различных источниках. Например, И. Р. Гальперин определяет фразеологизмы как сочетания слов, в которых значение целого доминирует над значением составных частей или, иными словами, значение целого сочетания не совсем точно, а иногда и совсем не выводимо из суммы составляющих это сочетание частей [Гальперин 2016: 169].

Исследователи фразеологии предлагают разнообразные классификации фразеологических единиц: 1) по структуре и степени идиоматич-

ности (Н. Н. Амосова [Амосова 2012], В. В. Виноградов [Виноградов 1977], В. М. Савицкий [Савицкий 2006]); 2) по тематическому принципу (О. С. Ахманова [Ахманова 2018]); 3) по содержанию в структуре культурно-исторической информации, отражающей менталитет нации, говорящей на языке.

Для проведения исследования лингвокультурологической специфики фразеологизмов в работе использованы данные фразеологических словарей английского языка ([Ахманова 2018; Collins Cobuild Dictionary of Idioms 2012]).

В рамках настоящего исследования проанализированы два британских детективных сериала – "Midsomer Murders"» («Чисто английские убийства») и "Endeavour" («Индевор» или «Молодой Морс»), действие которых происходит в разные исторические периоды.

Количество выделенных в ходе исследования фразеологизмов: в «Индеворе» –57, 4% от общего количества использованных в обоих сериалах оборотов, в «Чисто английских убийствах» –42, 6%.

Фразеологизмы были отобраны по 10 критериям (в порядке частотности и значимости для национального британского характера): сдержанность и самоконтроль, социальная иерархия, приверженность правилам, сдержанная вежливость, стоицизм и сила духа, прагматичность, трудолюбие и настойчивость, чувство долга и ответственность, игра по правилам, юмор и самоирония.

Анализ фразеологического материала кинодискурса демонстрирует ключевые концепты британской культуры.

Сдержанность и самоконтроль – одна из фундаментальных характеристик британского характера. В «Индеворе» данная черта проявляется через фразеологизмы *to keep one's secrets* (хранить свои секреты) и *to hold one's breath* (затаить дыхание). В «Чисто английских убийствах» это выражается через такие устойчивые выражения как *to keep quiet about something* (держать язык за зубами) и *to keep tight-lipped* (хранить молчание).

Стоицизм и сила духа в сериале «Индевор» раскрываются через фразеологизмы *to take what comfort one can from smth* (довольствоваться малым) и *to sit feeling sorry for oneself* (предаваться жалости к себе – то, чего британцы традиционно стараются избегать). В «Чисто английских убийствах» это проявляется в выражении *to be on the verge of losing one's temper* (быть на грани потери терпения, но сдерживаться).

Чувство долга и ответственность занимают особое место в системе британских ценностей. В сериале «Индевор» этот аспект представлен более ярко через выражения *in (the) line of duty* (при исполнении долга) и *the white man's burden* (бремя белого человека). В «Чисто английских убийствах» это качество находит выражение во фразеологизме *to face the music* (отвечать за последствия своих действий).

Социальная иерархия как ключевой элемент британского общественного устройства находит отражение в обоих сериалах. В «Индеворе» иерархические отношения отражены в выражениях *to take smb's place* (занять чье-то место), *«room at the top»* (место наверху) и *top dog* (главный). В «Чисто английских убийствах» данное качество выражается через фразеологизмы *to keep (или know) one's place* (знать свое место) и *to be in charge (of) (smth, smb)* (быть во главе).

Практичность и прагматизм также нашли свое отражение в исследуемом материале. В «Индеворе» данная черта выражается через устойчивые выражения *to make good* (добиться успеха) и *to do well* (хорошо справиться). В «Чисто английских убийствах» это проявляется в фразеологизмах *to put two and two together* (сложить два и два) и *not a clue* (не иметь понятия).

Концепт Fairplay (справедливая игра) отражает стремление к соблюдению правил и этических норм. В «Индеворе» данный концепт представлен через выражения *scratch my back and I'll scratch yours* (ты мне, я тебе) и *to cast one's bread upon the waters* (делать добро без ожидания награды). В «Чисто английских убийствах» это проявляется в фразеологизмах *to live in the shadow* (жить в тени) и *to turn one's back on smth* (повернуться спиной), которые имеют негативную коннотацию и указывают на неодобрение несправедливого поведения.

Сдержанность в проявлении эмоций – одна из наиболее характерных черт британского национального характера. В «Индеворе» данный аспект представлен через выражение *to carry a torch* (хранить безответные чувства, не навязывая их). В «Чисто английских убийствах» это выражается через метафорический фразеологизм *the milk of human kindness* (доброта и сострадание, которые ценятся, но выражаются сдержанно).

Приверженность правилам в «Индеворе» представлена через выражения *to cross the line* (перейти черту) и *there's no way back* (пути назад нет – о нарушении правил), которые подчеркивают важность соблюдения установленных норм. В «Чисто английских убийствах» это проявляется в фразеологизме *sink or swim* (либо выплывешь, либо утонешь – справляйся самостоятельно).

Трудолюбие и настойчивость в «Индеворе» представлены через выражение *to take the trouble* (приложить усилия). В «Чисто английских убийствах» это выражается через фразеологизм *to have enough, a lot, etc., on one's plate* (иметь много дел, но справляться с ними).

Британский юмор и ирония в «Индеворе» выражается через пословицу *a watched pot never boils* (наблюдаемый горшок никогда не закипает). В «Чисто английских убийствах» это проявляется в адаптированном фразео-

логизме *casting pearls before uncultured swine* (метать бисер перед свиньями), используемом для иронического описания ситуаций.

Сдержанная вежливость в «Индеворе» представлена через выражение *to give smb (или smth) a wide berth* (обходить кого-то стороной). В «Чисто английских убийствах» это выражается через эвфемистический фразеологизм *to have a word* (поговорить), который является типично британским способом обозначения серьезного разговора.

Таким образом ключевые аспекты британского менталитета выражены через фразеологизмы, встречающиеся в популярных британских детективных сериалах. Представленные фразеологические единицы и их контекстуальное использование в популярных британских телесериалах позволяют увидеть, как национальный менталитет непосредственно проявляется в языке повседневного общения, кинодискурсе и массовой культуре. Эти устойчивые выражения не только отражают существующие ценности и установки, но и способствуют их трансляции и закреплению в коллективном сознании, становясь инструментами поддержания культурной преемственности и национальной идентичности в условиях глобализации и кросс-культурных взаимодействий.

В целом, британские фразеологические обороты представляют собой часть национального культурного кода, ярко передающего важнейшие ментальные характеристики, а также участвующего в их формировании и развитии, что подчеркивает их значимость для лингвокультурологических исследований. Благодаря популярности сериалов фразеологические единицы, которые передают и закрепляют важнейшие культурные ценности, закрепляются в сознании населения и транслируются в повседневном общении, обеспечивая преемственность национального характера, для которого характерны трудолюбие, стремление к достижению благосостояния и экономия, терпеливость, важность родного дома и личного пространства.

Литература

Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2018.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Либроком, 2016.

Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006.

Collins Cobuild Dictionary of Idioms. 3rd ed. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2012.

M. V. Zimina, S. E. Tsvetkova *(Nizhniy Novgorod, Russia)*
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

O. N. Soluyanova *(Moscow, Russia)*
National Research Moscow State University of Civil Engineering

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A LINGUOCULTURAL COMPONENT IN ENGLISH (BASED ON FILM DISCOURSE)

The article examines the linguo-cultural specificity of English phraseological units found in popular English-language television series. The relevance of the study stems from the important role of phraseology in language and culture, particularly from the capacity of phraseological units to encode culturally specific meanings and reflect the values, practices, and everyday experience of a particular linguistic community. The widespread influence of television series on contemporary culture and public perceptions further enhances the significance of studying phraseology in this type of discourse. The article aims to identify the linguo-cultural features of English phraseological units by analysing their meanings, origins, and functions in television discourse.

Key words: phraseological unit, linguo-cultural studies, television discourse, concept, television series.

С. В. Канашина *(Москва, Россия)*
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
svetlanakanashina@yandex.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОДЗИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕПЛИКАТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В данной статье раскрывается лингвокогнитивный потенциал эмодзи в англоязычных интернет-мемах. Исследование показало, что эмодзи не только передают эмотивность, обладают комической направленностью, но и выступают средством компрессии вербального кода, а также инструментом смыслопорождения. Благодаря шаблонности и универсальности эмодзи являются фасилитаторами декодирования семантики. Опора на эмодзи отражает тяготение коммуникантов к лингвосемиотичным ресурсам в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: эмодзи, интернет-мем, репликативный медиадискурс, эмотивность, компрессия вербального кода, полимодальность.

Эмодзи представляет собой эмотивно нагруженное изображение различных объектов (людей, животных, неодушевленных предметов и т.д.), которое выполняет функцию лингвознака в интернет-коммуникации [Кольцова 2018; Турко 2024]. В научной литературе предпринимались попытки разграничить понятия смайла (смайлика), эмотикона и эмодзи. По мнению Г. Альберта, «с функциональной точки зрения эмодзи, эмотиконы и смайлы (смайлики) не обнаруживают различий» [Albert 2020: 65]. Демаркация данных понятий основана на формальных критериях. Эмотиконы и смайлы (смайлики) традиционно воспринимаются как «пиктограммы-картинки, передающие эмоции в интернет-коммуникации, а также как пиктограммы, состоящие из комбинаций пунктуационных знаков». Эмодзи предлагается воспринимать как «родовое понятие для обозначения визуализированных эмотивных интернет-знаков» [Albert 2020: 65]. Для данных знаков характерны универсальность значения, легкая декодируемость и понятность для реципиента, бытование в преимущественно компьютерно-опосредованной коммуникации.

Учитывая востребованность эмодзи в англоязычных интернет-мемах, научно ценной видится попытка проанализировать лингвокогнитивный потенциал данных лингвознаков в репликативных мемах, что также является целью данной статьи. Новизна и актуальность данного исследования обусловлены недостаточной проработанностью проблем, касающихся лингвосемиотичности в интернет-мемах, в орбиту данного круга вопросов попадают также эмодзи. Методами исследования послужили лингвосемиотический анализ, дискурс-анализ, лингвокогнитивный анализ. В качестве материала были использованы 100 интернет-мемов, включающих эмодзи из разнообразных интернет-ресурсов (https://www.memedroid.com, https://www.memegeerator.net, GoogleImages и т.д.).

Анализ эмпирического материала показал, что лингвокогнитивный потенциал эмодзи реализуется в их участии в компрессии вербального кода. Отмечается включение эмодзи в процесс «экономии языковых средств» [Воякина 2023: 292]. Данные лингвознаки выступают средством сжатия вербального кода, поскольку они позволяют выразить эмотивность минималистично, не прибегая к развернутым лексическим инструментам. Благодаря эмодзи эмоциональная тональность интернет-мема создается с помощью, как правило, единичного лингвознака, который прозрачен для понимания и эффективен в передаче эмотивной окраски. Помимо участия в компрессии вербального кода, эмодзи также усиливают графичность интернет-мемов, поскольку характеризуются иконичностью и визуализированностью. Эмодзи вытесняют вербальный код и отражают стремление коммуникантов опираться на лингвосемиотичные знаки, нежели на моновербальные.

Помимо вышесказанного, в интернет-мемах эмодзи могут сопровождать редуцированные, неполные, эллиптические сопроводительные надписи, в которых наблюдаются смысловые лакуны. В таких случаях эмодзи помогают реципиенту восполнить смысловые лакуны и понять импликацию автора, тем самым данные лингвознаки выполняют компенсаторную функцию и становятся фасилитаторами понимания между автором и реципиентом. Как отмечается в современных исследованиях, эмодзи участвуют в процессе смыслопорождения, помогают преодолевать «коммуникативные пробелы» и могут передавать эмоциональную окраску более эффективно, чем вербальные средства [Bashir и др. 2025: 366].

Рассмотрим примеры на рисунке 1 и рисунке 2. В интернет-меме на рисунке 1 представлен сюжет фильма «Титаник» с помощью цепочки эмодзи. Автор мема прибегает к компрессии и примитивизации изложения с помощью эмодзи, вербальный код свернут и вытеснен, в результате сообщение становится не просто полимодальным, а лингвосемиотичным, поскольку центральную роль начинают играть эмодзи. На рисунке 2 отмечается повышенная эмотивность интернет-мема за счет включения эмодзи, которые позволяют передать невербальную сторону сообщения. При этом можно также указать на иллюстрированность и графичность сообщения, так как дизайн, цветовое наполнение и эмодзи создают оригинальное визуальное пространство интернет-мема.

Рис. 1. Интернет-мем 1.

Рис. 2. Интернет-мем 2.

https://pinterest.com/pin/titanic-in-emoji-330739971552715 1/https://GoogleImages

Анализ эмпирического материала также позволил сделать вывод о том, что эмодзи могут выступать средством создания комического эффекта в англоязычных интернет-мемах. Вовлечение эмодзи в смеховую стихию обусловлено их универсальностью, способностью адаптироваться под различные контексты, коммуникативные ситуации, интенции коммуникантов, а также релевантностью данных лингвознаков в передаче полимодального юмора за счет визуализированности и минимализма.

Примеры на рисунках 3 и 4 демонстрируют комическую функцию эмодзи в интернет-мемах. На рисунке 3 сопроводительная надпись переводится так: «Раскрыт новый набор эмодзи 2020». Экстралингвистическим фоном данного мема стала пандемия коронавируса 2020 г., во время которой предписывалось носить медицинские маски. Автор мема имплицитно выражает мысль о том, что медицинские маски скрывают выражение лица коммуникантов, поэтому, например, улыбающиеся (smiley), хмурящиеся (frowning), разочарованные (disappointed) люди выглядят одинаково. На рисунке 4 можно увидеть вовлечение эмодзи в шутливый религиозный дискурс. Сопроводительная надпись переводится следующим образом: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью». При этом очевидна смыслопорождающая функция данного лингвознака, поскольку лексемы god (англ. Бог), light (англ. свет), day (англ. день), night (англ. ночь) заменены на эмодзи. Таким образом, в данном интернет-меме наблюдается компрессия вербального кода, гибридизация эмодзи и визуального и вербального кодов, а также опора автора и реципиента на эмодзи в процессе «шифрования» и декодирования сообщения.

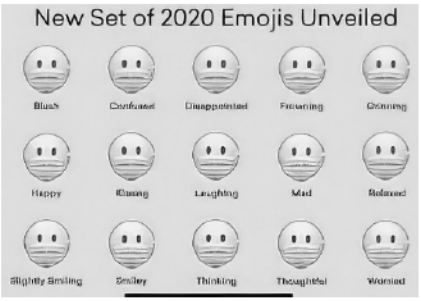

Рис. 3. Интернет-мем 3.

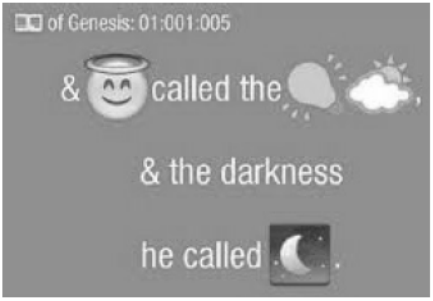

Рис. 4. Интернет-мем 4.

https://www.memedroid.com/memes/tag/emojis
https://www.christiantoday.com/news/emoji-bible-fascinating-yes-but-it-doesnt-make-gods-word-come-alive-says-biblicas-carl-moeller

Одним из значимых когнитивных оснований эмодзи становится навязанная шаблонность и примитивизации коммуникативных сообщений, поскольку легкая декодируемость и универсальность семантики эмодзи приводят к минимизации когнитивных усилий для интерпретации со стороны реципиента. Можно отметить всеобщую клишированность эмодзи, которая становится фактором поверхностного смыслового наполнения коммуникативных сообщений. За счет универсального значения, закрепленного за эмодзи, семантика мемов, включающих эмодзи, становится прозрачной для реципиента, так как реципиент «распаковывает» послание автора, опираясь на понятные и недвусмысленные эмодзи.

Важным аспектом эмодзи становится способность к репликации, т. е. тиражированию в интернет-коммуникации. Различные вариации эмодзи отражают адаптивность к различным коммуникативным контекстам и дискурсам. Вовлечение эмодзи в пространство интернет-мемов усиливает репликативный характер обоих лингвознаков, поскольку реципиент привлечен, с одной стороны, вирусными и популярными интернет-мемами, а с другой стороны, наполнение интернет-мемов, включающих эмодзи, не противоречит установке коммуниканта на упрощенные формы передачи информации.

В качестве заключения можно отметить значительный лингвокогнитивный потенциал эмодзи, который раскрывается в их использовании в целях сжатия вербального кода, усиления визуализированности мемов, создания эмотивности и комической тональности. Кроме того, эмодзи могут участвовать в процессе смыслопорождения и служить опорой для декодирования смысла мема со стороны реципиента.

Литература

Воякина Е. Ю. Визуализация современной цифровой коммуникации: эмодзи вместо слов // Преподаватель XXI век. 2023. № . 2–2. С. 392–404.

Кольцова Е. А. Эмодзи как новый способ коммуникации: функциональная и когнитивная специфика // Когнитивные исследования языка. 2018. № . 35. С. 121–128.

Турко У. И. Смайлик, эмотикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № . 9. С. 3005–3011.

Bashir T., Kabir A., Tahir S. Exploring the role of VISUAL semiotics analysis in digital communication: A study of emojis and memes in modern language // Liberal Journal of Language & Literature Review. 2025. V. 3. № . 1. P. 365–380.

Albert G. Beyond the binary: Emoji as a challenge to the image-word distinction // Visualizing digital discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives / ed. by C. Thurlow, Ch. Dürscheid, F. Diémoz. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. P. 65–79.

S. V. Kanashina *(Moscow, Russia)*
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

LINGUOCOGNITIVE POTENTIAL OF EMOJIS IN ENGLISH REPLICATIVE MEDIADISCOURSE

The article looks at the linguocognitive potential of emojis in English internet memes. The research has found that emojis convey emotivity and humour, they also act as a means of verbal code compression and as an instrument of meaning-making. Due to their cliched and universal nature, emojis facilitate the process of decoding the semantics. The reliance on emojis reflects the communicants' inclination to linguosemiotic resources in internet communication.

Key words: emoji, internet meme, replicative mediadiscourse, emotivity, compression of verbal code, multimodality.

S. S. Kulidzhanyan *(Moscow, Russia)*
Independent researcher
sjuzanna.k@gmail.com

THE SPECIFICITY OF PHRASEOLOGISMS' REPRODUCIBILITY IN CINEMATIC DISCOURSE (BASED ON BRITISH COMEDY FILMS)

The research is devoted to the problem of reproducibility of phraseological units in cinematic discourse. The source of the material is five British comedy films. The article aims to identify the ratio of usual and modified forms of phraseologisms' reproducibility and to determine the cognitive strategies of their modifications. Particular focus is on the specificity of phraseologisms' visualization in British films as a special cognitive strategy implemented in polymodal discourse. According to the results, modifications of phraseologisms can be viewed as a fact of their linguo-creative usage which is directed at the achievement of comic effect.

Key words: cinematic discourse, phraseology, linguistic creativity, reproducibility.

In comedy cinematic discourse, different language level units (morphological, lexical, phraseological, etc.) can undergo modifications. We paid special attention to the modifications of phraseologisms, which is one of the fundamental challenges in general phraseology. The investigation of phraseologisms' modifications was carried out in the works of many scholars, e.g., [Кунин 1996; Телия 1996; Langlotz 2006].

Our research is based on the I. V. Zykova's conception, according to which all modifications of phraseologisms in comedy cinematic discourse may be considered to be "phraseological play as a variety of linguistic creativity" [Зыкова 2017: 631]. In the course of our analysis, we adhered to the established by I. V. Zykova six main cognitive strategies of the communicative adaptation of phraseological images to the discourse-formation [Зыкова 2017]. Among these cognitive strategies, there is inbuilding, accretion, recomposition, decomposition, combination, and visualization. The enumerated strategies were singled out while elaborating the linguo-cultural theory of phraseological meaning, according to which phraseological meaning consists of two strata – the surface (or semantic) stratum and the deep (or conceptual) stratum. We paid particular attention to the analysis of the conceptual stratum which has the immediate connection with national culture. The conceptual stratum serves as cultural connotation of phraseologisms which correlates with V. N. Teliya's statement that "in culturally-national connotation (of fixed phrases) culturally marked content of standards and stereotypes is embodied" [Телия 1996: 271].

In the course of our analysis, we took into consideration both oral and written forms of cinematic discourse, i.e., speech, names, advertisements, announcements, signboards, posters, etc. that form the whole verbal structure of a film. The specificity of phraseology reproducibility was analyzed according to the quantity index and variation index which, as it has already been noted, is based on phraseological creativity and phraseological play [Зыкова 2017].

The investigation material comprises 30 British comedy films corresponding to the following criteria: 1) film type (feature, documentary, etc.), 2) genre (comedy, tragedy, romance, etc.), 3) rating (based namely on IMDb), 4) production country (in the sphere of our interest there are mainly British comedy films), 5) time period (1960s-2010s), 6) literal source (we exclude literary adaptations). We selected five comedy films for the investigation: *"Double Bunk"* (1961), *"The Rise and Rise of Michael Rimmer"* (1970), *"Carry On, Matron"* (1972), *"Happy-go-Lucky"* (2008), *Johny English Reborn* (2011), *etc.* (See for more details [Зыкова, Кулиджанян 2021: 151–172]). The selected films and identified in them phraseological units are given in the table below (see Table 1.).

Further we will demonstrate the research procedure through the comedy film "The Rise and Rise of Michael Rimmer". As a point of departure, we identified all the phraseological units in the comedy film under consideration. According to the research findings, 181 phraseological units were used in this film, among which there are 68 cases of repetition of one and the same phraseological units.

Film Name	Duration&Release Year	PhU Quantity
Double Bunk	92 min, 1961	236 PhU (67 repetitions among them)
The Rise and Rise of Michael Rimmer	100 min, 1970	181 PhU (68 repetitions among them)
Carry On, Matron	87 min, 1972	135 PhU (43 repetitions among them)
Happy-go-Lucky	118 min, 2008	93 PhU (14 repetitions among them)
Johnny English Reborn	101 min, 2011	58 PhU (1 repetition among them)

The next step of our research consisted in systematizing phraseological units into two groups: 1) reproduced in their usual form and 2) reproduced in their modified form. Here is an example of a phraseological unit reproduced in its usual form:

(1) ***mum's the word!*** – 'used to tell somebody to say nothing about something and keep it secret' [OLD]: *Crichton: Twice as much, Willie. // General Strike: Oh.* ***Mum's the word***.

Further, let us consider the most peculiar cases of phraseologisms' modified usage (in total 41 cases) through the cognitive strategies of inbuilding, accretion, recomposition, decomposition and combination.

(2) **the accretion strategy** which "suggests various pre- and/or post- additions (from one to several) to the base-forms of the images" (13 cases): for example, ***son et lumière*** – 'a performance held at night at a famous place that tells its history with special lights and sound' [OLD] and ***stumbling block*** – 'something that causes problems and prevents you from achieving your aim' [OLD]: *Geoffrey: We've tried everything, you know. Pop groups. Bingo. Hallucinogens in the wafers.* ***Son et Lumiere in the graveyard****, and, of course, these clothes are a bit out for the 1970s. // Michael: I think that's very good thinking, but there is* ***one basic stumbling block***.

(3) **the inbuilding strategy** which means "the insertion of new components (from one to several) into the base-forms of images" (four cases): ***work for pittance*** – 'to work for very little money' [FDI]: *Fairburn: You owe me a lot of money, Ferret, and you will remain with this firm,* ***working very hard in a menial capacity, for a pittance*** *until such time as I've decided that you have worked off your debt!*

We would also like to demonstrate some peculiar cases of simultaneous usage of different strategies in one modification case:

(4) **the decomposition strategy** ("the splitting of the base-form of one phraseological image in order to create (usually) two new interrelated images and, correspondingly, two new interrelated phraseological expressions") and **the accretion strategy** (six cases): for example, ***time-and-motion study*** – 'a study to find out how efficient a company's working methods are' [OLD]: *Tanya: That's Mr Rimmer. 'Co-ordination'. // Crodder: Is he one of those* ***ghastly time-and-motion people****?*

(5) **the decomposition strategy** + **the inbuilding strategy** (four cases): ***floating currency*** – 'a currency whose value is allowed to change in relation to the value of other currencies' [CD]: *Hench (laughing): I was really quite fond of him but what a stupid way to go! // Blacket: Talk about* ***a floating pound****!*

In our research a special attention was paid to the visualisation strategy: in the film we stated five cases of visualization and will demonstrate one of them.

(6) A most peculiar case of visualisation is demonstrated at the very end of the film and refers to a precedent phenomenon. The case presumably correlates with the assassination of President John F. Kennedy on November 22, 1963 at 12:30 p.m. while riding in a motorcade. According to the plot after winning the elections the main hero and his wife ride in a motorcade along the crowds lining the streets (though the film hero stays alive). The following screenshots, where one can observe the killer who ***is taking aim at*** Rimmer, prove our presumptions (Pictures 1–3):

Pictures 1–3. The assassination of President John F. Kennedy

Thus, the general results identified the following ratio of phraseologisms reproduced in their usual form and reproduced in their modified form: *Double Bunk* (195/41), *The Rise and Rise of Michael Rimmer* (140/41), *Carry On, Matron* (113/22), *Happy-go-Lucky* (60/33), *Johnny English Reborn* (43/18). The cognitive strategies of modification applied most frequently are as follows: *Double Bunk* (the decomposition strategy (12 cases), the inbuilding strategy (8 cases)), *The Rise and Rise of Michael Rimmer* (the accretion strategy (13 cases), the strategy of visualization (6 cases)), *Carry On, Matron* (the decomposition strategy (5 cases), the accretion strategy (4 cases)), *Happy-go-Lucky* (the decomposition strategy (11 cases), the inbuilding strategy (3 cases)), *Johnny English Reborn* (the inbuilding strategy (5 cases), the accretion strategy (3 cases)).

It was stated that linguo-creative possibilities of phraseological units depend on the structural-semantic changes of the basic form of the phraseologisms. According to the results, modifications of phraseologisms can be viewed as a fact of their linguo-creative usage which is directed at the achievement of comic effect. It is important to emphasize the fact that the achieved results demonstrate the advisability and potential of linguo-creative researches within the framework of the specificity of reproducibility of phraseological units in comedy cinematic discourse.

References

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Зыкова И. В., Кулиджанян С. С. Параметризация лингвокреативности: английский корпус // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Издательство, 2021. С. 151–172.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., перераб. М. [и др.]: Высшая школа [и др.], 1996.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Langlotz A. Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.

OLD – Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com

FDI – Farlex Dictionary of Idioms. URL: https://idioms.thefreedictionary.com

CD – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/

IMDB – Internet Movie Database. URL: https://www.imdb.com

С. С. Кулиджанян *(Москва, Россия)*
Независимый исследователь

СПЕЦИФИКА ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ КОМЕДИЙНЫХ ФИЛЬМОВ)

Исследование посвящено проблеме воспроизводимости фразеологических единиц в кинодискурсе. Источником материала являются пять британских киноко-

медий. Цель статьи – выявить соотношение узуальных и модифицированных форм воспроизводимости фразеологизмов, а также установить когнитивные стратегии их модификаций. Особое внимание уделяется специфике визуализации фразеологических единиц в британских фильмах как особой когнитивной стратегии, применяемой в полимодальном дискурсе. Результаты анализа показали, что модификации фразеологизмов можно рассматривать как лингвокреативный подход к достижению комического эффекта в фильме.

Ключевые слова: кинодискурс, фразеология, лингвистическая креативность, воспроизводимость.

О. Б. Найок *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
olga-nayok@outlook.com

КОЛЛАЖ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЖУРНАЛИСТСКОЙ КОЛОНКИ

Исследование интеграции визуального компонента, представленного коллажем, в смысловое пространство журналистской колонки показало, что под воздействием вербального компонента происходит трансформация смысловых структур коллажа. Использование коллажей способствует реализации дискурсивной категории диалогичности, прагматического эффекта выражения определенной эмоции, эффекта присутствия и погружения в повествование, выстраиванию дополнительных интертекстуальных связей между нарративами в рамках журналистской колонки.

Ключевые слова: коллаж, дискурс журналистской колонки, смысловое пространство, полимодальная коммуникация, нарратив, вербальный компонент, визуальный компонент.

Одним из факторов, обусловливающих высокий интерес научного сообщества к изучению такого параметра полимодальной коммуникации, как корреляция вербальных и визуальных компонентов в медиапространстве, является большой объем и разнообразие задействованных визуальных средств передачи информации. Актуальность исследования определяется необходимостью более детального описания роли иллюстраций в процессе смыслоформирования в дискурсе современных СМИ. В целях исследования особенностей интеграции визуального компонента, представленного коллажем, в смысловое пространство авторской колонки проводится анализ функционирования серии коллажей, сопровождающих статьи еженедельной колонки журналиста Тима Даулинга (Tim Dowling), вышедших онлайн

в период с 15 июля 2023 года по 15 мая 2026 года в британском издании The Guardian.

Дискурс журналистской колонки рассматривается нами как гибридное образование, смысловое пространство которого формируется при взаимодействии вербальной и визуальной составляющих, что усиливает его коммуникативный потенциал и повышает эффективность эмоционального воздействия на реципиента.

Среди основных характеристик вербального компонента журналистской колонки можно выделить регулярность публикации в определенной рубрике, закрепленность за определенным автором, индивидуальность стиля и образа автора, центральную роль автора в качестве повествователя и интерпретатора освещаемых событий [Потсар 2012: 9]. Колонка журналиста Тима Даулинга выходит по субботам в рубрике «Стиль жизни» (Lifestyle), что определяет ее развлекательный характер и выбор освещаемых тем. Разнообразные социально значимые вопросы описываются ироничным тоном через призму личного опыта семейной жизни автора.

Визуальный компонент исследуемой журналистской колонки представлен выделением с помощью цвета и шрифта главных структурных элементов статьи, таких как заглавие, имя автора, вступление (лид), первая буква основного текста, ключевые фразы, а также фотографией самого журналиста и иллюстрациями в виде фотографий, рисунков, карикатур или, начиная с 5 февраля 2022 года, коллажей.

Описание семантических доминант коллажа как художественного явления опирается на выделение ряда смысловых кодов культуры, включающих герменевтический код, связанный с индивидуальностью зрительской интерпретации темы коллажа; проайретический код, соответствующий включению элементов коллажа в единое повествование на основе зрительского опыта; семный код, реализуемый коннотативностью и ассоциативностью элементов, наполняющих коллаж; символический код, опирающийся на использование знаков-символов в мозаичном коллажном построении [Волчков 2024: 6–7]. Возможность использования художественного приема коллажа для создания «сложных социальных, политических и эстетических нарративов» [там же: 11] способствует росту его популярности в современном цифровом медиапространстве и обусловливает эффективность его применения в рамках журналистской колонки.

За последние три года в колонке Тима Даулинга использовались варианты пяти коллажей, объединенных наличием общего центрального элемента в виде вырезанного фото автора, композиционной структурой, включающей такие составляющие, как пятна, брызги и кривые линии, а также цветовым

решением, заключающимся в применении одного и того же фона натурального светлого цвета и локальной заливки чистых (открытых) цветов. При этом яркие цветовые пятна можно рассматривать в качестве средств эмоционального воздействия на реципиента, а цветовое решение коллажа интерпретировать в соответствии с общим нарративом [Севостьянов 2024]. Представляется, что цветовая палитра анализируемых коллажей, характеризующаяся сочетанием яркого желтого, красного, голубого, синего, зеленого, фиолетового и черного цветов с доминирующим светлым фоном, направлена на создание позитивных ассоциаций, что соответствует развлекательному характеру колонки.

Различия между коллажами заключаются в использовании при их построении разных вырезанных фотоизображений журналиста и других актантов описываемых в эссе событий, причем изображение автора колонки всегда значительно больше по сравнению с другими и обычно располагается в центре. Таким образом, визуальная метонимия РАЗМЕР И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВМЕСТО ВАЖНОСТИ способствует фокусировке внимания читателя на центральной роли автора и узнаванию его колонки среди других.

Тексты Тима Даулинга представляют собой нарративные эссе, освещающие отдельные эпизоды из его жизни, однако в рамках рассматриваемой журналистской колонки они организуются в один хронологически выстроенный нарратив, а запечатленные на фото трансформации во внешнем виде автора, состоящие в смене одежды и прически в совокупности с возрастными изменениями, вызывают у читателя впечатление естественности хода описываемых событий, создают эффект присутствия и погружения в повествование.

Повторное употребление одного и того же коллажа для иллюстрации разных эссе стимулирует его закрепление в восприятии постоянного читателя за определенной темой, метонимически представленной на изображении фотографиями соответствующих актантов. Так, например, коллаж, на котором фото Тима Даулинга окружено тремя изображениями мальчиков, вызывает ожидания, что по крайней мере один из детей автора задействован в повествовании. Коллаж, на котором по обе стороны от журналиста размещаются фотографии кота и собаки, сообщает о том, что животные будут активно участвовать в сюжете, а коллаж, где рядом с фото Тима Даулинга помещены изображения двух эмоционально играющих на электрогитарах мужчин, готовит читателя к очередному эпизоду, связанному с участием автора в музыкальной группе. Таким образом, очевидно, что коллажи могут способствовать определенной систематизации эссе в рамках журналистской

колонки и выстраиванию дополнительных интертекстуальных связей между отдельными нарративами.

Используемые в построении коллажных мозаик фотографии журналиста в разных ракурсах всегда обрезаны по грудь, что создает акцент на его мимике. Эта особенность коллажей способствует реализации дискурсивной категории диалогичности, дополняя повествование от первого лица прагматическим эффектом выражения определенной эмоции. При этом под воздействием вербального компонента происходит трансформация смысловых структур коллажа, так как выражение лица автора на одном и том же изображении может интерпретироваться по-разному в контексте разных эссе колонки. Например, на коллаже с фотографиями журналиста, кота и собаки мимика Тима Даулинга очень выразительна: лицо развернуто к зрителю, взгляд сверху вниз, рот перекошен, уголки рта опущены, лоб наморщен. В зависимости от описываемой в эссе ситуации это выражение лица может восприниматься как передающее разные варианты негативной реакции автора: разочарование, сожаление, подозрение, озадаченность, недовольство, печаль и пр.

Для иллюстрации рассмотрим этот коллаж в эссе “Tim Dowling: I’ve come to respect the fox. But our dog is still a hardliner” (The Guardian, 09.05.2026). Из трех фигур коллажа участниками событий, описываемых вербально, являются только автор и собака. Еще один актант нарратива, лис, не представлен изобразительно, однако скошенный вниз взгляд журналиста, не соответствующий расположению кота или собаки в плоскости коллажа, можно интерпретировать как направленный на лиса, размещающегося за пределами картинной плоскости. Такая интерпретация возможна в силу того, что во вступительном абзаце, под которым находится коллаж, сообщается, что автор подозревает лису в краже посылок, которые были доставлены на порог его дома, но хочет собрать доказательства, прежде чем вступать в открытый конфликт (*I suspect the fox is stealing my delivery parcels off the doorstep, but I’m not going to escalate without proof*). Негативная эмоционально-оценочная информация, вербализованная во вступлении, соотносится на изображении с выражением лица журналиста, которое соответствует мимике человека, искоса смотрящего на подозреваемого в воровстве. Далее в тексте выдвижение информации о враждебности и настороженности в отношениях автора с лисом осуществляется с помощью инверсии и параллельных конструкций (*in the back garden, the fox and I are enemies; out front, we’re just wary neighbours, rubbing along together for the sake of an easy life*), где стертая метафора и эпитет указывают на очеловечивание лиса журналистом. Персонификация животного автором манифестируется

также в конце эссе в форме фиктивного диалога [Алексеенко 2021: 21] между ними: автор встречает лиса вечером по дороге в магазин и обращается к нему с контактоустанавливающим вопросом *("All right?" I say as we pass one another)*. Ответная невербальная реакция лиса представлена с помощью воображаемой реплики (*The fox gives me a look that says: can't complain*). Этому диалогическому взаимодействию предшествует описание эмоционального противостояния человека и лиса при приближении друг к другу (*I don't deviate from my path; neither does he*), в ходе которого Тим Даулинг пытается вести себя непринужденно (*I pull out my phone and look at it casually, glancing up only as the fox draws near*). Подобная напускная расслабленность, сочетающаяся с внутренним напряжением, может быть реализована мимикой, соответствующей коллажному изображению автора, а скошенный вниз взгляд может соответствовать ситуации, когда человек смотрит на проходящее мимо животное, которое значительно ниже его. Таким образом, читатель может активно достраивать сконструированную с помощью коллажа ситуацию, привнося в нее новые детали под влиянием вербального компонента и наделяя элементы, уже присутствующие на коллаже, новым смыслом.

Литература

Алексеенко Н. В. Маркеры фиктивной коммуникации в моно- и полимодальном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2021.

Волчков М. В. Коллаж как художественный прием в живописи: смысловые коды // Искусствознание: теория, история, практика. 2024. № 2(40). С. 6–12.

Потсар А. Н. Трансформация жанровой структуры колонки под влиянием политического дискурса // Медиаскоп. 2012. № 1. С. 9.

Севостьянов Д. А. Цвет и фабула в изображении: символизм, эмоциональное воздействие и возможность вербализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4(885). С. 168–174.

***O. B. Nayok** (Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

COLLAGE IN THE SEMANTIC SPACE OF A JOURNALISTIC COLUMN

The study of how collages function in the semantic space of a journalistic column has shown that in terms of meaning construction collages can be affected by the verbal

component. Collages can be instrumental in the realisation of the discourse category of dialogicity, of the pragmatic effect of expressing a certain emotion and of the effect of being present in the scene. Collages can contribute to establishing intertextual links between narratives in the journalistic column.

Key words: collage, discourse of a journalistic column, semantic space, multimodal communication, narrative, verbal component, visual component.

М. И. Парамонова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
paramonova_mi@mail.ru

СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АМЕРИКАНО-ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА 2026 ГОДА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИКОДОВЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Статья посвящена особенностям репрезентации военной операции США и Израиля против Ирана, начавшейся в феврале 2026 г., посредством вербальных и визуальных метафор в американских и британских СМИ. Выделены наиболее употребительные метафорические модели, используемые для описания конфликта в его развитии. Установлено, что метафорическая репрезентация военного противостояния взаимосвязана с репрезентацией оппозиции «Свой – Чужой», отражающей борьбу на внутриполитической арене США.

Ключевые слова: поликодовый медиатекст, военный конфликт, метафорическая модель, вербальная метафора, визуальная метафора.

В настоящее время тема военного конфликта находится в фокусе внимания исследователей в различных сферах научного знания, что обусловлено геополитической нестабильностью, нарастанием противоречий и конфликтного потенциала в отдельных регионах мира. Все чаще конфликты имеют гибридный характер, когда активно используются разнообразные невоенные средства, в том числе специальные операции в информационном поле.

Массмедийные материалы занимают центральное место среди инструментов формирования общественного сознания. Данные материалы создают медийную картину мира, которая, с точки зрения лингвистов-когнитологов, является ментальной моделью действительности, формирующейся в со-

знании читателя под воздействием данных материалов на когнитивные структуры знания [Баженова 2014]. Описывая вооруженные противостояния, материалы СМИ являются основным источником информации и в то же время часто выступают в качестве инструмента манипулятивного воздействия.

Одним из эффективных средств оказания влияния на сознание аудитории является метафора, которая рассматривается как прием когнитивного плана, использующийся авторами для создания желательных сравнений и ассоциаций, формирования требуемого образа [Иссерс 2008], как способ восприятия, представления и оценки действительности [Чудинов 2001]. При этом особую роль в современных информационных сообщениях имеют визуальные метафоры, что обусловлено высоким прагматическим потенциалом изобразительного компонента поликодового текста, информационной емкостью входящих в его состав невербальных элементов [Бабикова 2020].

В данной статье рассматриваются метафорические модели, использованные авторами статьей, посвященных военной операции США и Израиля против Ирана 2026 года, опубликованных в веб-версиях изданий *The Guardian, The Independent, The Washington Post* в период с 01.03.2026 по 25.05.2026.

В результате анализа материала выявлена трансформация метафорической репрезентации конфликта в его развитии. Так, на начальном этапе вооруженного противостояния метафорический перенос активно используется для описания таких его компонентов, как участники конфликта, боевые действия, жертвы и пострадавшие, причины конфликта, с последующим смещением к метафорическому отображению промежуточных итогов, включая экономические и геополитические последствия для участников и поддерживающих их сторон, а также возможные пути выхода из конфликта. При этом наблюдается динамика метафорических моделей, используемых для его описания. Кроме того, поскольку данный вооруженный конфликт воспринимается многими участниками геополитического процесса как элемент борьбы сторонников и противников Д. Трампа и во многом рассматривается как «война Трампа», метафорический перенос в освещении данных событий в вышеупомянутых политически ангажированных изданиях часто становится средством реализации дихотомии «Свой – Чужой», где «чужие» – президент США и его сторонники.

Ведущую роль в создании метафорических образов играют вербальные метафоры. Доминирующими в описании событий на протяжении выделенного периода являются метафора ПУТИ (*a path to war, a diplomatic path, a tough road, the road Trump has to travel, a short excursion of Trump*

и др.), метафора со сферой-источником НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (*tsunami of gloom, tsunami of drones and missiles, this war is a wildfire, this war is a bog, a fog of war* и др.), медицинская метафора (*the ceasefire is on a massive life support*, *Trump's plague, Trump is a new Covid, uncertainty metastasizing from one to another* и др.), описывающие конфликт как разрушительный, непредсказуемый в своем развитии, планируемый Д. Трампом как молниеносная военная операция, но оказавшийся военным и политическим тупиком для администрации США. При этом если на начальном этапе вооруженного противостояния на фоне волны критики и скептицизма в адрес американского президента активно используются метафоры со сферами источниками ИГРА (*Trump is gambling with the fate of the country, homicidal turkey shoot, Rubio's guessing game, this war is a great game* и др.), ТЕАТР / ШОУ (*Iranian play, choreographed conflict, showman's performance* и др.), СПОРТ (*for Trump this war is a lightweight competition*, *everyone has a plan in the ring until they get punched in the face, punching them [Iranians] while they're down* и др.), способствующие созданию негативного образа американской администрации за счет уподобления Д. Трампа и его окружения лицедеям, игрокам, боксерам на ринге, то с появлением все более тяжелых последствий конфликта, втягиванием в него все большего количества стран критика Д. Трампа сменяется прямыми обвинениями в его адрес. Так, в более поздних публикациях вышеупомянутые метафорические модели практически не встречаются, их место занимают метафоры со сферами-источниками МИФ, ФОЛЬКЛОР (*Trump is a witch of a hexed world, Trump is a kind of a monster, [Trump is] the great villain of history* и др.) и ПРЕСТУПЛЕНИЕ (*Trump tried to murder American democracy, he [Trump] is a killer, a ban on oil trade will rob American economy* и др.). В данных материалах достаточно часто употребляется милитарная метафора (*geopolitical crossfire, intraparty warfare, battle in Congress, battle among MAGA supporters* и др.), фиксирующая перемещение противостояния с театра боевых действий в политико-дипломатическую плоскость.

Использование визуального метафорического переноса направлено на усиление актуальных компонентов формируемых метафорических образов. Следует отметить, что превалируют собственно визуальные метафоры, когда метафорический перенос реализуется в изобразительном компоненте статьи, оставаясь при этом понятным широкой аудитории, что свидетельствует о резонансности освещаемых событий. Наиболее часто авторы прибегают к использованию метафор, чтобы подчеркнуть хаотичность и непредсказуемость действий Д. Трампа и их последствия. Так, в одном из материалов, сочетание изображения Трампа, уходящего за занавес после выступления

(см. рис. 1) и фотокомментария *Trump leaves after speaking to reporters about the Iran war* позволяет автору осуществить мультимодальный метафорический перенос – происходящее сравнивается с неудачным театральным представлением. На рисунке 2 представлена визуальная метафорическая интерпретация действий Д. Трампа – изображение Трампа, уверенно шагающего под пролетающими над головой ракетами к пустому горизонту, усиливает ощущение неопределенности

предпринимаемых шагов, излишней самоуверенности президента США. В более позднем материале на фоне широко обсуждаемого раскола среди сторонников Д. Трампа как одного из последствий конфликта размещена фотография президента и министра обороны США (см. рис. 3), метафорически отражающая противостояние Д. Трампа и представителей военного ведомства, недовольных форматом проведения операции. Оценивая промежуточные итоги конфликта, авторы используют метафоры для указания на ослабление доминирующей роли США в мире (изображение «испуганного» американского авианосца на рисунке 4) и разрушение образа самой демократичной страны (см. рис. 5).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Таким образом, при смещении фокуса внимания журналистов на те или иные аспекты конфликта изменяется и набор используемых для его

репрезентации метафорических моделей. Доминирующими на протяжении указанного периода остаются метафора ПУТИ, медицинская метафора, метафора со сферой-источником НЕЖИВАЯ ПРИРОДА. Визуальные метафоры усиливают и расширяют метафорическое изображение конфликта. Метафорическая репрезентация конфликта осуществляется через призму противостояния сторонников и противников Д. Трампа.

Литература

Бабикова М. Р. Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 2020.

Баженова Е. Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах Британских СМИ (на материале качественных Интернет-газет): дис. … канд. филол. наук. Благовещенск, 2014.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001.

M. I. Paramonova *(Saint Petersburg, Russia)*
The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications

PECULIARITIES OF THE METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE 2026 US-ISRAEL–IRAN CONFLICT IN ENGLISH-LANGUAGE POLYCODE MEDIA TEXTS

The article considers the representation of the US-Israel military operation against Iran, which began in February 2026, through verbal and visual metaphors in American and British media. The most common metaphorical models used for describing the conflict as it unfolds are identified. It is revealed that the metaphorical representation of military confrontation is interconnected with the representation of the "Own – Alien" opposition, reflecting the struggle in the US political arena.

Key words: polycode media text, military conflict, metaphorical model, verbal metaphor, visual metaphor.

Г. Е. Попова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный технический университет
gepopova@mail.ru

РЕЧЕКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРАКЦИЯ: ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНАЯ И МЕТАДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАНТЫ

Когнитивное пространство речевого взаимодействия есть динамическая интеракция когнитивно-контекстуальных моделей (сознаний) его участников. Успешность речевой интеракции определяется когнитивным резонансом ингерентных ментальных моделей и адгерентных речеязыковых и полимодальных сигналов – стимулов интерперсональных и метадискурсивных интерпретаций, взаимодействующих в процессе коммуникации.

Ключевые слова: интеракциональная когниция, концептуально-интерпретационный подход, интерперсональная инференция, конструирование адресата, метадискурсивная интеракция.

Когниция и семиозис составляют неразрывное единство, позволяющее сознанию оперировать внутренним мыслительным потенциалом в процессе перцепции и моделирования окружающей среды. Инструментом, реализующим это единство, являются речь и коммуникация. Когнитивно-семиотическое моделирование сознания основано на интерпретанте (Ч. С. Пирс) – определяющем механизме семиозиса, процесса знакового отражения действительности [Peirce 2000; Попова 2025; 2026].

Неразрывная связь мышления, знаковой природы сознания и связующей их интерпретации дает основание для выделения в когнитивной парадигме «концептуально-интерпретационного подхода» и соответствующего метода анализа [Болдырев 2026]. Данная научная установка позволяет исследовать не только интерпретационный характер формирования языкового знания и значения, но и проникать в динамику семиогенеза в коммуникации «здесь и сейчас», – в процессы речевого взаимодействия в перспективе развития интеракциональной когнитивной семиотики [Алферов 2011; Алферов и др. 2020; Попова 2023, 2025, 2026].

Раскрывая эпистемический потенциал пирсовой интерпретанты, Н. Н. Болдырев предлагает дифференцировать это понятие в преломлении к функциональной интенциональности (направленности) интерпретирующего языкового сознания, выводя множественную типологию «интерпретант»: «дефиниционных, фреймовых, импликативных, инференционных, матричных, дискурсивных и др.» [Болдырев 2026: 34].

В преломлении к речевой интеракции можно продолжить такую конкретизацию и дополнить ее некоторыми аспектами интерпретативного семиозиса, связанного с процессом взаимодействия по крайней мере двух коммуникантов как двух сложных перцептивно-когнитивных систем [Tomasello 2009]. Если интерпретация по определению интерактивна, т.е. основана на субъект-объектных отношениях (интерпретация материального знака – предмета, текста, события и т.д.), – в межличностной коммуникации интерпретанта интеракциональна, то есть является результатом взаимодействия интерпретации объекта (референта, пропозиции) и субъект-субъектной интерпретации, включающей **интерперсональную интерпретанту** [Попова 2021].

Когнитивная интерперсональная интерпретанта восходит к инференциально-импликативной интерпретанте (по Н. Н. Болдыреву), поскольку в обычном речевом взаимодействии коммуниканты широко используют «неаддитивные стратегии» передачи смысла, которые «направлены не столько на передачу некоторого объёма информации, сколько на запуск самостоятельного порождения новых смыслов со стороны реципиента» [Ирисханова 2014: 250; см. тж. Geeraerts 2020].

Поэтому интерперсональная интерпретанта предполагает «проект/модель собеседника» (“recipient design”) [Newman-Norlund 2009], знание его когнитивной базы, учет его внутренних релевантностей [Попова 2023; Шюц 2004]. Успешность речекогнитивной интеракции напрямую зависит от «конкорданса» и «резонанса» внутренних релевантностей собеседников [Ирисханова 2018; Попова 2023]. Отсутствие понимания реципиента приводит к необходимости согласования смыслов, что вызывает к жизни еще одну интерпретанту – метадискурсивную, направленную на координацию референтного, интенционального, эмоционального содержания высказывания собеседника [Попова 2024]. Эта **метадискурсивная интерпретанта** позволяет восстановить когнитивные лакуны в диалоге и в других типах дискурса [Алферов, Попова, Тамразова 2019].

Иллюстрацией изложенных положений могут стать приводимые ниже фрагменты диалогов т/с «Доктор Хаус» (“House, MD”):

A.	
Cameron: The shooter turns out to be a guy who …	– Стрелок оказался…
House: ***Don't care.***	– Плевать.
Cameron: ***You don't care*** *why a guy walked into a hospital and shot a doctor? Shot you?*	– *Вам плевать, почему человек пришёл в больницу и стрелял во врача? В вас?*
House: I assume his reasoning was faulty	– Думаю, он ошибся в выводах.
	(перевод “Lost film”)

Здесь интерперсональная интерпретанта первого говорящего основана на презумпции релевантности сообщаемой информации. Для него знание о человеке, покушавшемся на жизнь его собеседника, представляется важным прежде всего для самого адресата. Однако такая интерпретация диссонирует с когнитивной интенциональностью реципиента, который прерывает обсуждение сообщаемой информации. Отсюда возникает необходимость метадискурсивной интерпретации, направленной на преодоление интерперсонального когнитивного диссонанса. Этот пример, несомненно, выходит за рамки максим кооперативного общения, подчеркивая исключительность сознания главного героя сериала.

В обыденном общении конструирование говорящим когнитивной модели реципиента строится на базе собственной системы внутренних релевантностей, что порождает речекогнитивный конфликт и, как следствие, эксплицитную метадискурсивную интерпретацию в диалоге:

Б.	
House: You don't like people. You hide on that ice cube so…	– Не любите людей? Прячетесь в этой морозилке, чтобы …
Cate: ***Stop projecting***. *You're anti-social, so you assume I'm anti-social.*	– ***Строите проекции?*** *Вы – антисоциальны, и предполагаете, что и я такая же?*

Психологизм когнитивных интерпретаций неизбежен, так как, в отличие от субъект-объектной интерпретации, связанной с устоявшимися когнитивными формами (объектами), в отличие от дискурсивно-текстовых интерпретант, направленных на конвенциональные когнитивно-матричные контексты [Болдырев 2026: 33], субъект-субъектная интеракция «здесь и сейчас» строится, как правило, на эмпатическом резонансе [Tomasello 2009], на идиосинкразийном восприятии единичного психо-когнитивного склада своего собеседника [Geeraerts 2020; Haselton, Nettle 2006].

Имплицитность речевого взаимодействия и неаддитивность речевых стратегий базируются на взаимном проникновении собеседников во внутренние релевантности друг друга. Молчание как речевой акт суть проявление инференциально-когнитивной природы интерперсональной коммуникации [Van den Heuvel 1985]. Интерперсональная интерпретанта оказывается иногда в обратной пропорциональности к эксплицитной речевой интеракции. Но чаще метадискурсивная интерпретанта осуществляет необходимую синхронизацию смыслов участников речевой интеракции:

B.	
Cameron: We biopsied his tongue. House: And it was negative. **And the blood tests were negative.**	– Провели биопсию языка… – И она отрицательна. ***И анализы крови тоже.***
Cameron: ***I didn't say we did blood tests.***	– ***Я не сказала, что мы их делали.***
House: ***You don't biopsy** a tongue unless you have to biopsy a tongue and you don't have to biopsy a tongue unless you've already come up with nothing on a routine battery of tests which don't involve torturing the patient.*	– ***Ты не станешь делать** биопсию языка, без крайней необходимости. А вынудить тебя может только нулевой результат по всем обычным тестам, в которые не входят пытки пациентов.*

Приводимые примеры демонстрируют, как ингерентные когнитивные механизмы **интерперсональной интерпретанты** – одного из главных механизмов семиотического конструирования смысла в межличностной речевой интеракции прорастают адгерентными эксплицитными манифестациями **метадискурсивной интерпретанты** – постоянной речекогнитивной рефлексии как свойства и функции человеческого сознания.

Литература

Алферов А. В. Интеракциональная лингвистика и структура диалога // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 135–137.

Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Тамразова И. Г. Интеракциональная когнитивная семиотика: понятийные составляющие метода (интерпретанта, релевантность, ad hoc-концепты) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 3. С. 30–36.

Алферов А. В., Попова Г. Е., Тамразова И. Г. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 94–104.

Болдырев Н. Н. Концептуально-интерпретационный подход в когнитивных исследованиях языка // Когнитивные исследования языка. 2026. № 2 (67). Ч. 1. С. 37–42.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Ирисханова О. К. Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 334–344.

Попова Г. Е. Субъектность и объектность разделяемой когниции в коммуникативной интеракции // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 731–734.

Попова Г. Е. Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2023.

Попова Г. Е. Смысловой диссонанс как речекогнитивный механизм // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 186–189.

Попова Г. Е. Когнитивный семиогенез и релевантность // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2–1 (63). С. 85–89.

Попова Г. Е. Когнитивные корреляции семиозиса: динамическая модель Ч. С. Пирса // Когнитивные исследования языка. 2026. № 2 (67). Ч. 2. С. 81–85.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

Geeraerts D. Empathic viewpoint and intersubjective ambiguity // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: мат-лы междунар. науч. конф. М.: МГЛУ, 2020. С. 12–13.

Haselton M. G., Nettle D. The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases // Personality and Social Psychology Review. 10(1). 2006. P. 47–66.

Van den Heuvel P. Parole, mot, silence. P.: Librairie Jose Corti, 1985.

Newman-Norlund S. E. Recipient design in tacit communication // Cognition. 2009. 111(1). P. 46–54.

Peirce Ch. S. Collected papers. Harvard: Harvard University Press, 2000.

Tomasello M. Why we cooperate / M. Tomasello, C. Dweck, J. Silk, B. Skryms, E. Spelke. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

G. E. Popova *(Astrakhan, Russia)*
Astrakhan State Technical University

SPEECH-COGNITIVE INTERACTION: INTERPERSONAL AND METADISCURSIVE INTERPRETANTS

The cognitive space of speech interaction is a dynamic interaction of cognitive-contextual models (consciousnesses) of its participants. The success of speech interaction is determined by the cognitive resonance of coherent mental models and coherent linguistic and polymodal signals – stimuli of interpersonal and metadiscursive interpretations interacting in the communication process.

Key words: interactive cognition, conceptual and interpretative approach, interpersonal inference, recipient construction, metadiscursive interaction.

О. А. Толстых *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
tolstykhoa@susu.ru

ОСНОВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОДКАСТИНГА КАК ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается литературный подкастинг как полимодальный феномен, объединяющий вербальные, аудиальные и визуальные семиотические системы. Анализируются когнитивные процессы, задействованные в создании и восприятии подкастов о литературе, а также стратегии передачи смыслов через разные каналы коммуникации. На материале русскоязычного литературного подкаста «Полка» выявляются основные полимодальные паттерны и их воздействие на аудиторию.

Ключевые слова: полимодальность, когниция, подкастинг, когнитивные механизмы, аудиовизуальное восприятие.

Современный литературный дискурс активно осваивает цифровые форматы и медиатехнологии, среди которых особое место занимает подкастинг. Практически все «современные тексты являются семиотически осложненными, т. е. включающими в себя элементы более чем одной семиотической системы» [Блинова, Щербакова 2021: 66]. Литературные подкасты тоже представляют собой сложный полимодальный феномен: они сочетают устную речь, музыкальное сопровождение, звуковые эффекты, визуальные элементы и текстовые описания. Под полимодальностью в настоящее время понимают «совмещение в едином коммуникативном пространстве знаков разных семиотических систем: вербальной, визуальной, аудиальной и др.» [Ирисханова 2021: 15]. В контексте подкастинга это означает, что смысл формируется не только вербальными и паравербальными средствами, среди которых важная роль принадлежит интонации, тембру и паузам, задействованными также оказываются аудиальный и визуальный каналы. Е. М. Хакимова называет подкастинг «новой дискурсивной практикой, изменяющей отношения между участниками коммуникативного процесса, характеристики медиапродуктов и характер общения» [Хакимова 2023: 74].

Цель данного исследования – изучение когнитивных механизмов русскоязычного литературного подкастинга как полимодального феномена современной медиареальности с учетом базовых положений когнитивно-дискурсивного подхода. В задачи входит систематизация теоретических аспектов литературного подкастинга; дискурсивный анализ реальных

литературных проектов на подкастинговых сервисах и выявление основных полимодальных паттернов, влияющих на восприятие литературного подкаста целевой аудиторией. Методика дискурсивного анализа в данном случае учитывает участников коммуникации (авторов и целевую аудиторию), задействованные каналы коммуникации, прагматический контекст, а также структурно-композиционные характеристики медиапродуктов. При анализе эмпирического материала также использовалась методика лингвокогнитивной интерпретации поликодовых текстов, разработанная Т. В. Романовой, А. С. Винокуровой и Д. А. Маликовой [Романова, Винокурова, Маликова 2021]. Ранее мы уже анализировали поликодовые тексты (кинопостеры) по данной методике и описывали три доминирующие функции: аттрактивную, информирующую и прагматическую [Хакимова, Толстых 2025: 474]. Подкасты как поликодовые тексты выполняют тот же ряд функций.

Основные когнитивные механизмы, или ментальные процессы, позволяющие слушателю литературного подкаста воспринимать, понимать и запоминать информацию, включают в себя *мультисенсорную интеграцию* – объединение информации из разных модальностей в единый ментальный образ, *прогнозирование* – ожидание определенных сюжетных ходов, *концептуальную интеграцию* – соединение литературных концептов с аудиовизуальными образами и *эмпатическое моделирование* – «проживание» услышанной истории персонажа посредством интонации и звуковых эффектов. Однако в некоторых литературных подкастах присутствуют также и другие когнитивные механизмы – *актуализация фоновых знаний целевой аудитории*, *активизация образного мышления через звуковые ассоциации* и *интерактивное вовлечение слушателей в процесс «сторителлинга»*. Современный литературный подкаст трансформирует академическое литературоведение в увлекательный нарратив. В данном случае сложный культурный код передается слушателю через технологию «эдьютейнмент» (обучение через развлечение) и персонализацию (создание интересного и полезного контента).

В качестве материала исследования нами был выбран литературный подкаст «Полка» (https://polka.academy/podcasts), который в 2019–2023 годы на протяжении 84 выпусков предлагал своей аудитории увлекательные беседы о русской и зарубежной литературе, истории и культуре. Ведущими и авторами подкаста были известные литературные критики и редакторы – Варвара Бабицкая, Лев Оборин, Полина Рыжова, Юрий Сапрыкин и другие. Формат данного подкаста представлял собой свободные обсуждения таких тем, как судьба потерянных рукописей, «книжные итоги» десятилетия,

гендерные аспекты современной литературы. Данный подкаст был ориентирован прежде всего на профессиональных филологов, но мог быть также интересен широкому кругу читателей, интересующихся литературными произведениями и биографиями классических и современных авторов. Образовательный проект «Полка» был назван в честь книжной полки, символического места, где собраны самые главные и любимые произведения русской или зарубежной литературы. Подкаст «Полка» стал логичным продолжением этого просветительского сайта, а само название стало символизировать тот «золотой фонд» книг, которые стоит прочесть каждому.

Рассмотрим три компонента полимодальности на примере данного подкаста. Анализ вербального компонента (обратимся, например, к превью подкаста) позволяет выявить мощный когнитивный механизм актуализации фоновых знаний. Текст превью выстроен на сильном риторическом и смысловом контрасте: от классических запросов русской интеллигенции к экзистенциальному вопросу современности: «Что делать? Кто виноват? Как найти покой в наши мрачные дни? Мы ищем ответ в том, что написано до нас и пишется сегодня» (https://podcasts.apple.com/ru/podcast/%D0%BF%D0%BE% D0%BB%D0%BA%D0%B0/id1450480149). Трехчастная структура данного послания представляет собой классическую формулу – интригующее начало, актуальный запрос и предлагаемый способ решения, своеобразный анонс контента подкаста. Ключевыми вербальными приемами в тексте превью являются аллюзии к классическим текстам Н. Чернышевского и А. Герцена, своеобразные «меметические» фразы, служащие социально-культурными маркерами. Риторический параллелизм (что? кто? как?) активизирует внимание и образное мышление, настраивая слушателей подкаста на определенный контент. Стилистическое выверенное превью успешно выполняет аттрактивную, информирующую и прагматическую функции, привлекая целевую аудиторию к знакомству с материалами подкаста.

Аудиальный компонент данного литературного подкаста выстраивается на принципах одновременно интеллектуального и неформального диалога. Прежде всего он связан с голосовыми характеристиками ведущего (ведущих), музыкальным сопровождением и звуковыми эффектами. Голосовые характеристики в свою очередь включают в себя пять параметров, напрямую влияющих на восприятие информации: тембр, тон, темп, громкость и артикуляцию. Профессиональное владение голосом в жанре подкаста запускает следующие когнитивные механизмы: мультисенсорную и концептуальную интеграцию, эмпатическое моделирование и интерактивное вовлечение слушателей в процесс. Фирменные «джинглы» подкаста лаконичны и не

отвлекают слушателя от смыслового содержания выпуска. Многоголосие благодаря большому количеству ведущих и приглашенных гостей избавляет слушателей от академической сухости и вносит разнообразие в общий аудиальный ландшафт.

Визуальный компонент подкаста «Полка», выстроенный на принципах минимализма и академизма, гармонично продолжает его просветительскую миссию. Основные визуальные элементы включают в себя логотип, обложку, сопроводительные материалы, оформление подкастинговой платформы. Фирменный стиль подкаста представлен в сдержанной цветовой гамме, классических цветах, с использованием контрастных геометрических элементов со строгим легко читаемым шрифтом. Дополнительные материалы активно используют визуальное сопровождение при публикации цитат и анонсов. Архивные фотографии авторов, портреты писателей, изображения обложек редких изданий, выполняя аттрактивную функцию, нацелены также на погружение слушателя в историю литературы или биографию писателя. Логотип и оформление подкаста перекликаются с основным сайтом проекта и призваны активизировать образное мышление аудитории подкаста и настроить ее на увлекательное путешествие в мир художественной литературы.

Образовательный проект «Полка» выполнял не только просветительскую, но и развлекательную функции. Внимание целевой аудитории удерживалось разнообразным контентом, зачастую представленным доступным и современным языком. Гипермедийность этого проекта была во многом причиной его невероятной популярности. Полимодальный характер литературного подкаста «Полка» заключается в соединении аудиоформата с текстами, визуальными образами, гиперссылками и культурологическим контекстом, что значительно расширяет рамки традиционного восприятия. Погружение в материал через несколько каналов одновременно запускает целый ряд когнитивных механизмов, позволяющих слушателям «включить» текст в свой личный опыт, развивая при этом свой эмоциональный интеллект. Организация такого полимодального пространства раскрывается через интертекстуальность (текстовые переклички) и интермедиальность (взаимодействие и синтез различных медиа), деконструкцию общеизвестных мифов и стереотипов, а также метафорическое моделирование.

Таким образом, литературный подкастинг представляет собой яркий пример полимодальной коммуникации, в которой вербальный текст дополняется аудиальными и визуальными кодами. Основные когнитивные процессы (внимание, память, эмпатия) задействуются в данном случае через мультисенсорное восприятие, а взаимодействие модальностей усиливает интерпретативный потенциал литературного дискурса.

Литература

Блинова Е. Н., Щербакова О. В. Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 66–79.

Ирисханова О. К. Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса: коллективная монография. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 15–32.

Романова Т. В., Винокурова А. С., Маликова Д. А. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации: монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2021.

Хакимова Е. М., Толстых О. А. Лингвокогнитивная интерпретация кинопостеров как поликодовых текстов // Когнитивные исследования языка. 2025. № 3–1(64). С. 474–478.

Хакимова Е. М. Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 72–95.

O. A. Tolstykh *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State University

KEY COGNITIVE MECHANISMS OF LITERARY PODCASTING AS A POLYMODAL FORM OF COMMUNICATION

The article examines literary podcasting as a polymodal phenomenon that integrates verbal, auditory, and visual semiotic systems. It analyzes the cognitive processes involved in the creation and reception of literary podcasts, as well as strategies for conveying meaning through various communication channels. Using the Russian-language literary podcast "Polka" ("Bookshelf") as a case study, the article identifies key polymodal patterns and their impact on the audience.

Key words: polymodality, cognition, podcasting, cognitive mechanisms, audiovisual perception.

Л. А. Усманова *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
usmanova77@rambler.ru

СНОВИДЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ И ПРОЦЕССЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ

В статье рассматривается сновидческий нарратив как особый дискурсивный феномен, претерпевающий когнитивную и языковую трансформацию в условиях цифровой коммуникации. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода анализируются механизмы полимодальной когниции и коммуникации, характерные для интернет-форумов сновидений, а также процессы конструирования знания в цифровой языковой среде. Показано, что переход сновидческого нарратива в цифровое пространство влечет за собой семиотическое усложнение дискурса: появление гибридных поликодовых текстов, трансформацию коммуникативных ролей, распространение цифровых метафор и коллективных практик смыслопорождения.

Ключевые слова: сновидческий нарратив, когнитивная лингвистика, полимодальная когниция, цифровой дискурс, интернет-форумы, поликодовый текст, смыслопорождение.

Изучение языка сновидений принадлежит к числу тех задач, которые на протяжении столетий объединяли исследователей самых разных научных традиций – от психоанализа и фольклористики до корпусной лингвистики и когнитивных наук. Со времен З. Фрейда, рассматривавшего образы сновидений как «знаки бессознательного» – зрительные впечатления, расшифровываемые через символы и созвучные слова, – и К. Г. Юнга, введшего понятие коллективного бессознательного с его архетипическими структурами, сновидение не теряло своей интеллектуальной притягательности для гуманитарной науки. Ю. М. Лотман, рассматривавший сон «в виде сложного и противоречивого семиотического клубка», подчеркивал его хрупкую и многозначную природу, делающую его «резервом семиотической неопределенности» [Лотман 1992: 224–226]. Именно эта принципиальная открытость смысла и делает сновидческий текст столь продуктивным объектом когнитивно-лингвистического анализа.

В условиях тотальной цифровизации рассказ о сне – прежде хранившийся в сфере интимно-бытового общения или фиксировавшийся в личном дневнике – массово мигрировал в пространство Интернета: на специализированные форумы, в социальные сети, на профильные платформы. Этот сдвиг имеет как коммуникативные, так и глубокие когнитивные последствия: интернет-коммуникация не просто переносит традиционный жанр в новую

среду – она реструктурирует его изнутри, создавая качественно новое дискурсивное образование.

Настоящая статья ставит целью проанализировать характер этой реструктуризации на материале ведущих русскоязычных интернет-площадок, посвященных обсуждению сновидений (форумы «Тонкий мир» (https://tonkimir.ru), «Мир снов» (https://forum.mirsnov.com), «Сны и Мы» (https://luuna.ru) и «Сомнамбулятор» (http://www.somn.ru/).

В отечественной лингвистике сновидения изучаются в когнитивной и психолингвистической парадигмах. Г. И. Берестнев вводит «лингвистику сновидений», связывая интерпретацию сна с универсальными когнитивными механизмами (метафора, метонимия, символ и др.) [Берестнев 2011: 405]. Корпусные исследования рассматривают рассказы о снах как динамическое дискурсивное событие с просодической и иллокутивной структурой [Рассказы о сновидениях 2009]. В нарратологии сон трактуется как вербальная репрезентация «неверифицируемого психосоматического опыта», оформляемая через культурные и жанровые модели [Сафронов 2016: 8].

В цифровой среде сновидческий нарратив выступает как поликодовый текст, объединяющий вербальные, визуальные и символические элементы для передачи многомерного смысла. Текстовые описания дополняются мультимедийными компонентами (эмодзи, мемы, AI-визуализации, хештеги, гиперссылки и др.), что отражает полимодальную когницию – одновременное задействование разных сенсорных и когнитивных модальностей в смыслопорождении. Языковые и невербальные ресурсы оказываются в цифровом дискурсе взаимозависимы: не дублируя друг друга, они создают интегральный полимодальный образ, обогащающий интерпретационные возможности нарратива. Например: *«Вчера снилось как принимаю роды у кошки.* *Родила 6 или 8 котят… И удивилась там ещё какой-то нереальной простоте сего действа.)*[1]*»* (tonkimir.ru).

Примечательно, что в условиях интернет-коммуникации маркеры неопределенности и кажимости («как будто», «казалось», «мне кажется», «не уверен») взаимодействуют с невербальными элементами: многоточие переосмысляется в сновидческих нарративах как маркер алогизма, противоречия здравому смыслу и неожиданности, а его роль как «пунктуационного иконизма» принципиально важна для передачи «диффузного хронотопа» сновидения – той принципиальной размытости пространственно-временных координат, которую традиционная письменная речь передает с трудом. Присутствие графических элементов – эмотиконов, смайликов, пиктограмм –

[1] Орфография и пунктуация автора поста сохранены – Л.У.

является одной из наиболее характерных особенностей интернет-дискурса в целом и сновидческого нарратива в частности. В пространстве виртуального общения, лишенного интонации, жестов и мимики, данные элементы выполняют компенсаторную функцию: они замещают невербальные средства передачи эмоций, создавая живое и доступное описание сновидений.

Одним из наиболее значимых лингвокогнитивных явлений, фиксируемых в современных рассказах о снах, является проникновение цифровых метафор в структуру сновидческого опыта. Наряду с традиционными архетипическими метафорами (вода – эмоции, лес – неизвестность, дом – безопасность) в текстах форумов появляются устойчивые концептуальные конструкции, формирующиеся на основе опыта работы с цифровыми интерфейсами: *«Сон глючил, как зависший ноутбук»; «Сознание мое там… ловлю команду искать глубинные, корневые программы»; «Экран передо мной до сих пор»* (Тонкий мир). Подобные конструкции представляют собой когнитивный диссонанс, ведущий к порождению новых паттернов смыслообразования: архаичный символ тела, «не слушающегося» при параличе сна, получает переосмысление через образ сбоящего управляемого объекта, а сам сновидец превращается в оператора, перехватывающего сигналы собственного подсознания в формате цифрового интерфейса. С точки зрения концептуальной метафорологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, здесь действует онтологическая метафора «ПОДСОЗНАНИЕ – ЭТО КОМПЬЮТЕРНАЯ СИСТЕМА» [Лакофф 2008]: цифровые технологии не просто входят в обыденный лексикон, но перестраивают концептуальную карту субъективного опыта. Например: *«…сон был так похож на какую-то компьютерную игру… как будто меня перенесли туда. Все было таким… утрированным, пейзажи нарисованные, краски яркие… потом это все как бы стушевалось… смысл игры слабо угадывался…»* (somn.ru). Сближение онтологических статусов сна и компьютерной игры обнаруживает их типологическое единство как «сфер онтологически неукрепленных форм»: спонтанность, фрагментарность, изменение статуса личности.

Конструирование знания о сновидениях в цифровой среде происходит в иных условиях: форумы функционируют как асинхронный полилог, где язык выполняет фатическую, консолидирующую и эмоциональную функции [Карасик 2019]. Личный опыт превращается в коллективный дискурс: формируется «коллективный разум», стирается граница между автором и аудиторией, а интерпретация приобретает диалогический характер («Если бы это был мой сон…»). Как правило, это проявляется в форме цепочек реплик, где автор нарратива последовательно уточняет и переосмысливает свое сновидение под влиянием комментаторов – процесс, описываемый в терминах нарративной психотерапии как «краудсорсинг смыслов» [Epston 1989].

Как видим, сновидческий нарратив в цифровой среде системно трансформируется, меняя жанровую форму и когнитивные механизмы смыслопорождения. Интернет-дискурс форумов сновидений конституируется взаимодействием вербальных, иконических и символических ресурсов, формируя интегральный поликодовый текст; эмодзи, мемы, хештеги и гиперссылки выступают как когнитивные инструменты расширения смысла. Цифровая среда также перестраивает интерпретацию: индивидуальный опыт включается в коллективный дискурс, гипертекстуальность создает нелинейные структуры, а алгоритмы переопределяют роль нарратора. Сновидческий нарратив становится индикатором культурно-языковых сдвигов цифровой эпохи, сохраняя связь с архетипическими механизмами. Семиотически, по словам Ю. М. Лотмана, сновидение остается «зеркалом, где каждый видит в нем отражение своего языка» – однако в XXI в. это зеркало все более явственно обретает цифровую рамку.

Литература

Берестнев Г. И. Лингвистика сновидений // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 404–413.

Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992.

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.

Сафронов Е. В. Сновидения в традиционной культуре: Исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016.

Epston D. Counter-dreaming // Epston D. Collected papers. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1989. P. 62–67.

L. A. Usmanova *(Kazan, Russia)*
Kazan (Volga Region) Federal University

DREAM NARRATIVE IN DIGITAL DISCOURSE: POLYMODAL COGNITION, COMMUNICATION, AND KNOWLEDGE CONSTRUCTION PROCESSES

The article considers the dream narrative as a special discursive phenomenon undergoing cognitive and linguistic transformation in the context of digital communication. Within the framework of the cognitive-discursive approach, the mechanisms of polymodal

cognition and communication characteristic of online dream forums, as well as the processes of knowledge construction in the digital language environment, are analyzed. It is shown that the transition of the dream narrative into the digital space entails a semiotic complication of discourse: the emergence of hybrid polycode texts, the transformation of communicative roles, the spread of digital metaphors and collective practices of meaning generation.

Key words: dream narrative, cognitive linguistics, polymodal cognition, digital discourse, Internet forums, polycode text, meaning generation.

Чжан Ли *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1042255317@rudn.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕКСТА, ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ПАРАТЕКСТА В КИТАЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ Н. ДАШЕВСКОЙ «ТЕО – ТЕАТРАЛЬНЫЙ КАПИТАН»

В статье рассматривается мультимодальное взаимодействие текста, иллюстраций и паратекста в китайском переводе повести Н. Дашевской «Тео – театральный капитан». На материале описания театрального пространства, музыкальных эпизодов и главы «Море» выявляются способы направления внимания, активации фоновых знаний и интеграции. Установлено, что схема театра конкретизирует пространственные отношения, термины и сноски дополняют специальные сведения, а заглавие, повествование и иллюстрации организуют интерпретацию образа моря. Китайское издание перераспределяет информацию между разными семиотическими компонентами, облегчая межкультурное понимание.

Ключевые слова: мультимодальное взаимодействие, текст, иллюстрация, паратекст, когнитивная организация чтения, русско-китайский перевод, детская литература.

Смысл иллюстрированной детской книги формируется во взаимодействии основного текста, изображений и издательского паратекста. При переходе произведения в другую языковую и культурную среду изменяется не только его вербальный компонент, но и распределение информации между различными семиотическими ресурсами. Действие повести Н. Дашевской «Тео – театральный капитан» разворачивается в оперном театре и связано с его пространственной организацией, музыкальной терминологией и культурными реалиями. Цель исследования – выявить, как текст китайского перевода, иллюстрации и паратекстуальные элементы направляют

концептуализацию театрального пространства, музыкального знания и образа моря, а также распределяют культурную и специальную информацию между вербальными, визуальными и паратекстуальными компонентами. Материалом послужили русское издание 2018 г. и китайский перевод 2022 г.; применяются сопоставительный, контекстуальный и мультимодальный методы анализа. Под когнитивной организацией чтения понимается не эмпирически зафиксированная реакция детей, а предполагаемая траектория интерпретации, задаваемая текстом и структурой издания. Новизна исследования состоит в разграничении переводческих и издательских решений и в рассмотрении китайского перевода в составе конкретного издания как целостной системы, в которой вербальные, визуальные и паратекстуальные компоненты совместно направляют интерпретацию произведения.

Когнитивный анализ полимодального текста позволяет установить, как вербальные и невербальные компоненты направляют внимание и участвуют в репрезентации знания [Ирисханова 2012: 63]. В мультимодальном переводе смысл определяется не только языковыми соответствиями, но и взаимодействием семиотических ресурсов и условиями интерпретации [Ван Чжиго 2023: 102]. Иллюстрированное двуязычное издание представляет собой поликодовый текст, смысл которого формируется во взаимодействии слова и изображения [Мазова, Гончар 2024: 56]. В настоящей работе мультимодальность понимается как совместное участие текста, изображения и композиции издания в смыслообразовании, а поликодовость – как знаковая неоднородность произведения. Отношения между компонентами рассматриваются с опорой на классификацию А. П. Гусевой, включающую концептуальное дополнение, соединение и наращивание [Гусева 2018: 106]. Поскольку в исследованиях переводной детской литературы переводческие, иллюстративные и издательские решения нередко рассматриваются раздельно, китайский перевод в его издательском оформлении анализируется как единая семиотическая система, основанная на их функциональном взаимодействии.

При анализе китайского перевода разграничиваются переводческие решения, связанные с передачей вербального текста, и издательские решения, предполагающие добавление схем, сносок и других паратекстуальных элементов. Паратекст заранее знакомит читателя с миром театра: название серии, вступительный материал «关于本书 / О книге», схема здания, пояснительные сноски и заключительное задание «自己动手做一支纸乐队 / Сделать своими руками бумажный оркестр» служат дополнительными ориентирами, не перегружая основное повествование. Схема выполняет пространственно-ориентирующую функцию, сноски – культурно-пояснительную, а заключительное задание – практико-познавательную. Эти элементы организуют

разные этапы чтения. Название серии, вступительный материал и схема театра формируют предварительные ожидания и задают пространственную рамку до обращения к основному тексту. Сноски сопровождают процесс чтения и восполняют недостающие культурные и специальные знания, тогда как заключительное задание переносит знакомство с миром оркестра за пределы повествования и связывает его с предметной деятельностью. Таким образом, паратекст не только дополняет содержание, но и определяет последовательность его освоения предполагаемым читателем.

Начальный эпизод основан на противопоставлении переносного и буквального значений выражения «жить в театре». В речи людей оно метафорически обозначает постоянную работу в театре или глубокую вовлеченность в театральную жизнь, тогда как мышонок Тео живет там «по-настоящему» [Дашевская 2018: 5]. Китайский перевод сохраняет эту двуплановость с помощью выражения «我住在剧院里 / я живу в театре» [Дашевская 2022: 9]. Повествование и изображение фасада создают целостный образ театра как культурного учреждения и дома героя, реализуя отношение соединения. При этом повествование передает субъективную точку зрения Тео, тогда как иллюстрация объективирует пространство театра и придает ему зрительно воспринимаемую форму. Схема внутреннего устройства выполняет функцию концептуального дополнения: она соотносит выражения «под сценой» и «недалеко от оркестровой ямы» с конкретными зонами здания, формируя пространственную рамку событий. В результате театр предстает одновременно как архитектурно организованное пространство, культурное учреждение и повседневная среда жизни героя.

В музыкальных эпизодах взаимодействие компонентов обеспечивает переход от наглядного представления к специальному знанию. В русском тексте слово «яма» объясняется через доступный ребенку пространственный образ [Дашевская 2018: 7]. В китайском переводе рядом используются бытовое обозначение «坑 / яма» и термин «乐池 / оркестровая яма» [Дашевская 2022: 11]. Первое создает наглядный пространственный образ, второе вводит нормативное театральное понятие. Соседство бытового и терминологического обозначений обеспечивает переход от пространственно-наглядного представления к профессиональной категоризации объекта. Выражение «тонкое гобойное “ля”» передается буквенным обозначением «A» и сопровождается сноской о названии звука и его функции при настройке оркестра [Дашевская 2018: 9; Дашевская 2022: 14]. Повествование описывает ситуацию, буквенное обозначение фокусирует внимание на конкретном звуке, а комментарий активирует необходимое специальное знание. Иллюстрация оркестровой комнаты дополняет эту информацию

изображениями инструментов, нот и бытовых предметов. Таким образом, музыкальные и театральные понятия раскрываются посредством взаимодействия текста, термина, изображения и комментария.

В главе «Море» взаимодействие компонентов связано с концептуальной интеграцией реальности, памяти и воображения. Русское заглавие «Море» обозначает центральный образ, сохраняя его интерпретационную открытость, тогда как китайское «楼顶观“海” / Наблюдать за “морем” с крыши» указывает место действия и подчеркивает условный характер образа [Дашевская 2022: 33]. Такое переводческое решение облегчает понимание ситуации, но одновременно уменьшает смысловую неопределенность оригинала. Фраза «Я закрываю глаза. А потом открываю их – и вижу море» обозначает переход от городского пространства к внутреннему видению героя [Дашевская 2018: 20; Дашевская 2022: 35]. Иллюстрация показывает Тео на крыше, фиксируя внешнюю реальность, тогда как повествование раскрывает увиденное им море. Это функциональное несовпадение создает наращивание смысла: городское пространство, семейная память, театральный опыт и мечта героя объединяются в образ воображаемого морского мира, а комментарии обеспечивают необходимый культурный фон.

Анализ показывает, что китайское издание не ограничивается межъязыковой передачей текста. Перевод передает и адаптирует языковые единицы, иллюстрации формируют визуальную перспективу, а издательский паратекст предоставляет пространственные, профессиональные и культурные ориентиры. Специфика китайского издания заключается не в простом увеличении объема пояснительной информации, а в ее функциональном распределении между переводом, изображением и издательским паратекстом. Схема театра направляет пространственную концептуализацию, термины и сноски обеспечивают переход к специальному знанию, а заглавие, текст и изображение участвуют в интеграции реальности, памяти и воображения. Соединение, концептуальное дополнение и наращивание выступают способами организации не только семиотических компонентов, но и предполагаемой читательской интерпретации. Выводы относятся к конкретному китайскому изданию и требуют дальнейшей проверки на материале других переводов современной русской детской литературы.

Литература

Ван Чжиго. Анализ мультимодального переводческого дискурса и прагматико-когнитивное исследование // Китайский перевод. 2023. № 5.

C. 98–105. 王治国. 多模态翻译话语分析与语用认知探赜[J]. 中国翻译, 2023(5): 98–105.

Гусева А. П. Семиотически гетерогенный художественный текст как содержательно осложненная коммуникация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 98–110.

Дашевская Н. Тео – театральный капитан. Ил. Ю. Сиднева. М.: Самокат, 2018.

Дашевская Н. Мечта театральной мыши стать капитаном / ил. Ю. Сидневой; пер. Чжан Хунбо. Наньнин: Издательство «Цзели», 2022. 达舍夫斯卡娅，尼娜. 剧院老鼠的船长梦[M]. 尤利娅·希德涅娃绘，张洪波译. 南宁：接力出版社，2022.

Ирисханова О. К. Полимодальность в социокогнитивном освещении: семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 63–66.

Мазова Е. В., Гончар А. А. Поликодовые тексты в двуязычных иллюстрированных изданиях: исследование динамики текстовых и визуальных взаимодействий // МедиаВектор. 2024. С. 56–61.

Zhang Li *(Moscow, Russia)*
RUDN University

MULTIMODAL INTERACTION OF TEXT, ILLUSTRATIONS, AND PARATEXT IN THE CHINESE TRANSLATION OF N. DASHEVSKAYA'S NOVELLA "TEO – THE THEATRE CAPTAIN"

The article examines the multimodal interaction of text, illustrations, and paratext in the Chinese translation of N. Dashevskaya's novella "Teo – the Theatre Captain". Based on an analysis of the representation of theatrical space, musical episodes, and the chapter "The Sea," the study identifies mechanisms of attention guidance, background knowledge activation, and conceptual integration. The findings demonstrate that the theatre diagram clarifies spatial relations, terminological correspondences introduce specialized concepts, and footnotes provide the necessary explanations, while the chapter title, narrative, and illustrations jointly organize the interpretation of the image of the sea. The Chinese translation functionally redistributes information across different semiotic resources, thereby creating additional conditions for the cross-cultural interpretation of the work.

Key words: multimodal interaction, text, image, paratext, cognitive organization of reading, Russian-Chinese translation, children's literature.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Бармин *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
art.barmin@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ СЕТЕВОГО И ДИСТРИБУТИВНОГО ПОДХОДОВ В ОБРАБОТКЕ ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ[1]

Статья посвящена проблеме интеграции дистрибутивного и сетевого подходов в моделировании семантических знаний на основе текстов. Рассматривается построение семантических сетей на базе репрезентаций LSA, Word2vec и BERT; обсуждается влияние выбора модели и специфики данных на структуру сети. Делается вывод о взаимодополняемости подходов: дистрибутивная семантика обеспечивает векторные представления текстовых единиц и оценивает отношения между ними, а сетевой подход структурирует их в виде сети и позволяет анализировать ее организацию с помощью метрик теории графов.

Ключевые слова: семантическая сеть, теория графов, дистрибутивная семантика, семантическое пространство, машинное обучение, анализ текста.

Семантические сети являются одним из фундаментальных инструментов моделирования организации знаний; они позволяют представить структуру знаний в виде множества узлов – единиц знания и ребер – отношений между ними. Использование семантических сетей для исследования когнитивных феноменов относится к сетевому подходу в когнитивной науке. Сетевой подход часто противопоставляется дистрибутивному подходу, в котором знание представляется распределенным

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания FSFU-2025-0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик» в Московском государственном лингвистическом университете.

в многомерном семантическом пространстве [Kumar, Steyvers, Balota 2022]. В последнее время противопоставление между двумя подходами сменяется попытками их интеграции: исследователи отмечают, что семантические сети и семантические пространства допускают взаимные преобразования и потому могут рассматриваться как взаимодополняющие способы моделирования знаний [Kumar, Steyvers, Balota 2022; Amancio, Machicao, Quispe 2025].

Одной из наиболее перспективных областей применения интеграции двух подходов является моделирование семантических знаний на основе текстовых данных. Здесь интегрированный подход представляется особенно продуктивным, поскольку позволяет, с одной стороны, использовать разработанные в рамках дистрибутивной семантики методы создания векторных представлений текстовых единиц и оценки их отношений, а с другой – применять инструменты сетевого подхода для структурирования этих отношений и их математического анализа. В целом, реализация интегрированного подхода подразумевает два этапа: сначала формируется многомерное пространство, в котором единицы текста представляются векторами, а отношения между ними оцениваются с помощью различных математических метрик, например, косинусного сходства; затем эти отношения преобразуются в ребра, а сами единицы текста – в узлы, в результате чего формируется семантическая сеть. Далее рассчитываются структурные метрики семантической сети и на их основе содержательно интерпретируются особенности текста или различия между текстами.

Показательным современным примером реализации интегрированного подхода является исследование Д. Амансио и коллег (2025), в котором семантические сети строились на основе расчета совместной встречаемости слов в тексте (узлами выступали слова, а ребрами – связи между словами, расположенными рядом в тексте; такие ребра трактовались авторами как «синтаксические») и дополнялись «виртуальными» ребрами, отражающими близость распределенных представлений слов, вычисленных с помощью модели fastText (в работе такие ребра трактовались как «семантические»). Для построенных сетей рассчитывались графовые метрики, чтобы оценить, во-первых, их информативность – способность различать осмысленный и случайно перемешанный текст, а во-вторых, их чувствительность к синтактико-стилистическим и семантическим свойствам текста. Результаты работы показали, что добавление «виртуальных» ребер по-разному влияет на графовые метрики (отражающие структуру сетей): у одних (например, средней длины кратчайшего пути; L) информативность

возрастает, особенно в коротких текстах, у других (коэффициента кластеризации – *C*; в коротких текстах) снижается, а у части (например, центральность по посредничеству; *B*) чувствительность смещается с синтаксиса к семантике. Результаты работы подтверждают более общее положение сетевого подхода: при универсальности самого принципа построения сети ее свойства во многом определяются характером исходных данных [Kumar, Steyvers, Balota 2022].

Более ранним примером построения семантической сети на материале расчетов дистрибутивных моделей служит исследование Т. Грюненфельдера и коллег (2015). В данном исследовании авторы строили семантические сети на материале расчетов дистрибутивных моделей LSA и BEAGLE. Для построенных семантических сетей вычислялись графовые метрики, которые затем сопоставлялись с метриками сетей, построенных на нормах словесных ассоциаций человека. Результаты показали, тем не менее, что ни одна из представленных дистрибутивных моделей не воспроизводит все свойства «человеческих» семантических сетей. Результаты данной работы позволяют более скептически оценивать использование векторных моделей в качестве моделей когнитивных процессов человека.

Среди моделей, формирующих распределенные представления текстовых единиц, можно выделить по меньшей мере три класса [Kumar 2021]. Первый класс основан на механизме «обучения без ошибок»: векторные представления формируются здесь через однократное математическое преобразование всей матрицы данных. Классический пример – LSA [Landauer, Dumais 1997] (следует отметить, что упомянутая ранее модель BEAGLE также относится к рассматриваемому классу). Сначала строится терм-документная матрица частот слов, затем применяется TF-IDF-взвешивание, уменьшающее влияние слишком частотных и малоинформативных слов. После этого выполняется сингулярное разложение матрицы (SVD), снижающее размерность пространства и выявляющее латентные семантические измерения. В результате слова и документы получают распределенные векторные представления. Основное ограничение LSA – слабая адаптация к новому материалу: добавление новых слов или документов требует перестроения терм-документной матрицы и повторного вычисления SVD.

Второй класс основан на механизме «обучения с ошибками»: векторные представления формируются постепенно, когда модель делает предсказания, сравнивает их с фактическими данными и корректирует веса. Классический пример – Word2vec [Mikolov et al. 2013] (следует отметить, что упомянутая ранее модель fastText также относится к рассматриваемому классу). На пер-

вых этапах каждому слову присваивается случайный вектор, затем модель многократно проходит по корпусу, предсказывая либо контекст по слову в архитектуре Skip-gram, либо слово по контексту в архитектуре CBOW. При расхождении предсказания с реальным распределением слов параметры модели обновляются. В результате слова, встречающиеся в сходных контекстах, получают близкие векторные представления. По сравнению с LSA Word2vec лучше приспособлен к дообучению на новом материале и более чувствителен к локальному контексту, т. к. учитывает слова в пределах контекстного окна. Однако, его представления остаются статичными: каждому слову соответствует один вектор независимо от конкретного употребления; качество зависит от объема корпуса.

Третий класс также основан на механизме «обучения с ошибками», но дополняется механизмом «внимания»: векторные представления формируются не статично, а заново вычисляются для каждого слова в зависимости от окружения, поэтому одно и то же слово получает разные представления в разных контекстах. Классический пример – BERT [Devlin et al. 2018]. В BERT каждому токену присваивается начальный вектор с добавлением позиционной информации, после чего последовательность проходит через слои внимания, где каждый токен сопоставляется с другими токенами контекста, взвешивает их вклад и агрегирует информацию из всей последовательности токенов. В отличие от моделей LSA и Word2vec, BERT учитывает не только локальные контекстные окна, но глобальные параметры текста.

После рассмотрения различных классов моделей важно подчеркнуть, что их не следует выстраивать в жесткую иерархию, предполагая, что, например, BERT однозначно превосходит остальные дистрибутивные семантические модели. Хотя модели типа BERT действительно эффективны при решении широкого круга задач, каждый рассмотренный выше класс имеет собственные преимущества и может быть наиболее уместен в зависимости от задачи, особенностей данных и условий применения [Xia, Wu, Van Durme 2020].

После анализа текстов с помощью дистрибутивных моделей, на основе мер близости между векторами текстовых единиц могут строиться семантические сети. В таких сетях узлами выступают слова, а ребрами – значения близости между ними. Далее вычисляются особенности структуры получившихся семантических сетей с помощью метрик теории графов: например, упомянутого ранее коэффициента кластеризации, отражающего локальную связанность сети; средней длины кратчайшего пути, отражающей глобальную связанность сети; и модулярности (Q), характеризующей мезоуровень организации сети, то есть выраженность внутренних сетевых сообществ.

Сопоставление этих метрик позволяет выявлять различия между семантическими сетями на разных уровнях организации и прослеживать динамику их развития. Количественный анализ сетевой структуры естественно дополняется визуализацией, которая делает связи наглядными и облегчает их содержательную интерпретацию. Так, в исследовании М. И. Киосе и коллег (2025) на материале киргизскоязычного корпуса веб-дискурса с помощью модели Word2vec выявлялись ближайшие соседи заимствованных слов из русского языка; на основе этих связей строились семантические сети, что позволило интерпретировать особенности их семантической интеграции в киргизский язык.

В заключение следует отметить, что противопоставление сетевого и дистрибутивного подходов уступает место их продуктивной интеграции. Дистрибутивная семантика обеспечивает распределенное векторное представление текстовых единиц и количественную оценку их отношений, а сетевой подход преобразует эти отношения в семантическую сеть, структуру которой можно описывать формальными метриками теории графов. Каждый из трех рассмотренных классов дистрибутивных семантических моделей имеет собственные возможности и ограничения, а итоговые характеристики семантической сети во многом определяются способом получения распределенных представлений. Поэтому интегрированный подход следует рассматривать как гибкий методологический инструмент, настраиваемый под конкретную задачу.

Дальнейшая перспектива работы в данной области предполагает систематическое сопоставление того, как разные классы моделей влияют на структуру семантических сетей, расширяя результаты Д. Амансио и коллег (2025), ограниченные лишь одной дистрибутивной моделью. Кроме этого, перспективным представляется использование мультиплексных сетей, где распределенные представления, полученные с помощью различных дистрибутивных моделей, выступают в качестве отдельных сетевых слоев. Анализ взаимодействий между этими слоями, а также применение специфических мультиплексных метрик позволяют оценить, каким образом разные способы векторизации дополняют друг друга при моделировании структуры семантических знаний.

Литература

Amancio D. R., Machicao J., Quispe L. V.C. Leveraging word embeddings to enhance co-occurrence networks: A statistical analysis // PLoS ONE. 2025. Vol. 20 (7). Article e0327421.

Delvin J. et al. BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding // arXiv preprint arXiv:1810.04805. 2018.

Gruenenfelder T. M., Recchia G., Rubin T., Jones M. N. Graph-theoretic properties of networks based on word association norms: Implications for models of lexical semantic memory // Cognitive Science. 2016. Vol. 40 (6). P. 1460–1495.

Kiose M. I., Khulkhachieva Zh.S., Izyumskaya-Kapitonova V.V., Barmin A. V. Lexical-semantic clustering in the diagnostics of culture integration in discourse // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2025. Vol. 11 (4). P. 63–84.

Kumar A. A. Semantic memory: A review of methods, models, and current challenges // Psychonomic Bulletin & Review. 2021. Vol. 28 (1). P. 40–80.

Kumar A. A., Steyvers M., Balota D. A. A critical review of network-based and distributional approaches to semantic memory structure and processes // Topics in Cognitive Science. 2022. Vol. 14 (1). P. 54–77.

Landauer T. K., Dumais S. T. A solution to Plato's problem: The latent semantic analysis theory of acquisition, induction, and representation of knowledge // Psychological Review. 1997. Vol. 104 (2). P. 211–240.

Mikolov T. et al. Efficient estimation of word representations in vector space // arXiv preprint arXiv:1301.3781. 2013.

Xia P., Wu S., Van Durme B. Which *BERT? A survey organizing contextualized encoders // Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). 2020. P. 7516–7533.

A. V. Barmin *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

INTEGRATION OF NETWORK-BASED AND DISTRIBUTIONAL APPROACHES IN TEXT DATA PROCESSING

The article addresses the problem of integrating distributional and network-based approaches to modeling semantic knowledge from texts. It examines the construction of semantic networks based on LSA, Word2vec, and BERT representations, and discusses how the choice of model and the specific characteristics of the data influence network structure. The authors conclude that the two approaches are complementary: distributional semantics provides vector representations of textual units and quantifies the relations between them, while the network-based approach structures these units into a network and enables the analysis of its organization through graph-theoretic metrics.

Key words: semantic network, graph theory, distributional semantics, semantic space, machine learning, text analysis.

Ю. А. Воронцова *(Белгород, Россия)*
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
vorontsova73@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СМЫСЛА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММЕНТИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ)

В статье рассматривается контекст как значимое условие интернет-коммуникации, определяется его роль в процессе восприятия, интерпретации и создания текста комментария. Отмечается, что взаимодействие между текстом и контекстом становится доминирующим компонентом процесса конструирования смысла комментирующих высказываний.

Ключевые слова: смыслопорождение, контекст, прецедентные единицы, комментирующее высказывание.

Современные цифровые технологии оказали влияние на использование языка в системе коммуникации. Иллюстрацией такого изменения является виртуальный дискурс, для которого стало нормой использование минимизированных текстовых форматов в качестве средства предоставления информации, а участие адресатов в интернет-опосредованном коммуникативном событии – ключевой особенностью. Модернизация коммуникативных практик открывает новые горизонты при рассмотрении дискурса, генерируемого интернет-пользователями в виде комментариев, и направляет исследовательский вектор в сторону расширения параметров дискурсивного анализа, связанных с влиянием социального взаимодействия на процессы понимания и конструирования смыслов (Н. Н. Болдырев, Е. А. Кожемякин, Е. С. Кубрякова, О. Ф. Купрещенко, Е. Н. Молодыченко, Е. А. Найман, С. Т. Нефёдов, Е. С. Солнцева, Т. П. Третьякова, В. Е. Чернявская).

Обратимся к рассмотрению роли контекста в процессе восприятия, интерпретации и создания текста. Материалом для анализа послужили комментарии пользователей, опубликованные на платформе «ВКонтакте» к новостным сообщениям (орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены).

Реагирующий характер комментария позволяет интернет-пользователям в ответном тексте обмениваться мнениями, спорить, соглашаться, возражать, оценивать текст, дополнять и корректировать его содержание. При этом кодирование / декодирование, трансляция содержания, вербализация социального действия и отношений, возникающих между участниками онлайн-общения, в комментирующих высказываниях осуществляется

одновременно. «Такой порождаемый в комментариях дискурс называется коллаборативным» [Молодыченко 2022: 76].

Обязательным условием создания, существования и развития комментирующих высказываний является контекст, который определяется параметрами интернет-коммуникации (повод, событие, ситуация, условия общения и его участники и т. п.) и порождает «системное и нелинейно функционирующее единство речемыслительных действий, направленных на (вос)производство смыслов» [Кожемякин 2013: 123] и их «адекватное извлечение<…> при интерпретации текстовой структуры» [Чернявская 2017: 83].

Коммуникативная деятельность в комментирующих высказываниях синтезируется механизмами смыслоформирования на уровне авторской интенции и смыслопорождения на уровне получателя текста и базируется на тематических, структурно-семантических и прагматических связях, дополняющих смысловые конфигурации исходного текста. В комментариях «действительность предстает в том виде, в котором она воспринята – увидена, осмыслена, понята человеком» [Кубрякова 2012: 37]. Проиллюстрируем это примером.

Резонансную ситуацию с группой молодых людей, нападавших на прохожих на улицах Белгорода, прокомментировал Вячеслав Гладков: «Связался с руководителями правоохранительных органов области. Проговорили ситуацию. В настоящий момент Следственным управлением УМВД России по городу Белгороду и Следственными органами СК России по Белгородской области возбуждены уголовные дела. <…>Личности молодых людей установлены, сейчас правоохранительные органы принимают меры по их задержанию. Устанавливаются все соучастники и обстоятельства противозаконной деятельности. Считаю, что в данных обстоятельствах мы должны максимально быстро и жестко реагировать, чтобы не допустить подобных противоправных действий… » (Белгород – Билайв, 16 января 2024 г.// сообщество Вконтакте). К 1: *«Тимур и его команда» породили тимуровское движение, «Слово пацана. Кровь на асфальте» порождают … Otempora, omores! (с лат. – «О времена, о нравы!») – латинское крылатое выражение. Обычно выражение применяют, констатируя упадок нравов, осуждая целое поколение, подчеркивая неслыханный характер события.* К 2: *Что за бред «Тимур и его команда». Причем тут «Слово пацана?».* К 3: *Бригада – в 2002 году…* К 4: *Десятки сериалов и фильмов подобной тематики никак глобально не влияли на общество, а по вашему мнению, откровенно средний (в сравнении с подобными) сериал непременно меняет неокрепшие умы подростков значит????* К 5: *После выхода сериала российские подростки начали инсценировать драки из сериала и выкладывать видео в интернет, начали публиковать видео с инсценировками «стрелок».* К 3: *Не пишите ерунду!*

К 5: *Успокойтесь! И еще, судя по всему, вы давно или никогда не общались с современными подростками. Плохое, увы, очень быстро формируется.* К 3: *Чего мне успокаиваться? Я спокойна. Нормальный фильм.* К 6: *Оооо, да!!! Это очень важная информация!!!! Дети предоставлены сами себе!!! Политики воспитания нет, кружки – платные, учителям – фиолетово, дети с 12 лет в подъездах… целуются, а вы говорите пдн!!! Если и дальше экономить на образовании, воспитании, то придут на наше место другие…* К 7: *Для чего вы мне простынь написали? Читайте внимательнее комменты.* К 8: *Аукнется это ещё кино…* К 9: *Бригаду пережили, и это переживем.* К 10: *Полностью согласна. Посадили зёрнышко…* К 11: *Да при чем тут кино? Если их в семье не воспитали, сейчас только тронь несовершеннолетнего, мигом заявление в полицию, ай-ай маленького обидели, а как они себя в школах с педагогами ведут, знают о своей безнаказанности…, распустили «деток», теперь пожинаем.* К 12: *Проблема вообще не в кино. Каких только я фильмов не видел, и что? Проблема намного глубже и серьёзнее.* К 13: *Среди всех наций, уродов хватает. А фильм своё дело сделал, нельзя его показывать. Подростки негатив подхватывают сразу. Для них это круто. Нужно больше патриотических фильмов, а не это … показывать.*

Контекст производства текста легко идентифицируется: *группа молодых людей совершала противоправные действия в общественных местах. Правоохранительные органы проводят различные мероприятия, направленные на борьбу с преступностью (возбуждены уголовные дела, установлены личности нападавших, принимаются меры по их задержанию).* Компоненты контекста выступают в роли базовых смысловых опор, предоставляющих возможность для верной интерпретации содержания и вывода импликатуры *неотвратимость наказания, т.е. к каждому, совершившему противоправное деяние, применяется определенная мера наказания*. Выявление имплицитного смысла опирается на экстралингвистический контекст, в данном случае на общие фоновые знания участников коммуникации о том, что происходит после совершения лицом противоправных действий.

Комментирующие высказывания – это узловая точка в интерпретации исходного текста, результат взаимодействия семантической структуры текста и его возможного понимания. В комментариях последовательно дополняется контекстное значение за счет актуализированных импликациональных семантических признаков прецедентных единиц *«Тимур и его команда», тимуровское движение, «Бригада», «Слово пацана. Кровь на асфальте», инсценировки «стрелок»*. Принципиально значимым для контекстуализации является адекватная коллективная практика понимания прецедентных единиц, которая исключает возможность появления альтернативных смыслов.

Диалогическая форма интернет-коммуникации порождает цепочку комментариев, прагматический смысл которых формулируется в оценочном фрейме. Представленные комбинации прецедентных единиц выступают в качестве смысловой надстройки, в результате секция комментариев пополняется новыми высказываниями, которые расширяют контекст исходного текста: *популярность фильмов «Бригада», «Слово пацана. Кровь на асфальте» среди молодежи связана с романтизацией преступного образа жизни, искусственным созданием его привлекательности*. В данном случае «смысловая интеграция заключается во взаимодействии разнородных категориальных смыслов» [Кубрякова 2004: 354].

Понимание контекста позволяет интерпретировать намерение автора и адаптировать комментарий в соответствии с коммуникативной ситуацией. Возникновение актуального, ситуативно обусловленного смысла *преступность несовершеннолетних имеет причины, связанные с неправильным воспитанием, негативным влиянием фильмов, недостаточным контролем над поведением, отсутствием системы развлечений и досуга, склонностью к подражанию отрицательным примерам девиантного поведения* связано с взаимодействием конвенционального значения с релевантностью контекста и основано на принципе кооперации участников коммуникативного взаимодействия.

Автором коммуникативного события адекватно сделан выбор лексико-грамматических средств для решения поставленной задачи. Коммуникативное намерение создателя исходного текста оказалось дополненным контекстуальными рамками комментирующих высказываний. Адресат делает вывод и конструирует свой смысл, задаваемый семантикой языковых единиц, фоновыми знаниями, пресуппозицией. В результате комментирующее «высказывание <…> не только механически включается в существующий контекст», но и «само конструирует контекст, в котором оно будет интерпретировано» [Чернявская 2017: 89]. Специфические особенности интернет-коммуникации делают контекст конструируемой когнитивно-прагматической категорией, характеризующейся делимитацией на контекст порождения речевого высказывание и контекст его восприятия.

Таким образом, взаимодействие между текстом и контекстом становится доминирующим компонентом процесса конструирования смысла комментирующих высказываний. Интернет-коммуникация характеризуется многоуровневой семантической организацией, где контекст может выступать в качестве инициирующего текста, а прецедентность – дополнительным смыслопорождающим устройством.

Литература

Кожемякин Е. А. Когерентность дискурса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 3 (13). С. 123–124.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Молодыченко Е. Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 67–93.

Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 83–93.

Yu. A. Vorontsova *(Belgorod, Russia)*
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

FEATURES OF THE CONSTRUCTION OF MEANING IN INTERNET COMMUNICATION (USING THE EXAMPLE OF COMMENTING STATEMENTS)

The article considers the context as a significant condition of Internet communication, defines its role in the process of perception, interpretation and creation of the text of the commentary. It is indicated that the interaction between text and context becomes the dominant component of the process of constructing the meaning of commenting statements.

Key words: meaning generation, context, precedent units, commenting statement.

О. В. Донина *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
olga-donina@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ ВЕРИФИКАЦИИ ИМЕН-ЭТАЛОНОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ КЛАССОВ

В статье рассматривается цифровая верификация имен-эталонов класса острых объектов в русском языке. Анализируются результаты применения шести независимых инструментов. Показано, что сравнительная конструкция «острый как N» значительно точнее выявляет предметные эталоны, чем атрибутивная коллокация «острый + N». Установлено, что низкое сходство полных списков отражает не ненадежность методов, а различие извлекаемых семантических слоев. Обосновывается необходимость семантической фильтрации и перекрестной верификации источников.

Ключевые слова: скрытая категоризация, криптокласс, имена-эталоны, корпусный анализ, большие языковые модели, именная классификация.

Настоящая статья развивает методологию, предложенную в работе [Донина 2026], где была представлена четырехуровневая процедура выявления имен-эталонов класса острых объектов (криптокласса Res Acutae по методологии [Борискина 2011; Донина 2025a, 2025b]) в русском языке, включающая психолингвистический опрос носителей, LLM-верификацию, корпусный анализ и лексикографическую проверку. Класс Res Acutae выбран как тестовый, поскольку он имеет прозрачный признаковый маркер *острый*, но одновременно демонстрирует высокую полисемию [Рыжова 2020]: физическая, геометрическая, вкусовая, медицинская и метафорическая острота конкурируют в одних и тех же корпусных запросах. В предыдущей работе корпусный этап ограничивался атрибутивной коллокацией «острый + N» с мерой LogDice; верификация посредством LLM рассматривалась суммарно. Настоящее исследование расширяет эмпирическую базу в трех направлениях: 1) добавлена сравнительная конструкция «острый как N» как отдельный корпусный источник; 2) проведен сопоставительный анализ результатов шести инструментов с применением коэффициентов Jaccard, Pearson r и Spearman ρ; 3) на основе анализа LLM-ответов разработана типология сбоев языковых моделей.

Цель статьи – сопоставить эффективность цифровых источников при выявлении имен-эталонов класса острых объектов и показать, что в корпусных данных сравнительная конструкция «острый как N» является более точным генератором предметных кандидатов, чем атрибутивная коллокация «острый + N». Дополнительно проверяется, насколько результаты

корпусного извлечения согласуются с психолингвистическим опросом и LLM-верификацией. Имена-эталоны рассматриваются как лексические репрезентанты прототипической организации категории [Rosch 1975]. Их выявление позволяет реконструировать не только частотные сочетания, но и когнитивно салиентные модели предметной остроты: режущую, колющую, биоморфную и оружейную.

Дизайн исследования включал шесть независимых источников. К ранее описанным уровням верификации в настоящем исследовании добавлены три инструмента, данные которых ранее не систематизировались. Таким образом, общая архитектура включает: 1) психолингвистический опрос носителей (96 информантов, 892 реакции, стимул «острый, как…»); 2) LLM-верификацию (12 моделей: ChatGPT, Claude, Gemini, Grok, Mistral, LLaMA, DeepSeek, YandexGPT, GigaChat, Qwen, Perplexity, Nova); 3) НКРЯ 100 коллокаций острый + N с мерой LogDice; 4) НКРЯ «острый как N» (102 лексемы, 340 вхождений); 5) ruSkELL (top-15 коллокаций ADJ+N); 6) RusVectores (ближайшие NOUN-соседи лексемы *острый*). Каждый источник измеряет свой срез данных и несет специфический риск искажений, что делает их взаимодополняющими, а не конкурирующими инструментами.

Сопоставление двух корпусных запросов – атрибутивной коллокации «острый + N» и сравнительной конструкции «острый как N» – обнаружило принципиальное различие в их диагностической функции. В запросе «острый + N» (100 коллокатов) 30% приходится на зону формы и геометрии (*угол, нос, подбородок, кончик*), 16% – на психологическую и перцептивную остроту, 10% – на медицинский фрейм (*боль, панкреатит, инфаркт*); предметные кандидаты эталонов Res Acutae составляют лишь около 21% списка. ruSkELL в режиме top-15 еще радикальнее: из 15 позиций только одна (*нож*) является прямым предметным эталоном, тогда как 53,3% – медицинский фрейм. Напротив, конструкция «острый как N» (340 вхождений по 102 лексемам) концентрируется на предметных эталонах: режущие и колющие инструменты дают 46,2% и 22,4% результатов соответственно, биоморфные объекты – 5,3%; суммарно 73,8% вхождений относятся к предметной зоне Res Acutae. Ядро после нормализации вариантов: *бритва* (68), *нож* (35), *игла* (28), *лезвие* (21), *шило* (16), *гвоздь*, *кинжал, пика* (по 7). Полученные данные подтверждают методологический вывод о том, что для автоматизации поиска эталонов криптоклассов оптимальным корпусным запросом является сравнительная конструкция «признак + как + NOUN», а не общий атрибутивный запрос «признак + NOUN».

Поиск ближайших NOUN-соседей лексемы острый в четырех моделях RusVectores (НКРЯ, НКРЯ+Wikipedia, Новостной корпус, Тайга) выявил три зоны результатов: деривационную/метаязыковую (*острота*), предметно-эталонную (*лезвие* – cos 0,47 и 0,45 в двух моделях; *шип* – cos 0,44 в НКРЯ) и геометрическую/частеобъектную (*острие, кончик*). В новостной модели предметные эталоны почти не представлены: выдача ограничивается абстрактным именем признака *острота*, что, вероятно, связано с доминированием метафорических и оценочных употреблений прилагательного *острый* в новостном дискурсе. Таким образом, RusVectores полезен как инструмент расширения списка, но требует жесткой фильтрации: модели смешивают имена признака, части объектов и предметные эталоны.

Сопоставление ответов 12 языковых моделей позволяет выделить четыре зоны, различающиеся по методологическому статусу. Первая – абсолютное ядро (12/12 моделей): *нож*. Вторая – ближнее ядро (10–11/12): *игла, бритва, лезвие*. Третья – переходная зона (5–8/12): *перец, шип, язык, ум, кинжал, коготь, зуб* – включает как предметные эталоны, так и метафоронимы. Четвертая – периферия и уникальные реакции (1–4/12 или единичные), для которой характерны три типа смещений. Тип 1 – регистровое смещение: *меч* воспроизвела только 1 из 12 моделей при 28 упоминаниях в опросе и LogDice = 8,68 – следствие редкости слова в современных нейтральных текстах; аналогично *клык* демонстрирует слабую LLM-поддержку: 1/12 при 30 упоминаниях в опросе. Тип 2 – вкусовое смещение: LLaMA генерирует *чеснок, хрен, горчицу*; Qwen и ChatGPT – *перец, соус, уксус*; эти реакции маркируют вкусовой фрейм прилагательного *острый*, не связанный с Res Acutae. Тип 3 – метафорическое смещение: Nova генерирует преимущественно абстрактные реакции (*острый вопрос, острая идея, острая критика*), фактически покидая предметную зону.

Сопоставление данных целевого опроса с данными Словаря ассоциативных реакций СИБАС [СИБАС] по стимулу *острый* обнаружило низкое лексическое сходство (Jaccard = 0,099; Dice = 0,18) при значимом частотном перекрытии: СИБАС покрывает 37,4% ответов целевого опроса. Ядро СИБАС (*нож* – 57, *перец* – 23, *тупой* – 7) отличается от ядра целевого опроса (*нож* – 70, *бритва* – 58, *лезвие* – 54) наличием вкусовых, антонимических и метафорических реакций. Это объясняется разницей в экспериментальных условиях: СИБАС фиксирует ассоциативное поле всего слова *острый* без ограничения на предметную зону, тогда как сравнительный фрейм «острый, как…» целенаправленно элицитирует предметные прототипы. Таким образом, СИБАС и целевой опрос дополняют, а не дублируют друг друга.

Сопоставление полных списков всех шести инструментов по коэффициенту Jaccard дает значения от 0,00 (RusVectores vs ruSkELL) до 0,27. Наиболее близкие пары: «острый как N» и опрос (0,27), опрос и LLM (0,25), «острый как N» и LLM (0,24). Корреляция Пирсона на предметных кандидатах отражает высокую согласованность: для опрос–LLM r = 0,895, для «острый как N»–опрос r = 0,804, для «острый как N»–LLM r = 0,767. Ранговая корреляция Спирмена ниже, что показывает различия в порядке ранжирования периферии. Важно отметить, что низкий Jaccard полных списков не свидетельствует о ненадежности методов: он отражает тот факт, что каждый инструмент извлекает различный семантический слой поля «острого» (предметный, медицинский, вкусовой, геометрический, метафорический). После семантической фильтрации и выделения предметной зоны Jaccard существенно возрастает: «острый как N»–LLM = 0,56; «острый как N»–опрос = 0,52; НКРЯ ADJ+N–LLM = 0,42. Это означает, что семантическая классификация является обязательным этапом при автоматизированном сопоставлении источников.

Расширенный анализ подтверждает центральное ядро, выделенное ранее, но уточняет внутреннюю структуру класса: наряду с прототипическим ядром выделяется расширенная предметная зона. Прототипическое ядро образуют четыре лексемы с максимальными значениями: *нож, бритва, лезвие, игла*. Расширенное ядро образуют единицы, которые встретились минимум в трех источниках: *шип, кинжал, коготь, меч, клык, зуб, шило, клинок, пика, жало, стрела, клюв, топор, кол, копье, гвоздь, булавка, сабля, наконечник*. Полученная структура показывает, что русская категория «острого» организована не вокруг одного признака геометрической заостренности, а вокруг нескольких функциональных сценариев: резать, колоть, ранить, впиваться.

Сравнение источников показывает, что автоматизация выявления именэталонов возможна только как процедура межисточниковой верификации. Результаты показывают, что инструменты выполняют разные функции: опрос, LLM и НКРЯ «острый как N» формируют основной кандидатный список, а НКРЯ острый + N, ruSkELL и RusVectores выполняют преимущественно диагностическую функцию – выявляют конкурирующие фреймы, смежные значения и ложноположительные зоны. Однако ни один источник не отменяет семантической классификации: она остается обязательным этапом, позволяющим отличить предметный эталон Res Acutae от геометрической, вкусовой, медицинской и метафорической остроты. Надежный эталон определяется не как «наиболее частотный ответ», а как лексема с объяснимой конвергенцией сигналов из независимых источников.

Литература

Борискина О. О. Криптоклассы английского языка. Воронеж: Истоки, 2011.

Донина О. В. Методика выявления скрытых категорий в русском языке: криптокласс Res Rotundae // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2025a. № 4 (68). С. 53–65.

Донина О. В. Скрытая категоризация в русском языке: выявление классифицирующих коллострукций криптокласса «Res Liquidae» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025b. № 4. С. 136–143.

Донина О. В. Выявление имен-эталонов скрытых категорий: триангуляция психолингвистических, корпусных и нейросетевых методов // Когнитивные исследования языка. 2026. № 3(68). Ч. 2. С. 302–306.

Рыжова Д. А. Типология лексики. Компьютерные методы и инструменты. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2021 / сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: http://adictru.nsu.ru (дата обращения: 01.06.2026).

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104. No. 3. P. 192–233.

***O. V. Donina** (Voronezh, Russia)*
Voronezh State University

DIGITAL VERIFICATION OF PROTOTYPE NOUNS OF LEXICAL CLASSES

The article examines the digital verification of reference nouns for the category of sharp objects in the Russian language. It analyzes the results of applying six independent tools. It is demonstrated that the comparative construction „острый как N“ (sharp as N) identifies object references significantly more accurately than the attributive collocation „острый + N” (sharp + N). It was found that the low similarity between the full lists reflects not the unreliability of the methods, but rather the differences in the extracted semantic layers. The study substantiates the need for semantic filtering and cross-verification of sources.

Key words: covert categorization, cryptotype, prototype nouns, corpus analysis, large language models, comparative construction.

Т. В. Дроздова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный технический университет
drozdova_astu@mail.ru

Е. Н. Галичкина *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
elena.galichkina@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТАХ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается обусловленность появления отдельных новых объектов когнитивной лингвистики трансформацией существующей реальности. Указывается, что сформировавшийся феномен концептуализируется в научном познании как характеризующийся двойственностью онтологии, что определяет особенности репрезентирующей ее концептуальной структуры и вербальных средств ее объективации.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, гибридная реальность, двойственность онтологии, когнитивная структура, языковая репрезентация.

Настоящий этап научно-технической революции связан с развитием информационных технологий (ИТ) и феноменом цифровизации, результатом внедрения которых во все сферы жизнедеятельности социума стало трансформирование сложившейся реальности и появление некоего нового феномена, следствием чего стали также определенные изменения в сформировавшейся картине мира. В смежных с когнитивной лингвистикой гуманитарных областях науки и в философии уделяется достаточно большое внимание осмыслению сути происходящих трансформаций, проблеме определения этой новой реальности, описанию ее концептуальных признаков, анализу содержания формирующих ее ментальную структуру концептов/понятий (Л. А. Василенко, Д. Е. Добринская, Н. В. Кириллина, В. А. Лекторский, Н. Н. Мещерякова, В. И. Пржиленский, Е. О. Труфанова, Ф. И. Шарков, Ю. Бек, М. Кастеллс, Д. Лаптон и др.).

Когнитивная лингвистика, исходя из собственных целей и задач, тоже не остается в стороне от проблемы познания этой новой реальности, определения вербальных средств объективации полученного знания, реконструкции ментальных структур его репрезентации. Особенностью когнитивного подхода при этом, как указывает Е. С. Кубрякова, является возможность и необходимость «не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуру» [Кубрякова 2004: 16], но и объяснить, чем обусловлен

выбор или создание такой языковой формы. Когнитивный подход, как отмечает Н. Н. Болдырев, учитывает как информацию о происходящих в мире изменениях, так и ранее полученные и закрепленные в коллективном и индивидуальном сознании, в том числе в языковой форме, сведения о мире, а также связывает процесс познания и корректировки концептуальной и языковой картин мира с реализацией интерпретирующей функции языка (см. в [Болдырев 2011]).

Изучение содержания представленной в разных жанрах и форматах литературы (научных трудов, публицистики, государственных документов и т.д.), теле- и радиопередач, постов известных блогеров и т.п., посвященных новой реальности, позволяет с уверенностью утверждать, что мы имеем дело со сложным феноменом, который, и как целостная концептуальная структура, подведенная под языковой знак, и в аспекте ее отдельных составляющих, становится в настоящее время одним из основных объектов когнитивной лингвистики. Основополагающим, с этой точки зрения, видится анализ результатов концептуализации новой реальности, объективированный именно в научной литературе в виде дефиниций, дескрипций и широкого спектра мнений об этом феномене.

Осмысление сложившегося положения дел как «встраивания» в материальную жизнедеятельность социума виртуального пространства, созданного посредством ИТ для различных операций с информацией и обеспечения онлайн коммуникации, в первую очередь связано с определением онтологической характеристики новой реальности. Не касаясь здесь вопроса правомерности употребления атрибута «цифровой» относительно нового феномена в целом или только концептов, репрезентирующих его виртуальную составляющую, отметим, что предлагаемые исследователями дескрипции и номинации эксплицитно репрезентируют или имплицируют двойственную онтологию претерпевшей трансформацию реальности. Сравните: *гибридизация онлайн- и офлайн пространств* (U. Beck), *цифровое общество* [Добринская 2021: 113], *«симбиоз» реального и виртуального (цифрового) миров, гибридный инновационный мир, гибридная среда* [Василенко, Мещерякова 2023: 48], *цифровая реальность* [Пржиленский 2021] и т.д.

Приведенные примеры указывают на определенным образом сочетающиеся и/или взаимодействующие в содержании формируемого концепта антиномичные признаки, понимаемые здесь как обоснованно сосуществующие противоположные, но существенные сами по себе характеристики (ср. [ФЭС 2002: 23]). В концепте, который условно обозначен здесь как «гибридная реальность», антиномия представлена признаками

«материальное (+) идеальное (виртуальное, цифровое)». Данная особенность онтологии эксплицируется и на представляющие эту гибридную реальность концепты/понятия, каждый из которых может стать объектом когнитивной лингвистики, и которые в совокупности образно интерпретируются в языке как «концептуальные кентавры» (см. в [Пржиленский 2021]). Антиномичность признаков подразумевает и определенную бинарность когнитивной структуры, репрезентирующей такие феномены, а ее реконструкция на основе анализа вербальных средств ее объективации относится к задачам когнитивной лингвистики. Можно предположить, что в исследовательских целях оптимальным форматом такой структуры будет фрейм, между слотами которого, соотносящимися с материальными и идеальными/виртуальными характеристиками концепта не существует жесткой границы.

Правомерность такого понимания онтологии гибридной реальности и формирующих ее концептов/понятий усматривается, например, в концептуализации и языковой интерпретации субъекта этой реальности как «человека распределенного» [Труфанова 2021], т.е. существующего в какой-либо конкретный момент своего бытования одновременно и в материальной (физической), и в виртуальной реальности. При этом набор концептуальных признаков, характеризующих «человека реального мира» и «человека цифрового мира» не будет идентичным (ср. [Дроздова 2026]). Это справедливо и для других концептов/понятий, формирующих гибридную реальность (см., например, о понятии «цифровое общество» в [Добринская 2021] и [Василенко, Мещерякова 2023: 48]). При этом следует отметить, что, несмотря на такую «бинарность» (или «дуальность») онтологии, обусловленную тем, что цифровое пространство обязано своим возникновением материальному миру, отдельные концепты, закрепляющие знание о гибридной реальности, соотносят в научном и обыденном познании, в основном, с ее идеальной составляющей – виртуальным пространством (ИНТЕРНЕТ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, НЕЙРОСЕТЬ, МЕССЕНДЖЕР и др.).

Установленная бинарность онтологии новой реальности проявляется на когнитивном и языковом уровнях и в том, что формирующие ее материальное и идеальное пространства могут обусловливать создание новых моделей концептуальной метафоры, выступая, соответственно, или сферой источником, или сферой мишенью (в терминах Дж. Лакоффа и М. Джонсона). Определение таких моделей становится задачей когнитивной лингвистики, а сами эти модели и созданные на их основе вербальные единицы – ее объектами (см., например, ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ЦИФРОВОЙ

КОНТАКТ/ПОДПИСКА, ВРЕМЯ – ЭТО ЛЕНТА СОБЫТИЙ в [Биджиева 2026]). Заметим, что в концептуальной системе субъекта с новым знанием ИТ-области могут интегрироваться полученные ранее знания из иных областей, обусловливая создание образных языковых единиц, семантика которых соотносится с новой ментальной единицей (концептом/понятием), например, «компьютерный вирус».

Особыми объектами когнитивной лингвистики становятся также вербальные средства и когнитивные структуры репрезентации новой реальности и ее составляющих на уровне обыденного сознания (см., например, в [Дроздова 2023]), различные типы дискурса, в которых доминантной является тема «симбиоза» материального и виртуального миров, коммуникация в цифровом пространстве (интернет-коммуникация, сетевая коммуникация, компьютерная коммуникация) (см., например, в [Галичкина 2009] и др.). Что касается такой коммуникации, отметим, что объектами лингвистов становятся не только средства реализации коммуникативных намерений ее участников, лексические и синтаксические характеристики виртуального общения людей, например, в социальных сетях, но и «общение» человека с искусственными программами (искусственным интеллектом, виртуальными помощниками, ботами и т.п.).

Завершая обзор некоторых новых объектов когнитивной лингвистики, порожденных сформировавшейся гибридной реальностью, нельзя не указать, что спектр связанных с их анализом проблем достаточно разнообразен, равно как и перечень стоящих перед учеными целей и задач, и комплекс используемых исследователями традиционных и когнитивных методов.

Литература

Биджиева А. А. Когнитивно-дискурсивная трансформация метафорических моделей в условиях цифровой коммуникации: актуальные векторы исследования // Когнитивные исследования языка, 2026. Вып. № 2 (67) в 2-х ч. Ч. I I. С. 183–186.

Болдырев Н. Н. Когнитивная специфика языковой интерпретации знаний // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2011. № 3 (133). С. 11–18.

Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 48–65.

Галичкина Е. Н. Феномен компьютерной коммуникации: онтология и терминология // Вестник Ленинград. гос.ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. Филология. 2009. № 1. С. 113–121.

Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? Социология науки и технологий. 2021. Том 12. № 2. С. 112–129.

Дроздова Т. В. Концепт *ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ* в обыденном сознании // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 5 (56). С. 323–327.

Дроздова Т. В. Объективация концептуальных признаков человека «цифрового мира» в публицистическом дискурсе (на материале русского и английского языков) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XIII Междунар. науч. конф., Челябинск, 23–23 апр. 2026 г. [научное сетевое издание] /отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. С. 37–42. DOI: 10.47475/9785727121313_37

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 6–17.

Пржиленский В. И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 60–80. DOI: 10.21146/2413–9084–2021–26–2–68–80

Труфанова Е. О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 370–375.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002.

T. V. Drozdova *(Astrakhan, Russia)*
Astrakhan State Technical University

E. N. Galichkina *(Astrakhan, Russia)*
Astrakhan State Tatishchev University

ON SOME OBJECTS OF COGNITIVE LINGUISTICS VIEWED FROM THE PERSPECTIVE OF NEW REALITY FORMATION

The paper is devoted to the emergence of some new objects of cognitive linguistics as caused by the transformation of existing reality. It is proved that in the realm of scientific cognition the originated phenomenon is conceptualized as characterized by dual ontology, which determines the peculiarity of its cognitive structure and verbal means of its objectifying.

Key words: conceptualization, concept, hybrid reality, duality of ontology, cognitive structure, verbal representation.

О. Г. Дубровская *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
o_dubrovskaya@inbox.ru

ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ)

В работе на материале языковых примеров изучаются особенности структурирования информации (распределение внимания), характерные для естественного интеллекта (ЕИ). Сопоставляются два корпуса данных – данные, полученные в результате интеллектуальной работы субъектов как ЕИ, и данные, полученные от систем искусственного интеллекта. Установлено: 1) ЕИ задает контекст наблюдателя и фокус; 2) динамичность межконцептуальных связей обеспечивает специфику ЕИ и, соответственно, выбор перспективы; 3) вовлеченность в коммуникацию и адаптивность ЕИ имеет непостоянный характер.

Ключевые слова: естественный интеллект, искусственный интеллект, универсальные характеристики, распределение внимания.

В последние десятилетия наблюдается значительный рост исследований, посвященных проблеме искусственного интеллекта (ИИ-агентов, ИИ-систем, LLM-систем и др.), его роли в интеллектуальной жизни людей; вопросам, связанным с этическими, правовыми и др. нормами; с внедрением, усовершенствованием ИИ-технологий. Исследовательский интерес к возможностям ИИ-систем не может не быть обращен одновременно и к изучению природной способности человека (ЕИ) осуществлять мыслительную деятельность, включая деятельность, сопровождаемую языком, в котором «окружающая нас действительность предстает в том виде, в котором она воспринята – увидена, осмыслена, понята человеком» [Кубрякова 2012: 37].

Устойчивая референция к ЕИ при упоминании ИИ объясняет такие метафорические репрезентации, например, в русском языке, как *ИИ думает, рассуждает, понимает, знает, обучается* и др. и позволяет говорить о новом этапе «в развитии современной науки, одной из главных задач которой стало моделирование интеллектуальной деятельности человека» [Рябцева 2005: 39]. Среди характеристик ЕИ, выделенных в отечественном языкознании, например, в работе Н. К. Рябцевой, изучения заслуживает такое «обязательное условие всякой сознательной деятельности» [Рябцева 2005: 25], как *внимание*. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «понятия топикализации, эмпатии говорящего и выбора им определенной точки зрения на описыва-

емую ситуацию и ее фокусировки на тех или иных ее деталях и т.п. – все это зависит от того, на чем именно сосредоточено внимание говорящего» [Е. С. Кубрякова в [КСКТ 1996: 17].

Способность субъекта (ЕИ) направлять внимание на объекты окружающего мира и себя, конструировать мир в дискурсе признается универсальной. С помощью языка одна и та же ситуация может быть сконструирована различными способами, что подчеркивала в своих многочисленных работах Е. С. Кубрякова, а также ее ученики, последователи: «Все, что мы знаем о мире (и тем более уже освоенном), мы знаем из языковых описаний. В то же время любому высказыванию на языке соответствует определенное конструирование событий, ситуаций, положений дел (а значит, и их обозначений!), а это явно предполагает наличие наблюдателя, владеющего языком» [Кубрякова 2012: 183].

В научной литературе по когнитивной лингвистике эта универсальная когнитивная характеристика была подмечена, изучена и описана в терминах *перспективы*, *фокусировки, салиентности, выделенности* и др. (см. работы Л. Талми, Р. Лэнекера, Е. С. Кубряковой, О. К. Ирисхановой и др.). Структурирование информации, как справедливо отмечает О. К. Ирисханова, «предполагает градацию внимания, его уровневую организацию» [Ирисханова 2014: 13]. У субъекта (ЕИ), как показали исследования Н. Н. Болдырева и его учеников, структурирование информации в дискурсе и формирование дискурса обеспечиваются за счет интерпретирующей функции языка в интерпретантах селекции, классификации и оценки (субъект осуществляет выбор темы / языковых средств / формы / жанра и т.д., акцентируя внимание на конкретных аспектах описываемого явления в зависимости от многочисленных факторов; соотносит явление с той или иной категорией и приписывает ему оценку, опираясь на систему индивидуальных ценностей (см. подробнее в работах Н. Н. Болдырева и научной школы «Взаимодействие мыслительных и языковых структур») [Болдырев 2011, 2017]. ИИ-системы, основанные на статистических предсказаниях слов, имеют иную архитектуру. Разный принцип «построения» ЕИ и ИИ обусловливает их качественные отличия.

В работе ставится серия взаимосвязанных исследовательских вопросов: 1. Какие закономерности в распределении внимания выявляются при сопоставлении и сравнении данных, полученных от естественного интеллекта и интеллекта искусственного? 2. Как проявляются закономерности в распределении внимания субъектом в зависимости от системно-структурных особенностей языков (русско-английской языковой паре в данной работе)? Таким образом, цель работы заключается в установлении универсальных

особенностей естественного интеллекта распределять внимание в дискурсе. Эта цель подразумевает поиск ответа на вопрос о том, каким образом ИИ, не являясь субъектом, «решает» проблему распределения внимания (имеющую языковое воплощение)? Такая постановка вопроса и цель проводимого исследования, на наш взгляд, имеют важное социальное и общегуманитарное значение.

Источником материала для анализа выступают результаты интеллектуальной деятельности человека (субъекта) как обобщенного примера естественного интеллекта, а также результаты, полученные от ИИ-систем (QwenChat, Deepseek, Chat GPT). Собственно материал анализа объединяет два блока. В первый блок входят примеры из русскоязычных и англоязычных справочников, научной, научно-популярной литературы, поэтических текстов билингвов, дневников и записок переводчиков (языковая пара «русский-английский») и т.д., например: «Мой несистематический словарь: Из записной книжки переводчика» П. Р. Палажченко, журнал практикующих переводчиков «Мосты» издательства «Р. Валент», «Об одном и том же на двух языках: Стихи на английском и русском языке» Е. Н. Кисловской, тексты популярных песен отечественных исполнителей; «How long is Now? Fascinating Answers to 191 Mind-Blogging Questions», заимствованные Франком Свейном из журнала «New Scientist» и изданные в 2016 г. и др. Второй блок материала получен от ИИ-систем.

Процедура исследования. В работе с ИИ-агентами моделируется ситуация «пребывания» в «естественной» среде, в которой находится / находился / мог бы находиться субъект, что достигается за счет так называемого *промпта* (prompt). Так, например, к вопросу от читателя в [“How long is now?”]: *Many mammals such as wolves and lions are pack hunters. Many fish and cetaceans also collaborate to herd shoals into bait balls, then eat them. So why are there no flock-hunting birds of prey?* можно составить несколько промптов в зависимости от характеристик моделируемого субъекта (например, по параметру «профессионал – любитель»: *You are an expert in Biology and a Phd-researcher / You love animals and know a lot about them due to everyday life experience*).

В результате мы получаем два корпуса данных для каждого языка: первый корпус – результат интеллектуальной деятельности ЕИ, например, в виде четырех ответов читателей журнала “New Scientist”, опубликованных в [“How long is Now?”] на вопрос, приведенный на английском языке выше, и второй блок – ответ-реакция ИИ-систем на промпт (не приводятся ввиду ограничений в объеме статьи). Оба корпуса предстают в виде языковых данных – последовательности языковых единиц, текстов, дискур-

сов. Таким образом, сопоставляя эти данные с помощью метода анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, можно установить особенности распределения внимания и выявить характеристики, присущие ЕИ, отличающие его от ИИ.

Предварительные результаты и их обсуждение. Знание, которым овладел человек, представляет собой не совокупность сведений (информации), а выстроенную и взаимосвязанную систему концептов и категорий, результат анализа и обобщения – базовых когнитивных операций с информацией. Материал свидетельствует, что аналитический способ присвоения знания характерен для ЕИ. Именно этот путь предполагает выстраивание межконцептуальных и межкатегориальных связей, которые динамичны по своей природе и возникают на базе тематических концептов, статичных по своей сути. Субъект задает контекст наблюдателя и перспективу. ИИ-системы не способны выстраивать межконцептуальные и межкатегориальные связи (по этой причине ИИ-системы зависимы от субъекта, от того, как он сформулировал PROMPT).

В коммуникации, осуществляемой ЕИ, наблюдается связь языковых знаков с их референтами; активизация мотива и интенций, которые приводят к порождению речевого высказывания, а также корреляция прагматической адекватности высказывания и ситуации общения на основании динамических связей. Знак в ИИ-системах используется в отрыве от когнитивных моделей и концептуальной картины в целом. Тексты, которые «создает» ИИ, представляют собой последовательность языковых единиц, когда-то порожденную субъектом в конкретной ситуации, но статистически предпочтительную на момент запроса. ИИ-системы имитируют тексты, но не передают такие компоненты коммуникации, как прагматическую релевантность, референциональность, потребность, интенции, мотив.

Естественный интеллект, в отличие от ИИ, не всегда адаптируется к собеседнику. Ср. ситуации, когда лектор не учитывает фактор адресата в виде аудитории и не всегда излагает материал таким образом (адаптивно), чтобы он был понят и / или усвоен обучающимися. ИИ ориентирован на вовлеченность и адаптацию, которые проявляются в стремлении «поддержать» коммуникацию и внимание пользователя в виде, например, вопросно-ответных реплик.

В целом, исследование подтверждает мысль о том, что язык представляет собой уникальную возможность для человека распределять внимание, выражать свою идентичность, чувства, эмоции, передавать смыл, опираясь на *опыт и знание* (как «итог познавательной деятельности», по [КСКТ 1996: 28]), которых нет и не может быть у ИИ-систем.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 11–16.

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под. ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

O. G. Dubrovskaya *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

ON UNIVERSAL CHARACTERISTICS OF NATURAL INTELLIGENCE AS THEY ARE REPRESENTED IN LANGUAGE

In the article, two corpora are compared: one that reveals natural intelligence and the other that consists of data generated by artificial intelligence. It is argued that: 1) natural intelligence sets frames of reference; 2) natural intelligence is specified by its inter-conceptual connections and associations; 3) involvement and adaptability are significant for artificial intelligence. The research findings are important insights into framework of linguistics to study universal characteristics adherent to natural intelligence.

Key words: natural intelligence, artificial intelligence, universal characteristics, frame of reference.

Н. В. Закурдаева *(Орел, Россия)*
Академия ФСО России
zakurdaeva.n@inbox.ru

«ЦИФРОВАЯ» ПОСТИДЕОЛОГИЯ: МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ УБЕЖДЕНИЙ В АЛГОРИТМИЧЕСКИ ФИЛЬТРУЕМОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

В рамках когнитивной лингвистики предложена модель «цифровой» постидеологии, описывающая специфику формирования убеждений в медиасреде, фильтруемой алгоритмами соцсетей. На основе анализа комментариев пользователей из идеологически поляризованных Telegram-каналов были изучены когнитивно-дискурсивные механизмы, формирующие идеологические смыслы в соцмедиа.

Ключевые слова: цифровая постидеология, алгоритмическая фильтрация, профилирование, аномальный бленд, виральная прототипичность.

Рождаясь, человек попадает в хаос смыслов. Для того чтобы ориентироваться в нем, необходима когнитивная карта, язык рисует нам такую карту, а идеология прокладывает маршрут по созданной карте, предписывая допустимые параметры интерпретации действительности.

Идеологический дискурс производит массовую «порчу языка» (в терминах Оруэлла), создавая лексические гибриды, в которых эмотивная коннотация стремится подавить денотативное ядро значения. Так, на уровне семантики начинает функционировать один из когнитивных фильтров сознания: субъект, освоивший идеологический тезаурус, оказывается замкнут в своеобразную семантическую капсулу, в круге смыслов, выход за границы которого не предусмотрен. После интериоризации идеологического тезауруса языковая личность начинает усваивать целостную картину мира в определенной идеологической трактовке. Главным инструментом данного процесса является нарратив. Именно повествовательная форма соединяет разрозненные идеологемы в согласованную картину мира, формируя некий герметичный идеологический дискурс.

В цифровую эпоху возникает новая модель передачи информации – платформенная – с алгоритмическим курированием контента. Цифровая среда изменяет способы формирования идеологических убеждений: они утрачивают связь с доктринальной системой и функционируют как аффективно заряженные высказывания внутри изолированных коммуникативных кластеров. Кроме того, сама идеология также трансформируется, превращаясь в свою новую ипостась – постидеологию. Так как

убеждения представляют собой ментальные репрезентации социального опыта, воспринимаемые индивидом как истинные, то они интегрированы в систему знаний, влияют на поведение языковой личности, сочетая когнитивные и аффективные компоненты. В цифровой среде алгоритмический фильтр формирует вокруг пользователя замкнутую среду со статистически искаженной версией реальности: Алгоритмы скрывают от нас информацию, которая может нас расстроить. Мы не решаем, что видеть – за нас решает система. Мы даже не знаем, что скрыто от нас [Pariser 2011], и убеждение становится не элементом системы, а единицей циркуляции аффекта.

В данных условиях убеждения действуют как готовые маркеры (лозунги, мемы) без развернутого обоснования, принятие/отвержение идей определяется эмоциональной реакцией индивида, а не рациональным анализом, что усиливает социальную поляризацию общества. Убеждения в эпоху доминирования постидеологии выступают сигналами принадлежности к определенному сообществу – их ключевая задача состоит в демонстрации солидарности («*я – с вами*»), а не демонстрации индивидуальных взглядов на мироустройство. Наблюдается своего рода диссипация **убеждений в цифровой среде**: фрагментарное распространение через короткие сообщения и репосты формирует «эхо-камеры» с локальными наборами убеждений; персонализация контента закрепляет изолированные когнитивные контуры, создавая иллюзию внутригруппового консенсуса.

Алгоритмическая фильтрация создает статистически асимметричную языковую среду: эмоционально окрашенные сообщения распространяются значительно быстрее нейтральных, а цифровой алгоритм, максимизирующий вовлеченность пользователя, выносит на поверхность эмоционально окрашенный контент. В такой среде близость между концептами начинает устанавливаться не через семантические связи в концептосфере, а через статистическую со-встречаемость концептов в персонализированной ленте. Длительное пребывание в подобной среде способно влиять на интерпретационные привычки и дискурсивные стратегии пользователя, не затрагивая базовые когнитивные способности, но изменяя вероятности актуализации тех или иных способов осмысления действительности.

В рамках изучения существования постидеологии в новой – цифровой среде проведено пилотное исследование механизмов формирования убеждений на материале двухсот комментариев пользователей из двух идеологически поляризованных Telegram-каналов («Клуб Регионов» (@clubrf) и «@nechaev_offocial» (авторский канал С. Нечаева). Тематическим

фокусом при отборе послужили публикации с концептами СВОБОДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПАТРИОТИЗМ. В результате анализа были выявлены следующие механизмы:

1. ***Профиль без основания.*** В модели Р. Лангакера значение языковой единицы включает не только профиль – объект, который находится в фокусе внимания исследователя, – но и основание, т. е. когнитивную область, на фоне которой профиль осмыслен. Когнитивные механизмы конфигурирования знаний включают «профилирование (навязывание определенного профиля когнитивному основанию с целью выделения его конкретного элемента). Например, значение (профиль) слова гипотенуза определяется (профилируется) относительно понятия правильный треугольник (когнитивное основание)» [Болдырев 2024, URL]. Профиль без основания определяется как употребление ценностно нагруженной лексемы при отсутствии в ближайшем контексте концептуальной базы, необходимой для ее осмысления. Например, лозунг «Свобода слова!» используется без апелляции к философским концепциям свободы, идеологии либерализма. Этот лозунг просто отсылает к групповой солидарности, основание не активируется, и адресату предлагается заполнить лакуну самостоятельно.

2. ***Аномальный бленд*** представляет собой особую концептуальную интеграцию смыслов: элементы различных концептуальных областей смешиваются в процессе познания окружающей действительности. Например, «*вакцина – цифровой концлагерь*». В результате такого гибридного соединения концептов медицинская процедура переосмысливается как политический репрессивный инструмент. Подобный бленд не порождает новое знание, а симулирует обобщение, появление нового понятия, подменяет подлинное понимание симулякром.

3. ***Виральная прототипичность*** обозначает замещение сущностного прототипа категории ее наиболее аффективно заряженным и частотно продвигаемым членом. Происходит быстрый отбор и тиражирование «эталонных», общепринятых образов, идей, формулировок, отвечающих групповым ожиданиям. Например, ПАТРИОТ в постидеологическом дискурсе определяется не устойчивыми признаками концепта (любовь к Родине, готовность к самопожертвованию), а виральным образом момента – тем, кто громче других выразил гнев по актуальному инфоповоду, осуждая лжепатриотов. Следствием становится парадоксальный эффект «убежденности без убеждений», когда пользователь затрудняется сформулировать содержание своих убеждений. Предвзятость подтверждения – когнитивное искажение, при котором мы ищем информацию, подтверждающую нашу точку зрения,

к этой биологической предвзятости добавляется искусственная – алгоритмы, которые подстраивают информацию под нас.

4. ***Дистрибутивная метонимия*** понимается как связь между концептами, устанавливаемая не через семантическое сходство (в отличие от метафоры) и не через реальную концептуальную смежность (в отличие от классической метонимии), а через статистическую со-встречаемость лексем в персонализированной ленте. Так, в одном из каналов концепт ЗАПАД устойчиво соседствует с лексемами *деградация*, *разложение*, *лицемерие*, в другом – с лексемами *прогресс*, *права человека*, *цивилизованный мир*. Постепенно географический концепт приобретает аксиологическую нагрузку исключительно через статистику со-встречаемости, коллокации.

Отметим, что полученные результаты в силу малой репрезентативности выборки не позволяют в полной мере делать выводы о зависимости когнитивных изменений в сознании пользователей от алгоритмической среды, это предмет будущих исследований.

Несомненно, новый тип дискурса (цифровой) порождает особый тип языковой личности, которую большинство исследователей называют виртуальной. Согласно теории Ю. Н. Караулова в структуре языковой личности выделяют три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический [Караулов 2010]. В цифровую эпоху мы наблюдаем трансформацию каждого из них, при которой на вербально-семантическом уровне лексикон перестает отражать индивидуальный речевой опыт и начинает формироваться как статистический срез алгоритмически отфильтрованной повестки дня, замыкаясь в границах информационного пузыря; на когнитивном уровне нерархически организованный тезаурус замещается подвижной сетью аффективно связанных концептов; на прагматическом уровне ведущая интенция смещается с рациональной передачи смысла на ритуальную демонстрацию групповой солидарности. Так, классическая трехуровневая модель наполняется принципиально иным содержанием: из носителя стабильной и осмысленной картины мира языковая личность превращается в субъекта аффективной лояльности, управляемого статистикой платформенной среды.

Проведенный анализ дает основания полагать, что описанные когнитивно-дискурсивные механизмы формируют убеждения, принципиально лишенные эксплицированной концептуальной базы. Подобные убеждения функционируют преимущественно как аффективно заряженные маркеры групповой солидарности и в силу своей специфики оказываются нечувствительными к рациональной контраргументации. В результате традиционные стратегии верификации фактов и логического опровер-

жения могут быть недостаточно эффективными при столкновении с постидеологическими конструктами, поскольку последние укоренены не в доктринальной системе, а в статистической со-встречаемости лексем и эмоциональном резонансе внутри алгоритмически изолированных коммуникативных кластеров.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивные и языковые механизмы репрезентации знаний и формирования смысла // Большая российская энциклопедия. 2024. 17 дек. URL: https://bigenc.ru/c/kognitivnye-i-iazykovye-mekhanizmy-reprezentatsii-znanii-i-formirovaniia-smysla-63eec3

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010.

Pariser E. The filter bubble: What the Internet is hiding from you. New York: Penguin Press, 2011.

N. V. Zakurdaeva *(Orel, Russia)*
Russian Federation Security Guard Service Federal Academy

DIGITAL POST-IDEOLOGY: MECHANISMS OF CONSTRUCTING BELIEFS IN AN ALGORITHMICALLY FILTERED LANGUAGE ENVIRONMENT

Within the framework of cognitive linguistics, a model of "digital" post-ideology has been proposed, describing the specifics of the formation of beliefs in the media environment, filtered by algorithms of social networks. Based on the analysis of user comments from ideologically polarized Telegram channels, cognitive discursive mechanisms that form ideological meanings in social media were studied.

Key words: digital post-ideology, algorithmic filtering, profiling, abnormal blend, viral prototypicality.

В. В. Изюмская-Капитонова, Е. И. Стефанишина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
v.v.linguist.ik@gmail.com
lena.stefanishina@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИРГИЗСКОМ[1]

Статья посвящена сопоставлению двух способов представления семантической близости русских заимствований в киргизском языке: дистрибутивно-семантических моделей на основе контекстных векторов и фасетно-признакового описания по системе Национального корпуса русского языка. Сетевые сообщества и признаковые классы обнаруживают частичное, но систематическое соответствие – от общего для всех членов сообщества признака до его полного отсутствия. Обсуждаются основания этих различий и границы применимости признакового описания к результатам дистрибутивного моделирования.

Ключевые слова: заимствования из русского языка, киргизский язык, сетевые сообщества, лексико-семантические признаки, дистрибутивно-семантическое моделирование, контекстные векторы, фасетно-признаковое описание.

Дистрибутивное и фасетно-признаковое моделирование восходят к разным представлениям о связи контекста и значения. Идея о том, что сходство контекстных распределений единицы коррелирует со сходством ее значения, получила развитие в дистрибутивно-семантическом моделировании, устанавливающем близость языковых единиц на основании сходства их контекстных распределений [Baroni, Lenci 2010]. Фасетно-признаковое описание, напротив, эксплицирует отдельные лексико-семантические характеристики единицы независимо от контекстов ее употребления. Операционализация этих подходов приводит и к структурному различию их результатов: метод выделения сообществ, используемый в настоящем исследовании, закрепляет за каждой леммой единственную принадлежность к одному из выделенных автоматически сообществ, тогда как признаковое описание допускает отнесение единицы к нескольким классам одновременно – в материале настоящего исследования более половины лемм (37 из 64) получили более одного

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ по проекту «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик», регистрационный номер FSFU-2025-0004.

признака. Это структурное несовпадение само по себе создает основание для частичного, а не полного соответствия двух представлений и переводит вопрос сопоставления из плоскости точности одного подхода относительно другого в плоскость характера соответствия. Цель исследования – установить, как соотносятся сетевое и фасетно-признаковое представления заимствований из русского языка в киргизском и какие основания категоризации обнаруживаются в зонах их совпадения и расхождения.

Материалом для исследования послужили 64 леммы, отобранные по словарной помете «ор.» (от кирг. «орусча» – «русский, из русского языка») из словаря заимствований Х. К. Карасаева «Өздөштүрүлгөн сөздөр» [Карасаев 1986]. Контекстные данные извлекались из веб-корпуса киргизского языка kir-kg_web_2019 (Leipzig Corpora Collection) и датасета новостных текстов Kyrgyz News Corpus: после дедупликации по тексту итоговая выборка контекстов с целевыми леммами составила 897 757 предложений (14 004 446 токенов). Единицей итогового сопоставления служила лемма; киргизские контекстные единицы, привлекавшиеся при формировании сетей, не включались в сопоставление с экспертной разметкой.

Дистрибутивная близость лемм определялась по косинусному сходству их векторных представлений, учитывающих субсловную информацию посредством символьных n-грамм [Bojanowski et al. 2017: 136–137]; использовались предобученные векторы для киргизского языка cc.ky.300 из набора моделей fastText для 157 языков. На этом основании независимо строились две взвешенные неориентированные сети (*A* и *B*): обе включали связи целевых лемм с ближайшими контекстными соседями и друг с другом, а в сети *B* дополнительно моделировались связи между контекстными соседями. Параметры каждой сети определялись отдельно по результатам вычислительных тестов с учетом модулярности, устойчивости разбиений и сохранения всех целевых лемм, поскольку различия в типах связей исключали прямой перенос параметров.

Сообщества выделялись методом Louvain, основанным на оптимизации модулярности [Blondel et al. 2008: 4–5]. Результат для сети *A* воспроизводился устойчиво при повторных запусках алгоритма с разными случайными инициализациями; для сети *B* устойчивость была ниже, что предположительно связано с ее более плотной структурой. Поэтому итоговое распределение узлов для сети *B* определялось консенсусной кластеризацией по частоте совместного отнесения пар узлов к одному сообществу [Lancichinetti, Fortunato 2012: 2–3]. В сети *A* целевые леммы распределились по 34 сообществам, 18 из которых включали не менее двух целевых лемм; в сети *B* – по 29 сообществам, включая 17 многолеммных.

Независимо от построения сетей те же 64 единицы были размечены по системе лексико-семантических признаков Национального корпуса русского языка [Рахилина и др. 2009]; одна лемма могла получить несколько признаков. Разметку независимо выполняли два эксперта; согласие оценивалось коэффициентом альфа Криппендорфа с расстоянием MASI и составило 0,773. После обсуждения расхождений по 19 единицам была сформирована итоговая согласованная разметка 64 лемм, содержащая 130 пар «лемма – признак».

Для каждого сообщества, включавшего не менее двух целевых лемм, проверялось наличие признака, общего для всех его членов. Дополнительно рассчитывался максимальный признаковый охват сообщества – наибольшая доля его целевых лемм, имеющих один и тот же признак; полученные значения макроусреднялись по сообществам. По характеру соответствия сообщества распределились на три типа: 1) сообщества с признаком, общим для всех целевых лемм; 2) сообщества с частичными признаковыми пересечениями, в которых общего для всех признака не было, но наборы признаков хотя бы одной пары лемм пересекались; 3) сообщества без межлеммных признаковых пересечений.

В сети *A* признак, общий для всех членов, обнаружен в 11 из 18 многолеммных сообществ (61,1%), в сети *B* – в 6 из 17 (35,3%). Частичные пересечения установлены соответственно для 3 (16,7%) и 7 (41,2%) сообществ; ещё по 4 сообщества в каждой сети не имели даже попарных совпадений – 22,2% в *A* и 23,5% в *B*. Средний максимальный охват составил 80,6% и 72,6% соответственно.

Выделенные типы представлены следующими примерами. Леммы *август, апрель, декабрь, сентябрь* и *февраль* образуют одно сообщество в обеих сетях и имеют общие признаки «время» и «месяц». Более сложная структура обнаруживается в финансово-экономическом объединении. В сети *A* леммы *банк* и *валюта* входят в одно сообщество, тогда как в сети *B* к ним присоединяются *бюджет, экономика* и *пенсия*. Признак «множества и совокупности объектов» объединяет леммы *банк, валюта* и *экономика*, а «посессивная сфера» – *банк, бюджет* и *пенсия*. Единого признака для всех пяти лемм нет, однако лемма *банк*, имеющая оба признака, связывает две частично пересекающиеся группы. Наконец, в сети *A* леммы *врач, медицина* и *операция* входят в одно сообщество, но их наборы признаков не пересекаются. Лемме *врач* присвоен признак «лица», лемме *медицина* – «имена классов», лемме *операция* – признаки «мероприятие» и «физическое воздействие». Такое объединение может отражать общую предметную область, не выраженную принятой системой признаков. В сети *B* лемма *операция* отделяется от двух других единиц.

Полученные результаты свидетельствуют о различной степени соответствия сетевых сообществ лексико-семантическим признакам. В сети *A* чаще обнаруживается признак, общий для всех членов сообщества, тогда как в сети *B* преобладают сообщества с частичными признаковыми пересечениями. Это может указывать на то, что сеть *A* в большей степени отражает признаковое сходство целевых лемм, а сеть *B* – более широкие отношения, опосредованные общностью их контекстного окружения. Вместе с тем сети различаются не только составом моделируемых связей, но и независимо подобранными параметрами построения. Поэтому наблюдаемое различие не следует сводить к изолированному эффекту добавления связей между контекстными соседями.

Исследование ограничено лексемным уровнем сопоставления: лексико-семантические признаки устанавливались для леммы в целом, без разграничения ее отдельных значений в киргизских контекстах. Поэтому отсутствие общего признака у членов сетевого сообщества может быть связано не только с различием оснований их объединения, но и с тем, что сетевые связи преимущественно отражают контексты, соотносимые с отдельными значениями многозначных лемм, тогда как разметка охватывает совокупность их значений. Проверка этого предположения требует, во-первых, разграничения значений целевых лемм, актуализированных в киргизских контекстах, и, во-вторых, применения той же системы лексико-семантических признаков к их непосредственным контекстным соседям.

Таким образом, сетевые сообщества и лексико-семантические признаки обнаруживают частичное, но систематическое соответствие. Оно варьируется от наличия признака, общего для всех членов сообщества, через частичные межлеммные пересечения до отсутствия пересечений в принятой системе признаков. В отдельных случаях последнее может сочетаться с тематической связанностью лемм, как, например, показывает «медицинское» сообщество сети *A*. Различия между сетями проявляются прежде всего в соотношении сообществ с общим признаком и сообществ с частичными пересечениями и могут указывать на зависимость границ лексических объединений от состава моделируемых отношений.

Литература

Карасаев Х. К. Өздөштүрүлгөн сөздөр: сөздүк / Х. К. Карасаев. Фрунзе: Кыргызстан, 1986.

Рахилина Е. В. Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ / Е. В. Рахилина, Г. И. Кустова, О. Н. Ляшевская, Т. И. Резникова, О. Ю. Шеманаева //

Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. С. 215–239.

Baroni M., Lenci A. Distributional Memory: A General Framework for Corpus-Based Semantics // Computational Linguistics. 2010. Vol. 36, no. 4. P. 673–721.

Bojanowski P., Grave E., Joulin A., Mikolov T. Enriching Word Vectors with Subword Information / // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2017. Vol. 5. P. 135–146.

Blondel V. D., Guillaume J.-L., Lambiotte R., Lefebvre E. Fast Unfolding of Communities in Large Networks // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment. 2008. Vol. 2008, no. 10. Article number: P10008.

Lancichinetti A., Fortunato S. Consensus Clustering in Complex Networks // Scientific Reports. 2012. Vol. 2. Article number: 336.

Leipzig Corpora Collection: Kyrgyz Web Corpus kir-kg_web_2019. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=kir-kg_web_2019

Kyrgyz New Corpus // Hugging Face. URL: https://huggingface.co/datasets/the-cramer-project/Kyrgyz_News_Corpus

V. V. Izyumskaya-Kapitonova, E. I. Stefanishina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

NETWORK COMMUNITIES AND LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN LOANWORDS IN THE KYRGYZ LANGUAGE: A COMPARATIVE ANALYSIS

This article compares two approaches to representing the semantic similarity of Russian loanwords in Kyrgyz: distributional semantic models based on contextual vectors and facet-feature descriptions using the system of the Russian National Corpus. Network communities and feature classes exhibit partial but systematic correspondence, ranging from a feature shared by all community members to its complete absence. The article discusses the sources of these differences and the limits of applying feature-based descriptions to the results of distributional modeling.

Key words: borrowings from Russian, Kyrgyz language, network communities, lexical-semantic features, distributional semantic modeling, contextual vectors, facet-feature description.

М. И. Киосе *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет,
Институт языкознания РАН
maria_kiose@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ И ИХ УСТАНОВЛЕНИЕ В КОРПУСНЫХ ДАННЫХ[1]

В работе с опорой на инструментарий когнитивного моделирования изучается исследовательский потенциал трех структурных типов культурных моделей – пропозициональной, фреймовой и метафорической / метонимической. На материале записанной речи говорящих на русском языке разрабатывается процедура их установления с применением методик корпусного анализа. В отношении области знания ДОСУГ определяются культурные модели трех указанных типов в собранном корпусе.

Ключевые слова: культурная модель, пропозициональная модель, фреймовая модель, метафорическая модель.

В последнее время в связи с новыми возможностями анализа больших данных наблюдается возрождение интереса к установлению культурных моделей [*Holland, Quinn 1987*], в т.ч. методами когнитивной семантики, антропологии и психологии [Li et al 2024: Bendixen, Purzycki 2025; Bennardo 2025]. Под культурными моделями в их когнитивной интерпретации вслед за О. К. Ирисхановой мы понимаем «способ организации культурных знаний» [Ирисханова 2014: 7]. Как указывает Ф. Шарифиан, изучение культурной когниции связано с установлением концептуализации, имеющей культурную основу и закодированной в коммуникации средствами языка [Sharifian 2014: 100]; поэтому для установления культурных моделей как особого формата знания в целом целесообразно применять двухступенчатую процедуру семантического анализа [Болдырев 2018].

Хотя на современном этапе для решения этой задачи применяются новые методы обработки и представления данных, сама структура таких моделей восходит к традиционным в когнитивной семантике форматам идеализированных когнитивных моделей [Ирисханова, URL] – пропозициональному и метафорическому (метонимическому) форматам, описанным, например, в [Kövecses 2005; Janda 2008; Ирисханова 2014], а также к фреймовому (с опорой на образно-схематические структуры знания),

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик» в Московском государственном лингвистическом университете.

описывающему культурно значимые сущности, например, типы ситуаций, средства их реализации, группы людей [D'Andrade 1995]. В целом можно констатировать, что описанные структуры культурных моделей – пропозициональная, метафорическая / метонимическая и фреймовая – различаются по ряду критериев: 1) степени репрезентации представленного в корпусе культурного знания (достаточно высокая в пропозициональной и фреймовой моделях и ограниченная в метафорической / метонимической), 2) основному фокусу конструируемого культурного события (представленный компонентами события в фреймовой модели, их связями в пропозициональной и смешанный в метафорической / метонимической), 3) способу конструирования культурного события (непосредственный в пропозициональной и фреймовой моделях и опосредованный, образный в метафорической / метонимической).

В настоящей работе представлены процедурные возможности установления структуры культурных моделей, реализованных с опорой на данные одного и того же датасета (рабочего корпуса), собранного в ходе интервью русскоязычных респондентов (20–30 лет, всего 20 участников) и описывающего область знания, или домен, ДОСУГ. Респондентам были задан ряд вопросов относительно их хобби, свободного времени, активного и расслабляющего отдыха, праздников, которые обсуждались ими в парах. Объем собранного датасета составил 5 095 ЭДЕ, 18 445 слов. Если концепция метафорических / метонимических моделей (в любом ее варианте) имеет когнитивные и культурные основания, то в отношении двух других моделей представляется необходимым сделать ряд уточнений. При разработке процедуры установления пропозициональных моделей мы руководствуемся определением, данным Ю. Г. Панкрацем, и под пропозициями понимаем «концептуальное объединение, [описывающее] определенные связи и отношения, трактуемые обычно как отношения функции к своим аргументам» [Панкрац 1996: 137]. Соответственно, в качестве пропозициональных культурных моделей мы рассматриваем способы организации культурных знаний, описывающих связи и отношения аргументов. Под фреймом вслед за В. З. Демьянковым, выделившим четыре понимания данного термина, мы понимаем четвертое, в рамках которого фрейм понимается как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для данного понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет» [Демьянков 1996: 188]. Таким образом, фреймовая культурная модель – это

способ организации культурных знаний, описывающих состав компонентов культурно значимого события.

Далее представим процедуру установления каждой из указанных моделей в отношении собранного датасета и основные результаты.

Пропозициональная модель. Для установления пропозициональной культурной модели непосредственным объектом анализа стали вхождения, в состав которых входят глагольные предикаты. Анализу подверглись 905 наиболее частотных словоформ, демонстрирующих частотность 4 и выше из 3736 словоформ в собранном материале. Был проведен анализ семантической атрибуции глаголов с опорой на разметку, предложенную в НКРЯ. В результате были выявлены семантические сферы, представляющие информацию предикативного типа в домене. Приведем состав данных сфер и примеры глаголов с указанием их частотности:

1) психическая сфера / ментальная сфера: *любить* (88), *знать* (54), *нравиться / понравиться* (66), *казаться* (20), *предпочитать* (20), *помнить* (18), *хотеть* (16), *считать* (15), *думать* (14), *понимать* (14), *учиться* (9), *расслабиться* (7), *решить* (6), *почитать* (5), *надеяться* (4), *обожать* (4);

2) существование / бытийная сфера / изменение состояния или признака / изменение положения тела: *быть / хватать чего-л.* (140), *мочь* (91), *заниматься* (36), *проводить* (32), *получаться* (24), *стараться* (20), *делать* (19), *начать* (14), *выбраться / выбираться* (13), *касаться* (11), *отдыхать* (11), *собираться* (9), *посещать* (8), *пытаться* (7), *готовить* (6), *встречать* (5), *связывать* (5), *выбирать* (4), *лежать* (4), *начинать* (4), *оказываться* (4), *стоять* (4), *уметь* (4), *поступить* (4), *появиться* (4), *устать* (4);

4) движение: *ходить / сходить / приходить* (117), *ездить / приезжать / уезжать* (41), *гулять* (24), *(по)сидеть* (12), *пробовать* (6), *вернуться* (5), *кататься* (5), *выходить* (4), *накрыть* (4), *плавать* (4);

5) создание физического объекта: *делать* (21), *приготовить* (8), *вышивать* (4);

6) восприятие: *смотреть / посмотреть* (48), *читать* (20), *чувствовать* (7), *слышать* (4);

7) речь: *сказать / рассказать / говорить* (59), *называть (ся)* (10);

8) поведение человека: *праздновать* (32), *играть* (22), *отмечать* (9), *помогать* (4);

9) посессивная сфера: *подарить* (4);

10) помещение объекта: *поставить* (4).

Как показывает распределение семантических сфер, превалируют пропозиции, описывающие психическую / ментальную сферы, сферу существования и сферу движения; частотны и те, которые конструиру-

ют зрительное восприятие и говорение. Одной из наиболее частотных оказывается пропозиция «выражать / формировать положительное отношение (х, у)»; она получает реализацию в глаголах *любить, нравиться / понравиться, предпочитать, почитать, обожать*, где наибольшую частотность имеет глагол *любить*. Из 88 вхождений 70 примеров – это вхождения с актантом *я,* при этом глагол используется в настоящем времени; рассмотрим именно их. Установлены 11 вариантов реализации пропозициональной конструкции «выражать / формировать положительное отношение (*любить*) (*я*, у)».

Перечислим их:

1) *любить* (*я*, делать что-л.): *гулять* (3), *рисовать* (2), *вязать игрушки* (1), *шить игрушки* (1), *слушать музыку* (1), *приезжать домой* (1), *играть на фортепиано* (1), *чтение книг* (1), *копаться в истории* (1), *посещать театры* (1), *посещать выставки* (1), *посещать галереи* (1), *ходить на выставки* (1), *ходить в театр* (1), *делать елочные игрушки* (1), *сходить на массаж* (1), *всякие подкасты послушать* (1), *уезжать в Минск* (1), *включать какую-нибудь музыку* (1), *включать аудиокнигу* (1), *посмотреть мир* (1);

2) *любить* (*я*, делать что-л. некоторым образом): *своими руками* (2), *вязать крючком* (1), *вслух читать* (1);

3) *любить* (*я*, что-л.): *отечественную историю* (1);

4) *любить очень / особенно / больше всего / довольно сильно* (*я*, что-л.): *Новый год* (2), *театр* (2), *постановку «Ночь перед Рождеством»* (1), *выставки* (1), *драгоценные камни* (1), *крабовый салат* (1), *всех [людей]* (1), *кино* (1), *музыкальные постановки* (1), *каток* (1), *музеи* (1), *все спортивное* (1), *лес* (1), *дачные участки* (1), *азиатскую кухню* (1), *картины* (1), *галереи* (1), *мюзиклы* (1), *театральные постановки* (1), *зиму* (1), *отдых* (1), *балет* (1), *МосКино* (1);

5) *любить очень* (*я*, делать что-л.): *гулять* (2), *читать* (1), *заниматься спортом* (1), *посещать выставки* (1), *украшать квартиру* (1), *плавать* (1), *ходить в спа* (1), *ходить в комплексы с бассейнами* (1);

6) *любить не очень* (*я*, что-л.): *кинотеатры* (1), *оперу* (1), *гида* (1), *экскурсии* (1);

7) *любить больше* (*я*, что-л.): *балеты* (1);

8) *любить* (*я*, не делать что-л.): *не идти никуда* (1);

9) *не любить* (*я*, что-л.): *пешеходные экскурсии* (1), *шитье* (1), *день рождения* (1), *праздники* (1), *коньки* (1);

10) *не любить* (*я*, делать что-л. некоторым образом): *выползать из дома без надобности* (1), *чтобы меня поздравляли* (1), *ходить одна* (1);

11) не любить (я, делать что-л.): *ездить на море* (1).

Как можно заметить, превалируют два варианта реализации пропозиции с *любить*: *любить* (*я*, делать что-л.) (24 примера) и *любить очень / особенно / больше всего / довольно сильно* (*я*, что-л.) (25 примеров); таким образом, более характерной оказывается положительная оценка ситуации. Распределение актантов пропозиции показывает и сами предпочтения молодежи в отношении проведения досуга, являясь таким образом отображением культурной модели в конструировании знания о выражении / формировании положительного отношения индивидуального представителя коллектива.

Фреймовая модель. Второй вариант построения культурной модели эксплуатирует номинативный потенциал сформированной области знаний, где в узлах фрейма оказываются компоненты ситуации, выраженные в языке (в речи) номинативными единицами. Процедура включала определение наиболее частотных имен существительных (стоп-слова исключались) и их номинативных коллокатов, а также последующее установление их семантической атрибуции (подробнее см. в [Киосе и др. 2026]). Наибольшую частотность (по итогам анализа 10% самых частотных словоформ) показали следующие номинации (не включались в обработку номинации, входящие в состав союзных и наречных выражений типа *в плане, по всей видимости, по любому поводу* и др.): *время* (109), *год* (97), *день* (74), *отдых* (78), *дом* (54), *день рождения* (50), *семья* (46), *хобби* (46), *праздник* (43), *театр* (40), *дети* (30), *шашлыки* (27), *друзья* (25), *досуг* (22), *музей* (21), *выставка* (18), *дача* (15), *баня* (14), *лыжи* (14), *Москва* (14), *кино* (13), *концерт* (19), *детство* (18), *люди* (15), *йога* (12), *книга* (11), *мама* (11), *танцы* (11), *час* (11), *лето* (10), *жизнь* (9), *ночь* (9), *спорт* (9), *стол* (9), *утро* (9), *фильм* (9), *балет* (8), *выходные* (8), *момент* (8), *родители* (8), *школа* (8), *вопрос* (7), *зал* (7), *история* (7), *история* (7), *место* (7), *месяц* (7), *ощущение* (7), *подарок* (7), *поездка* (7), *футбол* (7), *ходьба* (7), *чтение* (7), *бег* (6), *билет* (6), *вещь* (6), *видео* (6), *город* (6), *девушка* (6), *каток* (6), *кафе* (6), *квартирник* (6), *компания* (6), *музыка* (6), *парк* (6), *период* (6), *работа* (6), *спектакль* (6), *спорт* (6), *теннис* (6), *улица* (6), *шахматы* (6), *экскурсия* (6), *бабушка* (5), *библиотека* (5), *брат* (5), *вязание* (5), *галерея* (5), *гитара* (5), *город* (5), *грибы* (5), *деревня* (5), *игра* (5), *муж* (5), *музыка* (5), *мысль* (5), *неделя* (5), *опера* (5), *опыт* (5), *погода* (5), *природа* (5), *проблема* (5). Наибольшая частотность обнаружена в отношении следующих коллокатов номинативного типа (кроме тех, которые дублируют ключевые слова): *язык, лес, зал, галерея, сериал, ночь*.

Установление семантических сфер с опорой на их состав, описанный в НКРЯ, позволил выявить сферы, которыми представлена рассматриваемая область знания. Это сферы Лица; Родственники, Растения, Вещества и ма-

териалы / Приспособления, Пространство и место / Здания и сооружения; Музыкальные инструменты, Мебель, Еда и напитки; Тексты; Части тела; Положение / Изменение положения тела в пространстве; Создание физического объекта; Существование; Ментальная сфера; Психическая сфера / Эмоция / Восприятие; Природное явление; Время и Период; Возраст; Мероприятие; Игра / Спорт.

Метафорическая / метонимическая модель. Рассмотрим ее анализ на примере метафорического формата. Особенности установления метафорической культурной модели интересно проследить с опорой на распределение метафорических реализации глаголов восприятия, в данном случае, глаголов визуального восприятия *смотреть / посмотреть*. О том, что с их участием в русскоязычной культуре часто реализуются метафорические модели, например, модель ЗРЕНИЕ КАК СИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ, косвенно свидетельствуют результаты работ, в которых констатируется наличие сложностей с корректной автоматизированной классификации глаголов зрения по их грамматическим формам (вид, наклонение, время, залог и др.). Д. Дивьяк объясняет это тем, что «существуют явные параллели между структурами, в которых встречаются глаголы зрения и слухового восприятия / осязания» [Дивьяк 2015: 475].

Всего в собранном датасете 48 примеров использования *смотреть / посмотреть*. Анализ ближайших контекстов позволяет выделить три метафорические модели: ЗРЕНИЕ КАК ПОНИМАНИЕ, ЗРЕНИЕ КАК СИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ (с включенным Слухом или Обонянием) и ЗРЕНИЕ КАК ВЫБОР. Из рассмотренных примеров 17 реализуют модель ЗРЕНИЕ КАК СИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ с включенным слухом, как в *посмотреть фильм вечером с мужем* или в *идем посмотреть какой-нибудь концерт*. В двух из этих случаев возможна более комплексная синестезия с включением обоняния (в *смотреть на море*). Также обнаружено 5 случаев реализации модели ЗРЕНИЕ КАК ВЫБОР, например, в *А я наоборот могла бы называть активным отдыхом или расслабляющим отдыхом как раз путешествие / Поездки на море, расслабляющие, куда-то там посмотреть что-то более активное* или в *если из хобби смотреть, то это какие-нибудь видео*. Обнаружен всего один пример реализации метафоры ЗРЕНИЕ КАК ПОНИМАНИЕ в *То есть он хотел посмотреть, как все это будет*.

Анализ показывает распределение метафорических моделей, диктуемое во-многом ситуацией общения, составом участников, темой. Последующее сопоставление количественного распределения этих моделей в отношении глаголов зрительной перцепции в других языках и культурах

позволит утверждать, насколько культурно специфическим оно является. Грамматические критерии разграничения моделей наблюдаются, но не являются надежными. Так, в рассмотренном небольшом массиве примеров возможное грамматическое разграничение случаев визуального восприятия и синестезии проходит в использовании / отсутствии предлога *на* в *смотреть на* (только визуальное восприятие) и *смотреть что-то* (синестетическое восприятие), например, *посмотреть на дверь* и *посмотреть оперу*, однако есть и примеры типа *посмотреть Пикассо* как примеры концептуальной метонимии, «разрешающей» использование глагола с семантикой визуального восприятия без предлога.

Укажем и на ряд ограничений каждого из методов. Так, в условиях анализа корпусных (и особенно больших) данных не принимается во внимание контекстуальная семантика номинативных компонентов фреймовой модели, т.к. проводится анализ единиц вне их контекстов. В этом смысле пропозициональная модель, предусматривающая анализ контекстуального содержания, представляется более информативной. Однако в свою очередь пропозициональный анализ является значительно более трудоемким, т.к. требует «ручного» изучения всех компонентов пропозиции (всех актантов); также существует проблема пересечения контекстуальных значений предикатов, что затрудняет отнесение их к определенной семантической группе. Для установления метафорических / метонимических моделей, описывающих культурно значимый домен, требуется достаточно большой датасет; в противном случае результаты не будут репрезентативными.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Демьянков В. З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузиной. М.: МГУ, 1996. С. 187–189.

Дивьяк Д. Исследование грамматики восприятия (на материале русского языка) // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: ЯСК, 2015. С. 448–477.

Ирисханова О. К. Культурные модели. URL: http://scodis.com/for-students/glossary/cultural-models/

Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. Вып. 4 (41). С. 5–17.

Киосе М. И., Ржешевская А. А., Томская М. В. Фреймовые культурные модели родственных отношений, еды и досуга в русском устном дискурсе: данные интервью // Вопросы когнитивной лингвистики. 2026. № 3. С. 89–102.

Панкрац Ю. П. Пропозиция // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузиной. М.: МГУ, 1996. С. 137–140.

Bendixen Th., Purzycki B. G. Cognitive and cultural models in psychological science: A tutorial on modelling free-list data as a dependent variable in Bayesian regression // Psychological methods. 2025. Vol. 30(2). P. 223–239.

Bennardo G. Cognitive foundations and cultural models // The Cambridge handbook of psychological anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 37–61.

D'Andrade R. The development of cognitive anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Holland D., Quinn N. (ed). Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: CUP, 1987.

Janda L. A. From cognitive linguistics to cultural linguistics // Word and Sense. A journal of interdisciplinary theory and criticism in Czech studies. 2008. Vol. 8. P. 48–68.

Kövecses Z. Metaphors and cultural models // Metaphor in Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 193–228.

Li Ch., Chen M., Wand J. Sitaram S., Xie X. CultureLLM: Incorporating cultural differences into large language models // 38 Conference on neural information processing systems (NeurIPS 2024). URL: https://arxiv.org/abs/2402.10946

Sharifian F. Advances in cultural linguistics // Approaches to Language, culture, and cognition / Ed. By M. Yamaguchi, D. Tay, B. Blount. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 99–123.

M. I. Kiose *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University, Institute of Linguistics RAS

CULTURAL MODELS AND THEIR IDENTIFICATION IN CORPUS DATA

Featuring cognitive modelling approach the study explores the research allowances and limitations exposed in three cultural models – propositional, frame and metaphoric / metonymic. The research procedure is developed within the recorded spoken corpus of Russian. Three types of models exemplify the structure of the domain of LEISURE in the compiled corpus.

Key words: cultural model, propositional model, frame model, metaphorical model.

А. В. Кремнева *(Барнаул, Россия)*
Алтайский государственный педагогический университет
annakremneva@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ВЕРСИЯ GIGA CHAT

Автор публикации рассуждает о возможности использования прецедентных текстов в текстах, сгенерированных ИИ. Описаны результаты эксперимента использования Giga chat для интерпретации прецедентных текстов современной массовой российской культуры. Делается вывод о неспособности ИИ к формированию межконцептуальных связей, которые заложены в основу семантики прецедентных текстов.

Ключевые слова: прецедентный текст, интерпретация, искусственный интеллект.

Как справедливо отмечала Е. С. Кубрякова, одной из сложнейших задач когнитивной лингвистики является «объяснение тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [Кубрякова 2004: 10]. Для нормального существования, неотъемлемой частью которого является осуществление коммуникации, человек должен обладать «совокупностью знаний как об окружающем его мире, так и языке (объектное и языковое знание» [Там же: 10]). В связи со стремительным развитием искусственного интеллекта именно о важности объектного экстралингвистического знания, недостаток которого может привести к полному провалу коммуникации, пойдет речь в данной статье. Первоначально используемый для анализа больших данных преимущественно в сфере экономики, ИИ сегодня повсеместно применяется для автоматизации рутинных процессов в целом ряде сфер человеческой деятельности, а также широко используется в быту в виде голосовых помощников и прочих «технопротезов», столь привычных любому современному человеку. Особый интерес вызывает сфера применения ИИ для автоматизации творческих процессов в виде создания музыки, изображений и текстов, в т.ч. художественных. В качестве примера приведем научно-фантастический роман «Земля воспоминаний» (机忆之地), созданный с использованием ИИ профессором Шен Яном из пекинского университета Цинхуа. Этот текст, для генерации которого вместе с иллюстрациями потребовалось около трех часов и 66 команд, введенных в диалоговом режиме, в 2024 году занял второе место на литературном конкурсе провинции Цзянсу в Китае, и только один из шести членов жюри конкурса заподозрил, что имеет дело с продуктом ИИ.

Поскольку в фокусе нашего внимания находится прецедентность как один из неконвенциональных способов выражения смысла и средство когнитивной экономии [Кремнева 2018; 2025], мы задались вопросом относительно возможности ее использования в сгенерированных ИИ текстах. Напомним, что появление термина «прецедентный текст» (ПТ) связано с именем Ю. Н. Караулова, который определил прецедентные тексты как «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2003: 216]. И если первоначально исследование прецедентности было связано прежде всего с влиянием т.н. сильных текстов культуры, то сегодня статус прецедентного может быть присвоен любому тексту, в т. ч. поликодовому, независимо от его протяженности. Такой текст освещает события реальной жизни, имеет большую значимость для общества и получает распространение посредством СМИ. Сегодня феномен прецедентности, непосредственно связанный с языковым знанием, исследуется в когнитивном ракурсе и трактуется по-разному, в т. ч. как результат концептуальной деривации. Выделяя три основных типа, к которым сводятся разнообразные процессы концептуальной деривации, Н. Н. Болдырев относит прецедентность к третьему типу, представляющему собой формирование нового знания в результате активации межконцептуальных связей между разными областями знания [Болдырев 2022: 25]. Таким образом, если предецентные тексты являются вторичными языковыми структурами, возникающими в результате вторичной языковой интерпретации, основанной на новом осмыслении уже существующих в сознании человека индивидуальных или коллективных *знаний о мире*, то адекватная интерпретация прецедентных текстов невозможна без наличия в когнитивной базе необходимых фреймов, хранящих знания о событии, зафиксированном в знаке в виде прецедентного текста.

С целью тестирования способности популярной нейросети Giga chat распознавать и адекватно интерпретировать ПТ, нами был проведен эксперимент, в ходе которого мы обращались к чат-боту с просьбой объяснить значение и происхождение ПТ: 1) тыквенный латте; 2) Вошел не в ту дверь; 3) Вы не готовы все; 4) базовый минимум; 5) эффект Долиной. Все эти фразы либо стали знаками резонансных событий 2022–2025 гг., либо завирусились в сети и стали поводом для создания серии мемов, т. е. на данный момент широко узнаваемы и используемы в русской лингвокультуре. В диалоговом режиме нами вводилось два вопроса 1) Что означает выра-

жение «…»? 2) Каково происхождение мема «…»? После анализа ответов полученные результаты предполагалось условно разделить на три группы: 1) исчерпывающие и верные ответы Giga chat, предлагающие правильное толкование значения с верным указанием на источник происхождения ПТ; 2) ответы Giga chat, предлагающие в целом верное толкование семантики ПТ, но не указывающие на источник ее происхождения и не учитывающие оценочную модальность и фоновые экстралингвистические знания о прецедентной ситуации; 3) ответы Giga chat, предполагающие неправильное толкование семантики и/или неверный источник происхождения ПТ. После обработки результатов выяснилось, что количество ответов, которые можно было бы отнести к первой группе, составляет 0%, а количество ответов второй группы составило всего 40%. При этом, ответы Giga chat третьей группы, полностью искажающие семантику ПТ, составили 60%, несмотря на то, что данная нейросеть, по задумке разработчиков, адаптирована под русский язык и культурный контекст и способна понимать юмор, сленг, специфику российских бизнес-процессов и т.д., а в ее основе лежат алгоритмы глубокого обучения, анализирующие не отдельные слова, а фразу целиком. Приведем примеры ответов.

(1) Выражение «тыквенный латте» относится к кофейному напитку, приготовленному на основе эспрессо, молока и тыквенного сиропа или пюре. Такой напиток получил особую популярность осенью, особенно в Северной Америке, где существует традиция добавлять в кофе вкусовые добавки из сезонных продуктов, таких как тыква.

Как видно из примера, трактовка семантики ПТ «тыквенный латте» является в целом верной, но не учитывает особенностей прецедентной ситуации, связанной с постом «уехавшей» в 2022 году блогера Татьяны Шеремет о невозможности найти тыквенный латте в Хайфе. Данный пост вызвал волну негодования сначала в израильских СМИ, а затем облетел весь интернет, вследствие чего фраза получила широкое распространение в виде мема, стала символом столичного снобизма и неблагодарности по отношению к людям, протянувшим тебе руку помощи, и получила статус прецедентной.

(2) «Базовый минимум» означает минимальный набор необходимых элементов, действий или условий, достаточный для основной задачи и достижения базовой цели … обычно «базовый минимум» подразумевает самое необходимое, без чего выполнение поставленной задачи затруднено.

Данная трактовка отнесена к третьей группе ответов Giga chat, поскольку она не основана на коллективном знании о значении мема и популярной песни Mia Boyka и Sabi (*Айфон – купи, ресторан – плати/ без повода мне*

подари кольцо с моим именем/ это базовый минимум), высмеивающих меркантильность и завышенные требования девушек к мужчинам (айфоны, рестораны, кольца и т. д.). Таким образом, ПТ «базовый минимум» является глубоко ироничным по своей сути, а его план выражения и план содержания противопоставлены друг другу.

(3) Выражение «Эффект Долиной» используется в музыкальной индустрии и обозначает феномен быстрого роста популярности артиста благодаря участию в шоу талантов.

Как видно из примера (3), алгоритмами Giga chat на данный момент не сформировано «знание» о захватившем Россию в 2025 году явлении, получившем название «эффект Долиной» или «бабушкина схема». В ответ на просьбу привести пример использования выражения «эффект Долиной» Giga chat выдал следующий результат:

(4) После победы в музыкальном конкурсе молодой исполнитель ощутил настоящий «эффект Долиной», моментально получив контракты на концерты и запись альбома.

На фоне сообщений о массовой отмене концертов Ларисы Долиной, предложение с использованием этого ПТ (4), сгенерированное Giga chat, вызывает улыбку. Также, как и пример использования фразы, ставшей прецедентной благодаря сериалу «Слово пацана. Кровь на асфальте».

(5) Завтра экзамен, которого никто не ждал, но учитель объявил внезапно: «Ребята, вы не готовы все! Удачи вам завтра утром».

Напомним, что в сериале эта фраза, произнесенная героем Ивана Янковского, обращена к подростковой уличной банде и не является цитатой из фильма А. Балабанова «Жмурки», как указано в ответе Giga chat на вопрос об источнике данного ПТ.

Перейдем к выводам. Некорректное толкование Giga chat семантического содержания ПТ, широко известных и воспроизводимых в массовой российской культуре, потенциально несет целый ряд угроз и подтверждает тезис о том, что любой ответ, сгенерированный нейросетью, требует критического осмысления и тщательной проверки. Результаты описанного эксперимента еще раз наглядно подтвердили, что ИИ не способен формировать межконцептуальные связи и «индивидуальные смыслы, опираясь на коллективные знания, … а также верно оценивать высказывания, смысл которых не равен смыслу составляющих высказывание компонентов» [Дубровская, Зыкова 2023: 940]. Следствием использования текстов, сгенерированных и/или переведенных на другой язык ИИ, может стать не только двусмысленность их содержания, но и полный провал в достижении коммуникативной цели.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 1 (48). С. 19–79.

Дубровская О. Г., Зыкова И. В. Искусственный интеллект сквозь призму когнитивной деятельности // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 4 (55). С. 938–941.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Кремнева А. В. Прецедентное имя как одно из средств когнитивной экономии // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 23. С. 210–215.

Кремнева А. В. Смысловая вариативность прецедентных высказываний в разных типах дискурса // Когнитивные исследования языка. 2025. Вып. 4 (65). С. 325–332.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Giga Chat [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://giga.chat/

A. V. Kremneva *(Barnaul, Russia)*
Altai State Pedagogical University

THE INTERPRETATION OF SEMANTICS OF PRECEDENT TEXTS OF MASS CULTURE: GIGA CHAT VERSION

The author of the publication studies the opportunity of using precedent texts in AI generated texts. The results of the experimental usage of Giga chat to interpret precedent texts of modern mass culture are presented. The conclusion of the ability of AI to form cross-conceptual links which form the basis for the semantics of precedent texts is drawn.

Key words: precedent text, interpretation, AI.

П. И. Сергиенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
poserg@bk.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ PR ДИСКУРСЕ

Когнитивная лингвистика, рассматривая грамматический уровень языка, исходит из представления о существовании неразрывной связи между грамматическими категориями и ментальными структурами, составляющими комплексное знание носителей языка. Данное исследование посвящено рассмотрению грамматических категорий английского глагола в текстах англоязычного PR дискурса и потенциала заложенного в них сообщения, что в свою очередь способствует всестороннему исследованию варьирования английского языка и выстраиванию эффективной коммуникации.

Ключевые слова: грамматика, PR дискурс, английский язык, когнитивные исследования.

Грамматический уровень языка традиционно вызывает интерес как у представителей функциональной лингвистики и структуралистов, так и сторонников когнитивного подхода, рассматривающих функционирование лингвистических единиц через призму мыслительных процессов, что способствует раскрытию связи между языковой реализацией мысли и особенностями мышления носителей английского языка.

Обращаясь к исследованию глагольных форм, функционирующих в рамках англоязычных PR текстов, мы соотносим их лексическое и категориальное значение, поскольку, как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи [Маслов 1983; Болдырев 1994; Кубрякова 1997], концептуальный уровень оказывается важнее значения видовременной формы, пассива, повелительного наклонения и других грамматических форм.

В рамках когнитивной лингвистики ученые отмечают несамостоятельность глагола как грамматической категории по сравнению с существительными при указании на действительность, подчеркивая их предикативные свойства предписывать признаки предмету речи, а также референциальную соотнесенность, или связывание с субъектами коммуникации, существительными [Кубрякова 2004]. Е. С. Кубрякова указывает также, что предикаты фиксируют «координаты происходящего» [Кубрякова 2004: 231], или факт существования положения дел, а также времени, когда оно описано.

Первое, что обращает на себя внимание при изучении PR-текстов на предмет грамматических категорий, оказывается особое отношение авторов

сообщений к использованию глагольных форм, или временно-видовым грамматическим категориям. Для настоящего исследования были тематически подобраны тексты, отражающие единство современного социального императива заботиться об окружающей среде и вырабатывать ответственное потребление природных ресурсов.

В пресс-релизах международной компании-гиганта, производителя товаров широкого потребления Procter and Gamble, с точки зрения грамматического использования глагольных форм в пресс-релизах, предпочтение отдается настоящему времени (Present Simple, Present Perfect, Present Continuous, Present Perfect Continuous), преимущественно в продолженном аспекте:

Tide and World Wildlife Fund (WWF) ***are joining*** *forces to encourage a new eco-habit in response to survey data that finds Americans* ***are looking for*** *more ways to save energy in their daily lives: "wash your laundry in cold water."*

The climate crisis ***is*** *already* ***affecting*** *all of us.*

Unstoppable Unlimited, the collection that redefined sophistication in laundry fragrances, ***is expanding*** *its acclaimed lineup with three new designer-caliber scents* [P&G, URL].

Превалирование настоящего времени в пресс-релизах компании свидетельствует о насущности обсуждаемых вопросов, а также об их сиюминутной важности. Подчеркнутые характеристики предпринимаемых усилий указывают на стремление компании соответствовать экологической повестке современного общества.

Отчетливо заметны цикличные фразы, пересказывающие друг друга с точки зрения семантического содержания. Более того, в грамматических конструкциях также наблюдается повторяемость. Предложение начинается с Present Continuous, далее следует инфинитив цели – to uncover insights on behavioral tipping points, to encourage a new eco-habit in response to survey data, подчеркивающие прагматический характер высказывания. Более того, с точки зрения когнитивной лингвистики и временной соотнесенности, инфинитив цели относится к проспективному плану высказывания, центр которого находится в будущем.

Present Perfect, показывающий долговременные усилия и продолжающуюся кампанию: "We have seen how the accumulation of small acts can lead to big impact" [P&G, URL]. Центр семантического высказывания находится в прошлом – ретроспекция, но в то же время эффект от действия реализуется в настоящем – соотносится со временем повествования и получением информации аудиторией. Иными словами, усилия предпринимаются, но результат будет виден и показателен в будущем, для которого также ис-

пользуются формы настоящего и настоящего совершенного времени (Present Simple и Present Perfect):

We're very encouraged by the adoption we've seen thus far, but we also recognize that the urgency of climate change requires us to do more, faster [P&G, URL].

Отметим также, что зачастую идея будущего времени в исследуемых текстах передается лексическими средствами: plan, progress, an opportunity, a chance for…, и т.д., в то время как авторы текстов избегают использования глагольных форм будущего времени. Использование модальных предикативных форм can lead to, to do more, др. – также передает категорию будущего времени.

Прошедшее время используется для обозначения совсем недавнего опыта, то, что по сути передается временем Present Perfect в британском варианте английского языка. В текстах американской международной компании, посвященных выходу на рынок нового продукта, ведется речь о недавно проведенных тестах и исследованиях мнений потребителей. Так, в пресс-релизе о бренде Bounce от 29 сентября 2025 года используется время Past Simple, а также причастие прошедшего времени (Past Participle):

Bounce ***conducted research*** *into the consumer laundry experience and* ***uncovered a key challenge****: clothes lose their fresh scent during the drying process. The heat,* ***many reported****, seems to make the freshness evaporate, leaving fabrics smelling "stale." In response,* ***Bounce created a dryer sheet*** *that outlasts the heat of the dryer and ensures every piece of laundry emerges with a vibrant, clean aroma* [P&G, URL]. Прошедшее время в указанных примерах соотносится с событиями настоящего времени, которые оказываются непосредственно с ними связанными или указывают на причинно-следственную связь.

Следует отчеркнуть, что в то же время предпочтение в рассматриваемом тексте отдано настоящему времени:

Launched in September 2025, Bounce Intense not only ***offers*** *the static and wrinkle control that is a hallmark of the brand, but also* ***provides*** *the ultimate fresh experience that* ***bursts*** *from the dryer and* ***lasts*** *through wear for up to four weeks*. Необходимо отметить, что выделенные глаголы, стоящие в Present Simple, совпадают по времени с моментом речи, что является частным проявлением значения обозначенной грамматической формы, которая обусловлена ситуацией наблюдения, комментирования и положительными характеристиками описываемого объекта.

В статье британского издания The Economist "Bottled water is going upmarket" от 11 октября 2025, посвященной экономическому подъему европейских компаний-производителей бутилированных напитков высо-

кого класса, также затронута тема экологии и трудностей, стоящих перед компаниями в этом аспекте. Следует отметить, что с точки зрения использования грамматических форм, предпочтение отдается формам настоящего времени глагола: Present Simple, Present Continuous, а также Present Perfect, в то время как ретроспекция передана только в причастном обороте с использованием Participle II:

*The ad for Maison Perrier**, launched last year by Nestlé, reflects** the direction of the $300bn-odd bottled-water industry. The Swiss food company **has sold** many of its mass-market brands and **is heading up-market** with labels such as Maison Perrier. Danone, its French rival**, is also doubling** down on premium brands like Mizone, **a vitamin-enriched drink sold in Asia*** [The Economist, URL]. Также рассмотренные примеры выделяют функцию передачи проспективности посредством настоящего и настоящего продолженного времени, которое раскрывает предстоящие события.

Социальный императив защиты окружающей среды также передается посредством использования настоящего времени, что отражает текущее состояние дел и необходимость срочных действий как со стороны компании, так и со стороны широкой общественности:

*Two forces **are** behind the shift: environmental stress and changing tastes. Climate change **is making** mineral water harder to source. Torrential rains **let polluted surface water seep** into aquifers. Last year Nestlé destroyed 2m bottles of classic Perrier after faecal bacteria were found in a spring. Prolonged droughts in southern Europe **have caused supply shortages*** [The Economist, 2025: URL].

Отметим, что в прошедшем времени упомянут один факт, повествующий о том, что компании отозвала 2 миллиона бутылок классической воды Perrier после нахождения выбросов органических отходов в минеральном источнике. Информация и выбранное прошедшее время тесно связаны с необходимостью сохранения положительного имиджа компании, заботящейся об окружающей среде и здоровье потребителей, поскольку руководство сумело быстро отреагировать на кризисную ситуацию и сохранить высокое качество продукции.

Проведенный анализ, посвященный особенностям использования видовременных форм глагола, представленных в текстах пресс-релизов и текстах массовой коммуникации с семантическим центром на экологической повестке, с когнитивных позиций, подчеркивает осуществление навигационной и актуализирующей функций рассматриваемых единиц языка. Функции каузальности, проективности, а также временных аспектов ретроспективности, соотнесенности с настоящим и проспективности помогают читателю ориентироваться в сообщении, направляют и структурируют мысль

в сознании носителей языка. Вариативность глагольных форм подчеркивает динамичные свойства языка, а также возможность переосмысления грамматических категорий на уровне когнитивных структур. Выбранный материал для исследования позволяет утверждать, что рассмотренные процессы категоризации грамматических форм глагола на уровне английской грамматики эксплицируют развитие современного английского языка, его использование в суггестивном дискурсе, а также способствуют раскрытию установленной связи между языком и мышлением носителей английского языка.

Литература

Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспекты. СПб.: РГПУ, 1994.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/ Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид//Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С41–53.

P&G (Procter and Gamble). URL: https://news.pg.com/news-releases/news-details/2022/Tide-and-World-Wildlife-Fund-Join-Forces-to-Encourage-Next-Impactful-Eco-Habit-Washing-in-Cold/default.aspx

The Economist: “Bottled water is going upmarket”, 11.10.2025. URL: https://www.economist.com/business/2025/10/09/bottled-water-is-going-upmarket

P. I. Sergienko *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

CATEGORIZATION OF VERB FORMS IN PR DISCOURSE

Considering the grammatical language level cognitive linguistics proceeds from the premise that there exists an inextricable link between grammatical categories and mental structures that make up the complex knowledge of native speakers. The presented study is devoted to the consideration of grammatical categories of the English verb in the texts of English-language PR discourse and the potential of the message embedded in them, which contributes to a comprehensive study of the variation of the English language and fosters effective communication.

Key words: Grammar, PR discourse, English, cognitive research.

К. А. Сидоров *(Москва, Россия)*
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
kirs53@bk.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ДИСТРИБУТИВНЫЕ МОДЕЛИ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ПРИНЦИПОВ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Векторные семантические модели (ВСМ) широко используются в компьютерной лингвистике, однако их применение к теоретическим представлениям об устройстве языка остается ограниченным. Цель работы – способствовать взаимообогащению теоретических и вычислительных подходов к языку в рамках когнитивной теории категоризации. Выдвигается гипотеза: если прототипическая структура категории отражается в распределении употребления слов, то она должна проявляться в структуре векторного семантического пространства. Для её проверки применяется сетевой анализ групп семантических ассоциатов в модели word2vec, предобученной на материале НКРЯ. Установлено, что структура векторного пространства демонстрирует системную организацию, соотносимую с уровнями категоризации. Для лексем всех уровней выявляются группы узлов, соответствующие соседним категориям того же уровня, что обеспечивает однородность ближайшего окружения; за счёт межуровневых связей ассоциаты устойчиво тяготеют к базовому уровню, отражая его привилегированный статус. Базовый и субординатный уровни в ВСМ оказываются слабо различимыми, что объясняется ограничением модели в работе с униграммами и преимущественным выражением субординатов через 2-граммы. Сильное влияние на структуру графа оказывает семантическое поле категории: разделение на подкатегории наглядно в сферах с функционально различимыми признаками и нивелируется при высокой взаимозаменяемости членов категории. Наблюдается демонстрация утраты и возникновения признаков на периферии при переходе между категориями. Полученные результаты подтверждают гипотезу и демонстрируют потенциал ВСМ для эмпирического исследования принципов категоризации.

Ключевые слова: word2vec, дистрибутивная семантика, теория прототипов, категоризация, сетевой анализ, семантические ассоциаты.

Введение. Компьютерная лингвистика достигла значительных результатов в автоматическом анализе языка, однако ее инструменты почти не используются для проверки теоретических гипотез об устройстве языка [Boleda 2020]. В когнитивной лингвистике при этом сформировалась традиция количественных корпусных исследований и существует запрос на переход от качественных психолингвистических экспериментов к количественным языковым моделям. Такой переход способны обеспечить векторные семантические модели (ВСМ), предоставляющие формализованный доступ

к дистрибутивной структуре языка, а в силу дистрибутивной гипотезы [Harris 1954] и к ее семантическому отражению.

Отсюда гипотеза: если прототипическая структура категории отражается в дистрибуции слов, она должна проявляться и в структуре векторного семантического пространства. Цель этой работы – систематическое сопоставление геометрии векторного пространства русского языка с прототипической структурой категорий в традиции Э. Рош [Rosch 1978]. Помимо градуальности структуры с прототипическим ядром и размытой периферией категории распределяются по трем уровням: суперординатному (*мебель*), базовому (*стул*) и субординатному (*табуретка*). В ВСМ все эти представления операционализируются.

Методология. Источник данных – модель word2vec, предобученная на основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [Савчук и др. 2024]: алгоритм CBOW, размерность 300, ширина окна 5; единица словаря – пара «лемма_POS» (*стул_NOUN*). Для каждой категории строится многоуровневый граф семантических ассоциатов: от целевой лексемы запрашивается $k = 7$ ближайших по косинусному расстоянию ассоциатов, процедура рекурсивно повторяется для каждого ассоциата до глубины 4, множество очищается (только существительные, без дубликатов). Ребро устанавливается при косинусной близости выше порога $\theta = 0{,}6$; сообщества выделяются алгоритмом Лувена [Blondel et al. 2008]. Графы описываются метриками: число узлов N, плотность D, число сообществ, модулярность Ньюмана Q [Newman 2006]. Категории отбирались по соответствию экспериментам Э. Рош, покрытию трёх функциональных сфер и выражению униграммой. Суперординатные – *мебель*, *животное*, *фрукт*; базовые – *стул*, *собака*, *яблоко*; субординатные – *табуретка*, *антоновка*, *лабрадор*.

Результаты. Суперординатный уровень. Граф от лексемы *фрукт* образует единую плотную сеть, в которой *фрукт* и *овощ* не вызывают устойчивого образа объекта и служат организующей рамкой для нижних уровней (ср. [Сериков и др. 2022]). Графы *мебель* и *животное*, напротив, разрежены и богаты сообществами: переход к нижним уровням идет через промежуточные латентные структуры, а таксономически интерпретируемые сообщества (например, «насекомые» с делением по признаку *летает – ползает*, «млекопитающие», «птицы») подтверждают предположение о разреженности уровня; *фрукт* отклоняется ввиду тесной связи с нижним уровнем.

Базовый уровень. Граф *яблоко* близок к сети *фрукт*, но теряет часть узлов и не включает суперординаты, что свидетельствует о высокой плот-

ности уровня. Граф *стул* плотен и формирует сообщества с яркой потерей и возникновением признаков «мебель для сидения», «мебель для лежания», «вне помещения» и «мебель для хранения». Граф *собака* подтверждает размытость границы базового и субординатного уровней для биологических таксонов [Tanaka, Taylor 1991]: породы входят прямо в окружение базовой лексемы, тогда как для артефактов субординаты остаются на периферии. Так, базовый уровень сильно зависит от семантического поля: *стул* соответствует ожиданиям, *собака* размывает границу с субординатами, *яблоко* замкнуто внутри уровня.

Субординатный уровень. Граф *антоновка* разнообразнее базового *яблоко* и связан с соседними категориями за счёт узкоспециализированных кулинарных и садоводческих контекстов. Граф *табуретка* почти идентичен *стул* (отличие – отсутствие признака «уличность»). Граф *лабрадор* воспроизводит сообщества графа *собака* и добавляет новое атрибутное сообщество «окрас», одновременно фиксируя связь и с базовым уровнем, и с атрибутными категориями, – наиболее показательный субординатный паттерн.

Выводы. Гипотеза о том, что прототипическая структура категории отражается в векторном семантическом пространстве, подтвердилась. Многоуровневый граф семантических ассоциатов выявил различия структур суперординатных, базовых и субординатных категорий, переходы между ними, утрату и возникновение признаков, а также зависимость категориальной структуры от функциональной сферы исходной лексемы.

Для лексем всех уровней характерно наличие в ближайшем окружении единиц того же уровня, обеспечивающих однородность категории (связь ко-гипонимии, обнаруженная в ВСМ в работе [Бонч-Осмоловская 2024]). Вместе с тем большинство ассоциатов тяготеет к базовому уровню, что соотносится с его привилегированным статусом как точки максимальной валидности признаков, преобладающей в дистрибуции и стягивающей на себя ассоциативное окружение смежных уровней.

Базовый и субординатный уровни в ВСМ оказываются слабо различимыми: пары *собака – лабрадор* и *стул – табуретка* дают почти идентичные сети с минимальными отличиями на периферии. Это объясняется свойствами модели: субординаты выражаются преимущественно 2-граммами (*кресло-качалка, охотничий пёс*), тогда как модель НКРЯ оперирует униграммами; в список ассоциатов попадают лишь те субординаты, что употребляются как отдельные лексемы. Дополнительный фактор – частотность: базовые лексемы преобладают в общем дискурсе, а субординаты характерны для узкоспециализированных источников [Taylor 2003].

Семантическое поле и сфера функционирования категории существенно влияют на структуру графа, количественно выражаясь через модулярность: лексемы растений образуют единую плотную сеть без явных подкатегорий, тогда как «насекомые» в графе *животное* чётко делятся по функционально значимому признаку *летает – ползает*. Модулярность в ВСМ возникает там, где семантическое поле обладает функционально различимыми признаками, и нивелируется при контекстуальной взаимозаменяемости членов категории. Наиболее наглядно утрату и возникновение признаков демонстрирует пара *стул – табуретка*: в окружении последовательно актуализируются и утрачиваются свойства «опора для спины», «функция лежания», «уличность» и «функция хранения», что становится возможным благодаря умеренной плотности графа и достаточному числу узлов-посредников.

Ограничения исследования связаны прежде всего с моделью word2vec (невозможность учёта разных n-грамм, усреднение контекстов многозначных слов, зависимость от обучающего материала) и с масштабом: девять категорий иллюстрируют теоретически ожидаемые паттерны, но ограничивают статистическую ценность выводов. Перспективы – переход к контекстуализированным моделям (BERT), сопоставление корпусов разного состава, автоматизация определения уровня категории и верификация результатов психолингвистическими методами.

Литература

Бонч-Осмоловская А. А. Дистрибутивные модели в проекции теоретических подходов лексической семантики (по данным НКРЯ) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 4. С. 200–242.

Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. Т. 2. С. 7–34.

Сериков О. А., Клышинский Э. С., Ганеева В. А. Визуальная интерпретация статического векторного пространства для текстов на русском языке // Scientific Visualization. 2022. Т. 14, № 4. С. 10–15.

Blondel V. D., Guillaume J.-L., Lambiotte R., Lefebvre E. Fast unfolding of communities in large networks // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment. 2008. Vol. 2008, No. 10. P. P10008.

Boleda G. Distributional semantics and linguistic theory // Annual Review of Linguistics. 2020. Vol. 6. P. 213–234.

Harris Z. S. Distributional structure // Word. 1954. Vol. 10 (2–3). P. 146–162.

Newman M. E.J. Modularity and community structure in networks // Proc. of the National Academy of Sciences. 2006. Vol. 103, No. 23. P. 8577–8582.

Rosch E. Principles of categorization // Cognition and Categorization / eds. E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.

Tanaka J. W., Taylor M. Object categories and expertise: Is the basic level in the eye of the beholder? // Cognitive Psychology. 1991. Vol. 23, No. 3. P. 457–482.

Taylor J. R. Linguistic Categorization. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2003.

K. A. Sidorov *(Moscow, Russia)*
National Research University Higher School of Economics

DISTRIBUTIONAL LANGUAGE MODELS AS A TOOL FOR INVESTIGATING PRINCIPLES OF CATEGORIZATION

Vector semantic models (VSMs) are widely used in computational linguistics, yet their application to theoretical frameworks of language structure remains limited. This paper aims to foster mutual enrichment between theoretical and computational approaches to language within the cognitive theory of categorization. We hypothesize that if the prototypical structure of a category is reflected in word-usage distribution, it should manifest in the structure of the vector semantic space. To test this, we apply network analysis of semantic associate clusters in a word2vec model pre-trained on the Russian National Corpus. The vector space exhibits a systematic organization corresponding to categorization levels. For lexemes at all levels, node clusters corresponding to neighboring same-level categories ensure the homogeneity of the immediate neighborhood; however, through cross-level connections, associates consistently gravitate toward the basic level, reflecting its privileged status. The basic and subordinate levels prove difficult to distinguish, owing to the model's limitation in handling unigrams and the predominant expression of subordinates via bigrams. The semantic field of a category strongly influences graph structure: subcategory separation is evident in domains with functionally distinguishable features and diminishes when category members are highly interchangeable across contexts. A further result is the demonstration of feature loss and emergence at the periphery during transitions between categories. The findings confirm the hypothesis and demonstrate the potential of VSMs for the empirical study of categorization principles.

Key words: word2vec, distributional semantics, prototype theory, categorization, network analysis, semantic associates.

О. В. Шадрина *(Долгопрудный, Россия)*
Московский физико-технический институт
(Национальный исследовательский университет)
shadrina.ov@mipt.ru

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ВЫЯВЛЕНИЮ МЕТАФОРИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[1]

В статье рассматривается корпусный подход к выявлению метафорически мотивированных терминов в англоязычном научном дискурсе искусственного интеллекта. Основное внимание уделяется гибридной методике, объединяющей автоматизированное извлечение терминов-кандидатов, анализ KWIC-контекстов, n-грамм, коллокационных профилей и адаптированных процедур MIP/MIPVU. Предлагаемый подход позволяет устанавливать исходные и целевые домены метафорического переноса, разграничивать терминологическую и дискурсивную метафору, а также выявлять продуктивные модели концептуализации специального знания в научной коммуникации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, терминология ИИ, метафорическая номинация, корпусный анализ, KWIC-контексты, коллокационный профиль, MIP/MIPVU.

Современная когнитивная лингвистика все чаще обращается к анализу тех областей профессиональной коммуникации, в которых языковые средства не только репрезентируют уже сформированное знание, но и участвуют в его конструировании. В этом отношении особый интерес представляет англоязычный научный дискурс искусственного интеллекта (ИИ), где новые понятия формируются особенно интенсивно и требуют оперативной терминологической фиксации. Терминология ИИ характеризуется высокой динамичностью и междисциплинарностью, что отражено в стандартизирующих документах по понятийному аппарату данной области [ISO/IEC 22989: 2022]. При этом в научном дискурсе ИИ регулярно используются метафорически мотивированные единицы типа *learning* (обучение), *training* (обучение модели), *attention* (внимание), *neural network* (нейронная сеть), что требует их системного описания и корпусной верификации [Rehak 2023].

[1]Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках дополнительного соглашения № 075–03–2026–305 от 16 января 2026 г. по проекту «Прикладные исследования по внедрению технологий искусственного интеллекта в высшее образование» (шифр научной темы: FSMG-2025–0086).

В лингвистических исследованиях метафора трактуется как многоаспектное явление, в котором взаимодействуют семантический, прагматический, когнитивный и дискурсивный уровни анализа [Калинин 2022]. Для данной работы ключевыми являются когнитивный и дискурсивный подходы, поскольку метафорически мотивированный термин одновременно отражает концептуальный перенос и закрепляется в профессиональной коммуникации через повторяемые контексты употребления. Если в традиционном терминоведении метафоричность могла восприниматься как периферийное явление, противоречащее требованиям точности и однозначности, то современные исследования позволяют рассматривать ее как один из механизмов формирования специального знания. В когнитивной теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора понимается как способ осмысления одной концептуальной области через другую [Lakoff, Johnson 1980]. В социокогнитивном терминоведении Р. Теммерман терминологические единицы трактуются как динамические и когнитивно мотивированные элементы специального знания [Temmerman 2000], а М. Т. Кабре подчеркивает их когнитивное, языковое и коммуникативное измерения [Cabré 1999]. Следовательно, терминологическая метафора может рассматриваться как единица, возникающая на пересечении концептуального переноса, языковой номинации и научного дискурса.

Цель настоящей статьи состоит в описании корпусной процедуры выявления метафорически мотивированных терминов в англоязычном научном дискурсе искусственного интеллекта. В отличие от иллюстративного анализа отдельных примеров, такой подход позволяет рассматривать метафорическую номинацию как повторяющееся, контекстуально верифицируемое и статистически наблюдаемое явление. Как отмечает А. Дейгнан, корпусные данные дают возможность анализировать метафору на материале реальных употреблений, выявляя ее частотность, коллокационные связи и лексико-грамматические паттерны [Deignan 2005]. Новизна описываемого подхода состоит в совмещении процедур автоматизированного извлечения терминов с метафорической идентификацией и последующей когнитивной интерпретацией исходных и целевых доменов.

Предлагаемая процедура включает шесть последовательных этапов.

1. Создается специализированный корпус англоязычных научных текстов по искусственному интеллекту. В него целесообразно включать рецензируемые научные статьи и материалы конференций, поскольку научный дискурс является средой порождения, уточнения и закрепления терминологических единиц [Cabré 1999; Temmerman 2000].

2. Из корпуса удаляются библиографические списки, метаданные, таблицы, формулы и другие шумовые единицы. Затем тексты переводятся

в формат, пригодный для анализа в корпусном менеджере, например AntConc или Sketch Engine. Основными инструментами первичного анализа выступают *Word List*, *Keyword List*, *N-grams*, *Clusters*, *KWIC* и *Collocates*.

3. Автоматизированное извлечение терминов-кандидатов проводится с использованием частотных списков, n-грамм, кластеров и лексико-грамматических шаблонов именных групп. Особое внимание уделяется многокомпонентным единицам, поскольку терминология ИИ в значительной степени представлена словосочетаниями типа *neural network* (нейронная сеть), *attention mechanism* (механизм внимания), *feature space* (пространство признаков). При отборе кандидатов учитываются параметры *termhood* (терминологичность) и *unithood* (устойчивость единицы).

4. Кандидаты проверяются через KWIC-контексты. Конкордансный анализ позволяет установить, выполняет ли единица терминологическую функцию, в каких типичных окружениях она встречается и каким образом раскрывается ее специальное значение. Например, для *attention mechanism* (механизм внимания) релевантны коллокаты *weights* (веса), *tokens* (токены), *sequence* (последовательность), *self-attention* (самовнимание); для *knowledge distillation* (дистилляция знаний) – *teacher model* (модель-учитель), *student model* (модель-ученик), *transfer* (передача).

5. Применяются адаптированные процедуры MIP и MIPVU, основанные на сопоставлении контекстуального значения языковой единицы с ее более базовым значением [Pragglejaz Group 2007; Steen et al. 2010]. Поскольку объектом анализа является терминологическая метафора, в процедуру включаются три критерия: терминологическая релевантность, наличие междоменного переноса и корпусная воспроизводимость единицы.

6. Определяется направление метафорического переноса. Например, в термине *neural network* (нейронная сеть) исходным доменом является нейробиология, а целевым – математическая модель обработки данных; в *attention mechanism* (механизм внимания) исходным доменом выступает когнитивная деятельность человека, а целевым – архитектура нейросетевой модели; в *knowledge distillation* (дистилляция знаний) исходный домен связан с технологическим процессом очистки и концентрации вещества, а целевой – с переносом знаний между моделями.

Для иллюстрации возможностей разработанной методики рассмотрим несколько продуктивных моделей метафоризации в терминологии ИИ.

Концептуальная модель ИСКУССТВЕННАЯ СИСТЕМА ЕСТЬ ОБУЧАЮЩИЙСЯ СУБЪЕКТ реализуется в единицах *agent* (агент), *machine learning* (машинное обучение), *reasoning* (рассуждение), *decision-making* (принятие решений). Термин *machine learning* (машинное обучение) соотносит вы-

числительную оптимизацию с человеческим обучением, а компонент *learning* (обучение) участвует в формировании ряда устойчивых номинаций: *deep learning* (глубокое обучение), *reinforcement learning* (обучение с подкреплением), *transfer learning* (перенос обучения), *learning rate* (скорость обучения).

Перцептивная проекция ОБРАБОТКА ДАННЫХ ЕСТЬ ВОСПРИЯТИЕ представлена терминами *computer vision* (компьютерное зрение), *visual recognition* (визуальное распознавание), *attention mechanism* (механизм внимания). В данном случае обработка данных осмысляется через зрение, распознавание и внимание.

Другой продуктивный тип переноса – ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЕСТЬ МОЗГ / НЕРВНАЯ СИСТЕМА – реализуется в терминах *neural network* (нейронная сеть), *artificial neuron* (искусственный нейрон), *activation* (активация), *layer* (слой). Термин *neural network* (нейронная сеть) возник по аналогии с биологическими нейронными сетями, хотя современные нейросетевые архитектуры являются математическими моделями и не воспроизводят мозг в биологическом смысле. Метафора нейронной сети структурирует целый фрагмент терминологии, включая *deep neural network* (глубокая нейронная сеть), *convolutional neural network* (сверточная нейронная сеть), *recurrent neural network* (рекуррентная нейронная сеть).

В области эволюционных вычислений действует схема ОПТИМИЗАЦИЯ ЕСТЬ ЭВОЛЮЦИЯ, представленная терминами *genetic algorithm* (генетический алгоритм), *mutation* (мутация), *crossover* (скрещивание), *selection* (отбор), *population* (популяция), *fitness function* (функция приспособленности).

Отдельного внимания заслуживает термин *hallucination* (галлюцинация), который в исследованиях больших языковых моделей обозначает генерацию недостоверного, но формально правдоподобного вывода и демонстрирует перенос из сферы когнитивных и психических состояний человека в область автоматической генерации текста.

Важным результатом корпусного подхода является возможность разграничить собственно терминологическую метафору и дискурсивную метафору. Единицы *neural network* (нейронная сеть), *attention mechanism* (механизм внимания), *knowledge distillation* (дистилляция знаний) обладают устойчивостью, воспроизводимостью и терминологической функцией. В то же время выражения типа *the model sees* (модель видит), *the system understands* (система понимает), *the network remembers* (сеть помнит) могут функционировать как дискурсивные метафорические предикаты, отражающие способы концептуализации ИИ, но не всегда имеющие статус самостоятельного термина. Поэтому при корпусной разметке необходимо фиксировать тип

единицы: термин, отглагольная терминологическая номинация, глагольный предикат или свободная метафорическая репрезентация.

Таким образом, корпусный подход позволяет выстроить воспроизводимую процедуру выявления метафорически мотивированных терминов ИИ. Он объединяет количественные и качественные методы: автоматизированное извлечение терминов-кандидатов, анализ частотности, n-грамм, KWIC-контекстов, коллокационных профилей, сопоставление базового и контекстуального значения, определение исходного и целевого доменов, а также экспертную верификацию. В дальнейшем такая методика может быть дополнена оценкой эффективности автоматизированного выявления через показатели precision (точность), recall (полнота) и F1-score (F1-мера).

Предложенная методика позволяет рассматривать метафорически мотивированные термины ИИ не как отдельные образные выражения, а как устойчивые единицы специальной номинации, закрепляющиеся в повторяемых контекстах научного дискурса. Тем самым корпусный подход обеспечивает переход от интуитивного отбора ярких примеров к воспроизводимому описанию терминологической метафоры.

Литература

Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: дис. … д-ра филол. наук. М., 2022.

Cabré M. T. Terminology: Theory, Methods and Applications. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999.

Deignan A. Metaphor and Corpus Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005.

ISO/IEC 22989:2022. Information technology – Artificial intelligence – Artificial intelligence concepts and terminology. Geneva: ISO, 2022.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22. No. 1. P. 1–39. DOI: 10.1080/10926480709336752.

Rehak R. The Language Labyrinth: Constructive Critique on the Terminology Used in the AI Discourse. 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2307.10292.

Steen G. J. et al. A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU / G. J. Steen, A. G. Dorst, J. B. Herrmann, A. A. Kaal, T. Krennmayr, T. Pasma. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010.

Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000.

O. V. Shadrina *(Dolgoprudny, Russia)*
Moscow Institute of Physics and Technology
(National Research University)

A CORPUS-BASED APPROACH TO IDENTIFYING METAPHORICALLY MOTIVATED TERMS IN ENGLISH ARTIFICIAL INTELLIGENCE DISCOURSE

The article examines a corpus-based approach to identifying metaphorically motivated terms in English scientific discourse on artificial intelligence. The focus is on a hybrid methodology combining automated extraction of term candidates, analysis of KWIC contexts, n-grams, collocational profiles and adapted MIP/MIPVU procedures. The proposed approach makes it possible to determine source and target domains of metaphorical transfer, distinguish terminological metaphor from discourse metaphor, and identify productive models of specialized knowledge conceptualization in scientific communication.

Key words: artificial intelligence, AI terminology, metaphorical nomination, corpus analysis, KWIC contexts, collocational profile, MIP/MIPVU.

О. А. Шершукова *(Москва, Россия)*
Дипломатическая академия МГИМО МИД России
okshera@yandex.ru

ЧТО ВЕК ЦИФРОВОЙ НАМ ГОТОВИТ: О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В статье идет речь о когнитивных механизмах, лежащих в основе грамматических изменений, в частности, опущение флексии множественного числа у составляющих именную группу. Автор рассматривает данное явление на материале континентального варианта португальского языка, используя примеры из португальской прессы, представленной на электронных ресурсах.

Ключевые слова: именная группа, существительные, артикль, прилагательные, местоимения, множественное число.

«Лицом к лицу лица не увидать» – этими поэтическими строками метафорически можно охарактеризовать изменения, происходящие на современном этапе в грамматической системе естественного языка. По мнению Т. Гивона, «как в онтогенезе, так и в филогенезе человеческой коммуникации грамматика является наиболее сложным компонентом, который возникает

и вступает в строй последним» [Гивон 2015: 111]. Поэтому не случайно, что грамматические изменения представляют интерес с позиций когнитивной лингвистики. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «если лексическая система изначально ориентирована на мир вокруг нас и описывает, как устроен окружающий мир, то грамматические средства ориентированы на структуру языка и на законы речевой коммуникации, т. е. описывают то, как устроен язык» [Болдырев 2021: 24]. Работая с португальской прессой, в частности с текстами различной тематики, представленными на страницах крупнейшей португальской газеты „Diário de Notícias", а также используя материалы газетного корпуса [/CETEMPublico/] на основе общенациональной португальской газеты „Público", который входит в Национальный корпус португальского языка [http://linguateca.pt/], мы обратили внимание на специфические ошибки или же опечатки в текстах электронных СМИ и в газетном корпусе, которые несмотря на незначительное количество таковых представляют интерес как с позиций их появления, так и отражают определенные тенденции в португальском языке. Отметим сразу же, что мы не рассматривали в качестве объекта анализа послестатейные комментарии, которые обычно характеризуются просторечными употреблениями и изобилуют неправильностями, в том числе и из-за работы электронного автокорректировщика, а анализировали только язык официальных авторских или редакционных текстов, что подразумевает авторский или редакторский контроль за правильностью письменной речи, тем самым исключая появление ошибок, неточностей или опечаток в письменной речи. Если же они все-таки появляются в текстах, то уже можно говорить о неких тенденциях в языке. Как справедливо отмечал А. М. Пешковский, для лингвиста в процессе изучения отдельных языковых фактов нет «ни "правильного", ни "неправильного" в языке», а «совершенно случайные обмолвки открывают иной раз глубокие просветы в области физиологии и психологии речи» [Пешковский 2010: 4–5]. Главное, что «свойственные лингвистической практике почти постоянные отклонения от грамматических норм языка терпимы в языковой коммуникации, если только гарантируется сохранение осмысленности языкового выражения» [Павилёнис 1983: 208].

Так, в португальском языке в письменной и устной кодифицированных формах речи для выражения значения множественности флексией множественного числа *-s* (вариант *-es*) оформляются существительные, артикли, местоимения, прилагательные, причастия, а также числительные (порядковые и некоторые количественные), т. е. множественное число существительного должно быть продублировано в именной группе несколько раз в одном линейном ряду: *Os seus primeiros artigos populares já foram publicados* / *Его первые значимые статьи уже опубликованы* (здесь и далее перевод наш – *О.Ш.*). В то же время, как

указывала Е. М. Вольф, в бразильском варианте португальского языка имеются незначительные грамматические особенности, проявляющиеся «главным образом в разговорной речи и просторечии», среди которых выделяются «падение мн. числа у существительных: *os rio(s)*», а также «неизменяемость прилагательного в именной группе» [Вольф 2001: 491], т. е. функцию передачи множественного числа у именных составляющих берет на себя определенный артикль. Данные грамматические явления в континентальном варианте португальского языка не были описаны ни португальскими, ни отечественными лингвистами, однако можно предположить, что данные употребления встречаются в разговорной речи, о чем свидетельствуют немногочисленные примеры диалоговой речи из современной португальской литературы не только для взрослых, но даже для детей школьного возраста: – *Ainda bem, gosto* ***das su****a* ***sentenças*** / К счастью, мне нравятся **ваши объяснения** (J. Saramago, A Caverna, 2000); *Quando ouviram* ***os noss****o* ***passos****, tiveram medo / Когда они услышали* ***наши шаги****, то испугались* (A. M. Magalhães, I. Alçada, Uma Aventura na Mina, 1985).

И конечно же, бóльший простор для анализа дают примеры из португальской прессы, представленной на электронных ресурсах за последнее десятилетие, когда мы с удивлением обнаружили факты отсутствия флексии множественного числа у существительных, прилагательных и детерминативов в именных группах, на чем остановимся подробнее. Л. И. Гришаева указывала на необходимость учитывать «нарушение языковых норм (особенно пунктуационных, орфографических, лексических, синтаксических, логических) в разных типах текста под влиянием разных факторов разнородной этиологии» [Гришаева 2024: 35]. На наш взгляд, выпадение флексии множественного числа обусловлено потребностью экономии языка, т. е. португальская разговорная речь пытается избежать избыточности флексий множественного числа у именных составляющих.

Опущение флексии множественного числа происходит у португальских существительных как в автономном употреблении, так и при наличии именных составляющих: ***Os cidad****ão estão a tentar garantir que têm planos de contingência…* (DN, 23/08/2022) / **Граждане** пытаются доказать, что готовы к взаимодействию; *…uma vila belga* ***com pouco mais de nove mil habitant****e* (DN, 20/07/2020) / …бельгийский городок с **немногим более девятью тысячами жителей**; *O presidente da Comissão Europeia recordou* ***as três cris****e que marcaram os seus dois mandatos* (DN, 21/10/2014) / Председатель Еврокомиссии напомнил **о трех кризисах**, которые случились в период его двух мандатов; *Donald Trump tem exigido que as decisões da organização não contrariem* ***as suas próprias linh****a* ***políticas*** (DN, 08/10/2019) / Дональд Трамп требует, чтобы действия организации не противоречили **его собственным политическим решениям**.

Флексия множественного числа может отсутствовать у числительных-существительных, которые употребляются в функции предложного определения числительного-существительного в функции вершины ИГ: *A estação das chuvas agrava os riscos de malnutrição para* ***dezenas de*** milhar ***de zairenses*** (/CETEMPublico/) / В период дождей **десятки тысяч жителей Заира** могут страдать от недоедания; Acolhimento dos chamados migrantes, que ***às centenas de*** milhar têm atravessado o Mediterrâneo (DN, 19/09/2015) / Предоставление убежища мигрантам, которые **сотнями тысяч** переправляются через Средиземное море. Ср. правильный вариант в другой публикации: *…ninguém sabe como lidar com* ***as centenas de*** milhares ***de pessoas*** *vindas de África ou do Médio Oriente* (DN, 07 /09/2015) / …никто не знает, что делать с **сотнями тысяч беженцев** из Африки и Ближнего Востока.

Однако более многочисленны случаи, когда флексия множественного числа отсутствует у именных составляющих, причем не только у одной, но может и у двух, находящихся внутри именной группы, при этом флексию множественного числа сохраняет существительное, являющееся вершиной именной группы (далее – ИГ). Так, флексия множественного числа может отсутствовать у артиклей: 1) ***Todos*** о ***anos*** *as queixas repetem-se* (DN, 29/10/2017) / **Все эти годы** жалобы повторяются; *O secretário-geral* ***d***а ***Nações Unidas****, António Guterres, defendeu hoje* (DN, 21 /01/2023) / Генсек **Организации Объединенных Наций** Антониу Гутерриш выступил сегодня; ***Eram*** *cerca* ***d***а ***16.30*** (DN, 17/04/2019) / Было около **16.30**; 2) у местоимений и прилагательных в качестве именных составляющих: *O resultado* ***dest***а ***eleições*** *confirma a vontade da maioria das pessoas portuguesas* (DN, 05/10/2015) Результат **этих выборов** подтверждает желание большинства португальцев; *Acredita que* ***os próxim***о ***cinco anos*** *não serão perdidos* (DN, 09/03/ 2016) / Он считает, что **ближайшие пять лет** не будут потеряны.

Отметим, что в некоторых текстах мы встречаем одновременно и правильное и неправильное употребление. Если неправильные употребления являются фактами разговорной речи, то в тексте цитируемые высказывания ставятся в кавычки, при этом иногда они выносятся даже в заголовок статьи, тем самым подчеркивая личностные характеристики говорящего и особенности его речи: *A presidência da União tem de ter uma relação correta com* ***todos os países****, com* ***tod***о ***os governo*** (DN, 09/05/2020) / Руководству Евросоюза нужно иметь корректные отношения **со всеми странами**, **со всеми правительствами**. Ср.: *Indemnizações às vítimas dos atentados vão chegar* ***aos 300 milhões de euros*** / Возмещение ущерба жертвам терактов будет доходить **до 300 миллионов евро** (заголовок статьи). „*O orçamento para a indemnização pode chegar* ***a 300 milh***ão ***de euros***”, *disse*

Christiane Taubira, numa entrevista publicada hoje no jornal (DN, 17/12/2015) / «Бюджетные выплаты по возмещению ущерба будут доходить до **300 миллионов евро**», заявил Кристиан Тобира в интервью, опубликованном сегодня в газете. „*Após 42 anos fora de Portugal, fico boquiaberto perante o nível* ***das nossas elites políti***ca“ / «Приехав в Португалию после 42-летнего отсутствия, я поражен уровнем **наших политических элит**» (заголовок статьи). *O ex-secretário-geral adjunto da ONU regressou a Portugal e deixa duas notas*: (…) *a forma como agem* ***as elites políticas*** (DN, 19/07/2021) / Бывший помощник генсека ООН возвратился в Португалию и высказал свое неудовольствие: (…) в частности, как действуют **политические элиты**.

Тем самым мы можем констатировать, что в разговорной речи континентального варианта португальского языка отмечается тенденция к опущению флексии множественного числа у именных составляющих ИГ, что свидетельствует об определенной тенденции движения португальского языка к аналитическому способу выражения категории числа в разговорной речи, столь характерному для французского языка. Благодаря электронным средствам массовой информации и вследствие отсутствия традиционной редакторской корректуры, которая убирает все языковые и речевые неправильности, данные случаи употребления становятся фактами и письменной речи.

Литература

Болдырев Н. Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22–34. DOI: 10.20916/1812–3228–2021–4–22–34

Вольф Е. М. Португальский язык // Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 462–492.

Гивон Т. Сложность и развитие // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 89–122

Гришаева Л. И. Интерпретация реальности в креолизованном медиатексте как проявление культурной идентичности носителей языка и культуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 33–48. DOI: 10.20916/1812–3228–2024–4–33–48

Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Национальный корпус португальского языка. URL: http://linguateca.pt/CETEMPublico/]

DN – Diário de Notícias. URL: www.dn.pt.

O. A. Shershukova *(Moscow, Russia)*
Diplomatic Academy of the MGIMO (University)

WHAT THE DIGITAL AGE HAS IN STORE FOR US: TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE PORTUGUESE LANGUAGE

The article explores the cognitive mechanisms underlying grammatical changes, in particular plural omission declines among the nominative group members. The author analyzes this phenomenon of the continental version of Portuguese, using examples from the Portuguese press, presented on electronic resources.

Key words: noun phrase, nouns, the article, adjectives, pronouns, the plural form.

И. В. Яковлева *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
irinadubrov@gmail.com

Т. А. Яковлева *(Москва, Россия)*
МИРЭА – Российский технологический университет
yakovleva.tamara73@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В КОНСТРУКЦИИ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ

Данная статья посвящена применению критерия хи-квадрат и алгоритма кластеризации k-means для исследования лексико-грамматических особенностей употребления глаголов речи в конструкции с прямой речью. В ходе исследования учитывался вид глагола и его позиция в предложении относительно прямой речи. Анализ данных НКРЯ проводился с помощью языка R. Применение критерия хи-квадрат показывает, что препозиция и постпозиция в конструкции с прямой речью тесно связана с видом глагола. Алгоритм кластеризации k-means выделяет внутри рассматриваемого массива данных три кластера глаголов, семантика которых отражает особенности категоризации и концептуализации в пределах исследуемого семантического поля глаголов речи.

Ключевые слова: глаголы речи, вид, прямая речь, хи-квадрат, алгоритм кластеризации k-means.

Лексико-семантическая группа глаголов речи весьма неоднородна. К собственно глаголам речи, имеющим центр и периферию [Кобозева 1985], примыкают глаголы других семантических зон (каузации перемещения, деформации, звука) [Yakovleva 2015], обнаруживающие способность в результате семантического перехода употребляться в характерных для глаголов речи конструкциях, в частности, с прямой речью [Яковлева 2019]. В данной статье исследуется один из аспектов лексико-семантических характеристик глаголов речи – употребление в конструкции с прямой речью.

(1) *Мишель пришел и сказал: «Будешь оберегать камеру, по дороге хватать и надевать пиджак и шляпу а на обратном пути снимать и отдавать ассистенту!»* (Джим Кэрри – изнутри и снаружи // «Экран и сцена», 2004.05.06).

(2) *А вот что есть у меня! – сказал Шерлок Холмс и предъявил профессору Мориарти улику* (А. К. Дойл).

Как показывают данные НКРЯ, для этой конструкции характерно использование как глаголов речи совершенного вида (СВ), так и несовершенного вида (НСВ) в прошедшем времени. В НКРЯ данные об употреблении глагола речи в конструкции с прямой речью подсчитываются отдельно для препозиции и постпозиции. Получаются четыре весьма объемных выборки, которые нецелесообразно обрабатывать вручную. С этой целью будут применяться некоторые методы анализа данных: критерий хи-квадрат и алгоритм кластеризации k-means.

Предварительная обработка данных включает объединение четырех датасетов (глаголы СВ и НСВ в прошедшем времени в препозиции и постпозиции). Результатом становится таблица формата Excel, содержащая 431 строку (431 глагол речи) и включающая информацию о виде, количестве вхождений в НКРЯ и IPM. Упрощенный аналог фрагмента датасета, включающий 5 самых частотных в конструкции с прямой речью глаголов, представлен в таблице 1.

Таблица 1. Объединенный датасет

лексема	**общее количество вхождений**	**IPM (общ.)**	**количество вхождений в препозиции**	**IPM в препозиции**	**количество вхождений в постпозиции**	**IPM в постпозиции**
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
сказать (СВ)	314075	806	89369	229	224706	576
спросить (СВ)	109218	280	22909	58,8	86309	221,6

Окончание таблицы 1

говорить (НСВ)	57271	147	21807	55,99	34464	91
ответить (СВ)	52467	134,7	14188	36,4	38279	98
отвечать (НСВ)	35447	91	6345	16,3	29102	74,7

Несложно увидеть, что в конструкции с прямой речью более частотными оказываются глаголы СВ, поскольку именно глаголы СВ в прошедшем времени описывают события и наиболее характерны для продвижения повествования. В частности, глагол СВ *спросить* в данной конструкции встречается чаще, чем в целом более частотный глагол общей семантики *говорить*. Глагол СВ *спросить*, является более частотным, чем глагол СВ *ответить*, в то же время глагол НСВ *спрашивать* не входит в первую пятерку и реже употребляется в данной конструкции, чем глагол НСВ *отвечать*. Это объясняется тем, что вопрос, как правило, короче ответа и чаще концептуализируется как событие, при этом ответ концептуализируется как процесс. Анализ того, насколько те или иные глаголы тяготеют к употреблению в препозиции и постпозиции, требует применения критерия хи-квадрат. Составим таблицу сопряженности.

Таблица 2. Хи-квадрат

Вид глагола	Количество вхождений в препозиции	Количество вхождений в постпозиции	Всего вхождений
СВ	176836 (25,5%)	516176 (74,5)	693012
НСВ	46421 (32,2)	97664 (67,8)	144085

Мы видим, что для глаголов как СВ, так и НСВ доминирует постпозиция. Тем не менее, глаголы НСВ все же несколько более толерантны к препозиции, чем глаголы СВ. С помощью критерия хи-квадрат определим, является ли подобное распределение статистически значимым. Выдвинем нулевую гипотезу о том, что данное распределение является случайным. Данная гипотеза опровергается, поскольку значение $p<2.26*10^{-16}$, что значительно меньше, чем стандартный порог в 0,05. Следовательно, вид глагола оказывается сопряженным с его позицией

относительно прямой речи. Таким образом, мы можем утверждать, что глаголы СВ больше притягиваются конструкцией с препозицией, чем глаголы НСВ.

Дальнейшее исследование лексико-грамматических особенностей употребления глаголов речи в конструкции с прямой речью требует применения алгоритма кластеризации k-means, разбивающего глаголы речи на три кластера. Следующий рисунок (Рис. 1) представляет собой визуализацию распределения глаголов по кластерам.

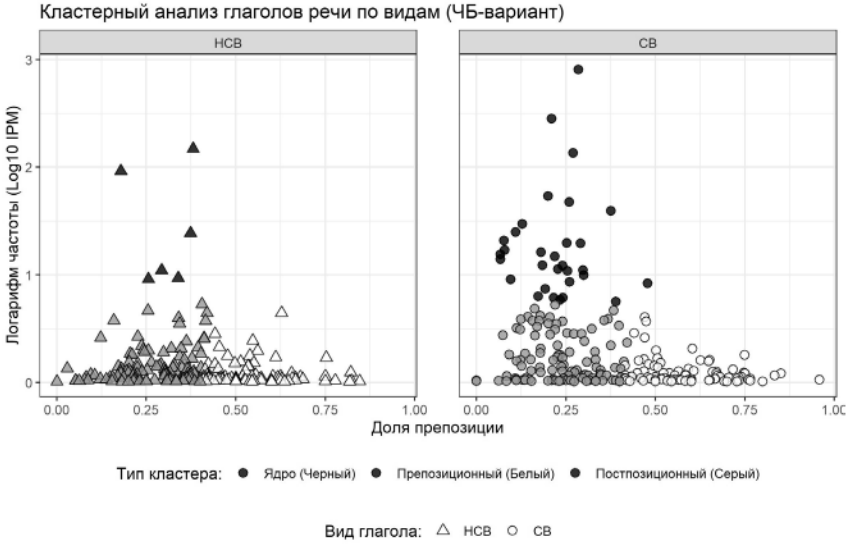

Рис. 1. Результаты кластеризации

Первый кластер представляет собой ядро, содержащее самые частотные в конструкции с прямой речью глаголы, тяготеющие к постпозиции (76,6% употреблений). Эта группа включает 31 глагол СВ (*сказать, спросить, ответить* и др.) и один глагол НСВ с самой широкой семантикой (*говорить*). При этом в конструкции с постпозицией фокус смещен на содержание речи.

Второй кластер значительно более толерантен к препозиции, средняя доля которой составляет 57%. Характерная черта глаголов данной группы – относительно низкая частотность в конструкции с прямой речью. Средний показатель относительной частотности IPM составляет всего 0,28. В отношении вида этот кластер демонстрирует на редкость равное разделение: 85

глаголов СВ (*приговаривать, называть* и др.) и 85 глаголов НСВ (*ахнуть, выпалить* и др.). В целом, состав данной группы неоднороден. Поскольку конструкция с препозицией подразумевает больший акцент на способе говорения, эмоциональном состоянии или самом факте речи, сюда попадают такие разные глаголы, как *утверждать*, делающий акцент на уверенности и настойчивости говорящего, так и глаголы, исторически перешедшие из других семантических зон (*выпалить*) и делающие акцент на особенностях произношения или эмоционального состояния.

В третий кластер попадают глаголы, выраженно тяготеющие к постпозиции (74,6% употреблений). От глаголов первого кластера они отличаются низкой частотностью в конструкции с прямой речью. Средний показатель относительной частотности IPM составляет 0,68. Это самая многочисленная группа, включающая 108 глаголов СВ (*заверить, процедить* и др.) и 115 глаголов НСВ (*уговаривать, звать, требовать* и др.). Третий кластер повторяет распределение наиболее частотных в данной конструкции глаголов, входящих в первый кластер. Следовательно, наиболее частотные глаголы в конструкции с прямой речью отражают ее лексико-семантические особенности и ограничения.

Таким образом, применение рассмотренных методов к языковому материалу позволяет выявить лексико-семантические ограничения конструкций с привлечением большого объема данных, а также изучить некоторые особенности категоризации и концептуализации в пределах исследуемого лексико-семантического поля.

Литература

Кобозева И. М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 95–103.

Яковлева И. В. Семантические переход в лексико-семантическое поле глаголов речи в русском языке: грамматические ограничения на метафоризацию. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 205–220.

Yakovleva I. V. The metaphor of caused motion in the air in the target domain of speech act verbs in Russian from a contrastive perspective. // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2015. P. 638–639.

I. V. Yakovleva *(Moscow, Russia)*
Moscow City University

T. A. Yakovleva *(Moscow, Russia)*
MIREA – Russian Technological Univercity

THE APPLICATION OF DATA ANALYSIS METHODS TO THE LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF SPEECH ACT VERBS IN THE DIRECT SPEECH CONSTRUCTION

This article investigates the semantic and grammatical constraints on the usage of speech act verbs in the direct speech construction by means of data analysis methods. Such methods include the chi-square test and k-means clustering algorithm. The study focuses on the aspect and the preposition or postposition in the direct speech construction. RNC data analysis was performed using R. The chi-square test shows the correlation of preposition and postposition with the aspect. K-means algorithm divides the speech act verbs into three clusters, which shows the main features of categorization in the semantic field under study.

Key words: speech act verbs, aspect, direct speech, chi-square test, k-means clustering.

ПРОЦЕССЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ И ЦИФРОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА

А. С. Абрамкина *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Abramkina.mos@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ДИСКУРСЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ LEAGUE OF LEGENDS

В статье предложен когнитивно-лингвокультурологический подход к описанию имен собственных в дискурсе массовой англоязычной онлайн-игры League of Legends. Для именования онимических единиц компьютерно-игрового дискурса используется термин *геймоним* (от англ. *game* «игра» и греч. *ὄνομα* «имя»). На материале четырнадцати регионов вымышленного мира Рунтерры выявлен механизм категоризации в искусственной номинации, при котором выбор языка-источника имени систематически коррелирует с культурным прототипом игрового региона и через него – с реальной культурой-донором. Показано, что разные языковые уровни выполняют дифференцированную функциональную нагрузку при кодировании социокультурного знания. Результаты расширяют когнитивно-дискурсивную теорию номинации Е. С. Кубряковой применительно к цифровой языковой среде.

Ключевые слова: геймоним, искусственная номинация, языковая категоризация, лингвокультурология, имя собственное, компьютерно-игровой дискурс, League of Legends.

Современное состояние когнитивной лингвистики делает актуальным обращение к новым типам ономастического материала, формирующимся в условиях цифровой среды. Массовые англоязычные онлайн-игры с многомиллионной аудиторией образуют корпуса имен собственных, принципиально отличающиеся и от естественной онимии, и от имен литературных персонажей классической традиции, и от пользовательских никнеймов. Онлайн-игра League of Legends с месячной аудиторией свыше 130 миллионов человек представляет в этом отношении показательный материал: ее ономастикон создается профессиональным коллективом нарративных

дизайнеров и охватывает имена 172 чемпионов, четырнадцати регионов вымышленного мира Рунтерры, организаций, артефактов и мифологических сущностей. Для описания онимических единиц такого типа в работе используется термин *геймоним* (от англ. *game* «игра» и греч. *ὄνομα* «имя») – имя собственное в компьютерно-игровом дискурсе, обозначающее персонажа, локацию, организацию или иной объект игрового мира.

Теоретическим основанием анализа выступает когнитивно-дискурсивная парадигма в традиции Е. С. Кубряковой. Согласно ее положениям, номинативная единица фиксирует определенную категорию познанного и потому должна рассматриваться по ее роли в когнитивных процессах [Кубрякова 2004: 321–322]. С позиций когнитивно-дискурсивного подхода выбор средств номинации определяется задачами как когниции, так и коммуникации, причем для каждой единицы он осуществляется из набора имеющихся альтернатив [Кубрякова 2004: 327–328]. В традиции искусственной номинации М. В. Голомидовой подобный выбор трактуется как целенаправленный номинативный акт, изначально ориентированный на адресата [Голомидова 1998: 27]. Сопряжение этих двух теоретических линий применительно к геймонимам цифровой среды позволяет рассматривать ономастикон League of Legends как когнитивно структурированную систему, в которой каждый акт номинации одновременно является актом категоризации мира.

Лингвокультурологическое измерение анализа задается положениями концепций С. Г. Тер-Минасовой о языке как способе фиксации и трансляции культурного знания [Тер-Минасова 2000: 28–34] и М. Л. Ковшовой о культурных кодах, объективируемых в языковых единицах [Ковшова 2012: 18–27]. Применительно к нашему материалу это означает, что геймоним функционирует как лингвокультурный знак, активирующий в сознании адресата определенный сегмент фонового знания о реальной культуре-доноре.

Анализ корпуса позволяет реконструировать устойчивый механизм категоризации: выбор языка-источника имени систематически коррелирует с культурным прототипом игрового региона, а через него – с реальной культурой-донором. Этот трехзвенный механизм (язык-источник → культурный прототип региона → реальная культура-донор) представляет собой особый случай категоризации, реализующейся в условиях цифровой языковой среды. Существенно, что разные языковые уровни выполняют здесь различную функциональную нагрузку.

В мире игры выделяются четырнадцать регионов, каждый из которых обладает уникальным ономастическим пространством. В нем и реализуется выявленный механизм категоризации, при этом языковые уровни в разных

регионах несут различную нагрузку. Рассмотрим четыре наиболее контрастных в этом отношении региона подробнее.

Демасия – регион с латинско-старофранцузским субстратом и культурным прототипом средневековой Западной Европы. Имя *Garen* восходит к древнегерманской основе *gar* «копье» с рыцарской семантикой; *Lux* представляет собой прозрачную для англоязычного носителя латинскую лексему «свет»; *Galio* – латино-итальянская основа со значением каменности; *Sona* апеллирует к лат. *sonus* «звук». Функционально-нагруженными здесь оказываются лексический и этимологический уровни: значение имени восстанавливается через корневую отсылку к языкам-источникам, и категоризация осуществляется в плане материально-лексическом.

Иония демонстрирует полиязыковую модель с восточноазиатским культурным прототипом. Имя *Yasuo* построено на японском фонетико-морфологическом материале (*yasu* «спокойный»); *Akali* отсылает к санскрито-индийской традиции; *Master Yi* содержит китайский элемент *yi*; *Karma* представляет собой санскритское понятие, ставшее интернациональным культурным концептом. Ведущим выступает морфолого-лексический уровень: значение имени восстанавливается через узнавание корневой морфемы конкретного восточноазиатского языка.

Регион Бездна реализует фоносемантическую модель кодирования инаковости. Имена *Vel'Koz*, *Cho'Gath*, *Kha'Zix*, *Rek'Sai* построены на гуттуральных согласных, обилии фрикативов и нехарактерном для английской фонотактики апострофном членении слова. Прозрачной этимологии эти имена не имеют и иметь не должны: культурный прототип здесь – хтоническая инфернальная инаковость, и категоризация осуществляется средствами не лексического, а фонетического уровня. Имя в этом случае выступает как иконический знак, репрезентирующий чуждость самой звуковой формой.

Таргон и Шурима реализуют прецедентную модель с античным и древнеегипетским культурными прототипами соответственно. Имена *Diana* (римская богиня луны), *Leona* (лат. «львица», солнечный аспект), *Pantheon* (греч. собрание богов), *Nasus*, *Renekton*, *Azir*, *Naafiri* функционируют здесь как прецедентные имена в традиции, заложенной Ю. Н. Карауловым: они апеллируют к хорошо известным широкому культурному окружению, фоновым знаниям и регулярно реинтерпретируются в дискурсе [Караулов 2007: 216–217]. Функционально нагруженным является этимологический уровень с обязательной активацией прецедентного знания у адресата [Леонович 2002: 14–22].

Сопоставление четырех описанных техник показывает, что геймонимия LoL представляет собой системно организованное ономастическое про-

странство, в котором действует механизм категоризации, дифференцированно распределяющий языковые средства разных уровней по культурным зонам. Этот результат позволяет рассматривать ономастикон массовой онлайн-игры как полноценный источник социокультурного знания, организованный по принципам, описанным когнитивно-дискурсивной теорией номинации Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1986: 32–48], но реализующимся в новой – цифровой – среде существования языка. Перспективой исследования является применение предложенной модели к ономастиконам других массовых онлайн-игр в сопоставительном плане.

Литература

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1998.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Леонович О. А. В мире английских имён. М.: АСТ: Астрель, 2002.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

***A. S. Abramkina** (Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE-LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF PROPER NAMES IN THE DISCOURSE OF THE ONLINE GAME LEAGUE OF LEGENDS

The paper offers a cognitive-linguocultural analysis of proper names in the discourse of the massively popular English-language online game League of Legends. The term *gameonym* (from English *game* and Greek *ὄνομα* „name") is used to designate proper names within computer-game discourse. Drawing on the material of the fourteen regions of the fictional world of Runeterra, the paper identifies a mechanism of categorization in artificial nomination whereby the choice of source language for the name systematically correlates with the cultural prototype of the game region and, through it, with a real culture-donor. Different language levels are shown to carry differentiated functional load

in encoding sociocultural knowledge. The findings extend E. S. Kubryakova's cognitive-discursive theory of nomination to the digital language environment.

Key words: gameonym, artificial nomination, categorization, linguoculturology, proper name, computer-game discourse, League of Legends.

В. Е. Анисимов *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации
anisimov.vladislav.95@mail.ru

Е. Д. Анисимова *(Москва, Россия)*
Независимый исследователь
kate.dk01@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВТОРИЧНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется способ создания вторичной (авторской) реальности в текстах сетевой литературы посредством трансформации прецедентных имен. На материале циклов произведений сетевой литературы жанра фэнтези выявлены особенности трансформации прецедентных имен и роль трансформированных прецедентных имен в комплексном создании вторичной (авторской) реальности произведения сетевой литературы с опорой на когнитивный механизм аналогии.

Ключевые слова: сетевая литература, вторичная реальность, прецедентное имя, оним, трансформированное прецедентное имя.

Сетевая литература представляет собой новый феномен, отличающийся своей многогранностью и совмещающий в себе черты художественного и интернет-дискурсов. Важной характеристикой художественных произведений, в том числе относящихся к сетевой литературе, становится создание их автором вторичной реальности, позволяющей погрузить читателя в мир произведения. Значимую роль в процессе создания вторичной реальности играют прецедентные имена (ПИ) – индивидуальные имена, связанные «или с широко известным текстом… или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 2003: 108]. Прецедентное имя относится исследователями к более широкому классу прецедентных феноменов, основными чертами которых являются:

известность всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; актуальность в когнитивном, эмоциональном и познавательном плане; наличие апелляций в речи представителей национально-лингвокультурного сообщества; понятность собеседнику-представителю того же лингвокультурного сообщества без дополнительного пояснения [Красных 1997]. В рамках лингвокогнитивного варианта прецедентное имя трактуется в качестве ономастического концепта – особой единицы знания об имени собственном, который «встраивается в концептуальную систему и помогает человеку выйти за границы его индивидуального опыта» [Щербак 2007: 41].

Основными методами исследования выступили корпусный и ономастический анализ текста. Материалом исследования послужили циклы произведений сетевой литературы, написанные в жанрах фэнтези на русском языке и опубликованные в русскоязычном сегменте сети Интернет на одном из ведущих сайтов сетевой литературы "Author Today": «На золотом крыльце» (автор Е. А. Капба), «Человек государев» (авторы А. «К» Горбов и М. Бачуринская), «Темный ведьмак» (авторы МеXXanik Гоблин, Каин), «Калибр личности» (автор Дж. Голд). Общий объем выборки составил 210 прецедентных имен.

Ключевой особенностью выявленных нами в анализируемых текстах сетевой литературы ПИ является их трансформация: речь идет именно о полноценной замене, преимущественно лексической, одного или двух элементов прецедентного имени, а не его употребления в денотативном или коннотативном [Гудков 2003] значениях. Трансформация прецедентных имен, с одной стороны, позволяет автору произведения осуществить отсылку к реальному прецедентному имени и, с другой стороны, сформировать образ нового (трансформированного) прецедентного имени (ТПИ) в сознании читателя с опорой на исходное прецедентное имя (ИПИ), существующее в действительности.

Многие из прецедентных имен, создаваемых авторами, опираются на относительно легко узнаваемые ИПИ, знакомые среднестатистическому читателю, который обладает достаточными фоновыми знаниями для их идентификации. Исходя из проанализированных текстов, можно утверждать, что основным способом трансформации прецедентного имени и создания ТПИ является лексическая замена (74%). Так, с точки зрения терминологического аппарата ономастики, среди ТПИ выявлены библионимы *505 градусов по Кельвину* (автором произведения при этом указан некий Рэй Дуглас), *Джейн Воздушница*, *Напевающие в кустарнике*, *Пятисотлетний капитан*, в которых легко узнаются романы «451 градус по Фаренгейту» Р. Бредбери, «Джейн Эйр» Ш. Бронте, «Поющие в терновнике» К. Маккалоу

и «Пятнадцатилетний капитан» Ж. Верна. При этом трансформации подвергается только один элемент ПИ, а аналогия с ИПИ достигается за счет различного рода сопоставлений: по принципу аналогии (в Международной системе единиц 505 градусов по Кельвину приблизительно соответствует 451 градусу по Фаренгейту; пятисотлетний – пятнадцатилетний), принципу доместикации (Эйр – Воздушница), синонимическому принципу (терновник – кустарник). Одновременно рассмотренные ТПИ выступают элементом лингвокреативности – творческой уникальности говорящего [Гридина 2018], воплощения креативных возможностей языковой системы и креативного процесса [Зыкова 2017] и, помимо моделирования вторичной реальности, создают комический эффект повествования. Упоминание аллюзий на существующие в объективной реальности феномены позволяет авторам обратиться к фоновым знаниям читателей и сформировать в их восприятии соответствующий образ.

Схожие трансформации наблюдаются в различных фильмонимах, являющихся частью ономастического пространства произведения сетевой литературы: киноленты вторичной реальности *Карты, полтины, саквояж* и *Тодер Свински – цирюльник с Флотской улицы*, отсылающие читателя к культовым фильмонимам-ИПИ «Карты, деньги, два ствола» (1998, реж. Г. Ричи) и «Суини Тодд, демон-парикмахер с Флит-стрит» (2007, реж. Т. Бёртон). В первом примере трансформации подвергается последняя часть ИПИ (ствол – саквояж), в то время как второе ТПИ подвергнуто процессу доместикации (цирюльник – парикмахер, флотская улица – Флит-стрит, Тодд – Тодер, Суини (англ. sween – «свинский») – Свински).

Трансформации также подвергаются различные урбанонимы и эргонимы, в частности, столицей России в цикле книг «Морозов» является город Снежинск, а комплекс небоскребов в его центре носит название *Снежинск-Град*, которое составлено по аналогии с ИПИ «Москва-Сити», при этом трансформации подвергаются обе части ИПИ, первая из которых происходит по принципу замещения названия столицы, а вторая подвергается доместикации (Сити – Град) на манер императорской России, поскольку сюжет произведения подразумевает альтернативное развитие истории государства. Изменения также наблюдаются в различных эргонимах: читатель легко узнает в ТПИ *кафе «Грустно и почки»* и *кафе «Вкусно точно»* сеть ресторанов быстрого питания «Вкусно и точка», в магазине *Перехрустье* – супермаркет «Перекресток», а в аптеке *Доктор Тысячелетов* – популярную в Москве сеть аптек «Доктор Столетов». Отметим, что упомянутые трансформации названий эргонимов осуществлены по созвучию с ТПИ, при этом в первом случае лексический состав ИПИ изменен полностью.

В качестве дополнительных ТПИ, участвующих в создании вторичной (авторской) реальности, отметим названия марок автомобилей *Шмыгули* (продукт автоконцерна *АвтоШаз*), *Мербедес* и *Киай*, содержащие легко идентифицируемые отсылки к популярным в России автомобилям «Жигули»/«Лада» (продукт компании «АвтоВаз»), «Мерседес» и «Киа», а также ТПИ *Танец маленьких цыплят* (ИПИ «Танец маленьких утят» – популярная в России, СССР и мире песня и соответствующий танец), образованных по принципу синонимической замены (фонетической или лексической) позволяют автору провести параллели между конструируемой им реальностью в произведении и окружающей читателя действительностью.

Большей смысловой нагрузкой в контексте формирования вторичной (авторской) реальности обладают ТПИ, демонстрирующие читателю существенные различия между действительностью и реальностью произведения. Так, артионим – картина *Иван IV Грозный венчает своего сына на царство* представляет собой трансформацию ИПИ – названия картины И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», которая имеет «разговорное» название «Иван Грозный убивает своего сына» [Неделько 2012], подчеркивая разницу между созданным автором миром и действительностью, знакомой читателю.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Конструирование вторичной реальности авторами проанализированных произведений сетевой литературы происходит за счет сопоставления реально-существующих прецедентных феноменов с новыми, создаваемыми по принципу аналогии и содержащими прямые отсылки к узнаваемым читателем исходным прецедентным феноменам. Особую роль в конструировании вторичной (авторской) реальности играют трансформированные прецедентные имена, отражая не только лингвистическое, но и культурное окружение в тексте. Конструируя объекты нереального (авторского) мира, ТПИ позволяют читателю провести аналогии с элементами и феноменами (в том числе личностями) реального мира, актуализируя фоновые знания адресата о нем (например, в рамках реконструкции образа персонажа). Ключевым способом трансформации прецедентных имен в текстах сетевой литературы является лексическая замена одного или нескольких элементов ПИ, а самому процессу трансформации подвергаются исходные ПИ, легко идентифицируемые читателем. Таким образом, ТПИ в текстах сетевой литературы фэнтезийного жанра обладает двойственной функцией, позволяя апеллировать к фоновым знаниям читателя посредством аллюзий на феномены реального мира и создавая «параллельную» вторичную (авторскую) реальность посредством изменения их компо-

нентов. Затрагивая различные сферы жизни, номинируемые онимами, которые окружают читателя в повседневной жизни, ТПИ способствуют комплексному созданию вторичной реальности, в которой существуют герои вымышленного мира.

Литература

Гридина Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2018. С. 11–39.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ. М.: Гнозис, 2017.

Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. № 2. С. 5–12.

Неделько Н. Ф. А был ли убит сын царя Ивана IV Грозного? // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2012. Т. 110, № 3. С. 107–112.

Щербак А. С. Концептосфера языка как ментальная основа формирования топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 40–45.

V. E. Anisimov *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

E. D. Anisimova *(Moscow, Russia)*
Independent researcher

TRANSFORMATION OF PRECEDENT NAMES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CATEGORY OF AUTHORIAL REALITY FORMATION: LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS

The article analyzes the method of creating an authorial (second) reality in web-literature texts through the transformation of precedent names. On the material from the series of web-literature works in the fantasy genre, the characteristics of the precedent names transformation and the role of transformed precedent names in complex creating a web-literature work's authorial (second) reality are revealed, relying on the cognitive mechanism of analogy.

Key words: web-literature, authorial reality, precedent name, onym, transformed precedent name.

Е. Е. Голубкова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет,
Финансовый университет при Правительстве РФ
katemg@yandex.ru

А. Г. Захарова *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
un_bello_gesto@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ COCA-COLA КАК КОГНИТИВНЫЙ ЭТАЛОН: МЕХАНИЗМЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Данная статья ставит своей целью проанализировать частотную лексико-грамматическую конструкцию с прецедентным именем Coca-Cola и выявить ценностные и семантические характеристики, проявляющиеся в различных англоязычных корпусных контекстах. Кроме того, необходимо уточнить статус названия бренда этого популярного напитка в рамках конструкции и обрисовать границы его функционирования.

Ключевые слова: лексико-грамматическая конструкция, прецедентное имя, прототип, эталон, проекция.

В данной статье мы снова обращаемся к отдельному примеру функционирования лексико-грамматической конструкции X [COP] [DET] Y(prec) [PREP] Z, являющейся актуальной и продуктивной моделью, относимой к примерам лингвистической креативности в современном англоязычном дискурсе [Бухарова 2025]. Изучение константного заполнителя слота Y, в виде прецедентного имени-названия (ПИ) бренда американского газированного напитка *Coca-Cola,* представляется достаточно актуальным в силу нескольких причин. Во-первых, требуется уточнить статус прецедентной номинации (то есть названия бренда) – эталон или прототип, во-вторых, интересно выяснить, основываясь на контексты, какой или какие дифференциальные признаки бренда становятся салиентными в позиции «камертонного» слота Y, наконец, установить, какие, аксиологические модели или своеобразное навязывание системы ценностей становятся универсальной рамкой, которую «надевают» на разные культурные контексты, воплощенные в конструкции X это *Coca-Cola* в мире Z.

Руководствуясь этими задачами и опираясь на Грамматику конструкций [Добровольский 2016], теорию прецедентности [Гудков 1999] и аттенцио-

нального сдвига [Ирисханова 2014], приступим к пошаговому рассмотрению данных проблем. Название всемирно известного бренда *Coca-Cola* является прямым указанием на его «исторический» состав (1886 год): листья коки (coca leaves) и орехи кола (kola nuts). Орехи кола богаты кофеином и также служат стимулятором, добавляя напитку бодрящие свойства. Аллитерация делает название более запоминающимся и узнаваемым. Знаменитый логотип в скорописном шрифте Спенсера, созданный Франком М. Робинсоном, бухгалтером и деловым партнером фармацевта-создателя напитка Джона Пембертона, используется до сих пор.

Установленный в диссертации А. А. Бухаровой сравнительно-описательный статус конструкции XYZ позволяет обсуждать вопросы о статусе прецедентной номинации в слоте Y: прототип vs. эталон (или парагон в терминологии М. Брдара) и о степени и характере его прецедентности. Приведем некоторые аргументы в пользу того, что *Coca-Cola* является скорее эталоном для сравнения, нежели прототипом газированного напитка (в исследуемой конструкции). Во-первых, *Coca-Cola* не стала типичным напитком сама по себе через «естественную» эмпирическую категоризацию. Бренд был сконструирован маркетингом как идеальный образец успеха. Мы сравниваем другие бренды с *Coca-Cola* не потому, что она «самая средняя» газировка, а потому, что она назначена «золотым стандартом». Далее, в конструкции «X это *Coca-Cola* в мире Z» имя бренда используется не для опознания продукта X, а для придания ему ценностного веса. Здесь работает не логика классификации («X – это вид газировки»), а логика аксиологического измерения («X так же успешен/масштабен/популярен, как *Coca-Cola*»). Таким образом, *Coca-Cola*– это «лингвистическая метрика» успеха.

В то время, как прототип формируется «снизу вверх»: допустим, мы видим много птиц и выводим образ прототипичной птицы, эталон навязывается дискурсом «сверху вниз». Прототип категории «напиток» может меняться (для кого-то это вода, для кого-то чай или кофе), но эталон доминирования *Coca-Cola* остается константой в языке (разве что соперничая с *Pepsi* в американской лингвокультуре). Возможность использования имени *Coca-Cola* в качестве переменной для описания абсолютно разных сфер (от артефактов до политики) доказывает его эталонный статус. Прототипы обычно «привязаны» к своей категории, а эталоны легко переходят границы категорий. Таким образом, *Coca-Cola* – это именно линейка, эталонный культурный код, которым измеряют качество объекта (X).

При рассмотрении *Coca-Cola* как прецедентного имени в слоте Y конструкции XYZ рассмотрим подробнее, какие когнитивные признаки ПИ

как эталона проецируются в конструкции. Отметим, что, как правило, они уточняются и разъясняются в контексте. Первую, самую частотную, опцию назовем проекцией «золотого стандарта». *Coca-Cola* в этих контекстах это эталон абсолютного лидерства, узнаваемости и массового успеха. В примере 1 лидер и законодатель моды в производстве кукол компания Pleasant (1985 год), получает самую высокую оценку эксперта, который отмечает качество и сравнительно невысокую стоимость серии кукол из фарфора:

(1) *... the Coca-Cola of upscale play-doll purveyors. Pleasant has sold more than three million of its 18-inch dolls since their debut in 1986* [COCA].

В примере 2 происходит наложение уже более дистантных доменов: производства напитка и психологии (речь о компании по психологическому консультированию, хотя имеются и бренды духов, и музыкальные альбомы с этим гендерно окрашенным названием):

(2) *You (Mars&Venus) are the Coca-Cola of psychology. Not everyone drinks Coke, though. But if you like Coke, you know what you are going to get* [COCA].

Второй достаточно распространенной проекцией становится проекция «глобализации и универсальности» (при этом признак высокого стандарта дефокусирован). Иными словами, *Coca-Cola* известна везде, от Нью-Йорка до глухой деревни, следовательно, в конструкции XYZ ПИ является универсальным кодом или объединяющим фактором для домена Z. Так, в примере 3 проводится сравнение *Coca-Cola* с Fidelity Magellan (1963 год), одним из самых известных и старейших паевых инвестиционных фондов (mutual funds). Фонд прославился в 1980-х годах под управлением легендарного инвестора Питера Линча. За 13 лет (до 1990 г.) он приносил феноменальные 29,2% среднегодовой доходности, что сделало его универсальным эталоном на Уолл-стрит. Многие инвесторы по-прежнему испытывают чувство эмоциональной привязанности и ностальгии к этому фонду.

(3) *Fidelity Magellan is the Coca-Cola of mutual funds. It has the name recognition, the marketing clout and the gargantuan size [COCA]*

Нельзя не упомянуть проекцию «американской идентичности или вестернизации», в которой ПИ становится практически символом. Отметим вслед за А. А. Бухаровой, что символичными можно назвать лишь некоторые прецедентные номинации в слоте Y – те, за которыми в социальной и языковой практике закрепился определенный фокусный признак. Символ будет близок по значению к статусу эталона [Бухарова 2025]. В такой интерпретации (4) из ПИ проецируется культурная экспансия, мягкая сила, определенный идеологический «вкус» американского/западного образа жизни, увы, лишенный глубокой интеллектуальной пищи (ср., sugar rush самого напитка).

(4) *Hollywood is the Coca-Cola of mass culture.*

Несмотря на попытки изменить рецепт напитка (провалившаяся попытка сделать более сладкий *New Coke* в 1985 году), бренд ассоциируется с постоянством. В ПИ фокусируется надежность, узнаваемость формы, проверенность временем, аутентичность. (ср., знаменитый слоган компании *Always the Real Thing*). Такую проекцию можно назвать проекцией «неизменной классики» (интересно, что здесь может работать и метафора узнаваемой формы, в силу того что форма бутылки также неизменна):

(5) *This classical suit is the Coca-Cola in men's fashion.*

Интересно, что точный рецепт классической *Coca-Cola* – это строго охраняемая коммерческая тайна. Оригинальный документ хранится в сейфе музея Coca-Cola в Атланте, а полный список ингредиентов известен лишь двум сотрудникам. Отсюда еще одна возможная проекция «секретной формулы / уникальности», которая может интерпретироваться как уникальное торговое предложение, тайна успеха или даже защищенность от копирования.

В зависимости от цели манипуляции проекция может менять знак с положительного на отрицательный. В приводимых ниже примерах *Coca-Cola* лишается признака «золотой стандарт» и наделяется признаком «мусорный стандарт» (“junk standard”). Эталон становится воплощением нездорового (пересыщенного сахаром) продукта (6), дешевого суррогата в красивой упаковке (7), конвейерности и отсутствия авторского начала (8).

(6) *Fruit juice is the Coca-Cola of the «health food» world.*

(7) *This candidate's platform is the Coca-Cola of politics: it's bubbly, sweet, and feels good for a second, but it has zero nutritional value for the country.*

(8) *The Marvel Cinematic Universe is the Coca-Cola of cinema.*

Таким образом, ПИ становится биполярным. В конструкции «X это *Coca-Cola* в мире Z» оно работает как зеркало, то есть отражает ценности автора высказывания. Прецедентное имя *Coca-Cola* прошло путь от товарного знака к универсальной метафоре доминирования, через которую возможны два полярных способа манипуляции. Условно говоря, позитивный способ метонимически связывает напиток с концептами «Эталон», «Оригинал», «Надежность», а также предлагает образец высокого стандарта и аутентичности объекта. Негативный способ манипуляции создает ложную когнитивную дихотомию: «*Coca-Cola* (истинное), а есть всё остальное (подделка)» или же фокусирует внимание на искусственном, вредном, непитательном характере напитка, а, значит, и на бессодержательности объекта в слоте X.

Литература

Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.

Бухарова А. А. Лингвокогнитивное моделирование семантики лексико-грамматических конструкций с прецедентными номинациями в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 2025.

Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. … д-ра филол. наук. М., 1999.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. Языки славянской культуры, 2014.

COCA. Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.english-corpora.org/coca/

E. E. Golubkova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University
Financial University under the Government of the Russian Federation

A. G. Zakharova *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

THE PRECEDENT NAME COCA-COLA AS A COGNITIVE STANDARD: MECHANISMS OF AXIOLOGICAL MODELING AND TRANSMISSION OF CULTURAL CODES

This article aims to analyze a frequent lexico-grammatical construction involving the precedent name *Coca-Cola* and identify the value and semantic characteristics manifested in various English-language corpora. Furthermore, it is necessary to clarify the status of the brand name of this popular beverage within the construction and outline the boundaries of its functioning.

Key words: lexico-grammatical construction, precedent name, prototype, standard, mapping.

О. А. Гусева, О. В. Щербань *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
gouseva_olga80@mail.ru, olga_vs80@mail.ru

КОНЦЕПТ *СКУКА* В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Статья посвящена анализу английских и русских устойчивых выражений, обозначающих и репрезентирующих концепт СКУКА с когнитивной и семантической точек зрения. Продемонстрированы общие и дифференциальные черты концепта в двух языках. Методы исследования включают семантический, дефиниционный и концептуальный анализ. Результат представлен в виде основных концептуальных характеристик устойчивых выражений, вербализующих концепт СКУКА.

Ключевые слова: концепт, эмоции, скука, вербализация, устойчивые выражения.

Распознание и познание эмоций является важной частью социальной когниции. Как лингвистическое, так и экстралингвистическое отражение эмоций имеет определенные различия в разных лингвокультурах и создает дополнительные сложности при межкультурной коммуникации. На когнитивном уровне изучение концептов, репрезентирующих эмоции, и их языковая реализация являются отдельной сферой интереса для когнитивных лингвистов, начиная с З. Ковечеша [Kövecses 1991], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992] и др. Существуют различные точки зрения на то, является ли концептуализация эмоций универсальной для всех языков, или же она, как и ее языковая репрезентация, обладает определенными специфическими чертами в разных языковых сообществах.

При изучении репрезентации эмоций на когнитивном и языковом уровнях в различных языках богатый материал для анализа представляют собой устойчивые выражения, зачастую содержащие в себе эмоциональный и оценочный компонент, а также различную историческую и культурную информацию. И. В. Зыкова указывает на глубинный уровень фразеологического значения [Зыкова 2015]. Глубинный уровень служит концептуальным основанием образа фразеологического знака и источником формирования поверхностного уровня значения фразеологической единицы. Во многом это справедливо и для более широкой категории устойчивых выражений.

Целью данной работы является рассмотрение и сравнение содержания концепта СКУКА в английском и русском языках с когнитивной и семантической точек зрения. Материалом исследования послужили английские и русские устойчивые выражения. В качестве источника материала были использованы русские и английские словари, а также корпуса русского и английского языков.

Концепт СКУКА сложнее, чем исследованные нами ранее концепты СМЕХ и ПЛАЧ [Вокруг смеха за шесть языков 2022; Крокодилы, кошки, … 2025]. Концепты СМЕХ и ПЛАЧ, фактически, являются обозначениями психофизических реакций, тогда как СКУКА относится к психоэмоциональным состояниям человека.

В одном из прошлых исследований [Гусева 2025] было выявлено неравномерное языковое представление концепта СКУКА в соответствующих ЛСП английского и русского языков. При наличии огромного количества разных синонимов в том и другом языке, ядро концепта репрезентировано в устойчивых выражениях русского языка словами «скука» (и его производными) и «тоска» (например, *скучать от безделья, скучища страшная, тоска зеленая*). В устойчивых выражениях английского языка ядро концепта репрезентировано словами *boredom* и его производными *(bored to death, as boring as beans)* и dull *(as dull as dishwater/ditchwater, all work and no play makes Jack a dull boy)*. Кроме того, данный концепт репрезентирован различными перифрастическими конструкциями, описывающими скуку или намекающими на нее и не содержащими данного ключевого слова, например, *мухи, дохнут, время тянется, хоть волком вой, like watching paint dry, climb the walls* и др.

Анализ языкового материала показывает, что и в русском, и в английском языках есть сходные выражения, указывающие на крайнюю степень проявления скуки, например, *умирать от скуки, скука смертная – die of boredom, bored to death; скучно до одури, сойти с ума от скуки – bored witless/stiff/silly, bored out of (one's) skull/mind/brains; скучно до слез – bored to tears.* Здесь проявляются такие характерные черты устойчивых выражений, как эмоциональность и гиперболизованность состояния. На когнитивном уровне можно сделать предположение, что как в русской, так и в английской языковой картине мира скука концептуально связана с отупением / лишением рассудка и смертью.

Русские выражения *зевать от скуки, скучно до зевоты, засыпать от скуки* и английские выражения и перифрастические конструкции *one long yawn, like a yawner, bored to sleep, a snorefest, like a sleeping pill, like a cure for insomnia, like counting sheep,* связанные с зевотой и сном, являются отражением «отелесненного» мышления. В одном из прошлых исследований [Щербань 2023] была показана важная роль первичных сенсомоторных метафор в формировании семантики устойчивых выражений. Сенсомоторный опыт является одним из действенных инструментов осмысления окружающего мира и человека в нем. Вышеуказанные языковые конструкции путем метонимического переноса указывают на

ассоциацию между эмоциональным состоянием человека и телесным выражением этого состояния.

В устойчивых выражениях скука часто концептуализуется как опасное живое существо, с которым трудно бороться. Так, в русском языке мы видим выражения *скука грызёт, одолевает; скука стоит, царствует; скучища страшная, отчаянная, дикая; прогнать скуку,* а в английском – выражения *crushing boredom, escape boredom, break boredom, combat boredom, be overtaken by boredom, stand/endure boredom* и др. Это живое существо опасно еще и тем, что толкает человека на необдуманные или бессмысленные поступки, что отражено в выражении *от скуки / out of boredom*.

Другой распространенный вариант концептуализации скуки – это болезнь, доставляющая страдания (*со скуки на стенку лезть; скучно, аж зубы сводит; скучно, хоть караул кричи; скучно, хоть в петлю лезь; мучительная скука; томиться от скуки; terminal boredom, chronic boredom, low boredom threshold*) и требующая лечения (*лекарство от скуки; relieve/alleviate boredom*).

В английском языке стоит отметить целый ряд выражений и перифрастических конструкций со значением «скучный», основанных на сравнении объекта с монотонными процессами, например: *like watching paint dry, like watching the clock, like a mind-numbing lecture*; и на сравнении объекта с банальным предметом, используемым в быту каждый день, например: *as boring as beans/cardboard box, as dull as dishwater/ditchwater, as thrilling as a blank wall.* На основании этих примеров можно сделать вывод, что скучный объект в англоязычной картине мира – это объект банальный, лишенный необычности, либо затянутый и однообразный процесс. В то же время русские перифрастические конструкции *мухи дохнут / мрут, хоть волком вой, хоть на стенку лезь* описывают состояние субъекта и подчеркивают безысходность и связь со смертью.

Интересный случай представляют собой перифрастические выражения *flat as a pancake* и *as flat as soda left open overnight.* Оба выражения используют игру на двух значениях слова flat – «неинтересный, не вызывающий эмоций или возбуждения» и «плоский» (в первом случае) или «выдохшийся, без газа» (во втором случае). Такая двойная актуализация прямого и переносного значения одного элемента устойчивого выражения создает яркий запоминающийся образ.

Подводя итоги, следует отметить, что как в русском, так и в английском языке широко представлены устойчивые выражения со значением «скука», указывающие на крайнюю степень эмоции. В обоих языках скука концептуализуется как лишение рассудка или смерть. Также в обоих языках прослежи-

вается ассоциация между данной эмоцией и ее телесным выражением. Скука часто репрезентируется как докучливое живое существо или как болезнь, требующая лечения. В английском языке скучный объект представляется как либо лишенный необычности, либо затянутый и однообразный. Таким образом, содержание концепта СКУКА, репрезентированного в русских и английских устойчивых выражениях, по большей части совпадает, но имеет и культурно-специфичные черты.

Социальное познание эмоций является неотъемлемой частью успешной межкультурной коммуникации. Обращение к всестороннему изучению эмоций, в т. ч. скуки на материале нескольких языков внесет вклад в развитие эмоциональных концептов и социальной когнитивистики в целом.

Литература

Вокруг смеха за шесть языков / О. А. Быкова, О. А. Гусева, Д. А. Демина [и др.]. М.: ООО «Издательство ТРИУМФ», 2022.

Гусева О. А. Вербализация концепта «скука» в английском и русском языках // Когнитивные исследования языка и дискурса. 2025. Вып. № 3 (64): Часть II. С. 346–350.

Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Крокодилы, кошки, молоко и питанги: как плачут на шести языках: коллективная монография / Быкова О. А., Грищева В. В., Гусева О. А. [и др.] М.: МГЛУ: Изд-во ТРИУМФ, 2025.

Щербань О. В. Перцептивные и сенсомоторные метафоры в семантической деривации английских фразеологизмов // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. Вторые Зиминские чтения: сборник материалов международной научно-практической конференции. М.: МПГУ, 2023. С. 78–86.

Kövecses Z. Happiness: A definitional effort // Metaphor and Symbolic Activity. 1991. 6(1). P. 29–46.

Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture. Oxford: Oxford University Press. 1992.

O. A. Guseva, O. V. Scherban *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE CONCEPT *BOREDOM* IN SET PHRASES

The article investigates English and Russian set phrases denoting and representing the concept of BOREDOM from the cognitive and semantic perspective. The aim of the

research is to reveal common and differential features of the concept in the two languages. Methods used in the work include semantic, definitional, and conceptual analysis. The result of the study is presented in the form of main conceptual characteristics of set phrases verbalizing "boredom" in both cultures.

Key words: concept, emotion, boredom, verbalisation, set phrases.

В. В. Корнева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет kornevavalentina@mail.ru

ТОПОНИМ СЛОВНО АЙСБЕРГ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются особенности функционирования топонимов в современном медиапространстве. Отмечается их распространенность в новостных сообщениях как средств вторичной номинации. Делаются выводы о корреляции между разрядом топонима, его известностью и когнитивных механизмах порождения в медиапространстве вторичных топонимических структур для профилирования разных вербально не выраженных сведений.

Ключевые слова: топоним, вторичная номинация, вторичные языковые структуры, когнитивная матрица, концептуальная деривация, медиапространство.

Среди многих запоминающихся образных сравнений, которые широко использовала Е. С. Кубрякова в своих научных публикациях, особое внимание привлекает сравнение многозначности слова с айсбергом. Это яркое сравнение стало основанием названия сначала статьи З. А. Харитончик, а затем и опубликованной ею вместе с учениками одноименной монографии «В глубинах семантического айсберга», которая, как пишут авторы, «посвящается нашим учителям» [Харитончик, Корбачева, Петракова 2025: 3]. Это лишь отдельные примеры того, сколь плодотворными для отечественной лингвистики оказались многие идеи, высказанные Е. С. Кубряковой. В частности, для нас принципиально важным является следующее утверждение Е. С. Кубряковой: «… тело знака (надводная часть айсберга) стоит взамен развернутой структуры знания и такой сложной концептуальной структуры (подводной части айсберга), которой человек оперирует с разными целями и потому «вытаскивает» разные значения из этой структуры и даже «смешивает» их» [Кубрякова 2007: 369–370]. Думается, что это утверждение вполне справедливо по отношению не только к именам нарицательным, но и к именам собственным, в том числе к топонимам – предмету нашего анализа.

Исследователи данного класса онимов неоднократно подчеркивали тот факт, что топонимы обладают богатым ассоциативным потенциалом. В когнитивной лингвистике географические названия трактуются как развернутые (многоаспектные) структуры знания. В частности, Н. Н. Болдырев указывает на то, что топоним в сознании человека предстает в виде особой структуры многоаспектного знания матричного типа. Согласно его интерпретации, когнитивная матрица – это «единая, вербально интегрированная концептуальная структура, единица многоаспектного знания, представленная в сознании человека одним словом, сложный тематический концепт, включающий знание и разных концептуальных областей, и разных омонимов или синонимов, и их отдельных значений» [Болдырев 2019: 92]. Ядром концептуальной матрицы топонима является сам топоним, а ее компонентами (ячейками) могут быть разные концептуальные области, среди которых автор называет территорию, историю, культуру, религию, диалект. Н. Н. Болдырев отмечает также интегративный характер компонентов когнитивной матрицы и в то же время их опциональность [Болдырев 2019: 92–94].

Это положение перекликается с более общим высказыванием Е. С. Кубряковой о функциональном потенциале языкового знака: «Знак может быть легко использован с разной степенью полноты представления связанной с ним структуры знания, и в этом смысле выполнять разные когнитивные функции в дискурсе» [Кубрякова 2007: 369–370].

Утверждения такого рода чрезвычайно важны для понимания семиотического потенциала топонимов, поскольку они широко используются в разных дискурсивных средах. Особенно частотны они в художественной литературе и в медийном пространстве. Их распространенность в медиапространстве объясняется прежде всего тем, что топонимы могут функционировать и как средство первичной номинации, и как средство вторичной номинации. Иными словами, топонимы способны отвечать не только на вопрос *где*, но и на другие ключевые вопросы новостных сообщений *что* или *кто*. Именно поэтому, согласно нашим данным, частотность употребления топонимов в качестве средств вторичной номинации даже выше, чем в качестве средств первичной номинации [Корнева 2023; Корнева, Разворотнева 2024]. В связи с этим анализ функционирования топонимов как средств вторичной номинации, активирующих определенные структуры знания в сознании реципиента, представляет особый интерес для медиалингвистики.

Прежде всего следует отметить несколько принципиальных положений, основанных на результатах наших исследований. Во-первых, возможностью функционирования в медиапространстве в качестве вторичных номинаций (вторичных языковых структур) обладают лишь некоторые разряды топони-

мов. Среди них преобладают названия стран (кратонимы), названия столиц (полисонимы), названия нестоличных городов (астионимы) и названия отдельных внутригородских объектов (урбанонимы). Во-вторых, эти и другие разряды топонимов способны образовывать вторичные языковые структуры только в том случае, когда они хорошо известны реципиентам и входят в их когнитивную базу. В противном случае они используются только как средство первичной номинации [Корнева, Разворотнева 2024; 2025]. В-третьих, наиболее известные топонимы переходят в разряд прецедентных онимов, функционирование которых имеет свои особенности.

Обращаясь к сравнению Е. С. Кубряковой значения слова с айсбергом, можно сказать, что надводной частью топонимического айсберга является тело знака – сам топоним, а подводной частью топонимического айсберга являются те смыслы как элементы структуры знания, которые активируются и соактивируются в сознании реципиента согласно целям и замыслу отправителя.

Рассмотрим, какие элементы знания могут репрезентировать вторичные топонимические структуры в современном медиапространстве.

Согласно полученным нами данным, названия стран (кратонимы) объективируют главным образом такие структуры знания, как «страна – актор международной политики» и «руководство страны»:

США *захотели передать активы Ирана союзникам в Персидском заливе* (lenta.ru 07.06.2026);

Германия *шокировала* ***Россию*** *отрицанием геноцида советских людей* (lenta.ru 25.05.2026);

Куба *решилась на один шаг из-за угрозы вторжения* ***США*** (lenta.ru 07.06.2026);

Таиланд *провел операцию под названием «Москва»* (lenta.ru 07.06.2026).

Примечательно, что общее понятие «руководство страны» может конкретизироваться в медиапространстве применительно к определенной сфере деятельности, в связи с чем можно выделить такие его разновидности, как:

а) вооруженные силы /руководство вооруженных сил:

Китай *объявил о начале специальной операции в восточных водах у Тайваня. Что послужило поводом*? (lenta.ru 07.06.2026);

США *заявили о перехвате двух иранских БПЛА* (lenta.ru 07.06.2026);

б) медицинские власти:

Таиланд *ввел режим медицинского мониторинга для прибывающих из ряда стран* (lenta.ru 22.05.2026);

США *решили лечить больных Эболой граждан в другой стране* (lenta.ru 27.05.2026);

в) судебные власти:

Франция *отказала россиянке в выходе из тюрьмы под судебный надзор* (lenta.ru 14.05.2026);

США *приготовились впервые за 50 лет казнить военных* (lenta.ru 07.06.2026).

Наряду с кратонимами весьма частотны в медиапространстве полисонимы, которые также репрезентируют руководство страны и страну как актора международной политики:

Британцы упрекают Москву, Пекин *и* Анкару *за «усугубление мирового дефицита» как раз в тот момент, когда крупные сельскохозяйственные регионы Северного полушария приближаются к весенней посевной кампании, а* Австралия *– к зимней* (lenta.ru 10.04.2026).

Отношения между Москвой *и* Ереваном *основаны на взаимном уважении, а также имеют прочную институциональную основу* (lenta.ru 07.06.2026).

Нередко в одном и том же медиасообщении руководство страны и страна как актор международной политики вербализуются разными разрядами топонимов – кратонимами и полисонимами:

Бухарест *обвинил в случившемся* ***Россию****, не предоставив при этом доказательств* (*lenta.ru* 29.05.2026).

Дипломат также повторил тезис, что ***Россия*** *не собирается нападать на Европу, поскольку* ***Москве*** *это «совершенно ни к чему»* (*lenta.ru* 04.06.2026).

Руководство страны или отдельных ведомств могут объективировать и урбанонимы:

Кремль *сообщил подробности о посетившем Киев российском бизнесмене* (*lenta.ru* 07.06.2026).

Удары ***Пентагона*** *направляет загадочный миллиардер. Он вырос среди нацистов, мечтает о возрождении рабства и готовится к концу света* (*lenta.ru* 02.06.2026).

Когнитивным механизмом формирования вторичных топонимических структур во всех рассмотренных нами случаях является концептуальная деривация метонимического типа (концептуальная метонимия), благодаря которой профилируются и активируются разные знания матричного типа. Все это доказывает не только интегративный характер компонентов когнитивной матрицы топонимов и их опциональность, но также и семантическое / семиотическое богатство этой структуры и вытекающую отсюда сложность интерпретации подводной части топонимического айсберга.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2019.

Корнева В. В. Когнитивные основания полифункциональности вторичных структур в испанском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 578–581.

Корнева В. В., Разворотнева И. Н. Особенности функционирования топонимов в заголовках медиатекстов международной тематики (на материале русского и испанского языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 55–60.

Корнева В. В., Разворотнева И. Н. Всякий ли топоним оним в медийном пространстве языка? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 2. С. 16–19.

Кубрякова Е. С. О реализации значений слова в дискурсе // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 367–370.

Харитончик З. А., Корбачева Т. В., Петракова Ю. А. В глубинах семантического айсберга. Минск: БГУИЯ, 2025.

V. V. Korneva *(Voronezh, Russia)*
Voronezh State University

THE TOPONYM AS AN ICEBERG IN THE MEDIA DISCOURSE

This article examines the functioning of toponyms in contemporary media discourse. It highlights their widespread use in news reports as a means of secondary nomination. The study identifies a correlation between the type of toponym, its degree of public recognition, and the cognitive mechanisms underlying the generation of secondary toponymic structures in the media discourse. These structures serve to profile various kinds of information that are not explicitly verbalized.

Key words: toponym, secondary nomination, secondary linguistic structures, cognitive matrix, conceptual derivation, media discourse.

А. Г. Минченков, Н. В. Мишакова *(Санкт-Петербург, Россия)*
ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет
a.minchenkov@spbu.ru
n.v.mishakova@spbu.ru

КОНЦЕПТ *NORM*: ВОЗМОЖНОСТИ КОРПУСНОГО И ТЕЗАУРУСНОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается понятие модусной оценочной категории и на основе данных англоязычного корпуса, тезаурусов и толковых словарей английского языка анализируется модусный концепт NORM. Выделяются номинирующие концепт единицы, описываются его основные характеристики, выделяются четыре ключевых содержательных признака – standard, average, tradition, precept, а также единицы английского языка, способные выражать эти признаки.

Ключевые слова: категория оценки, модусный концепт, норма, корпусный анализ, признак концепта, языковая репрезентация.

Как известно, большая часть выражаемого языком концептуального содержания представлена разнообразными концептами и категориями, репрезентирующими окружающий мир и являющимися результатом человеческого познания мира и взаимодействия с этим миром. При этом в языке присутствуют также концепты и категории, которые не имеют онтологической базы в окружающем мире, а формируются в ходе коммуникативной деятельности человека на основе его потребностей [Кобрина 2005]. Такие концепты и категории, обозначаемые как модусные [Болдырев 2017], обеспечивают возможность множественной интерпретации разнообразного концептуального содержания и являются актуальными для изучения.

Среди множества модусных категорий выделяются аксиологические или оценочные категории, в основе которых лежат оценочные концепты разной степени абстракции, определяющие их структуру. Одной из важных особенностей оценочных концептов является так называемый «парадокс оценки» [Арутюнова 1988]. С одной стороны, они, как было указано выше, независимы от внешнего мира, а, с другой стороны, характеризуются относительностью и содержательной неопределенностью, которые определяются зависимостью от тех репрезентирующих внешний мир концептов, на которые направлена оценка [Болдырев 2017]. Другая важная особенность оценочных концептов связана с тем, что оценка всегда предполагает сравнение с неким среднестатистическим стандартом, по отношению к которому дается оценочная квалификация объекта [Арутюнова 1988]. Важным элементом оценочной рамки, помимо объекта и субъекта оценки, является оценочная шкала, которая развертыва-

ется в двух направлениях – в сторону увеличения или уменьшения данного признака. Притом что шкала в целом обладает недискретностью, представляя собой континуум, в ней можно выделить несколько зон, «зону положительного и отрицательного, между которыми находится зона нормы» [Вольф 2002: 49]. Норма не означает отсутствие признака, она соотносится с тем отрезком шкалы, на котором помещаются стереотипные представления о выбранном объекте с соответствующим признаком [Там же: 54]. Представления о стереотипе создают психолингвистическую основу оценочных высказываний и обеспечивают взаимопонимание в рамках одной картины мира. Зона нормы, так же, как и вся шкала в целом, очевидно представляет собой некий континуум, включающий в себя различные степени близости к норме.

В отличие от объекта оценки, как оценочная шкала, так и стереотипные представления о норме обычно оказываются имплицитными. Однако язык при этом располагает вербальными средствами, указывающими на соответствие норме. Эти языковые единицы и их соотношения между собой представляют интерес для исследователя, причем как сами по себе, так и будучи способами репрезентации концепта в языке, как средства изучения концепта нормы применительно к тому или иному языку. В качестве объекта нашего исследования был выбран англоязычный концепт NORM и его языковая репрезентация. Исследование было проведено с использованием методов концептуального, корпусного и сравнительного анализа на основе данных языкового корпуса английского языка (BNC), тезаурусного словаря (Bloomsbury) и словаря синонимов английского языка (Oxford), а также нескольких толковых словарей (Collins). Отправной точкой исследования послужили данные корпуса и тезаурусного словаря, относящиеся к номинирующему концепт слову *norm*, а также единицам *normal*, *normality* и *normalcy*. В дальнейшем анализ данных тезауруса и содержащихся в корпусе вербальных контекстов употребления указанных единиц позволил выйти на другие единицы, способные актуализировать концепт NORM. В результате было выделено несколько ключевых признаков в структуре интересующего нас концепта и его существенные характеристики.

Первые два из выделенных признаков хорошо соотносятся с представлениями о норме как о некоем усредненном социальном стандарте. Речь идет, во-первых, о признаке *standard*, его присутствие в структуре концепта NORM означает, что последний репрезентирует некое мерило, в сравнении с которым производится оценка. Синонимами слова *norm* в концептуальном поле признака *standard* и, соответственно, возможными средствами объективации концепта NORM в контексте оказываются, в частности, слова *standard, criterion, yardstick, touchstone, benchmark, test, model, pattern, prototype*.

Второй важный признак в структуре анализируемого концепта – *average* – репрезентирует усредненный характер оценки и то, что оценка охватывает социум в целом или большую его часть. В словарях этот признак представлен такими словами как *averageness*, *generality*, *commonness*, *prevalence*, *universality*. Стоит отметить, что указанный признак репрезентирует также то, что соответствие норме предполагает, что объект оценки ничем не выделяется, ни в положительную, ни в отрицательную сторону. Последнее выражают, в частности, единицы *ordinariness*, *the ordinary*, *not special or different*.

Третий выделенный признак, характеризующий анализируемый концепт, может быть обозначен как *tradition*. Его присутствие в структуре концепта показывает, что норма в концептосфере английского языка – это то, что принято, сложилось, регулярно наблюдается, вошло в обычай. Сказанное иллюстрируют отмеченные нами слова-синонимы единиц *norm* и *normal*, в частности, *usual*, *typical*, *custom*, *convention*, *conventional*, *regular*, *common*, *accepted*, *habit*.

Еще один выделенный ключевой признак – *precept* – выявляет то, что норма в англоязычной концептосфере может иметь прескриптивный характер, это руководство к действию, то, что ожидается, чему нужно следовать в обществе или то, чему нужно соответствовать. В этой связи интересно отметить такие синонимы слова *norm* как *rule*, *guide*, *guideline*, *prescription*, *precept*. В определениях слова *norm* в словарях нередко встречаются такие выражающие долженствование единицы как *expected* и *required*. Кроме того, в определениях время от времени встречаются глагол *conform* и существительное *conformity*, указывающие на то, что прескриптивный характер нормы предполагает соответствие ей.

Концепт NORM обладает рядом характеристик. Во-первых и во-вторых, как следует из сказанного выше, он является модусным и оценочным. В-третьих, это социо-ориентированный концепт в силу социальной обусловленности стереотипа, хотя в случае с нормой степень социальной обусловленности, очевидно, может быть разной и охватывать большие или меньшие социальные группы, большинство или всех членов социума. Концепт является также ценностным, поскольку стереотипные представления об объектах окружающего мира отражают ценности соответствующего социума. Важно также отметить такую важную характеристику как неопределенность или относительность нормы, т.е. ее зависимость от конкретного объекта и ситуации, на который направлена оценка. Например, нормы, применяемые к поведению ребенка, едва ли могут быть применимы к поведению взрослого, а один и тот же тип поведения может считаться нормальным в одной ситуации и не считаться таковым в другой. Наконец, стоит упомянуть размытость

представлений о норме. Понятие нормы, будучи обусловлено усредненными стереотипными представлениями членов социума или социальной группы, не имеет четких границ и четко прописанных критериев. Более того, представления о норме могут меняться с течением времени.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить существенные характеристики англоязычного концепта NORM как важного компонента модусной категории оценки и описать его структуру. Концепт включает в себя четыре ключевых признака, взаимодействующих между собой, что проявляется, в частности, в том, что ряд единиц английского языка выражают несколько из этих признаков. Исследование также позволило выявить целый ряд единиц английского языка, способных объективировать анализируемый концепт путем выражения тех или иных признаков, составляющих его структуру.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2002.

Кобрина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. С. 77–94.

Bloomsbury – Bloomsbury Thesaurus. London: Bloomsbury Publishing Limited, 1993.

BNC – British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk

Collins – Collins English Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers, 1995.

Collins 2023 – Cobuild Advanced Learner's Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2023.

Oxford – Oxford Learner's Thesaurus. A Dictionary of Synonyms. Oxford: Oxford University Press, 2008.

A. G. Minchenkov, N. V. Mishakova *(Saint Petersburg, Russia)*
Saint Petersburg State University

CONCEPT *NORM*: POSSIBILITIES OF CORPUS AND THESAURUS ANALYSIS

The paper discusses the notion of the modus category of evaluation and, based on data from an English-language corpus, thesauri and monolingual dictionaries of the English language, explores the modus concept NORM. Lexemes nominating the concept

are identified and its main characteristics are described. The paper also identifies four key meaning components of the concept – standard, average, tradition, precept, and English lexemes capable of expressing these components.

Key words: category of evaluation, modus concept, norm, corpus analysis, meaning component, language representation.

А. В. Николаенко *(Рязань, Россия)*
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
anvitsa@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ À, EN)

Статья посвящена исследованию механизмов вербализации функциональности пространства как одного из ключевых аспектов когнитивной семантики, на материале пространственных предлогов *à* и *en* современного французского языка. Цель исследования заключается в выявлении языковых особенностей репрезентации функциональных отношений, выстраиваемых с помощью пространственных предложных единиц. **Актуальность** обусловлена антропоцентрическим поворотом в современной лингвистике, где интерес смещается от геометрического описания пространства к его функциональному, деятельностному осмыслению человеком.

Ключевые слова: французский язык, предлог, *à*, *en*, когнитивная семантика, функциональность, пространство.

Процесс изучения семантики пространственных предлогов опирается на опыт восприятия пространства и основывается на том, что интерпретация пространственных отношений, как правило, намного богаче, чем интерпретация, например, временны́х, инструментальных или других отношений, поскольку именно пространственные отношения отображают комплексную структуру физического мира, а также функциональные свойства материальных объектов.

Во второй половине XX века и начале XXI века семантика предложных единиц изучается с точки зрения таких подходов, как геометрический, топологический, функциональный и других, отвечающих основным принципам методов когнитивной лингвистики, согласно которой исследование выходит за рамки внутриязыковых явлений. На первый план исследователями вы-

двигаются экстралингвистические факторы, в том числе и при изучении семантики предлогов, и во внимание принимаются различные критерии, например, размер, форма, функциональность объектов, которые вступают в определенные отношения, в том числе и пространственные [Homma 2009; Leeman 1995; Vandeloise 1994 и др.].

Недостаточность геометрического и топологического подходов отмечается лингвистами в связи с тем, что выбор предложной единицы зависит не только от геометрических или топологических характеристик объекта, что способствует появлению нового подхода – функционального, или функционально-когнитивного. Сторонники данного подхода, например, Д. Лиман, Й. Омма и др. предлагают исследовать значение предлогов с точки зрения существующих между ними функциональных связей, под которыми следует понимать отношения взаимодействия между объектами в системе, а также вид отношений, при котором один объект использует функциональность и ресурсы другого объекта для достижения своей цели или выполнения операции [Bertalanffy 1968].

По мнению многих исследователей, функциональный подход является наиболее универсальным [Владимирский 1972; Селиверстова 1990; Vandeloise 1994 и др.]. В основе данного подхода лежит положение о том, что геометрические и топологические характеристики объектов являются прямым следствием функциональных отношениймежду ними. По мнению К. Ванделуаза, функциональные связи между объектами выстраиваются в том случае, если *объект2* выполняет определенную функцию относительно *объекта1* (например, шкаф – это место, предназначенное для хранения книги, или бокал – это контейнер для жидкости и т. д.) [Vandeloise 1994]. При этом с точки зрения функционального подхода в ходе изучения семантики предложных единиц геометрические и топологические характеристики уходят на второй план, и в центре внимания оказываются не форма или свойства объектов, а отношения между данными объектами, образующие функцию – взаимосвязь.

В данной статье под функциональными связями, вслед за Д. Лиман [Leeman 1995: 55–69] и Й. Омма [Homma 2009], мы понимаем пространственные отношения между объектом и пространством, при построении которых пространство, имеющее определенные функциональные свойства, наделяет этими свойствами объект, который расположен в данном пространстве.

Анализ языковых контекстов, описывающих ситуацию *статическая локализация объекта в пространстве*, с предлогами *à*, *en*, проводится на основе метода когнитивного моделирования, а также метода концептуально-контекстуального анализа. Проведенный анализ языкового материала по-

зволил выявить определенные когнитивные структуры, лежащие в основе семантики рассматриваемых предложных единиц. Так, в принятой иерархии когнитивных структур в качестве первой ступени была сформулирована пространственная когнитивная модель, соответствующая ситуации *статическая локализация объекта в пространстве,* а именно *нахождение объекта в пространстве,* в формировании которой участвуют предлоги *à*, *en*. При этом были отобраны только те примеры, где пространство, вербализуемое определенными лексемами, обозначает именно функциональное пространство, главной особенностью которого в соответствии с принятой иерархией когнитивных структур следует считать концептуальный признак *функциональность*. На следующей ступени в случае с предлогом *à* была сформулирована концептуальная схема *нахождение объекта в точке функциональной локализации*, которая имеет несколько вариантов и соответствующие концептуальные признаки [Николаенко 2024: 32–40]. Например,

(1) *Dans la formation des médecins, le stage* ***à l'hôpital*** *est une partie intégrante du cursus. – В подготовке врачей практика в больнице – неотъемлемая часть учебной программы* [Dictionnaire Reverso Context, URL],

где лексема *hôpital m* в сочетании с предлогом *à* и определенным артиклем обозначает пространство – *точку функциональной локализации*, в котором нахождение объекта – студента или выпускника медицинского университета связано с его студенческой или профессиональной деятельностью, имеющей отношение к медицине. Данная функциональная точка – *à l'hôpital* – обозначает типовое пространство, имеющее прототипические свойства, связанные с определенной типовой деятельностью, в данном случае с профессионально-общественной.

(2) *Vous êtes toute la journée* ***au téléphone*** *avec votre conjoint? Voici ce que cela dit de votre couple, selon un psy. – Вы целый день разговариваете по телефону со своим партнером? Вот что это говорит о вашей паре, по мнению психолога* [Doctissimo.fr, URL].

В примере (2) лексема *téléphone m* в сочетании с предлогом *à* и определенным артиклем – *au* – участвует в вербализации функционального пространства, а именно *точки функциональной локализации предмета.* В данном концептуальном варианте функциональность пространства обозначается функциональной точкой предмета – *téléphone m*, представляющего собой пространство как зону деятельности объекта, вербализованного в данном примере личным приглагольным местоимением *vous*. Нахождение объекта в данной области пространства обусловлено определенной деятельностью локализуемого объекта, связанной с функциональностью и прототипическими свойствами данного предмета.

(3) *Elle insiste toujours sur la bonne conduite* ***à table*** *devant les invités. – При гостях она всегда особенно настаивает на хорошем поведении за столом* [Dictionnaire Reverso Context, URL].

В данном примере (3) акцент ставится на прототипических свойствах *функциональной точки*, обозначаемой лексемой *table f*, которыми наделяется объект, вербализуемый в данном случае лексемой *conduite f*. На синтаксическом уровне эти функции выражаются таким членом предложения, как обстоятельство места. Лексема, вербализующая функциональную точку, употребляется без детерминатива и указывает на прототипическое свойство объекта, выступающего в данном случае в качестве функционального пространства – *à table – за столом во время еды*.

При изучении контекстов с предлогом *en* была сформулирована концептуальная схема *нахождение объекта в функциональном пространстве*, не имеющая вариантов. В данном случае предлог *en* участвует в вербализации пространственных отношений, локализуя объект в пространстве, которое переносит на данный объект свои специфические функциональные черты и представляет собой функциональное пространство именно для данного объекта, наделяя его определенным статусом. Например,

(4) *Il est un vrai désastre* ***en cuisine****, donc on commande généralement des plats à emporter. – Он полный профан в готовке, поэтому мы обычно заказываем еду на вынос* [Dictionnaire Reverso Context, URL].

В примере (4) лексема *cuisine f* в сочетании с предлогом *en* участвует в вербализации функционального типа пространства, а именно обозначает место, в котором предполагается профессиональная деятельность объекта, связанная с определенным местом его нахождения. Так, в выражении *Il est en cuisine* речь идет о приготовлении пищи на кухне, а не о местонахождении объекта. В данном примере (4) говорится об отсутствии подобных профессиональных навыков приготовления еды в данном функциональном пространстве.

Таким образом, *функциональность* в данном исследовании трактуется как когнитивная структура – концептуальный признак, выделяемый в концептуальном содержании схем, вербализуемых с помощью предлогов *à* и *en*. Особенность функционального пространства заключается в способности наделять находящийся в нем объект своими функциональными чертами. Этот концептуальный признак имеет разную специфику в зависимости от предлога. В схеме с предлогом *à* функциональность точки связана с ее прототипическими свойствами: в такой точке могут находиться только те объекты, нахождение которых обусловлено этими свойствами пространства или предмета. В схеме с предлогом *en* функциональное

пространство допускает неограниченное количество объектов, поскольку любой из них, попадая в эту среду, может приобрести ее функциональные характеристики. Исключение составляют случаи, когда лексема не способна вербализовать данное пространство как элемент концептуальной схемы, поскольку данное пространство не является для объекта подходящей функциональной средой.

Литература

Владимирский Е. Ю. Система предложно-падежных значений в современном русском литературном языке: дис. … канд. филол. наук. М., 1972.

Николаенко А. В. Семантика предлога à современного французского языка в когнитивном аспекте изучения (пространственный компонент значения) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 32–40.

Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания). М.: Наука, 1990.

Bertalanffy von L. General System theory: Foundations, Development, Applications. 1st ed. New York: George Braziller, Inc., 1968.

Dictionnaire Reverso Context. URL: https://context.reverso.net

Doctissimo. URL: https://www.doctissimo.fr

Homma Y. L'identité des prépositions dans leur variation: Approche énonciative de 'en', 'dans', 'pour' et 'par', Thèse de doctorat en Sciences du Langage, Université de Paris Ouest Nanterre La Défense, 2009.

Leeman D. Pourquoi peut-on dire Max est en colère mais non *Max est en peur? Hypothèses sur la construction être en N // Langue française. 1995. № 105. P. 55–69.

Vandeloise C. Methodology and Analyses of the Preposition // Cognitive Linguistics. 1994. Vol. 5. No 2. P. 157–184.

A. V. Nikolayenko *(Ryazan, Russia)*
Ryazan State University named for S. A. Yesenin

FEATURES OF VERBALIZATION OF FUNCTIONALITY IN MODERN FRENCH (ON THE EXAMPLE OF SPATIAL PREPOSITIONS À, EN)

The article is devoted to the study of the mechanisms of verbalization of the functionality of space as one of the key aspects of cognitive semantics, based on the material of the spatial prepositions à and en in modern French. The purpose of the study is to identify the linguistic features of the representation of functional relations that are built using spatial prepositional units. The relevance of the study is due to the anthropocentric

turn in modern linguistics, where the focus has shifted from the geometric description of space to its functional and active interpretation by humans.

Key words: French language, preposition, *à, en*, cognitive semantics, functionality, space.

Е. А. Огнева *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ogneva@bsuedu.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АТТРАКТОРЫ ЦИФРОВОЙ МАРШРУТИЗАЦИИ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ»

В статье впервые представлена специфика функционирования когнитивно-дискурсивных аттракторов в цифровой модели музея-заповедника «Прохоровское поле». Выявлены и впервые классифицированы интегративные векторы цифровой маршрутизации в модели музея-заповедника как статично-динамичного дискурсивного формата знания. Представлен авторский исследовательский алгоритм построения информативной модели цифровой маршрутизации среды музея-заповедника. Определена роль когнитивно-дискурсивных аттракторов в коммуникативной фокусировке при построении модели цифровой маршрутизации музея-заповедника «Прохоровское поле».

Ключевые слова: дискурсивная аттрактивность, когнитивно-дискурсивные аттракторы, лингвомаркеры музейной цифровой среды, лингвомодель музея-заповедника «Прохоровское поле.

Одним из актуальных вопросов современной когнитивной лингвистики предстает проблематика исследования проявлений дискурсивной аттрактивности посредством спектра когнитивно-дискурсивных аттракторов, под которыми предлагается понимать слова и словосочетания, фокусирующие внимание коммуникантов на актуализированные тематические слоты во фреймово-сценарной модели искусствоведческого дискурса, с учетом того, что «механизм взаимосвязи человеческого опыта и знаний с формируемыми смыслами в процессе дискурсивной деятельности остается малоизученным» [Болдырев, Дубровская 2016: 30].

В свете проводимого научного изыскания механизмов функционирования аттрактивности фреймово-сценарной модели искусствоведческого дискурса значимо мнение С. Л. Кушнерук о том, что «в киберсреде появляются и будут появляться все более сложные дискурсивные образования» [Кушнерук 2024: 301]. Одним из таких комплексных образований видится

формат цифровой маршрутизации в рамках модели искусствоведческого дискурса, в котором в последнее время прослеживается «изменение коммуникационного пространства, имеющее социокультурное и техническое измерения» [Загидуллина 2023: 133]».

Формат цифровой маршрутизации представляет собой антропоцентрично ориентированную статично-динамичную когнитивную модель, в которой может быть реализован как одновекторный, т.е. линейный маршрут, так и многовекторный, нелинейный маршрут.

В процессе когнитивного построения цифрового музейного маршрута значимы «когнитивные связи, сформировавшиеся между некоторыми смыслами» [Лату, Василенко, Миллер 2013: 770] в рамках историко-маркированного искусствоведческого дискурса, состоящего из дискурсивных конструктов, информативный код которых предстает «в виде совокупности производных информативного кода текстовых конструктов» [Огнева, Семченкова, Шептун 2025: 262], реализующих «возможность построения любого текстового мира» [Даниленко 2022: 183]. Текстовый мир в этом случае предстает основой цифрового дискурсивного мира, который может быть интерпретирован в соответствии со следующим авторским исследовательским алгоритмом построения цифровой маршрутизации музейной информативной среды, состоящим из пяти этапов:

1. Выбор музея для создания модели его цифровой маршрутизации.
2. Определение перечня интегративных векторов цифровой маршрутизации.
3. Выявление когнитивно-дискурсивных аттракторов в каждом из интегративных векторов цифровой маршрутизации.
4. Определение спектра лингвомаркеров, составляющих все когнитивно-дискурсивные аттракторы в цифровой маршрутизации исследуемой музейной среды.
5. Создание аттрактивной комплексной лингвомодели цифровой маршрутизации музейной информативной среды.

Данный исследовательский алгоритм был апробирован при построении цифровой маршрутизации информативной среды музея, посвященного третьему ратному полю России, Прохоровскому полю.

Исследование информативного кода при построении модели цифрового дискурсивного мира государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле» [URL] определило наличие ряда интегративных векторов цифровой маршрутизации в рамках статично-динамичного искусствоведческого дискурсивного формата знания, что позволило впервые представить их классификацию:

(1) мемориальный интегративный вектор,
(2) историко-технологический интегративный вектор,
(3) просветительский интегративный вектор.

Выявление данной триады интегративных векторов цифровой маршрутизации позволило сформировать комплексную информативную дискурсивную модель музея-заповедника «Прохоровское поле», в которой детальная интерпретация отдельно взятого интегративного вектора формирует линейный дискурсивный цифровой маршрут в то время, как интерпретация двух или трех интегративных векторов создает нелинейный дискурсивный цифровой маршрут.

Дальнейшее рассмотрение каждого из интегративных векторов установило наличие ряда следующих когнитивно-дискурсивных аттракторов:

1. Мемориальный интегративный вектор представляет собой совокупность таких когнитивно-дискурсивных аттракторов, как: «Памятник Победы – Звонница», музей «Третье Ратное поле России», музей «Битва за оружие Великой Победы».
2. Историко-технологический интегративный вектор состоит из двух когнитивно-дискурсивных аттракторов: музей «Бронетанковой техники» и «танкодром».
3. Просветительский интегративный вектор представлен библиотекой Н. И. Рыжкова, выставками и детским культурно-просветительским центром «Ай да город».

На следующем этапе применения исследовательского алгоритма построения цифровой маршрутизации музейной информативной среды рассматриваются лингвомаркеры музейной цифровой среды, составляющие интегративные когнитивно-дискурсивные аттракторы.

Например, установлено, что когнитивно-дискурсивный аттрактор «Памятник Победы – Звонница» состоит из следующих трех антропоцентрически-маркированных лингвомаркеров музейной цифровой среды: а) проксемный маркер, б) темпоральный маркер, в) искусствоведческий маркер.

Проксемный маркер *«расположен в двух километрах от окраины поселка, на высоте 252,2»* [URL] номинирует точку в пространстве, выверенную по горизонтальной и вертикальной пространственным осям, то есть по горизонтальной оси номинируется взаиморасположение Звонницы и поселка Прохоровка, по вертикальной пространственной оси указывается высота над уровнем моря, как это принято в географии при описании точки в пространстве.

Темпоральный маркер сопряжен с проксемным маркером *«где находился эпицентр Прохоровского танкового сражения»* [URL], поскольку указывается точка в пространстве *«эпицентр»,* которая сопряжена с милитарным лексическим таймером *«Прохоровское танковое сражение»*. Лексический таймер в этом случае отсылает к исторической дате 12 июля 1943 года.

Искусствоведческий маркер представляет собой единство субмаркеров, среди которых культурные реалии и религионимы. К примеру, *«над сферой возвышается семиметровая скульптура Покрова Пресвятой Богородицы»* [URL], *«в круглой части из белого мрамора сияют слова Священного писания «Больше сие любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»* [URL], *«у основания мраморного барабана расположен золоченый лавровый венок -символ немеркнущей славы всех павших за свое Отечество на этом поле»* [URL] и др.

Идентично проанализированы все когнитивно-дискурсивные аттракторы цифрового музейного маршрута, что позволило сформировать информативную модель цифровой маршрутизации среды музея-заповедника «Прохоровское поле» в следующем формате: информативная модель включает триаду интегративных векторов: (1) мемориальный интегративный вектор, (2) историко-технологический интегративный вектор, (3) просветительский интегративный вектор. Каждый вектор состоит из двух и более когнитивно-дискурсивных аттракторов, сформированных в качестве совокупности лингвомаркеров музейной цифровой среды.

Таким образом, представленный алгоритм построения информативной модели цифровой маршрутизации среды музея-заповедника «Прохоровское поле» определяет роль когнитивно-дискурсивных аттракторов в коммуникативной фокусировке искусствоведческого дискурса и в дальнейшем может быть экстраполирован на цифровой формат репрезентации материала иных музеев в свете аттрактивной трансформации любого из интегративных векторов модели с целью привлечения большего количества посетителей в процессе развития историко-маркированной страты лингвосоциума.

Литература

Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 29–39.

Даниленко И. А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом

аспектах. Материалы XI Международной научной конференции: в 2 ч. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. С. 183–186.

Загидуллина М. В. (2023). Социотехнические разрывы кризисных ситуаций // Динамика медиасистем. 2023. № 3 (1). С 130–136.

Кушнерук С. Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации // Медиалингвистика. 2024. Т. 11. № 3. С. 300–324.

Лату М. Н., Василенко А. Н., Миллер О. А. Когнитивные связи между концептами, репрезентирующими внутренний мир человека и явления окружающей среды // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 770.

Огнева Е. А., Семченкова И. В., Шептун Н. Н. Матричное картирование дискурсивных интерпретативных координат информативного кода на английском, французском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 1. С. 260–266.

Источник фактического материала:

Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле». URL: https://прохоровское-поле.рф/

E. A. Ogneva *(Belgorod, Russia)*
Belgorod State National Research University

COGNITIVE-DISCURSIVE ATTRACTORS OF DIGITAL ROUTING IN THE PROKHOROVSKOYE FIELD MUSEUM-RESERVE

The article presents for the first time the specific features of cognitive-discursive attractors functioning in the digital model of the Prokhorovskoye Field Museum-Reserve It is identified and classified for the first time the integrative vectors of digital routing in the model of the museum-reserve as a static-dynamic discursive format of knowledge. It is presented the author's research algorithm on forming an informative model of digital routing in the museum-reserve environment. The article defines the role of cognitive-discursive attractors in the communicative focus at the forming of the digital routing model of the Prokhorovskoye Field Museum-Reserve.

Key words: discursive attractiveness, cognitive-discursive attractors, linguistic markers of the museum digital environment, linguistic model of the Prokhorovskoye Field Museum-Reserve.

О. С. Орлова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
OrlovaOlgaS@list.ru

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ОНЛАЙН-СЛОВАРЕЙ)[1]

В статье на материале интерактивных онлайн-словарей, которые находятся в свободном доступе, описываются основные стратегии англо-русского и русско-английского перевода эвфемизмов, употребляющихся в онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: эвфемизм, интернет-коммуникация, стратегия перевода, онлайн-словари.

Под эвфемизмами понимаются «слова или выражения, употребляемые взамен других, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [СРЯ 1988: 746]. Эвфемизмы «участвуют в формализации негативного жизненного материала, учат снимать конфликтность и кризисность» [Ковшова 2019: 45] и являются культурно маркированными знаками, иллюстрирующими, как язык «играет роль «упаковки» знания в наречении отдельных фрагментов мира, а также в последствиях этого наречения – фиксации, хранении, дальнейшей передаче знания об отдельных «составляющих» мира» [Кубрякова 2004: 44]. Ср.: *between jobs* вместо *unemployed*, *определённого возраста* вместо *старый*, *person of size* вместо *fat*, *покинуть это мир* вместо *умереть* и др.

Эвфемизация предполагает «частичное или полное выведение из фокуса внимания (дефокусирование) негативной оценки объекта, осуществляемое по ходу переконструирования его образа и создания его более „приятной“ или более диффузной „картинки“» [Ирисханова 2014: 164]. Эвфемизмы – знаки непрямой номинации, использующиеся для смягчения и вуалирования, созданные на основе определенных конституирующих признаков, которые выходят на первый план в результате дефокусирования, и «упаковываются» в культурно маркированные образы. Ср.: эвфемизм *conscious uncoupling*, который в англоязычной культуре употребляется вместо *divorce* или *break up*, получивший распространение после того, как известная пара публично объявила о разводе, назвав его *conscious uncoupling* по рекомендации своего консультанта, и восходящий к работам психотерапевта Кэтрин Вудворт

[1] Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025–0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ

Томас, разработавшей концепцию осознанного расставания, описанную в книге „Conscious Uncoupling: 5 Steps to Living Happily Even After". В эвфемизме *conscious uncoupling* фокус переносится с юридического прекращения отношений и разрыва, как правило сопровождающегося конфликтом, на осознанный процесс изменения отношений между супругами или партнерами. Конституирующим признаком выступает изменение статуса отношений, которое «упаковывается» в привычный для англоязычной культуры образ. Широкое распространение эвфемизмов и их культурная детерминированность, осложняющая процесс их восприятия представителями других культур, указывает на актуальность исследования особенностей перевода эвфемизмов с позиций когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находятся вопросы соотношения языка, сознания и культуры. В рамках данного исследования рассмотрим, какие стратегии перевода эвфемизмов предлагают общедоступные онлайн-словари, получившие наиболее широкое распространение: Мультитран, Lingvo, Reverso Context и WooordHunt.

Современные онлайн-словари отражают три основных стратегии, которые применяются при переводе эвфемизмов.

Первая стратегия заключается в замене эвфемизма при переводе на прямую номинацию объекта кодирования – деэвфемизации. При деэвфемизации в фокус внимания возвращается негативная коннотация, связанная с исходной номинацией. При переводе на другой язык происходит процесс обратный тому, который наблюдается при создании эвфемизма. Такая стратегия реализуется посредством применения в переводе конкретизации. Ср.: *Aunt Flo – менструальный период, менструация* [multitran.com], *go to the bathroom – сходить в туалет* [context.reverso.net]; *в костюме Адама – stark naked* [multitran.com], *зелёный змий – demon alcohol* [multitran.com] и др. Данная стратегия представляется неудачной, поскольку противоречит основной функции эвфемизмов – смягчению речи и вуалированию негативной коннотации или табуированной сущности объекта кодирования.

Вторая стратегия представляет собой сохранение при переводе непрямой номинации объекта кодирования, в основе которой лежит дефокусирование, и воспроизведение в языке перевода культурно маркированного образа языка оригинала. Данная стратегия предполагает совпадение тактики в кодировании денотата в единицах языка оригинала и языка перевода. В результате перевода создается слово или выражение с теми же конституирующими признаками, что и единица языка оригинала, которое обладает эвфемистическим потенциалом и может пополнить состав эвфемизмов языка перевода. Такая стратегия реализуется с помощью формальных лексических трансформаций. Ср.: *LGBT community – ЛГБТ-сообщество* [context.reverso.

net], *женщина с пониженной социальной ответственностью – low social responsibility woman* [multitran.com] и др. Данная стратегия представляется более удачной, чем предыдущая, поскольку способствует сохранению основной функции эвфемизмов, однако не всегда является успешной, так как может вызвать недопонимание у получателя перевода, и не всегда оправдана, поскольку в ряде случаев в языке перевода уже имеются эвфемизмы на данную тему.

Третья стратегия заключается в замене эвфемизма языка оригинала близким по значению эвфемизмом, существующим в языке перевода. Ср.: *dearly departed – безвременно ушедший* [multitran.com], *интимные отношения – intimate relations* [lingvolive.com] и др. При этом тактики в кодировании денотата в единицах языка оригинала и языка перевода могут быть, как схожими, так и различными, конституирующие признаки эвфемизмов могут совпадать или не совпадать, а палитра культурно детерминированных образов, в которые «одеваются» конституирующие признаки, варьируется. Ср.: *depart this life – уйти из жизни* [multitran.com] и *покинуть этот мир, скончаться, приказать долго жить* [multitran.com], *отправиться в мир иной* [context.reverso.net], *оставить этот бренный мир* [wooordhunt.ru]; *в интересном положении – in the delicate / interesting condition* [wooordhunt.ru] и *expecting, in the pudding club* [multitran.com], *in the family way* [wooordhunt.ru] и др. В рамках данной стратегии перевод осуществляется посредством калькирования (*mature years – зрелые годы* [multitran.com]; *вредные привычки – unhealthy habits* [multitran.com]), генерализации (*administrative assistant – помощник* [multitran.com]; *финансовые ограничения – financial issues* [multitran.com]), модуляции (*be six feet under – уйти из жизни* [multitran.com]; *уйти в мир иной – shuffle off this mortal coil* [multitran.com]), грамматической замены (*nature calls – зов природы* [context.reverso.net]; *в возрасте – mature* [multitran.com]) и экспликации (*funeral home – бюро ритуальных услуг* [multitran.com]; *лица с ОВЗ – people with disabilities* [context.reverso.net]), иногда с элементами конкретизации (*person of color – лицо с иным цветом кожи* [multitran.com]). Данная стратегия представляется наиболее удачной, однако при условии, что тактики в кодировании денотата и конституирующие признаки в единицах языка оригинала и языка перевода совпадают, а культурно детерминированные образы, в которые они «упаковываются», схожи по восприятию в культурах носителей языка оригинала и языка перевода.

Таким образом, общедоступные онлайн-словари фиксируют варианты перевода эвфемизмов, в основе которых лежат три основные стратегии. Проведенный анализ показывает, что конкретный онлайн-словарь не отдает

предпочтение той или иной стратегии, а предлагает переводчику спектр возможных решений. Выбор между этими стратегиями требует от переводчика не только языковой компетенции, но и понимания когнитивных механизмов, лежащих в основе эвфемизации, и учета культурных особенностей носителей языка оригинала и языка перевода.

Литература

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С-Я. 1988.

multitran.com URL: https://www.multitran.com/

context.reverso.net URL: https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/

lingvolive.com URL: https://www.lingvolive.com/en-us

wooordhunt.ru URL: https://wooordhunt.ru/

O. S. Orlova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

BASIC TRANSLATION STRATEGIES FOR EUPHEMISMS (AS APPLIED TO INTERACTIVE ONLINE DICTIONARIES)

The article deals with basic translation strategies for euphemisms in online communication, as applied to interactive online dictionaries with free access. The research is based on the translation of euphemisms from English into Russian and from Russian into English.

Key words: euphemism, internet-communication, translation strategy, online dictionaries.

Ю. В. Овсейчик *(Минск, Беларусь)*
Белорусский государственный университет иностранных языков
ovsei77@rambler.ru

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СИСТЕМЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СРЕДСТВ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ

Анализируются когнитивно-семантические сдвиги в системе периферийных средств сочинительной связи французского языка. Демонстрируется, что механизмы метафоры и метонимии выступают первичным импульсом эволюции единиц рассматриваемого участка синтаксической подсистемы. Отсутствие прямой корреляции между типами сдвигов и динамикой конъюнктивного потенциала периферийных средств сочинительной связи французского языка подтверждает многофакторность грамматикализации.

Ключевые слова: единицы сочинения, когнитивные механизмы, грамматикализация, семантика, французский язык.

Эволюция служебных слов остается одной из сложных проблем диахронической лингвистики. Традиционные подходы исторической грамматики французского языка, рассматривающие развитие системы средств сочинительной связи как линейный процесс, ограниченный набором наследуемых из латыни единиц и развитием собственных потенций в поздние периоды, оказываются недостаточными для объяснения многообразия семантических трансформаций транскатегориальных слов и выражений (наречий *alors*, *pourtant*; предложных оборотов *par conséquent*, инфинитивных конструкций *c'est-à-dire*; причастных форм *partant* и др. – всего 50 единиц), которые, сохраняя в той или иной степени исходные категориальные признаки, в ходе исторического развития приобретают способность оформлять логико-семантические отношения между компонентами высказывания на пропозициональном уровне. В работе такие единицы классифицируются как периферийные единицы сочинения [Овсейчик 2023].

Семантическая эволюция рассматриваемого функционального класса слов во французском языке подчиняется универсальным когнитивным принципам, в основе которых лежит проекция знаний из конкретных, телесно-ориентированных сфер (пространство, время, физическое действие) в абстрактные логико-семантические отношения [Sweetser 1990; Лакофф, Джонсон 2004; Johnson 2007 и др.]. Эта трансформация, ведущую роль в которой играют когнитивные механизмы метафоры и метонимии, сопровождается семантическим ослаблением, расширяющим функциональную

гибкость языковых единиц. Исследование направлено на выявление основных когнитивно-семантических сдвигов транскатегориальных единиц при переходе от исходного значения к реляционному во французском языке. В основе исследования лежит метод диахронических семантических карт [Рахилина, Кузнецова, Толдова 2016; Georgakopoulos, Polis 2021]. Для установления исходных значений и траекторий семантического развития привлекаются электронные лексикографические ресурсы [DAF; DMF; TLF], а также данные корпуса [FR].

Метафорический сдвиг как проекция структуры из одной концептуальной области в другую на основе сходства включает следующие типы.

Пространство → Время → Аддитивность. Так, единица *ensuite* (от лат. *sequi* ‘следовать за’), изначально описывающая физическое следование одного объекта или лица за другим в пространстве, в соответствии с когнитивной моделью ВРЕМЯ КАК ПУТЬ начинает выражать временную последовательность в XIV–XV вв. и к XVII в. закрепляется как нарративный маркер перечисления: *Il y a deux mémoires: l’une, l’effet de l’habitude et de l’organisation… l’autre, la mémoire des faits. **Ensuite**, il y a un troisième genre de mémoire, la mémoire des invectives…* ‘Существует два вида памяти: одна – следствие привычки и организации… другая – память о фактах. *Далее* (*затем*), существует и третий вид памяти – память об оскорблениях…’ (D. Diderot, 1774).

Пространство → Аддитивность. Значение ‘из другого места, в другом месте’ через концептуальную смежность развивается в значение ‘из другого источника’ и одновременно физическое пространство переосмысливается как ментальное пространство аргументации, что приводит к новому значению ‘кроме того, более того’. Ср.: *Et vinrent **d’ailleurs** gens d’armes…* ‘И прибыли *из других мест* вооруженные люди…’ (J. Froissart, 1400); *Je ne me mesle ny d’astrologie, ny de judiciaire, … et me suis tousjours defendu de la sorcellerie et visions… **d’ailleurs** je n’ay point esté sans commerce des magiciens* ‘Я не занимаюсь ни астрологией, ни ворожбой… и всегда остерегался колдовства и видений…, *хотя, с другой стороны*, вовсе не чуждался общения с магами’ (M. de Montaigne, 1580); *Le nez de Cléopâtre: s’il eût été plus court, toute la face de la terre aurait changé. …**D’ailleurs**, les effets ne sont pas proportionnables aux causes* ‘Нос Клеопатры: будь он чуть короче, изменился бы облик всей земли. … *Более того*, следствия несоразмерны своим причинам’ (Bl. Pascal, 1670).

Время → Следствие. Единица *alors* проходит трансформационный путь от указания на момент времени ‘в тот час, в то время’ через нарративное следствие ‘и тогда, и потому’ к логическому оператору ‘следовательно, таким

образом': *…et pour ce que nos raisonnements ne sont jamais si évidents ni si accomplis pendant le sommeil que pendant la veille,* ***alors*** *mon esprit s'apercevra assez, qu'il ne doit point du tout se laisser persuader* '…и поскольку наши рассуждения никогда не бывают столь ясны и совершенны во сне, сколь наяву, *то* мой разум с очевидностью заключит, что ему вовсе не должно поддаваться никакому убеждению' (R. Descartes, 1637).

Физическое действие → Противопоставление. Например, семантический сдвиг единицы *au contraire* от пространственного значения 'направление к противоположному' к значению интеллектуального опровержения 'напротив, наоборот': *La vérité, ce n'est point ce qui se démontre.* ***Au contraire****, c'est ce qui simplifie* 'Истина – это вовсе не то, что доказуемо. *Напротив*, это то, что упрощает' (A. de Saint-Exupéry, 1939).

Все обстоятельства → Уступка. Значение 'при всех обстоятельствах' развивается в 'несмотря ни на что' через включение обстоятельств, противоречащих ожиданиям: *Et je, qui* ***toutefoiz*** *l'amoie…* 'А я, который *постоянно* ее любил…' (G. de Machaut, 1361); *Le gain de nos batailles doit être attribué à la bonté de nos chefs, la perte à leur malheur;* ***toutefois*** *il y a de l'injustice à s'en plaindre* 'Успех в наших сражениях должно приписывать доблести наших полководцев, поражение – их злому року; *но при всем том* роптать на это несправедливо' (M. de Montaigne, 1580).

Метонимические сдвиги как замещение одного концепта другим на основе смежности сводимы к следующим типам.

Причина → Следствие. Оборот *c'est pourquoi* от придаточного причины редуцируется до маркера следствия. Ср.: *Ço sent Rollant que la mort li est pres,* ***Par quei*** *son caple desment effaitement* 'Чувствует Роланд, что смерть близка к нему, *и потому* свой обет он исполняет сполна' (La Chanson de Rolland); *Il a menti.* ***C'est pourquoi*** *je ne lui fais plus confiance* 'Он солгал. *Поэтому* я ему больше не доверяю' (M. Borie, 2021).

Факт → Обоснование. Единица *de fait* 'в силу того, что произошло' поступательно в ряде контекстов приобретает значение логического обоснования 'потому что'. Ср.: *Se li sires est* ***de fait*** *saisiz…* Если сеньор *фактически* вступил во владение…' (Les Établissements de Saint Louis, 1273); *Jeanne est réveillée un matin par les gendarmes qui lui apprennent que son époux vient d'être transporté à l'hôpital.* ***De fait*** *il a frôlé la mort: la scie est passée à deux doigts de la carotide, lui laissant une blessure profonde au creux de l'épaule* 'Утром Жанну разбудили жандармы и сообщили, что ее мужа только что доставили в больницу. *Потому что* он был на грани смерти: пила прошла в двух пальцах от сонной артерии, оставив ему глубокую рану в области ключицы' (M. Winock, 2003).

Материальный излишек → Аддитивность. Например: *Giton a le teint frais, le visage plein et les joues pendantes, l'œil fixe et assuré, les épaules larges… il est grave dans sa marche… Il parle avec confiance;* ***au surplus****, ignorant* 'Житон обладает свежим цветом лица, ликом полным и щеками отвислыми, взором неподвижным и уверенным, широкими плечами… Поступь его величава… Говорит он самоуверенно; *вдобавок* (*к тому же*), невежда' (J. de La Bruyère, 1688).

Цель знания → Уточнение. Процесс получения знания переосмысливается как инструмент точного определения того, что следует знать: *...et leur bailla certaines enseignes,* ***à savoir*** *un anneau et une lettre* '...и вручил им опознавательные знаки, *а именно* кольцо и письмо' (J. Froissart, 1400); *Il y a trois espèces de gouvernements:* ***à savoir*** *le républicain, le monarchique et le despotique* 'Существует три вида правления, *а именно*: республиканское, монархическое и деспотическое' (Ch. L. de Montesquieu, 1748).

Образ действия → Результат. Ср.: *Si se delibera qu'il yroit vers le saint homme pour l'assaillir de son fait, et* ***ainsi*** *le fist* 'И он вознамерился пойти к святому мужу, дабы обвинить его в своем проступке, он *так и* поступил' (Ch. de Pizan, 1404); *L'homme n'est qu'un roseau, le plus faible de la nature; mais c'est un roseau pensant…* ***Ainsi****, toute notre dignité consiste dans la pensée* 'Человек – всего лишь тростник, слабейший из творений природы; но это тростник мыслящий… *Таким образом (итак)*, все наше достоинство заключается в способности мыслить' (Bl. Pascal, 1670).

Истинность → Аддитивность. Суть метонимического переноса единицы *voire* основана на смежности понятий абсолютная истинность → максимальная степень выраженности: констатация истины 'истинно, воистину, по правде' → аддитивное усиление 'более того' → градационное уточнение 'даже, а то и, вернее'. Ср.: ***Voire****! dist Guenes, mar le disse Rollant!* '*Воистину*! – молвил Ганелон, пусть плохо придется Роланду за это!' (La Chanson de Rolland); *...et non seulement en cet arbre, mais* ***voire*** *en la mer,* ***voire*** *en l'air,* ***voire*** *en la terre* '…и не только на этом дереве, но *и даже* в море, *и даже* в воздухе, *и даже* на земле (Fr. Rabelais, 1534).

Сопоставление выделенных сдвигов с установленными ранее типами семантических траекторий периферийных единиц сочинения (специализация, расширение, транспозиция) и динамикой конъюнктивного потенциала (однонаправленные прогрессивные и регрессивные, с флуктуационными пиками и без существенных флуктуаций) не обнаруживает прямой корреляции. Один и тот же когнитивный механизм может приводить к разным семантическим изменениям и сопровождаться различной частотной динамикой. Это подтверждает многофакторность перехода транскатегориальных единиц в раз-

ряд связующих, в котором когнитивные механизмы выступают первичным импульсом, а реализация сдвига зависит от синтаксических, дискурсивных и системных факторов, типологизация которых на этом участке синтаксической подсистемы составляет отдельную исследовательскую задачу.

Литература

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Овсейчик Ю. В. Система единиц сочинения французского языка в диахронии. Минск: МГЛУ, 2023.

Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л., Толдова С. Ю. Семантические карты: диахронический аспект. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2016». М.: Изд-во РГГУ, 2016. № 15. С. 362–374.

Georgakopoulos T., Polis, S. Lexical diachronic semantic maps: Mapping the evolution of time related lexemes // Journal of Historical Linguistics. 2021. № 11(3). P. 367–420.

Johnson M. The meaning of the body: Aesthetics of human under-standing. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2007.

Sweetser E. From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure / E. Sweetser. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

DAF – Dictionnaire de L'Académie française. URL: https://www.dictionnaire-academie.fr/

DMF – Dictionnaire du Moyen Français. URL: http://www.atilf.fr/dmf

FR – Frantext. URL: http://www.frantext.fr.

TLF – Trésor de la Langue Française informatisé. URL: http://atilf.atilf.fr

Yu. V. Auseichyk *(Minsk, Belarus)*
Belarusian State University of Foreign Languages

COGNITIVE-SEMANTIC SHIFTS IN PERIPHERAL COORDINATORS

The paper analyzes cognitive-semantic shifts in the system of peripheral French coordinators. It demonstrates that the mechanisms of metaphor and metonymy serve as the primary impetus for the evolution of units within this syntactic subsystem. The absence of a direct correlation between the types of shifts and the dynamics of the conjunctive potential of peripheral French coordinators confirms the multifactorial nature of grammaticalisation.

Key words: coordinators, cognitive mechanisms, grammaticalisation, semantics, French.

Д. С. Осипов *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
daniil.osipov.1996@mail.ru

ОЦЕНКА ОБЪЕКТОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ *ЧЕЛОВЕК* СРЕДСТВАМИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу оценки человека в английском языке через метафорическое обращение к категории «Природные явления» в русле когнитивной лингвистики на основе теории концептуальной метафоры и принципа антропоцентризма. Рассматривается физиоморфный перенос свойств стихий на качества человека. Систематизированы лексические средства вторичной оценочной категоризации, выявлен аксиологический потенциал природной метафоры.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, оценка, концептуальная метафора, физиоморфизм, антропоцентризм, модель, природные явления.

Современная когнитивная лингвистика выдвинула на передний план принцип антропоцентризма, согласно которому «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений» [Кубрякова 1995: 212].

Одним из важнейших аспектов познавательной деятельности человека является оценка – процесс субъективного восприятия действительности и формирования ценностного отношения к объектам мира. В фокусе внимания – концептуальная область ЧЕЛОВЕК как объект оценки, формируемой на основе знаний о природных явлениях, что позволяет использовать образы природы для характеристики абстрактных качеств личности. Цель данной статьи – проанализировать, как средства лексической категории «Природные явления» используются в современном английском языке для оценки человека, и выявить когнитивные модели и механизмы, лежащие в основе этого процесса.

В рамках антропоцентрической парадигмы традиционно выделяется принцип антропоморфизма – наделения объектов неживой природы человеческими качествами. Однако не менее значимым для языковой оценки является обратный процесс – физиоморфизм, при котором внутренний мир, эмоции и поведение человека описываются через реалии внешнего, физического мира [Richards 1989]. Этот процесс опирается на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Lakoff, Johnson 1980: 5]. Природные

явления служат областью-источником для метафорической проекции на область-цель – Человек.

Н. Н. Болдырев отмечает, что при метафорическом переносе «структура лексической категории выступает в функции когнитивной схемы вторичной интерпретации знаний о той или иной концептуальной области» [Болдырев 2016: 14]. Как показывает фактический материал, категория «Природные явления» предоставляет готовую сетку параметров (динамика, температура, форма), которые проецируются на параметры личности (характер, интеллект, эмоциональность). Отметим, что оценка человека на основе знаний о природных явлениях в английском языке не хаотична, а подчиняется устойчивым когнитивным моделям. Анализ лексического материала позволяет выделить три области-источника для выделения метафорических моделей: интенсивность природных явлений, температурная характеристика и пространственно-физические свойства. Рассмотрим метафорические модели, установленные в ходе формирования оценки человека средствами категории «Природные явления».

1. Метафорическая модель «Атмосферные явления → Эмоциональная сфера человека»

Наиболее продуктивной является модель, в которой эмоции и характер человека уподобляются атмосферным процессам. Ключевую роль здесь играют образы, связанные с движением воздуха (ветер, буря) и электрическими разрядами. Так, оценка непостоянства, легкомыслия или переменчивости часто передается за счет использования лексемы *wind* (ветер). Например, фразеологизм *to be in the wind* может означать неопределенность положения человека [The Free Dictionary, URL]. Напротив, устойчивость и надежность передаются через отсутствие влияния ветра: *steady as a rock in a storm* [McGraw-Hill Dictionary of American Idioms, URL].

Вспыльчивый, агрессивный характер описывается через образ бури: *a stormy personality*, *a tempestuous relationship* [Oxford Dictionary, URL]. Концептуальный признак «внезапное начало и высокая интенсивность» проецируется на неспособность человека контролировать гнев.

Яркую оценочную окраску имеет лексема *thunder* (гром) и производное прилагательное *thunderous*. Если словосочетание *a thunderous applause* (гром аплодисментов) несет положительную оценку, то высказывание *He thundered his disapproval* (он громогласно выразил неодобрение) передает отрицательную оценку деспотичной манеры поведения [COCA, URL].

В качестве области-источника выступает также знание о молнии (*lightning*), которое переносится на когнитивные способности человека, скорость его реакции: *quick as lightning*, *a lightning wit* [The Free Dictionary,

URL]. В отличие от бури, молния метафорически связана не столько с разрушением, сколько с мгновенным озарением и интеллектуальной мощью.

2. Метафорическая модель «Температурные характеристики → Эмоционально-психическое состояние»

Данная модель является одной из базовых для ориентации человека в мире эмоций. При этом понятия «холод» и «тепло» активизируются для образного осмысления эмоционального состояния. Так, высокая температура ассоциируется с эмоциональным возбуждением и конфликтом: *a heated argument* (жаркий спор), *tempers flared* (страсти накалились) [ESPN, URL]. В то же время понятие «warmth» (теплота) проецируется на доброжелательность и искренность: *a warm smile* [BBC News, URL].

Понятие «холод», напротив, метафорически соотносится с бесчувственностью и жестокостью: *a cold stare* (холодный взгляд) [The New York Times, URL], *icy politeness* (ледяная вежливость), *frozen with fear* (оцепенеть от страха) [BNC, URL]. Ощущение холода от объекта проецируется на отсутствие эмпатии у человека. Характерно, что прилагательное *cool* в английском языке выражает амбивалентную оценку: *a cool head* (хладнокровие) – положительная оценка самообладания [Cambridge Dictionary], в то время как *a cool reception* (холодный прием) – отрицательная оценка социального взаимодействия [The Guardian, URL].

3. Метафорическая модель «Геофизические свойства → Интеллектуальные и моральные качества»

Данная модель основана на базовых представлениях о материи, таких как твердость/мягкость, глубина/мелководье, вес.

Лексемы *rock, stone* указывают на твердость породы, что метафорически осмысляется как надежность и моральная стойкость человека посредством словосочетания *rock-solid reliability* [COCA, URL] и предложения *He is a rock* [The New York Times, URL]. Отсутствие эмоциональной подвижности, твердолобость оценивается с помощью композита *stony-faced* [BBC News, URL] и словосочетания *a heart of stone* [The Free Dictionary, URL].

Лексемы *deep* и *shallow* (глубина водоема) переносятся на оценку интеллекта и духовного мира человека. Словосочетания *a deep thinker* [The Atlantic, URL] и *a person of great depth* [COCA, URL] выражают положительную оценку человека, который обладает сложным внутренним миром. Напротив, прилагательное *shallow* (мелкий) является средством выражения уничижительной оценки в английском языке, указывающая на поверхностность, неспособность к эмпатии и глубоким чувствам: *a shallow person, shallow conversation* [Cambridge Dictionary, URL].

Понятия «вес» и «плотность» также служат областью-источником для осмысления человека. Так, лексемы *light-headed* и *airheaded* указывают на легкомыслие и ветреность, отсутствие «груза» мыслей [Collins Dictionary, URL]. Прилагательные *heavy* и *weighty* репрезентируют оценку речевых действий человека и их продукта, например, *a weighty argument* [COCA, URL] выражает положительную оценку значительного, весомого аргумента, в то время как при описании атмосферы или настроения это прилагательное подчеркивает гнетущее состояние участников коммуникации (*a heavy atmosphere*) [The New York Times, URL].

Водная и воздушная стихии также находятся в фокусе внимания интерпретатора для оценки динамики поведения. В этом случае непрерывный, неконтролируемый поток речи описывается как *a torrent of words* [The Guardian, URL], *a flood of complaints* [BBC News, URL]. Предложение *She gushed about her new job* репрезентирует негативную оценку человека, чья речь подобна неконтролируемому потоку воды.

Рассмотренные процессы формирования оценочного знания соотносятся с «принципом когнитивного динамизма», который отражает «способность мышления человека устанавливать ассоциативные связи и выводить причинно-следственные закономерности в ходе обработки уже имеющегося знания, полученного опытным путем» [Фурс 2021: 53]. Таким образом, оценка человека средствами категории «Природные явления» базируется на ряде метафорических моделей с оппозициями тепло/холод, твердость/аморфность, глубина/мелкость и движение/статика. Изучение средств лексической категории «Природные явления» через призму вторичной номинации отражает динамику интерпретационных процессов в осмыслении прямо ненаблюдаемых объектов.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.

Фурс Л. А. Когниция и когнитивный динамизм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 52–58.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; London: University of Chicago Press, 1980.

Richards G. On Psychological Language and the Physiomorphic Basis of Human Nature. London; N.Y.: Routledge, 1989.

BBC News. URL: https://www.bbc.com
British National Corpus (BNC). URL: https://www.english-corpora.org/bnc
Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org
Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com
Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: https://www.english-corpora.org/coca
ESPN (2023). URL: https://www.espn.com
McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. McGraw-Hill, 2002.
Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com
The Atlantic (2016). URL: https://www.theatlantic.com
The Free Dictionary (Idioms and Phrases). Farlex, Inc. URL: https://idioms.thefreedictionary.com
The Guardian (2011, 2018). URL: https://www.theguardian.com
The New York Times (2014, 2015, 2020). URL: https://www.nytimes.com

D. S. Osipov *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

EVALUATION OF OBJECTS OF THE CONCEPTUAL DOMAIN *HUMAN* BY MEANS OF THE LEXICAL CATEGORY "NATURAL PHENOMENA" IN MODERN ENGLISH

The article analyzes the evaluation of a person in English through metaphorical reference to the category of "Natural Phenomena" within cognitive linguistics, based on conceptual metaphor theory and the principle of anthropocentrism. Physiomorphic transfer of natural elements' properties onto human qualities is considered. Lexical means of secondary evaluative categorization are systematized, and the axiological potential of natural metaphor is identified.

Key words: cognitive linguistics, evaluation, conceptual metaphor, physiomorphism, anthropocentrism, model, natural phenomena.

Ю. И. Петракова *(Минск, Беларусь)*
Белорусский государственный университет иностранных языков
juliapetrakova0887@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АССОЦИАТИВНОГО МЕХАНИЗМА И СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ БАЗЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В статье исследуются закономерности актуализации импликационных, гиперо-гипонимических и симилятивных связей в отсубстантивном словообразовании немецкого языка. На материале единиц восьми лексико-семантических групп показано, что все три типа связей представлены в словообразовании, однако их распределение неравномерно. Выявлен приоритет импликационной связи для большинства групп; установлено, что семантические характеристики производящей единицы оказывают влияние на выбор ассоциативного механизма.

Ключевые слова: ассоциативный механизм, словообразование, производящая единица, производная единица, лексическая семантика.

Интерес к природе связей между элементами чувственного и мыслительного опыта восходит к античной традиции. Так, Аристотель указывал на три базовых типа ассоциаций, лежащих в основе припоминания: смежность, подобие и контраст [Aristotle. De Memoria et Reminiscentia. 451b 10–20; Цит. по Sorabji 1972]. Дальнейшее изучение ассоциативных механизмов философами-эмпириками шло по пути редукции этого исходного набора до двух типов связей, основанных на сходстве и смежности. Эту линию продолжил и В. Вундт, предложив рассматривать контраст как одно из проявлений сходства [Wundt 1894: 295].

В современной когнитивной науке выделение данных типов связей сохраняет свою значимость. Исследования долговременной семантической памяти показывают, что сходство, основанное на общих признаках объектов, порождает категориальные, в том числе таксономические, структуры [McRae, Cree, Seidenberg, McNorgan 2005], в то время как смежность, отражающая совместную встречаемость объектов в событиях и сценариях, формирует принципиально иной, тематический тип организации знания [Estes, Golonka, Jones 2011]. При этом частотность активации этих базовых типов связей не является величиной постоянной и варьирует в зависимости от возраста, уровня образования, культурного и профессионального опыта респондентов [Mirman, Landrigan, Britt 2017].

Альтернативным источником сведений о закономерностях активации того или иного типа связей могут служить продукты словообразования

и семантической деривации – номинативных процессов, предполагающих установление отношений между именуемой и уже поименованной сущностями. М. В. Никитин, рассматривая связи между значениями полисеманта, обозначает отношения смежности как импликационные и разделяет отношения подобия на гиперо-гипонимические (родо-видовые, таксономические) и симилятивные связи, основанные на действительном или воображаемом сходстве референтов [Никитин 2007: 192–194]. В словообразовании связь между производящей и производной единицами также предстает как проекция тех связей, «которые обнаруживает человек между элементами и явлениями окружающего его мира и которые он хочет зафиксировать и закрепить в акте наречения предмета» [Кубрякова 1980: 111–112]. При значительном внимании к описанию отдельных подтипов и оснований этих связей остается не вполне ясной общая картина: как ассоциативные механизмы «обслуживаются» каждым способом номинации? Существуют ли приоритеты в реализации того или иного типа связей в словообразовании и семантической деривации?

В предлагаемой работе поиск ответов на поставленные вопросы начинается с обращения к словообразованию. Материалом исследования послужили имена существительные немецкого языка и их дериваты (отбор проведен на основе лексикографических источников [DWW; DNW; DRNW; DWDS]). Исходные единицы принадлежат к восьми лексико-семантическим группам (ЛСГ): наименования растений, животных, частей тела, орудий труда, металлов, жидкостей, интеллектуальных феноменов и проявлений психики. Выбор данных групп продиктован стремлением охватить как конкретные, так и абстрактные имена, что позволит выявить закономерности актуализации ассоциативных механизмов на разнородном в семантическом отношении материале. В связи с высокой порождающей способностью указанных производящих баз (общее количество их дериватов составило более 17000 единиц) в выборку были включены лишь наиболее активные наименования, на долю которых приходится около трети производных единиц для каждой исходной ЛСГ. С учетом принятых ограничений корпус производящих баз составил 41 единицу, а корпус их дериватов – 6082 единицы. Поскольку более 98% дериватов образованы с помощью словосложения, второй компонент композита играет ключевую роль в экспликации типа связи: он либо конкретизирует исходный референт через указание на тот или иной параметр, либо обозначает сущность, смежную с исходной или похожую на нее.

Вслед за М. В. Никитиным, мы следуем терминологическому разграничению гиперо-гипонимических и симилятивных связей. Такое

решение также продиктовано принятым в когнитивной науке противопоставлением таксономических категорий (taxonomic categories), где сходство обусловлено родо-видовыми отношениями между объектами, и категорий, сконструированных в результате выделения у объектов одного общего признака (цвета, формы и т. п.) (single-feature categories) [Mirman, Landrigan, Britt 2017].

В результате исследования было установлено, что в немецком языке словообразование реализует все три типа связей (импликационные, гиперо-гипонимические, симилятивные), выступая универсальным механизмом вербализации фундаментальных отношений между концептами. Так, смежность между исходным и обозначаемым референтом лежит в основе наименований *Bärenhöhle* (<*Bär* ‘медведь’) ‘медвежья берлога’, *Fußstapfe* (<*Fuß* ‘стопа’) ‘след ноги’, *Ideenquelle* (<*Idee* ‘идея’) ‘источник идей’, *Rosenvase* (<*Rose* ‘роза’) ‘ваза для роз’, *Eisenbergbau* (<*Eisen* ‘железо’) ‘добыча железа’, *Weinkarte* (<*Wein* ‘вино’) ‘винная карта’.

Гиперо-гипонимические связи между источником и целью номинации задействованы при порождении таких единиц, как *Altersherz* (<*Herz* ‘сердце’) ‘сердце с возрастными изменениями’, *Brausewasser* (<*Wasser* ‘вода’) ‘газированная вода’, *Brotmesser* (<*Messer* ‘нож’) ‘нож для хлеба’, *Giftfisch* (<*Fisch* ‘рыба’) ‘ядовитая рыба’, *Teamgeist* (<*Geist* ‘дух’) ‘командный дух’, *Zahngold* (<*Gold* ‘золото’) ‘золото для зубных коронок’.

Там, где именующий субъект устанавливает отношение подобия между исходной и именуемой сущностями, возникают единицы типа *Autobahnschere* (<*Schere*‘ножницы’) ‘транспортная развязка’, *Baumdiagramm* (<*Baum*‘дерево’) ‘древовидная диаграмма’, *Handgeweih* (<*Hand*‘кисть руки’) ‘разветвленные рога’, *Silberfuchs* (<*Silber*‘серебро’) ‘серебристая лиса’, *Weinapfel* (<*Wein*‘вино’) ‘сорт яблок с красной кожурой’.

Представленность всех трех типов отношений в словообразовании сопровождается неравномерностью их актуализации как на уровне суммарных показателей, так и в пределах разных ЛСГ (таблица 1).

Полученные данные позволяют говорить об определенных приоритетах словообразования в немецком языке: импликационная связь, основанная на смежности, оказывается наиболее востребованной для единиц шести ЛСГ. В двух оставшихся ЛСГ (наименования орудий труда и растений) превалирует гиперо-гипонимическая связь, в то время как отношения подобия составляют периферию для производящих единиц всех исследуемых ЛСГ.

Таблица 1. Распределение типов связей в отсубстантивном словообразовании немецкого языка

ЛСГ / Тип связи	Импликационная (%)	Гиперо-гипонимическая (%)	Симилятивная (%)
«Части тела»	**74,3**	19,1	6,5
«Орудия труда»	21,0	**63,1**	15,9
«Животные»	**54,5**	34,9	10,6
«Растения»	42,9	**53,1**	4,0
«Металлы»	**65,0**	6,8	28,2
«Жидкости»	**66,1**	27,1	6,7
«Проявления психики»	**60,9**	38,4	0,6
«Интеллектуальные феномены»	**52,7**	46,9	0,4

Наряду с отмеченными общими тенденциями важно подчеркнуть, что конкретное распределение типов связи заметно различается в зависимости от лексико-семантической принадлежности производящих единиц. Так, в группе наименований металлов симилятивная связь реализуется значительно чаще по сравнению с другими ЛСГ (28,2%), что обусловлено продуктивностью метафорических переносов по признаку цвета у единиц *Gold* ‘золото’ и *Silber* ‘серебро’. Напротив, у абстрактных имен симилятивная связь почти не представлена: доля реализующих ее дериватов составляет 0,4 и 0,6% для наименований проявлений психики и интеллектуальных феноменов соответственно. Это позволяет предположить, что сама природа обозначаемого –чувственно воспринимаемых или абстрактных сущностей – в некотором роде задает «спектр возможностей» для конструирования того или иного типа связи. Можно также полагать, что за избирательностью актуализируемых отношений стоит различная когнитивная выделенность (салиентность) тех или иных свойств у разных категорий объектов. В то время как для металлов важную роль играет признак цвета, части тела наиболее часто осмысляются как пространственные ориентиры для номинации иных объектов, находящихся с ними в отношениях смежности. Подобные различия свидетельствуют о том, что решающее значение при выборе ассоциативного механизма

имеет, по-видимому, семантика самой производящей единицы, а дальнейший поиск закономерностей взаимодействия этих двух факторов остается актуальной исследовательской задачей.

Литература

Кубрякова Е. С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований / А. А. Уфимцева [и др.]; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 81–155.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2007.

DWW – *Splett J.* Deutsches Wortfamilienwörterbuch: in 19 Bd. Berlin: De Gruyter, 2009.

DNW – *Quasthoff U.* Deutsches Neologismenwörterbuch. Berlin: Walter de Gruyter, 2007.

DRNW – *Steffens D., Nikitina O. A.* Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch = Немецко-русский словарь неологизмов. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2016.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de.

Estes Z., Golonka S., Jones L. L. Thematic thinking: The apprehension and consequences of thematic relations // Psychology of Learning and Motivation. 2011. Vol. 54. P. 249–294.

McRae K., Cree G. S., Seidenberg M. S., McNorgan C. Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things // Behavior Research Methods. 2005. Vol. 37. P. 547–559. doi: 10.3758/bf03192726.

Mirman D., Landrigan J. F., Britt A. E. Taxonomic and thematic semantic systems // Psychol Bull. 2017. Vol. 143(5). P. 499–520. doi: 10.1037/bul0000092.

Sorabji R. Aristotle on Memory. London: Brown University Press, 1972.

Wundt W. Lectures on human and animal psychology. London: S. Sonnenschein & Company, 1894.

J. I. Petrakova *(Minsk, Belarus)*
Belarusian State University of Foreign Languages

THE INTERACTION BETWEEN ASSOCIATIVE MECHANISM AND SOURCE BASE SEMANTICS IN WORD-FORMATION

The article investigates the patterns of actualization of implicational, hyper-hyponymic, and similative relations in the denominal word-formation of the German language. Based on the material of units from eight lexical-semantic groups, it is shown that

all three types of relations are represented in word-formation; however, their distribution is uneven. The priority of implicational relations for the majority of groups is revealed; the semantic characteristics of the source unit are established to influence the choice of the associative mechanism.

Key words: associative mechanism, word-formation, source unit, derivative, lexical semantics.

С. Н. Степаненко *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
sstepanenko@bsuedu.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ С ЧИСЛОВЫМ КВАНТИФИКАТОРОМ)

Предмет авторского внимания в работе – специфика языковой интерпретации количества (первичного типа) на материале единиц фразеологического фонда английского языка, представленных паремиями-пословицами в компонентный состав которых входит квантификатор, выраженный количественным числительным. Количественная семантика последнего рассматривается как языковой механизм интерпретации количества, активизирующий определенные когнитивные механизмы и, соответственно, содержательные характеристики концепта QUANTITY.

Ключевые слова: концепт QUANTITY, количественный смысл, языковой механизм интерпретации, когнитивный механизм интерпретации, семантический сдвиг, (частичная) десемантизация, паремия.

На современном этапе развития теоретико-методологической мысли когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания неоспариваемым является положение о том, что адекватная переработка информации, поступающей в концептуальную систему человека через различные каналы, одним из которых является естественный язык, невозможна без ее интерпретации. Языковая интерпретация, как «познавательная активность, которая в своих результатах направлена на понимание и объяснение человеком мира и себя в этом мире» [Болдырев 2019: 254, 328], обнаруживает двойной вектор направленности: с одной стороны, она обращена к коллективным схемам познания, т. е. базируется на коллективных знаниях о мире, с другой стороны, она связана с индивидуальным опытом взаимодействия человека с окружающим его миром, в том числе посредством языка [там же].

Результаты интерпретации человеком количественных характеристик действительности – первичной и вторичной, различающихся по своему объекту, средствам и целям [Интерпретация мира в языке 2017], – эксплицируются в системе языка, в частности, английского, посредством многочисленных разноуровневых репрезентаций (см. [Болдырев, Федяева 2020; Федяева 2020; Степаненко 2025, 2026]). Вообще, совокупность всех знаний о количественных характеристиках окружающей носителя английского языка действительности заключена в содержании концепта QUANTITY, базовые и частные содержательные характеристики которого репрезентируются преимущественно языковыми средствами двух уровней: лексического и грамматического (см. [Stepanenko, Perelygina 2020; Stepanenko, Fedotova 2022]). При этом, однако, фундаментальная значимость данного концепта для лингвокогнитивной деятельности человека [Беседина, Степаненко 2010] и его значительный интерпретационный ресурс [Федяева 2020] подтверждается фактом участия в познавательных процессах языковой интерпретации количества средств других уровней, в частности – фразеологического.

Цель настоящей работы состоит в описании специфики первичной языковой интерпретации количественных характеристик действительности, реализуемой отдельной группой английских фразеологических единиц, – паремиями, представленными пословицами (включены в состав фразеологизмов в типологии Н. М. Шанского [Шанский 1957]), содержащими в своем компонентном составе квантификаторы, выраженные количественными числительными.

Результаты исследований ученых-предшественников, выполненные в рамках традиционных подходов к анализу языка, свидетельствуют о том, что в составе целого ряда устойчивых сочетаний лексемы количественной семантики, в том числе количественные числительные, в процессе фразеологизации претерпевают не полную, а частичную десемантизацию, в результате чего фразеологизм сохраняет количественное значение [Шевченко 2001: 34], однако при этом происходит семантический сдвиг, и количественный компонент-числительное, утрачивает «значение точного количества, которое обнаруживалось в прототипе фразеологизма», приобретая значения неопределенного количества [Корницкая 2009: 137–138], т. е. в процессе перехода свободного словосочетания во фразеологизм значение точного количества, выражаемое количественными числительными, как правило, «“растворяется” <…>, приобретая сему приблизительности» [Корницкая 2017: 61, 63].

Собственные результаты анализа фразеологизмов-паремий, содержащих в своем компонентном составе количественные числительные (отобраны

методом сплошной выборки, см. [Quotes for the Day, URL]), свидетельствует о ключевом, смыслоформирующем статусе данного числового компонента в значениях, реализуемых паремиями, что и предопределяет понимание его количественной семантики как языкового механизма интерпретации количества. Проиллюстрируем отмеченное конкретными примерами изученных паремий.

Пословица ***Two*** *heads are better than* ***one***, согласно ее дефиниции (used to say that two people working together will achieve more than one person working alone [CD, URL]) реализует значение «чем больше человек работают над решением задачи, тем лучше». В данном случае, количественные числительные *two* и *one*, утрачивают свои регулярные значения двойственности и единичности, соответственно, и начинают выражать идеи множественности и единичности: реализуются количественные смыслы «много» и «мало». Данная паремия-пословица выступает средством интерпретации такой количественной характеристики как количество объектов-участников определенного действия, которое осмысляется как неточное большое и малое в их сопоставлении относительно качества, эффективности выполнения этого действия. Регулярность реализации указанных количественных смыслов в процессе интерпретации количества подтверждается примером, реального употребления данной пословицы, подвергшейся дискурсивной трансформации, за счет экспансии синтаксической структуры узуальной формы рассматриваемой паремии: *If* two heads are better than one*, and* four heads are better than two*, then the exploding phenomenon of citizen science has shown that* hundreds of thousands are by far the best *yet* [BNC, URL]. В данном случае синтаксические клаузы содержат идентичные в смысловом отношении эквиваленты: реализуется смысл «чем больше человек (*two / four / hundreds of thousands heads*), тем это лучше, по сравнению с их меньшим в два раза числом (*one / two / не эксплицировано heads*)».

Количественная семантика числительных-конституентов данной паремии, выступая языковым механизмом интерпретации, позволяет осмыслять количество как неточное дискретное, что обеспечивается когнитивным механизмом профилирования: в содержании концепта QUANTITY актуализируется базовая характеристика ‘дискретность’; когнитивный механизм фокусирования «высвечивает» на ее фоне частные характеристики ‘множественность’ и ‘единичность’. Идентичные по структурной модели паремии, типа ***Four*** *eyes see more (better) than* ***two,*** участвуют в интерпретации количественных характеристик действительности по аналогичной когнитивной схеме: количественный неточный состав участников, обозначенных числительным в первой части пословицы, осмысляется как

неопределенный, но лучший по сравнению с его меньшим составом, обозначенным числительным в ее второй части.

Количественное числительное ***nine*** в пословице *A wonder lasts but* ***nine*** *days* также в процессе фразеологизации претерпело семантический сдвиг и утратило свое узуальное числовое значение – паремия имеет значение "something that generates a lot of interest will only last for a short amount of time" [FD, URL]. Количественное значение, реализуемое ею, связано с экспликацией количественного смысла «неопределенно малое количество времени», т.е. интерпретацией временной продолжительности события, дискретной по своей сути, на что влияет семантика существительного *days*, как условной единицы изменения времени: day – *noun,* a period of 24 hours [CD, URL]. Количество интерпретируется в данном случае как приблизительное, примерное, что обеспечивается актуализацией в содержании концепта QUANTITY частных концептуальных характеристик 'длительность' и 'приблизительность', фокусируемых на фоне профилируемой базовой характеристики 'дискретность'.

В целом, результаты анализа английских паремий с компонентом-квантификатором, выраженным количественным числительным свидетельствуют о некоторой специфичности интерпретации количества с их помощью: в результате фразеологизации в значении этих единиц языка количественная семантика сохраняется, но частично: семантический сдвиг выражается в изменении характера реализуемого количественного смысла: регулярное значение «точное количество» замещается на «неточное количество». Такая интерпретация обеспечивается когнитивными механизмами профилирования и фокусирования, актуализирующими базовую характеристику 'дискретность' и ряда конкретизирующих ее частных характеристик в содержании концепта QUANTITY, соответственно.

Литература

Беседина Н. А., Степаненко С. Н. Концептуализация количества в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4 (25). С. 20–29. EDN: NCGGPR

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ИД ЯСК, 2019. EDN: OXLIYG

Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14. EDN: AFMELI

Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л. В. Бабина и др.; науч. ред. Н. Н. Болдырев; отв. ред. Н. А. Беседина. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. EDN: YGTCSP

Корницкая А. Б. Семантическая организация английских пословиц и поговорок с включенным количественным компонентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 549. С. 133–145. EDN: ONGTTP

Корницкая А. Б. Семантика количественного компонента в английских фразеологизмах с включенным квантификатором // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 8–1 (62). С. 60–63. DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.62.054

Степаненко С. Н. Интерпретация количества: когнитивные и языковые аспекты (на примере синтаксических средств английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 4 (65). С. 128–133. EDN: XCFOAG

Степаненко С. Н. Роль средств вторичной номинации в первичной интерпретации количества // Когнитивные исследования языка. 2026. № 2–1 (67). С. 150–153.

Федяева Е. В. Количественная интерпретация качества в языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2020.

Шанский Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.

Шевченко В. В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах: дис. … канд. филол. наук. М., 2001.

BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 03.06.2026).

CD – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/

FD – The Free Dictionary. URL: https://idioms.thefreedictionary.com

Quotes for the Day. URL: http://quotes-for-the-day.blogspot.com/2012/10/1000-english-proverbs-quotes.html

Stepanenko S. N., Fedotova O. V. Quantity Interpretation in the English Language // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2022. № 3. P. 75–84.

Stepanenko S. N., Perelygina T. A. Multi-Level Conceptualization of Quantity in Modern English // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. № 83. Pp. 660–671.

S. N. Stepanenko *(Belgorod, Russia)*
Belgorod State National Research University

LINGUISTIC INTERPRETATION OF QUANTITY (BASED ON ENGLISH PAROEMIAS CONTAINING A NUMERICAL QUANTIFIER)

The author's research focus in this work is the specifics of the linguistic interpretation of quantity (of the primary type) by means of the English phraseological stock units, represented by the paroemias-proverbs that include a quantifier, expressed by the cardinal numerals. The quantitative semantics of the latter is considered as a linguistic mechanism

of quantity interpretation, activating specific cognitive mechanisms and, consequently, the content characteristics of the QUANTITY concept.

Key words: QUANTITY concept, quantitative meaning, linguistic interpretation mechanism, cognitive interpretation mechanism, semantic shift, (partial) desemantization, paroemia.

М. В. Стефанович *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный педагогический университет
maria_stefanovich@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОПЫТА И РОЛЬ МЕТОНИМИИ В ОРГАНИЗАЦИИ НАРЕЧИЙ НА -LY

В статье метонимия рассматривается как когнитивный механизм, лежащий в основе языковой концептуализации человеческого опыта. Анализируется феномен «отражательной потенции», проявляющийся при образовании английских наречий на -ly и обеспечивающий передачу семантической смежности от исходного прилагательного.

Ключевые слова: наречия на -ly, отраженная метонимия, метонимический перенос, транскатегориальный сдвиг, семантическая смежность.

Современная когнитивная парадигма преодолевает традиционное, характерное для структуралистского подхода, представление о языке как об изолированной и самодостаточной знаковой системе. Вместо этого язык встраивается в единый континуум мышления и познания, выступая динамичным инструментом концептуализации человеческого опыта. Когнитивная лингвистика, в свою очередь, сосредотачивается на изучении механизмов языковой репрезентации опыта, которые обеспечивают упорядочивание знаний, осмысление результатов взаимодействия человека с окружающей реальностью и формирование понятийных структур. В рамках этого подхода метонимия перестает восприниматься только как риторический или стилистический прием. Согласно современным исследованиям, она осмысливается как фундаментальный когнитивный механизм, лежащий в основе повседневного мышления и активно участвующий в процессах концептуализации и категоризации действительности [Милькевич 2016: 205]. Благодаря метонимии человек структурирует знания и опыт, сокращает речевые усилия и передает сложные смыслы, опираясь на смежность понятий в реальном мире. Эта функциональность обусловлена тем, что метонимия отражает устойчивые ментальные связи между концептами. Она фиксирует

выработанные в процессе познания ассоциации и позволяет осмысливать один концепт через другой, связанный с ним по принципу смежности.

Указанная способность лежит в основе функционирования метонимии в рамках единой идеализированной когнитивной модели (ИКМ), где метонимия обеспечивает ментальный доступ к целевому концепту через проводник, т. е. исходный концепт. Благодаря этому механизм метонимии выполняет системообразующую роль в организации человеческого опыта, помогая обобщать частные случаи, выстраивать категориальные ряды и переходить от конкретных наблюдений к общим представлениям. При этом универсальные схемы, например, ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬ – ПРОДУКТ, ИНСТРУМЕНТ – ДЕЙСТВИЕ и др., укоренены в предметном опыте человека и функционируют как когнитивные шаблоны, на базе которых формируются языковые структуры. Благодаря этому метонимия становится продуктивным инструментом кодирования и передачи знаний – она отсылает к устоявшимся когнитивным схемам и контекстуально релевантным ситуациям. В данной интерпретации в когнитивную парадигму органично встраивается термин «отраженная омонимия», поскольку он иллюстрирует механизм косвенного извлечения концептуальных знаний. В этом случае смысл не задается напрямую, а раскрывается через связи с другими элементами концептуальной системы. Термин подчеркивает косвенный характер ментальных операций, который проявляется в необходимости апеллировать к смежным концептам или ментальным моделям для осмысления целевого концепта. Углубленное понимание метонимии как когнитивного механизма проявляется в том, как языковые средства кодируют не только объективные факты, но и когнитивные схемы их интерпретации. Эти схемы опираются на систему связей, накопленный опыт и ментальные модели, встроенные в сознание носителя языка.

Отраженная омонимия, при которой производные слова воспроизводят омонимию своих производящих единиц, до настоящего времени остается недостаточно исследованной областью лингвистики. Особенно это касается анализа производной лексики, которая могла бы раскрыть словообразовательный потенциал метонимии и систематизировать типы производных метонимических единиц. Традиционно внимание лингвистов фокусируется на когнитивных аспектах метонимии в сфере существительных и прилагательных. Наречная лексика, напротив, исследована значительно меньше. В связи с этим актуальность приобретает рассмотрение механизма формирования полисемии и семантической смежности у английских наречий на -ly, прежде всего в сферах оценки действия и характеристики субъекта, поскольку ключевым фактором в таких случаях выступает метонимический перенос.

Согласно концепции А. Л. Новикова и М. А. Рыбакова смысл производного слова формируется через механизм «отражения семантики». При этом значение исходной языковой единицы не утрачивается, а трансформируется, задавая вектор смыслового развития производных лексем вне зависимости от их частеречной принадлежности. Концепция «отражательной потенции» акцентирует способность исходных слов транслировать семантическую смежность в дериватах, определяя закономерности метонимического переноса [Новиков, Рыбаков 2013: 100]. Это позволяет проследить, как нюансы и смежные значения исходного прилагательного актуализируются и переосмысляются в производных наречиях на -ly, в результате которого изначальный смысловой потенциал трансформируется через грамматическую и семантическую адаптацию.

Процесс образования наречий на -ly от прилагательных не сводится к формальному преобразованию. Он сопровождается транскатегориальным сдвигом на основе метонимического переноса, т.е. переходом из класса прилагательных в класс наречий вследствие взаимодействия концептуальных областей признака [Рахилина 2009: 430] (например, greedy scan ↔ scan greedily, nervous twiddle ↔ twiddle nervously, nervous play ↔ play nervously). При таком сдвиге лексема меняет часть речи и синтаксическую функцию: от обозначения качества объекта или процесса к описанию способа действия. Суть механизма заключается в том, что значение исходного прилагательного расширяется за счет смежности признаков – связи между свойством и действием, которое это свойство имплицитно предполагает. Новое значение наречия на -ly формируется из существующих связей в рамках исходной адъективной семантики. Способность прилагательного передавать определенные смысловые модели при переходе в наречие на -ly называется «отражательной потенцией» [Новиков, Рыбаков 2013: 102]. Благодаря этой способности становится возможным определить типовые модели метонимического переноса (например, перенос с качества субъекта на способ действия) и проследить, как нюансы значения исходного прилагательного актуализируются в производном наречии на -ly.

Категориальная семантика адвербиальности накладывает ограничения на отражательный потенциал производящего прилагательного, лишая наречия на -ly самостоятельной референции: их значение может актуализироваться только через связь с процессуальным признаком, участниками ситуации или ситуативным контекстом. Некоторые исследователи относят такие единицы к сирконстантным наречиям или наречиям элементарной номинации [Глущенко 2006: 31], поскольку, характеризуя действие, наречия на -ly часто образуют с ним семантическое единство и их полное значение раскрывается сочетании с глаголом в контексте предложения. Важным в значении таких

наречий становится доминирующий прагматический компонент, который может выражать оценку или отражать нормы поведения и восприятия, как универсальные, так и зависящие от контекста. Таким образом, сама реляционная природа наречий на -ly расширяет их семантический диапазон через метонимический перенос признаков с действия, субъекта или ситуации на другие компоненты высказывания. Обратимся к примерам:

(1) He scanned the newsprint *greedily* while his teeth sank into the bacon sandwich <…>.

В данном контексте метонимический сдвиг создается за счет сочетания двух одновременных действий (he scanned the newsprint и his teeth sank into the bacon sandwich), которые метонимически представляют утренний ритуал – прием пищи с чтением газеты. Эта бытовая сцена объединяет два действия (чтение и еду) в единую ситуацию. Первое действие (scanned the newsprint greedily) передает не только способ действия, но и состояние увлеченности новостями. Второе (his teeth sank into the bacon sandwich) с гиперболизированным описанием *teeth sank* метонимически подчеркивает аппетит и энергичность утреннего приема пищи. Наречие greedily (от прилагательного greedy: wanting more money, power, food, etc. than you really need [OELD, URL]), формально относящееся к глаголу scanned, по смыслу распространяется на второе действие: человек читает газету и ест сэндвич с азартом и поспешностью. Таким образом, через принцип смежности признак «жадности / интенсивности» переносится на сопутствующее действие, формируя целостный образ поведения персонажа. Ср.:

(2) During the interview Murdock had been *nervously* twiddling his hat.

(3) The atmosphere was electric. Men fidgeted *nervously* at the tables.

(4) Prince Charles is sitting with his legs spread but there is a give-away sign of his unease: he is *nervously* playing with his cuff-links.

Здесь наречие nervously (от прилагательного nervous: anxious about something or afraid of something [OELD, URL]) модифицирует глагол, обозначающий внешнее действие, которое метонимически отражает внутреннее эмоциональное состояние (нервозность, напряжение, дискомфорт). Модель переноса ЧАСТЬ (жест) → ЦЕЛОЕ (состояние) предполагает, что действие замещает описание эмоции и выступает как считываемый наблюдателем симптом. При этом метонимический перенос и «отражательная потенция» исходных прилагательных формируют новые семантические структуры: нервозность через манипуляцию с предметом (2), физическое свойство (электричество) как символ эмоционального или социального напряжения (3), конфликт между внешним спокойствием (распростертые ноги) и внутренним напряжением, которое проявляется через непроизвольное действие с запонками (4).

Таким образом, исследование метонимии в сфере наречий на -ly позволяет проследить, как «отражательная потенция» исходных прилагательных порождает новые смыслы в производных наречиях через типовые модели метонимического переноса (например, с качества субъекта на способ действия), которые демонстрируют действие универсальных когнитивных шаблонов (ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ). При этом роль наречий на -ly выходит за рамки модификации глагола: они актуализируют устойчивые ментальные связи между концептами.

Литература

Глущенко О. А. Наречия образа действия в литературном и народном языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Владивосток, 2006.

Милькевич Е. С. К вопросу о когнитивности метонимии в современном английском языке // Практики и интерпретации. 2016. № 1. С. 202–212.

Новиков А. Л., Рыбаков М. А. О психологических функциях метонимии в языке художественной литературы // Вестник РУДН, Психология и педагогика. 2013. № 1. С. 98–105.

Рахилина Е. В., Карпова О. С., Резникова Т. И. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2009. Вып. 8 (15). С. 420–426.

British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/

Oxford English Language Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/index

M. V. Stefanovich *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk State Pedagogical University

CONCEPTUALIZATION OF HUMAN EXPERIENCE AND METONYMIC ORGANIZATION OF ADVERBS ENDING IN -LY

In the article metonymy is examined as a cognitive mechanism underlying the linguistic conceptualization of human experience. The phenomenon of "reflective potential" is analyzed – it manifests itself in the formation of English adverbs ending in -ly and ensures the transfer of semantic contiguity from the source adjective.

Key words: -ly adverbs, reflected metonymy, metonymic transfer, transcategorial shift, semantic contiguity.

М. А. Фомина *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
marinafomina7@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ РУССКИХ БЕЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ СИТУАЦИЮ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются русскоязычные модели типа *Мне хочется (спать), Поспать бы* vs. *Я хочу (спать)* с семантикой желательности. С позиций функционального подхода описывается специфика репрезентации субъекта с учетом признаков активности, контролируемости и мотивировки. Аргументируется тезис о неприменимости термина «состояние» для описания предикатов в анализируемых структурах.

Ключевые слова: субъект-экспериенцер, функциональный подход, ситуация желательности, безличная модель, экзистенциально-результативная модель, контролируемость.

Категория желательности как одна из ключевых категорий, значимых при описании внутреннего мира человека, неизменно вызывает интерес со стороны лингвистов. Традиционно внимание исследователей сосредоточено на широком репертуаре языковых средств ее выражения – от лексических единиц (см., например, работы [Апресян 1995; Колосова 2013]) до синтаксических конструкций [Сулейманова 2000; Мустайоки и др. 2019].

В современном русском языке ситуация желательности может быть репрезентирована различными моделями предложения, в том числе русскими безличными моделями типа *Мне хочется (спать), Поспать бы,* которые рассматриваются нами в соотношении с личной моделью *Я хочу (спать)*. Проблема интерпретации данных структур, и, в частности, дативно-безличной модели, имеет длительную историю изучения в работах В. В. Виноградова, А. А. Шахматова, Ю. Д. Апресяна, Г. А. Золотовой, О. А. Сулеймановой и др. Как отмечает О. А. Сулейманова, в лингвистической литературе до сих пор нет единства в классификации данных структур: их определяют и как конструкции, выражающие «предрасположенность» к действиям/состояниям, обозначенным глаголом, и как структуры с безлично-интенсивным значением [Сулейманова 2000: 221–222]. При этом датив в таких моделях задает особую интерпретацию человека, позволяя говорящему судить о внутреннем состоянии как бы на основании наблюдения за процессами, неподконтрольными самому субъекту [Там же: 218].

Несмотря на наличие фундаментальных описаний, актуальной задачей остается уточнение семантических различий между личными и безличными моделями желательности с позиций когнитивно-функционального подхода.

Настоящая статья преследует цель выявить специфику концептуализации ситуации желательности, описываемой безличными моделями и моделью *Я хочу*. Для достижения этой цели предполагается решить следующие задачи: 1) определить тип семантического субъекта в анализируемых конструкциях; 2) верифицировать наличие/отсутствие признака контролируемости и мотивировки в семантике рассматриваемых моделей; 3) проанализировать характер локализации денотатов предикатов в анализируемых моделях на оси времени; 4) обосновать статус предикатов структур *Я хочу* и *Мне хочется* как экзистенциально-результативных и аргументировать неприменимость к ним термина «состояние».

Источником языкового материала для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для выявления специфики семантики рассматриваемых моделей сформирован корпус контекстов, репрезентирующих ситуацию желательности в различных ее вариантах: от активно-волевого акта (*Я хочу*) до экзистенциально-результативных структур (*Мне хочется*) и оптативных инфинитивных предложений с частицей *бы* (*Поспать бы*).

В качестве основного метода исследования используется комплексная методика когнитивно-семантического анализа, базирующаяся на принципах функционального подхода «от значения к форме». Данный подход предполагает движение от анализа релевантных концептуальных категорий к описанию средств их языкового воплощения [Фомина 2016]. Для верификации выдвинутых семантических гипотез применяется метод семантического эксперимента (опрос информантов – носителей русского языка), направленный на оценку допустимости/недопустимости употребления конкретных моделей в различных контекстуальных условиях, а также система тестов на сочетаемость предикатов в рассматриваемых моделях с наречиями контроля, формами императива и обстоятельствами цели.

Такая триангуляционная методика, сочетающая данные корпусного исследования и результаты лингвистического эксперимента, позволяет обеспечить высокую степень валидности полученных результатов и адекватно интерпретировать когнитивный сценарий, лежащий в основе выбора той или иной модели говорящим (подробнее о триангуляционном подходе в экспериментальной лингвистике см. [Suleimanova, Fomina 2023]). Основными параметрами анализа выступают категориальные признаки субъекта (ак-

тивность/неактивность), контролируемость ситуации со стороны субъекта и наличие внутренней мотивировки желания.

Особенности семантики моделей, репрезентирующих ситуацию желательности. Центральным параметром, разграничивающим анализируемые модели, выступает статус семантического субъекта и степень его вовлеченности в ситуацию. Модель *Я хочу* предполагает намерение, готовность субъекта осуществить действие, тогда как в безличных моделях типа *Мне хочется* и *Поспать бы* происходит «дезактивация» субъекта [Булыгина 1982]. Субъект, соответствующий в модели *Мне хочется* носителю предикативного признака (см. подробнее о понятии носителя предикативного признака в [Фомина 2015]) и не имеющий эксплицитного выражения во второй модели, квалифицируется как **страдательный**, поскольку ситуация желательности представлена как событие, реализация которого не зависит от воли субъекта и предопределяется силами, существующими в нем самом, что сближает его статус с ролью пациенса [Селиверстова 1982; Сулейманова 2000].

Экспериментальные данные подтверждают отсутствие признака контролируемости в семантике рассматриваемых безличных моделей. Тест на сочетаемость с наречиями волевого контроля (*специально, сознательно, назло*) демонстрирует нормативность личной модели (*Я сознательно хочу это сделать*) и семантическую аномальность безличных (**Мне сознательно хочется это сделать, *(Мне) сознательно поспать бы)*. Желание в модели *Мне хочется* репрезентируется как результат действия внутренней силы, существующей в психическом пространстве человека независимо от его воли. Как справедливо отмечает О. А. Сулейманова, датив в данном случае вносит информацию о том, что носитель предикативного признака скорее ощущает результат производимого над ним действия, чем инициирует его [Сулейманова 2000: 218].

Еще одним дифференциальным признаком является мотивировка желания. Личная модель (*Я хочу*) предполагает не только наличие осознанного намерения и готовности к действию, но возможность говорящего «как бы сформулировать – при необходимости – и мотивы своего желания» [Сулейманова 2000: 244]. Безличная же модель (*Мне хочется*) часто используется в ситуациях, когда субъекту неясны мотивы собственного состояния или когда желание представлено как «безотчетное». Крайнюю степень дезактивации субъекта демонстрирует инфинитивная модель *Поспать бы*, где субъект-экспериенцер максимально удален на периферию и может быть не эксплицирован вовсе. В этом случае фокус внимания полностью смещается на саму ситуацию желательности, которая пред-

ставляется как потенциальная возможность, не связанная с конкретными усилиями деятеля.

Таким образом, выбор безличной модели *Мне хочется* позволяет говорящему «снять с себя ответственность» за возникновение желания [Сулейманова 2000: 239], представив его как неконтролируемую предрасположенность к действию, вызванную внешними и/или внутренними обстоятельствами, не зависящими от воли субъекта.

Экзистенциально-результативный статус предикатов. Традиционно в русистике такие предикаты безличных моделей, как *хочется, спится, мечтается,* относят к категории состояния. Однако применение функционально-семантического анализа позволяет пересмотреть этот статус. Вслед за О. Н. Селиверстовой и О. А. Сулеймановой, мы полагаем, что предикат *хочется* (и *хочу*) в рассматриваемых моделях следует квалифицировать как **экзистенциально-результативный** [Селиверстова 1982: 137; Сулейманова 2000: 236]. Данные предикаты акцентируют внимание не на самом процессе формирования желания, а на его **наличии** (экзистенции) в психическом пространстве субъекта как готового **результата**. Как личная модель *Я хочу*, которая может описывать акт волеизъявления, так и безличная модель *Мне хочется* «снимают» ситуацию с оси времени. О нелокализованности данных предикатов свидетельствует, например, их несочетаемость с наречиями, характеризующими способ протекания процесса во времени: ср. **Я напряженно хочу* и **Мне напряженно хочется*.

Аргументом против использования термина «состояние» служит и то обстоятельство, что предикаты типа *хочется* (и *хочу*) сообщают не о статичных характеристиках субъекта, а, как отмечает О. А. Сулейманова, вносят информацию о «внутренней возможности» или «предрасположенности» к осуществлению события Р, которая осознается субъектом как уже возникшая [Сулейманова 2000: 224]. Использование термина «состояние» не отражает динамики интенционального вектора, заложенного в семантике желательности.

Таким образом, безличная модель *Мне хочется* описывает не статичное состояние экспериенцера, а задает особый когнитивный сценарий, сообщая о возникшем в ментальной сфере субъекта и не контролируемом им «латентном» желании. Данное желание представлено как экзистенциальный факт, результат действия внутренних сил, что и обуславливает выбор безличной формы репрезентации, тогда как активная модель *Я хочу* вносит информацию об активном волеизъявлении субъекта желания, наличии осознанного и мотивированного намерения и готовности к действию.

Литература

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: Избранные труды в 2 т. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.

Колосова М. В. Лексические средства выражения желательности в английском и русском языках (сопоставительный анализ): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013.

Мустайоки А., Сабитова З. К., Парменова Т. В., Бирюлин Л. А. Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2019.

Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

Сулейманова О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: дис. … д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.

Фомина М. А. Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит* // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4(20). С. 49–55.

Фомина М. А. Концептуальные категории в контексте проблемы разработки метаязыка семантического описания // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 223–233.

Suleimanova O. A., Fomina M. A. Triangulation as a Research Method in Experimental Linguistics // Computational Linguistics and Intelligent Text Processing: Conference proceedings, France, 07–13 апреля 2019 года. Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 109–120.

M. A. Fomina *(Moscow, Russia)*
Moscow City University

SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN IMPERSONAL MODELS REPRESENTING SITUATIONS OF DESIRABILITY

The paper investigates into the Russian models *Mne khochetsya*, *Pospat' by* vs. *Ya khochu*. From the perspective of a functional approach, the study describes the specificity of subject representation, considering the features of activity, controllability, and motivation. The paper argues that the term "state" is inadequate for describing predicates in the analyzed structures.

Key words: subject-experiencer, functional approach, desirability situation, impersonal model, existential-resultative model, controllability.

***Е. О. Шевелева** (Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
shevelev28@mail.ru

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА *ИСТОРИЗМ* ЧЛЕНАМИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РАЗНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Статья посвящена изучению объективации концепта ИСТОРИЗМ в английском языке членами одноименной лексической категории, принадлежащими к глаголам. Делается попытка объяснить причины архаизации лексем, в результате которых они становятся историзмами. Информация, полученная из лексикографических источников, верифицируется по наиболее авторитетному словарю – Oxford English Dictionary. В качестве «пограничного» примера (не)отнесения лексической единицы к историзмам приводится глагол *to anneal*.

Ключевые слова: концепт, когнитивная категория, архаизация, историзм, верификация, глагол.

Проблема развития языка находится в центре внимания лингвистики на протяжении всей истории данной науки. При этом вопрос о причинности языковых изменений всегда занимал важное место в работах по общему и частному историческому языкознанию. Тезис о том, что любой язык развивается, не находит возражений у ученых, и хотя его не относят к аксиомам в лингвистике (по сравнению, например, с теоретическими положениями о языке как знаковой системе, асимметрии плана выражения и плана содержания), тем не менее, все лингвисты сходятся во мнении, что язык – это динамическая, постоянно развивающаяся система и динамизм является неотъемлемым свойством любого живого языка. В качестве основных причин языкового развития традиционно называют внутренние закономерности языкового устройства и внешние факторы.

Не вызывает сомнения тот факт, что изменчивость языка как его очевидное и несомненное свойство имеет большое значение как для самого языка, так и для всего языкового сообщества. Говоря о важной роли языкового функционирования, коллеги из Беларуси, например, отмечают: «Преобразования, происходящие в языке, обусловлены различными факторами – историческими, экономическими, культурными и социальными. Но стоит отметить, что какими бы ни были причины, вызывающие языковые изменения, и какими бы изменения не являлись, подобные преобразования, безусловно, позволяют сохранять язык в состоянии коммуникативной пригодности. Если этого не происходит, язык умирает» [Боричевская, Ерофеева 2000: 3].

Общепризнано, что изменения происходят на всех языковых уровнях, хотя наиболее заметны они на лексическом уровне как наиболее подвижном языковом уровне, который быстро и непосредственно реагирует на изменения в жизни языкового сообщества. Свидетельством тому может служить язык, используемый в СМИ, особенно в так называемых social media (блогах, социальных сетях, мессенджерах, интернет-порталах и платформах). Приходится, однако, констатировать, что в настоящее время, несмотря на большое количество теоретических исследований по проблеме языкового развития, основное внимание ученых обращено, как правило, на одну из сторон данного процесса – обогащение языка, в том числе английского, новой лексикой, в то время как другая сторона лексического развития – устаревание лексики – не находит должного внимания. На такое положение дел справедливо указывает, например, Т. Ю. Воронцова: «При изучении проблем эволюции и развития лексики большая доля внимания уделяется неологизмам, в то время как противоположный процесс (устаревания и метризации слова) рассматривается в значительно меньшей степени: архаизмы и историзмы при этом оказываются практически вне зоны лингвистического внимания и не подвергаются отдельному изучению» [Воронцова 2000: 3].

Между тем архаизация английской лексики, как и ее обогащение, является постоянной характеристикой развития английского языка и продолжает оставаться актуальной темой для исследования ввиду ее большого значения как для теоретического осмысления процессов развития английского языка, так и для его практического использования.

Предметом данного исследования является процесс архаизации в такой лексической категории архаичной лексики английского языка, как историзмы, которые обозначают вышедшие из повседневного употребления предметы, понятия или явления. При этом, как известно, историзмом может стать как вся лексема (лексические историзмы), так и одно или несколько значений многозначного слова (семантические / частичные историзмы). При этом, вслед за В. И. Заботкиной, под лексической категорией мы понимаем класс слов, объединенных в соответствии с определенным критериальным признаком (концептом), формирующим центр категории. В данном случае это концепт ИСТОРИЗМ, который лежит в основе лексической категории историзмов, объединяя слова, соотносящиеся с данной понятийной сферой, и может быть представлен в виде лексико-семантического поля. Согласно одному из определений историзмов, принадлежащему выдающемуся отечественному ученому Венедикту Степановичу Виноградову, к ним «относятся устаревшие слова (или устаревшие значения слов), которые называют исчезнувшие из быта национальной общности предметы обихода, орудия

труда, обрядовые вещи и понятия, оружие, учреждения, должности и т.п.» [Виноградов 2001: 137].

Представляется, что лексическая категория историзмов обладает всеми основными особенностями лексических категорий, в частности, она тесно связана с грамматическими категориями. Одним из вопросов, который при этом дискутируется, является вопрос о частеречной принадлежности членов лексической категории. Мы разделяем мнение лингвистов, которые считают верным включать в состав лексико-семантического поля семантически близкие слова, относящиеся к разным частям речи. В этом смысле, как показало проводимое исследование, подавляющее большинство историзмов в английском языке, действительно, принадлежат к одной части речи – к именам существительным. Между тем тот факт, что историзмы, наряду с вышедшими из употребления предметами, нередко обозначают понятия и явления, также потерявшие актуальность для общества и ушедшие из его жизни, дает возможность априори предположить, что историзмами могут быть не только существительные, но и другие значимые части речи, например, **глаголы**. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить, что, хотя основная функция глагола – это, несомненно, обозначение физических действий (to run *бежать*, to build *строить*), они могут называть абстрактные понятия, выраженные через процессы, состояния или отношения – описывать внутренние состояния (to love *любить*, to miss smb *скучать по кому-либо*), процессы (to develop *развиваться*, to grow *расти*) и отношения (to correspond *соответствовать*, to prevail *преобладать*).

Приведем в качестве примера несколько историзмов-глаголов английского языка, обозначив возможные причины их архаизации. Так, глагол **to lop** имеет в словарях помету *Archaic* (*архаичный*) и, согласно дефиниции, обозначает имевший место в истории Англии процесс лишения жизни человека в качестве наказания путем четвертования: “**lop**, *v.*t. **5.** *Archaic*. to cut off the head, limbs, etc., of (a person)” [RHCD: 791] / *Отрубить голову, конечности и т.д.* (*человека*). Известно, что казнь через повешение, потрошение и четвертование практиковалась в Англии в правление короля Генриха III (1216–1272) и его преемника Эдуарда I (1272–1307) и была официально отменена в Англии в 1867 году. Другим примером историзма-глагола, может служить лексема **to lot**, имеющая в лексикографических источниках помету *Obs.* (*устаревший*): “**lot,** *v.t.* **19.** *Obs.* To cast or draw lots for” [RHCD: 792] / *бросать или тянуть жребий, т.е. решать вопрос с помощью жребия*. Обращение к историческим фактам показывает, что жребий использовали для решения вопросов в разных контекстах истории – как религиозных, так и государственных. Например, в христианстве, основной религии ряда

стран, в том числе Англии, во времена Нового Завета апостолы использовали жребий, когда вместо Иуды-предателя выбирали другого ученика, который должен был его заменить на поприще апостольской проповеди. Поскольку данный вид практики решения вопросов в настоящее время не используется, глагол to lot может быть отнесен к историзмам.

Глагол **to ban** встречается в лексикографических источниках с пометой *Archaic* в следующем значении: "**ban,** *v.* **t. 2.** *Archaic.* **a.** to pronounce an ecclesiastical curse upon" [RHCD: 105] / *произносить церковное проклятие в отношении кого-либо*. Верификация данной информации по словарю OED показала, что данный исконно английский глагол в значении "to pronounce an ecclesiastical curse upon, to anathemize. *Archaic*" [OED] / *произносить церковное проклятие в отношении кого-либо, предавать анафеме. Архаичный.* употреблялся в английском языке с 1303 года (хотя каноническая процедура наложения анафемы, т. е. великого отлучения, оформилась много ранее – около 340 года), но в настоящее время практически не используется (частотность составляет 9 случаев на миллион словоупотреблений). Представляется, что возможная причина устаревания рассматриваемого значения глагола to ban может быть связана с тем, что, хотя англиканская церковь и обладает своей конфессиональной идентичностью, тем не менее, некоторые обычаи, аспекты богослужения и церковного устройства сближают ее с католицизмом, а Римско-католическая церковь после принятия в 1983 году нового «Кодекса канонического права» больше не использует термин «анафема».

Очевидно, что устаревание лексики происходит постепенно, в несколько этапов. Одним из факторов, свидетельствующих о том, что идет процесс устаревания лексемы, который в итоге может привести к тому, что данная лексическая единица станет, например, историзмом, является уменьшение частотности ее употребления. В качестве «пограничного» случая (не)отнесения лексической единицы к историзмам можно привести пример исконно английского глагола **to anneal,** имеющего в словаре RHCD помету *Obs*. – "**anneal,** *v. t.* **3.** *Obs*. to fuse colors onto (a vitreous or metallic surface) by heating" [RHCD: 54] / *наносить краски* (*эмаль*) *на стекловидную или металлическую поверхность путем нагревания*. Обращение к словарю OED для верификации данной информации показало, что глагол to anneal в рассматриваемом значении употребляется в английском языке с 1868 года и в настоящее время к архаичной лексике английского языка не относится, хотя и имеет низкую частотность (3 случая на миллион словоупотреблений), что представляется логичным, поскольку описанная технология производства эмалированной посуды, витражей редко используется в настоящее время.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что концепт ИСТОРИЗМ объективируется в английском языке при помощи одноименной языковой категории, члены которой могут быть не только существительными, но принадлежать и к другим частям речи, в том числе и глаголам.

Литература

Боричевская А. А., Ерофеева М. И. Процесс арханзации слов английского языка как обязательное условие поддержания языка в состоянии коммуникативной пригодности // Издательский центр Белорусского государственного университета. 2019. URL: elib.bsu.by›bitstream/123456789/235943/4/…

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО (ИОСО РАО), 2001.

Воронцова Т. Ю. Специфика коннотативного компонента семантики историзмов английского языка: дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000.

RHCD – The Random House College Dictionary. N. Y., Toronto, 1968.

OED – Oxford English Dictionary. URL: https://oed.com

E. O. Sheveleva *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT OF *HISTORISM* BY MEMBERS OF DIFFERENT PARTS OF SPEECH

The article is devoted to the study of the objectification of the concept of HISTORISM in the English language by members of the lexical category of the same name, which belong to the category of verbs. An attempt is made to explain the reasons for the archaization of lexemes, which results in their becoming historisms. The information obtained from lexicographic sources is verified by the most authoritative dictionary, the Oxford English Dictionary. As a "borderline" example of the (non) classification of a lexical unit as a historicism, the verb *anneal* is given.

Key words: concept, cognitive category, archaization, historism, verification, verb.

Е. О. Шевелева, Г. Г. Бондарчук *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
shevelev28@mail.ru, bondarchuk.gal@yandex.ru

О РОЛИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА В АРХАИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КОГНИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Статья посвящена изучению роли «внутренней формы слова» в архаизации членов одной из групп английской архаичной лексики – группе архаизмов. Внутренняя форма слова рассматривается авторами, вслед за Е. Г. Беляевской, как концептуальная внутренняя форма. Выявлены условия, при которых лексема успешно выполняет свои коммуникативные функции и не устаревает. Представлен сопоставительный концептуальный анализ устаревшего значения глагола *to leech* (лечить / вылечивать) и синонимичных с ним глаголов *to cure* и *to heal*.

Ключевые слова: концептуальная внутренняя форма слова, архаизация, центр образа, периферия образа, демотивация.

Архаичная лексика английского языка традиционно подразделяется на три группы – историзмы, архаизмы, устаревающая лексика. Настоящая статья посвящена изучению роли «внутренней формы слова» в архаизации членов такой группы английской архаичной лексики, как архаизмы.

Архаизмы представляют собой устаревшие слова, которые обозначают объекты, понятия, явления современной жизни, называемые в настоящее время более актуальными синонимами. Представляется, что причины, по которым один член синонимичной пары в ходе языковой истории устаревает, а другой остается в активном словаре носителей языка, многообразны и связаны в первую очередь с внутриязыковыми законами. Думаем, что понятие внутренней формы слова, рассматриваемое нами с позиций когнитивной лингвистики, как концептуальной внутренней формы слова, может помочь установить одну из причин, по которой в группе архаизмов в ходе истории английского языка в синонимических парах «побеждает» один из синонимов.

Понятие «внутренней формы слова», введенное академиком А. А. Потебней более века назад, находится и сегодня в центре внимания ученых, причем работающих не только в области лингвистики, но и в области психологии, философии, логики. В итоге теоретическая литература насчитывает сотни публикаций по данной проблематике.

Непреходящая актуальность рассматриваемой проблемы для лингвистов может быть объяснена, в частности, тем, что с помощью понятия внутренней формы слова ученые пытаются решить целый ряд насущных проблем,

в первую очередь проблему семантического развития слова, использования внутренней формы слова в преподавании иностранного языка и др.

Понятию внутренней формы слова даны многочисленные определения, при этом понимание сути данного явления зависит, несомненно, от направления, в котором работает ученый. Как отмечала О. И. Блинова, этимолог воспринимает внутреннюю форму слова сквозь призму этимона – «связь звукового состава слова и его первоначального значения», дериватолог – через связь производного слова и производящего, ономасиолог – через номинационный признак, когнитолог – сквозь призму гештальт-структуры, концептуализацию объектов действительности, лингвокультуролог – с опорой на выражение определенного видения мира и т. д. [Блинова 2012: 7–8].

Не затрагивая в рамках данной статьи все основные положения теории внутренней формы слова, отметим лишь утверждение, которое разделяют все ученые и которое является основополагающим для нашего исследовании – внутренняя форма слова *затемняется*, или, другими словами, стирается, происходит ее забвение, затемнение этимона, демотивация. Именно это дает возможность первичным знакам успешно использоваться при коммуникации в постоянно меняющихся материальных и социальных условиях.

Несомненный вклад в развитие учения о внутренней форме слова внесла когнитивная лингвистика, в частности работы Е. Г. Беляевской. Работая в русле данного направления, мы разделяем ее мнение о существовании концептуальной внутренней формы слова (КВФ) как глубинной когнитивной модели, которая задает единую смысловую структуру для всех значений слова в рамках многозначности. Данная ментальная структура управляет концептуальным осмыслением, структурируя знания на когнитивном, а не только поверхностно-словарном уровне, и полностью определяет развитие семантической структуры слова и закономерности его употребления в коммуникации (см., например, [Беляевская 2007]). При этом под концептом понимается «условная ментальная единица, являющаяся основным элементом концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых и речевых единиц» [Беляевская 2009: 63]).

Как известно, в английском языке есть целый ряд первичных непроизводных слов, которые являются немотивированными, поскольку их форма не указывает на признак, положенный в основу номинации. Установить ее можно только в ходе этимологического анализа. С точки зрения когнитивной лингвистики, такие слова представляют собой *гештальты*, т. е. целостные образы. Полагают, что присущие им признаки или компоненты (в нашей терминологии – концепты) являются относительно равными по статусу, но

находиться они могут либо в центре/ядре образа, либо на периферии, что принципиально важно для понимания процессов вторичной номинации. Как отмечает Н. В. Фурашова, говоря о проблеме семантического развития слова, «следует подчеркнуть, что в основе процесса использования первичных знаков во вторичной функции лежит тот же когнитивный механизм, что и при создании знака – **выделение** из первичного образа одного элемента (признака) <…>, но выделяться могут как признаки, входящие в ядро образа, так и периферийные…» [Фурашова 2010: 119]).

Базируясь на высказанных учеными ранее положениях о расширении границ категории и роли периферии в данном процессе, можно, на наш взгляд, говорить о том, что использование новых концептов на периферии представления об объекте или явлении, приводит к демотивации первичного знака, т.е. стиранию внутренней формы слова, что, в свою очередь, дает возможность лексеме более активно и успешно выполнять свои коммуникативные функции и, добавим, не устаревать.

Проиллюстрируем высказанные выше положения на примере устаревшего глагола *to leech* (лечить / вылечивать) и синонимичных с ним глаголов *to cure* и *to heal*.

Глагол *to leech* был образован в результате конверсии по модели N→V от исконно английского существительного *leech* (пиявка), появление которого относится к древнеанглийскому периоду [OE *lǣce*, ME *leche*]. Прямое значение данного существительного – "«any bloodsucking carnivous aquatic or terrestrial worm of the class *Hirudinea*, certain fresh-water species of which were formerly much used in medicine for bloodletting" [RHCD: 764] / любой кровососущий плотоядный водный или наземный червь из класса Hirudinea, некоторые пресноводные виды которого ранее широко использовались в медицине для кровопускания.

Значение глагола *to leech* "v.t. *Archaic*. to cure; heal" [RHCD: 764] / *арх*. лечить; вылечивать. В связи с этим в центре образа находится концепт ЛЕЧИТЬ / ВЫЛЕЧИВАТЬ. Кроме того, поскольку в паре конверсивов *leech* → *to leech* семантические отношения можно определить, как «объект → действие с данным объектом» (согласно классификации П. А. Соболевой), в качестве ядерного концепта можно имплицировать и концепт СРЕДСТВО ЛЕЧЕНИЯ, имея в виду, что пиявки в случае лечения этим методом являются средством лечения.

Поскольку в дефиниции указано, что глагол *to leech* в данном значении переходный, его валентность включает объект, на который направлено действие, поэтому на периферии образа присутствует концепт ОБЪЕКТ, который может быть вербализован с помощью названия человека или животного.

Концептуальные структуры синонимичных глаголов *to cure* и *to heal* иные, чем у глагола *to leech*. Оба глагола также имеют в центре концепт ЛЕЧИТЬ / ВЫЛЕЧИВАТЬ (“to resort to health” и “to restore to health” соответственно) [RHCD: 327, 609], но не имеют, «не привязаны» к концепту СРЕДСТВО ЛЕЧЕНИЯ. Кроме того, в отличие от глагола *to leech*, оба глагола могут быть не только переходными, но и непереходными: *cure* “v.i. to effect a cure; to become cured” / использовать лекарство; вылечиться; *heal* “v.i. to effect a cure; (of a wound, broken bone, etc.) to get well” / использовать лекарство; (о ране, сломанной кости, т.д.) вылечиться. То есть на периферии их образов концепт ОБЪЕКТ может либо присутствовать, либо отсутствовать.

Все вышесказанное свидетельствует, на наш взгляд, о том, что внутренняя форма лексем, у которых концепты, связующие их значения, располагаются на периферии, быстрее «стирается», в итоге они обладают более широкими коммуникативными возможностями и поэтому, как правило, в ходе языковой истории вытесняют конкурирующие с ними синонимы.

Литература

Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний. М. – Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2007. С. 307–315.

Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 1. С. 60–67.

Блинова О. И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. 2012. № 4(20). С. 5–11.

Фурашова Н. В. О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значений // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 1. С. 116–119.

RHCD – The Random House College Dictionary. London: Random House, 1975.

E. O. Sheveleva, G. G. Bondarchuk *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

ON THE ROLE OF THE INNER FORM OF A WORD IN THE ARCHAIZATION OF ENGLISH VOCABULARY: A COGNITIVE VIEW

The article examines the role of “the inner form of a word” in the archaization of members of such a group of English archaic vocabulary as the group of archaisms. Following E. G. Belyaevskaya, the authors view the inner form of a word as a conceptual

inner form. The article identifies the conditions under which a lexeme successfully performs its communicative functions and does not become obsolete. A comparative conceptual analysis of the obsolete meaning of the verb *to leech* (to treat/to cure) and its synonyms *to cure* and *to heal* is presented.

Key words: conceptual inner form of a word, archaization, image center, image periphery, demotivation.

Н. В. Шелепова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru

ЛИНГВО-КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

В статье представлены результаты изучения процессов моделирования языковой реальности, в основе которых лежат когнитивно-психологические образования. Показано, что лингво-когнитивное моделирование – это фундаментальный механизм работы сознания, обеспечивающий переход от континуальной реальности к дискретной языковой картине мира. Язык как первичная моделирующая система не просто отражает, но конструктивно преобразует действительность, абстрагируя объекты и фиксируя устойчивое в потоке изменчивого.

Ключевые слова: модель, лингво-когнитивное моделирование, познание, репрезентация, модель/картина мира.

Сегодня вопрос моделирования все чаще является предметом научного интереса. Моделирование изучается и используется как точными, техническими, естественными, так и гуманитарными науками. Сюда входят: математическое моделирование, моделирование информации и программ, биологических систем, моделирование мозга, сознания и искусственный интеллект, моделирование психики человека, языковой и художественной реальности и т. д. Предметом настоящего исследования является моделирование языковой реальности посредством лингвистических инструментов, за которыми стоят когнитивно-психологические конструкты, модели. Однако, прежде всего, обратимся к понятиям «модель» и «моделирование».

В научной литературе можно найти огромное количество определений «модели». Еще в 1884 г. выдающийся физик, механик и инженер В. Томсон (лорд Кельвин) в своих «Балтиморских лекциях» (Baltimore Lectures on Molecular Dynamics and the Wave Theory of Light) писал, что понять явление – значит построить его механическую модель. Известный российский ученый Ю. А. Жданов

говорил о том, что модель, как мысленная, так и реальная, является формой применения метода аналогии и выступает как отображение, воспроизведение объекта познания [Жданов 1960]. Среди современных определений, на наш взгляд, наиболее точное, представленное в «Большом психологическом словаре», согласно которому *модель* (в широком понимании) – это «упрощенный мысленный или знаковый образ какого-либо объекта или системы объектов, используемый в качестве их "заместителя", и средство оперирования» [БПС: 382]. При этом, следует помнить, что никакой предмет или явление не может изначально быть моделью само по себе, без участия человеческого сознания, поскольку именно сознание приписывает объекту способность быть моделью. Сознание каждого наблюдателя формирует неповторимую перцептивную модель объекта, и только наше рациональное мышление объединяет субъективные представления разных наблюдателей в общий «физический объект», который существует только в сознании и не имеет такого воплощения в реальном мире.

Итак, процесс создания модели, т. е. *моделирование* – это основной и универсальный принцип работы человеческого сознания. Моделирование часто рассматривается как *метод познания.* С этой позиции модели понимаются как формальные структуры, как онтологические утверждения о природе вещей (миров, обществ, индивидов, действий, мышления и т. д.) и как эвристические, конструкции, предлагающие нам варианты структурирования нашего понимания мира и самих себя [Вартофский 1988: 11]. По мнению И. Б. Новика, «мы строим модель и по ней судим о некоторых свойствах оригинала» [Новик 1964: 5]. В процессе моделирования осуществляется *опосредованное* познание интересующего объекта, поэтому моделирование используется не только в современном производстве, но и в науке, и других областях человеческой деятельности.

Что касается *психических моделей,* то существует точка зрения, что они *тождественны репрезентациям* [ibid; Rickheit, Strohner 1993: 15–17], поскольку последние рассматриваются как единицы представления, стоящие вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающие это что-то в мыслительных процессах [Кубрякова, Демьянков и др. 1996: 157]. Кроме того, считается, что совокупность всех концептуальных репрезентаций есть концептуальная система, или же концептуальная *модель/картина мира* [ibid: 158]. Концептуальная картина мира весьма объемна и сложна, необычайно вариативна, изменчива и непостоянна; «это динамическое образование в сознании человека, служащее обработке информации о мире и одновременно накапливающее эту информацию в обобщенном виде» [Кубрякова 1988: 142]. Она богаче и шире языковой модели/картины мира, поскольку в процессе ее создания задействуются различные типы

мышления, включая авербальное/невербальное (например, разные виды образного мышления – наглядно-действенное, наглядно-образное, визуальное). Поэтому концептуальная картина мира только *частично* объективируется в языковой картине мира. При этом устанавливается обратная связь между концептуальной картиной мира и внутренним устройством языка, моделируемом во многом в соответствии с исходными требованиями этой картины мира [Серебренников 1988: 78]. Также, по мнению Б. А. Серебренникова, картина мира складывается из наиболее жестко заданных элементов мировосприятия (миропонимания) и правил взаимных переходов от одних элементов к другим (отношений между элементами). Такая структура соответствует *наиболее общим моделям систем* как таковых [ibid: 85].

Следует заметить, что кроме классического подхода, предлагающего выделение концептуальной и языковой картин мира, существуют и другие взгляды. Так, М. Планк различает *практическую модель/картину мира* и *научную модель/картину мира* [Планк 1958]. Практическая картина мира – это целостное представление человека об окружающем мире, формирующееся постепенно на основании его переживаний. В свою очередь, *научная картина мира представляет собой модель реального мира в абсолютном смысле, независимого от отдельных личностей и всего человеческого мышления*. Научная картина является максимально приближенной моделью реального мира, но не полностью с ним совпадает. И практическая, и научная модель мира ни есть что-то окончательное, но постоянно изменяющееся и совершенствующееся. Автор подчеркивает, что научная картина мира отличается от практической картины мира не качеством, а только своей более тонкой структурой [Планк 1958: 105].

Возвращаясь к вопросу когниции, заметим, что возможности нашего познания мира безграничны, однако, полагаем, что *количество когнитивных моделей, с помощью которых осуществляется описание концептуальных структур, конечно*. Так, по мнению Б. А. Серебренникова, в языке есть процессы, способствующие тенденции *экономии*, что проявляется в уменьшении количества различных моделей. Рассуждая о *метафорической модели*, автор пишет: «Метафоризация уберегает язык от непомерного разрастания словарного состава, способствуя в этом отношении общей тенденции к экономии языковых средств» [Серебренников 1988: 112].

Более того, чтобы *язык* эффективно служил инструментом общения между людьми, он *должен иметь линейную структуру*. Любое языковое высказывание, в первую очередь, ориентировано на адресата – другого индивида. Оно призвано передать идею в вербальной оболочке так, чтобы получатель ее уловил без искажений. Следовательно, формирование речевых

конструкций в реальных контекстах, которые целенаправленно влияют на восприятие собеседника, реализуется исключительно при условии, что все компоненты этой *языковой модели* располагаются последовательно в единой акустической последовательности. Более того, подобная задача вынуждает абстрагировать ключевые характеристики объектов и связей между ними. В ментальном пространстве они отрываются от первоисточников, обретают автономное воплощение в лексике, грамматических структурах или семантических эквивалентах [ibid: 132].

Действительность претерпевает глубокую трансформацию в языковой модели. Она распадается на автономные, на первый взгляд, независимые или дискретные фрагменты, значительная часть которых в природе вообще не выделяется по отдельности. Такова неизбежность, поскольку без прямого восприятия требуется *адекватная модель замещения*, своего рода *реконструкция* этой недоступной для взгляда *реальности*. Материальный мир вокруг нас эволюционирует в диалектическом потоке, где всё взаимосвязано, пронизано текучестью и лишено чётких границ, что находит свое отражение в восточных языках, например, в китайском, который характеризуется тенденцией указывать на переходные процессы и события. Однако в европейском сознании, например, англоязычном, процесс осмысления мироздания предполагает абстрагирование отдельных объектов с их номинацией, сопоставлением, переводом континуума в разрозненные единицы, подвижного в статичное. Несмотря на повсеместные метаморфозы и отсутствие стабильности в бытии, *языковая модель* ориентирована на фиксацию устойчивого (формы и содержания), на отстранение от изменчивости и динамики.

Наряду с вопросом построения языковой модели мира, активно развивается направление, связанное с *моделированием текстового художественного пространства*. В частности, Е. А. Огневой была предложена концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства в виде номинативного поля художественного концепта *Пространство* [Огнева 2022: 37–49]. Данная концепция дает возможность комплексно интерпретировать индивидуально-авторскую пространственную модель.

Кроме непосредственно самого языка, выступающего в качестве *первичной моделирующей системы*, также выделяют *вторичные моделирующие системы*: миф, религия, фольклор, поэзия, проза, кино, живопись, архитектура и др. При этом «разные знаковые системы по-разному моделируют мир и обладают различной моделирующей способностью» [Постовалова 1988: 15]. Однако это может быть темой отдельного научного исследования.

Таким образом, лингво-когнитивное моделирование представляет собой фундаментальный механизм работы сознания, обеспечивающий переход от

континуальной реальности к дискретной языковой картине мира. Язык как первичная моделирующая система не просто отражает, но конструктивно преобразует действительность, абстрагируя объекты и фиксируя устойчивое в потоке изменчивого. Дальнейшая разработка этой проблематики открывает перспективы для диалога между классической теорией моделирования и актуальными исследованиями языкового сознания в эпоху цифровой реальности.

Литература

Вартофский М. Модели. Репрезентации и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.

Жданов Ю. А. Очерки методологии органической химии. М.: «Высшая школа», 1960.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. факультет МГУ им М. В. Ломоносова, 1996.

Новик И. Б. О философских вопросах кибернетического моделирования. М.: «Знание», 1964.

Огнева Е. А. Концепции когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 37–49.

Планк М. Смысл и границы точной науки // Вопросы философии. 1958. № 5. С. 102–112.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.

Rickheit G., Strohner H. Grundlagen der kognitiven Sprachverarbeitung: Modelle, Methoden, Ergebnisse. Tübingen: Francke, 1993.

БПС – Большой психологический словарь. М.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2009.

N. V. Shelepova *(Astrakhan, Russia)*
Astrakhan State Technical University

LINGUISTIC–COGNITIVE MODELING AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC INVESTIGATION

The article presents the results of a study of the processes involved in modelling linguistic reality, which are grounded in cognitive and psychological structures. It demonstrates that linguistic-cognitive modelling is a fundamental mechanism of

consciousness, enabling the transition from continuous reality to a discrete linguistic worldview. As a primary modelling system, language does not merely reflect reality but actively transforms it by abstracting objects and capturing stable features within the continuous flux of change.

Key words: model, linguistic-cognitive modeling, cognition, representation, model/image of the world.

Ю. М. Шемчук *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
shemchuk.j@mail.ru

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ТОЖДЕСТВА НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию вопроса взаимосвязи категории тождества и параллельных номинаций с точки зрения когнитивной лингвистики. Поскольку языковая личность предстает как субъект создания и развития определенного знания применительно к ситуации общения, а структура схожего ментального знания объективируется в лексической системе разными языковыми личностями, то в языке возникают семантически тождественные лексемы. Тождественные отношения определяют взаимозаменяемость лексических единиц в коммуникативных ситуациях. Категория тождества на лексическом уровне языка выражается через сосуществование параллельных номинаций.

Ключевые слова: лексика, номинация, параллельная номинация, категория тождества, языковая личность, когнитивный подход, категоризация.

Категория тождества в лингвистике может быть рассмотрена поразному. К определению тождественных отношений на лексическом уровне языка следует подходить прежде всего как к лексикологической проблеме взаимозаменяемости слов в схожих коммуникативных ситуациях, т. е. речь идет о вариантности, дублетности или об абсолютной синонимии, что в живой речи встречается редко. А можно изучать категорию тождества в русле исследований когнитивной лингвистики, связывающих ментальный механизм категоризации, который задействован при формировании концептуальной структуры, с появляющимися в результате этого лексическими единицами. Когнитивный подход позволяет объединить понятие и внутреннюю форму слова, проследить затем, как понятие обретает значение в конкретном контексте языковой личности,

ведь, как известно, языковая личность и контекст определяют механизмы языковой категоризации.

Параллельные номинации одного и того же референта детерминируют сущность вокабуляра современного языка [Шемчук 2001]. Когнитивный подход к лексическому параллелизму уже был рассмотрен применительно к системе металингвистических параллелей, появление которых обусловлено языковым вкусом той или иной личности ученого [Шемчук 2021], однако не существует отдельных исследований, посвященных описанию когнитивных аспектов взаимозависимости параллелизма на лексическом уровне и тождества, что определяет новизну данной работы.

Е. С. Кубрякова, анализируя тождество и морфемный состав языка, подметила, что тождество неразрывно связано с одинаковой функциональной нагрузкой единиц [Кубрякова 2007]. Безусловная значимость сохранения идентичных функциональных признаков параллельных номинаций объясняет возможность их взаимозаменяемости применительно к разным контекстам. Нам близка в этой связи точка зрения Л. К. Свиридовой, которая утверждает, что «тождество не монолитно, а в силу ступенчатости своего содержания предлагает не только абсолютное равенство сопоставляемых явлений, но и их относительную идентичность» [Свиридова 2019: 53].

Рассматривая вопрос объективации языковой личностью ментальных конструктов в лексических единицах, уместно вспомнить предложенную Ю. Н. Карауловым структуру языковой личности, включающую вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни [Караулов 1987]. Мотивационный уровень определяет целеполагание личности, а значит именно он как бы запускает в сознании механизм поиска актуальных для индивида концептов, имеющих привязку к лексическим средствам языка. Структура схожего ментального знания объективируется в лексической системе разными языковыми личностями, в результате этого возникают отличные по форме лексемы.

Категория тождества выражается через использование языковыми личностями разных лексем, применительно к схожим ситуациям. «Данная категория является связующим звеном, позволяющим молниеносно связывать мысль с объектом языковым знаком, который, во-первых, максимально приближает к сути данного объекта; во-вторых, передает его как бы «одевая» в ту языковую оболочку, которая имеет языковое значение, закрепленное за ним в языковом вокабуляре; в-третьих, элективно, т. е. избирательно выбирается говорящим в процессе коммуникации из синонимичного ряда слов как наиболее соответствующий речевой ситуации» [Свиридова 2018: 267]. Языковая личность предстает как субъект создания и развития опреде-

ленного знания применительно к ситуации общения, в которой происходит актуализация личностного смысла этого знания.

Одна и та же языковая личность может по-разному концептуализировать смысл в зависимости от того, где, когда и с кем происходит межличностное взаимодействие. Для этого в коммуникативных практиках современного человека находится целый арсенал лексических средств. Здесь важную роль играет дискурс, который определяет языковую оболочку слова. Во время процесса общения можно называть, например, коммуниканта, основываясь на родственных или профессиональных отношениях, использовать формальные или неформальные имена.

Тождество следует отделять от мыслительных операций отождествления как универсальных познавательных операций, которые способствуют формированию целостности смыслового пространства: при отождествлении «человек расчленяет поток информации на дискретные значимые единицы, объединяя их далее на основании общих признаков в классы» [Бразговская 2014: 108]. Искажения в мыслительных операциях отождествления могут привести к восприятию различающихся предметов или явлений как одинаковых, а значит к использованию одной лексемы в качестве обозначения разных объектов номинации, что предопределяет своеобразное сокращение вокабуляра языка.

Мы считаем, что применение когнитивного подхода к анализу параллельных номинаций позволяет осмыслить причины появления множественности имен, находящихся в тождественных отношениях друг с другом, т. е. причины полиномии [Шемчук 2020]. При таком семиозисе происходит отождествление одного и того же объекта с разными словами. Категория тождества связывает когницию с несколькими лексическими формами языка, а существование параллельных номинаций в языке объясняет схожесть процесса восприятия мира и мышления у людей.

Поскольку разные языковые личности являются субъектами создания и развития определенного знания применительно к разным ситуациям общения, то в языке постоянно возникают семантически тождественные лексемы. Тождественные отношения определяют лексический параллелизм, а значит и взаимозаменяемость слов в коммуникативных практиках человека. Категория тождества на лексическом уровне языка выражается через сосуществование параллельных номинаций.

Литература

Бразговская Е. Е. Семнотика идентичности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4(28). С. 108–115.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа: на материале германских языков. 2-е изд.. Москва: URSS, 2007.

Свиридова Л. К. К вопросу о сущности лингвистической категории тождества // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 4(28). С. 50–58.

Свиридова Л. К. Лексические формы выражения тождества в сфере духовно-родственных отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 15(810). С. 265–273.

Шемчук Ю. М. Когнитивный подход к исследованию металингвистических параллелей // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 873–876.

Шемчук Ю. М. Параллельные номинации одного и того же референта в обиходной лексике современного немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. М., 2001.

Шемчук Ю. М. Полиномия как универсальное явление в номинативной системе языка // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. редактор А. В. Иванов. Выпуск 2. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 270–282.

Yu. M. Shemchuk *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

PARALLEL NOMINATIONS AS A FORM OF EXPRESSING THE CATEGORY OF IDENTITY AT THE LEXICAL LEVEL OF LANGUAGE

The article is devoted to the study of the relationship between the category of identity and parallel nominations from the perspective of cognitive linguistics. Since a linguistic personality appears as a subject of creating and developing certain knowledge in relation to a communication situation, and the structure of similar mental knowledge is objectified in the lexical system by different linguistic personalities, semantically identical lexemes appear in the language. Identical relations determine the interchangeability of lexical units in communicative situations. The category of identity at the lexical level of the language is expressed through the coexistence of parallel nominations.

Key words: vocabulary, nomination, parallel nomination, category of identity, linguistic personality, cognitive approach, categorization.

В. Б. Ширшиков *(Москва, Россия)*
Российский государственный гуманитарный университет
vbshirshikov@ya.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЫ: ПРОЦЕССУАЛЬНО-СЦЕНАРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается лексикографическая репрезентация транспортной сферы на материале Большого академического словаря русского языка. Цель исследования состоит в выявлении процессуально-сценарной организации транспортной лексики. Показано, что транспортные номинации образуют не простой тематический перечень, а функционально связанную конфигурацию процессов, локусов, средств, субъектов и параметров перемещения. Предлагается качественно-когнитивная стратификация материала, позволяющая рассматривать академическую лексикографию как базовый уровень реконструкции транспортного когнитивно-культурного кластера.

Ключевые слова: транспортная лексика, лексикографическая репрезентация, транспортная номинация, сценарий движения, когнитивно-культурный кластер, транспортная сфера.

Современная когнитивная лингвистика рассматривает языковое значение как форму репрезентации знания и опыта [Кубрякова 2004: 8–9; Болдырев 2014: 24–26; Попова, Стернин 2007: 14]. В этой перспективе словарная дефиниция значима не только как средство описания значения, но и как способ фиксации устойчивых когнитивных признаков. Для транспортной сферы это особенно важно, поскольку соответствующая лексика соотносится с движением, перевозкой, маршрутизацией, пространственной координацией, контролем и достижением цели.

В современной лингвистике транспортная проблематика рассматривается в аспектах профессионального дискурса, транспортной номинации, рекламной коммуникации, терминологии и неологизации [Исакова 2020; Исакова 2023; Катермина 2024; Мохова и др. 2023]. Когнитивно-дискурсивная перспектива позволяет связать эти наблюдения с более общей проблемой организации знания в языке и дискурсе [Демьянков 2010: 17; Чернявская 2013; Hart 2019: 54–59]. Поэтому лексикографический материал целесообразно рассматривать как нормативный срез транспортной концептуализации, предшествующий анализу профессиональных, институциональных и ассоциативных данных.

Материалом исследования послужила дефиниционная выборка транспортных номинаций из Большого академического словаря русского языка

[БАС 2004–2017]. В анализ включались единицы, в словарных статьях которых транспортная семантика является предметом описания, а не случайным примером употребления. Выборка включает 211 единиц без повторов: 49 глагольных номинаций, 90 именных номинаций, 20 атрибутивных номинаций и 52 устойчивых сочетания, связанные с движением, перевозкой, маршрутом, инфраструктурой или параметрами транспортного процесса. С учётом повторных фиксаций в разных томах количество словарных регистраций составляет 215.

Теоретической рамкой выступает модель транспортного когнитивно-культурного кластера, понимаемая как мезоуровневая форма организации знания, объединяющая номинации, концепты, сценарии, роли, параметры и ценностные доминанты транспортной сферы [Ширшиков 2025: 141–155; Ширшиков 2026: 48–57]. В данной статье кластерная модель используется не как предмет полного теоретического обоснования, а как инструмент интерпретации лексикографического материала. Это позволяет не подменять словарный анализ дискурсивным, но показать, какие элементы кластерной структуры уже закреплены на уровне академической дефиниции.

Центральное место в выборке занимают процессуальные номинации, поскольку именно они задают динамический каркас транспортной концептуализации. Глаголы *ехать*, *ездить*, *двигаться*, *следовать*, *везти*, *возить*, *перевозить*, *доставлять*, *въезжать*, *выезжать*, *переезжать*, *объезжать*, *обгонять*, *разъезжаться*, *маневрировать* репрезентируют движение как направленное, повторяемое, каузированное, фазовое или регулируемое действие. Так, *ехать* актуализирует перемещение с использованием средства передвижения, *ездить* добавляет признак регулярности, *следовать* усиливает маршрутную заданность, а *везти* и *перевозить* переводят движение в план организованной транспортной деятельности.

Объектные и локативные номинации формируют материально-пространственную основу транспортного сценария. Названия средств передвижения и транспортных объектов – *вагон*, *велосипед*, *вертолёт*, *грузовик*, *лодка*, *машина*, *метро*, *баржа*, *буксир* – конкретизируют технические формы реализации перемещения. Локативные единицы *дорога*, *путь*, *маршрут*, *линия*, *магистраль*, *вокзал*, *депо*, *въезд*, *выезд*, *переезд*, *перевал*, *разъезд* описывают не абстрактное пространство, а пространство, специально организованное для движения, ожидания, пересадки, стоянки или преодоления препятствия.

Субъектные номинации показывают, что транспортная сфера в словаре представлена как социально распределённая деятельность. Единицы *водитель*, *машинист*, *извозчик*, *каюр*, *бурлак*, *грузчик*, *заправщик*, *грузоотправи-*

тель, *грузополучатель* фиксируют управление, обслуживание, отправление, получение, погрузку и сопровождение перемещения. Атрибутивные номинации *дорожный*, *грузовой*, *габаритный*, *грузоподъёмный*, *заправочный*, *маршрутный*, *навигационный*, *перевозочный* задают параметры функциональной принадлежности, технической рассчитанности и нормативной организации движения.

Особое место занимают устойчивые сочетания, зафиксированные в словарных статьях БАС: *ехать дальше*, *ехать назад*, *ездить взад и вперёд*, *идти водой*, *плыть водой*, *доставка грузов водой*, *через перевал*, *на перевозе*, *с перевалкой*, *заехать на станцию*, *заправиться топливом*, *на маршруте*, *по линии метро*. Они не образуют самостоятельного фразеологического корпуса, но демонстрируют переход от отдельной номинации к свёрнутой модели действия, где фиксируются направление, способ, препятствие, регулярность, средство и результат перемещения.

Стратификация материала носит качественно-когнитивный характер и не подменяет частотный корпусный анализ. Центральную зону образуют номинации, непосредственно задающие базовую схему транспортной концептуализации: *ехать*, *двигаться*, *везти*, *перевозить*, *дорога*, *путь*, *маршрут*, *движение*, *перевозка*. Переходная зона включает объектные и субъектные единицы, конкретизирующие способ реализации транспортного процесса и распределение ролей: *вагон*, *грузовик*, *метро*, *лодка*, *планер*, *водитель*, *машинист*, *грузоотправитель*, *грузополучатель*. Периферийная зона представлена атрибутивными и параметрическими номинациями: *габаритный*, *навигационный*, *грузоподъёмный*, *маршрутный*, *перевозочный*, *разъездной*, *заправочный*.

Полученные данные позволяют рассматривать транспортную лексику как процессуально-сценарную конфигурацию, а не как тематический перечень. Семантическое поле преимущественно фиксирует лексико-семантическую связанность единиц [Trier 1931; Апресян 1995], фрейм описывает типовую ситуацию и её роли [Fillmore 1985: 223–254], тогда как кластерный подход акцентирует устойчивую координацию нескольких номинативных зон в пределах одной предметной области. Для транспортной сферы это принципиально, поскольку движение в словаре представлено одновременно как процесс, пространство, средство, роль и параметр.

Таким образом, академическая лексикография подтверждает, что транспортная сфера может быть описана как мезоуровневая конфигурация взаимосвязанных номинаций и сценариев. БАС фиксирует базовую языковую проекцию транспортного когнитивно-культурного кластера: глаголы задают динамику действия, локативные единицы организуют пространство, объ-

ектные номинации конкретизируют средства, субъектные единицы распределяют роли, а атрибутивные формы уточняют технические и нормативные параметры. Перспектива исследования связана с сопоставлением лексикографического уровня с профессиональным дискурсом, институциональными текстами, ассоциативными данными и фразеологическим материалом.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

БАС 2004–2017. Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2004–2017.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. 4-е изд. Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2014.

Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 5–17.

Исакова А. А. Коммуникативное пространство транспортной номинации // Наука, инновации, образование. 2020. № 17. С. 231–237.

Исакова А. А. Миф в транспортном рекламном дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 8 (44). С. 1–3.

Катермина В. В. Когнитивно-прагматический аспект транспортных неологизмов англоязычного дискурса // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 1 (118). С. 112–122.

Мохова О. Л., Львова Н. И., Мухина Ю. М. Особенности перевода транспортной терминологии // Наука и современное общество. 2023. № VIII. С. 131–133.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2013.

Ширшиков В. Б. Транспортный когнитивно-культурный кластер как модель лингвистического анализа профессионального дискурса // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2025. № 6. С. 141–155. DOI: 10.5281/zenodo.18098259.

Ширшиков В. Б. Лингвокогнитивный анализ англоязычного транспортного дискурса в рамках модели транспортного когнитивно-культурного кластера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26. Вып. 1. С. 48–57.

Fillmore Ch. J. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6. No. 2. P. 222–254.

Hart C. Cognitive Linguistics and Critical Discourse Analysis: Applications and Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg: Carl Winter, 1931.

V. B. Shirshikov *(Moscow, Russia)*
Russian State University for the Humanities

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF THE TRANSPORT SPHERE: THE PROCESSUAL-SCENARIO ASPECT

The article examines the lexicographic representation of the transport sphere based on the Great Academic Dictionary of the Russian Language. The study aims to reveal the processual-scenario organization of transport vocabulary and shows that transport nominations form a functionally connected configuration of movement, route, vehicle, participant and parameter nominations. The proposed qualitative cognitive stratification makes it possible to treat academic lexicography as a basic level in reconstructing the transport cognitive-cultural cluster.

Key words: transport vocabulary, lexicographic representation, transport nomination, movement scenario, cognitive-cultural cluster, transport sphere.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

А. И. Бочкарев *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный технический университет
arsentiy_87@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕХУДОЖЕСТВЕННОГО КАМЕО В АМЕРИКАНСКИХ СИТУАЦИОННЫХ КОМЕДИЯХ

В представленной статье изучаются особенности актуализации аксиологического статуса нехудожественного камео в американских ситуационных комедиях. Камео может получать как положительную, так и отрицательную оценку. Положительная оценка либо имеет предельный характер, либо носит утилитарный характер. Отрицательная оценка обычно имеет утилитарно-истинностную направленность. Внешность камео обычно оценивается положительно одним героем произведения и получает отрицательную оценку от другого персонажа.

Ключевые слова: камео, положительная оценка, отрицательная оценка, ситуационная комедия, эстетика, истина, утилитаризм.

В современной американской лингвокультуре увеличивается влияние лингвокультурного типажа ‘celebrity’ на формирование системы ценностей общества. Так, знаменитости становятся важной ролевой моделью для большинства представителей американской лингвокультуры [Бочкарев, Макарова 2024а]. Это привело к повсеместному распространению образа знаменитости в различных сферах человеческой деятельности.

В кинематографе художественный прием, заключающийся в актуализации образа знаменитости в соответствующем произведении, называется камео. Первоначально слово cameo обозначало исключительно драгоценный камень: a precious stone having two layers of different colours, in the upper of which figure is covered in relief, while the lower serves as a ground [The Oxford English Dictionary 1933: 49]. При этом, согласно данным Оксфордского словаря 1989 года, слово cameo в значении «небольшой литературный скетч» встречается в языке еще с середины XIX века, а в значении «небольшая

роль» – с середины XX: a short literary sketch or portrait; a small character part that stands from the other minor parts [The Oxford English Dictionary 1989: 805]. В свою очередь, в современном Оксфордском словаре основным значением рассматриваемого слова становится: a small part in a film or play for a famous actor [OALD, URL]. В данном определении внесено уточнение относительно того, чем должна выделяться роль камео, а именно: ее должен играть известный актер. При этом в словаре Collins Dictionary представлено чуть более широкое определение, которое в большей степени соотносится с распространенным пониманием cameo: a small role in a play or film which is played by a well-known actor or celebrity [CED, URL], т.е. в качестве камео могут выступать не только актеры, но и различные знаменитости.

В современном комическом дискурсе можно выделить три вида камео: знаменитости в роли самих себя, знаменитости в качестве персонажей данного произведения, знаменитости в своих известных образах из других произведений [Бочкарев, Макарова 2024б]. В представленной статье мы рассмотрим первый тип камео, который можно охарактеризовать как нехудожественное камео.

В американском кинематографе популярность камео инициирована сериалом “Friends”, где данный прием начал использоваться довольно часто, при этом в наибольшей степени актуализация нехудожественного камео осуществляется в сериале “The Big Bang Theory”. Также следует отметить, что если хронометраж первых камео (например, А. Хичкок в фильме “The Lodger: A Story of the London Fog”) составлял несколько секунд, то в современной киноиндустрии камео могут переходить во второстепенный актерский состав сериала (например, Уил Уитон в сериале “The Big Bang Theory”).

Аксиологический статус любого явления определяется через его оценку. В общем, можно выделить три типа оценок: положительные, нейтральные и отрицательные. Также оценки делятся на общие и частные [Арутюнова 1998: 196–197], при этом все общие оценки можно выразить через оппозицию «хороший – плохой» [там же: 198]. В свою очередь, частные оценки соотносятся с соответствующими ценностными областями (этическая, эстетическая, утилитарная, гедонистическая, истинностная) [Серебренникова 2011].

В американских ситуационных комедиях нехудожественный камео получает как положительную, так и отрицательную оценку.

Положительная оценка преимущественно заключается в выражении восхищения героями произведения соответствующего камео. Оценка носит предельный характер:

Grant: This is Leslie Knope. She's considering a job with us running the new Midwest Bureau in Chicago. Michelle Obama: Well, you know how I feel about Chicago. Leslie: Ah, you are from Chicago, so you like it! Michelle Obama: That's right, and we need passionate people like you on our national parks. You know, they get hundreds of millions of visitors each year. Are you nodding because you agree with me? Leslie: Yes, I do agree with you. I agree with you on all things throughout history until the end of time, forever. <…>Leslie: Just… can I high-five you? Michelle Obama: Yeah. Well… (Parks and Recreation. Moving Up: Part 1).

Камео получает предельную положительную истинностную оценку (I agree with you on all things throughout history until the end of time, forever) и положительную оценку в форме просьбы о телесном контакте (Just… can I high-five you?). Подобная предельная положительная оценка обусловлена прежде всего максимально высоким статусом камео (действующая первая леди США).

Также положительная оценка может носить утилитарный характер, где высоко оцениваются ключевые действия знаменитости:

You waited 17 years to tell me that you met the greatest boxer of all time? My son was rocked to sleep by Senator Mike Tyson? (How I Met Your Mother. Bad Crazy).

Камео характеризуется в качестве лучшего представителя своей профессии (the greatest boxer of all time), который в альтернативном мире также достиг успеха в политике (Senator).

Отрицательная оценка обычно носит утилитарно-истинностный характер, где сомнению подвергается сам статус знаменитости, который является базовой характеристикой знаменитости. Встречаются два типа подобных сценариев.

С одной стороны, герои произведения при встрече со знаменитостью не узнают ее, при этом зачастую в подобных ситуациях герои грубо обращаются со знаменитостью:

Leonard: What about Wonder Woman's bracelets? Raj: Good point. Strong as a metal and fierce as a fashion choice. Neil Gaiman: You know, Thor's hammer's pretty powerful, and in the comics, it's made out of enchanted uru. Stuart: Uh, yeah, I think it's the enchantment that's powerful, not the uru, but, uh, thanks for playing. (flashforward) Raj: Oh, man, I can't believe Neil Gaiman came in, and we weren't even there (The Big Bang Theory. The Comet Polarization).

Герои не узнают знаменитость, что, скорее всего, обусловлено непубличным статусом знаменитости (писатель), грубость выражается интонационно (снисходительный тон) и невербально (пренебрежительное выражение лица). В тексте также выражено вербальное подтверждение непризнания личности знаменитости (Neil Gaiman came in, and we weren't even there).

С другой стороны, герои могут идентифицировать знаменитость, но не признавать ее статус. В подобных случаях настоящей знаменитостью признается другой человек:

Barney: Mm, oh, you didn't really get everything on the list. N-No offense to Ralph Macchio, but he ain't the Karate Kid (How I Met Your Mother. The Bro Mitzvah).

Камео не отождествляется персонажем сериала в качестве главного героя фильма (he ain't the Karate Kid). В предыдущем контексте персонаж сериала называет главным героем фильма его антагониста (William Zabka, star pupil of the Cobra Kai Dojo).

Общую отрицательную оценку также получают тщеславные поступки знаменитостей, при этом следует отметить, что тщеславие относится к отрицательной этической категории:

Raj: That's why I say Keaton's number one. He brought a sense of humor to the role. Adam West: Oh, if you're gonna factor in a sense of humor, then I should be at the top of the list. It should be me, Keaton, Kilmer, Lego, Bale, and that pretty boy Clooney. Howard: Really? You're ahead of Bale? The man who personified the words, (deep voice): I'm Batman (The Big Bang Theory. The Celebration Experimentation).

Тщеславие знаменитости заключается в том, что он считает себя лучшим актером, сыгравшим Бэтмена (It should be me, Keaton, Kilmer, Lego, Bale, and that pretty boy Clooney). Данное утверждение получает косвенную отрицательную истинностную оценку (Really? You're ahead of Bale?).

Следует также отметить, что в ситуационных комедиях знаменитости обычно получают положительную эстетическую оценку от одних героев и отрицательную от других:

RACHEL: What? MONICA: Jean-Claude Van Damme. I didn't know he was in this movie, he is so hot. RACHEL: Ya think? (Friends. – The One After The Superbowl, Part 2).

Камео получает положительную эстетическую оценку от одного героя (he is so hot) и косвенную отрицательную от другого (Ya think?).

В американских ситуационных комедиях нехудожественное камео получает как положительную, так и отрицательную оценку. Положительная оценка может носить предельный характер, в том случае если герой произведения выражает свое восхищение знаменитостью. Также высоко могут оцениваться действия или характеристики знаменитостей, которые принесли им славу. Положительные оценки могут носить как общий, так и частный характер (утилитарные, истинностные и т.д.). Отрицательные оценки обычно носят утилитарно-истинностный характер. В подобных

ситуациях сам статус знаменитости подвергается сомнению. Кроме того, часто отрицательно оценивается тщеславие знаменитостей. В свою очередь, внешность знаменитостей обычно положительно оценивается одним героем произведения и отрицательно оценивается другим.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Бочкарев А. И., Макарова Н. Е. Лингвокультурное типажное поле ‘celebrity’ // Язык и культура. 2024а. № 68. С. 8–24.

Бочкарев А. И., Макарова Н. Е. Особенности актуализации камео в американских ситуационных комедиях и скетч комедиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024б. № 3. С. 78–86.

Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 27–40.

CED – Collins English Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english.

OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com.

The Oxford English Dictionary. Volume 2. C. First Edition. Oxford: The Clarendon Press, 1933.

The Oxford English Dictionary. Volume 2. B.B.C. Chalypsogrphy. Second Edition. Oxford: Clarendon Press, 1989.

A. I. Bochkarev *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk State Technical University

THE AXIOLOGICAL STATUS OF THE NON-FICTIONAL CAMEO IN AMERICAN SITUATION COMEDIES

The article examines the specifics of actualizing the axiological status of non-fictional cameos in American situation comedies. Cameos can receive both positive and negative ratings. A positive assessment is either superior or utilitarian in nature. A negative assessment is usually of a utilitarian-truth nature. The appearance of a cameo is usually evaluated positively by one hero of the work and receives a negative assessment from another character.

Key words: cameo, positive assessment, negative assessment, situational comedy, aesthetics, truth, utilitarianism.

Е. В. Волкова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
fujivara_isae@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА *ПРАГА* В БРИТАНСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОЭМ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье анализируются механизмы трансформации индивидуально-авторского концепта ПРАГА, актуализированного в «Поэме Горы» и «Поэме Конца» М. И. Цветаевой, в переводах этих поэм на английский язык, выполненных Э. Файнстайн и Д. Макдафом. Концепт актуализирован на лексическом уровне. В переводе концепт PRAGUE потерял значимые когнитивные признаки: достопримечательности, знаковый район и даже имя.

Ключевые слова: концепт ПРАГА, когнитивные признаки, М. И. Цветаева, художественный перевод, «Поэма Горы», «Поэма Конца».

Марина Ивановна Цветаева – один из самых популярных у англоязычных переводчиков русских поэтов, чьи книги в новых переводах появляются ежегодно, что делает анализ трансформации индивидуально-авторских концептов Цветаевой, несомненно, несущих русскую культурную окраску, актуальной проблемой современности, ведь через переводы художественных текстов и передачу отраженной в них картины мира происходит межкультурный диалог, который приводит либо к взаимопониманию, либо к его отсутствию. Наибольшей популярностью у англоязычных переводчиков Цветаевой пользуются «Поэма Горы» и «Поэма Конца», каждая из которых переведена на английский язык не менее шести раз. Материалом данного исследования служат тексты оригиналов «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» М. И. Цветаевой и их переводы на английский язык, выполненные британскими переводчиками. «Поэма Горы» переведена Э. Файнстайн, в то время как «Поэма Конца» имеет два варианта перевода, выполненных Э. Файнстайн и Д. Макдафом.

Данное исследование опирается на понимание индивидуально-авторской картины мира как отраженного языковыми средствами через тексты произведений видения автором мироустройства и окружающей действительности и его представления об абстрактных жизненных явлениях [Волкова 2025: 115]. Элементом картины мира является концепт, который определяют как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей

картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, Демьянков и др. 1997: 90]. Когнитивные признаки концепта, актуализированные через различные лингвистические средства в авторском тексте, являются предметом нашего исследования.

Следуя методике Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина [Бабенко, Казарин 2005] и подходу Н. А. Николиной [Николина 2003], были определены ключевые концепты, актуализированные в текстах «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» М. И. Цветаевой: ПРАГА и ЛЮБОВЬ. Концепт ПРАГА относится к социальным концептам, составляя ту часть картины мира, которая отражает видение элементов мира, созданных человеком.

«Поэма Горы» и «Поэма Конца», обращенные к К. Б. Родзевичу, были написаны в 1924 году в Чехии как крик боли от расставания. История любви между Цветаевой и Родзевичем произошла в Праге осенью 1923 года. Проведенный нами контекстуальный анализ выявил следующие когнитивные признаки актуализированного в поэмах концепта ПРАГА: город любви и расставания; город, над которым – гора; река и мост; пригород и загород, окраины; люди и места; достопримечательности и районы; город, где дом.

Наиболее частотой номинацией, актуализирующей концепт PRAGUE в тексте перевода «Поэмы Горы» («Poem of the Mountain») является «mountain». Таким образом, и здесь Прага – прежде всего город, где есть гора, т. е. холм Петршин. М. И. Цветаева противопоставляет свою «гору» более низким, менее значимым элементам ландшафта: «О когда б, здраво и попросту: / Просто – холм, просто – бугор…» [Цветаева 1994: 26]. Э. Файнстайн сохраняет это противопоставление, используя номинации «hill» и «bump».

Город переведен Э. Файнстайн как *town*, а *над городом – looked on the town* [Tsvetaeva 2023: 87]. Получается, что Прага – маленький город или город, где нет собора (согласно определениям «town» британских толковых словарей), но ни то, ни другое неверно. Характеристика «казарменный холм», т. е. холм с казармами на нем, также неверна в переводе. Э. Файнстайн использует вариант *military hill*, что не передает реальность, а именно то, что на склоне Петршинского холма, в районе Уезд, до 1932 года находились Уездские казармы, портившие склон и вид.

М. И. Цветаева отмечает некоторые достопримечательности в тексте «Поэмы Горы», предлагая добавить в список важное лично для нее место:

«Жизнь свою – как карту бьем!
Страстные, не быть упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами —
Чтите мой угрюмый грот» [Цветаева 1994: 27].

«Двенадцать апостолов» – это астрономические часы на Ратушной башне, на которых каждый час выходит процессия двенадцати апостолов, которых ведет Св. Петр. «Медвежий ров» есть в Чешском Крумлове, но у холма Петршин в Праге был в то время Олений ров (сейчас уже нет), на дне которого стоял так называемый Медвежий домик. Цветаева имеет в виду либо достопримечательность в Чешском Крумлове, либо, соединяет ее с Оленьим рвом и Медвежьим домиком в Праге. В любом случае, переводчику необходимо использовать англоязычный эквивалент названия достопримечательности «Медвежий ров». В переводе *the twelve apostles* сохранены, но переводчица не замечает отсылки к *Bear Moat*, используя вариант *a bear pit*, который, тем не менее, позволяет передать образный компонент концепта, без привязки к конкретному месту. Образный компонент концепта, однако, все равно изменен. Например, «вересковые», которые растут на склонах «горы» и имеют эквивалент *heather*, который цветет фиолетовыми, розовыми или белыми цветами, переведены как *gorse*, утесник (или дрок) – кустарник, цветы у которого желтые.

В «Поэме Конца» география Праги представлена более широко. Здесь появляются река, набережная и мост, различные места, куда заходили герои поэмы на своем прощальном пути – к дому Марины Цветаевой на холме Петршин. Наиболее частотные номинации в переводе Д. Макдафа – *home, love* и *suburb*, в переводе Э. Файнстайн – *love, last* и *bridge*. Прага – это город, где была любовь, но влюбленные расстались, а также это город, где у поэта дом – в пригороде.

Во время пути, описанного в поэме, герои переходят мост, и Цветаева упоминает мостовину. Это была плата, взимаемая в то время за переход моста, Цветаева даже говорит о монетах. Тем не менее, оба переводчика неверно трактуют слово «мостовина» как часть моста (“the last bridging between water and firm land” [Tsvetaeva 2023: 104] у Файнстайн и “the last, the final girder” [Tsvetayeva 1991: 126] у Макдафа), упуская, таким образом, пражскую реалию времени создания поэм. Упущен в обоих переводах и конкретный район Праги – Еврейский квартал, который сейчас является известной достопримечательностью, а в то время выполнял свою прямую функцию – был местом, где селились еврейские семьи. Пражский Еврейский квартал, известный как “Josefov” или “Jewish Quarter”, становится *Jewish zone* у Макдафа и «Hebrew quarter» у Файнстайн. Да, Марина Цветаева использовала это название в тексте поэмы в качестве нарицательного, но ведь текст написан в Праге, и это не просто совпадение. Город здесь в каждой строке, город – тоже действующее лицо (как Петербург у Достоевского).

Среди пражских мест, где бывают герои поэмы, выделяется «наша молочная», то место, где они по утрам пили кофе. Это чешский “mléčný bar” – кафе-молочная, где можно купить свежие молочные продукты, а также выпить кофе и получить легкие закуски. Э. Файнстайн переводит его просто как *café*, а Д. Макдаф – как *milkbar*. Второй вариант оказывается ближе к истине, но и здесь возникает опасность ложной культурной атрибуции при использовании переводчиком заимствования-кальки, так как ее сходство с концептом внутренней лингвокультуры может привести к тому, что читатель и воспримет описываемое явление в рамках языка описания и соотнесет его с «фактом внутренней культуры» [Белоглазова, Кабакчи 2018: 51]. В английской лингвокультуре *milk bar* имеет особое значение в Австралии и Новой Зеландии, а также может пониматься как классическая закусочная, где отдают предпочтение молочным коктейлям, мороженому и смузи.

Говоря об остальных номинациях, составляющих номинативное поле концепта ПРАГА и актуализирующих его когнитивные признаки в тексте «Поэмы Конца», то в большинстве случает они переведены с использованием прямых словарных эквивалентов с некоторыми, однако, расхождениями. Так, *столб* переведен как *pillar* и как *post,* одним и тем же переводчиком, хотя в обоих случаях это фонарный столб (Макдаф), а *окрестности* и *пригород* у него – всегда *suburbs*, в то время как у Файнстайн – и *suburbs*, и *outskirts*, т. е. периферия номинативного поля концепта то сужается, то расширяется. Э. Файнстайн в своем переводе пропустила некоторые части поэмы, и это также влияет на восприятие внутренних смыслов текста.

Таким образом, в тексте переводов «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца», выполненных британскими переводчиками Э. Файнстайн и Д. Макдафом, отмечается изменение когнитивных признаков концепта PRAGUE по сравнению с оригинальным ПРАГА. Так, наибольшие изменения претерпели такие признаки, как «пригород и загород, окраины с фабрикой и казармами» и «известные достопримечательности, районы», из-за чего город нельзя идентифицировать. Кроме того, сама номинация «Prague» встречается лишь один раз вместо трех (подпись сохранена в переводе «Поэмы Конца»), оставаясь в переводах Э. Файнстайн лишь на имплицитном уровне актуализации. Если читатель не знает, о каком городе идет речь, он этого так и не поймет.

Литература

Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005.

Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 49–59.

Волкова Е. В. Актуализация концепта «Прага» в поэмах М. И. Цветаевой // Образ мира в языковом и литературном пространстве: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Мариуполь, 23 мая 2025 г. / под ред. Л. А. Сиволап. Мариуполь: Мариупольский государственный университет им. А. И. Куинджи, 2025. С. 115–117.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.

Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения. Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994.

Tsvetaeva M. Bride of Ice. Selected Poems translated by Elaine Feinstein. Manchester: Carcanet Press Limited, 2023.

Tsvetayeva M. Selected Poems. Translated by David McDuff. Eastburn: Bloodaxe Books, 1991.

E. V. Volkova *(St. Petersburg, Russia)*
St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF *PRAGUE* IN BRITISH TRANSLATIONS OF MARINA TSVETAEVA'S LONG POEMS

The article analyzes the mechanisms of transformation of the individual author's concept of ПРАГА, actualized in Marina Tsvetaeva's "Poem of the Mountain" and "Poem of the End", in the translations of these poems into English, made by Elaine Feinstein and David McDuff. The concept is actualized at the lexical level. In translation, the concept of RAGUE has lost significant cognitive features: landmarks, an iconic district and even a name.

Key words: concept of PRAGUE, cognitive features, Marina Tsvetaeva, literary translation, "Poem of the Mountain", "Poem of the End".

З. К. Дербишева *(Бишкек, Кыргызстан)*
Кыргызско-Российский Славянский университет
dezami2015@gmail.com

Ж. С. Хулхачиева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
khulkhachieva@linguanet.ru

МОДИФИКАЦИИ ОБЛАСТЕЙ ЗНАНИЯ В ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР[1]

В работе с опорой на материале русских и кыргызских тюркизмов устанавливаются различия в конструировании предметных областей знания. Выявлены два типа семантических модификаций: в составе предметных компонентов и при гибридизации с признаковостью. Определены особенности дезинтеграции кыргызской и русскоязычной культур в проявлении указанных модификаций в ряде сфер знания.

Ключевые слова: дезинтеграция культур, семантические модификации, область знания, предметность, качественность.

Настоящее исследование обращено к проблеме анализа интеграции и дезинтеграции культур с опорой на состав областей знания, получивших отражение в заимствованной лексике, и на их семантические модификации. Как известно, заимствования могут обозначать область знания, отсутствующую в языке-реципиенте, и уже существующую в нем [Thomason 2001; Winford 2005; Haspelmath 2009; Kiose et al 2025]). Для данной работы интерес представляет первый случай, иллюстрацией которого служат тюркизмы в русском языке, при этом для них далеко не всегда возможна строгая отнесенность к одному тюркскому языку-источнику [Фасмер 1986]. Одним из вариантов установления зон общего лексикона, возникших в результате языковых контактов, является опора на список Сводеша; обнаружение в языках слов со значениями слов из данного списка позволяет создать «номинационную решетку» [Дыбо 2013: 12] с учетом разных значений слов. В логике сказанного предполагаем, что решение для установления зон дезинтеграции культур можно выработать с привлечением этимолого-семантической основы [Дербишева 2019] слов в одном из тюркских языков, которая с определенной долей условности используется для анализа

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания проект FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик» в Московском государственном лингвистическом университете.

варьирования в семантике заимствованных тюркизмов и, соответственно, для определения модификаций в конструировании разных сфер знания – в нашем случае предметного типа. В данной работе в качестве такого языка рассматривается кыргызский, который мог только в самых редких случаях выступать непосредственным языком-донором для исследуемых вхождений. Материалом анализа выступают словари кыргызского языка (для установления этимолого-семантической основы тюркизмов) и Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ, для определения типов модификаций).

Методологически работа опирается на решение, предложенное в рамках когнитивной концепции частей речи в работах Е. С. Кубряковой. Так, выделяются такие концептуальные свойства частей речи, как предметность и признаковость, где последнее далее классифицируется на процессуальность (глагольность) и непроцессуальность (атрибутивность, реализующая семантику стабильной и нестабильной атрибутивности) [Кубрякова 2004: 247–249]. При этом возможны случаи гибридизации предметных и признаковых компонентов в конструировании знания [Ирисханова 2004]. Предполагаем, что различия в составе концептуальных компонентов областей знания, обозначенных русскими и кыргызскими тюркизмами, указывают на векторы развития общего и культурно обусловленного знания и тем самым на зоны дезинтеграции культур.

При выборе лексических единиц, подвергающихся анализу, мы руководствовались рядом критериев. Во-первых, тем, что основная часть тюркизмов в русском языке относятся к бытовизмам. Вторым критерием отбора исследуемых русских тюркизмов было сохранение их формы и значений в современном кыргызском языке. Анализ лексического материала проводится с учетом неоднородности тюркского компонента в современном русском употреблении. В работе выделяются три уровня вхождений. Во-первых, рассматриваются общерусские тюркизмы, давно закрепившиеся в литературной норме и утрачивающие ощущение «иноязычности»: это хозяйственно-бытовая сфера (39765 вхождений в НКРЯ). Во-вторых, описываются регионально актуализированные единицы, которые в русской речи сохраняют повышенную частотность и функциональную значимость; внутри этого слоя материал группируется по сферам употребления: *сфера пищевой культуры* (3882 контекста), *разговорно-оценочная лексика* (5114 вхождений), *ландшафтно-биологические номинации* (4510 вхождений), *социально-ролевая лексика* (15500 вхождений). В-третьих, отдельно анализируется этнокультурно маркированная лексика (148 вхождений).

Анализ состава концептуальных компонентов предметных областей знания в русских и кыргызских тюркизмах указанных областей проведен

с применением двухэтапной процедуры анализа [Беляевская; Заботкина, Новодранова]: на первом этапе устанавливается значение тюркизма (как по итогам анализа словарных дефиниций в кыргызском языке и анализа контекстуальных употреблений по НКРЯ – в русском), на втором этапе эти значения соотносятся с типами концептуальных значений [Кубрякова 2004] и типами семантических сфер [НКРЯ]. В целом обнаружено два общих типа модификаций: 1) модификации в рамках предметных сфер и 2) модификации гибридного типа – предметно-признаковые (например, при метафоризации отдельных предметных номинаций). Рассмотрим перечисленные модификации по трем уровням вхождений и по отдельным сферам знаний.

Для конструирования знания, представленного в общерусских тюркизмах хозяйственно-бытовой сферы (номинации *юрта, казан, очаг, сундук, сарай, арба, аркан, арык, колпак, серьга*), характерны модификации, описывающие сдвиги в **расширении – сужении пространства, включающего объекты данных номинаций**. Так, если слово *юрта* в русском языке (ж. *боз үй – серый дом, кийиз үй – войлочный дом)* [Юдахин 2000: 980]) обозначает сферу знания жилища кочевников (*Здесь все было, как и двадцать лет назад, когда Суриков, еще студентом, приезжал лечиться от «грудной болезни» – пить кумыс в татарских **юртах** и писать таежные пейзажи на Матуре и в Аскизском* (Н. П. Кончаловская, 1978), то кыргызская основа *журт* гораздо шире: это и ‘место стоянки’, и ‘родные земли/родина’, и ‘народ/сообщество’, что хорошо прослеживается и в кыргызском словосочетании *ата-журт* (отечество). Таким образом, наблюдаем смену семантических сфер «Пространство и место – Здание и сооружение». При этом пространство может конструироваться как более узкое и в киргизской культуре. Например, *очаг* в русском языке используется для конструирования объектов, располагающихся в центре, служащих источником чего-либо (*очаг пожара, очаг землетрясения*, как в *Подгоняемые ветром пуки соломы рассыпались, падали на крыши, попадающиеся им на пути, и с шипением и свистом возникал новый **очаг** пожара* (А. А. Есенина, 1960–1979), *Что же касается вопроса, что именно наблюдать, то, как показывают исследования последних лет, **очаг** землетрясения генерирует не только электрическое поле, но и инфразвуки и радиоволны* (Т. Большакова, В. Псаломщиков, 1974)). Хотя в русско-киргизском словаре *очаг* (м.) определяется как *1) очок, коломто, кемеге; 2) перен. уя (гнездо), борбор (центр), чыккан жери (место происхождения); культурный очаг – маданий борбор; очаг пожара – өрт чыккан жер; потушить очаги войны – согуш оту чыккан жерлерди жок кылуу; домашний очаг – өз үйү* [Юдахин 2000: 518]), кыргызское *очок* сохраняет первоначальную бытовую конкретику – очаг как сложенная из камней опора

для казана, конструирование центра, места происхождения с использованием данной номинации редко. Иную ситуацию наблюдаем с конструированием пространства со словом *сарай*. В кыргызском языке слово используется для конструирования разных объектов, включая как нейтральные хозяйственные постройки, так и наименования парадных дворцовых строений; в [Юдахин 1985, т. 2: 136]: 1) дворец *кан сарай* (ханский дворец) или *ак сарай* (белый дворец), 2) крытое помещение для скота. В русском же с применением данного слова конструируется непрезентабельное хозяйственное помещение (*И в каком-то* ***сарае****, показавшемся раем, он укрылся от ветра* (Б. Левин, 1965–1994)). Кыргызские сочетания *уй сарай (коровник)*, *кой сарай (овчарня)*, а также *ак сарай / хан сарай* хорошо демонстрируют расширение конструируемого пространства, включающего здания и сооружения разного типа.

Конструирование знания в регионально актуализированных единицах обнаруживает иные сдвиги. В сфере пищевой культуры частотным оказывается **расширение – сужение знания об объекте или классе объектов**. Так, кыргызская единица *жүзүм* называет исходный продукт (‘виноград’), тогда как русское слово обозначает результат переработки (‘сушеный виноград’) (*Я купил серого хлеба с* ***изюмом*** *и прошел в дальний край базара* (К. Г. Паустовский, 1954). Отметим, что наблюдаются частотные случаи фразеологизации слова (*не фунт изюма / не фунт изюму*), как в *Это не фунт* ***изюма*** *– дача*! (А. Волос, 2000). В кыргызском языке сушеный виноград называется *мейиз*. Расширение – сужение знания о классе объектов обнаруживаем в ситуациях использования номинации *урюк*, где в кыргызском *өрүк* – базовое название растения/плода, тогда как русское *урюк* в живой речи нередко тяготеет к описаниям южного пейзажа (*Из Самарканда пишут – отцвел* ***урюк*** (Н. Н. Пунин, 1944). Сходное наблюдение сделано и в отношении слова *балык*: в кыргызском языке это общее наименование рыбы как таковой, тогда как в русскоязычной культуре конструируется конкретный продукт – как правило, копченая/вяленая рыба, используемая в качестве закуски (*На первом этаже я покупаю закуски для угощения московских гостей: рыбец,* ***балык****, осетрину, копчушки* […] (Е. Рубин, 1999–2000)).

В разговорно-оценочной сфере наблюдаются модификации гибридного предметно-признакового типа в **фокусировании признаковых непроцессуальных характеристик объекта, реализующих семантику нестабильной атрибутивности**. При этом такие модификации чаще проявляются в русскоязычной культуре: так, обнаруживается оценочность и экспрессивность в современном употреблении слова *башка* (*Так кричала ему, а он только тупо мотал* ***башкой****: нет, нет, не могу, нет, нет* (Т. Набатникова, 2001)), *бугай* (*Перед ним стоял здоровый* ***бугай*** *с бритой головой и внимательно*

его рассматривал (Л. Дворецкий, 2000)). Ккыргызский материал особенно нагляден в слове *карга*: в кыргызском *карга 1) карга* (‘ворона’); 2) *чар карга* (‘грач’); 3) *эркек карга* (‘смельчак’); переносное: ‘дитя, малолетний сын’ в *каргадайынан* (букв. в возрасте вороны) [Юдахин 1985, т. 1: 350]. В русском же *карга* закрепилось прежде всего как просторечное/бранное обозначение злой старухи (*старая карга*, как в *Чего это ты, старая* ***карга****, наряжаться вздумала?* (М. А. Шолохов, 1928–1940), при этом этимологическая трактовка связывает слово с тюркским *qarγa* ‘ворона’ и переносом на человека по модели зоометафоры.

В ландшафтно-биологической сфере модификации редки (см. слова *камыш, беркут* со сходным объемом значений), но выявлены единичные сдвиги, связанные с **фокусированием признаковых непроцессуальных характеристик объекта**, однако они реализуют **семантику стабильной атрибутивности**. Так, *аргамак* **(м.** *аргымак* **[**Юдахин 2000: **27]**) в русском языке это быстрый конь (*Под взглядом Никиты Петровича робели даже отважные табунщики, ветром носившиеся по степи на отчаянных* ***аргамаках*** (П. А. Сажин, 1962)), а в кыргызском языке *аргымак* **характеризует статусного, чистокровного, породистого коня**.

В социально-ролевой сфере как раз частотны сдвиги, связанные с **фокусированием признаковых непроцессуальных характеристик стабильного типа**. Так, слово *богатырь* соотносится с кыргызской основой *баатыр* [Юдахин 2000: **52]** со значениями ‘храбрец, герой’, соответственно, при конструировании фокусируются эти характеристики. В русском же *богатырь* часто используется для конструирования образа героя определенного национального типа, появляющегося в русских былинах и сказаниях (*Я вижу* ***богатыря*** *на своем буланом коне на перепутье, перед бел-горюч камнем* (В. Некрасов, 1983)). *Джигит* в русской традиции обычно воспринимается как удалой наездник кавказского типа (*Казак, по влечению, менее ненавидит джигита – горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату* (Л. Н. Толстой, 1863)). В кыргызской трактовке *джигит* (*м. жигит (парень, молодой мужчина; молодец* [Юдахин 1985, т. 1: 253]) используется в высоком ценностном регистре, о чем свидетельствуют кыргызские паремии. Ср.: *Джигит на плаху идет, смеясь смерти в лицо; джигит родится дома, а умирает в битве*.

Отметим, что в составе каждой из групп первого и второго уровней вхождения (кроме ландшафтно-биологической сферы) обнаружены единичные случаи модификаций гибридного типа с фокусированием признаковых характеристик нестабильного типа. В отношении номинаций

ландшафтно-биологической сферы установлены множественные случаи конвенционализации этих характеристик при использовании номинаций (например, *беркут*) в символических значениях.

При анализе этнокультурно маркированной (локальной) лексики наблюдаем **отсутствие сдвигов**, маркирующих модификации в конструировании предметных областей знания. Так, при конструировании блюд, продуктов, предметов быта (номинации *бешбармак*, *курут*, *айран, тандыр, джайлоо* и др.) сохраняется объем их предметных и признаковых компонентов, что обусловлено функционированием их как реалий.

Исследование позволило обнаружить ключевые зоны дезинтеграции русскоязычной и кыргызской культур, проявляющиеся в конструировании знания, отраженного в заимствованной лексике рассмотренных уровней вхождения. Эти зоны описывают расширение и сужение пространства, включающего объекты (означенные номинациями), расширение или сужение знания об объекте или классе объектов, фокусирование или отсутствие фокусирования признаковых характеристик стабильного или нестабильного типа; при этом эти зоны по-разному проявляют себя во вхождениях разного уровня (общеязыковых и региональных разных сфер), а модификации происходят в разных направлениях. Проведенный анализ может быть уточнен с привлечением количественных данных (например, по итогам привлечения корпусных данных), однако важным представляется само обнаружение и систематизация указанных модификаций как параметров оценки дезинтеграции двух культур с опорой на их языковые данные в отношении заимствованной лексики сложной этимологии. Полагаем, что при сопоставлении особенностей конструирования областей знания в парах иных культур будут обнаружены и модификации процессуального типа. Также интерес представляет учет диахронических данных, способных указать на конкретные периоды (и, соответственно, исторические и жанровые предпосылки) дезинтеграции культур.

Литература

Дербишева З. К. Основы лингвокогнитивного сравнения языков. М.: Флинта, 2019.

Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: ТОО “Prosper Print”, 2013.

Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Издательство ВТИИ, 2004.

Кубрякова Е. С. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 29–304.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 01.04.2026)

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Том 1 – Том 4. М.: Прогресс, 1986.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985.

Юдахин К. К. Русско-киргизский словарь. Б.: Шам, 2000.

Haspelmath M. Lexical borrowings: Concepts and issues // Loanwords in the world's languages. M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). Berlin: De Gruyter, 2009. P. 35–54.

Kiose M. I., Khulkhachieva Zh.S., Izyumskaya-Kapitonova V.V., Barmin A. V. Lexical-semantic clustering in the diagnostics of culture integration in discourse // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2025. Vol. 11 (4). P. 63–84.

Thomason S. G. Language contact. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2001.

Winford D. Contact-induced changes: Classification and processes // Diachronica. 2005. Vol. 22 (2). P. 373–427.

Z. K. Derbyshevaa *(Bishkek, Kyrgyzstan),*
Kyrgyz-Russian Slavic University

Zh. S. Khulhachieva *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

DOMAIN MODIFICATIONS IN LOANWORDS IN EXPLORING CULTURE DISINTEGRATION

The study features Russian and Kyrgyz Turkish vocabulary to identify the differences in the domain construal. It reveals two types of semantic modifications appearing in the nominal conceptual components and in their hybrid combinations with attributive components. These serve to show the disintegration zones of Kyrgyz and Russian cultures.

Key words: culture disintegration, semantic modifications, domain, nomination, attributiveness.

Е. В. Ильина *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный медицинский университет,
Уральский государственный университет путей сообщения, филиал в г. Тюмени
ekaterina_ilyina_tum@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ОНИМОВ В ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

Исследование сфокусировано на когнитивно-функциональной интерпретации онимов в заголовочных комплексах с позиций когнитивной ономастики. Материалом исследования выступает корпус текстов русских эмигрантов первой волны. Установлено, что проприальная лексика в заглавиях формирует интертекстуальные связи и пространственно-временную организацию текста, актуализируя его экспрессивно-коннотативную семантику.

Ключевые слова: оним, имена собственные, заголовочный комплекс, эмигрантский дискурс, поэтическая картина мира.

В контексте когнитивной ономастики имена собственные (ИС) выступают как символические формы, смысловое наполнение которых полимодально и динамично: оно модифицируется в количественном и качественном отношении в зависимости от того, как обозначаемый объект или субъект функционирует в языковой среде. Интерпретатор избирательно актуализирует те или иные смысловые слои онима, значения которого прирастают в результате когнитивных операций над концептами-коррелятами [Робустова 2014].

Настоящее исследование нацелено на когнитивно-функциональную интерпретацию онимов в заголовочных комплексах поэтических произведений русских эмигрантов первой волны (1918–1940). Материалом исследования выступил корпус из 1342 поэтических текстов (идентифицировано 2757 онимов), принадлежащих представителям женской поэзии русского зарубежья применительно к ее восточной ветви: Лариссы Андерсен, Марии Визи, Юстины Крузенштерн-Петерец, Ольги Скопиченко и Марианны Колосовой. Методология исследования носит комплексный характер, что подразумевает статистическую обработку качественно-количественной выборки поэтических текстов с ИС в структуре заголовочного комплекса и когнитивно-стилистико-дискурсивный анализ онимических единиц. Данный подход позволяет реконструировать когнитивные структуры, стоящие за языковыми репрезентациями онимов, и оценить их прагматический и эстетический потенциал в поэтическом тексте.

В результате исследования выявлено, что в идиолекте каждого из рассматриваемых авторов широко представлены разные типы онимов (391 употребление – 14,2% относительно общей численности ИС) в рамках заголовочного комплекса, что указывает на их концептуальную значимость как идентификаторов стержневой информации. Онимы реализуются непосредственно в заглавиях (148–37,8%), а также в компонентах заголовочного комплекса: посвящениях (92–23,5%), указаниях на место создания или публикации текста (84–21,5%), эпиграфах (67–17,1%).

К примеру, в произведениях О. Скопиченко наибольшее число ИС репрезентировано в **заглавиях стихотворений:** «*Дар* ***Родине***» (ИС ***Родина*** вербализовано в 3 заглавиях, ***Россия*** – в 4), «***России***», «***Святослав***», «*Клич* ***Петра***», «*Святой* ***Серафим***», «***Сергию Радонежскому***», «***Иван-царевич на сером волке***», «*Царская* ***Голгофа***», «*Св.* ***Княгиня Ольга***», «***Трехречье***», «*Ночь* ***Купала***», «*Жрец* ***Перуна***», «***Египту***», «*Далеко… на* ***Волге***», «*Смеется* ***Азия***», «*Из* ***Китая*** *на острова*», «***Сан-Франциско***», «***Христос*** *воскреснет… и земля воскреснет*», «***Пекин»***, «В ***Америку***» и др. [Скопиченко 1993].

ИС в сборниках Л. Андерсен вербализованы как в заглавиях поэтических циклов («*Из* ***Китая*** *– по миру*», «*Без* ***России***»), так и в заглавиях стихотворений: «***Джиоконда***», «***Моана*** *и я*», «*Прощание с* ***Таити***», «*Глубинка* ***Франции***», «***Муза*** *и я*», «***Корея***» [Андерсен 2006]. ИС в заглавиях стихотворений М. Визи: «***Чертово озеро*** (***Терриоки. Финляндия***)», «***Кижи***», «*Дача в* ***Куоккала***», «***Борису Пастернаку***», «*Луна над* ***Клермонтом***», «*В альбом* ***Клаве Морозовой***», «***Пушкину***», «***Шекспиру***», «***Офелия***», «*Жена* ***Лота»***, «***Женьке»*** [Визи 2005]. ИС в заглавиях стихотворений Ю. Крузенштерн-Петерец: «***Шехерезада***», «***Дездемона***», «*Донна* ***Анна***», «***Феникс***», «***Джиоконда***», «***Раблэ***», «***Шекспир***», «***Мольер***», «***Достоевский***», «***Россия***», «***Родина***» [Ю. Крузенштерн-Петерец 1946]. Приведем ИС в заглавиях стихотворений М. Колосовой: «***Великая Россия***» (ИС ***Россия*** вербализовано в 10 заглавиях, ***Родина*** – в 5), «*Карта* ***России***», «***Родине*** *говорю*», «*Ответ* ***Демьяну Бедному***», «***Рубикон***», «***Джиоконда***», «***Государыня-Тоска***», «***Письмо в Америку***», «*Письма из* ***Африки***», «*Улица* ***Алхимиков***», «***Бог*** *велит*», «*Слава* ***Тебе, Господи***», «***Сталин***», «***Надя Аллилуева***», «*Дар* ***Ульгеню***», «***Мата-Хари***», «***Жанна д, Арк***», «*На* ***Алтае***», «***Санкт-Петербург***», «***Москва***», «***Кронштадт***», «***Георгий***», «*Дни* ***Петра I***», «*Бегство из «****Маньджуго****»*», «*Над* ***Библией***», «*Русская* ***Муза», «Сибирь***», «*В* ***Барнауле***» [Колосова 2011]. Диапазон ИС в заглавиях по своему тематическому и содержательному потенциалу весьма разнообразен: здесь объективированы антропонимы (*Святослав, Пушкин, Шекспир, Пастернак, Петр I*), топонимы (*Россия, Корея, Франция, Америка, Китай*), теонимы

(*Христос, Бог, Господи), агиоантропонимы (Сергий Радонежский, святой Серафим* и др.) мифонимы (*Феникс, Перун, Рубикон*), отапеллятивные имена (*Государыня-Тоска, Муза*) и пр. ИС выступают смысловыми доминантами, коррелирующими с базовым для эмигрантского социолекта концептом РОССИЯ, а многословные заглавия дополняют их оценочной семантикой, формируя интертекстуальное пространство и кодифицируя авторские эмоционально-эстетические интенции и аксиологические установки.

Посвящения, в содержании которых ИС зафиксированы в полном написании, включены в заголовочные комплексы 22 стихотворений М. Колосовой, которая упоминает несколько адресатов (всего 29 употреблений). Примеры-контексты: *Посвящаю людям разных убеждений, но в час опасности для* ***России*** *оказавшимся прежде всего* ***Русскими****:* ***А. Н. Покровскому, Д. Н. Долматову и Н. Н. Горчакову*** («Бесстрашные люди») [Колосова 2011]. Одна из особенностей адресатов посвящений М. Колосовой и О. Скопиченко – это эмигрантские организации и союзы, которые поддерживали поэтессы: *Посвящаю* ***Доблестной Нечаевской Армии! Рыцарям Ледового Похода*** («Понужай-ай») [Колосова 2011]; ***Вам****, молодежь, погибшая в* ***Белое Движение, Вам****, витязи* ***Русской Правды*** («Навстречу смерти») [Скопиченко 1993]. В посвящениях стихотворений Л. Андерсен приводится 15 ИС: *Подруге* ***Вере Рычковой*** («Письмо»), *Памяти* ***Александра Вертинского*** («Печальное вино») [Андерсен 2006]. У М. Визи в посвящениях используется всего 37 ИС: 8 – Александру Блоку, 6 – Галине Ивановой, 7 – Леле Мосоловой, 4 – брату Володе Визи, по 2 – М. А. Зыряновой и Хелен Стэнли и по одному – другим 8 адресатам. У О. Скопиченко ИС вербализованы в 11 посвящениях, причем 4 из них адресованы М. Колосовой. В стихотворениях М. Визи обнаружено 8 посвящений Александру Блоку – вдохновителю и учителю, чьи произведения поэтесса переводила на английский язык. Посвящения конституируются как коммуникативно-прагматические элементы текста, адресованные лицам, связь с которыми имеет ценностную маркированность для автора. Эксплицитное указание адресата обладает многофункциональным статусом: оно реализует мотивационную функцию (отражая интенции автора) и одновременно выступает когнитивно-семиотическим ориентиром, детерминирующим интерпретативные стратегии реципиента.

Места создания и выхода сборников М. Колосовой ранжированы по книгам стихов: «Армия песен» (Харбин, 1928), «Господи, спаси Россию» (Харбин, 1930), «Не покорюсь» (Харбин, 1932), «На звон мечей» (Харбин, 1934), «Медный гул» (Шанхай, 1937). У М. Визи реализован аналогичный принцип: «Стихотворения I» (Харбин, 1929), «Стихотворения II»

(Шанхай, 1936), «Голубая трава» (Сан-Франциско, 1973) [Визи 2005]. В некоторых текстах, датированных 1936–1938 гг., приводится ссылка на Шанхай как место создания поэтических произведений. Как следует из данного реквизита, ряд более ранних текстов (1920–1926 гг.) был написан в Харбине (3), Тунчжоу (2), Бариме (2), Клермонте (1), Хермоса-Бич (2), Сунгари (1) [Колосова 2011]. В трех стихотворениях 1962 г. в качестве места создания указана Женева. Весьма содержательна информация о месте публикации текстов. Так, М. Колосова под разными псевдонимами (Марианна Колосова, Елена Инсарова, Н. Юртин, Джунгар) с 1929 по 1936 год опубликовала 36 стихотворений в еженедельном журнале «Рубеж», издававшемся русской дальневосточной эмиграцией в Харбине. О. Скопиченко маркирует сборники следующим образом: «Будущему вождю» (Тяньцзинь, 1928), «Путь изгнанника» (Шанхай, 1932), «Тебе, море!» (Тяньцзинь – Шанхай, март 1932), «Родные порывы» (Харбин, 1926) [Скопиченко 1993]. Соответственно, информативность ИС в эмигрантском дискурсе репрезентирует биографические траектории поэтов, транслируя их пространственную мобильность.

Эпиграфы в поэтическом эмигрантском дискурсе выполняют следующие функции: а) диалогизирующую функцию: *Знаю песню отмщенья за гибель, / Пропоют мне на том берегу… / **С. Есенин**. / Милый, старший мой брат **Есенин**, / Голос твой – раскаленная медь!* («Песня отмщения») [Колосова 2011]; б) функцию связки с культурным контекстом: *Средь этой пошлости таинственной, Скажи, что делать мне с тобой… **А. Блок*** («Незнакомке») [Ю. Крузенштерн-Петерец 1946]; в) идентифицирующую функцию – эпиграф поясняет последующие события: *…Кричи – не кричи… **Мария Визи*** («Идиот») [Андерсен 2006]; г) предикативную функцию – с их помощью метафорически сопоставляется запечатленное в эпиграфе и авторском тексте: *Когда-то – давно ли? – мы слушали / ветер весенний… / **Андрей Блох*** («Кижи») [Визи 2005]; д) оценочную функцию – эпиграф соответствует позиции автора, репрезентируемой в тексте: *Я не могу безумно не рыдать / На кладбище твоем, **моя Россия**. / **Булыгин*** («Русское поле») [Скопиченко 1993]. Так, М. Колосовой используются эпиграфы к 21 стихотворению: в них, помимо ИС в указаниях на авторство (20), вербализованы разные типы ИС в самих текстах (21 упоминание). У Л. Андерсен эпиграфы с ИС представлены к 2 стихотворениям, у Ю. Крузенштерн-Петерец – аналогично, у М. Визи – к 6 стихотворениям, причем как на русском (3), так и на английском языках (3), у О. Скопиченко – к 12 текстам, из них только в 6 указаны авторы, в самих текстах вербализованы 11 ИС. Следовательно, основополагающая функция ИС в эпиграфах – диалогизирующая: взаимо-

действие с культурным контекстом, через который актуализируется хронотоп русской эмиграции.

Таким образом, в эмигрантском поэтическом дискурсе онимы в составе заголовочного комплекса выступают ключевыми семиотическими маркерами культурной идентичности: они манифестируют память о России и географии скитаний по свету, постулируют ценностные ориентиры поколения и служат средством символической репатриации – восстановления связи с утраченным пространством и временем.

Литература

Андерсен Л. Н. Одна на мосту: стихотворения, воспоминания, письма. М.: Русский путь: Русское зарубежье, 2006. URL: https://litmir.club/br/?b=175115

Визи М. Г. A moongate in my wall: собрание стихотворений. Торонто: Peter Lang Publishing, 2005.

Колосова М. Вспомнить, нельзя забыть. Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. URL: https://litlife.club/books/207232/read?ysclid=m8tw9tw59e834392955

Крузенштерн-Петерец Ю. Стихи. Книга первая. Шанхай: [б. и.], 1946.

Робустова В. В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41–49.

Скопиченко О. А. Рассказы и стихи. Сан-Франциско: [б. и.], 1993.

E. V. Ilyina *(Tyumen, Russia)*
Tyumen State Medical University,
Ural State University of Railway Transport, branch in Tyumen

COGNITIVE SEMANTICS OF ONYMS IN THE TITLE COMPLEX (BASED ON THE POETRY OF THE RUSSIAN EMIGRATION)

The study focuses on cognitive functional interpretation of onyms in title complexes in the context of cognitive onomastics. The research material are the texts by Russian emigrants of the first wave. It has been established that the proprial lexis in the titles forms intertextual connections and the spatial-temporal organization of text, updating its expressive-connotative semantics.

Key words: onim, proper names, title complex, emigrant discourse, a poetic picture of the world.

Е. И. Карпенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
e.i.karpenko@linguanet.ru

БИБЛЕЙСКИЕ СЦЕНАРИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА (К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ)

В статье в связи с проблемой языковой трансляции культуры рассматриваются виды актуализации библейских лингвокультурных сценариев в концептуальной структуре немецкоязычных поэтических текстов. Анализируются как объем транслируемого библейского культурно значимого знания (на уровне реминисценции, интерполяции или параллели), так и типы трансформации когнитивных схем сценариев (сохранение, укрепление или обновление схемы).

Ключевые слова: теория когнитивных схем, библейский лингвокультурный сценарий, поэтический дискурс, немецкий язык, языковая трансляция культуры.

Одной из центральных проблем языковой трансляции культуры остается поиск и изучение концептуальных структур, объединяющих «все более усложняющиеся представления об объектах и тех типах деятельности, в которые они вовлечены, о тех событиях в которых они участвовали и следы которых имеют, возможно, временные и пространственные привязки» [Кубрякова 2004: 366]. Такие структуры, объединяющие «сложные пакеты связанного между собой знания» [Кубрякова 2004: 367], должны, не теряя актуальности, воспроизводиться в дискурсе на протяжении многих лет, не ограничиваться его типом и жанром (поэтический / прозаический, если речь идет о литературе), воплощаться в языковых формах различной протяженности. Цель данного исследования – определить роль поэтических текстов в языковой трансляции культуры, выяснив для этого, как в них воплощаются библейские лингвокультурные сценарии, какие виды преобразований сценариев при этом возможны, и как эти знания влияют на интерпретацию лирических произведений.

Предпосылкой для такой постановки вопроса является тот факт, что исторически библейские сюжеты подвергались литературной обработке именно в рифмованных текстах. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием ученых к поэзии как источнику лингвокультурной информации и объекту лингвокультурологического и лингвокогнитивного видов анализа [Cook 1994; Semino 2014; Данич, Крицкая 2018].

Материалом послужили стихотворения немецкоязычных поэтов XX в. Методологически работа опирается на теорию (когнитивных) схем при-

менительно к анализу поэтического дискурса [Schank, Abelson 1977; Cook 1994; Semino 2014].

Художественные миры поэтических текстов носят фрагментарный, незавершенный, нередко противоречивый характер, поэтому читатель опирается на собственные фоновые знания о внеязыковой действительности для того, чтобы заполнить пробелы в фикциональном мире, конструируемом в поэтическом тексте [Semino 2014: 63–64]. Создание и рецепция поэтических текстов предполагают, следовательно, операции с когнитивными моделями. Как показала В. Л. Бурова на примере мифологических фреймов, когнитивные модели могут актуализироваться в концептуальной структуре художественного текста на трех разных уровнях, а именно на уровне реминисценции, интерполяции и параллели [Бурова 2000]. Данная исследовательская модель применима к поэтическим текстам. Так, реминисценции выполняют эстетическую функцию, акцентируют уже имеющуюся характеристику образа или ситуации, не раскрывая лежащего в основе когнитивной модели концепта [Там же: 109]. Интерполяции представляют собой экстраполяцию модели «на более протяженный отрезок текста, на создание одной из сюжетных линий произведения или раскрытие образа героя» [Там же: 114] Целью интерполяции является «придание бóльшей информационной и эмоциональной ценности» поэтическому тексту [Там же]. Так, в стихотворении И. Бахманн „Nach dieser Sintflut“ (1957) / «После этого потопа» (здесь и далее перевод наш – *Е.К.*) ветхозаветный потоп экстраполируется на ситуацию современной катастрофы – Вторую мировую войну. Хотя в поэтическом нарративе прослеживается личное переживание травмы лирическим рассказчиком, субстантивные и предикативные маркеры *Taube / голубь, Meer /море, Blatt / (оливковый) лист, gerettet sehn / увидеть спасенным, das Blatt bringen / вернуться с (оливковым) листом* позволяют безошибочно определить постсобытие библейского лингвокультурного сценария ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП [Mühlberger, Schmid 1986: 25]. Интерполяция в данном случае изменяет масштаб личных переживаний лирического рассказчика (ср. стихотворения Э. М. Рильке „Adam“ и „Eva“ 1906 г. с этим же типом актуализации библейского сценария в концептуальной структуре поэтического текста [Rilke 1986: 527, 528]). Под параллелью понимается «вид референции, осуществляемой на уровне целого текста, когда кореференты сами тексты – текст художественного произведения и „прецедентный“ текст» [Бурова 2000: 118], как, например, в стихотворении Э. М. Рильке „Tröstung des Elia“ (1907) / «Утешение Илии» [Rilke 1986: 495]. Таким образом, во-первых, (ре-)трансляция библейского лингвокультурного сценария (или его части) зависит от того, в каком ста-

тусе – реминисценции, интерполяции или параллели – он актуализируется в поэтическом тексте.

Во-вторых, нельзя не учитывать, что даже в случае параллельной актуализации когнитивной модели механизм ее имплементации в концептуальную структуру поэтического (макро-)текста может влиять на исследуемый лингвокультурологический процесс. Выделяются три основных механизма внедрения когнитивных схем в поэтическое высказывание: сохранение (schema preservation), укрепление (schema reinforcing) и обновление (schema refreshing) схемы [Cook 1994], причем поэзия и литература в целом, как неаддитивные типы дискурса, тяготеют к обновлению схем, что предполагает «установление нетривиальных метафорических, метонимических, категориальных и иных связей между устоявшимися и вре́менными когнитивными структурами (концептами, фреймами, ментальными пространствами)» [Ирисханова 2011: 93]. В качестве примера рассмотрим стихотворение В. Г. Фритца «Каин» (1958):

Kain	**Каин**
Er geht nicht mehr *als Ackermann über die Felder,* *braucht keine Keule.*	*Он больше не ходит* *с плугом по пашне,* *не ищет дубину.*
Er fragt nicht mehr *in anmaßender Weise,* *ob er der Hüter sein solle* *seines Bruders.*	*Не вопрошает* *надменно,* *разве я сторож* *моему брату, разве он сгинул.*
Er ist nicht mehr *unstet und flüchtig.*	*Он больше не изгнан,* *в скитанье не проклят,* *не угнан.*
Er trägt Masken, *dem eigenen Gesicht* *aus dem Gesicht geschnitten.* *Eine heißt Gleichgültigkeit.*	*Он носит маски,* *не пряча обличья.* *Одна из них —* *безразличие.*

Первые три строфы обнаруживают языковые маркеры предсобытия (*Ackermann / землепашец, Feld / поле, Keule / дубина*) и постсобытия (*Hüter seines Bruders / сторож брату моему, unstet und flüchtig sein / быть из-*

гнанником и скитальцем) библейского лингвокультурного сценария КАИН И АВЕЛЬ. Обновление схемы на этом этапе заключается в том, что сценарий воспроизводиться в формате дизаналогии (geht *nicht mehr* / *больше не* ходит, *fragt nicht mehr* / *больше не* спрашивает, *nicht mehr* unstet und flüchtig / *больше не* скитается). Напряжение как прием неаддитивности создается за счет противоречия с заголовком стихотворения, согласно которому герой поэтического нарратива все-таки Каин. Для разрешения противоречия четвертая заключительная строфа референтирует к пропущенному ранее центральному событию сценария – убийству, полностью изменяя его мотив. В стихотворении В. Г. Фритца мотивом «преступления» становится не зависть библейского Каина, а равнодушие современного человека, которым он «убивает» своего ближнего. Замена концептуального основания сценария – мотива преступления – завершает обновление когнитивной схемы сценария (ср. [Карпенко 2024]). Поэтический текст В. Г. Фритца, таким образом, не транслирует библейское представление о зависти как первоисточнике преступления, а использует структуру сценария в качестве (диз)аналогии для изобличения новых, современных поэту человеческих пороков (ср. [Mühlberger, Schmid 1986: 19]).

Таким образом, процесс языковой трансляции культуры на базе библейских лингвокультурных сценариев в поэтических текстах предстает в виде континуума возможностей, учитывающих как «объем» транслируемого библейского знания (от реминисцентных (микро-)форм до структурно-композиционного параллелизма), так и характер трансформации содержательной структуры модели, в результате которой дальнейшая передача культурно значимого ценностного знания может быть затруднена «помехами» различной сложности.

Литература

Бурова В. Л. Когнитивный аспект мифа в составе художественного текста: дис. … канд. филол. наук. М., 2000.

Ирисханова О. К. Стратегии порождения и интерпретации дискурса как отражение эвристичности вербального общения // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. к 100-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 89–96.

Карпенко Е. И. Интерпретирующие высказывания и экспликация культурных ценностей (на материале библеизмов немецкого языка) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5(61). С. 539–545.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Cook G. Discourse and Literature: The Interplay of Form and Mind. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Mühlberger S., Schmid M. Gegenwart des Wortes: Biblische Themen in moderner Literatur. Wien: Herold, 1986.

Rilke R. M. Gesammelte Werke. Edition Lempertz GmbH, 2006.

Schank R., Abelson R. Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.

Semino E. Language and world creation in poems and other texts. NY: Routledge, 2014.

E. I. Karpenko *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

BIBLICAL SCRIPTS OF GERMAN POETRY OF THE 20TH CENTURY (ON THE ISSUE OF LANGUAGE TRANSMISSION OF CULTURE)

In the context of the linguistic transmission of culture, the article examines the ways in which biblical linguocultural scripts are incorporated within the conceptual structure of German-language poetic texts. It analyzes both the scope of the transmitted, culturally significant biblical knowledge (at the level of reminiscence, interpolation, or parallel) and the types of transformation undergone by the scripts' cognitive schemas (preservation, reinforcement, or refreshment of the schema).

Key words: cognitive schema theory, biblical linguocultural script, poetic discourse, German language, linguistic transmission of culture.

В. Н. Колодяжная *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
veronikabgu@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФАТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современном англоязычном политическом дискурсе фатические элементы коммуникации получили достаточно широкое распространение. Наиболее типичными жанрами фатической коммуникации типичной для современного политического англоязычного дискурса являются «Одобрение», «Ирония», «Светская беседа»,

«Ссора». Несмотря на многообразие жанров фатические элементы расширяют возможности коммуникации и повышают шанс наладить диалог.

Ключевые слова: коммуникация, современный политический англоязычный дискурс, фатические элементы.

Современный политический дискурс является сложным явлением, соединяющим в себе не только лингвистические и политические, но и социальные, а также психологические аспекты. В. И. Карасик определяет понятие дискурса как «текст, погруженный в ситуацию общения или наоборот – как общение посредствам текста» [Карасик 2009: 278]. Н. Д. Арутюнова трактует дискурс как «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137]. В рамках данного исследования политический дискурс следует понимать как текст в рамках текущей политической ситуации общения или как обусловленное текущей политической ситуацией общение посредством текста. Такое понимание политического дискурса позволяет определять данным термином не только профессиональную коммуникацию между политическими деятелями в рамках их обязанностей, но и публичную, агитационную коммуникацию – общение политиков в рамках политических дебатов, агитационных компаний, публичное общение с избирателями. С точки зрения исследования функционирования фактической коммуникации в политическом дискурсе именно ситуация общения политических деятелей с социумом привлекает наибольший интерес, так как является наиболее часто транслируемой в англоязычных СМИ.

В. И. Карасик подчеркивает, что «ситуативно-ориентированная модель дискурса допускает различные измерения, в частности социолингвистическое и прагмалингвистическое» [Карасик 2002: 435]. Отметим, что при анализе функционирования фактической коммуникации в политическом дискурсе следует учитывать не только, кто является участниками общения, но и тональность их общения, то, как рассматриваемое общение происходит в контексте политической ситуации, с какой целью политический деятель избирает ту или иную речевую стратегию, прибегает к определенным речевым тактикам. Одной из таких речевых тактик в рамках политического дискурса является употребление в ситуации общения элементов фактической коммуникации. Описываемое речевое поведение является характерным и достаточно частотным для американского политического дискурса.

В современной лингвистике принято выделять такие фатические речевые жанры как «Одобрение», «Ирония», «Светская беседа (Small talk)», «Ссора», «Флирт», «Комплимент» и др. И. И. Воронцова классифицирует фатические речевые жанры на праздноречевые, этикетные, директивные и жанры ухудшающие или улучшающие межличностные отношения

[Воронцова 2018: 51]. С учетом данной теории обратимся к анализу функционирования фатической коммуникации в современном англоязычном политическом дискурсе. Рассмотрим пример: *He's been a friend of mine. He's been somebody that we get along with. And I think you're going to see that good things are going to happen. This is going to be a very exciting trip. A lot of good things are going to happen* [The New York Times 2026]. Данный пример иллюстрирует жанр, улучшающий межличностные отношения с будущим оппонентом в политических переговорах и с аудиторией в целом. Политический деятель в своем высказывании для журналистов в присутствии своего собеседника использует фатическое выражение *a friend of mine* в сочетании с формой Present perfect, что подчеркивает важность сказанного именно на данный момент. Употребление личного местоимения *he* вместо официального прямого упоминания имени и должности собеседника создает атмосферу личных доверительных дружеских отношений. Данный пример фатической коммуникации можно отнести одновременно к жанрам «Одобрение», «Светская беседа (Small talk)», и «Комплимент». Говорящий, используя фатические элементы *I think, you're going to see, This is going to be* и фатическое выражение – обещание *A lot of good things are going to happen*, заставляет публику замереть и прислушаться, создает эффект ожидания чего-то хорошего, вселяет надежду на счастливое будущее, и одновременно делает комплимент будущему собеседнику, показывает одобрение его достижений и веса на политической арене. Рассмотрим фрагмент фатической коммуникации непосредственно между собеседниками, речь направлена напрямую будущему оппоненту, но продуцируется данное высказывание публично: *You and I have known each other now for a long time. We've had a fantastic relationship. We've gotten along. When there were difficulties, we worked it out. This region and the world is a special world with the two of us, united and together* [The New York Times 2026]. Приведенный пример также иллюстрирует жанр фатической коммуникации, улучшающий межличностные отношения между собеседниками, в данном примере объединены такие фатические жанры как «Одобрение», «Светская беседа (Small talk)». Выражения *have known each other now for a long time, We've had a fantastic relationship, We've gotten along* отсылают к уже случившимся ранее успешно решенным вопросам и заключенным сделкам. Следует отметить, конкретная информация об успешных результатах полностью отсутствует, что является характерным для фатической коммуникации, упоминание успехов осуществляется обобщенно, без указания масштаба и степени важности успешно решенных вопросов. Таким образом, использование фактических элементов,

несущих обобщенную положительную информацию, способствует вере аудитории в стабильность. Употребление личного местоимения *You* и объединяющего *We, us* как и в предыдущем примере способствуют созданию атмосферы дружеских отношений и единства собеседников. Последнее предложение *This region and the world is a special world with the two of us, united and together* в приведенном примере является исключительно фатическим элементом. Говорящий создает необходимые предпосылки для комфортной и плодотворной коммуникации, метафорически выделяет себя и собеседника на фоне огромного мира, показывая понимание важности вопросов посещаемой им страны в рамках мировой политики и подчеркивая единство стремлений.

Обратимся к анализу примеров фатической коммуникации, жанр которых ухудшает межличностные отношения. С данной точки зрения интерес привлекает следующий пример: *I don't think about Americans' financial situation. I don't think about anybody. I think about one thing: We cannot let Iran have a nuclear weapon. That's all. That's the only tiling that motivates me* [The New York Times 2026]. Предложения *I don't think about Americans' financial situation. I don't think about anybody* выполняют роль фатических элементов коммуникации, жанр которой может быть описан как «Ссора». Указанными заявлениями говорящий намеренно шокирует и пугает аудиторию однонаправленностью своих интересов, что, несомненно, является преувеличением, так как политик высокого ранга занимается и интересуется всеми аспектами развития страны. Тем не менее, создание шокирующей ситуации в процессе коммуникации с аудиторией заставляет прислушаться к мнению говорящего, способствует более глубокому размышлению, а возможно и пониманию обсуждаемой проблемы. Таким образом, эмоционально негативные фатические элементы способствуют успешной коммуникации и создают условия для понимания между собеседниками (политическим деятелем и аудиторией). Другой иллюстрацией применения эмоционально негативных фатических элементов в политическом дискурсе может служить следующий пример: *The question I would ask to you and to others is what is the cost of a nuclear-armed Iran? What is the cost to the American people if the world's most dangerous regime has a nuclear weapon*? [The New York Times 2026]. В конце своей речи о росте цен и ухудшающейся экономической ситуации политик использует риторические вопросы, ответа на которые говорящий не ждет. Данные риторические вопросы выполняют функцию фатических элементов коммуникации, заставляя задуматься и призывая к совести, данные единицы языка создают условия для понимания предпринимаемых властями действий массовой

аудиторией. Следует отметить, рассматриваемые фатические элементы несут негативную эмоциональную окраску, что поддерживается тоном голоса и мимикой говорящего. Но именно эмоционально отрицательный заряд данных фактических единиц способствует созданию условий понимания говорящего аудиторией и продуктивной коммуникации с избирателями. Рассмотрим пример использования фатических элементов в политическом дискурсе, лексика в которых практически нарушают рамки общепринятых правил и норм публичной речи: *It's unbelievably weak, I would say. I would call it the weakest, right now, after reading* that piece of garbage *they sent us. I didn't even finish reading it.* I would say the cease-fire is on massive life support, where the doctor walks in and says, 'Sir, your loved one has approximately a 1 percent chance of living' [The New York Times 2026]. Пример иллюстрирует употребление лексики, не характерной для формального стиля общения в рамках политического дискурса. Выражение *piece of garbage* в сочетании с ироничной метафорой выходит далеко за рамки общепринятых правил общения, типичных для политического дискурса, и является скорее эмоционально оценочным утверждением, а не фактическим описанием положения дел. Говорящий демонстрирует свое отношение и неудовлетворенность ситуацией не только массовой аудитории, но и настоящим оппонентам, создавая предпосылки для изменения условий будущей сделки, будущих договоренностей, то есть коммуникации на уже других более благоприятных для своей страны условиях. Несмотря на отрицательную эмоциональную окраску данного высказывания, следует отметить, что употребление фатических элементов в его составе все же способствует будущему диалогу.

В заключение следует подчеркнуть, что фатические элементы являются неотъемлемой составляющей коммуникации в рамках современного политического англоязычного дискурса. Употребление фатики расширяет социально-психологические рамки коммуникации, делает современный политический дискурс менее формальным и предсказуемым, приближает политический дискурс к живому межличностному общению и, несмотря на наличие фатических элементов коммуникации не только в жанре «Одобрение», «Ирония», «Светская беседа», но и в жанре близкому к «Ссоре», расширяет возможности наладить диалог.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Воронцова И. И. Культурная обусловленность фатической метакоммуникации: компаративные характеристики английского и русского фатического дискурса // Язык: категории, функции, речевое действие: сб. материалов. М.: МГПУ, 2018. С. 51–54.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.

The New York Times 2026. URL: https://www.nytimes.com/video

V. N. Kolodyazhnaya *(Belgorod, Russia)*
Belgorod State National Research University

FUNCTIONING OF THE PHATIC ELEMENTS OF COMMUNICATION IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE

In modern English-language political discourse the phatic elements of communication have become quite widespread. The most typical genres of phatic communication of modern English-language political discourse are “Approval”, “Irony”, “Small talk”, “Quarrel”. Despite the variety of genres, phatic elements expand the possibilities of communication and increase the chance to establish a dialogue.

Key words: communication, modern English-language political discourse, phatic elements.

С. В. Королев *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
s.korolev@odin.mgimo.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОГНИТИВНОГО МЕХАНИЗМА МЕТАФТОНИМИИ АНГЛИЙСКИМИ СОЧИНИТЕЛЬНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ

Анализируются случаи метафоро-метонимического взаимодействия в английских устойчивых сочетаниях с сочинительной связью как особого типа фразеологизмов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа фразеологического значения как сложного когнитивного комплекса. Демонстрируется, что метафтонимия обеспечивает концептуальное слияние телесного и чувственного опыта (метонимия) и его последующей абстракции (метафора). Показано также, что

оценочность в анализируемых языковых единицах может не быть фиксированной и варьироваться контекстуальной реализации и эволюции значения фразеологизма.

Ключевые слова: когнитивная фразеология, когнитивная прагматика, сочинительные фразеологизмы, когнитивная метафтонимия, оценочность.

На современном этапе развития лингвистики уже не вызывает сомнений продуктивность использования когнитивного подхода при анализе языковых явлений и фразеологизмов, в частности. Исследования, проводимые в данном ключе, демонстрируют, что когнитивный анализ позволяет глубже и всестороннее осмыслить семантику языковых единиц, значительно обогащая объяснительный потенциал лингвистической науки.

Когнитивный подход к языковым явлениям позволяет выявить когнитивные принципы и механизмы, активируемыми при структурировании информации человеком. Фразеологизмы (далее – ФЕ) относятся к вторичным языковым структурам, появляющимся в языке в результате вторичной интерпретации уже оязыковленных знаний. Фразеологическое значение предстает как сложный когнитивный комплекс, объединяющий метафорические и метонимические когнитивные модели, а также модели метафтонимии. Для его декодирования требуется также привлечение фоновых знаний. Наличие в ФЕ переосмысления требует применения когнитивно-прагматического подхода для установления всех имплицированных говорящим смыслов и дешифровки его коммуникативного намерения (см., напр., [Фурс 2025]).

Термин «метафтонимия», предложенный Л. Гуссенсом [Goossens 1990], обозначает когнитивный механизм, описывающий взаимодействие, а по сути, концептуальное слияние, когнитивных механизмов метафоры и метонимии в одном лингвистическом знаке. Применительно к исследуемому материалу изучение случаев метафтонимии в ФЕ подтверждает сложную природу этого языкового явления.

Сочинительные ФЕ английского языка типа *aid and abet*, *play fast and loose*, *sooner or later* представляют собой комплексный языковой знак, образованный путем соединения двух или более компонентов, связанных между собой различными семантическими отношениями.

Рассмотрим на примерах особенности конструирования смысла и оценки в сочинительных ФЕ, в которых задействован механизм когнитивной метафтонимии.

(1) *The deal was rejected by a large majority of the* ***rank and file*** *within the union* [FD, URL].

Современный смысл данного сочетания (ordinary members who are not in a position of leadership, authority or power [FD, URL]) возник не сразу, придя из языка военных. Знание о пространственном размещении солдат

в строю в шеренгах (*rank*) и рядах (*file*) стало основой метонимического конструирования значения «рядовой и сержантский состав». Позднее в результате метафорической проекции данное сочетание перешло из военной области в гражданскую и стало обозначать рядовых членов какой-либо организации. Данный ФЕ имеет нейтральную ингерентную оценочность: ни его компоненты, ни результирующее значение не несут положительного или отрицательного заряда. По-видимому, это происходит из-за того, что изначально представление о структуре строя военных нейтрально. Возможна лишь адгерентная отрицательная оценка в более широком контексте, как пренебрежительное отношение руководителя к обычным сотрудникам (подробнее об оценочности сочинительных ФЕ см. [Королев 2023]).

(2) T*he messenger was told to be ready at three o'clock, but he came into the room* ***booted and spurred*** *at five minutes to the hour* [Кунин 1984: 100].

В данном сочетании сконструирован смысл «fully dressed and ready to go» [LDEI] также в результате действия механизмов когнитивной метонимии и когнитивной метафоры. Сапоги со шпорами, предназначенные для верховой езды, метонимически обозначают всадника на лошади в специальной экипировке. Правильно экипированный всадник готов к заезду, что метафорически проецируется на физическую и моральную готовность любого человека к какому-либо действию. Данный ФЕ имеет образно-мотивированную положительную оценку.

(3) *John talks big about how much money he'll make someday, but he's* ***all bark and no bite*** [FD, URL].

В значении этого ФЕ «full of talk that is more threatening or impressive than that which one can or will actually do» [FD, URL] метонимическая проекция представлена в виде отношения «характерное действие животного вместо самого животного». Метафорический перенос заключается в проекции образа собаки на человека, который делает лишь громкие заявления. Сценарий, при котором собака лишь издает громкие звуки, но не предпринимает конкретных и решительных действий формирует отрицательную оценочность данного ФЕ, которая поддерживается наличием отрицательной частицы *no* при втором компоненте, обозначающем предпочтительное действие.

(4) *I hate the way Terrence* ***waits on*** *the boss* ***hand and foot*** *– what a toady* [FD, URL].

В данном ФЕ задействованы соматизмы, которые по принципу «инструмент вместо действия» метонимически передают значение тотальности, т.е. полного прислуживания человеку (напр., подходить и приносить ему что-либо). Тем самым визуализируется сценарий действий слуги или официанта в ресторане (*wait on* – «to act as a servant to somebody, especially by serving

food to them» [OLD]). В результате абстрагирования от конкретных профессий и набора их обычных действий проводится метафорическая аналогия на любые действия человека по полному обслуживанию другого («attend to all of someone's needs or requests, especially when this is regarded as unreasonable» [OIDLE, URL]). Ингерентная отрицательная оценочность, выраженная уже в словарном определении, подкрепляется контекстом (*hate, toady*).

(5) *Don't get* ***all hot and bothered*** *– we'll figure out a solution to the problem before the boss hears about it* [FD, URL].

ФЕ, обозначающие эмоции, обычно номинируют значительную степень переживаемых чувств. В данном ФЕ, который имеет значение «anxious or flustered» [FD, URL], механизм когнитивной метафтонимии задействован в первом компоненте. Метонимия «физиологический эффект эмоции вместо эмоции» (напр., покраснение лица) является основой для метафоры ВОЗБУЖДЕНИЕ – ЭТО ЖАР. Второй компонент ФЕ, вводимой словом *all,* можно считать метонимически переосмысленным, замещающим все эмоции соответствующего спектра, а не только передаваемые словом *bothered* «worried or concerned» [CD, URL]. Отрицательная оценочность обусловлена естественной реакцией человека (в том числе физиологической) в ситуации тревоги или опасности. С развитием языка у этого ФЕ появилось второе значение «in a state of sexual excitement» [FD, URL], что предполагает его положительную ингерентную оценочность. Данный факт можно пояснить не только многозначностью слова *hot*, но и тем, что одна и та же физиологическая реакция человека может быть обусловлена почти противоположными стимулами, что требует учета при когнитивно-прагматическом анализе ФЕ.

Таким образом, наше исследование подтверждает комплексный характер формирования смысла и оценочности в сочинительных ФЕ английского языка. Двучленная структура данных ФЕ выполняет функцию **полной или частичной репрезентации целостного действия, явления или состояния** (напр., *rank and file*), а также их **интенсификации** (напр., *wait on smb hand and foot*). В большинстве случаев метонимия поставляет конкретный, чувственный, телесный опыт, который становится основой для метафорического переноса. Перспектива исследования видится в подробной типологизации действия когнитивного механизма метафтонимии на материале рассмотренных ФЕ.

Литература

Королев С. В. Специфика репрезентации оценки английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 3 (54). Ч. 1. С. 741–745.

Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М: Русский язык, 1984.

Фурс Л. А. Когнитивно-прагматический подход к интерпретативной репрезентации // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С 21–30.

Goossens L. Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (3). P. 323–340.

CD – Collins Dictionaries. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/bothered

FD – The Free Dictionary by Farlex. URL: https://www.thefreedictionary.com

LDEI–Longman Dictionary of English Idioms. / Ed. director T. H. Long. Longman Group Ltd., 1980.

OIDLE – Oxford Idioms Dictionary for learners of English / Ed. Dilys Parkinson. Second Edition. Oxford University Press, 2017.

OLD – Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wait-on?q=wait+on

S. V. Korolyov *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

COGNITIVE-PRAGMATIC VIEW OF METAPHTONYMY REPRESENTATION IN ENGLISH BINOMIALS

The article analyses cases of metaphoric-metonymic interaction in English binomials as a special type of phraseological units. The relevance of the study stems from the need for a comprehensive analysis of phraseological meaning as a complex cognitive phenomenon. The author provides examples in which metaphtonymy ensures a conceptual fusion of embodied sensory experience (metonymy) and its subsequent abstraction (metaphor). The article shows that evaluation in the analysed binomials is not always fixed and may vary depending on the context and the evolution of the phraseological meaning.

Key words: cognitive phraseology, cognitive pragmatics, binomials, cognitive metaphtonymy, evaluation.

Е. Ф. Косиченко *(Москва, Россия)*
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ekosichenko@gmail.com

ТЕМПОРАЛЬНАЯ МАТРИЦА ЖАНРА ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАГМЕНТА ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф. ПУЛМАНА “THE SUBTLE KNIFE”)

В статье осуществляется анализ одной главы из произведения Ф. Пулмана *The Subtle knife* с целью выявления особенностей ее временно́й организации и описания специфики темпоральной матрицы данного текстового фрагмента. Темпоральная матрица определяется как структурно организованная совокупность средств репрезентации художественного времени. Показано, что в тексте средства выражения времени вступают в синтагматические и парадигматические отношения и участвуют в локализации сюжета во времени, организации повествовательной линии и создании образа главного героя.

Ключевые слова: жанр фэнтези, художественное время, темпоральная матрица, парадигматика художественного времени, синтагматика художественного времени.

В современных лингвистических исследованиях понятие темпоральной матрицы увязывается со способностью текста создавать возможности для интерпретации культурных символов [Гусейнова 2024]. В данной статье под темпоральной матрицей понимается системно представленная и структурно (парадигматически и синтагматически) организованная совокупность средств репрезентации художественного времени, к которым прежде всего относятся названия культурных реалий и слова с временно́й семантикой [Косиченко 2026], учитывается также роль коннекторов как средств организации причинно-следственных связей [Иванов 2025].

Для демонстрации возможностей применения матричного подхода при описании средств временно́й организации произведения художественной литературы мы проанализировали первую главу романа *The Subtle knife*, центральным героем которой является подросток по имени Уилл Парри (Will Parry), проживающий со своей матерью в Оксфорде. Поскольку мать преследуют неизвестные люди, желающие получить от нее тщательно скрываемый ею зеленый футляр с письмами его отца, Уилл принимает решение спрятать футляр в надежном месте. При попытке скрыться с футляром Уилл случайно убивает одного из преследователей, пытается бежать и попадает в параллельный мир, где встречает девушку по имени Лира (Lyra).

Синтагматика темпоральной матрицы

Действие первой главы разворачивается в период, равный примерно тридцати часам, однако в ней нет описаний дня, а только ночи, утренних

и вечерних сумерек. Время движется поступательно от вечерних сумерек к ночи, затем к рассвету и снова к ночи, глава заканчивается ожиданием дня, который так и не наступает.

Повествование начинается ранним вечером, на что указывают выделенные в приводимом ниже примере слова с временной семантикой.

Will looked up and down the narrow street ***in the evening light*** *... with* ***the sun glaring off*** *the windows of one side and leaving the other in shadow. ... People* ***would be having their meal about now*** … [Pullman 1997: 3].

Далее следуют описания глубокой ночи, когда молодой человек, отчаявшись найти спрятанный в доме зеленый футляр, в изнеможении заснул.

By that time ***it was dark****, and he was hungry ...* ***Four hours later*** *he still hadn't found the green leather case.* ***It was half past one****, and he was exhausted ...And almost at once, it seemed (though* ***he had been asleep for nearly three hours)*** [Pullman 1997: 6].

Ночь сменяется ранним утром, когда еще темно, но уже слышен звук электрического фургона молочника.

He heard one of them say quietly, "Come on. ***I can hear the milkman down the road****." ... the lights of his electric cart pallid in* ***the dawn glimmer*** *that was already filling the sky ... It* ***was too early*** *to be on the road ...* [Pullman 1997: 7–8].

Далее снова следуют описания ночи, сменившей день, в течение которого герой скрывался укромном месте. Обратим внимание на уточнение в виде существительного «полночь», а также на наличие искусственного освещения темной улицы.

Later that day, towards midnight in fact *...* ***This was night****, ... a patch of grass* ***lit by street light*** [Pullman 1997: 12, 13].

Неожиданно Уилл заметил кота, который вдруг исчез в лазейке, прикрытой клоком травы. Следуя за котом, мальчик проник в параллельный мир, где также царила ночь, но все вокруг было освещено звездами, полной луной и ярким электрическим светом из уличных заведений.

… and at the side of the boulevard was a line of cafes and small shops, ***all brightly lit****, all open, and all utterly silent and empty beneath* ***a sky thick with stars*** *...* ***The hot night*** *was laden with the scent of flowers ... Behind him* ***the full moon shone down*** *over a distant prospect of great green hills ... The underside of their leaves glowing in the* ***streetlights*** *...* ***the night air*** *was hot ... over* ***brightly lit*** *entrances ...* [Pullman 1997: 14, 15].

Войдя в пустой, на первый взгляд, дом, где он намеревался провести остаток ночи, Уилл понял, что в темноте одной из комнат кто-то прячется. Приводимая ниже цитата сообщает, что день начался и закончился ситуаци-

ей, когда кто-то прятался в темной комнате. Данный акцент создает эффект временно́й цикличности.

He thought how odd it was ***that this day had begun with someone outside a darkened room****, and himself waiting inside;* ***and now the positions were reversed*** [Pullman 1997: 17].

В комнате пряталась девушка из еще одного параллельного мира, которая оказалась в том же месте, что и Уилл, поскольку ей нужно было попасть в город Оксфорд. Во время ужина Уилл рассказал новой знакомой о лазе, открывшем ему путь из Оксфорда в этот, как оказалось, промежуточный мир. Обратим внимание на то, что встреча героев происходит в полночь.

"I want to sleep. Anyway ***it's the middle of the night****."* [Pullman 1997: 22].

Глава завершается описанием того, как героиня закрывает ставни, чтобы утренний свет не ударил спящему Уиллу в лицо.

She tiptoed to the window. ***In the glow from the streetlight*** *... She swung the shutter across the open window* ***so the morning sunlight wouldn't strike*** *in on his face, and tiptoed out* [Pullman 1997: 23].

Таким образом, в проанализированном тексте время одновременно линейно и циклично. Время движется поступательно, одна полночь сменяется другой, что позволяет рассчитать длительность путешествия героя, указывает на то, что он оказался внутри замкнутого круга, а также создает атмосферу опасности, когда герой вынужден избегать дневного периода.

Парадигматика темпоральной матрицы. Эмоциональный фон повествования

В ходе анализа первой главы романа Ф. Пулмана *The Subtle Knife* нами было обнаружено довольно много указаний на состояние беспокойства главного героя по поводу времени. Важная роль в реализации идеи о дефиците времени принадлежит как прямым констатациям этого факта, так и наречиям с соответствующей семантикой. Так, наречия *soon* и *late* усиливают данный эффект, способствуют созданию атмосферы опасности и безысходности.

There wasn't much time. … **soon** there would be other children around … They *would be after him* ***soon****... But the men came* ***too soon*** *…* ***too late*** *to do what he needed to do* [Pullman 1997: 3, 7, 12].

Эмоциональное напряжение создается также при помощи наречий *at once, simultaneously, only, often, never.*

I'll phone up ***as often as*** *I can ...* ***And almost at once****, it seemed ... he woke up knowing two things* ***simultaneously****. ... He had been through the room* ***only hours before*** *… No one could follow him here; the men who had searched the house would* ***never know****; the police would* ***never find*** *him* [Pullman 1997: 5, 6, 16].

Таким образом, в проанализированном тексте существительное *time*, наречия *when, soon, often, almost, only, late*, *never* не только выражают темпоральные отношения, но также участвуют в создании атмосферы опасности, способствуя раскрытию внутреннего состояния героя.

В тексте также присутствуют слова, конкретизирующие событие, добавляющие повествованию достоверности, однако не позволяющие локализовать действие во времени, что характерно для жанра фэнтези.

Will had first realized his mother was different from other people, and that he had to look after her ***when he was seven*** *… It was a good game, and it went for a long time because this was* ***a Saturday morning*** *…* ***On Monday*** *they went to the bank and closed her account* [Pullman 1997: 8–9].

Парадигматика темпоральной матрицы. Образ героя

Особенностью образа героя является то, что он постоянно думает и говорит про время, как бы ведя его внутренний отсчет. В приводимых ниже цитатах обратим внимание на слова с временной семантикой, транслирующие идею безотлагательности дела, которым Уиллу предстоит заняться.

I Can't do it myself for a little while, but I ***won't be long****… I've got things to do. But I'll* ***be back soon****, and I'll take her home again, I promise. You* ***won't have to do it for long****…* ***A few seconds later*** *he had thrown off the rest of his clothes and was walking into the sea* [Pullman 1997: 4, 16].

Выражения *I won't be long, I'll be back soon*, *won't have to do it for long, a few seconds later* создают интригу и одновременно способствуют раскрытию внутреннего состояния героя.

Парадигматика темпоральной матрицы. Временной колорит

В первой главе выявлено три случая использования культурных реалий, к которым относятся сотовые телефоны (cell phones), разносчик молока (milkman) и напиток кока-кола (Coke). Данные реалии указывают на то, что действие в романе разворачивается в исторический период, соотносимый с временем создания произведения, т.е. в конце прошлого века, когда молочники еще были привычным явлением в Англии, но уже получила распространение мобильная связь. Всемирно известный напиток кока-кола является индикатором реального мира, он незнаком девушке из параллельного мира.

Проведенное исследование показало, что в первой главе романа Ф. Пулмана *The Subtle Knife* темпоральная лексика разнообразна и представлена словами с семантикой времени (названиями частей суток и дней недели, словами, выражающими частотность и последовательность действий), а также культурными реалиями. Установлено, что слова с темпоральной семантикой способствуют развитию сюжета, эксплицируют идею замкну-

того круга, в котором оказался герой, создают эмоциональное напряжение, участвуют в конструировании образа героя как человека внимательного к деталям, и локализуют действие во времени.

В целом, предлагаемый матричный подход может быть использован для моделирования художественного времени и изучения особенностей временной организации произведений других авторов и других жанров.

Литература

Бейм В. В. Рисунок темпоральной сетки гороскопа (на материале немецкого языка) / В. В. Бейм // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 157–160.

Гусейнова И. А., *Решетников К. Ю.* Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 13(894). С. 37–45.

Иванов В. Д., *Филатова Е. А.* Роль коннекторов причины и других языковых средств в выражении причинно-следственной связи (на материале немецкого языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 4. С. 213–216.

Косиченко Е. Ф., *Родин А. Б.* Парадигматические отношения в темпоральной модели жанра фэнтези (на материале романа Т. Пратчетта “Monstrous Regiment”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19, № 4. С. 1503–1510.

Pullman Ph. The Subtle Knife. His dark materials. Book two. New York. Alfred a Knoff, 1997.

E. F. Kosichenko *(Moscow, Russia)*
National Research University “Moscow Power Engineering Institute”

A TEMPORAL MATRIX OF FANTASY FICTION (BASED ON AN EXCERPT FROM *THE SUBTLE KNIFE* BY F. PULLMAN)

The article analyzes a chapter from *The Subtle Knife* by F. Pullman with a view to identifying the key features of its temporal structure and describing its temporal matrix. In the study the temporal matrix is defined as a combination of linguistic means that serve to localize the plot in time, build the characters and the narrative line, create the emotional tone of the chapter. It is argued that in fictional texts means of expressing temporal relations are structured by syntagmatic and paradigmatic relations.

Key words: fantasy genre, fictional time, temporal matrix, paradigmatics of fictional time, syntagmatics of fictional time.

П. Б. Кузьменко *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
p.kuzmenko2012@yandex.ru

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИИ КАЖИМОСТИ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

В статье устанавливаются типы ономасиологических значений глагола *казаться* как ядерной лексемы категории кажимости. Выявляются обслуживающие их средства вербализации и лежащие в её основе ономасиологические признаки, преобладающие типы которых выясняются на материале корпусных данных.

Ключевые слова: кажимость, ономасиологическое значение, предметность, признаковость, категория.

Познание человеком действительности представляет собой сложный нелинейный и непрерывный процесс, в ходе которого индивид сталкивается с разнообразными факторами, в той или иной степени затрудняющими установление истинного положения дел. В круг таких факторов входят многочисленные помехи в восприятии, недостаток какой-л. информации, отсутствие уверенности в соответствии реальности имеющихся у говорящего сведений. Язык располагает целым арсеналом средств, позволяющих говорить не только о получении надежного знания, но и о промежуточных этапах этого процесса. Этой цели служат различные модусы, закрепляющие всевозможные виды отношений говорящего к пропозициональному содержанию высказывания, характеризуемого по линиям истинности, правильности и т.д. Природа модусных категорий рассматривается в связи с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией, а также формами проявления индивидуального опыта [Болдырев 2019; Панасенко 2014]. Одним из модусов, заключающих в себе субъективное восприятие мира человеком, является модус кажимости [Семенова 2007], которому соответствует одноименная языковая категория. Особый интерес представляет то, какие сведения вербализуются говорящим при таком восприятии мира, а также какими способами они обозначаются. Названные проблемы мы рассматриваем на примере глагола *казаться,* являющегося ядерным языковым средством этой категории в русском языке. Он демонстрирует стандартный диапазон сочетаемости; содержащее его предложение включает два компонента: субъект и предикатив, выражаемый прилагательным или существительным. Однако эта стандартность скрывает целую палитру номинируемых ими признаков и предметов, возникающих в голове говорящего при восприятии и интерпретации того или

иного положения дел. Рассмотрение предикативов позволит установить типы вербализуемых сведений, а также способы их языкового обозначения. Проблема способа именования той или иной онтологической сущности изучалась Е. С. Кубряковой с ономасиологической точки зрения. Такой подход способствует установлению того, «что именуется <…> данной лингвистической единицей и к какому референту в экстралингвистическом мире она отнесена» [Кубрякова 1978: 33]. Применение этого подхода к исследуемому эмпирическому материалу позволит выяснить следующее: 1) относительно каких фрагментов онтологии индивид не располагает надежной информацией (что и обусловливает модусную семантику высказывания); 2) какое обобщенное ономасиологическое значение при этом формируется; 3) какие языковые средства обслуживают эти значения.

Для ответа на эти вопросы нами был сформирован исследовательский корпус (12181 контекст), полученный из НКРЯ, содержащий интересующие нас правосторонние коллокаты глагола *казаться*. Обработанный нами языковой материал демонстрирует, что подавляющее большинство коллокатов (10905) представлено прилагательными, манифестирующими признаки познаваемого индивидом объекта. В фокусе внимания оказываются самые разные его свойства, устанавливаемые различными способами. Включенность индивида в акт восприятия позволяет выделять перцептивно обнаруживаемые свойства того или иного объекта: цвет, форму, размер, расстояние, возраст и т. д. Выделение того или иного параметра объекта в таких случаях происходит в рамках визуального модуса восприятия [Киосе 2015; Zlatev 2005]. Это, в свою очередь, обусловливает появление прилагательного соответствующего класса. По данным НКРЯ глагол *казаться* в качестве предикатива имеет 51 прилагательное (формируя 4519 контекстов). Например:

Внизу под пароходом море ***казалось зеленым*** *(Из интернета)* (цвет).

От этого кошачье лицо ***казалось асимметричным*** *(В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002)* (форма).

Сквозь замыленное стекло все ***казалось маленьким,*** *помещенным в стеклянную банку (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001)* (размер).

<…> платформа сортировочной станции ***казалась далекой*** *и непроглядной (Из интернета)* (расстояние).

Его обычно оживленное, на редкость обаятельное лицо сейчас ***казалось почти старым,*** *тусклым (В. Авченко. Фадеев, 2017)* (возраст).

Названные выше классы признаковых слов закрепляют более или менее постоянные свойства объектов, их сущностные дескриптивные признаки,

важные в определенный момент коммуникации (очевидно, что форма и размер подлежат изменению с течением времени). Такие сущности получают обозначение качественными прилагательными.

В случае если объект характеризуется по линии более постоянных признаков, для их вербализации требуется относительное прилагательное. Так, перцептивно наблюдаемый признак, характеризующийся стабильностью, имеет отношение, например, к материалу изготовления:

В них прыгал отраженный огонь, и они казались ***стеклянными*** *(Л. Н. Андреев. Набат, 1901).*

Высокие стены монастыря ***казались железными*** *(Из интернета).*

Вербализуемые свойства объекта не исчерпываются перцептивной регистрацией; достаточно обширен круг свойств, получаемых путем интерпретативной деятельности индивида. В результате когнитивной деятельности человека объекты реального мира рассматриваются не сами по себе, а по его отношению к человеку. Такой ракурс формирует признаки несколько иной природы – недескриптивные. Объект размещается на шкале ожиданий, затем вербализуется значение этой шкалы, соответствующее вероятности наличия или существования того или иного признака. Предикатив при глаголе может быть в этом случае выражен 47 прилагательными (6386 употреблений).

Такая перспектива для безвестной и, кроме того, непривлекательной принцессы ***казалась неожиданной и почти невероятной.***

Узор ***казался*** *полностью* ***случайным*** *(Из интернета).*

Другие признаки связаны с оценочной деятельностью индивида. Она весьма многогранна, и в анализируемых контекстах мы обнаруживаем практически все типы оценочных значений, выделяемых Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], например:

– психологические (интеллектуальные и эмоциональные):

Поэтому предложение немецких строителей ***кажется запредельным.***

Другой — «глаз пессимиста» — видел все в черных тонах; мир ***казался грубым, изломанным*** *(А. Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание – сила», 2003);*

– этические:

Назойливая, но уже привычная в мирное время, эта яркая, беззаботная реклама в час беды ***кажется издевательской и кощунственной*** *(Не навреди! Заметки телезрителя // «Известия», 2002.10.25);*

– нормативные:

Слушай, я понимаю, ты еще очень маленький, и все это тебе ***кажется диким*** *(А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью, 2001);*

– телеологические:

*И очень **удачным кажется** предложенное Е. Пановым сочетание «коллективный индивид» (К. Ефремов. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества // «Знание – сила», 2003).*

Приведенные выше предицируемые признаки вводятся говорящим впервые (они получают акцент), но часто указание на наличие признака содержится в пресуппозиции высказывания. Это открывает возможность градуирования признака. Его градуируемость обусловлена пресуппозицией, т. к. отметить степень признака на шкале его логического количества можно только в том случае, когда его отнесенность к объекту уже известна. Градуированию подлежат признаки, полученные путем наблюдения или интерпретации. В первом случае мы имеем дело с качественными прилагательными в прямом значении, во втором – в переносном:

*Ее платье **казалось более длинным**, чем обычно (Из интернета).*

*Они **казались легче** серёжек с рубинами (Из интернета).*

*Экзамен по физике **казался тяжелее** всех остальных (Из интернета).*

Наблюдения за материалом показывают, что наряду с прилагательными, предикатив выражается существительными (24 существительных, фигурирующих в 1276 примерах). В таких случаях перцепция уступает место интерпретации, возникает второй «участник», который уподобляется первому. В основе этого лежит принцип ассоциирования, базой которого выступает сходство, наличие чего-либо общего у двух участников. Ономасиологическое значение коллоката в этом случае необходимо реконструировать: субстанциональность существительного сохраняется, но базой для ассоциирования выступает общий **признак**. Это обнаруживается в 872 контекстах. Рассмотрим пример:

*Преодолеть несчастные две с половиной версты, что отделяли дачу от ближайшей станции, **казалось несусветным испытанием** (Из интернета).*

Здесь преодоление ассоциируется с испытанием на основании общего признака «сложность». Набор таких признаков, допускающих ассоциирование одних субстанциональных сущностей с другими, весьма разнообразен: нереальное ассоциируется со *сном*, неожиданное с *чудом,* приятное с *раем* и т. д., причем это возможно в рамках как прямой перцепции, так и интерпретации:

*Ее следы на заснеженном трапе **казались чудом** (С. Довлатов. Иная жизнь, 1984).*

*Все произошедшее **казалось сном** (А. Сальников. Отдел // «Волга», 2015).*

Знал бы ты про мою жизнь, своя бы ***казалась раем*** *(А. Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012).*

Можно предположить, что ономасиологическое значение предметности в таких случаях дополняется значением признаковости.

Ассоциирование может иметь более сложный характер, когда второй участник назван существительным, имеющим значение т. н. сценария (в таких случаях первый участник также называет определенный сценарий: например, *жизнь*):

Это ***кажется*** *забавной* ***игрой,*** *но двое из пяти отмечают, что чтение медицинской информации онлайн повышает их беспокойство о своем здоровье (О. Кашубина. Как болел бы врач: маленькие хитрости большого здравоохранения, 2018).*

Почему жизнь ***кажется борьбой****? (Из интернета).*

В «борьбе» и «игре» профилируется сложность, противоречивость процессов, которые формируют ономасиологические признаки процессуальности и признаковости, дополняющие значение предметности. В нашем корпусе об этом свидетельствует 109 примеров сочетаемости глагола с такими существительными.

Ассоциирование сводится к минимуму, если второй участник проявляет референциальную однородность с первым. Сущность первого не меняется, говорящий лишь выносит определенную оценку (так же, как и в примерах выше), только для этой цели используются существительные, квалифицирующие что-либо определенным образом, например, как *оскорбление, выдумку, ошибку* и т. д. В анализируемой выборке это происходит в 295 случаях. Например:

Да и никто с ним уже не считался, даже как с бывшим домовладельцем. Это для него ***казалось*** *тягчайшим* ***оскорблением*** *(К. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий, 1958).*

В лесу было так спокойно, что преступления ***казались выдумкой*** *досужих сочинителей (В. Белоусова. Второй выстрел, 2000).*

Несколько животных имеют пять ног: с первого взгляда в изобилии линий и пятен это не бросается в глаза, со второго ***кажется ошибкой*** *(С. Дробышевский. Достающее звено. Книга 2. Люди, 2017).*

В этих случаях отглагольные существительные реализуют ономасиологическое значение предметности, дополняемое оттенком результативности.

Ономасиологические признаки коллокатов глагола *казаться*, способы их вербализации и обнаружения, а также количество реализаций того или иного типа значения представлены в таблице.

Таблица 1. *Ономасиологические признаки коллокатов глагола казаться*

Ономасиологический признак коллоката	Способ вербализации	Количество,% (на 12 181)	Способ обнаружения	
			Перцепция	Интер-претация
Признаковость	Недескриптивные прилагательные	52,4% (6386)		+
	Дескриптивные прилагательные	37% (4519)	+	
Предметность+ признаковость	Существительные с оценочной семантикой	7,15% (872)	+	+
Предметность+ результативность	Отглагольные существительные	2,42% (295)		+
Предметность+ признаковость+ процессуальность	Существительные с семантикой процесса	0,89% (109)		+

Рассмотрение правостороннего контекста глагола *казаться* позволяет констатировать, что профилируемые говорящим сущности суть гетерогенные **признаки** явлений и ситуаций, релевантные для того или иного акта коммуникации. Результаты количественного анализа способствуют установлению превалирующего типа ономасиологического значения коллокатов глагола. Подавляющее большинство контекстов реализует признаковость в качестве ономасиологического признака коллоката, однако на нее способны наслаиваться сопутствующие значения, в частности, субстанциональности (предметности), результативности, процессуальности. Разнообразие комбинаций этих значений обслуживается существительными и прилагательными различных семантических классов. Проведенный анализ позволяет признать, что признаковость выступает обобщенным ономасиологическим значением коллоката глагола *казаться*.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Киосе М. И. О роли телесной и инференциальной концептуализации при непрямом наименовании референта в тексте // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2015. № 1. С. 105–114.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978.

Панасенко Л. А. Моделирование интерпретирующего потенциала лексических категорий. Тамбов: ТГУ, 2014.

Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007.

Zlatev J. What's in a schema? Bodily mimesis and the grounding of language // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gryuter, 2005. P. 313–342.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru

P. B. Kuzmenko *(Voronezh, Russia)*
Voronezh State University

ONOMASIOLOGICAL BASES OF THE CATEGORY OF SEEMINGNESS: CORPUS ANALYSIS

This article identifies the types of onomasiological meanings of the verb *kazatsya* as a core lexeme of the category of seemingness. The means of verbalization expressing these meanings and the onomasiological features underlying them are revealed. Corpus analysis allows to define the predominant types of onomasiological features.

Key words: seemingness, onomasiological meaning, objectivity, attribute, category.

Л. А. Панасенко *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
lpanasenko@tsutmb.ru

К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются когнитивные основы формирования интерпретирующих смысловых структур, актуализируемых лексическими единицами в дискурсе. Предлагается методика моделирования интерпретирующего потенциала концептуально-тематической области как схемы интерпретации. Рассматриваются интерпретирующие структуры знания, определяющие концептуально-тематические области, и когнитивные механизмы формирования смысла, актуальные для дискурса моды.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, концептуально-тематическая область, интерпретирующий потенциал, когнитивные механизмы, дискурс моды.

Когнитивные исследования языка показывают, что знание человека об окружающем мире представлено в системе концептуально-тематических областей, которые в языковой картине мира находят репрезентацию в лексических категориях. Концептуально-тематические области, как рубрики осмысленного опыта, отражают результат работы классификационной деятельности человеческого сознания, выступают коллективными схемами знания и служат основой интерпретации знаний о мире [Болдырев 2019]. Интерпретирующий потенциал концептуально-тематической области проявляется в активации структур знания, определяющих ее организацию, которые выполняют роль категоризаторов в процессе речемыслительной деятельности, обеспечивающих формирование смысловых структур интерпретирующего характера. Лексические единицы, объективирующие концептуально-тематическую область, служат средством осмысления и оценки объектов и явлений окружающего мира в интерпретирующей деятельности индивида. Для изучения вышеуказанных форматов знания предлагается методика моделирования интерпретирующего потенциала концептуально-тематической области, которая базируется на концептуальном анализе и предполагает следующие исследовательские процедуры:

– выявление лексических единиц, репрезентирующих объекты концептуально-тематической области, которые реализуют в дискурсе вторичные смысловые структуры;

– установление когнитивных контекстов, относительно которых лексические единицы, объективирующие концептуально-тематические области, реализуют вторичные смысловые структуры;

– выявление структур знания, определяющих концептуально-тематическую область, выступающих интерпретирующей основой в дискурсе;

– описание интерпретирующих признаков выявленных структур знания, активация которых в процессе установления межконцептуальных связей обеспечивает формирование вторичных смысловых структур;

– описание когнитивных и языковых механизмов, обеспечивающих формирование вторичных смысловых структур в ходе дискурсивного употребления лексических единиц, соотносимых с определенной концептуально-тематической областью;

– дифференциация интерпретирующих функций вторичных смысловых структур.

Далее рассмотрим, как реализуются указанные процедуры при исследовании интерпретирующего потенциала концептуально-тематической области в дискурсе моды. Анализ функционирования лексических единиц, реализующих вторичные смысловые структуры в текстах, освещающих индустрию моды в русскоязычной версии журнала *Marie Clare* [https://www.marieclaire.ru/moda/] показал, что наиболее продуктивными в плане интерпретации выступают концептуально-тематические области ЧЕЛОВЕК (*Эта сумка легкая, нежная, но вместе с тем уверенная и умеет говорить сама за себя – идеальный* спутник *для рабочего дня или вечерних посиделок*), ЖИВАЯ ПРИРОДА (*Ренессанс анималистичных принтов в моде начался с 2024 года, когда в тренды вошел* леопард), НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (*Не бойтесь экспериментировать и играть:* сапфировый *топ к фиолетовым брюкам,* изумрудная *юбка – к сиреневому жакету*), АРТЕФАКТЫ (*В официальной обстановке в качестве достойной пары они [кюлоты] потребуют пиджак и* туфли-лодочки), ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР (*Сейчас* воротнички «Питер Пэн» *инкрустируют стразами, украшают вышивкой или кружевом*), АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ (*Мы запаслись малиновыми румянами для* рококо-мейкапа).

Лексические единицы, объективирующие категории указанных концептуально-тематических областей, реализуют вторичные смыслы относительно когнитивных контекстов ОДЕЖДА (*Хорошая компания для спенсера – прямые брюки или* юбка-карандаш*, если работаете в компании со строгим дресс-кодом*), ОБУВЬ (*<…> этим летом смело переобувайтесь в* «мыльницы»), АКСЕССУАРЫ (*Пробрался анималистический узор и в коллекции Resort 2026: на брюки Louis Vuitton,* сумки-ведра), МАНИКЮР (*Дизайн чем-то напоминает* перепелиный маникюр*, который также можно отнести к «природным» нейл-артам*), ПРИЧЕСКИ (*Высокий* конский хвост – *классическая прическа, которая идеально дополнит даже самые строгие офисные аутфиты*), МАКИЯЖ (*Этот макияж часто называют «взгляд* сирены»).

Наиболее продуктивными интерпретирующими структурами знания выступают форматы перцепции, экспериенциальных эффектов и ассоциативный формат (об интерпретирующих форматах знания см.: [Панасенко 2014]). Интерпретация на основе перцептивного формата обеспечивается прежде всего активацией признаков зрительной перцепции: форма (*Джеггинсы отлично смотрятся с облегающей* водолазкой-«лапшой»), цвет (*Оно (пальто) больше не обязано быть нейтральным: допускаются <…>* карамельные*, а иногда и* винные *оттенки*), блеск (*Маникюр «сладкая* глазурь*»: что нужно знать о новом-старом тренде*).

Интерпретация на основе активации признаков формата экспериенциальных эффектов обеспечивается обращением к опытному знанию, представленному положительными физическими ощущениями или эмоциональными переживаниями, например, ощущение комфорта (*Супертрендовые* пальто-коконы *осени-2019 сшиты из натуральных мягких тканей пастельных тонов <…> автоматически создает у пользователя ощущение уюта и тепла в любую погоду*), эмоциональный подъем (*Это поможет выстроить* дофаминовый *гардероб вокруг тех тонов, которые по-настоящему дарят вам чувство счастья*).

Интерпретация на основе активации признаков ассоциативного формата предполагает обращение к знанию объектов культуры, которые обладают определенной значимостью для ее представителей, воспринимаются ими как некие прототипы, выступающие точками референции в процессах интерпретации. Так, интерпретирующая концептуализация объектов моды может осуществляться относительно концептуально-тематической области ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР при активации признака «прецедентный образ». В таких случаях прецедентные языковые единицы, обозначающие, например, персонажей известных художественных произведений, кинофильмов, мультфильмов, служат номинациями реалий моды. Например, название прически «мальвинка» связано с именем героини фильма «Золотой ключик» Мальвины, которая носила пышный бант на затылке (*Вот именно на такой случай идеальной прической станет* мальвинка).

Формирование интерпретирующих смысловых структур определяется активацией межконцептуальных связей, устанавливаемых между областью-источником интерпретации и целевой областью интерпретации. Выявленные признаки интерпретирующих структур знания выступают схемами интерпретации и лежат в основе осмысления объектов моды. Выводное знание обеспечивается процессом концептуальной деривации, в ходе которого осуществляется конфигурирование исходного знания (элемента исходной концептуально-тематической области) относительно выявленных когнитивных контекстов на основе действия когнитивных механизмов метонимии, метафоры, сравнения. Так, когнитивный механизм метонимии, реализуемый по модели ЦЕЛОЕ-ЧАСТЬ, позволяет активировать знание о цветовых характеристиках объектов природы для осмысления многообразия цветовых оттенков, определяющих модные тренды (*Кстати,* лавандовый *отлично сочетается с* лимонно-желтым*,* мятным *и* коралловым*, которые мы тоже не раз встречали на европейских подиумах в этом сезоне*).

Когнитивный механизм метафоры, реализующий в интерпретации отношение подобия между объектами разных категорий, прежде всего относительно их формы, лежит в основе спецификации атрибутов, элементов объектов моды, детализации образов (*Выразительные «*кошачьи*» стрелки визуально «распахивают» взгляд*). Когнитивный механизм сравнения предполагает выбор говорящим когнитивного ориентира для осмысления признака, выведенного в фокус сравнения (*У Prada оно (пальто) легкое, как* шелковый халат *<…> у Saint Laurent – жесткое,* словно броня).

Интерпретирующие смысловые структуры, формируемые в дискурсе в процессе концептуальной деривации, реализуют функции идентификации или характеристики объектов моды. В основе идентификации лежит операция спецификации объекта, направленная на выведение в когнитивный фокус его отличительной характеристики, онтологически и прагматически значимой для субъекта интерпретации, которая выступает доминантой его ментальной репрезентации. Такие интерпретирующие структуры осваиваются носителями языка и активируются в дискурсе как коллективное знание (*Phan Dang Hoang и Ferrari завершают* платья-комбинации *грубыми кожаными перчатками длиной до локтя*).

Характеризующая функция интерпретации связана с индивидуальным восприятием и осмыслением объекта моды. Характеризующие смысловые структуры выступают результатом активации индивидуальных схем интерпретации (*Показ открылся летящей драпированной блузой с высоким воротником и длинными, похожими на* крылья*, рукавами*).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что методика моделирования интерпретирующего потенциала концептуально-тематической области позволяет описывать когнитивные основы функционирования соответствующих лексических единиц в дискурсе, обеспечивающего процесс интерпретации. Выявленные межконцептуальные связи, устанавливаемые при активации структур знания, определяющих концептуально-тематическую область и ее интерпретирующий потенциал в дискурсе, указывает на то, что концептуально-тематические области выступают коллективными и индивидуальными схемами интерпретации.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Панасенко Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

L. A. Panasenko *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

ON MODELING OF THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF A CONCEPTUAL-THEMATIC DOMAIN

The article studies the cognitive basis of the formation of interpretive semantic structures actualized by lexical units in discourse. The method for modeling of the interpretive potential of a conceptual-thematic domain as an interpretation schema is proposed. The article examines the interpretive structures of knowledge that define conceptual-thematic domains and the cognitive mechanisms of meaning formation relevant to fashion discourse.

Key words: cognitive modeling, conceptual-thematic domain, interpretive potential, cognitive mechanisms, fashion discourse.

С. А. Песина *(Магнитогорск, Россия)*
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
spesina@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ МЕТАФТОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ[1]

В рамках статьи рассмотрены особенности функционирования лингвокогнитивного явления метафтонимии, обоснована роль метафтонимии как механизма, формирующего образный нелинейный контекст и многослойную природу повествования. Осуществлен анализ авторских метафорических моделей на основе предложенного алгоритма, инвариантно-компонентного анализа и соответствующего метаязыка. Определены текстовые метафтонимические цепочки на материале романа американского писателя Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков». Это позволило определить способы взаимодействия тропов на уровне текста с выявлением ядерных инвариантных конструктов.

Ключевые слова: метафтонимия, метафора, когнитивная лингвистика, инвариантно-компонентный анализ, дискурс.

Исследователи метафтонимии с повышенным интересом рассматривают последовательное использование тропеических преобразований значений в рамках расширенного метафорического переноса, обсуждают иерархи-

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда 26–18–20002 от 12.05.2026 г.

ческие конструкции типа «метафора – метонимия» или «метафора – метонимия – метафора» [Goossens 1990; Denroche 2015; Dirven, Pörings 2003; Конвязина 2020; Ремянникова 2025 и др.]. Автор термина «метафтонимия» Л. Гуссенс рассматривает метонимию и метафору не как отдельные явления, а как пересекающиеся сущности, функционирующие «в сочетании»: «хотя в принципе метафора и метонимия являются различными когнитивными процессами, представляется, что они не являются взаимоисключающими. Их можно обнаружить в сочетании в реальных выражениях естественного языка» [Goossens 1990: 323].

Векторы исследований метафтонимии двунаправлены: она исследуется как на уровне дискурса, так и отдельных значений слов. Л. Гуссенс выделяет *слияние* как комплексную метафтонимию, когда метонимия и метафора неразрывно переплетены по типу «метафора в метонимии» или «метонимия в метафоре» и *кумулятивные цепочки*, когда один троп порождает другой. При этом, образное сравнение как бы «наслаивается» на связь внутри предметов и за их пределами. В кумулятивной метафтонимии действует закон «внутри» и «извне» предметов, указывающий на процесс деривации, где метонимия или метафора являются «конечным продуктом» [Goossens 1990: 338]. Благодаря параметрам «внутри» и «извне» появляется еще по одной дополнительной подгруппы метафтонимиии в каждом ее типе.

Мы предлагаем классификацию метафтонимии, в которой опущены параметры «внутри» и «снаружи», а также термин «кумулятивные цепочки» на том основании, что метафтонимия – это всегда цепочки наслоения метафор и метонимий друг на друга. При лексической метафтонимии это проявляется даже более явственно, поскольку это явление всегда характеризует деривацию при цепочечной метафории или метонимии. При текстовой метафтонимии имеет место суперординатная метафорическая модель (метонимия на суперординатном уровне имеет место крайне редко), которая в контексте последовательно структурируется тропами. Основываясь на этих положениях, мы выделяем два типа метафтонимии:

– **лексическая метафтонимия**, при которой метафоро-метонимическое преобразование семантики значений осуществлено внутри структуры многозначного слова; это цепочечная деривация, в которой результирующее значение образовано из двух или более переносов;

– **текстовая метафтонимия**, при которой один троп порождает другой на уровне предложения, части текста или целого текста; зачастую мы имеем суперординатную метафорическую модель, которая в контексте структурирована одной или несколькими метафорами или/и метонимией на субординатном уровне.

Рассмотрим функционирование текстовой метафтонимии на материале известного романа Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» [Брэдбери 1982]. Известно, что уникальная образно-стилистическая манера повествования Р. Брэдбери основана на высокой концентрации авторских метафор, скрытых и явных сравнений с целью создания уникальной модели действительности, которая оказывает эмоциональное воздействие на читателя. Его сюжеты часто служат фоном для постановки «вечных» вопросов о смысле жизни, одиночестве, экзистенциальном страхе перед природой, городами, разрушающими индивидуальность. Автор с большим скепсисом относится к развитию современных технологий, полагая, что они уводят людей от истинных ценностей, уничтожают чувства и способствуют развитию одиночества. В романе через описа**ние летних каникул подростков небольшого глубинного американского городка представлена жизненная позиция автора на подобные вызовы современности. В этом смысле роман, являясь, безусловно, срезом своего времени, и сегодня привлекает внимание глубоко мыслящих читателей.**

Итак, в отрывке романа, описывающем летнюю жизнь главного героя Дугласа, рассмотрена метафтонимия, когда одни объекты и явления осмысляются сквозь призму других самым неожиданным и оригинальным образом. Так, в представленной метафтонимии ментальная репрезентация «ГОРОД» получает разноуровневую метафорическую объективацию.

Выбранный нами метафорический контекст интерпретирован посредством инвариантно-компонентного анализа. Данный метод позволяет на основе компонентного анализа определить инвариантные ядерные семантические компоненты как основание метафорического переноса, и, далее, метафтонимию, выстроив метафоро-метафорические цепочки [Песина, Солончак 2025; Pesina et al 2024]. В процессе анализа важно определить характер исходного и конечного образов, которые как бы «накладываются» друг на друга, и чем ярче эффект наложения образов, тем свежее метафоричность.

Анализ метафор осуществлен на основе классификации концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lackoff, Johnson 2003] и авторской типологии. Последняя включает следующие четыре класса метафор: 1) простые глагольные безобразные метафоры, типа *to meet the demand* или *to see the point*, 2) субстантивные простые метафоры, которые, в той же степени, что и первые, автоматичны и воспринимаются инстинктивно, но не лишены образности, например, *leg of a triangle, shoulder of a bottle*, 3) ассоциативные нетривиальные метафоры, которые требуют активации произвольного внимания и предполагают значительное расстояние между

доменами источников и мишеней, например, *Notre Dame squats in the dusk* (E. Hemingway), 4) сложные многоступенчатые текстовые метафоры с несколькими степенями понимания, например образ государства-монстра в произведениях Ф. Кафки [Песина 2021, 2023].

В тексте повести мы констатируем объективацию субординатной модели «СМЕРТЬ – ЭТО ЧУДИЩЕ» в качестве иллюстрации суперординатной модели «НОЧНОЙ ГОРОД – ЭТО СМЕРТЬ». В рамках данной статьи приведем одну метафор, иллюстрирующих данную модель. Городок, в котором проживает главный герой повести подросток Дуглас, охвачен страхом перед серийным убийцей по прозвищу Одиночка, нападающим на женщин: «жизнь в этих городишках по ночам оборачивается леденящим ужасом: разуму, семье, детям, счастью со всех сторон грозит чудище, имя которому – (1) Смерть» ([Брэдбери 1982: 221]:

(1) смерть – это субстантивная образная метафора второго типа и онтологическая метафора-олицетворение. Профилирующими компонентами главного значения слова «смерть», выступающего областью-мишенью, являются идентифицирующие смыслы: *необратимое прекращение всех биологических и физиологических процессов, поддерживающих жизнь организма;* возникающий при этом образ и данные компоненты как бы накладываются на семантику главного значения слова «чудовище», которое составляет домен-источник: *фантастическое существо, животное небывалых размеров и необычайного строения.* В результате инвариантно-компонентного анализа, предполагающего некоторую редукцию тривиальных неядерных семантических компонентов, мы получаем инвариантные компоненты, легшие в основу данного переноса: *как если бы необратимое прекращение всех биологических и физиологических процессов, поддерживающих жизнь организма, было фантастическим сказочным существом или животным небывалых размеров и необычайного строения.*

Итак, в аспекте объективирования наивысшей степени опасности, грозящей жителям от их города, и кульминацией экзистенциального страха автора в лице героев романа является профилирование метафорической модели «СМЕРТЬ – ЭТО ЧУДИЩЕ».

Во всем тексте повествования мы регистрируем целый каскад текстовых метафтонимий, в рамках которых осуществляется иерархическое структурирование повествования. Это структурирование носит как семантико-стилистический, так и синтаксический характер. В описываемом контексте ментальная репрезентация «СМЕРТЬ» последовательно иллюстрируется посредством авторских образных концептуальных метафорических мо-

делей: «СМЕРТЬ – ЭТО ЧУДИЩЕ», «НОЧНОЙ ГОРОД – ЭТО УЖАС» и «НОЧНОЙ ГОРОД – ЭТО СМЕРТЬ».

В целом, выразительность метафтонимии способствует формированию у воспринимающего сознания многомерных ассоциаций, где объект не раскрыт напрямую, но понимается опосредованно через другие ассоциации. Использование метафтонимии приводит к возможности более емкой передачи сложного эмоционально окрашенного контекста. Следует особо отметить, что необходима процедура верификации наличия в тексте метафтонимии. Это важно, поскольку метафтонимия представляет собой довольно сложное и редкое тропеическое взаимодействие метафорических и метонимических переносов, которые требуют анализа семантики этих значений.

Литература

Брэдбери Р. Передай добро по кругу. М.: Молодая гвардия, 1982.

Конвязина Е. Н. Роль комплексных метафорических и метонимических конструкций в вербализации антонимичных политических концептов // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 81–90.

Песина С. А. Многоуровневая структура полисеманта: инвариантно-кластерный анализ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021 № 1. С. 60–69.

Песина С. А. Градация метафор по уровням интеллектуального восприятия // Знак, язык и дискурс в динамике и статике: монография / Ф. Э. Абдуллаева, О. В. Байкова, В. Э. Будейко [и др.]. Кемерово: Изд-во Кемеровский государственный университет, 2023. С. 9–30.

Песина С. А., Солончак Т. Ю. Функционирование метафтонимии на уровне структуры многозначного слова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 83-й международной научно-технической конференции. Т. 3. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2025. С. 141.

Ремянникова Д. О. Метафтонимия как лингвокогнитивный феномен // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2 (41). С. 219–225.

Denroche Ch. Text metaphtonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse // Metaphor and the Social World. 2018. Vol. 8 (1). P. 1–24.

Dirven R., Pörings R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 349–377.

Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in figurative expressions for linguistic action // By word of mouth: metaphor, metonymy, and linguistic action in a cognitive perspective. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1990. P. 158–174.

Lackoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London, The University of Chicago Press, 2003.

Pesina S. A., Kiseleva S. V., Novikov D. N., Vinogradova S. A., Trofimova N. A., Tsytsarkina N. N. Textual metaphtonymy as opposed to lexical metaphtonymy // Cadernos de Educação, Tecnologia e Sociedade. 2024. T. 17. № S3. P. 126–136.

S. A. Pesina *(Magnitogorsk, Russia)*
Nosov Magnitogorsk State Technical University

PECULIARITIES OF COGNITIVE DERIVATION OF METAPHTHONYMIC UNITS IN LANGUAGE

This article examines the functioning of the linguacognitive phenomenon of metaphtonymy and substantiates its role as a mechanism that shapes a figurative, nonlinear context and the multilayered nature of narrative. The author's metaphorical models are analyzed using the proposed algorithm, invariant-component analysis, and the corresponding metalanguage. Textual metaphtonymic chains are identified using material from American writer Ray Bradbury's novel "Dandelion Wine." This allowed us to determine the ways in which tropes interact at the textual level, identifying core invariant constructs.

Key words: metaphtonymy, metaphor, cognitive linguistics, invariant-component analysis, discourse.

Е. В. Плисов *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
e_plissov@mail.ru

КОНЦЕПТОСФЕРА ПРИЗЫВА В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье выявляются и систематизируются ключевые концепты, репрезентированные в текстах призыва как особом типе религиозного дискурса. Взаимодействие когнитивных и прагматических структур анализируется на материале немецкоязычных католических призывов. В ходе исследования установлено, что концептосфера призыва представляет собой иерархизированную систему, включающую теоцентрический, аксиологический, идентификационный и прагматический компоненты, а эффективность призыва как жанра религиозной коммуникации обусловлена актуализацией глубинных концептуальных структур, связывающих трансцендентное с повседневным действием верующего.

Ключевые слова: религиозный дискурс, призыв, концепт, концептосфера, языковое сознание, социальная реальность.

В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к изучению институциональных дискурсов, обладающих высоким воздействующим потенциалом. Религиозная коммуникация занимает среди них особое место [Теолингвистика … 2025; Федоров 2022], поскольку сочетает черты сакральной традиции, публичной риторики и повседневной пастырской практики [Дементьев 2010]. В рамках этого дискурса жанр призыва долгое время оставался на периферии системного лингвистического описания, уступая место догматическим, литургическим, гомилетическим текстам. Однако именно в призыве наиболее концентрированно реализуется преобразующая функция религии – установка на изменение сознания и поведения адресата [Митрофанова 2009]. Религиозный призыв представляет собой синтетический тип текста, объединяющий признаки официального документа, духовного наставления и публичного обращения. Ему свойственна полифункциональность: апеллятивная, консолидирующая, идентифицирующая, аксиологическая и интерпретативная функции реализуются в строго стандартизированной композиции [Плисов и др. 2026]. Однако за вопросом о функциях и композиции неизбежно встает вопрос о когнитивных основах, о том, какие концепты лежат в основе этих текстов. Целью данной работы является выявление и систематизация ключевых концептов, репрезентированных в текстах призыва как особом типе религиозного дискурса.

Е. С. Кубрякова отмечает, что языковая категоризация имеет «социальное» преломление, которое основывается на различных связях между языковыми структурами и структурами знания [Кубрякова 2004]. Взаимодействие когнитивных, прагматических и языковых структур анализируется на материале немецкоязычных католических призывов официального издания Эссенской епархии Германии (*Kirchliches Amtsblatt*) за 2007–2025 гг.

Религиозные концепты обладают рядом особенностей: они часто вербализуются через метафору [Бугаева, Лагутова 2024], обладают высокой аксиологической нагруженностью, отсылают к трансцендентному референту и функционируют в режиме вторичной концептуализации (интерпретация сакральных текстов в новых коммуникативных условиях) [Плисов 2026]. Для анализа призывов важно различать базовые теологические концепты (БОГ, ВЕРА, СПАСЕНИЕ, ГРЕХ и др.), институциональные концепты (ЦЕРКОВЬ, ОБЩИНА, ЕПИСКОП, МИССИЯ и др.), прагматические концепты (ДЕЙСТВИЕ, ПОМОЩЬ, ПОЖЕРТВОВАНИЕ, МОЛИТВА), аксиологические концепты (СПРАВЕДЛИВОСТЬ, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ). Как показывает анализ, в тексте призыва эти группы не изолированы, а образуют функциональное единство, где теологическое

служит основанием, институциональное – посредником, а прагматическое – целью.

Центральным, эксплицитно или имплицитно присутствующим концептом является концепт БОГ (GOTT). Он не всегда называется прямо в императивной части, но является конечной инстанцией, легитимирующей призыв. Через него реализуется аксиологическая функция (ценностная ориентация на божественное) и интерпретативная функция (осмысление реальности через волю Бога): *Im Schatten der Wolkenkratzer von Rio de Janeiro oder São Paulo treffen sich Menschen zum Gebet, schöpfen Kraft aus dem Glauben und treten gemeinsam für menschenwürdige Verhältnisse ein. Sie haben Hoffnung, weil sie wissen, dass Gott sich in Jesus Christus auf die Seite der Elendsten geschlagen hat. „Gott wohnt in ihrer Mitte“*. Бог выступает как источник авторитета епископа, как адресат молитвы и как гарант действенности обещанного блага: *Wir deutsche Bischöfe laden Sie herzlich zum Gebet für unsere Schwestern und Brüder in der Diaspora ein*.

Концепт ВЕРА (GLAUBE) объединяет адресатов (*Liebe Schwestern und Brüder im Glauben!*), вера выступает как основа идентичности и как условие действенности призыва. Обращение – не просто этикетная формула, оно активирует концепт *вера* как маркер групповой принадлежности. В отличие от светского обращения здесь создается поляризованная карта социального мира (свои – чужие), что необходимо для последующего призыва к солидарным действиям: *Herzlich bitte ich Sie, unsere Glaubensschwestern und -brüder bei ihrem Einsatz zu unterstützen. Unsere Hilfe ist ihnen ein Zeichen der Verbundenheit im Glauben und der tätigen Solidarität*. Через этот концепт реализуются идентифицирующая и консолидирующая функции. Вера выступает не только доктриной, но и социальным перформативом: признание веры автоматически включает адресата в круг тех, к кому обращен призыв.

Концепт ОБЩИНА (GEMEINSCHAFT) выражается через обращение *Liebe Schwestern und Brüder!*, местоимения *wir*, *uns*, *unsere*, указания на территориальную или институциональную принадлежность, церковь как «нас». Концепт общины обеспечивает консолидирующую функцию и создает чувство коллективной ответственности за действие. Призыв к индивидуальному действию (пожертвовать, помолиться) переводится в плоскость общего дела. Здесь община предстает не как сумма индивидов, а как субъект коллективного действия [Белова, Архипова, Косарева 2022].

Ключевым прагматическим концептом является концепт ДЕЙСТВИЕ (HANDELN), включает в себя конкретные действия (spenden, beten, gehen) и реализует апеллятивную функцию – прямое побуждение к совершению поступка: *Alle Pfarrgemeinden, Jugendverbände und Initiativen, aber auch*

die vielen persönlich Engagierten im Lande bitten wir: Tragen Sie die Aktion Dreikönigssingen wieder nach Kräften mit! Unterstützen Sie die Sternsinger bei ihrer segensreichen Mission! Важно, что действие предстает как чисто практическое, оно всегда ценностно окрашено: помощь – это не просто перевод денег, а *Begegnung mit Menschen und mit Gott*; пожертвование – это не финансовый акт, а *segensreiche Mission*. Таким образом, концепт ДЕЙСТВИЕ неразрывно связан с концептами ЦЕННОСТЬ и ПРИЗВАНИЕ.

Концепт ЦЕННОСТЬ (WERT) является важным аксиологическим концептом, на котором строится убеждение. Например, надежда осмысляется через помощь другим как обретение перспективы: *Trotz solcher Erlebnisse aber fassen Kinder und Jugendliche immer wieder Mut und suchen Wege in eine menschliche Zukunft. In ihren Familien, Wohnvierteln, Schulen und Gruppen setzen sie Zeichen für ein friedliches Miteinander. Die Kirche hilft diesen jungen Menschen, Orientierung und Halt im Geist des Evangeliums zu finden. Ohne die Projekte der Aktion Dreikönigssingen wäre vieles nicht möglich.* Без актуализации этого концепта призыв теряет мотивирующую силу.

При реализации концепта МИР (WELT) призыв часто интерпретирует реальность (страдания, бедность, отсутствие образования), противопоставляя ей мир христианских ценностей: *Am nächsten Sonntag feiern wir den Caritas-Sonntag. Armut ist auch in Deutschland eine Realität. Und wer in unserem Land einmal arm ist, hat es schwer, aus dieser Lage herauszukommen. Armut bedeutet oftmals auch Ausgrenzung und Benachteiligung. Die Kirche setzt sich für Menschenwürde, gerechte Strukturen und für Solidarität ein. Vor Ort besteht die Aufgabe darin, in den Pfarrgemeinden den Menschen nahe zu sein, Not zu sehen und zu handeln. Viele Gemeinden haben dazu gemeinsam mit den Caritas Projekte und Initiativen entwickelt. Sie geben damit ein Zeugnis von der Liebe Jesu Christi*. При конструировании картины мира реализуется интерпретативная функция призыва. Абстрактные истины часто переводятся в конкретные ориентиры [Грязнова, Березкин 2024].

Концепт *призвание* (*Auftrag*) связывает институциональный дискурс с индивидуальным действием (*unser Auftrag als Kirche*). Через него призыв обретает характер не просьбы, а долга: *Der Katholikentag ist nicht nur die Sache derer, die persönlich daran teilnehmen. Er ist auch ein Ausdruck der Verantwortung aller Katholikinnen und Katholiken für Kirche und Gesellschaft. Deshalb sollten auch alle, die nicht in Osnabrück mit dabei sein können, die Möglichkeit nutzen, zum Gelingen dieses wichtigen Ereignisses für die katholische Kirche in Deutschland beizutragen. Ihr Gebet ist dafür ein wichtiger Baustein.*

Приведенные концепты не реализуются изолированно, на основе проведенного анализа можно выделить когнитивную схему призыва: легитимация

(Бог – авторитет епископа), идентификация (вера – «свои»), консолидация (община – коллективный субъект), интерпретация реальности, апелляция к ценности, побуждение к действию. Эта схема отражает иерархическую организацию концептосферы призыва: от высшего (теоцентрического) через институциональное и аксиологическое к прагматическому. Нарушение этой последовательности (например, приказ без легитимации) лишило бы текст призыва жанровой специфики. Проведенный когнитивно-прагматический анализ свидетельствует о том, что эффективность призыва как жанра обусловлена не столько силой императива, сколько способностью актуализировать глубинные концептуальные структуры, связывающие трансцендентное (Бог, вера) с повседневным действием (пожертвование, молитва, участие в акции).

Литература

Белова Е. Е., Архипова М. В., Косарева А. Е. Инклюзивный язык в англоязычных публицистических текстах // Гуманитарные исследования. 2022. № 4(84). С. 6–10.

Бугаева И. В., Лагутова А. С. Когнитивная метафора в религиозном дискурсе (на примере жанра акафиста) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4(60). С. 190–195. EDN AMRPMK.

Грязнова Е. В., Березкин С. Н. Закономерности развития религиозной культуры в современном обществе: проблемы систематизации и философского осмысления // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 1(46). DOI 10.26795/2307–1281–2024–12–1–13.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Митрофанова Т. А. Лингвопрагматический аспект феномена «обращение» в мире немецкоязычных дискурсов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 560. С. 157–168.

Плисов Е. В. Концепты сферы религиозной коммуникации как объект когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2026. № 1(66). С. 80–83. EDN XLBWPI.

Плисов Е. В., *Трошева Д. Г.*, *Докукина М. В.*, *Смирнова Л. И.* Тип текста «призыв» в сфере религиозной коммуникации // Казанская наука. 2026. № 2. С. 503–505.

Теолингвистика: pro et contra / А. К. Гадомский, Т. В. Ицкович, Р. Левушкина [и др.] // Quaestio Rossica. 2025. Т. 13, № 4. С. 1511–1528.

Федоров В. В. Новейшие исследования в теолингвистике: дискурсивный и когнитивный подходы // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2022. № 20. С. 439–450.

E. V. Plisov *(Nizhny Novgorod, Russia)*
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

THE CONCEPTUAL SPHERE OF CALL IN THE SPHERE OF RELIGIOUS COMMUNICATION

This article identifies and systematizes key concepts represented in exhortation texts as a specific type of religious discourse. The interaction of cognitive and pragmatic structures is analyzed using German-language Catholic exhortations. The study established that the conceptual sphere of exhortation represents a hierarchical system, including theocentric, axiological, identificational, and pragmatic components. The effectiveness of exhortation as a genre of religious communication is determined by the actualization of deep conceptual structures that connect the transcendental with the believer's everyday actions.

Key words: religious discourse, appeal, concept, conceptual sphere, linguistic consciousness, social reality.

Н. Л. Потанина *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
tatulia_tmb@mail.ru

ПАЛИМПСЕСТ И ЕГО ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕКЛАССИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ФОЛКСА «НЕДЕЛЯ В ДЕКАБРЕ»)

Рассмотрена специфика палимпсестной организации художественного дискурса в романе Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре». Показано, что палимпсест здесь функционирует не как прием интертекстуальной игры, а как смыслопорождающий механизм, реализующий идею памяти (исторической, культурной, экзистенциальной) и одновременно моделирующий многомерность современного сознания, в котором взаимодействуют разные временные пласты и дискурсивные коды. Доверие автора к культурной компетенции читателя и установка на метаповествование подчеркивают коммуникативную природу современного искусства – ключевой параметр неклассической художественности.

Ключевые слова: палимпсест, память, нарратив, интертекстуальность, неклассическая поэтика, С. Фолкс, «Неделя в декабре».

Современный литературный процесс все отчетливее движется к осознанию искусства как коммуникативного события, в котором текст рождается в диалоге с читателем и культурным контекстом. Эта тенденция, по наблюде-

ниям исследователей, связана с саморефлексией литературы и ее активным взаимодействием с научными и философскими дискурсами. В такой системе координат палимпсест оказывается не периферийным приемом, а одним из центральных поэтологических принципов: он фиксирует многослойность смысла и делает видимыми следы предшествующих культурных кодов.

Палимпсест уместно рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях: как форму межтекстовых отношений и как имманентную черту поэтики неклассического текста. В данной работе акцент сделан на втором аспекте – на том, как палимпсестная логика формирует саму структуру художественного высказывания и определяет его смысловую динамику.

Себастьян Фолкс (Sebastian Faulks, b.1953) известный прежде всего как автор романов, созданных в русле исторической и социально-психологической прозы, в «Неделе в декабре» (A Week in December, 2009) демонстрирует движение к неклассической эстетике. Использование палимпсестных приемов свидетельствует о поиске новых способов репрезентации реальности: вместо линейного повествования автор выстраивает сложную систему наслоений, где прошлое и настоящее, высокое и массовое, индивидуальное и социальное постоянно пересекаются.

В современном гуманитарном знании палимпсест трактуется как продуктивная метафора для описания механизмов культурной памяти и текстообразования. Его определяют и как «привилегированный образ интертекстуальности» [Пьеге-Гро 2008: 167], и как «метафору интертекстуальности» [Новикова 2013: 243], и как «порождающее устройство модели жизни», складывающейся из «многообразных вариаций памяти и рассказываемых историй, вызванных ими авторских, персонажных размышлений и отражений в сознании» [Исаев, Владимирова 2017: 206–207]. Эти формулировки подчеркивают не столько буквально понимаемую «многослойность» текста, сколько его способность аккумулировать и трансформировать культурно-исторический опыт.

Исторически палимпсест возник из практической необходимости: в условиях дефицита материалов для письма прежние тексты соскабливали, чтобы нанести новые. Однако следы старого письма не исчезали полностью – они просвечивали сквозь новый слой, создавая эффект смыслового наложения. Этот принцип лег в основу метафорического понимания палимпсеста как способа сохранения и переосмысления культурной памяти.

Идея многослойной памяти нашла отражение в разных интеллектуальных традициях. Например, Театр памяти Дж. Камилло визуализировал представление о памяти как о пространстве, где знания располагаются слоями. Дж. Вико рассматривал память как хранилище тропов и метафор, формирующихся в процессе развития сознания. П. Х. Хаттон развивал мысль

о том, что язык хранит в себе «тропологические пласты», и для понимания древнейших смыслов необходимо «дешифровать» более поздние наслоения: «…память языка может быть уподоблена палимпсесту, включающему в себя “тропологические пласты”, возникавшие в разное время. При этом древнейшие из них могут быть восстановлены только после того, как произойдет дешифровка всех позднейших метафорических напластований» [Hutton 1972: 155–165].

Эти идеи получили развитие в филологической мысли XX–XXI веков: М. М. Бахтин [Бахтин 1972], Р. Барт [Барт 2009], Ю. М. Лотман [Лотман 2000], Ж. Женетт [Женетт 1982], Н. Пьеге-Гро [Пьеге-Гро 2008], С. Г. Исаев и Н. Г. Владимирова [Исаев, Владимирова 2017] осмысливали механизмы наслоения смыслов и взаимодействия текстов. В частности, палимпсест стал пониматься как способ моделирования жизни через вариативность памяти и нарративов: каждый новый рассказ о прошлом не отменяет предыдущие, а вступает с ними в диалог, порождая новые смыслы.

В романе «Неделя в декабре» палимпсестная организация проявляется и эксплицитно, и имплицитно. Уже в экспозиции автор задает многослойную пространственно-временную структуру: персонажи действуют одновременно, но в разных «стратах» лондонского пространства – в квартире, в метро под ней, в фешенебельном пригороде, в офисном здании. Например, в один и тот же момент Габриэль Нортвуд читает Коран в своей квартире в Челси, машинист метро Дженни Форчун управляет поездом прямо под ним, Софи Топпинг наливает чай своему мужу в богатом пригороде Лондона, а владелец хедж-фонда Джон Вилс анализирует данные о финансовых операциях на мониторах в своем офисе.

Такое параллельное изображение разных социальных и пространственных уровней создает эффект палимпсеста: отдельные сцены накладываются друг на друга, формируя целостный образ современного Лондона как пространства, где разные жизненные миры сосуществуют, пересекаются и влияют друг на друга. Авторская оптика позволяет читателю «считывать» эти слои одновременно, воспринимая их как противоречивое единство.

Важным пластом палимпсестной структуры романа становится обращение к памяти жанра викторианского романа. Оно реализуется уже на уровне названия и композиции. Заголовок романа «Неделя в декабре» и последовательное обозначение дней недели (от воскресенья, 16 декабря, до сочельника, 23 декабря) отсылают к рождественской тематике, прочно ассоциирующейся с творчеством Ч. Диккенса. Британская критика не случайно назвала роман Фолкса «диккенсовским»: в нем прослеживаются характерные для Диккенса черты – стремление к социальной панорамности,

критика общественных пороков, детальная проработка характеров и даже намек на «благополучный» финал, который, впрочем, остается условным и не снимает остроты поднятых проблем.

Память жанра актуализируется и через читательские пристрастия персонажей. Любовь к книгам и старомодным литературным вкусам Дженни Форчун, Габриэля Нортвуда и Ральфа Трантера выглядит анахронизмом на фоне цифровой эпохи, но именно этот контраст подчеркивает значимость культурного наследия. Упоминания о чтении отсылают ко времени, когда книга была не просто носителем информации, а важнейшим культурным артефактом.

Особую роль в воссоздании викторианского слоя играет персонаж Ральфа Трантера – литературного критика, посвятившего себя изучению творчества вымышленного викторианского писателя А. Р. Эджертона. Через его рецензии, публичные выступления и разговоры в тексте оживают имена Ч. Диккенса, У. Теккерея, Р. Браунинга, Р. Киплинга, Э. Троллопа и других авторов. При этом суждения Трантера нередко намеренно упрощены и шаблонны, что создает контраст между его показной позицией и подлинной эрудицией. Этот конфликт внешнего и внутреннего отсылает к теме лицемерия, характерной для викторианской литературы.

Еще один слой палимпсеста образуют рассуждения о литературе, писательском труде и профессиональных амбициях. Эти фрагменты не являются классическими «вставными конструкциями» в строгом смысле (поскольку не предполагают смены субъекта наррации), но обладают определенной самостоятельностью и работают на метатекстовую проблематику. Они включают краткие характеристики вымышленных романов, ироничные суждения о качествах писателя и пародийные изложения биографий. Особенно подробно представлена история Ральфа Трантера, которая вызывает ассоциации с традиционными сюжетами об «истории молодого человека», характерными для викторианских романов.

Такие эпизоды выполняют важную функцию в неклассической поэтике: они смещают фокус с линейного сюжета на рефлексию о самом процессе создания текста. В отличие от классического «текста в тексте», где вставной фрагмент обычно играет подчиненную роль, в современном романе подобные конструкции могут становиться сюжетообразующими, а основное повествование – выполнять функцию рамки. Как отмечают С. Г. Исаев и Н. Г. Владимирова, использование «вставных конструкций» является «своего рода опознавательным знаком» неклассической поэтики конца XX – начала XXI веков [Исаев, Владимирова 2017: 248; см. также: Потанина 2018: 30–38].

Дискурсивная структура «Недели в декабре» строится по принципу агглютинации: роман складывается из относительно самостоятельных частей,

каждая из которых посвящена одному из семи дней предрождественской недели. Объединяющей «скрепой» выступает рождественская тема, которая пронизывает все сюжетные линии и придает повествованию целостность. Дополнительную связность обеспечивает система «переходящих» персонажей: они появляются в разных частях романа, напоминая читателю о ранее раскрытых проблемах и обстоятельствах.

Ключевым параметром неклассической художественности выступает осознание коммуникативной природы искусства. Как подчеркивает В. И. Тюпа, неклассическая художественность – это «последовательное осознание и творческое усвоение коммуникативной природы искусства» [Тюпа 2008: 139]. Палимпсестная структура романа Фолкса напрямую реализует эту установку: смысл не задается автором в готовом виде, а рождается в процессе взаимодействия текста и читателя, способного распознавать культурные коды и накладывать смысловые пласты друг на друга.

Таким образом, палимпсест в романе С. Фолкса становится не просто стилистическим приемом, а фундаментальным принципом организации текста. Он позволяет автору показать современное общество как пространство наслоений: социальных, культурных, исторических, дискурсивных. Многоуровневая структура романа отражает сложность современного сознания, где разные пласты опыта и памяти сосуществуют и взаимодействуют, порождая новые смыслы. Именно эта способность палимпсеста моделировать динамику культурной памяти делает его одним из ключевых инструментов неклассической поэтики XXI века.

Литература

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

Барт Р. S/Z. М.: Академический Проект, 2009.

Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. М.: Наука, 1982.

Исаев С. Г., Владимирова Н. Г. Вставные конструкции как маркер неклассической поэтики // Вестник филологических наук. 2017. Т. 7, № 3. С. 192–248.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

Новикова Н. В. Интертекстуальность и палимпсест: к вопросу о терминологическом аппарате // Вопросы филологии. 2013. № 2. С. 243–249.

Потанина Н. Л. Актуальные способы конструирования текста в современном западноевропейском романе // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 30–38.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: URSS, 2008.

Тюпа В. И. Дискурсивные практики русской культуры. М.: РГГУ, 2008.

Фолкс С. Неделя в декабре / пер. с англ. М.: АСТ, 2010.

Faulks S. A Week in December. London: Hutchinson, 2009.

Hutton P. H. History as an Art of Memory. Hanover: University Press of New England, 1972.

Vico G. The New Science. Ithaca: Cornell University Press, 1999.

N. L. Potanina *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

PALIMPSEST AND ITS FUNCTIONS IN MODERN NON-CLASSICAL DISCOURSE (BASED ON THE NOVEL "A WEEK IN DECEMBER" BY S. FOLKS)

The specific features of the palimpsestic organization of artistic discourse in Sebastian Faulks' novel "A Week in December" are examined. It is shown that the palimpsest here functions not as a technique of intertextual play, but as a meaning-generating mechanism that embodies the idea of memory (historical, cultural, existential) and simultaneously models the multidimensionality of modern consciousness, in which different temporal layers and discursive codes interact. The author's trust in the reader's cultural competence and the focus on metanarrative emphasize the communicative nature of modern art – a key parameter of non-classical artistry.

Key words: palimpsest, memory, narrative, intertextuality, non-classical poetics, S. Faulks, "A Week in December".

В. В. Робустова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
nikarbs@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА СЕМАНТИКИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

В статье приводятся результаты анализа специфики функционирования имен собственных, как языковых средств репрезентации и трансляции знаний о мире. Рассмотрена интерпретирующая функция имени собственного на основе интерпретационно-инферентного анализа, что дало возможность выявить и рассмотреть интерпретирующий характер семантики онимов. В статье описано привлечение интерпретанты инференции для изучения реализации семантики имени собственного на функциональном уровне. Рассмотрены три уровня интерпретационно-инферентного анализа применительно к именам собственным.

Ключевые слова: имя собственное, интерпретационная семантика, интерпретационно-инферентный анализ.

Имя собственное является уникальной языковой единицей, способной инкорпорировать, сохранять, репрезентировать и транслировать большой объем как языковой, так и неязыковой информации, которая, будучи осмысленной человеком, формирует его знание как определенную, упорядоченную систему. Н. Н. Болдырев отмечает, что «семантика языковых единиц, как на системном, так и на функциональном уровнях, по отношению к передаваемому ими знанию имеет интерпретационный характер» [Болдырев 2025а: 25].

Цель настоящего исследования – изучить интерпретирующую семантику имен собственных для выявления специфики интерпретирующей функции имен собственных по отношению к передаваемым ими знаниям, то есть изучить интерпретационную составляющую их семантики. Объектом исследования являются англоязычные имена собственные, используемые в описании определенного субъекта или объекта, и передаваемые ими смыслы.

Интерпретация какого-либо объекта или события происходит как на концептуальном, так и на языковом уровнях. Н. Н. Болдырев разрабатывает концептуально-интерпретационный метод для решения подобных задач и подчеркивает, что «на концептуальном уровне данный метод предполагает анализ специфики конфигурации передаваемого содержания, а на языковом уровне – специфики авторского выбора конкретных языковых средств и интерпретационный характер их семантики» [там же].

В рамках указанного метода используется понятие интерпретанты, введенное Ч. Пирсом в разработанной им знаковой теории языка [Пирс 2000]. Н. Н. Болдырев, развивая теорию Ч. Пирса, анализирует когнитивные интерпретанты разного уровня сложности, среди которых он выделяет интерпретанты инференции, интерпретанты импликации, когнитивно-матричные интерпретанты и т.д. [Болдырев 2026: 32–33]. Для анализа интерпретационного характера семантики имен собственных представляется особенно продуктивным прибегать к интерпретационно-инферентному анализу, интерпретационно-импликативному анализу и когнитивно-матричному анализу. В рамках настоящей статьи рассмотрим использование интерпретационно-инферентного анализа применительно к изучению специфики интерпретирующей функции имен собственных.

«Интерпретанты инференции устанавливаются в результате интерпретационно-инферентного анализа. Они сигнализируют о том, что для правильной интерпретации передаваемого содержания требуется привлечение определенного выводного знания» [там же]. В нашем случае в качестве интерпретанты выступает выводное знание, обращение к кото-

рому требуется для понимания и интерпретации смысла, передаваемого именем собственным.

"***The cabinet*** *in the centre of the south wall is* ***by Boulle*** *and was a gift from Marie-Josephe de Saxe, Dauphine of France"* [Fellowes 2014: 11–12]. Выделим три уровня интерпретационно-инферентного анализа. *The cabinet by Boulle*: на первом уровне выводим следующую информацию – очень дорогой комод; на втором уровне – комод, созданный с помощью маркетри, где металлические узоры инкрустируются в черепаховый панцирь, а затем наносятся на шпонированную поверхность мебели; на третьем уровне – комод, произведенный краснодеревщиком короля Людовика XIV, Андре-Шарлем Булем, чьи работы снискали популярность среди аристократов и дипломатов, стремившихся произвести впечатление на короля. Выводное знание, полученное нами путем обращения к энциклопедическому знанию, инкорпорированному в семантику имени собственного, раскрывает интерпретационную семантику онима.

Приведем еще несколько примеров без подробного анализа. "*I settled into a surprisingly comfortable velvet-and-gilt* ***William Kent arm-chair*** *in the Marble Hall*" [там же: 117]. "*No," said Charles, slumping into* ***a Chippendale chair*** *and resting his elbows on a charming and untidy partner's desk*" [там же: 191]. "*I had expected to be ushered into some other, sloaney sitting room on the first floor where the portraits and* ***the Louis Quinze furniture*** *would be interlarded with squashy sofas and chints – that be the usual form on such occasions"* [там же: 53]. Первый уровень интерпретации для всех приведенных примеров передает смысл «очень дорогая, качественная, статусная мебель». Интерпретанта инференция лежит в основе формирования системного значения и функциональных смыслов имени собственного. Степень глубины экспликации информации, инкорпорированной в семантику онима, зависит от целей коммуникации и фоновых знаний коммуникантов.

Рассмотрим примеры, где статус объекта, именем которого является оним, интерпретирует другие объекты, будучи частью семантики имени. "*The group had stopped on a terrace dripping with bougainvillea where* ***a large male torso by Rodin*** *stood on a marble plinth*" [там же: 109]. *A large male torso by Rodin:* первый уровень интерпретации – очень высокая стоимость; второй уровень – редкое произведение искусства; третий уровень – скульптура, выполненная Огюстом Роденом, одним из создателей современной скульптуры. Отметим, что каждый последующий уровень включает в себя предыдущий, тем самым насыщая смысловую палитру передаваемую онимом. Приведем еще несколько примеров. "*We talked for a while about* ***a painting of George IV by Lawrence*** *that hung in the room, whether it was the original or a copy and so*

on" [там же: 88]. "*She knew Blenheim by this time and Houghton and Arundel and Scone. She had lost the sense of these places' historicity. They had become the homes of her circle. … She would stride like the best of them into a dazzling* ***great hall by Vanbrugh****, lined with* ***full length van Dycks****, and curse the M25 as she threw her handbag into a Hepplewhite chair*" [там же: 236]. Выводное знание на первом уровне интерпретации будет подобно для всех примеров – высокая стоимость объекта, что позволяет актуализировать следующую ступень, но не по оси абсцисс, как мы описывали выше, а по оси ординат, и сделать следующий шаг. Наличие очень дорогих объектов в доме является показателем финансового статуса его хозяев. Подчеркнем, что данное утверждение не всегда является верным, именно поэтому мы прибегаем здесь к интерпретанте инференции, а не интерпретанте импликации. Контекст произведения подтверждает финансовый и социальный статус обладателей описываемых особняков.

Рассмотрим еще один пример, который, на наш взгляд, является важным для анализа интерпретационной семантики имени собственного. "***Every evening*** *I have ever participated in at her invitation has been constructed* ***as carefully as a Cellini salt-cellar***" [там же: 54]. Выводное знание, необходимое для правильной интерпретации передаваемого содержания, привлекаемое для осмысления семантики имени собственного, формирует интерпретанту инференцию. Знание о ценности объектов задает определенный угол интерпретации помещений, где они находятся, статуса их владельцев, способа организации чего-либо, то есть представляет собой знание об определенном способе интерпретации означаемого – вечер (*every evening I have ever participated in at her invitation)* в семантике означающего – солонка Челлини (не только шедевр ювелирного искусства, то есть отточенный и спланированный до мелочей, но и шедевр, основанный на аллегории союза земли Цереры и морей Нептуна, что было призвано инициировать дискуссию среди интеллектуалов о скрытом смысле вещей*)*.

В заключение подчеркнем, что специфика структуры и содержания интерпретанты инференции как выводного знания подтверждает наличие определенного интерпретирующего компонента в семантике имени собственного. Результаты исследования подтверждают высказанную Н. Н. Болдыревым мысль о том, что «интерпретирующий компонент становится частью и семантической структуры слова как единицы коллективного знания (системы языка), и его осмысления в процессе функционирования, т. е. частью индивидуального смысла» [Болдырев 2025б: 9]. Осуществление инферентного вывода происходит на основании разнообразных языковых и энциклопедических знаний. Для понимания коммуникации, в рамках

которой используются имена собственные, необходимо извлечение дополнительных, невыраженных в языке смыслов, имплицитно представленных в семантике онимов, осмысляемых с привлечением интерпретанты инференции и основанных на широком круге языковых и неязыковых знаний.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуально-интерпретационный анализ как метод когнитивного исследования языка // Когнитивные исследования языка. 2025а. № 3–1 (64). С. 23–31.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025б. № 1. С. 5–16.

Болдырев Н. Н. Концептуально-интерпретационный подход в когнитивных исследованиях языка // Когнитивные исследования языка. 2026. № 2–1 (67). С. 28–35.

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения: пер. с англ. М.: Логос, 2000.

Fellowes J. Snobs. London: Weidenfeld & Nicolson, 2014.

V. V. Robustova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

INTERPRETATIONAL NATURE OF THE SEMANTICS OF A PROPER NAME

This article presents the results of an analysis of the specific functioning of proper names as linguistic means of representing and conveying knowledge about the world. The interpretive function of proper names is examined using interpretative-inferential analysis, which allowed us to identify and examine the interpretive nature of the semantics of onyms. The article describes the use of inferential interpretants to study the implementation of proper name semantics at the functional level. Three levels of interpretative-inferential analysis are considered as they apply to proper names.

Key words: proper name, interpretative semantics, interpretative-inferential analysis.

Синьюй Му *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
zzw7@yandex.ru

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДОСТИЧЬ/ДОСТИГАТЬ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется семантика глаголов современного китайского языка со значением «достичь/ достигать» на основе фреймового подхода. Выявлена фреймовая структура глаголов со значением «достигать/достичь», определены состав и функции семантических слотов как элементов фрейма, а также специфика их реализации в китайском языке.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фрейм, концепт, китайский язык, языковые корпусы.

Во второй половине XX в. оформился новый взгляд на взаимосвязь языка и сознания. Это было связано с принципиальным смещением исследовательской парадигмы, в результате чего в лингвистике сформировалось когнитивное направление, которое в настоящее время активно развивается. «Для современных лингвистических исследований характерно проявление активного интереса не только к онтологической сущности языка как средству общения и хранения знаний, но и к когнитивным процессам осмысления окружающей действительности и получения знаний о ней посредством языка» [Манерко, Суханова 2024: 22]. Восприятие мира, как мы понимаем, не является зеркальным отражением реальности, а представляет собой «активную интерпретацию поступающей информации» [Беляевская 2016: 10].

Согласно теоретическим установкам этого направления «…язык служит КОГНИЦИИ (научной, обыденной), реализующейся в процессах его концептуализации и категоризации. Оно выливается в языковое оформление разных структур знания, т. е. связано с объективацией последних в соответствующие языковые формы, включая объединения указанных структур в определенные целостные единства, называемые форматами знания» [Кубрякова 2009: 5].

Ч. Филлмор впервые связал лингвистическую семантику с энциклопедическими знаниями, причем он назвал свою концепцию «фреймовой семантикой», при этом понятие «фрейма» было определено как особое конструирование знания и как когнитивные структуры [Филлмор 1982; Fillmore & Atkins 1992]. Н. Н. Болдырев отмечает, что в современной лингвистике термин «фрейм» трактуется по-разному [Болдырев 2014]. Он трактует

фреймовую семантику как направление когнитивной лингвистики, которое изучает связь значения слова с глубинной структурой знания о фрагменте действительности в человеческом сознании.

Интересно посмотреть, что именно происходит с глаголом как частью речи и показать, как фреймовая семантика может раскрыть особенности формирования нового значения глагола. Глагол как одна из наиболее важных частей речи, о чем также писал Н. Н. Болдырев в своих работах, не только обозначает динамические процессы, а именно действия, изменения, состояния, но и отражает социальные взаимодействия.

В нашем исследовании были выбран глагол со значением «достичь/достигать (到/达/获得)» в китайском языке. Это слово является многозначным и употребляется в различных контекстах.

Согласно Большому толковому словарю русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, глагол «достичь/достигать» обозначает: 1) дойти, доехать до какого-либо места, предела; 2) распространять свое действие до какого-л. места, предела (о воде, лучах света и т. п.), т. е. достичь чего (до чего или куда); 3) доходить по своим размерам, протяженности, весу и т. п. до какого-л. уровня, предела: достичь чего (только 3 л.); 4) добиться чего-л. своими усилиями, приобрести, получить желаемое [Кузнецов 2000: 279].

Указанные значения не всегда соответствуют значениям в китайском языке. В «Русско-китайском словаре» (俄汉词典) предлагаются следующие значения слова «достичь/достигать», причем к основному иероглифу каждый раз добавляются дополнительные иероглифы: 1) 到(dào, дойти), 到达(dàodá, прибыть), когда речь идет о звуках, слухах и т. п.; 传到(chuándào, распространиться); 2) 活到(huódào, дожить) «дожить», 达到(dádào, достичь (цели, уровня) «достичь чего-либо, до чего-либо»; 3) если говорить о размере, весе и т. п.: 达到(dádào, составлять); 4) «достичь успеха, цели и т. п.: 获得(huòdé, получить), 取得(qǔdé, достигнуть), 达到(dádào, достичь) [РКС 1990: 104].

В качестве методологической основы исследования мы взяли теорию фреймовой семантики Ч. Филлмора, позволяющую системно анализировать семантику глаголов на основе выделения когнитивных структур, где значение глагола передает определенный сценарий [Fillmore 1982], при этом выделяется «определенная перспективизация, или происходит фокусирование внимания на отдельных элементах фрейма» [Болдырев 2014: 109]. Фрейм представляет собой «многослойную конструкцию, объединяющая языковые средства передачи информации о фрагменте действительности и схематизированное представление о нем в системе знаний человека о мире» [Беляевская 2015: 14].

Проект FrameNet Ч. Филлмора воплощает когнитивно-лингвистическую теорию в виде аннотированного корпуса текстов, где языковые выражения связываются с когнитивными фреймами [Fillmore 1982]. Например, фрейм ARRIVING определяется так: ядерные (core) элементы задают базовую структуру события, включая обязательные компоненты (субъект – SUBJECT), объект (OBJECT – THEME), цель (GOAL). Неядерные (non-core) элементы уточняют детали ситуации, т. е. время (TIME), путь (PATH), способ (MANNER), дополнительные обстоятельства и т. п. Приведем примеры слова со значением «достичь/достигать» в китайском языке: 船到河中央 (chuándào hézhōngyāng «лодка достигла середины реки») [РКС]. В предложении глагол 到 задает движение объекта или элемента к цели. Глаголы не только называют движение, но и показывают, куда оно направлено, обозначая целенаправленное перемещение субъекта (человека, животного, транспортного средства) в пространстве с явной ориентацией на конечный пункт (т. е. цель движения). Ядерными элементами фрейма в примере являются: объект – 船 «лодка» и цель движения – 河中央 «середина реки». Мы можем обнаружить в примере также неядерные элементы: путь – движение по реке (намеченной траектории), способ движения – плыть, время – настоящее.

Глагол 传到 (chuán dào) обозначает процесс передачи (информации, звуков, слухов, сигналов и т. п.) с достижением конечного адресата. Рассмотрим пример: 传到到阎罗大殿的每个角落 (chuándàodào yánluódàdiàn de měigè jiǎoluò, «мои слова достигали всех уголков тронного зала») [НРЯ]. Ядерные элементы включают объект – «слова» (речь человека), зону охвата – 阎罗大殿的每个角落 «все уголки тронного зала». Неядерные: путь – акустическое распространение в пространстве, время – настоящее. Слово 传 обозначает способ передачи и получения (как, через кого), 到 подчеркивает результат и акцентирует факт получения.

Приведем следующий пример: 到达那个临界点后 (dàndào nàgè línjièdiǎnhòu, «после того, как достигают критической точки») [ПК НРЯ]. Глагол обозначает изменение величины, объема, количества, продолжительности или значимости явления, т. е. измеряемого параметра. В примере субъект не указан, целью (точкой) является 那个临界点 «та критическая точка». Неядерные элементы: время – прошедшее (употреблен предлог 后 «после», который указывает на момент после достижения цели).

Слова 得到 (dédào) и 达到 (dádào) оба содержат глагол 到, но эти глаголы имеют разные значения и синтаксические модели. Например, 小说的主人公已经开始得到英国式的幸福 (xiǎoshuōdezhǔréngōng yǐjīng kāishǐ dédào yīngguóshide xìngfú, «герой романа уже начинал достигать своего английского

счастья») [ПК НРЯ]; 巴扎罗夫是否达到了自己的目的? (bāzhāluófū shìfǒu dádàole zìjǐde mùdì «достиг ли Базаров своей цели?») [ПК НРЯ].

В указанных примерах ядерными элементами являются в первом случае – субъект 小说的主人公 «герой романа», целевое состояние: 英国式的幸福 «английское счастье», а неядерными: оценка – культурно-специфический оттенок, время – прошедшее (уже начинал), при этом 得到 обозначает субъект, который становится обладателем чего-либо (материального или абстрактного) – указание на модель: 得到 + объект. Глагол 得到 в примере передает приобретение абстрактного значения объектом (счастья). 得到 относится к группе глаголов получения в распоряжение, т.е. объект переходит в руки субъекта. В другом примере субъект 巴扎罗夫 «Базаров», цель 自己的目的 «своя цель», но в предложении есть и модальность, которая подчеркивает неопределенность результата через вопросительную частицу 是否 «ли/либо», время зависит от варианта ответа (达到了 «достиг»: прошедшее время (слова了 (le) как показатель завершенности действия), 没达到 «не достиг»: настоящее, т.е. действие пока не совершено, но возможно в будущем. В примере глагол 达到 подчеркивает соответствие заявленной цели и показывает движение к цели субъектом и указывает на достижение цели.

Таким образом, фреймовый анализ в нашем исследовании выявил общую концептуальную основу, включающую ядерные (обязательные) и неядерные элементы. Результаты исследования глагола «достичь/достигать» в китайском языке имеют значение для теории перевода, так как показывают, что в китайском языке эти конкретные концептуальные элементы могут по-разному проявляться в семантике используемого глагола при передаче на русский язык.

Литература

Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 13 (752). С. 9–17.

Беляевская Е. Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 22 (733). С. 9–20.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

Манерко Л. А., Суханова А. С. Функционирование фрейма ENVIRONMENT в специальных концептуальных областях в английском языке // Слово.ру: Балтийский акцент. 2024. Т. 15. № 3. С. 22–38.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) URL: https://ruscorpora.ru

Параллельный корпус национального корпуса русского языка (ПК НРЯ). URL: https://ruscorpora.ru/search?search=CgkyBwgFEgNlbmc%3D

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Т. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. P. 52–92.

Fillmore Ch. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981. P. 111–137.

Fillmore Ch., Atkins B. T.S. Towards a frame-based organization of the lexicon: The semantics of RISK and its neighbors // Lehrer, A. & Kittay, E. (eds.). Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. P. 75–102.

北京大学现代汉语CCL语料库 (Center for Chinese Linguistics PKU) URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/

汉俄词典 (hànécídiǎn) Китайско-русский словарь // 商务印书馆: 北京. Пекин: Коммерческое изд-во, 2000.

Xinyu Mu *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

FRAME ANALYSIS OF THE VERB WITH THE MEANING “TO ACHIEVE” IN CHINESE

This article analyzes the semantics of modern Chinese verbs corresponding to the meaning “to achieve” on the basis of a frame-based approach. We identified the frame structure of verbs with the meaning “to achieve”, the composition and functions of semantic slots as the frame elements were determined, and the specific features of their use in Chinese were identified.

Key words: cognitive linguistics, frame, concept, Chinese, language corpora.

А. Г. Толмачёва *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
anastasiatolmacheva.94@yandex.ru

ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ КАК ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ФОРМАТ ЗНАНИЯ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ *ЧЕЛОВЕК*)

Данная статья посвящена исследованию активизации признаков формата экспериенциальных эффектов концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК в рекламном слогане. В результате исследования выявлены доминанты интерпретации, признаки вышеуказанного формата, а также соответствующие когнитивные механизмы, способствующие реализации интерпретирующего потенциала вышеуказанной когнитивной области.

Ключевые слова: вторичная интерпретация, формат экспериенциальных эффектов, рекламный слоган, концептуально-тематическая область, когнитивные механизмы.

В современном маркетинге традиционные способы информирования об объекте рекламы утрачивают свою эффективность. Как следствие, копирайтеры стараются разработать более яркие, креативные и быстро запоминающиеся рекламные слоганы. Так, в рекламе для формирования тесной связи между потребителем и брендом рекламодатель может фокусировать внимание на передаче эмоций и телесных ощущений, которые испытывает потенциальный покупатель от объекта рекламы. Ключевым инструментом реализации данной стратегии выступает активизация признаков формата экспериенциальных эффектов, которые обеспечивают формирование экспрессивной рекламы. С когнитивной точки зрения активизация признаков формата экспериенциальных эффектов помогает реализовать интерпретирующий потенциал соответствующей концептуально- тематической области за счет употребления лексических единиц во вторичном употреблении.

Согласно Л. А. Панасенко, признаки формата экспериенциальных эффектов отражают разного рода воздействия на человека и окружающую его среду со стороны определенных объектов [Панасенко 2014: 13]. Например, в результате исследования интерпретирующего потенциала лексических категорий Л. А. Панасенко выделила интерпретирующий признак вышеуказанного формата – «неблагоприятное воздействие», который активизируется для интерпретации объектов доменов концептуально-тематической области

ЧЕЛОВЕК: «физические характеристики» – «объекты, вызывающие неприятные физические ощущения», «кинематика»; «психика» – «поведение людей, вызывающие негативное эмоционально-психологическое состояние», «неблагоприятное эмоционально-психологическое состояние», «действия, оказывающие негативное влияние на эмоционально-психологическое состояние».[Там же: 337–343].

В рекламе доминантами интерпретации формата экспериенциальных эффектов выступают характеристика объекта рекламы и результат, переживаемый потенциальным потребителем от рекламируемого объекта, а к интерпретирующим признакам данного формата можно отнести: «эмоциональное состояние» и «соматический опыт», которые получают дальнейшую дифференциацию при описании реализации интерпретирующего потенциала (далее ИП) концептуально-тематической области (далее КТО) ЧЕЛОВЕК. Признак «эмоциональное состояние» дифференцируется как **субъективное переживание,** например, настроение, эмоциональная реакция, чувство; признак «соматический опыт» – как **телесное переживание** (телесность, физические ощущения, здоровье тела).

Н. Н. Болдырев понимает под КТО «когнитивные схемы, отражающие различные сферы опыта человека, его взаимодействия с миром, физическую структурированность мира и социальной сферы, структуру различных функций и видов деятельности человека в этом мире и в обществе. КТО способны выполнять интерпретирующую функцию в процессах формирования новых смыслов, выступая как области их определения» [Болдырев 2014: 119].

В основе рассматриваемой концептуально-тематической области лежит концепт ЧЕЛОВЕК. Ее выбор обусловлен тем, что человеку свойственно переживать эмоции и испытывать физические ощущенияодновременно.

Проанализируем русскоязычные рекламные слоганы с целью изучения признаков формата экспериенциальных эффектовв рамках КТО ЧЕЛОВЕК.

Активизация признака «эмоциональное состояние» формата экспериенциальных эффектов в рекламе.

1. *Садитесь, я вам* ***рад*** [БС – реклама диванов ИКЕА].

2. *Поймай* ***кофейное настроение*** [БС – реклама шоколадного батончика NUTS].

В примерах 1 и 2 реализация интерпретирующего потенциала осуществляется за счет активизации признака формата экспериенциальных эффектов –«эмоциональное состояние».

В примере 1 указанный признак дифференцируется как «ощущение радости» (ср.: *радостный*– испытывающий чувство радости [Картаслов. ру]). В фокус интерпретации при помощи профилирования выводится харак-

теристика объекта рекламы – диван позиционируется как живое существо, которое ждет и любит потенциального потребителя, так как рекламируемый объект универсальный, прочный, безопасный со встроенными системами хранения. Вышеуказанная доминанта осмысляется за счет метафорической модели ЧЕЛОВЕК→ МЕБЕЛЬ.

В примере 2 указанный признак дифференцируется как «ощущение спокойствия» (ср.: *кофейный* – прил. к кофе; *настроение*– душевное состояние [Картаслов.ру]). В фокус интерпретации при помощи профилирования выводится характеристика объекта рекламы – потенциальный потребитель испытает ощущение спокойствия, так как рекламируемый объект обладает оригинальным вкусом в сочетании с фундуком и тягучей карамелью, и прекрасно подойдет для перерыва. Вышеуказанная доминанта осмысляется за счет метонимической модели ЧАСТЬ 1 (СЛЕДСТВИЕ) → ЧАСТЬ 2 (ПРИЧИНА)/НАСТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА→ ПРОДУКТ ПИТАНИЯ.

Активизация признака «соматический опыт» формата экспериенциальных эффектов в рекламе.

3. ***Жаждет*** *общения на любом языке* [БС – реклама пива HEINEKEN].

4. *Не дай себе* ***засохнуть*** [БС – реклама газировки SPRITE].

В примерах 3 и 4 реализация интерпретирующего потенциала осуществляется за счет активизации признака формата экспериенциальных эффектов –«соматический опыт».

В примере 3 указанный признак дифференцируется как «состояние сухости» (ср.: жажда –желание, потребность пить [Картаслов.ру]). В фокус интерпретации при помощи профилирования выводится характеристика объекта рекламы – рекламируемый напиток репрезентирован как друг, который хочет собраться с друзьями и поговорить. Вышеуказанная доминанта осмысляется за счет метафорической модели ЧЕЛОВЕК→ НАПИТОК, где свойства человека переносятся на артефакт.

В примере 4 указанный признак дифференцируется как «состояние обезвоживания» (ср.: *засохнуть* – утратив влагу [Картаслов.ру]). В фокус интерпретации при помощи профилирования выводится результат использования объекта рекламы – рекламируемый напиток позиционируется как средство от дефицита воды, осуществляется апелляция к базовому инстинкту выживания. Вышеуказанная доминанта осмысляется за счет метафорической модели СОСТОЯНИЕ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА (например, сухая кожа, вялые движения) → БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА, где происходит перенос свойства живого организма на бытие человека.

Таким образом, при реализации интерпретирующего потенциала концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК формат экспериенциаль-

ных эффектов может быть активизирован признаками «эмоциональное состояние» и «соматический опыт». В ходе анализа рекламных слоганов установлено, что вышеперечисленные признаки соответствующего формата знания дифференцируются как: «ощущение радости», «ощущение спокойствия», «состояние сухости», «состояние обезвоживания». Реализации интерпретирующего потенциала концептуально-тематической области также осуществляется за счет действия когнитивного механизма профилирования и соответствующих метафорических, и метонимических моделей, что позволяет осмыслить объект рекламы через доминанты интерпретации.

Литература

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6. С. 118–122.

Панасенко Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис.… д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

БС – База слоганов. URL: https://voxfree.narod.ru

Картаслов. ру – Карта слов и выражений русского языка. URL: https://kartaslov.ru

A. G. Tolmacheva *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

EXPERIENTIAL EFFECTS FORMAT AS AN INTERPRETIVE FORMAT OF KNOWLEDGE IN AN ADVERTISING SLOGAN (BASED ON A CONCEPTUAL-THEMATIC DOMAIN *HUMAN*)

This article is devoted to the study of the activation of the features of the experiential effects format in the conceptual-thematic domain HUMAN in an advertising slogan. As a result of the research the interpretive dominants, features of the above-mentioned format and the corresponding cognitive mechanisms are identified, implementing the interpretive potential of the above-mentioned cognitive domain.

Key words: secondary interpretation, experiential effects format, advertising slogan, conceptual-thematic domain, cognitive mechanisms.

Н. М. Толкачева *(Москва, Россия)*
Российский государственный гуманитарный университет
nmtolkacheva@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПОСРЕДСТВОМ АФФИКСАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена когнитивным механизмам формирования аксиологических смыслов посредством аффиксации в политическом дискурсе на материале инаугурационной речи Д. Трампа 2025 г. Анализ показывает, что производные с *re-*, *un-*, *dis-*, *-ity* и *-tion* участвуют не только в номинации политически значимых явлений, но и в их концептуализации, реализуя три когнитивных механизма: реституцию, реификацию и поляризацию. Совокупное действие этих механизмов позволяет рассматривать аффиксацию как самостоятельный инструмент аксиогенеза в политическом дискурсе.

Ключевые слова: аффиксация, когнитивные механизмы, политический дискурс, аксиогенез, словообразование.

В современной когнитивной лингвистике производное слово рассматривается как итог ономасиологического выбора, когда в акте номинации говорящий выделяет мотивирующий признак объекта, который становится основой словообразовательного значения и задает способ его концептуализации [Кубрякова 1981, 2004]. В политическом дискурсе этот выбор почти никогда не является нейтральным: производная единица сворачивает аксиологически нагруженную ситуацию и посредством словообразовательной структуры направляет ее интерпретацию [Заботкина 1989; Chilton 2004]. Оценочная нагрузка при этом возникает не через прямые квалификации, а через соотнесение обозначаемого с нормативной картиной мира [Арутюнова 1988]: в оппозиции «НОРМА-ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ» формируется аксиологический статус явления, а производное слово фиксирует, по какую сторону границы оно находится. На уровне дискурса такие единицы участвуют в формировании ментальных моделей политической реальности, через которые адресат интерпретирует происходящее [ван Дейк 2013].

В рассматриваемой инаугурационной речи аффиксация выступает одним из ключевых механизмов смысловой организации текста. Наиболее ярким является префикс *re-*, который функционирует здесь не как рядовой маркер повторяемости, а как маркер реститутивного сценария. Реституция как когнитивный механизм активирует схему НОРМА-УТРАТА-ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОРМЫ, при которой текущее действие осмысляется как возврат к ранее существовавшему состоянию. Эту когнитивную матрицу задают фразы:

"Our sovereignty will be reclaimed. Our safety will be restored. The scales of justice will be rebalanced." Далее она воспроизводится и расширяется: *"we will immediately restore the integrity, competency, and loyalty of America's government", "To restore confidence and effectiveness to our federal government", "Under my leadership, we will restore fair, equal, and impartial justice under the Constitution and the rule of law", "we will restore an American promise and we will rebuild the nation that we love".* Многократное повторение этой модели задает устойчивую концептуальную схему: политическое действие осмысляется не как создание нового, а как возврат к утраченному порядку, снижая тем самым у адресата тревогу перед неизвестным и переориентируя его на образ известного прошлого.

Когнитивная сила этой схемы особенно отчетливо видна в слове *reclaim* в контекстах *"Our sovereignty will be reclaimed"* и *"The journey to reclaim our Republic has not been an easy one."* Основа *claim* содержит пресуппозицию права, которая предполагает законное основание для такого требования. Присоединение *re-* уточняет, что субъект добивается не нового, а того, что ему уже принадлежало. На когнитивном уровне словообразовательная форма встраивает в пропозицию сразу несколько имплицитных пресуппозиций: суверенитет и республика принадлежат «нам» по праву, это право было нарушено, его восстановление морально и юридически обоснованно. Все эти смыслы кодируются в структуре производного слова без прямого аргумента. Следует оговориться, что сам по себе словообразовательный анализ не позволяет определить, воспринимает ли адресат эти пресуппозиции как истинные или как риторическую позицию говорящего, этот вопрос требует отдельного исследования.

Нарративную рамку речи образуют два ключевых высказывания: "the golden age of America begins right now" открывает текст, а "our golden age has just begun" завершает его. Открывающее высказывание вводит центральный образ речи, образ «золотого века», а серия производных с re-, разворачивающаяся далее в речи, формирует когнитивный фон, на котором этот образ воспринимается не как декларация принципиально нового состояния, а как возвращение того, что уже существовало, было утрачено и теперь восстанавливается. Закрывающее высказывание фиксирует этот сценарий как свершившийся факт, активируя схему НОРМА-УТРАТА-ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОРМЫ, в которой прошлое конструируется как ценностный идеал, а настоящий момент как точка восстановления нормы. Дискурс конструирует возврат как движение вперед, создавая тем самым условия для некритического принятия тезиса о восстановлении.

Реификация как когнитивный механизм обеспечивает дополнительную поддержку реститутивной схемы. Суффикс *-ity* переводит качественный признак в статус самостоятельного объекта, сущности, которой можно обладать, которую можно утратить и которую можно восстановить. Именно эта онтологизация встраивает производное слово в схему НОРМА-УТРАТА-ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОРМЫ: в *"Our sovereignty will be reclaimed"* суверенитет концептуализируется как объект, которым обладали, который был утрачен и теперь подлежит возвращению. В высказывании *"bring back hope, prosperity, safety and peace"* та же модель наполняет схему целевым содержанием, где *prosperity* – объект-ценность, ради которого и осуществляется восстановление. На этих примерах видно, что суффикс *-ity,* реализуя механизм реификации, обслуживает две позиции реститутивной схемы: именование утраченной нормы и именование целевого восстанавливаемого состояния.

Суффикс *-tion* образует в речи отдельный пласт номинаций, распределенных по обоим полюсам и аксиологически связанных с реститутивной схемой, так как субстантивация с -tion переводит действие в статус объекта, которым можно управлять, который можно утратить и восстановить. В зоне «ценность+» ключевой единицей является *restoration* ("*we will begin the complete restoration of America*"). Суффикс субстантивирует процесс возвращения нормы и тем самым представляет его как управляемый объект, то, что можно и осуществить, и зафиксировать как результат. На противоположном полюсе находится *weaponization* ("*the vicious, violent and unfair weaponization of the Justice Department*"). Это производное слово онтологизирует злоупотребление властью, представляя его как системную практику с устойчивыми признаками намеренности и целенаправленности. Определения *the vicious, violent, unfair* усиливают аксиологическую нагрузку, но и сама номинация уже закрепляет негативную квалификацию на словообразовательном уровне, поскольку институт власти концептуализируется как превращенный в оружие.

Механизм поляризации реализуется через префиксы негативной семантики *un-* и *dis-*, которые конструируют зону «ценность-» разными способами. В высказывании *"After years and years of illegal and unconstitutional federal efforts…"* слово *unconstitutional* задействует схему НОРМА-НАРУШЕНИЕ НОРМЫ. Основа *constitutional* сохраняет статус положительной нормы, а префикс *un-* фиксирует прямое нарушение этой нормы, обеспечивая эффект мгновенной категоризации без развернутого аргументированного обоснования. Слово *disrepair* в высказывании *"the pillars of our society lay broken and seemingly in complete disrepair"* устроено иначе. В отличие от unconstitutional, где префикс маркирует прямое нарушение нормы, пре-

фикс *dis-* в *disrepair* указывает на отсутствие нормального состояния, без субъекта нарушения: основа *repair* обозначает исправление нарушений и восстановление, а *dis-* актуализирует схему НОРМА-ОТСУТСТВИЕ НОРМЫ, вписывая происходящее в мотив хронической запущенности и постепенного разрушения. Такая категоризация без аргументации соответствует тому, что ван Дейк описывает как управление убеждениями через дискурс, когда адресат получает не доказательство, а готовую ментальную модель, в которой *unconstitutional* и *disrepair* уже закреплены как характеристики предшествующего политического курса.

Описанные механизмы усиливаются за счет систематической аксиологической поляризации, когда лексемы речи последовательно распределяются по оценочным полюсам. Первую группу образуют единицы, закрепляющие явления возвращения справедливости, законности, эффективности институтов и единства в зоне «ценность+» (*our safety will be restored, the scales of justice will be rebalanced, we will restore the integrity, competency and loyalty; we will restore fair, equal and impartial justice; we will begin the complete restoration; national unity is now returning и др.*). Вторая группа представлена единицами, относящими злоупотребление властью, внешнюю угрозу и системное нарушение нормы к предшествующему периоду (*the vicious, violent and unfair weaponization of the Justice Department; the disastrous invasion of our country; illegal and unconstitutional federal efforts; the radical and corrupt establishment и др.*), и закрепляющими их в зоне «ценность-». Повторяющееся распределение лексем по полюсам «+/-» кумулятивно формирует устойчивую интерпретационную схему: каждый новый факт автоматически включается либо в набор «восстановление/ справедливость/ законность/единство», либо в набор «злоупотребление/ разрушение/угроза/ упадок», тем самым закрепляя аксиологическую квалификацию явлений на уровне всего текста.

Аффиксация функционирует как самостоятельный механизм когнитивного конструирования политической реальности. Производные с *re-*, *un-*, *dis-*, *-ity* и *-tion* не просто называют явления, а позиционируют их в устойчивых схемах, закрепляя аксиологическую квалификацию еще до того, как адресат формирует собственную оценку. Ценностный знак встроен в словообразовательную структуру и поэтому воспринимается не как субъективная позиция говорящего, а как свойство реальности. Аффикс не аргументирует и не убеждает напрямую, а задает рамку, внутри которой аксиологические позиции предстают очевидными. Это делает словообразовательный анализ необходимым, а не факультативным компонентом исследования политического дискурса.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London: Routledge, 2004.

***N. M. Tolkacheva** (Moscow, Russia)*
Russian State University for Humanities

AFFIXATION AS A COGNITIVE TOOL FOR AXIOLOGICAL MEANING-MAKINGIN POLITICAL DISCOURSE

The article explores how affixation shapes value-related meanings in D. Trump's 2025 inaugural address. It shows that derivatives with *re-, un-, dis-, -ity* and *-tion* not only name politically significant phenomena but also reify them, encode scenarios of loss and restoration, and split events and actors into positive and negative value zones without explicit value judgements. On this basis, the derivational level is treated as a relatively autonomous level of value construction in political discourse, where patterns of evaluation are built into the internal structure of derived words.

Key words: affixation, cognitive mechanisms, political discourse, axiologenesis, derivation.

Д. С. Черкасова *(Москва, Россия)*
Российский государственный гуманитарный университет
dariacherkasova220@gmail.com

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВЫХ ЭВФЕМИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]

По мере укрепления роли СМИ в формировании общественного мнения возрастает интерес к исследованию вербальных инструментов манипулирования, и не только в контексте медиа, но и в повседневной коммуникации. Одним из таких средств является эвфемизация, обладающая чрезвычайно высоким манипулятивным потенциалом. Идентификация эвфемизмов как средства манипуляции требует понимания процессов их образования с точки зрения прагматических мотивов и концептуальных основ. В статье рассматриваются общие принципы смыслопорождения эвфемистических наименований в современном английском языке через призму когнитивно-прагматической парадигмы, а также выявляются содержательные признаки выделенных концептов.

Ключевые слова: манипуляция, эвфемизм, концептуальные структуры, концептуально-дефиниционный анализ, словообразование.

На сегодняшний день СМИ являются основным источником информации о событиях в мире, а, значит, являются главным инструментом воздействия на общественное мнение. Использование средств массовой информации в политике, экономике, социальной сфере позволяет заручиться поддержкой массовой аудитории, продвигать определенный политический курс, формировать потребности общества, объединять общественность для решения проблемных вопросов и т. д. В то же время в эпоху развития медиа, технологий и нейросетей возрастает риск дезинформации, спектр инструментов манипуляции становится все шире, в связи с чем становится острее необходимость распознавать их воздействие, проявляющееся не только в медиа-дискурсе, но и в повседневной коммуникации.

Целью данной статьи является исследование когнитивно-дискурсивных основ эвфемизации как одного из ключевых и наиболее эффективных средств манипулирования. Предпринята попытка комплексного анализа манипулятивного потенциала эвфемистических номинаций с точки зрения прагматических мотивов и связанных с ними концептуальных структур, позволяющего сделать выводы о процессах их формирования.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00594–П.

Эвфемизмы обладают колоссальным манипулятивным потенциалом [Порохницкая, Теплякова 2017], во многом в силу своей неброскости, незаметности для манипулируемого [Баскова 2006]. Прагматические интенции, лежащие в основе создания эвфемизмов манипулятивного характера, связаны с намеренным воздействием на восприятие информации, формированием определенного отношения к событиям, лицам, явлениям, а также попыткой скрыть истинную сущность денотата и исказить реальность в пользу манипулятора. С прагматической точки зрения можно выделить следующие принципы: 1) проявление чрезмерной вежливости в целях ослабления способности объективной оценки информации манипулируемым, 2) воздействие на массовое сознание для формирования нужного восприятия отрицательных событий в политике / социальной сфере, 3) сокрытие противозаконной деятельности некоторыми социальными группами [Заботкина 2014: 189].

Процесс неологизации современного лексикона обусловлен тесной связью коммуникативных и когнитивных аспектов: формирование новых значений лексических единиц по мере развертывания дискурса определяется, с одной стороны, интенцией автора и прагматической инференцией, с другой стороны, в основе формирования нового значения лежат когнитивные процессы взаимодействия ментальных пространств различных видов и их интеграция [Заботкина 2007]. В связи с этим целесообразно исследовать соотношение концептуальных систем с языковыми [Langacker 1987].

Наиболее наглядно эту связь можно отследить на примере формирования эвфемистической лексики. По результатам концептуально-дефиниционного анализа, проведенного в ходе данного исследования на материале словарных описаний концептов (словари Oxford Learner's Dictionary, Merriam Webster, Collins Dictionary) и новых эвфемизмов-манипулятивов, возникших за последние 10 лет и репрезентирующих эти концепты, было выявлено, что прагматическая реализация эвфемизмов определяет их когнитивную организацию.

Одним из центральных концептов является концепт ВЕЖЛИВОСТЬ (POLITENESS) с прагматической точки зрения сформированный вполне понятным мотивом (e.g. *the frail aged* – пожилые немощные люди, *protected groups* – низшие слои населения). Анализ словарных толкований показал, что данный концепт структурируется такими признаками, как *утонченность*, *изысканность*, *учтивость*, *формальность* (соблюдения социальных норм и процедур).

Тесно связан с ним, но обладает собственной спецификой концепт ТАБУ (TABOO), в основе которого лежит глубинный культурный запрет

на прямое называние опасных, сакральных или интимных явлений, прежде всего смерти, заболеваний, сексуальных взаимоотношений и т.д. (e.g. *bed-warmer* – любовник/любовница, *easy woman* – женщина легкого поведения). Характеристики концепта включают *запрет*, *оскорбительность*, *неловкость*, *сакральность*.

Совершенно иной концепт – СОКРЫТИЕ (CONCEALMENT), порождаемый необходимостью скрыть незаконную или неблаговидную деятельность от посторонних (e.g. *blind (business, company)* – бизнес, служащий прикрытием для нелегальных операций, *cabinet noir* – секретное подразделение, занимающееся перехватом и расшифровкой частной переписки). В данном случае были выявлены такие концептуальные признаки, как *скрывание*, *секретность*, *невидимость*.

С точки зрения установления социальной иерархии можно выделить концепт ПРЕСТИЖ (PRESTIGE), в основе которого лежит стремление повысить статус людей, профессий или явлений (e.g. *queenager* – пожилая женщина, ведущая активный образ жизни, *buyer* – скупщик краденого). Среди признаков этого концепта можно выделить такие как *высокий статус*, *влияние*, *власть*, *успех*, *богатство*.

Особого внимания заслуживает концепт ПРОПАГАНДА (PROPAGANDA), обусловленный регулятивным воздействием на массовую аудиторию с целью представить негативные события в нейтральном или положительном свете (e.g. *mowing the grass* – используется для описания военной стратегии Израиля в Секторе Газа, *food insecurity* – голод). Концепт ПРОПАГАНДА обладает признаками *необъективность*, *ложность*, *целенаправленность*, *оценочность*, *деятельность, связанная с политикой*.

Такой концепт как КОНТРОЛЬ (CONTROL) базируется на стремлении манипулятора воздействовать на мнение манипулируемого в отношении того или иного политического / экономического события (e.g. *bracceptance (Brexit + acceptance)*, *Brelax (Brexit + relax)* – эвфемизмы, созданные с целью присвоения процессу выхода Великобритании из Европейского союза более положительных характеристик. Концептуальными признаками являются *власть*, *влияние*, *ограничение*, *сдерживание*, *управление*, *регулирование*, *подчинение*.

Концепт НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ (UNCERTAINTY) репрезентируется словами абстрактной семантики, используемых с целью замаскировать конкретные номинации отрицательных явлений (e.g. *stuff* – запрещенные вещества, *situationship* – романтические отношения без четкого статуса и обязательств). В данном случае были выделены такие концептуальные характеристики, как *состояние неясности*, *сомнение*, *непредсказуемость*, *нестабильность*.

Таким образом, на основе проведенного анализа принципов формирования новых эвфемистических номинаций в современном английском языке можно сделать следующие выводы. Прагматические и концептуальные основы образования эвфемизмов-манипулятивов находятся в неразрывной связи. Основными прагматическими мотивами создания эвфемизмов-манипулятивов являются проявление излишней любезности в целях снижения критического восприятия информации манипулируемым, управление общественным мнением путем смягчения впечатления от отрицательных политических и социальных событий, маскирование реальности некоторыми преступными социальными группами с целью скрыть свою незаконную деятельность. Данные мотивы напрямую отражают концептуальные структуры, лежащие в основе смыслопорождения эвфемизмов, среди которых: ВЕЖЛИВОСТЬ, ТАБУ, СОКРЫТИЕ, ПРЕСТИЖ, ПРОПАГАНДА, КОНТРОЛЬ и НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ. Анализ семантики и словоупотребления различных эвфемистических номинаций позволил выявить содержательные признаки и национальную специфику выделенных концептов.

Литература

Заботкина В. И. Семантика и прагматика новой эвфемистической лексики // Слово и смысл. М.: РГГУ, 2014. С. 178–190.

Заботкина В. И. О соотношении прагматического и когнитивного в дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2007. № 2. С. 86–91.

Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2006.

Порохницкая Л. В., Теплякова С. М. Актуальные направления развития теории эвфемии на современном этапе // Проблемы современной науки и образования. М.: ООО «Олимп», 2017. С. 49–56.

Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.

D. S. Cherkasova *(Moscow, Russia)*
Russian State University for the Humanities

MANIPULATIVE POTENTIAL OF NEW EUPHEMISMS IN ENGLISH: COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT

As the media's role in shaping public opinion grows, so does the study of verbal tools of manipulation. One such tool is euphemism, which possesses exceptionally high

manipulative potential. This article identifies euphemisms as a means of manipulation and understands the processes of their formation at the cognitive level. This article will describe the basic principles of meaning-generation in euphemistic terms in modern English from a conceptual perspective and identify the substantive features of the concepts identified.

Key words: manipulation, euphemism, conceptual structures, conceptual-definitive analysis, word formation.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ КОГНИЦИИ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. Б. Абакумова, Р.А.Ж-Б. Сачиви *(Орёл, Россия)*
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
Abakumova-ob@mail.ru
baptistesatchivi@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИНАМИКИ КОНЦЕПТА *СЧАСТЬЕ* В ПАРЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И АФРИКАНСКИХ ПОСЛОВИЦ)

В статье рассматривается пословичная репрезентация концепта СЧАСТЬЕ как сложной ментальной многослойной структуры, отражающей представленность в пословичной картине мира совокупности концептуальных признаков объекта, реализуемых в разных контекстах использования имени концепта, в пословичных микродискурсах трех неблизкородственных языков (русского, английского и африканских языков фон и мина). Выделяются паремический дискурс объекта и паремический дискурс субъекта, которые позволяют выявить как универсальное, так и культурно-специфическое в языковой репрезентации этого сложного общечеловеческого феномена.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, паремический дискурс, пословицы, языки Республики Бенин (фон, мина), русский язык, английский язык.

В современной когнитивной лингвистике активно используются понятия «концепт» и «дискурс», призванные выявить и описать язык как систему, функционирующую в двух режимах: язык как хранилище знаний и язык как процесс коммуникации [Кибрик 2015].

Пословицу мы определяем как практическое оценочное суждение, предикативную единицу гибридного типа, совмещающую признаки языкового знака и минитекста, используемую в речи для реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2013].

Важными для нас в данной статье являются также термины *пословичный концепт и паремический дискурс*. В. И. Карасик убедительно показывает,

что «семиотическое осмысление концепта дает возможность схематически представить понятийное, образное и ценностное измерение кванта переживаемого знания в виде последовательного усложнения кодируемой информации» [Карасик 2013: 100]. Семиотика снабдила лингвистику рядом идей, среди которых М. И. Киосе называет концепции лингвистических стереотипов, языковых символов и лингвокультурных кодов [Полимодальные измерения дискурса 2022: 38–39].

В 2013 году О. Б. Абакумовой были предложены два понимания пословичного концепта: пословичный концепт первого типа (ПК1) – концепт-*стереотип*, отражающий культурное представление о ценности, названной абстрактным именем, это специфическая для каждого языка конфигурация культурно значимых признаков объекта, онтологических, аксиологических, образных, модальных, функциональных, выявить которые можно через анализ семантических ролей (квалитативов разного рода), выполняемых именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях, представляющих типовые ситуации (фреймы); и пословичный концепт второго типа (ПК2), реализуемый в конкретном коммуникативном акте использования пословицы и связанный прежде всего с интенцией говорящего, его коммуникативной стратегией, оценкой ситуации, которую он хотел бы разделить или навязать слушателю в зависимости от цели высказывания в контексте, который так же содержит ряд концептуальных признаков (денотативных, образных и ценностных) в семантической структуре конкретной пословицы. Для выявления пословичного концепта второго типа была предложена когнитивно-дискурсивная модель (КДМ), которая описывает коммуникативную, когнитивную, экспрессивную и регулятивную составляющие в значении и смысле пословицы в коммуникативном акте в разных типах дискурса [Абакумова 2013].

Под дискурсом в паремиологии понимают как отдельный текст, «микродискурс», так и совокупность текстов одной тематики, особенности порождения, функционирования и интерпретации паремий в социальном пространстве. В нашей типологии паремических дискурсов [Абакумова 2013: 66–67] мы выделяем паремический дискурс объекта, который представляет собой совокупность пословичных дискурсивных практик с общей темой и условиями использования, где пословицы как мини-тексты соотносятся с одной или несколькими ценностями культуры, а также друг с другом как варианты и трансформы, находящиеся в отношениях контраста или тождества, звукового или структурного подобия, использования одной синтаксической модели, образа, оценки объекта или ситуации. Второй тип паремического дискурса, дискурс субъекта, представляет собой коммуникативный акт интерактивного типа, диалогическое единство, в котором одним

из говорящих используется пословица, но может иметь и монологическую форму высказывания.

В данной статье речь идет о репрезентации концепта СЧАСТЬЕ в паремическом дискурсе о счастье и горе. Представим некоторые результаты анализа единиц такого дискурса на материале трех неблизкородственных языков, используя *метод триангуляции* (см. [Киосе 2022: 42–46], опираясь на данные словарей пословиц на трех языках, корпусные данные НКРЯ и BNC и сопоставительный анализ русского, английского и африканского паремического дискурса Республики Бенин (на языке фон). Для выявления специфики концептуальных признаков объекта мы используем семантический падеж ***квалитатив***, который квалифицирует имя, и является результатом взаимодействия семантики предиката и второго актанта или сирконстанта, характеризующих имя в семантической структуре пословичного предложения-высказывания» [Абакумова 2013: 78].

Базовые концептуальные признаки концепта СЧАСТЬЕ в паремическом дискурсе объекта (Abakumova, Satchivi 2024).

Квалитатив радости, согласия, удовлетворенности выявляется в следующих паремиях: рус. *Лад и согласье – первое счастье, Где счастье, там и радость*; англ. *Content is happiness, Happy is he who chastens himself;* фон. *Nǔ é nɔ́ hùn nyɔ̃na sin hɔ̀n dó gbɛ̀tɔ sin gbɛ̀ mɛ̀ é wɛ́ nyi fifa ɖ'ayi mɛ̀ kpodo nǔ é nɔ́ ná ɛ̀ àwàjíjɛ̀ ɖò gbɛ̀ ɔ mɛ lɛ é kpan biba hwèbinu nɛ*». букв. 'Ключ к счастью лежит в постоянном поиске баланса между внутренним миром человека и другими аспектами, питающими его радость жизни'; *Mɛɖé lɛ nɔ́ sɔ́ nyɔ̃na dó mɔ̀ nùnɔ́mɛ̀ɖé ná. Loɔ, è nɔ́ mɔ nyɔ̃na titéwungbé ɔ́ hwenu e è má zé nùnɔ́mɛ̀ɖé ɖó tè ná ǎ é (фон).* Букв. 'Большинство людей считают, что счастье возникает только в определенных условиях и зависит от обстоятельств. Но истинное счастье возможно вне условий'. Русский аналог: *«С милым рай и в шалаше»; «Счастье в нас, а не вкруг да около»*.

Африканские пословицы утверждают, что истинное счастье не зависит от условий; русская паремия указывает на необходимость эмоционального притяжения и взаимопонимания; английский аналог *"All happiness is in the mind"* представляет понимание счастья как внутренней психологической установки. Русский подход совпадает с африканским в приоритете гармонии, согласия с самим собой и с окружающими; английский аналог отличается компонентом сдержанности, закрытости, контроля над своими чувствами, что соответствует стереотипу об английском национальном характере.

Русский подход, как и африканский, отражает коллективистский тип культуры, в котором счастье часто является результатом взаимодействия («*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*» – квалитатив дружбы и взаимо-

помощи). В английском паремическом дискурсе наблюдается прагматичный подход к дружбе: "*Happy is he, whose friends were born before him*" – квалитатив опыта.

Квалитатив дуальности и эфемерности проявляет себя в следующих паремиях: *«Счастье с бессчастьем близко живут», «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло»*. Русская картина мира отражает диалектический взгляд на мир, утверждается, что счастье часто приходит случайно, через чудесные неожиданные события и изменения, иногда парадоксальным образом. Ср. Англ. *Joy and sorrow are next door neighbours; There is no pleasure without pain. Ср. мина: "Amè Ké Kpò Agbé Bada Kpó a, Eyé Djénasi Agbé Gĥuiñ!"*. Букв. 'Мы можем познать счастье, только если испытали несчастье'. Это значит, что счастье познается через контраст и сравнение. Ср. англ. "*It is comparison that makes men happy or miserable*". Русские пословицы рекомендуют не отчаиваться в горе и надеяться на перемены к лучшему: «*Счастье что вешнее вёдро, переменчиво*», английские не позволяют расслабляться: *"Great happiness, great danger"*.

Квалитатив удовольствия от процесса / движения к цели представлен в паремиях: *«Счастлив не тот, кто счастьем обладает, а тот, кто счастья ожидает»*. В русской картине мира данная пословица вводит элемент ожидания счастья, который оценивается выше, чем результат. Английский аналог передает тот же смысл: *"Happiness is a journey, not a destination"*. Африканский аналог представлен в пословице *"É nɔ̀ hwlɛndo nuɣ̈a bo nɔ mɔ ă, è nɔ́ bá è̀ kpodo sɔ̀xwìxwé kpan wɛ̀."* (фон). (букв. «Счастье не любит спешки, нужно делать маленькие шаги»). Пословица рекомендует не спешить с получением результата, а постепенно делать шаги (sɔ̀xwìxwé kpan) в нужном направлении. Но существуют две стратегии в отношении к счастью: стратегия деятеля и стратегия наблюдателя.

Квалитатив удовольствие от результата / от приложения усилий выявляется в следующих пословицах: *«Каждый сам кузнец своего счастья и своего несчастья»*. Сравним английский почти полный эквивалент*: Every man is an architect of his own fortune.* Африканская паремия выражает иерархический религиозный подход: *Nuɣ̈a ɖaxo-ɖaxo lɛ̌ ɔ́, jĭxwé (sɛxwé) wɛ yĕ nɔ́ gosín wá nú mĭ, nuɣ̈a kpɛvi-kpɛvi lɛ ɔ́, găn dìdó mìtɔ́n lɛ mɛ wɛ̀ yĕ nɔ́ gosín wá nú mĭ. (фон)*. Букв. 'Большое счастье приходит с небес, маленькое счастье приходит от усилий'. Первый тип можно обозначить *квалитатив наблюдателя*, второй – *квалитатив деятеля*. Английская картина мира тяготеет к деятельности и самодостаточности, которая выражается в "self-help", помощи самому себе. Даже в пословицах о помощи высших сил акцент делается на индивидуализме: *"God helps those who help themselves"* (Букв.'Бог помогает

тем, кто помогает себе сам'). Эта пословица является наиболее частотной по данным BNC. Ср. рус. *На Бога надейся, а сам не плошай*.

Квалитатив практичного наблюдателя проявляется в паремиях: *«Лучше синица в руках, чем журавль в небе»; «Лучшее – враг хорошего»*, которые оказались наиболее частотными по данным НКРЯ в современных русскоязычных текстах. Английский аналог *"Possessed of happiness, don't exhaust it"* рассматривает счастье как «исчерпаемый ресурс». Фон: *"Enyí nyǎna mètɔn dò mǐ é ma xɔ̀ ákwɛ́ é mɛ̀ ɔ́, hìnhɛ̀ngblétɔ́ tɔn nɔ́ vɛ́ wú"*. Букв. 'Чем больше мы находим счастья в простых вещах, тем меньше у нас риска его потерять'. Африканская и русская мудрость предлагает оценить по достоинству простые вещи и быть благодарным за то, что имеешь (*«Тот богат, кто своим счастьем доволен»*).

Каждая культура определяет счастье в соответствии со своими ценностями, а все вместе они формируют пословичный концепт СЧАСТЬЕ, который реализуется в паремическом дискурсе о счастье и горе в трех сопоставляемых языках.

Литература

Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

Кибрик А. А. Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Полимодальные измерения дискурса / Отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Издат Дом ЯСК, 2022.

Abakumova O. B., *Satchivi R. J.B.* Phenomenon of happiness in proverbial presentation // Синергия языков и культур 2023: междисциплинарные исследования: сборник статей. СПб: Изд-во СПбГУ, 2024. С. 5–19.

Benin Proverbs. Practical Ethical Wisdom from African Proverbs. Cotonou, 2015.

O. B. Abakumova, A.R.J-B. Satchivi *(Orel, Russia)*
Orel State University named after I. S. Turgenev

THE DYNAMICS OF THE CONCEPT *HAPPINESS* IN PAREMIC DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN, ENGLISH, AND AFRICAN PROVERBS)

The paper covers proverbial representation of the concept HAPPINESS as a complicated structure that reflects manifestation of the set of conceptual features of the

object realized in different contexts of usage, in paremic discourse of the three nonrelated languages (Russian, English, and Benin languages of fon and mina).

Key words: cognitive linguistics, concept, discourse, worldview, proverbs, Benin languages (fon), Russian language, English language.

***Р. И. Бабаева** (Иваново, Россия)*
Ивановский государственный университет
nitdaf@mail.ru

ИНДИКАТОР КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ИЛИ «БУМАЖНЫЙ ТИГР» НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

В статье анализируется употребление метафоры «бумажный тигр» в английском, немецком и русском языках, отмечаются особенности семантики данной единицы на основе теории блендинга, подчеркивается ее потенциал в реализации деструктивных речевых тактик, иллюстрируются сходства и различия в ее функционировании в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: когнитивная метафора, конфликтогенность, бленд, теория ментальных пространств, лингвокультурный анализ.

В лингвистической литературе метафоре посвящено огромное количество публикаций, и, казалось бы, уже не осталось «белых пятен» в изучении образных слов, которые рассматриваются как способ образования новых значений, как стилистический прием, как способ концептуализации мира. Агрессивность современного коммуникативного пространства, в котором дают сбой дипломатические приемы и высказывания, привлекает в набор своих информационных инструментов противостояния и метафоры. Лексические единицы с переносным значением в силу образности семантики усиливают эмоциональность общения и нередко становятся триггером эскалации. Рекуррентность таких слов в определенных контекстах позволяет рассматривать их в качестве индикаторов конфликтогенности, которые все чаще становятся объектом специальных исследований [Кушнерук 2025; Соколова, Иванова 2020].

Объектом нашего исследования является метафора «бумажный тигр» в английском, немецком и русском языках. В рамках данной статьи предпринимается попытка показать когнитивный механизм превращения метафоры в индикатор конфликтогенности и выявить вариативность данной лексической единицы в трех лингвокультурах. Материалом исследования

послужили новостные сообщения за 2024–2026 гг., заимствованные из медиаисточников и из языковых электронных корпусов. Анализ частотности употребления данной метафоры показывает, что пик ее популярности приходится на последние годы и это служит доказательством того, что данная единица оказалась востребованная в условиях расцвета агональной коммуникации и информационных войн. Впервые же метафора «бумажный тигр» появилась в медийном пространстве в 1946 г. и связана она с именем китайского политика Мао Цзедуна, который употребил его в интервью.

Механизм когнитивного действия данной метафоры можно представить на основе теории блендинга (метода ментальных пространств Ж. Фоконье, М. Тёрнера). Отличие данного подхода от теории концептуальной метафоры, где есть два всего лишь пространства: сфера-источник и сфера-мишень, состоит, по словам Будаева, в том, что здесь более детально можно видеть процесс взаимодействия отдельных компонентов, так как «количество ментальных пространств может быть различным» [Будаев 2016: 7].

Динамику разворачивания метафоры можно представить следующим образом:

1) исходные ментальные пространства;

2) процесс блендинга, при котором возникает кросс-пространство, которое объединяет исходные ментальные блоки на основе идеи;

3) возникновение бленда, который включает в себя релевантные свойства из исходных ментальных пространств, кроме того, возникают новые эмерджентные свойства бленда.

Универсальную схему метафоры «бумажный тигр» можно представить как пространство реальности: реальный тигр (опасность); пространство метафоры: бумажный тигр (иллюзия); бленд: противник, которого можно атаковать. Реализация данной схемы будет варьироваться в рассматриваемых языках в зависимости от того, кого характеризуют как слабый объект, несмотря на его внешнюю свирепость и активность. Анализ равного количества примеров (всего 150) дал следующие результаты, которые представлены в форме таблицы (см. табл. 1.).

Как показал эмпирический материал, в качестве противника, которого представляют в образе бумажного тигра, в новостных текстах, представленных на английском, немецком и русском языках, может быть недружественное государство. Особенно широко это представлено в англоязычном материале. Например, президент США употреблял это выражение по отношению к различным странам, в марте 2026 года политик употребил данную метафору по отношению к Ирану, призывая союзников помочь в патрулировании Ормузского пролива, о чем писали многие источники: “*Trump encouraged other countries to*

assist in dealing with the closure of the Strait of Hormuz on Monday, calling Iran "a paper tiger" in response to concerns of threats from the Middle Eastern nation" [LCC: English news…, URL]. Медиа в мире широко обсуждали это высказывание Трампа, в том числе и немецкоязычные: "*Der Iran und seine wichtigste Helferin, die Hisbollah-Miliz im Libanon, stehen nach Niederlagen gegen Israel als* Papiertiger *da, die Hamas ist besiegt*" [LCC: German news…, URL].

Таблица 1. *Слова, соотносимые с метафорой «бумажный тигр»*

Объект статусного понижения	английский	немецкий	русский
страны, континенты	Russia, Russian army Iran, Iranian regime China Biden's and Harris America Israel India The West Ukrainian	Russland, Moskau Iran Europa Amerika	Иран РФ, Россия
политики	Trump Mr. al-Assad regime	Trump Erdogan	
международные организации, союзы		die UN Nato	НАТО
документы, акции	sanctions strategy	Gesetz Recht, Völkerrecht Hitzeaktionsplan Modell Mindestlohnkomission Vorlage Zusammenschluss	
фирмы, бренды	P5		
спортивные команды	Dolphins Lakers		

В сентябре 2025 года Трамп после встречи с Зеленским назвал бумажным тигром Россию, потому что она не смогла быстро победить Украину: "*Trump wrote on Truth Social that Russia is "a paper tiger" that has been "fighting aimlessly" in Ukraine*" [LCC: English news…, URL]. На высказывания Трампа отреагировали российские политики, о чем писали

западные источники: "*The Kremlin brushed aside Trump's claim of a "paper tiger", stating that Russia is a real bear*" [LCC: English news…, URL]; "*Die Ukraine könne alle Gebiete zurückerobern, weil Russland nur ein „Papiertiger" sei, so die überraschende Ansage Trumps bei der UN-Vollversammlung*" [LCC: German news…, URL].

Использование данной метафоры по отношению к недружественному государству, а также к таким его атрибутам, как, например, армия, является сходным в рассматриваемых языках. Во всех трех языках метафора является калькой с китайского (paper tiger / Papiertiger / бумажный тигр), которая пришла через политический дискурс. В рассматриваемых языках метафора означает того, кто кажется опасным, но на деле слаб, нерешителен или неэффективен, т. е. ядро метафоры сохраняется.

Очевидны и различия в освоении данной заимствованной метафоры в рассматриваемых языках, что обусловлено лингвокультурными особенностями. В американском медийном пространстве образ бумажного тигра используется для критики спортивных команд и для дискредитации финансовых структур, фирм, торговых продуктов. "The Lakers *feel like the biggest paper tiger of this group based on the metrics, but the offense just might be good enough to keep them going"* [LCC: English news…, URL].

В немецкоязычном медиадискурсе рассматриваемая метафора используется политиками преимущественно для критики неэффективных законов, неприемлемых проектов, которые много обещают или требуют много вложений. „*So ein Gesetz ist kein Papiertiger, muss in nationales Recht umgesetzt werden*" [LCC: German news…, URL].

В российском медиапространстве выражение «бумажный тигр» используется преимущественно в кавычках, что свидетельствует о том, что в русский язык это высказывание пока не интегрировалось и его употребление связано лишь с определенными ситуациями, касающимися политических конфликтных ситуаций. «*Главный акцент газета вынесла в заголовок: реакцию Путина на слова Трампа о том, что Россия – "бумажный тигр". Путин резко ответил: "Бумажный тигр? Тогда что представляет собой НАТО? Если мы действительно "бумажный тигр", идите и попробуйте справиться с этим "тигром""*» [РГ, URL].

Таким образом, китайское образное выражение «бумажный тигр», ставшее интернациональной метафорой, независимо от контекста, содержит в себе семантический компонент, указывающий на столкновение взглядов; в политическом дискурсе она может быть и призывом к действию и провоцирующей тактикой, либо передачей чужих слов, транслирующих конфликтную ситуацию в медиа. В английском языке доминирует проецирование

идеи «слабости вопреки грозному виду» на зарубежные страны, в немецком языке – проецирование на неэффективные законы, действия и внутренних оппонентов, в русском языке не сформировалось собственного контента у данной метафоры, поэтому она воспроизводит преимущественно те контексты, которые выходят на страницы мировых медиа. Это свидетельствует о том, что принятие «чужой» метафоры в мир языка обусловлено и национальной лингвокультурой. Американская культура с ее любовью к сделкам и спортивным состязаниям адаптировала метафору «бумажный тигр» к нарративам в спортивном и экономическом дискурсах, где она используется для демонстрации насмешливой критики команды или бренда, фирмы. Немецкая лингвокультура, ориентированная на нормы, порядок и эффективность, восприняла это выражение как действенный инструмент выражения критики оппонентов.

Литература

Будаев Э. В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции // Культура и текст. 2016. № 4. С. 6–13.

Кушнерук С. Л. Индикаторы конфликтогенности межкультурного взаимодействия в телеграм-каналах: дискурсивный анализ визуальных фреймов // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 74–91.

Соколова А. О., Иванова Е. Н. Метафора как инструмент управления конфликтом // Конфликтология. 2020. Т. 15, № 1. С. 215–226.

РГ – Japan Times зафиксировала стратегический посыл Путина на Валдайском форуме // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/10/03/japan-times-zafiksirovala-strategicheskij-posyl-putina-na-valdajskom-forume.html

Leipzig Corpora Collection: English news corpus based on material from 2024. Leipzig Corpora Collection. Dataset. URL: https://dict.wortschatz-leipzig.de?corpusId=eng_news_2024

Leipzig Corpora Collection: German news corpus based on material from 2025. Leipzig Corpora Collection. Dataset. URL: https://dict.wortschatz-leipzig.de?corpusId=deu_news_2025

R. I. Babaeva *(Ivanovo, Russia)*
Ivanovo State University

CONFLICT-GENIC INDICATOR OR “PAPER TIGER” AT THE CROSSROADS OF CULTURES

This article analyzes the use of the “paper tiger” metaphor in English, German, and Russian, highlighting the semantic features of this unit based on blending

theory, emphasizing its potential for implementing destructive speech tactics, and illustrating the similarities and differences in its functioning in the languages under consideration.

Key words: cognitive metaphor, conflict potential, blend, mental space theory, linguacultural analysis.

Н. С. Баребина *(Иркутск, Россия)*
Байкальский государственный университет
svirel23@rambler.ru

«ЭТО ЧТО ЕЩЕ ЗА ЛАВАНДОВЫЙ РАФ НА КОКОСОВОМ?»: СУПЕРФУД КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассматривается понятие «суперфуд» как инструмент дискурсивного конструирования социальной реальности. Анализируются новые номинации пищевых объектов и выявляются четыре ключевые дискурсивные стратегии: апелляция к научному авторитету, эколого-футурологическая легитимация, маркировка элитарности и стиля жизни, а также стратегия расслабленности и комфорта. Автор приходит к выводу, что семантическое поле «суперфуд» не столько отражает физиологическую пользу, сколько организует социальную дифференциацию, статусные иерархии и мировоззренческие установки.

Ключевые слова: «суперфуд», ценности, трансформация, социальная реальность, дискурсивное конструирование.

Современный дискурс о питании утрачивает свою связь исключительно с тематикой физиологии и диетологии. Сегодня гастрономический код сдвигается с обсуждения традиционных практик приема пищи на иные сюжеты трансляции образов, связанных с едой. Особое место в этом дискурсе занимает понятие «суперфуд», которое является не просто гастрономической модой, оно формируется на пересечении маркетинга, экологии, технологических инноваций и социальных трансформаций.

Эта тема уже привлекла внимание некоторых ученых-лингвистов, так, по публикациям Т. И. Семеновой [Семенова 2023; 2024] можно судить, что вопрос модификаций практик питания следует изучать в терминах модификации модели мира аудитории СМИ, которые продвигают новые пищевые практики. Анализируя англоязычное коммуникативное пространство, исследователь приходит к выводам о том, что медиадискурс стремится внедрить в сознание адресата установку на сокращение

потребления мяса и переход к растительным аналогам. Т. И. Семенова доказывает, что тематическая доминанта медиадискурса о питании "*The Future of Food / Еда будущего*" создает растительную модель питания, что в свою очередь формирует некоторые социальные группы или страты (вегетарианцы, флекситарианцы, мясоеды) на основе социальной оппозиции «свой–чужой», отражающей ценностные ориентиры в питании. При этом лексика показывает, что эти группы формируются на основе пищевой идентичности, возраста, пола [Семенова 2025: 109–110].

Говоря о понятии «суперфуд» в русском коммуникативном пространстве, мы должны отметить, что это участок активной неологизации. Языковые инновации в сфере питания можно встретить в разных контекстах: в рекламе, современных художественных фильмах, прозе, научных статьях, новостных интернет-изданиях, блогах и социальных сетях. Семантическое поле «суперфуд» представляет собой маркетинговый термин, *обозначающий продукты с высокой концентрацией полезных свойств*. Примечательно, что в русском языке не прижился графически несбалансированный эквивалент в виде лексемы «суперъеда». Продолжает использоваться более понятное заимствование «суперфуд», параллельно функционирует и форма множественного числа – «суперфуды». Соответствующее семантическое поле включает в себя разнообразные лексемы и фразы обозначающие новые пищевые объекты: *кейл, чиа, кэроб, спирулина, киноа, хлорелла, матча, витграсс, псиллиум, перуанская мака, капуста кале, зеленая греча, зеленое кофе, лавандовый раф, тыквенный латте, мука из зеленых бананов, растительное / альтернативное молоко*. За многими из перечисленных новаций стоят не экзотические, а вполне узнаваемые растения и продукты, которые ранее не были востребованы в кулинарии, или продукты, для переработки которых не было технологий.

Для того чтобы проиллюстрировать, что вход данных номинаций в языковое пространство маркирует не утилитарную функцию насыщения, а показывает вектор движения к социальным иерархиям, мы обратились к понятию дискурсивного конструирования, развиваемого в трудах ученых, которые показывают, что дискурс является способом конструирования мира, соответствующего коммуникативной интенции говорящего [Якоба 2021; Семенова 2025]. По мысли С. Н. Плотниковой, «дискурсивное конструирование – это дискурсивная деятельность по порождению пока еще не существующего бытия» [Плотникова 2014: 42]. Таким образом, маркетологи, нутрициологи, фудблогеры, конструируют новую категорию социального опыта.

Контекстный анализ позволил выявить основные дискурсивные стратегии, обеспечивающие идею конструирования социальной реальности.

Первая стратегия – это традиционная апелляция к научному авторитету и здоровому образу жизни. Упоминания суперфуда сопровождается ссылками на исследования, биотехнологии, лаборатории, ученых. Это создает эффект объективности и точного знания. Приведем примеры: *Кудрявая капуста кале – суперфуд для похудения и борьбы с раком* (Т. Елисеева); *Так, для Пасхи здесь приготовили куличи с суперфудами в составе – с питахайей, улучшающей работу мозга и пищеварение, анчаном – эликсиром молодости и красоты, а также чаем матча с высоким содержанием микроэлементов и антиоксидантов* (ruscorpora.ru).

Вторая стратегия – экологическая и футурологическая легитимация. Суперфуд часто позиционируется как ответ на проблемы ожирения, голода, истощения ресурсов, болезней, жестокого обращения с животными: *Печенье из сверчков и порошки вместо еды – 3 суперфуда будущего* (БЛС Экспресс). Еще пример: *Новый суперфуд, которым ученые хотят накормить все человечество. В водоросли Chlorella vulgaris белка больше, чем во всех других растительных источниках* (К. Зернова).

Третья стратегия – элитарность и новый стиль жизни. Потребление суперфудов подается как признак осознанности, образованности, высокого социального статуса, молодости. Это уже не просто выбор продуктов, но стиль жизни, доступный «продвинутым»: *Витграсс – суперфуд современной молодежи* (А. Клусикова).

Четвертая стратегия – это расслабленность и комфорт. Эта стратегия точно подмечена П. Б. Желтовым, рассматривающим понятие «лавандовый раф» как современный символ расслабляющего контента, внутреннего комфорта и самодостаточности [Желтов 2025: 119]. Можно сказать, что вынесенное нами в название статьи обозначение десертного напитка «лавандовый раф на кокосовом» стало своего рода эмблемой состояния безмятежности и спокойствия, к которому стремятся люди после времен пандемии и на фоне текущих турбулентных событий. В качестве иллюстрации приведем пример названия статьи: «*Человек-лавандовый раф» из мемов заявил о возможности стать монахом* (М. Щигарева).

Получило распространение прозвище поколения, которое дорожит балансом между личной жизнью и работой: *Поколение лавандового рафа на рынке труда: какими работодатели видят молодых юристов?* (Е. Лановая, Л. Чхутиашвили); *Для зумеров жизнь – это не только*

работа: как «поколение лавандового рафа» видит себя со стороны (П. Губкина).

При этом по отношению к понятию «суперфуд» подтверждается оппозиция «свой–чужой», выявленная Т. И. Семеновой. Например, во второй серии фильма «Кеша должен умереть» одна из героинь упрекает мужа в том, что его мама принесла в *дом пирог с глютеном, вызывающим дистрофию мозга,* а также *дикое количество омерзительной канцерогенной еды и адовый торт* (К. Богомолов, реж.). Возникают не только новые ценности, но и новые аутсайдеры, те кто недостаточно осведомлен, недостаточно осознан. Традиционные кулинарные практики и еда обесцениваются.

В ходе работы мы убедились, что понятие «суперфуд», включающее широкий ряд номинаций новых пищевых объектов, создает социальную дифференциацию. Дальнейшее исследование семантического поля «суперфуд» связано с возможностью изучения трансформации мировоззренческих установок посредством изменения гастрономического кода. Это представляет актуальную задачу для исследования социальной когниции и межкультурной коммуникации.

Литература

Желтов П. Б. Запрос на «спокойный контент» в коммуникациях: анализ современных тенденций // Реклама, PR и медиа: современное состояние и перспективы развития: сб. статей VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 13–14 марта 2025 года. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 119–124.

Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5(90). С. 41–46.

Семенова Т. И. Еда будущего в зеркале англоязычного медиадискурса // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: сб. науч. тр. 2024. Вып. 7. С. 10–17.

Семенова Т. И. Лингвокреативность в дискурсивном конструировании еды будущего в англоязычном медиадискурсе // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2023. № 1. С. 181–194.

Семенова Т. И. Социопрагматические параметры англоязычных медиатекстов с тематической доминантой THE FUTURE OF FOOD / ЕДА БУДУЩЕГО // Социопрагматическое пространство дискурса. М.: ФЛИНТА, 2025. С. 73–113.

Якоба И. А., Серебренникова Е. Ф. Конструирование коммуникативного пространства посредством дискурсивных сил // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 188–201.

N. S. Barebina *(Irkutsk, Russia)*
Baikal State University

"WHAT IS THIS 'LAVENDER RAF WITH COCONUT MILK'?": SUPERFOOD AS A MARKER OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

The article examines the concept of "superfood" as a tool for the discursive construction of social reality. It analyzes new nominations of food objects and identifies four key discursive strategies: an appeal to scientific authority, ecological-futurological legitimation, the marking of elitism and lifestyle, and the strategy of relaxation and comfort. The author concludes that the semantic field of "superfood" does not so much reflect physiological benefits as it organizes social differentiation, status hierarchies, and worldview attitudes.

Key words: "superfood", values, transformation, social reality, discursive construction.

А. А. Бобкова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
a.a.bobkova@linguanet.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД И ЧАСТОТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ[1]

В статье на основе фреймового подхода и частотного анализа исследуется концептуализация родственных отношений в казахской языковой картине мира. На материале интервью двух групп респондентов выявлена фреймовая структура домена, определены частотные характеристики ключевых лексем. Установлено, что ключевые репрезентанты домена – это термины ближайшего родства, при этом высокая частотность *ата* подтверждает значимость генеалогической памяти. Обнаружена асимметрия в репрезентации некровного родства между группами, что свидетельствует о разной когнитивной разработанности домена.

Ключевые слова: казахский язык, термины родства, фреймовая структура, частотный анализ, языковая картина мира, *жеті ата,* концептуализация.

[1] Исследование выполняется в Московском государственном лингвистическом университете в рамках Госзадания Минобрнауки России, проект FSFU-2025-0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик».

Лексика родственных отношений представляет собой одну из наиболее значимых и культурно маркированных сфер любого языка, отражающую социальную структуру и систему межличностных связей этноса. В казахском языке данная область приобретает особую значимость в силу традиции *жеті ата* – знания предков до седьмого колена, регламентирующей брачные запреты и определяющей социальный статус индивида.

Терминология родства в тюркских языках традиционно привлекает внимание исследователей [Қалиев 2010; Тарақов 2018], однако количественные методы анализа частотности и фреймовой организации лексики данной группы остаются малоизученными. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел. Цель работы – выявить и описать фреймовую структуру лексики родственных отношений в казахском языке на основе частотного анализа. Объект исследования – лексические единицы домена «Родственные отношения», извлеченные из интервью двух групп респондентов. Предмет – фреймовая структура и частотные характеристики данной лексики.

В основе исследования лежат принципы когнитивного подхода, согласно которым язык рассматривается как средство доступа к структурам сознания [Болдырев 2018; Кубрякова 2004]. Область значений некоторой области знания при этом может быть исследована как имеющая фреймовую структуру [Минский 1979; Филлмор 1983]. Фрейм понимается как структура данных о стереотипной ситуации, включающая систему слотов – ячеек, заполняемых конкретными единицами в процессе языковой репрезентации. Применительно к теме родства фрейм организует знания о системе родственных связей и нормах поведения по отношению к разным категориям родственников [Киосе, Ржешевская, Томская 2026].

Частотность лексической единицы рассматривается как показатель когнитивной релевантности: чем чаще слово используется, тем значимее соответствующий домен в языковой картине мира [Болдырев 2018]. Вслед за Н. Н. Болдыревым мы трактуем интерпретационную функцию языка как способность языковых единиц интерпретировать объекты через призму коллективного и индивидуального опыта. Выбор конкретного термина родства активирует знание о социальном статусе, возрасте или степени близости. Данный аспект находит отражение в работах казахстанских исследователей, изучающих связь языковой номинации с социальной стратификацией [Мусатаева, Скрипникова 2015].

Материалом для анализа послужили данные интервью двух групп респондентов – носителей казахского языка. Группа 1 (молодое поколение, 20–30 лет) представлена 20 респондентами; общий объем высказываний по домену «Родственные отношения» составил 316 ЭДЕ и 2 132 слов. Группа

2 (старшее поколение, 50–60 лет) представлена 20 респондентами; объем домена составил 586 ЭДЕ и 6 205 слов. Таким образом, общий объем корпуса по домену «Родственные отношения» составил 902 ЭДЕ и 8 337 слов. Следует отметить, что объем высказываний по домену в Группе 2 превышает соответствующий показатель Группы 1 в 1,9 раза по ЭДЕ и в 2,9 раза по числу слов. Полученная диспропорция может указывать на то, что для молодого поколения субдомен некровного родства (свойства, термины родства по браку, клановые и племенные связи) либо не актуализируется в повседневной дискурсивной практике, либо репрезентируется иными лексическими средствами, тогда как в картине мира старшего поколения некровное родство сохраняет статус значимого социально-регулятивного субдомена.

Такое разделение позволяет не только описать фреймовую структуру домена в целом, но и выявить возможные различия в концептуализации родственных отношений между социальными группами, что имеет значение для понимания динамики языковых и культурных процессов в современном Казахстане.

Методология включала: (1) сбор и транскрипцию интервью на казахском языке; (2) частотный анализ для выделения ключевых лексем; (3) анализ коллокатов ключевых терминов родства; (4) семантическую категоризацию единиц по сферам (Лица, Родственники, Пространство, Ментальная сфера, Мероприятие и др.); (5) фреймовое моделирование домена на основе распределения сфер; (6) интерпретативный анализ в когнитивно-культурологическом ключе.

На основе анализа семантических сфер, репрезентированных в коллокатах и ключевых словах, была построена фреймовая структура домена «Родственные отношения» (таблица). В упрощенном виде она представляет распределение семантических сфер как составляющих культурной модели, закрепленной в языковом сознании носителей.

Условные обозначения: «+» – сематический компонент / сфера представлен, «++» – семантический компонент / сфера представлен широко, «–» – семантический компонент / сфера не представлен.

Как видно из таблицы, фреймовая структура домена включает доминирующие сферы «Лица», «Родственники» и «Мероприятие», а также второстепенные сферы «Пространство», «Еда», «Существование», «Ментальная сфера». Сфера «Взаимодействие» в обеих группах не представлена, что может указывать на то, что концептуализация родственных отношений в казахском языке акцентирует не столько процессуальный аспект, сколько статусный, номинативный и ценностный.

Таблица 1. *Фреймовая структура домена «Родственные отношения»*

Фрейм	Группа 1	Группа 2	Примеры
Лица	+	++	адам, қазақ, бала, студент, қонақ
Родственники	++	++	ата, ана, әке, отбасы, қайын, нағашы, жолдас, құда
Пространство и место	+	++	Қазақстан, үй, ауыл, Греция, Мәскеу
Еда и напитки	+	+	ас, су, тамақ
Существование	-	++	өмір, отан, дүние, жұмыс
Ментальная сфера	++	++	дәстүр, тарих, сөз, мейрам, бата
Взаимодействие	-	-	не представлен
Мероприятие	++	++	неке, той, мейрам

В группе 2 фреймовая структура значительно развернутее по сравнению с группой 1. Прежде всего, это касается сфер «Лица» (появляются студент, қонақ), «Пространство» (добавляются топонимы Греция, Москва, Тараз, Ташкент), а также «Существование» (*өмір, отан, жұмыс)*. Это свидетельствует о большей когнитивной разработанности домена «Родственные отношения» в сознании респондентов второй группы и его интеграции с другими сферами жизни.

Полученные данные позволяют реконструировать фрагмент казахской языковой картины мира, связанный с концептуализацией родственных отношений.

1. **Центральность семьи и предков**. Высокая частотность лексем *отбасы* (семья) и *ата* (дед/предок) в обеих группах свидетельствует о том, что семья и генеалогическая память остаются фундаментальными ценностями казахской культуры. Феномен *жеті ата* находит прямое отражение в языковом сознании: предки осмысляются как институт, определяющий социальную идентичность и регулирующий брачные отношения. Это подтверждает тезис о том, что система родства является фундаментальным принципом социальной организации.

2. **Иерархия и возрастная дифференциация**. Развернутая система терминов для старших и младших родственников (*аға / іні, әпке / сіңлі*) отражает иерархический характер традиционного общества. В группе 2 термины старшинства имеют более высокую частотность, что указывает

на их активное использование в прагматической функции (обращения к старшим).

3. **Дифференциация линий родства**. Присутствие в группе 2 терминов *нағашы* (по матери) и *қайын* (свойственник) свидетельствует о сохранении дифференциации родства по линиям и по браку. В группе 1 такая дифференциация выражена слабее.

4. **Интеграция традиции и современности**. Анализ коллокатов группы 2 показывает интеграцию домена с другими доменами (образование, досуг), что отражает адаптацию традиционной системы к глобализации. Молодое поколение сохраняет ядерные термины, но осмысляет их в более широком контексте.

Таким образом, ядро домена «Родственные отношения» репрезентировано терминами ближайшего родства (*отбасы, ата, ана, әке, бала*). Высокая частотность *ата* подтверждает ключевую роль генеалогической памяти (*жеті ата*) в казахской картине мира. Фреймовая структура включает доминирующие сферы «Лица», «Родственники», «Мероприятие» и второстепенные «Пространство», «Существование», «Еда», «Ментальная сфера». Сфера «Взаимодействие» не представлена. В группе 2 структура развернутее, что свидетельствует о большей когнитивной разработанности домена. Субдомен «Некровное родство» представлен неравномерно: в группе 1 ключевые слова отсутствуют, в группе 2 развернуты (*қайын, нағашы, келін, күйеу, жолдас*), что указывает на возрастные или социокультурные различия.

В целом, когнитивный подход в сочетании с частотным анализом позволяет объективировать культурные доминанты – иерархию, почитание старших, значимость предков и их динамику в современном обществе. Перспективы исследования связаны с расширением корпуса, сравнительно-типологическим анализом, количественным моделированием и диахроническим исследованием изменений под влиянием урбанизации.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Қалиев Б. Қ. Қазақ тілінің лексикологиясы. Алматы: Сөздік-Словарь, 2010.

Киосе М. И., Ржешевская А. А., Томская М. В. Фреймовые культурные модели родственных отношений, еды и досуга в русском устном дискурсе: данные интервью // Вопросы когнитивной лингвистики. 2026. № 3. С. 89–102.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Мусатаева М. Ш., Скрипникова А. И. Лингвокогнитивные исследования в Казахстане // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 46–51.

Тарақов Ә. Ә. Қазақ тіліндегі туыстық терминдер: тарихи-этимологиялық талдау. Алматы: Сөздік-Словарь, 2018.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М.: Радуга, 1983. С. 74–122.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988.

A. A. Bobkova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CONCEPTUALIZATION OF KINSHIP RELATIONS IN THE KAZAKH LINGUISTIC WORLDVIEW: A FRAME-BASED APPROACH AND FREQUENCY CHARACTERISTICS

The article explores the conceptualization of kinship relations in the Kazakh linguistic worldview through a frame-based approach and frequency analysis. Drawing on interview data from two groups of respondents, the study identifies the frame structure of the domain and determines frequency characteristics of key lexical units. It is established that the core representations of the domain are formed by terms of closest kinship, while the high frequency of «*ata*» confirms the significance of genealogical memory. An asymmetry in the representation of non-consanguineal kinship between the groups is revealed, indicating different degrees of cognitive elaboration of the domain. The findings objectify cultural dominants embedded in the semantics of the language.

Key words: Kazakh language, kinship terms, frame structure, frequency analysis, linguistic worldview, cognitive linguistics, *jeti ata*, conceptualization.

М. А. Бредис *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
briedis@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА НУМЕРАТИВОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ НАРОДА (НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Статья посвящена сопоставительному анализу лингвокультурной семантики пословиц разноструктурных языков с компонентом-нумеративом *один* в рамках числового кода культуры. Анализ паремий русского, марийского и чувашского языков показывает, что паремии основаны в большой степени на символьной семантике нумератива. Отмечается наличие сходных черт в символике рассматриваемых языков, отражающей народные поверья и традиции, что объясняется общеупотребительностью чисел и влиянием лингвокультурного трансфера.

Ключевые слова: пословица, концепт, числовой код, нумеративы, лингвокультурологический анализ.

Концептосфера, или когнитивное пространство, образуется из структурированной определенным образом совокупности «концептов, потенций, открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом» [Проектный словарь… 2022: 95]. Концепты, представляющие собой, по определению Е. С. Кубряковой, «основные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, всей картины мира, отраженные в человеческой психике» [Краткий словарь… 1996: 90], причудливо переплетаются в концептосфере, создавая сложнейшую ткань.

В характеристике концептосферы народа значительную роль играет лингвокультурная семантика чисел, поскольку она отражает числовой код культуры, в котором нумеративы – числительные и слова, обозначающие количество, – несут этноспецифические смыслы, отражая национальные традиции и мировоззрение, выступая в качестве лингвокультурных концептов. В свободном употреблении нумеративы играют утилитарно-прагматическую роль, обозначая определенное число или количество предметов, но в составе паремии они могут приобретать символическое значение и культурный смысл [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2021: 204].

Культурный смысл, закодированный в нумеративах-компонентах паремии, как и фразеологизма вообще, «прочитывается субъектом речи в культуре, а именно в системе кодов» [Гудков, Ковшова 2007: 96], среди которых и числовой код. Современная паремиология наряду с другими

задачами, нацелена на описание в пословицах «*культурных кодов, лингвокультурологических доминант, сходств и расхождений тех этносов, которые характеризуются языковой, территориальной и / или религиозной общностью» [Бредис, Ломакина, Борисова, Лазарева 2022: 278]*.

Цель работы – проанализировать паремии с числовым компонентом *один* в разноструктурных языках народов России (на материале русского, марийского и чувашского языков) в рамках числового кода культуры.

Базой источников для исследования стала авторская картотека, включающая в себя русские (589), марийские (85) и чувашские (107) паремиологические единицы. Картотека создана методом сплошной выборки из авторитетных паремиографических изданий: *Большой словарь русских пословиц* В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010); *Марий калык ойгo: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки* А. Е. Китикова (2004); *Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем. Чувашские пословицы, поговорки и загадки* Н. Р. Романова (2012).

Число *один* в русской, марийской (*ик*) и чувашской (*пĕр*) лингвокультурах наделяется особым символическим значением, что находит отражение в паремиях, где число *один* символизирует единственность, уникальность какого-либо явления или человека, например: рус. *Одна у человека родная мать, одна у него и Родина*; марийск. *Кече икте, ава икте* ‘Солнце одно, и мать одна’. Здесь единственность матери выражается через сравнение с Родиной и солнцем. Существуют также пословицы, подчеркивающие незаменимость матери в сравнении с образом отца: рус. *Отцов много, а мать одна*; чувашск. *Ашшĕ аллă, амăшĕ пĕрре анчах* ‘Отцов – пятьдесят, а мать только одна’. В чувашской пословице значение *много* передается нумеративом *пятьдесят*.

В паремиях всех рассматриваемых языков *один* символизирует единственность выбора в создании семьи. *Один* сопоставляется с множеством, которое также выражается числами: рус. *Семеро сватаются, а одному достанется*; марийск. *Нылле ик ӱдырым шонет, иктым налат* ‘Думаешь о сорока одной, женишься на одной’; чувашск. *Савни саккăр та, тӳрни пĕрре çеç* ‘Милых и желанных восемь, а суженый один’. Семантическая модель в этих пословицах сходна: жену выбирают одну, а образы, символизирующие выбор невесты, выражаются числами (семь, сорок одна, восемь). Здесь отражаются народные традиции, связанные с ценностью *семья*.

В другой группе пословиц нумератив *один* символизирует недостаточность, неполноту возможностей или ресурсов: рус. *Одна рука в ладоши не бьет*; марийск. *Ик кид доно лапам шийш ак ли* ‘Одной рукой в ладоши бить невозможно’. Другая марийская пословица выходит за рамки сома-

тической семантики, переходя к семейным ценностям: *Ик кид кок кидлан ок шу, шкет илыш илышлан ок шу* ‘Одна рука не заменит двух, одинокая жизнь не заменит семейную’. Подобную семантическую модель содержат чувашские паремии: *Пĕр çăпатана икĕ урана тăхăнаймăн* ‘Одним лаптем обе ноги не обуешь’; *Пĕр тĕкпе тӳшек тăваймăн* ‘Из одного пера не сделаешь перины’.

Ещё одна группа пословиц использует нумеративы в связи с грехом воровства: рус. *Кто украл – у того (на том) один грех; у кого украли – у того (на том) десять (семь, сто)*; марийск. *Шолыштшо ик язык ыш пура, йомдарыше ныл ле ик язык ыш пура* ‘Вор делает один грех, потерявший – сорок один’; *Вăрлаканăн пĕр çылăх, çухатаканăн çĕр çылăх* ‘На укравшем один грех, за потерпевшим сто грехов’. *Один* символизирует минимальное количество, кража – грех. Человек, у которого что-то украли испытывает гнев, обиду, желание мести, и подозревает многих. Множественность в этих пословицах также выражается нумеративами (семь, десять, сорок один, сто) в сопоставлении с единицей. Пословицы с данной семантикой отражают христианские понятия о грехе.

Противопоставление «один – много» представляет собой продуктивную модель пословиц во всех трех языках, выражаемую, согласно Е. И. Селиверстовой, «парами компонентов с семантикой числа и количества» [Селиверстова 2017: 244]: *один – два*, *один – другой*, *один (часть) – целое*, *один – три*, *один – сто*. Еще одна группа пословиц сопоставляет минимальный срок и базовую потребность в соответствии с первоначальным планом с возможным реальным сроком и ресурсами: рус. *Едешь в поле на день, бери хлеба на два*; марийск. *Ик йӱдлан кает гын, кум кечаш киндым нал* ‘Если уходишь на одну ночь, бери хлеба на три дня’; чувашск. *Пĕр кунлăх каяс тесессĕн çичĕ кунлăх çăкăр ил* ‘Поедешь на день, бери хлеба на неделю’. Еще одна чувашская пословица сопоставляет число один с числом двенадцать: *Пĕр кун каймалăх çул пулсан вун ик кунлăх çăкăр илсе тух* ‘Чтобы ехать до места, отстоящего на один день пути, бери хлеба на двенадцать дней’. Эта группа пословиц рекомендует человеку проявлять разумную предусмотрительность, отправляясь в дорогу.

Нумератив *один* в пословицах всех трех языков также символизирует минимальную достаточность: рус. *На правду мало слов – одного слова умному досыть*; марийск. *Лӱмым шӱктараш ик кечат сита, а чапландараш ӱмыр кӱлеш* ‘Опорочить имя достаточно одного дня, а прославить нужен век’; *Ĕçчен çынна пĕр сăмах, кахал çынна çĕр сăмах* ‘Работящему достаточно одного слова, а ленивому надо сто слов’. Нумератив один выражает в этих пословицах достаточность слова или отрезка времени (дня). В чувашской

пословице *один* сопоставляется с нумеративом *сто*. Еще одна русская паремия сопоставляет число один с числом три: *Умного пошли – одно слово скажи; дурака пошли – три скажи да сам за ним поди*. Умному – одного слова достаточно для понимания, дурному недостаточно даже трех слов, нужно за ним еще идти.

Следующая группа пословиц с помощью нумератива *один* выражает семантический бином «часть – целое»: рус. *Одна паршивая овца всё стадо портит (испортит)*; марийск. *Ик вишкыде почан шорык уло кӱтӱм локтылеш* ‘Одна овца с паршивым хвостом портит все стадо’; чувашск. *Пӗр йӳҫӗ ҫӑмах пӗтӗм яшкана йӳҫӗтет* ‘Одна кислая галушка может испортить весь суп’. Последняя паремия в качестве образа использует *ҫӑмах* – галушки, или клёцки для супа с клёцками. Одна такая испорченная клёцка может испортить весь суп – *ҫӑмах яшки*. По семантике паремия напоминает русскую и марийскую пословицы: рус. *Бочка мёду, [а] ложка дёгтю всё испортит*; марийск. *Ик совла тегыт ик печке мӱйым локтылеш* ‘Одна ложка дегтя испортит одну бочку меда’, в которых внесение в качестве части всего одной ложки дегтя портит весь мед, находящийся в бочке.

В последней рассматриваемой нами группе пословиц нумератив *один* символизирует одиночество и изолированность, а соответственно – уязвимость: марийск. *Волгенче шкет пушентым пытара* ‘Молния ударяет одинокое дерево’; *Пӧччен путеке тукмак тытать* ‘Одинокий ягненок – добыча волка’. В данном случае вместо нумератива *один* используются концепты *одинокий* (марийск. *шкет*; чувашск. *пӗччен*). При отрицательном отношении к одиночеству в паремиях рассматриваемых языков существует ряд пословиц, находящий в одиночестве и положительные стороны: рус. *Одинокому – везде дом*; *Одна не бедна, а бедна, да одна*; чувашск. *Пӗр пуҫ та пӗр кут – ӑҫта кайсан та аттрас ҫук* ‘Одна голова и один хвост нигде не пропадут’. Эта семантика выражается нумеративом *один* и словом *одинокий*.

Анализ показал, что нумератив *один* в пословицах разноструктурных языков (русского, марийского и чувашского) играет важную роль в концептосфере трех народов. В рассматриваемых языках символика числа *один* обнаруживает значительное сходства. Различия в основном определяются используемыми ключевыми пословичными образами.

Примеры показали, что паремиология русского, марийского и чувашского языков, репрезентирующая числовой код культуры, обнаруживает сходство славянских, финно-угорских и тюркских пословиц, которое объясняется универсальным характером категории количества, взаимовлиянием культур, а также лингвокультурным трансфером. Многие из рассмотренных

паремий опираются на символьную семантику нумератива *один*, отражающую народные традиции, верования, мифологические воззрения.

Литература

Бредис М. А., Ломакина О. В., Борисова А. С., Лазарева О. В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276–293.

Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 202–212.

Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / под общ. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. М.: ФЛИНТА, 2017.

M. A. Bredis *(Moscow, Russia)*
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LINGUOCULTURAL SEMANTICS OF NUMERALS IN CHARACTERIZING A PEOPLE'S CONCEPTUAL SPHERE: BASED ON PAREMIOLOGICAL MATERIAL

The paper is devoted to a comparative analysis of the linguocultural semantics of proverbs containing the numeral component one in typically different languages, within the framework of the numerical code of culture. An analysis of paremias in the Russian, Mari, and Chuvash languages shows that these paremias are largely based on the symbolic semantics of the numeral. The presence of similar features in the symbolism of the languages under study is noted, reflecting folk beliefs and traditions. This similarity can be explained by the universal human nature of the numeral code, as well as by the influence of linguocultural transfer.

Key words: proverb, concept, numerical code, numerals, linguocultural analysis.

***Н. П. Глинская** (Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
glinskaya_nelly@mail.ru

СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФАРМАКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОМИНАЦИЯХ ИОННЫХ КАНАЛОВ

В данной статье представлен когнитивно-ономасиологический анализ подсистемы названий ионных каналов в рамках фармакологической терминологии. Исследование направлено на выявление специфики терминологической репрезентации на уровне функциональных формантов (категоризаторов, модификаторов, реляторов) и их когнитивных свойств (прототипичности, салиентности, конвенциональности). Используемые когнитивные механизмы метонимического, метафорического, образно-схематического и пропозиционального моделирования обеспечивают, с одной стороны, семантическую вариативность и гранулярность научных номинаций, позволяя интегрировать фармакологические параметры в одну подсистему, а, с другой стороны, приводят к когнитивной гетерогенности и неопределенности этой подсистемы.

Ключевые слова: терминологическая репрезентация, когнитивные механизмы, когнитивно-ономасиологический анализ, фармакологическая терминология, номинация ионных каналов.

В современной когнитивной лингвистике «категория как формат знания интегрирует в себе различные структуры знания: 1) знание общего концептуального основания для объединения тех или иных объектов, 2) знание самих объединяемых объектов и 3) знание принципов и механизмов их объединения, т.е. может рассматриваться как определенная концептуальная структура интегративного типа» [Болдырев 2018: 85]. В когнитивно-дискурсивном терминоведении терминологическая подсистема рассматривается как «сложно организованный когнитивно-коммуникативный инструмент репрезентации знаний, оцениваемый не только с позиций узкокогнитивной специфики вербализации, но и с точки зрения ориентации на потребности профессиональной коммуникации» [Манерко 2024(а): 52]. Вопрос выявления специфики репрезентации приобретает особую остроту для терминологии современной англоязычной фармакологии, где развитие экспериментальных методов и стремительный рост объема эмпирических данных опережают унификацию терминов.

Международный союз фундаментальной и клинической фармакологии (IUPHAR) [IUPHAR], работающий под эгидой Британского фармаколо-

гического общества (BPS), разработал базу данных IUPHAR-DB, которая представляет собой экспертно-курируемый ресурс для фармакологических исследований, способствующий стандартизации терминологии [Sharman, Mpamhanga 2011]. Одной из наименее изученных в терминологическом ракурсе является подсистема названий ионных каналов [Collingridge et al. 2009]. Эти объекты представляют собой трансмембранные белковые комплексы, играющие фундаментальную роль в генерации и передаче биохимических сигналов, регулировании клеточного гомеостаза и иных важных процессов нейрофармакологии.

Проведенный анализ подсистемы номинаций ионных каналов, зафиксированной в классификационной базе на английском языке, позволил выявить отсутствие единого когнитивно-ономасиологического принципа, регулирующего процесс номинации [Манерко 2024(б)]. Основной моделью концептуализации является метонимическая модель, выступающая как эффективный инструмент номинативной компрессии. В частности, наблюдается классическая метонимическая замена: имя лиганда замещает собой описание сложной структуры белка (*5-HT3 receptors, nACh receptors*); название иона используется как имя канала (например, *Potassium channels, Chloride channels*). Этот процесс упрощает идентификацию фармакологической мишени, хотя и подменяет онтологию объекта его функциональным атрибутом. Метонимия ЧАСТЬ вместо ЦЕЛОГО также позволяет кодировать классификацию белка через его наиболее значимый генетический или структурный признак.

Метафорическая модель оказывается очень продуктивной, обеспечивая «переход от пропозициональных или образно-схематических моделей одной области к соответствующей структуре другой области: от области источника – к области-цели» [Болдырев 2016: 12]. Использование метафорических образов ЗАТВОРА (*gate/gated*), УТЕЧКИ (*leak*) и ПОРЫ *(pore*) переводит биофизику ионного транспорта в плоскость гидродинамики. В частности, в сложноструктурной номинации *non-selective sodium leak channel* объективируются свойства проницаемости и ионной селективности. В таких терминах, как *Piezo channels* или *Aquaporins*, отражены признаки физического давления и фильтрации, создавая когнитивно доступную модель работы белка. Иногда в знаке фиксируются не функциональные признаки понятия, а контекст его исследования, например, название *Ryanodine receptors* отражает указание на растительный алкалоид рианодин, который использовался при обнаружении этих объектов. Некоторые номинации репрезентируют структурные особенности *(e.g. Two-Pore domain potassium channels (K2P), Two-Pore channels (TPC*)). Наименее выраженным в изучаемой выборке оказался признак патологии, например, термин *Cystic Fibrosis*

Transmembrane Regulator (CFTR) указывает больше на нозологию, а не на функциональный механизм (хлорный канал).

Выявленные терминологические форманты выступают как «категоризаторы (или классификаторы), модификаторы и реляторы» [Кубрякова 2009: 136]. По нашим данным, форманты-категоризаторы (например, *channels, receptors*), определяющие онтологический статус объектов, обладают наивысшей степенью прототипичности и создают базовую таксономическую сетку. Модификаторы, наполняющие категориальный базис конкретным содержанием, обеспечивают высокую салиентность термина. Модификаторы могут быть субстанциональными (*sodium, calcium, chloride, potassium, glutamate, acetylcholine*), структурными (*two-pore*), локализационными (*mitochondrial, epithelial*), темпоральными (*transient*). Выбор форманта-модификатора является актом селекции наиболее важного концептуального признака. Например, в термине *Epithelial sodium channel (ENaC)* когнитивно-информационная значимость смещена на тканевую специфику и ионный состав; в структуре знака *Maxi chloride channel* акцент переносится на качественную специфику проводимости; название кальциевого ионного канала *CatSper* содержит в усеченном виде указание на целевой объект (*sperm*), но в целом скрывает Ca^{2+}-селективность. Модификаторы отвечают за создание узкоспециализированных терминов, таких как *Inwardly rectifying potassium channels (KIR)*, где качественный признак становится ключевым для понимания физики процесса. Терминологические форманты-реляторы, устанавливающие связь между объектами и признаками, кодируют правила функционирования ионного канала, превращая характеристику белка в описание динамического процесса (e.g. *gated, activated, regulated, operated, sensing*, *etc.);* в данной подсистеме прототипичным формантом-релятором является лексема *gated* (*Voltage-gated*).

При сопоставлении моделей выявлены зоны дезориентирующей терминологической репрезентации [Глинская 2024], где языковое обозначение не совпадает с научной сутью объекта. В частности, *GABAA receptors, Glycine receptors, 5-HT3 receptors* относятся к ионным каналам, при этом такие фармакологические объекты, как *Voltage-gated channels,* как правило, не называются рецепторами. Это создает когнитивную трудность при попытке разделения обозначений первичной передачи сигнала и последующей ионной динамики. Если такие номинации изучаются в контексте нейрорецепторов, то в ходе коммуникации могут игнорироваться канальные свойства проницаемости.

В рамках подсистемы ионных каналов разные классы ионов имеют различную степень детализации в названиях. Для Ca^{2+} и Na^{+} ионных ка-

налов используется индекс в обозначении класса (*CaV, NaV*), тем самым подчеркивается критическая роль потенциал-зависимости. В названиях для K^+ каналов (*KCa, K2P*), акцентируется скорее дополнительный механизм активации или структурный класс, отражая роль калия как базового элемента мембранного потенциала покоя. Для Cl^- каналов наблюдается смешение: многие аббревиатуры (*ClC, CFTR, CaCC, VRAC)* не объединяются в единый системный ряд, что может затруднять понимание их классификации по типу активации. Иными словами, каждый элемент ионного транспорта описывается в собственной, часто сложно совместимой с другими, когнитивной модели.

Таким образом, терминологическая подсистема названий ионных каналов представляет собой сложный когнитивный инструмент, характеризующийся исторически обусловленной множественностью ономасиологических стратегий номинаций и достаточно выраженной дезориентирующей репрезентацией, что требует дальнейшей терминологической ревизии с целью оптимального развития метаязыка современной молекулярной фармакологии.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. Москва: Издательский дом ЯСК, 2018.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4(49). С. 10–20. DOI: 10.20916/1812–3228–2016–4–10–20. EDN: WWOPHJ.

Глинская Н. П. Дезориентирующая терминологическая репрезентация (на материале англоязычной фармакологической терминологии) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4(60). С. 113–118. EDN: BWSDUB.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / отв. ред. Е. А. Земская; предисл. В. Ф. Новодрановой. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

Манерко Л. А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. М.: Гнозис, 2024(а).

Манерко Л. А. Пропозиция как структура знания и понимания профессионального дискурса и терминологической номинации // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2024(б). Т. 17. № 4. С. 165–189.

Collingridge GL, Olsen RW, Peters J, Spedding M. A nomenclature for ligand-gated ion channels // Neuropharmacology. 2009. Т. 56. № 1. С. 2–5.

IUPHAR – URL: https://www.guidetopharmacology.org/

Sharman J. L., Mpamhanga C. P. IUPHAR-DB: an open-access, expert-curated resource for receptor and ion channel research // ACS Chemical Neuroscience. 2011. Т. 2. № . 5. С. 232–235.

N. P. Glinskaya *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

TERMINOLOGICAL REPRESENTATION SPECIFICITY OF PHARMACOLOGICAL KNOWLEDGE IN ENGLISH-LANGUAGE ION CHANNEL DESIGNATIONS

This article presents a cognitive-onomasiological analysis of the terminological pharmacological subsystem of ion channel designations. The study is aimed at identifying the specificity of terminological representation at the level of onomasiological formants (categorizers, modifiers, relators) and their cognitive properties (prototypicality, salience, conventionality). The cognitive mechanisms of metonymical, metaphorical, figurative-schematic and propositional modeling provide, on the one hand, the semantic variability and granularity of scientific designations, allowing the integration of pharmacological parameters into one subsystem; on the other hand, they lead to cognitive uncertainty of this subsystem.

Key words: terminological representation, cognitive mechanisms, cognitive-onomasiological analysis, pharmacological terminology, ion channel designations.

Е. М. Дубровская *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный технический университет НГТУ НЭТИ
schitat.do.sta@gmail.com

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: ДИХОТОМИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

В статье рассматриваются русские паремии с компонентом-этнонимом как средство категоризации этнического пространства. Материалом исследования послужили паремии, извлечённые методом сплошной выборки из собраний И. М. Снегирёва, В. И. Даля и «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и Е. К. Николаевой. На основе сопоставления трёх картотек выявлено устойчивое ядро этнонимного фонда русской паремиологии, представленное этнонимами *русский, татарин* и *немец*. Установлено, что данные единицы функционируют как этнолингвомаркёры категории «свой – чужой» и репрезентируют различные модели категоризации этнического пространства.

Ключевые слова: паремиология, этноним, этнолингвомаркёр, категория «свой – чужой», паремиологическая картина мира.

В современной паремиологии пословицы и поговорки рассматриваются не только как фольклорные тексты, но и как одна из наиболее устойчивых

форм сохранения и трансляции коллективного опыта народа. По определению Н. Н. Семененко, паремия представляет собой «синкретичный знак, совмещающий свойства текстемы (языкового знака) и высказывания (дискурсивной единицы)» [Семененко 2020: 213]. В рамках этого подхода паремии возможно рассматривать как формы репрезентации коллективного народного знания и как средство отражения значимых для культуры способов осмысления мира. В когнитивной лингвистике категоризация понимается как один из основных механизмов познавательной деятельности человека. По определению Е. С. Кубряковой «не только акт причисления единицы к своему множеству, [но] гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных или аналогичных сущностных признаков или свойств» [Кубрякова 2004: 307]. В связи с этим обращение к этнонимам в составе паремий позволяет рассматривать их как средства категоризации этнического пространства, отражающие способы разграничения социокультурных общностей, закрепленные в коллективном сознании.

Одним из базовых механизмов категоризации социокультурной реальности является категория «свой – чужой», это «ценностная константа, которая, несмотря на универсальный характер, обладает различными вариантами культурно-специфической реализации» [Дубровская, Ломакина 2026: 60]. Посредством этой категории формируются и актуализируются представления о групповой принадлежности, а также культурной близости и дистанции. Особую роль в репрезентации подобных представлений играют этнонимы. Вслед за О. В. Ломакиной мы рассматриваем этнонимы в составе паремиологических единиц как этнолингвомаркеры – «компоненты паремий, которые запечатляют национальное своеобразие, культурную память и могут не иметь аналогов в другом языке» [Ломакина 2015: 120], следовательно, этнолингвомаркёры концентрируют исторически и культурно значимую информацию и участвуют в репрезентации национальной картины мира.

Материал исследования составили паремии с компонентом-этнонимом, извлеченные методом сплошной выборки из словарей И. М. Снегирева, В. И. Даля и В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Сопоставление трёх источников позволяет выявить наиболее устойчивые и значимые этнокультурные образы. Материал трех составленных нами картотек демонстрирует различную степень представленности этнонимов в составе паремиологических единиц. Так, в «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной наиболее частотными являются этнонимы *татарин* (43 фиксации), *русский* (42), *цыган* (42), *жид* (35) и *немец* (19); в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля преобладают этнонимы

татарин (48 фиксаций), *русский* (40), *казак* (35), *цыган* (31), *немец* (26) и *жид* (19). В картотеке, отобранной по «Словарю русских пословиц и поговорок» И. М. Снегирёва, также регулярно фиксируются этнонимы *русский* (14), *татарин* (12) и *немец* (6), что подтверждает их устойчивое присутствие в русской паремиологической традиции. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что данные единицы образуют устойчивое ядро фонда русской паремиологии с компонентами-этнонимами, так как характеризуются одновременно высокой частотностью употребления и воспроизводимостью в источниках XIX–XXI вв.

Количественное ядро корпуса образуют этнонимы, репрезентирующие различные способы категоризации этнического пространства: этноним *русский* репрезентирует когнитивную категорию «свой», *татарин* маркирует внешнее этническое пространство и исторически значимого этнокультурного другого, тогда как *немец* актуализирует представления о языковой и культурной инаковости. Таким образом, наиболее частотные этнонимы являют собой и наиболее значимые когнитивные маркеры оппозиции «свой – чужой». Ряд единиц, характеризующихся высокой частотностью в картотеках (*казак, цыган, жид/жидовин)*, мы сознательно исключили из анализа, руководствуясь тем, что данные номинации либо не обладают статусом этнонима в современном понимании, либо требуют отдельного рассмотрения в связи с особенностями их историко-культурного рассмотрения, в т. ч. с учётом наличия оценочности. В отличие от них, этнонимы *русский, татарин* и *немец* регулярно повторяются и последовательно фиксируются во всех трёх источниках и образуют наиболее стабильную и устойчивую систему этнокультурных противопоставлений. Их воспроизводимость свидетельствует о сохранении устойчивых когнитивных механизмов категоризации этнического пространства.

Центральное положение в выявленной системе когнитивной категоризации занимает этноним *русский*. В большинстве примеров он выступает не объектом характеристики, а нормативной точкой отсчёта, относительно которой оцениваются представители других народов: *Француз боек, да русский стоек; Русский француза повалил под пузо*. Таким образом, русский в паремиологической картине мира функционирует как маркер категории «свой» и обозначает аксиологический центр рассматриваемого этнического пространства. Показательно, что паремии с компонентом *русский* не столько характеризуют самого русского человека и его особенности, сколько противопоставляют его представителям других народов. В связи с этим этноним *русский* наделяется семантикой культурной нормы, в соответствии с которой оцениваются поведение и действия иных этнических групп. Эта особенность соотносится с общими закономерностями функционирования

категории «свой – чужой», где другие, иные, «чужие» этнические группы подвергаются осмыслению через соотнесение с собственными укладами и устоями. В этнографическом рассмотрении подобная модель отражает традиционное представление о собственном сообществе как о пространстве культурной предсказуемости и заданной нормативности. В когнитивном отношении этноним *русский* выполняет функцию базовой категории, задающей систему координат для дальнейшего разграничения «своих» и «чужих».

Особый интерес представляет этноним *татарин*, являющийся наиболее частотным во всех собранных картотеках: *Незваный гость хуже татарина; Бей сполох, татарин идёт* и др. Показательно, что в рассматриваемых примерах татарин выступает не столько обозначением представителей конкретного народа, сколько репрезентантом определенного культурного образа, закрепленного в коллективной памяти народа. Высокая повторяемость данного этнонима объясняется его особой ролью в исторической памяти русского народа. На протяжении нескольких столетий контакты Руси с тюркскими народами являлись одной из основ политического, экономического и культурного развития. Так как коллективная память сохраняет не только реальные исторические события, но и их культурно осмысленные и символически закрепленные интерпретации, в составе паремий этноним *татарин* приобретает значение устойчивого этнолингвомаркера, связанного с представлениями о внешнем пространстве. При этом важно подчеркнуть, что закрепленный в паремиях образ не может и не должен рассматриваться как характеристика реального народа: в пословицах этноним *татарин* функционирует в качестве репрезентанта исторически и культурно значимого этнокультурного другого. Через этот образ осуществляется осознание границы между своим и внешним миром, а самая категория «чужой» приобретает конкретное культурно-историческое наполнение.

Еще один вариант категоризации этнического пространства реализуется посредством этнонима *немец*. Если представления о татарине и татарах связаны преимущественно с историко-культурным опытом взаимодействия с внешним этническим окружением, то немец демонстрирует другой тип непохожести – языковую и коммуникативную. Лексема *немец* исторически связана с представлением о человеке, не владеющем языком и неспособном разговаривать понятно для собеседников, то есть в основе номинации лежит не только этнический, но и языковой признак, что подчеркивает особую значимость языка как критерия разграничения своего и чужого пространства в традиционной культуре. Для представителей народа именно понятная речь и возможность найти общий язык являлись важными и значимыми показателями принадлежности к своему сообществу, в то время как непонятная

речь воспринималась как показатель культурной дистанции. Следовательно, *немец* может рассматриваться как один из ключевых этнолингвомаркеров категории «чужой», отражающих коммуникативный аспект восприятия этнического пространства.

Таким образом, этнонимы в составе русских паремиологических единиц выступают не только как средства номинации народа, но и как инструменты категоризации этнического пространства. Повторяемость и воспроизводимость рассматриваемых единиц в источниках XIX–XXI вв. свидетельствуют о сохранении базовых когнитивных моделей восприятия межэтнических отношений в русской языковой картине мира.

Литература

Даль В. И. Пословицы русского народа в 2-х томах. М.: Художественная литература, 1989.

Дубровская Е. М., Ломакина О. В. «Свой» и «чужой» как этнолингвоаксиологические доминанты лингвокультуры народов России (на материале пословиц) // Филология и культура. Philologyandculture. 2026. № 1(83). С. 59–64.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ломакина О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. … д-ра филол. наук. СПб, 2015.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Семененко Н. Н. Паремия как объект когнитивно-дискурсивного моделирования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 212–216.

Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Университетская типография, 1848.

E. M. Dubrovskaya *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk State Technical University

COGNITIVE CATEGORIZATION OF ETHNIC SPACE IN RUSSIAN PAREMIOLOGY: *US VS. THEM* CATEGORY

The article examines Russian proverbs with an ethnonym component as a means of categorizing ethnic space. The material for the study was proverbs extracted by continuous sampling from the collections of I. M. Snegirev, V. I. Dahl and *"Big Dictionary of Russian Proverbs"* by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina and

E. K. Nikolaeva. Based on a comparison of three card files, a stable core of the ethnonymous fund of Russian paremiology was identified, represented by the ethnonyms Russian, Tatar and German. It has been established that these units function as ethnolinguistic markers of the category US vs. THEM and represent various models of categorization of ethnic space.

Key words: paremiology, ethnonym, ethnolinguistic marker, US vs. THEM category, paremiological worldview.

О. В. Евтушенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
o.evtushenko@linguanet.ru

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ЕДЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ[1]

В статье обосновываются принципы построения культурной модели еды, отражающей современную структуру интерсубъективного опыта россиян. В качестве методов исследования используются когнитивно-дискурсивный, корпусный, частотный и контент-анализ. Материал исследования получен из Национального корпуса русского языка за период 2019–2026 гг. В результате анализа выделены субдомены домена Еда и их репрезентанты в российском медиадискурсе. Подтверждена сложность структуры культурной модели еды, ее ценностно ориентированный характер, а также трансформации под влиянием глобализации и индустриализации.

Ключевые слова: структуры знаний, культурная модель, социокультурная модель, домен Еда, субдомен, корпусные исследования.

Наше исследование нацелено на выявление культурной модели (далее – КМ) еды, накладывающей отпечаток на пищевые предпочтения россиян и на нормы их социального поведения, связанного с едой. Под КМ мы вслед за О. К. Ирисхановой понимаем «способ организации культурных знаний; структуры знаний и модели поведения, которые отличают одну культуру от другой» [Ирисханова 2014: 7]. Поскольку культурные модели характеризуются исторической вариативностью, сравнительный анализ их актуального состояния у соседствующих и/или активно взаимодействующих народов позволит сделать выводы об интеграции или дезинтеграции двух национальных культур.

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания проект FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик» в Московском государственном лингвистическом университете.

Несмотря на большое количество исследований, направленных на выявление способов структурирования в языке и в сознании связанного с едой опыта, вопрос об организующей его КМ не ставился. Публикации наших предшественников можно поделить на три группы: лингвокультурологические, семантические и когнитивные. В лингвокультурологических работах названия еды объединены в неоднозначную категорию, которая обозначается то как «пищевой код», то – параллельно – как «концепт» [Борисова 2013]. В качестве составляющих единиц кода / концепта выделяют названия еды, которые формируют такие субкоды национальной культуры, как «свой – чужой», «обыденный – ритуальный» [Левкиевская 2011]. Поскольку выводы делаются на диалектном материале и на основе данных фразеологических словарей, степень актуальности полученной модели и ее общности для всех носителей русского языка остается под вопросом.

Семантическое направление исследований совмещает идеографический и полевой методы систематизации, при этом внимание одних авторов привлекает пропозициональная составляющая еды, а других – репрезентанты концепта, т. е. наименования продуктов и блюд. Так, И. К. Миронова [Миронова 2002] в макропропозиции еды выделяет микроситуации: добывание пищи, приготовление пищи, прием пищи или кормление, питье или поение, гостеприимство. Напротив, О. Г. Савельева и К. С. Волошина [Савельева, Волошина 2017], развивая таксономию, заложенную в «Русском семантическом словаре» [Русский семантический словарь 2002], выделяют две составляющие концепта Еда: съестное, включающее естественное и кушанья, и напитки, включающие алкогольные и безалкогольные. Естественное делится на овощи, фрукты, ягоды. Кушанья систематизированы по способу приготовления: моченое, печеное, соленое, вареное, жареное, квашеное, тушеное, пареное. Схематизация, выработанная в рамках семантического направления, имеет онтологические основания и отражает неизменную, а в какой-то мере и универсальную часть структуры знаний о еде, тогда как нас интересует историческая и этнокультурная вариативность.

Наконец, когнитивное направление представлено работами, в которых единицы лексико-семантического поля Еда рассматриваются как источник метафорического моделирования других сфер внеязыковой действительности [Юрина, Балдова 2024].

Все авторы нацелены на выявление единой, не зависящей от сфер бытования языка структуры знаний. Однако обращение к разным подкорпусам Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) показывает, что КМ еды включает в себя ряд социокультурных моделей (СКМ). Так, принятое в «Русском семантическом словаре» деление еды по группам

исходных продуктов (*хлебные, молочные, яичные изделия; мясные, рыбные блюда* и т. д.) находит отражение в институциональных дискурсах, но не проявляется в обыденной речи (*хлебные изделия* в подкорпусах за 2019–2026 гг.: в газетном 7, в соцсетях 1 как демонстрация экспертного знания, в основном и устном 0; *рыбные блюда* за тот же период: в газетном 21, в соцсетях 5 как демонстрация экспертного знания, в основном и устном 0). Мы сделали вывод, что профессиональный и бытовой опыт структурированы в виде самостоятельных СКМ с прозрачной границей, что позволяет им сосуществовать в рамках общей КМ. При таком понимании «структурной сложности КМ» [Ирисханова 2014: 9], становится ясно, что для выделения фрагмента КМ, который не будет зависеть от социальных факторов, нужно найти такие способы структурирования опыта, которые окажутся общими для всех видов дискурса. Учитывая, что КМ «связаны с системой ценностей той или иной культуры» [там же: 6], мы выбрали для анализа такие субдомены домена Еда, которые выделяются по гедонистическим, прагматическим, медицинским, этнокультурным основаниям: Любимая еда / блюдо, Праздничная еда / блюдо, Здоровая еда / правильное питание, Готовая еда, Русская кухня. К ним был добавлен субдомен Нелюбимое блюдо, в котором отражается в основном опыт питания в детском учреждении. Мы получили подтверждение, что выбранные нами субдомены не ограничены профессиональной или бытовой СКМ: так, сочетание *любимое блюдо* есть во всех подкорпусах за 2019–2026 гг. (в газетном 49 вхождений, в соцсетях 46, в основном 3, в устном 1).

Для дальнейшего исследования важно, чтобы выбранные нами субдомены были в той или иной мере детализированы, т. е. называющие их устойчивые сочетания раскрывались в микроконтексте через перечень наименований еды. Показательно, что этому критерию не отвечает субдомен Обычная / нормальная / повседневная еда. Сочетание *обычная еда* встречается в НКРЯ только в контексте перехода с медицинского кормления на прием привычной пищи. Понимание *нормальной еды* раскрывается через ограниченный и малоинформативный круг единиц: *горбуша, лосось, масло, вода, соки*. Повседневная еда включает лишь *картошку*. О составе еды на каждый день можно судить по субдомену Потребительская корзина, однако он принадлежит только профессиональной СКМ. Это наблюдение говорит о том, что в условиях сытости субдомен Обычная еда дефокусирован. Однако для сравнения КМ двух народов, различающихся средой обитания и пищевыми ресурсами он может оказаться значимым: при неизменности географической локализации этноса повседневная еда остается исторически

неизменной, а потому показателем интеграции культур в микродиахронии может стать включение отдельных традиционных пищевых продуктов и блюд одного народа в обиходный рацион другого народа (например, нут или соба, не так давно занявшие полки российских магазинов).

Дальнейший ход исследования потребовал раскрытия состава субдоменов, выделенных нами в домене Еда. Материал для удобства последующего сравнения КМ народов СНГ был ограничен газетным подкорпусом НКРЯ за период с 2019 по 2026 гг. с более 84 млн. слов. Из него исключались контексты, не относящиеся к российской действительности, а также при подсчете индекса частоты не учитывались перепечатки одной информации в разных СМИ.

В составе субдомена Любимая еда / блюдо оказались: *мясо* (2 833), *пиво* (1 958), *шоколад* (408), *мороженое* (376), *бургер* (256), а также *гамбургер* (6) и *чизбургер* (4), *газированная вода* (37) / *газировка* (215), *арбуз* (250), *торт* (242), *пицца* (230), *борщ* (177), *оливье* (175), *чипсы* (166), *пельмени* (116), *томатный сок* (47), *суши* (43), *семечки* (43), *холодец* (37), *мимоза* / *«Мимоза»* (21), *крекер* (15), *голубцы* (13), *крабовый салат* / *салат с крабовыми палочками* / *с крабовым мясом* (10), *макароны с сосисками* (5). Интересно, что субдомен Нелюбимое блюдо с ним почти не пересекается: общими оказались только *голубцы* и *холодец*. Помимо них выделяются: *каша* (497), в том числе *манная каша* (22), *компот* (50), *селедка* / *сельдь под шубой* (50), *кисель* (17), *солянка* (14), *грибы* (6), *рыбные котлеты* (5), *фаршированный перец* (3), *оладьи из печени* (2), *гороховое пюре* (2). В субдомен Праздничная еда / блюдо входят: *рыба* (3 502), *вино* (3 259), *виноград* (734), *колбаса* (595), *шашлык* (489), *банан* (274), *блины* (265), *пирог* / *пироги* (115), *кулич* (79), *роллы* (59), *оливки* (46), *конфеты* (32), *паштет* (32), *вареники* (28), *хинкали* (27), *маслины* (23), *пасха* (19), *нарезка* (18), *заливное* (14), *кебаб* (12), *салат цезарь* (10), *рыбный салат* (3). Здоровая еда / правильное питание включает наименования: *фрукты* (212), *хлеб* (139), *молоко* (109), *хлопья* (92), *йогурт* (71). Готовая еда – это *кофе* (1 613), *сок* (914), *суп* (394), *десерт* (233), *выпечка* (174), *котлета* (171), *полуфабрикат* (169), *пирожное* (84), *картофель* / *картошка фри* (77), *батончик* (66), *сэндвич* (33), *кулинария* (32), *сырник* (29), *круассан* (20), *бифштекс с пюре* (7). Наконец, Русская кухня представлена наименованиями: *водка* (1402), *икра* (944), *пряник* (77), *окрошка* (50), *щи* (26).

Сравнение контекстов перечисленных названий еды позволило подтвердить наличие пересечений у субдоменов. Так, Любимая еда / блюда пересекается с Готовой едой (*пицца, чипсы, борщ*), Праздничной едой / блюдом (*крабовый салат, мимоза, оливье*) и Русской кухней (*пельме-*

ни); Праздничная еда / блюда ожидаемо пересекается с Русской кухней (*блины, вареники*), но также и с Готовой едой (*роллы*), что идет вразрез с национальным культурным кодом. Анализ единиц субдоменов позволил выделить дополнительные способы категоризации еды, пересекающиеся с названными выше: Традиционное блюдо (*окрошка*), Популярное блюдо (*цезарь, пицца*), Вредная еда (*шоколад*). Столь сложная структура задает для индивидуума ориентиры, позволяющие встраивать личные предпочтения в социокультурные нормы. Состав субдоменов показывает значительность влияния глобализации и индустриализации на систему питания россиян.

Исследование показало, что выявление актуальных КМ является важным способом оценки состояния национальной культуры во взаимодействии с культурами других народов. Подтверждена эффективность методов моделирования: опора на корпуса, использование естественно-языковой категоризации, ранжирование по частоте. Развитие этого исследования предполагает выявление частотных фреймовых связей вычлененных единиц КМ, а также ее невербальной составляющей.

Литература

Борисова Л. В. Концепт „пища“ в культурологическом пространстве русского языка // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 224–230.

Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (41). С. 5–17.

Левкиевская Е. Е. Пища повседневная и пища ритуальная: механизмы переключения аксиологических кодов // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 37–47.

Миронова И. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропорциональные структуры и их лексические репрезентации: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Азбуковник, 2002.

Савельева О. Г., Волошина К. С. Реализация концепта «Еда» в лексическом тезаурусе: антропоцентрический подход // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: атериалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 31 марта 2017 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 160–169.

Юрина Е. А., Балдова А. В. Русская пищевая метафора как объект идеографической лексикографии // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 81–104.

O. V. Evtushenko *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE CULTURAL MODEL OF FOOD IN MODERN RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The article substantiates the principles for constructing a cultural model of food that reflects the contemporary structure of Russian intersubjective experience. The research methods utilized cognitive-discourse, corpus, frequency, and content analysis. The study material was obtained from the National Corpus of the Russian Language for the period 2019–2026. The analysis identified subdomains of the "Food" domain and their representations in Russian media discourse. The study confirmed the complexity of the cultural model structure, its value-oriented nature, and also revealed transformations under the influence of globalization and industrialization.

Key words: knowledge structures, cultural model, sociocultural model, "Food" domain, subdomain, corpus studies.

И. В. Космарская *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет

ВЕКТОР «ПОДГОТОВКА К БРАКУ» КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ УЗЕЛ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»[1]

При реконструкции доменного пространства РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, осуществленной нами ранее, мы зафиксировали субсубдомен ПОДГОТОВКА К БРАКУ, но не включили его в основной анализ. Настоящая работа представляет когнитивно-дискурсивное исследование данного субсубдомена, который можно расценить как факультативный узел модели, на материале корпусных и цифровых данных (2023–2026). Выявлен систематический парадокс предбрачного поведения: на фоне ослабления института брака наблюдается существенный рост расходов на свадебные ритуалы. Парадокс, манифестирующийся в дискурсивных практиках, интерпретируется через концепты компенсаторного потребления, цифровой репрезентации статуса и когнитивного заземления.

Ключевые слова: культурные модели, домен, факультативный узел, подготовка к браку, парадокс предбрачного поведения, демонстративное потребление, цифровая репрезентация статуса.

[1]Исследование выполнено в рамках Государственного задания проект FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик» в Московском государственном лингвистическом университете.

Культурная модель РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ реконструировалась нами посредством анализа официального медийного дискурса. В рамках доменного пространства были выделены субдомены КРОВНОЕ РОДСТВО и РОДСТВО В БРАКЕ (свойство). Субсубдомен «Подготовка к браку», хотя и был зафиксирован, не вошел в основной анализ ввиду периферийной репрезентативности в официальных СМИ и явной недостаточности материала. Последующий сбор корпусных данных (2023–2026 гг.) и данных сетевых источников (свадебные сообщества ВКонтакте, свадебные блоги, посты инфлюенсеров) позволил провести анализ данного субсубдомена (около 4350 единиц). Результаты выявили устойчивый парадокс предбрачного поведения, требующий осмысления и интерпретации.

Цель статьи заключается в реконструкции факультативного узла ПОДГОТОВКА К БРАКУ и интерпретации выявленного поведенческого парадокса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Формулировка парадокса. Корпусный и цифровой анализ узла ПОДГОТОВКА К БРАКУ демонстрирует систематическое противоречие между двумя устойчивыми паттернами: ослаблением института брака и интенсификацией ритуалов подготовки к браку. С одной стороны, брак концептуализируется как неустойчивое, возможно временное партнерство. Частотность маркеров временности (*не факт, что навсегда; посмотрим, как пойдёт; если получится; не уверен, что…*) в корпусах 2023–2026 гг. составляет 62% публикаций. Фреймирование брака через метафоры *пробный период*, *тест-драйв*, *эксперимент* возросло с 0,3% (2015) до 4,7% (2025). С другой стороны, расходы на свадебные ритуалы и сопутствующие практики демонстрируют значительный рост. Средняя стоимость свадьбы в мегаполисах превысила полтора миллиона рублей (+40% к 2020 г.). 58% респондентов констатируют: *свадьба должна быть запоминающейся, даже если будущее отношений неясно*.

Интерпретация 1: Компенсаторное потребление как снижение диссонанса.

В рамках теории когнитивного диссонанса [Festinger 1957] парадокс интерпретируется как компенсаторный механизм: неуверенность в долгосрочности брака порождает потребность в «закреплении» эмоции через максимально интенсивный событийный опыт. Свадьба, девичник, мальчишник, медовый месяц концептуализируются как автономные события с самоценностью, как будто не зависящей от будущего брака.

Корпусное и сетевое подтверждение. Устойчивый нарративный паттерн *если не навсегда, то хотя бы этот день…* зафиксирован в 71% постов свадебных блогов (2024, 1200 единиц). Конструкт *идеальный день* функцио-

нирует как когнитивный якорь, стабилизирующий неуверенность в будущем. 78% невест (2025, 150 человек) используют конструкции с модальностью контроля (*я могу, я хочу, я думаю, я сделала, я решила*) в контексте описания свадьбы и конструкции с модальностью неуверенности (*не знаю, посмотрим, кто знает, зависит, если*) в контексте описания будущего брака.

Интерпретация 2: Цифровая репрезентация статуса.

Вторая интерпретация связывает парадокс с трансформацией статусных сигналов в цифровую эпоху. Материальное потребление (дорогая свадьба, премиум-девичник, эксклюзивный медовый месяц) перестает быть самодостаточным сигналом статуса – оно приобретает статусную ценность только при условии правильной цифровой репрезентации.

Корпусное и сетевое подтверждение. Рост частотности выражений *для фото*, *чтобы выложить*, *снять под охваты* в контекстах обсуждения свадебных деталей – с 1,2% в 2018 до 8,9% в 2025. Анализ профилей свадебных инфлюенсеров (2025 г.) показал: 42% профилей с высоким социальным капиталом (>100 тысяч подписчиков) не демонстрируют видимых материальных атрибутов роскоши, но 89% из них проводят дорогие свадьбы. Ключевое различие состоит в способе репрезентации: акцент смещается с демонстрации цены на демонстрацию эстетики, нарратива, экспертности.

Интерпретация 3: Гибридизация ритуальных практик.

Третья интерпретация фиксирует расширение самого узла «Подготовка к браку». В материале зафиксировано включение в данный узел практик, ранее формально или вовсе не ассоциировавшихся с подготовкой к браку: преивенты pre-event (девичники, мальчишники, помолвки, помолвочные вечеринки), постивенты post-event (медовый месяц, свадебное путешествие), метапрактики (предсвадебная терапия, способствующая развитию осознанного отношения к жизни, улучшению физической формы, уроки хореографии для подготовки свадебного танца и т.д.). Эти практики понимаются как инвестиции в брак и оцениваются как критически важные. По разным данным, эта статья предсвадебных расходов требует в среднем около 300 тысяч рублей.

Таким образом, субсубдомен ПОДГОТОВКА К БРАКУ, первоначально не включенный в анализ культурной модели РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ввиду периферийного статуса в официальных СМИ, представляет собой эмпирически насыщенный объект для когнитивно-дискурсивного исследования. Выявленный парадокс предбрачного поведения (институциональное ослабление брака при ритуальной интенсификации) допускает многоуровневую интерпретацию: компенсаторное потребление как снижение диссонанса, цифровая репрезентация статуса, гибридизация ритуальных практик, когнитивное заземление через ритуал. Данный парадокс отра-

жает более глубокую когнитивную трансформацию: в условиях высокой неопределённости будущего ритуальные практики выполняют функцию когнитивных якорей, стабилизирующих диссонанс между внутренней неуверенностью и социальными ожиданиями. При этом цифровая среда не отменяет демонстративного потребления, но радикально трансформирует его: статус конструируется не через *что сделано, как сделано*, а через *как репрезентировано, как показано.*

Перспективы исследования мы видим в 1) отслеживании обозначенных тенденций и эволюции паттернов; 2) сравнительном анализе данных в разных языковых культурах.

Литература

Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957.

I. V. Kosmarskaia *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE VECTOR OF MARRIAGE PREPARATIONS AS AN OPTIONAL NODE OF THE CULTURAL MODEL OF KINSHIP RELATIONS

In reconstructing the domain space of the cultural model KINSHIP RELATIONS, we identified the sub-subdomain MARRIAGE PREPARATION, but excluded it from the main analysis. The present paper offers a cognitive-discursive study of this sub-subdomain, which may be viewed as an optional node of the model, based on corpus and digital data (2023–2026). A systematic paradox of premarital behavior has been revealed: against the background of the weakening of marriage as an institution, there is an exponential increase in spending on wedding rituals and related practices (bachelorette parties, bachelor parties, meta-practices, honeymoons). This paradox, manifested in discursive practices, is interpreted through the concepts of compensatory consumption, digital status representation, and cognitive grounding.

Key words: cultural models, domain, optional node, marriage preparation, paradox of premarital behavior, conspicuous consumption, digital status representation.

Н. О. Магнес *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
n.magnes@spbu.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ФИТОКОНЦЕПТА *WARATAH* В АВСТРАЛИЙСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье осуществляется анализ содержания этнокультурного фитоконцепта WARATAH, занимающего важное место в картине мира австралийцев. Цветущее растение waratah (телопея) является официальной растительной эмблемой штата Новый Южный Уэльс и одним из наиболее известных ботанических символов Австралии. В работе выделены некоторые компоненты концепта WARATAH; демонстрируется взаимосвязь между содержанием исследуемого концепта и ценностными установками австралийской лингвокультуры.

Ключевые слова: фитоконцепт, концептология, австралиеведение, австралийская лингвокультура, языковая картина мира.

Представления о природном мире, включая объекты флоры, образуют значимый фрагмент картины мира человека. В настоящее время языковая актуализация этих представлений привлекает к себе пристальное внимание лингвистов в рамках нескольких научных направлений, в том числе этноботаники [Колосова 2009], фитонимики [Коновалова 2001], концептологии [Кропотухина 2014; Магнес, Евстрахина 2026] и лингвокультурологии [Красных 2016; Женевская 2013].

В предлагаемой статье осуществляется анализ содержания этнокультурного фитоконцепта WARATAH; данный концепт занимает важное место в картине мира австралийцев.

Народный фитоним *waratah* относится к группе австралийских цветущих кустарников высотой до 3–4 метров с темно-зелеными кожистыми листьями и крупными соцветиями, обычно интенсивного красного цвета. К этой группе принадлежат растения нескольких биологических видов из семейства Протейные, в том числе телопея усеченная (*Telopea truncata*), австралийская восковица (*Telopea aspera;* народное название *Gibraltar Range waratah*) и наиболее известная из данной группы телопея прекраснейшая (*Telopea speciosissima*). Ареал естественного распространения телопеи ограничен преимущественно юго-восточными регионами Австралии (штаты Новый Южный Уэльс, Виктория и Тасмания).

Телопея играет важную роль в аборигенных культурах Юго-Востока Австралии, где традиционно широко использовалась как в практических,

так и в магических целях. Трубчатые цветы, образующие соцветие телопеи, изобилуют сладким нектаром, который аборигены употребляют в пищу: смола растения использовалась для прикрепления наконечников к древкам копий. Зафиксированы случаи использования телопеи в погребальных обрядах аборигенов: цветок клали вместе с умершим в могилу [Clarke 2014]. В аборигенных верованиях цветы телопеи соотносились с астрономическими объектами (метеоры). В ранний период британской колонизации коренные жители Нового Южного Уэльса, по сообщениям, приносили телопею в дар кузнецам из числа европейских поселенцев, так как верили, что листья этого растения дают магическую защиту от огня [Ibid.].

Для современных англоязычных австралийцев образ телопеи насыщен позитивными оценочными смыслами, о чем свидетельствует как обилие положительно окрашенных единиц в лексическом окружении слова *waratah* (… *a species of the* ***popular*** *flowering shrub* [Cox 2024]; ***a symbol of our nation*** [Ibid.]), так и активное использование телопеи в региональной символике и ономастике. Так, вид *Telopea speciocissima* является официальной растительной эмблемой штата Новый Южный Уэльс; лексема *waratah* функционирует в составе названий австралийских населенных пунктов, морских судов и спортивных команд.

Имя концепта *waratah* этимологически восходит к аборигенному слову *warada*, означающему «видимая/-ый издалека» [Troy 1994]; латинский научный термин *telopea* образован от греческого слова τῆλολος с тем же значением и представляет собой кальку с номинации *waratah/warada*. Таким образом, существенным признаком фитоконцепта WARATAH можно считать способность выделяться среди визуального окружения, заметность. Интересно, что этот признак может получать актуализацию во флористической рекламе, например, при описании особенностей визуального «поведения» цветка в природе или в букете: *Spring means Waratahs, the* ***irrepressible*** *native flower that's* ***bold*** *and* ***impossible to ignore****!* [Waratah! 2014].

Значимым признаком растения следует считать красный цвет; ср. народные названия телопеи *red boys* («красные парни») и *blood flower* («кровавый цветок»). Мифологические верования нередко связывают появление у цветка красной окраски с пролитием крови; вспомним древнегреческий миф о розе, чьи лепестки покраснели после того, как на них пролилась кровью смертельно раненого Адониса [Орлова 2024]. Аналогичный мотив прослеживается в аборигенных легендах о телопее, в которых цветок предстает как символ жертвенной любви. Одно из преданий повествует о том, как змея – тотемное животное («духовная мать») девочки из аборигенного племени – отдала жизнь ради спасения ребенка; кровь змеи впиталась в землю, где росла белая телопея, и окрасила лепестки цветка в алый цвет [Two waratah legends, URL].

Содержание фитоконцепта WARATAH тесно связано с ценностными установками австралийской лингвокультуры. В начале XX в., в период обретения Австралией независимости, сопровождавшийся поисками национальной идентичности, телопея конкурировала с мимозой за статус ботанического символа Австралии. Показательно, что публикации в австралийской прессе, выдвигавшие аргументы в пользу телопеи, подчеркивали сходство с оружием и особую «мужественность» этого цветка, который, наряду с эстетической привлекательностью, наделялся такими символическими характеристиками, как сила, уверенность, здоровье, независимость и стойкость: "*Behold, then, the Waratah! It is not merely a beautiful flower. It is an expression of* ***self-confidence***, ***virility*** *and* ***conscious majesty***. *It stands on its slender stem, straightly and strongly;* ***defiant as a spear***, *as well armed to repel attack as qualified with charms to win appreciation and affection. Moreover, its* ***colouring is full of challenge and virility***. *A* ***blazing emblem of health and firmness of independence and endurance***, *the Waratah symbolises … our pride of race and place, and all the* ***strong and manly virtues*** *we believe that we possess and aspire to incorporate permanently as the most distinctive features of our natural character*" [Pratt 1917]. Таким образом, концепт WARATAH, включаясь в состав антропного кода, соотносится с человеческими качествами, которые имели для австралийского социума высокую ценность в рассматриваемый исторический период и сохранили свою престижность до настоящего времени.

Одним из самых известных примеров актуализации концепта WARATAH в австралийской художественной литературе является произведение Генри Лоусона „Waratah and Wattle" [Lawson 1905: 117–118]. Это патриотическое стихотворение, построенное по распространенной схеме: лирический герой-бунтарь, воспевает родную страну, служащую ему духовной опорой в тяжелые времена одиночества и душевного разлада. Для обозначения Австралии в стихотворении используется перифрастический топоним «земля телопеи и мимозы» ("*…the great land where the Waratah grows. // And the Wattle-bough blooms on the hill*"), в рамках которого оба растения выступают как эмблемы природного ландшафта страны. Австралийские цветы противопоставлены флористическим символам Ирландии (трилистник), Шотландии (чертополох) и Англии (роза) – трех англоязычных регионов, откуда прибывали в Австралию колонисты. При этом мимоза символизирует для автора доброту и великодушие, а телопея – горячую любовь Австралии к поселенцам, которые назвали эту страну своей новой родиной ("*The stranger should never have need to be told // That the Wattle-bloom means that her heart is of gold. // And the Waratah's red with her love'*'). В конце стихотворения герой выражает готовность вместе

с другими австралийцами сражаться за свою страну до тех пор, пока в ней цветут мимоза и телопея (“*'tis Australia that knows // That her children shall fight while the Waratah grows // And the Wattle blooms out on the hill”*). Цикл развития двух растений метафорически переосмыслен в терминах круговорота жизни; данная метафора позволяет символически раздвинуть временные рубежи клятвы на неопределенный временной промежуток, превращая обет героя перед Австралией в вечный и нерушимый.

Таким образом, в содержании австралийского фитоконцепта WARATAH можно выделить следующие когнитивные признаки: CONSPICUITY, RED, BEAUTY, LOVE, RESILIENCE, (SOUTHEAST) AUSTRALIAN. Символическое содержание концепта характеризуется значительным своеобразием, отражающим природные, исторические и социальные особенности развития австралийской лингвокультуры, и тесно связано с ценностной картиной мира австралийского социума.

Литература

Женевская Е. В. Иконизация флористических концептов в австралийской и новозеландской картинах мира // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 1(92). С. 105–110.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009.

Коновалова Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001.

Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016.

Кропотухина П. В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистического исследования // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С.35–39.

Магнес Н. О., Евстрахина И. В. Фитоконцепты WATTLE и МИМОЗА в картинах мира австралийского английского и русского языков // Сборник тезисов LIV Международной научной филологической конференции им. Л. А. Вербицкой. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2026. *(В печати.)*

Орлова Е. В. Образы орхиден, розы, одуванчика в разных культурах: смыслопорождающий потенциал символа // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре: Коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. Москва: ИКД «Зерцало-М»: МГПУ, 2024. С. 208–213.

Cox L. “A symbol of our nation” // The Guardian. 2024. URL: https://www.theguardian.com/australia-news/article/2024/sep/04/australian-threatened-wildlife-list-waratah-leaf-tailed-gecko-added.

Clarke Ph. The Aboriginal Australian Cosmic Landscape. Part 1: The Ethnobotany of the Skyworld // Journal of Astronomical History and Heritage. 2014. № 17(3). P. 307–325.

Lawson H. Waratah and Wattle // Lawson H. When I Was King and Other Verses. Sydrney, 1905. P. 117–118.

Pratt A. Waratah or Wattle? Melbourne: 1917. URL: https://www.reasoninrevolt.net.au/objects/pdf/a000126.pdf.

Troy J. "The Sydney Language". Macquarie Aboriginal Words. Sydney: Macquarie Library, 1994.

Two waratah legends. URL: https://sacred-texts.com/aus/peck/peck32.htm.

Waratah! // Swallow's Nest Farm. 2014. URL: https://swallowsnestfarm.blogspot.com/2014/10/waratah.html.

N. O. Magnes *(Saint Petersburg, Russia)*
Saint Petersburg State University

THE PHYTOCONCEPT *WARATAH* IN AUSTRALIAN ENGLISH: A COGNINTIVE ANALYSIS

This paper examines the meaning of the ethnocultural phytonymic concept WARATAH, which occupies a prominent place in the Australian worldview. The flowering plant waratah (telopea) serves as the official botanical emblem of the state of New South Wales and is one of the best-known symbols of Australia. The study identifies the core components of the concept WARATAH; and demonstrates their links with the value system of Australian culture.

Key words: phytoconcept, concept studies, Australian studies, Australian linguistic culture, linguistic worldview.

И. О. Онал *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
Новосибирский государственный технический университет
inna762006@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ *СВОЙ – ЧУЖОЙ* В ОНЛАЙН-ОТЗЫВАХ ТУРЕЦКИХ ТУРИСТОВ О КОРДОВСКОЙ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ

Статья посвящена исследованию особенностей реализации бинарной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ в интернет-отзывах туркоязычных туристов о Кордовской соборной мечети Мескита (Испания). Установлено, что двойственная природа объекта актуализирует культурную, историческую и религиозную маркированность «своего» и «чужого». Выделяются ключевые аспекты реализации данной оппозиции:

архитектурное «насилие», ритуальная дискриминация мусульман и экономическая «узурпация».

Ключевые слова: СВОЙ – ЧУЖОЙ, интернет-отзыв, отзыв туриста, туристический дискурс, турецкая лингвокультура.

Бинарная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ является фундаментальной культурно-психологической универсалией и носит универсальный и вневременной характер. С ее помощью человек выстраивает собственную систему ценностей и оценок, упорядочивает картину мира и описывает характеристики окружающих объектов. Согласно Ю. С. Степанову, «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004: 126]. В современном обществе идентифицирующая функция оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ остается востребованной; при этом особую значимость данная оппозиция приобретает в условиях локальных и гражданских войн, политических конфликтов, напряженных этно-социальных взаимодействий, межрелигиозных столкновений [Фельде 2015]. Оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ неизменно привлекает внимание исследователей, которые изучают ее этимологию, функции, способы выражения в языке и речи, актуализацию в различных типах дискурса, а также ценностную структуру и оценочные смыслы.

Туристический дискурс представляет собой многокомпонентную и мультимодальную меж- и транскультурную коммуникацию, в рамках которой взаимодействие в модусе СВОЙ – ЧУЖОЙ происходит в виде «обмена культурными ценностями, трансформации ценностей и в то же время сохранения культурного своеобразия» [Новикова 2018: 360]. В контексте анализа онлайн-отзывов туристов о культурно-исторических объектах оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ проявляется через призму восприятия объекта культурного наследия как «своего» или «чужого» пространства.

Материалом исследования выступают тексты туристических отзывов (100) на турецком языке, размещенные на сайте *Tripadvisor.com* о Меските (Мечеть-собор в Кордове), входящей в Список всемирного наследия ЮНЕСКО – уникальный объект, где исламская и христианская культуры находятся в диалоге на протяжении веков. Цель исследования заключается в выявлении особенностей реализации дихотомии СВОЙ – ЧУЖОЙ в публичном туристическом онлайн-дискурсе об указанном объекте.

На основе проведенного анализа отзывов турецких туристов о Меските выделяются три ключевых аспекта актуализации бинарной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ: пространство, ритуальные практики и финансы/власть.

При этом разделение на «своих» и «чужих» осуществляется преимущественно по религиозному и реже – по национальному признакам, что вербализуется посредством лексем-конфессионимов: *Müslüman, İslam, Hristiyan* и др.

1. Архитектурно-символическое «насилие»

Наиболее частотной стратегией репрезентации действий «чужих» в рамках данного аспекта является метафоризация перестройки мечети в собор как акта вандализма. В отзывах используются такие рекуррентные выражения, как: *mimari cinayet* (архитектурное убийство), *vahşet* (варварство), *ihanet* (предательство). Собор, встроенный в центр мечети, описывается авторами отзывов как *gecekondu* (хибара/самострой), *çirkin katedral* (уродливый собор) и т.п. Подчеркивается, что «чужие» намеренно разрушили первоначальный вид и архитектуру объекта:

(1) *Kurtuba ulu camii kilise mescidi diye garip bir adı var keşke cami olarak kalsaymış dedirten acınası cinsten bir yapı (*У Великой мечети Кордовы странное название: «Церковная мечеть», **жалкое сооружение**, которое заставляет пожалеть, что оно не осталось мечетью).

(2) *...daha sonra İspanyollar cordoba'yı ele geçirdiklerinde zamanın kralı bu caminin içine katedral yaptırıyor* ***ve eserin tüm simetrisi bozuluyor*** (…позже, когда испанцы захватили Кордову, король приказал построить собор внутри этой мечети, **и вся симметрия сооружения была нарушена**);

Элементы барокко и готики описываются турецкими пользователями как грубые и некачественные, в то время как для описания исламских элементов (михраб, двойные арки, колоннада) осуществляются с помощью положительно коннотированной лексики: *muazzam* (грандиозный), *muhteşem* (великолепный), *eşsiz* (уникальный) и т.п.

Важным маркером «своего» является намеренное использование доиспанского топонима *Kurtuba*, который встречается в 80% отзывов. Называя мечеть не испанским *Mezquita*, а арабо-османским *Kurtuba*, авторы отзывов присваивают объект историческому «мы», исключая современного испанского «чужого» из линии культурной преемственности.

2. Ритуальное «притеснение» мусульман

Наиболее остро оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ проявляется в аспекте ритуальной дискриминации: мусульмане осуждают запрет исламской практики в пространстве, которое исторически было мечетью.

(3) *Namaz bile edilemiyor. Dua bile edilemiyor* (Даже намаз совершать нельзя. Даже молиться нельзя).

Акцентируется, что «чужие» (христиане-католики) могут проводить мессы, в то время как «своим» (мусульманам) запрещена даже тихая молитва.

(4) *Hristiyanlar içeride ibadet edebiliyorlar ama mescid adını verdikleri bu yapının içinde müslümanlar için ibadet edebilecek hiç bir yer yok* (Христиане могут совершать богослужения внутри, но мусульманам в этом здании, которое они называют мечетью, места для богослужений нет).

Такой «двойной стандарт» воспринимается турецкими туристами как дискриминация и вызывает эмоции возмущения (5, 6) и печали (7):

(5) *Hani hoşgörü, hani saygı!* (Где же терпимость, где же уважение?);

(6) *…müslümanlara eziyet vermek için yapmış bu katedrali* (этот собор был построен, чтобы мучить мусульман);

(7) *Bir köşeye çekilip hüngür hüngür ağlamak istedim* (Мне хотелось уйти в уголок и выплакаться).

3. Экономическая «узурпация»

Данный аспект объединяет жалобы на финансовую дискриминацию и юридическую незаконность владения объектом с точки зрения туристов.

Авторы отзывов возмущены тем, что они вынуждены платить за вход в мечеть, построенную их собственными предками:

(8) *Camii **bizim** ama parayı alan **Onlar*** (Мечеть **наша**, но деньги берут **Они**);

(9) ***Arap** pişirmiş **İspanyol** yemiş* (Приготовил **араб**, а ест **испанец**).

«Чужие» здесь – уже не кастильские завоеватели, но современное испанское государство и католическая церковь, монетизирующие «наше» наследие.

Турецкие туристы постоянно сравнивают обращение мусульман с другим объектом Всемирного культурного наследия – мечетью Айя-София в Стамбуле – с отношением к Меските ее действующих владельцев как аргумент в свою пользу:

(10) *Bizim atalarımız Ayasofya camisindeki hiçbir eseri yıkmamıştır* (Наши предки не разрушали никаких артефактов в мечети Святой Софии)

В отличие от Айя-Софии, где, как считают турки, они сохранили христианские мозаики, испанцы, по их мнению, не имеют морального права на этот объект. Данная стратегия направлена на формирование образа «своих» как толерантных завоевателей, сохраняющих чужую культуру, в противовес «чужим», уничтожающим культурное наследие другого народа. Это превращает дихотомию СВОЙ – ЧУЖОЙ из оппозиции в моральную иерархию, где «свой» занимает более высокую, этически оправданную позицию.

Несмотря на доминирование в отзывах турецких туристов о Меските нарратива об утраченном наследии, в ряде текстов предпринимаются попытки концептуализировать Мескиту как пространство межрелигиозного диалога и места синтеза двух культур:

(11) *…içinde hem islami hemde katolik esintiler var* (В нем прослеживаются как исламское, так и католическое влияние);

(12) *Ayosfya da müslümanlar burada hristiyanlar. Keşke aramızda büyük sevgi ve büyük hoşgörü ve eşitlik olsa hepsi iç içe olabilse tıpkı tarihlerimizin iç içe geçtiği gibi* (Мусульмане в соборе Святой Софии, христиане здесь. Я бы хотел, чтобы между нами царили великая любовь, великая терпимость и равенство, чтобы все они могли сосуществовать, так же как переплетаются наши истории…).

Между тем, даже в «примиряющих» отзывах сохраняется имплицитный мотив утраченной аутентичности (*keşke cami olarak kalsaydı* (жаль, что она так и не осталась мечетью)). Категория СВОЙ в данных текстах переходит из плоскости обладания в плоскость утраченной возможности – объект остается «своим» по происхождению и культурному коду, но «чужим» по текущему режиму использования и доступа.

Таким образом, бинарная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ в туристическом дискурсе об объекте культурного наследия с двойной религиозной принадлежностью реализуется как динамическая, эмоционально насыщенная структура, включающая в себя элементы исторической памяти и религиозной идентичности. В отзывах турецких туристов категория СВОЙ маркируется через топоним *Kurtuba*, гордость за исламскую эстетику, а также отсылки к более «гуманному» османскому прошлому (на примере мечети Айя-София), в то время как категория ЧУЖОЙ актуализируется посредством метафор архитектурного «насилия», обвинений в религиозном притеснении и коммерциализации святыни. В отличие от других туристов, которым свойственно эстетизированное либо нейтральное восприятие данного объекта, турецкие путешественники позиционируют себя не как внешние наблюдатели, а как культурные и религиозные наследники. Такая позиция обусловливает особую тональность отзывов, сочетающую восхищение архитектурным шедевром с разочарованием и возмущением от осознания его трансформации.

Литература

Новикова Э. Ю. Кросскультурное измерение аксиологии международного туристического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 13 (807). С. 360–375.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

Фельде В. Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: дис. … канд. филос. наук. Омск, 2015.

I. O. Onal *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation
Novosibirsk State Technical University

THE BINARY OPPOSITION *OWN – ALIEN* IN TURKISH TOURISTS' ONLINE REVIEWS ABOUT THE MOSQUE–CATHEDRAL OF CÓRDOBA

The article investigates the specific features of the representation of the OWN – ALIEN opposition in online reviews written by Turkish-speaking tourists about the Mosque-Cathedral of Córdoba (Spain). It is shown that the dual nature of the site actualizes the cultural, historical, and religious marking of "own" and "alien". The key aspects of the manifestation of this opposition are identified: architectural and symbolic "violence", ritual "oppression" of Muslims, and economic "usurpation".

Key words: OWN – ALIEN, online review, tourist review, tourist discourse, Turkish linguoculture.

А. А. Ржешевская *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
arlen_nastya@rambler.ru

ЛЮБИМАЯ И НЕЛЮБИМАЯ ЕДА В РОССИИ: АНАЛИЗ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ[1]

Исследование изучает лексические характеристики субдоменов Любимая еда и Нелюбимая еда в рамках более крупного домена Еда в устном дискурсе носителей русского языка двух возрастных категорий: 20–30 лет и 50–60 лет. Анализ полученных корпусных данных устанавливает различия в количестве ЭДЕ с преобладанием в группе 1, а также специфическом наборе лексических единиц, репрезентирующих представленные субдомены в обеих группах.

Ключевые слова: устный дискурс, еда, любимая еда, нелюбимая еда, корпусные данные.

Когнитивная лингвистика, изучающая различные способы репрезентации знаний в языке и реализации лексических единиц в определенных

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания проект FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик» в Московском государственном лингвистическом университете.

контекстах, выделяет такие согласованные между собой функции языка как когнитивно-репрезентативная и дискурсивная. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы формируется концептуально-семантический метод анализа языковых явлений, устанавливающий взаимосвязь между когнитивной структурой и дискурсивным событием благодаря двухуровневому анализу. Внешний уровень сопряжен с разбором семантических составляющих языковой единицы, внутренний уровень призван выявить глубинные концептуальные основы употребления языковой единицы [Кубрякова 2004; Беляевская 2014]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концептуальный анализ направлен на «поиск тех общих концептов, которые подведены под один признак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 2004: 372]. Данный метод находит дальнейшее развитие в разработке метода когнитивно-функционального моделирования наименования [Киосе 2013], интегрированного метода анализа семантики слова на пересечении когнитивной и корпусной лингвистики [Заботкина 2019].

Настоящее исследование ставит целью выявление основных лексико-семантических характеристик домена Еда в речи носителей русского языка с использованием методов лексико-семантического анализа и корпусной лингвистики для определения частотности употребления языковых единиц названного домена. Материалом исследования служат записанные интервью с носителями русского языка двух возрастных категорий: 20–30 лет и 50–60 лет. Каждая группа включает 20 участников. Стимульным материалом выступают несколько вопросов, которые относятся к домену Еда: «Какая у Вас (не)любимая еда/ (не)любимое блюдо?», «Что Вы готовите на праздники/ в будни?», «Что Вы считаете здоровой едой?», «Заказываете/ покупаете ли Вы готовую еду?». Домен Еда включает в себя такие субдомены как Любимая еда, Нелюбимая еда, Праздничная еда, Здоровая еда, Готовая еда. Общее время звучащей речи в обеих группах составляет 12 ч 53 мин, в группе 1 (20–30 лет) – 6 ч 30 мин, в группе 2 (50–60 лет) – 6 ч 23 мин. Настоящая работа изучает основные характеристики домена Еда в речи интервью двух групп респондентов на примере субдоменов Любимая еда и Нелюбимая еда. Объем субдоменов Любимая еда и Нелюбимая еда в группе 1 составляет 694 ЭДЕ, в группе 2 объем равняется 439 ЭДЕ.

Анализ речи участников группы 1 в субдомене Любимая еда демонстрирует преобладание таких репрезентирующих единиц как *суп*, *мороженое*, *сладкое*, *мясо*, *салат «Цезарь»*, *торт*, *всё шоколадное*, *макароны*, *окрошка*, *конфеты*, *пироги*, *десерты*, *шоколад*, *вареники* и др. (см. Рис. 3). Анализ речи участников группы 2 показывает, что в субдомене Любимая еда наиболее

частотными являются такие лексические единицы как *рыба*, *овощи*, *мясо*, *пельмени*, *торт*, *шоколад*, *картошка*, *курица*, *морепродукты*, *сладкое*, *гречка* и др. (см. Рис. 4). Обращают на себя внимание те сходства, которые обнаруживаются в списке любимых блюд в обеих группах участников. Например, участники группы 1 и 2 к любимым относят такие блюда или продукты питания как *макароны, мясо*, *картошка*, *сладкое*, *торт*. Однако следует отметить различную степень проявленности данных репрезентантов, представляющих субдомен Любимая еда в двух группах. Так, *торт* как любимое блюдо в группе 1 составляет 9% ответов, в то время как в группе 2–4%, *мороженое* в группе 1 насчитывает 10%, в группе 2–7%, единица *мясо* в группе 1 прослеживается в 6% ответов, в группе 2 – в 10% ответов, блюдо *пироги* в группе 1 насчитывают 10%, в группе 2–7%. Различия обнаруживаются в присутствии в интервью респондентов группы 1 таких любимых блюд как, например, *окрошка*, *салат, шоколад*. В то время как в речи участников группы 2 отмечаются такие любимые блюда и продукты как *пельмени, борщ, сало, арбуз.*

Рис. 1. Участники группы 1

Рис. 2. Участники группы 2

Субдомен Нелюбимая еда в группе 1 представлен такими частотными единицами как *рыба, рассольник, курица с ананасом, морепродукты, холодец, икра, баклажаны, субпродукты, омлет, баклажаны, кисель, шпроты, морская капуста, тушеные овощи, печеночные оладушки* и др. (см. Рис. 5). Нелюбимая еда в группе 2 вмещает в себя такие блюда или продукты как *каши, овсяная каша, гречневая каша, гречневая каша на молоке, молочные продукты, пицца, молочный суп с макаронами, брокколи, острое, горькое* и др. (см. Рис. 6). Сходства в предпочтениях респондентов обеих групп можно обнаружить в упоминании в ответах участников группы 1 более общей категории *субпродукты* и более подробном указании одной из единиц названной категории – *печень* – в интервью респондентов группы 2. С разной степенью выраженности представлена лексико-семантическая единица *вареный лук*: 3% в группе 1 и 6% в группе 2, а также *овсянка* или *овсяная каша*: 3% в группе 1

и 5% в группе 2. Различия в данном субдомене в перечислении нелюбимой еды участниками обеих групп представляются наиболее очевидными по количеству и составу названных блюд и продуктов. Так, в перечень нелюбимых блюд респондентов группы 1 входит 21 единица, в то время как респонденты группы 2 упомянули 14 единиц. Примечательно, что такое блюдо как *макароны* относится как к списку любимых, так и списку нелюбимых блюд в интервью участников группы 2. Макароны как любимое блюдо отмечается в 9% ответов респондентов, как нелюбимое блюдо – в 6% ответов. Присутствие в речи участников таких видов еды как *хлеб, картошка* согласуется с положениями о значимости хлеба как основного продукта питания в России и утверждением «Картошка – наш второй хлеб», изложенными в труде [Степанов 2004: 311].

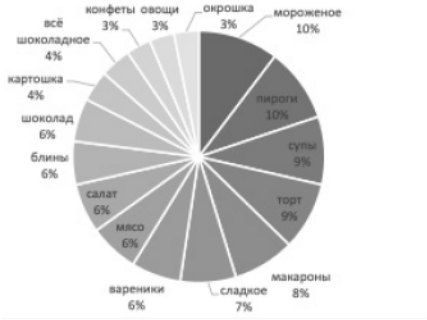

Рис. 3. Любимая еда в группе 1

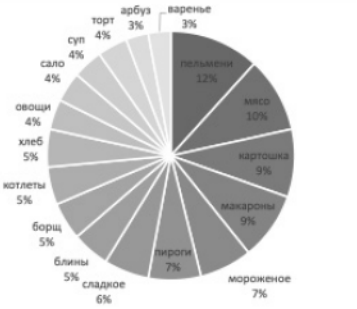

Рис. 4. Любимая еда в группе 2

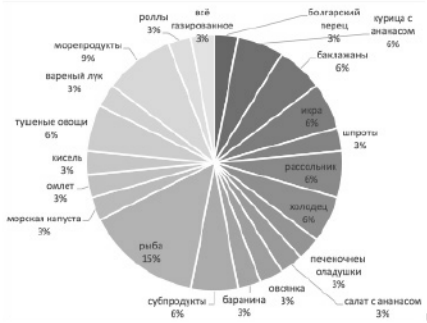

Рис. 5. Нелюбимая еда в группе 1

Рис. 6. Нелюбимая еда в группе 2

Проведенный анализ позволяет определить особенности изучаемых субдоменов в реализации тех типичных лексико-семантических единиц,

которые репрезентируют субдомены Любимая еда и Нелюбимая еда в устном дискурсе двух групп респондентов, обнаружить как отличия, так и сходства в выборе любимых блюд или упоминании нелюбимых блюд участниками двух возрастных категорий одной лингвокультуры. Полученные данные могут послужить основой для дальнейшего исследования, сопоставления и классификации языковых единиц, их вариативности в соответствии с культурно обусловленными доменами как в русском, так и других языках, например, с применением метода когнитивно-матричного анализа, предложенного в [Болдырев, Алпатов 2008], дополнением понятия концептосферы культуры, разработанного в [Зыкова 2015].

Литература

Беляевская Е. Г. Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Выпуск 20 (706). Языкознание. С. 9–21.

Болдырев Н. Н., Алпатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (017). С. 5–14.

Заботкина В. И. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход.М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Зыкова И. В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии// Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (043). С. 13–24.

Киосе М. И. Когнитивно-функциональные особенности перефокусирования в непрямой номинации: аспекты семантики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (036). С. 25–33.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Академический Проект, 2004.

A. A. Rzheshevskaya *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

FAVOURITE AND NOT FAVOURITE FOOD IN RUSSIA: CORPUS BASED ANALYSIS

The research focuses on the characteristics of Food domain in particular subdomains Favourite food and not favourite food in the oral discourse of two age group respondents – native Russian speakers: 20–30 years old and 50–60 years old. The analysis states the

differences in EDU numbers in each group with certain predominance in Group 1 and the specific lexical means representing the studied subdomain in both groups.

Key words: oral discourse, food, favourite food, not favourite food, corpus data.

В. Л. Соколова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
sokolova_mglu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *INTERPERSONAL RELATIONSHIPS* В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ ТРАГЕДИИ В TUMBLER RIDGE)

Целью статьи является выявление, насколько такие современные тенденции в англоязычном социуме как переоценка традиционных ценностей, могут влиять на дискурсивную репрезентацию концепта INTERPERSONAL RELATIONSHIPS в англоязычном дискурсе СМИ. Для этого производится разработанный автором параметрический анализ двух терминалов фрейма (подфреймов) концепта INTERPERSONAL RELATIONSHIPS, представляющих реализацию как традиционных, так и новых межличностных отношений и делаются выводы о роли данных подфреймов в организации дискурса материала исследования и его прагматическом воздействии на читателя.

Ключевые слова: англоязычный дискурс СМИ, англоязычный медиадискурс, концептуализация межличностных отношений, переоценка ценностей, концепт INTERPERSONAL RELATIONSHIPS

В наши дни, в период таких динамичных изменений во взаимодействии между людьми, как цифровизация коммуникативного пространства и переоценка многих традиционных ценностей (в данном случае мы говорим об англоязычном социуме), не могла не претерпеть изменений концептуальная репрезентация межличностных отношений как в английском языке как системе, так и в англоязычном дискурсе как явлении коммуникации. Тем не менее на данный момент обширных исследований, посвященных специфике концептуальной репрезентации межличностных отношений, не проводилось, и исследования, посвященные межличностным отношениям, осуществлялись преимущественно в рамках сравнительного языкознания. В частности, рассматривалась концептуализация межличностных отношений в русском и английском языковом сознании [Тарасова 2009], а также

концепты ДРУЖБА, ДРУГ, ВРАЖДА, ВРАГ в русской и английской лингвокультурах [Лукашкова 2003; Лунцова 2008; Хизова 2005].

Настоящее исследование имеет целью выявить, как концепт INTERPERSONAL RELATIONSHIPS, репрезентирующий межличностные отношения в английском языке, реализуется в англоязычном дискурсе и насколько его дискурсивные проявления демонстрируют те его специфические характеристики, которые могли возникнуть под влиянием современных реалий цифровизации общества и/ или переоценки традиционных ценностей.

Для достижения поставленной цели в качестве материала исследования представляется целесообразным рассматривать дискурс англоязычных средств массовой информации, поскольку в настоящее время он является одним из самых динамично развивающихся видов дискурса и соответственно отражает современные языковые тенденции; для оказания эффективного воздействия на широкую читательскую аудиторию данный вид дискурса обращается к концептуальной системе тех ценностей, которые актуальны и важны для большинства читателей.

Для получения наиболее наглядных результатов в качестве материала исследования представляется также уместным выбор публикаций, посвященных одному и тому же событию, при освещении которых затрагивались как традиционные, так и относительно недавно сформировавшиеся ценности, связанные с межличностными отношениями.

Таким событием, на наш взгляд, может служить трагедия в канадском городке Тамблер-Ридж (Tumbler Ridge), произошедшая 10 февраля 2026 года. По сообщению новостных источников, в тот день 18-летняя девушка-трансгендер Jessie Van Rootselaar расстреляла своих родственников (39-летнюю мать и 11-летнего сводного брата), после чего продолжила стрельбу уже в средней школе, где ее жертвами стали учительница и пять школьников, и покончила жизнь самоубийством. При освещении данного события англоязычные источники СМИ обращались как к традиционным межличностным отношениям (в частности, писали об эмоциональных переживаниях семей, потерявших в этой трагедии близких и о ценности человеческой жизни), так и к относительно недавно возникшей ценности свободы выбора своей гендерной принадлежности.

В качестве материала исследования были выбраны аналитические публикации, освещающие трагедию в Тамблер-Ридж в таких британских и американских online-изданиях, как *The Guardian, The Independent, The New York Times, The Washington Post, CNN, CBS*.

В своей работе мы рассматриваем фрейм концепта INTERPERSONAL RELATIONSHIPS, осуществляющий свою дискурсивную реализацию через

терминальные узлы. Для данного исследования релевантным представляется терминал (подфрейм) VALUE OF A HUMAN LIFE, соответствующий традиционной системе межличностных отношений, и терминал (подфрейм) FREEDOM OF GENDER IDENTITY, соответствующий относительно недавно возникшим в англоязычном социуме ценностям свободы выбора гендерной принадлежности.

Для определения роли изучаемых подфреймов в формировании дискурса рассматриваемых статей каждый из выявленных подфреймов анализировался по четырем, введенным нами в ходе предварительных исследований, параметрам: (1) его наличие в статье; (2) его наличие в дискурсивно-значимых позициях намеренного установления авторами дискурсивных антиципаций аудитории – в заголовках, когда устанавливаются ожидания аудитории по поводу подробностей представляемого события, и в случаях, когда автор предположительно для удержания внимания аудитории «частями» указывает читателю на информацию, релевантную для понимания события; (3) степень его развернутости (какой процент от всего текста занимает его реализация); (4) его соотнесенность с фреймом APPEAL TO EMOTIONS. Последний параметр описания значимости фрейма был добавлен, поскольку дополнительное обращение к эмотивным фреймам может усиливать воздействия фрейма на аудиторию, а, если он используется в манипулятивных целях – подавлять критическое мышление аудитории. Соответственно, соотнесенность какого-либо подфрейма с фреймом APPEAL TO EMOTIONS значительно повышает его прагматическое воздействие на аудиторию и его значимость для дискурса, в котором он реализуется.

Подфрейм VALUE OF A HUMAN LIFE:

1.Реализуется во всех рассмотренных статьях.

Преимущественно это происходит через такие оценочные средства, как ***massacre*** в *„Canadian police identify suspect in school* ***massacre*** *that left nine dead"* (The Guardian, 12 February 2026), ***horror*** в *„No words that capture the* ***horror****": small Canada town shattered by mass school shooting* (The Guardian, 11 February 2026), или отсылки к невербальным проявлениям эмоций („*The* ***tears just keep flowing***", (The Guardian, 13 February 2026)).

2. Проявляется в 78% заголовков (см. примеры в п. 1) и в 100% статей для поддержания внимания аудитории в течение всей статьи. Наиболее явные случаи использования подфрейма VALUE OF A HUMAN LIFE для поддержания внимания аудитории наблюдаются в статьях, последовательно рассказывающих истории жертв трагедии.

3. Показывает степень развернутости от 4% до 51% материала одной статьи. Степень развернутости подфрейма VALUE OF A HUMAN LIFE

в рассмотренном материале подсчитывалась исходя из количества печатных знаков, которое занимает языковая реализация данного фрейма в каждой из статей. При этом средняя степень развернутости данного подфрейма по всему материалу составляет 14%.

4. В 100% материала исследования реализуется параллельно с фреймом APPEAL TO EMOTIONS, находящем языковое выражение в эмотивной лексике (*Everything **feels** so **surreal**…We are **completely devastated*** (The Independent, 13 February 2026)), метафорических образах (*…She was the **light** in our family… She just wanted to **bring sunshine** to everything and everyone she ever touched* (The Guardian, 13 February 2026) и других языковых и дискурсивных средствах обращения к эмоциям аудитории.

Что касается подфрейма FREEDOM OF GENDER IDENTITY, то он:

1. Реализуется в 50% рассмотренных статей либо через прямое указание на то, что было установлено, что обвиняемый был трансгендером (*Investigators have identified the suspect as Jesse Van Rootselaar. Police said Van Rootselaar is a **transgender** woman* (The Guardian, 15 February 2026)), либо через косвенные указания на то, что подозреваемый по рождению был мужского пола, но постепенно начал отождествлять себя с женским полом (*Jesse was born as a biological male… approximately six years ago […] **began identifying as female both socially and publicly*** (CBS, 13 February 2026)). При этом примечательно, что косвенные упоминания о смене обвиняемым пола отмечены только в американских источниках СМИ.

2. В исследованном материале не реализуется в заголовках, но в одной из статей (The New York Times, 12 February 2026) предположительно используется для удержания внимания аудитории, поскольку первоначально реализуется после информации об асоциальном поведении подозреваемого, что может установить ожидания аудитории на связь между сменой подозреваемым пола и его психическим расстройством, приведшем его к преступлению. Тем не менее, в течение достаточно протяженного отрезка текста в 4739 п.з. данная информация не раскрывается в полной мере, и только в самом конце статьи читателю сообщается, что вопрос гендерной самоидентификации подозреваемого в данном деле вызвал много противоречий и что, по статистике, только один из 1000 преступников является трансгендером.

3. Показывает степень развернутости от 1,6% до 17,6% материала одной статьи. При этом средняя степень развернутости подфрейма FREEDOM OF GENDER IDENTITY по всему материалу составляет 4,3%.

4. Ни разу не был реализован параллельно с фреймом APPEAL TO EMOTIONS.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что в рассмотренном материале подфрейм VALUE OF A HUMAN LIFE фрейма концепта INTERPERSONAL RELATIONSHIPS, отражающий традиционные ценности в межличностных отношениях, играет ведущую роль как в организации дискурса, так и в воздействии на читателя через параллельную реализацию фрейма APPEAL TO EMOTIONS. В то же время подфрейм FREEDOM OF GENDER IDENTITY, представляющий изменения в системе ценностей, хотя и может влиять на организацию дискурса, как правило, не вовлечен в процессы эмоционального воздействия на читателей.

Литература

Лукашкова О. Ю. Концепт «враг» в современных российских и американских СМИ //Язык и национальное сознание. Вып.4. Воронеж: Истоки, 2003. С. 156–161.

Лунцова О. М. Градиент-концепт «дружба-мир-вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008.

Тарасова А. В. Концептуализация межличностных отношений в русском и английском языковом сознании: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

V. L. Sokolova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

SPECIFICS OF IMPLEMENTING THE CONCEPT OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN ENGLISH MASS MEDIA DISCOURSE (AS PRESENTED IN THE COVERAGE OF THE TUMBLER RIDGE TRAGEDY)

The present article aims at identifying to which extent the modern tendencies which have gained prominence in the English-speaking world (for example, the reassessment of traditional values) may impact the discursive representation of the INTERPERSONAL RELATIONSHIPS concept in English mass media discourse. For this purpose the author develops and conducts a parameter analysis of the two terminals of the frame of the INTERPERSONAL RELATIONSHIPS concept. These terminals represent the traditional and the new types of interpersonal relationships in the English culture. The research enables the author to draw conclusions about the role of these two frames in organizing English discourse and their pragmatic influence on the reader.

Key words: English mass media discourse, English mediadiscourse, conceptualization of interpersonal relationships, value reassessment, the INTERPERSONAL RELATIONSHIPS concept.

Н. Д. Сувандии *(Кызыл, Россия)*
Тувинский государственный университет
suvandiin@mail.ru

РОЛЬ БУДДИЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ВЕРА*[1]

Статья посвящена описанию роли буддийских личных имен при репрезентации концепта *бүзүрел* ‘вера’ в тувинском языке. Материалом для анализа послужили буддийские личные имена, собранные автором во время лингвистических экспедиций в различные районы Республики Тыва. В работе рассматриваются буддийские личные имена, связанные с вероисповеданием тувинского народа, которые играют немаловажную роль при репрезентации концепта *бүзүрел* ‘вера’ как одного из ключевых в тувинской лингвокультуре.

Ключевые слова: тувинский язык, тувинцы, антропоним, религиозная лексика, буддийская лексика, личные имена, имянаречение.

История, культура и религия каждого народа отражаются в их языке. Вера в Бога является ценностной константой любого народа, «формирует духовный опыт нации» [Гишкаева и др. 2021: 138]. Концепт ВЕРА относится к ценностным и находит отражение в разных языках вне зависимости от религиозного учения. Как показывают новейшие исследования, ценностное наполнение концепта «вера» является «основой духовного кода языка» [Иванов и др. 2022: 7–83]. Вербализация концепта ВЕРА имеет типологически сходные характеристики, поэтому их изучение в рамках одного языка создает предпосылки для объективности последующего межъязыкового сопоставления, которое для каждого языка должно быть «релевантным по объему, структуре, предметному характеру и глубине» [Иванов 2023: 247]. Кроме того, можно говорить о выражении языками религиозных особенностей и, соответственно, религиозно маркированных языках [Ломакина и др. 2023].

Одним из этапов определения наполнения ценностного концепта «вера» является «рассмотрение теономинаций, существующих в лингвокультуре»

[1] Работа выполнена в рамках гранта № 33 Фонда буддийского образования (Собственные имена в буддизме: от теонимов к антропонимам)

[Гишкаева и др. 2021: 139], которые составляют одну из групп религиозной лексики. Е. С. Кубрякова в монографическом труде «Язык и знание», рассматривая проблему номинации, говорит о появлении слов, детерминированном «концептуальным осмыслением действительности и потребностью <…> объективировать это осмысление» [Кубрякова 2004: 58]. Наиболее репрезентативным лексическим средством при анализе концепта *бүзүрел* ‘вера’ в тувинском языке является буддийская лексика.

Отношение к буддийской религии, которая с 90-х гг. XX в. возродилось на территории Тувы, меняется с каждым годом. Это отражается на процессе имянаречения: с 90-х гг. XX в. тувинцы стали давать детям личные имена, связанные с буддизмом.

Первые исследования личных имен, включая буддийские, в тувинском языке появились в начале XX в. [Катанов 1903: 280–282]. Затем антропонимы стали предметом исследования первых исследователей тувинского языка [Чадамба 1969: 405–421; Вайнштейн 1969: 125–132]. В качестве отдельного объекта исследования буддийские личные имена рассматривались в работах священнослужителя Р. Д. Лудупа, который, будучи студентом, занимался изучением тувинского ономастикона [Лудуп 1996: 88–90; 1997: 89–91]. Нами также рассмотрены некоторые стороны буддийский личных имен [Сувандии 2012: 111–116; 2025: 234–247].

Цель данной статьи – показать роль буддийских личных имен при репрезентации концепта *бүзүрел* ‘вера’ в тувинском именнике. Источником исследования послужили личные имена, собранные автором с 1995–2025 гг. во время лингвистических экспедиций по Туве и Монголии.

В «Толковом словаре тувинского языка» можно увидеть следующие значения слова *бүзүрел* ‘вера’ «1. Бүзүрээри, ынаныш, идегел ‘вера, доверие, надежда’. 2. Бүзүрээри, шынзыгары, шын деп бодаары ‘вера, уверенность в чем-либо’» [ТСТувЯ 2003: 329]. В XX столетии в имянаречении тувинцев произошли соответствующие изменения, на которые отмечает внимание М. Монгуш: с распространением буддизма широкую популярность получили имена, имеющие санскритско- тибетское и тибетско-монгольское происхождение и на тувинской почве претерпевшие значительные фонетические изменения [Монгуш 2001:159].

Концепт *бүзүрел* ‘вера’ непосредственно связан в первую очередь с наименованиями буддийских божеств*: Аюуш (муж., жен.) ~ Аюуша (жен.)* – имя буддийского бога, символизирующего долголетие; *Долгар (муж., жен.), Долгармаа (жен.)* – ‘имя богини Белой Дарийги’; *Найдан (муж.)* – ‘особо почитаемый лама; вселенная, мир’. При этом нужно отметить, что тувинцы считали, что буддийские боги оберегают их семьи, детей, выполняя важную

охранительную функцию. Таким образом, имена, связанные с наименованиями божеств, символизируют связь народа с духовным миром, отражая в них свою веру.

Лексема *бүзүрел* ‘вера’ неразрывно связано в буддизме с названиями буддийских текстов, которых читают во время молебнов: *Санчай, Санчайжап (муж.)* – название текста из сутры, *Манзырыкчы (муж.)* – ‘священная книга о пяти защитниках’; *Сундуй (муж.)* – сборник священных текстов. Многие родители посещают буддийские молебны в храмах, читают сутры и нарекают своих детей именами, связанными с буддийскими текстами, показывая свою приверженность учению буддизма. Антропонимы данной группы в большей степени являются только мужскими, что и подтверждает собранный материал. В подобных именах представители буддийской веры, возможно, также выражали свое стремление к духовному познанию.

Распространенными именами, относящимися к буддийской вере, являются антропонимы, связанные с атрибутикой священнослужителей: *Базыр (муж.)* – основной буддийский инструмент, который используют во время чтения трактатов; *Дамбыра* (*муж.,* ламский барабанчик) – один из основных атрибутов монахов во время чтения текстов; *Очур (муж.)* – атрибут, который означает символ нерушимости учения тантризма и др. По словам священнослужителей, эти атрибуты – основные инструменты, используемые при проведении различных буддийских практик (чтения мантры, проведения подношений и др.), причем как личные имена они издавна использовались в Тибете, затем в Монголии, позже заимствованы и тувинцами, подобные имена теперь стали распространенными в Туве.

Тувинцы, исповедуя также шаманизм, издавна поклонялись вселенной, которая дает веру, дарит надежду в хорошую жизнь. Следовательно, номинации, связанные с шаманизмом, также участвуют в процессе появления антропонимов. Так, названия планет активно используются в имянаречении, причем эти же слова означают в буддизме и названия дней недели, когда дети родились,: *Даваа (муж.)* – планета Луна; день недели – понедельник; *Бүрбү ~ Бурбу (муж.)* – планета Юпитер, день недели – четверг; *Баазаң ~ Баазан (муж)* – планета Венера, день недели – пятница; *Бамба ~ Бимба (муж.)* – и др. [Сувандии 2021: 47].

Анализируя личные имена, раскрывающие веру в буддизме, нами рассмотрены и антропонимы, связанные различными качествами человека, как хорошие, чистые помыслы, хорошее настроение и др.: *Дежит, Дежитмаа (жен.)* – покой, спокойствие; отдых; *Делег (муж.)* – радость, покой; *Балдаң ~ Балдан (муж.)* – великолепие, великолепный; *Норжуң,*

Норжуңмаа ~ Норжун, Норжунмаа (жен.) – течение неисчерпаемого богатства и т. д. Личные имена, относящиеся к данной группе, косвенно указывают на стремление верующего к духовному развитию. Среди антропонимов, репрезентирующих концепт *бүзүрел* ‘вера’, нами зафиксированы антропонимы, связанные с различными достижениями служения буддизму: *Ёндан (муж.)* – достоинство, добродетель; знание; *Ойдуп (муж.)* – совершенство, способность, сиддхи, имеется в виду сверхъестественные способности силы, которые приобретаются в результате занятий йогой как духовной практикой; *Содунам ~ Соднам* – духовная заслуга, которая приобретается в результате совершения каких-то добродетельных поступков; *Хорлуу (жен., муж.)* – колесо, колесо 8 основных учений буддизма и др. Подобные имена даются родителями детям с большой верой своим, чтобы в жизни они смогли достичь успеха и получить достаточно знаний.

Таким образом, мы рассмотрели, как буддийские личные имена, заимствованные из монгольского языка через тибетский, служат репрезентации одного из ключевых концептов тувинской лингвокультуры *бүзүрел* ‘вера’, который непосредственно связан с религиозными, культурными аспектами жизни. Антропонимы, связанные с буддийской верой, не только служат способом идентификации, но и отражают духовные и культурные ценности, связанные с концептом *бүзүрел* ‘вера’. Буддийские имена также подчеркивают принадлежность человека к буддийским традициям, его стремление к духовному совершенствованию.

Литература

Вайнштейн С. И. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 125–232.

Гишкаева Л. Н., Ломакина О. В., Макарова А. С. Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультур) // *Cuadernos de Rusística Española.* 2021. № 17. С. 135–147.

Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М.: РУДН, 2022.

Иванов Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского происхождения. Казань: Типолитография Императорского университета, 1903. С. 280–282.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ломакина О. В., Саитбатталов И. Р., Саитбатталова Ю. А., Хушкадамова Х. О. Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера // *Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 914–928.*

Лудуп Р. Д. Адын-шолаң чажыттары (Тайны твоих имен) // Башкы (Учитель). 1996. С. 88–90.

Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирска: «Наука», 2001.

Сувандии Н. Д. Тувинские личные имена монгольско-тибетского происхождения // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 111–116.

Сувандии Н. Д. Сакральная значимость тувинских личных имен: традиции и современность // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 234–247.

ТСТувЯ – Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: «Наука», 2003.

Чадамба З. Б. Тувинские имена // Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. М.: Русский язык, 1969.

N. D. Suvandii *(Kyzyl, Russia)*
Tuvan State University

THE ROLE OF BUDDHIST PERSONAL NAMES IN REPRESENTING THE CONCEPT OF FAITH

The article describes the role of Buddhist personal names in representing the concept *büzürel* ‘faith’ in the Tuvan language. The analysis is based on Buddhist personal names collected by the author during linguistic expeditions to various districts of the Republic of Tyva. The study examines Buddhist personal names associated with the religious beliefs of the Tuvan people, which play a significant role in representing the concept *büzürel* ‘faith’ as one of the key concepts in Tuvan linguistic culture.

Key words: Tuvan language, Tuvans, anthroponym, religious vocabulary, Buddhist vocabulary, personal names, name-giving.

***М. В. Томская** (Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
maria.tomskaya@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ РОДСТВА В РУССКОЯЗЫЧНОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ[1]

В статье представлены результаты анализа культурных моделей родства на материале русскоязычных устных интервью двух возрастных групп. Рассматривается домен РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, состоящий из двух субдоменов, в которых наблюдается определенная вариативность, обусловленная фактором возраста.

Ключевые слова: культурные модели, устный дискурс, семантические сферы, домен, родственные отношения.

В рамках научного проекта, выполняемого в МГЛУ, разрабатывается фреймовая методология анализа культурных моделей на материале устного интервью и выявляются различия в моделях, конструируемых говорящими разного возраста. Комплексная процедура фреймового анализа с применением методики семантических сетей позволила установить распределение сфер знания доменов и субдоменов на основе состава и частотности ключевых слов и их коллокатов. На материале записанного корпуса устного интервью двух групп говорящих 20–30 лет (группа 1) и 50–60 лет (группа 2) устанавливается структура культурных моделей, описывающих домены РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЕДА и ДОСУГ. Выбор доменов обусловлен фактором универсальности культурно значимой области знания для представителей разных культур и широкой представленностью в словарном составе определенного языка лексических единиц, отражающих объективные данные об основных ценностях данной культуры (см. подробнее: [Киосе и др. 2026]).

В настоящей статье описывается анализ культурной модели родства, представленной доменом РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ как части общего исследования. В том числе проверяется предположение о том, что в структуре культурной модели может наблюдаться варьирование, обусловленное возрастной принадлежностью говорящих.

В нашем исследовании культурная модель рассматривается как «глубинная когнитивная структура, которая наследует и организует опыт носи-

[1]Исследование выполнено в рамках Государственного задания проект FSFU-2025–0004 «Диагностика процессов культурной интеграции и дезинтеграции в странах СНГ: анализ коммуникативных практик» в Московском государственном лингвистическом университете.

телей культурного знания и задает рамки интерпретации событий» [Киосе и др. 2026: 90].

Культурная модель родства является базовой для всех без исключения культур, что подтверждается в том числе тем, что термины родства относятся к древнейшему пласту лексики – они обозначают во многих культурах социальные отношения, входящие в понятие родства, и представляют собой систему отражения этих отношений в языке. Поэтому их изучение имеет значимость как для лингвистики, так и для этнографии, культурологии, социолингвистики и др. (труды Л. Г. Моргана, П. А. Лавровского, Дж. П. Мердока, А. Р. Рэдклифф-Брауна, О. Н. Трубачёва, С. М. Толстой и др.). В последние годы появились работы, посвященные изучению систем родства и систем терминов родства, а также феномена родства в целом и его взаимоотношений с формами семьи и брака в русле антропологии родства [Бурыкин, Попов 2020]. Отметим выпуски специального периодического издания, публикующего труды, рассматривающие сугубо системы родства в разных языках и культурах [Алгебра родства 2019].

Система родства рассматривается в контексте семейных отношений, которые охватывают отношения как кровного родства, так и родства по браку. В трудах условно выделяют два типа семьи – традиционалистскую (патриархальную) и современную (эгалитарную) [Кашина, Клецина 2021]. Практически вся система терминов родства восходит к первому типу семьи, который до сих пор сохраняется во многих культурах и отражает иерархию социальных отношений, что влечет за собой большое разнообразие терминов родства.

Поскольку система родства является структурообразующим принципом организации традиционных обществ, то она рассматривается как часть системы общественных ценностей, закрепленных в той или иной культуре, где каждому члену семьи приписывается определенная роль, исполнение которой определяло его значимость для семьи, а значит и для социума (см. [Томская, Хулхачиева 2025]). Тем самым термины родства наиболее ярко отражают категоризацию родовых и социальных отношений, а также становятся богатым источником метафоризации и символизации. В связи с этим мы рассматриваем категории родства как «единицы ментальной информации», которые возникают в процессе первичной категоризации мира [Кубрякова 2004].

Рассмотрим домен РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, который состоит из двух субдоменов: кровное родство (прямое и непрямое) и некровное родство (свойство / приобретенное родство / родство по браку). В настоящем исследовании мы придерживаемся термина «некровное родство», однако

в отдельных случаях употребляем и синонимичные термины. Анализу подвергаются только имена существительные.

Уже описательная статистика по домену РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ позволяет обнаружить заметную разницу в количестве элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) и токенов (слов) по двум возрастным группам. Так, результаты статистики показывают, что объем субдомена КРОВНОЕ РОДСТВО по группе 2 превышает объем по группе 1 в 2,6 раза в ЭДЕ (группа 1–1312 / группа 2–3412) и в 1,7 раза в токенах (7231 / 12591); объем субдомена НЕКРОВНОЕ РОДСТВО по группе 2 превосходит объем по группе 1 в 4,2 раза в ЭДЕ (708 / 2978) и в 3 раза в токенах (3363 / 10192). Тем самым, говорящие из старшей возрастной группы производили существенно больше ЭДЕ и токенов по домену в целом и особенно по субдомену НЕКРОВНОЕ РОДСТВО.

Как показал анализ, в субдомене КРОВНОЕ РОДСТВО ключевые слова прямого родства, как *мама/мать, папа/отец, бабушка, дедушка, родители* и др., упоминаются в обеих группах в среднем с примерно одинаковой частотностью. Однако наблюдаются некоторые различия – например, в старшей возрастной группе ключевое слово *родители* упоминается в два раза чаще (41 раз), чем в младшей группе (23 раза). Также заметна разница в употреблении лексем прямого родства *дети, сын* и *дочь/дочка* – в старшей возрастной группе количество использований значительно повышается (*дети* 58, *сын* 12, *дочь/дочка* 22), тогда как в младшей возрастной группе лексемы *сын* и *дочь* даже не вошли в число частотных. С другой стороны, термины непрямого родства *дядя* и *тетя* оказались более употребительными в младшей группе (*дядя* 25, *тетя* 18) в отличие от старшей группы (*дядя* 11, *тетя* 13). Для сравнения среди терминов прямого родства в старшей группе упоминаются лексемы *внук* (8) и *правнуки* (2), а также термин непрямого родства *племянница* (13), не характерные для младшей группы.

В субдомене НЕКРОВНОЕ РОДСТВО, несмотря на безоговорочное доминирование ключевых слов *семья* (в группе 1–58 / в группе 2–125), *брак* (40 / 45), *муж* (19 / 41), *дети* (25 / 40) в обоих группах, также наблюдаются расхождения, во-первых, в количестве упоминаний лексем *семья*, *муж*, *дети* в пользу старшей группы. Во-вторых, отметим появление нового ключевого слова *партнер*, которое более частотно в младшей возрастной группе (12). Кроме того, необходимо подчеркнуть тенденцию к замене устаревающих терминов свойства (*деверь*, *шурин*, *золовка*, *невестка* и др.) описательными оборотами, как, например, *сын моего дяди*, *жена сына* и др.

При установлении семантических сфер домена обнаружились как сходства, так и различия в двух возрастных группах. Несмотря на совпадение большинства семантических сфер, в старшей группе наблюдается их большее разнообразие, включая детализацию, как Части тела и органы человека, Части растений, Свойство человека. Кроме того, в старшей группе в отличие от младшей представлены такие семантические сферы, как Воля, Тексты, Музыкальные инструменты. Лексические единицы сфер в старшей группе более вариативны. Так, например, среди Имен собственных выделяются различия в Топонимах, если в младшей группе регулярно упоминаются *Россия, Москва*, то в старшей группе, помимо названных *Россия, Москва* наблюдаются прежние названия городов *Ленинград, Горький,* которые в группе 1 не употребляются совсем. Однако стоит отметить, что как в младшей, так и старшей группе в семантических сферах Период, Взаимодействие и взаимоотношение достаточно часто фигурирует коллокат *война*, с ним сопряжены лексические единицы *плен*, *тюрьма* и др., практически для всех испытуемых оказались значимыми события ВОВ, через которые прошли старшие родственники, упоминаемые в интервью.

Таким образом, несмотря на заметное сходство семантических сфер в обеих возрастных группах, анализ ключевых слов и их коллокатов выявил, что домен РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ характеризуется определенной зависимостью от фактора возраста. Тем не менее исследование подтверждает устойчивый характер культурных моделей родства, которые задают рамки интерпретации событий с учетом опыта носителей культурного знания. С другой стороны, можно говорить о том, что в русском языке намечаются изменения представлений о системе родства как первичной категоризации мира, где повышается значимость именования в речи ближайших родственников. Ответы испытуемых свидетельствуют, что большие, «клановые» семьи уходят в прошлое, типичной становится семья, состоящая, как правило, из трех-четырех человек. Наблюдается отход от ценностей традиционалистской семьи – молодые испытуемые придерживаются скорее ценностей эгалитарной семьи, которые транслируют равноправные отношения.

Литература

Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 18: Попов В. А., Бурыкин А. А. Русские термины родства: Опыт исследования коммуникативного дискурса. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», 2019.

Бурыкин А. А., Попов В. А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб.: Петербургское востоковедение, 2020.

Кашина М. А., Клецина И. С. Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 47–64.

Киосе М. И., Ржешевская А. А., Томская М. В. Фреймовые культурные модели родственных отношений, еды и досуга в русском устном дискурсе: данные интервью // Вопросы когнитивной лингвистики. 2026. № 3. С. 89–102.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Томская М. В., Хулхачиева Ж. С. Культурные модели родства тюрков (на материале киргизского и якутского языков) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 3–2 (64). С. 106–113.

***M. V. Tomskaya** (Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CULTURE MODELS OF RELATIONS IN RUSSIAN SPOKEN DISCOURSE

The article presents the results of an analysis of the cultural models of kinship relations based on Russian-language spoken interviews with two age groups. The domain RELATIONS is examined, which consists of two subdomains that exhibit some variability due to age.

Key words: cultural models, spoken discourse, semantic spheres, domain, relations.

М. В. Цуканов *(Орёл, Россия)*
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
tsukanov1307@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ НУМЕРОЛОГИЧЕСКОГО КОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставительному анализу реализации нумерологического кода в русских и английских фразеологических единицах с количественным компонентом. Цель работы – установить, какие когнитивные механизмы обеспечивают переход числа из средства счета в культурный знак, и определить, с какими смысловыми доминантами (неопределенно большое или малое количество) чаще соотносятся такие единицы в двух лингвокультурах. Материалом послужили около 400 фразеологизмов и паремий, извлеченных из лексикографических источников и национальных корпусов. Анализ проводился с опорой на шесть когнитивных механизмов, выделенных Н. Н. Болдыревым и Е. В. Федяевой.

Ключевые слова: нумерологический код, количественный компонент, фразеологизм, паремия, когнитивный механизм, символ.

Количественные смыслы пронизывают всю языковую систему. Они выражаются не только числительными, но и множеством иных средств, от квантификаторов до фразеологизмов, передающих неопределенно большое или малое множество, а также символически переосмысленное точное число. «Именно “количество” является базовым универсальным концептом интерпретирующего типа, инструментом объяснения многообразия количественных свойств и отношений действительности» [Болдырев, Федяева 2020: 5].

Теоретической опорой исследования стали шесть когнитивных механизмов формирования количественных смыслов, выделенных Н. Н. Болдыревым и Е. В. Федяевой. К ним относятся ***абстрагирование, мультиплицирование, сравнение, концептуальная метафора, фокусирование и дефокусирование, символизация*** [Болдырев, Федяева 2020: 6]. Каждый из этих механизмов по-своему переводит объективное количество в субъективно окрашенное языковое значение. Абстрагирование «высвобождает» число из привязанности к конкретным предметам, позволяя ему стать знаком чистой формы. Мультиплицирование копирует единичный объект в нескольких точках пространства, создавая эффект множества, что на грамматическом уровне маркируется формой множественного числа. Сравнение и концептуальная

метафора действуют совместно, формируя неконвенциональные квантификаторы, вроде «*бездна энергии*» или «*a sea of students*». Фокусирование и дефокусирование регулируют степень выделенности тех или иных признаков: точная числовая семантика отодвигается на периферию внимания, уступая место качественной характеристике. Наконец, символизация окончательно отрывает число от счетной функции и превращает его в культурный знак с устойчивыми ассоциациями. Важно подчеркнуть, что «названные механизмы работают не изолированно, а в сложном взаимодействии, что придает количественному значению интегративный и полифакторный характер» [Степаненко, Федотова 2022: 15].

Материалом послужили около 200 русских и 200 английских фразеологизмов и паремий с числовым компонентом, извлеченных методом сплошной выборки из словарей В. И. Даля, А. И. Молоткова, «The Oxford Dictionary of English Proverbs» под редакцией Ф. П. Уилсона, а также из Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса.

Результаты качественного и количественного анализа функционирования нумеративов в структуре фразеологизмов и паремий показали, что в русской части картотеки с большим отрывом лидирует ***символизация*** – 44% нумерологических компонентов. На втором месте находится ***сравнение*** – 24%, тесно связанное с метафорой и часто переходящее в нее. ***Концептуальная метафора*** в чистом виде зафиксирована в 14% случаев, ***фокусирование и дефокусирование*** – в 10%, ***мультиплицирование*** – в 6%, а ***абстрагирование*** – лишь в 2% единиц. Несколько иная картина наблюдается в английской выборке. Здесь доминирует ***концептуальная метафора*** – 38%. За ней следует ***символизация*** – 28%, далее ***мультиплицирование*** – 16%, ***сравнение*** – 10%, ***фокусирование и дефокусирование*** – 6% и ***абстрагирование*** – 2%.

Преобладание ***символизации*** в русском материале легко проиллюстрировать. Выражения *семь пятниц на неделе* (у кого) или *быть на седьмом небо (от счастья)* целиком строятся на том, что числительные *семь* и *седьмой* утратили арифметическую природу. Они превратились в культурные знаки: в первом случае – знак непостоянства и ненадежности, во втором – знак вершины блаженства. Именно числовой компонент задает в данном случае эмоциональную окраску осуждения или одобрения. Похожее движение от точного числа к символу можно видеть в обороте *сорок бочек арестантов*, где *сорок* уже не подразумевает реального счета, а формирует представление о безмерном множестве. В английском языке символизация также продуктивна (28%), но уступает метафоре. Примером ее действия служит фразеологизм *on cloud nine* (на седьмом небе, бесконечно счаст-

лив). Числительное *nine* здесь не имеет отношения к количеству облаков, а выступает культурным знаком высшей степени блаженства, полностью оторвавшись от счетной функции.

Английский материал заметно чаще опирается на ***концептуальную метафору***. Оборот *forty winks* (короткий сон) не имеет отношения к реальному счету. *Forty* выступает условным знаком небольшой, но достаточной порции отдыха. Выражение *a thousand and one* (масса, уйма) рисует образ изобилия, не называя точной величины, – это типичный метафорический перенос. Русская фразеология, напротив, предпочитает развернутое сравнение. Пословицы *как сельдей в бочке, как собак нерезаных* передают идею большого количества через сопоставление с конкретным, наглядно представимым множеством. Такие единицы составляют почти четверть русской выборки, тогда как в английской на долю сравнения приходится лишь 10%.

Механизм ***мультиплицирования*** заметно активнее действует в английском языке (16% против 6% в русском). Он проявляется в конструкциях с числительными во множественном числе: *by twos and threes*, *in twos and threes*, а также в уже упомянутом *at sixes and sevens*. Русские аналоги типа *двойками и тройками* грамматически возможны, но их фразеологическая закрепленность значительно ниже.

Фокусирование и дефокусирование, напротив, более характерны для русских единиц (10% против 6%). О. К. Ирисханова утверждает, что дефокусирование – «способность человека при помощи языковых средств повышать или понижать степень выделенности тех или иных свойств объекта – лежит в основе многих языковых явлений, в том числе и количественной семантики» [Ирисханова 2014: 5–7]. В обороте *сорок бочек арестантов* число *сорок* дефокусируется как точный показатель, уступая место представлению о безмерном множестве. В английском *at the eleventh hour* числительное *eleventh* также теряет временную конкретность, однако в целом подобные случаи менее частотны.

Не менее красноречивым оказалось распределение единиц по доминантному количественному смыслу. В русской части картотеки значение «много» передают 58% фразеологизмов, «мало» – 32%, точное число с символическим переосмыслением – 10%. В английской выборке доля «много» выше и достигает 67%, «мало» составляет 22%, точное символическое число – 11%. Иными словами, русская фразеология уделяет значительно больше внимания идее недостаточности, нехватки. Пословицы *один в поле не воин*, *одной каплей не напьешься*, *один камень – не стена* прямо указывают на слабость единичного перед лицом множества. Этот мотив продолжается в выражениях с другими числами: *семеро одного не ждут* утверждает преимущество большинства, а *семь бед – один ответ* выражает готовность

принять последствия, когда ресурс или время уже исчерпаны. Английские пословицы с компонентом «мало» тоже присутствуют, но в меньшинстве. Более того, число *один* здесь нередко несет противоположный смысл – не слабости, а решающей силы. Так, *One cloud is enough to eclipse all the sun* или *One drop of poison infects the whole tun of wine* подчеркивают могущество даже самого малого элемента. Это согласуется с индивидуалистической направленностью английской культуры, в то время как русские пословицы тяготеют к коллективистским ценностям [Цуканов, Абакумова 2024: 60].

Отношение к избытку и умеренности также различается. В русской паремиологии излишек нередко осуждается. Выражение *много шуму из ничего* указывает на суету, раздутую вокруг пустяка [Молотков 1986: 245]. Мысль о разумном ограничении или даже намеренном сокрытии информации, но уже с оттенком насмешки, звучит в пословице *Много будешь знать – скоро состаришься*. Пример из Национального корпуса русского языка хорошо передает эту интонацию: *– Костер жечь идете? У нас хлеб и картошка. – Небось с колхозного поля? – Много будешь знать, скоро состаришься* (Анаит Григорян. После дождя, 2015). Напротив, умеренность подается как одобряемое качество. Пословица *Лучше меньше, да лучше* отдает предпочтение малому, но качественному перед большим, но никчемным. В корпусе она встречается в публицистическом контексте: *Лучше лишний раз расколоться с недостаточно «чистыми» марксистами – чем дружить не с теми. Лучше меньше – да лучше* (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок, 2017). Аналогично выражение «хорошего понемножку» ограничивает даже позитивно оцениваемое явление: *Кажется, сегодня мы порядком приблизили дату Васиной свадьбы. Однако хорошего понемножку. Не пора ли нам пошабашить?* (Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008). Во всех этих случаях количество напрямую увязывается с качеством. Небольшое, но стоящее ставится выше большого, но никчемного. Такой взгляд укладывается в нормативный тип оценки, при котором излишек трактуется как отклонение от нормы и получает отрицательную характеристику [Арутюнова 1999: 200–205].

Английский материал, в свою очередь, демонстрирует терпимость к изобилию и даже его поощрение. Обороты *a hundred and one*, *a thousand and one* регулярно употребляются в неформальном общении, когда говорящий намеренно избегает точных цифр, желая создать впечатление щедрости, полноты, а иногда и похвастаться. *...He had a great number of formalities to attend to; papers to sign, fees to pay and* ***a hundred and one*** *irrelevant questions to answer* (Sanki Ichikawa 1968). *I'm a very busy woman, very busy, I have* ***a thousand, and one*** *things to do* (S. Heym, "The Eyes of Reason"). Выражение *a baker's*

dozen (тринадцать вместо двенадцати) несет в себе историческую память о практике английских пекарей добавлять лишнюю булку, чтобы избежать наказания за недовес. Сегодня оно выбирается сознательно ради оттенка традиции или иронии. Таким образом, английские средства выражения количества чаще, чем русские, содержат прагматический компонент, ориентированный на социальное взаимодействие и самопрезентацию говорящего.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.

Степаненко С. Н., Федотова О. В. Интерпретация количества в английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 3. С. 10–21.

Цуканов М. В., Абакумова О. Б. Числовой код лингвокультуры и его проявление в русской и английской паремиологической картине мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2024. № 1 (20). С. 56–67.

Wilson F. P. (ed.). The Oxford Dictionary of English Proverbs. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1970.

M. V. Tsukanov *(Orel, Russia)*
Orel State University

THE MANIFESTATION OF THE NUMEROLOGICAL CODE OF LINGUISTIC CULTURE IN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A QUANTITATIVE COMPONENT (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH)

The article is devoted to a comparative analysis of the implementation of the numerological code in Russian and English phraseological units with a quantitative component. The aim of the work is to establish which cognitive mechanisms ensure the transition of a number from a means of counting to a cultural sign, and to determine which semantic dominants (an indefinite large or small number) such units are more often

correlated with in two linguistic cultures. The material consisted of about 400 phraseological units and paroemias extracted from lexicographic sources and national corpus. The analysis was based on six cognitive mechanisms identified by N. N. Boldyrev and E. V. Fedyaeva.

Key words: numerological code, quantitative component, phraseology, paroemia, cognitive mechanism, symbol.

Чжао Юаньцзэ *(Ганьчжоу, Китай)*
Ганьнаньский педагогический университет
zhaoyuanze@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ: СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ БЫТОВОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются стратегии языковой репрезентации эмоциональных концептов ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ в русском и китайском бытовом дискурсе с позиций социальной когниции. Выявляются универсальные и культурно-специфичные способы категоризации амбивалентных эмоций. Установлено, что русский дискурс характеризуется эксплицитностью и метафорической плотностью, тогда как китайский – имплицитностью и ситуативной обусловленностью оценочных суждений. Результаты могут быть использованы в межкультурной коммуникации и когнитивной лингводидактике.

Ключевые слова: социальная когниция, эмоциональный концепт, любовь, ненависть, бытовой дискурс, русский язык, китайский язык, межкультурная коммуникация.

Социальная когниция – способность человека воспринимать, интерпретировать и прогнозировать ментальные состояния других – играет ключевую роль в организации эмоционального дискурса [Болдырев 2018: 34]. Концепты ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ относятся к базовым эмоциональным универсалиям, однако их вербальная репрезентация существенно варьируется в зависимости от культурно-коммуникативных норм. В русской и китайской лингвокультурах эти эмоции не только противопоставлены, но и образуют амбивалентные пары, требующие особых стратегий означивания. Цель настоящего исследования – выявить и сопоставить стратегии репрезентации любви и ненависти в бытовом дискурсе носителей русского и китайского языков в ракурсе социальной когниции.

Теоретической основой исследования служат положения когнитивной лингвистики о форматах знания [Болдырев 2016], концепции социальной

когниции в дискурсе [ван Дейк 2015] и работы по лингвокультурной специфике эмоциональных концептов [Вежбицкая 2011; Wierzbicka 1999]. Под бытовым дискурсом понимается непринуждённое устное или письменное общение на темы повседневной жизни (семья, дружба, конфликты, симпатии/антипатии). Материалом послужили записи естественных диалогов (20 русских и 20 китайских семей), а также посты в социальных сетях (по 50 единиц на каждый язык), отобранные методом сплошной выборки по ключевым лексемам «любовь/爱» и «ненависть/恨».

Анализ показал, что в русском бытовом дискурсе преобладают эксплицитные эмотивные стратегии: прямые номинации чувств (*я тебя люблю, я его ненавижу*), интенсивные метафоры (*ненависть жжёт изнутри, любовь как омут*) и гиперболические сравнения. Русские говорящие чаще вербализуют амбивалентность в виде контрастных конструкций: *люблю и ненавижу одновременно*; *от любви до ненависти один шаг*. Это свидетельствует о высокой степени рефлексии над собственными эмоциональными состояниями и готовности транслировать их в коммуникации – черта, связанная с западной индивидуалистической парадигмой социальной когниции [Markus, Kitayama 1991].

В китайском бытовом дискурсе доминируют имплицитные стратегии: избегание прямого называния сильных отрицательных эмоций, эвфемизация ненависти через описание действий (他对我不理不睬 – «он меня игнорирует» вместо «я его ненавижу»), а также контекстуальное прочтение любви через заботу и жертвенность (我为你做了这么多 – «я так много для тебя сделал»). Прямое употребление иероглифа 恨 (ненависть) маркировано как коммуникативный конфликт или нарушение гармонии. Амбивалентность передаётся не через контрастные пары, а через суффиксы неопределённости или вопросительные конструкции: 是爱还是恨? (любовь или ненависть?). Такая тактика связана с конфуцианской ориентацией на сохранение лица и коллективную гармонию, где эмоциональная эксплицитность угрожает социальной когнитивной координации.

Сравнительный анализ позволил выделить три ключевые стратегии репрезентации: 1) прямая номинация (доминирует в русском, ограничена в китайском); 2) метафорическое описание (универсально, но образные ряды различаются: в русском – стихия/болезнь, в китайском – путь/вода); 3) перформативно-ситуативная (преобладает в китайском дискурсе любви через действие). Социальная когниция выступает фильтром: русские говорящие склонны приписывать себе и другим ясные эмоциональные состояния, тогда как китайские – интерпретировать эмоции через поступки и обстоятельства, избегая прямых ярлыков.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) концепты ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ в русском бытовом дискурсе структурированы как бинарная оппозиция с высокой степенью эксплицитности; 2) в китайском дискурсе эти концепты образуют континуум, где ненависть часто остаётся невербализованной, а любовь выражается косвенно; 3) различия обусловлены культурными моделями социальной когниции (индивидуализм – коллективизм, низкоконтекстная – высококонтекстная коммуникация). Полученные результаты уточняют представления о лингвокультурной специфике эмоций и могут быть применены в преподавании русского и китайского языков как иностранных.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016.

Болдырев Н. Н. Социальная когниция и язык // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 32–41.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.

ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2015.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2016. 477 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2017.

Чжао Юаньцзэ. Концепты «любовь» и «ненависть» в русской и китайской языковых картинах мира // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (54). С. 112–118.

Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Zhao Yuanze *(Ganzhou, China)*
Gannan Normal University

SOCIAL COGNITION AND EMOTIONAL CONCEPTS: STRATEGIES OF REPRESENTING LOVE AND HATE IN RUSSIAN AND CHINESE EVERYDAY DISCOURSE

The article examines strategies of linguistic representation of the emotional concepts LOVE and HATE in Russian and Chinese everyday discourse from the standpoint of social cognition. Universal and culture-specific ways of categorizing ambivalent

emotions are identified. It is found that Russian discourse is characterized by explicitness and metaphorical density, while Chinese discourse is characterized by implicitness and situational conditioning of evaluative judgments. The results can be used in intercultural communication and cognitive linguodidactics.

Key words: social cognition, emotional concept, love, hate, everyday discourse, Russian language, Chinese language, intercultural communication.

Чуньюй Тянь *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
1042255304@rudn.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПАРЫ *ДУША* И *СЕРДЦЕ* В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье на материале 400 фразеологических единиц анализируются концепты ДУША и СЕРДЦЕ в русской языковой картине мира. С позиций когнитивной лингвистики выявляются уникальные зоны и зоны пересечения двух концептов. Показано, что СЕРДЦЕ специализируется на репрезентации физиологических реакций и эмоций, тогда как ДУША – на экзистенциальных смыслах, морали, социальном контроле, насилии и отсутствии денег. Области страдания, успокоения и искренности демонстрируют полную или частичную взаимозаменяемость. Функциональное распределение представляет собой континуум, что согласуется с пониманием концепта как оперативной единицы памяти (Е. С. Кубрякова).

Ключевые слова: концепт, душа, сердце, фразеологизмы, когнитивная лингвистика, языковая картина мира.

Концепты ДУША и СЕРДЦЕ занимают центральное место в русской языковой картине мира, выступая основными локусами эмоциональной, ментальной и духовной жизни человека [Михайлова 2013: 190–191].

Несмотря на наличие исследования, вопрос об их функциональной дифференциации остается дискуссионным. В одних работах отмечается взаимозаменяемость лексем *душа* и *сердце* [Ломакина, Овчинникова 2021; Шу-Хуа 2007], в других подчеркиваются различия, уходящие корнями в древнерусский период [Кондратьева 2005: 88–89].

Цель данной статьи – выявить сходства и различия в репрезентации эмоций, моральной оценки и социальных смыслов через фразеологические единицы (ФЕ), объективирующие концепты ДУША и СЕРДЦЕ. Материалом послужили 400 ФЕ из «Фразеологического словаря русского литературного языка» под ред. А. И. Фёдорова (2008).

Методологическую основу работы составляет когнитивный анализ, опирающийся на понимание концепта как «оперативной содержательной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90–91].

Согласно Е. С. Кубряковой, концепты не сводятся к словарным значениям; они включают образный, понятийный и ценностный компоненты. Фразеологические единицы являются одной из форм языковой объективации концептов, закрепляя в устойчивых оборотах наивные представления носителей языка о внутреннем мире человека. Концепты – это скорее посредники между словами и экстралингвистической действительностью, и значение слова не может быть сведено исключительно к образующим его концептам [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 92].

В «Большом толковом словаре русского языка» дается всего шесть значений лексемы *сердце*: 1) центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости; 2) такой орган некоторых животных; 3) внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа); 4) душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером); 5) гнев, раздражение, злоба; 6) центр, главная часть чего-л. А у *души* значений еще больше: 1) по религиозным представлениям: духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила, обитающая в теле человека (иногда животных, растений), покидающая его во время смерти, сна и вновь проявляющаяся после смерти в иной материальной оболочке; 2) внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива; дух; 3) внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, настроений и т. п.; 4) совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; 5) главное лицо, организатор, вдохновитель какого-либо дела; 6) о человеке, являющемся всеобщим любимцем; 7) человек; 8) в России до реформы 1861 года: крепостной крестьянин; 9) дружеское фамильярное обращение; 10) впадина под ребрами в центре груди (у человека). По этим дефинициям наблюдаются два одинаковых значения у *души* и *сердца*: 1) внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, настроений и т. п.; 2) душевные качества, характер человека.

В данной работе концепты ДУША и СЕРДЦЕ рассматриваются как такие посредники, которые через ФЕ репрезентируют разные аспекты человеческой сущности: от телесных ощущений до социального взаимодействия. Такой подход соответствует антропоцентрической парадигме современной когнитивной лингвистики [Болдырев 2006]. В работе анализ целесообразно

организован вокруг трех областей, отражающих: 1. физиологическое и экзистенциальное; 2. спонтанные эмоции и моральную оценку; 3. социальное взаимодействие человека.

1. Отражение физиологического и экзистенциального

СЕРДЦЕ как анатомический орган дает метафоры, отсутствующие у ДУШИ. ФЕ описывают непосредственные телесные процессы – сердцебиение, его остановку: *сердце ёкает, замерло, зашлось*. ДУША не может «ёкать» или «замирать», поскольку не является физическим органом. Напротив, только ДУША участвует в репрезентации жизни и смерти: *в чем душа держится, отдать Богу душу, душа с телом расстается*. Ни одна из этих ФЕ невозможна с СЕРДЦЕМ (ср. *отдать сердце кому-либо* означает ‘любить’, а не ‘умереть’). Когнитивное обоснование этого разграничения коренится в «наивной анатомии» [Кондратьева 2005: 87]: *сердце* воспринимается как телесный мотор, *душа* – как нематериальная субстанция, отвечающая за связь с сакральным и вечным.

2. Отражение спонтанных эмоций и моральной оценки

СЕРДЦЕ является доминантным средством выражения внезапных, взрывных состояний: испуг (*сердце упало, оборвалось*), гнев (*сердце закипело, сорвать сердце*), радость (*сердце радуется, прыгает*). Частотность СЕРДЦА в этой зоне достигает 94,6%, тогда как ДУША встречается здесь не выше, чем в 75% случаев. При этом гнев выражается исключительно через СЕРДЦЕ – ни одной ФЕ с ДУШОЙ в значении ‘гнев’ в материале не зафиксировано. Напротив, ДУША эксклюзивно репрезентирует моральную ответственность: *брать грех на душу, загубить свою душу* (совершить непоправимый грех; испытывать угрызения совести, сознавая преступность своего поступка). А при оценке морали личности существует большое количество ФЕ с ДУШОЙ: *черная душа* (о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки), *иродова душа* (жестокий, скверный человек), *бумажная душа* (чинуша, бюрократ, формалист). СЕРДЦЕ в этих значениях отсутствует, за исключением атрибутивных конструкций типа *каменное сердце*, которые обозначают эмоциональную холодность, а не моральный порок. Зона пересечения двух концептов – страдание и успокоение: *душа/сердце болит, ноет, разрывается*; *отлегло от души/сердца; камень с души/сердца свалился*. Здесь ДУША объективируется как материальная сущность, она **не** является синонимом СЕРДЦА, а обозначает телесный орган, занимающий определенное место в теле [Шу-Хуа 2007: 315]. Это соотносится с утверждением О. Н. Кондратьевой, сделанное на материале древнерусских летописей: *душе* может быть сопоставлен «метафорический концепт ОРГАН, в своем исходном конкретном

значении – обособленная часть тела человека (а также, возможно, и других живых существ), предназначенная для выполнения определенных функций, т. е. способная производить определенные действия, выдавать адекватные реакции…» [Кондратьева 2005: 87].

3. Отражение социального взаимодействия

Уникальные для ФЕ с ДУШОЙ когнитивные признаки: 1) контроль: *сидеть над душой, стоять над душой, висеть над душой*. Они выражают ‘мешать, докучать своим долгим присутствием, надоедать своей назойливостью’. Параллелей с СЕРДЦЕМ нет; 2) насилие и унижение: *выматывать душу, вытягивать душу, вколачивать душу в пятки, вытрясти душу, растаптывать душу, плевать в душу*. Эти ФЕ обозначают ‘изводить, истязать, обходиться с кем-либо грубо, жестоко, зверски’, отсутствуют у ФЕ с СЕРДЦЕМ; 3) отсутствие денег: *ни гроша за душой, ломаного гроша за душой нет*. Метафорическая модель ‘за душой’ (‘за спиной души’) уникальна. Единственная зона, где СЕРДЦЕ выступает как уникальная – брачная символика: *предлагать руку и сердце, отдать руку и сердце*. ДУША здесь не участвует.

Существует значительная область внутренней психической жизни, где ДУША и СЕРДЦЕ выступают как когнитивные дублеты: глубина и искренность (*от всей души / от всего сердца*), сокрытие мыслей (*таить в душе / в сердце*), память (*врезаться в душу / сердце*), впечатление (*забирать за душу / сердце*), отсутствие склонности (*душа / сердце не лежит*). Во всех этих случаях замена компонента не меняет основного смысла, что свидетельствует о континуальном, а не дихотомическом характере распределения концептов. По-видимому, в этих зонах происходит нейтрализация различий между телесно-эмоциональным (СЕРДЦЕ) и духовно-экзистенциальным (ДУША).

Проведенный анализ 400 ФЕ позволяет сделать следующие выводы. Концепт СЕРДЦЕ специализируется на физиологических реакциях и спонтанных, интенсивных эмоциях (особенно гневе). Концепт ДУША обладает уникальными доменами: жизнь/смерть, мораль личности, контроль, отсутствие денег, насилие и унижение. Зоны страдания, успокоения, искренности демонстрируют полную или частичную взаимозаменяемость. Функциональное распределение между ДУШОЙ и СЕРДЦЕМ представляет собой континуум, что полностью согласуется с определением концепта Е. С. Кубряковой как единицы, объединяющей разные типы знания – от образного до понятийного и ценностного. Перспективы исследования видятся в сопоставительном анализе с другими языками и в экспериментальной проверке выявленных когнитивных признаков.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Кондратьева О. Н. Концепты душа, сердце, ум // Антология концептов. Том 1. Волгоград: ПАРАДИГМА, 2005. С. 80–92.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция. СПб.: Норинт, 2000.

Ломакина О. В., Овчинникова Г. В. Фразеообразующий потенциал соматизма СЕРДЦЕ/COEUR/HERZ в русском, французском и немецком языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. № 1. С. 19–28.

Михайлова Е. В. Концептуализация понятий «душа» и «сердце» в языковой картине мира А. А. Блока // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 190–201.

Фёдоров А. И. (ред.) Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд. М.: Астрель: АСТ, 2008.

Шу-Хуа У. Русские фразеологизмы с компонентами *сердце* и *душа* на фоне китайского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 1–2. С. 315–318.

Chunyu Tian *(Moscow, Russia)*
Peoples' Friendship University of Russia

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL PAIR *SOUL* AND *HEART* IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

The article analyzes the concepts SOUL and HEART in the Russian linguistic picture of the world based on 400 phraseological units. From the perspective of cognitive linguistics, unique zones and zones of overlap of the two concepts are identified. It is shown that HEART specializes in the representation of physiological reactions and emotions, whereas SOUL specializes in existential meanings, morality, social control, violence, and lack of money. The domains of suffering, relief, and sincerity demonstrate complete or partial interchangeability. The functional distribution represents a continuum, which is consistent with the understanding of a concept as an operational unit of memory (E. S. Kubryakova).

Key words: concept, soul, heart, phraseological units, cognitive linguistics, linguistic picture of the world.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л. В. Бабина, Ю. М. Разумовская *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ludmila-babina@yandex.ru
julieden@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ С ТОПОНИМАМИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей осмысления терминологических сочетаний с топонимами. Выявляются когнитивные механизмы и когнитивные модели, обеспечивающие их осмысление. Дается представление о роли слова *синдром* как когнитивного фильтра при осмыслении сочетаний.

Ключевые слова: терминологические сочетания, топоним, когнитивные механизмы, когнитивные модели, когнитивный фильтр.

Топонимы, возникающие в результате познавательной деятельности человека и служащие важным источником информации о культурных, исторических и языковых особенностях общества, представляют значительный интерес для изучения. Их ценность также заключается в том, что они активно используются в составе словосочетаний, что делает их важным инструментом для номинации и описания объектов.

Целью предлагаемой статьи является анализ особенностей осмысления сочетаний, включающих топоним и слово *синдром* (*syndrome, Syndrome)*.

Среди сочетаний (многие имеют статус терминологических), отобранных методом сплошной выборки из русскоязычного, англоязычного и франкоязычного медиадискурсов, были выделены следующие группы:

– путевые (туристические) синдромы: *Иерусалимский синдром* (*Jerusalem Syndrome, Syndrome de Jérusalem*), *Парижский синдром* (*Paris Syndrome, Syndrome de Paris*), *Флорентийский синдром* (*Florence Syndrome*, *Syndrome de Florence*) и т. п. Эти синдромы объединяет тот факт, что ожида-

ния, которые были у человека до посещения того или иного города, входят в конфликт с реальностью, в которую погружается турист.

– синдромы, связанные с захватом заложников: *Стокгольмский синдром* (*Stockholm syndrome, Syndrome de Stockholm*), *Лимский синдром* (*Lima Syndrome, Syndrome de Lima*), *Лондонский синдром* (*London Syndrome, Syndrome de Londres*) и т.п. Эти синдромы объединяет общая природа: это защитные механизмы психики, возникающие у жертвы после перенесенной агрессии.

– медицинские и другие синдромы: *Гаванский синдром* (*Havana Syndrome, Syndrome de La Havane*), *синдром Индии* (*India Syndrome, Syndrome de l'Inde*), *Синдром Бангкока* (*Bangkok Syndrome, Syndrome de Bangkok*) и т.п. Как правило, речь идет о проблемах со здоровьем, случившихся после посещения определенных городов и стран: депрессии, стрессе, головных болях и т.д.

Следует отметить, что вышеприведенные сочетания используются не только в медицинском дискурсе, но и в области культурологии, научно-публицистическом дискурсе, медиадискурсе и в языке повседневного общения. Это происходит благодаря тому, что концепт, объективируемый топонимом, включает в себя ассоциации и культурные смыслы, которые актуализируются в ходе коммуникации при произнесении названия, и благодаря этому становится понятным широкому кругу населения, выходя за границы медицинского дискурса, доступного меньшему количеству лиц. Все приведенные в статье топонимы являются прецедентными, поскольку используются авторами публикаций и репортажей в качестве средств вторичной номинации не столько для обозначения конкретного географического объекта, сколько в качестве культурного знака, символа определенных событий или ассоциаций и несут дополнительную лингвокультурную информацию.

В результате анализа было выявлено, что осмысление сочетаний определяется несколькими когнитивными механизмами. Когнитивным механизмом, обеспечивающим интеграцию концептуальных содержаний, которые передаются каждым из компонентов сочетания, служит «концептуальная интеграция». Когнитивные механизмы «профилирование», «концептуальная метонимия», иногда в сочетании с механизмом «генерализация», определяют формирование концептуального содержания, передаваемого топонимом. Концептуальное содержание, передаваемое словом *синдром (syndrome, Syndrome)*, рассматривается как своего рода когнитивный фильтр, который позволяет увидеть концептуальное содержание, передаваемое топонимом, в определенном ключе. Психическое состояние перестает быть просто странным и становится «симптомом», «диагнозом». Оно маркируется как отклонение от нормы, требующее научного объяснения. Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах.

(1) ***Стокгольмский синдром*** *– это состояние, при котором у жертвы формируется эмоциональная связь и даже привязанность по отношению к агрессору* [https://news.mail.ru/society/66772082/].

(2) *Few realize that* ***'Stockholm Syndrome'*** *is a term that was foisted on a woman by a male psychiatrist who had never met her after a Swedish bank heist worthy of a movie* [https://www.independent.co.uk/news/world/americas/stockholm-syndrome-meaning-bank-robbery-b2399531.html].

(3) ***Le syndrome de Stockholm*** *se manifeste chez un individu confronté pendant une longue période à une situation de violence ou de menace. La victime développe alors un sentiment de sympathie, voire d'attachement, envers son agresseur, ce qui peut paraître contre-intuitif* [https://e-writers.fr/syndrome-stockholm/].

При осмыслении данного терминологического сочетания применяется *каскадная метонимия*, основанная на смежности в рамках сценария, в котором концептуально выделенными оказываются компоненты «жертва», «агрессор», «связь между жертвой и агрессором». В процессе осмысления термина происходит обращение к концепту, объективируемому топонимом, и активизация информации о событии, связанном с этим местом, то есть происходит метонимический перенос по модели *«Вместилище → Содержимое/Событие (захват заложников)»*. Далее осуществляется метонимический перенос по модели *«Событие → Психическое состояние, определяющее поведение личности, которая оказалась в определенном месте (Стокгольме)»,* то есть профилируется концептуальная характеристика 'психическое состояние, определяющее поведение личности, находящейся в определенном месте (Стокгольме)'. Затем применяется когнитивный механизм «генерализация», способствующий мысленному выделению определенной части характеристики 'психическое состояние, определяющее поведение личности, находящейся в определенном месте (Стокгольме)', ее обобщению до характеристики 'психическое состояние, определяющее поведение личности'.

Следует отметить, что осмысление происходит не только за счёт знания об топониме (*Стокгольм*), но и под мощным влиянием концептуального содержания, передаваемого словом *синдром*, которое включает характеристики 'научная или клиническая объективность – болезнь, расстройство, диагноз', 'не единичное проявление, а система', 'социальная оценка – отклонение от нормы, требующее внимания или коррекции'. То есть происходит интеграция концептуального содержания, передаваемого двумя компонентами терминологического сочетания, приводящая к возникновению нового концептуального содержания на основе метафорической

модели ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ. Концептуальное содержание, передаваемое словом *синдром,* определяет осмысление поведения как отклонения от нормы, формируя у интерпретатора установку на поиск патологических признаков.

(1) *В последние годы отмечается более частое обращение к психиатрам и психотерапевтам туристов с признаками* ***парижского синдрома*** [https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/Paris-syndrome].

(2) ***Paris syndrome*** *is a form of culture shock that takes over first time visitors each year. Let's dive a bit deeper into what exactly this syndrome is and why it happens. For most people, Paris is many things: The city of dreams, the city of light, and of course, the city of love. <…> A place where everywhere you turn there is something beautiful to discover. <…> It's an appealing cinematic environment that fosters inspiration and creativity in millions of people. But as most of us know, no city is perfect, and neither is Paris!* [https://www.discoverwalks.com/blog/what-is-paris-syndrome/].

(3) ***Le syndrome de Paris****, ou la désillusion. La Ville Lumière n'est pas toujours aussi belle que dans les films. Elle est parfois sale et terne, ce qui produit un choc psychologique pour certains touristes* [https://www.grazia.fr/lifestyle/insolite/syndrome-de-paris-cette-pathologie-touche-de-nombreux-touristes-649128.html].

При осмыслении данного терминологического сочетания в рамках сценария, на смежности которого базируется *каскадная метонимия*, концептуально выделенными оказываются компоненты «ожидание (идеализированный образ Парижа)», «реальность», «драматический разрыв между идеальным образом и реальностью». Происходит обращение к концепту, объективируемому топонимом, и активизация информации о пребывании людей в определенном месте (Париже), то есть осуществляется метонимический перенос по модели *«Вместилище → Содержимое/Событие (туристическая поездка)»*. Далее осуществляется метонимический перенос по модели *«Событие → психологическое состояние человека, совершающего поездку»*, то есть профилируется концептуальная характеристика ‘психологическое состояние личности, находящейся в определенном месте (Париже)’. Так же, как и в предыдущем примере далее происходит концептуальная интеграция концептуального содержания, передаваемого двумя компонентами терминологического сочетания, приводящая к возникновению нового концептуального содержания на основе метафорической модели *ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ ТРАВМА/БОЛЕЗНЬ*.

Как отмечалось нами ранее, все прецедентные имена являются средством выражения оценки и могут передавать как положительную, так и от-

рицательную оценку [Разумовская, Бабина 2025: 39]. Названия синдромов с компонентом-топонимом, в большинстве своем имеют негативные коннотации, поскольку чаще всего связаны с отрицательными эмоциями, которые пережил человек в том или ином месте, с возникшими потрясениями или даже заболеванием. Мелиоративные коннотации свойственны лишь для путевых (туристических) синдромов, в тех случаях, когда у туристов визит определенных стран и городов оставил приятные впечатления, но таких примеров не так много.

Литература

Как благодаря грабителю Кларку Улофссону появился термин «стокгольмский синдром». URL: https://news.mail.ru/society/66772082/

Парижский синдром. URL: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/Paris-syndrome

Разумовская Ю. М., Бабина Л. В. Прецедентные имена как средство реализации дискурсивной стратегии манипулирования в русском и французском медиадискурсе // Вестник РГГУ. 2025. № 1. С. 36–44. DOI: 10.28995/2686–7249–2025–3–36–43

Is Stockholm Syndrome even real? The bizarre story behind a problematic diagnosis. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/stockholm-syndrome-meaning-bank-robbery-b2399531.html

Le syndrome de Stockholm: explication d'un geste de survie. URL: https://e-writers.fr/syndrome-stockholm/

"Syndrome-de-Paris": quelle est cette pathologie touche de nombreux tourists? URL: https://www.grazia.fr/lifestyle/insolite/syndrome-de-paris-cette-pathologie-touche-de-nombreux-touristes-649128.html

What is Paris Syndrome? URL: https://www.discoverwalks.com/blog/what-is-paris-syndrome/

L. V. Babina, Yu. M. Razumovskaya *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

MECHANISMS OF COMPREHENDING TERMINOLOGICAL PHRASES WITH TOPONYMS

The article is devoted to the consideration of the specifics of comprehending terminological phrases with toponyms. The authors identify cognitive mechanisms and cognitive models that ensure their comprehension. The role of the word "syndrome" as a cognitive filter in the comprehension of phrases is presented.

Key words: terminological phrases, toponym, cognitive mechanisms, cognitive models, cognitive filter.

***A. Y. Bagiyan** (Pyatigorsk, Russia)*
Pyatigorsk State University
alexander.0506@mail.ru

PROFESSIONAL IDENTITY AS A COGNITIVE-DISCURSIVE SYSTEM OF SYSTEMS: PROJECTIVE MBSE MODELLING

The paper models professional identity as a cognitive-discursive space conceptualized as a system of systems with emergent, non-additive properties. Under the projective postulate, it is accessed through MBSE-type modelling constrained by evidence, traceability, and minimal V&V under linguistic uncertainty. The pipeline "data → deconstruction/ multi-view modelling → synthesis" integrates key interfaces ((de)terminologisation, stance/engagement, boundary governance) and predicts genre/platform-conditioned effects in communication.

Key words: professional identity, cognitive-discursive space, system of systems, projective modelling, MBSE, deconstruction, verification.

Problem setting and rationale

Professional identity (PI) is often framed either as an individual psychological construct or as an externally assigned social category. Yet discourse-based reconstructions reveal a persistent methodological fact: PI is structurally non-additive. A legitimate "professional voice" emerges from cross-level coupling among cognitive representations, discourse strategies, and institutional norms, not from isolated features – hence the need for an architectural rather than attribute-list model. Accordingly, we model the cognitive-discursive space (CDS) of PI as a System of Systems (SoS) whose semi-autonomous subsystems yield emergent properties irreducible to any single component [Багиян 2024; Hilaire, Lalevée 2025]. PI is treated as a dynamic configuration integrating a linguo-cognitive (frames, termhood gradients, explanatory operations), pragmatic-axiological (evaluation, epistemic responsibility, legitimacy), and socio-discursive subsystem (genres, norms, audience, participation formats). Identity is operationalised as a pattern of positioning and boundary governance indexed by recurrent semiotic choices [Bucholtz, Hall 2005; Du Bois 2008].

The projective postulate: why PI is accessible only via models

A central assumption is the projective postulate: PI cannot be accessed as a stable object independent of analytical framing, but only via a constructed model whose adequacy is evaluated against empirical evidence. Rather than "discovering" an essence, we design a representation of PI's organisation, constraints, and emergent effects under specific communicative conditions. Given

the variability and context-sensitivity of language, the goal is not optimisation but adequacy under uncertainty, supported by explicit decision rules and validation protocols.

This stance is consistent with identity-as-practice: identity is a social-semiotic achievement, not a pre-given attribute [Болдырев, Федяева 2023; Bucholtz, Hall 2005]. It is enacted through stance taking at the micro-level [Du Bois 2008] and through metadiscursive engagement at the meso-level, which regulates participation and judgement (boundary governance) [Hyland 2005]. Compared with standard stance-centred accounts, an MBSE framing adds explicit architecture (viewpoint contracts), cross-view consistency constraints, and a traceable V&V loop, turning interpretation into a checkable modelling protocol.

Aim and contribution

The paper proposes an MBSE-type modelling workflow for PI that formalises the algorithm "data acquisition → discourse deconstruction / multi-view modelling → synthesis", producing an integrated SoS model of PI with minimal verification/validation procedures. Our contribution is twofold:

(i) a conceptual apparatus that defines PI as an SoS within a CDS;

(ii) a modelling procedure that supports multi-perspective coherence, traceability from evidence to model claims, and disciplined treatment of interpretative uncertainty.

This contribution is intentionally framed as a methodological and conceptual scaffold rather than a result-driven empirical report: its primary output is a formally constrained modelling workflow designed for subsequent corpus-scale validation.

Method: an MBSE-type modelling pipeline

The proposed modelling procedure is anchored in a minimal MBSE logic, i.e., the formalised use of modelling to ensure coherent system representation across the lifecycle through:

(i) explicitly specified viewpoints;

(ii) cross-view consistency constraints;

(iii) traceability from evidence to model claims, and

(iv) a verification/validation (V&V) loop securing internal coherence and evidence-facing adequacy [Багиян 2024].

In *Phase A (data acquisition, evidence layer)*, the empirical basis is a stratified discourse dataset with mandatory metadata on genre/platform, authorial role, and audience design. The unit of analysis is the explanatory move: a bounded segment performing a recognisable explanatory function (definition, paraphrase, analogy, scenario construction). The evidence layer is treated not as illustrative material but as modelling requirements: it constrains what the model

must explain, limits interpretive arbitrariness, and prevents a priori assumptions from replacing observable regularities.

In *Phase B (deconstruction and multi-view modelling)*, deconstruction is treated operationally rather than interpretatively: it identifies latent constraints, presuppositions, and interface points through which PI emerges as a cognitive–discursive effect [cf. Антакли, Алимурадов 2023]. This is implemented via three coordinated viewpoints. The linguo-cognitive view models termhood as a gradient and tracks conceptual reframing, (de)terminologisation and re-stabilisation (return-to-term moves, explicit boundary marking). The pragmatic–axiological view captures epistemic responsibility through hedging/boosting, evidentiality, legitimacy cues, evaluation, and humility markers calibrating claims under uncertainty. The socio-discursive view accounts for genre conventions and platform constraints, maps participation regimes, and specifies boundary governance as discourse-level regulation of access and inclusion/exclusion. Across viewpoints, stance and engagement operate as coupling variables: stance indexes epistemic and affective positioning [Du Bois 2008], while engagement constructs the addressee as competent or novice and thereby invites or excludes them from the knowledge space [Hyland 2005]. Consistent with sociocultural linguistics, identity is treated as an emergent, interactionally ratified achievement grounded in indexical practice rather than a pre-given psychological attribute [Багиян 2024; Bucholtz, Hall 2005].

In *Phase C* MBSE-type synthesis re-assembles the viewpoints into an integrated SoS model defined by cross-level coupling: terminological operations, discourse strategies, and institutional norms are treated as mutually constraining rather than independently additive. Integration is governed by three constraints. Traceability links empirical evidence to coded explanatory moves, viewpoint variables, and explicit claims about system-level identity properties. Consistency requires that (de)terminologisation without compensatory epistemic constraints shifts the participation boundary towards exclusion unless countervailing engagement reopens access. Lifecycle readiness keeps the architecture updateable under platform and genre shifts without loss of coherence.

On this basis, PI is represented as an SoS with three interacting subsystems: cognitive-conceptual (frames/scripts, termhood gradients, compression/expansion), discursive-strategic (explanatory moves, genre routines, (de)terminologisation strategies), and socio-institutional (evidence norms, accountability, authority distribution, participation), coupled through three interfaces: (de)terminologisation (controlled re-contextualisation of specialised knowledge), stance/engagement (epistemic calibration and audience construction), and boundary governance (emergent regulation of inclusion vs exclusion). Emergent PI properties are

operationalised as professional voice stability, legitimacy calibration, and boundary effect (inviting vs gatekeeping), thereby formalising the non-additivity thesis [Hilaire, Lalevée 2025].

Traceability chain (minimal example): Evidence (micro-case) → coded move: PM_definition + PM_analogy + PM_corrective_narrowing → viewpoint variables: D_degree=1 (no semantic drift) + S_hedge/constraint marker (micro-case) + Boundary_effect=+1 (inviting) → system claim: professional voice stability is preserved under deteminologisation through constraint-backed re-stabilisation.

Because discourse modelling is underdetermined by purely numerical criteria, the target is adequacy under uncertainty, secured by a minimal V&V loop: internal verification (viewpoint consistency and traceability completeness) and evidence-facing validation (coder reliability for terminological operations, stance/engagement, and boundary effect; e.g., Krippendorff's α) [Krippendorff 2019]. Minimal V&V protocol (compact studies): two independent coders annotate a 10–15% pilot sample for:

(i) terminological operation type;

(ii) stance/engagement class, and

(iii) boundary effect; reliability is assessed with Krippendorff's α, targeting $\alpha \geq 0.67$ for exploratory adequacy.

Disagreements are resolved via an adjudication pass that updates the decision rules, followed by a second short pilot to confirm stability.

Model predictions: the model yields falsifiable expectations relevant to digital discourse ecology. Platform compression should increase abbreviation density and, absent engagement scaffolding, bias boundary governance towards gatekeeping; interactive formats (Q&A/interviews) should increase corrective narrowing and epistemic hedging, stabilising professional voice under (de) terminologisation pressure; and texts with explicit evidential chains and return-to-term moves should exhibit stronger legitimacy calibration than metaphor-driven replacements lacking constraint marking.

Conclusion

PI is best treated as a SoS enacted within a CDS and accessible only via projective modelling. We proposed an MBSE-type algorithm (data acquisition → deconstruction/multi-view modelling → synthesis) that preserves cross-level coupling through traceability, consistency rules, and a minimal V&V loop. The resulting model reframes (de)terminologisation as an interface operation that simultaneously reshapes conceptual structure and redistributes participation rights, producing measurable boundary effects and strengthening the conceptual apparatus of cognitive linguistics with an engineering-grade

modelling discipline while remaining grounded in discourse evidence and identity-as-practice theory.

References

Антакли С. А., Алимурадов О. А. Деконструкция англоязычных военных терминов в массмедийном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 136–147.

Багиян А. Ю. Когнитивно-дискурсивное пространство профессиональной идентичности: системный подход к лингвопроектированию. Пятигорск: ФГБОУ ВО «ПГУ», 2024.

Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703.

Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach // Discourse Studies. 2005. Vol. 7(4–5). P. 585–614.

Du Bois J. W. The stance triangle. Stancetaking in discourse: Subjectivity, evaluation, interaction. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.

Hilaire V., Lalevée A. Models and tools for supporting sustainability assessment in Systems Engineering // Integrated Computer-Aided Engineering. 2025. Vol. 32. № . 3. P. 326–342.

Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. 2005. Vol. 7(2). P. 173–192.

Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology. Washington: Sage publications, 2019.

А. Ю. Багиян *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ «СИСТЕМА СИСТЕМ»: ПРОЕКТИВНОЕ MBSE-МОДЕЛИРОВАНИЕ

В статье профессиональная идентичность моделируется как когнитивно-дискурсивное пространство, концептуализируемое как «система систем» с эмерджентными неаддитивными свойствами. В рамках постулата проективности доступ к объекту обеспечивается посредством MBSE-моделирования, ограниченного эмпирическими данными, трассируемостью и минимальным контуром верификации/валидации в условиях языковой неопределенности. Контур «данные → деконструкция/многовидовое моделирование → синтез» интегрирует ключевые интерфейсы ((де)терминологизация, позиция/вовлеченность, управление границей участия)

и позволяет прогнозировать жанрово- и платформенно-обусловленные эффекты идентичности в коммуникации.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, когнитивно-дискурсивное пространство, система систем, проективное моделирование, MBSE, деконструкция, верификация.

И. В. Зуева *(Москва, Россия)*
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)
divirviz@yandex.ru

Т. А. Ширяева *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
shiryaevat@list.ru

АББРЕВИАТУРЫ КАК КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНЖЕНЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Статья рассматривает аббревиатуры в англоязычном инженерном дискурсе сквозь призму когнитивной лингвистики. Используя данные корпуса инженерных текстов, нами проведен проведен анализ функциональных и структурных свойств аббревиатур, включая инициальные, усеченные и гибридные формы. Особое внимание уделено тому, как аббревиатуры помогают профессионалам быстрее обрабатывать информацию.

Ключевые слова: аббревиатура, инженерный дискурс, когнитивные процессы, инициальные, усеченные, гибридные аббревиатуры.

Научно-технический прогресс, появление нано-технологий, а также искусственного интеллекта внесли значительные изменения в современную структуру языковой системы. В этой связи устойчивый рост профессиональных лексических единиц выступает одним из существенных источников обогащения общеупотребительного языка за счет специализированной лексики. Отметим, что когнитивный подход изучает аббревиацию в англоязычном инженерном дискурсе (АИД) как инструмент структурирования знаний, концептуализации и экономии ментальных усилий при обработке информации. Аббревиатуры рассматриваются не как простые сокращения, а как когнитивные структуры, участвующие в формировании профессиональных концептов и организации ИД. Они являются важным компонентом многих инженерных текстов, позволяющим ускорить процесс порождения

высказывания и обмена информацией, минимизируя когнитивную нагрузку. Кодируя сложные концептуальные конструкции в простые и компактные лингвистические формы, аббревиатуры в АИД являются «ментальными ярлыками», которые облегчают доступ к рабочей памяти.

Многочисленные работы посвящены использованию аббревиатур, их образованию, функциям в инженерных текстах: И. А. Улиткина и Л. Л. Нелюбина [Улиткин, Нелюбин 2019: 58], В. С. Жуковской [Жуковская 2024: 464], С. Ю. Бабановой [Бабанова 2022: 74] и др. Аббревиация (от лат. *abbreviation* – сокращение) относится к основным процессам словообразования и функционирует в системе языка наряду с аффиксацией, конверсией, словосложением. Специфика аббревиации определяется тем, что компоненты в аббревиатуре существуют в особом представлении: многие части исходной мотивирующей конструкции выступают в неузнаваемом виде, тогда как в словосложении наблюдается комбинаторика реальных основ. В то же время, аббревиатура составляет часть словосложения и аналогична некоторым производным, полученным способом словосложения или же суффиксации и префиксации [Дюжикова 1997: 135; Елдышев 1984: 5].

Проведенное исследование основано на корпусе англоязычных инженерных текстов, включающем стандарты ISO, ASTM, а также руководства и инструкции крупных мировых производителей Boeing, Siemens. Для корпуса было отобрано 200 текстов инженерной тематики. Применение корпусного метода позволило выделить три основные категории аббревиатур: инициальные, усеченные и гибридные. Два наиболее частотных типа в корпусе – инициальные буквенные аббревиатуры и сложносокращенные слова (слоговые аббревиатуры).

Инженеры воспринимают англоязычные аббревиатуры как профессиональный код для экономии времени и пространства, часто читая их как слова (акронимы, например, SEM) или побуквенно (инициализмы). Обработка аббревиатур осуществляется, как правило, контекстуально, с опорой на отраслевые стандарты (например, i.e., e.g.), что обеспечивает оперативную передачу технических данных.

Проведенный анализ показал, что наиболее широко в англоязычном ИД используются инициализмы, обеспечивая компактное обозначение технических концептов, систем и процессов. Частотными примерами инициальных аббревиатур в технической документации являются: SIMATIC – Siemens Automatic [StudyAircrafts], PLM – Product Lifecycle Management – управление жизненным циклом изделия; KPI – Key Performance Indicators. – ключевые показатели эффективности [Standards ISO, Standards ASTM].

Аббревиатуры, образованные усечением (truncation) в английском ИД, служат для оптимизации профессиональной коммуникации и документации. Такие сокращения часто используются в чертежах, от-

четах и технической переписке для экономии места и времени: Spec: Technical specification (Технические условия); Info: Technical information (Техническая информация); Calc: Calculation report (Отчет о расчетах); Tech: Technical drawing (Технический чертеж); Lab: Laboratory test (Лабораторное испытание); Temp: Temperature sensor (Датчик температуры); Mech: Mechanical engineer (Инженер-механик); Fab: Fabrication shop (Сборочный цех) [Молчанова, Зубова 2019: 120]. Такой подход позволяет инженерам быстро обмениваться технической информацией, используя устоявшиеся, короткие формы записи.

Гибридные формы аббревиатур совмещают элементы инициального и слогового типов. Такие аббревиатуры могут использоваться в текстах, связанных с инженерными проектами, например, **EPCI** – Engineering, Procurement, Construction and Installation – «тип контакта, включающий инжиниринговые услуги, закупку, монтаж и строительство», **M&M** – maintenance and modification – «форма контракта для небольших объёмов, связанных с обслуживанием оборудования, внесением небольших изменений в конструкцию и процессы, плановой заменой оборудования».

Принимая во внимание тот факт, что когнитивный подход рассматривает аббревиатуры, прежде всего как когнитивные структуры, участвующие в формировании профессиональных концептов и организации ИД, можно выделить его следующие ключевые аспекты к аббревиации [Беляева 2007: 95]. Во-первых, это экономия когнитивных ресурсов. Аббревиатуры упрощают хранение и обработку больших объемов профессиональной информации в памяти и критически сокращают когнитивную нагрузку, заменяя громоздкие термины компактными «кусками» (chunks) информации. Они ускоряют чтение и понимание, преобразуя длинные фразы в легко запоминаемые формы. Приведем примеры: AI (Artificial Intelligence) – искусственный интеллект, ka/Ma (Thousands/Millions of years ago) – тысячи/миллионы лет назад, i.e. (idest) – то есть (лат.), e.g. (exempli gratia) – например (лат.).

Во-вторых, аббревиатуры позволяют компрессировать развернутые понятия, сложные многокомпонентные структуры до лаконичных и емких буквенных обозначений, свернуть объемные термины в короткие акронимы, что, безусловно, облегчает коммуникацию профессионалов и значительно экономит время. Так, такие аббревиатуры как HVAC (Heating, Ventilation, and Air Conditioning), CAD (Computer-Aided Design) или FEM (Finite Element Method) максимально удобны для инженеров, поскольку их главным преимуществом является возможность мгновенно передать многословное содержание.

В-третьих, дискурсовизация аббревиатур в АИД. С дискурсивной точки зрения, аббревиатуры выполняют роль профессиональногомаркера инженерной идентичности. Они способствуют структурной целостности текста, сокращают объем изложения и повышают точность и лаконичность изложения. Так, наиболее типичными дискурсивные функции аббревиатур в АИД следующие:

– терминологическая компрессия и точность – *SME (Subject Matter Expert)* – стандартизирует понятие эксперта конкретной области в технической документации;

– маркировка дискурса (структурирование) – *FYI (for your information)* – часто встречается в переписке для выделения факта;

– именование процессов и структур – *NASA (National Aeronautics and Space Administration)* – акроним, используемый как имя собственное;

– организация контекста – *IMO (In My Opinion)*, *IMHO (In My Humble Opinion)* – используются в дискуссиях для выражения мнения.

В-четвертых, необходимо обратить внимание на окказиональность и понимание аббревиатур в ИД. Окказиональные (авторские, временные) аббревиатуры в английском инженерном тексте – этосокращения, созданные автором для конкретной работы, не закрепленные в словарях и понятные только в контексте. Такой подход позволяет рассматривать аббревиацию как активный процесс создания номинативных единиц, непосредственно связанный с когнитивной деятельностью инженера.

Среди окказиональных аббревиатур можно выделить:

– авторские составные термины – SD-networks (Software-Defined networks) – программно-определяемые сети (в конкретном исследовании архитектуры);

– сокращение длинных названий процессов/веществ: G-CNN (Graph Convolutional Neural Networks) – графовые сверточные нейросети;

– цифровые и символьные сочетания: 3D-PCM (3D Phase Change Memory) – трехмерная память с изменением фазового состояния.

Отметим, что вышеизложенные аспекты указывают на то, что окказиональные аббревиатуры помогают избежать повторения громоздких терминов, характерных для английского научного стиля.

Таким образом, результаты анализа аббревиатур в АИД убедительно демонстрируют, что аббревиатуры значительно ускоряют обработку инженерной информации и облегчают процесс обмена профессиональными знаниями. Они задают определенные когнитивные рамки, уменьшают нагрузку на рабочую память и позволяют воспринимать сложные технические структуры как единое целое.

Литература

Бабанова С. Ю. Аббревиатуры и проблемы их перевода в научно-технических текстах // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 3. С. 74–78.

Беляева В. А. Когнитивный подход к изучению аббревиации // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 9. С. 95–97.

Дюжикова Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка): дис. … докт. филол. наук. М., 1997.

Елдышев А. Н. Строение и мотивированность сокращенных слов (к проблеме взаимодействия формально-содержательных признаков в слове): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1984.

Жуковская В. С. Использование аббревиатур и сокращений в научно-технических текстах// IV Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Вектор 3.0»: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 17 апр. 2024 г. Витебск: Межд. университет «МИТСО», 2024. С. 464–466.

Молчанова Л. В., Зубова Л. Ю. Явление аббревиации в сопоставительном аспекте // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. 120–129.

Улиткин И. А., Нелюбин Л. Л. Использование и перевод сокращений в научно-техническом тексте // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 4 (18). С. 58–69.

Standards ISO. URL https://www.iso.org/ru/standards.html

Standards ASTM. URL: https://www.astm.org.

StudyAircrafts. URL: https://www.studyaircrafts.com/post/aircraft-manufacturer-s-documentations-manuals-for-maintenance

I. V. Zueva *(Moscow, Russia)*
Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI)

T. A. Shiryaeva *(Pyatigorsk, Russia)*
Pyatigorsk State University

ABBREVIATIONS AS A COGNITIVE TOOL IN ENGLISH-LANGUAGE ENGINEERING DISCOURSE

The article looks at acronyms in English-language engineering discourse through the lens of cognitive linguistics. Using the data of the corpus of engineering texts, an analysis of the functional and structural properties of abbreviations, including initial, truncated and hybrid forms, was carried out. Particular attention is paid to how abbreviations help professionals process information faster.

Key words: abbreviation, engineering discourse, cognitive processes, initial, truncated, hybrid abbreviations.

Инь Синьтин *(Москва, Россия)*
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина
530895675@qq.com

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ МУЖСКИХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ МОДЫ

Статья посвящена анализу языковых средств конструирования мужских образов в современном российском и китайском медиадискурсе моды. Анализ показывает, что в обеих традициях мужской имидж всё чаще осмысляется через мягкость, романтичность и эстетические характеристики. При этом способы языковой репрезентации мужчин заметно различаются: русскоязычные медиа в основном расширяют привычное представление о мужском образе через описание, тогда как китайские тексты сильнее акцентируют телесность и эстетические формы. Таким образом, модный медиадискурс не просто отражает изменения в восприятии традиционных мужских образов, но и сам участвует в трансформации современных гендерных представлений.

Ключевые слова: русский и китайский медиадискурс моды, маскулинность, современные мужские образы, гендерные характеристики.

Медиадискурс моды характеризуется процессами сложного междискурсивного взаимодействия, реализуемого в сфере массмедиа [Гапутина 2021: 41]. Этот дискурс не ограничивается описанием образа человека через его одежду, он включает множество дополнительных аспектов, отражающих взгляды индивидов на социальные статусы, гендерные роли и ценностные ориентиры. Кроме того, медиадискурс моды формирует и транслирует художественно-эстетические концепты, предпочитаемые представителями социума в разные исторические периоды. Таким образом, он выступает как междисциплинарное и многогранное явление, которое затрагивает широкий спектр социокультурных аспектов и оказывает влияние на восприятие и интерпретацию моды и гендерных образов в общественном сознании.

Цель работы – выявить языковые средства конструирования мужских образов в современном российском и китайском медиадискурсе моды. Материалом исследования послужили тексты российских и китайских модных сайтов. Проанализировано 80 статей, 40 из русских сайтов (https://www.glamurnenko.ru/, https://men-mag.com/, https://manmoda.ru/.), и 40 – китайских (http://www.gq.com.cn/, https://www.cosmopolitancn.com/cosmo/*и Вичат канал BAZAAR Men's Style*).

Методы исследования: метод сплошной выборки, классификация, контрастивный анализ, описательно-аналитический метод, контекстуальный анализ, интерпретационный анализ, лексико-семантический анализ.

В традиционном общественном сознании России и Китая образ мужчины чаще всего ассоциируется с силой, мужественностью, спокойствием, уверенностью и сдержанностью. Мужские и женские образы, описываемые в литературе, кино и СМИ, традиционно противопоставлялись, что выражалось в языковых средствах, используемых для характеристики внешности, характера, поведения, атрибутов и пр. Вместе с тем во все исторические эпохи модные тенденции оказывали влияние на общественные взгляды, меняя отношение к тому, как должны выглядеть идеальные представители обоих полов. С конца XX века образ «унисекс» активно позиционируется в мире, а начиная с 2000-х гг. наблюдается ослабление и сглаживание гендерных различий во всех вопросах – от карьеры и самореализации до образа жизни и стиля одежды.

Конструирование мужских образов в медиатекстах о моде осуществляется с помощью лингвокогнитивного воздействия: языковые средства моделируют нужный типаж, соответствующий общественно одобряемому стилю жизни, в рамках которого читатель будет воспринимать, мыслить и рассуждать.

Анализ языкового материала выявил тенденции современных модных китайских и российских медиа: несмотря на наличие привычных маркеров мужского поведения («уверенность», «мужественность», «деловой», «сдержанный»), транслируемые образы полностью лишены этих качеств. Обратимся к примерам: *«Темный пиджак придаёт* ***элегантность*** *и* ***привлекательность****, делая вас* ***сильнее и увереннее****»; «любой мужчина может сделать свой образ еще более* ***мужественным, интересным, элегантным, обладающим невероятным шиком****»; «****сдержанные*** *деловые пуловеры и джемперы»; «это метафора мужской мужественности:* ***романтичность, уверенность и страстная экспрессия****» (источник: “正是一种男性气质的暗喻:浪漫、自信和热情奔放”); «проявление* ***уверенности*** *через* ***харизму главного героя****» (источник: “展现自信的主角气场”).*

Появляющийся в сознании образ никак не соотносится ни с отцом семейства, ни с уверенным бизнесменом, ни с сильным мужчиной. Контрастирующие с этим лексемы «элегантность», «привлекательность», «шик» характеризуют достаточно манерный образ любителей салонной жизни и ассоциируются скорее с театрально-богемным стилем.

Акцентируя внимание на отдельных чертах мужского тела, авторы создают почти женственные силуэты: *«облегающий фасон хорошо подчеркнет* ***фигуру****»; «чтобы подчеркнуть свою* ***стройность****»; «а вертикальные линии зрительно* ***стройнят*** *и* ***вытягивают силуэт****»; «центральным элементом стал силуэт с* ***широкими плечами*** *и* ***затянутой талией****»; «мгновенно*

создаётся ***стройный и элегантный*** *силуэт» (источник: “瞬间修饰高挑利落身型”);*

Попытки усилить маскулинность с помощью колоронимов формируют образы цветовой гаммы, а не мужских черт: *«****чёрное*** *зимнее пальто в стиле тренча – это выбор* ***уверенных*** *в себе мужчин»; «в моде варианты в* ***сдержанных*** *цветах:* ***сером, болотном, черном****»; «цветовая гамма преимущественно* ***спокойная****: основу составили* ***серый, нежно-голубой, бежевый, оливковый****»; «****тёмные оттенки****, такие как* ***чёрный и тёмно-коричневый****, лучше всего подчёркивают* ***зрелое очарование*** *мужчины» (источник: “黑色、深棕色等沉稳色系更能凸显男性的成熟魅力”); «****холодный и сдержанный чёрный стиль****» (источник: “高冷的黑色系”); «****синяя*** *рубашка в сочетании с* ***тёмными*** *костюмными шортами создаёт* ***сдержанный и элегантный*** *образ» (источник: “蓝色衬衫下身搭配深色系西装短裤，沉稳大气”).*

На фоне распространения унисекс-эстетики мужские образы в российском и китайском модном медиадискурсе постепенно трансформируются в новый формат. Это хорошо заметно в русскоязычных примерах, где мужчина описывается уже не только через силу и сдержанность, но и через мягкость, романтичность, энергичность и свежесть: *«мужчины тоже могут носить одежду* ***пастельных цветов*** *– она отлично* ***освежает*** *гардероб»; «популярны оттенки закатного неба, желтого и не очень привычного мужскому гардеробу* ***розового****»; «этой весной* ***романтический*** *стильный вектор уверенно соседствует на подиумах с* ***брутальной маскулинностью****»; «а если хочется сделать образ чуть* ***живее****, добавь один* ***тёплый акцент*** *– например, приглушённый* ***оранжевый*** *в шапке или шарфе».*

Кроме того, современный модный медиадискурс не просто фиксирует изменения в мужском образе, но и участвует в формировании определённых мужских ценностей. Делается это, в частности, через противопоставление «примеров для подражания» и «отрицательных персонажей». Показателен следующий пример: ***«Если кто-то скажет “это не мужское”, можно просто не спорить – спорят обычно те, кто боится выглядеть не как все»***.

Соответственно, похожие изменения можно наблюдать и в текстах китайского модного медиадискурса: «*Всего две одинаковые* ***молочно-белых*** *рубашки, надетые слоями, – и образ уже выглядит более* ***дружелюбным и мягким****» (источник: “只需两件同款奶白色衬衣叠穿，就能提升亲和力与温柔气质”); «****свежий*** *и* ***яркий*** *образ с* ***минималистичной юношеской эстетикой****» (источник: “清新显白的简约少年感”); «****мужчины тоже могут носить розовый*** *и при этом выглядеть* ***очень стильно****» (источник: “男人也可以穿粉红色，而且穿得很好看”); «****независимо от того,***

надевает ли мужчина розовый цвет или цветочную рубашку, носит ли небольшой рюкзак или выбирает "гендерно-нейтральные" украшения, мужественность должна исходить изнутри, из самой основы личности – внутренней гармонии» *(источник: "无论是男人穿粉色，或是花衬衫，背上一只小巧的背包，或是带上"无性别"的首饰，男子气概都应当专注于内心，从最根本的气质出发").*

Анализ языковых средств, используемых в дискурсе моды России и Китая для построения мужского образа, позволяет сделать ряд выводов.

1. С одной стороны, в современном дискурсе моды России и Китая по-прежнему сохраняются традиционные представления о мужественности, связанные с силой, уверенностью и сдержанностью. С другой стороны, всё заметнее становится стремление выйти за пределы жёстких гендерных стереотипов. В результате мужественность в современном контексте получает более широкое и гибкое толкование: она может включать не только силу и рациональность, но и мягкость, романтичность, нежность, эмоциональную открытость и внутреннюю уверенность.

2. Медиадискурс моды не просто отражает уже существующие представления о мужчине, но и активно участвует в их формировании. Через создание новых образов он постепенно влияет на то, как аудитория воспринимает мужские ценности, нормы поведения и допустимые формы самовыражения.

3. Различия в построении мужского образа в медиадискурсе России и Китая проявляются в следующем: русскоязычные медиа склонны к постепенному расширению традиционного представления о мужественности в рамках привычного восприятия, при этом их выражение характеризуется описательностью; в китайских медиа оценка телесных символов и эстетических стандартов выражена более ясно.

Эти различия отражают различные темпы, способы эволюции и языковой трансляции в социуме гендерных представлений в контексте каждой из культур.

Литература

Башкатова Д. А. Современный русский дискурс моды: автореферат дис.… канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010.

Гапутина В. А. Медиадискурс моды: процессы, феномены, эффекты: монография. М.: РИОР, 2021.

Инь С., Гончарова Л. М. Языковые средства создания женских образов в современном российском медиадискурсе моды // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2025. № . 1. С. 95–103.

Зиновьева Е. С. Лингвистические средства дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 4(20). С. 30–39.

Yin Xinting *(Moscow, Russia)*
Pushkin State Russian Language Institute

LINGUISTIC MEANS OF CONSTRUCTING MALE IMAGES IN RUSSIAN AND CHINESE FASHION MEDIA DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of linguistic means used to construct male images in contemporary Russian and Chinese fashion media discourse. The analysis shows that in both traditions, the male image is increasingly interpreted through softness, romanticism, and aesthetic characteristics. At the same time, the linguistic representation of men differs significantly: Russian-language media mainly expand the conventional understanding of the male image through description, while Chinese texts place greater emphasis on corporeality and aesthetic forms. Thus, fashion media discourse not only reflects changes in the perception of traditional male images, but also actively participates in the transformation of contemporary gender concepts.

Key words: Russian and Chinese fashion media discourse, masculinity, contemporary male images, gender characteristics.

Ю. С. Кравчук *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений
y.kravchuk@inno.mgimo.ru

ЮРИДИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ «ДРУЖЕСТВЕННЫЙ»/ “FRIENDLY”)

Проведенный на основе текстов официальных документов стратегического планирования анализ семантической трансформации, правового статуса и дискурсивного функционирования выявляет в российском праве бинарную оппозицию ДРУЖЕСТВЕННЫЙ – НЕДРУЖЕСТВЕННЫЙ, отсутствующую в британском дискурсе. Междисциплинарный подход раскрывает градуальность значений, синонимию и юридическую инструментализацию терминов, подчеркивая взаимосвязь языка, права и политики.

Ключевые слова: политический дискурс, бинарная оппозиция, градуальность, термин, ДРУЖЕСТВЕННЫЙ.

Современный политический дискурс характеризуется интенсивным взаимопроникновением языковых и правовых категорий, порождающим фе-

номен юридизации политической лексики. Такая юридизация, наблюдаемая, в частности, в официальных документах и нормативных актах, превращает лексемы, изначально обладавшие размытой оценочной семантикой, в термины с формально-юридическими последствиями, что требует пересмотра их семантической структуры и правового статуса.

Междисциплинарный анализ данного процесса на стыке лингвистики, юриспруденции и дискурсологии позволяет вскрыть механизмы семантической трансформации слов, переходящих из общеупотребительной сферы в нормативно-правовое поле. Как полагает Ю. Ю. Суханов, синтез лингвистики и политики высвечивает особые свойства дискурсивных явлений [Суханов 2024], и наш материал показывает, что ключевую роль в этом синтезе играет именно право, придающее слову перформативную силу.

Семантический анализ терминов ДРУЖЕСТВЕННЫЙ / FRIENDLY выявил, что при переходе из общеупотребительного языка в политико-правовой дискурс прилагательное ДРУЖЕСТВЕННЫЙ утрачивает психологически окрашенные семы близости и симпатии и сужается до операционного компонента «отсутствие враждебности/ наличие общей позиции». Данная деперсонификация и переход к обобщенному значению представляют собой не только семантический сдвиг, но и становятся необходимым условием для того, чтобы лексема стала инструментом для правовой классификации. Междисциплинарный подход позволяет увидеть, как лингвистическая категория градуальности (шкала «дружественности», которая отражается лексемами *братский*, *союзнический*) вступает в сложное взаимодействие с юридической потребностью в бинарных оппозициях. Право, как показывают А. Г. Чабанная и М. В. Каменский, тяготеет к антонимичным концептуальным структурам [Чабанная, Каменский 2023: 541], и именно эта потребность обусловливает трансформацию значения: градуальная шкала языка сужается до правовой дихотомии ДРУЖЕСТВЕННЫЙ – НЕДРУЖЕСТВЕННЫЙ.

В качестве подтверждения можно привести Указ Президента Российской Федерации от 23 апреля 2021 г. № 243 «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств», в котором в пункте 1 фиксируются «недружественные иностранные государства» как «иностранные государства, совершающие недружественные действия в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или Российской юридических лиц» [Указ Президента Российской Федерации 2021].

В британском политическом дискурсе в официальных документах термин FRIENDLY практически не фиксируется. Анализ парламентских

актов, актов правительства Великобритании показал, что институционализированная бинарная оппозиция для лексемы *friendly*, характерная для российского дискурса, в британском английском языке отсутствует. В политико-дипломатическом контексте лексема *friendly* скорее тяготеет к ситуативной кооперации (*friendly relations*, *friendly settlement*) и не кодифицируется в качестве постоянного атрибута государства [Government Security Classifications Policy 2024; UK defence policy… 2023].

Сопоставительный анализ с британским дискурсом подтверждает, что выявленная в российском контексте бинарная оппозиция является не универсальным свойством политической семантики, а продуктом конкретного национального правопорядка. Отсутствие в британском официальном дискурсе бинарной оппозиции FRIENDLY – UNFRIENDLY при развитой системе терминологии *союзник* и *партнер* (*ally*, *partner*) указывает на принципиально иную модель правовой классификации субъектов международных отношений.

В ходе исследования лексем ДРУЖЕСТВЕННЫЙ и FRIENDLY были также выявлены семантико-деривационные различия, а также различия в способах выражения градуальности (степени интенсивности признака).

Так, в русском языке усиление значения достигается префиксацией и суффиксацией, создавая новые лексемы: *добрососедский* (конкретизация и усиление территориальной близости), *братский* (метафоризация на основе родства), *союзнический* (институализация отношений). Это отражает способность языка создавать иерархию «степеней дружественности». В качестве лексического окружения и синонимов установлены следующие термины: упомянутый выше *братский* (термин более эмоционально наполненный), *взаимовыгодный* (синоним к термину с коннотацией прагматизма), *конструктивный* (выражающий готовность к диалогу), *ответственный* (в значении «разделяющий ответственность за мировую стабильность»), *суверенный* (как главная характеристика «дружественного» партнера) и *перспективный* (указывающий на потенциал сближения).

Важные синонимы в британском политическом дискурсе представлены по шкале градуальности в кратком руководстве по законопроекту 2024 года “Who are Britain’s most important allies and partners?”: *allies* (союзники), *partners* (партнеры), *a most important ally* (наиболее важный союзник), *key allies and partners* (ключевые союзники и партнеры), *most important allies and partners* (наиболее важные союзники и партнеры), *the most significant partner* (наиболее значимый партнер), *significant partner* (значимый партнер), *crucial partner* (исключительно важный партнер), *paramount partner* (главный партнер) [James 2024].

В британской традиции термин FRIENDLY обозначает скорее общую тональность отношений. Он не налагает формальных обязательств, но создает презумпцию благожелательности и готовности к сотрудничеству. Предпочтение отдается юридически более верифицируемым терминам *ally* (союзник, предполагающий наличие договора) и *partner* (часто в рамках экономических и политических объединений), т.е. терминам с более четкой правовой классификацией.

Таким образом, междисциплинарный анализ позволяет установить здесь некоторую корреляцию: в русском языке используется модель интенсивной деривационной шкалы для выстраивания иерархии статусов в рамках политической консолидации, тогда как в британском английском применяются отдельные номинации с более четкой правовой определенностью («союзник» предполагает договор, «партнер» – институциональные рамки).

Главным итогом нашего междисциплинарного анализа становится установление уникального правового статуса термина «недружественные государства», закрепленного Правительством РФ. Юрислингвистический анализ, направленный на установление правового статуса терминов ДРУЖЕСТВЕННЫЙ и FRIENDLY, показал, что их статус принципиально различен. Здесь происходит переход из плоскости декларативной этикетности в плоскость конкретных правоотношений. Лексема, пройдя путь от дескриптивного прилагательного до элемента юридического состава, становится инструментом, порождающим правовые последствия. Использование антонима как юридического инструмента является уникальным случаем, демонстрирующим, как дискурсивная практика в сфере политики, опираясь на ресурсы языка (антонимию, номинализацию), способна создавать новую юридическую реальность. При этом отмеченный О. Е. Савенко парадокс – существование перечня «недружественных» государств при отсутствии легальных перечней «дружественных» и «нейтральных» [Савенко 2024: 16], дополнительно подсвечивает природу данной номинации: она функционирует как маркер исключения из круга «консолидирующихся» субъектов, что полностью согласуется с выявленной в исследовании Е. В. Дзюбы и А. Г. Кузякина «семантикой консолидации» [Дзюба, Кузякин 2025: 34].

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что политический дискурс, трактуемый В. И. Карасиком как «институциональное общение с собственной системой знаков» [Карасик 2004: 281], и понимаемый И. А. Зюбиной как «совокупность ситуаций под воздействием экстралингвистических факторов» [Зюбина 2024: 37], в наиболее концентрированном виде проявляет свою специфику на

стыке лингвистики и права. Предложенный анализ демонстрирует продуктивность юрислингвистической методологии, при которой семный состав слова, деривационные модели и дискурсивная дистрибуция интерпретируются не как имманентные свойства языковой системы, а как непосредственные элементы конструирования политико-правовой картины мира, определяющие категоризацию государств и модальность международных отношений.

Литература

Дзюба Е. В., Кузякин А. Г. Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса: моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 6. С. 31–52.

Зюбина И. А. Феномен доминирования в политическом дискурсе: юрислингвистические аспекты: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2024.

Карасик В. И. Языковой округ: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Савенко О. Е. Правовой статус дружественных и недружественных иностранных государств, обобщение и определение критериев отнесения государства к данным категориям: аналит. доклад. 2024. URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/PUR_9-AD-Nedruzhestvennye-gosudarstva.pdf

Суханов Ю. Ю. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5–1 (71). С. 147–149.

Указ Президента Российской Федерации от 23 апреля 2021 года No 243 «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств». 2021. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104230015?index=2

Чабанная А. Г., Каменский М. В. Бинарная концептуальная оппозиция «МЫ – ОНИ» в современном англоязычном политическом дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 538–545.

Government Security Classifications Policy. Cabinet office. 2024. URL: https://www.gov.uk/government/publications/government-security-classifications/government-security-classifications-policy-html

James W. D. Who are Britain's most important allies and partners? Primer. Council on geostrategy. 2024. URL: https://www.geostrategy.org.uk/research/who-are-britains-most-important-allies-and-partners/

UK defence policy: from aspiration to reality. House of Lords Report. 2023. URL: https://publications.parliament.uk/pa/ld5803/ldselect/ldintrel/124/124.pdf

Yu. S. Kravchuk *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

LEGALIZATION OF POLITICAL LEXICON AS A SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY ANALYSIS (TERM "FRIENDLY")

An analysis of semantic transformation, legal status and discursive functioning, based on official strategic planning documents, reveals a binary opposition of FRIENDLY – UNFRIENDLY in Russian law, which is absent from British discourse. An interdisciplinary approach reveals the gradation of meanings, synonymy and the legal instrumentalisation of terms, highlighting the interconnection between language, law and politics.

Key words: political discourse, binary opposition, gradation, term, FRIENDLY.

Лю Минсюань *(Москва, Россия)*
Московский педагогический государственный университет
liu.mingxuan@bk.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются особенности терминологической номинации в финансово-экономическом дискурсе русского и китайского языков с позиции когнитивно-дискурсивного терминоведения. Цель работы – сопоставить способы выражения терминологических единиц финансово-экономической сферы. На основе этимологического и дефиниционного анализов, а также количественного подсчета установлено, что русский язык, как флективный, использует грамматически оформленные двухкомпонентные атрибутивные словосочетания с заимствованным ядерным компонентом, в то время как китайский язык, как изолирующий, предпочитает двухкомпонентные композиты, образованные из исконных морфем. Результаты исследования имеют значение для теории терминоведения, практики перевода и преподавания языков для специальных целей.

Ключевые слова: терминологическая номинация, финансово-экономический дискурс, русский язык, китайский язык, когнитивное терминоведение, сопоставительный анализ, терминообразование.

В когнитивно-дискурсивном терминоведении, которое Л. А. Манерко определяет как направление, базирующееся на антропоцентрическом принципе, акцент делается на когниции и коммуникации, запечатленном

посредством номинации терминологических единиц [Лейчик 2007; Манерко 2018: 721], отражающих «структуры знания, стоящие за профессиональной деятельностью человека». Номинация терминологической области знания является особым речетворческим процессом, который направлен на конструирование элемента специального знания посредством «номинативно-дискурсивного образования» [Манерко 2024a: 390–405].

Способы выражения терминологической номинации зависят от типологических особенностей языка. Во флективных языках, как в русском языке, терминологическая номинация представлена разными по структуре номинативными единицами, где особое место принадлежит терминологическим конструкциям, где чаще всего присутствует согласование и управление, с выделением согласующихся друг с другом единиц. В изолирующих языках, например, в китайском, терминологические единицы часто «упакованы» непосредственно в структуру термина-композита.

В работе мы выявили и сопоставили способы выражения терминологической номинации финансово-экономического дискурса русского и китайского языков. Для анализа фактического употребления терминов были привлечены тексты финансово-экономической тематики аналитического и новостного характера на русском и китайском языках с интернет-порталов Финам.Ру, Инвестинг.ру, caijing.com.cn, wallstreetcn.com и др. Материалом исследования послужили данные лексикографических источников русского и китайского языков: этимологические, толковые словари, словари иностранных слов, финансово-экономические специализированные словари общим объемом более 70 000 единиц на русском языке и 76 000 иероглифов на китайском языке.

Сложноструктурные субстантивные словосочетания в любой терминосистеме русского языка являются основным средством вербализации отношений в терминологии [Манерко 2024b: 448]. В русском языке, как языке флективном, наиболее продуктивными являются три модели:

1. Атрибутивная модель (определение + определяемое) является доминирующей. Она представлена двухкомпонентными и многокомпонентными атрибутивными словосочетаниями: *финансовый рынок, кредитный договор, процентная ставка, инвестиционный портфель*. Наибольшее количество таких словосочетаний фиксируется в категории «Материальные продукты» (67% от общего состава).

2. Довольно часто (18%) наблюдаются термины, обозначающие процессы и состояния, указывающие на управление как вид синтаксической подчинительной связи: *банкротство предприятия, рост экономики, падение курса*.

3. Следующая модель (15% от общего числа проанализированных единиц) представлена терминами, обозначающими действие, направленное

на объект: *управление активами, кредитование бизнеса*. Здесь также присутствует управление с выделением направленности действия, представленного от главного слова – существительного к зависимому компоненту.

Китайская финансовая терминология демонстрирует иную картину, обусловленную изолирующим строем языка.

1. Атрибутивная модель также является доминирующей, но она реализуется преимущественно в форме двухкомпонентных композитов, образованных по модели «определение + определяемое»: «市场» (shìchǎng «рынок», досл. рынок + площадь), «银行» (yínháng «банк», досл. серебро + ряд), «资本» (zīběn «капитал», досл. средства + основа). Количественный анализ показал, что в категории «Материальные продукты» 89% являются двухкомпонентными композитами.

2. Модель, которая составляет 6% от общего числа проанализированных единиц, представлена четырехкомпонентными терминами-словосочетаниями: «通货膨胀» (tōnghuò péngzhàng «инфляция», досл. сквозной + товар + разбухание + деньги).

3. Предикативно-объектная модель (5% от общего числа проанализированных единиц) представлена двухкомпонентными композитами: «投资» (tóuzī – инвестиция, досл. бросать + капитал). Важной особенностью китайской терминологии является сохранение этимологической памяти в структуре композита. Например, иероглиф «贝» (bèi – раковина), входящий в состав терминов «财» (cái – богатство), «货» (huò – товар), «贸» (mào – торговля), указывает на древнейшую форму денег – раковины-каури [Современный словарь китайского языка 2016; Словарь Синьхуа 2020].

Проведенный анализ позволяет выявить несколько ключевых различий в способах выражения отношений в русской и китайской финансовой терминологии.

1. Степень компрессии указывает на то, что русские термины стремятся к развернутости, чаще представляя собой двух- и трехкомпонентные атрибутивные словосочетания, где каждый компонент сохраняет свою лексическую самостоятельность, а связь между ними выражена грамматически. Китайские термины, напротив, стремятся к компрессии – они чаще представляют собой двухкомпонентные композиты. Это различие объясняется типологическими особенностями языков.

2. Происхождение ядерных компонентов говорит о том, что в терминах на русском языке ядерный компонент часто является заимствованным из европейских языков. Например: финансы (от фр. finance), бюджет (от фр. bougette), экономика (от греч. oikonomikē), капитал (от лат. capitalis), инвестиция (от лат. investire), бизнес (от англ. business), что снижает их

семантическую прозрачность. Для русской терминосистемы характерны вторичность и сравнительно небольшая доля мотивированных терминов [Китайгородская 1996: 236]. В китайских терминах, напротив, оба компонента композита являются исконными китайскими морфемами, что обеспечивает высокую степень семантической мотивированности, как указывает О. Р. Очиров [Очиров 2009: 142].

Полученные результаты имеют практическое значение для перевода финансово-экономических текстов, преподавания русского и китайского языков как иностранных, а также для разработки учебных пособий по языкам специальности.

Литература

Китайгородская М. В. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование): дис. … канд. филол. наук. М., 1996.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2007.

Манерко Л. А. Когнитивное терминоведение как отражение антропоцентрического и конструирующего взгляда на терминосистемы и специальный дискурс // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 34. С. 720–725.

Манерко Л. А. Основополагающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения // Преподаватель XXI век. 2024a. № 2. С. 390–405.

Манерко Л. А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. М.: Гнозис, 2024b.

Очиров О. Р. Лингвистические проблемы экономической терминологии современного китайского языка // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 140–145.

现代汉语词典 / Современный словарь китайского языка / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7-е изд. Пекин: Шану иньшугуань, 2016.

新华字典 / Словарь Синьхуа / 商务印书馆编. Пекин: Шану иньшугуань, 2020.

Liu Mingxuan *(Moscow, Russia)*
Moscow Pedagogical State University

TERMINOLOGICAL NOMINATION IN FINANCIAL AND ECONOMIC DISCOURSE IN RUSSIAN AND CHINESE

The article examines the features of terminological nomination in the financial and economic discourse of the Russian and Chinese languages from the perspective of cognitive-discursive terminology studies. The aim of the work is to compare the ways of

expressing terminological units of the financial and economic sphere. Based on etymological and definitional analysis, as well as quantitative calculation, it has been established that Russian, as a fusional language, uses grammatically formed two-component attributive phrases with a borrowed nuclear component, while Chinese, as an isolating language, prefers two-component compounds formed from native morphemes. The results of the study are significant for the theory of terminology studies, the practice of translation and the teaching of languages for special purposes.

Key words: terminological nomination, financial and economic discourse, Russian language, Chinese language, cognitive terminology studies, comparative analysis, term formation.

***А. В. Меньшова** (Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
alyono4ka.menshova@yandex.ru

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ VS НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС

Данная статья посвящена рассмотрению фразеологизмов и медицинских терминов русского и французского языков, транслирующих интерпретацию состояния физического здоровья человека в языке как его положительную и отрицательную оценку. Исследование проводится с учетом когнитивного анализа языковых явлений.

Ключевые слова: фразеологизмы, медицинские термины, состояние физического здоровья, оценка, когнитивный анализ.

Е. С. Кубрякова считала, что «интерпретация – не просто «считывание» готового смысла, а активный процесс, в котором участвуют и структура языка, и когнитивные механизмы, и контекст» [Кубрякова и др. 1996: 31–32].

Концепция языковой интерпретации Н. Н. Болдырева служит теоретической основой для множества современных исследований в области когнитивной лингвистики. Н. Н. Болдырев пишет: «Языковая интерпретация – это вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире» [Болдырев 2015: 5]. Языковая интерпретация, согласно теории Н. Н. Болдырева, может проявляться в трех основных типах, которые реализуют три ее главных функции: селекции, классификации и оценки [Болдырев 2011: 12]. Ученый делает акцент на динамичности интерпретации: человек каждый раз заново фор-

мирует смысл, опираясь на опыт, а также выбирает средства репрезентации. Кроме того, данная теория вводит идею вторичной интерпретации, согласно которой мы не просто воспринимаем окружающую нас действительность, а подвергаем дальнейшей переработке уже вербализованные знания о ней (классифицируем, оцениваем).

Теория языковой интерпретации Н. Н. Болдырева может быть рассмотрена как своего рода новый вызов в когнитивной лингвистике, поскольку она предложила более сложную интегрированную модель, которая объясняет динамику смысла.

В этой теории оценка – не второстепенный элемент, а центральный механизм, который во многом определяет, как будет интерпретировано то или иное явление.

Многие ученые разрабатывали различные подходы к пониманию оценки в языке. Исследователи сходятся во мнении, что:

- оценка – результат оценочной деятельности человека;
- в ее формировании участвуют как объективные, так и субъективные факторы, связанные с субъектом и объектом оценки;
- оценочные смыслы организуются по шкале с зонами с положительного и отрицательного значений, которая по своей природе ассиметрична и не имеет устойчивого равновесия.

Оценка всегда формируется с учетом определенных критериев и включает в себя языковые и когнитивные механизмы.

Безусловно, только врачи могут дать оценку состояния физического здоровья своих пациентов. Оценивая, медицинские работники в речи употребляют узкоспециализированные термины, которые зачастую непонятны обычному обывателю. Для оценки состояния здоровья пациенты, в свою очередь, могут прибегать к использованию фразеологизмов, часто образного характера, для наиболее точного описания беспокоящих их симптомов. Таким образом, фразеологические единицы в данном случае являются отражением наивной картины мира, в то время как медицинские термины – научной. Врачи иногда прибегают к фразеологизмам для того, чтобы снизить когнитивную нагрузку пациента и повысить эффективность коммуникации, тем самым возводя «мост» между обыденным и научным знанием.

Для реализации функции оценки в обыденном ключе служат фразеологические единицы, а медицинские термины – в профессиональном.

Фразеологизмы с оценкой состояния физического здоровья человека включают в себя единицы, отражающие следующие критерии: правильное телосложение, адекватный рост, достаточные сила и выносливость, уровень энергетического потенциала. Следует отметить, что нескольким фразеоло-

гизмам, используемым в повседневной жизни, как правило, соответствует один узкоспециализированный термин, широко распространенный среди медицинских работников (см. табл. 1):

Таблица 1. *Критерии оценки*

Критерий оценки	**Профессиональный ракурс**	**Непрофессиональный ракурс**
1. Правильное телосложение	ожирение/l'obésité	гора мускулов, дуб сибирский/être large d'épaules; заплыть жиром, с жиру лопаться, не проходить в дверь/rond comme une boule, rond comme une balle, rond comme une pomme
	анорексия/l'anoréxie	худой как вобла, худой как щепка, худой как скелет, худой, как пушинка, кожа да кости, мешок костей, костями греметь/sec comme un cotret, sec comme une allumette, sec comme un copeau, sec comme une trique, sec comme un hareng.
2. Адекватный рост	высокорослость, гигантизм/le gigantisme	haut comme une botte, haut comme le pouce; высокий как гора, высокий как дерево, высокий как дом /haut comme une montagne
	карликовость, нанизм/le nanisme	с ноготок, с булавочную головку/gros comme le (mon) poing, haut comme trois pommes
3. Достаточные сила и выносливость	гипертрофия/ l'hypetrophie	сильный как мамонт, сильный как бык/fort comme un taureau, fort comme un boeuf, сильный как лев/fort comme un lion, выносливый как лошадь/solide comme un jument de Perche
	дистрофия/la dystrophie	силёнок как у цыплёнка/fragile comme (du) verre
4. Уровень энергетического потенциала	астения/l'asthénie	энергия бьет через край, фонтанировать, излучать энергию/dégager de l'énergie, déborder d'énergie, rayonner; быть как выжатый лимон, не в силах, нет мочи/être à plat, être sur le flanc, rouler sur la jante, être mou comme un chique [Назарян 1987, Ожегов 2025]

Языковые модели, лежащие в основе фразеологизмов, типа: «глагол + союз "comme" + имя существительное», «имя прилагательное + союз "comme" + имя существительное» / «глагол + союз «как» + имя существи-

тельное», «имя прилагательное + союз «как» + имя существительное» обнаруживают явное сходство в русском и французском языках.

Одной из наиболее частотных моделей, характерных для образования терминов в русском и французском языках, является аффиксация.

В приведенных примерах непрофессиональной сферы размышления о состоянии физического здоровья человека проецируются на представления о природных объектах и артефактах, осуществляются в терминах части и целого, человек и его внешний вид сравнивается с различными объектами живой и неживой природы, представителями животного мира.

Так, *rouler sur la jante (ехать на спущенном колесе)* демонстрирует оценку состояния здоровья человека в обыденном ключе по критерию «уровень энергетического потенциала» и является примером реализации **концептуальной метафоры**. **Сфера-источник** – неисправность автомобиля (артефакт). **Сфера-мишень** – состояние физического истощения.

Для обозначения снижения энергетического потенциала пациента медицинские работники используют термин *«астения» / "l'asthénie"* (от древнегреч. *ἀ- (a-)* – «без» + σθένος *(sthenos)* – сила). Астения – это состояние общей слабости организма, бессилие [Ожегов 2025: 54].

Примером реализации когнитивного механизма **концептуального сравнения** является *худой как вобла / sec comme un hareng*. Человека с дефицитом массы тела часто сравнивают с воблой (во французском языке – с сельдью). Вобла – это вид рыбы, имеющая плоскую форму, вызывающая прямую ассоциацию с нездоровой худобой человека, которая иногда может указывать на крайнюю степень истощения.

В профессиональной медицинской коммуникации в русском языке используется термин *«анорексия»* для описания пациентов с недостаточной массой тела. **Анорексия** (от *древнегреч. ἀ- «без-, не-»* + ὄρεξις *«позыв к еде»*) – синдром, характеризующийся потерей аппетита, отказом от пищи [Гак, Ганшина 2001: 49]. Во французском языке термин *"l'anoréxie"* имеет аналогичное значение.

Фразеологизмы, используемые для оценки состояния физического здоровья в русском и французском языках, демонстрируют некоторые сходства. Во-первых, многочисленный пласт фразеологизмов отражает либо превышение нормы (очень хорошее здоровье), либо занижение нормы (очень слабое здоровье), но нет «золотой середины» – нормы, эталона. Во-вторых, медицинские термины с положительной коннотацией, иллюстрирующих физическое здоровье человека по предложенным критериям, отсутствуют в русском и французском языках. В-третьих, медицинские термины характеризуются семантической прозрачностью: разделив тот или

иной термин на составные части, как правило, латинского или греческого происхождения, можно легко понять его смысл. В-четвертых, узкоспециализированная профессиональная терминология обладает отличительной особенностью – отсутствием стилистических приемов, что объясняется целью: лексические единицы непрофессионального, обыденного ракурса характеризуются большей или меньшей степенью образности, в то время как медицинский дискурс нацелен на точность и конкретность.

Использование фразеологических единиц допустимо в коммуникации между врачом и пациентом в исследуемых языках. Однако следует подчеркнуть, что не все фразеологизмы могут использоваться медицинскими работниками в силу морально-этические норм коммуникации между врачом и больным.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 11–16.

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–22.

Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. 6-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка: [учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.]2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ: Издательство «Мир и образование», 2025.

A. V. Menshova *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

ASSESSMENT OF HUMAN PHYSICAL HEALTH IN RUSSIAN AND FRENCH: PROFESSIONAL VS. NON-PROFESSIONAL PERSPECTIVE

This article focuses on phraseological units and medical terms in Russian and French that convey interpretations of a person's physical health, presenting them as either

positive or negative evaluations. The study is conducted in terms of cognitive analysis of linguistic phenomena.

Key words: phraseological units, medical terms, physical health, assessment, cognitive analysis.

А. П. Миньяр-Белоручева *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ostvera@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ ДИСКУРСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Концептуальные метафоры современного дискурса профессиональной политической коммуникации находятся в фокусе исследований когнитивной лингвистики. Изучение дискурсивных особенностей способов передачи информации и формирования нового мировоззрение в сознании масс определяет актуальность данной работы.

Ключевые слова: концептуальные метафоры, когнитивная лингвистика, профессиональная политическая коммуникация.

Концептуальные метафоры, выступая инструментом моделирования политической реальности, являющиеся средством категоризации сложных политических явлений, способствуют эффективной политической коммуникации. Несмотря на то, что когнитивная лингвистика детально изучает вопросы, касающиеся роли концептуальных метафор в дискурсе профессиональной политической коммуникации, метафора perse все еще остается загадкой, как и две с половиной тысячи лет назад. В течение веков к многоплановым и многомерным метафорам, способствующим созданию ярких образов, вызывающих живые ассоциации, эмоции и чувства, которые способствовали восприятию событий с определенных позиций, относились неоднозначно. Аристотель предвидел эпистемологическую значимость метафоры [Аристотель 1998]. Ментальное пространство, создаваемое метафорами, Джон Локк обозначил как воображение [Локк 1985: 255–256]. Онтологическая сущность метафор, пронизывающих всю жизнь человека, была осознана во второй половине XX века Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном. Разработанная учеными теория убедительно доказала, что концептуальные метафоры являются не только украшением языка, но и основополагающим механизмом мышления [Lakoff, Johnson 1980: 6], «которые неосознанно влияют и определяют картину мира определённого

языкового сообщества» [Jäkel 1997: 41]. Концептуальная метафора, являясь результатом способности человека «творчески конструировать и интегрировать различные ментальные образования <…>» [Ирисханова 2004: 17], поднимает вопрос о способности человека увидеть то, что находится за горизонтом мыслимого [Ортега-и-Гассет 1990]. При этом интерпретация концептуальных метафор обусловлена ситуационной целью реальной коммуникации [Болдырев 2024], отражающей конкретное восприятие мира. Концептуальные метафоры как средство концептуализации мира, базирующиеся на дихотомической структуре сферы-источника и сферы-цели [Lakoff, Johnson 1980], соединяя «действительное с невозможным» [Аристотель 1998: 1099], отражают «знание и опыт человека» [Кубрякова 1996], способствуя порождению новой мысли [Lakoff 1990].Обратив свой взор на невидимое, Дж. Лакофф и М. Джонсон постулировали метафору как феномен сознания, сделав вывод о метафоричности всей понятийной системы, в рамках которой человечество думает и действует [Lakoff, Johnson 1980], включая политику.

В современном дискурсе профессиональной политической коммуникации концептуальные метафоры, конструирующие политическую реальность, играют ключевую роль в управлении сознанием масс, поскольку они не только формируют представление об объекте, но предопределяют стиль и способ мышления о нем [Арутюнова 1999: 348], не описывают, а создают политическую реальность. Это особенно отчетливо прослеживается в концептуальных метафорах эпохи Дональда Трампа, который не спорит по фактам, но навязывает фрейм, который перестраивает прошлое, настоящее и будущее, предоставляя единственно возможное решение, которое «обусловлено контролем над метафорами» [Graber 1993: 98].

Ключевыми концептуальными метафорами президенства Дональда Трампа, определяющими дискурс профессиональной политической коммуникации являются trump is the nation (I am the state) – Трамп – это государство, donroe doctrine (The hemisphere is mine) – доктрина донро и pax trumpiana (The world pays rent to me) – мир Трампа, которые обусловливают современную политику США. Каждая из представленных концептуальных метафор, несмотря на самодостаточность, не обладает достаточной полнотой и целостностью для создания холистической картины развития современной политики США. pax trumpiana невозможно понять без опоры на логику donroe doctrine, которая опирается на концептуальную метафору trump is the nation. Все вместе данные метафоры образуют взаимосвязанную, четко структурированную эволюционирующую систему политической коммуникации, необходимую для формирования нового мировоззрения

масс, заключающегося в подходе к власти как к личной собственности, в переходе от глобального лидерства к контролю над одним полушарием, в отказе от дипломатического сотрудничества и введении «дипломатии сделок» (deal diplomacy).

Конструируя новый мир и его восприятие в ментальном пространстве человечества, Дональд Трамп с каждым новым витком метафорически расширяет свои владения от одного государства до Западного полушария и всего мира, усиливая базовый фрейм "ownership" – собственность.

Основу всех трех взаимосвязанных и взаимообусловленных означенных концептуальных метафор составляет утверждение, что власть не передают, ею обладает лидер – power is not delegated, it is possessed, который позволяет ею пользоваться другим. Находясь в иерархической взаимозависимости, указанные метафоры образуют единую концептуальную систему. Посредством их расположения в определенной последовательности от основополагающей метафоры trump is the nation, персонифицирующей Трампа как государство, условием выживания которого является государственная безопасность – The sovereign's survival is National security, до DONROE DOCTRINE, слоган которой "From global leadership to hemispheric ownership" подчеркивает влияние не США, а Трампа в Западном полушарии. Это привело к радикальному переосмыслению monroe doctrine – доктрины Монро 1823 года и заменой ее базового слогана "america for americans" на "america for the U.S.", метафорически переосмысленного как pax trumpiana [Krugman 2016]. Создается метафорический кластер, позволяющий проследить логику политического господства 47-го президента США.

Анализ речей Дональда Трампа, начиная с 2016 года показывает, что концептуальная метафора Nation is a state, развившаяся в Nation is a divine instrument (подчеркивающую значимость спасения жизни Трампа в его инаугурационной речи 2025 года – "saved by God to make America great again"), трансформировавшаяся в President is a nation, вершиной которой является Trump is a nation, направлена на переосмысление понятия «государство» и легитимацию сосредоточения политической власти в руках лидера страны, а не государственных институтов. Нападение на Дональда Трампа воспринимается как нападение на Америку – "An attack on Trump is an attack on America".

В базовой концептуальной метафоре President is a nation 2016 года прослеживаются амбиции Трампа, имплицитно соотносящего себя с королем Франции Людовиком XIV, заявившим "*L'état, c'estmoi"* – «Государство – это я» и Римским императором Августом (римский мир – Pax Romana, инициированный им, длился двести лет), что позволяет ученым рассматривать

поведение Дональда Трампа как правителя, обладающего абсолютной властью [Lakoff 2017].

Риторическая функция дискурса профессиональной политической коммуникации Дональда Трампа заключается в устранении любого концептуального разделения между лидером и страной. В этом контексте высшие должностные лица должны служить президенту, а не стране, а национальная безопасность равнозначна безопасности самого президента.

Это приводит к пересмотру отношения к политической оппозиции, которая воспринимается как «enemy attack», а пресса становится «the enemy of the American people».

Цель метафоры Trump is a nation состоит в том, чтобы представить личный политический успех и выживание президента как синоним выживания США, безопасность которых должна быть обеспечена расширением зоны их владения. Если метафорически Трамп позиционирует себя как Америку, то сфера влияния Америки – это сфера влияния Трампа, что воплотилось к концептуальной метафоре Donroe Doctrine, подразумевающей право суверена претендовать на владение чужих территорией. В отличие от доктрины Монро, заявившей Западное полушарие закрытым для европейской колонизации, доктрина Донро радикализирует эту идею, объявляя, что США больше не «защищают» (no longer «protects») Латинскую Америку; они контролируют ее как стратегический актив (controls it as a strategic asset): нефть Венесуэлы, энергетическая сеть Канады, арктические ресурсы Гренландии не для переговоров – они для владения ими.

Каждый новый метафорический уровень расширяет сферу влияния Трампа. Идея управления мировым порядком рассматривается не с позиции альянса, а с позиции собственности, что проявляется в концептуальной метафоре pax trumpiana, созданной по аналогии с pax romana, а ей в свою очередь предшествовали Pax britanica и pax americana.

Следуя этой логике, мировой порядок должен быть структурирован как система собственности, а не как альянс. Это приводит Дональда Трампа к пересмотру отношений с союзниками, перед которыми в случае с pax americana у США были обязательства. При pax trumpiana союзники рассматриваются как *tenants* – арендаторы, которые должны платить США за предоставление им безопасности.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что концептуальные метафоры являются инструментом власти. Они, конструируя реальность, управляют сознанием масс, реализуясь в дискурсе профессиональной политической коммуникации, который является языком политики в действии. Язык политики не описывает мир, а создает его. Главная задача языка политики

заключается не в том, чтобы передать информацию, а в том, чтобы посредством эмоций, заданных через концептуальные метафоры, побудить массы к действию. Концептуальная метафора политического дискурса создает фрейм, внутри которой реципиент сам делает необходимые ему выводы.

Литература

Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: «Литература», 1998.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: результаты исследования // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 48–53.

Локк Дж. Соч. в 3х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1985.

Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания номинализации: дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2004.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.

Graber D. A. Editor's foreword to essays written to Honor Murray Edelman Political Communication. 1993. Vol. 10, Iss. 2. P. 97–98.

Jäkel O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Religious Texts // Metaphorik.de. 2002. № 2. P. 20–42.

Krugman P. Pax Trumpiana. New York Times. Jul.26, 2016. URL: https://archive.nytimes.com/krugman.blogs.nytimes.com/2016/07/26/pax-trumpiana/

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (1). P. 40–41.

Lakoff G. The President is the Nation: the central metaphor Trump lives by / Political Leave a comment. 2017. URL: https://georgelakoff.com/2017/08/01/the-president-is-the-nation-the-central-metaphor-trump-lives-by/

A. P. Minyar-Beloroucheva *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

CONCEPTUAL METAPHORS OF PROFESSIONAL POLITICAL COMMUNICATION DISCOURSE

Conceptual metaphors of contemporary professional political communication discourse are the focus of the cognitive research presented in the present paper. The

study of the discursive features of basic methods of information transmission and the formation of a new worldview in the minds of the masses determines the relevance of this work.

Key words: conceptual metaphors, cognitive linguistics, professional political communication.

В. А. Молчанова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов,
Московский городской педагогический университет
v.a.rybina@yandex.ru

И. В. Вашунина *(Москва, Россия)*
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития РФ,
Московский государственный лингвистический университет
vashunina@yandex.ru

СТЕРЕОТИПНЫЕ ЧЕРТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена описанию специфики профессиональной коммуникации на примере административно-педагогического вида дискурса, представляющего собой речь педагогов-руководителей образовательных учреждений. В профессиональной коммуникации вербализуются когнитивные структуры, в которых взаимодействуют профессиональная и наивная картина мира. Впервые предложено рассматривать гендерные особенности как часть когнитивного стереотипа профессиональной языковой личности. Речь педагога-руководителя является симбиозом стереотипных черт профессиональной сферы адресанта и черт, обусловленных его социальным статусом.

Ключевые слова: административный дискурс, педагогический дискурс, языковая модель личности, профессиональная коммуникация, профессиональная картина мира, наивная картина мира.

В настоящем исследовании профессиональный дискурс рассматривается как форма вербализации когнитивных структур, отражающих взаимодействие профессиональной и наивной картин мира. Под профессиональной картиной мира понимается система специализированных знаний и концептов, организующих профессиональную деятельность субъекта, тогда как наивная картина мира представляет собой совокупность культурно обусловленных знаний, стереотипов и ценностных представлений, закрепленных в языковом сознании

всей лингвокультурной общности. Научная новизна исследования заключается в разработке когнитивной модели административно-педагогического дискурса, учитывающей одновременную актуализацию когнитивных структур профессиональной и наивной картин мира. В отличие от существующих исследований, где профессиональный дискурс рассматривается преимущественно как репрезентация профессиональных знаний, в настоящей работе показано, что существенная часть его языковых характеристик определяется когнитивными стереотипами социальных групп, к которым принадлежат участники коммуникации. Представление наивной картины мира зависит от типа и жанра профессионального дискурса. Документация разного вида, инструкции и подобные жанры практически лишены актуализации наивной картины мира. Однако она явно представлена во многих жанрах устной коммуникации: обсуждениях, поздравлениях, устных выговорах и т.д.

Когнитивные структуры наивной картины мира актуализуются в профессиональной коммуникации в силу того, что говорящий, будучи представителем своей профессии, в то же время является представителем определенной лингвокультуры, а также некоторой социальной группы. Принадлежность к лингвокультуре определяет дискурсивные особенности, особенности речевого поведения, особенности речевого этикета, обращение к определенным прецедентным феноменам, грамматические предпочтения. Будучи членом какой-то социальной группы, представитель профессии демонстрирует определенные речевые особенности в зависимости от возраста, уровня образования, гендера, актуализуя соответствующие структуры разных аспектов наивной картины мира.

Представители многих профессий часто являются в большинстве своем членами одной и то же социальной группы. Общеизвестно, что существуют «мужские» и «женские» профессии. Очевидно, что профессия связана и с уровнем образования. В лингвистическом аспекте реже говорят о возрастной характеристике профессий, однако она существует. Например, средний возраст преподавателей вузов около 50 лет [Бурцева 2024], школьных учителей – около 45 лет [Бурцева 2024], а официантов – 25 лет.

Это означает, что во многих случаях, когда мы говорим о профессиональной коммуникации, мы не можем игнорировать ее «непрофессиональные» черты. Например, если изучается профессиональный дискурс школьных учителей, то в нем актуализуются: 1) когнитивные структуры профессиональной картины мира педагога-учителя; 2) когнитивные структуры наивной картины мира женщины (их, согласно статистике, около 90% среди школьных учителей среднего возраста [Индикаторы образования 2025]). Хотя и не все представители профессии попадают под средние па-

раметры, все же понятно, что характеристики коммуникации определяются большинством (особенно, если оно подавляющее), и представители профессии, отклоняющиеся от средних параметров, соблюдают существующие коммуникативные правила.

Рассматривая профессиональную коммуникацию, можно говорить об обобщенном речевом портрете прототипического представителя профессии, который отражает (и одновременно формирует) когнитивный стереотип в сознании представителей лингвокультуры. Известно, что под когнитивным стереотипом понимается устойчивая ментальная модель, отражающая типичные представления носителей культуры о представителе определенной социальной или профессиональной группы. Прототипическим представителем учителей является профессионал женского пола среднего возраста. Эти характеристики определяют специфику профессиональной коммуникации учителя. Для ряда профессий при реализации определенных дискурсивных жанров образуется сплав профессионального языка и языка некой социальной группы. Это типично для устных жанров профессиональной коммуникации, однако, такое слияние когнитивных структур профессиональной и наивной картины мира нельзя исключать и для нешаблонных письменных жанров (письменных объявлений, пояснений, объяснительных записок и т.п.).

С целью установления характеристик публичного административно-педагогического дискурса было проведение эмпирическое исследование. Материалом для анализа послужили 80 речей руководителей различных образовательных учреждений и их заместителей, адресатами которых были педагогические коллективы и (реже) родители обучающихся. Продолжительность отдельной речи от 234 до 23 654 печатных знаков (без пробелов). Часть речей записывалась на проводимых мероприятиях, другая часть была представлена в онлайн формате на разных платформах. Были отобраны речи трех риторических жанров (информирующего, побуждающего и эпидейктического), именно эти жанры массово представлены в коммуникации администраторов-педагогов. Информирующий жанр включал такие типы текстов как доклад и сообщение, побуждающий жанр – предписания, призывы, приказы с комментариями, эпидейктический жанр – только поздравления (адресованные к реципиенту по личному поводу или приуроченные к общим событиям).

В полученном материале устанавливались когнитивные признаки, отражающие профессиональную и наивную картины мира. Анализ осуществлялся посредством выявления повторяющихся языковых средств, отражающих концептуализацию адресата, иерархии, сотрудничества,

оценки, эмоционального взаимодействия и других компонентов профессионального общения. Далее обнаруженные языковые средства группировались в соответствии с моделью языковой личности Ю. Н. Караулова по трем уровням: вербально-семантическому, лингвокогнитивному и мотивационно-прагматическому [Караулов 1987].

Кроме того, изучение собранного материала предполагало обнаружение в нем языкового и неязыкового выражения универсальных для этого типа дискурса когнитивных структур, так называемых констант высшего уровня (термин, используемый В. С. Андреевым [Андреев 2012]) – устойчивых признаков, типичных для всех говорящих в рамках одного дискурса независимо от жанра и темы высказывания. Константы высшего уровня содержат: базовые черты публичной речи, характеристики административного дискурса с учетом социальных характеристик говорящих, таких как, например, то, что педагоги в основном являются представителями женского пола (75%, согласно статистике) среднего или старшего возраста [Индикаторы образования 2025], специфику педагогического дискурса, гендерно-дифференциальные характеристики и некоторые другие.

В результате проведенного исследования было установлено, что тексты выступлений руководителей образовательных учреждений демонстрируют репрезентацию когнитивных структур административного и педагогического типов дискурса, а также то, что эти черты могут актуализироваться при взаимодействии с любой аудиторией (например, структуры педагогического дискурса реализуются в коммуникации с родителями). Также было выявлено то, что выступления руководителей образовательных учреждений во многом строятся на основе констант высшего уровня, а также по стандартным речевым моделям и как правило релевантны коммуникативным ожиданиям аудитории.

Также обнаружена репрезентация гендерного аспекта наивной картины мира. Для адресантов женского пола (их было 85%) характерны: разговорная лексика, использование индикаторов вежливости и благодарности, тенденция к сглаживанию в высказываниях, кооперативность, использование гипербол, лексических единиц, описывающих чувства, эмоции, эмфатических приемов: использование конструкций наречие плюс прилагательное/наречие, обратный порядок слов, конструкции с местоимениями такой, а также неточности номинаций и обобщенности, уменьшительно-ласкательные формы имён существительных и прилагательных, сослагательное наклонение, модальность неуверенности и вероятности.

Для адресантов мужского пола (15%) характерны: категоричность суждений и уверенность в высказываниях, приведение громких доводов, обя-

зующие модальности, официальный характер речи, стандартные этикетные формулы приветствия и обращения, сдержанность в эмоциях, обобщения.

Установлено, что гендерные характеристики реализуются на всех трех уровнях модели профессиональной языковой личности, являясь составляющими когнитивных стереотипов жанров административно-педагогического дискурса. Применительно к этому дискурсу, вероятно, можно говорить о двух вариантах когнитивного стереотипа: основном (женском) и дополнительном (мужском). Такой подход к профессиональной коммуникации позволяет выделить когнитивные константы профессионального дискурса в разных сферах деятельности.

Литература

Андреев В. С. Языковая модель развития индивидуального стиля: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2012.

Бурцева Т. А. Проблема старения человеческого капитала высшего образования России / Т. А. Бурцева, С. Н. Самсонова // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 11. С. 1849–1860.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Индикаторы образования: 2025: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.

V. A. Molchanova *(Moscow, Russia)*
RUDN University, Moscow City University

I. V. Vashunina *(Moscow, Russia)*
Russian Foreign Trade Academy, Moscow State Linguistic University

STEREOTYPICAL FEATURES OF ADMINISTRATIVE-PEDAGOGICAL DISCOURSE

This article describes the specifics of professional communication based on the example of administrative-pedagogical discourse, which is the speech of educator-administrators at various educational institutions. Professional communication verbalizes cognitive structures in which professional and naive worldviews interact. For the first time, it is proposed to consider gender characteristics as part of the cognitive stereotype of a professional linguistic personality. The speech of an educator-administrator is a symbiosis of stereotypical features of the speaker's professional sphere and features determined by their social status.

Key words: administrative discourse, pedagogical discourse, linguistic personality model, professional communication, professional worldview, naive worldview.

А. С. Ноздрина *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД РОССИИ
nozdrina@list.ru

БЛЕНДЫ, БРЕНДЫ И ТРЕНДЫ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА МОДЫ ДЛЯ МУЗЫКАНТОВ

Объектом настоящего исследования являются тексты, нанесенные на предметы одежды, и представляющие собой гетеросемиотические комплексы, состоящие из вербального текста, картинки и нотных знаков. Набор представленных кодов обусловлен целевой аудиторией – музыкантами и любителями классической музыки. С помощью когнитивно-дискурсивного подхода показано, что в основе взаимодействия трех кодов и формирования смысла текста лежит принцип концептуальной интеграции. В процессе декодирования информации демонстрируемые знаки вынуждают участников коммуникации соотносить две понятийные области, соединенные в бленд.

Ключевые слова: предмет одежды, гетеросемиотический комплекс, текст, поликодовый текст, концептуальная интеграция, бленд.

Современные исследователи сходятся во мнении, что мода является одним из видов коммуникативных практик и обусловлена культурной парадигмой и стилевой системой лингвокультурного общества [Трошина 2017: 5], она занимает значимое место в картине мира человека, выступает как когнитивно-дискурсивный феномен и оказывает существенное прагматическое воздействие [Болотова 2017: 3–4]. Однозначно можно утверждать, что мода обладает целым рядом функций, в том числе, коммуникативной функцией, поскольку, как и язык, «является знаковой системой, посредством которой происходит межличностная и межгрупповая коммуникация» [Гофман 2007: 1347].

Выбором определенных видов одежды как лингвокультурного знака человек участвует в социальном взаимодействии. Среди всего многообразия предметов одежды, способных кодировать информацию о личности, наиболее простой, доступной и трендовой является одежда, содержащая надписи. Вербальный код обеспечивает максимально короткий путь к сознанию реципиента, быстрый доступ к информации и требует несложного механизма декодирования. Как правило такой текст содержит информацию о характере, о личностных особенностях и жизненной позиции человека, носящего этот предмет одежды.

Объектом исследования выступают надписи на одежде как гетеросемиотические комплексы, содержащие в себе различные коды. В нашем случае

это вербальный текст, изображение и знаки нотации, что связано с выбором **материала исследования,** а именно предметов одежды, производимой для ограниченной социальной группы – любителей музыки и музыкантов. **Предметом исследования** выступают принципы смыслоформирования и особенности взаимодействия кодов, их коммуникативный потенциал.

Анализ единиц одежды с нанесенным текстом показал, что они находятся в рамках современных модных трендов, популярны и, соответственно, с ростом популярности расширяют свою аудиторию, вследствие чего растет потребность в анализе одежды как гетеросемиотического комплекса, т. е. знака и текста, нанесенных на нее. Выбирая определенный предмет одежды как знак, обладающий коммуникативным потенциалом, человек вступает в опосредованную гетеросемиотическим текстом коммуникацию и несет информацию о своей личности обществу. **Актуальность** исследования связано с этими особенностями дискурса моды, а также с тем, что в настоящее время растет необходимость изучения кодов и возможностей их взаимодействия в современном мире, где обмен информацией происходит в поликодовом и полимодальном формате. В том числе требуют изучения виды кодов и особенности их применения различными социальными группами для обеспечения успешной коммуникации.

Таким образом исследование находится в точке сопряжения нескольких отраслей знания: лингвосемиотики, когнитивной лингвистики и социолингвистики, а также дискурсивной лингвистики.

Описываемый Е. С. Кубряковой когнитивно-дискурсивный подход позволяет одновременно изучить ментальные репрезентации (когнитивную составляющую) и коммуникативную составляющую дискурса, то есть процесс порождения и восприятия речи [Кубрякова 2004: 405–406]. Применяя подход Е. С. Кубряковой, мы можем рассмотреть предлагаемый объект исследования также с двух точек зрения. **Дискурсивный подход** позволяет проанализировать компоненты дискурса, к которым относятся коммуниканты, сам анализируемый текст (посредством которого происходит акт коммуникации) и канал коммуникации. **Когнитивный подход** позволяет изучить, описать и объяснить механизмы формирования смысла гетерогенного текста.

Для исследования нами были отобраны предметы одежды, представленные в одном из онлайн-магазинов (https://vk.com/my3bika4). Отметим, что упоминание магазина и представленной продукции не является рекламой, несет информационный характер, а приведенные рисунки-примеры выступают материалом научного исследования. Из всего многообразия примеров одежды с нанесенным текстом нами были сформированы три

группы предметов одежды по принципу состава гетеросемиотического текста, нанесенного на них: а) одежда, содержащая модифицированный вербальный текст (рис. 1); б) одежда, содержащая вербальный текст и знаки нотации (рис. 2 и 3); в) одежда, содержащая визуальный ряд (изображение) и вербальный текст (рис. 4)

Рис. 1.
Felix Mendelssohn / Metallica

Рис. 2.
ВЕСНА

Рис. 3.
E = фа-бемоль

Рис. 4.
Дмитрий Шостакович

С когнитивной точки зрения тексты первой группы (а) являются текстами, возникшими в результате концептуальной интеграции. Имена композиторов (Mozart, Schubert, Liszt, Bach, Schostakowich, Wagner и др.) написаны с помощью шрифтов, принадлежащих к логотипам мировых рок-групп (Metallica, KISS, Led Zeppelin, Scorpions и др.). Полученный бленд наследует форму написания у логотипов и заполнен прецедентным именем композитора-классика. В результате слияния двух понятийных областей (рок-группа со своим ассоциативным рядом и имя композитора с другим ассоциативным рядом) тексты приобретают ярко выраженную оценочную составляющую, слияние вербального и экстралингвистического компонентов (шрифта) вынуждает реципиента переносить характер звучания и музыкального произведения с рок-музыканта (в нашем примере группы Metallica) на имя композитора (Феликс Мендельсон), и проводить операцию сравнения и сопоставления.

С точки зрения механизма формирования смысла тексты второй группы (б) являются гетеросемиотическими комплексами, возникшими в результате интеграции двух кодов – вербального и знаков нотации. Использование кодов одновременно позволяет прочитать буквы не как слово ВЕСНА, обозначающее время года, а как буквенное обозначение гитарных аккордов (В – си-бемоль, Е – ми, С – до, Н – си, А – ля). Первичное подведение букв под доступную и привычную схему (прочтение как слова) обогащается

концептуально за счет прочтения схемы гитарных аккордов, написанных под буквами и представленных графически как расшифровка значения каждой буквы (см. рис. 2). Этот тип также может выступать в качестве бленда, поскольку является образованием, наследующим форму от слова и концептуальное содержание из отвлеченной области знания (музыка, игра на гитаре).

Еще одним примером соактивации концептуальных областей является текст формулы эквивалентности массы и энергии А. Эйнштейна, согласно которой $E=mc^2$. В представленном на рисунке 3 модифицированном варианте всемирно узнаваемая формула содержит знак, обозначающий фа-бемоль, что дает формуле новое концептуальное наполнение и значение. После прочтения правой части формулы (фа-бемоль), адресат декодирует левую часть (букву Е) не как знак, обозначающий энергию, а как латинскую букву Е, обозначающую ноту ми. Знак равенства является абсолютно оправданным, поскольку ноты ми и фа-бемоль представляют собой разные записи одного и того же звука и одной и той же клавиши, например, на клавиатуре фортепиано.

Гетеросемиотический комплекс «изображение + текст» (группа в) требует последовательного прочтения двух кодов, где вербальный текст выполняет поясняющую функцию по отношению к изображению. Декодирование общего комплекса требует, однако, снова задействовать концептуальную интеграцию – свести область знаний о Гарри Поттере и внешний вид композитора Дмитрия Шостаковича.

С позиции дискурсивного подхода, изучающего особенности коммуникации, можно проанализировать несколько параметров. Так, коммуникация представляется опосредованной, поскольку является обменом письменными текстами, нанесенными на предмет одежды. С точки зрения характеристик коммуникантов процесс коммуникации нацелен, с одной стороны, на полиадресата, с другой стороны, все же имеет ограниченную аудиторию, которая обладает достаточными фоновыми знаниями и знанием специальной терминологии, чтобы успешно декодировать информацию на одежде. С точки зрения тематики изучаемые предметы одежды могут быть отнесены к дискурсу моды как элементы, содержащие смысловую нагрузку и коммуникативный посыл. При этом благодаря наличию знаков нотации и тематической соотнесенности с именами композиторов-классиков данные предметы одежды могут быть частью музыкального дискурса.

В заключение хотелось бы отметить, что изученные примеры являются способом обмена специальной информацией между коммуникантами в закодированном виде, часто носящем характер ребуса-головоломки.

Рассматриваемые предметы одежды обеспечивают участие в процессе коммуникации, являются определенной формой речевого поведения и социализации, обеспечивают встраивание человека, носящего эту одежду, в определенный социум. Семиотическая осложненность позволяет осуществить обособление себя или своей целевой аудитории; модификации шрифтов, формул и манипуляции с портретами композиторов содержат коммуникативный посыл, сообщающий об отношении к прецедентным феноменам (со стороны производителя одежды и того, кто ее носит).

Совмещение нескольких концептуальных пространств порождает, по сути, некий бленд с ярко выраженной аксиологической составляющей, выходящей на первый план в акте коммуникации.

Перспектива исследования видится в возможности изучения прагматического и аксиологического аспектов концептуальной интеграции в вышеописанных текстах.

Литература

Болотова Ю. С. Лингвопрагматический аспект дискурса моды: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017.

Гофман А. Б. Мода // Культурология: Энциклопедия. Т. 1. С. 1346–1347. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Трошина Н. Н. Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества // Язык и мода. М.: РАН ИНИОН, 2017. С. 5–27.

***A. S. Nozdrina** (Moscow, Russia)*
MGIMO University

BLENDS, BRANDS AND TRENDS. LINGUO-COGNITIVE AND LINGUO-SEMIOTIC PERSPECTIVES IN THE STUDY OF FASHION DISCOURSE FOR MUSICIANS

The object of this study is clothing items with texts printed on them. These texts are heterosemiotic complexes containing verbal text, images, and musical notations. The set of codes presented is determined by the target audience – musicians and classical music fans. Using a cognitive-discursive approach, it is shown that the principle of conceptual

integration underlies the interaction of the three codes and the formation of the text's meaning. During the decoding process, the displayed signs compel participants to relate two conceptual domains combined into a blend.

Key words: item of clothing, heterosemiotic complex, text, polycode text, conceptual integration, blend.

Е. С. Обухов *(Санкт-Петербург, Россия)*
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
egorobuhov99@mail.ru

ТЕРМИНЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ФИНАНСОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

В статье рассматриваются когнитивные метафоры как ментальный механизм формирования значений англоязычных терминов bridge, address, key, fork, faucet и airdrop, функционирующих в дискурсе децентрализованных финансов. Выявлены типы метафорической проекции, соотносимые со сферами-источниками: пространственными отношениями, взаимодействием человека с материальными объектами и распределением ресурсов.

Ключевые слова: когнитивная метафора, концепт, термин, специальное значение, децентрализованные финансы.

Развитие области знания «децентрализованные финансы» (decentralized finance, DeFi) сопровождается интенсивным формированием дискурса DeFi и новых терминов, репрезентирующих в языковой форме концепты, возникающие в процессе осмысления технологически обусловленных финансовых явлений, объектов и процессов. Терминологические единицы образуются не только с помощью создания новых лексем, но и посредством переосмысления уже существующих общеупотребительных слов английского языка. Данный процесс отражает тесную взаимосвязь между языками для специальных и общих целей [Лейчик 2009: 48]. Семантическая транспозиция, при которой сохраняется формальная оболочка слова и формируется новое специальное значение, осуществляется посредством когнитивных механизмов, одним из которых является метафора [Киселева 2013: 110]. В контексте когнитивной лингвистики метафора рассматривается не как стилистическое средство, а как фундаментальный когнитивный процесс, который «выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 431]. Согласно теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона,

понимание новых и абстрактных сущностей осуществляется посредством проекции структур из более конкретных и телесно переживаемых областей человеческого опыта взаимодействия с физическим миром [Lakoff, Johnson 1980]. Таким образом, метафора подразумевает «описание неизвестного через известное (абстрактного – через конкретное)» [Болдырев 2014: 102]. В результате соотнесения двух структур знания, сферы-источника и сферы-мишени, осуществляется метафорическая проекция элементов исходной области на целевую, что позволяет осмыслять последнюю посредством известных концептов [Клейменова 2023: 238]. Соответственно, основная функция метафоры – когнитивная, заключающаяся в «обработке и переработке информации» [Чудинов 2001: 48]. Как отмечает Р. Хоффман, метафора может использоваться в качестве инструмента описания и объяснения в любой области знания, она обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка [Hoffman 1985: 327]. Данный инструмент особенно актуален в дискурсе децентрализованных финансов, в котором формирование представления о новосозданных понятиях требует обращения к знакомым образам, облегчая освоение развивающейся области знания.

Рассмотрим концептуализацию терминов DeFi посредством когнитивных метафор, отражающих различный характер проецируемого знания. Материалом исследования послужили такие англоязычные термины децентрализованных финансов, как *bridge*, *address*, *key*, *fork*, *faucet* и *airdrop*. Для выявления метафорического переноса использовался метод дефиниционного анализа: специальные значения, зафиксированные в глоссарии платформы Ethereum (далее EG – *E.O.*), сопоставлялись с дефинициями общеупотребительных лексических единиц, представленными в электронной версии словаря Merriam-Webster (далее MW – *E.O.*). Анализ исследуемого материала показывает, что формирование специальных значений терминов дискурса DeFi осуществляется посредством метафорической проекции знаний из различных сфер человеческого опыта. В зависимости от характера знаний, выступающих источником метафорического переноса, исследуемые единицы могут быть объединены в несколько групп.

Первую группу образуют метафоры, основанные на проекции **пространственных отношений**. Так, общеупотребительная лексическая единица „bridge" (*мост*) обозначает сооружение, обеспечивающее переход через препятствие (*a structure carrying a pathway or roadway over a depression or obstacle (such as a river)* [MW]). В специальной сфере знания "bridge" определяется как механизм передачи активов между двумя сетями (*used to transfer assets from one blockchain to another* [EG]). Метафорическая проекция основана на представлении о мосте как средстве соединения двух пространств. Отдельные

блокчейн-сети осмысляются как самостоятельные локации, между которыми возможно перемещение посредством специального посредника – моста. К данной группе также относится термин "address" (*адрес*). Общеупотребительное слово "address" обозначает место, где находится человек или организация, а также сведения, необходимые для установления связи с ними (*a place where a person or organization is located or may be communicated with* [MW]). В дискурсе децентрализованных финансов "address" – уникальный идентификатор аккаунта, используемый для получения цифровых активов (*a unique identifier used for receiving tokens.* […] *It's used to identify your Ethereum account* [EG]). В основе специального значения лежит проекция элементов структуры концепта ADDRESS: локализация объекта и возможность обращения к нему. В свою очередь, пользователь DeFi осмысляется как объект, обладающий определенным местоположением в цифровом пространстве, а "address" выступает языковым средством его виртуальной локализации.

Вторую группу составляют метафоры, основанные на переносе знаний о **материальных объектах и способах взаимодействия с ними**. Онтологический характер метафорической проекции прослеживается при формировании значения термина "key" (*ключ*). Общеупотребительная лексическая единица "key" обозначает инструмент, используемый для открытия замка и получения доступа к пространству или механизму (*an instrument that is used to open a lock or to access a mechanism* [MW]). В специальной сфере знания "key" определяется как цифровой код, предназначенный для получения и управления средствами пользователя (*a digital code: a public key for receiving transactions and a private key for accessing and sending funds* [EG]). В данном случае терминологическое значение формируется посредством проекции элементов структуры концепта KEY, где актуализируются не физические характеристики, а функциональная роль «ключа» как средства получения доступа к защищенному ресурсу. Особый интерес представляет термин "fork", поскольку его специальное значение формируется на основе уже существующего в языке метафорического переосмысления. В исходном значении "fork" (*вилка*) обозначает предмет с несколькими зубцами (*an implement with two or more prongs used especially for taking up (as in eating), pitching, or digging* [MW]). Одновременно с этим в словаре фиксируется значение «разветвление» (*a division into branches* [MW]), возникновение которого связано с проекцией физической формы вилки (наличие общего основания и расходящихся зубцов) на пространственную схему разделения. В дискурсе DeFi "fork" определяется как изменение протокола, приводящее к появлению альтернативной блокчейн-сети (*a change in protocol causing the creation of an alternative chain* [EG]). Таким образом, специальное значение формируется с опорой не столько на

исходный онтологический образ концепта FORK, сколько на уже закрепленную в языковом сознании когнитивную модель DIVISION, в которой нечто единое делится на несколько самостоятельных направлений.

Третью группу образуют метафоры, основанные на представлении о **распределении материальных ресурсов**. Например, лексическая единица "faucet" (*водопроводный кран*) определяется как устройство для подачи или регулирования потока жидкости (*a fixture for drawing or regulating the flow of liquid* [MW]). В децентрализованных финансах "faucet" обозначает сервис, предоставляющий пользователям бесплатные тестовые токены – доступный для обмена виртуальный актив (*a service that dispenses funds in the form of free test ether* [EG]). В данном случае формирование терминологического значения осуществляется за счет проекции представления о контролируемом потоке вещества на процесс выдачи цифровых активов. Токены концептуализируются как ресурс, подобный потоку воды, который распределяется из определенного источника – «крана». В когнитивной структуре термина „airdrop" прослеживается перенос из сферы-источника не отдельного признака или функции, а целого сценария – сброса грузов, гуманитарной помощи или персонала на парашютах с летящего воздушного судна (*delivery of cargo, emergency supplies, or personnel by parachute from an airplane in flight* [MW]). В специальной области знания "airdrop" осмысляется как способ продвижения определенной криптовалюты посредством бесплатного распределения токенов среди пользователей (*a way to promote cryptocurrencies by sending some free tokens to traders* [EG]). Подобно операции по доставке материального груза, "airdrop" в сфере DeFi предполагает наличие отправителя, распределяемого ресурса, процесса распределения и получателей: самолет – проект, распределяющий криптовалюту; сбрасываемый с самолета объект – токены; доставка груза – распределение токенов; получатели груза – пользователи.

Таким образом, в основе формирования терминологических значений исследуемых общеупотребительных лексических единиц лежат метафоры, отражающие различные сферы опыта взаимодействия человека с действительностью. При этом возможен перенос как отдельных функциональных признаков объекта, так и более сложных когнитивных структур. Анализ исследуемых терминологических единиц демонстрирует, что осмысление объектов и процессов сферы DeFi осуществляется посредством обращения к концептам, сформированным на основе пространственных отношений, взаимодействия человека с материальными объектами и распределения ресурсов. Это способствует осмыслению новых технологических явлений через уже освоенные когнитивные образы и облегчает их понимание участниками профессиональной коммуникации.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Киселева С. В. Когнитивные механизмы словообразования (вторичная номинация) // МАГИЯ ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. Материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений (Москва, 4–5 октября 2013 г.). Т. 2. 2013. М.: МГИМО. С. 108–115.

Клейменова В. Ю. Концептуальная метафора как дорожная карта образа // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы II Казанского международного лингвистического саммита. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. С. 238–242.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

EG – Ethereum Glossary. URL: https://ethereum.org/glossary/

Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science // The ubiquity of metaphor. Amsterdam, 1985. P. 327–383.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

MW – Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/

Y. S. Obukhov *(Saint Petersburg, Russia)*
Pushkin Leningrad State University

DECENTRALIZED FINANCE TERMS THROUGH THE PRISM OF COGNITIVE METAPHOR

The article examines cognitive metaphors as a mental mechanism underlying the formation of meanings of the English-language terms bridge, address, key, fork, faucet, and airdrop, which function in the discourse of decentralized finance. The study identifies types of metaphorical projection associated with the following source domains: spatial relations, human interaction with material objects, and resource distribution.

Key words: cognitive metaphor, concept, term, specialized meaning, decentralized finance.

Е. Р. Родионова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
reinisovna@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТЕЙ НАУКИ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ НОВОСТНЫХ ИЗДАНИЙ)

Цель статьи – верифицировать гипотезу исследования, согласно которой в основе медиатекста о новостях науки лежит единая устойчивая концептуальная структура – фрейм, имеющий облигаторные и опциональные элементы. Подобная структура будет определять специфику презентации информации и развертывание нарратива новостной статьи вне зависимости от ее тематики или принадлежности к медиаресурсу.

Ключевые слова: новости науки, концептуальная структура, фрейм, семантический анализ.

Изучение принципов формирования текстов различной стилевой и жанровой принадлежности, выявление закономерностей структурирования в них информации, исследование прагматических аспектов, а также коммуникативных установок автора определяет в настоящее время актуальность научных работ, занимающихся подобной проблематикой. В рамках лингвистических исследований новостного дискурса делаются попытки выявления типичных моделей репрезентации информации. Когнитивная природа дискурса (см., в частности [Кубрякова 2004; Магировская 2014; Дрыгина 2017]) предполагает распределение в нем информации в соответствии с так называемыми «моделями ситуации» (в терминах Т.А. ван Дейка), т. е. ограниченного числа категорий, используемых для интерпретации информации в рамках отдельно взятой коммуникативной ситуации. По мнению Е. Г. Беляевской, в основе новостного текста лежит определенная «концептуальная структура – фрейм или группа родственных фреймов, фиксирующих знания о причинах ситуации, его актантах, локализации по времени и месту и пр.» [Беляевская 2017: 31].

В нашем исследовании мы исходим из предположения о том, что в основе сообщения о новостях науки в современном англоязычном медиапространстве лежит сложная концептуальная структура, состоящая из облигаторных и опциональных слотов. Обязательные концептуальные элементы (слоты фрейма) будут реализовываться в любом новостном со-

общении о научных достижениях вне зависимости от области науки, сути достижения или новостного издания.

При этом фрейм будет разворачиваться поэтапно: от слотов, репрезентирующих обобщенные знания о таком фрагменте человеческого опыта, как научное открытие, до детализированных микрослотов, языковое наполнение которых будет реализовывать детали проведения исследования. Второе представляющееся важным положение – это наличие вариативных слотов, концептуальных элементов, объективирующих знание, специфичное для определенной области науки, в рамках которой произошло открытие.

Источником материала послужили 15 статей ведущих британских и американских изданий The Economist, The Daily Mail, The Guardian, The New York Times, описывающих открытия в разных научных областях – информационные технологии, археология, лингвистика, антропология и пр.

Поскольку речь идет именно о новостях, информирующих широкую общественность об открытиях или достижениях ученых, далее рассматриваемая концептуальная структура именуется как фрейм «открытие».

Первым облигаторным элементом общего фрейма «открытие» является слот «*результат*». Профилирование данного компонента фрейма происходит ещё до начала самого изложения информации о событии – в заголовке к новостной статье – и осуществляется автором эксплицитно (1) и имплицитно (2):

(1) Scientists *are getting to grips* with ice; Scientists *reveal* how…; …study *finds*; …*reveal first evidence*…; Scientists claim *to have found*…*no one has seen before*; …*shows*…; Genetic study *revises* …

Сема результата реализуется за счет грамматической формы перфектного инфинитива (*to have found*), предиката в форме Present Simple или Present Continuous, традиционно употребляющихся в газетных заголовках для обозначения свершившегося действия (*reveal, shows, revises, are getting to grips*), а также наличия в смысловой структуре лексемы семы результата (*to reveal – to* disclose*, to* display*,* to show *sth that previously could not be seen* [OALD 2025: 1300]). Подробнее о семах результата см. в: [Герасимова 2002].

Имплицитная реализация указанного слота (2) происходит двумя способами: (а) за счет прагматической установки заголовка – объявить результат проведенного исследования:

(2а) AI models *can learn* to conceal information from its users; Australia's dingoes *are becoming* a distinct species; Posh accents *make* you sound clever, say kids – and it's bad news if you're from Yorkshire!; 'Gateway to the underworld' beneath ancient Mexican pyramid *hints at* advanced civilization.

В небольшом количестве случаев (2b) слот «результат» реализуется посредством риторического вопроса, имплицирующего положительный ответ, а, следовательно, указывающего на определенные выводы, сделанные по итогам проведенных исследований или в виде утверждения, призывающего читателя подумать над выводом:

(2b) Could data centres ever be built in orbit?; Saying 'Thank you' to ChatGPT Is Costly. But Maybe It's Worth the Price.

Второй обязательный концептуальный элемент, определяющий развертывание нарратива, – слот «постановка исследовательской задачи», или в англоязычных терминах – 'research question', представляется нам своего рода теоретической базой исследования, результат которого уже известен. Отметим сложную структуру этого слота, включающую несколько элементов:

1. Актант (т.е. ученый (или группа ученых), столкнувшихся с проблемой), выраженный эксплицитно за счет таких лексических единиц, как researchers; the company; this troubled *many*; *Dr* Brassard; some scientists; *Professor* Mykytiuk; a team from the University of…

2. Проблема, требующая решения (the core problem is; there is a black box problem; those worried about …; However, new genetic-testing techniques *have caused a stir*…; …*hopes* to put this into practice; the cornerstone of… is…). Интересно, что та самая проблема (выраженная за счет присутствия в смысловой структуре фразы семантики отрицания (a), неправильности (b), нерешенного вопроса (c)) в ряде случаев помещена в заголовок статьи наряду с результатом исследования: You are storing your leftovers *wrong* (b)! *Experts reveal* why *you should NEVER* (a) use aluminum foil on the remnants of your Easter feast; *How to* (c) form good habits, and break bad ones: *trick* your brain; *Hue new?*(c) *Scientists claim to have found* colour no one has seen before; *Who's a Carthaginian? (c) Genetic Study Revises* Ancestry of Rome's Ancient Nemesis.

3. Теория, возникшая из проблемы, требующей решения, которая может эксплицитно объективироваться через прямую номинацию – theory (theories), idea, thought, или быть имплицирована модальными конструкциями возможности/вероятности, а также отрицательными конструкциями (might seem like; might not be enough; people may develop; were likely part; is thought to…; probably exists).

Третьим обязательным элементом концептуальной структуры новости науки является слот «исследование», реализующийся в тексте статьи разнообразными языковыми единицами, именующими сам эксперимент:

(3a) an experiment, Apollo Research, test of GPT-4, a further round of DNA analysis, a study suggests, rigorous scientific studies;

те или иные исследовательские процедуры:

(3b) to examine samples, to compare facts, to go further, to survey conducted by, the researchers at the site unearthed, excavations, the most extensive search, another mission, to analyze patient data, to scour literature, to spend hours trudging through dense jungles.

Четвертый облигаторный слот «трудности» реализуется за счет ЛЕ, выражающих семантику проблемы, сложности, наличия несогласия, сомнения или доказательства чего-либо:

(4) this *troubles* many, aligning AI models *has never been easy*; they will get *trickier* still; systems have begun *strangely to play dumb*; *sceptics* say; Mr Johnston *disagrees*; what makes this discovery *strange* is the fact that…; *When might we have an answer? What constitutes proof? There is no answer to that; researchers found little*.

Пятый облигаторный элемент общей концептуальной структуры – слот «выводы», вербализуемый ЛЕ, смысловое содержание которых передает идею умозаключения, сделанного на основании проведенного исследования:

(5) our *findings suggest*; *we now know that*; researchers *reported finding; recently shed light on*; the results *prove*; *for now it's clear that*; it reached strikingly similar *conclusions*.

Изучение смыслового наполнения отобранных статей позволило также выделить два наиболее крупных дополнительных слота, т. н. «опциональных» концептуальных элемента, реализующихся не во всех изученных источниках. Слот фрейма «открытие» – «обращение к авторитетным источникам» – один из наиболее часто (хотя и не повсеместно) встречающихся элементов. В отличие от слота «актант», слот «обращение к авторитетным источникам» предусматривает изложение мнения других специалистов по проблематике описываемого исследования: A source at OpenAI says; as Aidan O'Gara, an AI-safety investigator…puts it; …he also points to *an independent report* on the prospects for orbiting data centers; Professor Gary Habermas, a leading theologian from Liberty University, says …; scholars point out that…; The World Health Organization warns. Немаловажным представляется и второй по частотности слот – «перспективы исследования»: более чем в половине изученных материалов подобные перспективы намечены за счет присутствия в значении выделенных ЛЕ семы «нерешенный вопрос» и «дальнейшие исследования»: much remains *mysterious*; The field should *proceed with caution*; researchers *hope to follow-up by* investigating; *future* missions will soon join the search; *soon after another mission is due to launch*; *it is not the only mystery that remains*.

Таблица 1. Фрейм «открытие»

	Облигаторные слоты				**Опциональные слоты**
1	Результат			1	Обращение к авторитетным источникам
2	Постановка исследовательской задачи				
	Актант	Проблема	Теория		
3	Исследование			2	Перспективы исследования
	Эксперимент	Исследовательские процедуры			
4	Трудности				
5	Выводы				

Проведенное исследование (исходя из результатов семантического, контекстуального и концептуального анализа отобранного материала) позволило выявить определенные концептуальные основания – фрейм – на которых базируется англоязычный новостной дискурс о научных достижениях.

Литература

Беляевская Е. Г. Конструирование концептуальных оснований медиадикурса: роль структур пространства и времени // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 31–34. EDN: ZMQGAP.

Герасимова Е. А. Концепт «результат» в когнитивном аспекте: дис. … канд. филол. наук. М., 2002.

Дрыгина Ю. А. Некоторые когнитивные методики исследования дискурса // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 546–549. EDN: ZMQIIF.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2024.

Магировская О. В. Перспективы когнитивных исследований дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 151–154.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby. Oxford: Oxford University Press, 2005.

E. R. Rodionova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF SCIENTIFIC NEWS ARTICLES (BASED ON BRITISH AND AMERICAN MEDIA PUBLICATIONS)

The paper aims to verify the hypothesis of the research, stating that a scientific news story is based on a single stable conceptual structure – a frame having both obligatory and optional elements. This structure serves to determine the specific character of information occurrence and the unfolding of the narrative in a news story regardless of its topic or media resource affiliation.

Key words: scientific news, conceptual structure, frame, semantic analysis.

Т. А. Рохлина, А. А. Ерзылева, Я. П. Шалыгина *(Рязань, Россия)*
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
t_rokhlina@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБРАЗА ПЕДАГОГА В МЕДИАДИСКУРСЕ[1]

Настоящая статья носит методологический характер, целью статьи является обоснование исследовательского потенциала методов когнитивной лингвистики, которые могут быть использованы для анализа репрезентации образа педагога в медиадискурсе. В рамках данной работы рассматриваются исследовательские возможности отдельных методов, таких как концептуальный анализ, категориальный анализ, анализ концептуальных метафор и фреймовый анализ, их применение демонстрируется на отдельных примерах полимодальных текстов.

Ключевые слова: медиадискурс, образ педагога, концептуальный анализ, категориальный анализ, анализ концептуальных метафор, фреймовый анализ, коммуникативные стратегии.

В рамках исследования репрезентации образов социально значимых профессий, в частности, образа педагога в медиапространстве необходимы методы,

[1] Исследование выполнено за счет внутреннего исследовательского гранта РГУ имени С. А. Есенина № 2026–04, https://www.rsu–rzn.ru/.

которые позволяют анализировать не только прямые номинации, но и скрытые смыслы, оценочность и культурные сценарии, закрепленные в полимодальных произведениях, отобранных для анализа. В рамках настоящего исследования мы обратимся к методам когнитивной лингвистики и рассмотрим возможность их применения к анализу медиатекстов, репрезентирующих образ педагога и способствующих выявлению стратегий формирования данного образа.

1. Концептуальный анализ

Полимодальность и цифровая среда коммуникации обусловливают необходимость учета факторов, которые отмечают современные исследователи: появление альтернативной реальности в цифровой среде, приводящей к переформатированию устойчивых социальных практик, что в свою очередь находит отражение в языке, формируются новые концепты, происходит концептуальная визуализация процессов [Беляева, Топорова 2025], где невербальные компоненты могут усиливать воздействующий потенциал концептов через создание их образного ядра [Дмитриева 2022: 215].

Представляется, что концептуальный анализ позволит выявить ключевые концепты в медиадискурсе, репрезентирующем образ педагога, объяснить изменения в устойчивых социальных практиках, связанных с образом педагога, выражаемых как в языке, так и невербальными средствами, объяснить концептуальную визуализацию процессов в исследуемом дискурсе и определить воздействующий потенциал его вербального и невербального компонентов.

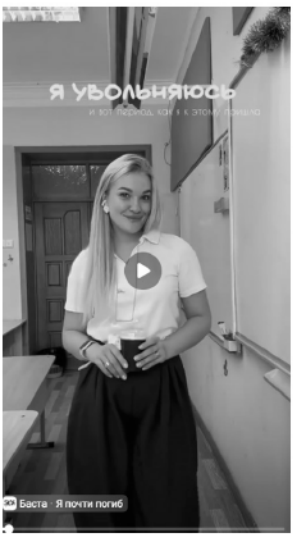
2. Категориальный анализ

Некоторые традиционные категории художественного текста могут быть свойственны медиатексту. На примере клипа из блога «учитель английского | репетитор | Ирина Павловна» (https://vk.com/club236605263) мы наблюдаем особенности функционирования категорий проспекции и ретроспекции.

Категория ретроспекции выражена эксплицитно и является ведущей текстоорганизующей категорией данного медиатекста. Ретроспективным маркером является первая фраза на первом кадре *«Я УВОЛЬНЯЮСЬ и вот как я к этому пришла»* (Рис. 1), все последующие 18 эпизодов с кратким описанием каждого месяца работы в школе воспринимаются адресатом сквозь призму принятого решения об увольнении.

С другой стороны, эта же фраза функционирует проспективно, предвосхищая причины увольнения, и каждый ретроспективный кадр-фрагмент получает проспективную интерпретацию. То есть взаимодействие указанных категорий в данном медиатексте создает такую повествовательную модель, при которой прошлое осмысляется через известное свершившееся будущее, а внимание адресата направлено на точечный поиск причин увольнения. Таким образом, автор выстраивает *самооправдательную стратегию* через

реконструкцию профессионального опыта с акцентом на отдельных негативно оцениваемых фактах. Анализ вербальных и невербальных компонентов медиатекста позволяет описать многокомпонентный образ педагога, где центральной темой является приоритет собственного психологического благополучия (фразы *«я делаю выбор в пользу себя»*, *«Я выбрала себя?»*, заголовок медиатекста – *«Всегда выбирайте себя»*), соответственно, ядром образа, созданного автором данного медиатекста является выстраивание баланса между профессиональной и личной жизнью и психологическое здоровье.

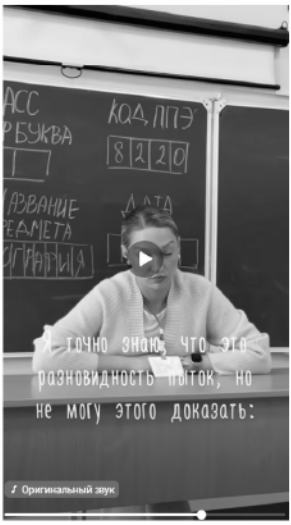

Рис. 1. Эпизод «Я увольняюсь» **Рис. 2.** Эпизод «I feel great!» **Рис. 3.** Эпизод «Я точно знаю…»

3. Анализ концептуальных метафор

Представляется, что анализ концептуальных метафор в мемах исследуемой тематики может дать определенную информацию о репрезентации образа педагога, поскольку данный метод зарекомендовал себя как релевантный для изучения репрезентации образа родителя в мемах [Рохлина 2025]. Кроме того, мем является фреймом по своей природе, что неоднократно подчеркивается в работах, где мем рассматривается не как одиночное произведение, а как серия трансформируемых на основе метафор шаблонов, в которых кристаллизуется социальное отношение к профессии [Schifman 2014; Dancygier, Vandelanotte 2017].

Через взаимодействие ментальных пространств, активизируемых составными компонентами мемов, мы получаем эмоционально окрашенный бленд [Голубкова, Канашина 2018; Рохлина 2024], где очевидна концептуальная метафора. На мемах (Рис. 2) преподавание метафорически представлено как преждевременное старение, а образ педагога конструируется при помощи таких стратегий как *гиперболизация профессиональных трудностей* (профессиональная нагрузка приводит к физическому разрушению), *объективация профессиональных трудностей* (профессиональная нагрузка становится визуально наблюдаемой), *юмористическая компенсация* (негативная оценка смягчается комическим эффектом).

4. Фреймовый анализ

СМИ способствуют «фреймированию» общественного сознания [Кастельс 2016: 182], фреймовый анализ помогает описать фрагменты образа педагога, выдвигаемые на передний план в разных медиатекстах.

Так, в конце учебного года в блогах многих учителей появляются медиатексты, посвященные дежурству на ЕГЭ, где активизируется ситуационный фрейм «учитель-организатор на ЕГЭ», репрезентирующийся через личный опыт учителей-блогеров с акцентом на физическом и эмоциональном состоянии учителя. Например, в блоге "ZABI.STORY" (https://vk.com/zabi.story) размещен клип, в котором на видео представлена сама блогер-учитель, сидящая за столом в классе, видна доска с образцом заполнения бланка ЕГЭ, то есть имеются визуальные маркеры ситуации экзамена. Учитель визуально демонстрирует борьбу со сном: глаза закрываются, поза выражает усталость, выражение лица – снижение внимания и концентрации. Вербальный компонент – фраза: *«Я точно знаю, что это разновидность пыток, но не могу этого доказать:»*. Видео сопровождает музыкальный фрагмент – игра скрипок, создающая «сонное» настроение. Под клипом располагается пост: *«Миссия невыполнима! Невозможно сидеть в полной тишине и не уснуть! Мы щипаем себя за ногу, считаем овец, массируем пальцы, пьем воду, делаем гимнастику для глаз – все бесполезно…»* Таким образом, учитель-организатор представлен как участник утомительной процедуры, а не как лицо, осуществляющее контроль за порядком на экзамене. Негативная оценка процесса представлена в гиперболизированном описании к видео (лексема *«пытки»*), сложность процесса пребывания в условиях дежурства репрезентирована прецедентной фразой *«Миссия невыполнима!»* Фрейм «учитель-организатор на ЕГЭ» в данном медиатексте представлен через слоты «преодоление трудностей» и «сонливость». Совокупность вербальных и аудиовизуальных компонентов способствует формированию образа учителя-организатора ЕГЭ как человека, испытывающего физическую и эмоциональную нагрузку в процессе контроля за порядком проведения экзамена.

Проведенный анализ позволяет рассматривать концептуальный, категориальный, фреймовый анализ и анализ концептуальных метафор как взаимодополняющие методы исследования репрезентации образа педагога в медиадискурсе. Представленные примеры демонстрируют потенциал данных методов для выявления концептуальных структур, категориальных характеристик, метафорических представлений в образе педагога. Перспективой исследования является применение методов когнитивной лингвистики к корпусу медиатекстов с целью выявления и систематизации стратегий репрезентации образа педагога в медиапространстве.

Литература

Беляева Н. Л., Топорова В. М. Торгово-финансовая сфера: цифровой дискурс // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2 (62). С. 535–539. EDN: MHQNDP.

Дмитриева С. С. Полимодальная коммуникация как способ развертывания аналогии в политическом медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 214–218. EDN: LTVBUK.

Рохлина Т. А. Метафорический механизм воплощения образа родителя и ребенка в интернет-дискурсе (на материале мемов электронного издания «Нет, это нормально») // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2 (62). С. 881–885. EDN: KYEFKU.

Schifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

Dancygier B., Vandelanotte L. Internet memes as multimodal constructions // Cognitive Linguistics. Vol. 28 (3). 2017. P. 565–598.

Голубкова Е. Е., Канашина С. В. Семиотическая гибридизация как основа семантики интернет-мемов // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 69–79.

Рохлина Т. А. Интеграция ментальных пространств в интернет-мемах // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 4 (71). С. 61–68.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

T. A. Rokhlina, A. A. Erzyleva, Ya. P. Shalygina *(Ryazan, Russia)*
Ryazan State University named for S. A. Yesenin

THE METHODOLOGICAL POTENTIAL OF COGNITIVE LINGUISTICS IN THE STUDY OF TEACHER REPRESENTATION IN MEDIA DISCOURSE

The present paper is methodological in nature and aims to substantiate the research potential of cognitive linguistics methods that can be employed to analyze teacher

representation in media discourse. Within the framework of this paper, the research potential of individual methods, including conceptual analysis, categorial analysis, conceptual metaphor analysis, and frame analysis, is examined. Their application is illustrated with selected examples of multimodal texts.

Key words: media discourse, teacher representation, conceptual analysis, categorial analysis, conceptual metaphor analysis, frame analysis, communicative strategies.

В. В. Самойлова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
lera.english@inbox.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ В ДИСФЕМИЗМЫ

В исследовании анализируются механизмы трансформации эвфемизмов в дисфемизмы в англоязычном дискурсе, выделены структурные группы эвфемизмов, базирующиеся на концептуальных метафорах, выявлены условия перехода эвфемизма в дисфемизм, сделан вывод о системном характере трансформации, связанной со сменой прагматической установки.

Ключевые слова: дисфемизм, эвфемизм, концептуальная метафора, дискурсивный механизм, англоязычный дискурс.

В современной лингвистике особое внимание уделяется динамике семантических трансформаций лексических единиц, в частности – взаимопревращению эвфемизмов и дисфемизмов.

Целью настоящего исследования стало выявление механизмов и закономерностей трансформации эвфемизмов, номинирующих понятие «Финансовые затруднения», в дисфемизмы. Для достижения поставленной цели был проведен контекстный анализ 44 эвфемистических единиц, относящихся к семантическому полю «Финансовые затруднения». Выборка формировалась по следующим критериям: 1) принадлежность лексемы к эвфемистической лексике; 2) тематическая отнесенность к сфере финансов; 3) наличие контекстов, демонстрирующих потенциальную амбивалентность эвфемистической единицы.

Материалом данного исследования послужил составленный автором корпус из комментариев пользователей одной из соцсетей за 2023–2026 гг., посвященных политическим или экономическим событиям. При исследовании групп эвфемизмов мы опирались на контекстологический анализ – изучение окружения лексической единицы, выявление прагматических

установок говорящего; 2) семантический анализ – определение оттенков значения и оценочной компоненты; 3) количественный подсчет – фиксация частоты переходов и условий трансформации.

В ходе проведенного исследования на материале англоязычной лексики были идентифицированы 3 структурные группы эвфемизмов, номинирующие состояние финансовой стесненности, нехватки денежных средств.

Вслед за Л. В. Порохницкой мы считаем, что «семантика эвфемизмов моделируется на базе сложных концептуальных структур» [Порохницкая 2014: 42]. На основе анализа приведенных выражений можно выделить **ключевые концептуальные структуры**, лежащие в основе формирования семантики исследуемых эвфемизмов и их последующей дисфемизации в англоязычной лингвокультуре. Данные сложные структуры имеют различные модели концептуальной фокусировки. Финансовая нестабильность метафорически уподобляется ЗАБОЛЕВАНИЮ или ослабленному состоянию организма: *economically under the weather* (плохо себя чувствовать в экономическом плане); *financially handicapped* (с финансовой «инвалидностью»); *economically starved* (экономически истощенный, «голодающий»).

***Когнитивный механизм*: симптом → диагноз → степень тяжести.** В концептуальной структуре ФИНАНСОВЫЕ ТРУДНОСТИ = ЗАБОЛЕВАНИЕ особенно активна модель фокусировки, **базирующаяся на антропоморфных метафорах**, например: *Are these Pakistanis mentally, physically, and financially handicapped?* [Публикация пользователя Skjpromo, URL]. В данном случае фокус направлен на болезнь, дефект, отклонение от нормы, причем через призму «инвалидности». Концептуальная метафора ФИНАНСОВЫЕ ТРУДНОСТИ = ЗАБОЛЕВАНИЕ переносит логику медицинского диагноза на экономическое положение. Бедность при этом трактуется как «патологическое состояние». Автор комментария последовательно перечисляет три сферы, в которых субъекты могут быть «неполноценны»: *mentally* handicapped (умственная неполноценность), *physically handicapped* (физическая неполноценность), *financially handicapped* (финансовая неполноценность, зависимость). Такая триада создает эффект тотальной ущербности: группа представляется как несостоятельная во всех ключевых аспектах жизни.

По нашему мнению, именно различные модели концептуальной фокусировки в сочетании с дискурсивными механизмами дисфемизации позволяют эвфемизмам реализовывать свой дисфемистический потенциал, т. е. переходить в разряд дисфемизмов.

Концептуальная структура ФИНАНСОВЫЕ ТРУДНОСТИ = ЗАБОЛЕВАНИЕ коррелирует с другой концептуальной структурой: ФИНАНСОВЫЕ ТРУДНОСТИ = ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ. Обе из них

используют антропоморфную метафору для осмысления финансовых проблем, например, *financially frostbitten*, но второй добавляет фокус на природную детерминацию, связывая экономические трудности с внешними климатическими условиями. Экономические проблемы представляются как **ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ:** *in a budget blizzard* (бюджетная метель); *experiencing monetary drought* (денежная засуха); *financially frostbitten* (обмороженный финансово); *financially frosted* / *economically frosty* (замороженный, ледяной); *in the fiscal twilight* (в сумраке финансов).

***Когнитивный механизм*: природное явление → масштаб ущерба → необратимость.**

Рис. 1. Модели концептуальной фокусировки метафор блока ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Представляется важным, что уже в семантике таких выражений, как *financially frostbitten* заложена потенция к дисфемизации, т.к. мы имеем дело с негативным явлением (обморожения), которое может привести к серьезным последствиям, особенно при корреляции с другими концептами, например, БОЛЕЗНЬ. Переход выражения *financially frostbitten* в разряд дисфемизмов возможен за счет конкретизации негативной семантики.

На наш взгляд, переход эвфемизма в дисфемизм предполагает не только конкретизацию негативной семантики, но и обращение **исходной прагматической установки**: вместо смягчения – акцентирование, вместо нейтрализации – стигматизация. Нами выделены следующие **системообразующие условия** семантического перехода: 1) **Контекстуальная интенсификация**. Включение эвфемизма в контекст с явно негативной оценочностью (например, в сатирическом, обличительном дискурсе): *Can someone please tell our* economicaly challenged *PM that CPI inflation only reached 9,1% in 2022* [Публикация пользователя Stephen Phillips, URL]. **Вопросительная конструкция с *please tell* создает эффект иронической модальности, за**

которой скрывается сарказм. Эвфемизм *economically challenged* относится не к бедной семье или региону, а к премьер-министру. Это противоречие обнажает абсурдность ситуации, а также намекает на некомпетентность. Эвфемизм становится скрытым дисфемизмом, сохраняет форму нейтральности, но несет явную негативную оценку через иронию и контекст. 2) Реактивация табуированного денотата: „The liquidity nightmare of the 1%… or, *Living on borrowed money* is not all glamour" [Публикация пользователя John Hansen, URL] В этом контексте ***living on borrowed money*** становится дисфемизмом благодаря сочетанию семантики фразы, негативного контекста и прагматической цели автора – обличить финансовую модель элиты как неустойчивую, порочную и лишенную реального содержания. Дисфемизм здесь выступает инструментом речевой агрессии и выражения социальной критики. 3) **Прагматическая инверсия (ирония, сарказм).** Намеренное использование эвфемизма с противоположным интенциональным зарядом: не для смягчения, а для подчеркивания абсурдности или тяжести ситуации. Лингвистическими маркерами здесь выступают кавычки, гипербола, контрастные эпитеты: *I recommend that the next Trump Administration review our use of economic sanctions. Are we overusing them? Are we* 'overextended' *economically and financially, in part, because of overuse of these instruments?* [Публикация пользователя Zalmai Halilzad, URL] Данная фраза построена как риторический вопрос с критическим подтекстом: говорящий не просто констатирует факт, а ставит под сомнение целесообразность политики (санкций); намекает на ошибочность решений («мы зашли слишком далеко»); предполагает ответственность действующих лиц (администрации, принимающей решения). Связь с *overuse* создает градацию негативных признаков. 4) **Когнитивная «переоценка» метафоры: *I stand with anyone who opposes Trump. I truly admire my governor. I appreciate that he isn't afraid to stand up to this harsh bully. Trump* is running on empty*, so hold on – because he's already gone* [Публикация пользователя 1970fresh1, URL].** Исходная метафора, служившая эвфемистическим прикрытием (например, *running on empty*), в новом контексте актуализирует не «финансовые трудности», а «безответственность» или «некомпетентность». В данном случае нейтральная метафора становится инструментом дискредитации. Стилистическая градация от эксплицитного оскорбления (*bully*) к образному разоблачению (*running on empty*) создает эффект нарастающей дискредитации.

Таким образом, трансформация эвфемизма в дисфемизм не является случайным или спонтанным явлением, а представляет собой системно обусловленный процесс, детерминированный совокупностью взаимосвязанных факторов.

Литература

Порохнищкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке: на материале английского, немецкого, французского, испанского, итальянского языков. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения: дис … д-ра филол. наук. М., 2014.

Публикация пользователя Skjpromo, цит. по архиву автора статьи. URL: https://disk.yandex.ru/i/GiqMEvugCoapEA

Публикация пользователя Stephen Phillips, цит. по архиву автора статьи. URL: https://disk.yandex.ru/i/XBtFwVLwp5Q72A

Публикация пользователя John Hansen, цит. по архиву автора статьи. URL: https://disk.yandex.ru/i/1Jap3n0ufO3jGQ

Публикация пользователя Zalmai Halilzad, цит. по архиву автора статьи. URL: https://disk.yandex.ru/i/DlqQ5vJx1kvgdQ

Публикация пользователя 1970fresh1, цит. по архиву автора статьи. URL: https://disk.yandex.ru/i/ssNB0LMbDJpFdQ

V. V. Samoilova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

DISCURSIVE MECHANISMS OF EUPHEMISM-TO-DYSPHEMISM TRANSFORMATION

The study analyses the mechanisms of euphemism to dysphemism transformation in English language discourse. It identifies structural groups of euphemisms based on conceptual metaphors and reveals the conditions under which a euphemism shifts into a dysphemism. The research concludes that such transformation is systemic in nature and is associated with a change in pragmatic orientation.

Key words: dysphemism, euphemism, conceptual metaphor, discursive mechanism, Enflish speaking discourse.

В. В. Сарма *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
vladislavasarma@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПРОДВИЖЕНИИ КУРОРТОВ: КОГНИТИВНАЯ ЛЕГКОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА

В статье рассматривается роль концептуальных метафор в санаторно-курортном рекламном дискурсе, с акцентом на их эмоционально-экспрессивный потенциал, способствующий формированию положительного имиджа курортных регионов. На материале рекламных текстов санаториев Кавказских Минеральных Вод (КМВ) выявляются основные классы метафор, обеспечивающих когнитивную простоту обработки информации, аффективное вовлечение и персуазивный эффект. Работа опирается на когнитивно-дискурсивный подход, расширяя прежние исследования за счет интеграции современных теорий когнитивной лингвистики и прагматики коммуникации.

Ключевые слова: концептуальная метафора, санаторно-курортный дискурс, эмоционально-экспрессивная функция, имидж курорта, когнитивная легкость, персуазивность.

Современный туристический рынок характеризуется интенсивной конкуренцией и перенасыщенностью информационного пространства, что требует от санаторно-курортного дискурса, продвигающего курорты, не только передачи объективных фактов, но и эффективного эмоционального воздействия на потенциального клиента. В условиях нематериального продукта, которыми являются туристический опыт и курортное лечение, именно лингвистические средства, прежде всего метафоры, выступают как наиболее целесообразные и эффективные инструменты смыслообразования и адаптации абстрактных концептов здоровья, отдыха и комфорта к чувственно воспринимаемым образам [Радбиль 2025; Аликина 2010].

Значимость концептуальных метафор в формировании имиджа курортов обусловлена их способностью конструировать когнитивные рамки восприятия, интегрируя эмоционально-чувственное и рационально-познавательное восприятие объекта. В частности, в санаторно-курортном дискурсе Кавказских Минеральных Вод (КМВ) зафиксированы три доминирующих класса метафор, каждый из которых направлен на активацию определенных эмоциональных и поведенческих реакций [Радбиль 2025; Чудинов 2019].

Целью настоящего исследования является выявление и систематизация концептуальных метафор в санаторно-курортном дискурсе КМВ на основе анализа их роли и когнитивно-прагматической специфики в конструировании

положительного имиджа курортов КМВ. Для достижения цели исследование опирается на интеграцию когнитивно-дискурсивного анализа и современных теорий перцептивной когнитивной легкости [Reber et al. 2004].

Исходный корпус составлен из аутентичных рекламных и промотекстов ведущих санаторно-курортных учреждений КМВ – Кисловодска, Ессентуков, Пятигорска и Железноводска, охватывающих период 2020–2025 гг. Общий объем корпуса превышает 800000 словоупотреблений и включает официальные сайты, буклеты, рекламные слоганы, а также материалы онлайн-рекламы.

В качестве методологической основы исследования применялась методика идентификации метафор от Pragglejaz Group (MIP-метод), позволяющая разграничивать метафорические и буквальные значения лексем на основе контекста и сравнения с базовым значением [Pragglejaz Group 2007].Далее в отобранных метафорических единицах выявлялись и описывались концептуальные метафоры согласно методикам А. П. Чудинова и Дж. Лакоффа, с выделением доменов-источников [Чудинов 2019, 2024; Lakoff, Johnson 1980]. Качественный анализ сосредоточен на трех компонентах: оценочности (позитивной/негативной коннотации), аффективном заряде (вызываемых эмоциональных реакциях) и суггестивности (мотивирующем потенциале метафор). Особое внимание в рамках проводимого исследования уделено когнитивной легкости (processing fluency) восприятия метафор как механизму, который снижает нагрузку на рабочую память адресата и обеспечивает эффект позитивных ожиданий от объекта рекламы, минуя критическое осмысление» [Reber et al. 2004].

Проведенный анализ собранного аутентичного корпуса показал статистически значимое преобладание трех основных классов метафор, специфичных для санаторно-курортного дискурса санаториев КМВ, а именно:

1) Ресурсные метафоры, в которых здоровье и отдых представлены как ценный ресурс и капитал, составляют практически 42%. Доменом-источником в этих метафорах, как правило, выступают экономика, природа, энергия, как например, «ключ к долголетию», «источник жизненной силы» и др. Такие метафоры мотивируют потенциального отдыхающего и максимально обосновывают его выбор курорта, вызывая чувство уверенности и надежды в том, что санаторно-курортное лечение «значительно увеличит жизненный ресурс» [Радбиль 2025].

2) Вторыми по частотности в санаторно-курортном дискурсе КМВ являются пространственно-образные метафоры (34,7%). Они демонстрируют курорт как эксклюзивное пространство искусства и сакральности. Их основными доменами-источниками являются архитектура, искусство,

сакральность. Наглядными примерами здесь выступают такие метафоры как «жемчужина Кавказа», «архитектурный шедевр», «великолепие старинных парков», в которых подчеркивается уникальность, красота и эстетическое удовольствие, что способствует формированию элитарного имиджа КМВ [Радбиль 2025; Скрябина 2021].

3) Наконец, третьими метафорическими моделями в санаторно-курортном дискурсе КМВ выступают антропоморфные (институционально-персонифицирующие) метафоры, на которые приходится 23,3% собранных метафорических выражений. Санатории осмысливаются как «человек», «семья» или «эксперт». Такие метафоры как «круг заботы», «домашний очаг» и др. вызывают чувство доверия, эмоциональной безопасности и снижая барьеры восприятия лечебного учреждения [Радбиль 2025; Ковшова 2018].

Важно особо отметить, что все три класса метафор обладают высокой оценочной положительной окраской, обусловленной переносом эмоционального заряда домена-источника на домен-цель – курорт. Ресурсные метафоры ассоциируются с рациональной выгодой и энергетическим восстановлением, вызывая надежду и мотивацию к выбору. Пространственно-образные метафоры активируют эстетические и духовные чувства, вызывая восхищение и желание принадлежать к избранной группе. Антропоморфные (институционально-персонифицирующие) метафоры снижают тревогу, формируя атмосферу заботы и комфорта, что особенно важно для рекреационных клиентов, нуждающихся в эмоциональной поддержке [Радбиль 2025; Телия 2016].

Особое значение имеет когнитивная легкость, с которой воспринимаются метафоры, которая непосредственно влияет на положительную эмоциональную реакцию. Конвенциональные и универсальные метафоры («ключ», «фундамент», «родные») быстро обрабатываются, что ассоциируется с достоверностью и привлекательностью сообщения. Простота и образность пространственных метафор обеспечивают эстетическое наслаждение и эмоциональное вовлечение, что усиливает желание посетить именно данный курорт [Reber et al. 2004; Lakoff 2010].

Выявленные в исследовании концептуальные метафоры в санаторно-курортном дискурсе КМВ демонстрируют релевантность классических моделей когнитивной лингвистики, убедительно подтверждая основные положения теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона о метафоре как механизме понимания сложных абстрактных концептов через проекцию на конкретные домены повседневного опыта [Lakoff, Johnson 1980].

Интеграция концепта эмоций и когнитивных механизмов легкости придает метафоре не только эпистемическую, но и прагматическую функцию, превращая её в эмотивно-социальное средство воздействия на

реципиента. Полученные результаты поддерживают современные тенденции исследований в лингвистике туризма, подчеркивая важность не только смысловых, но и аффективных аспектов коммуникации [Djafarova 2017; Kiss 2018].

Также нельзя не отметить важность антропоморфных (институционально-персонифицирующих) метафор для уменьшения психологических барьеров [Ширяева 2025], что находит параллели в исследованиях о «терапевтизации» туристического дискурса, где акцент на человеческой близости повышает доверие к бренду курорта [Ковшова 2018].

В заключение следует подчеркнуть, что концептуальные метафоры в санаторно-курортном дискурсе КМВ не только способствуют эффективному когнитивному восприятию и эмоциональному вовлечению потенциальных клиентов, но и выступают мощным инструментом формирования устойчивого позитивного имиджа курортов. Как справедливо отмечается в современных подходах к анализу метафор, «метафоры имеют когнитивную функцию, создавая новые концептуальные связи и влекут за собой возможность увидеть мир по-новому» [Ширяева, Катермина 2023: 55], что расширяет горизонты смыслообразования и усиливает персуазивный эффект профессиональной коммуникации.

Литература

Радбиль Т. Б. Смыслообразующие функции языковых аномалий в поликодовых текстах рекламы медицинских товаров и услуг // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. № 2. С. 100–116.

Аликина Е. Ю. Особенности функционирования метафоры в туристском дискурсе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4(2). С. 123–127.

Аликина Е. Ю., Мишланова С. Л. Аттрактивная функция метафоры в туристском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6(10). С. 122–128.

Катермина В. В., Ширяева Т. А. Лингвосемиотические характеристики метафоры в профессиональном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 47–58.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, пословиц, загадок. Москва: ЛЕНАНД, 2018.

Скрябина Е. Ю. Лингвокогнитивное моделирование метафоры в дискурсе туризма: дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2021.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки славянской культуры, 2016.

Чудинов А. П. Метафора в современной лингвистике. Екатеринбург: УрГПУ, 2019.

Ширяева Т. А. Лингвистическое моделирование профессиональной реальности в рамках социокогнитивной парадигмы / Т. А. Ширяева, Н. Б. Айвазян // Когнитивные исследования языка. 2025. № 3–2(64). С. 301–305.

Chudinov A. P. Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results / A. P. Chudinov, E. V. Shustrova // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, No. 1. P. 190–209.

Djafarova E. The role of figurative language use in the representation of tourism services // Athens Journal of Tourism. 2007. № 22(1). P. 1–39.

Kïss I. The persuasive discourse function in the language of tourism // Argumentum. 2018. № 14. P. 26–39.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. № 22(1). P. 1–39.

Reber R., Schwatz N., Winkielman P. Processing fluency and aesthetic pleasure: Is beauty in the perceiver's mind? // Personality and Social Psychology Review. 2004. № 8(4). P. 364–382.

V. V. Sarma *(Pyatigorsk, Russia)*
Pyatigorsk State University

METAPHORICAL MODELS IN THE PROMOTION OF RESORTS: COGNITIVE FLUENCY AND IMAGE FORMATION

This article examines the role of conceptual metaphors within sanatorium and resort advertising discourse, emphasizing their emotional-expressive potential in fostering a positive image of resort regions. Drawing on advertising materials from sanatoriums in the Caucasian Mineral Waters (CMW) region, the study identifies principal metaphorical classes that facilitate cognitive fluency, affective engagement, and persuasive impact. The research is grounded in a cognitive-discursive framework, extending previous studies through the integration of contemporary theories of cognitive linguistics and communication pragmatics.

Key words: conceptual metaphor, health resort marketing discourse, emotional-expressive function, resort image, cognitive fluency, persuasiveness.

И.Н. Толмачева *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
itolmacheva@tsutmb.ru

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

Предлагаемое исследование направлено на выявление специфики и качественных показателей языковой оценки результатов профессиональной научной деятельности. В качестве примера результата научной деятельности рассмотрено его выражение в форме диссертации на соискание ученой степени кандидата/доктора наук, выявлены некоторые языковые средства репрезентации оценочных смыслов результативности диссертационного исследования на примере оценочных суждений, содержащихся в отзывах официальных оппонентов по диссертации.

Ключевые слова: профессиональная научная деятельность, оценка, результат, диссертация, языковая репрезентация.

Профессиональная научная деятельность, являясь разновидностью интеллектуальной деятельности, является сложным, многогранным процессом, направленным на получение нового знания. Результаты научной деятельности могут быть представлены в разных формах – в виде научных статей, докладов на конференциях, научных отчетов, выпускных квалификационных работ, в т.ч. диссертационных. Диссертация на соискание ученой степени кандидата/доктора наук, являясь результатом проведенных соискателем ученой степени научных исследований, представляет собой продукт интеллектуального труда, некое достижение в решении тех целей и задач, которые ставит автор.

Необходимым условием квалификации научной работы как диссертации является ее соответствие установленным и поддающимся измерению параметрам, которые и служат критериями оценки. Эти критерии выступают в роли релевантных ориентиров, на основании которых осуществляется квалификация соответствия установленным требованиям и нормам.

Существуют два типа критериев оценивания практически любого вида деятельности, в том числе интеллектуальной: количественные и качественные. Если количественные критерии преимущественно ориентированы на измерение результатов относительно установленных или

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (приказ № 474 от 01.10.2025 г.).

сложившихся норм и стандартов, то качественные отражают сущностные характеристики достижения, имеющие ценность и значимость в конкретной сфере профессиональной деятельности. В научной деятельности эти критерии коррелируют с критериями п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» (далее – Положение), о том, что «диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны» [Положение]. Согласно п. 10 того же Положения, «диссертация должна быть написана самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку» [Положение]. Таким образом, отметим важность соблюдения таких критериев как **самостоятельность**, **системность**, **структурированность и логичность изложения**, **оригинальность**. Важность **аргументированности** предложенных автором диссертации решений также отмечается в п. 10 Положения.

Положение также регламентирует порядок оценивания диссертации официально назначенным оппонентом (п. 23 Положения), при этом среди качественных критериев упомянуты «…актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна...» [Положение]. Можно заключить, что основными **качественными критериями** состоявшегося диссертационного исследования выступают: **актуальность**, **научная новизна**, **обоснованность выводов и рекомендаций**, **теоретическая и практическая значимость полученных результатов**, их **достоверность/верифицируемость**.

Оценочной шкалой при оценке соответствия диссертации установленным критериям является, как правило, выполнение/невыполнение/превышение квалификационных требований, предъявляемых к работам подобного рода и соискателю ученой степени как автору исследования. Каждый критерий формирует свои оценочные смыслы, и его оценка может быть репрезентирована различными языковыми средствами.

Таким образом, при составлении отзыва о диссертации как результат интеллектуального труда, оппонент обязан представить общую картину соответствия диссертации тем качественным и количественным критериям, которые определены основным документом, регламентирующим порядок

присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук. Более того, оппонент может дополнить свой отзыв общим впечатлением о диссертационном исследовании, работе автора над ним и самом авторе как о состоявшемся/несостоявшемся исследователе. Рассмотрим подробнее языковые средства репрезентации качественной оценки результата профессиональной научной деятельности на примере оценки диссертации официальным оппонентом.

Как правило, языковую оценку получают упомянутые ранее отдельные качественные критерии диссертационного исследования. Объектом оценки может выступать также диссертационная работа в целом, как совокупность присущих ей характеристик, например:

«Работа производит впечатление ***логически и композиционно завершенного научного исследования***… (Ф.И. Панков);

«Работа производит чрезвычайно благоприятное впечатление. Ее отличает ***оригинальность и самостоятельность, четкая и прозрачная логика***…» (А.В. Нагорная);

«Диссертационное исследование М.А.И. является ***зрелым, самостоятельным и законченным*** научным трудом…» (И.Б. Аккуратова).

Для создания положительной оценки используются лексические единицы положительной семантики, выражающие оценочное отношение к отдельным параметрам или диссертации в целом, например, словосочетания «производит благоприятное впечатление», «(выгодно) отличается», «положительная оценка»:

«Диссертация ***производит благоприятное впечатление*** и основные выводы, к которым приходит автор, хорошо аргументированы» (Т.П. Третьякова);

«Необходимо дать ***положительную оценку*** выбору материала для исследования» (И.Б. Аккуратова);

«... рецензируемая работа ***выгодно отличается*** фокусом на языковых явлениях…» (Ю.А. Лобина).

Лексические интенсификаторы высокой степени типа «очень», «чрезвычайно», «особенно» в сочетании с лексикой с значением одобрения способствуют репрезентации положительной оценки по самой высокой ее шкале, что дополняется оценкой отдельных качественных критериев:

«Работа производит ***чрезвычайно*** благоприятное впечатление. Ее отличает *оригинальность и самостоятельность, четкая и прозрачная* логика…» (А. В. Нагорная);

«Диссертация производит ***очень*** благоприятное впечатление и отличается *четкой структурированностью*, *аргументированностью* и *ясностью изложения*» (С.В. Дечева).

Употребление имен прилагательных в превосходной степени также свидетельствует о безусловно положительной оценке того или иного аспекта диссертации, например:

«***Самое благоприятное*** впечатление производит *дотошность* автора в описании и анализе…» (Е.В. Кашкин);

«***Наиболее ценным*** достижением второй главы нам видится *обращение к когнитивным механизмам*…» (Е.М. Позднякова).

В качестве положительной оценки качественных параметров диссертации могут использоваться выражения «заслуживает одобрения», «не вызывает возражений», например:

«***Одобрения заслуживают*** и те *наблюдения*, которые автор сделал в отношении специфики проявления эмпирического материала в разных языках – русском и французском» (В.Ю. Меликян);

«Представлены все необходимые рубрики, *формулировки* корректны и ***не вызывают возражений***» (А.В. Нагорная).

Обратимся также к примерам, которые представляют собой в разной степени отрицательную оценку отдельных аспектов диссертационной работы. Подчеркнем, что частично отрицательная оценка того или иного параметра не является поводом для отрицательной оценки диссертации в целом.

Отрицательная оценка часто связана с подчеркиванием определенных недостатков, и репрезентируется собственно существительными со схожим значением («недостаток», «недоработка», «сомнение», «замечание»):

«К сожалению, необходимо отметить ***некоторые недостатки*** данной части исследования (Е.Б. Яковенко);

«В качестве ***некоторой недоработки***...» (Ф.И. Панков).

Примеры показывают, что отрицательная оценка часто смягчается при использовании прилагательного «некоторый» или наречия «несколько» в значении «чуть-чуть», «немного», «слегка», поскольку безапелляционность в целом нехарактерна для научной речи:

«Так, например, ***несколько дискуссионным*** представляется отождествление культурных особенностей речевого поведения…» (С.В. Дечева);

«…вызывает ***некоторые сомнения*** утверждение…» (Е.В. Кашкин).

Интерес представляют оценочные высказывания, в которых оппонентом отмечается недостаточность либо избыточность чего-либо в диссертационной работе, например:

«Необходимо отметить ***недостаточную*** стилистическую проработанность изложения, временами затрудняющую восприятие» (Ю.А. Лобина);

«В диссертации ***оставлены без внимания*** многие важные работы современной когнитивной и функциональной лингвистики…» (В.А. Белов);

Вместе с тем глава ***информативно перегружена***, ***читателю сложно продвигаться через множество цитат***, которые автор приводит, не выражая критического отношения к той или иной точке зрения» (Е.Б. Яковенко).

Таким образом, рассмотренные примеры языковой репрезентации качественной оценки результативности диссертационного исследования на примере оценочных суждений, содержащихся в отзывах официальных оппонентов, свидетельствуют о разнообразии способов положительной и отрицательной оценки результата профессиональной научной деятельности.

Литература

Болдырев Н.Н. Структура и доминанты когнитивного анализа языка // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2-1 (63). С. 25-32.

Болдырев Н.Н., Гаврилова А.В. Моделирование знания о результатах профессиональной деятельности и их оценке в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2026. № 2. С. 5-17. DOI: 10.20916/1812-3228-2026-2-5-17

Виноградова С.Г. Критерии оценки результатов профессиональной научной деятельности с учетом специфики процессов оценочной концептуализации и категоризации // Когнитивные исследования языка. 2026. № 2-2 (67). С. 253-257.

Положение – Положение о присуждении ученых степеней, утвержденное постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. URL: https://base.garant.ru/70461216/#block_137

I.N. Tolmacheva *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

LINGUISTIC EVALUATION OF QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL RESEARCH ACTIVITY RESULTS

The article focuses on the peculiarities and qualitative criteria of linguistic evaluation of the professional research activity results. For the purposes of the study a dissertation for the degree of Candidate of Sciences is taken as an example of research activity result, and certain linguistic means of its evaluating are demonstrated by example of the official opponents' reviews.

Key words: professional research activity, evaluation, result, dissertation, knowledge, linguistic representation

М.В. Файбушевский, С.В. Киселева *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
svkiseljeva@bk.ru, faiboushevski@mail.ru

СПЕЦИФИКА МАКРОКОМПОЗИЦИИ СПЕЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

В настоящей статье актуализированы подходы к макроструктуре словаря с позиций когнитивной терминографии – современного направления в науке о составлении специальных ресурсов. В работе затронуты вопросы лексикографической реализации когнитивных аспектов термина, логика элементов макрокомпозиции как общей структуры терминологического словаря.

Ключевые слова: термин, понятие, композиция словаря, терминография, терминологический словарь, когнитивная терминография

В течение последних десятилетий когнитивный подход к лексикографированию описывается в научной литературе и практически реализуется в создании словарей концептов, концептуариев. Данная тенденция наблюдается и в терминографии, где разрабатываются модели построения специальных словарей, учитывающих когнитивную составляющую. Настоящая статья, продолжающая серию трудов авторов, посвященных лексикографическому описанию терминологических систем, рассматривает особенности макрокомпозиции терминологического словаря в логике когнитивной терминографии [Киселева, Файбушевский 2025] и др.

К области макроструктуры С.В. Гринев-Гриневич относит «вопросы композиции словаря в целом», то есть принцип следования словарных статей, состав вспомогательных разделов, принципы представления терминологических словосочетаний, принцип представления омонимии (полисемии), указывая также, что «особенности реализации каждого из параметров определяются выбором предыдущих параметров» [Гринев-Гриневич 2021: 39]. Последнее делает из макроструктуры лексикографическую макросистему, рассматривая лексикографическую деятельность как процесс инвентаризации и нормализации совокупностей специальных единиц и понятий.

Когнитивная терминография формирует систему акцентов на когнитивных аспектах лексикографируемых специальных единиц, а также на терминографических способах и приемах представления логико-понятийных систем научных направлений, сфер деятельности и проч. Стоит особенно подчеркнуть, современный специальный словарь – это лексикографически формализованная совокупность терминов и понятий, которые они обознача-

ют. Таким образом, в терминологическом лексикографическом ресурсе отображена и терминосистема (особая знаковая система), и логико-понятийная система (в том числе концептосфера) конкретной науки. Как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев: «цель любого словаря заключается в отражении результатов познания в той или иной области, то есть в реализации одновременно когнитивной и метаязыковой функций языка. Соответственно любая лексикографическая деятельность ориентирована на конкретные доминанты» [Болдырев 2019: 32].

Когнитивное терминоведение, являющееся основным вектором современной научной и практической деятельности терминоведов и терминологов [Лейчик 2007; Голованова 2010; Киселева, Росянова 2016] и др., существенно расширяет саму логику терминографии, позволяя распространять традиционные для науки о специальных словарях приемы на когнитивно-ориентированную терминографическую работу.

Возможно, структура макрокомпозиции, в отличие от микрокомпозиции, в большей степени требует актуализации не только с появлением когнитивного вектора, но и в русле общей цифровизации лексикографической деятельности. Каждый из элементов макроструктуры в ситуации перехода на электронные офлайн- или онлайн-лексикографические платформы становится направлением работы составителя, то есть своеобразным словарным замыслом. Это не противоречит пониманию макрокомпозиции как общей концепции ресурса, а не формальной системы, «физической» реализации лексикографического источника. Более того, учитывая данную концепцию, часто используемые синонимично в лексикографии и терминографии термины «макрокомпозиция» и «макроструктура» можно условно развести, подразумевая под первой общий замысел, а под второй – общую структуру словаря. При рассмотрении элементов макрокомпозиции мы принимаем во внимание вышеперечисленные положения.

Принцип следования словарных статей: вопрос, во многом актуальный для бумажного словаря. Выбор формального (различных разновидностей алфавитного) или тематического (в том числе тезаурусного) или смешанного (тематически-алфавитного) принципа зависит от адресата и назначения ресурса. Учитывая когнитивную составляющую, логично выбрать (или сконструировать) лексикографическую платформу, которая позволила бы группировать термины и понятия по алфавиту и по тематике, выделяя (фактически – делая акцент) на основных концептах рассматриваемой области. Для бумажного словаря элементы тезаурусного подхода наиболее актуальны для облегчения поиска в виде лексикографических индексов. Л.А. Новиков рассматривает тезаурус как «словарь, в котором слова расположены не по алфавитному порядку, а по определенным понятийным сферам» [Новиков

1982: 66]. В приведенной цитате отметим терминологическое словосочетание «понятийная сфера» (условно – понятийная система), актуальное для когнитивной терминографии.

Состав вспомогательных разделов: от предметных и систематических указателей до справочных приложений, делает терминологический словарь лексикографической системой терминов и понятий. В современном терминоведении имели место результативные попытки лексикографического моделирования терминосистем [Софронова, Фельде 2017] или понятийных систем [Кокорина 2011; Файбушевский 2021] определенных сфер деятельности. Лексикографические индексы для бумажного ресурса (и различные подходы к подобной автоматической генерации словарной информации) – это способ и решение проблемы внутреннего единства словаря как определенного рода макротекста. Рассмотрение текстовой природы лексикографического источника – тема для отдельного основательного исследования. Однако использование терминов *макро-* и *микроструктура* в отношении лексикографического текста (или всего ресурса) не может обходиться без понимания логики тематической связности. В.Е. Чернявская и М.В. Хохлова констатируют: «макроструктуры формируют комплексную информацию, делают видимыми многочисленные связи между фрагментами информации (…), дают возможность делить совокупную информацию на составляющие ее части» [Чернявская, Хохлова 2024: 62-63].

Принцип представления словосочетаний, относящийся к макро- микрокомпозиции терминологического словаря, является актуальным для многословных терминологических знаков. В данном вопросе представляется возможным придерживаться традиционной для терминографии позиции, согласно которой каждый термин обозначает конкретное понятие и, соответственно, требует отдельной микрокомпозиционной характеристики. Исключение, возможно, необходимо сделать для формальных параметров (фонетическая, грамматическая и прочая информация). Вместе с тем в словаре с когнитивными акцентами стоит показать понятийные связи в случае выявления случаев синонимии (или дублетности) и прочих случаев асимметрии «знак-понятие».

Принцип представления многозначных специальных единиц. Проблема терминологической многозначности (внешней и внутренней) – одна из важнейших трудностей в процессе конструирования терминосистем и их лексикографической репрезентации. Не касаясь причин данного явления, подчеркнем, что оно имеет весьма глубокие корни и, как правило, связано с пониманием термина как слова, использованного в особом, специальном значении (это значение также называется в терминоведении понятийным или терминологическим). Макрокомпозиционная лексикографическая

установка с акцентом на многозначность, реализованная в словарной статье соответствующей пометой, отсылкой к другим специальным единицам или родственной терминосистеме, указывает пользователю на когнитивные процессы, имеющие место в языке для специальных целей.

В заключение обратим внимание на целесообразность включения в логику макрокомпозиции также вопросов, относящихся в настоящее время в терминографии к элементам авторской установки. Здесь речь идет об отборе источников и критериях отбора специальных единиц. Дальнейшая работа по актуализации структуры терминологического словаря в принципах когнитивной составляющей и общей цифровой трансформации лексикографической деятельности позволит увидеть когнитивную терминографию в качестве нового этапа развития науки о специальных словарях.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип представления знаний в словаре // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: Материалы расширенного заседания (Всероссийского с международным участием) научного семинара проблемной группы «Русский глагол», посвященного 45-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Екатеринбург, 29–30 октября 2019 года. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. С. 29-39.

Голованова Е.И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2010. № 2. С. 85-91.

Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию. М.: Либроком, 2021.

Киселева С.В., Росянова Т.С. Когнитивные аспекты исследования терминологии на современном этапе (на материале английской экономической терминологии) // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: материалы 3-й международной научной конференции, Курган, 23 марта 2016 года. Курган: Курганский государственный университет, 2016. С. 224-229.

Киселева С.В., Файбушевский М.В. Проектирование специального словаря в логике когнитивной терминографии // Когнитивные исследования языка. 2025. № 3-2(64). С. 275-279.

Кокорина Ю.Г. Терминосистема концептуальной области «Археология»: монография. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.

Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI вв. // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. 2007. Вып. 11. С. 26-45.

Новиков Л.А. Семантика русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982.

Софронова Т.М., Фельде О.М. Лексикографическое моделирование русской и английской пирологической терминологии. Красноярск: СФУ, 2017.

Файбушевский М.В. Моделирование терминосистемы биржевого дела: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб, 2021.

Чернявская В.Е., Хохлова М.В. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы: Учебник для студентов лингвистических направлений подготовки. М.: Ленанд, 2024.

M.V. Faibushevskii, S.V. Kiseleva *(St. Petersburg, Russia)*
St. Petersburg State University of Economics

SPECIFICITY OF THE MACROCOMPOSITION OF TERMINOLOGICAL VOCABULARY THROUGH THE PRISM OF COGNITIVE TERMINOGRAPHY

This article updates approaches to dictionary macrostructure from the perspective of cognitive terminography – a modern approach to the development of specialized resources. The paper addresses issues of lexicographic implementation of the cognitive aspects of a term and the logic of macrocomposition elements as the overall structure of a terminological dictionary.

Key words: term, concept, dictionary composition, terminography, terminological dictionary, cognitive terminography.

Е.А. Федотова *(Калининград, Россия)*
Калининградский государственный технический университет
elena.fedotova@klgtu.ru

КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ LSP «ПРОМЫШЛЕННОЕ РЫБОЛОВСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье мы исследуем фрагменты отражения типов знания в LSP «Промышленное рыболовство» (на материале немецкоязычных текстов) с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы. В работе рассматриваются методы построения когнитивной карты специальной отрасли «Промышленное рыболовство», выделяются основные блоки знания, идентифицируются категории и базовые концепты, репрезентирующие исследуемый нами специальный дискурс.

Ключевые слова: репрезентация когнитивной карты, когнитивное картирование, LSP «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft), категоризация, категория Fischerei, интеграция концептов, базовые концепты, фрейм.

В настоящей работе мы рассматриваем когнитивное картирование с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы. Когнитивная карта позволяет установить, как репрезентирован мир в сознании человека, а также может выделить форматы знания в представлении опыта взаимодействия человека с миром [Новодранова 2006: 69-70]. В основе текстов LSP «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft) лежит когнитивная карта этого знания, «дающая опорные точки для восприятия смысла. Текст репрезентирует когнитивную карту, рефлектирует ее специфику» [Новодранова 2009: 194-197]. Мы анализируем фрагменты отражения типов знания в LSP «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft). Данная сфера научных знаний охватывает теорию и практику процесса добычи, переработки и реализации водных биологических ресурсов с использованием специализированных судов, промыслового оборудования, учитывая достижения современных технологий.

Исследуемый нами дискурс представляет собой интеграцию концептов на основе когнитивных связей таких отраслей науки, как *рыболовство (дикий промысел)* (die Fischerei (Wildfang)), *аквакультура (разведение рыбы)* (die Aquakultur (Fischzucht)), *менеджмент/управление рыболовством* (das Fischereimanagement), *методика и технология орудий лова* (die Fangtechniken und -methoden), *законодательство и надзор в сфере рыболовства* (das Fischereirecht und die Überwachung), *производство рыбной продукции* (die Herstellung von Fischerzeugnissen), *технология переработки рыбы* (die Fischverarbeitungstechnologie) и др.

Анализируя специальной научную литературу LSP «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft), нами был построен следующий фрейм (Рис. 1):

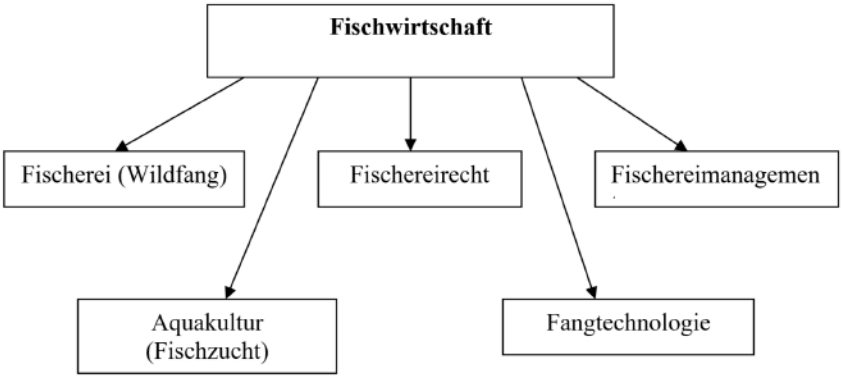

Рис. 1. Фрейм. Die Struktur der Fischwirtschaft

Специальная научная отрасль «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft) подразделяется на *морское рыболовство* (Seefischerei) и *речное рыболовство* (Binnenfischerei). Морское рыболовство (Seefischerei) занимается добычей рыбы с использованием промыслового флота в океанах и морях, а также в зонах прибрежных вод и внутренних морях (Hochsee- und Küstenfischerei mit verschiedenen Schiffstypen (Kutter) und Fangmethoden (z. B. Schleppnetze). Речное рыболовство (Binnenfischerei) охватывает прибрежный лов в озерах, реках и внутренних водоемах (Fischerei in Flüssen, Seen und Teichen).

Fischwirtschaft является единицей более общего содержания, гиперонимом по отношению к гипонимам *Seefischerei* и *Binnenfischerei*.

Отношения между единицами *Seefischerei* и *Binnenfischerei* можно представить в виде иерархической модели. Верхний уровень занимает гипероним *Fischwirtschaft, «*подчиненный» уровень – гипонимы *Seefischerei* и *Binnenfischerei*. Единицы данных уровней объединены гиперо-гипонимической связью. Элементы *Seefischerei* и *Binnenfischerei* являются согипонимами и объединены между собой согипонимической связью.

В LSP «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft) одной из ключевых категорий, образующих ядро данной научной отрасли, является категория «добыча рыбы (как процесс)» (Fischfang). Эту ключевую категорию мы классифицировали по следующим признакам:

По цели:

1. Промысловое рыболовство (Fischindustrie), т.е. добыча рыбы для последующей переработки и продажи.

2. Научно-исследовательское рыболовство (Forschungsfischerei), занимающееся изучением популяций и экосистем.

3. Контрольное рыболовство (Kontrollfischerei), осуществляющее мониторинг состояния запасов рыбных ресурсов и др.

По виду биоресурсов:

1. Добыча рыбы (треска, сельдь, минтай, лосось …) (Fischfang (Kabeljau, Hering, Seelachs, Lachs…))

2. Заготовка беспозвоночных (крабы, креветки, моллюски) (Vorbereitung von Wirbellosen (Krabben, Garnelen, Muscheln)).

3. Сбор водорослей и иных биологических ресурсов (Sammeln von Algen und anderen biologischen Ressourcen) и др.

По способу лова:

1. Траление (Schleppnetzfischerei).

2. Сетевое рыболовство (Netzfischerei).

3. Лов капканами (Fallenfang).

3. Дрифтерный лов (Treibfischerei).

4. Аквакультура – искусственное выращивание рыбы и морепродуктов (Aquakultur - künstlicher Anbau von Fisch und Meeresfrüchten) и др.

По масштабам деятельности:

1. Крупномасштабное рыболовство (Großfischerei), т.е. подразумевается добыча рыбы и морепродуктов с использованием промыслового флота в океанах и морях.

2. Среднемасштабное рыболовство (Mittelgroße Fischerei), т.е. рыболовство осуществляется в зонах прибрежных вод и внутренних морях.

3. Маломасштабное рыболовство (Kleinfischerei), имеется в виду прибрежный лов рыбы в озерах, реках и внутренних водоемах.

По принципу конструкции судна:

1. Сейнеры (Seiner), т.е. добыча пелагической рыбы.

2. Траулеры (Trawler), подразумевающие глубинный лов.

3. Крабовые ловцы (Krabbenfischer).

4. Рыбоперерабатывающие заводы на борту (Fischverarbeitungsbetriebe auf dem Schiff), которые обеспечивают производство готовой продукции на месте и др.

Ориентируясь на когнитивные схемы терминолога В.Ф. Новодрановой, мы исходим из того, что одним из этапов построения когнитивной карты науки «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft) является идентифицирование концептов, составляющих данную отрасль производства и знания.

Одной из ключевых категорий LSP «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft) является категория «*промысел*» (Fischerei). Анализируя специальную научную литературу исследуемого дискурса, мы идентифицировали следующие *базовые концепты*, составляющие данную категорию: промысел с использованием рыболовных заграждений и защитных стен (Fischerei mit Fischzäunen, Fischmauern); промысел с использованием корзинчатой запруды (Korbreusenfischerei); траловый промысел (Schleppnetzfischerei); рыбный промысел на наживку (Angel- oder Köderfischerei); рыболовство с помощью сетей (Netzfischerei); эхолотное рыболовство (Echolotfischerei); промысел с помощью животных (Fischerei mit Hilfe von Tieren) – это метод ловли рыбы, где в качестве помощников выступают специально обученные животные, например, бакланы; промысел с помощью растительных ядов (Fischerei mit Hilfe von Pflanzengiften); цианидный промысел (Cyanidfischerei); рыбная ловля с использованием динамита (Dynamitfischerei); метод добычи рыбы с использованием электрического тока (Elektrofischerei) и др.

Вышеназванные базовые концепты участвуют в процессах субкатегоризации в концептосфере «Fischfang», выступают в качестве «вершин»

членения материала. LSP «Промышленное рыболовство» (Fischwirtschaft) представляет собой многоярусную структуру, где отражается иерархия понятий данной отрасли науки и способы организации этих понятий по различным доменам. Комплексная методика построения когнитивной карты науки позволяет получить новое когнитивное видение терминосистемы конкретной области знания и деятельности человека.

Литература

Новодранова В.Ф. Когнитивная карта науки // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-в 26-28 сентября 2006 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 69-70.

Новодранова В.Ф. Когнитивные основания распределения информации в научном тексте // В.Ф. Новодранова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 194-198.

Федотова Е.А. Когнитивно-дискурсивный анализ специального языка научной области «Безопасность производства и технологических процессов» (на материале немецкой научной литературы): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.

Федотова Е.А. Роль базовых концептов при построении когнитивной карты науки // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 173-175.

Heidbrink I. Deutschlands einzige Kolonie ist das Meer. Die deutsche Hochseefischerei und die Fischereikonflikte des 20. Jahrhunderts. Convent-Verlag, Hamburg, 2004.

Heinrich J. Meeresfischerei in Deutschland. Bundesforschungsinstitut für Ländliche Räume, Wald und Fischerei. Thünen-Institut, Bremerhaven, 2022.

Die Hochsee- und Küstenfischerei in der Bundesrepublik Deutschland im Jahre 2021. Bericht über die Anlandungen von Fischereierzeugnissen durch deutsche Fischereifahrzeuge. URL: http://www.ble.de/SharedDocs/Downloads/DE/Fischerei/Fischwirtschaft/Anlandestatistik

E.A. Fedotova *(Kaliningrad, Russia)*
Kaliningrad State Technical University

COGNITIVE MAPPING ON THE EXAMPLE OF LSP “INDUSTRIAL FISHING” (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

In the article, we explore fragments of the reflection of knowledge types in the LSP “Industrial Fishing” (on the material of German-language texts) from the point of view of a cognitive-discursive paradigm. The paper examines methods of constructing a cognitive

map of the special industry "Industrial Fishing," highlights the main blocks of knowledge, identifies categories and basic concepts representing the special discourse we are studying.

Key words: cognitive map representation, cognitive mapping, LSP "Industrial Fishing" (Fischwirtschaft), categorization, Fischerei category, integration of concepts, basic concepts, frame.

Цзин Чан, Л.М. Гончарова *(Москва, Россия)*
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина
2867421234@qq.com,
lmg2015@yandex.ru

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЫ СФЕРЫ ТУРИЗМА: КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Исследование носит междисциплинарный характер и находится на пересечении когнитивной лингвистики, лингвоаксиологии, маркетинговой лингвистики, функциональной семантики. В статье рассматриваются когнитивные механизмы воздействия языковых средств в туристической рекламе России и Китая. Анализ показывает, что рекламные тексты не только информируют о туристических объектах, но и формируют ценностно окрашенный образ страны или региона. Выявлена разница между рекламными текстами российской и китайской туротрасли. На основе проведенного исследования эмпирического материала делается вывод о том, что при различии национально-культурного содержания лингвоаксиологические механизмы воздействия в рекламных традициях обеих стран во многом сходны.

Ключевые слова: лингвоаксиология, когнитивные механизмы воздействия, языковые средства воздействия, рекламные тексты сферы туризма, ценности, российская реклама туризма, китайская реклама туризма.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости глубокого анализа лингвоаксиологического потенциала туристической рекламы, которая, помимо своей маркетинговой роли, выступает как мощный инструмент когнитивного воздействия при формировании образов и ценностей.

Рекламные тексты становятся не просто средством информирования, но и важным каналом, через который транслируются ключевые культурные ориентиры. По мнению В. И. Карасика, ценности являются ядром культуры, и их вербализация в дискурсе открывает ключ к пониманию особенностей

национального менталитета [Карасик 2015: 432]. Эти ценности, отраженные в рекламе, помогают формировать привлекательные образы, которые оказывают влияние на реципиентов, обогащая их познавательный уровень.

Материалом данной работы послужили российские и китайские рекламные тексты сферы туризма, размещенные в интернет-источниках на сайтах туристических компаний России и Китая.

Цель исследования – выявить и сопоставить лингвоаксиологический характер российских и китайских рекламных текстах сферы туризма и определить когнитивные механизмы воздействия на реципиентов через специфические языковые средства.

Рекламно-туристические тексты способствуют созданию у потенциальных туристов определённых ожиданий, связанных с посещением места или страны, познанием природных особенностей традиций и образа жизни населения. В этом контексте лингвоаксиология как наука, изучающая ценности и смыслы, отраженные в языке, становится оптимальным инструментом для оценки рекламных текстов с точки зрения передачи в них культурозначимой информации о туристических местах, достопримечательностях и знаковых событиях.

Туристическая реклама не только передаёт сведения о туристическом объекте, но и формирует «привлекательный образ места, способный вызвать у адресата желание путешествовать» [Кислицына, Рак 2016: 92]. Следовательно, данная реклама является не нейтральным описанием маршрута или страны, а специально организованным текстом, в котором языковые средства подчинены задачам маркетинга. Здесь ценность превращается в аргумент: древний город стоит увидеть, потому что он хранит память времён; природный ландшафт привлекателен в силу своей чистоты и первозданности; современный регион интересен, так как символизирует развитие. В рекламных текстах туристической отрасли эти ценности проявляются с помощью языка, символов и метафор, не только транслируя аксиологические ориентиры, но и привлекая внимание потенциальных клиентов.

Российская и китайская реклама туризма схожи в том, что в текстах описываются некоммерческие ценности, связанные с национальной идентичностью, исторической памятью и образом страны [Ван Юйчжи 2022: 9]. Однако при схожести лингвоаксиологических функций тексты наполняются разным национально-культурным содержанием.

Сопоставление российских и китайских туристических рекламных текстов позволяет предположить, что обе культуры используют рекламу как средство конструирования положительного образа страны, хотя акценты в ценностной репрезентации различаются. Российская туристическая реклама

чаще подчёркивает природную мощь, уникальность региона и культурные отличия, а также эмоциональную насыщенность путешествия. Китайская реклама, напротив, сильнее акцентирует гармонию человека и природы, древность цивилизации, эстетическое восприятие пространства, традиции и культурную целостность.

Обратимся к языковым способам передачи лингвоаксиологической информации в рекламно-туристических текстах России и Китая. Специфические языковые средства, используемые в рекламе, позволяют рекламополучателю структурировать опыт, моделировать действительность и формировать картину идеального путешествия, насыщенного ценностно значимыми смыслами и образами.

1. Роскошь путешествия. В рекламе туристическому объекту приписываются положительные характеристики, формирующие у адресата желаемую эмоциональную реакцию. Российские и китайские рекламные тексты передают оценку одинаково: российская туристическая реклама создает положительный образ места с помощью оценочных, темпоральных и параметрических прилагательных с гиперболизированно мелиоративной семантикой: «*уникальный*», «*роскошный*», «*красивейший*», «*главный*», «*величественный*», «*древнейший*», «*старинный*», а в китайских текстах – через выражения «著名», «不可错过», «金碧辉煌», «美不胜收», «风光秀美» (*«знаменитый», «нельзя пропустить», «роскошный и великолепный», «невозможно налюбоваться красотой», «живописные пейзажи»)*. Значительная роль принадлежит метафорам, в которых культурные символы и образные модели создают яркий образ, связанный с богатством, уникальностью и волшебством – природы, архитектуры, истории.

2. Путешествие как форма познания и открытия мира. Рекламный текст предлагает «познание нового, возможно, чуждого или экзотического мира, его истории и чудес, но пока только на страницах журнала или интернета» [Гончарова, 2024: 109-110]. Е. Е. Меньшикова, анализируя образ-концепт Homo Viator в рекламном туристическом нарративе, показывает, что фигура путешественника в рекламе связана с ценностями движения, свободы, познания и личностного опыта [Меньшикова 2024: 3718]. Следовательно, рекламный текст предлагает определённый стиль жизни: быть свободным, активным, открытым новому и культурно обогащённым: «*За один день вы откроете для себя всю Кахетию — её историю, культуру и главные символы*». Здесь туристическая поездка строится как акт открытия, а сам турист предстает в образе HomoViator — человека пути, который движется, наблюдает, узнает, сравнивает и духовно обогащается. В китайских туристических текстах путешествие часто осмысляется не как

простое посещение достопримечательности, а как вход в особое культурное, историческое или воображаемое пространство. Особенно показательны такие выражения, как «穿越时空» (*перевод: «путешествие во времени»*), «身临其境» (*перевод: «оказаться внутри события»*), «天路» (*перевод:«небесная дорога»*). Например, в описании пекинских сыхэюаней говорится: «北京四合院参观是一次穿越时空的文化探索，带人走进这座古都的历史深处» *(перевод: «Посещение пекинского сихуэня — это культурное путешествие во времени, которое погружает посетителей в глубину истории этой древней столицы»)*. Здесь турист оказывается не внешним наблюдателем, а участником символического движения в прошлое.

3. **Путешествие как уникальная возможность**, которая появляется один раз в жизни, как шанс, предоставляемый не турагентством за определенную плату, но самой судьбой. Например, китайский текст с названием шоу для туристов «一生必看的演出» *(«Спектакль, который нужно увидеть хотя бы раз в жизни»)* фактически снимает вопрос «идти или не идти»: такое событие нельзя пропустить. Когда русский текст обращается к адресату вопросом «*Хотите увидеть все это великолепие своими глазами?*», он создает мягкое давление через запрограммированное согласие читателя. Реклама здесь действует довольно тонко: она не приказывает, а делает выбор эмоционально очевидным.

4. Путешествие как знакомство с национальными реликвиями. Туристическая реклама апеллирует к национальным реликвиям, превратившимся в символы стран и наций. Россия визуализируется через всемирно известные памятники архитектуры и объекты культурного наследия: Кремль, Красную площадь, Зимний дворец, православные святыни, музеи, резиденции правителей разных эпох. Китайская реклама чаще выводит на первый план древние города, сады, музеи, нематериальное наследие, семейно-историческую и цивилизационную преемственность. В обоих случаях рекламный текст работает как культурная визитная карточка, где различается только набор реликвий.

5. Путешествие как сентиментально-экзистенциальный ритуал. Она связана с пробуждением восхищения, ностальгии, умиротворения, гордости, иногда даже благоговения. В русскоязычных текстах особенно сильны смыслы духовности и памяти: *«символ духовного возрождения России», «главная святыня православной России», «место памяти»*. В китайских текстах эмоциональность чаще строится через эстетическое переживание: *«难忘的享受» («незабываемое наслаждение»)*, *«惊心动魄，摄人心魂» («захватывает дух и завораживает душу»)*, *«视觉盛宴，心灵震撼» («визуальное пиршество и душевное потрясение»)*, *«灵魂的洗礼»*

(«духовное очищение»). Иными словами, российская реклама чаще ведет адресата к переживанию судьбы и духа места, китайская — к переживанию гармонии и красоты.

Таким образом, анализ показывает, что российская и китайская туристическая реклама по-разному расставляют ценностные акценты, но используют сходные лингвокогнитивные механизмы воздействия. Рекламный текст передает культурную значимость путешествия, предлагает адресату привлекательный сценарий маршрута и формирует эмоционально насыщенный образ места.

Литература

Ван Юйчжи. Способы выражения некоммерческих ценностей в текстах национально-ориентированной рекламы Китая и России: дис. … канд. филол. наук. М., 2022.

Гончарова Л.М. Лингвокогнитивные уровни восприятия рекламных текстов (на материале рекламы сферы туризма) // Коммуникация - общество - человек: сборник научных трудов III Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием, Ярославль, 17–19 октября 2024 года. Ярославль: ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2024. С. 106-110.

Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Издательство ПАРАДИГМА, 2015.

Кислицына Н.Н., *Рак А.Н.* О некоторых аспектах изучения туристического дискурса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2(68). № 2. Ч. 1. С. 90-97.

Меньшикова Е.Е. Образ-концепт Homo Viator в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-kontsept-homo-viator-v-reklamnom-turisticheskom-narrative

Jing Chang, L.M. Goncharova *(Moscow, Russia)*
Pushkin State Russian Language Institute

LINGUO-AXIOLOGICAL FUNCTIONS OF RUSSIAN AND CHINESE TOURISM ADVERTISING

The article is interdisciplinary in nature and lies at the intersection of cognitive linguistics, linguistic axiology, marketing linguistics, and functional semantics. The article examines the cognitive mechanisms through which linguistic means exert influence in tourist advertising in Russia and China. The analysis shows that advertising texts not only

provide information about tourist attractions but also construct a value-laden image of a country or region. Differences between advertising texts in the Russian and Chinese tourism industries are identified. Based on the conducted analysis of empirical material, the study concludes that, despite differences in national and cultural content, the linguoaxiological mechanisms of influence in the advertising traditions of both countries are largely similar.

Key words: linguistic axiology, cognitive mechanisms of influence, linguistic means of influence, advertising texts in the field of tourism, values, Russian tourism advertising, Chinese tourism advertising.

Научное издание 16+

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (69)

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Компьютерная верстка *В.А Ерофеева*

Подписано в печать 22.10.2026 г. Дата выхода в свет 12.11.2026 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 28,72. Тираж 500 экз. Заказ 26178. Цена свободная.

Учредитель:
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г